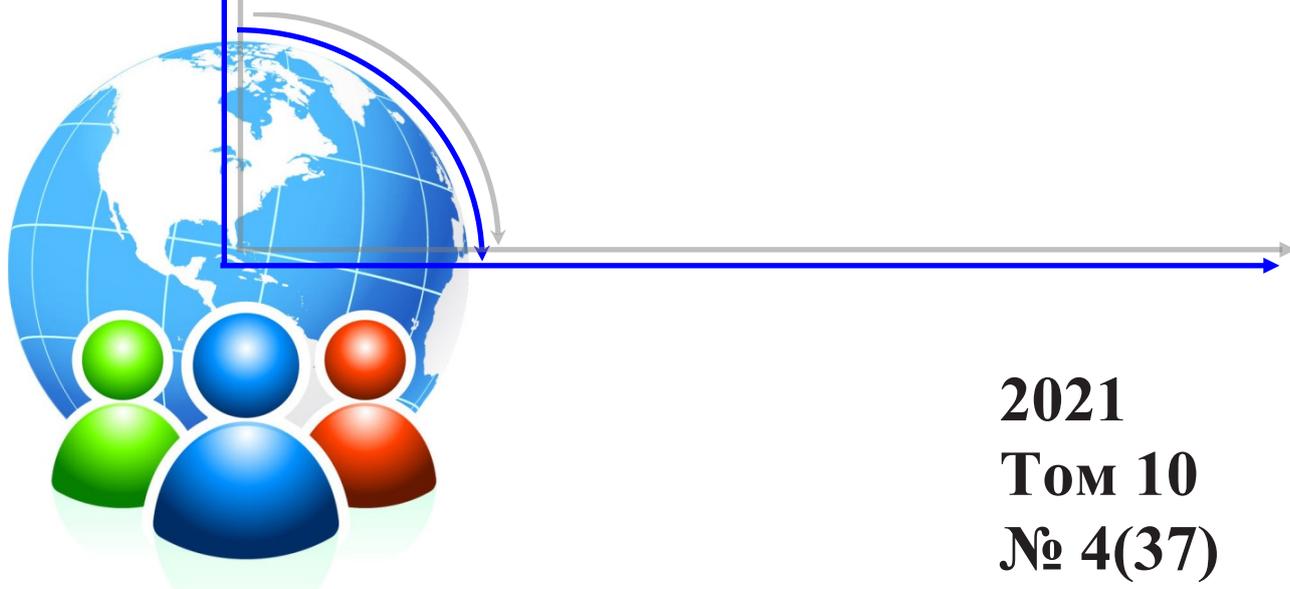

16+

ISSN print: 2311-0066
ISSN online: 2712-9780

Балтийский гуманитарный журнал

2021
Том 10
№ 4(37)

БАЛТИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 10
№ 4 (37)
2021

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Ассоциация «Профессиональные аналитики аутопойэйзисных систем»

Главный редактор

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, доцент

Заместители главного редактора:

Аббасова Кызылгюль Ясин кызы, доктор философских наук, профессор
Ахаев Андрей Васильевич, доктор педагогических наук, профессор
Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор
Зографа Иоланда Костадинова, доктор, профессор
Кондаурова Инесса Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент
Красич Даниэла Костадинович, доктор, профессор
Майжик-Микула Джоанна, доктор педагогических наук, профессор
Мерлина Надежда Ивановна, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор
Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент
Тарантей Виктор Петрович, доктор педагогических наук, профессор
Ханджани Лейла, кандидат филологических наук, ассистент профессора
Шарипов Фаридун Файзуллаевич, доктор педагогических наук
Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Абдуразаков Магомед Мусаевич, доктор педагогических наук, доцент
Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор
Айвазян Эдвард Ишханович, доктор педагогических наук, доцент
Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор
Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Бочегова Наталья Николаевна, доктор филологических наук
Васьковская Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор
Вотчель Нелли Рашидовна, кандидат юридических наук, доцент
Вукашинович Емина Копас, доктор, профессор педагогики
Гаджалова-Левтерова Дора Стойлова, доктор педагогических наук, профессор
Голуб Нина Борисовна, доктор педагогических наук, профессор
Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор
Иванов Георгий Петков, доктор педагогических наук, профессор
Иванова Ольга Святославовна, кандидат юридических наук, доцент
Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор
Исламгулова Светлана Константиновна, доктор педагогических наук, доцент
Клёмин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Клинов Георгий Тодоров, PhD, главный ассистент
Коноваленко Ольга Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент
Коробко Ксения Игоревна, кандидат юридических наук, доцент
Любашин Валентин Яковлевич, доктор юридических наук, профессор
Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент
Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Насырова Эльмира Фанилевна, доктор педагогических наук, доцент
Плахова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент
Побирченко Наталья Семеновна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Равен Джон, доктор философии в области психологии, профессор
Сушенко Лариса Александровна, доктор педагогических наук, доцент
Тагарева Кирилка Симеонова, кандидат психологических наук, доцент
Топузов Олег Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, директор
Филатова Оксана Степановна, доктор филологических наук, профессор
Христова Антоанета Русинова, PhD, профессор
Цышаркина Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент
Юсупов Тимур Зиярякович, кандидат юридических наук, доцент
Якунин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор

Входит в ПЕРЕЧЕНЬ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77 - 76180 от 08.07.2019 г.

Подписной индекс: 80429
(подписной каталог «Газеты.
Журналы» Агентство
«РОСПЕЧАТЬ»)

Компьютерная верстка:
Д.А. Полторецкий
Технический редактор:
Г.А. Шмелева

Адрес редакции: 236040, Россия,
г. Калининград,
ул.Литовский Вал, д.38, офис 209
Адрес редколлегии, учредителя
и издателя Ассоциация
«Профессиональные аналитики
аутопойэйзисных систем»:
445037, Российская Федерация,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Юбилейная, 40, офис 1901
Тел.: 8(846)205-06-19
E-mail: BalticGZ@yandex.ru
Сайт: <https://bg-mag.ru/>

Подписано в печать 28.11.2021
Выход в свет 30.11.2021
Формат 60x84 1/8
Печать оперативная
Усл. п. л. 51,62
Тираж 50 экз. Заказ 4-30-11

INFORMATION ABOUT THE MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Korostelev Alexander Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Informatics, Applied Mathematics and Methods of Their Teaching (Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia)

Deputy Chief Editors:

Abbasova Kyzylgul Yasin kyzy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Psychology (Baku State University, Baku, Azerbaijan)

Ahaev Andrey Vasilievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Center for International Partnership, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Bakalova Zinaida Nikolaevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of «Russian Language, Culture of Speech and Teaching Methods» (Volga State Socio-Humanitarian Academy, Samara, Russia)

Zografova Yolanda Kostadinova, PhD, Professor, department „Psychology”, section leader «Social, Occupational and Organizational Psychology», Director of Institute (Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute for Population and Human Research, Sofia, Bulgaria)

Kondaurova Inessa Konstantinovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of chair of mathematics and methods of teaching (Saratov State University, Saratov, Russia)

Krasich Daniela Kostadinovic, PhD, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Education (University of Belgrade, Belgrade, Serbia)

Mayzhzhik-Mikula Joanna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Jan Kokhanowski University, Kielce, Poland)

Merlina Nadezhda Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Professor of the Department of Discrete Mathematics and Informatics

(Chuvash State University, Cheboksary, Russia)

Osadchenko Inna Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Uman State Pedagogical University, Uman, Ukraine)

Tarantei Victor Petrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Grodno State University, Grodno, Belarus)

Khanjani Leila, candidate of philological sciences, assistant professor of the Russian language department

(Gilan University, Rasht, Iran)

Sharipov Faridun Fayzullayevich, Doctor of Pedagogical Sciences, the Head of Pedagogic Chair

(Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan)

Yunusov Akhat Akhnafovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department «Criminal Law and Procedure»

(Kazan Innovation University, Kazan, Russia)

Editorial team:

Abdurazakov Magomed Musaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Laboratory Informatics of Didactics of Institute of Content and Methods of Teaching of the Russian Academy of Education

(Institute of Content and Methods of Teaching of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia)

Abramovskikh Elena Valerievna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of «Russian, Foreign Literature and Teaching Methods»

(Volga State Socio-Humanitarian Academy, Samara, Russia)

Ayvazyan Edward Ishhanovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department «General Mathematics», Chief Specialist of the «Natural and Mathematical Subjects» Department of the National Institute of Education, Ministry of Education and Science of the Republic Armenia

(Yerevan State University, Yerevan, Armenia)

Alexandrova Ekaterina Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department «Methodology of education»

(Saratov State University, Saratov, Russia)

Borodina Zhanna Nikolaevna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of «Civil and business law»

(Kazan Innovation University, Kazan, Russia)

Bochegova Natalia Nikolaevna, Doctor of Philological Sciences, Dean of the Faculty of Philology

(Kurgan State University, Kurgan, Russia)

Vaskovskaya Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Laboratory «Didactics»

(Institute of Pedagogy of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine)

Votchel Nelly Rashidovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department «Criminal Law and Procedure»

(Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia)

Vukasinovick Emina Kopas, PhD, Professor of Pedagogy, Deputy Dean of Research and Publishing

(University of Kragujevac, Yagodina, Serbia)

Gadjalova-Levterova Dora Stoilova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Plovdiv, Bulgaria)

Golub Nina Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Laboratory «Training Ukrainian language»

(Institute of Education National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine)

Danyluk Oksana Klimovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Department «Philology and Methods of Primary Education»

(Eastern National University, Lutsk, Ukraine)

Zhatkin Dmitry Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Translation and Translation Studies

(Penza State Technological University, Penza, Russia)

Ivanov Georgy Petkov, doctor of pedagogical sciences, professor, Head of Quality and Accreditation Department

(Thracian University, Stara Zagora, Bulgaria)

Ivanova Olga Svyatoslavovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair «Theory of State and Law and the Basics of Law»

(Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia)

Ivanyan Elena Pavlovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department « Russian Language, Culture of Speech and Teaching Methods»

(Volga State Socio-Humanitarian Academy, Samara, Russia)

Islamgulova Svetlana Konstantinovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pro-rector for Science and Accreditation

(University of Turan, Almaty, Kazakhstan)

Klëmin Andrey Vladimirovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department «International and European law»

(Kazan Innovation University, Kazan, Russia)

Klinkov Georgi Todorov, PhD, Principal Assistant

(Paisius Hilendarsky University, Plovdiv, Bulgaria)

Konovalevko Olga Leonidovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Law

(Amur Sholom Aleichem State University, Birobidzhan, Russia)

Korobko Ksenia Igorevna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Civil Law and Process»

(Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia)

Lyubashits Valentin Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law

(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Mamychev Aleksey Yurievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Theory and History of Russian and Foreign Law»

(Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia)

Mordovtsev Andrei Yurievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department «Theory and History of Russian and Foreign Law»

(All-Russian State University of Justice, Rostov, Russia)

Nasyrova Elmira Familevna, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of theory and methodology of professional education

(Surgut State University, Surgut, Russia)

Plakhova Olga Aleksandrovna, Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor, Associate Professor of the Department «Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures»

(Togliatti State University, Togliatti, Russia)

Pobirchenko Natalya Semenovna, Corresponding Member of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Local History Center

(National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Uman, Ukraine)

Raven John, PhD in Psychology, Professor

(Scottish Council for Research in Education, Edinburgh, Scotland)

Sushchenko Larisa Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department «School Management and Pedagogy of Higher Education»

(Classic Private University, Zaporozhye, Ukraine)

Tagareva Kirilka Simeonova, Doctor of Psychological Sciences, Professor

(University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria)

Topuzov Oleg Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of Institute of Pedagogy of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine

(Institute of Pedagogy of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine)

Filatova Oksana Stepanovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department «Ukrainian Literature»

(Nikolaev National University, Nikolaev, Ukraine)

Hristova Antoaneta Rusinova, PhD, Professor, section leader „Psychology”

(Bulgarian Academy of Sciences (BAS), Institute for Population and Human Research, Sofia, Bulgaria)

Tsytarkina Natalia Nikolaevna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of English Philology

(Kurgan State University, Kurgan, Russia)

Yusupov Timur Ziryakovich, Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor, Associate Professor of the Department «Theory of State and Law and Public and Law Courses»

(Kazan Innovation University, Kazan, Russia)

Yakumin Vadim Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and Innovation

(Volga Region State University of Service, Togliatti, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

педагогические науки

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ПОДРОБНОГО ИЛИ БЛИЗКОГО К ТЕКСТУ ПЕРЕСКАЗА АЙВАЗЯН Оксана Оганесовна.....	13
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГАЛИАКБЕРОВА Альфиноур Азатовна, МУХАМЕТШИН Азат Габдулхакович, АСРАТЯН Норайр Мартинович.....	17
ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРЕХМЕРНЫХ АНАТОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НА ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДХОДА ОБЗОРНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА БОРОДИНА Карина Михайловна, ЕРШОВА Елизавета Сергеевна.....	22
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ЦЕЛЬЮ СОБСТВЕННОГО ПРОДВИЖЕНИЯ И ПРОПАГАНДЫ ЗДОРОВЬЯ В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ БОРОДИНА Карина Михайловна.....	25
АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ КУРСА «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» БУТОВА Анна Владимировна, КИСЕЛЬ Олеся Владимировна, ДУБСКИХ Ангелина Ивановна.....	28
ИНТЕГРАТИВНО-РЕКОМБИНАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ВАНЯГИНА Марина Романовна.....	32
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА В ПРОФИЛАКТИКЕ БУЛЛИНГА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ВОЛЧЕГОРСКАЯ Евгения Юрьевна, ЖУКОВА Марина Владимировна.....	37
ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ГАЛЯНТ Ирина Геннадьевна, БЕХТЕРЕВА Елена Николаевна, ЕВТУШЕНКО Ирина Николаевна, БУТЕНКО Наталья Валентиновна.....	41
ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ НА ОСНОВЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА ГРИБОВА Наталья Сергеевна.....	46
МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ДАНИЛОВ Александр Александрович.....	50
ОБУЧЕНИЕ УСТНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕМЬЯНОВА Жанна Викторовна.....	54
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ ДЗЮБЕНКО Анна Игоревна, СКОМОРОХ Алена Сергеевна.....	58
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВОЕННЫХ ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЗЮБЕНКО Анна Игоревна, СОКОЛЯН Валерия Валерьевна.....	62
МОДЕЛЬ «ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС» КАК ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДУБСКИХ Ангелина Ивановна, ЗАЛАВИНА Татьяна Юрьевна.....	66
ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДУДА Ирина Викторовна, ДУДАРЕВА Любовь Александровна.....	70
РОЛЬ ОТЦА И МАТЕРИ В СТАНОВЛЕНИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВТУШЕНКО Ирина Николаевна, ИВАНОВА Ирина Юрьевна, АРТЕМЕНКО Борис Александрович, БЫСТРАЙ Елена Борисовна, ТЕРЕЩЕНКО Марина Николаевна.....	73
ИЗУЧЕНИЕ ПОНИМАНИЯ СТУДЕНТАМИ КЛИНИЧЕСКИХ НАВЫКОВ, ПУТЕМ ВНЕДРЕНИЯ ПРОГРАММЫ СТРУКТУРИРОВАННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ ЕРШОВА Елизавета Сергеевна.....	78
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ-ДИЗАЙНЕРОВ КОСТЮМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОДХОДА К ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИЮ ЗАЙЦЕВА Татьяна Александровна, КОРОЛЕВА Людмила Анатольевна, СЛЕСАРЧУК Ирина Анатольевна.....	81
ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТА И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ ИВАНОВА Наталья Геннадьевна, ПОРУБАЙКО Людмила Николаевна, КОВТУН Римма Ивановна.....	86

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ИВАНОВА Ирина Юрьевна, ТЕРЕЩЕНКО Марина Николаевна, АРТЕМЕНКО Борис Александрович, ЕВТУШЕНКО Ирина Николаевна, ЧЕЛПАНОВА Елена Владимировна.....	89
КОННЕКТИВИЗМ – ОБУЧЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ ИТИНСОН Кристина Сергеевна.....	96
ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ, ПРАВИЛА, СТРАТЕГИЯ ИТИНСОН Кристина Сергеевна, ЧИРКОВА Вера Михайловна.....	99
ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ) КИСЕЛЬ Олеся Владимировна, ДУБСКИХ Ангелина Ивановна, БУТОВА Анна Владимировна.....	103
ПОДХОДЫ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ПОРУБАЙКО Людмила Николаевна, КОВТУН Римма Ивановна, ЛУЧНИНИНА Инна Геннадьевна, УРАЗОВ Игорь Ярославович.....	106
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ КОВЫНЕВА Ирина Анатольевна, ПЕТРОВА Наталья Эдуардовна.....	109
СОЗДАНИЕ УНИКАЛЬНЫХ УСЛУГ ПРИ ОБСЛУЖИВАНИИ НА БОРТУ ВОЗДУШНОГО СУДНА КОЧЕТКОВА Ирина Степановна, ГАЗИБАР Яна Валерьевна.....	113
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ» КУЛИКОВА Виктория Викторовна.....	117
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ УЧЕБНОГО СТРЕССА И УЧЕБНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ЛИЛЬЕБЕРГ Ребекка Эриковна.....	121
МОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЕГМЕНТА НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЛИХАЧЕВА Ольга Николаевна, ТЫМЧУК Елена Викторовна, ЗЫЗА Валерий Павлович, БУГАЕЦ Иван Алексеевич, ВЕЛИЧКО Евгений Иванович, КОРОЛЕВА Юлия Викторовна.....	128
МОДЕЛИРОВАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА ЛИХАЧЕВА Ольга Николаевна, ШИЛОВИЧ Олег Борисович, ТЫМЧУК Елена Викторовна, ИЛЬИНА Татьяна Владимировна, ПУПКОВА Юлия Валентиновна, БУГАЕЦ Иван Алексеевич.....	133
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА МАКАРОВА Вера Николаевна, РЕЧИЦКАЯ Юлия Сергеевна.....	137
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ДОВЕРИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ДЛЯ РАБОТЫ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ МАТУШАК Алла Федоровна, ПАВЛОВА Ольга Юрьевна, ЗЫРЯНОВА Александра Владимировна, УЛЬЯНОВА Вера Геннадьевна, АЛЕХИНА Надежда Викторовна, АХКАМОВА Юлия Абдулловна.....	141
ЭККУРСИЯ КАК ФОРМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МИХАЙЛЕНКО Яна Владимировна, КОНОНОВ Артем Юрьевич.....	146
ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ МУХАМЕТШИНА Ольга Викторовна, КАЛУГИНА Елизавета Владимировна, КУСАРБАЕВ Ринат Ишмухаметович, МАТУШАК Алла Федоровна.....	150
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ ХРИСТИАНОВА Наталья Валерьевна, ПОВОРОВА Екатерина Витальевна.....	153
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ СКЛЯР Елена Станиславовна.....	158
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ДВИЖЕНИЙ В ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ ШЕСТОГО ГОДА ЖИЗНИ ШИНКАРЁВА Надежда Алексеевна, ТАРХАНОВА Виктория Сергеевна.....	161
ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ ТАТАРИНОВ Константин Анатольевич.....	165

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ В ОБУЧЕНИИ НЕОТЛОЖНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНОГО КУРСА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТИШКОВ Денис Сергеевич.....	169
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ТКАЧЕНКО Павел Владимирович, БЕЛОУСОВА Надежда Игоревна, ПЕТРОВА Елена Владимировна.....	172
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ О БУДУЩЕМ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ТУЧИНА Оксана Роальдовна, БАФАНОВА Валентина Евгеньевна, ЧЕМУЛОВА Алена Валерьевна.....	175
ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКОВ: ДИАГНОСТИКА И ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦАРЕВА Наталья Александровна.....	178
БАКАЛАВРИАТА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ ШВАЙКИНА Нина Сергеевна, ОПАРИНА Ксения Сергеевна.....	182
СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБУЧЕНИЕМ MOODLE И GOOGLECLASSROOM В ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ШУРЫГИН Виктор Юрьевич, КРАСНОВА Любовь Алексеевна.....	185
СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ VIM-ТЕХНОЛОГИЙ АХМЕТЖАНОВА Галина Васильевна, ЕМЕЛЬЯНОВА Татьяна Витальевна, ЮРЬЕВ Алексей Владимирович.....	190
<i>филологические науки - языкознание</i>	
НОВОГОДНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АБРАМОВА Елена Константиновна.....	195
ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ У ТУРЕЦКИХ ТУРКМЕНОВ АБДУЛЛАЕВА Мехрибан Алиабас гызы.....	201
ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ А.МЁРДОК «ЗАМОК НА ПЕСКЕ» АСАДЗАДЕ Расима Фархад гызы.....	204
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТОСФЕРА» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ БАБИЯН Тамара Вартересовна.....	210
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖАНРА ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВА БЫЛИНА Елена Эдуардовна.....	215
ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ НА ТУРЕЦКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ В XIV-XVI ВЕКАХ ГАСАНЛЫ-ГАРИБОВА Шабнам.....	221
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СМЕНЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БРЕНДА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ ГЛУХОВА Ольга Владимировна, ГОРБАНЬ Алина Олеговна.....	226
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЕДИНИЦАХ ПАРЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГРИЧЕНКО Людмила Владимировна.....	232
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ НОСТАЛЬГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА» И ЕГО АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ДАЙНЕКО Марина Вадимовна.....	237
РЕАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧИМОСТНОГО КОМПОНЕНТА ЛИНГВОКОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФАНФИКШН) ДЕМИЧЕВА Юлия Владимировна.....	243
РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЗЕЙТОВА Хаифа Берснатовна, ТАМБИЕВА Фатима Аубекировна, ЮСУПОВА Светлана Сайд-Алиевна.....	247
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СВОБОДЫ В СТИХОТВОРЕНИИ ДЖ. Г. БАЙРОНА «СОНЕТ К ШИЛЬОНУ» ДИЛЬ Анна Викторовна, КУРАЛЕВА Татьяна Владимировна.....	251
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДОВГЕР Оксана Павловна.....	255
МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ ДУБСКИХ Ангелина Ивановна, КИСЕЛЬ Олеся Владимировна, БУТОВА Анна Владимировна.....	260

О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ИНВАРИАНТНОГО И ВАРИАНТНОГО ЗНАЧЕНИЙ ПРИЧАСТИЯ II В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ИВАНОВА Елена Николаевна, АНТОНОВА Надежда Александровна.....	264
АФАД КУРБАНОВ И ОБЩЕТЮРКСКИЙ АЛФАВИТ ИМАНКУЛИЕВА Мехри Тофик кызы.....	268
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖОНА СТРЕЛЕКИ «THE WHY SAFE») ИНОЗЕМЦЕВА Надежда Владимировна, ЦИБАРТ Полина Александровна.....	271
МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ КАТЕРМИНА Вероника Викторовна, ЛИПИРИДИ София Христофоровна.....	274
СТРАТЕГИЯ ИНФОРМИРОВАНИЯ КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕРСУАЗИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЖАНРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПИТЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ШОУ DRAGON'S DEN И SHARK TANK) КРАСИЛЬНИКОВА Надежда Валентиновна, КУЗЬМИНЫХ Жанна Олеговна.....	279
ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДА КУШНИНА Людмила Вениаминовна, АЛИКИНА Елена Вадимовна.....	285
СОПРЯЖЕНИЯ МЕЖДУ «Я» РАССКАЗЧИКА И КАТЕГОРИЕЙ ПРОСТРАНСТВА В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ ЛАРИНА Татьяна Юрьевна, КУДРЯШОВ Игорь Александрович.....	290
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА И ОБЪЕКТА ССЫЛКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ГИПЕРТЕКСТЕ МИНЕЕВА Мария Владимировна.....	294
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ МОИСЕЕВА Ирина Юрьевна, СТЕНАДЮК Галина Сергеевна.....	297
К ВОПРОСУ ЗНАЧЕНИЯ И СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ЧАСТИЦЫ «НЕ» НАЗАРИ Фатеме Тораб.....	302
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ) ОВСИЕНКО Татьяна Владимировна, ФЕСЕНКО Ольга Николаевна.....	305
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «DEADWOOD») ПАВЛОВА Анна Владимировна, ХЛЫНОВ Владислав Николаевич.....	310
МЕДИАОБРАЗ «COVID-19» В ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПАК Леонид Евгеньевич.....	313
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПОНЯТИЕ ПОРЕЧНАЯ Виктория Игоревна.....	317
ЭМОТИВНЫЕ ФОРМУЛЫ ПОЗДРАВЛЕНИЯ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ПУТИЛИНА Людмила Васильевна, АГАРКОВА Ольга Анатольевна.....	322
ТРЭВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РУБЦОВА Елена Викторовна, ДЕВДАРИАНИ Наталья Валерьевна.....	326
МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНИКИ СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА В ПРЕССЕ РУБЦОВА Елена Викторовна, ДЕВДАРИАНИ Наталья Валерьевна.....	332
СПОСОБЫ СОКРАЩЕНИЙ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ЭЛЕКТРОНИКИ СЛЕПНЕВА Марина Анатольевна, ПЕТРОВА Ирина Виталиевна.....	337
СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРОТИВОСТОЯНИЕ» В КИНОТЕКСТЕ «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН»: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛЕСОВА Екатерина Алексеевна.....	341
ФУНКЦИИ АНГЛИЦИЗМОВ В ИТАЛЬЯНСКИХ МЕДИА-ТЕКСТАХ СОКОЛОВА Алла Германовна.....	346
<i>юридические науки</i>	
ПРОБЛЕМЫ «ДВОЙНОЙ ПРОДАЖИ» ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ АЛЕКСЕЕВ Александр Аркадьевич.....	351
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ КАМЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ ПОНОМАРЕВ Олег Владимирович, БУЛИМА Антон Романович, РАШИДОВ Ахмед Вугарович.....	355

ПРОБЛЕМЫ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО» ВОРОБЬЁВА Ольга Александровна, ПАРХАНДЕЕВ Максим Олегович.....	359
ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ФИНАНСОВО-БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ СИНГАПУРА ГОРЯН Элла Владимировна.....	362
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЕЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИВАНОВА Марина Александровна.....	367
ВВЕДЕНИЕ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич, ТРУШКОВ Иван Игоревич.....	371
ТИП, МЕТОДЫ И СПОСОБЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ ЛУЦЕНКО Виктор Викторович.....	375
ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ ПШЕНИЧНИКОВА Наталия Александровна.....	379
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СОДЕРЖАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В КУЛЬТУРНО-ЗРЕЛИЩНЫХ ЦЕЛЯХ РАТНИКОВА Василиса Игоревна, СТРЕЛЬНИКОВА Наталья Викторовна, СТРЕЛЬНИКОВ Игорь Анатольевич, ДЕМЧЕНКО Юлия Евгеньевна.....	382
К ВОПРОСУ ОБ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД САДЬКОВА Люция Билусовна, НОСАНЕНКО Галина Юрьевна, ГАВРИЛЮК Руслан Владимирович.....	387
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ЛОКАЛЬНО-ВЕДОМСТВЕННЫХ АКТАХ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТЕМУРЗИЕВ Магомед Назирович.....	390
ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ ЧЕСНОКОВА Юлия Вячеславовна.....	394
Условия размещения материалов.....	398

CONTENT

pedagogical sciences

THEORY AND METHODS OF DEVELOPING CONNECTED ORAL RUSSIAN SPEECH IN THE CONDITIONS OF SOCIO-COMMUNICATIVE REALITY ON THE MATERIAL OF DETAILED OR CLOSE TO THE TEXT RETELLING AYVAZYAN Oksana Ogenesovna.....	13
INTERCULTURAL DIALOGUE: METHODOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH GALIAKBEROVA Alfinur Azatovna, MUKHAMETSHIN Azat Gabdulhakovich, ASRATYAN Norair Martinovich.....	17
EVALUATION OF THE IMPACT OF THE USE OF THREE-DIMENSIONAL ANATOMICAL MODELS ON THE TRAINING OF STUDENTS USING THE APPROACH OF A REVIEW THEORETICAL BORODINA Karina Mikhailovna, YERSHOVA Elizaveta Sergeevna.....	22
THE USE OF SOCIAL NETWORKS FOR THE PURPOSE OF THEIR OWN PROMOTION AND PROMOTION OF HEALTH IN MEDICAL EDUCATION BORODINA Karina Mikhailovna.....	25
“ENGLISH IN PROFESSIONAL ACTIVITY” COURSE DESIGN: SOME ASPECTS BUTOVA Anna Vladimirovna, KISEL Olesya Vladimirovna, DUBSKIKH Angelina Ivanovna.....	28
INTEGRATIVE RECOMBINATIONAL APPROACH TO FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN HIGHER EDUCATION VANYAGINA Marina Romanovna.....	32
USING THE POTENTIAL OF THE CHILDREN’S COLLECTIVE IN THE PREVENTION OF BULLYING IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN VOLCHEGORSKAYA Evgenia Yuryevna, ZHUKOVA Marina Vladimirovna.....	37
PREPARATION OF PRESCHOOL EDUCATION SPECIALISTS FOR THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL VALUES IN PRESCHOOL CHILDREN GALYANT Irina Gennadyevna, BEKHTEREVA Elena Nikolaevna, EVTUSHENKO Irina Nikolaevna, BUTENKO Natalia Valentinovna.....	41
BASIC THEORETICAL STATUTES ENSURING THE EFFICIENCY OF FUTURE DOCTORS’ PROFESSIONAL TRAINING ON THE BASIS OF CIVILIZATION APPROACH IMPLEMENTATION GRIBOVA Natalya Sergeevna.....	46
METHODS OF DIAGNOSTICS OF INFORMATION AND METHODOLOGICAL COMPETENCE OF TEACHERS DANILOV Alexander Alexandrovich.....	50
TEACHING ORAL PRESENTATION IN A FOREIGN LANGUAGE AT DIFFERENT LEVELS OF HIGHER EDUCATION DEMYANOVA Zhanna Victorovna.....	54
MODERN METHODS AND TECHNIQUES OF NEGOTIATING THE LINGUISTIC DIFFICULTIES WHEN ACQUIRING A NEW LANGUAGE LEVEL DZYUBENKO Anna Igorevna, SKOMOROKH Alena Sergeevna.....	58
THE PECULIARITIES OF FORMING LINGUISTIC COMPETENCE WHILE INSTRUCTING ENGLISH AT MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS DZYUBENKO Anna Igorevna, SOKOLYAN Valeria Valeryevna.....	62
THE “FLIPPED CLASSROOM” MODEL AS A DIGITAL EDUCATIONAL TOOL IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES DUBSKIKH Angelina Ivanovna, ZALAVINA Tatyana Yurievna.....	66
PECULIARITIES OF MORAL VALUES OF TEENAGERS IN THE CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION DUDA Irina Viktorovna, DUDAREVA Lyubov Alexandrovna.....	70
THE ROLE OF THE FATHER AND THE MOTHER IN THE FORMATION OF THE CHILD’S GENDER IDENTITY EVTUSHENKO Irina Nikolaevna, IVANOVA Irina Yuryevna, ARTEMENKO Boris Alexandrovich, BYSTRAY Elena Borisovna, TERESHCHENKO Marina Nikolaevna.....	73
LEARNING STUDENTS’ UNDERSTANDING OF CLINICAL SKILLS BY IMPLEMENTING A STRUCTURED PRACTICAL ANATOMY PROGRAM YERSHOVA Elizaveta Sergeevna.....	78
IMPROVING THE PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELOR-COSTUME DESIGNERS IN MODERN REALITIES ZAYTSEVA Tatyana Aleksandrovna, KOROLEVA Liudmila Anatolyevna, SLESARCHUK Irina Anatolyevna.....	81
HEALTHY STUDENT LIFESTYLE AND ITS COMPONENTS DURING STUDYING AT THE UNIVERSITY IVANOVA Natalya Gennadyevna, PORUBAYKO Lyudmila Nikolaevna, KOVTURN Rimma Ivanovna.....	86

PROVISION OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR EMOTIONAL WELL-BEING OF MIDDLE PRESCHOOL CHILDREN IVANOVA Irina Yuryevna, TERESHCHENKO Marina Nikolaevna, ARTEMENKO Boris Aleksandrovich, EVTUSHENKO Irina Nikolaevna, CHELPANOVA Elena Vladimirovna.....	89
CONNECTIVISM - TEACHING IN THE DIGITAL AGE ITINSON Kristina Sergeevna.....	96
CYBERSECURITY IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: AWARENESS, RULES, STRATEGY ITINSON Kristina Sergeevna, CHIRKOVA Vera Michailovna.....	99
PROBLEMS OF DISTANCE EDUCATION (THE ATTITUDE OF STUDENTS AND TEACHERS) KISEL Olesya Vladimirovna, DUBSKIKH Angelina Ivanovna, BUTOVA Anna Vladimirovna.....	103
APPROACHES AND EVALUATION OF THE EFFICIENCY OF DISTANCE LEARNING IN EXTREME CONDITIONS PORUBAYKO Lyudmila Nikolaevna, KOVTUN Rimma Ivanovna, LUCHININA Inna Gennadievna, URAZOV Igor Yaroslavovich.....	106
SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA KOVYNEVA Irina Anatolyevna, PETROVA Natalia Eduardovna.....	109
CREATION OF UNIQUE IN-FLIGHT SERVICES ON THE AIRCRAFT KOCHETKOVA Irina Stepanovna, GAZIBAR Yana Valerevna.....	113
EXPERIENCE OF APPLICATION OF PRACTICE-ORIENTED TRAINING IN STUDYING THE DISCIPLINE “BASICS OF LIFE SAFETY” KULIKOVA Victoriya Viktorovna.....	117
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS OF THE FACTORS OF INTERACTION OF EDUCATIONAL STRESS AND EDUCATIONAL EFFICIENCY OF STUDENTS IN THE CONDITIONS OF DISTANCE LEARNING LILJEBERG Rebecca Erikovna.....	121
MODERN HIGH SCHOOL EDUCATIONAL SEGMENT MODELING ON THE EXAMPLE OF A TECHNICAL UNIVERSITY LIKHACHEVA Olga Nikolaevna, TYMCHUK Elena Viktorovna, ZYZA Valerii Pavlovich, BUGAETS Ivan Alexeevich, VELICHKO Evgenii Ivanovich, KOROLEVA Yuliya Viktorovna.....	128
INDEPENDENT STUDENT’S WORK MODELING IN THE CONTEXT OF A MODERN UNIVERSITY LIKHACHEVA Olga Nikolaevna, SHILOVICH Oleg Borisovich, TYMCHUK Elena Viktorovna, ILYINA Tatyana Vladimirovna, PUPKOVA Yuliya Valentinovna, BUGAETS Ivan Alexeevich.....	133
SPECIALTY OF ECOLOGICAL CULTURE FORMATION IN YOUNG SCHOOL STUDENTS MAKAROVA Vera Nikolaevna, RECHITSKAYA Yuliya Sergeevna.....	137
PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR DEVELOPING FUTURE TEACHERS’ CULTURE OF TRUST FOR WORK IN A SCHOOL POLYETHIC ENVIRONMENT MATUSZAK Alla Fedorovna, PAVLOVA Olga Yuryevna, ZYRYANOVA Aleksandra Vladimirovna, ULYANOVA Vera Gennadyevna, ALEKHINA Nadezhda Viktorova, AKHKAMOVA Yulia Abdullovna.....	141
EXCURSION AS A FORM OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF VSUES) MIHAYLENKO Yana Vladimirovna, KONONOV Artyom Yrievich.....	146
POLYCULTURAL APPROACH TO TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT HIGHER EDUCATION INSTITUTION MUKHAMETSHINA Olga Viktorovna, KALUGINA Elizaveta Vladimirovna, KUSARBAEV Rinat Ishmuhametovich, MATUSZAK Alla Fedorovna.....	150
FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF WRITTEN COMMUNICATIVE COMPETENCE IN ENGLISH LESSONS IN HIGH SCHOOL KHRISTIANOVA Natalya Valeryevna, POVOROVA Ekaterina Vitalievna.....	153
THE USE OF INTERNET MEMES IN THE PROCESS OF FORMING THE LANGUAGE COMPETENCE OF STUDENTS ON THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE SKLYAR Elena Stanislavovna.....	158
ORGANIZATIONAL-PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF MOVEMENT EXPRESSIVE IN DANCING ACTIVITIES IN CHILDREN OF THE SIXTH YEAR OF LIFE SHINKAREVA Nadezhda Alekseevna, TARKHANOVA Viktoriya Sergeevna.....	161
E-LEARNING EVOLUTION: PAST, PRESENT, FUTURE TATARINOV Konstantin Anatolyevich.....	165

PRAGMALINGUISTIC ASSESSMENT OF LEADERSHIP SKILLS IN TEACHING EMERGENCY MEDICAL CARE TO GRADUATE STUDENTS OF THE FACULTY OF DENTISTRY TISHKOV Denis Sergeevich.....	169
TYPOLGICAL FEATURES OF A HIGH SCHOOL TEACHER TKACHENKO Pavel Vladimirovich, BELOUSOVA Nadezhda Igorevna, PETROVA Elena Vladimirovna.....	172
YOUNG PEOPLE’S VISION OF THE FUTURE IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY: RESEARCH OPPORTUNITIES AND PROSPECTS TUCHINA Oksana Roaldovna, BAFANOVA Valentina Evgenievna, CHEMULOVA Alena Valerievna.....	175
DIGITAL COMPETENCE OF EMPLOYEES: DIAGNOSTICS AND FORMATION TOOLS TSAREVA Natalia Aleksandrovna.....	178
MEANS OF GAMIFICATION IN TEACHING ENGLISH FOR BACHELOR STUDENTS IN TECHNICAL UNIVERSITY SHVAIKINA Nina Sergeevna, OPARINA Kseniya Sergeevna.....	182
MOODLE AND GOOGLECLASSROOM LEARNING MANAGEMENT SYSTEMS IN UNIVERSITY EDUCATION SHURYGIN Viktor Yurjevich, KRASNOVA Lyubov Alekseevna.....	185
REDUCING THE LEVEL OF SUBJECTIVE UNCERTAINTY OF FUTURE SPECIALISTS IN THE CONSTRUCTION SECTOR THROUGH THE USE OF BIM TECHNOLOGIES AKHMETZHANOVA Galina Vasilyevna, EMELYANOVA Tatiana Vitalievna, YURYEV Alexey Vladimirovich.....	190
<i>philological sciences - linguistics</i>	
EMMANUEL MACRON’S NEW YEAR SPEECHES: COMPARATIVE ANALYSIS ABRAMOVA Elena Konstantinovna.....	195
FEATURES OF ONOMASTIC UNITS OF TURKMENS IN TURKEY ABDULLAYEVA Mehriban Aliabbas.....	201
THE PROBLEM OF PERSONALITY IN THE NOVEL “THE SANDCASTLE” BY I.MURDOCH ASADZADE Rasima Farhad.....	204
INTERPRETATION OF THE NOTION “CONCEPTUAL SPHERE” IN THE FRAMEWORK OF LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES BABIYAN Tamara Varteresovna.....	210
COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF THE GENRE OF INTERNET REVIEWS BYLINA Elena Eduardovna.....	215
FORMATION OF SCIENTIFIC STYLE IN TURKISH AND AZERBAIJAN LANGUAGES IN XIV-XVI CENTURIES HASANLI-GARIBOVA Shabnam.....	221
THE CONCEPTUAL ANALYSIS OF PANDEMIC-BASED BRAND VALUE ORIENTATIONS CHANGING GLUKHOVA Olga Vladimirovna, GORBAN Alina Olegovna.....	226
REPRESENTATION OF LINGUOCULTURAL INFORMATION IN UNITS OF PARAMIC DISCOURSE GRICHENKO Ludmila Vladimirovna.....	232
MEANS OF CREATING NOSTALGIC IMAGES IN V. NABOKOV’S NOVEL “MASHENKA” AND ITS ENGLISH VERSION DAYNEKO Marina Vadimovna.....	237
MEANINGFUL COMPONENT OF LINGUOCULTURAL CONCEPT “LOVE” IN FANFICTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE DEMICHEVA Yuliya Vladimirovna.....	243
THE ROLE OF NONVERBAL COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING DZEITOVA Khaifa Bersnacovna, TAMBIEVA Fatima Aubekirova, YUSUPOVA Svetlana Said-Alievna.....	247
LINGUISTIC REPRESENTATION OF FREEDOM IN THE POEM “SONNET ON CHILLON” BY GEORGE GORDON BYRON DIEHL Anna Viktorovna, KURALEVA Tatiana Vladimirovna.....	251
LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT “PHARMACEUTICAL PRODUCT” IN THE ENGLISH LEXICOGRAPHIC SPACE DOVGER Oksana Pavlovna.....	255
MULTIMEDIA PRESENTATION AS A MEANS OF OPTIMIZING ESP LEARNING PROCESS DUBSKIKH Angelina Ivanovna, KISEL Olesya Vladimirovna, BUTOVA Anna Vladimirovna.....	260

ABOUT THE PROBLEM OF ALLOCATION OF INVARIANT AND VARIANT MEANINGS OF PARTICIPATION II IN MODERN ENGLISH LANGUAGE IVANOVA Elena Nikolaevna, ANTONOVA Nadeshda Aleksandrovna	264
AFAD KURBANOV AND OBSCHETYURKIAN ALPHABET IMANKULIYEVA Mehri Tofik	268
THE PECULIARITIES OF THE AUTHOR INNER SPEECH TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF THE NOVEL “THE WHY CAFÉ” BY J. STRELECKY) INOZEMTSEVA Nadezhda Vladimirovna, TSIBART Polina Alexandrovna	271
MANIPULATIVE POTENCIAL OF CORONAVIRUS PANDEMIC VOCABULARY IN PROFESSIONAL DISCOURSE KATERMINA Veronika Viktorovna, LIPIRIDI Sofia Christophorovna	274
INFORMATION STRATEGY AS THE LEADING COMMUNICATION STRATEGY OF PERSUASIVE SPEECH IMPACT IN THE GENRE OF ENTREPRENEURIAL PITCH (BASED ON THE MATERIALS OF DRAGON’S DEN AND SHARK TANK TELEVISION SHOWS) KRASILNIKOVA Nadezhda Valentinovna, KUZMINYKH Zhanna Olegovna	279
OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN THE SEMIOTIC SPACE OF TRANSLATION KUSHNINA Liudmila Veniaminovna, ALIKINA Elena Vadimovna	285
CONJUGATIONS BETWEEN THE NARRATOR’S “SELF” AND THE CATEGORY OF SPACE IN A SCIENCE FICTION TEXT LARINA Tatyana Yuryevna, KUDRYASHOV Igor Aleksandrovich	290
SEMANTIC RELATIONS OF LINK SOURCE AND LINK OBJECT WITHIN LINGUISTIC HYPERTEXT MINEEVA Maria Vladimirovna	294
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “ARMED CONFLICT” IN THE INTERCULTURAL ASPECT ON THE MATERIAL OF THE GERMAN AND RUSSIAN MEDIA MOISEEVA Irina Yurievna, STRENADYUK Galina Sergeevna	297
TO THE QUESTION OF THE MEANING AND SCOPE OF THE PARTICLE “NOT” NAZARI Fatemeh Torab	302
LINGUOCULTURAL FEATURES OF THE AUSTRIAN GASTRONOMIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF CULINARY RECIPES) OVSIENKO Tatiana Vladimirovna, FESENKO Olga Nikolaevna	305
THE SPECIFICS OF TRANSLATION OF NON-STANDARD LANGUAGE IN AUDIOVISUAL WORKS (BASED ON THE “DEADWOOD” TV SERIES) PAVLOVA Anna Vladimirovna, KHLYNOV Vladislav Nikolaevich	310
“COVID-19” MEDIA IMAGE IN ELECTRONIC PERIODICAL MASS MEDIA IN GREAT BRITAIN PAK Leonid Evgenyevich	313
SPATIAL CULTURE CODE AS A LINGUOCULTURAL CONCEPT PORECHNAIA Viktoriia Igorevna	317
EMOTIONAL GREETING FORMULAS IN SPEECH BEHAVIOR OF LINGUIST STUDENTS PUTILINA Lyudmila Vasiliyevna, AGARKOVA Olga Anatolievna	322
TRAVEL JOURNALISM IN THE MODERN THEORY OF MASS COMMUNICATIONS RUBTSOVA Elena Viktorovna, DEVDARIANI Natalia Valerievna	326
MANIPULATIVE TECHNIQUES FOR CREATING A POLITICAL IMAGE IN PRESS RUBTSOVA Elena Viktorovna, DEVDARIANI Natalia Valerievna	332
ETHODS OF ABBREVIATION IN THE TERM SYSTEM OF ELECTRONICS SLEPNEVA Marina Anatolyevna, PETROVA Irina Vitalievna	337
HE SPECIFICS OF OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT OF “CONFRONTATION” IN THE “STAR WARS” FILM TEXT: STYLISTIC ASPECT SLESOVA Ekaterina Alekseevna	341
FUNCTIONS OF ANGLICISMS IN ITALIAN MEDIA TEXTS SOKOLOVA Alla Germanovna	346
<i>juridical sciences</i>	
PROBLEMS OF “DOUBLE SALE” OF REAL ESTATE ALEKSEEV Alexander Arkadievich	351
ACTUAL PROBLEMS OF CONDUCTING AN IN-HOUSE TAX AUDIT PONOMAREV Oleg Vladimirovich, BULIMA Anton Romanovich, RASHIDOV Ahmed Vugarovich	355

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF “ENVIRONMENTAL ENTREPRENEURSHIP” VOROBYOVA Olga Aleksandrovna, PARKHANDEEV Maxim Olegovich.....	359
PERSONAL DATA PROTECTION IN FINANCIAL AND BANKING SECTOR IN SINGAPORE GORIAN Ella Vladimirovna.....	362
INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES AT THE STATE AND MUNICIPAL LEVELS: PROSPECTS FOR REGULATORY REGULATION IVANOVA Marina Alexandrovna.....	367
INTRODUCTION TO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION OF CRIMINAL OFFENSION: POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES KORCHAGIN Anatoly Georgiyevich, TRUSHKOV Ivan Igorevich.....	371
TYPE, METHODS AND METHODS OF THE LEGAL REGIME OF A COUNTER-TERRORIST OPERATION LUTSENKO Viktor Viktorovich.....	375
FEATURES OF THE INTERPRETATION OF CIVIL LAW PSHENICHNIKOVA Nataliya Alexandrovna.....	379
LEGAL ASPECT OF THE HOUSING AND USE OF ANIMALS FOR CULTURAL AND ENTERTAINMENT PURPOSES RATNIKOVA Vasilisa Igorevna, STRELNIKOVA Natalya Viktorovna, STRELNIKOV Igor Anatolevich, DEMCHENKO Yulia Evgenievna.....	382
ON THE QUESTION OF ALIMENTARY OBLIGATIONS: A RETROSPECTIVE LOOK SADYKOVA Luciya Bilusovna, NOSANENKO Galina Yuryevna, GAVRILYUK Ruslan Vladimirovich.....	387
THEORETICAL FOUNDATIONS OF DESIGNING LEGAL MEANS OF COMBATING CORRUPTION IN CORPORATE ACTS OF PRIVATE ENTERPRISES TEMURZIEV Magomed Nazirovich.....	390
ENSURING THE REALIZATION AND PROTECTION OF THE RIGHT TO LIFE CHESNOKOVA Yulia Vyacheslavovna.....	394
Conditions of accommodation of scientific materials.....	398

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0001

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ПОДРОБНОГО ИЛИ БЛИЗКОГО К ТЕКСТУ ПЕРЕСКАЗА

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 781750

SPIN: 8864-6548

ResearcherID: C-6889-2019

ORCID: 0000-0003-1457-8594

АЙВАЗЯН Оксана Оганесовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций; доцент кафедры иностранных языков; научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории методического сопровождения в сфере социально-культурной и педагогической деятельности
Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
(350015, Россия, Краснодар, ул. Буденного, 161, e-mail: O.O.Ayvazyan@mail.ru)

Аннотация. В современных условиях социально-коммуникативной реальности процесс формирования связной устной русской речи является одним из важнейших направлений деятельности, так как от качества указанных знаний и навыков зависит успех речевого мышления молодежи. Цель данного исследования заключается в изучении и анализе теоретико-методологических и эмпирических основ развития связной устной русской речи на материале пересказа в условиях социальной реальности. Представленное в статье исследование было проведено 2019-2020 гг. среди иностранных обучающихся 1-х курсов Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. В исследовании были использованы теоретические (изучение и анализ научных концепций) и эмпирические методы (педагогический эксперимент с интерпретацией результатов). Анализ различных научных концепций, раскрывающих основы развития связной устной русской речи, а также результаты данных педагогического эксперимента, позволили определить то, что в устных высказываниях помимо речевых и грамматических недочетов допускаются нарушения логичности, последовательности изложения материала, а также в недостаточной мере используются сложные синтаксические конструкции и эмоционально-окрашенная лексика. На основании чего предлагается комплексная методическая система подготовительной работы, направленная на совершенствование навыков связного устного высказывания. В заключении приводятся выводы, и указывается на то, что подробный, близкий к тексту пересказ представляется одним из эффективнейших механизмов устного речевого развития. Однако же, в целях достижения положительного результата необходима предварительная поэтапная подготовка к данному виду пересказа, включающая соблюдение творческой составляющей и основополагающих норм литературного языка (лексических, грамматических, интонационных, синтаксических, стилистических и др.).

Ключевые слова: текст, пересказ, виды пересказа, коммуникативно-речевой акт, связная устная русская речь, теория и методика развития речи, речевая деятельность, социально-коммуникативная реальность, обучающиеся, молодежь.

THEORY AND METHODS OF DEVELOPING CONNECTED ORAL RUSSIAN SPEECH IN THE CONDITIONS OF SOCIO-COMMUNICATIVE REALITY ON THE MATERIAL OF DETAILED OR CLOSE TO THE TEXT RETELLING

© The Author(s) 2021

AYVAZYAN Oksana Oganessovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications; Associate Professor of the Department of Foreign Languages; Researcher of the Research Laboratory of Methodological Support in the Field of Socio-Cultural and Pedagogical Activities,
Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism
(350015, Russia, Krasnodar, Budennogo street, 161, e-mail: O.O.Ayvazyan@mail.ru)

Abstract. In modern conditions of social and communicative reality, the process of forming a coherent oral Russian speech is one of the most important areas of activity, since the success of the verbal thinking of young people depends on the quality of the said knowledge and skills. The purpose of this study is to study and analyze the theoretical, methodological and empirical foundations for the development of coherent oral Russian speech based on the material of retelling in conditions of social reality. The research presented in the article was conducted in 2019-2020 among foreign students of the 1st course of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism. The study used theoretical (study and analysis of scientific concepts) and empirical methods (pedagogical experiment with the interpretation of results). Analysis of various scientific concepts that reveal the foundations of the development of coherent oral Russian speech, as well as the results of the data of the pedagogical experiment, made it possible to determine that in oral statements, in addition to speech and grammatical defects, violations of the consistency, consistency of the presentation of the material are allowed, and also complex syntactic constructions are insufficiently used and emotionally colored vocabulary. On the basis of this, a comprehensive methodological system of preparatory work is proposed, aimed at improving the skills of coherent oral expression. In the conclusion, conclusions are given, and it is indicated that a detailed retelling, close to the text, seems to be one of the most effective mechanisms of oral speech development. However, in order to achieve a positive result, preliminary stage-by-stage preparation for this type of retelling is necessary, including adherence to the creative component and the fundamental norms of the literary language (lexical, grammatical, intonational, syntactic, stylistic, etc.).

Keywords: text, retelling, types of retelling, communicative speech act, coherent oral Russian speech, theory and methods of speech development, speech activity, social and communicative reality, students, youth.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В современных условиях социально-коммуникативной реальности процесс формирования связной устной русской речи является одним из важнейших на-

правлений деятельности, так как от качества указанных знаний и навыков зависит успех речевого мышления каждой личности в отдельности, и общества в целом. Сам по себе процесс развития речевых навыков является одним из сложнейших, поскольку от степени сформированности способностей высказываться зави-

сит эффективностью любого коммуникативно-речевого акта. Обоснованием этому служит то, что обучаемые, помимо распространенных ошибок и недочетов в построении высказывания, так называемых языковых, также допускают ошибки, обусловленные внеязыковыми факторами (условиями и ситуацией процесса взаимодействия). Умение говорить, соблюдая весь спектр норм и правил русского литературного языка, позволяет: во-первых, расширять словарный запас, т.е. воплощать в реальность коммуникативную и когнитивную функции речи; во-вторых, увеличивать круг общения, т.е. адаптировать контактоустанавливающую функцию коммуникации; в-третьих, что немало важно, оказывать воздействие на общее мнение окружающих в необходимом позитивном русле, тем самым, реализовывать апеллятивную функцию речевой деятельности; в-четвертых, позволяет использовать в речи творческий потенциал личности, что социализирует эмотивную функцию речемышлительной деятельности. Также речевая деятельность, соответствующая коммуникативным качествам и требованиям русского говорения, направлена на сочетание нормативного и этического аспектов, позволяющих соблюдать нормы и правила общения и поведения в коммуникативной среде. Однако же, как ранее было отмечено, в условиях социальной деятельности указанный потенциал личности не в полной мере может быть реализован, что позволяет говорить об актуальности и своевременности представленной работы. Без развитой русской речи невозможно достичь успехов в обучении, равно, как и в процессе коммуникативного взаимодействия в профессиональной сфере деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которые опирается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

Проблемам развития речевых навыков посвящено множество научных исследований в различных областях наук, включающих педагогику, филологию, лингвистику, психологию и др. В методическом аспекте данная проблематика раскрывается в трудах таких известных ученых, как: Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, Т.А. Ладыженская, А.А. Леонтьев, М.Р. Львов, Н.С. Рождественский, С.Л. Рубинштейн, К.Д. Ушинский, Н.М. Шанский, М.Х. Шапацева и др.[1].

Такие авторитетные ученые, как: Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, в рамках теории речевой деятельности заключили, что «процесс развития речи будет эффективен, если иметь четкое представление о системе и закономерностях восприятия и порождения речемышлительной деятельности» [2; 3; 4].

Т.А. Ладыженская определяла процесс развития речи как «движение вперед в овладении связной речью, в овладении умением создать определённые тексты, определённые речевые произведения» [5].

Также значительный вклад в теорию и методику развития связной речи внес М.Р. Львов, заключив, что данный процесс должен сопровождаться эмотивным участием и интересом со стороны как обучающихся, так и педагога, в результате чего возможно развитие точности и выразительности [6; 7].

Посправедливому замечанию Н.С. Рождественского обучение навыкам порождения связной устной речи должно сопровождаться освоением основополагающих языковых норм и правил коммуникативной деятельности [8]. Так, например, в соответствии с точкой зрения С.Л. Рубинштейна, «связность высказывания заключается в адекватности речевого оформления мысли говорящего или пишущего с точки зрения ее понятности для слушателя или читателя» [9, с. 442].

В рамках развития связной русской речи К.Д. Ушинский разработал методическую систему, основные принципы которой заключались в систематическом выполнении упражнений, их многообразии,

практической реализации речевой деятельности, а также предупреждении ошибок и недочетов. Он писал: «Язык народа – это лучший учитель, учивший новые поколения тогда, когда не было еще ни книг, ни образовательных учреждений. Язык и усваивается, и совершенствуется в его функционировании, т.е. в речи. Как безгранично обогащение личности знанием языка (и языков), так не имеет предела развитие речевых умений, красноречия, выразительности, дара сочинения, общей культуры» [10].

Согласно концепции профессора Н.М. Шанского развитие связной русской речи должно быть поэтапным и поуровневым, т.е. соответствовать таким общедидактическим принципам обучения, как преемственность, системность и последовательность, что является общей точкой зрения для всех специалистов в теории и методике развития русской речи [11].

Неоценимый вклад в методику развития связной русской речи также внесли научные труды профессора М.Х. Шапацевой. Ею было отмечено, что «речь развивается в непосредственной связи с накоплением словарного запаса, овладением структурными типами словосочетаний и предложений, эти единицы языка служат одновременно материалом и продуктом развития связной русской речи» [12; 13, с. 23-27; 14, с. 93-97].

«Признание важности речевых навыков не вызывает сомнения, поскольку речевой акт направлен на описание реальности, передачу различной информации посредством языка» [15; 16]. Так, например, согласно точке зрения Л.В. Прус, Л.Г. Березовской, Е.Ш. Млынар, «в процессе общения специалист должен уметь воспринять на слух и понять смысл речи собеседника, аргументировано выразить свою позицию, опровергнуть или доказать тот или иной факт, формулируя при этом свои идеи четко и логично» [17, с. 110].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

На основании всего вышеизложенного имеется возможность определить основополагающую цель статьи, а именно изучение и анализ теоретико-методологических основ развития связной устной русской речи на материале пересказа в условиях социальной реальности. Поскольку пересказ, помимо того, что представляется одним из важнейших механизмов развития связной устной русской речи, позволяет развивать навыки правильного, полного, логического и выразительного речезыявления прочитанного, услышанного или увиденного. В целях получения достоверных сведений об уровне сформированности связной устной русской речи и разработки рекомендаций для совершенствования в исследовании были использованы теоретические (изучение и анализ научных концепций) и эмпирические методы (педагогический эксперимент с интерпретацией результатов). Эмпирический метод включал проведение педагогического эксперимента на материале подробного, близкого к тексту пересказа, так как он является наиболее эффективным в аспекте формирования навыков лучшего запоминания текста. Исследованием были охвачены иностранные обучающиеся 1-х курсов Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Развитие связной устной русской речи может быть реализовано через такие формы, как чтение, пересказ, дискуссия, сообщение, развернутые устные ответы и др. Однако же, в рамках представленного исследования, за основу была взята такая форма устной русской речи как пересказ, который имеет традиционную классификацию (рис.1) [18, с. 93-94]. Выбор данной формы реализации связной устной речи обусловлен тем, что пересказ как механизм воспроизведения уви-

денного, услышанного или прочитанного применяется не только на занятиях по русскому языку, но и в процессе всей учебной деятельности. Только в ходе обучения знаниям и навыкам русского языка может быть сформирована компетентность правильного и точного изложения.

Рисунок 1 - Традиционная классификация видов пересказа

Подробный или близкий к тексту пересказ, наиболее часто применяемый в процессе обучения, представляет возможность обучаемым лучше запомнить содержательный компонент исходного текста. Однако же качественная составляющая при использовании данного вида пересказа зависит также и от того, насколько ответственно обучаемый подошёл к чтению, анализу всех компонентов текста и составлению плана высказывания. Для наилучшего усвоения содержания необходимо несколько раз внимательно прочитать текст с соблюдением основополагающих правил и норм. После очередного чтения текста необходимо выполнять дополнительные задания (ответить на вопросы, разделить на абзацы, создать план, озаглавить пункты плана и т.п.). Подобные задания эффективно сказываются на процессе пересказа, поскольку вносят проблемные ситуации, требующие разрешения, тем самым оживляя творческие способности и потенциал личности.

Следующий вид пересказа – краткий или сжатый, заключается в кратком, лаконичном изложении материала. Данный вид деятельности достаточно сложен, так как не всегда обучаемым удастся выявить основную мысль содержания текста и пересказать ее своими словами. В целях развития связной устной русской речи на материале данного вида пересказа необходимо использовать тексты повествовательного типа, в которых явно прослеживается сюжет, развитие действия. Сжатый пересказ предполагает выборочное раскрытие пунктов плана, наиболее значимых. Однако же присутствуют и негативные проявления, которые обусловлены чрезмерным применением данного вида пересказа, приводящим к оскудению словарного запаса обучаемых.

Третий вид пересказа – выборочный, предполагает анализ и высказывание определенной части рассказа, отличается сложностью, так как требует от обучаемых более осознанного понимания содержания. В процессе работы над данным видом пересказа перед обучаемым создается проблемный вопрос, требующий конкретного ответа, заключенного в определенной части текста. Выборочный пересказ создает предпосылки для формирования навыков выделения основного содержания текста, что возможно при многократном прочтении и анализировании.

Каждый из вышеуказанных видов пересказа может быть осложнен творческим заданием, включающим пересказ от другого лица, что особо интересно обучаемым. Также бывают пересказы, осложненные грамматическими заданиями, включающими: замену слов синонимами, фразеологическими оборотами, перестраивание предложений, изменение частей речи и пр. При этом важно учитывать тот факт, что процесс

обучения пересказу должен строиться с учетом принципа системности, последовательности и преемственности, т.е. с опорой на изученный материал.

Результаты педагогического эксперимента.

В целях получения достоверных сведений об уровне сформированности связной устной русской речи был проведен педагогический эксперимент на материале подробного, близкого к тексту пересказа, так как он является наиболее эффективным в аспекте формирования навыков лучшего запоминания текста. Исследованием были охвачены иностранные обучающиеся 1-х курсов Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма.

На основании цели были определены следующие задачи:

- выявить уровень сформированности связной устной русской речи обучаемых в процессе пересказа;
- проанализировать основные недочеты, допущенные обучаемыми;
- сформировать методические рекомендации по совершенствованию навыков работы с пересказом.

И, для того чтобы реализовать цель и задачи исследования, обучаемым было предложено подготовиться к пересказу на тему «Олимпийские игры. История».

«Первые Олимпийские игры проходили в Греции, в городе Олимпии, в 773 году до н.э. (до новой эры) в честь бога Зевса. В Олимпии стояли прекрасные белые здания, был большой стадион, несколько школ, в которых могли заниматься спортсмены. Один раз в четыре года в Олимпии проходили самые известные в Греции спортивные соревнования – Олимпийские игры. Тысячи мужчин, стариков, детей из городов и деревень приезжали в Олимпию. Многие приходили пешком. В соревнованиях могли участвовать только мужчины и мальчики из Греции. Каждый греческий город посылал на соревнования своих спортсменов. Пять дней горел Олимпийский огонь, пять дней продолжались Олимпийские игры, и в Греции был праздник. Олимпийские игры объединяли все греческие города, кончались войны, и в стране наступал мир. В каждом городе ждали новостей из Олимпии. А в самой Олимпии на стадионе тысячи людей смотрели соревнования и умели «болеть» совсем так же, как миллионы людей «болеют» на стадионах сейчас, в наше время. Через пять дней уходили и уезжали из Олимпии люди, спортсмены возвращались домой в свои города. Олимпийских победителей встречали как героев. О них пели песни, и писали стихи. Время разрушило Олимпию. Только в 1875 году ученые нашли это место на земле. Тогда решили опять возродить Олимпийские игры. Первые «новые Олимпийские игры» состоялись в 1896 году на их родине – в Греции. Так же, как 2000 лет тому назад, они проходят раз в четыре года. Эти соревнования объединяют людей. Их символ – мир и дружба» [19; 20].

Пересказ предварял подготовительный этап работы, заключающийся в следующих задачах:

- Определить стиль речи текста. Доказать свою точку зрения.
- Составить план пересказа.
- Разделить текст на абзацы.
- Ответить на вопросы:

1. Когда состоялись первые Олимпийские игры?
2. Кто мог принимать участие в соревнованиях?
3. Как долго продолжались соревнования?
4. Как встречали победителей Олимпийских игр?

После подготовительного этапа обучаемые подробно пересказывали исходный текст. Результаты представлены на нижеследующих рисунках 2, 3.

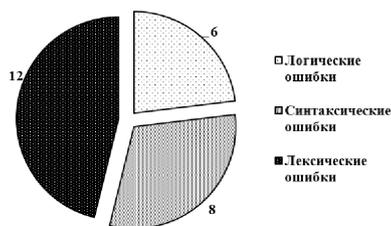

Рис. 2. Результаты исследования по виду и количеству ошибок

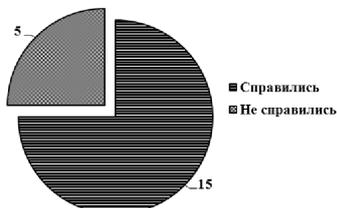

Рис. 3. Констатирующие результаты исследования

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

На основании проведенного исследования было определено, что связная устная русская речь обучаемых в недостаточной мере сформирована, из чего следует необходимость совершенствования указанных знаний и навыков, а также более тщательная предварительная подготовка к подробному, близкому к тексту пересказу. В устных высказываниях обучаемых, помимо речевых и грамматических недочетов, присутствуют и нарушения логичности и последовательности изложения материала, что свидетельствует о недостаточном словарном запасе, речь монотонна, в недостаточной мере используются сложные синтаксические конструкции и эмоционально-окрашенная лексика. Также сложности вызывают построение связного высказывания, поскольку устное изложение текста происходит отдельными частями, несоединёнными между собой.

Итак, все вышеизложенное позволяет заключить, что степень сформированности навыков связного устного высказывания недостаточна, и требует в процессе подготовки к подробному, близкому к тексту пересказу соблюдения комплексной методической системы, заключающейся в следующем:

- Чтение содержания исходного текста с использованием средств выразительности, а также соблюдением лексических и интонационных норм.
- Коллективное и индивидуальное обсуждение содержания текста, с применением приема «вопрос-ответ».
- Повторное, уточняющее чтение исходного материала в целях уяснения сложных компонентов.
- Подробный лексический, морфологический, синтаксический и стилистический разбор единиц языка.
- Разделение содержания рассказа на микротемы и построение плана.
- Устное изложение содержания отдельных фрагментов текста по плану.
- Подробный, близкий к тексту пересказ.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, проанализировав различные научные концепции, раскрывающие теоретико-методологические основы развития связной устной русской речи, а также на основании результатов педагогического эксперимента можно сделать вывод о том, что подробный, близкий к тексту пересказ представляется одним из эффективнейших механизмов устного речевого развития. Пересказ является одним из сложнейших механизмов реализации речи, что обуславливает необходимость предварительной подготовки, которая, в первую очередь, предполагает прочтение текста, его верную интерпретацию и осознание сути содержания. Следующий этап должен включать построение плана высказывания с ответами на главные вопросы, зафиксированные в важнейших фраг-

ментах текста. А затем следует переходить к пересказу.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Итак, предварительная поэтапная подготовка к подробному, близкому к тексту пересказу должна включать соблюдение творческой составляющей и основополагающих норм литературного языка (лексических, грамматических, интонационных, синтаксических, стилистических и др.). Для того чтобы процесс пересказа был успешным, обучаемые должны владеть знаниями об основных видах пересказа и требованиях к нему, а также подготавливаться к пересказу в соответствии со стилем, содержанием исходного текста и ситуацией высказывания. Пересказ хоть и подразумевает дословное цитирование содержания текста, все же он должен обладать неким творческим компонентом, поскольку это живая речь. Помимо этого пересказ также должен соответствовать основным требованиям, заключающимся в сохранении специфики и сути исходного материала, использовании специфической лексики, оборотов речевой деятельности и синтаксических конструкций. При не соблюдении указанных требований невозможно достичь эффективности в развитии связной устной русской речи, а также формирования коммуникативной компетентности обучаемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айвазян О.О. Развитие письменной русской речи на начальном этапе обучения в процессе работы над изложением: монография. Краснодар: КГУФКСТ, ЭКОИНВЕСТ, 2018. 210 с.
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Развитие устной речи. М.: Просвещение, 1982. 400 с.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 250 с.
4. Леонтьев А.А. Язык, речь и речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
5. Ладыженская Т.А. Методика развития речи на уроках русского языка. М., 1991. 363 с.
6. Львов М.Р. Основы теории речи: учебное пособие. М.: Академия, 2000. 248 с.
7. Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М.: ИП РАН, Центр «Искусство и наука», 1998. С. 189.
8. Рождественский Н.С. Методика преподавания русского языка. М.: Просвещение, 1969. 241 с.
9. Рубинштейн С.Л. Речь и общение. Функции речи. Развитие речи у детей // Основы общей психологии. Т. 1. М., 1989. С. 442-460.
10. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 7. Родное слово. М.; Л.: АПН РСФСР, 1949. 358 с.
11. Что значит знать язык и владеть им / под ред. Н.М. Шанского. М.: Просвещение, 1989. 191 с.
12. Шхарапаева М.Х. Развитие связной русской речи учащихся: пособие для учителей V-XI классов общеобразовательных школ. Майкоп, 1995. 134 с.
13. Shkhatseva M.Kh., Ayvazyan O.O. Features of development of speech of lawyers in modern culture during the formation of the social // Paradigmata poznání. 2016. No. 3. P. 23-27.
14. Shkhatseva M.Kh., Ayvazyan O.O. Features of formation and functioning communicatively-speech skills of future lawyers in modern multicultural space // East European Scientific Journal. No. 10. Part 1. 2016. pp. 93-97.
15. Gardiner A. The Theory of Speech and Language // Oxford: British Academy, 1969. 348 p.
16. Mitchell Green. Speech Acts // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2010. URL: <https://philpapers.org/rec/GRESA> (access at: 25.01.2021).
17. Прус Л.В., Березовская Л.Г., Млынарь Е.Ш. Коммуникативный подход в обучении иностранным языкам студентов вузов // Перспективы Науки и Образования. 2018. № 2 (32). С. 110.
18. Тлехурай М.К. Пересказ как важный прием развития устной связной речи учащихся-адыгейцев национальной школы // Новые технологии. 2009. № 3. С. 93-94.
19. Гвоздева Т.Б. Олимпийки древней Эллады - «Вторые после Геракла» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2016. № 4. С. 59-72.
20. Финагина, Ю. В. Русский язык как иностранный: учебное пособие. Санкт-Петербург: НИУ ИТМО, 2014. 81 с. ISBN 978-5-9905492-0-3. Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/71064> (дата обращения: 25.01.2021).

Статья поступила в редакцию 27.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 37.034, 37.013.43
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0002

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 1837-7534
AuthorID: 390758
ORCID: 0000-0002-3564-9737

ГАЛИАКБЕРОВА Альфинур Азатовна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры истории и методики ее преподавания

SPIN: 1837-7534
AuthorID: 390758
ORCID: 0000-0001-5661-1298

МУХАМЕТШИН Азат Габдулхакович, доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики и психологии

AuthorID: 748501
SPIN: 1844-9122
ORCID: 0000-0001-6075-2018

АСРАТЯН Норайр Мартинович, кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и методики ее преподавания

*Набережночелнинский государственный педагогический университет
(423806, Россия, Набережные Челны, улица Низаметдинова, 28, e-mail: norair.asratyan@gmail.com)*

Аннотация. В нашем противоречивом мире не уменьшается число конфликтов, происходящих вследствие противоположности интересов отдельных индивидов, социальных групп, стран и народов. Эти противоречия носят экономический, научно-технический, мировоззренческий, этнический, политический, конфессиональный характер. Глобализация, которая изначально была призвана разрешить эти противоречия, скорее усилила их и придала им глобальный характер. Поэтому возрастает значимость исследований по проблемам межкультурной коммуникации, практических действий по организации диалога культур. В статье ставится цель исследовать базовые понятия «межкультурная коммуникация», «диалог культур». Анализируются ключевые идеи ученых, изучавших эти проблемы с позиций философии истории, антропологии, педагогики. Показаны особенности и различия в подходах и результатах исследований западных и российских авторов. В статье сделан акцент на теоретико-методологических аспектах исследования межкультурного диалога, без чего в условиях нарастающих противоречий в мире невозможно осмысленная работа по подготовке педагогических кадров, призванных вносить идеи и принципы диалога, толерантного межкультурного взаимодействия в учебный и воспитательный процесс. В основе такой работы должно быть тщательное исследование и интерпретация категорий «межкультурный диалог», «коммуникация», «диалог культур». Только на такой научной базе можно строить культурно-образовательные проекты, способные помочь учащимся и педагогам не только в приобретении предметных знаний, но также включать в жизненную практику и учебный процесс принципы культуры диалога, создавать в многонациональной и поликультурной образовательной среде атмосферу взаимопонимания и сотрудничества.

Ключевые слова: межкультурный диалог, межкультурная коммуникация, диалог культур, поликультурная образовательная среда.

INTERCULTURAL DIALOGUE: METHODOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH

© The Author(s) 2021

GALIAKBEROVA Alfinur Azatovna, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching

MUKHAMETSHIN Azat Gabdulkhakovich, Doctor of Education,
Professor, Department of Pedagogy and Psychology

ASRATYAN Norair Martinovich, Candidate of Philosophy,
Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

(423806, Russia, Naberezhnye Chelny, str. Nizametdinova, 28, e-mail: norair.asratyan@gmail.com)

Abstract. Our contradictory world is full of conflicts due to the opposing interests of individuals, social groups, countries, and peoples. These contradictions are, by their very nature, of economic, scientific, technical, ideological, ethnic, political, and confessional character. Globalization, which is originally aimed at resolving these contradictions, makes them more considerable. Therefore, studies of intercultural communication, as well as practical steps to build up a dialogue of cultures are of great importance. The article aims to study the basic notions of “intercultural communication”, “dialogue of cultures”. In the article there are analyzed key ideas of scientists who have studied the problems in terms of philosophy of history, anthropology, and pedagogy. It also shows the peculiarities and differences in the approaches and results of Western and Russian authors. The article focuses on theoretical and methodological aspects of the intercultural dialogue study, without which in the conditions of growing contradictions in the world meaningful work on the training of pedagogical personnel intended to introduce ideas and principles of dialogue, tolerant intercultural interaction into the educational and educational process is impossible. Such work should be based on a thorough study and interpretation of such categories as intercultural dialogue, communication, dialogue of cultures. Only on such a scientific basis it is possible to build cultural and educational projects that can help students and teachers not only in acquiring subject knowledge, but will also include principles of the dialogue culture into the life practice and educational process, create an atmosphere of mutual understanding and cooperation in a multinational and multicultural educational environment.

Keywords: intercultural dialogue, intercultural communication, dialogue of cultures, polycultural educational environment.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловле-

на тем, что современный мир, наполненный множеством культур и идеологий, сталкивается с многообразными

вызовами политического и мировоззренческого характера. Процессы глобализации, происходящие в последние десятилетия, привели к противоречивым результатам. Причины этого кроются в том, что участники этого процесса вкладывают в него разный смысл. Одни видят в нем возможность поднять на новую высоту диалог народов, культур и цивилизаций, другие же прямо или косвенно ведут дело к нивелированию культурного разнообразия, игнорированию национальных интересов.

Россия как поликультурная, многонациональная и поликонфессиональная страна в глобальном диалоге культур и цивилизаций должна не только заимствовать достижения других народов, но и обогащать мир своими духовными достижениями. Полиэтничность России, и входящей в него Республики Татарстан, обуславливает постоянно высокую актуальность культуры диалога, поиска новых способов оптимизации межнациональных отношений. Республика Татарстан населена многими этническими группами: татарами, русскими, чувашами, удмуртами, башкирами, марийцами и др. По этой причине республика должна представлять собой свободное пространство диалога самобытных культур, плодотворного взаимодействия проживающих в ней различных этнических групп.

Отсюда следуют *важнейшие научные и практические задачи* – необходимость постоянно изучать сложную ткань межкультурного взаимодействия, анализировать исследования и публикации, в которых рассматриваются различные аспекты этой проблемы. В статье подвергаются анализу базовые теории и современные публикации, и на этой основе исследуются ключевые понятия, касающиеся соответствующих процессов, таких как «межкультурный диалог», «межкультурная коммуникация», «диалог культур», с тем чтобы использовать теоретические знания и методологические принципы в жизненном процессе и образовательной практике.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью статьи является исследование сущности и методов межкультурного диалога в поликультурном пространстве. Из этой цели вытекают следующие задачи:

- изучить категорию межкультурной коммуникации в интерпретации российских и зарубежных авторов;
- раскрыть философские, исторические и культурные аспекты категории диалога культур.

Теоретическая основа работы состоит в анализе ключевых педагогических, антропологических, философских концепций, касающихся межкультурной коммуникации и диалога культур, выявлении общих черт и определенных различий, присутствующих подходах западных и российских исследователей.

Сопоставительный анализ как ключевой метод позволил увидеть существенный разброс подходов и точек зрения в интерпретации понятийного аппарата, касающегося категорий «межкультурный диалог», «межкультурная коммуникация», «диалог культур».

Материалы нашего исследования и их анализ показали, что данная проблематика первоначально развивалась в рамках культурной антропологии и представляла культуру как уникальную целостность, изучала процесс социализации в этнической среде, раскрывала особенности национального характера. В дальнейшем исследовательское пространство расширяется, и культура понимается также как коммуникация и взаимодействие. Проблематика диалога культур преимущественно анализируется в контексте философско-исторической методологии, в рамках которой осуществляется сравнительный анализ концепций выдающихся мыслителей Л.П. Карсавина, О. Шпенглера, К. Ясперса.

Полученная нами общая теоретическая картина должна служить концептуально-методологическим основанием для построения культурно-образовательных проектов в средних и высших учебных заведениях.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Мировая и российская научная мысль богата педаго-

гическими, социально-философскими, психолингвистическими, культурологическими и антропологическими исследованиями феномена межкультурной коммуникации и диалога культур. Конечно, сама эта проблема возникла в незапамятные времена, когда люди впервые осознали, что их деятельность и весь образ жизни представляют собой определенный уклад, а помимо их культурного уклада существуют и другие, и поэтому им предстоит каким-то образом строить взаимодействие. Но в современном дискурсе межкультурная коммуникация и диалог культур сложились как аспекты межкультурного диалога и стали объектом исследований в качестве научных категорий. Эти понятия близки, но не тождественны: коммуникация шире по содержанию, она включает в себя диалог как форму общения. Ниже рассматриваются ключевые моменты эволюции изучения этих категорий и их основные характеристики.

Категория межкультурной коммуникации. В первой половине XX века исследования приобрели достаточно интенсивный характер и первоначально имели целью выявление культурных особенностей и различий между отдельными людьми и народами. В частности, психолог и антрополог Рут Бенедикт (*Ruth Benedikt*) не ограничивается пониманием человека как продукта определенной культуры, а показывает, что сама культура есть уникальная целостность, части которой (семейные, религиозные, экономические, политические институты и отношения) взаимно соотнесены на основе общего этноса [1]. М. Мид (*M. Mead*) осуществляла свои знаменитые полевые исследования о социализации детей и подростков в Полинезии [2]. Дж. Горер с Дж. Рикманом (*G. Gorer; J. Rickman*) написали книгу о русском национальном характере [3].

Но в научный оборот терминология межкультурной коммуникации вошла в 1954 г. после появления совместной работы американских авторов – лингвиста Д. Трейгера (*G. Trager*) и антрополога Е. Холла (*E. Hall*) «Культура как коммуникация: модель и анализ» (*Culture as Communication: A Model and Analysis*) [4]. В дальнейшем Э. Холл, развивая проблематику культуры как диалога и коммуникации, акцентирует внимание также на невербальных формах общения [5]. Дж. Кондон и Ф. Йозеф (*J.C. Condon, F. Yousef*) постарались придать исследованиям межкультурного взаимодействия теоретическую фундаментальность [6].

К настоящему времени в области межкультурной коммуникации в США и Европе накоплен огромный теоретический и эмпирический материал. Сложилось обширное пространство междисциплинарных исследований, где теория межкультурной коммуникации призвана интегрировать данные из психологии, антропологии, социологии, теории коммуникации, лингвистики и т. д. Это ее, несомненно, обогащает, но в то же время, как отмечают американские авторы, препятствует дисциплинарной строгости, не позволяет избежать фрагментарности и эклектичности [7; 8].

Огромный тематический разброс в зарубежных исследованиях свидетельствует о том, что проблематика межкультурной коммуникации касается многих аспектов человеческой жизнедеятельности: образования [9; 10], психологических состояний людей [11], международной торговли [12], использования языковых норм [13], домашней культуры [14] и т. д.

Этот тематический разброс обусловлен тем, что в США и Европе, а вслед за ними и во многих других регионах мира, исследования межкультурной коммуникации осуществляются в широком контексте культурной антропологии. Что же касается российских исследований, то следует согласиться с авторитетным мнением О.А. Леонтовича, что здесь исследования межкультурной коммуникации сосредоточены главным образом в области лингвистики и обучения иностранным языкам. Отечественная наука далеко продвинулась, обстоятельно разрабатывая категории концепта, концептосферы, язы-

ковой идентичности [15]. В то же время для взаимодополняемости было бы полезно использовать взаимный опыт российских и зарубежных ученых [16].

Категория диалога культур. Античность со времен Сократа, а затем Ренессанс и новоевропейская мысль рассматривали диалог как основной способ духовного сближения людей, совместного поиска истины, ценностного единства.

Современный взгляд на диалог не сводится лишь к информационной коммуникации, он лежит в основе понимания природы человека и широких культурологических исследований. Взгляд на диалог как концептуальный принцип интегрирует духовно-нравственные, ценностные и жизненно-практические аспекты. Сущностными характеристиками диалога являются: межсубъектность отношений, возможность самопознания и самоопределения «Я», безграничность познавательных возможностей, открытость и незавершенность.

В отличие от западных исследований, сконцентрированных вокруг межкультурной коммуникации, российская общественная мысль больше ориентирована на изучение диалога культур. Логика диалога культур исходит из того несомненного факта, что при всей своей самобытности культуры не могут существовать в полной изоляции. Их взаимодействие может принимать деструктивные и конфликтные формы, когда одна из них оказывается в положении доминирующей, а другая – дискриминируемой. Поэтому диалог, ставящий своей целью интеграцию различных этнических, политических, профессиональных ценностей в сложно организованную целостность, можно считать ключевым признаком самой культуры. Следовательно, подлинная культура не может существовать вне диалога, точнее, диалог и есть имманентная характеристика культуры.

В этом контексте стоит сравнить философско-исторические и культурологические взгляды двух выдающихся мыслителей первой половины XX века – немецкого философа *Освальда Шпенглера* (1880 – 1936) и русского философа *Льва Платоновича Карсавина* (1882 – 1952).

Оба выступили против понимания истории как линейного процесса. О. Шпенглер в своем фундаментальном исследовании «Закат Европы» отвергает общепринятую новоевропейскую историографическую парадигму, которая рисует историю по схеме «Древний мир – Средние века – Новое время», называя ее скудной и лишенной смысла. [17]. Он опирается на созданную им методологию, согласно которой история представляет собой множество изолированных и самобытных культур, каждая из которых обладает своей «душой». Подобно организмам, они примерно за 1000 лет проходят полный жизненный цикл: рождение, юность, расцвет, увядание и умирание. Завершение жизненного цикла означает историческую трансформацию культуры в свою противоположность – фазу цивилизации. Вследствие этого происходит угасание творческих сил, исчезают высокие духовные цели, которые заменяются техницизмом, сциентизмом, материализмом, атеизмом, массовым сознанием.

По его убеждению, единой общечеловеческой культуры не существует, поэтому локальные культуры, будучи независимыми и замкнутыми, не порождают другие культуры и не создают с ними органического целого, а следовательно, какой-либо «диалог» между ними исключается. Тем не менее какое-то влияние одних культур на другие все же происходит, хотя и в деструктивной форме. Такие явления О. Шпенглер называет «историческими псевдоморфозами».

Он имеет в виду исторические прецеденты, когда молодые, становящиеся культуры не могут развиваться в своих самобытных формах, поскольку над ними довлеют чуждые древние культуры. К числу «исторических псевдоморфоз» автор относит и механические заимствования российской элитой европейских правил жизни, осуществлявшиеся со времен Петра I. В навязываемой или некритически воспринимаемой чуждой старой культуре-

ной оболочке вынуждена существовать нарождающаяся культура. В пустой старой форме молодая культура «не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [18].

Методология философии истории, предложенная Л.П. Карсавиным, в определенной степени созвучна взглядам Шпенглера, поскольку она также противоположна новоевропейской философской трактовке истории как линейного прогресса. Карсавин также, как и Шпенглер, рассматривает историю с культурологических позиций. Однако он, в отличие от Шпенглера, придерживается онтологии всеединства, укоренившейся в русской философии со времен Владимира Соловьева. Поэтому всемирная история в понимании Карсавина, хотя и фрагментирована на множество культур, но все же каждая из них включена во всемирную культуру. Более того, каждая локальная культура есть некая историческая индивидуальность, обладающая своей «идеей культуры», своей уникальностью и целостностью, которая должна стремиться по-своему выразить и включить в себя человечество, но при этом сама раскрывается во всеединстве.

Л.П. Карсавин также полагает, что культуры, будучи целостными и уникальными образованиями, не могут превращаться во что-либо иное. Но важное отличие его взглядов в том, что, по его мнению, носители одних культур способны к «погружению» в другие культуры и тем самым к постижению их смысла. По существу, у Карсавина речь идет о том, что культуры сохраняют свои неповторимые свойства и не сливаются, но люди, изучающие другие культуры, способны связывать их, вести между ними диалог.

В отличие от О. Шпенглера, у которого культуры трансформируются в цивилизации, в понимании Л.П. Карсавина, каждая из них «после видимой своей гибели, переживает себя в том, что связано с ее вещественными остатками, в традициях ее, продолжающих свое существование в лоне других культур, в памяти – знании их о ней» [19].

Логика рассуждений немецкого философа *Карла Ясперса* (1883 – 1969), также противоположная методологии О. Шпенглера, подводит к важнейшей цели его философии истории – обнаружить во всемирно-историческом процессе внутреннее единство на основе диалога культур и эпох, а также понять возможность становления в перспективе новой свободной коммуникации.

В своем фундаментальном исследовании «Смысл и назначение истории» [20] К. Ясперс единство всемирно-исторического процесса трактует не в гегелевском духе как результат саморазвертывания абсолютной тотальности по строго каузальной схеме, но как общий итог смыслопорождающих действий человека.

Вся всемирная история структурирована К. Ясперсом как четыре последовательных периода: 1) доистория, 2) эпоха великих культур древности, 3) «осевое время» и 4) научно-техническая эпоха.

Доисторию автор также называет «прометеевской эпохой». Это период овладения огнем, появления языков, использования первых орудий, формирования социальных групп, складывания мифологии. Еще нет исторического сознания как осознания истории, поэтому нет и самой истории в собственном смысле, т.е. осмысления происходящих событий, изучения своих корней, традиции, письменности. Основным продуктом доисторического периода является становление биологически nasledуемых свойств человека как вида.

Сама история возникает, согласно концепции Ясперса, в V–III тысячелетиях до н.э. и связана с появлением уникальных культур. К ним относятся шумеро-вавилонская, египетская и эгейская, древнекитайская и доарийская в Индии.

Ключевыми факторами, повлиявшими на станов-

ление этих культур, К. Ясперс считает формирование централизованных государств, создание оросительных систем, начало письменности и появление слоя аристократии. Складываются народы, обладающие общими ценностями: языком, культурой, мифологией, и поэтому осознающих свое единство.

«Осевое время» – это особый исторический период (VIII–II вв. до н.э.), когда у некоторых народов (китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков) параллельно и независимо появляются черты, которые становятся духовными основами всего человечества. Здесь накапливаются и наследуются уже не биологические, а духовные свойства людей, тем самым происходит становление современного антропологического типа.

Появляются мыслители и проповедники, провозглашающие великие учения: Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Заратустра, иудейские пророки, греческие философы. История в этот период становится уже не совокупностью локальных историй, а глобальной, единой, общечеловеческой. Значение фундаментальных процессов «осевого времени», считает К. Ясперс, еще не полностью раскрыто.

Научно-техническая эпоха, согласно концепции Ясперса, начинается в XVII–XVIII вв. Предпосылкой, по его утверждению, является библейская религия, порождающая стремление к постижению мира, познанию истины, преодолению сомнения, борьбе за идеалы. Однако, как и многие экзистенциалисты, К. Ясперс скорее скептически оценивает роль науки и техники. Со времен Просвещения и Французской революции, считает он, происходит утрата глубинных смыслов и жизненных ориентиров. Человек оказался под властью науки и техники, утратил связь с историей, с прежними духовными вершинами. Современный мир порывает с традиционными ценностями, в нем доминируют массовое сознание, нигилистические тенденции, продолжается смыслоутрата. И все же К. Ясперс считает вероятным продвижение человечества к новой «осевой эпохе», которая приведет человечество к новому единству, основанному на любви и «свободной коммуникации».

ОБСУЖДЕНИЕ

Наше исследование далеко не исчерпало все богатство дискурса межкультурного диалога. Дискуссионное поле здесь неисчерпаемо, и за ограниченными рамками статьи остались многие интересные подходы и поиски.

В частности, заметную популярность приобрели различные аспекты теории кросс-культурных коммуникаций. Так, нидерландский ученый Герт Хофстеде (*Geert Hofstede*) в рамках своей теории культурных измерений изучает воздействие общественной культуры на ценности и поведение индивидов. Для этого он разработал четырехмерную модель национальной культуры, включающую в себя такие измерения, как дистанцированность от власти, индивидуализм–коллективизм, мужественность–женственность, избегание неопределенности. Различные сочетания этого набора параметров, по мнению автора теории, определяют характер культуры каждого народа и могут служить универсальной основой кросс-культурной коммуникации [21]. В то же время радикальная критика, предпринятая Галит Айлон (*Galit Ailon*), основана на обвинении автора в произвольности его подхода и «культурном релятивизме» [22].

Требуется внимательного анализа концепция культурной грамотности, разработанная американским исследователем Эриком Дональдом Хиршем (*Eric Donald Hirsch*). Он небезосновательно полагает, что на общение представителей разных культур оказывает влияние наличие или отсутствие так называемых фоновых знаний о культуре партнеров по коммуникации. К ним относятся ценности и традиции народа, ключевые моменты истории, имена народных героев и т. д. Он даже создал словарь, в который включил те знания, которые должны составлять культурный минимум, позволяющий, по его мнению, людям разных культур без особых трудностей

общаться друг с другом [23]. Однако у этой теории немало своих оппонентов. В частности, Говард Гарднер (*Howard Gardner*) считает концепцию Хирша «анти-интеллектуальной», поскольку она не вписывается в его собственную теорию «множественного интеллекта» [24].

Также немаловажно обратить внимание на полемику вокруг понятия «культурная дистанция», введенного британскими культурологами И. Бабиером, Дж. Коксом и П. Миллером (*I. Babiker, J. Cox, P. Miller*). Согласно точке зрения этих авторов, в процессе межкультурной адаптации существует положительная корреляция между величиной культурной дистанции, т. е. глубиной различий между контактирующими культурами и психологическими проблемами иммигрантов [25]. Однако исследование, проведенное международной группой в России, показало, что культурная дистанция воспринимается индивидами в зависимости от их личностных особенностей. При этом такие психологические черты, как эмоциональная стабильность и гибкость способны смягчать трудности межкультурной адаптации [26].

ВЫВОДЫ

Наша статья ставила своей целью изучение сущности и методов межкультурного диалога в поликультурном пространстве. Для достижения этой цели мы исследовали категорию межкультурной коммуникации в интерпретации российских и зарубежных авторов; раскрыли философские, исторические и культурные аспекты категории диалога культур. *Перспективы дальнейших исследований* предполагают расширение и углубление нами как теоретических, так и практических аспектов проблематики диалога культур и поликультурного образования, рассмотрения педагогической практики по реализации принципов межкультурного диалога в поликультурной образовательной среде, охват как высшего, так и среднего образования.

При всем разнообразии мнений мы должны исходить из понимания культуры как сложной структуры, где внутренние компоненты как субъекты культуры обладают автономностью и одновременно способностью и готовностью к взаимному пониманию и постижению. Когда субъектами диалога становятся этнические группы, установка на принятие другой культуры без уменьшения значимости своей должна становиться доминирующей. Это особенно важно при подготовке будущих учителей.

В современном образовательном пространстве культура диалога должна основываться на нескольких принципах. 1. Диалогичность культуры должна приводить к более глубокому пониманию положительных и отрицательных сторон изучаемого нами окружающего мира; 2. Этот процесс должен представлять собой совместную деятельность с другими людьми; 3. Внутренний диалог должен быть самокритичным и содействовать развитию внутреннего мира, углубленного постижения человеком самого себя; 4. Пространство диалога между всеми участниками образовательного процесса должно постоянно расширяться [27].

Особенно важна организация подготовки будущих учителей, способных органично включать принципы межкультурной коммуникации и диалога культур в процесс преподавания учебных дисциплин. На этом основывается опыт Набережночелнинского государственного педагогического университета, где осуществляется длительный культурно-образовательный проект «Диалог культур», в рамках которого научные разработки, касающиеся многих аспектов межкультурного диалога, включены в учебный процесс [27].

Наш опыт показывает, что только на такой научной базе, строгом теоретико-методологическом фундаменте можно строить культурно-образовательные проекты, помогающие включать принципы культуры диалога в учебную деятельность и жизненные процессы, формировать в многонациональной и поликультурной образовательной среде атмосферу взаимопонимания и сотруд-

ничества. Учет этих принципов является одним из ключевых факторов актуального противоречивого дискурса сложных межэтнических и межкультурных процессов в современном усложняющемся мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Benedict R. *Patterns of Culture*, Houghton Mifflin. Boston/New York 1934, 291 S. P. 36-37.
2. Муд М. *Культура и мир детства*. М.: Наука, 1988.
3. Gorer G., Rickman J. *The People of Great Russia*. New York: Chanticleer Press, 1950.
4. Trager G., Hall E.T. *Culture as Communication: A Model and Analysis. Explorations // Studies in Culture and Communication*, №3 (1954). P. 149-176.
5. Edward T. Hall. *The Silent Language: By New York: Doubleday and Co., Inc., 1959. 240 pp.*
6. Condon J.C., Yousef F. *An Introduction to Intercultural Communication*. Indianapolis / New York: Bobbs-Merrill/London: Macmillan, 1975. – 433 p.
7. Mindess A., Holcomb T.K., Langholtz, A., Moyers, P.P. *Reading between the signs: intercultural communication for sign language interpreters*. Yarmouth Intercultural Press, a Nicholas Brealy Publishing company, 1999.
8. Carlo M. De. *L'intercultural*. Paris: Cle international, 1998. 126 p.
9. Tucker King C.S., Bailey K.S. *Intercultural communication and US higher education: How US students and faculty can improve // International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 82, 2021, P. 278-287.
10. Matera C., Catania M.A. *Correlates of international students' intergroup intentions and adjustment: The role of metastereotypes and intercultural communication apprehension // International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 82, May 2021, P. 288-297.
11. Presbitero A., Attarb H. *Intercultural communication effectiveness, cultural intelligence and knowledge sharing: Extending anxiety-uncertainty management theory. // International Journal of Intercultural Relations*, Vol. 67, 2018, P. 35-43.
12. Zhang T., Luo J., Zhang C.Y., Lee C.K.M. *The joint effects of information and communication technology development and intercultural miscommunication on international trade: Evidence from China and its trading partners // Industrial Marketing Management*. Vol. 89, August 2020, P. 40-49.
13. Ou W.A., Gu M.M. *Negotiating language use and norms in intercultural communication: Multilingual university students' scaling practices in translocal space // Linguistics and Education*. Vol. 57, June 2020. P. 1-45.
14. Jiajia Liu, Fan (Gabriel) Fang. *Perceptions, awareness and perceived effects of home culture on intercultural communication: Perspectives of university students in China // System*, Vol. 67, July 2017, P. 25-37.
15. Леонтович О.А. *Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие*. М.: Гнозис, 2007. 366 с.
16. Acioly-Régnier N.M., Koroleva D.B., Mikhaleva L.V. *Problems and Discrepancies of Intercultural Communication in Russian and Foreign Science // Procedia - Social and Behavioral Sciences*. Vol. 154, 28 October 2014, P. 204-208.
17. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 1, М.: Мысль, 1993, С. 144-147.
18. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 2, М.: Мысль, 1998. С. 192.
19. Карсавин Л.П. *Философия истории*. СПб.: Комплект, 1993. С.162.
20. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
21. Hofstede G. *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
22. Ailon G. *Mirror, mirror on the wall: Culture's consequences in a value test of its own design // Academy of management review*, Vol. 33, No. 4, Oct. 2008, P. 885-904.
23. Hirsch E.D. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. New York: Vintage Books, 1987.
24. Gardner H. *Truth, beauty, and goodness reframed: Educating for the virtues in the 21st century*. New York: Basic Books, 2011.
25. Babiker I., Cox J., Miller P. *The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, sypmtatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University // Journal of Social Psychiatry*. No. 15, 1980, P. 109-116.
26. Suanet I., van de Vijve F.J.R. *Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia. // Journal of Community & Applied Social Psychology*, Vol. 19, No. 3, 2009, P. 182-197.
27. Галиакберова А.А. *Диалог культур и образовательные процессы. В сборнике: Диалог культур в контексте образовательной деятельности: Всероссийская научно-практическая конференция. Набережные Челны: Изд. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2019. С. 10-15.*

Статья поступила в редакцию 27.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.046.4.611.084.4

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0003

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРЕХМЕРНЫХ АНАТОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НА ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДХОДА ОБЗОРНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

© Автор(ы) 2021

SPIN: 5075-5664

AuthorID: 1067508

ORCID: 0000-0002-4376-0363

БОРОДИНА Карина Михайловна, ассистент кафедры «Анатомия человека»

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса дом 3, e-mail: karina_borodina46@mail.ru)

SPIN: 2218-6910

AuthorID: 1067545

ORCID: 0000-0003-3247-3374

ЕРШОВА Елизавета Сергеевна, ассистент кафедры «Анатомия человека»

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса дом 3, e-mail: eli2aveta.er@yandex.ru)

Аннотация. Анатомия человека – это фундаментальная дисциплина, в которой важна пространственная визуализация всех структур человеческого тела. На сегодняшний день растет интерес к модернизации учебных программ, внедрения новых современных технологий. В анатомии учащиеся должны вращать и манипулировать структурами с разных точек зрения, анализировать особенности строения и влияние на состояние организма как целостной структуры, чтобы идентифицировать и диагностировать ранние проявления заболеваний. Цель настоящего исследования состояла в оценке влияния использования трехмерных анатомических моделей на обучение студентов с использованием подхода обзорного теоретического практикума. В ходе исследования мы проанализировали данные при изучении трехмерных (3D) моделей анатомии на базе практического курса строения сердечно-сосудистой системы и их влияние на обучение и успеваемость учащихся лечебного факультета. Мы провели анализ результатов нашего исследования с проведенными ранее исследованиями и выявили, что объемная визуализация в трехмерном формате улучшает идентификацию и локализацию анатомических структур учащимися, как по морфологическим, так и по функциональным изображениям, и улучшает успеваемость учащихся в анатомических задачах во время экзаменационной сессии. Наше исследование показало, что трехмерные модели человеческого тела смогут помочь учащимся медицинских специальностей в поддержке учебной программы и в повышении навыков пространственной визуализации анатомических взаимосвязей.

Ключевые слова: анатомия, медицина, психология, педагогика, методология, инновационное образование, медицина, учебные программы, трехмерные структуры, практические навыки, лечебный факультет, студенты, анатомические структуры, модернизация, теоретический практикум.

EVALUATION OF THE IMPACT OF THE USE OF THREE-DIMENSIONAL ANATOMICAL MODELS ON THE TRAINING OF STUDENTS USING THE APPROACH OF A REVIEW THEORETICAL WORKSHOP

© Author(s) 2021

BORODINA Karina Mikhailovna, assistant of the Department “Human Anatomy”

Kursk state medical University

(305041, Russia, Kursk, street Karl Marx st.3, e-mail: karina_borodina46@mail.ru)

YERSHOVA Elizaveta Sergeevna, assistant of the Department “Human Anatomy”

Kursk state medical University

(305041, Russia, Kursk, street Karl Marx st.3, e-mail: eli2aveta.er@yandex.ru)

Abstract. Human anatomy is a fundamental discipline in which the spatial visualization of all the structures of the human body is important. Today, there is a growing interest in the modernization of educational programs, the introduction of new modern technologies. In anatomy, students must rotate and manipulate structures from different points of view, analyze the features of the structure and the impact on the state of the body as a whole structure, in order to identify and diagnose early manifestations of diseases. The aim of the present study was to assess the impact of the use of three-dimensional anatomical models on students' learning using the approach of a review theoretical workshop. In the course of the study, we analyzed data that study three-dimensional (3D) models of anatomy based on a practical course on the structure of the cardiovascular system and their impact on the learning and academic performance of students of the Faculty of Medicine. We analyzed the results of our study with previous studies and found that volumetric visualization in three-dimensional format improves the identification and localization of anatomical structures by students, both in morphological and functional images, and improves student performance in anatomical tasks during the exam session. Our research has shown that three-dimensional models of the human body can help medical students to support the curriculum and enhance students' skills in spatial visualization of anatomical relationships and improve student academic performance.

Keywords: anatomy, medicine, psychology, pedagogy, methodology, innovative education, medicine, training programs, three-dimensional structures, practical skills, medical faculty, students, anatomical structures, modernization, theoretical workshop.

ВВЕДЕНИЕ

С введением реформированных учебных программ в медицинских, стоматологических и других медико-фармацевтических институтах, большинство школ сократили общее количество часов, выделяемых на преподавание анатомии и лабораторные практики. Эти изменения были постоянными дебатами и спровоцировали появление инновационных стратегий преподавания и обучения, направленных на максимальное изучение анатомии учащи-

мися в новом контексте. Анатомия - это дисциплина, в которой важна пространственная визуализация. Студентам необходимо изучить не только анатомические структуры и функции, но и пространственные отношения к окружающим структурам. Хотя учебники по анатомии и атласы анатомии предоставляют двухмерные (2D) статические анатомические иллюстрации, они имеют ограниченную ценность при отображении трехмерной (3D) динамики анатомических структур. Учащимся может быть слож-

но визуализировать двухмерные изображения как трехмерные и понимать определенные динамические аспекты функциональной анатомии. Например, определение структур, относящихся к хвостатой доле, когда печень перемещается в разные плоскости / положения [1-6].

В анатомии учащиеся должны вращать и манипулировать структурами с разных точек зрения, чтобы идентифицировать анатомические структуры. Зрительно-пространственная способность была определена как способность мысленно манипулировать целями в трех измерениях. Такая способность важна для студентов-медиков в понимании анатомических структур, а также важна для стажеров-хирургов и хирургов патологоанатомов. Следовательно, способность визуализировать и мысленно манипулировать трехмерными структурами и правильно идентифицировать их и связанные с ними структуры является важным навыком для студентов-медиков и стоматологов, когда анатомия представлена в различных плоскостях и положениях.

Исследования в этой области могут не только оценивать зрительно-пространственные способности студентов во время обучения, но также оценивать развитие педагогических технологий для улучшения учебных навыков студентов и продвижения медицинской подготовки [7-12].

Учитывая важность 3D-изучения и преподавания анатомических моделей в медицинских, стоматологических и других смежных медицинских учебных программах, понимание диапазона используемых моделей и влияния использования таких 3D-стратегий на обучение студентов требует пересмотра исследований, охватывающих 3D-модели. Основное внимание уделяется оценке различных факторов, влияющих на обучение с использованием трехмерных анатомических моделей. Этот обзор был направлен на оценку влияния использования трехмерных анатомических моделей на обучение студентов с использованием подхода обзорного теоретического практикума и оценку качества исследований, выявленных с помощью инструмента качества в области медицинского образования для количественных исследований. Инструмент качества в области медицинского образования - это многогранный инструмент для оценки качества исследований в области медицинского образования. Было показано, что он обладает надежностью и достоверностью доказательств с высокой межэкспертной и внутриэкспертной надежностью. Показатели инструмента качества в области медицинского образования коррелируют с оценками экспертов в оценке качества обучения. При структурировании этого обзора результаты исследований объединены с использованием критического анализа и тематического синтеза. Были выявлены и обсуждены пробелы в этой области и будущие направления исследований [12-20].

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель настоящего исследования состояла в оценке влияния использования трехмерных анатомических моделей на обучение студентов с использованием подхода обзорного теоретического практикума. В ходе исследования мы проанализировали данные при изучении трехмерных (3D) моделей анатомии и их влияние на обучение, а также оценили качество исследований в этой области. Наш анализ основан на подходе обзорного метода, который обычно используется для изучения вопросов, когда выявлено мало знаний. Таким образом, были выполнены пять этапов. Этап 1: определение вопроса исследования; этап 2: определение релевантных исследований; этап 3: выбор исследования; этап 4: отображение данных и этап 5: сопоставление, обобщение и представление результатов. Вопросы исследования этого обзора: Какие 3D-методы используются в преподавании и изучении анатомии? Какое влияние на обучение студентов оказывает использование трехмерных анатомических моделей? Каково качество опубликованных исследований? Ключевые слова, использованные при поиске: «3D-анатомия», «трехмерная анатомия», «3D-анатомия виртуальной ре-

альности», «3D-анатомия VR», «3D-модель анатомии», «3D-обучение анатомии» и «VR-анатомия для изучения». В поиск были включены статьи, которые были доступны в Интернете перед печатной версией.

Трехмерные (3D) анатомические модели состоят из цифровых и нецифровых (физических) моделей, которые можно перемещать в разные положения / плоскости, чтобы учащийся мог изучить взаимосвязь между различными анатомическими структурами в пространстве и мысленно управлять целями в трех измерениях. Визуально-пространственная способность, также известная как способность к пространственной визуализации, определяется, как способность мысленно манипулировать целями в двух- и трехмерных фигурах, в то время как виртуальная реальность (VR) – это компьютерная смоделированная среда, которая может моделировать реальный мир или миры с изображениями. Большинство современных сред виртуальной реальности отображается либо на экране компьютера, либо на специальных стереоскопических дисплеях. Нами были включены исследования, если они оценивали влияние использования трехмерных анатомических моделей на обучение студентов. Критерии включения были следующими: описательные исследования использования 3D-моделей в обучении без оценки влияния на обучение; исследования, описывающие разработку 3D-моделей; исследования по использованию 3D в стоматологии; использование 3D при планировании хирургических, ортопедических или анестезиологических процедур; продвинутое 3D-модели, используемые для улучшения хирургических навыков и повышения квалификации; использование 3D для понимания пороков развития, редких состояний или разработки хирургической техники; история развития 3D; использование 3D-моделей при изучении сравнительной анатомии; тезисы, материалы конференций, дискуссионные доклады по трем технологиям и общей анатомии; обзоры, комментарии, дебаты, письма в редакцию, редакционные статьи по использованию 3D-моделей в анатомии. Систематическая проверка методологической строгости исследований позволила сгруппировать исследования. Извлеченные данные были синтезированы описательно, чтобы отобразить различные аспекты литературы, как указано в ключевых вопросах исследования.

Инструмент качества в области медицинского образования использовался при оценке качества опубликованных исследований в области медицинского образования. Инструмент состоит из 10 пунктов в шести областях: дизайн исследования, метод выборки (процент ответов), тип данных, валидность инструмента оценки, анализ данных и результаты. Для каждой области максимальная оценка составляет 3, а общая возможная оценка составляет 18 с диапазоном от 5 до 18. Более высокие баллы указывают на то, что исследование хорошо спланировано, имеет действенные инструменты и обеспечивает измеримые результаты, помимо приобретения знаний и навыков.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Цифровые трехмерные модели в исследованиях, включенных в этот обзор, можно разделить на: трехмерные веб-модели (3/30; 10 %), трехмерные компьютерные и мобильные модели (21/30; 70 %) и нецифровые (физические) 3D анатомические модели (6/30; 20 %). Эти физические модели включали: трехмерные модели лапароскопической диссекции, артроскопической экспертизы, анатомии сердечно-сосудистой системы. Некоторые из трехмерных цифровых анатомических моделей были интегрированными инструментами, охватывающими макроанатомию нервной системы и связанные с ней радиологические знания.

Чтобы тщательно оценить влияние использования 3D-моделей на обучение, критическая оценка исследований проводится по следующим пунктам: факторы, влияющие на обучение с использованием 3D-моделей анатомии: было показано, что ряд факторов влияет на обучение с использованием 3D-моделей. Вот эти факто-

ры: факторы, связанные с 3D-моделью, такие как дизайн программного обеспечения 3D, доступность визуальной и слуховой информации одновременно, когнитивная нагрузка и сложность задач, включенных в программу, а также врожденное отличие от традиционных методов обучения, множественные ориентации, создаваемое программное обеспечение. Факторы, связанные с характеристиками учащегося, такими как врожденные визуальные пространственные способности, способности учащегося к трансформации и поиску, предшествующая ориентация на 3D-технологии, личное домашнее задание учащегося, когнитивная нагрузка на учащегося, пол учащегося и степень контроля обучаемого. Хотя не все эти характеристики можно изменить, определение способностей и тенденций учащихся может облегчить подходы к преподаванию и обучению.

Факторы, связанные с учебной программой и учебной средой, такие как интеграция 3D-инструмента с другими компонентами учебной программы, время, отведенное на использование 3D-инструмента, доступность преподавателей для предоставления обратной связи студентам при необходимости, этапы обучения в учебной программе и использования 3D-моделей в рамках самостоятельной учебной деятельности. Разные типы компьютерной визуализации могут быть эффективны для разных учащихся и, следовательно, могут повлиять на процесс обучения и формирование знаний. Хотя один или два из этих факторов были изучены в некоторых исследованиях, существует необходимость в тщательной оценке каждого из этих факторов и понимании стратегий, которые могут максимизировать обучение с использованием 3D-инструментов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Мы проанализировали результаты нашего исследования с проведенными ранее исследованиями и выявили, что объемная визуализация улучшает идентификацию и локализацию анатомических структур учащимися, как по морфологическим, так и по функциональным изображениям, и улучшает успеваемость учащихся в анатомических задачах на краткосрочной основе [11-16]. Хотя в ходе этих исследований был выявлен ряд факторов, влияющих на обучение с использованием трехмерных моделей, нам все еще необходимы исследования, в которых тщательно оценивается влияние этих факторов при использовании трехмерных анатомических моделей. Эти факторы можно сгруппировать в три категории: факторы, связанные с 3D-моделью, такие как дизайн модели, доступность визуальной и слуховой информации одновременно и ориентации, производимые программным обеспечением; факторы, связанные с характеристиками учащегося, и факторы, связанные с учебной программой и учебной средой. Эти факторы должны приниматься во внимание разработчиками новых 3D-моделей и разработчиками курсов, а также преподавательским составом. Мы обобщили результаты и выявили, что трехмерное моделирование не только привлекает учащихся к повышенной успеваемости и пониманию структур, но и уменьшает время отклика при выполнении задания. Другие исследования показали, что трехмерные мультимедийные модели обучения улучшают обучение студентов по сравнению с традиционными методами обучения, а также продемонстрировали взаимосвязь между использованием трехмерных компьютерных моделей и пространственными способностями. Однако не все исследования показали, что 3D-модели лучше, чем 2D-изображения или традиционное обучение. Некоторые исследования даже показали, что компьютерные методы не так эффективны, как физические модели анатомии таза. Мы обнаружили, что 2D-изображения столь же эффективны, как и модели виртуальной реальности. Исследователи пришли к выводу, что компьютерные обучающие 3D-ресурсы имеют значительные недостатки по сравнению с традиционными образцами при изучении нормальной анатомии. Однако студенты, участвовавшие в нашем исследовании, сообщили, что обучение с использованием трехмерных моделей было более удовлетвори-

тельным по сравнению с изображениями из учебников и традиционными методами обучения.

ВЫВОДЫ

Учитывая растущий интерес к 3D-моделям анатомии, о чем свидетельствует увеличивающееся количество опубликованных исследований в этой области, существует потребность в межведомственных исследованиях, которые изучают теории, лежащие в основе обучения с использованием 3D-инструментов, влияние обучения с помощью 3D-моделей на улучшение знания, а также понимание, клинические навыки, интеграции и применение. Наше исследование показало, что 3D-модели анатомии в цифровом и нецифровом (физическом) формате предпочитают учащиеся медицинских, стоматологических и других смежных медицинских специальностей, а потому могут использоваться для поддержки учебной программы и повышения навыков учащихся в пространственной визуализации анатомических взаимосвязей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверченко Л. К. Дистанционная педагогика в обучении взрослых // *Философия образования*. - 2016. - № 6 (39). - С. 322-329.
2. Алиева Л.В., Руденко И.В. Моделирование - перспективный метод организации воспитательной деятельности вуза по реализации компетентностного подхода // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 132-135.
3. Tyng C.M., Amin H.U., Saad M.N. The influences of emotion on learning and memory // *Front Psychol*, 8 (2017), p. 1454
4. Бородина К.М. Социальная тревожность, как фактор снижения успеваемости студентов // *Региональный вестник*. 2019. № 22 (37). С. 7-8.
5. Penman J., & Oliver, M. Meeting the challenges of assessing clinical placement venues in a bachelor of nursing program // *Journal of University Teaching & Learning Practice*, 2017, P.60-73.
6. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // *Journal on the Horizon*, 2019, 6 p.
7. Бодина О.В., Писковацкова А.Э., Макарова М.В., Тишков Д.С. Современное состояние образовательного процесса в вузах и пути повышения его эффективности. Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. С. 17.
8. Rowe A., Fitness J. Understanding the role of negative emotions in adult learning and achievement: a social functional perspective // *Behav Sci*, 8 (2). 2018, p. 27
9. Iwai Y. Online Learning during the COVID-19 Pandemic: what do we gain and what do we lose when classrooms go virtual? // *Sci Am*, 13. 2020, pp. 32-37
10. Кутепова Л.И., Ваганова О.И., Трутанова А.В. Формы самостоятельной работы студентов в электронной среде // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 43-46.
11. Foran J. The case method and the interactive classroom // *The National Education Association Higher Education Journal*. 2016. p. 49.
12. Писаренко Д.А. Виртуальные студенческие сообщества как форма организации внеучебной деятельности студентов вуза // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 125-127.
13. Y. Li, S. Gu, Z. Wang, H. Li, X. Xu, H. Zhu, S. Deng, X. Ma, G. Feng, F. Wang, J.H. Huang. Relationship between stressful life events and sleep quality: rumination as a mediator and resilience as a moderator // *Front Psychiatry*, 10. 2019. p. 348
14. Четвериков И.П. Понятие личности из лекций по общей психологии // *История российской психологии в лицах*. 2017. С. 215 - 224.
15. Тишков Д.С. Гендерные различия в восприятии гигиены полости рта среди сотрудников медицинских учреждений // *Региональный вестник*. 2020. № 1 (40). С. 4-5.
16. Тишков Д.С. Создание концептуальной игры, облегчающей запоминание сложной терминологии // *Карельский научный журнал*. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 41-43.
17. Alhassan A., Majeed S. Perception of Ghanaian medical students of cadaveric dissection in a problem-based learning curriculum // *Anat Res Int*. 2018. p.21
18. Pietrzyk L., Torres A., Denisow-Pietrzyk M., R. Maciejewski, K. Torres. Formaldehyde-related clinical symptoms reported by medical students during gross anatomy cadaver dissection // *Przegląd Dermatol*, 103 (4). 2016. pp. 273-280
19. Журбенко В.А., Бровкина И.Л., Карлаш А.Е., Крюков А.А., Сериков В.С. Роль симуляционных технологий в обучении студентов на кафедре стоматологии детского возраста // *Сборник трудов Всероссийской научно-учебной конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине КГМУ. Под редакцией В.А. Лазаренко, П.В. Калущого, П.В. Ткаченко, А.И. Овод, Н.Б. Дрёмовой, Н.С. Стеншинова*. 2017. С. 235-238.
20. Likert R. A technique for the measurement of attitudes // *Archives of Psychology*. 2016. 1-55p

Статья поступила в редакцию 25.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.046.4.

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0004

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ЦЕЛЬЮ СОБСТВЕННОГО ПРОДВИЖЕНИЯ И ПРОПАГАНДЫ ЗДОРОВЬЯ В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 5075-5664

AuthorID: 1067508

ORCID: 0000-0002-4376-0363

БОРОДИНА Карина Михайловна, ассистент кафедры «Анатомия человека»

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса дом 3, e-mail: karina_borodina46@mail.ru)

Аннотация. Интернет стал неотъемлемой частью общества и системы здравоохранения в целом. Каждый день 45 % запросов в интернет-поисковике связаны со здоровьем. Пользователи часто используют социальные сети, чтобы получить поддержку от других людей, имеющих аналогичные заболевания и способы их лечения. Цель этого исследования состояла в том, чтобы количественно оценить использование социальных сетей с целью собственного продвижения и пропаганды здоровья в медицинском образовании и проанализировать различия между врачами общего профиля, пропагандирующими здоровый образ жизни и рекламирующими свои профессиональные услуги. Мы предположили, что большинство врачей общего профиля будут присутствовать в социальных сетях и пропагандировать здоровый образ жизни. Мы так же оценили процент присутствия врачей, которые рекламируют свои услуги. Было выдвинуто предположение, что темпы использования социальных сетей будут выше среди частных врачей-практиков, чем среди врачей, работающих в государственном учреждении. Всего было выявлено 500 врачей по Курской области через поисковую систему «Яндекс» и поисковую систему социальных сетей, позиционирующих себя в социальных сетях. 65,7 % имели присутствие в социальных сетях, 21,8 % имели профессиональную страницу Facebook, 22,6 % – профессиональную страницу Twitter, 52,1 % – профиль Vkontakte и 94,1 % – аккаунт Instagram. Большинство врачей старшего возраста имели профиль в Одноклассниках – 4,8 %. У 78,9 % врачей их профессиональные блоги были направлены на поддержание здорового образа жизни, правильного питания и своевременного обращения за медицинской помощью. Однако 21,3 % страниц были рекламными, позиционирующими профессиональные услуги владельца страницы. Основными такими страницами стали профили врачей стоматологов и врачей косметологического профиля. Таким образом, большинство молодых врачей используют социальные сети для всеобщего просвещения и пропаганды здорового образа жизни, что имеет колоссальную важность в настоящее время среди современного поколения. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что интернет потенциально влияет на убеждения и поведение пациентов, связанные с их здоровьем.

Ключевые слова: пропаганда здорового образа жизни, психология, педагогика, современные технологии, медицина, образование, социальные сети, практическая значимость, теоретическая подготовка, квалификации, просвещение, врачи, студенты, ординаторы.

THE USE OF SOCIAL NETWORKS FOR THE PURPOSE OF THEIR OWN PROMOTION AND PROMOTION OF HEALTH IN MEDICAL EDUCATION

© Author(s) 2021

BORODINA Karina Mikhailovna, assistant of the Department «Human Anatomy»

Kursk state medical University

(305041, Russia, Kursk, street Karl Marx st.3, e-mail: karina_borodina46@mail.ru)

Abstract. The Internet has become an integral part of society and the health system as a whole. Every day, 45 % of the queries in the Internet search engine are related to health. Users often use social media to get support from other people who have similar illnesses and how to treat them. The aim of this study was to quantify the use of social media for self-promotion and health promotion in medical education, and to analyze the differences between general practitioners promoting a healthy lifestyle and advertising their professional services. We assumed that most general practitioners would have a presence on social networks and promote a healthy lifestyle, as well as estimate the percentage of the presence of doctors who advertise their services. We also assumed that the rate of social media use would be higher among private practitioners than among doctors working in a public institution. In total, 500 doctors in the Kursk region were identified through the Yandex search engine and the social network search engine, positioning themselves in social networks. 65,7 % had a presence in social networks, 21.8 % were professional Facebook page, 22.6 percent - the professional Twitter page, 52.1 % of profile Vkontakte and 94.1 % account Instagram. The majority of older doctors had a profile in Odnoklassniki -4.8 %. In 78.9 % of doctors, their professional blogs were aimed at maintaining a healthy lifestyle, proper nutrition and timely access to medical care. However, 21.3 % of the pages were advertising, positioning their professional services, the main such pages were the profiles of dentists and cosmetology doctors. Thus, the majority of young doctors use social networks for general education and promotion of a healthy lifestyle, which is of great importance at the present time among the modern generation. Based on the data obtained, it can be concluded that the Internet potentially affects the beliefs and behavior of patients related to their health.

Keywords: promotion of a healthy lifestyle, psychology, pedagogy, modern technologies, medicine, education, social networks, practical significance, theoretical training, qualifications, education, doctors, students, residents.

ВВЕДЕНИЕ

Интернет стал неотъемлемым средством подключения людей к системе здравоохранения. Исследование более чем 30 000 взрослых показало, что почти 45 % пациентов искали в интернете информацию, связанную со здоровьем. Пациенты часто используют социальные сети, чтобы получить поддержку от других людей, живущих в аналогичных условиях и имеющих аналогичные заболевания. Таким образом, интернет потенциально может влиять на убеждения и поведение пациентов, связанные со здоровьем [1-6].

Врачи также являются активными пользователями сети Интернет. Социальные сети превратились в средство, с помощью которого врачи могут просвещать общественность, расширять собственную базу знаний и общаться с коллегами. Социальные сети также служат для врачей средством продвижения себя потенциальным пациентам. Одно исследование показало, что при выборе потенциального пластического хирурга на пациентов часто оказывают сильное влияние социальные сети [7-10].

Многие врачи используют социальные сети. Так

один опрос показал, что примерно 65 % врачей занимаются социальными сетями в профессиональных целях, а показатели профессионального присутствия в социальных сетях варьируются в зависимости от специальности. Например, около 62 % пластических хирургов используют социальные сети в своей практике, а среди детских ортопедических хирургов 36,8 % имели профиль Инстаграм и около одной трети имели профессиональное присутствие YouTube [11-14].

Профессиональные врачи-блогеры представляют собой уникальное подмножество врачей в том смысле, что они связаны с известными организациями с большим присутствием средств массовой информации и глобальной аудиторией. До настоящего времени использование социальных сетей профессиональными врачами спортивных команд не было хорошо охарактеризовано [15-20].

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель этого исследования состояла в том, чтобы количественно оценить использование социальных сетей с целью собственного продвижения и пропаганды здоровья в медицинском образовании и проанализировать различия между врачами общего профиля, пропагандирующими здоровый образ жизни и рекламирующими свои профессиональные услуги. Наша основная гипотеза состояла в том, что большинство врачей будут присутствовать в социальных сетях. Наши вторичные анализы были сосредоточены на факторах, влияющих на темпы использования социальных сетей. Мы предположили, что большинство врачей общего профиля будут присутствовать в социальных сетях и пропагандировать здоровый образ жизни. Мы оценили процент присутствия врачей, которые рекламируют свои услуги. Было выдвинуто предположение, что темпы использования социальных сетей будут выше среди частных врачей-практиков, чем среди академических врачей. Наконец, мы предположили, что все другие демографические переменные, включая уровень подготовки и квалификационную принадлежность, не будут связаны с использованием социальных сетей.

Опыт обучения (включая медицинскую школу, специальность и стипендию), место практики (академическое или частное) и текущее географическое положение (Запад, Юг, северо-восток, Средний Запад, Северо-Запад, Восток, Юго-Запад или международное) были записаны на основе наших поисковых запросов в интернете. Крупные мегаполисы были классифицированы как те, кто работает в городе с населением более 1,5 миллиона человек.

Нами были проанализированы такие социальные сети как Instagram, Facebook, Twitter, LinkedIn, ResearchGate. Для нашего первичного анализа мы подсчитали количество профессиональных врачей команды с профессиональным аккаунтом Facebook, Twitter или Instagram-аккаунтом. Мы также количественно определили долю врачей с любым присутствием в социальных сетях, имея в виду профессиональную учетную запись по крайней мере на 1 из этих 5 платформ.

Для нашего вторичного анализа мы провели многофакторную логистическую регрессию демографических переменных на вероятность наличия присутствия в социальных сетях. Включенными переменными были государственная и частная виды практики, квалификационная принадлежность к медицинскому университету и педагогической деятельности и уровень общей подготовки. Мы проверили потенциальную коллинеарность, измерив коэффициент инфляции дисперсии. Для многоуровневых переменных, которые были значимыми, мы провели последующие попарные сравнения между всеми другими уровнями этой переменной.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Всего по Курской области было выявлено 500 врачей, позиционирующих себя в социальных сетях, через поисковую систему «Яндекс» и поисковую систему соци-

альных сетей. Из 505 врачей 65,7 % имели присутствие в социальных сетях. Instagram и Facebook-профиль более конкретно, 21,8% имели профессиональную страницу Facebook, 22,6 % – профессиональную страницу Twitter, 52,1 % – профиль Vkontakte и 9,1 % – аккаунт Instagram. Большинство врачей старшего возраста имели профиль в Одноклассниках – 4,8 %. У 78,9 % врачей их профессиональные блоги были направлены на поддержание здорового образа жизни, правильного питания и современного обращения за медицинской помощью. 21,3% страниц были рекламными, позиционирующие профессиональные услуги владельцев страниц. Основными такими страницами стали профили врачей стоматологов и врачей косметологического профиля. Врачи, получившие стипендию ($P = 0.008$), имели больше шансов на присутствие в социальных сетях.

Таким образом, в этом исследовании было проанализировано 505 врачей; 95,6 % из них были врачами-медиками (докторами медицины), 44,6 % являлись врачами терапевтами общего профиля и 15,8 % – врачами узкого профиля. В общей сложности 82,4 % имели стипендиальную подготовку ($n = 416$). Логистическая регрессия на вероятность присутствия в социальных медиа показала, что у обученной команды врачей было значительно больше шансов (отношение шансов = 2.04, $P = .008$) использования социальных медиа. Все тестируемые переменные вряд ли были мультиколлинеарными, поскольку ни одна переменная не имела коэффициента инфляции дисперсии выше 1,5. В этом исследовании мы обнаружили, что общее присутствие на популярных платформах социальных сетей среди врачей Курской области является высоким и составляет более 65 % во всех видах спорта. Кроме того, обучение стипендиатом связано с использованием социальных сетей среди врачей.

В целом мы обнаружили, что из 505 профессиональных командных врачей 65,7 % имели присутствие в социальных сетях, а наиболее часто используемой платформой был Instagram у 52,1 % профессиональных врачей. Тем не менее, показатели использования Вконтакте и Одноклассники были выше среди детских врачей.

Сравнение наших результатов с этими исследованиями показывает, что в целом страницы профессиональных врачей могут иметь более высокий уровень использования социальных сетей, чем врачей, которые не связаны с профессиональной деятельностью и не имеют высшей квалификации. Несмотря на эти более высокие показатели, все еще есть много профессиональных врачей не молодого возраста, которые не используют социальные сети в своей практике.

Второй ключевой вывод состоял в том, что стажировка была значимым предиктором присутствия социальных сетей среди профессиональных врачей. Конкретные факторы, лежащие в основе этого вывода, выходят за рамки настоящего исследования, однако мы считаем, что здесь могут иметь место несколько факторов. Некоторые врачи, проводящие стажировку, могут искать дополнительные знания, чтобы отличиться от универсалистов в своей области. Тоже самое желание выделиться может стимулировать участие в социальных сетях. Кроме того, учитывая их более глубокие знания об оценочных и управленческих аспектах своей области, мы подозреваем, что стипендиаты с большей вероятностью будут извлекать концепции развития практики из своего обучения, чем старшие резиденты, все большая часть которых, как представляется, владеет социальными сетями. В этом же ключе узкоспециальная подготовка может привести врачей к дальнейшему развитию их профессиональной идентичности, что также может способствовать более широкому использованию социальных сетей. Вполне возможно, что акцент на образовании в социальных сетях на ранних этапах медицинской подготовки, например во время ординатуры, может способствовать использованию социальных сетей среди выпускников. Важно отметить, однако, что большинство врачей могут

стремиться к стипендиям по причинам, не связанным с присутствием в социальных сетях, например, для развития специальных знаний, совершенствования и приобретения новых навыков или улучшения будущих академических перспектив.

В отличие от нашей первоначальной гипотезы, мы обнаружили, что врачи частной практики имели равное использование социальных сетей по отношению к академическим врачам. Несколько предыдущих исследований сообщили, что врачи частной практики имеют более широкое использование социальных сетей по сравнению с врачами в академической медицине. Одним из возможных объяснений этого неравенства является то, что, учитывая высокий общий уровень использования социальных сетей среди врачей, различия между частными и академическими врачами являются более тонкими и, следовательно, более трудными для измерения.

ВЫВОДЫ

Таким образом, большинство молодых врачей используют социальные сети для всеобщего просвещения и пропаганды здорового образа жизни, что имеет колоссальную важность в настоящее время среди современного поколения. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что интернет потенциально влияет на убеждения и поведение пациентов, связанные с их здоровьем. Будущие исследования предпочтений пациентов могут помочь согласовать использование врачами социальных сетей с предпочтениями или предполагаемыми потребностями пациентов, а также с тем, какие платформы предпочитают пациенты при поиске медицинской информации или привлечении потенциальных врачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверченко Л. К. Дистанционная педагогика в обучении взрослых // *Философия образования*. - 2016. - № 6 (39). - С. 322-329.
2. Алиева Л.В., Руденко И.В. Моделирование - перспективный метод организации воспитательной деятельности вуза по реализации компетентностного подхода // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 132-135.
3. Тишков Д.С. Влияние отношений преподаватель-студент и студент-студент на социальную вовлеченность
4. Абуллаев С. Г. Оценка эффективности системы дистанционного обучения // *Телекоммуникации и информатизация образования*. - 2007. С. 85-92
5. Авраамов Ю. С. Практика формирования информационно-образовательной среды на основе дистанционных технологий // *Телекоммуникации и информатизация образования*. - 2004. - п 2. - с. 40-42.
6. Кравцова Е.Е. Психология и педагогика. М.: Проспект, 2016. - 320 с.
7. Тихомирова Е.И. Социальная педагогика. Самореализация учащихся в коллективе. М.: Academia, 2015. - 16 с.
8. Тишков Д.С., Перетягина И.Н., Брусенцова А.Е. Оценка уровня удовлетворенности у студентов стоматологического факультета в период производственной практики // *Успехи современного естествознания*. 2014. № 12-3. С. 289-290.
9. Бородина К.М. Принцип преподавательской деятельности по дисциплине «Анатомия человека» // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. №4 (33). С. 45-47.
10. Хуторской А.В. Педагогика: Учебник / А.В. Хуторской. - СПб.: Питер, 2017. - 112 с.
11. Овчаров С.М. Педагогическая технология развития креативности будущих учителей информатики в условиях университетского образования // *Карельский научный журнал*. 2013. № 1 (2). С. 43-46.
12. Юсупова Г.В. Структура и динамика ценностных ориентаций современного педагога // *Карельский научный журнал*. 2013. № 4 (5). С. 124-126.
13. Penman J., & Oliver, M. Meeting the challenges of assessing clinical placement venues in a bachelor of nursing program // *Journal of University Teaching & Learning Practice*, 2017, P.60-73.
14. Prensky M. (2001). Digital natives, digital immigrants // *Journal on the Horizon*, 2019, 6 p.
15. Бодина О.В., Писковацкова А.Э., Макарова М.В., Тишков Д.С. Современное состояние образовательного процесса в вузах и пути повышения его эффективности. Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. С. 17.
16. Кутепова Л.И., Ваганова О.И., Трутанова А.В. Формы самостоятельной работы студентов в электронной среде // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 43-46.
17. Foran J. The case method and the interactive classroom // *The National Education Association Higher Education Journal*. 2016. p. 49.
18. Писаренко Д.А. Виртуальные студенческие сообщества как форма организации внеучебной деятельности студентов вуза // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 125-127.

19. Четвериков И.П. Понятие личности (из лекций по общей психологии) // *История российской психологии в лицах*. 2017. С. 215 - 224.
20. Likert R. A technique for the measurement of attitudes // *Archives of Psychology*. 2016. 1-55p

Статья поступила в редакцию 02.03.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.14
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0005

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ КУРСА «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

© Автор(ы) 2021
SPIN: 3836-3633
AuthorID: 688004
ORCID: 0000-0002-8357-6069

БУТОВА Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранных языков по техническим направлениям»

SPIN: 2502-7050
AuthorID: 785927
ORCID: 0000-0001-8503-9948

КИСЕЛЬ Олеся Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранных языков по техническим направлениям»

SPIN: 4712-6011
AuthorID: 692782
ORCID: 0000-0001-7367-6093

ДУБСКИХ Ангелина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранных языков по техническим направлениям»

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина 38, e-mail: annb.79@mail.ru)*

Аннотация. В современном обществе владение иноязычной профессиональной компетенцией является необходимым условием для того, чтобы быть конкурентноспособным на рынке труда, поэтому в технических вузах особое внимание уделяется дисциплине «Английский язык в профессиональной деятельности». Процесс преподавания английского языка постоянно модернизируется и совершенствуется. Особенно остро стоит вопрос разработки качественного учебно-методического контента, содействующего развитию у студентов навыков иноязычной коммуникации в профессиональных ситуациях. Авторы статьи подчеркивают, что при разработке курса «Английский язык в профессиональной деятельности» следует дать больше пространства коммуникативной деятельности, воспроизводящей реальные жизненные ситуации, в которых инженер или техник может быть вовлечен в своей профессиональной деятельности. Помимо рассмотрения будущей карьеры наших студентов, мы также решили настаивать на важности развития их навыков английского языка в перспективе получения стипендии за рубежом. Одной из основных целей исследования было показать студентам инженерных специальностей важность изучения английского языка посредством анкетирования. Преподаватели кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова попытались адаптировать курс «Английский язык в профессиональной деятельности» так, чтобы предоставить студентам возможность не только развивать коммуникативные навыки на английском языке в соответствии с требованиями учебного плана, но и с требованиями современного рынка труда. Мы исходили из предположения, что студенты могут не знать о той важной роли, которую играет английский язык в их будущей карьере инженера. Повышая их осведомленность о важности английского языка для их будущей карьеры, мы также хотели повысить их мотивацию к активному участию в занятиях по английскому языку.

Ключевые слова: образовательный процесс, обучение, мотивация, английский язык, коммуникативные навыки.

“ENGLISH IN PROFESSIONAL ACTIVITY” COURSE DESIGN: SOME ASPECTS

© The Author(s) 2021

BUTOVA Anna Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Foreign Languages for Engineering Chair»

KISEL Olesya Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the
«Foreign Languages for Engineering Chair»

DUBSKIKH Angelina Ivanovna, candidate of philological sciences, associate professor of the
«Foreign Languages for Engineering Chair»

*Nosov Magnitogorsk State Technical University
(455000, Russia, Magnitogorsk, 38, Lenin St, e-mail: annb.79@mail.ru)*

Abstract. In modern society, to possess a foreign-language professional competence means to be competitive in the labor market, therefore, in technical universities, special attention is paid to “English in professional activity”. The process of teaching English is constantly being modernized and improved. There is much concern about building high-quality learning and methodological content that contributes to the development of students’ skills in foreign language communication in professional situations. The authors of the paper emphasize that when designing “English in Professional Activity” course, more space should be given for communicative activities that reproduce real life situations in which an engineer or technician can be involved in his/her professional activities. In addition to considering the students’ future career, it is also necessary to insist on the importance of developing the students’ English language skills for a scholarship abroad. One of the main purposes of the study was to show engineering students the importance of learning English through questionnaires. The teachers of the Foreign Languages in Engineering Department of Nosov Magnitogorsk State Technical University tried to adapt “English in professional activity” course to provide the students with the opportunity not only to develop communication skills in English according to the curriculum, but also to the requirements of the modern labor market. We assumed that the students might not be aware of the important role English plays in their future engineering career. We also wanted to increase their motivation to participate actively in English classes, raising their awareness of the importance of English for their future career.

Keywords: learning process, teaching, motivation, English, communication skills.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В настоящее время английский язык стал глобальным средством коммуникации. Люди взаимодействуют в разных контекстах (во время путешествий, работы, ве-

дения бизнеса или поиска информации), используя английский язык для достижения своих конкретных целей. Статистические данные показывают, что английский стоит на первом месте среди языков, используемых сегодня во всем мире, с общим числом 1,132 миллиарда пользователей. Он входит в число официальных языков, принятых как Организацией Объединенных Наций, так и Европейским союзом, и считается основным языком общения.

Развитие информационно-коммуникационных технологий породило революцию в том, что касается возможности найти работу по всему миру. Работодатели в различных областях, включая инженерное дело, заинтересованы в том, чтобы предлагать работу выпускникам, демонстрирующим не только технические знания, но хотя бы базовое знание английского языка.

Анализ последних исследований и публикаций.

Важность приобретения навыков владения английским языком студентами инженерных специальностей подчеркивалась многими исследователями [1]. Во многих работах авторы отмечают, что есть диссонанс между приобретением соответствующих коммуникативных навыков (особенно на английском языке) у выпускников технических вузов и требованиями при разработке учебных программ, соответствующих потребностям международного рынка труда [2; 3].

Разработка узконаправленных курсов иностранного языка в современной методике является обязательным звеном непрерывного профессионального образования. Данный тезис рассматривается в работах М.А. Ариян, М.И. Ключевой, М.Л. Груздевой, О.Н. Прокоровой и др. [4; 5].

Зарубежные исследователи также занимаются проблемами профессионально-ориентированного иностранного языка, при этом данное направление входит в большую группу исследований, получивших международный термин “English for special purposes” [6; 7]. Такие ученые, как Т. Hutchingson, Р. Lengrand эффективно описывают и исследуют данную тему [8; 9; 10].

Преподаватели кафедр иностранных языков по техническим направлениям при разработке курса «Английский язык в профессиональной деятельности» пытаются замотивировать студентов инженерных специальностей изучать английский язык. Основываясь исключительно на субъективном восприятии и опыте преподавания английского языка в течение более чем 20 лет, можно сказать, что студенты прилагают мало усилий для изучения английского языка (вне аудитории). Хотя многие студенты используют английский язык в различных формах развлечения (особенно игры и общение с друзьями из-за рубежа), которые являются отличными способами улучшить свои языковые навыки, некоторые из них проявляют интерес во внеклассных мероприятиях, таких как программа Erasmus или участие в международных проектах. Таким образом, использование английского языка в образовательной деятельности мало практикуется [11; 12].

Это может быть связано с нежеланием прилагать усилия для изучения английского языка в формальном контексте с довольно напряженным графиком студентов инженерных специальностей. Английский язык, являясь обязательной дисциплиной, не воспринимается как приоритетный предмет. В этой связи преподаватели, которые читают дисциплину «Английский язык в профессиональной деятельности», активно взаимодействуют с коллегами с технических кафедр в работе над разработкой курса. Студенты должны не просто читать тексты технического содержания, учить активный словарь, но и иметь четкое представление, как и где в своей будущей профессиональной деятельности они смогут применить знания английского языка [13]. Знание технической лексики – это не основное требование, а скорее хорошее владение английским языком, которое позволит сотруднику эффективно взаимодействовать в различных

коммуникативных контекстах. Исходя из этих соображений, преподаватели кафедры иностранных языков по техническим направлениям пытаются использовать любой контекст, в котором студенты могли бы практиковать английский.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Цель статьи – доказать важность овладения иноязычными коммуникативными навыками студентами технических специальностей как для улучшения академической успеваемости, так и для карьерного роста; обосновать важность преподавания английского языка в университетах.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Для достижения поставленной цели использовалась совокупность теоретических и эмпирических методов исследования: теоретический анализ литературы по теме, анкетирование студентов.

Разработанная анкета была применена к студентам первого курса технических специальностей Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. Мы выбрали студентов первого курса, потому что хотели повысить их мотивацию к изучению английского языка. Однако тот факт, что студенты все еще находятся на первых курсах, может означать, что они не очень хорошо знакомы с академическим контекстом и, следовательно, еще не поняли, насколько важно использовать любую возможность учиться и развиваться.

Анкета была применена в декабре 2019 года, а не в самом начале учебного года, так как мы хотели дать студентам время ознакомиться с программой курса «Английский язык в профессиональной деятельности».

Преподаватели также определили и систематизировали требования (с точки зрения владения английским языком) крупных работодателей. Для этого были проведены встречи с работодателями региона в области машиностроения, металлургии и горнодобычи. Основной целью данных встреч было определение навыков, которые они ожидают найти в кандидате с точки зрения владения английским языком. Данные опросы работодателей оказались плодотворными, поскольку они помогли понять, какие части курса «Английский язык в профессиональной деятельности» следует расширить, или какие новые темы необходимо включить.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обобщением полученных научных результатов.

В Магнитогорском государственном техническом университете студенты изучают английский язык в течение первых двух лет обучения на бакалавриате (четыре семестра, в большинстве случаев один час в неделю).

Английский язык является обязательным предметом в учебном плане. Материалы, которые мы используем, в основном являются результатом нашего сотрудничества с коллегами-экспертами по различным предметам, что привело к публикации учебных материалов, адресованных студентам [14; 15].

Что касается содержания курса, то акцент делается на преподавании профессионально-ориентированной лексики. В курсе «Английский язык в профессиональной деятельности» лексика вводится тремя основными способами:

- перед чтением/обсуждением текстов, в которых встречается техническая лексика (термины могут быть написаны на доске и объяснены и переведены, представлены как часть глоссария или представлены в образцовых предложениях, в то время как студентам предлагается объяснить их) [16];

- при чтении текстов (понятия могут быть определены как часть самого текста), когда учащиеся выполняют вводные упражнения, отвечают на текстовые вопросы, описывают графики, рисунки или другие формы визу-

альной информации [17]. Студентам также предлагается использовать технические понятия, обсуждаемые на уроке, в своих предложениях или попытаться объяснить, в каком практическом контексте могут встречаться теоретические аспекты, обсуждаемые в разделе чтения [18; 19].

Каждое занятие заканчивается упражнением, в котором учащиеся должны разыграть ситуацию, связанную с применением обсуждаемого технического вопроса в реальной жизни.

На втором курсе бакалавриата занятия английским языком фокусируются на концепциях, связанных с выбранной студентами отраслью инженерного дела, а занятия в большей степени опираются на аудирование и разговорную речь. Одной из проблем является то, что при аудиторной работе остается мало времени для обсуждения грамматических вопросов [20]. Другая проблема связана с отсутствием единообразия (внутри групп студентов) в отношении способности студентов использовать базовый английский. На наш взгляд, это основные недостатки, к которым мы стараемся найти эффективные решения [21; 22].

В этом исследовании внимание было уделено программе курса «Английский язык в профессиональной деятельности» преподаваемого кафедрой иностранных языков по техническим направлениям студентам инженерных специальностей. Данный курс был адаптирован таким образом, чтобы студенты могли лучше подготовиться к потребностям текущего рынка труда.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

На основе изученных исследований преподаватели кафедры иностранных языков по техническим направлениям МГТУ им. Г.И. Носова разработали анкету для студентов инженерных специальностей.

Анкета включала 4 вопроса. Первый вопрос «Как вы определили глобальный язык?» содержал также пояснение, в котором студентам было предложено согласиться или не согласиться с идеей о том, что английский язык является глобальным языком, и объяснить причину этого, если они выбрали положительный ответ.

Второй вопрос «Как вы думаете, можно ли считать английский глобальным языком?» (если да, объясните, почему?). С точки зрения определений, данных студентами глобальному языку, большинство связывало его с большим количеством активных пользователей по всему миру; он также был определен как язык, который используется во многих областях, чтобы облегчить общение между странами и народами. На второй вопрос все опрошенные студенты выбрали первый вариант ответа, определяя английский как глобальный язык по таким причинам, как его доступность (вы можете услышать, как на нем говорят почти везде). Кроме того, они связывали статус английского языка с тем, что он официальный язык в США или Великобритании, двух сильных экономических державах. Другие студенты указали на тот факт, что технология объединяет мир сегодня, и поскольку большинство технологических объяснений дается на английском языке, эта ситуация еще больше способствовала распространению английского языка по всему миру.

Следующие пять вопросов касались участия студентов в мероприятиях, которые помогут им использовать или улучшить свои навыки общения на английском языке. Данный блок вопросов должен был, помимо получения ответов от студентов, привлечь их внимание к тем ситуациям, которые могли бы дать им возможность активно использовать английский.

Таким образом, третий вопрос спрашивал студентов, используется ли ими английский язык в качестве средства коммуникации вне занятий английским языком (во время других лекций, лабораторий или проектов). Как видно из приведенных выше ответов, большинство сту-

дентов согласилось с тем, что английский язык используется в качестве средства коммуникации для различных видов деятельности вне занятий. Давая ответ на эти вопросы, студенты учитывали тот факт, что, поскольку они используют многие англоязычные компьютерные программы, они используют английский язык во время других лекций, лабораторий или проектной деятельности.

Четвертый вопрос «Будучи студентом МГТУ, использовали ли вы английский язык для проведения исследований – смотрели ли вы учебные пособия на английском языке/читали ли материалы, написанные на английском языке/общались ли со сверстниками или специалистами в этой области, используя английский?» был вопросом, на который нужно было ответить только «да» или «нет». Из числа тех, кто выбрал отрицательный ответ, некоторые объяснили, что они не очень хорошо знают английский язык, и поэтому они не используют английский язык в учебной деятельности, не относящейся непосредственно к курсу «Английский язык в профессиональной деятельности».

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Целью данной статьи было подчеркнуть важность овладения коммуникативными навыками на английском языке студентами инженерных специальностей с целью повышения как их успеваемости, а также шансов на продолжение карьеры в области инженерии. Кроме того, мы хотели подчеркнуть важность преподавания английского языка в университетах и адаптации учебных программ к постоянно меняющемуся рынку труда.

Для достижения наших целей мы начали с анализа содержания курса «Английский язык в профессиональной деятельности» в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова и его соотносительностью с требованиями основных работодателей.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

В результате нашего сотрудничества с ведущими предприятиями области, было установлено, что курс должен включать в себя больше коммуникативных контекстов, которые помогут нашим студентам в реальной жизни. Такие контексты могут включать в себя: участие в интервью, общение с коллегами или начальством, ответы на вопросы во время аудита, описание процессов и конструкций, описание технических функций и приложений, обсуждение технических проблем и/или технических требований, написание отчетов, писем, электронных писем, проведение эффективных телефонных разговоров.

Что касается оценки анкеты, то выяснилось, что большинство студентов согласны с важной ролью английского языка. Они также согласны с тем, что хорошее владение иностранным языком откроет им лучшие возможности для получения стипендии или работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Королева Н.М., Семенова Ю.И. Профессиональная компетентность в контексте современных требований к подготовке преподавателя иностранного языка. Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. научных статей VII Междунар. науч.-практ. конф., 17-18 мая 2018 г. / редкол.: Е. Г. Баянкина (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2018. С.131-138.
2. Massenov, K. Distance education: new opportunities, new looks // *The Scientific Heritage*. – 2021. – No 63-1(63). – pp. 3-5. – DOI 10.24412/9215-0365-2021-63-1-3-5
3. Virginia L. Byrne, Erin Hogan, Neil Dhingra, Monica Anthony & Colleen Gannon. An exploratory study of how novice instructors pivot to online assessments strategies // *Distance Education*, 2021. № 42:2, pp. 184-199, DOI: 10.1080/01587919.2021.1911624
4. Ariyan M.A., Klyueva M.I. Communicative-cognitive case-method in teaching English to students: didaktik potential // *Yazyk i Kultura – Kultura-Language and Culture*. 2017. Vol. 40. Pp. 135-153.
5. Gruzdeva M.L., Prokhorova O.N., Chanchina A.V., Chelnokova E.A., Khanzhina E.V. Post-graduate information support for graduates of pedagogical universities // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2018. Vol. 622. Pp. 143-151.
6. Burt M., Peyton J. K., Adams R. Reading and Adult English Language Learners: A Review of the Research. Series on Preparing Adult English Language Learners for Success // *Reading and adult English language*

learners: A review of the research. Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 2003.

7. Быстрай Е. Б., Скоробренко И. А. Формирование познавательного интереса будущих учителей к изучению иностранного языка с использованием кейс-стади // *Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования: сб. науч. ст. Межвуз. науч.-практ. конф. (Кемерово, 27-28 мая 2019 г.) / под ред. Л. С. Зикиной. Кемерово: КузГТУ, 2019. С. 146–149.*

8. Burt M., Peyton J. K., Adams R. *Reading and Adult English Language Learners: A Review of the Research. Series on Preparing Adult English Language Learners for Success // Reading and adult English language learners: A review of the research. Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 2003.*

9. Hutchinson T., Waters A. *English for Specific Purposes: A learning-centred approach. Cambridge: University Press, 1987.*

10. Lengrand P. *Introduction a l'education permanente. Paris, 1970.*

11. Nefedova, K. V., Sedlyarova, O. M. Polite requests in L2 teaching // *Студенческий научный форум: образование и технический прогресс: материалы междунаро. студенческой научно-практической конференции. Магнитогорск: МГТУ им Г.И. Носова, 2019. С. 90–93.*

12. Полякова, Л. С., Южакова Ю. В. *Лексико-грамматические трудности технического перевода с английского на русский: Электронное издание. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2017. – ISBN 9785996710447.*

13. Широколобова А. Г., Губанова И. В. *Повышение мотивации студентов по иностранному языку при работе в электронной среде // Открытое и дистанционное образование. 2018. № 3 (71). С. 49–54*

14. Кузнецова И.В. к вопросу об использовании в учебном процессе технических средств обучения // *Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, 13–14 апреля 2017 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 291 с.*

15. Fidalgo, P., Thormann, J., Kulyk, O. et al. *Students' perceptions on distance education: A multinational study. Int J Educ Technol High Educ 2020. <https://doi.org/10.1186/s41239-020-00194-2>*

16. Abbot, M. L., Lee, K. K., & Rossiter, M.J. *Evaluating the effectiveness and functionality of professional learning communities in adult ESL programs. // TESL Canada Journal. 2018. № 35(2). pp. 1-25.*

17. Cubeles, A., & Riu, D. *The effective integration of ICTs in universities: The role of knowledge and academic experience of professors. // Technology, Pedagogy and Education. 2018. № 27. pp. 339-349.*

18. Fojtik, Rostislav. *Problems of Distance Education. // International Journal of Information and Communication Technologies in Education. 2018. № 7. pp. 14-23. 10.2478/ijicte-2018-0002.*

19. Кузнецова И.В. *Специфика обучения профессионально ориентированному английскому языку в морском вузе // «Научные тенденции: Педагогика и психология». Сборник научных трудов по материалам IX международной научно-практической конференции 4 авг. 2017 г., СПб, Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. - С.7 – 10*

20. Drokina, K. V. *Distance education in universities: advantages and disadvantages // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – No 9-2(48). – P. 46-48. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-11023.*

21. Wakoli, C. *Effects of workload on the teachers' performance in Kandyi Division, Bungoma District// International Journal of Science and Research. 2016. № 5(10), pp. 1215-1219. DOI: 10.21275/SUB154454*

22. Leontyeva I.A. *Modern Distance Learning Technologies in Higher Education: Introduction Problems// Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2018. T. 14. № 10. С. 1-8.*

Статья поступила в редакцию 22.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 372.881.1

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0006

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ИНТЕГРАТИВНО-РЕКОМБИНАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

© Автор 2021

SPIN: 2749-3499

AuthorID: 576046

ORCID: 0000-0001-8492-3520

ResearcherID: ABE-3174-2020

ВАНЯГИНА Марина Романовна, кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ (СПВИ ВНГ РФ)
(198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, e-mail: marmalkina@rambler.ru)*

Аннотация. В методике обучения иностранным языкам актуальным является вопрос выбора подхода как методологической основы педагогической деятельности. Коммуникативный подход остается одним из главных в лингводидактике, провозглашая постулат обучения языку как средству коммуникации. Однако он имеет множество вариаций и воплощений в разных методиках иноязычного обучения. В связи с этим говорят о пост-коммуникативном подходе, отрицающем строгую методологию, опирающемся на индивидуальную практику. Ведущие подходы имеют схожие положения, поэтому целесообразно объединить их по принципу интеграции. Важен также принцип рекомбинации, позволяющий комбинировать элементы системы обучения, исходя из конкретных целей и условий обучения. В статье обосновывается интегративно-рекомбинационный подход к обучению иностранным языкам в вузах. Он основан на интеграции базовых положений современных подходов: коммуникативного, компетентностного (цель обучения – формирование иноязычной коммуникативной компетенции), личностно-деятельностного (приоритет индивидуализации и практико-ориентированности обучения), социокультурного (обучение языку как неотъемлемой части культуры и социума), контекстного (обучение через моделирование предметного содержания будущей профессиональной деятельности), а также рекомбинации различных форм, средств и технологий обучения.

Ключевые слова: интеграция, рекомбинация, подход к обучению иностранным языкам, коммуникативный подход, посткоммуникативный подход, бинарный подход, избирательный эклектизм.

INTEGRATIVE RECOMBINATIONAL APPROACH TO FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN HIGHER EDUCATION

© The Author 2021

SPIN: 2749-3499

AuthorID: 576046

ORCID: 0000-0001-8492-3520

ResearcherID: ABE-3174-2020

VANYAGINA Marina Romanovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor,
professor of the department of foreign languages,

*Saint-Petersburg military Zhukov's order Institute of National Guard Troops of the Russian Federation
(198206, Russia, Saint-Petersburg, Letchika Pilutova street, 1, e-mail: marmalkina@rambler.ru)*

Abstract. The choosing of the approach to foreign languages teaching as the methodological basis of pedagogical activity is relevant. The communicative approach remains one of the main ones in linguodidactics, proclaiming the postulate of language teaching as a means of communication. However, it has many variations and implementations in various methods of foreign language teaching. In this regard we consider a post-communicative approach based on individual practice that denies a strict methodology. Leading approaches have similar provisions, so it is advisable to combine them on the principle of integration. The principle of recombination is also important. It allows combining elements of the education system based on specific goals and conditions of training. The article justifies an integrative recombination approach to teaching foreign languages in universities. It is based on the integration of the basic provisions of modern approaches: communicative, competent (the purpose of training is the formation of foreign-language communicative competence), personal-activity (priority of individualization and practical-orientation of education), socio-cultural (language training as an integral part of culture and society), context (training through modeling the subject content of future professional activity), as well as recombination of various forms, means and technologies of education.

Keywords: integration, recombination, approach to teaching foreign languages, communicative approach, post-communicative approach, binary approach, principled eclecticism.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Владение иностранными языками является в наше время важным фактором успешности различных специалистов в их профессиональной деятельности. Сейчас существует множество возможностей для изучения иностранных языков. Основы овладения профессионально ориентированным иностранным языком закладываются главным образом на этапе получения высшего профессионального образования. Обучение иностранному языку проходит параллельно с формированием и развитием общекультурных, универсальных и профессиональных компетенций. Для построения единой системы иноязычного обучения в вузе очень важно опираться на основополагающий подход, отвечающий современным требованиям педагогики, лингводидактики, андрагогики и цифрови-

зации образования. Мы считаем, что данным требованиям соответствует интегративно-рекомбинационный подход.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Методологическая категория «подход» трактуется учеными по-разному в силу комплексности и многоаспектности понятия. Е.В. Бондаревская дает определение: «подход – осознанная ориентация педагога-исследователя или педагога-практика на реализацию в своей деятельности определенной совокупности взаимосвязанных ценностей, целей, принципов, методов исследовательской или практической педагогической деятельности, соответствующая требованиям принятой образовательной парадигмы» [1, с. 11]. Подход рассматривается как синоним парадигмы, направления,

методологической основы. Размытость границ категории подхода объясняется сложностью, вариативностью и нелинейностью образовательного процесса. «Современный образовательный процесс характеризуется неравномерностью, нестабильностью, многовариантностью и неопределенностью путей развития в зависимости от множества влияющих факторов и условий» [2, с. 283].

В современной методике обучения иностранным языкам выделяют множество подходов: коммуникативный, компетентностный, личностно-ориентированный, деятельностный (личностно-деятельностный), когнитивный, контекстный, акмеологический, аксиологический, социокультурный (лингвокультурологический, межкультурный), интегративный, системный, дифференцированный и др. Разработкой основных положений подходов иноязычного обучения и образования занимались ведущие методисты и лингводидакты: коммуникативного (Е.И. Пассов, И.Л. Бим, Р.П. Мильруд, Г.В. Рогова, М.В. Вербицкая, Я.М. Колкер, M.S. Berns, J.C. Richards), компетентностного (И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, Э.Ф. Зеер, С.Е. Шишов, G. Neuner), личностно-деятельностного (А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), социокультурного (С.Г. Тер-Минасова, В.В. Сафонова, Н.Д. Гальскова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, И.И. Халеева), контекстного (А.А. Вербицкий, Т. Hutchinson, A. Waters). Большинство упомянутых подходов имеют схожие идеи гуманистической педагогики, направленные на формирование полноценной личности, развитие способности коммуникации. Мы считаем, что каждый из вышеупомянутых подходов актуализирует лишь некоторые значимые характеристики процесса обучения, не учитывая интегративную природу современного образования.

Обосновывается актуальность исследования.

В связи с многообразием возможностей выбора моделей иноязычного обучения и построения образовательных траекторий в методике обучения иностранным языкам актуальной является проблема выбора подхода. Подход является базовым вектором, определяющим основную образовательную парадигму. В быстро меняющемся мире в условиях цифровизации образования приобретают большое значение процессы интеграции и рекомбинации, что диктует необходимость пересмотра традиционных подходов иноязычного обучения.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Целью данной работы является научное обоснование авторского интегративно-рекомбинационного подхода к обучению иностранным языкам.

Используемые методы, методики и технологии.

Исследование выполнено в логике общенаучного системного и научно-педагогического интегративно-рекомбинационного подхода к обучению иностранным языкам, базирующегося на принципах интеграции фундаментальных положений ведущих подходов: коммуникативного, компетентностного, личностно-деятельностного, социокультурного, контекстного, а также на принципе рекомбинации элементов системы иноязычного обучения как воплощению свободы выбора использования педагогически обоснованных форм, средств, методов обучения и воспитания, закрепленной Федеральным законом об Образовании [3]. Основные методы исследования – критический анализ теоретико-методической литературы по рассматриваемому вопросу, экстраполяция педагогического опыта, систематизация, обобщение и схематизация.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Рассмотрим основные методологические подходы к обучению иностранным языкам. Один из ведущих подходов – *коммуникативный* – исходит из постулата обучения языку как средству коммуникации посредством практики коммуникации. Большинство исследователей (И.Л. Бим, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Е.И. Пассов, В.Л. Скалкин) признают необходимость развития умений речевой деятельности через общение и практические ситуативно обусловленные задания с учетом индивидуальных потребностей обучающихся. «Коммуникативность состоит в том, что наше обучение должно быть организовано так, чтобы по основным своим качествам, чертам оно было подобно процессу общения» [4, с. 37]. Коммуникативный подход имеет множество воплощений в различных методиках и методах иноязычного обучения. В связи с этим все чаще провозглашаются бинарные подходы: коммуникативно-когнитивный, коммуникативно-деятельностный, коммуникативно-прагматический, да и множество последующих подходов (социокультурный, дифференцированный, функциональный и др.) по сути опираются на основные принципы коммуникативного подхода.

Коммуникативность в течение последних десятилетий остается ведущим трендом лингводидактики, однако в свете многочисленных изменений образовательного процесса и благодаря внедрению множества новейших педагогических технологий говорят о *посткоммуникативном подходе* как новой перспективе иноязычного обучения. «Основоположник посткоммуникативизма Б. Кумарадивелу утверждает, что способы и приемы обучения, даже в рамках декларируемой большинством современных педагогов приверженности коммуникативному подходу, столь разнообразны и индивидуализированы, что сам метод представляет собой некую “теоретическую химеру”» [5, с. 114-115]. Посткоммуникативный подход можно охарактеризовать как отрицание строгой предписывающей методологии в пользу индивидуальных преподавательских практик, исходящих из конкретных целей и условий обучения.

Одной из вариаций посткоммуникативного подхода можно назвать *избирательный эклектизм* [6]. «Новые поколения преподавателей иностранного языка сталкиваются с кризисом методологий. Во многом рождение сбалансированного метода зависит от умения синтезировать подходы в преподавании» [7, с. 24]. Избирательный эклектизм является альтернативой приоритета одного подхода и сочетает в себе элементы разных подходов, позволяя системно комбинировать педагогические методы и средства в зависимости от условий обучения.

Компетентностный подход – «подход, акцентированный не на содержании, а на результатах образования, выраженных в форме компетенций» [8, с.46]. Он считается одним из ведущих не только в иноязычном обучении, но и в целом в высшем профессиональном образовании, так как дает возможность сформулировать цели обучения в виде конкретных знаний, умений и навыков, образующих компетенции, которыми должен обладать выпускник высшей школы. «Компетенция является сферой отношений, существующих между знанием и действием в практике» [9, с. 11]. Вслед за Европейскими университетами, где был внедрен компетентности подход, наше образовательное сообщество задает функциональные рамки подготовки специалистов, определяя необходимые для формирования компетенции. Тем самым акцент ставится не на отдельных осваиваемых дисциплинах или темах, а на целостном междисциплинарном образовательном процессе, нацеленном на достижение результатов, выраженных во владении обучающимися необходимыми компетенциями. В высшей школе целью иноязычного обучения определяют, как правило, формирование и

развитие иноязычной коммуникативной компетенции, выражающейся в способности успешно участвовать в коммуникации на иностранном языке в профессиональной сфере. Разные исследователи несколько по-разному трактуют состав иноязычной коммуникативной компетенции, но большинство сходятся во мнении, что она включает в себя лингвистическую компетенцию (языковую и речевую), социокультурную компетенцию (межкультурную), компенсаторную (стратегическую, прагматическую) и профессиональную компетенции.

Социокультурный (межкультурный) подход предполагает изучение иностранного языка как средства межкультурной коммуникации, требующей знаний особенностей культуры носителей языка и умений взаимодействовать в поликультурном мире. Язык – неотъемлемая часть жизни и культуры народа, говорящего на нем. Поэтому обучение иностранному языку неразрывно связано с ознакомлением с реалиями других стран, воспитанием толерантности и одновременно гражданственности, развитием культуры речи. Основоположники и последователи социокультурного (межкультурного) подхода (В.В. Сафонова, С.Г. Тер-Минасова, Р.П. Мильруд, Е.Г. Тарева, П.В. Сысоев) убеждены, что успешная межкультурная коммуникация возможна только при условии преодоления культурного барьера между представителями разных стран и культур. «Главное условие овладения иностранным языком как средством общения — это соизучение языка и культуры. Без фоновых знаний о мире изучаемого языка нельзя активно пользоваться иностранным языком» [10, с. 37].

Личностно-ориентированный и личностно-деятельностный подходы направлены на развитие значимых для человека компетенций и личностный рост каждого обучающегося. Подход характеризуется учетом индивидуальных особенностей и потребностей студентов, особой ролью самостоятельной работы и саморазвития. Важность подхода, направленного на актуализацию личности как главной ценности в образовании, признается педагогами в разных сферах, не только в области обучения иностранных языков (Н.А. Алексеев, Е.В. Бондаревская, И.С. Якиманская, В.В. Сериков). Личностно-деятельностный подход помимо ценности личности обучающегося провозглашает важность практической деятельности индивидуума в образовательной системе взаимоотношений. Язык воплощается в речевой деятельности, поэтому личностно-деятельностный подход «определяет стратегию (направление) обучения и воспитания: развитие личности в процессе овладения речевой деятельностью на иностранном языке» [11, с. 12].

Говоря о профессионально ориентированном обучении иностранным языкам, нельзя не упомянуть о *контекстном подходе*. Во время иноязычного обучения моделируется предметное и социально-культурное содержание будущей профессиональной деятельности студента [12, с. 3]. Основоположник контекстного подхода А.А. Вербицкий утверждает, что данный подход опирается на принципы ситуативности и проблемности учебного материала. Обучающийся принимает решение, как решить коммуникативную задачу, тем самым формирует способность «компетентно, творчески общаться на иностранном языке во всегда вероятностных ситуациях межкультурного взаимодействия» [12, с. 6].

При более детальном изучении методологических подходов иноязычного обучения становится очевидно, что многие принципы вышеупомянутых подходов схожи. К примеру принципы коммуникативной практической направленности, индивидуализации и дифференциации, активности и взаимодействия обучающихся, учета социокультурной ориентации, аутентичности языкового материала применяются практически

во всех подходах. Общие принципы и положения подходов к обучению иностранным языкам представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 - Общие принципы и положения подходов к обучению иностранным языкам (составлен автором)

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Так, методистам и педагогам становится все труднее выбрать один подход, который бы отвечал всем возрастающим требованиям к обеспечению качественного обучения иностранным языкам в высшей школе в условиях разнообразия методов и технологий обучения и возможностей богатого выбора средств обучения. Как справедливо отмечает автор известных учебников по методике преподавания английского языка Пенни Ур, «сейчас мы не можем считать ни один метод или подход единственно эффективным для преподавания языков» [13, с. 469]. О сложности и комплексности образовательного процесса и иноязычного обучения говорит наличие большого количества разных подходов.

Решением вышеназванной проблемы выбора может стать интеграция подходов. Интегративные процессы, происходящие в обществе, в полной мере повлияли и на образование. Так, современные исследователи предлагают *интегративный подход* к обучению иностранным языкам (Н.В. Баграмова, И.А. Зимняя, Ю.А. Комарова, И.В. Леушина). По принципу интеграции обучения иностранному языку и специальным предметам строится *предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL)*, все более набирающее популярность в высшей профессиональной школе. Интеграция на разных уровнях: методическом, содержательном, технологическом и других, обеспечивает «комплексный характер интегративного подхода, реализуемого в системе вузовского языкового образования» [14, с. 115], способствует формированию целостной картины поликультурного мира, позволяет интенсифицировать образовательный процесс с опорой на комплекс современных методов и технологий обучения. Интегративный подход «представляет собой стратегию синтеза подходов, выполняющих в процессе формирования иноязычной профессиональной компетентности студентов свою особую роль» [14, с. 119]. Он предоставляет возможность объединения различных важных принципов многоаспектного, многомерного образовательного процесса в области обучения иностранным языкам, где сам предмет «иностранному языку» является безграничным и всепредметным.

Однако всепредметность языка не только предоставляет практически безграничные возможности вариаций компонентов содержания, средств и технологий обучения, но и размывает границы интегративного подхода, не давая конкретного решения задачи выбора и сочетания элементов системы иноязычного обучения. Мы считаем, что выходом из такой ситуации может стать бинарный подход, поскольку «формирование педагогической мо-

дели будет более продуктивным при использовании бинарных подходов, так как в данном случае совмещаются концептуальные основания различных методологий» [15, с. 126]. В пользу бинарных подходов говорит также наличие большого количества подходов, сочетающих в себе два основных принципа: системно-деятельностный, структурно-функциональный, функционально-семантический, когнитивно-коммуникативный и др.

Помимо принципа интегративности в подход необходимо заложить второй принцип, базирующийся на универсальных междисциплинарных свойствах явлений и позволяющий комбинировать элементы системы обучения. Мы предлагаем считать таким принципом рекомбинацию, которая уже нашла свое отражение в биологии, генетике, химии, физике, экономике. Рекомбинация в разных науках означает:

- расположение элементов чего-то в новом порядке;
- перераспределение существующего материала и создание нового организма, продукта;
- наименее приспособленные компоненты системы, особи одного поколения заменяются в процессе эволюции или оптимизации более приспособленными новыми.

«Общая характеристика рекомбинации заключается в том, что она всегда означает процесс реконструкции прежних элементов с добавлением новых в новой комбинации» [16, с. 495]. Экономист и специалист по тайм-менеджменту Эрик Абрахамсон разработал концепцию «эффективного беспорядка», которая помогает избежать неорганизованности в сложных структурных объединениях, к примеру, в управлении организациями. Абрахамсон предлагает решить проблему с помощью креативной рекомбинации, перераспределяя существующие элементы системы. Он разработал карту рекомбинации, основанную на пяти элементах: в центре люди, которые взаимосвязаны с культурой, связями (мягкая ось), структурой и процессами (жесткая ось) (см. рисунок 2) [17].

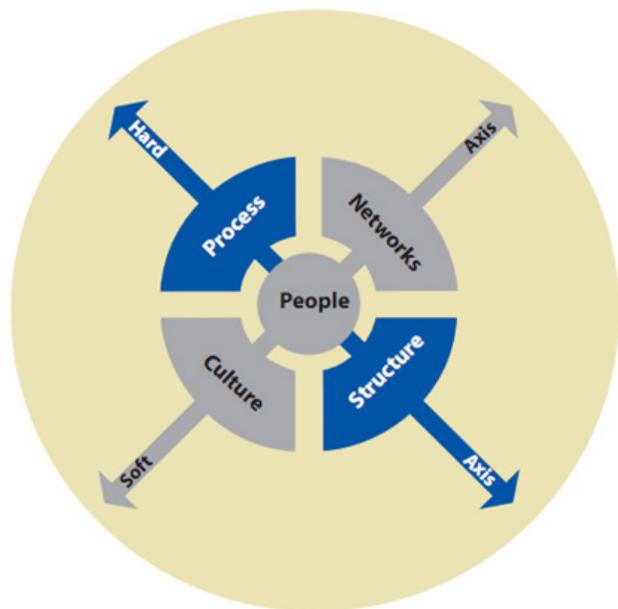

Рисунок 2 - Карта рекомбинации Абрахамсона [19]

К рекомбинации как источнику создания новых форм обращаются и другие исследователи. Р.И. Салганик видит в рекомбинации творческий прием в искусстве, науке и природе: «исследователь, оперируя известными образами мира, которые закодированы иногда в сухих для непосвященного формулах, графиках, цифрах, мысленно приводит их в соприкосновение в новых сочетаниях, и тогда вспыхивает догадка, гипотеза, видение нового механизма, процесса, явления» [18, с. 9] Е.А. Югова полагает, что «педагогическая практика дает возможность ... рекомбинации знаний обучающихся» [19, с. 304], тем самым биологические законы репликации и рекомби-

нации преломляются в авторском педагогическом методе дополняющихся цепочек изучаемых тем. Так, современный педагог, применяя принципы интеграции и рекомбинации «умеет действенно и квалифицированно организовать образовательный процесс и собственную педагогическую деятельность» [20, с. 129].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Опираясь на приведенные доводы, мы считаем целесообразным интегративно-рекомбинационный подход к обучению иностранным языкам в высшей профессиональной школе. Он представляет собой интеграцию элементов самых перспективных подходов иноязычного обучения (коммуникативного, компетентностного, личностно-деятельностного, социокультурного, контекстного и др.) и позволяет с учетом цифровой трансформации образования в постоянно меняющихся условиях протекания образовательного процесса сочетать по принципу рекомбинации различные формы, средства и технологии обучения. Это способствует моделированию процесса иноязычного обучения в соответствии с образовательными целями, квалификационными требованиями к выпускникам, современными тенденциями лингводидактики, трансформирующимися стандартами и личными целями обучающихся. Для более гибкого и эффективного функционирования системы иноязычного обучения «моделируются наиболее подходящие педагогические условия в каждой конкретной учебной ситуации и выбираются и сочетаются надежные, достаточные и эффективные источники, ресурсы и методики из большого спектра существующих. При этом данные инструменты и условия обучения комбинируются таким образом, чтобы обеспечить образовательный процесс наиболее результативно и качественно на каждом конкретном этапе обучения и развития» [21, с. 2746]. Важно соблюдать основополагающие не противоречащие друг другу принципы современных подходов обучения иностранному языку. Базовые принципы и положения этих подходов мы отразили в таблице 1.

Таблица 1 - Основные принципы и положения интегративно-рекомбинационного подхода к обучению иностранных языков

Интегрируемые подходы	Базовые положения подходов	Общие принципы интегративно-рекомбинационного подхода
Коммуникативный	Обучение коммуникации на иностранном языке является приоритетным, развитие видов речевой деятельности должно проходить параллельно с упором на продуктивную устную речь	<ul style="list-style-type: none"> - индивидуализация, - коммуникативность, - интерактивность, - вариативность, - профессиональная и социокультурная направленность, - практико-ориентированность, - адаптивность, - аутентичность, - диалогичность, - сотрудничество, - единство обучения и воспитания, - моделирование речевых ситуаций, - мультимедийность (развитие принципа наглядности в цифровой образовательной среде)
Личностно-деятельностный	Обучающиеся как главные субъекты практической деятельности вовлечены в активные и интерактивные виды обучения	
Компетентностный	Основная цель иноязычного обучения - формирование иноязычной коммуникативной компетенции, состоящей из лингвистической, социокультурной, стратегически-прагматической и других компетенций.	
Социокультурный	Язык – средство межкультурной коммуникации, поэтому обучение языку происходит вместе с ознакомлением с фоновыми знаниями и реалиями стран изучаемого языка	
Контекстный	На занятиях по иностранному языку необходимо моделировать будущую профессиональную деятельность обучающихся	

Таким образом, интегративно-рекомбинационный подход обеспечивает целостность и эффективность иноязычного обучения специалистов благодаря интеграции на всех уровнях: методическом, содержательном, организационном, междисциплинарном, и возможности ре-

комбинации элементов системы обучения.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Эволюция методов преподавания иностранных языков требует теоретического осмысления происходящих процессов в практике обучения. Исследование традиционных и разработка новых подходов иноязычного обучения в соответствии с современными образовательными стандартами остается перспективным направлением лингводидактики. Дальнейшие направления исследования вопроса подходов к обучению могут быть связаны с возникающими трендами образования и новыми запросами общества относительно уровня владения специалистами иностранными языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. 1997. № 4. С.11-17.
2. Писарева С.А., Тряпицына А.П. Методологические аспекты перехода к новой организации образовательного процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9. № 3 (35). С. 281-288.
3. Федеральный закон «Об Образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.
4. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
5. Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е.В., Макарова П.Ф. Посткоммуникативная методика в обучении иностранным языкам // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота № 3(49). 2019. С. 113-118.
6. Lavrova N. A. The principled eclecticism approach to teaching English and its integration into the Russian system of education // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 423-431. doi: 10.32744/pse.2019.3.32
7. Глоткина А.А. Эkleктизм в преподавании английского языка в неязыковых вузах // Педагогика. 2018. №8. С. 24-27.3.
8. Медведев В.Е., Татур Ю.Г. Подготовка преподавателя высшей школы: компетентностный подход // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 46-56.
9. Хуторской А.В. Модель компетентностного образования // Высшее образование сегодня. 2017. №12. С.9-16.
10. Тер-Минасова С.Г. Преподавание иностранных языков в современной России. Что впереди? Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С.31-41.
11. Горлова Н.А. Личностно-деятельностный метод обучения иностранным языкам дошкольников, младших школьников и подростков. Теоретические основы. М.: МГПУ, 2010. 248 с.
12. Вербичкий А.А. Контекстный подход к иноязычной подготовке студентов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. №10. С. 3-8.
13. Ur P. Language-teaching method revisited // ELT Journal, Volume 67, Issue 4, October 2013, Pages 468–474, <https://doi.org/10.1093/elt/cct041>.
14. Комарова Ю.А., Баграмова Н.В. Методология интегративного подхода к процессу обучения иностранным языкам в вузе // Сибирский педагогический журнал. 2009. №4. С.115-123.
15. Кулазина Е.В. Качественно-синергетический подход к изучению образовательной системы вуза // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4 (15). С.124-129.
16. Ванягина М.Р. Рекомбинация как один из принципов моделирования иноязычной подготовки студентов / Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2020. С. 494-497.
17. Abrahamson E. Change Without Pain: How Managers Can Overcome Initiative Overload, Organizational Chaos and Employee Burnout. Harvard Business School Press, 2004.
18. Салганик Р.И. Рекомбинация как творческий прием в искусстве, науке и природе / Монтаж. Литература, Искусство, Театр, Кино. М.: Наука, 1988. С. 5-14.
19. Югова Е. А. Педагогическая репликация как механизм трансформации знаний о здоровом образе жизни в личностные смыслы // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2016. № 1 (131). С. 302–306.
20. Гоголина Н.Г., Насырова Э.Ф. Соотношение содержания категорий понятий компетентность и компетенция как основы профессионализма современного педагога // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 128-130.
21. Ванягина М.Р. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в системе военного образования в условиях цифровизации образовательной среды // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2019. № 7. С. 2746.

Статья поступила в редакцию 23.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 371.015

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0007

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА В ПРОФИЛАКТИКЕ БУЛЛИНГА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 290646

SPIN: 7588-0170

ORCID: 0000-0001-6764-7747

ScopusID: 57191516743

ВОЛЧЕГОРСКАЯ Евгения Юрьевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой
«Педагогика, психология и предметные методики»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: evgvolch@list.ru)*

AuthorID: 633635

SPIN: 1759-5356

ORCID: 0000-0003-1184-9977

ЖУКОВА Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
«Педагогика, психология и предметные методики»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: gukovamv@cspu.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования потенциала позитивного школьного климата в профилактике школьной травли в классном коллективе младших школьников. В исследовании приняли участие учащиеся 10-11 лет в количестве 26 человек. Для определения уровня виктимизации у детей младшего школьного возраста была использована «Многофакторная шкала виктимизации». Для выявления специфики коллективных отношений младших школьников использован опросник «Мой класс», который позволяет выявить степень удовлетворенности школьной жизнью, степень конфликтности в классе, степень его сплоченности. Для проверки статистической значимости выявленных взаимосвязей был использован корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена). Полученные результаты показали наличие статистически значимой взаимосвязи между показателями виктимности младших школьников и их степенью удовлетворенностью школьной жизнью ($r_s = -0.466$), конфликтности ($r_s = -0.847$) и степенью сплоченности в классе ($r_s = -0.541$). Статистически подтвержденная взаимосвязь между отношениями внутри школьного коллектива и склонность школьников к проявлению буллинга является важным фактором для разработки практических рекомендаций для учителей по созданию эмоционально безопасной школы и класса. Полученные данные свидетельствуют о признании важности использования потенциала детского коллектива в профилактике буллинга у младших школьников.

Ключевые слова: буллинг, детский коллектив, удовлетворенность школьной жизнью, степень конфликтности, дети младшего школьного возраста.

USING THE POTENTIAL OF THE CHILDREN'S COLLECTIVE IN THE PREVENTION OF BULLYING IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN

© The Author(s) 2021

VOLCHEGORSKAYA Evgenia Yuryevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department
“Pedagogy, Psychology and Subject Methods”

*South Ural state University of Humanities and education
(454091, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: evgvolch@list.ru)*

ZHUKOVA Marina Vladimirovna, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Department
“Pedagogy, Psychology and Subject Methods”

*South Ural state University of Humanities and education
(454091, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: gukovamv@cspu.ru)*

Abstract. The article considers the possibilities of using the potential of a positive school climate in the prevention of school bullying in the classroom of younger schoolchildren. The study involved students aged 10-11 years in the number of 26 people. To determine the level of victimization in children of primary school age, a “Multifactorial Victimization Scale” was used. To identify the specifics of the collective relations of younger schoolchildren, the questionnaire “My Class” was used, which allows us to identify the degree of satisfaction with school life, the degree of conflict in the classroom, the degree of its cohesion. To check the statistical significance of the identified relationships, a correlation analysis (Spearman's rank correlation coefficient) was used. The obtained results showed the presence of a statistically significant relationship between the indicators of victimization of younger schoolchildren and their degree of satisfaction with school life ($r_s = -0.466$), conflict ($r_s = -0.847$) and the degree of cohesion in the classroom ($r_s = -0.541$). The statistically confirmed relationship between the relationships within the school team and the propensity of schoolchildren to manifest bullying is an important factor for the development of practical recommendations for teachers to create an emotionally safe school and classroom. The obtained data indicate the recognition of the importance of using the potential of the children's collective in the prevention of bullying in younger schoolchildren.

Keywords: bullying, children's collective, satisfaction with school life, degree of conflict, children of primary school age.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Начальная школа является той стартовой ступенью процесса социализации, которая позволяет младшему школьнику приобрести первоначальный социальный опыт. Успешность этого процесса для ребенка во многом зависит от того, какие взаимоотношения складываются у школьников в классе, как выстраивает педагог

свои отношения внутри детского коллектива. При этом у всех участников образовательного процесса растет понимание того, что верно выстроенная школьная коммуникация, основанная на признании оптимальной безопасной организации общения, играет ведущую роль в организации эффективного процесса обучения в начальных классах. Вместе с тем, в современной школьной среде все чаще поднимается вопрос о проявлении агрессии в коллективе младших школьников.

Школьная травля – это явление, широко распространенное как в России, так и за рубежом. Хотя некоторые учителя высказывают точку зрения, что буллинг является одним из показателей нормального протекания процесса социализации детей и проявлений конкуренции в их среде [1], для большинства участников буллинга наблюдаются негативные последствия для развития личности, к которым относятся нарастание депрессивной симптоматики, суицидальные тенденции, нарушения психоэмоционального развития, потеря учебной мотивации, приводящей к отказу от посещения школы, снижение академической активности, увеличение риска формирования аддиктивного поведения [2; 3].

Проявления буллинга в классе также отрицательно сказываются на формировании благоприятного школьного климата. Обширный метаанализ, проведенный Г. Гини и др. [4], показал, что значимым коррелятом агрессивного поведения среди детей является их моральное разобщение, ухудшение взаимоотношений в группе. Дополнительным фактором, способствующим существованию и развитию буллинга в школе, является неспособность, а в некоторых случаях и нежелание педагогов, использовать потенциал детского коллектива. Между тем, исследования подтверждают роль психосоциального климата школ в контексте агрессии и запугивания [5; 6]. Было также доказано более низкое проявление издевательств, связанных с позитивным школьным климатом [7; 8].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

В школьные годы издевательства являются одним из наиболее распространенных проявлений насилия в среде сверстников. При этом одни исследователи рассматривают агрессоров как людей, которым не хватает социальных навыков, у которых низкая самооценка, недостатки в обработке социальной информации, низкий социальный статус в группе сверстников и другие проблемы адаптации. Другие рассматривают запугивание как функциональное, адаптивное поведение, связанное с получением определенной выгоды [9]. Исследования, проводимые на основе изучения социальной когнитивной структуры, показали, что хулиганы чувствуют уверенность в использовании агрессии, ожидают положительных результатов для агрессии (например, одобрение сверстников), рассматривают агрессию как приемлемый способ поведения и в целом положительно оценивают ее использование [10]. Между тем, традиционно социальная компетентность рассматривается как поведение, которое является социально приемлемым и связанным с тем, что человека любят другие люди. Однако ее можно также определить, как способность быть успешным в достижении своих целей, т.е. дети, которые успешно достигают своих целей либо с помощью просоциальных, либо принудительных стратегий, могут рассматриваться как социально компетентные [11].

Управление агрессией в классном коллективе младших школьников должно опираться не только на констатацию и выяснение причин школьной травли, но и на активную превенцию ее возникновения. Превенция буллинга должна опираться на изучение особенностей поведения детей младшего школьного возраста в коллективе сверстников, мотивационной структуры деятельности отдельных учеников в классе, на стремление изучать пути и осуществлять процесс консолидации классного коллектива в единую команду [12].

Школьный климат, с одной стороны, определяется спецификой функционирования социальной группы, а с другой – влияет на отношения как между учениками, так и между младшими школьниками и учителем начальных классов. Восприятие школьного климата субъективно. Как отмечают Т.А. Чиркина и Т.Е. Хавенсон, критерий его оценки всеми участниками образовательного процес-

са в конкретной образовательной организации включают несколько основных параметральных характеристик:

1. Нормы, правила, материальные характеристики, обеспечивающие физическую и эмоциональную безопасность детей в школе.

2. Академические результаты и степень академической поддержки учеников; удовлетворенность их обучением или степень отчужденности от учебного процесса.

3. Взаимоотношения между учащимися, учителями, родителями и администрацией [13].

Среди конкретных показателей, определяющих позитивный школьный климат, преимущественно выделяются не объективные характеристики образовательного процесса, а критерии, которые определяют эмоциональное субъективное восприятие школы, такие как степень единства и чувство общности в классе; наличие дискриминации или наоборот выделения отдельных учеников со стороны учителей; более высокий уровень учебной мотивации; сотрудничество, озабоченность благополучием других. Для учителей позитивный школьный климат связан с более высокой удовлетворенностью и эффективностью работы; использованием инновационных подходов к преподаванию; меньшим проявлением эффекта выгорания [14]. Как отмечает Ю. Дерновска в статье «Восприятие учителями и учениками школьного климата», безопасная и тщательно продуманная школьная среда обеспечивает оптимальную основу для обучения [15].

Многие исследования, направленные на выявление индивидуальных предикторов поведения младших школьников [16; 17], уделяют особое внимание переживаниям социальной, эмоциональной и физической безопасности детей в школе и классе, так как многие учащиеся не чувствуют себя физически и психически в безопасности из-за неудач межличностных отношений, формирующих характер школьного климата. Одним из подходов предотвращения насилия в начальной школе является создание учебной среды, способствующей развитию позитивных социальных навыков, эффективному решению проблем и ответственному разрешению конфликтов [18-20]. Важным фактором, который может способствовать превенции школьной травли (в том числе переводу ее в конструктивный канал) в классе младших школьников, является психологическая совместимость и гармоничность отношений внутри школьного коллектива.

В этой связи мы осуществили эмпирическое исследование, направленное на выявление склонности к буллингу и таких параметров школьного климата как конфликтность, сплоченность и степень удовлетворенности школьной жизнью.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Цель исследования – рассмотреть возможности позитивного школьного климата в профилактике школьной травли в классном коллективе младших школьников.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В выборочную совокупность вошли 26 учащихся начальных классов 10-11 лет, среди них 12 мальчиков и 14 девочек. Для исследования школьного буллинга была использована «Многофакторная шкала виктимизации» [21]. Данный диагностический инструмент содержит 16 вопросов по четырем субшкалам: физическая виктимизация (как часто ребенок был подвержен физическим проявлениям агрессии, таким как удар или пинок); словесная виктимизация (в том числе, обзывание или поддразнивание); социальное манипулирование (распространение слухов, сплетен, раскрытие секретов); посягательства на собственность (повреждение или кража имущества). Каждый пункт оценивается по трехбалльной шкале Ликерта: 0 = не совсем, 1 = один раз и 2 = более одного раза, причем участники указывают, как ча-

сто в течение учебного года они испытывали каждый из 16 случаев виктимизации. Общие баллы виктимизации варьируются от возможных 0 до 32, а баллы субшкалы – от 0 до 8. Более высокие баллы указывают на то, что ребенок подвергался большему количеству случаев виктимизации со стороны сверстников. Опросник «Мой класс» Ю.З. Гильбух [22] состоит из 15 вопросов, разделенных на пять блоков. В каждом отдельном блоке из трех вопросов первый вопрос измеряет степень удовлетворенности ребенка школьной жизнью, второй – то как младший школьник осознает конфликтность в классе; третий – как отражается в сознании учащегося степень сплоченности класса.

Статистическая обработка проводилась с помощью пакета прикладных программ SPSS for Windows, версия 13.0. Полученные данные были обработаны при помощи дескриптивных методов и представлены в виде средней арифметической. Для выявления взаимосвязей между исследуемыми показателями применялся корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена). Проверка статистических гипотез осуществлялась при критическом уровне значимости $P=0.05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов

Результаты эмпирического исследования показали, что никто из опрошенных младших школьников не продемонстрировал высокий уровень удовлетворенности школьной жизнью. Более того, у половины детей (50 %) по данному параметру был выявлен низкий уровень, т.е. школьники негативно воспринимают свой класс в целом и одноклассников в частности, испытывают дискомфорт при общении, указывают на непростые отношения с одноклассниками.

Что касается оценки степени конфликтности в классе, то ответы всех без исключения детей (100 %) продемонстрировали ее низкий уровень, т.е. дети воспринимают взаимоотношения в школьном коллективе как достаточно неконфликтные, спокойные и благоприятные.

Результаты оценки уровня сплоченности в классе показали преобладание среднего уровня: лишь треть детей (31 %) оценили свой классный коллектив как низкосплоченный, разобщенный, с отсутствием общих интересов. 69 % младших школьников отметили наличие взаимопомощи, доброжелательности, правда, проявляющейся ситуационно, не постоянно.

Методика «Многофакторная шкала виктимизации» позволила выявить, что физической виктимизации подвергались 52 % опрошенных детей, вербальной – 34 % младших школьников. Социальную манипуляцию испытывали 34 % детей, нападению на имущество подвергались 59 % учащихся начальных классов.

Для изучения характера взаимосвязей между показателями виктимности и показателями межличностных отношений детей нами был проведен корреляционный анализ, результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Зависимость показателей виктимности и межличностных отношений (средний балл; r_s ; $n=26$)

Виктимизация (интегральный показатель)	Степень удовлетворенности школьной жизнью	Степень конфликтности в классе	Степень сплоченности
10,38	7,65	3,85	8,31
	-0.466*	-0.847**	-0.541**

Примечания: * – $P \leq 0.05$; ** – $P \leq 0.01$.

Корреляционный анализ показал наличие статистически значимой взаимосвязи между показателями виктимности младших школьников и их степенью удовлетворенностью школьной жизнью ($r_s = -0.466$), конфликтности ($r_s = -0.847$) и степенью сплоченности в классе ($r_s = -0.541$). Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что чем выше уровень виктимизации детей младшего школьного возраста,

тем ниже они оценивают отношения внутри школьного коллектива, доброжелательность, взаимопомощь и неконфликтность своих одноклассников.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Полученные нами результаты отчасти согласуются с полученными нами ранее данными исследования, показавшего, что дети с более высоким уровнем виктимизации менее склонны находить у себя проявление таких качеств как коллективизм, справедливость, лидерские качества. Они также достоверно ниже оценивают сформированность у себя самоконтроля, благоразумия и смирения [23].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют рассматривать такие параметры благоприятного школьного климата в коллективе младших школьников как неконфликтность, сплоченность и удовлетворенности школьной жизнью как важный фактор превенции буллинга в начальной школе, обеспечивая доказательную базу для более рационального выстраивания вмешательства учителей начальных классов для смягчения этого тревожного школьного явления.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Исследование благоприятного школьного климата в коллективе младших школьников может быть продолжено в выявлении роли сформированных эмпатических способностей младших школьников в становлении навыков позитивного взаимодействия в классном коллективе на начальной ступени общего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Kochenderfer-Ladd B., Pelletier M.E. Teachers' views and beliefs about bullying: Influences on classroom management strategies and students' coping with peer victimization // *Journal of School Psychology*. 2008. Vol. 46. P. 431-453.
- Arseneault L., Bowes L., Shakoor S. Bullying victimization in youths and mental health problems: much ado about nothing? // *Psychol Med*. 2010. № 40(5). P. 717-729.
- Strøm I.F., Thoresen S., Wentzel-Larsen T., Dyb G. Violence, bullying and academic achievement: A study of 15-year-old adolescents and their school environment // *Child Abuse & Neglect*. 2013. № 37(4). P. 243-251.
- Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: a meta-analytic review of links to aggressive behavior // *Aggress Behav*. 2014. № 40(1). P. 56-68.
- Cohen J., Thapa A. A review of School Climate // *Review of Educational Research*. 2013. P. 357-385.
- Hanuliaková J., Barnová S. Positive School Climate (A Theoretical Empirical Conspetus). 2015. P. 68-73.
- Smith D., Sandhu D. Toward a Positive Perspective on Violence Prevention in Schools: Building Connections // *Journal of counseling and development*, 2004. № 82(3).
- Gage N.A. et al. School Climate and Bullying Victimization: A Latent Class Growth Model Analysis // *American Psychological Association. School Psychology Quarterly*. 2014. № 3. P. 256-271.
- Menesini E., Salmivalli C. Bullying in schools: the state of knowledge and effective interventions // *Psychology, Health & Medicine*. 2017. № 22(1). P. 240-253.
- Huitsing G. et al. The healthy context paradox: Victims' adjustment during an anti-bullying intervention // *Journal of Child and Family Studies*. 2018.
- Kennedy A.S. Promoting the Social Competence of Each and Every Child in Inclusive Early Childhood Classrooms // *Early Childhood Education*. 2018.
- Волчегорская Е.Ю., Жукова М.В., Фролова Е.В., Шишкина К.И., Носкова Д.Н. Буллинг как актуальная проблема современной начальной школы // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2020. № 5(158). С. 239-252.
- Чиркина Т.А., Хавенсон Т.Е. Школьный климат. История понятия, подходы к определению и измерению в анкетах PISA // *Вопросы образования*. 2017. № 1. С. 207-229.
- Maxwell S. et al. The Impact of School Climate and School Identification on Academic Achievement: Multilevel Modeling with Student and Teacher Data // *Front. Psychol*. 2017.
- Dernowska U. Teacher and student perceptions of school climate. Some conclusions from school culture and climate research // *Journal of Modern Science*. 2017. № 1(32). P. 63-82.
- Tapia-Fonlem et al. School Environments and Elementary School Children's Well-Being in Northwestern Mexico // *Front. Psychol*. 2020.
- Wilk P. et al. Examining individual, interpersonal, and environmental influences on children's physical activity levels // *Popul Health*. 2018. № 4. P. 76-85.

18. Garandea C.F., Lee I.A., Salmivalli C. Decreases in the proportion of bullying victims in the classroom: Effects on the adjustment of remaining victims. *International // Journal of Behavioral Development*. 2018. № 42(1). P. 64-72.

19. Kaufman T.M.L., Kretschmer T., Huitsing G., Veenstra R. Why does a universal anti-bullying program not help all children? Explaining persistent victimization during an intervention // *Prevention Science*. 2018. № 19(6). P. 822-832.

20. Morrow M.T., Hubbard J.A., Sharp, M.K. Preadolescents' daily peer victimization and perceived social competence: moderating effects of classroom aggression // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2018.

21. Mynard, H., Joseph, S. Development of the multidimensional peer-victimization scale // *Aggressive Behavior*. 2000. № 26(2). P. 169-178.

22. Гильбух Ю. З. Психодиагностика в школе. М.: Знание. 1989. 79 с.

23. Volchegorskaya E.Y.; Zhukova M.V.; Frolova E.V.; Shishkina K.I., Kalugina E.V. Self-evaluation of individual dignity as a predictor of bullying among primary school children // *Espacios*. 2020. Vol. 41. № 4. P.13.

Статья поступила в редакцию 05.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 376.112.4
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0008

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© Автор(ы) 2021

SPIN: 7408-5089

AuthorID: 724441

ORCID: 0000-0002-5850-4717

ГАЛЯНТ Ирина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, методики и менеджмента дошкольного образования

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454005, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: galyantig@cspu.ru)*

SPIN: 5294-2490

AuthorID: 728337

ORCID: 0000-0001-9164-2794

БЕХТЕРЕВА Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, методики и менеджмента дошкольного образования

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454005, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: bekhterevaen@cspu.ru)*

SPIN: 8076-2262

AuthorID: 502114

ORCID: 0000-0003-1472-9591

ScopusID: 57211658815

ЕВТУШЕНКО Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454005, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: evtushenkoin@cspu.ru)*

SPIN: 9397-0533

AuthorID: 283109

ORCID: 0000-0001-7730-7412

БУТЕНКО Наталья Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории, методики и менеджмента дошкольного образования

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454005, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: butenkonv@cspu.ru)*

Аннотация. В статье актуализируется проблема кризиса социокультурных процессов, вызванных периодом пандемии. Изменения обусловили переход к новому этапу, связанному с переоценкой ценностей и модернизацией системы образования в России. Повысилась значимость педагогических и общечеловеческих ценностей. Определены потребности в подготовке специалистов дошкольного образования нового «формата», способных к самоопределению, поиску новых путей и смыслов педагогической деятельности. Следовательно, подготовка специалистов, основанная на традиционной парадигме, становится малоэффективной в современных условиях. Успешность педагогической деятельности будет зависеть не только от знаний, умений, навыков, но и сформированной системы профессиональных ценностей и понимания сущности профессиональной деятельности. Актуальность рассматриваемой темы данной статьи определяет необходимость формирования социокультурных ценностей у детей дошкольного возраста. В статье представлен обзор основных идей исследователей по вопросам формирования социокультурных ценностей у детей от определения целей, значимости их в процессе воспитания и эффективности использования в воспитательно-образовательном процессе. Авторами определены методологические основания для изучения исследуемой проблемы с целью формирования профессиональных компетенций у педагогов, способных ориентироваться в социокультурных проблемах и соответствующих инновационных технологиях коммуникации, а также для систематизации знаний специалистов дошкольного образования по формированию социокультурных ценностей у детей дошкольного возраста, способов использования их в жизненном пространстве.

Ключевые слова: подготовка к формированию социокультурных ценностей, дети дошкольного возраста, специалисты дошкольного образования, переоценка ценностей образования.

PREPARATION OF PRESCHOOL EDUCATION SPECIALISTS FOR THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL VALUES IN PRESCHOOL CHILDREN

© The Author(s) 2021

GALYANT Irina Gennadyevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Management of Preschool Education
*South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: galyantig@cspu.ru)*

BEKHTEREVA Elena Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Management of Preschool Education
*South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: bekhterevaen@cspu.ru)*

EVTUSHENKO Irina Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department «Pedagogy and psychology of childhood»
*South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: evtushenkoin@cspu.ru)*

BUTENKO Natalia Valentinovna, Doctor of pedagogy, Professor of the Department of Theory, Methodology and Management of Preschool Education
*South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: butenkonv@cspu.ru)*

Abstract. The article actualizes the problem of the crisis of socio-cultural processes caused by the pandemic period. A

new stage has come, connected with the revaluation of values and the modernization of the education system in Russia. The importance of pedagogical and universal values has increased. The need for the training of preschool education specialists of a new "format" capable of self-determination, the search for new ways and meanings of pedagogical activity were determined. Consequently, the training of specialists based on the traditional paradigm becomes ineffective in modern conditions. The success of pedagogical activity will depend not only on knowledge, skills, but also on the formed system of professional values and understanding of the essence of professional activity. The relevance of the topic under consideration in this article determines the need for the formation of socio-cultural values in preschool children. The article presents an overview of the main ideas of researchers on the formation of socio-cultural values in children from the definition of goals, their significance in the process of education and the effectiveness of their use in the educational process. The authors have identified methodological grounds for studying the problem under study in order to form professional competencies among teachers who are able to navigate socio-cultural problems and appropriate innovative communication technologies, as well as to systematize the knowledge of preschool education specialists on the formation of socio-cultural values in preschool children, ways to use them in the living space.

Keywords: preparation for the formation of socio-cultural values, preschool children, preschool education specialists, re-evaluation of educational values.

ВВЕДЕНИЕ.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Каждый новый переходный этап в современном мире выявляет значимые приоритеты. В период переоценки ценностей жизни, коммуникации, образованности, духовности обострилась проблема межличностного общения, формирования ценностных ориентаций у подрастающего поколения. Происходящие изменения в жизни общества предполагают появление нового статуса человека и новых социальных ценностей. Следует отметить некоторые черты современного общества, имеющие в последнее время особую выраженность. Среди них стремительно меняющиеся приоритеты и ценности, зависимость от виртуальной среды. Свободный доступ к информации приводит к обесцениванию содержания. Мозаичные знания, лишённые опыта и эмоционального смысла, приводят к клиповому мышлению и формируют новое поколение Z.

Как отмечает О.Н. Новикова [1], современные дети способны быстро обрабатывать полученную информацию, делать несколько дел одновременно: слушать музыку, выполнять школьные задания, общаться в чате и т.д. Однако при этом дети испытывают трудности в усвоении норм и правил поведения. Особенностью современного ребёнка становится реакция на визуальные символы, повышенное внимание к себе и требование получить все и сразу. Наблюдения показывают, что дети становятся замкнутыми, эгоистичными, не нуждаются в семейных и социальных контактах. Эффективность традиционных образовательных методик вызывает сомнения, детям неинтересно то, что представлено в учебниках и Программных требованиях, скорость издания которых порой не успевает за прогрессом. Дети способны самостоятельно овладеть гаджетами и искать информацию на просторах Интернета, осваивать способы цифровой коммуникации. Вместе с тем виртуальная среда, в которую «погружается» ребёнок, вызывает опасения у педагогов и родителей, и данная проблема становится обсуждаемой в последнее время.

Характеризуя социокультурные проблемы, следует выделить следующие особенности: свободный доступ информации, конкуренция и противоречия в разных культурных парадигмах, слабые механизмы приспособляемости к агрессивной окружающей среде. Значимость данной проблемы находит отражение в нормативных документах системы современного дошкольного образования («Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования), где обозначена задача образовательного процесса на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей.

Научный интерес нашего исследования связан с обращением к культуротворческому познанию детьми жизненного пространства, получению знаний о картине Мира с позиции целостного, гармоничного и закономер-

ного проявления действительности. Ребёнок «раскодирует» реальный мир через свой воображаемый символический мир. Однако при этом взрослые стараются подавить фантазию ребёнка, требуя соответствовать правильному «реализму». Надо понять, насколько некорректно решается в практике работы с детьми идея приобщения детей к культурным ценностям и эталонам, что привело бы к приобщению, а не к отвращению. Современные дети постигают премудрости меняющейся цивилизации и культуры своим путём, часто не соответствующим ожиданиям взрослых. Каждый ребёнок становится автором своего сценария жизни, отличным от других.

Анализируя состояние современной практики дошкольного образования, мы считаем, что проблема формирования социокультурных ценностей у детей дошкольного возраста требует обновлённого содержания в соответствии с современной социокультурной ситуацией в стране.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматриваются аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешённых ранее частей общей проблемы.

Проблема формирования социокультурных ценностей у детей дошкольного возраста вызывает научный интерес и отражается в трудах Л.В. Коломийченко [2], Н.В. Космачёвой [3] и др. Учёные предлагают пути формирования социокультурных ценностей, акцентируя внимание на индивидуальных и возрастных особенностях детей дошкольного возраста. Вопросы подготовки специалистов дошкольного образования отражены в трудах И.Ф. Исаева [4], Л.А. Сериковой, Д.Г. Нижегородова [5] и др. В научных трудах уделяется внимание общекультурному развитию личности, как субъекту культуры. В основе деятельности личности акцентирована направленность на общечеловеческие духовные и нравственные ценности, опыт коммуникации. Непосредственно через культуру формируется система ценностей, от которой зависит в дальнейшем социокультурное бытие личности. Способность личности к саморазвитию и самоидентификации в культуросообразной образовательной среде позволяет ей ориентироваться в мире ценностей.

По мнению В.Л. Крайник [6], личность, культура и знания педагога как феномена культуры должны не только соответствовать современной действительности, но и быть в гармоничном согласовывании с ценностно-смысловыми установками культуры. Н.Н. МIRONENKOVA [7] в своих научных позициях рассматривает технологии обретения ценностно-смыслового выбора будущего педагога. При этом педагог выступает в роли посредника между ребёнком и культурой, играет роль проводника в мир культуры, знакомит с ценностями культуры. При рассмотрении ценностно-смысловой сферы личности, С.А. Гапонова [8] акцентирует внимание на трансляции неизменных индивидуальных ценностей в динамичной смене жизненных смыслов и установок.

Исследуя проблему подготовки специалистов дошкольного образования, Э.И. Койкова [9] уделяет вни-

мание обращению к истокам через игровую среду, в которой ребёнок получает информацию о «старом» и «новом» мире. Без образа будущего ребёнок не способен выстроить настоящее, а прошлое для него становится чуждым и незнакомым мифом. В естественной игровой среде закладываются ценности, определяющие культуру народа, создаётся цивилизация. В процессе игры у ребёнка рождаются новые чувства и качества, он начинает понимать, что такое добро и зло, кто мама и папа, где его дом и кто он сам, что такое хорошо и что такое плохо. О.Н. Новикова [1] замечает, как через игру человек приспособился к определенным условиям обитания. Несмотря на примитивность игровых действий, человек в процессе игры занимался умственной деятельностью и развивал воображение. В игре проецировались, моделировались и варьировались дальнейшие социальные коммуникативные связи. Так, Г.А. Кирмач и А.С. Бахмач [10] значительную роль в формировании мировоззрения детей на этапе дошкольного детства отводят значимому взрослому. Авторы полагают, что аксиосфера ребенка формируется на основе аксиологической концепции взрослого. Интерес, на наш взгляд, представляет научная позиция Н.В. Ломоносова [11]: с точки зрения формирования основ планетарного сознания у детей дошкольного возраста на основе приобщения детей к социокультурным ценностям народа России. В данном контексте особое внимание следует уделять знакомству и изучению национальных ценностей своего народа. Наиболее эффективными в воспитательной работе является обращение к народному фольклору, традициями, праздниками, историческими традициями, основам православной культуры.

Процесс приобщения к социокультурным ценностям, по мнению Н.С. Ежковой и И.С. Чукановой [12], состоит из компонентов, каждый из которых носит интегративный характер. Среди них познавательно-нормативный, направленный на формирование представление о ценностях своего государства; коммуникативно-творческий, направленный на применение правил взаимодействия; деятельностный компонент, направленный на отношение жизни с ориентацией на ценности. Для этого необходимо осознать те ценностные ориентиры, которые закладывают основы патриотического воспитания. Продолжая исследование по формированию ценностей, соглашаясь с точкой зрения Е. В. Шульгиной [13] в решении воспитательных задач, связанных с установлением способов взаимодействия ребёнка с миром. Главной концептуальной идеей в образовании становится замена знаниевого компонента на развивающую форму коммуникации.

Рассматривая образование детей старшего дошкольного возраста, Е.Н. Бехтерева [14] считает, что этот процесс не может быть успешным без ценностного ориентирования. Формируемые у детей ценности становятся фундаментом обогащения образа мира у детей. На основе этого ребенок воспринимает, переживает и оценивает окружающий мир, формирует свою жизненную позицию.

Теоретический анализ научных изысканий подтверждает актуальность данного исследования. Воспитательная значимость ценностей оказывает воздействие на восприятие окружающего мира, формирование категорий «положительного» или «отрицательного», формирование потребностей и интересов личности.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Формирование целей статьи.

Цель исследования сформировать профессиональные компетенции у педагогов, способных ориентироваться в социокультурных проблемах и соответствующих инновационных технологиях коммуникации, систематизировать знания специалистов дошкольного образования по формированию социокультурных ценностей у детей дошкольного возраста, способов использования их в жизненном пространстве.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Концептуальные изменения в решении вопросов подготовки специалистов дошкольного образования выявили необходимость поиска методологического основания. В нашем исследовании в качестве методологической основы будут рассматриваться аксиологический и культурологический подходы во взаимодействии друг с другом. Решение исследуемой проблемы с позиции аксиологического подхода в условиях современного образования нашло отражение в исследованиях Е.В. Бондаревской, А.М. Булыгина, Л.В. Вершининой, Б. Гершунского [15], М.Г. Казакиной, В.А. Сластенина и др.

Анализ современной социокультурной динамики России в работах В.В. Груздевой и Г.В. Груздева [16] показывает, что человек является носителем субъектной ценности в творчестве и самоопределении. Становление новых ценностей происходит в момент перехода и перемены от старого к новому. По мнению авторов, аксиологической основой для создания условий выхода из кризисной социокультурной ситуации могут стать абсолютные, метафизические ценности. В случае опоры на относительные ценности неизбежен кризис смыслов жизни и деятельности людей. К изучению ценностей в профессиональной деятельности обращается И.Ф. Исаев [4], предлагая классифицировать профессиональные ценности педагога. Среди значимых ценностей учёный выделяет следующие: цели, средства, отношения, знания, качества. Ядром ценностей, по мнению автора, выступают способности к творческому проектированию и прогнозированию педагогической деятельности.

Мы полагаем, что модернизация уровня подготовленности и сформированности профессиональных компетенций у специалистов дошкольного образования должна осуществлять в векторах познания сущности ценностей как компонента культуры и философской концепции ноосферного мышления. Отношение педагога при достижении целей к собственной роли в педагогическом процессе и наличию «декораций» (люди, предметы, идеалы, знания) выступает мерой нравственной, эстетической, интеллектуальной, эмоциональной готовности личности к изменению социального и собственного внутреннего мира. В следствии динамического процесса педагог играет роль создателя материальных и духовных ценностей мировой культуры, к которым приобщает воспитанников. В этом видится нам путь дальнейшего прогресса человечества.

Вопросы реализации культурологического подхода в образовательном процессе нашли отражение в исследованиях В.И. Андреевой, Е.В. Бондаревской, Л.В. Коломийченко [17], Н.Е. Щурковой [18] и др. Культурологический подход обозначает базовые ценностные ориентиры, представленные в культуре своего народа. Так, А.В. Мудрик [19] выделяет коммуникативные умения педагога при взаимодействии с воспитанниками. Организационные умения, умения ориентироваться в ситуациях общения, умения сотрудничать помогают педагогу объективно оценивать участников коммуникации, понимать их настроение, мотивы поведения.

Использование культурологического подхода в рамках нашего исследования предполагает создание условий по освоению и трансляции педагогом социокультурных ценностей, обеспечивающих самореализацию личности ребёнка в творческой деятельности. При этом следует учитывать, что культурологический подход обеспечивает интеграцию видов детской творческой деятельности, способов коммуникации, новых знаний, которые ребёнок способен самостоятельно применить в жизненных ситуациях. Культурологический подход воспроизводит разнообразные модели человеческого общения, закладывает основы коммуникативной компетенции участников образовательного процесса. При этом акцентируется внимание на культурологическую подготовленность педагога, владение культурологическими умениями (поли-

культурное воспитание, многонациональная толерантность, адекватные способы решения коммуникативной задачи и др.).

Мы считаем, что через культурологический подход возможно сформировать человека-творца с креативным мышлением, обладающего позитивным восприятием окружающего мира, способным изменять себя. В поликультурной коммуникации должна происходить передача духовного и культурного опыта человечества посредством преемственности между поколениями [20]. С позиции культурологического подхода особого внимания требует подготовка специалистов в области социально-коммуникативного и художественно-эстетического развития детей. Формирование культурных ценностей эффективнее реализуется в интегрированной творческой деятельности детей. Рекомендуем использовать в работе с детьми следующие креативные практики:

- досуговая (театрализация, развлечения, праздники, концерты);
- продуктивная (изобразительная, декоративно-прикладная, дизайн, знаковая атрибутика);
- творческая (словотворчество, музицирование, пение, импровизационные движения);
- музейная (экскурсии, исторические путешествия, организация мини-музея, макеты жилищ).

При организации креативных практик мы делаем акцент на создании условий для реализации потребностей и возможностей каждого участника культурно-творческого дела. В социокультурном пространстве продуктом деятельности могут выступать такие умения детей как: быть ведущим, исполнителем роли, автором собственной творческой модели исполнения.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Авторами выявлено методологическое основание формирования социокультурных ценностей у детей дошкольного возраста и его перспективного развития с позиции аксиологического и культурологического подходов. Данное положение должно стать основным ориентиром реформы подготовки специалистов дошкольного образования для создания оптимальных условий развития профессиональных компетенций с использованием инновационных технологий и подходов.

Подводя итог изучению данной проблемы, необходимо выделить целевые ориентиры возможных достижений ребёнка в результате социокультурного воспитания. Значимыми достижениями являются осознание ребёнком своей роли в мире культуры и творчества, способность воспринимать и давать оценку окружающему пространству, свободный выбор деятельности и художественных средств для созидания. При этом актуализирована позиция педагога в культурно-ценностном освоении детьми жизненного пространства и его роль в творческом познании картины мира, формировании ценностно-смысловых эталонов у детей.

ОБСУЖДЕНИЕ.

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Учитывая точки зрения учёных, мы считаем, что социокультурное воспитание вызвано потребностью изменения ценности жизни и философии образования. Процесс социокультурного развития ребенка вызывает научный интерес в педагогическом мире. Акцентируется внимание на роли педагога в процессе формирования социокультурных ценностей и качеств ребёнка.

ВЫВОДЫ.

Выводы исследования.

Определены проблемы подготовки специалистов дошкольного образования на современном этапе, выявлены задачи формирования социокультурных ценностей у детей дошкольного возраста; обозначены методологические основания изучения проблемы социокультурного воспитания детей дошкольного возраста.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Отмечается, что выход из кризиса мировой цивилизации, вызванный пандемией, возможен при условии изменения сознания и поведения людей. Социальная роль педагога заключается в решении проблем современности, умении прогнозировать, видеть перспективы, предупреждать риски и их последствия. Сегодня наши воспитанники – дети дошкольного возраста, а завтра – это представители нашей страны в международном сообществе. Именно они скоро будут представлять конкурентоспособность страны, её политические интересы, оборононадёжность и перспективы развития. Поликультурное открытое пространство создаёт условия для выхода на международный уровень коммуникации. От того, как на этапе дошкольного детства у детей сформируется отношение к ценностям жизни и чувство патриотизма к своей Родине, будет зависеть безопасное и успешное будущее нашего государства. Данную авторскую позицию можно принять как исходную в изучении рассматриваемой проблемы, так как она отражает основные цели образования и требования современного социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Новикова О.Н. Игровые практики и конструирование идентичностей. Екатеринбург: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный лесотехнический университет», 2016. 131 с.
2. Коломийченко, Л.В. Дорогою добра: концепция и программа социально-коммуникативного развития и социального воспитания дошкольников. Москва: Издательство «ТЦ Сфера», 2015. 60 с.
3. Космачева Н.В. Приобщение дошкольников к духовно-нравственным ценностям и социокультурным традициям // Педагогическое образование и наука. 2020. № 5. С. 69-72.
4. Исавев И.Ф. Векторы развития современного воспитания: от осознания цели к профессионально-педагогической культуре учителя // Воспитание школьников. 2016. № 9-10. С. 3-9.
5. Серикова Л.А., Нижегородов Д.Г. Подготовка будущих педагогов к духовно-нравственному воспитанию детей в поликультурном образовательном пространстве // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 10. С. 73-78.
6. Крайник В.Л. Культурологический подход к профессиональной подготовке педагога // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 5(42). С. 49-54.
7. Мироненкова Н.Н. Проблема ценностно-смыслового выбора в современных психолого-педагогических исследованиях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т.8. № 2(27). С. 158-161.
8. Гапонова С.А., Ловков С.Г. Связь профессиональной обучаемости с характеристиками ценностно-смысловой сферы студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т.8. № 2(27). С. 305-308.
9. Койкова Э. И. Теоретические аспекты подготовки специалистов в области дошкольного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-1. С. 111-113.
10. Кирмач Г.А., Бахмач А.С. Философские, психологические и социально-педагогические основы формирования духовных ценностей у детей старшего дошкольного возраста // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2019. № 1(24). С. 73-79.
11. Ломоносова Н.В. Анализ структурных и содержательных компонентов в аспекте формирования основ планетарного сознания детей старшего дошкольного возраста // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 106-108.
12. Ежкова Н.С., Чуканова И.С. Социокультурные ценности и проблема приобщения к ним детей // Молодой ученый. 2016. № 13-2(117). С. 32-34.
13. Шульгина Е.В. Аксиологический подход в формировании социокультурных ценностей детей дошкольного возраста // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2019. № 1-2(62). С. 117-121.
14. Бехтерева Е. Н. Проблема формирования нравственных качеств у детей старшего дошкольного возраста // Актуальные проблемы дошкольного образования: Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 23-24 апреля 2020 года. Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2020. С. 58-64.
15. Герушинский Б. С. Философия образования для XXI века. М.: Пед. о-во России, 2002. 508с.
16. Груздева В.В., Груздев Г.В. Аксиологическое измерение современной социокультурной динамики России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 69-73.
17. Коломийченко Л.В. Подготовка педагогических кадров ПГТПУ к организации и проведению инновационной деятельности // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 2. С. 51-55.
18. Шуркова Н.Е. Стратегия воспитания: человек в простран-

стве ценностей гуманистической культуры // Народное образование. 2017. № 8(1464). С. 95-104.

19. Мудрик А.В. Социализация человека: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 050711 (031300) - Социальная педагогика. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Академия, 2006.

20. Галянт И.Г. Формирование профессиональных компетенций педагога в организации художественно-эстетического развития детей дошкольного возраста // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров. Материалы XXII Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2021. С. 145-149.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева» в рамках научного проекта «Формирование позитивной социализации детей дошкольного возраста на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей» договор МК-040-21 от 26.04.2021.

Статья поступила в редакцию 19.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378:61

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0009

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ НА ОСНОВЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 787686

SPIN: 2812-3830

ORCID: 0000-0002-2811-913X

ГРИБОВА Наталья Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: natik_48@km.ru)

Аннотация. Статья посвящена детальному описанию основных теоретических положений, обеспечивающих эффективную реализацию цивилизационного подхода в теории и практике профессиональной подготовки будущих врачей. Автор статьи указывает на необходимость обязательной интеграции цивилизационного подхода с такими подходами как проблемно-деятельностный, социокультурный, компетентностный. Комплексное использование указанных подходов неразрывно связано с реализацией таких принципов профессионального медицинского образования, как принцип целостной развивающейся личности будущего специалиста; принцип ценностной ориентации; принцип профессиональной медицинской направленности; принцип культурной рефлексии; принцип профессионально-ориентированного медицинского общения; принцип диалога культур. Указывается, что эффективность реализации избранных подходов и принципов обеспечивается применением следующих условий: погружение обучающихся в профессионально-направленную межкультурную среду, демонстрирующую универсальные способы решения глобальных проблем в современном образовании; обеспечение межкультурного взаимодействия с представителями медицинского сообщества различных стран; использование возможностей цифровой образовательной среды, которое позволяет преодолеть барьеры общения на основе применения дистанционных технологий и другие. В современном медицинском профессиональном образовании существуют противоречия между необходимостью подготовки медицинских кадров в соответствии с мировыми требованиями и недостаточной разработанностью теоретических аспектов данного процесса в теории и практике современного профессионального образования медиков. Решение данного противоречия определило проблему исследования, которая заключается в выявлении основных теоретических позиций, обеспечивающих эффективную реализацию цивилизационного подхода в профессиональной подготовке будущих врачей. Правомерность выдвижения цивилизационного подхода в качестве приоритетного обусловлена современными социально-экономическими потребностями, заключающимися в необходимости решения глобальных медицинских проблем совместными усилиями представителями медицинского сообщества различных стран мира.

Ключевые слова: будущие врачи, профессиональная подготовка, цивилизационный подход, принципы и подходы, глобализация, неязыковой вуз, профессиональное сообщество, будущие специалисты, компетентностный подход, клиническая практика, медицинская деятельность.

BASIC THEORETICAL STATUTES ENSURING THE EFFICIENCY OF FUTURE DOCTORS' PROFESSIONAL TRAINING ON THE BASIS OF CIVILIZATION APPROACH IMPLEMENTATION

© The Author(s) 2021

GRIBOVA Natalya Sergeevna, candidate of pedagogical sciences, assistant professor of the department of foreign languages

Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: natik_48@km.ru)

Abstract. The article is devoted to a detailed description of the main theoretical statutes that ensure the effective civilization approach implementation in the theory and practice of future doctors' professional training. The author of the article points out the necessity of compulsory integration of the civilization approach with such approaches as problem-activity one, socio-cultural one, competence one. The integrated use of these approaches is continuously linked with the implementation of such principles of professional medical education as the principle of a holistic future specialist's developing personality; the principle of value orientation; the principle of professional medical orientation; the principle of cultural reflection; the principle of professionally oriented medical communication; the principle of the dialogue of cultures. It is indicated that the effectiveness of the implementation of the selected approaches and principles is ensured by the application of the following conditions: immersion of students in a professionally oriented intercultural environment, demonstrating universal ways of solving global problems in modern education; ensuring cross-cultural interaction with the medical community representatives of various countries; using the capabilities of the digital educational environment, which allows to overcome communication barriers based on the use of distance technologies and others. In modern medical professional education, there are contradictions between the need to train medical personnel in accordance with world requirements and the lack of development of theoretical aspects of this process in the theory and practice of modern professional education of doctors. The solution to this contradiction identified the problem of research, which consists in identifying the main theoretical positions that ensure the effective implementation of a civilizational approach in the training of future doctors. The legitimacy of putting forward a civilizational approach as a priority stems from modern socio-economic needs, which are the need to address global medical problems jointly by representatives of the medical community of various countries of the world.

Keywords: future doctors; professional training, civilization approach; principles and approaches; globalization, non-lingual university, professional community, future specialists, competency-based approach, clinical practice, medical activity.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Введение новых образовательных стандартов предусматривает подготовку современного врача, который способен решать профессиональные задачи в постоянно изменяющихся условиях профессионального взаимо-

действия с представителями различных стран и культур на основе общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. В этой связи представляется актуальным поиск новых подходов, отвечающих поставленным требованиям. Одним из эффективных подходов в этой связи представляется цивилизационный подход, который предполагает овладение необходимыми

профессиональными знаниями, умениями, навыками, творческими способами профессиональной деятельности на основе реализации цивилизационной парадигмы образования [1].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Реализация цивилизационного подхода позволяет формировать у будущего врача правильное восприятие, понимание и интериоризацию наиболее значимых ценностей мирового профессионального медицинского сообщества, что представляется важным в процессе осуществления медицинской деятельности как на местном, так и на международном уровнях. Данный подход обладает несомненным образовательным потенциалом, представляя широкие возможности для воспитания будущего врача с широким глобальным мышлением, способного решать профессиональные проблемы не только на региональном уровне, но и на уровне решения глобальных проблем современного здравоохранения. Изучением цивилизационного подхода занимаются многие авторы и ученые [2-11].

Обосновывается актуальность исследования.

Исследование является актуальным, так как учет и реализация указанных принципов и подходов позволяет повысить качество подготовки специалистов и организовать образовательный процесс в соответствии с потребностями мирового сообщества, не ограничивая профессиональную деятельность врача рамками одной страны, что представляется особенно значимым в условиях глобализации, когда общие медицинские проблемы могут решаться только совместными усилиями.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель статьи состоит в изучении основных принципов и подходов в обучении иностранному языку, а также в выделении приоритетных в соответствии с потребностями мирового сообщества.

Используемые методы, методики и технологии. В статье использованы методы теоретического и описательного анализа. Автор статьи предлагает использование цивилизационного подхода как приоритетного в обучении студентов неязыкового вуза медицинского профиля.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Любой подход неразрывно связан с другими подходами и базируется на системе принципов, обеспечивающих эффективность его реализации. Применительно к особенностям внедрения цивилизационного подхода данный подход интегрируется со следующими подходами: проблемно-деятельностным, социокультурным и компетентностным.

Рассмотрим связь данного подхода с указанными подходами и представим специфику взаимодействия всех указанных подходов в профессиональной подготовке будущего врача. Цивилизационный подход предполагает вовлечение будущих специалистов в решение актуальных вопросов функционирования системы здравоохранения на глобальном уровне. Данный подход позволяет вычлнить наиболее значимые проблемы, характерные для системы медицинского профессионального образования во всех странах мира и найти эффективные способы решения данных проблем на основе человеческого ресурсного и финансового капитала различных стран. В этой связи осуществление подготовки кадров на основе данного подхода невозможно без потенциала проблемно-деятельностного подхода [12], нацеленного на решение типичных профессиональных проблем посредством вовлечения будущих кадров в наиболее значимые для них виды профессиональной деятельности.

Следующим актуальным подходом, который нераз-

рывно связан с реализацией цивилизационного подхода, является социокультурный подход, представляющий широкие возможности не только для развития профессионального медицинского кругозора, но и для общекультурного кругозора будущего врача. Данный подход позволяет провести сравнительно-сопоставительный анализ социокультурных проблем, которые неразрывно связаны с медицинской профессиональной деятельностью, и определить общее и отличительное у представителей различных языков и культур. Социокультурный подход способствует развитию глобального мышления будущего врача, способного в условиях диверсификации современной медицинской деятельности в различных странах выделить рациональное зерно, потенциал которого может значительно улучшить качество образования в своей собственной стране. Интеграция социокультурного подхода с цивилизационным позволяет познакомиться с реалиями систем здравоохранения стран родного и изучаемого языков, а также развить у будущих врачей умения адекватной интерпретации, обобщения и представления информации о сходствах и различиях в реалиях сферы здравоохранения контактирующих культур [13]. Использование возможностей социокультурного подхода в тесной связи с цивилизационным подходом позволяет овладеть знаниями о трех компонентах содержания современного медицинского профессионального образования на сравнительно-сопоставительной основе, а именно: знаниями относительно системы здравоохранения страны изучаемого языка и России (структуры; принципов государственной и частной систем здравоохранения; этапов развития; способов финансирования здравоохранения; государственной и частной медицинских; системы государственного и частного медицинского страхования; нормирования и контроля в здравоохранении; государственных программ / национальных проектов, направленных на поддержку развития здравоохранения; реформ здравоохранения; подготовки кадров для данной сферы); а также умениями работать с основными типами справочной, учебно-справочной, учебной литературой и ресурсами сети Интернет по медицинскому профилю или при реализации профессиональных целей; производить отбор, классификацию, обобщение, анализ фактов и явлений одновременно изучаемых культур при работе с различными видами справочной, учебной, художественной, публицистической литературы и ресурсами сети Интернет; проводить аналогии, сравнения, сопоставления при изучении аспектов культуры стран родного и изучаемого языков по медицинскому профилю; опознавать и интерпретировать социокультурно маркированные лексические единицы по медицинскому профилю; реферировать аутентичные страноведческие материалы по медицинскому профилю (ФГОС).

Потенциал цивилизационного подхода может быть усилен на основе его интеграции с компетентностным подходом, направленным на комплексное формирование общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Цивилизационный подход способствует эффективному формированию всех вышеперечисленных компетенций, поскольку выводит будущего врача на новый уровень профессионального осознания и решения профессиональных проблем, которые призван решать современный врач в условиях глобализации.

Интеграция цивилизационного подхода со всеми вышеперечисленными подходами способствует подготовке будущих врачей к выполнению важнейших видов профессиональной деятельности как: а) профилактическая; б) диагностическая; в) лечебная; г) реабилитационная; д) психолого-педагогическая; е) организационно-управленческая; ж) научно-исследовательская.

Эффективное воплощение цивилизационного подхода предполагает внедрение следующих принципов в современном профессиональном образовании будущих врачей: принцип целостной развивающейся личности будущих специалистов; принцип ценностной ориента-

ции; принцип профессиональной направленности; принцип культурной рефлексии; принцип профессионально-ориентированного медицинского общения; принцип диалога культур.

Обратимся к рассмотрению реализации каждого из указанных принципов в условиях современного медицинского профессионального образования. Наиболее приоритетным представляется принцип целостной развивающейся личности будущих специалистов, позволяющий подготовить будущего врача к реализации профессиональной деятельности, обладающего набором необходимых личностных качеств, необходимым уровнем теоретической и практической медицинской подготовки, а также высоким уровнем медицинского профессионального мышления и адекватным ценностным отношением к выполнению профессионально-значимых задач в профессиональной сфере.

Следующим важнейшим принципом является принцип ценностной ориентации, реализация которого предполагает опору на наиболее значимые профессиональные ценности в сфере профессионального медицинского образования, среди которых можно выделить следующие: человек и его здоровье, сочувствие, профессиональный долг, честность, ответственность. Формирование ценностных отношений будущих медицинских специалистов должно рассматриваться с учетом специфики их медицинской профессиональной деятельности в условиях глобальной унификации, которая требует нового уровня восприятия и понимания вызовов в медицинском образовании, что требует высокой степени готовности будущих врачей к межкультурному взаимодействию в процессе решения актуальных медицинских проблем.

«Применение цивилизационного подхода подразумевает формирование ценностного отношения к ценностям картина мира; к субъектам профессиональной медицинской деятельности в своей стране и за рубежом; к медицинскому образованию в целом; к ценностным ориентациям представителей медицинской сферы в различных странах мира; к многообразию стратегий, тактик, способов и средств обеспечения межкультурного общения в условиях глобализации; к будущей медицинской профессии в целом» [14].

Важнейшим в процессе реализации указанного подхода является принцип профессиональной медицинской направленности, который предполагает формирование профессиональной мотивации к выполнению типичных видов деятельности. Воплощение данного принципа предполагает интеграцию аудиторной работы, самостоятельной работы, научно-исследовательской деятельности и клинической практики. Успешность реализации данного принципа основана на интеграции дисциплин общекультурной и специальной подготовки. Представляется значимым вовлечение обучающихся в деятельность по усвоению практических навыков на базе медицинских учреждений различных стран.

Невозможно представить реализацию современного профессионального медицинского образования без принципа культурной рефлексии, представляющим широкие возможности для проведения сравнительно-сопоставительного изучения систем медицинского обслуживания в различных странах. Данный принцип раскрывает сильные и слабые стороны в реализации медицинской деятельности глобального мира и помогает определить приоритетные стратегии по реализации наиболее значимых направлений медицины в современном поликультурном мире.

Профессиональная подготовка врача в условиях современной цивилизации может быть успешно осуществлена только посредством реализации принципа профессионально-ориентированного медицинского общения, в соответствии с которым профессиональное общение является каналом развития, познания и воспитания будущего врача. Будущий врач приобретает не только теоретические знания и практический опыт, но и через

общение с коллегами овладевает наиболее ценностными личностными и профессиональными ориентациями специалиста медицинской сферы [15-20].

Цивилизационный подход неразрывно связан с принципом диалога культур, поскольку только в диалоге происходит взаимообогащение профессиональными знаниями, умениями, навыками, опытом, ценностями, представленными в культурах медицинского профессионального сообщества различных стран.

Таким образом, применение цивилизационного подхода в профессиональном медицинском образовании представляет собой многоаспектное сложное явление, где пересекаются различные виды деятельности будущего врача, а также опыт, накопленный поколениями представителей медицинского научного сообщества в различных странах и культурах.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Внедрение цивилизационного подхода на основе интеграции с такими подходами как проблемно-деятельностный, социокультурный и компетентностный, а также реализация так принципов, как: принцип целостной развивающейся личности будущего специалиста; принцип ценностной ориентации; принцип профессиональной медицинской направленности; принцип культурной рефлексии; принцип профессионально-ориентированного медицинского общения; принцип диалога культур, позволяет эффективно использовать возможности данного подхода с целью решения учебных, развивающих, познавательных и воспитательных задач в современном профессиональном медицинском образовании.

Следует отметить, что основные теоретические положения, отраженные в данной работе, могут быть успешно реализованы лишь при соблюдении следующих педагогических условий:

1) Комплексное формирование общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций на основе вовлечения обучающихся в ведущие виды профессиональной деятельности: лечебная, профилактическая, научно-исследовательская, культурно-просветительская;

2) Погружение обучающихся в профессионально-направленную среду, демонстрирующую универсальные способы решения глобальных проблем в современном образовании;

3) Обеспечение межкультурного взаимодействия с представителями медицинского сообщества различных стран.

4) Использование возможностей цифровой образовательной среды, которое позволяет преодолеть барьеры общения на основе применения дистанционных технологий;

5) Применение специальной системы заданий, направленных на овладение не только актуальными медицинским опытом, но и социокультурным и лингвистическим опытом в процессе взаимодействия в профессиональном сообществе.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Таким образом, процесс реализации профессиональной подготовки будущих врачей на основе цивилизационного подхода представляет собой многоаспектный комплексный процесс, который неразрывно связан с реализацией таких приоритетных подходов в современном профессиональном образовании, как проблемно-деятельностный, социокультурный, компетентностный. Интеграция цивилизационного подхода с указанными подходами позволяет вывести будущих медицинских работников на качественно новый уровень их подготовки с учетом таких ведущих тенденций образования, как: унификация, дифференциация, индивидуализация, цифровизация как на региональном, так и на международном уровнях. Следует отметить, что интеграция всех указанных подходов находится в

тесной взаимосвязи с реализацией таких принципов медицинского профессионального образования, как принцип целостной развивающейся личности будущего специалиста; принцип ценностной ориентации; принцип профессиональной медицинской направленности; принцип культурной рефлексии; принцип профессионально-ориентированного медицинского общения; принцип диалога культур. Все вышеуказанные принципы пронизывают профессиональную деятельность работников медицинской сферы в различных странах мира сегодня.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Дальнейшего изучения требуют основные принципы реализации цивилизационного подхода в рамках обучения студентов неязыковых высших учебных заведений по разным специальностям, в том числе медицинским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Johann Arnason *The Cultural Turn and the Civilizational Approach // European Journal of Social Theory* – 2020. – Vol. 13(1). – P. 67-82.
2. Yuriy. D. Granin “Civilizational approach”. *Formation and evolution // Civilization Studies Review*. 2020. Vol. 2. P. 65-85.
3. Deepshikha Shahi *Understanding Post-9/11 Afghanistan: A Critical Insight into Huntington's Civilizational Approach // E-International Relations Publishing*. 2017. 150 pp.
4. Knoch U., Chapelle C. A. *Validation of rating processes within an argument-based framework // Language Testing*. 2018. № 35 (4). P. 477–499.
5. Wind S. A., Peterson M. E. *A systematic review of methods for evaluating rating quality in language assessment // Language Testing*. 2018. № 35(2). P. 161–192.
6. Gass S., Winke P., Van Gorp K. *The Language Flagship Proficiency Initiative [research in the news] // Language Teaching*. 2016. № 49 (4). P. 592–595.
7. Cox T. *Understanding Intermediate-level speakers' strengths and weaknesses: An examination of OPIc tests from Korean learners of English // Foreign Language Annals*. 2017. № 50 (1). P. 84–113.
8. Muelheek, J., Smith, C., & Allen, J. *Understanding the advising learning process using learning taxonomies // NACADA Journal*. No. 34(2). 2014. P.63-74.
9. Archana Shrivastava *Using connectivism theory and technology for knowledge creation in cross-cultural communication // Research in Learning Technology* Vol. 26, 2018. <http://dx.doi.org/10.25304/rlt.v26.2061>
10. Kop, R., & Hill, A. *Connectivism: Learning theory of the future or vestige of the past? The International Review of Research in Open and Distance Learning*. 9(3). 2018. Retrieved from <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/523/1137> Г
11. Грибова Н.С. *Условия реализации цивилизационного подхода в профессиональной подготовке будущих врачей // Среднее профессиональное образование*. – 2015.- № 7- с. 10-13
12. Матюшкин А.М. *Проблемные ситуации в мышлении и обучении*. – М., 1972, - 45 с.
13. Сысоев П.В. *Концепция языкового поликультурного образования*. – М.: Еврошкола, 2003. – 406 с.
14. Грибова Н.С., Парахина О.В., Тарасюк Н.А. *Специфика реализации современного профессионального образования в условиях глобализации // Преподаватель XXI век*. – 2014. - № 3 - с. 126.
15. *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 31.05.01 Лечебное дело (уровень специалитета) (Утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 февраля 2016 года. № 95).*
16. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. *Общая педагогика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. В.А. Сластенина: В 2 ч. – М.: Гуманит. Изд. Центр Владос, 2002. – Ч. 1. – 204 с.*
17. Кудрявцев Т.В. *Проблемное обучение – истоки, сущность, перспективы*. – М: Знание, 1991, - 65 с.
18. Петунин О.В. *Об использовании цивилизационного подхода в педагогических исследованиях // Инновации в образовании*. – 2015. - № 9. - С. 68-79.
19. Польшковская О.А. *Цивилизационный подход к формированию духовно-нравственной культуры // Вестник университета Российской академии образования*. – 2017. - № 1. - С. 23-31.
20. Филин А.С. *Применение цивилизационного подхода в культурологических исследованиях*. – 2016. - № 13. - С. 233-237.

Статья поступила в редакцию 08.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 373.66

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0010

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЕЙ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 2911-0423

AuthorID: 956749

ORCID: 0000-0002-5289-4427

ДАНИЛОВ Александр Александрович, учитель

*Средняя общеобразовательная школа № 8 имени Сибирцева А.Н.
(628408, Россия, Сургут, улица Энергетиков, 49, e-mail: axeldan@mail.ru)*

Аннотация. В данной статье проводится анализ информационно-методической компетенции. Согласно структуре, компоненты информационно-методической компетенции включают мотивационный, гностический и деятельностный критерии. Для данных критериев определены показатели. Мотивационный критерий: осознание потребности к профессиональной деятельности учителей; настойчивость в формировании профессиональных знаний, умений и качеств; интересы и склонности к профессиональной деятельности. Гностический критерий: объем усвоения знаний; глубина, осмысленность усвоения знаний; аргументированность, оригинальность предложенных решений. Деятельностный критерий: умение приобретать знания самостоятельно; умение использовать приобретенные знания в практической деятельности; способность переносить свои умения на другие знания. При оценке информационно-методической компетенции следует определить ключевые точки для их диагностики, а также выбрать эффективные средства и методы. Для диагностики соответствующего свойства или качества личности в процессе эксперимента на основании способов деятельности разрабатываются требования к испытуемым и критерии оценки уровней сформированности компетентностей. Опираясь на мнения ученых, выбор параметров, которые надо диагностировать в процессе эксперимента, зависит как от цели, так и от задач исследования. Определены методы оценивания показателей информационно-методической компетенции. Наиболее эффективные из них, применяемые в большинстве исследований, это метод наблюдения и анкетирование.

Ключевые слова: компетенции, критерии, компоненты, информационная, методическая, информационно-методическая, диагностика, методы оценивания, анкетирование, наблюдение.

METHODS OF DIAGNOSTICS OF INFORMATION AND METHODOLOGICAL COMPETENCE OF TEACHERS

© The Author(s) 2021

DANILOV Alexander Alexandrovich, teacher

*Secondary General Education school № 8 named after Sibirtsev A N.
(628408, Russia, Surgut, Street Energetikov 49, e-mail: axeldan@mail.ru)*

Abstract. This article analyzes the information and methodological competence. According to the structure, the components of information and methodological competence include motivational, gnostic and activity criteria. Indicators are defined for these criteria. Motivational criteria: awareness of the need for professional activity of teachers; perseverance in the formation of professional knowledge, skills and qualities; interests and inclinations for professional activity. Gnostic criterion: the volume of knowledge assimilation; depth, meaningfulness of knowledge assimilation; reasonableness, originality of the proposed solutions. Activity criterion: the ability to acquire knowledge independently; the ability to use the acquired knowledge in practical activities; the ability to transfer their skills to other knowledge. When assessing information and methodological competence, it is necessary to determine the key points for their diagnosis, as well as to choose effective tools and methods. To diagnose the corresponding property or quality of personality in the course of the experiment, based on the methods of activity, requirements for the subjects and criteria for assessing the levels of competence formation are developed. Based on the opinions of scientists, the choice of parameters that need to be diagnosed during the experiment depends on both the goal and the objectives of the study. The methods of evaluating the indicators of information and methodological competence are defined. The most effective of them, used by most studies, is the method of observation and questioning.

Keywords: Competencies, criteria, components, information, methodological, information-methodical, diagnostics, assessment methods, questionnaires, observation.

ВВЕДЕНИЕ

При оценке информационно-методической компетенции следует определить ключевые точки для диагностики. В.А. Талалаева и А.В. Сидоров описывают два направления контрольно-оценочной деятельности:

1) сбор и регистрация данных о качестве усвоения знаний, опыта практической деятельности, развитии умений и изучаемых компетенциях; заносятся в соответствующие карты мониторинга, по которым можно судить о состоянии исследования в целом.

2) о сформированности общих и профессиональных компетенций можно делать выводы по процедурам, принятым в соответствии с ФГОС, – это текущий контроль, промежуточная и итоговая аттестация [1].

По мнению А.А. Илidgeва, выбор параметров, которые надо диагностировать в процессе эксперимента, зависит как от цели, так и от задач исследования. Так, для кандидатской диссертации достаточно трех параметров (например, знания, умения, навыки, мотивация или другие качества личности), в то время как в докторской диссертации, которая предполагает комплексное исследование проблемы, диагностируемые параметры

могут включать и больше трех-четырёх параметров. Следует учитывать необходимость конкретизировать группу требований так, чтобы их можно было измерить на качественном или количественном уровне. В качестве средства формирования и оценки сформированности ключевых компетенций А.А. Илidgeва предлагает применять портфолио – метод, позволяющий организовать проектную деятельность обучающихся [2]. Для развития информационно-методической компетентности в современной педагогике применяется широкий спектр различных методов обучения. Важное место среди них занимает проектно-исследовательская деятельность. В рамках нашего исследования с целью реализации данного подхода мы разрабатываем дистанционную платформу «В поисках открытий», размещенную на сайте informurok.ru, по организации игровых проектов. Это позволяет реализовать метод портфолио параллельно обучению, так как сбор информации о разрабатываемых и активности готовых проектов происходит автоматически.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для диагностики соответствующего свойства или качества личности в процессе эксперимента на основании

способов деятельности разрабатываются требования к испытуемым и критерии оценки уровней сформированности компетентностей [2]. Опираясь на мнения ученых (А.В. Хуторской, И.Л. Столяр, И.Г. Фризен, Э.Ф. Насырова, Ф.В. Шкарбан, З.Х. Шакирова, К.В. Каменев, О.С. Ищенко, Е.Ю. Никитина и др.), в своем исследовании мы определили структуру информационно-методической компетенции: аксиологический, гносеологический и прагматологический компоненты [3].

Для оценки уровней сформированности этих компонентов были определены критерии: мотивационный, гностический и деятельностный. Диагностика информационно-методической компетенции учителей предусматривает необходимость установить показатели, анализ и измерение которых позволит судить о степени развития компетентности.

Э.Ф. Насырова для мотивационного критерия выделяет три показателя: осознание потребности к профессиональной деятельности учителей; настойчивость в формировании профессиональных знаний, умений и качеств; интересы и склонности к профессиональной деятельности [4]. А.В. Козырева считает, что мотивационный критерий для оценки уровня сформированности информационной компетентности обучающихся характеризуется показателями: проявлением интереса к овладению информационными технологиями; наличием потребности в получении и расширении знаний в области информационных технологий [5]. В.В. Игнатова и Д.Н. Девятловский аксиологический критерий характеризуют их ценностным отношением к изучению основных и специальных приемов и операций теории, ценностным отношением к освоению знаний как профессионально-значимых, ценностным отношением к освоению и выбору целесообразных действий на основе их профессиональной значимости [6]. К показателям мотивационного критерия И.В. Фарафонова относит: понимание ценности проектной деятельности; интерес к использованию метода проектов, организации проектной деятельности; мотивация ее использования при изучении предмета [7].

И.Н. Бевзюк в основу гностического критерия ставит следующие показатели: знания о сущности, структуре, функциях, видах, закономерностях развития общения в целом и профессионального в частности; перцептивные умения; рефлексивность [3]. Для гностического критерия Э.Ф. Насырова выделяет три показателя: объем усвоения знаний; осмысленность усвоения знаний; скорость выполнения контрольных заданий [4]. Применительно к проектной деятельности Е.В. Самсонова считает, что показателями гностического критерия являются: умение видеть проблему, владение развитыми аналитическими способностями, сформированное критическое мышление, опыт поисково-исследовательской деятельности, умение прогнозировать развитие собственного творческого потенциала с целью более продуктивной самореализации, осознанное овладение методами исследовательской деятельности (анализ, синтез, гипотеза, моделирование, педагогический эксперимент и др.). Умения и навыки учебно-исследовательской деятельности являются основой гностического критерия оценки готовности будущего учителя к инновационной деятельности [8]. По мнению А.В. Козыревой, критерий сформированности знаний может характеризоваться следующими показателями: знанием компьютерных методов обработки информации; знанием основных программных продуктов, используемых в процессе обучения; выделение информационного аспекта в деятельности человека; построение информационных моделей объектов, систем и процессов; вычисление логического значения сложного высказывания; проведение статистической обработки данных; интерпретирование результатов, получаемых в ходе моделирования реальных процессов; устранение простейших неисправностей; инструктирование пользователей по базовым принципам использования информационных технологий; оценивание числовых параметров

информационных объектов и процессов; оперирование информационными объектами; проведение виртуальных экспериментов и самостоятельное создание простейших моделей [5]. Ю.Ю. Раянова к критериям гностической компетентности относит: проявление интереса к учебной и профессиональной деятельности; самостоятельность, активность в анализе, оценке и коррекции учебной и профессиональной деятельности; выраженность полнезависимых когнитивно-стилевых особенностей; проявление социальной креативности [9]. Ю.А. Соколова считает, что когнитивный компонент обуславливают условия организации, приемы осуществления, механизмы реализации, планируемые результаты [10]. И.В. Фарафонова в ракурсе проектно-исследовательской деятельности определяет показатели гностического критерия: знание сути организации проектной деятельности в процессе изучения предмета; знание этапов организации проектной деятельности в образовательном процессе; знание алгоритма организации проектной деятельности [7]. По мнению Л.Г. Борисовой когнитивные компетенции характеризуются релевантностью найденной информации, полнотой информационных источников; глубиной анализа исследуемого вопроса (проблемы); соответствием выводов и обобщений содержанию анализируемого вопроса; аргументированностью, оригинальностью предложенных решений [11]. И.А. Адаев считает, что когнитивный (знаниевый) критерий характеризуется показателем степени усвоения студентами знаний, необходимых учителю химии в работе. В соответствии с описанием компетенции он включает в себя знание основ педагогики, методики преподавания химии, методологии научных исследований и др. [1]. В.В. Игнатова и Д.Н. Девятловский для разработки диагностики сформированности прагматологических умений рассматривают критерии и уровни сформированности данных умений. Познавательный критерий характеризуется изучением и знанием основных и специальных приемов и операций решения определенных задач; осознание выбора действия при решении конкретных задач [6].

Для деятельностного критерия Э.Ф. Насырова выделяет три показателя: умение приобретать знания самостоятельно; умение использовать приобретенные знания в практической деятельности; способность переносить свои умения на другие знания [4]. И.В. Фарафонова считает, что деятельностный критерий включает показатели: умение дифференцировать учебные проекты; умение использовать метод проектов на уроках и во внеурочной деятельности; умение организовывать исследование по предмету в рамках проектной деятельности; умение создавать положительную атмосферу в ходе работы с учениками [7]. По мнению И.А. Адаева деятельностный критерий характеризуется степенью овладения студентами умениями и навыками, необходимыми учителю химии для успешного выполнения основных профессиональных функций [12]. Данный критерий включает в себя следующие показатели: умение работать с источниками информации, анализировать и обобщать полученную информацию, делать выводы; умение оценивать себя как исследователя; умение прогнозировать результаты своей деятельности; умение определять уровень знаний и умений школьников, осуществлять индивидуальный подход и дифференциацию процесса обучения; умение проводить входной, промежуточный и итоговый контроль знаний учащихся; готовность организовывать проектно-исследовательскую деятельность школьников; навыки применения методов научного исследования в преподавании предмета [1].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Определение сущности понятий является важной составляющей любого теоретического исследования. Для любого понятия важны как информационный объем, так и минимум избыточности информации. Анализ современных толкований информационный, методической и информационно-методической компетенций раскрывает

основополагающие ключевые точки для измерения соответствующих показателей [13]. Опираясь на мнения ученых, мы определили показатели гностического, мотивационного и деятельностного критериев.

1. Мотивационный критерий включает показатели:

- осознание потребности к профессиональной деятельности учителей (готовы учиться). Требуется измерять внутреннюю готовность к получению знаний в области ИКТ для решения методических задач и применения их на практике;
- настойчивость в формировании профессиональных знаний, умений и качеств (активно применяю). Требуется измерять потребность в самообучении для активного применения ИКТ в методической работе;
- интересы и склонности к профессиональной деятельности (готовы обучать). Требуется измерять готовность к передаче опыта применения ИТК для решения проблем информатизации школы и методической работы.

Показатели мотивационного критерия следует измерять методом наблюдения. По итогам выполнения проектов можно оценить показатели мотивационного критерия [14; 15; 16]. Данные по работе с рассматриваемым в диссертационном исследовании порталом дают возможность анализировать активность педагогов. Отчет виртуальной формы портфолио, содержащий информацию по каждому учителю, позволяет достаточно быстро получить данные о его проектной деятельности с обучающимися. Результат игрового проекта – дидактическая игра, при выполнении которой каждый участник дает обратную связь, оценивая проект. Инструментарий проекта помогает реализовать метод наблюдения и оценить показатели мотивационного критерия.

2. Гностический критерий включает показатели:

- объем усвоения знаний. Требуется измерять общепедагогические и психолого-педагогические знания, знание компьютерных программ и средств информационно-поисковой деятельности (хранении, передаче и обработке информации), знание общепринятых средств и методов контроля и оценивания;
- глубина, осмысленность усвоения знаний. Требуется измерять знания нормативно-правовой документации, общепедагогические и психолого-педагогические знания, знание компьютерных программ (их аппаратно-программные ограничения) и методы информационно-поисковой деятельности, знания о информационных процессах (средствах хранения, передачи и обработки информации), знание механизмов поиска оригинальных средств и методов контроля и оценивания;
- аргументированность, оригинальность предложенных решений. Требуется измерять знания логико-смысловой структуры нормативно-правовой документации, общепедагогические и психолого-педагогические, основ программирования и компьютерных программ (их аппаратно-программные ограничения), а также методов информационно-поисковой деятельности, информационных процессов (эффективных механизмов и средств хранения, передачи и обработки информации), механизмов поиска и разработки методов контроля и систем оценивания.

Показатели гностического критерия следует измерять методом анкетирования. Система трехбалльной оценки предусматривает минимально количество баллов для удовлетворительного показателя $0,7 < K <= 0,8$ – низкий уровень; $0,8 < K <= 0,9$ – средний и $0,9 < K <= 1,0$ – высокий уровень развития гностического критерия.

3. Праксиологический критерий включает показатели:

- умение приобретать знания самостоятельно (могу воспроизводить). Требуется измерять умение воспроизводить практические действия для обработки информации на бумажных и электронных носителях,

пользоваться эффективными средствами и методами обучения, анализировать поставленные перед педагогом цели и находить пути их достижения, владеть навыками самоанализа;

- умение использовать приобретенные знания в практической деятельности (активно применяю). Требуется измерять умение обрабатывать информацию на бумажных и электронных носителях, самообучаться и саморазвиваться, уметь находить эффективные средства и методы обучения, формулировать цели и находить пути их достижения, владеть навыками самоанализа;
- способность переносить свои умения на другие знания (могу создавать). Требуется измерять умение обрабатывать информацию на бумажных и электронных носителях, в том числе создавать для этого эффективные автоматизированные средства, самообучаться и передавать опыт коллегам, выбирать готовые и создавать новые эффективные средства и методы обучения, формулировать цели и находить пути их достижения, владеть навыками анализа и самоанализа.

Показатели праксиологического критерия следует измерять методом наблюдения. Анализ деятельности, как и мотивации, производится на портале informurok.ru при проверке проектов педагогов. Портал дидактических игр применяется не только для развития соответствующих компетенций, но и для их диагностики.

Таблица 1 - Информационно-методическая компетенция

Компоненты	Критерии	Показатели
Аксиологический – включает ценностные отношения	Мотивационный – учитывает мотивы обучения учителей в ходе образовательного процесса	1. Осознание потребности к профессиональной деятельности учителей. 2. Настойчивость в формировании профессиональных знаний, умений и качеств. 3. Интересы и склонности к профессиональной деятельности.
Гносеологический – определяется как система знаний	Гностический – отражает теоретическую сторону обученности учителей	1. Объем усвоения знаний. 2. Глубина, осмысленность усвоения знаний. 3. Аргументированность, оригинальность предложенных решений.
Праксиологический – включает профессиональные умения и навыки	Деятельностный - отражает практическую сторону обученности учителей	1. Умение приобретать знания самостоятельно. 2. Умение использовать приобретенные знания в практической деятельности. 3. Способность переносить свои умения на другие знания.

ВЫВОДЫ

Опираясь на мнения ученых, можно выделить оптимальные методы оценивания, такие как наблюдение и анкетирование [16; 17; 18]. Метод наблюдения позволяет получить наиболее полную картину оцениваемого процесса, не требует дополнительных затрат, а для получения более точных результатов применяется в сочетании с беседой и экспериментом. Анкетирование характеризуется беспристрастностью к личности опрашиваемого, благодаря анонимности и массовости исследования. В процессе реализации игровых проектов наиболее эффективным решением выступают данные методы оценивания [19; 20].

Методом оценивания показателей мотивационного и деятельностного критериев в проектной деятельности выбрано наблюдение, так как по активности и качеству выполнения проектов легко судить о желании и способности педагога реализовывать данную деятельность. Гностический критерий принято оценивать методом анкетирования. Данный метод способен измерить объем усвоения знаний, их осмысленность и глубину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Талалаева, В.А., Сидоров, А.В. Теоретические основы проекти-

рования методики диагностики и оценки сформированности общих и профессиональных компетенций // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2016. № 5. С. 138-142.

2. Илджев, А.А. Методика диагностики профессиональных компетенций студентов // В сборнике: Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании материалы 21-й Международной научно-практической конференции. под науч. ред. Е. М. Дорожкина, В. А. Федорова. 2016. С. 65-68.

3. Данилов, А.А., Структура информационно-методической компетенции учителей общеобразовательных организаций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета, №1 (64) 2020

4. Насырова, Э.Ф. Методическая система интегративно-модульного обучения в профессиональной подготовке учителей технологии : монография / Э.Ф. Насырова ; Сургут. гос. ун-т. – Сургут : ИЦ СурГУ, 2015. – 280 с.

5. Козырева, А.В. Критерии и уровни сформированности информационной компетентности учащихся профильных классов средней школы // Вестник ТГУ. 2009. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-i-urovni-sformirovannosti-informatsionnoy-kompetentnosti-uchaschihsya-profilnyh-klassov-sredney-shkoly> (дата обращения: 22.12.2020).

6. Десятловский, Д.Н., Игнатова, В.В. Практикологические умения студентов-экономистов: сущность, критерийные характеристики, диагностика // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2010. Т. 7. № 1. С. 104-108.

7. Фарафонова, И. В. Формирование готовности будущего учителя начальных классов к организации проектной деятельности младших школьников при изучении математики: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08. – Орёл, 2020. – 193 с.

8. Самсонова, Е.В. Формирование умений и навыков учебно-исследовательской деятельности как основа гностического критерия оценки готовности будущего учителя к инновационной деятельности // Перспективы науки. 2019. № 2 (113). С. 123-125.

9. Раянова, Ю. Ю. Гностическая компетентность в образовательном процессе физкультурного вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № S2. – С. 21-25. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14519.htm>.

10. Соколова, Ю.А. Формирование готовности студентов – будущих учителей русского языка к организации проектной деятельности учащихся [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00. 08 / Ю.А. Соколова. – Самара, 2010. – 19с.

11. Борисова, Л.Г. Информационные компетенции. Показатели развития информационных компетенций студентов высшей школы в проектной деятельности с компьютерной презентацией // Новые технологии и формы обучения. 2009. № 14. С. 25-28.

12. Адаев, И.А. Критерии и показатели уровня сформированности профессиональных компетенций в области научно-исследовательской деятельности у студентов педвуза // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-2. С. 328-331.

13. Насырова, Э.Ф., Данилов, А.А. Информационно-методическая компетенция педагога // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 94-97.

14. Ионова, О.Н. Приемы и методы обучения в области информационных технологий в системе дополнительного профессионального образования // Дополнительное профессиональное образование. 2006. № 2. С. 7-30.

15. Колесникова, Е.И. Методика диагностики сформированности компетенций студентов вуза через развитие ценностно-регуляторной сферы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2017. № 1 (21). С. 102-118.

16. Назарова, О.Г. К проблеме формирования экономической компетентности будущего специалиста // Вестн. Брянского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Брянск, 2005. Вып. 3. С. 23-25.

17. Дитяткина, Л.А. Конструирование содержания повышения квалификации педагогов при реализации профессионального стандарта // Человек и образование. 2018. № 4 (57). С. 129-133.

18. Циммерман, Н.В. Требования профессионального стандарта и стандарта общего образования к оценке результативности повышения квалификации педагогов // Человек и образование. 2018. № 4 (57). С. 140-146.

19. Дзюба, Т.Е. Использование метода проектов на уроках информатики для развития всех видов мышления учащихся в соответствии с требованиями ФГОС // В сборнике: Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. 2017. С. 238-240.

20. Гречишников, Л.В., Берзегов, С.Н., Кумратова, А.М. Облачные игровые сервисы // В сборнике: Информационное общество: современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов VIII международного форума. 2017. С. 355-357.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0011

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОБУЧЕНИЕ УСТНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 3598-3300

AuthorID: 533094

ORCID: 0000-0001-7056-1151

ДЕМЬЯНОВА Жанна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

(111250, Россия, Москва, ул. Красноказарменная, д.14, e-mail: DemyanovaZV@mpei.ru)

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется высокими требованиями современного общества к уровню сформированности иноязычной коммуникативной компетенции современных выпускников вузов и его направленностью на изучение потенциала использования устной презентации в курсе Иностранного языка на неязыковых факультетах как одной из форм развития данной компетенции. *Цель:* определить основные особенности подготовки устной презентации в процессе изучения иностранного языка студентами неязыковых специальностей на ступенях бакалавриата и магистратуры, описать возможности использования устной презентации на этих ступенях. *Методы:* научно-теоретический анализ литературы по проблематике исследования, наблюдение, анкетирование. *Результаты:* в статье рассмотрена сущность устной презентации на иностранном языке как формы обучения иностранному языку в непрофильном вузе, описаны возможности использования презентации на ступенях бакалавриата и магистратуры. Показано, что при правильном подходе и организации использование презентации на всех ступенях обучения иностранному языку в вузе способствует формированию профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции и вызывает у студентов положительное отношение к дисциплине Иностранный язык. *Научная новизна* нашей работы состоит в комплексном методологическом подходе при анализе работы с презентациями студентов неязыковых специальностей на различных этапах обучения иностранному языку в вузе и в изучении возможности использования структуры IMRAD при подготовке презентации исследования на ступени магистратуры. Получены выводы о том, что четкие методические требования и критерии оценки презентации, использование структуры IMRAD при подготовке презентации исследования способствуют формированию профессиональной иноязычной компетенции, использование презентации в процессе изучения ИЯ для специальных целей придает личностный и функциональный смысл изучению дисциплины ИЯ в неязыковом вузе. *Практическая значимость:* данное исследование дополняет имеющиеся в методике представления о возможности использования презентации в процессе обучения иностранному языку, основные положения могут использоваться в практике преподавания иностранного языка для специальных целей в вузе, а также в качестве методических рекомендаций при организации самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: устная презентация, иностранный язык, неязыковой факультете, ступень бакалавриата и магистратуры, презентация исследования, структура IMRAD

TEACHING ORAL PRESENTATION IN A FOREIGN LANGUAGE AT DIFFERENT LEVELS OF HIGHER EDUCATION

© The Author(s) 2021

DEMYANOVA Zhanna Victorovna, PhD, Associate professor of “Foreign Languages” department
National Research University Moscow Power Engineering Institute

(111250, Russia, Moscow, Krasnokazarmennaya, 14, e-mail: demyanovazv@mpei.ru)

Abstract. The relevance of this study is determined by the high requirements of modern society to the level of formation of the foreign language communicative competence of modern university graduates and its focus on studying the potential of using oral presentation in the foreign language course at non-linguistic faculties as one of the forms of development of this competence. *Purpose:* to determine the main features (methods) of preparing an oral presentation in the process of studying a foreign language by students of non-linguistic specialties at the bachelor’s and master’s degrees, to identify the peculiarities of using an oral presentation at these levels. *Methods:* scientific and theoretical analysis of the literature on research issues, observation, questioning. *Results:* the article considers the essence of oral presentation in a foreign language as a form of teaching a foreign language in a non-core university, describes the possibilities of using presentation at the bachelor’s and master’s degrees. It is shown that with the right approach and organization, the use of presentation at all stages of teaching a foreign language at a university contributes to the formation of professional foreign language communicative competence and causes a positive attitude among students towards Foreign language. *The scientific novelty* of our work lies in an integrated methodological approach when analyzing the work with presentations of students of non-linguistic specialties at various stages of teaching a foreign language at a university and in studying the possibility of using the IMRAD structure in preparing a presentation of a research at the master’s level. The conclusions were obtained that clear methodological requirements and criteria for assessing the presentation, the use of the IMRAD structure in the preparation of the research presentation contributes to the formation of professional foreign language competence, the use of the presentation in the process of studying the foreign language for special purposes give a personal and functional meaning to the study of the foreign language discipline in a non-linguistic university. *Practical significance:* this study complements the ideas available in the methodology about the possibility of using a presentation in the process of teaching a foreign language, the main provisions can be used in the practice of teaching a foreign language for special purposes at a university, as well as guidelines for organizing students’ independent work.

Keywords: oral presentation, foreign language, non-language faculty, bachelor’s and master’s degrees, research presentation, IMRAD structure

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, такими процессами как глобализация и

цифровизация мирового интеллектуального пространства, а с другой стороны – объективно недостаточным уровнем сформированности иноязычной коммуникативной компетенции современных выпускников вузов. Решению возникшего противоречия, на наш взгляд, мо-

жет способствовать использованию устной презентации как одной из форм организации и контроля процесса изучения иностранного языка и как реализации функционального аспекта иноязычной профессиональной компетенции.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

По мнению О.В. Попковой, «включение показа презентаций в практические занятия по английскому языку вносит разнообразие, оживляет процесс обучения, увеличивает эмоциональное воздействие на студентов, создает комфортную среду обучения, помогает сформировать модель реального общения» [1, с. 255].

Общие вопросы использования презентации в образовательном процессе поднимают многие исследователи.

Показаны преимущества обучения студентов устной речи на занятиях по английскому языку в процессе проведения презентаций по сравнению с традиционными методами обучения [2; 3; 4].

О недостаточной разработанности вопроса в области профессионально-ориентированной презентации пишет в своих работах О.В. Фролова (на примере процесса обучения иностранному языку студентов туристского вуза) [5]. Г.А. Павловская акцентирует свое внимание на социокультурных ошибках, типичных для русскоязычных студентов, презентующих на английском языке [6].

Устную презентацию рассматривают как особый вид устного монологического высказывания с акцентом на лингвистических и психологических особенностях [7], с позиции жанров публичного выступления (реферат-резюме (описательный) или реферат-конспект (информативный)) [8], с позиции моделирования вторичного текста [9].

Также презентация представлена как средство развития свободного владения письмом (writing fluency) [10], дискуссионной компетенции и организации коллективной работы [11], как средство для активизации самостоятельной работы студентов [12].

Многие исследователи посвятили свои работы различным аспектам организации презентации и их влиянию на эффективность изучения иностранного языка: визуальный аспект [13], когнитивная нагрузка [14], психологический аспект (волнение во время выступления) [15], оценочный аспект [16].

Исследование Stephanie Huffman посвящено проблеме плагиата (цитирования) при работе над презентацией с использованием сетевых ресурсов [17].

Обосновывается актуальность исследования.

Однако, на наш взгляд, нет работ, которые бы раскрывали возможности использования презентаций в отношении процесса обучения английскому языку студентов неязыковых факультетов технического вуза с позиции методологического единства цели, этапов, требований и критериев оценки на разных ступенях изучения ИЯ. В нашем исследовании мы предприняли попытку рассмотреть обучение презентации с позиции единства методических подходов на разных ступенях обучения иностранному языку от презентации-сообщения на общую разговорную тему на этапе бакалавриата до презентации-исследования (построение презентации в соответствии со структурой IMRAD, принятой в современных практиках научных журналов) на этапе магистратуры.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Цель исследования – описать основные особенности подготовки устной презентации в процессе изучения иностранного языка студентами технического вуза на ступенях бакалавриата и магистратуры, определить основные методических требования и критерии оценки при подготовке презентации и особенности работы с

устной презентацией студентов на разных ступенях изучения иностранного языка.

Используемые методы, методики и технологии.

Для целей текущего исследования были использованы такие методы как изучения работ исследователей по данной теме, наблюдения, беседы со студентами и коллегами, преподавателями иностранных языков на неспециальных факультетах, анкетирование об отношении студентов (мнениях, предпочтениях и реакциях) в отношении использования устных презентаций в процессе изучения иностранного языка в вузе, собственный опыт.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Практика показывает, что, несмотря на высокий уровень информатизации большинства выпускников учебных заведений среднего образования, использование презентаций на занятиях по иностранному языку требует введения четких методических требования и объяснения критериев оценки при подготовке презентации уже в начале первого курса.

Требования к презентации в вузе должны составляться с учетом критериев избыточности и когнитивной нагрузки [14].

Требования к презентации как правило объясняются в начале курса, выдаются студентам в виде памятки и включают такие параметры как:

- 1) количество слайдов (10-15), MS PowerPoint,
- 2) использование текстового сопровождения на слайде (шрифт, объем (количество знаков/строк)),
- 3) наличие текста выступления,
- 4) соблюдение временного регламента (5-7 минут),
- 5) наличие ссылок на источники,
- 6) использование раздаточного материала (обязательно на этапе магистратуры).

Использование презентации на этапе бакалавриата.

В первом семестре первого курса презентация используется как правило на заключительном этапе изучения темы, по темам общего характера таким как «Мой институт» и «Моя будущая профессия», по темам страноведческого характера «Великобритания», «США» и другие. Каждая тема включает в себя ряд более узких тем и проблемных ситуаций для обсуждения. Так, в рамках первой темы предлагались такие варианты как Мой факультет, Моя группа, Жизнь студента; второй – Выбор профессии, Профессия инженера в современном мире, Технологии, которые изменили мир, и другие. Студенты могут предлагать свои варианты тем в рамках общей темы. Помимо индивидуальной работы над презентацией возможна работа в малых группах. Учитывая то, что группа предъявляет результат совместной работы, преподаватель обязан оценивать именно группу, а не каждого студента в отдельности. Данный подход обладает рядом преимуществ. Студенты учатся слушать и слышать друг друга. Каждый чувствует себя комфортно и уверенно. Работая в малых группах, каждый получает возможность реализовываться в том, что является его сильной стороной, и получать помощь в том, в чём он слабее других, что дает возможность развития не только профессионального, но и личного потенциала студента.

В конце первого курса целесообразно вводить устные презентации в рамках изучения профильных текстов, например, в конце изучения темы «Теплоэнергетика» (“Thermal power engineering”) в разделе Speaking студентам предлагается приготовить презентацию по темам Major types of thermoelectric generators (Fossil-fuel generators, Solar-source generators, Nuclear-fueled generators) и Thermoelectric effects (Seebeck Effect, Peltier Effect and Thomson Effect) с использованием материала вебсайтов (<https://www.britannica.com/technology/thermoelectric-power-generator>; <https://m.youtube.com/>

watch?v=cEZ9wUbu1R8 и других).

На этом этапе структура презентации включает четыре основных компонента:

- 1) введение (introduction),
- 2) основная часть (main part),
- 3) заключение (conclusion),

4) обратная связь (question and answer session или feedback).

Цель данного этапа – ознакомить студентов с основными техническими требованиями к презентации, с методами трансформации первичного текста во вторичный, с правилами цитирования и с нормами этикета публичных выступлений (использование речевых формул приветствия, представления себя, прощания, привлечение внимания аудитории; фразы-клише, которые необходимо использовать в процессе этапа дискуссии (переспрос, удовлетворение, благодарность, поощрение и другие).

Использование презентации на этапе магистратуры.

В курсе иностранный язык для студентов-магистров презентация использовалась как подготовка к работе с исследованиями и профильной литературой по специальности и была направлена на формирование профессиональной иноязычной компетенции. Работа на этом этапе включала два цикла.

В начале первого семестра студенты знакомились со структурой IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion). В течении семестра студенты знакомились с научными публикациями, используя интернет-ресурсы доступных баз (например, базы WOS, SCOPUS, ELSEVIR, Google Scholar, etc.).

Студентам предлагались ссылки на ресурсы крупнейших мировых издательств, реферативные базы, социальные сети и приложения, расширения и поисковые платформы, где можно доступ к интересующим исследованиям:

1) бесплатно: <https://www.tandfonline.com/>, <https://www.sciencedirect.com/>, <https://academic.oup.com/journals/>, <https://www.researchgate.net/about> (частично платно), <https://www.academia.edu/> (частично платно), <https://scholar.google.ru/>, <https://www.mendeley.com/>;

2) платно: <http://webofknowledge.com/>, <https://onlinelibrary.wiley.com/>, <https://www.cambridge.org/>, <https://www.scopus.com/>, <http://webofknowledge.com/>.

В конце первого семестра студенты готовили презентацию по одной из статей на их выбор.

На этапе знакомства со структурой IMRAD, студенты знакомились с лексикой по разделам “Writing Introduction”, “Referring to sources”, “Being Critical”, “Results”, “Discussing Findings”, “Writing Conclusions”, “Describing Methods”(«Написание введения», «Ссылка на источники», «Критика», «Результаты», «Обсуждение выводов», «Написание выводов», «Описание методов»).

Студенты-магистры знакомились с Академическим банком фраз – важным ресурсом для исследователей, ученых и студентов ([WritingIntroductions.pdf](#)).

Раздел “Writing Introduction” («Написание введения») включает такие вопросы как «Определение важности темы», «Выделение проблемы в области исследования», «Выделение противоречия в области исследования», «Выделение пробелов в знаниях в области исследования», «Фокус, цель, аргумент», «Объяснение ключевых слов» (“Writing Introduction” - Establishing the importance of the topic, Highlighting a problem in the field of study, Highlighting a controversy in the field of study, Highlighting a knowledge gap in the field of study, Focus, aim, argument, Explaining Keywords).

Так, например, в разделе “Writing Introduction” («Написание введения») в рамках подраздела Highlighting a knowledge gap in the field of study («Выделение пробелов в знаниях в области исследования») предлагались такие клише как:

1. However, there has been little discussion about
2. However, far too little attention has been paid to
3. Most studies in ... have only been carried out in a small number of areas.
4. The research to date has tended to focus on ... rather than ...
5. In addition, no research has been found that surveyed
6. Several studies have produced estimates of ... (Bell, 2019; Black, 2015), but there is still insufficient data for
7. However, there have been no controlled studies which compare differences in
Etc

1. Тем не менее, было мало дискуссий по этому поводу
2. Однако этому уделяется слишком мало внимания
3. Большинство исследований в ... были проведены только в небольшом числе областей.
4. Исследования на сегодняшний день, как правило, сосредоточены на ... а не ...
5. Кроме того, не было обнаружено никаких исследований, которые были опрошены
6. В нескольких исследованиях были получены оценки ... (Белл, 2019; Блэк, 2015), но по-прежнему недостаточно данных для
7. Однако не было проведено ни одного контролируемого исследования, в котором сравнивались бы различия и другие.

В конце курса в рамках одной из составляющих контрольного мероприятия студенты готовили презентацию-исследование по теме своей исследовательской работы, например, курсовой или дипломной. Особенностью презентации было то, что помимо общих требований к презентации ее структура определялась структурой IMRAD.

Структура презентации:

- 1) титульный лист
- 2) введение (Introduction)
- 3) методы (Methods)
- 3) результаты (Results)
- 4) обсуждение (Discussion)
- 5) список литературы.

Дополнительным требованием было составление глоссария по материалу презентации (предлагался в качестве раздаточного материала одгруппникам на занятии, предварающем презентации, для закрепления лексики и введения остальных учащихся в лексическое поле обсуждения и подготовки к дискуссии).

Здесь необходимо выделить этапы Обсуждение и Подведение итогов.

На наш взгляд, этап «Обсуждение» (“Discussion”) считается одним из ключевых этапов презентации-исследования. Учитывая сочетание открытого, непредсказуемого характера обсуждения, этот этап может быть самой напряженной частью всей презентации, особенно для начинающих докладчиков. Вместе с тем, этот этап является очень продуктивным с позиции неподготовленной речи, а учитывая профессиональный интерес, на этом этапе часто рождаются живые дискуссии [11].

Этап «Подведение итогов (оценка)» также очень важен [16]. Авторские наблюдения показывают, что коллективное обсуждение и коллегиальная оценка и самооценка помогают улучшить результаты устных презентаций на английском языке. На этом этапе может использоваться Публичное обсуждение или оценка выборной группы (эксперты, оппоненты, председатель).

В качестве критериев оценки презентации можно использовать следующие параметры:

- 1) лингвистическая составляющая (подготовленная речь без грубых фонетических, лексических и грамматических ошибок);
- 2) организация презентации (соответствие техническим требованиям, соответствие структуре);
- 3) взаимодействие с аудиторией (связь с аудиторией, реакция на вопросы, умение дать четкий ответ).

В качестве последующего задания для самостоятельной работы на этом этапе студентам предлагалось написать рецензию/отзыв на презентацию одгруппника.

Наблюдения, беседы и анкетирования показали, что в целом использование презентации в процессе изучения иностранного языка в вузе способствует эффективному формированию профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции в вузе и вызывает положительное отношение у студентов. Студенты находят занятия с использованием презентаций более интересными, и, несмотря на некоторые сложности подготовки на первых этапах, они испытывают удовлетворение от возможно-

сти использовать английский языка на практике. Работа над презентацией раскрывает потенциал дальнейшего изучения иностранного языка в профессиональной деятельности, и мотивация к изучению дисциплины значительно повышается. Кроме того, использование научных публикаций интернет-ресурсов и структуры IMRAD при подготовке презентации на ступени магистратуры помогает студентам найти личностный и функциональный смысл изучения дисциплины ИЯ в неязыковом вузе и подготовиться к защите научных работ и выступлениям на международных конференциях.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Устная презентация как форма изучения иностранного языка должна использоваться на ступенях бакалавриата и магистратуры с учетом специфики этих ступеней.

2. Четкие методические требования и критерии оценки презентации делают процесс работы над презентацией осознанным и эффективным.

3. Использование презентации в процессе изучения ИЯ придает личностный и функциональный смысл изучению дисциплины ИЯ в неязыковом вузе

4. Использование структуры IMRAD при подготовке презентации исследования на ступени магистратуры способствует формированию профессиональной иноязычной компетенции.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Изучение вопроса использования устных презентаций представляется достаточно перспективным с точки зрения исследований форм организации обучения студентов неязыковых факультетов вузов.

В частности, за рамками настоящего исследования остались такие аспекты как особенности использования устной презентации в зависимости от форм обучения (очная, дистанционная или заочная), а также от специализации студентов, что можно рассматривать в качестве дальнейших ориентиров изучения возможностей использования устных презентаций в процессе изучения иностранного языка в вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Попкова О.В. Роль самостоятельной работы студентов по созданию презентаций в формате Microsoft PowerPoint в развитии языковой и информационной компетенции. *Учёные записки Орловского государственного университета.* 2015; 3 (66): 254–257.

2. Тымчук Е.В. Интерактивная видеометодика преподавания иностранного языка в техническом вузе // *Ежеквартальный рецензируемый, реферруемый научный журнал «Вестник АГУ» выпуск 1. (193) 2017.*

3. Pastuhova, S. *Academic oral presentation as an important academic discourse for undergraduates / S. Pastuhova, E. Nikitina // Язык. Культура. Образование.* – 2018. – No 3. – P. 70-74.

4. Куличенко Ю.Н. Использование мультимедийных презентаций в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // *Мир науки, культуры, образования.* № 4 (59) 2016. – С.31-33.

5. Фролова О. А. К проблеме обучения профессионально-ориентированной презентации на иностранном языке студентов туристского вуза / О. А. Фролова // *Вопросы педагогики.* – 2020. – № 9-1. – С. 160-163.

6. Павловская Г. А. Социокультурные ошибки речеведенческого плана при проведении презентации на английском языке / Г. А. Павловская // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – 2009. – № 2. – С. 155-157.

7. Шегай Н. А. Презентация как особый вид устного монологического высказывания / Н. А. Шегай // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* – 2011. – № 10. – С. 189-195.

8. Алексеева Т. Д., Сулина А.А. Профессионально ориентированное обучение английскому языку на старших курсах в неязыковом вузе. - *Балтийский гуманитарный журнал.* 2018. Т. 7. № 1(22). – С.13-17.

9. Анисимова, И. В. Моделирование вторичного текста на иностранном языке в контексте мультимедийной презентации (на примере военно-технического вуза) / И. В. Анисимова, И. Л. Сергеевская // *Балтийский гуманитарный журнал.* – 2018. – Т. 7. – № 2(23). – С. 325-328.

10. Alobaid, A., 2020. *Smart multimedia learning of ICT: role and impact on language learners' writing fluency— YouTube online English*

learning resources as an example. Smart Learn. Environ 7, 2, 2020.

11. Art Tsang *The relationship between tertiary-level students' self-perceived presentation delivery and public speaking anxiety: A mixed-methods study. - Journal: Assessment & Evaluation in Higher Education, 2020, Volume 45, Number 7, Page 1060. - DOI: 10.1080/02602938.2020.1718601*

12. Шуваева, И. Н. Мультимедийная презентация как один из способов активизации обучения иностранному языку в ВУЗе / И. Н. Шуваева // *Научный обозреватель.* – 2016. – № 4. – С. 91-93.

13. Cai Q.Y. *Effect of Multimedia Visual Aids Used for Teaching Chinese on Philippine Secondary School Students' Learning Outcomes and Attitudes. In: Chinese as a Second and Foreign Language Education. Palgrave Macmillan, Singapore, 2018 https://doi.org/10.1007/978-981-10-7443-1 2.*

14. Kit Ying Chan, Claire Lyons, Lo Lo Kon, Katelyn Stine, Melissa Manley, Anthony Crossley, *Effect of on-screen text on multimedia learning with native and foreign-accented narration, Learning and Instruction, Volume 67, 2020, 101305, ISSN 0959-4752, https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2020.101305. (https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0959475218305863)*

15. Aliyu, Muhammad Mukhtar; Korau, Shehu Muhammad; Basiru, Aminu *Reducing Undergraduates Speaking Anxiety through Class Interactions and Oral Presentations Asian Journal of Contemporary Education, v3 n1 p36-43 2019 https://eric.ed.gov/?id=EJ1265915*

16. Daniela Gil-Saloma, José-V. Benlloch-Dualde, Daniela Gil-Salom, José-V. Benlloch-Dualde, *Student Assessment of Oral Presentations in German as a Foreign Language, Procedia - Social and Behavioral Sciences, Volume 228, 2016, Pages 656-661, ISSN 1877-0428, https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.07.100. (https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042816310266)*

17. Stephanie Huffman. *The Missing Link: The Lack of Citations and Copyright Notices in Multimedia Presentations. TECHTRENDS TECH TRENDS 54, 38–44 (2010). https://doi.org/10.1007/s11528-010-0401-8*

Статья поступила в редакцию 01.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.11:371.3

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0012

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 401914

SPIN: 3474-3640

ResearcherID: V-4350-2017

ORCID: 0000-0002-3228-4277

ScopusID: 57193909061

ДЗЮБЕНКО Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: dzyubenkoanna@gmail.com)

ORCID: 0000-0002-2561-6173

СКОМОРОХ Алена Сергеевна, магистрант первого года обучения

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: alyonaskomorokh@gmail.com)

Аннотация. И преподаватели, и студенты могут отметить, что людей, владеющих иностранным языком на уровне выше среднего и продвинутом, намного меньше, чем среднем и ниже среднего. Это связано не только с потребностями изучающих, которым данного уровня бывает достаточно для общения во время путешествий или даже на работе, но и с трудностями, которые ожидают студентов на промежуточном этапе между средним и выше среднего уровнями или выше среднего и продвинутым. Одна из основных таких проблем – языковое плато, которое характеризуется длительным отсутствием прогресса у студентов и, как следствие, приводит к демотивации и нежеланию продолжать изучение иностранного языка. Данная статья рассматривает трудности, с которыми студенты, изучающие иностранный язык, сталкиваются при переходе на более продвинутые уровни, описывает особенности данных трудностей, которые помогут преподавателям и, возможно, самим студентам их вовремя обнаружить. Статья также предлагает методы и приемы предотвращения и преодоления их негативного воздействия на процесс обучения. Материал статьи объединяет опыт выдающихся зарубежных методистов, таких как Джек Ричардс, Стивен Крашен, Меррил Суэйн и др.

Ключевые слова: языковые трудности, языковое плато, развитие продуктивных и рецептивных навыков, fossilized errors, error correction.

MODERN METHODS AND TECHNIQUES OF NEGOTIATING THE LINGUISTIC DIFFICULTIES WHEN ACQUIRING A NEW LANGUAGE LEVEL

© The Author(s) 2021

DZYUBENKO Anna Igorevna, Ph.D in Linguistics, Assistant Professor, Intercultural Communication and Methodology of Foreign Languages Teaching Department

Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42, e-mail: dzyubenkoanna@gmail.com)

SKOMOROKH Alena Sergeevna, Post-graduate student, 1 year

Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42, e-mail: alyonaskomorokh@gmail.com)

Abstract. Both teachers and students can notice there are far fewer people knowing foreign language at either upper-intermediate or advanced levels than intermediate or pre-intermediate ones. This depends not only on the demands of language learners who find intermediate level enough for communicating while travelling or even at work but also on the difficulties anticipating students on the interim stage between intermediate and upper-intermediate levels or upper-intermediate and advanced ones. One of such main issues is the intermediate plateau which is characterized by continuous progress deficiency resulting in demotivation and indisposition to study foreign language. This article touches upon the difficulties the students learning foreign language face when acquiring a new level, it describes the features of these difficulties which will help teachers and probably students themselves immediately notice them. The article also suggests methods and techniques of preventing and negotiating their negative impact on the process of learning. The article material consolidates the experience of outstanding foreign methodologists such as Jack C. Richards, Steven Krashen, Merrill Swain, and others.

Keywords: linguistic difficulties, intermediate plateau, the development of productive and receptive competence, fossilized errors, error correction.

ВВЕДЕНИЕ

При переходе на уровень владения иностранным языком «выше среднего» многие студенты сталкиваются с трудностями, заключающимися в потере желания изучать иностранный язык ввиду отсутствия ощутимого прогресса. Данное явление в методике преподавания иностранного языка известно как “intermediate plateau” [1, с. 9].

При владении иностранным языком на среднем уровне у студента уже есть достаточное количество знаний для уверенного общения на нем. Объем информации, который необходимо изучить для заметного прогресса, уже значительно больше по сравнению с представленным на базовом и начальном уровнях.

При прежней интенсивности и методах изучения иностранного языка прогрессия улучшения языковых навыков сходит на нет. Именно в этот момент студент сталкивается с так называемым “intermediate plateau”. Вследствие этого

пропадает желание совершенствовать свои языковые навыки. У студента создается ощущение, что он уже достаточно знает, что все изучено, и он может остановить изучение иностранного языка, оставшись на среднем уровне, даже рискуя понизить его, если будет отсутствовать регулярная практика [2, с. 12].

Китайский ученый-лингвист Fan Yi в работе “Plateau of EFL Learning: A Psycholinguistic and Pedagogic Study” писал о причинах возникновения языкового плато при переходе на уровень владения иностранным языком выше среднего следующее: «Среднестатистический студент, изучающий английский язык, на первых этапах обычно не испытывает особых трудностей. Ввиду лобознательности и осознания того, что только что пройденный материал может быть использован в реальном общении с англоговорящими людьми, мотивация студентов на первых этапах овладения иностранным языком чрезвычайно высока. Студент ими-

тирует, запоминает и практикует всё, что получает от преподавателя и учебника. Пусть и во многом скорее путем механических повторений, но все же он очень старается учиться усердно. С другой стороны, т. к. все, с чем студент сталкивается при изучении английского языка, абсолютно ново для него, это легко запоминается и мотивирует его не останавливаться и продолжать. Именно новизна материала мотивирует студента изучать и запоминать его. Таким образом, многие студенты, начавшие изучать английский язык, преуспевают в этом на начальных этапах, вне зависимости от использованных методов. Однако со временем студенту становится все сложнее и сложнее запоминать новый материал. Преподаватель при этом также замечает, что информация, как бы интересно и необычно она не была преподнесена, уже не так легко усваивается студентом. Осознание того, что их цель совершенствовать английский как средство коммуникации оказалась недостижимой, отбивает у студентов желание продолжать изучение иностранного языка. Они понимают, что уже многое знают в английском языке, но в то же время не могут сказать, что знают его. Именно в этот период студенты бросают изучать английский язык. Позже, по разным причинам, они возобновляют изучение иностранного, но вскоре сталкиваются с той же проблемой. И студенты попадают в замкнутый круг: у них не получается совершенствовать коммуникативную компетенцию в английском языке, даже несмотря на то, что они изучают английский уже 10 лет».

Возникновению у студентов языкового плато при переходе на более продвинутый уровень владения иностранным языком способствуют конкретные причины. Их предотвращение и своевременное обнаружение, решение вытекающих из них проблем помогут сделать изучение языка продуктивным и результативным, а кризисный период плато – гладким и незаметным для студента.

Ниже мы расскажем, какие именно причины приводят к языковому плато, как преподаватель может с ними бороться, и опишем конкретные методики и упражнения, которые могут использоваться преподавателем параллельно с основными учебными пособиями.

МЕТОДОЛОГИЯ

Одна из причин – это неравномерно развитые продуктивные и рецептивные навыки. У студента может быть значительный прогресс в восприятии речи на слух или понимании прочитанного текста, но он может по-прежнему чувствовать себя неуверенно, когда ему необходимо говорить на иностранном языке.

Еще одним фактором, препятствующим переходу студента к более продвинутому уровню владения иностранным языком, является возникновение в устной и письменной речи студента fossilized errors. В подобных случаях характерные для студентов начального уровня ошибки не исчезают и продолжают в определенных обстоятельствах возникать в устной или письменной речи, вне зависимости от потраченных на их исправление времени и усилий.

Прогресс также может замедляться или вовсе останавливаться, когда словарный запас студента скуден, – в речи он употребляет лексические единицы начальных уровней и не прилагает усилий к пополнению запаса иноязычной лексики. Вероятно также, что отсутствие прогресса ощущается, несмотря на постоянную работу над пополнением словаря. В таких ситуациях есть вероятность, что в погоне за беглостью речи на иностранном языке учителя и студенты жертвуют лексическими единицами и грамматическими конструкциями, владение которыми требует высокий уровень. Желание как можно быстрее выразить свою мысль заставляет студентов прибегать к более простым средствам языка и коммуникативным стратегиям. Как следствие – ощущение стагнации в изучении иностранного языка. Студент, возможно, и знаком со сложными грамматическими конструкциями и лексическими единицами продвинутого уровня, но их употребление не доведено до автоматизма и в свободной речи вызывает трудности, поэтому, когда изучающий иностранных язык сосредоточен

на семантическом содержании высказывания, а не его формальном выражении, предпочтению неосознанно отдается более легким, простым, знакомым и автоматизированным лексическим и грамматическим навыкам.

Последняя, но не менее важная по значимости, проблема студентов, изучающих иностранный язык и стремящихся перейти черту среднего уровня к продвинутому, – это отсутствие аутентичности речи. Как в устном, так и в письменном общении она может быть слишком официальной или книжной, несмотря на то что к беглости и грамотности претензий, как правило, нет.

Остановимся подробнее на первой из вышеизложенных проблем: неравномерное развитие продуктивных и рецептивных навыков. Чтобы распознать данную ситуацию у своих студентов, следует понимать, как она себя проявляет. (1) Прежде всего, студент или преподаватель замечают, что в то время, как рецептивные навыки студента продолжают развиваться, его продуктивные навыки остаются примерно на том же уровне. (2) Лексические единицы и грамматические конструкции распознаются студентом при прослушивании или чтении текста, но при этом не используются им в речи.

Рецептивная компетенция студента (язык, который он может понимать) все время находится на более высоком уровне развития, нежели его продуктивная компетенция (язык, который студент может производить). Так, он может читать и даже учить наизусть стихотворения Уильяма Блейка, но вряд ли сможет написать такие же по глубине мысли и мастерству владения стилистическими средствами языка стихотворения. Но это не мешает ему понимать и восхищаться творчеством поэта.

Традиционно в преподавании иностранного языка этот факт представлен в разделении знаний на активные и пассивные. Особенно это заметно, когда речь идет о словарном запасе учащихся. Подразумевается, что студент должен понимать намного больше слов, чем он может использовать в своей речи. Общеизвестным в методике преподавания языков как иностранных является тот факт, что новое слово сначала становится частью пассивного словарного запаса изучающего и только потом переходит в активный. Стивен Крашен [3, с. 124] считает, что в изучении иностранного языка преподавателям следует делать больший акцент на развитии и совершенствовании пассивных компетенций, нежели активных, и утверждает, что продуктивные навыки естественным образом будут развиваться на базе пассивных.

Однако на практике опыт многих изучающих иностранный язык доказывает обратное. Они с досадой признают тот факт, что не владеют продуктивными навыками на желаемом уровне, несмотря на хороший уровень развития пассивных. По какой-то причине студенты могут быть не в состоянии применять свои языковые знания непосредственно на практике. Это, как подчеркивает Fan Yi [2], приводит к повышению уровня тревоги и разочарования. Студенты могут в итоге потерять уверенность и решимость, а их мотивация продолжать изучать иностранный язык может исчезнуть.

Ввиду вышеизложенных фактов, в последних теориях овладения иностранным языком больше не встречаются предположения, что продуктивные навыки естественным образом развиваются из рецептивных. Два других фактора являются важными, если мы хотим минимизировать разрыв между продуктивными и рецептивными навыками: обращение внимания (noticing) и сфокусированная речевая практика (focused output) [1]. Разберем подробнее каждую из этих гипотез.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Что касается первой из вышеупомянутых гипотез, Р. Шмидт [4, с. 131] подчеркнул роль сознательности в изучении языка, особенно роль обращения внимания. Он утверждал, что для овладения учащимися новыми единицами из услышанного/прочитанного, необходимо, чтобы они их заметили, обратили на них внимание. Согласно Р. Шмидту, мы ничему не научимся из прочитанного/услышанного, пока не будем для себя отмечать что-то особенное в нем.

Осознание особенностей речи и текстов, которые мы слышим или читаем, может стать тем самым триггером, активизирующим первую стадию процесса включения новых единиц в языковую компетенцию студентов. Так, анализируя овладение первым, родным языком, Дэн Слобин [5, с. 1194] отмечал: «Единственный языковой материал, который может участвовать в “создании” языка ребенка – это отрезки речи, привлекающие его внимание в достаточной степени, чтобы быть замеченными и запомненными».

Р. Шмидт [4] поясняет свою точку зрения дальнейшим разграничением того, что студент слышит/читает (input), и той части услышанного/прочитанного, на которую он в итоге обращает внимание (intake). И лишь последнее, по мнению Р. Шмидта, может выступать в качестве основы для развития продуктивных языковых навыков. В своем исследовании по овладению им португальского, Шмидт обнаружил тесную взаимосвязь между обращением внимания на особенности услышанных/прочитанных текстов и дальнейшим появлением отмеченных им особенностей в своей речи.

Так, после аудирования и работы на понимание услышанной речи преподаватель может использовать прослушанный текст в качестве основы для совершенствования языковой осознанности учащихся. В таком случае студенты повторно слушают текст с целью выполнения следующих заданий. Студентам выдается печатная версия текста с некоторыми изменениями. Задача студентов – послушать и найти разницу между аудио и печатной версиями текста. Это задание может быть направлено как на пополнение словарного запаса учащихся, так и на совершенствование их грамматических навыков. В печатном тексте могут быть представлены более простые лексемы, объяснения идиом, в то время как студентам необходимо услышать более сложную лексику, саму идиому. Некоторые предложения в печатном тексте могут быть перефразированы более простой грамматикой, в то время как студентам необходимо услышать новую/более сложную грамматическую конструкцию.

Еще одним вариантом работы с печатной версией прослушиваемого текста может быть заполнение пропусков, так называемый клоуз текст. Для того, чтобы обратить внимание студентов на определенные лексические или грамматические конструкции, преподаватель может попросить их продолжить предложение. В таком случае учащимся предоставляется не полная версия прослушиваемого текста, а лишь некоторые предложения, вернее, начало некоторых предложений из текста. Студенты прослушивают аудио повторно с целью продолжения данных предложений. Также студентам можно предоставить список определенных слов/выражений, попросить их прослушать текст повторно и отметить те лексемы/фразы/идиомы, что встречаются в аудио.

Во всех вышеперечисленных упражнениях преподавателем создаются условия для того, чтобы студент обратил внимание на необходимые лексические и грамматические конструкции. Далее уже преподаватель выстраивает работу таким образом, чтобы студенты практиковали новый языковой материал в устной и/или письменной речи, т.е. переходят к сфокусированной языковой практике.

Меррилл Суэйн [6, с. 5] пишет, что более быстрому и успешному овладению студентом иностранным языком способствует его стремление доносить свои мысли так, чтобы они были поняты собеседником и коммуникативная цель была достигнута. Изучающим иностранный язык необходимо тщательно структурировать и регулировать высказывания для того, чтобы новые языковые конструкции стали частью их речи. Под регулируемым высказыванием лингвист подразумевает осознанное употребление целевого языкового материала в речи. Преподаватель подбирает упражнения на занятия таким образом, чтобы они побуждали студентов использовать целевые конструкции в устной и письменной речи [6, с. 7]. Такие задания расширяют и реструктуризируют знания студентов, помогая им таким образом развивать и совершенствовать продуктивные языковые навыки. Гипотеза сфокусированной речевой практики утверждает вполне очевидную истину: для того, чтобы

овладеть новым языковым материалом, его необходимо целенаправленно практиковать.

Говоря о практике преподавания иностранного языка, после работы над рецептивными языковыми навыками, например, восприятием речи на слух, преподаватель подбирает такие задания, чтобы выбранный новый языковой материал практиковался и оттачивался в устной и письменной речи учащихся. Среди таких заданий мы можем предложить, например, заполнение пропусков в предложениях новыми выражениями и конструкциями. Студенты могут также составлять диалоги по образцу, используя при этом ключевые выражения и конструкции. Преподаватель может также предложить студентам составить вопросы с ключевой лексикой/грамматикой, затем задать их своему партнеру, а после работы в парах рассказать об ответах своего партнера всей группе. Помимо заполнения уже готовых предложений с пропусками, студенты могут составить такие предложения для своих одноклассников.

Одним из заданий может стать составление более объемного устного или письменного высказывания (описание картинки, написание эссе, выражение собственного мнения по какой-либо проблеме) с использованием ключевого языкового материала. Таким образом, на занятиях иностранным языком преподаватель намеренно создает такие ситуации, в которых у студентов возникает необходимость прибегнуть к ключевому лексическому или грамматическому материалу.

ОБСУЖДЕНИЕ

Далее мы более подробно опишем, как фоссилизированные ошибки в речи студентов препятствуют их переходу на более продвинутый уровень владения иностранным языком и каким образом преподаватель может помочь студентам в преодолении этой проблемы. Для начала следует дать определение фоссилизированным ошибкам. Фоссилизированный значит «закостенелый, застывший». Это те ошибки (как грамматические, так и произносительные), которые стали постоянными в речи студента и остаются, несмотря на прогресс его коммуникативных навыков [7, с. 52]. Как бы ни старался преподаватель, такие прочно укоренившиеся ошибки тяжело поддаются исправлению. Так, студент может бегло говорить на английском, допуская тем не менее базовые грамматические и не только ошибки:

I doesn't think he will like it/ I'm agree with you/ She rarely wear this dress/ Yesterday I go to the cinema with my friends, etc. Было проведено большое количество исследований и написано много научных статей про феномен фоссилизации. Ученые стараются выяснить, какие именно аспекты языка подвержены фоссилизации, какие студенты склонны допускать в своей речи фоссилизированные ошибки, типы данных ошибок и т.п. Некоторые ученые-лингвисты склоняются к тому, что чрезмерный акцент на общении в обучении иностранному языку часто отодвигает грамотность на задний план. Ожидания, что коммуникативные активности на занятиях будут способствовать развитию как коммуникативной, так и лингвистической компетенций студентов часто не оправдывают себя. Результаты обучающих программ, на занятиях которых прибегали к «аутентичному общению» в большом количестве, особенно на начальных стадиях обучения иностранному языку, показали, что студенты развивали беглость, но в ущерб грамотности речи. Таким образом, по итогу у студента была развита на высоком уровне коммуникативная компетенция, в то время как владение грамматикой было слабым и в его речи часто присутствовали фоссилизированные ошибки [8, с. 42].

Несмотря на то, что данные ошибки могут раздражать и их могут стигматизировать, ведь они связаны с базовыми правилами иностранного языка, данные ошибки не препятствуют пониманию речи говорящего. Возможно, именно поэтому они прочно укореняются в речи студента. Они не вызывают недопонимания и потому не вынуждают слушателя исправлять их или задавать уточняющие вопросы, как следствие, говорящий их просто не замечает или даже не осознает, что допускает их. Вспомним гипотезу обращения внимания: до тех пор, пока говорящий не заметит ошибку, он не сможет исправить ее. Другим фактором по-

явления фоссилизированных ошибок является мотивация. Некоторые студенты могут считать, что в ошибках во время говорения на английском языке нет ничего страшного и плохого, ведь это не их родной язык и это не так важно. Единственное, что их беспокоит, – быть понятыми, а эстетической стороной речи такие студенты пренебрегают. К сожалению, в подобных ситуациях преподаватель мало на что может повлиять, пока сам студент не изменит свое отношение к иностранному языку, что будет зависеть от социальной роли этого языка в жизни студента.

Тем не менее, другие студенты все же будут заинтересованы в грамотной речи на иностранном языке. В таком случае возникают следующие вопросы. Как студенту заметить фоссилизированные ошибки в его речи? Какие методики помогут ему избавиться от фоссилизированных ошибок? Отвечая на первый вопрос, мы можем отметить, что студенту необходимо самому активно контролировать собственную речь. Он может записывать себя на диктофон, а затем прослушивать. Работать над фоссилизированными ошибками можно и в группе. В таком случае студенты активно слушают друг друга, отмечая ошибки.

Ответ на второй вопрос связан с методикой исправления ошибок и вечной проблемой данной области методики: какие ошибки исправлять, исправлять ли, когда и как. Методики, приведенные ниже, тесно связаны с гипотезами обращения внимания и сфокусированной речевой практики. Прежде всего, нужно начать уделять больше времени грамматике на занятиях. Необходимо также вводить на занятиях иностранным языком фокусировку на форме. Это возможно путем выполнения особых упражнений, направленных на осознанное употребление тех или иных грамматических форм и конструкций, или обращения внимания на грамматические качества речи и текстов, которые студент слышит или читает, а также его собственной речи. На занятиях также должны присутствовать задания, которые предъявляют к студенту повышенные коммуникативные требования, заставляют обращать внимание на языковую форму его высказывания, расширяя или реорганизовывая таким образом грамматическую систему.

Говоря об обращении внимания студентов на их ошибки и исправление, особенно самостоятельное, данных ошибок, мы хотели бы описать одну из методик, предложенную Гербертом Пухтой [9]. Автор разбирает ее на примере одной из самых популярных ошибок не только у студентов, начинающих изучать английский язык, но и студентов среднего и выше среднего уровней: окончание -s в третьем лице единственного числа в Present Simple. Герберт Пухта предлагает взять лист цветной бумаги, написать на нем “s” и повесить в классе (на доске, на стене – так, чтобы было видно всем студентам и преподавателю мог в любой момент занятия обратиться к нему). Когда студент допускает ошибку, все, что нужно сделать преподавателю, – это указать на этот лист. При этом учитель никак не комментирует свое действие, не перебивает студента, он дает ему время самому подумать и понять, что произошло и что от него хотят. В таком случае преподаватель фокусирует внимание студента на ошибке (гипотеза обращения внимания), но в то же время делает это корректно, давая студенту самому понять, какую именно и где он допустил ошибку. После того, как студент осознает ошибку, он без замечания преподавателя поймет, что ее нужно исправить (здесь вступает в действие сфокусированная речевая практика).

Спустя несколько занятий Герберт Пухта предлагает заменить данный лист с буквой “s” на лист бумаги такого же цвета, но уже без этой буквы. Алгоритм действий тот же: каждый раз, когда студент допускает ошибку, преподаватель молча и с улыбкой указывает на лист бумаги. И спустя еще несколько занятий педагог предлагает убрать и этот пустой лист, а если студенты продолжают допускать эту ошибку, то преподаватель просто указывает на то место, где висел данный лист бумаги.

Лингвист подчеркивает, что данный метод может использоваться для исправления одновременно нескольких ошибок (например, -s в третьем лице единственного чис-

ла в Present Simple и Past Simple неправильных глаголов). Однако в таком случае преподаватель должен помнить, что для каждой ошибки должен быть свой цвет и свое место на доске/стене, иначе студенты, а возможно и сам преподаватель, запутаются. Подчеркнем, что данный метод предоставляет студентам визуальную опору, позволяет преподавателю деликатно обратить внимание студента на ошибку и дать возможность студенту самостоятельно ее исправить.

ВЫВОДЫ

Подытоживая всё сказанное выше, мы можем отметить, что переход со среднего на выше среднего и продвинутый уровни владения иностранным языком может стать кризисным для студентов ввиду сложности языкового материала и его объема, необходимого для заметного прогресса. Возникает так называемое языковое плато. Привыкшие к относительно быстрым результатам ввиду особенностей овладения иностранным языком на начальных этапах студенты не видят прогресса, теряют мотивацию и желание продолжать изучение языка. Выделяют пять основных причин, тормозящих прогресс студентов, владеющих языком на среднем уровне, при переходе на более высокий: неравномерно развитые продуктивные и рецептивные навыки; фоссилизированные ошибки; скудный словарный запас; пренебрежение более сложными лексическими и грамматическими конструкциями; отсутствие аутентичности речи.

В данной статье мы остановились на более подробном описании первых двух из вышеперечисленных. Так, при работе над развитием продуктивных и рецептивных навыков преподавателю следует помнить о том, что для введения новых лексических и грамматических конструкций в речь студента, необходима усердная и осознанная работа. Студент должен обращать внимание на данные конструкции в прослушиваемых или прочитываемых текстах и затем употреблять их в своей речи (гипотезы обращения внимания и сфокусированной речевой практики).

Алгоритм работы над фоссилизированными ошибками также включает в себя обращение внимания на данные ошибки и осознанную, сфокусированную работу над их исправлением. Несмотря на то, что обобщенный план предотвращения и решения данных проблем одинаков, методы работы с каждым из аспектов отличаются, поэтому в данной статье мы также привели примеры приемов, которые преподаватель может использовать для того, чтобы языковое плато не привело к тому, что его студенты прекратили изучение иностранного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Richards, Jack C. Moving Beyond the Plateau: from Intermediate to Advanced Levels in Language Learning. Cambridge University Press, New York. – 2008. – 20 p.
2. Yi, F. Plateau of EFL Learning: A Psycholinguistic and Pedagogical Study. Cambridge University Press, New York. – 2007. – 41 p.
3. Krashen, S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxford: Pergamon Press. – 1982. – 218p.
4. Schmidt, R. The role of consciousness in second language learning. Applied Linguistics, 11. – 1990. – pp. 129–159.
5. Slobin, D. Cross-linguistic evidence for the language-making capacity. In D. Slobin (Ed.), The Cross Linguistic Study of Language Acquisition. Vol. 2. Theoretical Issues. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. – 1985. – pp. 1157-1256.
6. Swain, M. The output hypothesis and beyond: Mediating acquisition through collaborative dialogue. In J. P. Lantolf (Ed.), Sociocultural Theory and Second Language Learning. Oxford: Oxford University Press. – 2000. – 18 p.
7. Lightbown, P. and Spada, N. How Languages Are Learned, 3rd edition. Oxford: Oxford University Press. – 2006. – 242 p.
8. Higgs, T., and Clifford, R. The push towards communication. Skokie, IL: National Textbook Company. – 1982. – 113 p.
9. Puchta, H. Error Correction in Speaking – The Fun Way: <https://youtu.be/znswo04goYg>
10. O’Keeffe, A., McCarthy, M., and Carter, R. From Corpus to Classroom. Cambridge: Cambridge University Press. – 2007. – 315 p.
11. Saville-Troike, M. Introducing Second Language Acquisition. New York: Cambridge University Press. – 2007. – 218 p.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.11:371.3

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0013

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВОЕННЫХ ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 401914

SPIN: 3474-3640

ResearcherID: V-4350-2017

ORCID: 0000-0002-3228-4277

ScopusID: 57193909061

ДЗЮБЕНКО Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: dzyubenkoanna@gmail.com)

AuthorID: 1116251

SPIN: 9314-2361

ORCID: 0000-0002-5015-9947

СОКОЛЯН Валерия Валерьевна, магистрант первого года обучения

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: valeriasokolan27@gmail.com)

Аннотация. В данной статье затрагивается вопрос о процессе формирования языковой компетенции при обучении английскому языку будущих военных офицеров. Осуществление коммуникации на английском языке дает будущим военным возможность формирования и развития профессиональной языковой компетенции, уровень сформированности которой детерминирует степень эффективности процесса коммуникации в целом в рамках решения профессиональных задач и функционирования в различных бытовых условиях. Языковая компетенция справедливо считается неотъемлемой составляющей процесса изучения иностранных языков, благодаря которой индивид укрепляет свои навыки и умения, касающиеся не только владения различными средствами языка в их системном единстве, но также и построения речи, адекватное и ситуативно корректное использование которой дает возможность достигать коммуникативные и прагматические цели выстраиваемого коммуникативного процесса. В последнее время интерес и желание изучать иностранный язык значительно увеличились среди студентов неязыковых вузов, военных высших учреждений в частности. В связи с этим перед преподавателями стоит непростая задача по созданию и реконструкции аутентичной языковой среды для формирования не просто профессионала военного дела, но и высоко нравственной личности, владеющей иностранным языком на уровне, достаточном для ведения успешной коммуникации и реализации профессиональных задач.

Ключевые слова: языковая компетенция, военные высшие образовательные учреждения, межкультурный диалог, лингвистическая, межкультурная и прагматическая компетенции, экспликация подготовленной и неподготовленной речи.

THE PECUALIRITIES OF FORMING LINGUISTIC COMPETENCE WHILE INSTRUCTING ENGLISH AT MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS

© The Author(s) 2021

DZYUBENKO Anna Igorevna, Ph.D in Linguistics, Assistant Professor, Intercultural Communication and Methodology of Foreign Languages Teaching Department

Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42, e-mail: dzyubenkoanna@gmail.com)

SOKOLYAN Valeria Valeryevna, Post-Graduate Student

Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42, e-mail: valeriasokolan27@gmail.com)

Abstract. This article dwells upon the process of the formation of language competence in teaching English to future military officers. Communication in English gives future military men the opportunity to form and develop professional linguistic competence, the level of formation of which determines the degree of effectiveness of the communication process as a whole within the framework of solving professional problems and functioning in various domestic conditions. Linguistic competence is rightly considered an integral part of the process of learning foreign languages, thanks to which the individual strengthens his skills and abilities related not only to the possession of various language means in their systemic unity, but also to the construction of speech, the adequate and situationally correct use of which makes it possible to achieve communicative and pragmatic goals of the communicative process built. Recently, the interest and desire to study a foreign language has significantly increased among students of non-linguistic universities, military higher institutions in particular. In this regard, the teachers are faced with the difficult task of creating and reconstructing an authentic language environment to form not just a professional in military affairs, but also a highly moral person who speaks a foreign language at a level sufficient for successful communication and the implementation of professional tasks.

Keywords: linguistic competence, military higher educational institutions, intercultural dialogue, linguistic, intercultural and pragmatic competence, explication of prepared and unprepared speech.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Процесс обучения, и связанный с ним процесс формирования и развития языковой компетенции, считается приоритетным, начиная с младшего школьного возраста, и сопровождает индивида на протяжении всей его профессиональной жизни. В современном мире все более актуальным становится развитие языковой компетенции не только в рамках родного языка, но и иностранного.

Особенно важным представляется развитие языковой компетенции у будущих офицеров. Последние исследования ученых и специалистов в сфере специализированной подготовки офицеров акцентируют первостепенную роль процесса формирования и улучшения уровня языковой компетенции. Умение взаимодействовать с людьми, находить общий язык, налаживать контакты пригодятся курсантам в будущем для корректной постановки и решения задач, выполнения необходимой социальной роли в обществе в бытовых и профессиональных усло-

виях. Стоит отметить, что создание и совершенствование языковой компетенции в аспекте владения английским языком в современном мире действительно играет центральную роль, так как в силу глобализации его изучение является источником мотивации и заинтересованности в обучении.

Необходимо понимать, что для построения адекватного межкультурного диалога также требуется коммуникативная компетенция, посредством которой студенты смогут находить решения определенных военных задач и добиваться поставленных целей. Языковая компетенция предполагает не только умение читать, писать и воспринимать иноязычную речь на слух, но и способность усваивать и расширять лингвострановедческие знания. Осуществление коммуникации на английском языке дает будущим военным возможность формирования и развития профессиональной языковой компетенции, уровень сформированности которой детерминирует степень эффективности процесса коммуникации в целом в рамках решения профессиональных задач и функционирования в различных бытовых условиях.

В силу недостаточного уровня изученности данной темы представляется актуальным проведение более тщательного ее исследования. Кроме того, резко увеличившийся интерес к военной сфере в последнее время, а именно наличие межкультурных контактов и необходимость построения иноязычной коммуникации, побуждает к изучению данного вопроса с целью получения более верифицированных результатов в процессе освоения и анализа особенностей формирования языковой компетенции у будущих российских офицеров.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Повышенная заинтересованность в совершенствовании уровня владения языком и уровня образованности в целом представляется оправданной в связи с общим широкомасштабным процессом глобализации, активно разворачивающимся последние два десятилетия. В связи с этим процесс улучшения и модернизации сферы образования, поиск и внедрение совершенно новых технологий и способов ведения процесса обучения, а также постановка современной цели и конечный итог являются весьма значимыми и актуальными.

Основываясь на вышеуказанных принципах, была сформулирована новая цель обучения иностранным языкам – познание языка как способа взаимодействия и средства общения, при этом доминирующим подходом был признан коммуникативный принцип обучения иностранным языкам. Стоит также обратить внимание на деятельностно-ориентированный подход, сущность которого в том, что обучающимся предлагают достичь определенных целей и выполнить конкретные задачи в реальных ситуациях общения. Специфика данного приема позволяет рассматривать учащегося вместе с его индивидуальными способностями и характеристиками, раскрывающими моральные, нравственные и волевые ресурсы.

По справедливому мнению Э.Г. Азимова, термин «языковая компетенция» обладает целым рядом лингвистических знаний, умений и навыков, освоение которых помогает осуществлять взаимодействие с носителями других языков, при этом соблюдая и подчиняясь нормам и законам познаваемого языка в широком списке сфер деятельности [1, с. 362]. Согласно Г.В. Колшанскому, «языковая компетенция представляет собой умение личности найти и познать всевозможные структуры языка посредством интеллекта, которым обладает каждый из нас и сознанием в виде отражения принципов чувственного мира» [2, с. 11].

И.Ф. Мусаелян полагает, что важность и актуальность лингвистической компетенции по большей части аккумулируется не в требованиях обладать грамотной речью, а в ее очевидном и необходимом воздействии на готовность к распознаванию и восприятию иноязычного

речи [3, с. 76]. По мнению К.П. Казанчян, процесс формирования языковой компетенции можно представить в виде трех ступеней, с переходом от легкого к более сложному. Данный принцип демонстрирует главенствующий характер языковой компетенции, служащей основой формирования и дальнейшего совершенствования коммуникативной.

Языковая компетенция справедливо считается неотъемлемой составляющей процесса изучения иностранных языков, благодаря которой индивид укрепляет свои навыки и умения, касающиеся не только владения различными средствами языка в их системном единстве, но также и построения речи, адекватное и ситуативно корректное использование которой дает возможность достигать коммуникативные и прагматические цели выстраиваемого коммуникативного процесса. На основе данного вида выделяют следующие компетенции: лингвистическую, межкультурную и прагматическую.

Ключевой выступает лингвистическая, позволяющая нам познать систему языка в комплексе с требующимися навыками и умениями. Что касается межкультурной компетенции, следует отметить, что она предполагает спектр знаний и навыков будущего специалиста, инкорпорирует интенции и желания, ментальные установки, позволяющие процессу взаимодействия с представителями иных национальностей, культур и религий быть более результативным и успешным. В последствие, анализ и овладение данной компетенцией на высшем уровне служит базой для усовершенствования знаний о самобытности и своеобразии мировой и национальных культур. Прагматическая компетенция позволяет сформировать умение использовать широкий спектр вербальных возможностей при решении поставленных задач и целей в конкретных речевых ситуациях.

А.В. Хуторской предлагает авторскую трехуровневую типологию компетенций, включающую ключевые, общепредметные и предметные компетенции. Первые были приняты еще в 90-х годах прошлого века Советом Европы. Согласно общему решению, были утверждены пять центральных компетенций: политические и общественные, чья главная цель – это разрешить возникающие вопросы и проблемы мирным путем и нести ответственность за свои действия; компетенции, связанные с пребыванием в многонациональной среде, где основным моментом выступает наличие уважения к личностям других наций и этносов, религий и культур; компетенции по языковому и письменному взаимодействию; информационные компетенции и мотивы к познанию чего-то неизвестного, приобретению новых навыков на протяжении всей жизни [4].

Еще один тип предметных компетенций включает в себя лингвистические, математические и естественнонаучные, то есть ряд тех умений, требующих освоения конкретными знаниями.

Также А.В. Хуторской выделяет образовательные компетенции и рассматривает их как ряд смысловых ориентаций, побуждений, навыков и опыта в конкретной сфере. Согласно его мнению, целесообразно к вышеупомянутому добавить следующие семь компетенций: ценностно-смысловую, общекультурную, учебно-познавательную, коммуникативную, информационную, социально-трудовую и личностного самосовершенствования [5, с. 58-64].

Цель и ключевое предназначение языковой компетенции состоит в способности будущих профессионалов справляться со всевозможными преградами, решая проблемы и находя необходимое решение, оперируя своими языковыми знаниями и умениями [6, с. 109]. Ведущим звеном коммуникативной компетенции выступает речевой сектор, чья главная задача – это формирование и установление мыслительных операций с помощью языка, а также способность обращаться к аналогичным способам при кодировке и декодированию речи [6, с. 275].

Отсутствие языковой среды оказывает негативный

эффект на проявление заинтересованности и мотивации студентов в изучении языка и познании различных иноязычных культур. Преподаватели делают все возможное для создания новейших программ, сформированных на базе компетентностного подхода, главное назначение которого – формирование коммуникативной компетенции у изучающих иностранный язык и культуру.

П. Дуайе предлагает выделять четыре ключевые типа языковой компетенции: компетенция говорения, компетенция письма, компетенция в аудировании и компетенция в чтении [7, с. 41].

Используемые в исследовании методы, методика и технологии.

В последнее время интерес и желание изучать иностранный язык значительно увеличились среди студентов неязыковых вузов, военных высших учреждений в частности. В связи с этим перед преподавателями стоит непростая задача по созданию и реконструкции аутентичной языковой среды для формирования не просто профессионала военного дела, но и высоконравственной личности, владеющей иностранным языком на уровне, достаточном для ведения успешной коммуникации и реализации профессиональных задач. Будущим офицерам необходимо обладать высокой концентрацией внимания, практическим и теоретическим мышлением, долгосрочной памятью, четкой и грамотной речью, то есть теми составляющими, которые детерминируют степень успешности функционирования в профессиональной конкурентной среде. И, как мы полагаем, именно освоение иностранного языка может способствовать развитию и совершенствованию вышеперечисленных когнитивных процессов. Базовым для проведения предлагаемого исследования стал метод сопоставительно-описательного анализа, благодаря которому стало возможным осуществление сравнительной характеристики имеющихся материалов учебно-методических комплексов и пособий на основе заданных параметров (степень структурной и содержательной полноты УМК и пособий, степень глубины теоретической интерпретации языковых явлений, последовательность их практической реализации в системе заданий и упражнений).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

В связи с очевидной тематической направленностью, ограниченным доступом к информационным технологиям в силу режима секретности и защиты использования информации, а также вследствие специфики перевода профессиональных военных терминов «гражданские» преподаватели иностранного языка и получающие образование будущие офицеры сталкиваются с препятствиями в процессе языкового обучения. Эти трудности детерминированы также и недостаточно устойчивым навыком курсантов использования лексических единиц, имеющих ограниченную сферу употребления и тематическую специализацию. Однако решение данных проблем возможно благодаря помощи преподавателя, главная цель которого – это включение в практическую деятельность студента и специализированного материала, которому предшествует детальное изучение интерпретации неизвестных понятий в родном языке и осознание, какими способами можно будет осуществить их перевод.

Довольно часто военная сфера становится объектом повышенного внимания. Неудивительно, что данный феномен непосредственно воздействует на нас, закрепляя в нашем сознании определенные образы, оказывая влияние на процесс формирования индивидуальной картины мира и способствуя дальнейшему ее развитию. В процессе обучения будущих офицеров преподавателями преследуется цель создать и воспитать из курсантов настоящих специалистов с точки зрения профессиональной, а также цельных личностей с точки зрения морально-нравственной. Стремление получить специализацию в сфере военного образования служит стимулом для

формирования нравственных ориентиров, необходимых для будущих офицеров в виде основы воспитания.

Иностранный язык как отдельная дисциплина является одной из базовых составляющих различных образовательных программ и профилей, в рамках которых осуществляется обучение курсантов. Приобретаемые знания и навыки подвергаются рубежному и итоговому контролю, благодаря которому становится возможным определение степени эффективности реализуемого обучения и установление степени его последующей результативности, проявляющейся в виде пролонгированной способности курсантов реализовывать полученные языковые компетенции средствами иностранного (английского) языка в профессиональной деятельности. Таким образом, военные высшие образовательные учреждения обладают возможностью сформировать и воспитать профессионалов в своем деле, способных осуществлять коммуникацию с представителями других стран и выстраивать необходимые межкультурные связи для дальнейшего сотрудничества и/или устранения возможных затруднений.

Одна из базовых задач обучения иностранному языку – научиться выражать мысли, описывать явления и факты действительности в устной и в письменной форме средствами иностранного языка. Военнослужащим необходимо использовать приобретенные за время обучения знания для разрешения конкретных ситуаций, однако процесс решения задач профессионального уровня посредством коммуникации требует знаний не только вокабуляра, но также и фонетических, синтаксических и фразеологических составляющих языковой системы. На сегодняшний день основной фокус различных методических комплексов и пособий направлен на изучение и освоение специализированной лексики. Такой подход объясняется тем, что как раз при изучении новых профессиональных лексических составляющих у курсанта формируется общая языковая компетенция, которая является неотъемлемым и важным компонентом при изучении иностранного языка.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

На основе этого проведенный анализ учебно-методических комплексов и пособий для учащихся военных высших учреждений «Практический курс военного перевода второго иностранного языка» [8], «Английский язык: особенности военного перевода» [9], «Army Communication» [10] и «English for the Military» [11] позволил определить систему упражнений и в целом применяемые способы и приемы развития различных видов речевой деятельности (говорение, письмо, аудирование и чтение), а также рассмотреть лексический, фонетический и грамматический аспекты языка в их представленности в перечисленных УМК и пособиях.

Необходимо отметить, что в каждом из вышеупомянутых пособий прослеживается градация от самых базовых знаний к более специализированным, относительно конкретных войск (например, *the arms and services, the ranks, military communications, early development, military service, humanitarian assistance*). Далее стоит отметить, что каждый текст, а в случае с учебниками «Практический курс военного перевода второго иностранного языка» и «Английский язык: особенности военного перевода» еще и юнит, сопровождается рядом предтекстовых, текстовых и послетекстовых упражнений. К примеру, *read and translate the following words and word combinations, find the right equivalents in the text, answer the questions, match and learn more about arms and services, make a two-way translation* [8, с. 7-8, с. 19; 9; 10, с. 28]. Что же касается грамматического блока, то следует подчеркнуть детальность, с которой подошли авторы «English for the Military», так как каждый урок предполагает повторение или изучение грамматического материала, который далее используется в конкретном юните, тем

самым формируя грамматический навык и закрепляя его [11, с. 5-7, с. 15-17]. Отличительной характеристикой пособия “Army Communication” является задание, в рамках которых студентам необходимо написать небольшой рассказ, содержащий ключевую информацию об уже прочитанном тексте: курсанту необходимо составить специальные вопросы к каждому из параграфов, найти на них ответы, систематизировать информацию и представить свой текст в устной форме [10, с. 8]. Таким образом, отрабатываются не только навыки письма и чтения, но и репродуктивные умения по экспликации подготовленной и неподготовленной речи. Огромное количество профессиональных терминов и понятий, включая звания (*Captain, Colonel, Field Marshal*), аббревиатуры военных подразделений и структур (*The Royal Navy, Infantry, Royal Intelligence Corps*), фразы-клише (*What is your rank? How many privates and recruits are there in your squad?*), специализированной лексики (*barracks, obstacle training, range practice, taps, regulations*) и их отработка с сопоставлением, заучиванием, составлением разноструктурных вопросов, заполнением пропусков дают возможность курсантам совершенствовать лексические навыки с последующим использованием в речи [9, с. 6-7, с. 16, с. 19, с. 56-57]. Наличие аудирования в виде текста и диалогов со скриптами, после которых следуют вопросы, помогают курсантам развивать память и совершенствовать навыки аудирования и говорения (*Listen to Katalin and answer the questions, Listen and notice how we say, Listen to the briefing and check your answers*) [9, с. 35; 11, с. 27]. Интересной особенностью, как полагаем, можно считать семантические комментарии терминов, понятий, грамматические структуры к некоторым юнитам в «Практическом курсе военного перевода второго иностранного языка» [8], где авторы более подробно объясняют тонкости перевода лексических единиц, существующих и употребляемых в бытовом обиходе иноязычного представителя, но при этом имеющих совершенно иную интерпретацию (к примеру, семантическое поле английского слова-команды ATTENTION шире русского приказа «СМИРНО»). К сожалению, учащиеся часто допускают ошибку озвучивая данную команду двумя словами STAND-‘SHUN. В английском лексиконе слова ATTENTION будет достаточно [8, с. 118-119]. Еще одно наблюдение следует добавить об “English for the Military”, уроки в котором предполагают работу в парах с выражением своего мнения, поиском преимуществ и недостатков в рамках определенного тематического блока с опорой на текст, поиск ответов на вопросы, прослушивание аудиозаписей и дальнейшее их обсуждение с аргументами и контраргументами (*Work in pairs, then answer the questions; Work in pairs. Describe the base where you currently work; Work in pairs. Decide which postings you would apply for*) [11, с. 5-7, с. 13].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, благодаря содержательному и структурному разнообразию, создаваемому широким спектром упражнений и заданий, проанализированные учебно-методические комплексы и пособия создают возможность расширения лексического запаса, знаний грамматической системы современного английского языка, а также формирования и развития языковой компетенции в целом. Одни учебные пособия сфокусированы больше на освоении лексической стороны языка, другие же направлены на совершенствование навыков чтения и перевода специализированной литературы, повышения военно-патриотической специфики будущих офицеров, третий тип представлен в виде комплекса, сочетающего в себе информацию и задания, направленные на отработку и закрепление навыков владения всеми аспектами языка. Предложенные в проанализированных УМК лексико-грамматические и речевые упражнения способствуют эффективному усвоению информации, созданию и развитию профессионально важных знаний и навыков

владения английским языком, поддерживающих военно-прикладную направленность обучения.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Мы находим целесообразным при обучении иностранному языку также дополнить содержание учебной программы большим объемом упражнений, имеющих коммуникативную направленность, что подготовит курсантов уже на стадии обучения к результативному взаимодействию с представителями других стран в профессиональной сфере. Также немаловажным при формировании языковой компетенции выступает регулярность и заинтересованность в познании родного и иностранного языков, своей и чужой картины мира, специфики культурных особенностей, ведь только через познание действительности, культуры и народа, мы сможем полностью погрузиться в язык, познать и усвоить все тонкости, которые в дальнейшем помогут нам эффективно осуществлять как межкультурную, так и профессиональную коммуникацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азимов Э.Г. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. М.: Икар, 2009. 448 с.
2. Колианский Г.В. *Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностранные языки в школе*. 1985. №1. С. 10-14.
3. Мусаелян И.Ф. *Комплекс упражнений направленный на формирование языковой компетенции // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2014. №2(13). С. 74-78.
4. *Пороговый уровень. Русский язык. Т.1. Повседневное общение. Т.2. Профессиональное общение*. Страсбург: Совет Европы Пресс, 1996.
5. Хуторской А.В. *Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования // Народное образование*. 2003. №2. С. 58-64.
6. Шукин А.Н. *Лингводидактический словарь*. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 746 с.
7. Дуае П. *Проблемы обучения лексике. Методика иностранных языков за рубежом*. М.: Прогресс, 1967. 440 с.
8. Степанов С.А. *Практический курс военного перевода второго иностранного языка. Английский язык: Учебник*. Москва, Россия: Изд-во ВУ, 2008. – 200 с.
9. Мельник Т.Н., Осадовская И.В. *Английский язык: особенности военного перевода*. Минск, Белоруссия: Попурри, 2019. – 80 с.
10. Шатунова М.Ю. *Army Communication: учебное пособие*. Пермь, Россия: Пермский военный институт ВВ МВД России, 2014. – 100 с.
11. *Macmillan Campaign: English for the Military*. Oxford, UK: Macmillan Education, 2006. – 143 p.

Статья поступила в редакцию 23.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 372.811.111

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0014

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

МОДЕЛЬ «ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС» КАК ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© Автор(ы) 2021

SPIN: 4712-6011

AuthorID: 692782

ORCID: 0000-0001-7367-6093

ДУБСКИХ Ангелина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(445000, Россия, Магнитогорск, проспект Ленина, 38, e-mail: lina_masu@mail.ru)*

SPIN: 7040-6030

AuthorID: 660072

ORCID: 0000-0003-0210-7963

ЗАЛАВИНА Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(445000, Россия, Магнитогорск, проспект Ленина, 38, e-mail: tania_mgn@rambler.ru)*

Аннотация. В настоящее время цифровые технологии стали неотъемлемой частью образовательного процесса в целом и отдельно взятой предметной области в частности. Актуальность работы видится в том, что использование образовательных цифровых инструментов и их значение для эффективной составляющей учебного занятия и обеспечения качественного обучения на данный момент трудно переоценить. Целью статьи является аналитическое обоснование включения модели «Перевернутый класс» в учебное занятие по английскому языку и способов ее практической реализации. Необходимость изучения иностранных языков в наши дни, как и прежде, вполне очевидна, так как современная жизнь требует, чтобы будущий специалист технического вуза владел знаниями одного и более иностранных языков для успешной профессиональной самореализации. В преподавании иностранных языков постоянно использовались коммуникационные технологии своего времени, такие как радио, аудиовизуальные, мультимедийные образовательные средства. Эпоха цифровых технологий внесла свой вклад в образовательную среду и предложила такие понятия как «цифровое обучение», «мобильное обучение», которые предполагают использование таких технических инструментов, как ноутбуки, интернет-планшеты, мобильные телефоны. В статье обосновывается необходимость включения педагогических технологий для построения цифрового образовательного процесса в вузе. Анализируется модель «перевернутого класса» как современный цифровой инструмент эффективной организации учебных занятий по английскому языку в неязыковом вузе. Предлагаются практические способы интеграции модели «Перевернутый класс» в процесс обучения студентов английскому языку. Полученные результаты могут учитываться при совершенствовании процесса включения цифровых ресурсов в образовательный процесс технического вуза и выступать примером эффективного использования смешанного обучения в разных предметных областях.

Ключевые слова: цифровое обучение, цифровые технологии, образовательный процесс, высшее образование, иностранный язык, английский язык, мотивация студентов, модель «Перевернутый класс», индивидуальная стратегия обучения.

THE "FLIPPED CLASSROOM" MODEL AS A DIGITAL EDUCATIONAL TOOL IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

© The Author(s) 2021

DUBSKIKH Angelina Ivanovna, candidate of philological sciences, associate professor of the
«Foreign Languages in Engineering Department»
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
(445000, Russia, Magnitogorsk, Lenin St., 38, e-mail: lina_masu@mail.ru)*

ZALAVINA Tatyana Yurievna, candidate of philological sciences, associate professor of the
«Foreign Languages in Engineering Department»
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
(445000, Russia, Magnitogorsk, Lenin St., 38, e-mail: tania_mgn@rambler.ru)*

Abstract. At the present time digital technologies have become an integral part of the educational process and a particular subject area. The relevance of the work consists in the use of educational digital tools and their importance for the effective component of the training class and quality of training. The purpose of the article is an analytical justification of the inclusion of the "Flipped Classroom" model in a foreign language lesson and ways of its practical implementation. The need of foreign languages studying is quite obvious. Modern life requires that a future specialist of a technical university must have knowledge of one or more foreign languages for successful professional self-realization. Communication technologies such as radio, audiovisual, and multimedia educational tools were constantly used in the teaching of foreign languages. The era of digital technologies has contributed to the educational environment and offered such concepts as "digital learning", "mobile learning". They involve the use of technical tools such as laptops, tablets and mobile phones. The article substantiates the need to include pedagogical technologies for building a digital educational process in a university. The "Flipped Classroom" model as a modern digital tool for the effective organization of foreign language classes in a non-linguistic university is analyzed. Practical ways of integrating the "Flipped Classroom" model into the process of teaching students a foreign language are proposed. Factual findings help to improve the inclusion of digital resources in the educational process of a technical university. They serve as an example of the effective use of mixed learning in different subject areas.

Keywords: digital learning, digital technologies, educational process, higher education, foreign language, English, motivation of students, model "Flipped Classroom", personal training strategy.

ВВЕДЕНИЕ

Современный образовательный процесс отличается, прежде всего, тем, что он наполнен интеграцией тра-

диционных и инновационных технологий обучения. Аналитическое изучение зарубежного и отечественного опыта в применении элементов цифровых технологий в

образовательной среде вузов позволяет сконцентрировать внимание на преимуществах цифровых ресурсов и на разумном включении педагогических цифровых технологий с целью повышения эффективности и разнообразия традиционного учебного занятия, что благоприятно воздействует на мотивацию студентов к обучению [1; 2]. Эти и другие задачи успешно реализуются в рамках Федерального проекта «Цифровая образовательная среда» [3].

Цифровые образовательные технологии исследуются зарубежными учёными и педагогами в контексте саморегулируемого мобильного игрового обучения английскому языку в среде виртуальной реальности [4], влияния роли учителя на вовлеченность студентов в онлайн-дискуссионное обучение на основе WeChat [5], использования теории планируемого поведения и роли социального имиджа для понимания мобильного обучения английскому языку check-in behavior [6], мобильного совместного изучения языка (современное состояние) [7], в контексте изучения первого и второго иностранных языков с помощью смартфона (взгляд на английский, немецкий, суахили и другие языки) [8], а также в контексте других направлений исследования данной проблематики.

Таким образом, в центре внимания зарубежных исследователей оказываются различные возможности привлечения цифровых средств в учебную среду и их положительное влияние на мотивацию обучающихся к обучению в целом и к изучению иностранных языков в частности.

Отечественные педагоги также активно рассматривают потенциал модели «Перевернутого класса» в системе высшего образования [9; 10; 11], как эффективную технологию в условиях дистанционного и смешанного обучения [12; 13; 14], инновационную методику преподавания иностранных языков [15; 16].

Понятие «Перевернутый класс», или первоначально «Flipped Classroom», появилось в США в 2006 году благодаря финансовому аналитику Салману Хану, который размещал видео в интернете, чтобы помочь своим двоюродным братьям за пределами США дистанционно пересматривать свои математические курсы. Феномену «Перевернутый класс» посвящено множество зарубежных и отечественных исследований, в которых ученые представили дидактико-педагогические условия реализации «перевернутого обучения», его плюсы и минусы, а также результаты внедрения данной цифровой технологии в инженерных и гуманитарных направлениях образования [17; 18].

Режим «Перевернутый класс» предполагает изменение роли преподавателя. Здесь преподавателю в большей степени отводится роль координатора групповой работы, а не лидера. Дополнительная ценность состоит в том, что обучение означает не накопление знаний, а индивидуальное построение знаний. Студент не получает информацию, а он ищет ее сам, реализуя индивидуальные стратегии обучения, обучающийся относится более ответственно к заданиям, работая в своем темпе и в соответствии с индивидуальным уровнем знаний. Тем самым студенты обретают большую уверенность в себе благодаря гибкости учебного процесса, который «выводит» их из-под давления аудитории и обеспечивает хорошие результаты для преподавателя и студентов.

Видеолекции наиболее часто используются студентами для самостоятельного изучения нового материала. У преподавателей есть несколько возможностей для подготовки лекций. Во-первых, они могут воспользоваться готовыми видеолекциями с видеохостингов YouTube, TED, KhanAcademy, LearnZillion и других онлайн-сервисов [19]. На данных сервисах размещен видеоконтент различной учебной тематики, а также руководство по работе с ним. Опираясь на рабочую программу курса, преподаватель выбирает необходимые видеоролики, из которых он может вырезать определенные фрагменты, снабдить их комментариями или вопросами. Также пре-

подаватель имеет возможность наблюдать за динамикой выполнения задания, видеть прогресс группы и каждого обучающегося по отдельности. Во-вторых, преподаватели могут самостоятельно создавать видеолекции, используя различные приложения, например, EdPuzzle.

Таким образом, преимущества такого подхода видятся в вовлеченности студентов в обучаемый процесс, в свободном доступе к отобранному преподавателем учебным материалам (видео, аудио, презентации), в возможности больше уделять время в аудитории для обсуждения и активной работы. Это особенно актуально для современного образовательного процесса, в котором преобладают тенденции сокращения часов аудиторной и увеличения самостоятельной работы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью статьи является аналитическое обоснование включения модели «Перевернутый класс» в учебное занятие по английскому языку и способов ее практической реализации. В исследовании применяются метод анализа зарубежной и отечественной научной литературы, тематически связанной с рассматриваемой проблемой; метод описания и интерпретации модели «Перевернутый класс» как одной из инновационных методик преподавания иностранных языков в условиях цифровизации образовательной среды; предлагаются практические способы интеграции модели «Перевернутый класс» в процесс обучения студентов английскому языку.

Модель «Flipped Classroom» представляет собой один из современных подходов к эффективному обучению, предлагающий поменять местами аудиторную работу и домашнюю работу студентов. Этот подход стимулирует вовлеченность и повышает мотивацию студентов в процесс обучения иностранному языку [20]. Модель «Перевернутый класс» направлена на развитие навыков обучающихся, таких как творчество, самостоятельность, способность принимать решения и рассуждать, выбирать соответствующую информацию, уметь пояснить ее и выразить свое мнение. Студенты имеют возможность работать в своем темпе и пересмотреть учебный материал несколько раз до полного его понимания и усвоения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Руководствуясь опытом зарубежных и отечественных коллег в применении модели «Перевернутый класс» на занятиях по иностранному языку и принимая во внимание повсеместное использование дистанционного обучения в условиях пандемии COVID-19, авторы статьи провели исследование, направленное на выявление эффективности модели «Перевернутый класс» в учебном процессе.

Использование модели «Перевернутый класс» при обучении иностранному языку призвано решать следующие задачи: совершенствование процесса освоения иностранного языка; акцентирование практического характера обучения; применение студентоцентрированного подхода к обучению; увеличение мотивации к изучению иностранного языка, а также когнитивной активности обучающихся; воспитание ответственного отношения к обучению; развитие навыков индивидуальной и коллективной работы; повышение уровня освоения материала; развитие навыков работы с аутентичными зарубежными источниками.

Модель «Перевернутый класс» применялась в группах студентов первого и третьего курсов, изучающих английский язык в Магнитогорском государственном техническом университете имени Г.И. Носова.

Опытный эксперимент был проведен с группами студентов Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова, в которой обучение английскому языку проводилось в рамках модели смешанного обучения – цифрового формата и традиционного. В социальной сети использовалась модель «Перевернутый класс» и была создана учебная группа. Если преподавателем не планируется применение данного подхода на постоянной основе, тогда достаточно выкладывать ссыл-

ки на учебный материал, например, в общем чате или в открытом для доступа облачном хранилище.

В качестве примера можно привести задания, реализуемые в рамках модели «Перевернутый класс», для студентов неязыковых специальностей. Задания подобраны в соответствии с тематикой рабочих программ дисциплин «Английский язык», «Английский язык для профессиональной деятельности».

1 курс: в качестве учебного материала студентам был предложен домашний просмотр видеофрагмента по теме «Порядок слов в предложении. Виды предложений». Учебный видеофрагмент сопровождался заданием, которое создавались в сервисе LearningApps. Для разработки разных видов тренировочных и контролирующих упражнений интерактивного характера преподавателями также активно использовались программы Hot Potatoes.

После усвоения учебного видеоматериала, студентам необходимо было заполнить следующие колонки таблицы: тип предложения, конструкция, пример из видеофрагмента, собственный пример. Альтернативными заданиями выступают такие, как заполнение пропусков в предложениях, разбор предложений-путаниц, составление собственных общих и специальных вопросов к отдельным видео отрывкам и т.п. Задания в аудитории предполагают работу с текстом, а именно поиск различных типов предложений (утвердительных, вопросительных, отрицательных) в соответствии с изучаемым грамматическим правилом, пересказ текста с использованием изучаемой грамматической структурой. На занятии преподаватель отвечает на вопросы студентов по изучаемой грамматической теме.

3 курс: в качестве учебного материала студентам была предложена для прослушивания дома аудиозапись по теме «Мировые ведущие предприятия и компании профессиональной сферы». Среди вариантов заданий на аудирование предлагались следующие: определение главной идеи аудиозаписи, составление списка незнакомых слов и выражений с нахождением их значений в словарях, подготовить ответ на вопрос, каким образом аудиозапись связана с темой занятия, представление собственного мнения. Формы представления выполненных заданий были определены преподавателем или студентами, например, интеллект-карты, таблица, схема, презентация, мини-проект.

Исследование показало, что использование педагогической цифровой технологии «Перевернутый класс» в экспериментальной группе оказалось очень плодотворным и продемонстрировало заинтересованность студентов к инновационному изучению английского языка и успешное выполнение различных видов заданий.

ОБСУЖДЕНИЕ

Необходимо обсудить преимущества и недостатки применения педагогической модели «Перевернутый класс». Во многих исследованиях подчёркивается тот факт, что организация обучения английскому языку с применением модели «Перевернутый класс» предполагает значительных временных инвестиций со стороны преподавателя и наличие цифровой грамотности. Преподаватель должен разбираться в различных электронных ресурсах, приложениях, инструментах, уметь проводить их качественный анализ и выбирать наиболее подходящие для решения учебных задач. Образовательный контент должен постоянно модернизироваться, дополняться и корректироваться, чтобы оставаться актуальным. Принимая во внимание особенности преподавания дисциплины «Английский язык» с опорой на модель «Перевернутый класс», преподавателю необходимо провести тщательную подготовку, включая: комплексный разбор «перевернутого занятия», анализ его плюсов и минусов; всестороннее исследование возможностей электронного обучения в преподавании иностранных языков; выявление достаточной степени мотивации и психологической готовности студентов к освоению материала в формате «Перевернутый класс».

Последний пункт является особенно актуальным, поскольку у некоторых обучающихся может возникнуть опасение утраты реальной коммуникации с одногруппниками и преподавателем, в задачу которого входит разъяснение студентам возможностей онлайн-общения (форумы, чаты и т.п.)

Модель «Перевернутый класс», как и любая образовательная технология, имеет свои плюсы и минусы.

Среди недостатков можно отметить: обязательное наличие технического оборудования, необходимого для учебного процесса; студенты, не ознакомившиеся с видеолекцией дома, не могут на равне со всеми выполнять задания на занятии; отсутствие возможности сразу после просмотра видео задать преподавателю возникшие вопросы; некоторые студенты ответственно относятся к необходимости знакомства с материалом дома; от преподавателя требуются большие временные затраты на подготовку учебного видеоконтента; быстрая адаптация преподавателей и студентов к новым образовательным условиям [21; 22].

К плюсам использования модели «Перевернутый класс» относятся: личностно-ориентированный подход к обучению, позволяющий студентам работать в удобном для них режиме, просматривать видеолекции нужное количество раз; возможность для отсутствующих на занятиях студентов познакомиться с материалом дома; развитие ответственного отношения к обучению; развитие цифровой грамотности; междисциплинарный подход; проведение максимального количества практико-ориентированных занятий [21; 22].

ВЫВОДЫ

Цифровая форма позволяет персонализировать обучение, облегчает общение между преподавателем и студентом. Даже вне аудитории студент продолжает свое обучение, развивает свой творческий потенциал и предпринимает инициативную деятельность, что делает его более самостоятельным и ответственным. Обучение студентов иностранному языку параллельно в формате «Перевернутый класс» и в традиционной форме помогает им сформировать индивидуальную образовательную траекторию для успешных результатов в изучении иностранного языка.

Модель «Перевернутый класс» способствует лучшей подготовке студентов за счет индивидуального графика работы, позволяющего выполнять задания в подходящем для себя ритме и выбирать удобный режим обучения. Учащиеся имеют возможность посмотреть видеуроки не только дома, но и находясь в пути.

Особенность «перевернутых занятий» по иностранному языку состоит в том, что студенты самостоятельно знакомятся с новым материалом и имеют возможность в чатах или на форумах обсудить возникшие вопросы с преподавателем или одногруппниками. Аудиторные занятия посвящены решению практических заданий на иностранном языке, дискуссии по проблемным моментам. Все это способствует развитию у обучающихся языковой компетенции, минимизирует страх говорить и сделать ошибку, мотивирует интерес к изучению иностранного языка.

Несмотря на очевидные достоинства применения модели «Перевернутый класс» в преподавании иностранных языков, преподаватели должны принимать во внимание особенности электронного обучения на неязыковых направлениях, а также опыт коллег для эффективного внедрения данной технологии в учебный процесс. Также необходимо учитывать, что в основе реализации модели «Перевернутого класса» лежит использование качественного актуального электронного контента.

Исходя из полученного опыта использования модели «Перевернутый класс» при обучении английскому языку, авторы статьи рекомендуют обращать внимания на следующие моменты по организации «перевернутых занятий»: особое внимание уделять качеству видеоконтента, поскольку скучная лекция не будет восприниматься

студентами и снизит мотивацию изучения английского языка; экономить время, используя готовый контент с различных видеохостингов, дополняя его своими заданиями; предлагать студентам различные источники учебного контента, чтобы максимально разнообразить учебный процесс; использовать электронные сервисы, социальные сети для поддержания контакта с обучающимися.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Прохорова М. П., Шкунова А. А., Сулимова А. В. Возможности технологии «Перевернутый урок» в высшем образовании // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2019. № 4 (38). С. 99–104.
2. Тихонова Н. В. Технология «Перевернутый класс» в вузе: потенциал и проблемы внедрения // *Казанский педагогический журнал*. 2018. № 2 (127). С. 74–78.
3. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда». URL: <https://academia-moscow.ru/education/sp-tsifrovaya-obrazovatel'naya-sreda/> (дата обращения 14.06.2021).
4. Chen Y.-L., Hsu C.-C. Self-regulated mobile game-based English learning in a virtual reality environment // *Computers & Education*. 2020. Vol. 154. Pp. 103910.
5. Xu B. et al. Effects of teacher role on student engagement in WeChat-Based online discussion learning // *Computers & Education*. 2020. Vol. 157. Pp. 103956.
6. Nie J. et al. Using the theory of planned behavior and the role of social image to understand mobile English learning check-in behavior // *Computers & Education*. 2020. Vol. 156. Pp. 103942.
7. Kukulska-Hulme A., Viberg O. Mobile collaborative language learning: State of the art // *British Journal of Educational Technology*. 2018. No. 49 (2). Pp. 207–218.
8. Luef E. M., Ghebru B., Pon L. Language Proficiency and Smartphone-aided Second Language Learning: A look at English, German, Swahili, Hausa and Zulu (2019) *The Electronic Journal of E-Learning*, 17 (1), pp. 25–37.
9. Итинсон К. С. Технология «перевернутый класс» в вузе: потенциал и проблемы внедрения // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 117–119.
10. Думина Е. В. Образовательный потенциал педагогической модели «перевернутый класс» в условиях иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 17 (815). С. 26–35.
11. Кайгородцева Н. В., Шкуро Е. Ю. Применение концепции «Перевернутого класса» в системе высшего образования // *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2016. № 1. С. 61–64.
12. Паймакова Е. А., Вострикова О. В. Применение модели «перевернутый класс» в преподавании английской грамматики в период дистанционного обучения // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. Т. 8. № 4. С. 20.
13. Yaroslavova E. N., Kolegova I. A., Stavtseva I. V. Flipped classroom blended learning model for the development of students' foreign language communicative competence // *Perspectives of Science and Education*. 2020. № 1 (43). С. 399–412.
14. Амелина Ю. В., Амелин Р. В. Перспективы использования современных технологий для повышения вовлеченности обучающихся // *Информатика и образование. ИНФО*. 2020. № 1. С. 28–33.
15. Полуяхтова С. В. Применение модели обучения «перевернутый класс» в обучении иностранному языку в ВУЗе // *Мировая и российская наука: области развития и инноваций: сборник научных статей. Научный редактор С.П. Акутина. Москва: Издательство «Перо», 2020. С. 58–62.*
16. Кисель О. В., Босик Г. А. Принципы и правила деловой переписки в Whatsapp и Viber // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 77-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2019. С. 381–382.*
17. Andrade M., Coutinho C. Implementing flipped classroom in blended learning environments: A proposal based on the cognitive flexibility theory // *Journal of Interactive Learning Research*. 2017. Vol. 28, no. 2. Pp. 109–126.
18. Voronina M. V., Moroz O. N., Sudarikov A. E., Rakhimzhanova M. B., Muratbakeev E. Kh. Systematic review and results of the experiment of a flipped learning model for the courses of descriptive geometry, engineering and computer graphics, computer geometry // *Eurasia journal of mathematics, science and technology education*. 2017. № 13(8). P. 4831–4845.
19. Рыбалко Т. Г. Инновационная модель «перевернутый класс» при обучении иностранному языку в вузе // *Профессиональное лингвообразование: материалы десятой международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016. С. 278–284.*
20. Мирошникова Н. Н. «Перевернутый класс» – инновационная модель в обучении иностранным языкам в высшей школе // *Инновационные технологии в науке и образовании*. 2016. № 1-1 (5). С. 214–216.

21. Антонова Н. Л., Меренков А. В. Модель «перевернутого обучения» в системе высшей школы: проблемы и противоречия // *Интеграция образования*. 2018. Т. 22. № 2. С. 237–247.

22. Исупова Н. И., Нестерова Д. С. Технология «Перевернутый класс»: преимущества и недостатки // *Вопросы педагогики*. 2019. № 6-2. С. 52–56.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 376.1

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0015

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 9892-2600

AuthorID: 517064

ORCID: 0000-0002-9058-2694

ДУДА Ирина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии начального образования

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
(660017, Россия, Красноярск, ул. Мира, д. 83, e-mail: irinaduda@yandex.ru)*

ORCID: 0000-0001-6618-4584

ДУДАРЕВА Любовь Александровна, магистрант

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
(660017, Россия, Красноярск, ул. Мира, д. 83, e-mail: dudareva_l_a@mail.ru)*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы изучения нравственных ценностей школьников подросткового возраста нормативно развивающихся и с ограниченными возможностями здоровья в условиях современной образовательной практики. Инклюзивное образование является фактором и ресурсом создания у школьников представлений о ценностях человека, о взаимоотношениях в современном мире. Поэтому изучение представлений о нравственных ценностях и разработка на этой основе педагогических технологий, способствующих формированию нравственных ценностей, необходимы в условиях инклюзивного образования. Целью статьи является предъявление анализа результатов изучения нравственных ценностей школьников подросткового возраста нормативно развивающихся и с ограниченными возможностями здоровья. Для определения уровня сформированности нравственных ценностей школьников подросткового возраста определены критерии: мотивационный, деятельностный, рефлексивный. Проведен сравнительный анализ особенностей представлений школьников подросткового возраста нормативно развивающихся и с ограниченными возможностями здоровья. Обозначены перспективы изучения данной проблемы.

Ключевые слова: ценности, нравственные ценности, ценностные ориентации, инклюзивное образование, социальная ситуация развития, дети с ограниченными возможностями здоровья, общечеловеческие ценности.

PECULIARITIES OF MORAL VALUES OF TEENAGERS IN THE CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION

© The Author(s) 2021

DUDA Irina Viktorovna, associate professor at the chair of pedagogy and psychology of primary education, Candidate of Pedagogical Sciences

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
(660017, Russia, Krasnoyarsk, Mira street, 83, e-mail: irinaduda@yandex.ru)*

DUDAREVA Lyubov Alexandrovna, Master's student

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
(660017, Russia, Krasnoyarsk, Mira street, 83, e-mail: dudareva_l_a@mail.ru)*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problem of studying the moral values of adolescent schoolchildren who are normatively developing and with disabilities in the context of modern educational practice. Inclusive education is a factor and resource for creating ideas about human values and relationships in the modern world among schoolchildren. Therefore, the study of ideas about moral values and the development on this basis of pedagogical technologies that contribute to the formation of moral values is necessary in an inclusive education. The purpose of the article is to present an analysis of the results of studying the moral values of adolescent schoolchildren who are normatively developing and with disabilities. To determine the level of formation of the moral values of adolescent schoolchildren, the following criteria have been determined: motivational, activity, reflexive. A comparative analysis of the peculiarities of the ideas of adolescent schoolchildren of normatively developing and with disabilities is carried out. Prospects for studying this problem are outlined.

Keywords: values, moral values, value orientations, inclusive education, social situation of development, children with disabilities, universal values.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Высокий уровень духовности и нравственной культуры личности человека в различных социальных группах является показателем стабильности, устойчивости и прогрессивности развития общества.

В последние годы в современном мире особое внимание уделяется такому вопросу, как нравственные ценности подростков в инклюзивном образовании. Освещение данной проблемы нашло отражение в работах С.К. Бондырева [1], Ю.А. Ветчинкина [2], М.И. Воловикова [3], А.М. Голуб [4], А.И. Шемшурина [5] и др. Данные исследователи обращают внимание на то, что за длительный период развития российского общества произошли изменения системы ценностей, которые привели к снижению показателя нравственности среди молодёжи. В то время как происходил рост психологической напряжённости и конфликтности в социальной среде, для российских

граждан огромное значение приобрела ценность свободы, при которой произошло переосмысление ценностей и понимание того, что в современном мире, в социуме мы можем полагаться только на самого себя. Таким образом, значимость человеческих возможностей определяется необходимостью уделять особое внимание проблеме формирования нравственных ценностей личности со стороны государства, общественности, общественных институтов и т.д.

Известно, что древние греки именовали нравственные ценности «этическими добродетелями». Античные мудрецы главными из этих добродетелей считали благоразумие, доброжелательность, мужество, справедливость. В качестве нравственных ценностей у всех народов почитаются честность, верность, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм. Раскрывая понятие «нравственная ценность», мы, прежде всего, указываем на его многогранность. Нравственная ценность – это совокупность двух общественных явлений: нравственности и ценности, сре-

ди которых нравственность в философской и этической литературе характеризуется нормативными действиями человека в общественном пространстве.

В толковом словаре С.И. Ожегова нравственность указывается, как «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. Человек безупречной нравственности» [6].

Принимая во внимание категорию «ценности» М.С. Кагана как «лично окрашенное отношение к миру, которое возникает не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека» [7] соответственно, мы отмечаем, что нравственные ценности занимают одно из доминирующих мест в системе ценностей личности человека. С помощью понятия «нравственные ценности» мы можем обозначить важность для человека и общества в целом таких социокультурных явлений, как отношение к миру, к самому себе, реализация нравственных потребностей в жизни.

По мнению С.Ш. Казданян, Л.М. Чилингарян, [8] В.Л. Ткачук [9], социокультурная ситуация в России выражается в том, что подростки свой выбор делают в пользу вседозволенности и распущенности, в то время как само понятие нравственность в современном мире для подрастающего поколения приобрело наименее важное значение. Данные условия требуют переосмысления нравственных норм современного социума, также как и создание соответствующих условий для формирования нравственных ценностей подростков в условиях инклюзивной практики.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

На основе выполненного анализа последних исследований и публикаций мы можем утверждать, что аспекты данной проблемы ранее рассматривались рядом исследователей, таких как О.Ю. Соловьёв, Ю.Ю. Березина, [10], Н.М. Омаров, М.А. Абдулаев [11], работы которых указывают на то, что проблема понимания нравственных ценностей актуализируется у подростков, когда непосредственно происходит как формирование системы нравственных ценностей в целом, так и формирование каких-либо конкретных ценностных ориентаций, когда младшие подростки копируют абсолютную модель окружающего их социума.

Инклюзивная образовательная практика по мнению С.В. АLEXИНОЙ [12], И.Б. Агаевой, О.Л. Беляевой, И.В. Дуда [13], Т.Е. Бурыгиной [14], С.Б. Семенова, А.С. Семеновы [15], актуализирует проблему взаимоотношений в детском коллективе, в том числе вопросы нравственного воспитания. В работах Г.А. Барановой [16], Л.Н. Давыдовой, М.А. Колокольцевой, Е.В. Рябовой [17], Е.В. Кургановой [18], Т.М. Носовой, В.Г. Шведовой, Л.А. Кольвановой [19] раскрываются содержательные и технологические аспекты формирования нравственного воспитания детей с ОВЗ и инвалидов.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

В современной образовательной практике детей с ограниченными возможностями здоровья можно обозначить следующие противоречия:

- между увеличением количества обучающихся детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательных учреждениях и недостаточности разработки соответствующих технологий в формирования нравственных ценностей;

- между требованием современного образования по формированию нравственных ценностей и возможностями детей с особыми потребностями и детей с нормативным развитием.

- между потребностью в изучении и анализе сформированности нравственных ценностей и отсутствием необходимой для этого единой системы педагогического сопровождения школьников, позволяющей оказать адрес-

ную педагогическую поддержку подростку с отставанием в развитии здоровья.

Таким образом, можно выделить, что вышеизложенные противоречия указывают на то, что проблема исследования заключается в недостаточной разработанности теоретической и методологической основ формирования нравственных ценностей в условиях инклюзивной практики.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Для изучения сформированности нравственных ценностей у подростков в инклюзивном образовании, нами было проведено исследование с использованием методики М. Рокича «Ценностные ориентации» [20], «Опросника терминальных ценностей» И.Г. Сенина [21], методики «Ценностные ориентации подростков» В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной. Экспериментальной базой явилось МБОУ СОШ г. Дивногорска. В эксперименте приняли участие 26 школьников в возрасте 12-14 лет, среди которых 8 обучающихся – дети с особенностями развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Анализ результатов исследования показал, что наибольшее предпочтение терминальных ценностей испытываемые подростки с нормативным развитием отдают счастливой семейной жизни (1,05 %), здоровью (1,7 %) и материально обеспеченной жизни (2,6 %). Подростки с особенностями здоровья также считают, что главное в жизни счастливая семейная жизнь (2,0 %), уже на втором месте располагается творчество (3,0 %) и последнее место среди значимых ценностей занимает познание (3,1 %).

Подростки обеих подгрупп демонстрируют значимость такой ценности как счастливая семейная жизнь. Поскольку в нашем современном мире институт семьи постепенно угасает, утрачивает свои функции воспитания, любви и других составляющих, то на сегодняшний день материальные ценности преобладают над духовными. Тем не менее, подростки в современном мире делают свой выбор в пользу такой ценности как счастливая семейная жизнь.

Далее выбор подгрупп расходится по степени значимости. Подростки с нормативным развитием ставят на менее значимое место такую ценность, как здоровье. Это говорит о том, что современный подросток осознаёт важность соблюдения здорового образа жизни, что позволяет им участвовать во всех социокультурных мероприятиях, позволяющих получить свои результаты, которые мотивируют к дальнейшему развитию.

Подростки с ограниченными возможностями здоровья на втором месте располагают ценность творчества. Этот выбор обусловлен тем, что творческие процессы увлекают ребёнка, помогая ему понять его личностные ценности, позволяют ощутить внутренний мир. В творчестве у ребёнка активизируется налаживание социальных контактов, которых так не хватает в жизни у данной категории детей. Творчество помогает детям успешно пережить негативные моменты и личные трудности. Творчество способствует эмоциональному и физическому раскрепощению, что так необходимо для детей с особенностями развития.

Третье место среди значимых терминальных ценностей для подростков с нормативным развитием занимает материально обеспеченная жизнь. Этот выбор указывает на то, что данная ценность не настолько важна для этого возраста.

В свою очередь, подростки с ограниченными возможностями здоровья ставят на третье место среди значимых ценностей познания. Этот выбор обусловлен тем, что в подростковый период для детей становится важным одобрение его собственной значимости окружающих его людей, от которых ребёнок ждёт внимания и поддержки. В противном случае может наблюдаться неадекватная самооценка, которая выражается в завышенном или занижен-

ном уровне своих возможностей.

Далее испытываемые с нормативным развитием на четвертом месте располагают творчество (6,4 %). Это говорит о том, что для современных подростков такая ценностная ориентация как творчество играет маловажную роль.

В свою очередь, дети с особенностями развития на самом последнем месте по значимости обозначили такую ценность как общественное признание (9,5 %), тем самым обозначая своё желание и потребность ничем не отличаться от большинства своих сверстников в пространстве взаимоотношений. Соответственно, у детей с особенностями развития снижена общественная оценка их действия или бездействия.

Наибольшее предпочтение в инструментальных ценностях испытываемые подростки с нормативным развитием отдают ответственности – 2,2 %. На втором месте ценность эффективность в делах – 2,4 %. На последнее место обучающиеся ставят ценность воспитанность – 2,4 %

Вероятнее всего, предпочтение такой инструментальной ценности как ответственности у младших подростков говорит о возможности самостоятельно принимать решения, в том числе, нести ответственность за принятые решения.

Далее мы видим, что на третьем месте по степени значимости стоит выбор такой ценности как воспитанность. Мы хотим обратить внимание, что данный выбор указывает на то, что в современном мире большинство этических норм утратило свою актуальность, что предопределяет в большей степени общение в кругу семьи, которое за последние годы значителен на низком уровне.

Подростки с особыми потребностями в инструментальных ценностях определяют для себя на первое место воспитанность (2,1 %), второе место занимает самоконтроль (2,2 %), на третьем месте с небольшим отрывом от общего списка отмечена такая ценность как жизнерадостность (4,1 %).

Вероятнее всего, что подростки с особенностями развития, выдвигая воспитанность на первое место, показывают необходимость интегрироваться в современном обществе. На втором месте ценность самоконтроль, которая обуславливает потребность подростка вести себя «как все». И на последнем месте, среди значимых инструментальных ценностей, отмечена жизнерадостность. Этот выбор указывает на потребность в эмоциональном общении. Наименьшее предпочтение подростки с особенностями развития отдали терпимости.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

На основе изучения терминальных ценностей (по методике И.Г. Сенина) можно сделать выводы, что для нормативно развивающихся подростков привлекательными являются жизненные сферы – профессиональной жизни и мира увлечений, для подростков с ОВЗ – семейной жизни и образования.

Эти данные подтверждают полученные результаты диагностики ценностных ориентаций подростков по методике В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной. Для нормативно развивающихся подростков в иерархии ценностных предпочтений занимают значимые места шкалы «Я-ценность», «Другой – ценность», «Общественно-полезная деятельность»; для подростков с ОВЗ более значимы шкалы «Ответственность как ценность», «Познание как ценность».

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, на основании выше перечисленных результатов можно сделать следующие выводы: группы подростков с ограниченными возможностями здоровья и нормативным развитием имеют определенные различия в ориентациях на нравственные ценности. Подростки с ограниченными возможностями здоровья показали большую ориентацию на познание себя, свой внутренний мир, наличие близких, что обусловлено потребностью в

удовлетворении эмоциональных потребностей, чувства безопасности и защищенности, поддержки со стороны близких. Подростки с нормативным развитием более ориентированы на внешний мир, рассматривают и планируют своё будущее в соответствии со своими желаниями и возможностями.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

В заключении мы можем сказать, что данное исследование не ограничивается только тем рядом изучаемых вопросов, которые были освещены в статье. На основании выше перечисленных результатов, мы видим необходимость в дальнейшем наблюдении, выявлении и научном обосновании некоторых подходов, которые способствуют формированию нравственных ценностей школьников с особенностями развития здоровья в современной образовательной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондырева С.К. *Нравственность* / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. - М.: Изд-во Московского психолого-социального института. - Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. - 336 с.
2. Ветчинкина Ю.А. *Средства массовой информации как один из факторов формирования нравственных ценностей у подростков* // *Аллея науки*. 2017. Т. 5. № 16. С. 993-996.
3. Воловикова М.И. *Нравственность в современной России* / М.И. Воловикова // *Психологический журнал*. – 2009. - № 4. с. 95-97.
4. Голуб А.М. *Формирование ценностных ориентаций молодежи в процессе досуговой деятельности* // *Социально-психологическая работа*. — 2009. — № 4. — С. 53—57.
5. Шемзурина А.И. *Развитие нравственных основ в воспитании детей* // *Воспитание школьников*, 2013. -№6. -С.2.
6. Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка*; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. - Москва: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. - 1375.
7. Каган М.С. *Философская теория ценности*; С.-Петерб. гос. ун-т. Акад. гуманитар. наук. - СПб. : Пет-рополис, 1997. - 204
8. Казданян С. Ш., Чилингарян Л. М. *Формирование духовно – нравственных ценностей подростков в системе образования РА* // *Бюллетень науки и практики—научный журнал №7 (июль) 2016 г. С. 310-314.*
9. Ткачук В.Л. *Особенности формирования духовно – нравственных ценностей в подростковом возрасте* // *Организация работы с молодежью*. 2019. № 6. С. 3.
10. Соловьёва О.Ю., Березина Ю.Ю. *Формирование духовно – нравственных ценностей подростков* // *Академическая публицистика 2 /2019 (февраль 2019) С.163-165.*
11. Омарова Н.М., Абдулаева М.А. *Организация педагогического процесса по формированию духовно – нравственных ценностей подростков на уроках физической культуры* // *ISSN 1991-5497. Мир науки, культуры, образования № 6 (67) 2017. С. 132-134.*
12. Алехина С.В. *Принципы инклюзии в контексте изменений образовательной практики* / С.В. Алехина. // *Психологическая наука и образование*. – 2014. – Т.19. – №1. – С.5–16.
13. Агаева И.Б., Беляева О.Л., Дуда И.В., и др. *Теория инклюзивного образования и практика его развития в Красноярском крае: монография - Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2016 - 304с.*
14. Бурзыгина Т.Е. *Инклюзивное образование детей-инвалидов в условиях традиционной школы* / Т. Е. Бурзыгина // *Наука и практика воспитания и дополнительного образования*. 2015. № 5. С. 38-55.
15. Семенов К.Б., Семенова А.С. *Инклюзивный образовательный процесс и нравственные ценности* // *Право и образование*, 2020 г. С. 35-41.
16. Баранова Г.А. *Подготовка учителя к использованию дидактических средств формирования ценностного мира обучающихся с ограниченными возможностями здоровья* // *Известия Тульского государственного университета. Педагогика*. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. № 4. С. 11.
17. Давыдова Л.Н., Колокольцева М.А., Рябова Е.В. *Инклюзивное образование и нравственные взаимоотношения: грани одной проблемы: монография. М.: Лананд, 2018. 200 с.*
18. Курганова Е. В. *Сопровождение инклюзивных процессов в образовательных учреждениях* / Е. Курганова // *Учитель*. 2015. № 4. С. 12-14.
19. Носова Т.М., Шведов В.Г., Колыванова Л.А. *Инклюзивное образование – стратегическое направление современного образования в России* // *Молодой ученый*. 2016. № 16-1 (120). С. 37-41.
20. Воронова А.Г. *Структурирование ценностных ориентаций М. Рокчи как алгоритм достижения жизненных целей подростка* // *Проблемы современного педагогического образования*. 2017. № 54-5. С. 103-109.
21. Сенин И.Г. *Опросник терминальных ценностей. Руководство*. / И.Г. Сенин. - Ярославль: Содействие, 1991.

Статья поступила в редакцию 27.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 372.32
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0016

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

РОЛЬ ОТЦА И МАТЕРИ В СТАНОВЛЕНИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

© Автор(ы) 2021
SPIN: 8076-2262
AuthorID: 502114
ORCID: 0000-0003-1472-9591
ScopusID: 57211658815

ЕВТУШЕНКО Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Педагогика и психологии детства»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: irinav-80@mail.ru)*

SPIN: 5526-0017
AuthorID: 738079
ORCID: 0000-0002-3993-3751
ScopusID: 57195485155

ИВАНОВА Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Педагогика и психологии детства»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: ivanovaayu@cspu.ru)*

SPIN: 5722-8526
AuthorID: 675614
ORCID: 0000-0001-8101-4401
ScopusID: 57202212422

АРТЕМЕНКО Борис Александрович, кандидат биологических наук, заведующий кафедрой
«Теории, методики и менеджмента дошкольного образования»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: artemenkoba@cspu.ru)*

SPIN: 3495-7465
AuthorID: 283901
ORCID: 0000-0001-5976-3465
ScopusID: 57205188556

БЫСТРАЙ Елена Борисовна, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой
«Немецкого языка и методики обучения немецкому языку»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: bistraieb@cspu.ru)*

SPIN: 8434-8140
AuthorID: 825360
ORCID: 0000-0003-1998-0793

ТЕРЕЩЕНКО Марина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Педагогика и психологии детства»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: tereschenkotn@cspu.ru)*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос становления гендерной идентичности детей дошкольного возраста. Представлен современный анализ проблемы исследования в психолого-педагогическом ракурсе, раскрывающий значение «вклада» родителей в становлении гендерной культуры ребенка дошкольного возраста. В исследовании приняли участие студенты заочного отделения факультета дошкольного образования Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Использовались следующие методы: теоретические (анализ, синтез); эмпирические (анкетирование, опрос, тестирование), методы обработки полученных данных (количественный и качественный анализ данных). Эксперимент осуществлялся в стандартных условиях. Целью практической части работы являлось изучение влияния пола на гендерную типологию родительства. Описаны результаты социальных ожиданий родителей в отношении детей разного пола (пол ребенка, ожидания от процесса воспитания). Рассмотрены особенности влияния межличностных и внутрисемейных отношений на шкалы маскулинности, фемининности детей дошкольного возраста, описаны отличия в проявлениях эмоций к детям у мужчин и женщин. Представлены результаты исследований по опросникам «Я – реальный родитель», «Я – идеальный родитель» глазами студентов. Рассмотрены вопросы распределения ролей в «эгалитарной» и «традиционной» семье глазами мужчины и женщины. Частично проанализирована проблема гендерной идентичности у детей, воспитывающихся в неполных семьях, что может быть перспективой дальнейших изысканий в данном направлении.

Ключевые слова: гендер, гендерный репертуар, гендерная роль, идентичность, гендерная социализация, маскулинность, фемининность, родительство

THE ROLE OF THE FATHER AND THE MOTHER IN THE FORMATION OF THE CHILD'S GENDER IDENTITY

© The Author(s) 2021

ЕВТУШЕНКО Ирина Николаевна, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department
«Pedagogy and psychology of childhood»

*South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: irinav-80@mail.ru)*

ИВАНОВА Ирина Юрьевна, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department
«Pedagogy and psychology of childhood»

*South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: ivanovaayu@cspu.ru)*

ARTEMENKO Boris Alexandrovich, Candidate of Biological Sciences, Head of the Department
«Theory, methods and management of preschool education»
South Ural State Humanitarian-Pedagogical University

(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: artemenkoba@cspu.ru)

BYSTRAY Elena Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Department
«German Language and Methods of Teaching the German Language»

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: bistraieb@cspu.ru)

TERESHCHENKO Marina Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the
Department «Pedagogy and psychology of childhood»

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: tereshchenkonn@cspu.ru)

Abstract. The article discusses the issue of the formation of gender identity in preschool children. The modern analysis of the research problem from a psychological and pedagogical perspective is presented, revealing the significance of the “contribution” of parents in the formation of gender culture in a preschool child. The study involved students of the correspondence department of the Faculty of Preschool Education of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. The following methods were used: theoretical (analysis, synthesis); empirical (questioning, survey, testing), methods of processing the obtained data (quantitative and qualitative analysis of data). The experiment was carried out under standard conditions. The purpose of the practical part of the work was to study the influence of gender on the gender typology of parenting. The results of social expectations of parents in relation to children of different sex (gender of the child, expectations from the upbringing process) are described. The features of the influence of interpersonal and intrafamily relations on the scales of masculinity and femininity of preschool children are considered, the differences in the manifestations of emotions towards children in men and women are described. The results of research on the questionnaires “I am a real parent”, “I am an ideal parent” through the eyes of students are presented. The questions of the distribution of roles in the “egalitarian” and “traditional” family through the eyes of a man and a woman are considered. Partially analyzed the problem of gender identity in children brought up in single-parent families, which may be a prospect for further research in this direction.

Keywords: gender, gender repertoire, gender role, identity, gender socialization, masculinity, femininity, parenting

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

С конца 1990-х годов XX века институт семьи переживает ряд трансформаций общества, влияющих на все стороны жизни и развития семьи и ребенка в ней. В данной области общественного развития гендерное воспитание не остается без внимания со стороны социологов, психологов, педагогов и других специалистов. Ввиду многогранности гендерного репертуара семьи можно сказать, что современная теория и практика поднимают проблему обучения детей гендерным ролям. Недостаточная разработанность проблемы и необходимость ее решения указывают на значимость поиска новых подходов к решению проблем воспитания мужественности и женственности у детей дошкольного возраста [1-3]. В семье, где осуществляются многогранные роли мужа и жены, отца и матери, хозяйки и хозяина, происходит корректировка и обогащение гендерных представлений, усвоение моделей гендерного поведения и адекватных взаимоотношений в семье. Все это является важным средством становления гендерной идентичности личности ребенка дошкольного возраста. Компетентность родителей, наличие в семье идентичного полу ребенка члена семьи определяют успешность и адекватность процесса идентификации ребенка дошкольного возраста [4].

Анализ последних исследований и публикаций, использованных авторами для освещения различных аспектов проблемы, и выявление тех частей общей проблемы, которые ранее не были решены.

По мнению ряда ученых (Ю.А. Алешина, А.С. Волович, В.Е. Каган, И.С. Кон, Т.А. Репина и др.), семья – первый этап социализации ребенка, где происходит усвоение гендерных ролей, а окружающая среда обеспечивает необходимые условия для закрепления и отработки гендерных стереотипов. Главное внимание в нашем исследовании будет уделено родителям, их поведению, взаимоотношениям друг с другом, с детьми, социумом, поскольку первые впечатления ребенка почти полностью связаны с семьей и именно здесь определяются стартовые, базовые гендерные характеристики личности ребенка [5-7]. Отдельные аспекты решения обозначенной проблемы представлены в работах В.Е. Кагана, И.С. Кона, И.С. Клециной, Л.В. Градусовой, Т.В. Бендас, Т.Н. Дороновой и др. Суть проанализированных нами идей

гендерного воспитания определяется тем, что развитие полового самосознания идет во взаимодействии со взрослыми, которые помогают осознать ребенку его собственную гендерную принадлежность, гендерную роль и т.д. Номинативная (обозначающая) принадлежность к полу изначально формируется в сознании ребенка в процессе сравнения и обнаружения внешних различий между мальчиками (мужчинами) и девочками (женщинами), наблюдаемыми в одежде, аксессуарах, прическах. Следующим этапом становления гендерной идентичности, реализующимся в процессе непосредственного наблюдения за поведением мужчин и женщин в аналогичных ситуациях, выступает этап стереотипизации мужского и женского поведения. Механизм подражания позволяет ребенку осваивать как социально продуктивные формы поведения, так и стереотипы поведения взрослых, мешающие его адекватной социализации [1; 6; 8; 9].

В современном мире, несмотря на различные трансформации правил, норм и ценностей, традиционными основными агентами социализации ребенка, передающими собственный социокультурный опыт своим детям, выступают родители. Семья по-прежнему выступает значимой средой формирования представлений у ребенка о роли и месте мужчины и женщины в современном мире, гендерной идентичности, половой морали, субкультурной дифференциации полов. Именно семья, в которой присутствует атмосфера взаимоуважения мужчины и женщины, способна сформировать основы здоровых гендерных отношений детей и взрослых. Следует отметить, что процесс гендерной идентификации ребенка и приобщения его к гендерной культуре средствами социальных убеждений родителей, их ценностных ориентаций, стиля общения в семье и за ее пределами, системы наказаний и поощрений происходит в семье постоянно, в том числе, независимо от желаний родителей [2; 10; 11].

Результатами исследований (М. Комаровски, Дж. Рубин) подтверждены неосознаваемые родителями различия в социальных ожиданиях в отношении сыновей и дочерей с момента их рождения, формирующие в последующем дифференцированные отношения к детям разного пола. Собственные родительские представления о качествах, характерных и желательных для мужчин и женщин, влияют на модели воспитания, стимулирую-

щих детей к проявлению полоролевых черт адекватных, с точки зрения социума [12; 13].

Авторами Ф. Парсонсом, Н. Шадроу отмечено «перекрестное» влияние, которое оказывают родители на детей: отец – на дочь, мать – на сына посредством трансляции разных моделей гендерных ролей, не противоречащих друг другу. Данное положение утверждает идею о значимости влияния родителей обоих полов на становление гендерной идентичности мальчиков и девочек [12; 13].

Опираясь на анализ психолого-педагогической литературы, можно отметить, что родители в одинаковой степени взаимодействуют с сыновьями и дочерьми, если только дело не касается поведения, связанного с гендером. Обобщая данные исследований, уместно показать, что отцы больше разговаривают с новорожденными сыновьями, в поведении же матери с малышами преобладают мышечные упражнения, а с девочками – речевое общение и обращение. Это проявляется как в играх (поощрение при «мальчишеских играх» мальчиков и «девичьих играх» девочек), так и в распределении домашних обязанностей. Дочерям обычно назначают стереотипные обязанности, например, мытье посуды или уборка квартиры, тогда как сыновьям назначают типично мужские обязанности – уборка мусора или мелкий ремонт. Обучение половой роли ребенка происходит не только при помощи присвоения стереотипов, но и путем набора гендерных схем и копирования поведения других людей. В этой связи важно отметить, что дети учатся у родителей определенным способом поведения [14-17].

Ссылаясь на работы Ю.Е. Гусевой, отметим, что родительские ожидания (пол ребенка, ожидания от процесса воспитания) тоже имеют большое значение в становление гендерной идентичности ребенка. Например, ожидания мамы проявляются в том, что она не ждет от сына умения сделать что-то из женской работы, это должна делать девочка. Потому женщина зачастую акцентирует внимание на успехах девочек и неудачах мальчиков. Традиционно считается, что женщины обладают эксклюзивной способностью воспитывать, заботиться, выполнять хозяйственно-бытовую функцию [12].

Касаемо межличностных и внутрисемейных отношений, можно отметить такой факт, что наблюдается стереотипное восприятие родителями своих детей. Исследование Эклз (Eccles, 1984) показало, что сформированные родительские стереотипы влияют на оценивание способностей сыновей к математике как более высоких в сравнении с дочерьми, даже в случаях одинаковой успеваемости детей. Эмпирические исследования показывают, что в качестве причин хорошей успеваемости по математике у мальчиков родители указывают на их способности. Старания девочек, по мнению родителей, объясняют их такую же успеваемость в области математики. Также отмечено, что матери, не поддерживающие гендерные стереотипы, больше стимулировали развитие познавательных процессов у сыновей, чем дочерей [12].

Ряд отличий выявляется на чувствительном уровне, связанных с менее частыми контактами с младенцами у отцов, нежели у матерей – прикосания к телу, взгляд в глаза, улыбки, вокализации. Развитию активности, любознательности, пространственных представлений у мальчиков способствуют активные игры, наряду с этим, у девочек развивается большая чувствительность в процессе выстраивания более эмоциональных отношений с ними. Матери больше внимания уделяют эмоциям детей, нежели отцы. Это, возможно, способствует тому, что дети чаще делятся своими эмоциональными проблемами с мамой. Возможно, отцы считают такой стиль «фемининным» и избегают его. Однако это не означает, что они не способны понять ребенка, посочувствовать ему [14-17].

Функция контроля детской дисциплины в семье традиционно отводится мужчинам, при этом они чаще ис-

пользуют директивные формы взаимодействия с детьми, проявляющиеся в повышении голоса, использовании повелительных форм обращения к детям. Данная модель общения в ряде случаев содействует восприятию отца как более авторитетного члена семьи. При этом следует отметить, что мужская идентификация в современном обществе трансформировалась и, возможно, усложнилась и чаще подкрепляется стереотипными представлениями о роли мужчины в обществе, чем реальными отношениями между взрослыми людьми своего пола.

Считаем необходимым затронуть проблему становления гендерной идентичности детей, воспитывающихся в неполных семьях. Процесс идентификации осложняется отсутствием образца своего пола в семье для подражания, дети вынужденно отождествляют себя с ролями и образцами противоположного пола, что, возможно, в будущем, создаст трудности и проблемы в установлении контактов со сверстниками своего и противоположного пола и в отношениях с собственными детьми. Следует отметить, что современные исследования показывают, что проблема материнских семей в представлениях людей является сильно преувеличенной. Нет достоверных статистических различий между детьми, которые воспитывались в полных и материнских семьях. Гораздо более значимым фактором является не тип семьи, а атмосфера семьи, отношения между членами семьи [18].

Необходимо отметить, что мужские и женские качества в личности человека напрямую отражаются на характере воспитания их ребенка: для того чтобы быть достойным примером, необходимо идентифицировать свой тип гендера на образ родителя. Результаты исследований (Л. Сидорович, Г. Лани) подтверждают мысль о том, что на тип гендера ребенка влияет гендер родителя. Аналогичные исследования проводились и другими учеными (Д. Уилл, П. Селф, Н. Дэнт) и все они подтверждают, что различия социально конструируются, формируются родителями [12; 19].

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель статьи – рассмотреть влияние родителей (отца и матери) на гендерную идентификацию детей. Организованное нами исследование реализовывалось в рамках дисциплины «Основы гендерной психологии». В нем приняла участие студенты заочного отделения, обучающиеся на факультете дошкольного образования Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета по направлению 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, направленность (профиль) «Дошкольное образование» и их супруги. Условно респонденты были поделены на 2 возрастные группы: 20-30 лет и 30-45 лет.

В качестве основы для проведения исследования использовались опросник С. Бэм, опросник «Кто Я?» (М. Кун и Т. Макпартлен), тест Т. Лири (модифицированный), а также методы теоретического анализа источников.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Какими же видят (хотят видеть) себя родители? Из опросника «Кто я?» мы констатируем, что женщины в большей мере относят себя к фемининным характеристикам, потом – к нейтральным, третье место занимают маскулинные качества. Это означает, что образ собственной личности у женщин соотносится с представлениями о себе как о доброй, нежной, внимательной, ласковой матери. В отношении представлений о выполняемых личностью ролях следует отметить, что у женского пола преобладают характеристики социальных ролей, а только потом семейные и профессиональные роли. На наш взгляд, это факт говорит скорее всего о том, что женщины не сложно реализовать в профессиональной сфере и межличностных отношениях, гораздо проще научиться вязать, шить.

По опроснику Т. Лири, где женщины характеризуют

себя в качестве родителей: как они есть (реальные родители) и какими бы они хотели быть (идеальный родитель). Мы зафиксировали, что большинство респондентов относят к себе такое качество как авторитарность практически на одном уровне с мужчинами. Это означает, что они в семейных отношениях в роли родителя требуют к себе уважения, любят давать советы, настойчивы и уверены в своих приемах воспитания. Немного меньше проявляют качества дружелюбия, альтруистичности и фемининности, следовательно, современные мамы проявляют к детям еще и такие качества как теплота и дружелюбие, мягкость, забота и сострадание. В меньшей степени проявляются качества подозрительности, то есть они критичны ко всем социальным явлениям и окружающим людям.

Идеальными родителями эти же женщины видят себя авторитарней и эгоцентричней, скорей всего это связано с тем, что им хотелось быть более сильными личностями. Что касается мужчин, характеризующих себя по методике «Кто я?», ярко выражаются такие качества как маскулинность, меньше присваивают себе фемининные качества, которые практически на одном уровне с нейтральными, потом следуют характеристики социальных ролей, затем семейные и завершают мужчины свой образ профессиональными ролями. Из чего можно сделать вывод, что большинство мужчин ведут себя в семье властно, ощущают уверенность, они самостоятельны и независимы, реализуют себя в сфере досуга и межличностных отношениях.

Представления женщин о распределении ролей в семье в целом можно считать эгалитарными. Среди респондентов второй возрастной группы значительная часть приписывают большую ответственность в семейной сфере жене и меньшая мужу: 57 % и 43 % соответственно. Примерно в равной степени студенты распределяют ответственность: 51,3 % в среднем считают, что в семье в основном все зависит от мужа и 48,7 % – от жены. При этом, примерно 33,3 % из них считают, что даже такая традиционная женская роль как организация и ведение домашнего хозяйства в большей степени зависит от мужа, а 17 % уверены, что за это полностью должен отвечать муж. Так же никто из опрошенных не считает воспитание детей зоной мужской ответственности, и только 14 % принимают большую ответственность мужа в этой сфере, среди первой возрастной группы таких 23 %, а 4 % из них уверены, что воспитание детей полностью зависит от мужа.

По опроснику Т. Лири, наблюдается, что мужчины как родители проявляют себя авторитарно и эгоцентрично и стремятся к независимости. Это говорит о том, что в воспитании ребенка они упорны и уверены в себе, ориентированы на себя. Аналогично видят себя такими же родителями в идеале, за исключением такого параметра как подчиняемость – стремятся его уменьшить, а взамен развить в себе дружелюбие, хотя бы добрее и мягче.

Если рассмотреть стили воспитания (Я.Л. Коломинский, И.И. Лунин), также наблюдаются отличия. Забота о финансовой составляющей своей семьи – зарабатывание денег на питание, на одежду детям, на получение лучшего качественного образования – остается и в настоящее время прерогативой мужчины в семье. Основная функция женщины в семье – выполнение домашней работы и воспитание детей, более чем в три раза участие женщин превышает участие мужчин в выполнении указанных обязанностей. Кроме того, мужчины в большей степени занимаются традиционно мужскими домашними делами, а женщины традиционно женскими [4]. Также отцы стремятся больше к физическому контакту (около 70 % респондентов). Они, например, подкидывают ребенка вверх, обучают его катанию на велосипеде, роликах, используют активные игры, где необходимо бегать, прыгать и т.д., в тоже время подобная активность присуща только 4 % матерей, которые чаще взаимодействуют с ребенком посредством улыбки, раз-

говора и пения, демонстрации игрушек, с помощью которых они вовлекает ребенка в общение [12].

Сравнительный анализ представлений родителей о своем ребенке не выявил достоверных различий. Тем не менее, можно дать общую характеристику представлениям родителей в зависимости от пола ребенка. Отцы видят своих дочерей как зависимыми, дружелюбными, фемининными, сыновей как авторитарными и дружелюбными, маскулинными. Женщины стараются формировать такие качества у девочек как авторитарность, независимость, дружелюбие, фемининность. У сыновей эгалитарность, эгоцентричность, подозрительность, маскулинность и дружелюбие.

Таблица 1 - Результаты представлений о своем ребенке отцов и матерей (реальный ребенок)

Реальный ребенок	папа				мама			
	м		д		м		д	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
авторитарный	3,20	1,26	2,47	1,06	3,87	1,60	3,13	1,51
эгоцентрический	2,07	1,28	2,73	1,16	3,07	1,71	2,07	1,49
агрессивный	2,27	1,22	2,27	1,44	3,00	1,65	2,20	1,37
подозрительный	1,73	1,10	2,07	1,44	3,07	1,53	2,73	1,62
подчиняемый	2,73	1,79	2,67	1,72	2,93	1,49	2,60	1,40
зависимый	2,93	1,44	3,60	1,18	3,00	2,00	3,33	1,35
дружелюбный	3,73	1,44	3,80	1,15	3,67	1,23	3,80	1,32
альтруистичный	2,40	1,45	2,87	1,46	1,93	1,58	3,00	1,31
маскулинность	2,25	0,69	2,38	0,79	3,22	0,91	2,47	0,71
фемининность	2,92	0,96	3,22	0,71	2,82	0,83	3,18	0,61

Таблица 2- Результаты представлений о своем ребенке отцов и матерей (идеальный ребенок)

Идеальный ребенок	папа				мама			
	м		д		м		д	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
авторитарный	3,40	1,72	3,00	1,00	3,87	1,55	3,27	1,22
эгоцентрический	2,47	1,41	2,47	0,83	3,60	1,30	2,80	1,15
агрессивный	2,07	1,16	2,00	1,20	3,20	1,74	2,33	1,11
подозрительный	1,87	1,25	2,53	0,92	3,00	0,85	2,80	1,26
подчиняемый	2,00	1,36	3,27	1,03	2,47	1,13	2,87	0,99
зависимый	2,20	1,32	3,00	1,20	3,53	1,30	3,00	1,25
дружелюбный	3,33	1,29	3,73	1,10	3,27	1,10	3,53	1,19
альтруистичный	2,40	0,91	2,60	0,91	3,13	1,06	3,20	1,47
маскулинность	2,45	0,79	2,61	0,66	3,42	0,84	2,77	0,82
фемининность	2,43	0,80	3,10	0,49	3,12	0,69	3,12	0,86

Представления родителей о реальном и идеальном ребенке в основном совпадают. Этот вывод сделан на основе показателей Т-критерия Стьюдента, который не показал достоверных различий. То есть, любой родитель хотел бы, чтобы его ребенок был самым лучшим (самым лучшим мальчиком или самой лучшей девочкой) во всех проявлениях, в том числе и в гендерном поведении.

Более устойчивая корреляционная зависимость обнаружилась в представлениях о себе как о родителе и представлениях о своем ребенке у родителей и ребенка одного пола, нежели ребенка и родителя противоположных полов, что указывает на схожесть и соотнесенность данных параметров и подтверждает гипотезу о склонности родителя идентифицировать себя с ребенком своего пола.

В целом, можно констатировать, что родители желают сформировать у ребенка качества в зависимости от его половой принадлежности. Поэтому как матери, так и отцы видят девочек нежными, зависимыми, но стоит отметить, что матери желают своим дочерям быть упорными, настойчивыми и уверенными в себе личностями. С мальчиками подобная ситуация: они должны быть сильными, ответственными, доминантными и, как все дети не зависимо от гендера, проявлять теплоту и дружелюбие в отношениях.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших

изысканий данного направления.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что процесс становления гендерной идентификации личности ребенка и гендерная модель поведения формируются в процессе социального воспитания и обучения, а также в процессе подражания взрослым в ходе выстраивания взаимоотношений. Позитивная гендерная идентификация возможна при условии развития тесных взаимоотношений ребенка как с матерью, так и с отцом, выполняющим в семье разные гендерные роли. Однако смена позиции отца и матери в семье часто затруднена, что вызвано такими факторами как: неподготовленность бывшего мальчика, а теперь отца к активному взаимодействию в своей семье; уже устоявшееся стереотипное распределение ролей и обязанностей в семье; сложившаяся социальная ситуация, где, например, мужская работа больше ценится и, следовательно, мужчине трудно переориентировать себя на семью.

Наше исследование не определяет весь круг обозначенных проблем, оно может быть продолжено в направлении изучения влияния других «агентов» гендерной социализации, а также проявления маскулинности, фемининности у детей, воспитывающихся в неполных семьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Градусова Л.В. *Гендерная педагогика: учеб. пособие*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 176 с.
2. Евтушенко И.Н. *Гендерный подход к проблеме воспитания детей разного пола: монография*. Челябинск. Изд-во «Библиотека А Миллера», 2019. 296 с.
3. Евтушенко И.Н., Быстрая Е.Б., Артеменко Б.А. Особенности гендерного воспитания детей дошкольного возраста // Самарский научный вестник. 2018. № 2. С. 239-245.
4. Гасанова Б.М., Муталимова А.М., Даудова Д.М. Влияние гендера на брачно-семейный конфликт // International Journal of Medicine and Psychology. 2019. № 4. С. 207-212.
5. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчин и женщин: из опыта работы // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 74-78.
6. Кон И.С. *Мальчик – отец мужчины*. Москва, 2009. 702 с.
7. Репина Т.А. *Проблемы полоролевой социализации детей*. Москва: МПСИ. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2014. 288 с.
8. Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в российском обществе. 2020. Т.11. № 3. С. 22-34.
9. Бендас Т.В. *Гендерная психология: учебное пособие*. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 412 с.
10. Евтушенко И.Н. К вопросу о гендерной культуре родителей // Актуальные проблемы дошкольного образования: сборник статей XVIII международной научно-практической конференции (г. Челябинск, 23-24 апреля 2020 г.) – Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2020. С. 152-155.
11. Каурова Т.С., Кротова Т.В. Образовательная среда семьи дошкольника как условие гендерного воспитания // Евразийский союз ученых. 2020. № 6-3 (75). С. 14-15.
12. Гусева Ю.Е. Нежные мальчики, сильные девочки. Воспитание, свободное от гендерных стереотипов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2019. 156 с.
13. Гусева Ю.Е. Гендерный подход в гештальт-терапии семейных и детско-родительских отношений // Семья и дети в современном мире: сборник материалов международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2019. С. 273-279.
14. Горицунова И.В., Иванова И.Ю. Отцовская депривация как фактор нарушения психологической безопасности / Психология семьи в современном мире. Екатеринбург, 2017. С. 119-122.
15. Комарова А.Ю., Терещенко М.Н., Евтушенко И.Н., Иванова И.Ю. Формирование основ материнства у девочек старшего дошкольного возраста // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 135-137.
16. Иванова И.Ю. Просветительская деятельность в дошкольной образовательной организации как направление взаимодействия с родителями // Актуальные проблемы дошкольного образования: традиции и инновации: сборник статей XVI международной научно-практической конференции. Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018. С. 289-293.
17. Иванова И.Ю., Евтушенко И.Н., Артеменко Б.А. Реализация компетентного подхода в процессе подготовки студентов к просветительской деятельности в дошкольной образовательной организации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 111-114.
18. Валиуллина Л.М. Формирование гендерной культуры у девушек из полных и неполных семей как фактор дальнейшей профессиональной адаптации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики Серия: Познание. 2020. № 1. С. 28-34.
19. Maccoby E.E. *The two sexes: growing up apart. Coming together*. L. 2000. - VIII, 376 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева» в рамках научного проекта «Организационно-педагогические условия социально-коммуникативного развития детей в дошкольной образовательной организации» договор № МК-006-21 от 21.04.2021

Статья поступила в редакцию 07.07.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.046.4.611.084

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0017

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ИЗУЧЕНИЕ ПОНИМАНИЯ СТУДЕНТАМИ КЛИНИЧЕСКИХ НАВЫКОВ, ПУТЕМ ВНЕДРЕНИЯ ПРОГРАММЫ СТРУКТУРИРОВАННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 2218-6910

AuthorID: 1067545

ORCID: 0000-0003-3247-3374

ЕРШОВА *Елизавета Сергеевна*, ассистент кафедры «Анатомия человека»

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса дом 3, e-mail: eli2aveta.er@yandex.ru)

Аннотация. В настоящее время переход от традиционной учебной программы к комплексной, основанной на органах и системе, привел к фрагментированным курсам дисциплины анатомии человека. Целью настоящего исследования является изучение понимания студентами практических навыков после внедрения программы структурированной практической анатомии. Наше исследование было направлено на то, чтобы включить в практические занятия со студентами первого и второго курса лечебного факультета программы структурированной практической анатомии для обучения клинической анатомии и практическим навыкам. В ходе исследования мы оценили перспективы обучения студентов практической анатомии с помощью данной программы на лечебном факультете медицинского университета. Мы сравнили результаты исследования с результатами в аналогичных статьях и заметили, что с переходом от традиционной учебной программы к программе структурированной практической анатомии, анатомия человека была представлена в единицах, которые были интегрированы в системы организма. Данная учебная программа является эффективным инструментом, который играет жизненно важную роль в улучшении преподавания практической анатомии. Программа структурированной практической анатомии предлагает новаторство в преподавании и изучении анатомии человека как клинической и практической дисциплины. Кроме того, результаты восприятия учащимися данной программы говорят об её эффективности среди стандартных методов обучения.

Ключевые слова: анатомия, анатомические науки, педагогика, методология, преподавание в университете, высшее учебное заведение, восприятие обучения, образовательная среда, эффективность анатомического образования, оценка полученных знаний и умений, психология, студенты, медицинский университет, медицина.

LEARNING STUDENTS' UNDERSTANDING OF CLINICAL SKILLS BY IMPLEMENTING A STRUCTURED PRACTICAL ANATOMY PROGRAM

© The Author(s) 2021

YERSHOVA *Elizaveta Sergeevna*, assistant of the Department "Human Anatomy"

Kursk state medical University

(305041, Russia, Kursk, street Karl Marx st.3, e-mail: eli2aveta.er@yandex.ru)

Abstract. Currently, the transition from a traditional curriculum to a comprehensive one based on organs and systems has led to fragmented courses in the discipline of human anatomy. The purpose of this study is to study students' understanding of practical skills after implementing a structured practical anatomy program. Our research was aimed at including structured practical anatomy programs for teaching clinical anatomy and practical skills in practical classes with first- and second-year medical students. In the course of the study, we evaluated the prospects of teaching students practical anatomy using this program at the medical faculty of the Medical University. We compared the results of the study with the results in similar articles and noticed that with the transition from a traditional curriculum to a structured practical anatomy program, human anatomy was presented in units that were integrated into the body's systems. This curriculum is an effective tool that plays a vital role in improving the teaching of practical anatomy. This structured practical anatomy program offers innovation in the teaching and study of human anatomy, both as a clinical and practical discipline. In addition, the results of students' perception of this program indicate its effectiveness among standard teaching methods.

Keywords: anatomy, anatomical sciences, pedagogy, methodology, university teaching, higher education institution, learning perception, educational environment, effectiveness of anatomical education, assessment of acquired knowledge and skills, psychology, students, medical university, medicine.

ВВЕДЕНИЕ.

Вскрытие трупа уже давно является краеугольным камнем преподавания практической анатомии студентам-медикам и остается фундаментальной дисциплиной обучения для всех хирургов и патологоанатомов. Колледжи и университеты, которые все еще следуют традиционной учебной программе, предпочитают использовать вскрытие трупа для обучения практической анатомии. Некоторые медицинские университеты ввели курс анатомического вскрытия как факультатив, который студенты-медики встретили с положительным энтузиазмом. Рассечение трупа дает несколько преимуществ с точки зрения приобретения знаний, навыков и практических умений. Данный практикум также идеально подходит для самостоятельного обучения. Студенты изучают предмет в своем собственном темпе на практике в соответствии со своими личными интересами. Это активный процесс обучения с самопознанием протокола. Точно так же рассечение и практические навыки на кадаверном материале могут предоставить возможность трехмерного осознания анатомии [1-8].

С переходом медицинского образования с учебной программы, основанной на дисциплинах, на другие

учебные программы, такие как проблемно-ориентированное обучение и интегрированные учебные программы, количество времени, доступного для анатомического вскрытия, сократилось. Врачи завтрашнего дня призвали к снижению фактического бремени, присутствующего в программах медицинских школ. Однако даже раньше акцент на преподавании анатомии снизился. Кроме того, существуют другие ограничения, такие как сложность получения кадаверного материала, стоимость их транспортировки, обслуживания и утилизации и нехватка квалифицированных анатомов. Отсутствие кадаверного материала привело к высокому соотношению учеников и материальной обеспеченности, что неизбежно снижает ценность препарирования как полезного учебного мероприятия. Перед профессорами анатомии стояла задача решить, как лучше всего интегрировать анатомию в новую учебную программу и использовать ряд методов обучения наряду с более традиционными подходами для ознакомления с анатомией студентов-медиков. Появились новые стратегии изучения анатомии, такие как использование пластиковых моделей, пластифицированных образцов, предварительно препарированных образцов, залитых формалином, виртуальных

компьютерных трупов и мультимедийных программ. В некоторых исследованиях сообщалось об использовании клинической анатомии в виде изображений. В новую эру медицинского образования возникла необходимость внедрить новую методику практического обучения анатомии. Структурированная практическая анатомия – это инновационный метод обучения, основанный на стратегии обучения в малых группах. Данный метод руководствуется особыми организованными инструкциями, чтобы учащиеся приобретали активное восприятие обучения через серию станций [9-15].

Когда медицинский факультет перешел с традиционной учебной программы на комплексную программу, основанную на органах и системах, курс анатомии был интегрирован в девять других системных курсов. Таким образом, время, отведенное на обучение практической анатомии, было значительно сокращено, и традиционное вскрытие трупов стало невозможным. Несколько методов использовалось для обучения практической анатомии, включая использование предварительно рассеченных образцов, залитых формалином, пластифицированных образцов, высушенных костей, пластиковых моделей и поверхностной анатомии. Стратегия также перешла от дидактического группового обучения и вскрытия трупа к структурированной практической анатомии, в которой используются различные анатомические материалы для понимания анатомии. Однако взгляды студентов на текущую стратегию преподавания практической анатомии не оценивались [16-20].

МЕТОДОЛОГИЯ.

Целью настоящего исследования является изучение понимания студентами практических навыков после внедрения программы структурированной практической анатомии. Наше исследование было направлено на то, чтобы задокументировать использование структурированной практической анатомии для обучения клинической анатомии и оценить перспективы обучения студентов практической анатомии с помощью данной программы на лечебном факультете медицинского университета. В ходе исследования мы использовали стандартный инструмент, который обычно используется для оценки учебной среды медицинских образовательных и медицинских специальностей, чтобы объективно оценить, как студенты воспринимают изучение анатомии с помощью данной программы.

Практические занятия проходили в интерактивной анатомической лаборатории, оснащенной по последнему слову техники, чтобы гарантировать, что учебная среда подходит для этого инновационного метода практического обучения. Занятия обычно начинались с 15-минутной беседы перед лабораторией, где учитель представлял цели занятия и предполагаемое участие студентов. Студенты были разделены на десять групп по 6–8 человек, и каждой группе был назначен руководитель. На каждом практическом занятии использовалось десять структурированных станций, каждая группа пробыла на каждой станции по 10 мин. Каждая группа должна была пройти через десять станций и выполнить все поставленные задачи к концу практического занятия. Студенты руководствовались инструкциями, отображаемыми на интерактивных экранах, в дополнение к помощи со стороны преподавателей. На десять станций были розданы образцы разных типов. Сюда входили предварительно рассеченные образцы, залитые формалином, пластифицированные образцы, сухие кости и пластиковые модели. Реже станции назначались для взаимодействия с образцами поверхностной анатомии за интерактивным анатомическим столом, анатомией поперечного сечения, короткометражными фильмами и станциями клинической анатомии. Каждое практическое занятие состояло из 2–3 станций с идентификационными вопросами или ситуационной проблемой и вопросами с несколькими вариантами ответов, а также вопросами сопоставления или кратких ответов, на которые группа отвечала в каче-

стве формирующей оценки. Студентам также было поручено самостоятельно идентифицировать структуры и сделать снимки идентифицированных структур, которые они сделали в своих записях. В конце занятия студенты были проинформированы об их успеваемости через объявление результатов преподавателями.

На каждой станции были письменные инструкции, которые направляли студентов и обеспечивали, чтобы процесс обучения был ориентирован на студентов, при этом обучение происходит на основе практического опыта. Станции были разработаны для усиления теоретической анатомии, анатомической терминологии, пространственных отношений и трехмерных структур. Студентам предлагалось разговаривать друг с другом в одной группе и обращаться к учебникам, атласам или интернет-ресурсам, чтобы определить необходимые структуры и ответить на вопросы. Роль преподавателя была скорее фасилитатором, чем руководителем.

Мы провели анонимный опрос лицом к лицу в аудитории. Мы попросили студентов внимательно прочитать каждое утверждение и ответить по 5-балльной шкале Лайкерта в диапазоне от полностью согласен до категорически не согласен.

1. Меня призывают участвовать во время учебных занятий в практических навыках.

2. Обучение анатомии часто стимулирует меня

3. Обучение ориентировано на студентов.

4. Обучение помогает развить мою компетентность, как будущего врача.

5. Я чувствую, что хорошо подготовлен в анатомии.

6. Я четко понимаю учебные цели курса.

Мы оценили пункты следующим образом: 4 – полностью согласен, 3 – согласен, 2 – не уверен, 1 – не согласен и 0 – категорически не согласен.

Шкала более 20: отлично;

Шкала 12-20: положительная;

Шкала 6-12: отрицательная;

Шкала 0–6: очень плохо.

Мы представили результаты в виде количества и процентной доли студентов в каждой категории от общего числа опрошенных студентов и для каждой из четырех групп (студенты мужского и женского пола на втором и первом курсах). Мы интерпретировали общую оценку, а также сильные и слабые стороны каждого пункта.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Студенты первого и второго курсов медицинского университета приняли участие в опросе добровольно. Из 205 студентов (105 мужчин и 100 женщин) на втором курсе 138 (66 мужчин и 72 женщины) приняли участие в опросе (коэффициент участия 63 % среди мужчин и 72 % среди женщин). Из 122 студентов (51 мужчина и 71 женщина) на первом курсе 84 (38 мужчин и 46 женщин) приняли участие в опросе (коэффициент участия 75 % среди мужчин и 65 % среди женщин)

Все баллы относились к положительной категории, которая варьировалась от 15 до 20 (из 24), со средним баллом 22 ± 7 для общего количества студентов четырех групп. Баллы для студентов второго курса и девочек составили 17 ± 7 и 22 ± 6 , соответственно, в то время как студенты мужского и женского пола на первом курсе имели баллы 22 ± 8 и 21 ± 5 , соответственно. Наблюдалась значительная разница между оценками студентов мужского и женского пола второго курса, студентов мужского пола второго и первого курса, а также студенток второго курса и студенток первого курса ($p < 0,01$). Мы разделили студентов на четыре категории в соответствии с их оценками. Категория «отлично» с оценкой более 20 составила 27 % от общего числа (диапазон: 12–36 %). Отрицательная категория, которая составляет от 13 до 24 %, составила на 15 % (диапазон: 2–36 %), в то время как очень бедной категории, с баллами ниже 12, составляли 0,5 %

ОБСУЖДЕНИЕ.

Мы сравнили результаты исследования с результата-

ми в аналогичных статьях и заметили, что с переходом от традиционной учебной программы, основанной на дисциплинах, к интегрированной, системной, анатомия была представлена в единицах, которые были интегрированы в системы организма, с акцентом на пространственные отношения между органами [18]. Со временем возникла необходимость смягчить недостатки традиционной учебной программы, которая включала среду обучения, ориентированную на учителя, слишком много учащихся с пассивным отношением и снижением мотивации. Мы сделали обобщение и оценку результатов, чтобы меньше информации, которая является клинически актуальной, доставлялось с использованием подходов, разработанных для оптимизации и интеграции изучения и понимания анатомии с другими подразделениями. Сокращение времени, доступного для обучения анатомии, не должно отрицательно сказываться на способности врача компетентно обследовать пациента, ставить диагноз и сообщать результаты пациенту и другим медицинским работникам. Возрождается тенденция к использованию традиционного метода вскрытия трупа в преподавании / изучении анатомии. Диссекция позволяет изучать анатомию с соответствующими клиническими корреляциями и развивает навыки, не зависящие от дисциплины, которые являются важнейшими требованиями современной системы здравоохранения. Некоторые практики, применяемые при вскрытии, улучшают определенные модели поведения, которые успешно прививают учащимся такие ключевые компоненты профессионализма как честность, уважение и сострадание. Однако само по себе вскрытие не может обеспечить единообразный опыт обучения и, следовательно, должно быть дополнено другими инновационными методами обучения в будущей модели образования по анатомии. Все нынешние или будущие инновационные методы могут быть легко включены в этот структурированный подход.

ВЫВОДЫ.

В этом исследовании мы задокументировали использование альтернативной стратегии обучения практической анатомии. Модель структурированной практической анатомии имеет множество образовательных преимуществ, которые могут компенсировать ограничения вскрытия трупа и в дальнейшем адаптировать учебный план к передовым требованиям современного медицинского образования. Проверка в области педагогической психологии показала, что удержание знаний стимулируется, когда учащиеся активно участвуют в обучении. Следовательно, ожидается, что обучение, основанное на выполнении заданий, будет способствовать передаче знаний из учебных заведений на рабочее место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверченко Л. К. Дистанционная педагогика в обучении взрослых // *Философия образования*. - 2016. - № 6 (39). - С. 322-329.
2. Алиева Л.В., Руденко И.В. Моделирование - перспективный метод организации воспитательной деятельности вуза по реализации компетентностного подхода // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 132-135.
3. Tyng C.M., Amin H.U., Saad M.N. The influences of emotion on learning and memory // *Front Psychol*, 8 (2017), p. 1454
4. Бородина К.М. Социальная тревожность, как фактор снижения успеваемости студентов // *Региональный вестник*. 2019. № 22 (37). С. 7-8.
5. Penman J., & Oliver, M. Meeting the challenges of assessing clinical placement venues in a bachelor of nursing program // *Journal of University Teaching & Learning Practice*, 2017, P.60-73.
6. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // *Journal on the Horizon*, 2019, 6 p.
7. Бодина О.В., Писковацкова А.Э., Макарова М.В., Тишков Д.С. Современное состояние образовательного процесса в вузах и пути повышения его эффективности. Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. С. 17.
8. Rowe A., Fitness J. Understanding the role of negative emotions in adult learning and achievement: a social functional perspective // *Behav Sci*, 8 (2). 2018. p. 27
9. Iwai Y. Online Learning during the COVID-19 Pandemic: what do we gain and what do we lose when classrooms go virtual? // *Sci Am*, 13. 2020. pp. 32-37
10. Кутепова Л.И., Ваганова О.И., Трутанова А.В. Формы самостоятельной работы студентов в электронной среде // *Карельский*

научный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 43-46.

11. Foran J. The case method and the interactive classroom // *The National Education Association Higher Education Journal*. 2016. p. 49.

12. Писаренко Д.А. Виртуальные студенческие сообщества как форма организации внеучебной деятельности студентов вуза // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 125-127.

13. Y. Li, S. Gu, Z. Wang, H. Li, X. Xu, H. Zhu, S. Deng, X. Ma, G. Feng, F. Wang, J.H. Huang. Relationship between stressful life events and sleep quality: rumination as a mediator and resilience as a moderator // *Front Psychiatr*, 10. 2019. p. 348

14. Четвериков И.П. Понятие личности из лекций по общей психологии // *История российской психологии в лицах*. 2017. С. 215 - 224.

15. Тишков Д.С. Гендерные различия в восприятии гигиены полости рта среди сотрудников медицинских учреждений // *Региональный вестник*. 2020. № 1 (40). С. 4-5.

16. Тишков Д.С. Создание концептуальной игры, облегчающей запоминание сложной терминологии // *Карельский научный журнал*. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 41-43.

17. Alhassan A., Majeed S. Perception of Ghanaian medical students of cadaveric dissection in a problem-based learning curriculum // *Anat Res Int*. 2018. p.21

18. Pietrzyk L., Torres A., Denisow-Pietrzyk M., R. Maciejewski, K. Torres. Formaldehyde-related clinical symptoms reported by medical students during gross anatomy cadaver dissection // *Przegląd Dermatol*, 103 (4). 2016. pp. 273-280

19. Журбенко В.А., Бровкина И.Л., Карлаш А.Е., Крюков А.А., Сериков В.С. Роль симуляционных технологий в обучении студентов на кафедре стоматологии детского возраста // *Сборник трудов Всероссийской научно-учебной конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине КГМУ. Под редакцией В.А. Лазаренко, П.В. Калущкого, П.В. Ткаченко, А.И. Овод, Н.Б. Дрёмовой, Н.С. Стенашова*. 2017. С. 235-238.

20. Likert R. A technique for the measurement of attitudes // *Archives of Psychology*. 2016. 1-55p

Статья поступила в редакцию 25.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 37.026.9

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0018

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ-ДИЗАЙНЕРОВ КОСТЮМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОДХОДА К ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИЮ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 2658-9030

AuthorID: 642648

ORCID: 0000-0002-8781-938X

ScopusID: 572054450

ЗАЙЦЕВА Татьяна Александровна, доцент кафедры «Дизайна и технологий»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: zai-tanya@yandex.ru)

SPIN: 5724-4534

AuthorID: 248034

ORCID: 0000-0002-6916-7613

ScopusID: 48361613600

КОРОЛЕВА Людмила Анатольевна, кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Дизайна и технологий»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: ludmilaakoroleva@gmail.com)

SPIN: 5505-4461

AuthorID: 370843

ORCID: 0000-0002-7189-6890

ScopusID: 14020497900

СЛЕСАРЧУК Ирина Анатольевна, кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Дизайна и технологий»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: irina.slesarchuk@vvsu.ru)

Аннотация. В статье освещены вопросы совершенствования профессиональной подготовки бакалавров-дизайнеров костюма в условиях современного подхода к дизайн-проектированию, позволяющего перейти на более высокий уровень дизайн-образования. Обоснована возможность использования основных положений дизайн-мышления при проектировании различных дизайн-продуктов. Проведен всесторонний анализ традиционных и актуальных подходов к процессу проектирования инновационного продукта. Отмечены положительные тенденции и недостатки разных подходов. Впервые обоснован и реализован актуальный подход к профессиональной подготовке дизайнеров на основе методологии дизайн-мышления. Предложенный образовательный алгоритм дизайн-образования в современных условиях позволил выявить основные этапы процесса проектирования, сформировать перечень ролей в творческой проектной команде и определить их функциональные обязанности. Полученные результаты исследований апробированы на примере подготовки бакалавров-дизайнеров в ходе выполнения дисциплины «Проектная деятельность» при создании визуальных и рабочих прототипов моделей инклюзивной одежды, что позволило создать новый образ жизни человека и сформировать подходы к созданию разумного производства для человека с системой объектов будущего.

Ключевые слова: дизайн-образование, дизайн-мышление, образовательный алгоритм, дизайн-проект, дизайн-продукт; командная работа.

IMPROVING THE PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELOR-COSTUME DESIGNERS IN MODERN REALITIES

© The Author(s) 2021

ZAYTSEVA Tatyana Aleksandrovna, Associated Professor,
Associate Professor of the Department of Design and Technology,

Vladivostok State University of Economics and Service (VSUES)

(Russia, Vladivostok, 690014, Gogolya Street, 41, e-mail: zai-tanya@yandex.ru)

KOROLEVA Liudmila Anatolyevna, candidate of technical sciences, Associated Professor,

Associate Professor of the Department of Design and Technology,

Vladivostok State University of Economics and Service (VSUES)

(Russia, Vladivostok, 690014, Gogolya Street, 41, e-mail: ludmilaakoroleva@gmail.com)

SLESARCHUK Irina Anatolyevna, candidate of technical sciences, Associated Professor,

Associate Professor of the Department of Design and Technology,

Vladivostok State University of Economics and Service (VSUES)

(Russia, Vladivostok, 690014, Gogolya Street, 41, e-mail: irina.slesarchuk@vvsu.ru)

Abstract. The article highlights the issues of improving the professional training of bachelors-costume designers in the context of a modern approach to design, which allows you to move to a higher level of design education. The possibility and necessity of using the main provisions of design thinking in the design of various design products has been substantiated. A comprehensive analysis of traditional and current approaches to the process of designing an innovative product has been carried out. Positive tendencies and disadvantages of different approaches are noted. For the first time substantiated and implemented an actual approach to the professional training of designers based on the methodology of design thinking. The proposed educational algorithm for design education in modern conditions made it possible to identify the main stages of the design process, form a list of roles in a creative project team and determine their functional responsibilities. The obtained research results were tested on the example of training bachelors-designers in the course of the discipline «Project activity» when creating visual and working prototypes of inclusive clothing models, which made it possible to create a new way of human life and form approaches to creating a reasonable production for a person with a system of objects of the future.

Keywords: design-education, Design Thinking, educational algorithm, design-project, design-product, teamwork.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В современных условиях международных санкций, наложенных на Российскую Федерацию, становится актуальной подготовка конкурентоспособных творческих специалистов, способных достичь успеха в профессиональной деятельности в условиях состязательности, соперничества и здоровой конкуренции. Такие специалисты-дизайнеры смогут обеспечить высокий инновационный уровень дизайнерских разработок, увеличить конкурентоспособность и интеллектуальность производимых товаров и укрепить экономику в целом, что непосредственно скажется на качестве жизни людей.

Объективные процессы, протекающие в современном обществе, а также в системе образования, и связанные с этим требования к профессиональной компетентности будущего дизайнера оказывают решающее влияние на формирование дизайн-мышления (Design Thinking) [1].

За последние десятилетия дизайн существенно эволюционировал, приобрел особенное значение и звучание, глубоко изменяя сущность и природу, качественно расширяя, раскрывая его возможности в условиях антиглобализации, индивидуализации, ориентированности на новые тенденции, передовые технологии и материалы, инклюзивность [2].

В мире дизайна сейчас существует большое разнообразие обозначений его направлений: социальный, устойчивый, универсальный, эргономический, антропологический, генеративный дизайн, биодизайн. Все эти понятия объединяет общая идея (парадигма) нацеленности на рассмотрение человека как объекта, интегрированного в замкнутую систему, включающую в себя окружающую среду, социум, производственный процесс и процесс потребления, базирующихся на инновационных научных технологиях [2].

Современный подход к дизайн-проектированию фокусируется, таким образом, на антропоцентричном (человеко-ориентированном) дизайне и представляет собой многоуровневый творческий процесс, требующий от проектировщика глубокого понимания потребностей и интересов целевой аудитории и ориентации во внутренних взаимосвязях. Другими словами, сейчас речь идет о востребованности и формировании дизайн-мышления, т.е. об овладении методом создания нестандартных проектов, продуктов и услуг, который направлен на решение конкретных проблем и интересы потенциального пользователя. Методология дизайн-мышления говорит о том, что человек должен выйти за пределы существующих стереотипов, опровергнуть собственные предположения и переосмыслить существующие проблемы, чтобы найти лучшее и неочевидное решение. В то же время дизайн является специфическим родом проектной деятельности, предполагающим наряду с воображением, художественно-предметным творчеством и научно-обоснованную практику применительно к сфере промышленного производства [3-14].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

Одной из проблем современного дизайн-образования является то, что компетенции, которыми должен обладать бакалавр-дизайнер в рамках ФГОС 3++, не в полной мере отражают особенности и преимущества методологии дизайн-мышления.

Как считает О.В. Кузьмина, основная направленность учебного процесса при подготовке дизайнеров идет на формирование, в основном, художественных знаний, что не соответствует требованиям государственного стандарта и потребностям производства, которым необходимы сформированные профессиональные компетенции [15].

Так, в соответствии с ФГОС 3++ по направлению

подготовки Дизайн, формирование у студентов ряда универсальных компетенций таких, как УК-1, УК-3 и УК-9, предусматривает развитие принципов системного подхода, командной работы и инклюзивной компетентности. С другой стороны, такие общепрофессиональные компетенции как ОПК-3 и ОПК-4, направленные на развитие основных творческих умений и проектных навыков, дают лишь общие представления о будущей профессии, в результате чего выпускники профиля Дизайн зачастую оказываются неподготовленными к условиям индустрии, ориентированной на активное использование научных инноваций и преимуществ коллективной деятельности. Вследствие этого выпускники не способны в полной мере решать творческие и технические задачи в контексте сегодняшнего дня и испытывают серьезные трудности при трудоустройстве по специальности.

Исследования научных публикаций психолого-педагогического направления по формированию общекультурных, профессиональных компетенций в русле компетентностного подхода у студентов-дизайнеров ряда авторов Н.А. Бахловой [16], П.А. Ковешникова [17], Э.М. Андросовой [18], Т.Е. Миковой [19], И.Ю. Демьяненко [20], Н.Д. Дембич [21], О.В. Даниленко [22] и др. [23] показали, что в настоящее время ведутся интенсивные исследования проблемного поля реализации компетентностного подхода в дизайн-образовании. В современной педагогической литературе раскрыты как общие положения реализации компетентностного подхода в вузовском образовании, так и частные вопросы, связанные с формированием компетенций в процессе профессиональной подготовки дизайнеров.

Проведенный исследователем О.С. Шкиль опрос среди руководителей архитектурно-дизайнерских фирм, рекламных агентств, дизайн-студий и дизайн-мастерских показал, что наряду с профессиональными качествами дизайнера, работодатели среди приоритетных выделяют личностные качества: креативность, коммуникабельность, ответственность, аккуратность и точность выполнения задач [24].

К такому же выводу приходит и Л.Ю. Королева [25], указывая на то, что при подготовке будущих дизайнеров к профессиональной деятельности следует учитывать мнение работодателей и особое внимание обращать на то, что профессиональные качества дизайнера определяются, прежде всего, его личностными качествами: креативность, целеустремленность, амбициозность, постоянное самосовершенствование, самообразование, способность к усвоению новых знаний и личностному росту, способность творчески подходить к работе, ответственность. Деятельность высшей школы в рамках реализации ФГОС ВО 3++ на основе использования компетентностного и личностно-ориентированного подходов в обучении требует внесения существенных корректив в процесс подготовки дизайнеров к профессиональной деятельности.

Традиционно в практике процесс дизайн-проектирования реализуется в соответствии с общепринятыми этапами: предпроектным и проектным [26]. Предпроектная ступень дизайн-проектирования связана со сбором, обобщением информации о проектной задаче, о возможных ее решениях, о достоинствах и недостатках, имеющихся аналогах этих решений, разработкой собственных принципов. Результатом этого этапа становится дизайн-концепция – образная идея будущего проекта, формулировка его смыслового содержания как идейно-тематической основы замысла дизайнера. Проектный анализ на второй ступени направлен на создание дизайнерского продукта.

Однако в данном случае, проектные исследования ориентированы, преимущественно, на выполнение авторских проектов от идеи до готового продукта, где предусмотрен один цикл дизайн-исследования. Итерация процесса при этом не осуществляется. Процесс в целом достаточно громоздок и рассчитан на определенный регламентирован-

ный календарный срок. Если при таком подходе предполагается работа в творческом коллективе (авторские Дома моды, экспериментальные цеха крупных производств легкой промышленности), то роли исполнителей закреплены в соответствии с их функциональными обязанностями (конструктор, технолог, конфекционер). Анализ и синтез дизайн-идей, предусматривающий мозговой штурм, производится дискретно. Следует отметить, что в практике традиционного дизайн-проектирования не представлена технология продвижения дизайн-проекта, что значительно снижает эффективность полученных результатов, сокращает временной период от задумки до продажи готового дизайн-решения (time to market), не обозначает пользовательскую направленность при реализации дизайн-продукта. Проектная деятельность при традиционном подходе в результате завершается выпуском партии продукции необоснованных объемов, необдуманных композиционных и цветовых решений. При этом модельный ряд не всегда учитывает модные тенденции на текущий момент, половозрастные и размерно-полнотные особенности потребителя. Кроме того, современные инструменты визуализации проектных решений с использованием графических пакетов на всех этапах работ требуют более высокой квалификации исполнителей.

Все это свидетельствует о назревшей необходимости пересмотра подходов к дизайн-образованию.

В настоящее время различные коммерческие творческие школы и курсы предлагают модернизировать обучающие программы, развивая процесс создания дизайн-продукта на основе методологии Design Thinking, определяющей процесс создания прототипов, включающий выдвижение гипотез, итерационность, скорость при создании нового [27-30]. Дизайн-мышление предполагает ориентированный на человека подход к инновациям, который опирается на инструментарий дизайнера для интеграции потребностей людей, возможностей технологий и требований для успеха в бизнесе. Пользователь становится главной фигурой нового подхода. Основная идея методологии основана на том, что первоначально необходимо осуществить понимание человека, отбросить внешние предположения о нем и переосмыслить его проблемы с целью получения нового и нетривиального решения.

Все методы дизайн-исследований разделены на два класса: «кабинетные» и «полевые», каждый из которых, в свою очередь, делится на четыре группы: кабинетные (GOAL): подготовка, структуризация, анализ, синтез; полевые (OMNI): этнография, автоэтнография, контекстные интервью, групповые обсуждения. Это позволяет решать поставленные в проекте задачи, ориентируясь преимущественно на интересы пользователя [27].

Методология дизайн-мышления также предполагает использование творческого подхода в решении дизайн-задачи. Творческий подход при работе в команде позволяет делать дизайн-процесс более динамичным и гибким при совместном решении сложных задач. Считается, что большинство людей склонны к творчеству, при этом design thinking способствует раскрытию потенциала каждого.

Положительным является и тот факт, что описываемый процесс создания дизайн-продукта достаточно формализован, что позволяет выдвигать максимальное количество гипотез, структурировать их и синтезировать как ранние, так и конечные прототипы.

Отличительной чертой данных предлагаемых нововведений является ориентация на командную работу в ходе работы над проектом. Однако при этом состав команды максимально определяется двумя исследователями, несмотря на достаточный объем «полевых» и «кабинетных» работ, создание прототипа и его тестирование. Также в дизайн-команде не определен ролевой функционал, не обозначена проектная активность каждого члена команды и не сформулированы рекомендации по работе в творческом коллективе.

Несмотря на перспективный подход в организации и осуществлении дизайн-проекта, не акцентируется форма представления конечного продукта или услуги для тестирования пользователем. Целесообразно в данном случае использовать преимущества цифровой среды, позволяющей наиболее наглядно и выигрышно представить продукт пользователю, продемонстрировать его преимущества.

Следует отметить, что в современном подходе в формировании дизайн-мышления будущего дизайнера немаловажная роль отводится продвижению готового проекта и продукта на основе использования одного из инструментов маркетинга – сторителлинга, позволяющего коммуницировать с потребителем на принципах доверия, донести грамотно и эффективно до пользователя оригинальность и значимость созданного дизайн-продукта.

В новом подходе актуальным является и заложенная итерационность процесса, реализуемая в ходе проектирования от раннего прототипа к конечному с доработкой выявленных недостатков и проблем, с последовательным улучшением и совершенствованием создаваемого дизайн-продукта, доводя его до соответствия заданным критериям. Однако в данных разработках не сформулированы критерии соответствия готового прототипа требованиям пользователя.

В соответствии с вышеописанными нововведениями, конечным продуктом рассматриваемого подхода выбран прототип, а не готовый продукт, что является более оптимальным и экологичным решением жизненного цикла нового дизайн-продукта, так как в данном случае производится только тот продукт, который будет приобретен пользователем. При этом исключается чрезмерная заготовленность складов и необходимость утилизации нереализованного товара, более рациональное использование ограниченных высококвалифицированных трудовых ресурсов, что в конечном итоге отразится на качестве выпускаемой продукции.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Таким образом, целью данного исследования является формирование путей совершенствования профессиональной подготовки бакалавров-дизайнеров костюма в условиях современного подхода к дизайн-проектированию.

Постановка задания.

Сформировать образовательный алгоритм современного подхода к дизайн-образованию, позволяющего усовершенствовать профессиональную подготовку бакалавров-дизайнеров; скорректировать индикаторы общепрофессиональных компетенций на примере ОПК-3, ОПК-4 с позиций современного подхода к дизайн-образованию.

Используемые методы, методики и технологии.

Теоретические подходы и методы: деятельностный, личностный и системный подходы; библиографический метод, анализ и синтез, методы индукции и дедукции, методы структуризации и обобщений, моделирования.

Эмпирические методы: методы дизайн-исследования: сравнений, системный и типологический, стилистического анализа, методики практико-интегрированного обучения, изучение педагогического процесса в измененных условиях (педагогический эксперимент и опытная проверка выводов исследования в условиях высшей школы).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Предлагается обучение организовать как сквозной процесс в виде дизайн-проекта в рамках проектных дисциплин: «Проектирование костюма», «Выполнение в материале», «Проектная деятельность», различные виды практик (учебной и творческой).

До начала реализации проектной дисциплины на кафедре дизайна и технологий формируется пакет заданий

на проекты (внешние или внутренние).

1. Проведение препроектных исследований, в ходе которых выполняются следующие виды работ:

1.1 Формирование команды. Распределение ролей и функционала.

Известно, что работа в команде эффективна, когда профессионалы, каждый в своей области, собираются вместе для решения интересной сложной задачи, тем самым, усиливая умения и навыки друг друга. Команда проектировщиков может состоять из различного количества специалистов, в зависимости от таких факторов, как сложность проекта, объем выполняемых работ и сроки их выполнения. Однако предлагается в любом проекте определять следующий перечень ролей: модератор (разрабатывает легенду проекта, занимается продвижением проекта и дизайн-продукта, организует технические условия выполнения дизайн-проекта, отслеживает календарный график выполнения проекта, отвечает за сроки выполнения проекта), методолог (собирает исходную информацию по проекту – трендвотчинг, аналоги, профиль потребителя, инновационные технологии, анализ и формулирование гипотез), дизайнер (визуализация проекта, формирование логики, новизны и смысла продукта, прототипирование, создание гайдлайнов, авторский надзор) и технолог (преобразует идеи и визуальные изображения в рабочий прототип, который может тестировать пользователь). Начиная с этапа 1.1 модератор проводит презентацию проекта и начинает поэтапно реализовывать легенду.

1.2. Понимание. Заключается в основательном изучении проблемной области дизайн-проекта. На данном этапе проводится наблюдение за опытом пользователя, опрос его и сбор информации об его физических, эмоциональных и социальных потребностях. Формируется профиль потребителя: особенности внешности, поведения, мышление, эмоциональных и социальных потребностей, используя методы эмпатии, этнографики, автоэтнографики, контекстного интервью и др.

1.3. Фокусировка. На данном этапе проводится сбор, систематизация и анализ поведения пользователя, выявляя главную проблему проводимых исследований. Вся информация размещается на интерактивной доске и доступна каждому члену команды в неограниченном объеме.

2. Этап теоретических исследований, который включает:

2.1 Коллективную генерацию и синтез креативных идей, способов их решения, используя методы дивергенции и конвергенции. Такой подход позволит найти наиболее эффективное решение.

2.2 Визуализацию дизайнером цифрового образа дизайн-продукта с применением актуальных графических продуктов.

3. Процесс прототипирования.

3.1 Апробация. Этап подразумевает создание первоначальной версии проекта, продукта или услуги, что позволяет оценить полученный результат, передать на этап тестирования или, при выявлении существенных недостатков решения, исправить их, переходя вновь к этапу 1.3. Итерация проектных решений продолжается до тех пор, пока прототип не будет полностью удовлетворять требованиям потребителя, отраженным в задании на проект.

3.2 Тестирование. На этом этапе дизайн-проектирования конечный прототип продукта или услуги должен пройти тестирование потребителем. При этом потребитель дает обратную связь, которая анализируется. В случае положительной оценки продукта, изделие передается потребителю, завершается разработка легенды и продвижение продукта. Если со стороны потребителя обнаружены в продукте недостатки, то вносятся требуемые изменения, возвращаясь на один из предыдущих этапов в зависимости от сложившейся ситуации.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, в статье впервые обоснован и реализован один из актуальных подходов к профессиональной подготовке дизайнеров на основе методологии дизайн-мышления. Разработан алгоритм дизайн-образования в современных условиях, который позволил выявить основные этапы процесса проектирования и их содержание, сформировать перечень ролей в творческой проектной команде и определить их ролевые задачи. Сформулированы дополнительные индикаторы для ряда общепрофессиональных компетенций (ОПК-3, ОПК-4), рекомендованных ФГОС 3++ по направлению подготовки Дизайн, направленные на реализацию предложенного образовательного алгоритма, ориентируясь на предложенные в работе содержание этапов дизайн-проектирования и функциональные задачи участников творческой команды.

Полученные результаты исследований апробированы на примере подготовки бакалавров-дизайнеров в ходе выполнения дисциплины «Проектная деятельность» и создания визуальных и рабочих прототипов моделей инклюзивной одежды, что позволяет создавать новые образы жизни человека и сформировать подходы к построению разумного производства для человека с системой объектов будущности.

Данный дизайн-проект завершился созданием конечного прототипа – женской поясной одежды для потребителя с нарушениями опорно-двигательной системы. Задание на проект сформировалось на основании разработанного профиля потребителя в соответствии с видами работ, отраженными на этапе 1.2. Отличительной особенностью данного дизайн-продукта является наличие специальных функциональных элементов, выявленных в ходе исследований этапа 1.3 образовательного алгоритма. В результате спроектирована конструкция технологического узла бокового накладного кармана-портфеля, выполняющего одновременно роль сумки небольшого размера. Опытным путем установлено, что разработанное проектное решение является удобным в эксплуатации, не требует постоянного внимания пользователя к находящимся в нем предметам и не мешает передвижению, что немаловажно для людей, передвигающихся в кресле-коляске. Новизна разработанной женской поясной одежды подтверждена патентом на полезную модель [31].

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Предложенный в работе подход позволит пересмотреть и усовершенствовать профессиональную подготовку дизайнеров с учетом предложенных образовательных инноваций. Разработанный образовательный алгоритм даст возможность перейти на более высокий уровень дизайн-образования, выстроить по-новому структуру и содержание проектных дисциплин для бакалавров направления подготовки Дизайн, что актуализует качество, практико-ориентированность образовательного процесса в ВУЗе и повысит спрос в обществе на квалифицированных специалистов-дизайнеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Sciences of the Artificial, Reissue Of The Third Edition With A New Introduction* By John Laird. ISBN: 9780262537537. 2019. 256 pp.
2. Слесарчук И.А. и др. Комплексный подход к проектированию одежды для людей с повышенными потребностями / И.А. Слесарчук, Л.А. Королева, Т.А. Зайцева // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. Санкт-Петербург. 2019. Т.46. №4. С.64-68.
3. Rikke Friis Dam and Teo Yu Siang. *The Design Thinking Methodology. – Текст: электронный // INTERACTION DESIGN FOUNDATION [caim]. – URL: https://www.impactweek.net/how-we-work/method/?gclid=CjwKCAjwr56IBhAvEiwA1fuqGiNOFDjdHQQOtX_d0X9erKHY70DYDdIN0qvmGgySV7ymS9etbcX4GsBoC8r8QAvD_BwE (дата обращения: 02.08.2021)*
4. Rikke Friis Dam and Teo Yu Siang. *Design Thinking: New Innovative Thinking for New Problems. – Текст: электронный // INTERACTION DESIGN FOUNDATION [caim]. – URL: <https://www.interaction-design.org/literature/article/design-thinking-new-innovative-thinking-for-new-problems> (дата обращения: 02.08.2021)*

5. Rikke Friis Dam and Teo Yu Siang. 5 Stages in the Design Thinking Process. – Текст: электронный // INTERACTION DESIGN FOUNDATION [сайт]. – URL: <https://www.interaction-design.org/literature/article/5-stages-in-the-design-thinking-process> (дата обращения: 02.08.2021)

6. Ditte Hvas Mortensen. Stage 1 in the Design Thinking Process: Empathise with Your Users. – Текст: электронный // INTERACTION DESIGN FOUNDATION [сайт]. – URL: <https://www.interaction-design.org/literature/article/stage-1-in-the-design-thinking-process-empathise-with-your-users> (дата обращения: 02.08.2021)

7. Rikke Friis Dam and Teo Yu Siang. Stage 2 in the Design Thinking Process: Define the Problem and Interpret the Results. – Текст: электронный // INTERACTION DESIGN FOUNDATION [сайт]. – URL: <https://www.interaction-design.org/literature/article/stage-2-in-the-design-thinking-process-define-the-problem-and-interpret-the-results> (дата обращения: 02.08.2021)

8. Rikke Friis Dam and Teo Yu Siang. Stage 3 in the Design Thinking Process: Ideate. – Текст: электронный // INTERACTION DESIGN FOUNDATION [сайт]. – URL: <https://www.interaction-design.org/literature/article/stage-3-in-the-design-thinking-process-ideate> (дата обращения: 02.08.2021)

9. Rikke Friis Dam and Teo Yu Siang. Stage 4 in the Design Thinking Process: Prototype. – Текст: электронный // INTERACTION DESIGN FOUNDATION [сайт]. – URL: <https://www.interaction-design.org/literature/article/stage-4-in-the-design-thinking-process-prototype> (дата обращения: 02.08.2021)

10. Rikke Friis Dam and Teo Yu Siang. Stage 5 in the Design Thinking Process: Test. – Текст: электронный // INTERACTION DESIGN FOUNDATION [сайт]. – URL: <https://www.interaction-design.org/literature/article/stage-5-in-the-design-thinking-process-test> (дата обращения: 02.08.2021)

11. Emily Stevens. What is design thinking, and how do we apply it? – Текст: электронный // in vision [сайт]. – URL: <https://www.invisionapp.com/inside-design/what-is-design-thinking/> (дата обращения: 02.08.2021)

12. Will Fanguy. 4 ways to improve your design thinking process. – Текст: электронный // in vision [сайт]. – URL: <https://www.invisionapp.com/inside-design/ways-improve-design-thinking-process/> (дата обращения: 03.08.2021)

13. Emily Esposito. 9 design thinking tools to try with your team. – Текст: электронный // in vision [сайт]. – URL: <https://www.invisionapp.com/inside-design/design-thinking-tools/> (дата обращения: 03.08.2021)

14. The Design Thinking Methodology. – Текст: электронный // impact week [сайт]. – URL: https://www.impactweek.net/how-we-work/method/?gclid=CjwKCAjwr561BhAvEiwA1fuqGiNOFDjdQOxT_dOx9erKH70DYDDtN0qymGgySV7ymS9etbcX4GsBoC8r8QAvD_BwE (дата обращения: 03.08.2021)

15. Кузьмина О.В. Проблемы и перспективы дизайн-образования. // Дизайн и образование. Материалы 13 межвузовской научно-практической конференции: сборник статей студентов и преподавателей. Москва. 2010. С. 104-116.

16. Бахлова Н.А. Интеграция как фактор построения процесса оценки профессиональных компетенций будущих дизайнеров / Н.А. Бахлова, Е.Н. Ковешникова // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. Ялта: РИО ГПА. 2017. Вып. 56. Ч.1. С.102-110.

17. Ковешникова Е.Н. Педагогические условия формирования художественно-проектной компетенции будущих бакалавров дизайна / Е.Н. Ковешникова, П.А. Ковешников // Актуальные проблемы развития науки и современного образования. Белгород: Издательский дом «Белгород». 2017. С. 434-436.

18. Андросова Э.М. Концепция содержания дизайн-образования в современных условиях // Современная высшая школа: инновационный аспект. Белгород. 2018. Т. 10. № 3. С. 69-74. DOI: 10.7442/2071-9620-2018-10-3-69-74.

19. Микова Т.Е. Педагогические приемы развития компетенции формообразования у бакалавров-дизайнеров. // Педагогическое образование в России. Екатеринбург. 2021. №1. С.55-60.

20. Демьяненко И.Ю. Особенности обучения дисциплинам графического дизайна студентов в рамках подготовки к будущей профессиональной деятельности. // Обзор педагогических исследований. Махачкала. 2021. Т. 3. №3. С.11-14.

21. Дембич Н.Д. Развитие системных проектных подходов ВНИИТЭ в современных технологиях дизайнерского образования. / Н.Д. Дембич, Э.П. Григорьев, О.Г. Яцюк // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. Москва. 2020. 2 (2). С. 143-151.

22. Даниленко О. В. Творческий портрет Омской школы дизайна костюма / О. В. Даниленко, Г. В. Толмачёва // Вестник культуры и искусства. Челябинск. 2019. № 2 (58). С. 113–123.

23. Тимофеева М. Р. Значение пространственного мышления в дизайн-образовании, профиль «Дизайн костюма». Примеры объемного проектирования / М.Р. Тимофеева, Г.В. Толмачёва, Ю.Л. Герасимова, Н.О. Соснина // Международный журнал экспериментального образования. Москва. 2017. № 8. С. 69-74.

24. Шкиль О.С. Цифровая компетентность будущих дизайнеров условиях информатизации и цифровизации дизайн-образования. // Инновационная наука. Уфа. 2021. №4. С. 187-190.

25. Королева Л.Ю. Современные требования к профессиональной подготовке будущих дизайнеров // Современные проблемы науки и образования. Москва. 2014. № 5. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15136> (дата обращения: 13.07.2021)

26. Этапы дизайн-проектирования. – Текст: электронный // StudFiles [сайт]. – URL: <https://studfile.net/preview/2688129/page/5/> (дата обращения: 3.08.2021)

27. Дизайн-мышление. Базовый курс. – Текст: электронный // центр дизайн-мышления [сайт]. – URL: https://dtcenter.ru/dstandards/practitioner_online/?utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_campaign=terekhin&gclid=EA1aIQobChMIq6-IpLzm8QIVmd4YCh0PYQweEAA.YASAAEgKyRPD_BwE (дата обращения: 3.08.2021)

28. Дизайн-мышление. – Текст: электронный // издательство Манн, Иванов и Фербер [сайт]. – URL: <https://www.mann-ivanov-ferber.ru/trend/design-thinking/> (дата обращения: 3.08.2021)

29. Что такое дизайн-мышление и как его применять. – Текст: электронный // Skillbox [сайт]. – URL: https://skillbox.ru/media/design/chto_takoe_dizajn_myshlenie/ (дата обращения: 3.08.2021)

30. Дизайн-мышление в обучении: интересы ученика прежде всего. – Текст: электронный // ЛаЛаЛань [сайт]. – URL: <https://lala.lanbook.com/dizajn-myshlenie-v-obucheni-i-interesy-uchenika-prezhde-vsego> (дата обращения: 3.08.2021)

31. Патент на полезную модель № 166971. Юбка с карманом для женщин с ограниченными двигательными возможностями// Т.А. Зайцева, И.А. Слесарчук. Оpubл. 20.12.2016. Бюл. № 35.

Статья поступила в редакцию 05.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0019

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТА И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 5988-5705

AuthorID: 739419

ORCID: 0000-0002-2635-6051

ИВАНОВА Наталья Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Физического воспитания и спорта»

*Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: nataliaiva67@mail.ru)*

SPIN: 7984-1136

AuthorID: 668507

ORCID: 0000-0002-8775-5726

ПОРУБАЙКО Людмила Николаевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры
«Физической культуры, лечебной физкультуры и врачебного контроля»

*Кубанский Государственный Медицинский Университет
(350063, Россия, Краснодар, улица ул. Митрофана Седина, 4, e-mail: porubaiko50@mail.ru)*

SPIN: 6842-4830

AuthorID: 861828

ORCID: 0000-0002-8018-2224

КОВТУН Римма Ивановна, старший преподаватель кафедры «Физического воспитания и спорта»
*Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: nataliaiva67@mail.ru)*

Аннотация. Основной замысел исследования базируется на модельно-проектировочной деятельности студентов. По показателям уровня физической подготовленности и уровня физического здоровья студенты строят свою собственную модель физического развития. При этом учитываются морфо-функциональные возможности студента. В результате формирования осознанной потребности студентов к двигательной активности, состоящей из адаптационно-диагностического, обучающе-рефлексивного и практико-коррекционного компонентов, разработаны диагностическо-рекомендательные карты. Студент адекватно принимает информацию и на основании целевой установки и проектирует модель своего развития на учебный семестр. Статья адресована педагогической общественности, которая всё яснее начинает понимать свою ответственность за физическое, социальное и психологическое благополучие новых поколений. Становится очевидным, что образовательная система может и должна стать иммунным барьером сохранения индивидуального здоровья и способствовать формированию культуры здоровья молодёжных социальных групп, в том числе и студенчества.

Ключевые слова: студент, физическая культура, здоровье, образ жизни, двигательная активность, методика, содержание, диагностика, карта, рекомендации.

HEALTHY STUDENT LIFESTYLE AND ITS COMPONENTS DURING STUDYING AT THE UNIVERSITY

© The Author(s) 2021

IVANOVA Natalya Gennadyevna, Candidate of Pedagogical Sciences Associate Professor of the
Department «Physical education and sports»
Kuban State Technological University

(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya street, 2, e-mail: nataliaiva67@mail.ru)

PORUBAYKO Lyudmila Nikolaevna, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the
Department of «Physical Education, Physical Therapy and Medical Control»
Kuban State Medical University, RF, Krasnodar

(350063, Russia, Krasnodar, st.Mitrofana Sedin, 4, e-mail: porubaiko50@mail.ru)

KOVTUN Rimma Ivanovna, senior lecturer
Department of «Physical Education and Sports»
Kuban State Technological University

(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya street, 2, e-mail: nataliaiva67@mail.ru)

Abstract. The main idea of the research is based on the model-design activities of students. According to the indicators of the level of physical fitness and the level of physical health, students build their own model of physical development. This takes into account the morpho-functional capabilities of the student. As a result of the formation of students' conscious need for motor activity, which consists of adaptive-diagnostic, teaching-reflexive and practice-corrective components, diagnostic and recommendation cards have been developed. The student adequately accepts information and, on the basis of the target setting, designs a model of his development for the academic semester. The article is addressed to the pedagogical community, which is beginning to understand more and more clearly its responsibility for the physical, social and psychological well-being of new generations. It becomes obvious that the educational system can and should become an immune barrier to preserve individual health and contribute to the formation of a health culture of youth social groups, including students.

Keywords: student, physical culture, health, lifestyle, physical activity, methodology, content, diagnostics, map, recommendations.

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестный факт, что за последние годы в России наблюдается устойчивая тенденция ухудшения здоровья и физического состояния студенческой молодежи. В законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 21.07.2014) говорится о том, что здоровье россиян – важный экономический ресурс страны. Однако качество здоровья населения, в том числе и студентов

вузов, продолжает снижаться. По данным исследований (2016-2021 уч. годы), проводимых в государственных университетах города Краснодара, число студентов, временно отнесенных к специальной медицинской группе, увеличилось с 35,3 % до 38 % от общего числа студентов, поступающих на 1 курс. Можно говорить о многих причинах. Это и низкий уровень жизни человека в России и экологический фактор и качество продуктов, используемых в пищу, но основная причина,

по нашему мнению, – нездоровый образ жизни населения. В основополагающем государственном документе, «Национальной доктрине образования в Российской Федерации», срок реализации которого 2025 год, указано, что государство должно обеспечить всестороннюю заботу о здоровье учащихся и студентов. Вместе с тем в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» отмечается, что необходимым условием формирования новой экономической политики выступает модернизация системы образования – создание условий для воспитания здоровой, счастливой, свободной, ориентированной на труд личности. В стратегических направлениях развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года также говорится о необходимости формирования у молодежи ответственного отношения к своему собственному здоровью и потребности в здоровом образе жизни. «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» также ориентирована на сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности активной жизни, создание условий и формирование мотивации для ведения здорового образа жизни.

Однако работа, проводимая в вузах по формированию у студентов ответственного отношения к собственному здоровью, носит декларативный характер и не дает ожидаемого эффекта.

Одним из требований ФГОС ВО является построение образовательного процесса с учетом индивидуальных, возрастных, психологических, физиологических особенностей и состояния здоровья обучающихся. Следовательно, в процессе физического воспитания и профессионально-прикладной физической подготовки студентов необходимо изыскание ресурсов, имеющихся в системе образования: государственных образовательных стандартах; учебных дисциплинах, направленных на формирование здорового образа жизни; совокупности имеющихся в содержании предмета «Физическая культура» методов и средств обучения, способствующих трансформации знаний по вопросам здорового образа жизни здоровой жизнедеятельности студентов и внедрения приобретенного опыта в этой области в профессиональную деятельность. На сегодняшний день потенциал дисциплин «Профессионально-прикладная физическая культура» и «Физическая культура» практически используется недостаточно. Не следует забывать, что студенты составляют особую социальную группу со специфическими условиями учебного труда и жизни. Это одна из самых многочисленных групп населения с повышенным уровнем риска заболеваний.

Проводимые исследования многих авторов [1-6] восполняют существующий дефицит информации в отношении методов изучения мотивов занятий физкультурно-спортивной деятельностью студентами; конкретизации целей и задач; поиска путей повышения качества занятий. При внесении изменений в учебную программу обучения, позволяющих повысить мотивацию студентов в занятиях физической культурой, может оптимизироваться учебный процесс, увеличиться посещаемость практических занятий и степень удовлетворения студентов ими [7; 8; 9].

Следовательно, в качестве одного из основных компонентов, составляющих успешную физкультурно-оздоровительную деятельность каждого студента, рассматривается ориентация на личную заинтересованность в занятиях физической культурой и спортом [10; 11; 12].

Цель введения в физкультурный процесс диагностическо-рекомендательных карт – приобщение студентов к принципам здорового образа жизнедеятельности [12; 13].

Задачи:

– обучение студента постоянному исследованию внутренней картины собственного здоровья методом самонаблюдения;

– психофизиологический контроль адекватности аэробного тренинга и другой двигательной деятельности;

– личностная ориентация на здоровый образ жизни; непрерывное физическое совершенствование.

МЕТОДОЛОГИЯ

Изначально нами были выбраны группы, где 80 % девушек и 50 % юношей находились в никотиновой зависимости. Ко второму курсу 65 % девушек и 30 % юношей отрицают факты вредных привычек; у 30 % девушек и 10 % юношей наблюдается переутомление, что говорит о неадекватной физической нагрузке. Для большей информативности валелогической модели самосовершенствования считаем необходимым ввести в диагностико-рекомендательную карту пробы Штанге – задержка дыхания на вдохе и Генчи – на выдохе.

Некоторые аспекты хронобиологии мы используем в педагогическом процессе для преодоления «зоны ближайшего развития». Двигательная активность необходима человеку в любом возрасте, но в определенные периоды роста (развития и обновления организма) она не должна быть чрезмерной [1; 3; 5].

У здоровых людей в последние три месяца перед датой рождения отмечается напряжение механизмов адаптации, снижение параметров физической работоспособности и иммунитета, а в последний месяц перед датой рождения отмечается депрессия показателей клеточного иммунитета. Это и есть «зоны риска», когда необходимы профилактические и воспитательные мероприятия. В связи с этим мы считаем необходимым, в некоторых случаях переносить временную сдачу контрольных нормативов.

Ежедневное ортостатическое тестирование с последующей фиксацией в диагностико-рекомендательной карте способствует выявлению скрытых изменений механизмов регуляции со стороны сердечно-сосудистой системы. Практически здоровый человек выполняет ортостатическую пробу без особой заметной для него нагрузки. Однако при скрытой недостаточности системы кровообращения или отсутствии достаточных резервов, ортостаз может оказывать на организм стрессовое воздействие; ортостатическая проба представляет собой разницу частоты сердечных сокращений (ЧСС) в положении лежа и стоя. ЧСС подсчитывается за 1 мин. Аутотренинг охватывает достаточно широкий круг вопросов: психоэмоциональная подготовка спортсменов, идеомоторная тренировка, психологическая десенсибилизация, коррекция эмоционально-волевой сферы и поведения, самовоспитание.

Образовательно-обучающий курс аутотренинга в процессе сохранения и укрепления здоровья основан на освоении стандартных базисных упражнений (общее успокоение, расслабление скелетных мышц, расширение кровеносных сосудов, ослабление дыхания и сердечной деятельности, достижение психофизической релаксации). В процессе педагогического исследования мы обучили студентов составлению формул, способствующих избавлению от вредных привычек (курение, употребление спиртного). В дневнике самосовершенствования существует графа – нарушение режима, где студенты ежедневно фиксировали наличие вредных привычек.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты исследования позволили сделать некоторые обобщения.

Удовлетворительная физическая тренированность наблюдалась у 41,2 % студенток, у 30,3 % – хорошая, у 28,5 % – выявилось переутомление, этому способствовало, вероятно, проявление объективных факторов: недостаточно продолжительный сон, неудовлетворительное самочувствие, питание, стрессовый фактор. Не исключена неадекватность аэробного тренинга.

В период экзаменационной сессии у 60,8 % студенток самочувствие было удовлетворительным, у 21,3 % – хорошим. 17,9 % девушек отметили в своих диагностико-рекомендательных картах плохое самочувствие.

Выявлено снижение продолжительности сна у 30,55 % девушек.

Как во время экзаменов, так и во время каникул все без исключения студентки нарушают общий режим. Мониторинг пульса в покое после сна превышает актуальный пульсовой показатель студенток (ЧСС в покое), зафиксированный в диагностической карте; выявлено снижение аппетита у 32,78 % студенток. Продолжительность сна, снижение аппетита – объективные показатели переутомления студенток.

ОБСУЖДЕНИЕ

Таким образом, в течение месяца студентки занимались физическими упражнениями по примерной аэробной программе сохранения и укрепления здоровья. Согласно записям в картах физкультурные занятия были регулярными – 4–5 раз в неделю. Во время выполнения аэробного тренинга только 20,7 % девушек попадают в «пульсовое окно» примерной аэробной программы сохранения и укрепления здоровья, что говорит о возникших трудностях дозирования физических упражнений.

ВЫВОДЫ

В итоге, анализ диагностическо-рекомендательных карт показал ежедневную запись в течение месяца параметров физиологического состояния девушек во время сессии и каникул; 2 5% студенток запись вели нерегулярно. Частота сердечных сокращений (ЧСС) после сна и в покое в течение 1 мин. соответствовала показателям актуального «уровня физического здоровья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Блужин И.А. Социкультурная среда отечественных и зарубежных вузов как интегральный показатель социализации и воспитания студентов / И.А. Блужин, И.Г. Лучина, Н.Г. Иванова // *Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: материалы II Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020.* – С. 45-48.

2. Иванова Н. Г. Дифференциация двигательных режимов детей 10-12 лет с учетом особенностей физического и психофизиологического статуса: дис.... канд. пед. наук / Иванова Наталья Геннадьевна. – Краснодар. – 2006. – 205 с.

3. Иванова Н.Г. Пути расширения двигательного режима как одного из основных факторов здорового образа жизни студентов / Н.Г. Иванова, Л.Н. Порубайко, Е.А. Козыренко // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2017. – № 4. – С. 116-118.

4. Иванова Н.Г. Личностно-ориентированные технологии, направленные на формирование потребностей в занятиях физической культурой / Н.Г. Иванова, И.Г. Лучина, А.С. Медведева // *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта.* – 2020. – № 4. – С. 181-184.

5. Иванова Н.Г. Здоровьесберегающий потенциал студентов, обучающихся в вузе / Н.Г. Иванова, И.Я. Уразов // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта.* – 2018. – № 3. – С. 154-157.

6. Иванова Н.Г. Личная заинтересованность студентов в физкультурно-оздоровительной деятельности с учетом мотивационно-потребностной сферы // *Этнос и культура в эпоху глобализации: материалы III Международной научной очно-заочной конференции. Краснодар, 2019.* – С. 205-209.

7. Иванова Н.Г. Реализация творческого потенциала через молодежные инновационные проекты / Н.Г. Иванова, В.Н. Хребищев // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта.* – 2020. – № 3. – С. 173-177.

8. Иванова Н.Г. Формирование ценностей здорового образа жизни // *Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: материалы II Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2017.* – С. 342-345.

9. Иванова Н.Г. Формирование потребности в занятиях физической культурой как основной фактор повышения уровня физической подготовленности будущих специалистов / Н.Г. Иванова, Л.Н. Порубайко // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта.* – 2021. – № 1. – С.102-106.

10. Иванова Н.Г. Преобразования на пути становления современной системы профессионального образования: Проблемы и пути их решения / Н.Г. Иванова, Л.Н. Порубайко // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта.* – 2021. – № 3 (193). – С. 135-141.

11. Лучина И.Г. Сознательно-устойчивая и личностно-ориентированная установка на здоровый образ жизни в эпоху глобализации / И.Г. Лучина, Н.Г. Иванова // *Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: материалы II Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020.* – С. 329-332.

12. Лялюк А.В., Синельникова Н.А., Иванова Н.Г. Формирование безопасного и здорового образа жизни в образовательной среде / А.В. Лялюк, Н.А. Синельникова, Н.Г. Иванова // *монография.* – Краснодар. 2018. – 210 с.

13. Носарев В.В. Влияние здорового образа жизни на эффективность образовательного процесса / В.В. Носарев, Н.Г. Иванова // *Филологические и социокультурные вопросы науки и образования:*

материалы III Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2018. – С. 657-665.

Статья поступила в редакцию 21.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 372.32

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0020

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© Автор(ы) 2021

SPIN: 5526-0017

AuthorID: 738079

ResearcherID: AAP-5069-2021

ORCID: 0000-0002-3993-3751

ScopusID: 57195485155

ИВАНОВА Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Педагогика и психологии детства»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: ivanova@yu@cspu.ru)*

SPIN: 8434-8140

AuthorID: 825360

ORCID: 0000-0003-1998-0793

ТЕРЕЩЕНКО Марина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Педагогика и психологии детства»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: tereschenkotn@cspu.ru)*

SPIN: 5722-8526

AuthorID: 675614

ORCID: 0000-0001-8101-4401

ScopusID: 57202212422

АРТЕМЕНКО Борис Александрович, кандидат биологических наук, заведующий кафедрой
«Теории, методики и менеджмента дошкольного образования»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454048, Россия, Челябинск, ул. Омская, 87-19, e-mail: artemenkoba@cspu.ru)*

SPIN: 8076-2262

AuthorID: 502114

ORCID: 0000-0003-1472-9591

ScopusID: 57211658815

ЕВТУШЕНКО Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Педагогика и психологии детства»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: irinav-80@mail.ru)*

SPIN: 9626-7908

AuthorID: 758877

ORCID: 0000-0002-4088-7836

ЧЕЛПАНОВА Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Кафедра английского языка и методики обучения английскому языку»

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: chelpanovaev@cspu.ru)*

Аннотация. В статье изложены результаты исследования вопроса обеспечения психолого-педагогических условий эмоционального благополучия детей среднего дошкольного возраста, представлен анализ различных позиций современных авторов на определение, структуру и характеристики эмоционального благополучия. Авторы обосновывают актуальность исследования указанной проблемы для современной системы дошкольного образования. Представлены результаты исследования с участием 20 детей средней группы и их родителей. Данные говорят о потребности современной теории и практики дошкольного образования в проведении исследований данного направления. Определение состояния эмоционального благополучия детей выявлялось на констатирующем и итоговом этапах исследования. Исследователями представлена динамика изменения психологических состояний детей в процессе реализации ряда психолого-педагогических условий обеспечения эмоционального благополучия современных детей. Обобщение полученных данных позволило авторам сформулировать психолого-педагогические условия обеспечения эмоционального благополучия и психологической безопасности детей среднего дошкольного возраста в дошкольной образовательной организации: а) организация взаимодействия в системе отношений «ребенок-ребенок», «ребенок-педагог», «ребенок-родители»; б) создание развивающей предметно-пространственной среды для организации взаимодействия детей со сверстниками и взрослыми; в) повышение компетентности родителей по вопросам формирования эмоционального благополучия и психологической безопасности детей. Основные рекомендации, к которым пришли исследователи в процессе работы, сформулированы и представлены в выводах данной статьи.

Ключевые слова: психолого-педагогические условия, благополучие, эмоциональное благополучие, дети среднего дошкольного возраста, педагог дошкольного образования, взаимодействие, дошкольное образование, взаимодействие в системе отношений «ребенок-ребенок», «ребенок-педагог», «ребенок-родители», дошкольное образование, развивающая предметно-пространственная среда, компетентность родителей, совместная деятельность, структура эмоционального благополучия детей дошкольного возраста.

PROVISION OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR EMOTIONAL WELL-BEING OF MIDDLE PRESCHOOL CHILDREN

© The Author(s) 2021

IVANOVA Irina Yuryevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department
«Pedagogy and psychology of childhood»

*South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: ivanova@yu@cspu.ru)*

- TERESHCHENKO Marina Nikolaevna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department «Pedagogy and psychology of childhood»
South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: tereshchenkonn@cspu.ru)
- ARTEMENKO Boris Aleksandrovich**, Candidate of Biological Sciences, Head of the Department «Theory, methods and management of preschool education»
South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
(454048, Russia, Chelyabinsk, st. Omskaya, 87-19, e-mail: artemenkoba@cspu.ru)
- EVTUSHENKO Irina Nikolaevna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department «Pedagogy and psychology of childhood»
South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: irinav-80@mail.ru)
- CHELPAANOVA Elena Vladimirovna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department «Department of English and English Language Teaching Methods»
South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, e-mail: chelpanovaev@cspu.ru)

Abstract. The article presents the results of research on the issue of providing psychological and pedagogical conditions for emotional well-being of children of middle preschool age, presents an analysis of various positions of modern authors on the definition, structure and characteristics of emotional well-being. The authors substantiate the relevance of the study of this problem for the modern system of preschool education. The results of a study involving 20 children of the middle group and their parents are presented. The data indicate the need of modern theory and practice of preschool education in conducting research in this area. Determination of the state of emotional well-being of children was identified at the ascertaining and final stages of the study. The researchers presented the dynamics of changes in the psychological states of children in the process of implementing a number of psychological and pedagogical conditions for ensuring the emotional well-being of modern children. Generalization of the obtained data allowed the authors to formulate psychological and pedagogical conditions for ensuring emotional well-being and psychological safety of children of middle preschool age in a preschool educational organization: a) organization of interaction in the system of relations «child-child», «child-teacher», «child-parents»; b) the creation of a developing subject-spatial environment for organizing the interaction of children with peers and adults; c) increasing the competence of parents in the formation of emotional well-being and psychological safety of children. The main recommendations that the researchers came to during their work are formulated and presented in the conclusions of this article.

Keywords: psychological and pedagogical conditions, well-being, emotional well-being, children of secondary preschool age, preschool teacher, interaction, preschool education, interactions in the system of relations «child-child», «child-teacher», «child-parents», preschool education, developing subject-spatial environment, parental competence, joint activities, the structure of emotional well-being of preschool children.

ВВЕДЕНИЕ

Определение общей проблемы и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Современное дошкольное образование решает проблему обеспечения условий полноценного физического и умственного развития детей дошкольного возраста. Согласно разделу 1.6 Федерального образовательного стандарта дошкольного образования, дошкольные образовательные организации должны реализовывать одну из ведущих задач – защиту и укрепление психического здоровья детей, в том числе их эмоционального благополучия [1].

Современный гиперинформационный мир оказывает на ребенка мощнейшее влияние. Данный факт актуализирует необходимость учета всех условий социализации, в том числе, и негативных – напряженный ритм жизни, негативное влияние средств массовой информации, эмоциональные перегрузки и выгорание, стрессы, демонстрация агрессии, раздражительности, эмоциональной несдержанности со стороны взрослых и сверстников. Негативному влиянию и разного рода отклонениям в первую очередь подвержена эмоциональная сфера детей. В этой связи психологами и педагогами фиксируются тревожности, страхи, трудности в совместной деятельности с другими людьми, проблемы в коммуникации, нарушения самооценки и прочие проблемы у детей дошкольного возраста. Следовательно, коллектив любой дошкольной образовательной организации (далее – ДОО) в процессе реализации образовательных программ должен решать задачи создания и реализации психолого-педагогических условий, способствующих формированию эмоционально благополучной личности дошкольника.

Анализ последних исследований и публикаций, использованных авторами для освещения различных аспектов проблемы, и выявление тех частей общей проблемы, которые ранее не были решены.

В контексте современных проблем, решаемых психологией и педагогикой, значимость исследования проблемы обеспечения условий эмоционального благополучия детей дошкольного возраста обретает новые перспективы. Современная социальная ситуация развития общества актуализирует проблему обеспечения эмоционального благополучия детей дошкольного возраста, также данная проблема привлекает внимание исследователей в области педагогики, психологии. В психологии раскрывается сущность эмоций и эмоциональной сферы личности (В.К. Виллюнас, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, К.Е. Изард, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн и др.). В работах О.И. Бадулиной, К.А. Вологиной, О.А. Воробьевой, Л.В. Доманецкой, Е.И. Изотовой, А.Д. Кошелевой, Г.А. Урунтаевой, И.В. Фаустовой, Г.Г. Филипповой и других рассматриваются условия и характеристики эмоционального благополучия детей дошкольного возраста. Несмотря на актуальность исследуемой проблемы, считаем необходимым отметить, что в научном поле не выработан единый подход относительно трактования термина «эмоциональное благополучие» и условий его формирования, в том числе, с учетом требований «Федерального государственного стандарта дошкольного образования». Данный факт свидетельствует о недостаточной изученности процесса формирования чувства эмоционального благополучия у детей дошкольного возраста.

Возникает противоречие между:

- социальным заказом, выражающимся в направленности образовательного процесса на создание условий эмоционального благополучия детей дошкольного возраста и наблюдаемом состоянии организации изучаемого процесса в дошкольной образовательной организации (далее – ДОУ);
- наличие достаточного количества теоретического материала по проблеме эмоционального благополучия дошкольников и отсутствие методической литературы

по созданию условий эмоционального благополучия дошкольников с учетом современных требований.

В основе современного образования лежит требование Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования об обеспечении условий для формирования у дошкольников субъективного благополучия [1]. Данное положение усугубляет потребность детской психологии и дошкольной педагогики в изучении и решении проблемы формирования субъективного благополучия ребенка дошкольного возраста.

Логика изложения данной статьи требует проведения анализа базового понятия «благополучие». Нам интересна позиция К. Рифф, которая в понятие «благополучие» вводит следующие компоненты: «автономия, контроль над окружением, личностный рост, позитивные отношения с другими, цели в жизни и самопринятие» [2]. В отечественной психологии проблему субъективного благополучия разрабатывали Л.В. Куликов, Р.М. Шамионов. Л.В. Куликов вводит в содержание благополучия социальное, духовное, физическое (телесное) и психологическое благополучие [3]. Другими элементами наполняет понятие «благополучие» Р.М. Шамионов, понимая его как удовлетворенность собой, жизнью, деятельностью, социальными отношениями [4].

Таким образом, следует отметить, что благополучие многокомпонентное, интегративное понятие, которое наполнено следующими составляющими: чувство удовлетворенности, комплекс позитивных эмоций, сопровождающих деятельность, уверенность в своих силах, мотивация на достижение успеха, способность и готовность быть самостоятельным, активным, инициативным, творчески созидательным. Представленные выше характеристики указывают на возможность проявления человеком себя как субъекта выборов, организации, контроля деятельности и отношений.

Благополучие может быть представлено рядом элементов:

а) эмоциональное благополучие: положительные эмоции, чувство удовлетворения результатами своей деятельности;

б) межличностное благополучие: позитивные отношения с окружающими людьми (родителями, педагогами, коллегами);

в) благополучие в деятельности – удовлетворенность результатами разных видов деятельности, мотивация к успеху [5].

Эмоциональный компонент в структуре благополучия личности подчеркивается многими авторами (О.Ю. Данилова, Л.В. Доманецкая, А.Д. Кошелева, М.В. Рагулина, И.В. Фрайфельд). Рассмотрим различные трактовки ключевого понятия нашего исследования:

– положительное, стабильное и комфортное самочувствие; опыт удовольствия, успеха (А.В. Запорожец и др.) [6].

– стабильное, позитивное и комфортное эмоциональное состояние ребенка, лежащее в основе отношения ребенка к миру и влияющее на характеристики переживаний, эмоционально-волевою, когнитивную сферу, особенности проживания стрессовых ситуаций и отношения со сверстниками (А.Д. Кошелева и др.) [7].

– чувство доверия, защищенности, способствующее нормальному развитию личности ребенка, развитию положительных качеств, доброжелательного отношения к окружающим (Г.А. Урунтаева и др.) [8].

– комплекс внутренних проявлений: преимущественно позитивное настроение, незначительные признаки стресса или его отсутствие, нормативный уровень тревожности и страхов, адекватная самооценка, способность к эмпатии (И.В. Фаустова и др.) [9].

Анализ различных подходов к определению эмоционального благополучия показал, что под этим термином понимается положительное эмоциональное состояние ребенка дошкольного возраста, включающее ощущения комфорта, защищенности, успешности, отсутствия

негативных эмоциональных проявлений (страх, тревожность).

Структура эмоционального благополучия детей дошкольного возраста по-разному раскрывается в научных исследованиях. По мнению Г.Г. Филипповой, в структуре эмоционального благополучия (неблагополучия) дошкольника существует пять основных характеристик, которые представляют собой континуум между положительным и отрицательным полюсами:

1) чувство удовольствия (неудовольствия) как содержание преобладающего фона настроения;

2) способы реагирования на успех (неудачу) в достижении цели;

3) проживание комфорта как отсутствия внешней угрозы (дисконфорта);

4) ощущение комфорта в присутствии других людей и в ситуациях взаимодействия с ними;

5) отношение к внешней оценке результатов деятельности ребенка [10].

А.Д. Кошелева выделяет следующие составляющие: а) настроение ребенка, его динамика в течение дня в детском саду; б) успешность деятельности и переживание ее как успешной; в) отсутствие эмоций страха, чувства опасности, тревожности; г) стремление к общению со сверстниками и педагогами; д) проявление интереса к различным видам деятельности [7].

Эмоциональное благополучие ребенка, по мнению И.В. Фаустовой, можно исследовать, опираясь на ряд внутренних проявлений, и представлены они следующими компонентами: а) преимущественно позитивное настроение; б) низкий уровень признаков стресса или их отсутствие; в) нормативный уровень страхов и тревог; г) адекватная самооценка; д) способность сопереживать [9].

Е.В. Иванова, И. Шаповаленко рассматриваются составляющие эмоционального благополучия детей:

а) личностные характеристики (достаточно высокая самооценка, уверенность в себе, удовлетворенные потребности, наличие мотивации и интереса, элементарных ценностных представлений);

б) эмоционально-волевая сфера (преобладание положительных эмоций, низкая агрессивность, тревожность, низкий уровень страхов);

в) коммуникативные навыки (высокий уровень готовности к взаимоотношениям с детьми, взрослыми, способность сопереживать);

г) особенности поведения и деятельности (низкий уровень фантазирования, активность в образовательной и свободной деятельности, умение играть, самоконтроль, низкий уровень импульсивности);

д) состояние физического здоровья (отсутствие невротических проявлений) [11].

Для нашего исследования интересна позиция Е.И. Изотовой, которая представляет в качестве показателей эмоционального благополучия дошкольников: эмоциональные переживания и опыт дошкольника; наличие у ребенка фактора эмоционального напряжения; имеющиеся у него знания и представления о чувствах, эмоциях; эмоциональное поле ребенка; его эмоциональный стиль; экспрессивность (мимическая выразительность) ребенка [12].

О.И. Бадулина в структуре эмоционального благополучия выделяет такие характеристики, как приподнятое настроение, улыбка и жесты, выражающие расслабленность, открытость; стремление вступать в общение и совместные игры с другими детьми. [13].

На наш взгляд интересно мнение И.О. Карелиной, которая считает, что эмоциональное неблагополучие ребенка характеризуют следующие показатели:

1) Неустойчивость и неадекватность эмоциональной реакции. Эмоционально неблагополучные дети демонстрируют недостаточно организованное, неконтролируемое поведение. Отмечается у данной категории детей проблема с контролем эмоциональных реакций и

их проявлений (интенсивность, уместность).

2) Наличие беспокойства. У ребенка, находящегося в состоянии эмоционального стресса отмечается повышенная раздражительность, напряжение, скованность, страх чего-то нового, неизвестного, необычного, сомнения, предчувствие проблем, ошибок, неудач, недоброжелательства со стороны значимых взрослых людей.

3) Наличие страхов, превышающих возрастную норму, не связанных с возрастом и мешающих нормальной жизни детей. К данной группе относят детей, испытывающих эмоциональный стресс. Дети испытывают страхи, не имеющие ничего общего с конкретным объектом или ситуацией и проявляющиеся как бессмысленный и иррациональный страх.

4) Низкая самооценка. Эмоционально неблагополучные дети имеют низкую самооценку, которая проявляется в болезненном восприятии любой критики, присутствии страха перед новыми задачами. У данной категории детей отмечается низкая мотивация к деятельности [14].

Идее нашего исследования адекватно определение И.В. Фрайфельд [15], где эмоциональное благополучие характеризуется положительно окрашенным эмоциональным состоянием ребенка, сопровождающееся ощущением комфорта, защищенности, успешности. Основными условиями, обеспечивающими эмоционального благополучия детей, автор обозначает следующие: удовлетворение фундаментальных потребностей в безопасности, любовь, принадлежность, самовыражение, общение.

МЕТОДИКА

Формирование целей статьи (постановка задания).

Обобщая изложенное выше, сформулируем цель статьи – рассмотреть проблему обеспечения психолого-педагогических условий эмоционального благополучия детей среднего дошкольного возраста.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Исследование проводилось с участием 20 детей средней группы детского сада и их родителей.

Эмоциональное благополучие детей оценивалось по следующим критериям:

– положительное эмоциональное состояние (методика «Паровозик» С.В. Валиева);

– отсутствие негативных эмоциональных проявлений (тревожность) (методика «Выбери нужное лицо» Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен);

– наличие социальных эмоций (методика «Изучение социальных эмоций» Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты исследования по методике «Паровозик» показали, что у 20 % детей выявлено позитивное эмоциональное состояние, при выборе карточек они выбирали в основном яркие цвета. Негативное эмоциональное состояние низкой степени выявлено у 55 % детей, средней степени – у 25 % детей. Из 20 человек, прошедших тестирование, 15 % были детьми с высокой тревожностью, 45 % с умеренной тревожностью и 40 % с низкой тревожностью. У детей с высоким уровнем тревожности во время тестирования наблюдались тревога и нервозность. Наблюдалась повышенная двигательная активность: один ребенок грыз ногти, качал ногами, другой – накручивал волосы на пальцы, прикусывал нижнюю губу. Дети со средним уровнем тревожности в процессе тестирования либо вообще не проявляли признаков повышенной тревожности, либо у некоторых из них отмечались отдельные слабо выраженные маркеры тревожных состояний. В результате проведенного наблюдения выявлено, что социальные эмоции сформированы на высоком уровне только у 15 % дошкольников, которые положительно относятся к сверстникам, проявляют к ним положительные эмоции, стремление к взаимодействию. Средний уровень выявлен у 50 %, низкий – у 35 % детей. Треть детей отличаются агрессивностью, конфликтно-

стью, проявлением негативных эмоциональных реакций по отношению к сверстникам (крик, плач).

Обобщив результаты по всем трем методикам, мы определили уровень эмоционального благополучия всех детей группы:

– у 25 % детей высокий уровень эмоционального благополучия, у них положительное эмоциональное состояние, низкий уровень тревожности и высокий уровень сформированности социальных эмоций;

– 50 % детей показали средний уровень эмоционального благополучия, для них характерно проявление эпизодически негативных эмоций, наличие тревожности, а также недостаточная сформированность социальных эмоций;

– низкий уровень эмоционального благополучия наблюдался у 25 % детей, эти дети отличаются негативным эмоциональным состоянием, повышенной тревожностью, проявлением агрессивности, конфликтности в процессе взаимодействия со сверстниками.

Таким образом, результаты исследования показали, что у дошкольников средней возрастной группы проявляются симптомы эмоционального неблагополучия, в связи с чем проводилась работа по реализации психолого-педагогических условий для обеспечения эмоционального благополучия дошкольников. Состояние эмоционального благополучия, психологической безопасности формируются в системах «ребенок-педагог», «ребенок-родители», «ребенок-сверстники» при условии адекватности выстраивания взаимоотношений в вышеуказанных структурах. Неадекватность взаимоотношений может привести к противоположным явлениям, появлению эмоционального неблагополучия, нарушению состояния психологической безопасности.

Мы полагаем, что эмоциональное благополучие и, одновременно с ним, психологическая безопасность детей дошкольного возраста в пространстве дошкольной образовательной организации могут быть обеспечены следующими психолого-педагогическими условиями: а) организации взаимодействия в системе отношений «ребенок-ребенок», «ребенок-педагог», «ребенок-родители»; б) создании развивающей предметно-пространственной среды для организации взаимодействия детей со сверстниками и взрослыми; в) повышении компетентности родителей по вопросам формирования эмоционального благополучия и психологической безопасности детей.

Рассмотрим первое условие – организация взаимодействия в системе отношений «ребенок-ребенок», «ребенок-педагог», «ребенок-родители». Авторы М.И. Лисина, Т.А. Репина и др. считают, что удовлетворение потребности в достаточном и качественном общении со взрослыми и сверстниками выступает одним из основных условий эмоционального благополучия детей. Конкретизацию данного условия производит О.И. Бадулина. Автор отмечает, что необходима организация взаимодействия детей друг с другом, руководством педагогом деятельностью ребенка, включая формирование положительной оценки и самооценки, и организация взаимодействия детей и родителей в совместных видах деятельности [13]. В различных видах совместной деятельности – игровой, продуктивной, трудовой – формируются навыки взаимодействия и сотрудничества детей. Взаимодействие детей в совместной деятельности характеризуется следующими умениями: умение ставить цель совместной деятельности, стремление достигать ее совместными усилиями, потребность соблюдать нравственно-этические нормы поведения, умение сдерживать собственные негативные эмоции и чувства, готовность и способность находить конструктивные выходы из сложившихся трудных ситуаций; умение использовать имеющиеся знания и навыки для организации совместной деятельности.

Ранее мы отмечали, что взаимодействие детей может происходить в форме игр, совместной трудовой дея-

тельности, отдыха, развлечений, экспериментирования, конструирования, творческой деятельности и проч. Все указанные формы совместной детской деятельности характеризуются возрастной адекватностью и позволяют реализовать потребность в общении и сотрудничестве, а также обеспечить эмоциональное благополучие детей. Наиболее эффективным видом деятельности, формирующим навыки сотрудничества у дошкольников, является игра. В игре дети имитируют, копируют деятельность взрослых, пытаются таким образом казаться более взрослыми, умелыми, знающими. Играя с ровесниками, организуя совместную деятельность, дети учатся взаимодействовать, управлять своим поведением, контролировать свои эмоции.

Одним из факторов, влияющих на эмоциональное мироощущение и мировосприятие ребенка, выступает влияние других детей, взаимодействующих с ним, данный эффект распространяется и на его эмоционально-мотивационное развитие и обеспечение эмоционального благополучия. Роль сверстника и процесс организации педагогом взаимодействия в системе отношений «ребенок-ребенок», в этой связи, невозможно недооценивать в процессе обеспечения психолого-педагогических условий эмоционального благополучия детей в дошкольной организации. Нам видится, что формирование и поддержание взрослыми доброжелательных, дружеских и позитивных отношений в группе детей, их потребности совместно организовывать и реализовывать различные виды деятельности, содействует развитию коммуникативных умений, навыков коллективной работы, формирует у детей готовность и способность выстраивать конструктивные взаимоотношения со сверстниками, миролюбиво разрешать конфликты. В этой связи функция воспитателя заключается в обеспечении оптимальных условий для взаимодействия детей в разных видах деятельности, которые можно полноценно реализовать средствами адекватного обустройства развивающей предметно-пространственной среды группы и детского сада, созданием спокойной, доброжелательной атмосферы в группе, ритмичной сменой видов и форм организации жизнедеятельности детей, формированием адекватных просоциальных норм и ценностей у детей.

Процесс общения педагога с каждым ребенком в группе, содействующий эмоциональному благополучию детей, предполагает полное принятие чувств каждого ребенка, адекватную работу воспитателя с эмоционально-чувственной сферой детей, внимание к потребностям и интересам детей, создание условий для их максимальной реализации в пространстве детского сада, создание атмосферы доверительных, позитивных, теплых отношений, уважительное отношение к каждому, а также включенность в реализацию данных идей всеми специалистами детского сада.

Педагогическая поддержка воспитателем детской инициативы в выборе видов деятельности и партнеров по взаимодействию, необходимых материалов и ресурсов, самостоятельности, целеустремленности выступает одним из ориентиров во взаимодействии с детьми. При работе с детьми решаются следующие задачи: развивать способность воспринимать и понимать свои чувства и чувства других людей, социальные эмоции и чувства, позволяющие ребенку конструктивно взаимодействовать с детьми разного возраста и взрослыми; обучать эмоциональной регуляции поведения и общения; содействовать овладению детьми способами адекватного реагирования на различные обстоятельства жизни и произвольного контроля эмоций.

Обеспечение эмоционального благополучия ребенка средствами взаимодействия с родителями ориентировано на оптимизацию и укрепление детско-родительских отношений средствами просвещения, а также активизацию и включение родителей в подготовку, проведение мероприятий и ежедневную жизнедеятельность детей в детском саду. Также данное направление реализует пси-

холого-педагогическое сопровождение семьи, предполагающее педагогическое просвещение, консультирование родителей, оказание им конкретной адресной помощи, особенно актуальной в адаптационный период и ребенка, и семьи к условиям дошкольной образовательной организации, которое позволяет снизить стрессогенность ситуации, справиться с острыми переживаниями разлуки детей и родителей [17]. Современными воспитателями используется достаточно большое количество разных форм взаимодействия всех участников образовательных отношений (совместные досуги, праздники, развлечения, участие в конкурсах, выставках, проектная деятельность, волонтерство, акции и проч.), применимость и эффективность которых оценивается с учетом возможностей детского сада и запросов, потребностей, особенностей, включенности семьи в процесс воспитания своих детей. Эти формы работы дают возможность для организации деятельности дошкольников совместно с родителями в условиях дошкольной образовательной организации.

Вторым условием обеспечения эмоционального благополучия, на наш взгляд, выступает создание развивающей предметно-пространственной среды для организации взаимодействия детей со сверстниками и взрослыми. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования в пункте 3.2.5 определяет требования к развивающей предметно-пространственной среде, которая должна быть содержательной, трансформируемой, многофункциональной, вариативной, доступной и безопасной, обеспечивать эмоциональное благополучие детей, взаимодействующих с данной средой [1]. Использование ширм, организация уголков «удинения» и «приватности», цветовое решение в дизайне комнаты помогут обеспечить индивидуальный комфорт ребенка. Для поддержания эмоционального баланса детей необходимо использовать материалы и игровое оборудование, способствующее снятию психоэмоционального напряжения и снижению уровня негативных эмоций. Например, созданный в группе центр «Воды и песка». Здесь дети изучают различные свойства предметов, удовлетворяют познавательный интерес, а главное снижают эмоциональное напряжение, ослабляют уровень агрессии, а возможно и проигрывают беспокорящие их ситуации.

Важно расширять знания детей об эмоциях, учить распознавать и понимать эмоции других и собственные эмоциональные состояния, а также вербализовать их [21; 22]. Сегодня в группах оформляют уголок развития эмоциональной сферы детей. В нем могут использоваться пиктограммы эмоций, детские фотографии с изображением различных эмоциональных состояний, игры по развитию эмоциональной сферы, «мешочки настроения», «стаканчики для криков», а также доска «Мое настроение», на которой дети ежедневно отображают свое настроение в символической форме: «смайлики», цвета и др. Наличие в предметно-пространственной среде различных массажных мячей, варежек и рефлекторных дорожек, благотворно влияет на снятие мышечных зажимов и эмоционального напряжения. Упражнения и игры с таким оборудованием помогают укрепить физическое здоровье, а также создают условия для приобретения позитивного эмоционального опыта общения с ровесниками и педагогами. При помощи массажных варежек дети проводят самомассаж и взаимомассаж, что вызывает шквал положительных эмоций, создает хорошее настроение. Включение массажных ковриков и дорожек в игры (точечный массаж стоп) помогает сохранить и укрепить здоровье и обеспечить релаксацию детей.

На психоэмоциональное состояние дошкольников благоприятно влияет изобразительная деятельность. Рисование способствует адекватному выражению детьми своих эмоциональных переживаний, беспокойств, страхов и гнева. В связи с этим, важным является организация зоны изобразительной деятельности в группе

для обеспечения условий эмоционального благополучия детей дошкольного возраста, в соответствии с требованиями нормативной документации и с учетом возрастных особенностей детей. Центры сенсорики и мелкой моторики, речевые уголки также являются неотъемлемыми атрибутами в предметно-пространственной среде групповых помещений. Пазлы, шнуровки, сенсорные панно, оборудование для дыхательной гимнастики и т.д., позволяют укреплять физическое здоровье, развивать моторику и речевой аппарат детей, вызывают положительные эмоции, развивают произвольность поведения [23; 24].

Поддержанию положительного эмоционального фона и психологической безопасности способствует применение музыкального сопровождения различных видов детской деятельности и режимных моментов. Спокойная, релаксационная музыка способствует физическому и психическому расслаблению детей и позволяет переключить детей с негативных переживаний на позитивные, и, наоборот, некоторые активные, ритмичные музыкальные композиции пробуждают активность, тонизируют. Следовательно, предметно-пространственная среда должна обеспечивать условия для полноценного развития дошкольников, их индивидуального комфорта, психологической безопасности, эмоционального благополучия.

Третьим условием нашего предположения является идея о повышении компетентности родителей по вопросам формирования эмоционального благополучия и психологической безопасности детей. Необходимость взаимодействия с родителями в дошкольной образовательной организации обозначена в Федеральном законе «Об образовании в РФ». Родители в настоящее время выступают партнерами и активными субъектами образовательного процесса, что качественно изменяет условия взаимодействия педагогов и семьи [1]. Выше мы обращали внимание на необходимость психолого-педагогического просвещения родителей. Акцентируем внимание на том, что для формирования педагогической компетентности родителей в вопросах эмоционального благополучия детей педагогам необходимо проектировать и реализовывать просветительскую деятельность с семьей в следующих направлениях: формирование у родителей представлений о сущности эмоционального благополучия детей, о структуре эмоционального благополучия, о причинах и условиях формирования положительных, доверительных отношений между детьми и родителями, важности детско-родительских отношений. В работе с родителями могут быть использованы традиционные формы (родительские собрания, просмотр открытых занятий, организация и проведение совместных мероприятий, информационный уголок для родителей), и разнообразные нетрадиционные формы, представленные ниже в данной статье [9].

Среди форм взаимодействия с родителями особое место занимает консультирование. В практике работы дошкольной образовательной организации используются как групповые, так и индивидуальные формы консультирования. К различным формам родительского консультирования относят:

а) наглядные консультации для создания условий эмоционального развития детей (памятки, буклеты, брошюры, стенды, инфоматы, интерактивные панели и др.);

б) устные консультации по проблемам эмоционального благополучия детей и оптимизации детско-родительских отношений: беседы по текущим проблемам, ознакомление родителей с результатами диагностической работы, митап-встречи, круглые столы с приглашением других специалистов дошкольной образовательной организации (педагог-психолог, социальный педагог, инструктор по физической культуре), а также специалистов других сфер (психотерапевт, физиотерапевт и др.);

в) дневник для родителей: индивидуальные задания для выполнения дома, рекомендации родителям по ре-

жиму дня, питанию, игровой деятельности, организации досуга и другие вопросы.

Активно практикуемыми воспитателями являются различные занятия (семинары и практикумы в форме дискуссии, игры, тренинга), проектная деятельность, взаимодействие посредством информационных технологий (электронная газета). К условиям консультирования родителей в ДОО относятся: формирование у родителей мотивации к сотрудничеству с педагогами в области воспитания детей; использование инновационных форм и методов сотрудничества педагогов с родителями по воспитанию детей; создание комплекса индивидуальных консультаций по преодолению нарушений детско-родительских отношений.

ОБСУЖДЕНИЕ

Повторная диагностика оценки эффективности психолого-педагогических условий, определенных нами в ходе исследования, позволила произвести сравнительный анализ данных. Результаты исследования с использованием методики «Паровозик» показали, что у 70 % детей выявлено позитивное эмоциональное состояние, при выборе карточек они выбирали в основном яркие цвета. Негативное эмоциональное состояние низкой степени выявлено у 20 % детей, средней степени – у 10 % детей.

Высокий уровень тревожности на контрольном этапе опытно-поисковой работы не выявлен, у 40 % – средний уровень, у 60 % – низкий. Наблюдалось изменение данных, полученных о низком уровне тревожности, процентное соотношение изменилось следующим образом: с 40 % на констатирующем этапе до 60 % на контрольном этапе.

В результате проведенного наблюдения выявлено, что социальные эмоции сформированы на высоком уровне у 60 % дошкольников, которые положительно относятся к сверстникам, проявляют к ним положительные эмоции, стремление к взаимодействию. Средний уровень выявлен у 30 %, низкий – у 10 % детей.

Обобщив результаты диагностики по трем методикам, мы определили уровень эмоционального благополучия всех детей группы:

– высокий уровень эмоционального благополучия был отмечен у 50 % детей, характеризуется положительным эмоциональным состоянием, низким уровнем тревожности и высоким уровнем сформированности социальных эмоций;

– у 40 % детей средний уровень эмоционального благополучия, для них характерно проявление эпизодически негативных эмоций, наличие тревожности, а также недостаточная сформированность социальных эмоций;

– у 10 % детей низкий уровень эмоционального благополучия, эти дети отличаются негативным эмоциональным состоянием, повышенной тревожностью, проявлением агрессивности, конфликтности в процессе взаимодействия со сверстниками.

Динамика результатов исследования представлена на следующей диаграмме (Рис. 1).

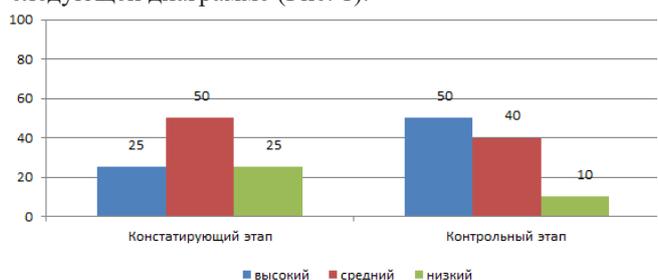

Рисунок 1 – Динамика уровней эмоционального благополучия детей среднего дошкольного возраста (количество детей в %)

Результаты показывают, что в группе увеличилось количество детей с высоким уровнем эмоционального благополучия – с 25 % на констатирующем этапе до 50

% на контрольном этапе.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что у детей среднего дошкольного возраста значительно улучшились показатели эмоционального благополучия – преобладание положительного эмоционального состояния, снижение уровня тревожности, повышение уровня сформированности социальных эмоций. Полученные данные свидетельствуют о том, что реализованные психолого-педагогические условия являются эффективными и способствуют формированию эмоционального благополучия дошкольников.

Данные подтверждают необходимость работы в данном направлении. Дальнейшее направление исследования может быть посвящено изучению особенностей и возможностей взаимодействия всех участников образовательного процесса, включая узкопрофильных специалистов, медицинских работников, педагогов дополнительного образования, семьи и прочих субъектов образовательных отношений дошкольной образовательной организации в решении проблемы обеспечения эмоционального благополучия детей среднего дошкольного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования // Дошкольное воспитание. 2014. № 2. С. 4-18.
2. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
3. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. С. 476-510.
4. Шамионов Р.М. Самосознание и субъективное благополучие личности // Современные проблемы общей и социальной психологии. М., 2009. С. 41-47.
5. Юрчук В.В. Современный словарь по психологии. М.: Современное слово, 2018. 768 с.
6. Запорожец А.В. Об эмоциях и их развитии у ребёнка // Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста: Психологические исследования / под ред. А.В. Запорожца, Я.З. Неверович. М.: Педагогика, 1986. С. 7-32.
7. Кошелева А.Д. Эмоциональное развитие дошкольников / А.Д. Кошелева, В.И. Перегуда, О.А. Шаграева. М.: Академия, 2003. 176 с.
8. Урунтаева Г.А. Практикум по детской психологии / Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина. М.: Просвещение, 1995. 291 с.
9. Фаустова И.В., Гамова С.Н. Эмоциональное благополучие ребенка-дошкольника как предпосылка развития его эмоциональной устойчивости // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. С. 32-39.
10. Филиппова Г.Г. Эмоциональное благополучие ребенка и его изучение в психологии // Детский практический психолог. М., 2001. С. 195.
11. Иванова Е.В., Шаповаленко И.В. Комплексная оценка эмоционального благополучия дошкольника // Актуальные проблемы психологического знания. 2016. № 2. С. 23-35.
12. Изотова Е.И., Никифорова Е.В. Эмоциональная сфера ребенка: Теория и практика. М.: Академия, 2004. 288 с.
13. Бадулина О.И. Эмоциональное благополучие детей как фактор готовности к школе // Начальное образование. 2012. № 5. С. 27-31.
14. Карелина И.О. Проблема эмоционального благополучия дошкольника. Рыбинск, 2010. 29 с.
15. Фрайфельд И.В. Проблема формирования эмоционального благополучия у детей дошкольного возраста // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 2. С. 221-223.
16. Комарова А.Ю., Терещенко М.Н., Евтушенко И.Н., Иванова И.Ю. Формирование основ материнства у девочек старшего дошкольного возраста // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 135-137.
17. Иванова И.Ю. Просветительская деятельность в дошкольном образовании: теоретические основы. Челябинск: Изд-во ФГБОУ ВО «ЮрГГПУ», 2019. 196 с.
18. Батенкова Ю.В., Долгова В.И., Емельянова И.Е., Иванова И.Ю., Пикунева Л.К., Филиппова О.Г. Готовность к информационному взаимодействию субъектов образовательного процесса // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 34-46.
19. Горшунова И.В., Иванова И.Ю. Отцовская депривация как фактор нарушения психологической безопасности / В сб.: Психология семьи в современном мире. Екатеринбург, 2017. С. 119-122.
20. Иванова И.Ю., Евтушенко И.Н., Артеменко Б.А. Реализация компетентностного подхода в процессе подготовки студентов к просветительской деятельности в дошкольной образовательной организации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 111-114.
21. Шульгина Е.В., Терещенко М.Н., Емельянова И.Е.

Педагогические условия формирования основ ценностно-смысловой сферы личности ребенка на этапе дошкольного детства // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 253-256.

22. Мартынова Г.А. Теоретические подходы к исследованию эмоционального благополучия детей дошкольного возраста // Наука через призму времени. 2019. № 11 (32). С. 53-55.

23. Иванова И.Ю., Евтушенко И.Н., Артеменко Б.А. К вопросу подготовки студентов педагогического вуза к просвещению родителей по развитию координационных способностей детей дошкольного возраста // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 5 (171). С. 131-137.

24. Евтушенко И.Н., Иванова И.Ю., Артеменко Б.А., Терещенко М.Н., Пермякова Н.Е. К вопросу об организации здоровьесберегающей среды в дошкольных образовательных организациях // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 7 (185). С. 108-113.

25. Иванова И.Ю., Беломестнова М.Е. Осмысление проблемы профессионального самоопределения будущих педагогов в области физической культуры и спорта // Спортивно-педагогическое образование. 2021. № 1. С. 39-45.

26. Иванова И.Ю., Евтушенко И.Н. Исследование процесса взаимодействия семьи и дошкольной организации в вопросах развития координационных способностей у детей старшего дошкольного возраста // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 3 (169). С. 111-115.

27. Соколова О.В. Изучение эмоционального благополучия детей старшего дошкольного возраста в условиях детского сада // Вестник научных конференций. 2018. № 8-2 (36). С. 102-103.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» в рамках научного проекта «Развитие эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста с учетом гендерных различий» договор № ШК-019-21 от 26.03.2021

Статья поступила в редакцию 23.06.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 371.38

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0021

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

КОННЕКТИВИЗМ – ОБУЧЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 777287

SPIN: 5121-8467

ORCID: 0000-0003-3039-9609

ИТИНСОН Кристина Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: bkristina89@gmail.com)*

Аннотация. Обучение с помощью социальных сетей стало одним из самых популярных и успешных методик среди студентов. Автор отмечает, что самообучение позволяет студентам активно участвовать в процессе обучения, обучаться в свободной атмосфере в любом месте, в любой час. Самыми яркими зарубежными представителями теории коннективизма являются Стефен Даунс, который работает в области онлайн-обучения, интернет-синдикации и новых средств массовой информации, и Джордж Сименс – заместитель директора по технологиям обучения в университете Манитобы. Автор выступает за открытость и связанность обучения в сети Интернет, онлайн-обучение и обмен знаниями через веб-страницы, а также утверждает, что в процессе такого обучения Интернет-устройства становятся важным средством обучения, так как предоставляют преподавателям и учащимся доступ к глобальным ресурсам и онлайн-инструментам. Цель статьи состоит в изучении теории коннективизма и анализе возможных вариантов применения основных принципов коннективизма в современном образовательном процессе с помощью цифровых технологий. Автор установил, что концепция сети занимает видное место в теории коннективизма, которая характеризует знания как поток информации, проходящей через сети людей и артефактов. Сеть соединяет объекты (узлы), в качестве которых могут выступать отдельные лица, группы, системы, ресурсы или сообщества. В рамках теории коннективизма социальные сети выступают в качестве средства коммуникации, сотрудничества и творческого самовыражения, преподаватель является экспериментатором, который дает свободу действий студентам и призывает учащихся эффективно использовать цифровые технологии. Коннективистский подход позволяет учащимся использовать ресурсы, которые открыты и находятся в свободном доступе в сети Интернет. В заключение автор приходит к выводу, что в то время, как коннективизм является востребованным направлением в методике, однако требует дальнейшего внедрения и тестирования. Конечно же нельзя отрицать тот факт, что одной теории может быть недостаточно для обучения в сетях с поддержкой информационных технологий, так как важную роль по-прежнему будет играть преподаватель, который направляет и контролирует образовательный процесс, а зачастую оценивает полученные студентами знания.

Ключевые слова: цифровые технологии, интернет, социальная сеть, самообучение, информационные технологии, коннективизм, сетевое обучение, онлайн-обучение, интернет-устройства, непрерывное обучение, информация, электронная образовательная среда, коммуникация.

CONNECTIVISM - TEACHING IN THE DIGITAL AGE

© The Author(s) 2021

ITINSON Kristina Sergeevna, candidate of pedagogical sciences, senior lectures of the department of foreign languages

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: bkristina89@gmail.com)*

Abstract. Social media education has become one of the most popular and successful techniques among students. The author notes that self-study allows students to actively participate in the learning process, study in a free atmosphere anywhere, at any hour. The most prominent foreign representatives of the theory of connectivism are Stephen Downs, who works in the field of online learning, Internet syndication and new media, and George Siemens, deputy director of learning technologies at the University of Manitoba. The author advocates the openness and connectivity of Internet learning, online learning and knowledge sharing through web pages, and also argues that in the process of such learning, Internet devices become an important means of learning, as they provide teachers and students with access to global resources and online tools. The purpose of the article is to study the theory of connectivism and analyze possible options for applying the basic principles of connectivism in the modern educational process using digital technologies. The author found that the concept of the network occupies a prominent place in the theory of connectivism, which characterizes knowledge as a flow of information passing through networks of people and artifacts. A network connects objects (nodes) that can be individuals, groups, systems, resources, or communities. As part of the theory of connectivism, social networks act as a means of communication, cooperation and creative expression, the teacher is an experimenter who gives freedom of action to students and encourages students to effectively use digital technologies. The connective approach allows students to use resources that are open and freely available on the Internet. In conclusion, the author concludes that while connectivism is a popular area in the methodology, however, it requires further implementation and testing. Of course, there is no denying the fact that theory alone may not be sufficient for learning in information technology networks, since a teacher who directs and monitors the educational process, and often evaluates the knowledge gained by students, will continue to play an important role.

Keywords: digital technology, internet, social network, self-learning, information technology, connectivism, network learning, online learning, internet devices, continuous learning, information, electronic educational environment, communication.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

С появлением цифровых технологий теории обучения меняются очень быстро. События, связанные с пандемией COVID-19, и сеть интернет фундаментально изменили процесс обучения, так как образовательный процесс теперь может происходить онлайн вне

учреждения. Быстро появляются новые области преподавания и обучения, которые сформировали новый способ мышления. Обучение стало пожизненным и непрерывным процессом, который происходит после получения обязательного образования в школах, колледжах, университетах.

В современном мире учащиеся уже не являются пассивными потребителями информации. Обучение с помо-

щью социальных сетей стало одним из самых популярных и успешных методов среди студентов. Они считают, что такой способ обучения носит не только мотивирующий, но и неформальный характер, что более подходит для современной молодежи. Саморегулируемое обучение или самообучение позволяет студентам активно участвовать в процессе обучения, обучаться в свободной атмосфере в любом месте, в любой час.

Преподаватели по всему миру пытаются интегрировать обучение, как формальное, так и неформальное, с информационными технологиями. С развитием андрагогики, эмпирического обучения, с появлением и распространением цифровых технологий во всей нашей повседневной жизни и стиранием границ, когда происходит обучение, появился коннективизм.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

Самыми яркими зарубежными представителями теории коннективизма являются Стефен Даунс, который работает в области онлайн-обучения, интернет-синдикации и новых средств массовой информации в институте информационных технологий в Канаде, и Джордж Сименс – заместитель директора по технологиям обучения в университете Манитобы [1; 2]. Авторы выступают за открытость и связанность обучения в сети Интернет, онлайн-обучение и обмен знаниями через веб-страницы. Теории коннективизма уделяют внимание и отечественные авторы [3-10].

Обосновывается актуальность исследования.

Взаимодействие с людьми и использование ресурсов онлайн происходит не только на работе или на учебе, но и даже по пути на работу, учебу или домой. В процессе такого обучения Интернет-устройства становятся важным средством обучения, так как предоставляют преподавателям и учащимся доступ к глобальным ресурсам и онлайн-инструментам.

МЕТОДИКА

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель статьи состоит в изучении теории коннективизма и анализе возможных вариантов применения основных принципов коннективизма в современном образовательном процессе с помощью цифровых технологий.

Используемые методы, методики и технологии.

В статье использованы методы комплексного теоретического и описательного.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

В отличие от существующих теорий коннективизм подтверждает, что обучение может происходить снаружи, вне стен университета. В основе этой теории лежит понимание того, что любое решение, принятое в один момент времени, может быстро измениться под воздействием каких-либо факторов. Новая информация непрерывно появляется и сохраняется. Важнейший элемент в теории коннективизма – развивать способность различать важную и ненужную информацию [11].

Концепция сети занимает видное место в теории коннективизма, которая характеризует знания как поток информации, проходящей через сети людей и артефактов. Сеть соединяет объекты (узлы), в качестве которых могут выступать отдельные лица, группы, системы, ресурсы или сообщества. Джордж Сименс проводит исследования вокруг совместного выполнения когнитивных задач между людьми и технологиями, автор оценивает влияние теорий сетей, сложности и хаоса, а также определяет принципы коннективизма [12-15]:

- обучение и знания основаны на многообразии мнений;
- обучение – это процесс соединения специализированных узлов или источников информации;
- обучение может быть реализовано с помощью

устройств;

- стремление получать больше информации и знаний является ключевым;

- необходимо развивать и поддерживать связи, способствующие непрерывному обучению;

- способность видеть связи между различными направлениями, идеями и концепциями является важным умением;

- принятие решений само по себе является процессом обучения. Хотя сейчас есть правильный ответ на решение какой-то задачи, завтра он может быть неправильным из-за меняющихся условий, влияющих на принятие решения.

В рамках коннективизма развивается новое направление в методике преподавания, где контроль переходит от учителя (преподавателя) к учащимся. Коннективизм стремится переопределить обучение в различных контекстах, изменить теорию обучения для цифровой эпохи [16]. Это одна из самых известных из сетевых теорий обучения, которые были разработаны для электронной образовательной среды. Популярность этого направления реализовалась в виде разработки и использования массовых открытых онлайн-курсов (МООК).

Непрерывное обучение по требованию становится образом жизни в современном обществе, так как учащиеся постоянно ищут информацию, чтобы решить проблему на работе, в школе или просто удовлетворить любопытство. Для выполнения этих целей учащиеся используют преимущества цифровых и сетевых технологий не только для поиска информации, но и для обмена информацией. Таким образом, студенты и школьники не являются пассивными потребителями информации, они являются активными сопроизводителями контента [17]. Кроме того, обучение в контексте социальных сетей стало в высшей степени самодостаточным, автономным и неформальным, а также неотъемлемой частью опыта высших и средних образовательных учреждений в условиях пандемии COVID-19. Примеры востребованных социальных сетей приведены на рисунке 1: Twitter, Facebook, Instagram, Youtube, Zoom, Вконтакте.

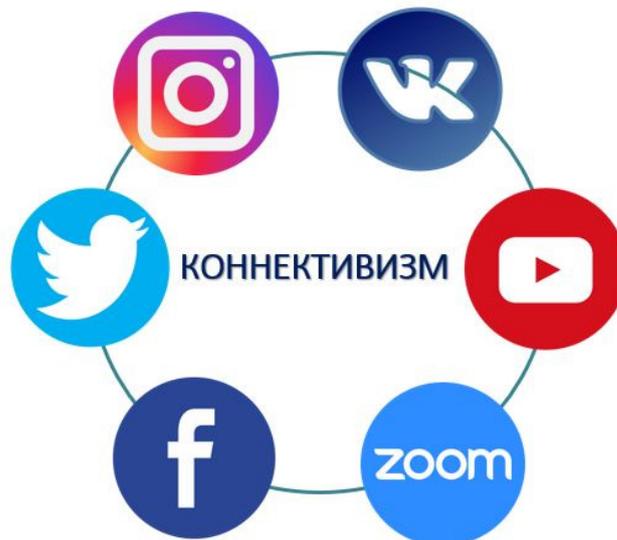

Рисунок 1 – Применение социальных сетей в рамках теории коннективизма

В настоящее время в рамках теории коннективизма социальные сети выступают в качестве средства коммуникации, сотрудничества и творческого самовыражения. Теория коннективизма использует социальные сети в качестве наиболее важного и мощного инструмента обучения. Преподаватель является экспериментатором, который дает свободу действий студентам и призывает учащихся эффективно использовать цифровые технологии. Коннективистский подход позволяет учащимся использовать ресурсы, которые открыты и находятся в

свободном доступе в сети Интернет. Преподаватели, которые используют коннективизм в своей методике, должны придерживаться следующих рекомендаций [18-20]:

- следить за блогами и страницами современных преподавателей, которые внедряют цифровые технологии в образовательный процесс;
- экспериментировать с веб-сервисами и различными инструментами, которые могут обогатить процессы преподавания и обучения соответственно;
- делиться и совместно использовать ресурсы через блоги, вики, инстаграм и другие социальные сети;
- поощрять студентов использовать сеть Интернет для образовательных целей;
- четко формулировать концепцию коннективизма для студентов, с тем чтобы они могли использовать его в собственном независимом обучении.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Привлекательность и доступность теории коннективизма делает её востребованной инновацией для педагогов в своей практике. Студенты и преподаватели имеют возможность экспериментировать с воплощением своих мыслей и идей на блогах и дискуссионных форумах, размышляя и обсуждая полученную информацию. Преподаватели являются участниками сети знаний, блогов, вики и других ресурсов, которые они могут использовать в качестве образовательных средств для своих учеников. Таким образом, преподаватели используют теорию коннективизма, чтобы выбрать свою собственную индивидуальную методику обучения.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Данное исследование доказало, что с помощью простых методов и правил можно успешно внедрять в учебный процесс принципы коннективизма. Это возможно без полного отрицания существующей традиционной парадигмы обучения. Предоставление узлов, построенные соединений, обучение, ориентированное на учащихся – главные задачи обучения, построенного на теории коннективизма.

Студенты занимаются своими проектами, консультируются со своей группой товарищей, что создает атмосферу самообучения. Они учатся выявлять сходства и различия между их пониманием и ожиданиями и мнениями других студентов. Студенты следуют своим собственным методам и способам обучения, а преподаватели осознают, что современные студенты являются цифровыми аборигенами, которые тратят меньше времени на сбор информации, больше на синтез информации, построение новых знаний и применение чему они научились.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Дальнейшего изучения требуют вопросы применения теории коннективизма для изучения различных областей и дисциплин студентами. В то время как коннективизм является востребованным направлением в методике, однако требует дальнейшего внедрения и тестирования. Конечно же нельзя отрицать тот факт, что одной теории может быть недостаточно для обучения в сетях с поддержкой информационных технологий, так как важную роль по-прежнему будет играть преподаватель, который направляет и контролирует образовательный процесс, а зачастую оценивает полученные студентами знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мележик К.А., Петренко А.Д. Технологические инновации в обучении иностранным языкам – от коннективизма к гиперконнективности // *Филология: научные исследования*. 2021. №1. С. 11-22.
2. Винник Д.В. «Непрозрачный» разум: нейрокомпьютеры и онтологические претензии коннективизма // *Философия науки*. 2017. № 4(75). С. 74-89.
3. Итинсон К.С. Web 3.0- технологии в образовании и научных исследований // *Карельский научный журнал*. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 22-24.
4. Ломаско П.С., Симонова А.Л. U-learning – повсеместное

электронное обучение в XXI веке: на пути к коннективизму и смарт-образованию // материалы I Международной научной конференции «Человек, семья и общество: история и перспективы развития». 2016. С. 293-297.

5. Соболева Е.И. Применение принципов коннективизма в реальной учебной ситуации // *Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КУБГУ»*. 2016. № 4. С. 552-560.

6. Чиркова В.М. Роль образовательных информационных средств в процессе преподавания иностранных языков в высших учебных заведениях // *Региональный вестник*. 2020. № 6 (45). С. 65-67.

7. Шкаленко А.В. Общественные отношения Индустрии 4.0: специфика потребностей и особенности развития // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 11. С. 45-49.

8. Василевская Е.В. Сетевая школа методиста: особенности, преимуществ, принципы работы // *Школьные технологии*. 2015. № 5. С. 33-40.

9. Василевская Е.В. Сетевой подход в профессиональном развитии педагога и студента в системе среднего профессионального образования // *Профильная школа*. 2016. Т. 4. № 1. С. 18-26.

10. Девдариани Н.В., Рубцова Е. В. Цели, задачи и структура онлайн-тренажера по обучению грамматике английского языка // *Карельский научный журнал*. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 25-27.

11. Archana Shrivastava Using connectivism theory and technology for knowledge creation in cross-cultural communication // *Research in Learning Technology* Vol. 26, 2018. <http://dx.doi.org/10.25304/rlt.v26.2061>

12. Connectivism: a network theory for teaching and learning in a connected world // *Language Testing*. 2018. № 35(2). P. 161-192.

13. Siemens, G. Connectivism: A learning theory for the digital age. <http://www.elearnspace.org/articles/connectivism.htm>.

14. Downes, S. An Introduction to Connective Knowledge. <http://www.downes.ca/cgi-bin/page.cgi?post=33034>

15. Downes, S. Recent work in connectivism // *European Journal of Open, Distance and e-learning*. Vol.22 / No.2-2019 DOI: 10.2478/eurodl-2019-0014

16. Utecht, J., Keller D. Becoming relevant again: applying connectivism learning theory to today's classroom // *Critical Questions in Education* 10:2. 2019. P.107-119.

17. Muelheck, J., Smith, C., & Allen, J. Understanding the advising learning process using learning taxonomies // *NACADA Journal*. No. 34(2). 2014. P.63-74.

18. Siemens, G. Special Issue - Connectivism: Design and Delivery of Social Networked Learning // *International Review of Research in Open and Distance Learning*. 2011. No. 12(3). P. 1-5.

19. Joao A. Mattar Constructivism and Connectivism in Education Technology: Active, Situated, Authentic, Experiential, and Anchored Learning // *Boise State University*. 2010. P. 1-16.

20. Kop, R., & Hill, A. Connectivism: Learning theory of the future or vestige of the past? *The International Review of Research in Open and Distance Learning*. 9(3). 2018. Retrieved from <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/523/1137>.

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 004.9:378.147:61
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0022

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ, ПРАВИЛА, СТРАТЕГИЯ

© Автор(ы) 2021
AuthorID: 777287
SPIN: 5121-8467
ORCID: 0000-0003-3039-9609

ИТИНСОН Кристина Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: bkristina89@gmail.com)*

AuthorID: 538937
SPIN: 1324-6140
ORCID: 0000-0002-5212-772X

ЧИРКОВА Вера Михайловна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры «Русского языка и культуры речи»

*Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: michutka.2010@yandex.ru)*

Аннотация. Обеспечение безопасности данных и конфиденциальности учащихся является чрезвычайно сложной задачей для образовательных учреждений по всему миру. Нарушения кибербезопасности в образовательных организациях могут быть вызваны как внешними злоумышленниками, так и внутренними угрозами. Авторы статьи обратили внимание, что переход многих образовательных учреждений на дистанционный формат особенно остро поставил вопрос о противодействии различным киберугрозам, нависшим над информационно-образовательным пространством вузов. В статье авторы рассмотрели основные угрозы кибербезопасности, которым могут подвергнуться образовательные учреждения, а также разработали надежную стратегию кибербезопасности для минимизации риска кибератак и эффективной защиты личных данных студентов, преподавателей, сотрудников образовательного учреждения. Информированность является первым шагом в сокращении числа краж личных данных и возникновении информационных угроз в высшем образовательном учреждении, так как большинство студентов и преподавателей считают, что уникальных паролей достаточно для сохранения конфиденциальности личной информации. Практической значимостью статьи является разработка правил безопасного хранения данных, которых следует придерживаться, чтобы противостоять киберэкстремизму в вузе. В статье использованы методы комплексного теоретического и описательного анализа. В заключение авторы приходят к выводу, что осведомленность в вопросах кибербезопасности является особенно важным фактором для студентов и преподавателей в высших учебных заведениях, так как личные данные учащихся подвергаются большему риску. Авторы отмечают, что студенты и преподаватели не получают надлежащей подготовки по вопросам безопасности в интернете, поэтому высшим учебным заведениям еще предстоит реализовать комплексный подход к обеспечению безопасности и этики в сети Интернет.

Ключевые слова: безопасность данных, кибербезопасность, конфиденциальность, средства коммуникации, киберэкстремизм, информационные технологии, киберугроза, информационно-образовательное пространство, киберпространство, фишинг, информированность, стратегия, хакер, аутентификация, несанкционированный доступ.

CYBERSECURITY IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: AWARENESS, RULES, STRATEGY

© The Author(s) 2021

ITINSON Kristina Sergeevna, candidate of pedagogical sciences, senior lectures of the department of foreign languages

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: bkristina89@gmail.com)*

CHIRKOVA Vera Michailovna, candidate of pedagogical sciences, senior lecturer of the department of «Russian language and speech culture»

*Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: michutka.2010@yandex.ru)*

Abstract. Ensuring data security and student privacy is extremely challenging for educational institutions around the world. Cybersecurity violations in educational organizations can be caused both by external intruders and internal threats. The authors in the article drew attention to the fact that the transition of many educational institutions to a remote format especially sharply raised the question of countering various cyber threats hanging over the information and educational space of universities. In the article, the authors considered the main cybersecurity threats that educational institutions can face, and also developed a robust cybersecurity strategy to minimize the risk of cyber attacks and effectively protect the personal data of students, teachers, and employees of the educational institution. Awareness is the first step in reducing identity theft and information threats in a higher educational institution, since most students and teachers believe that unique passwords are enough to preserve the privacy of personal information. The practical significance of the article is the development of rules for the secure storage of data, which should be adhered to in order to counter cyber extremism at the university. The article uses methods of complex theoretical and descriptive analysis. In conclusion, the authors conclude that cybersecurity awareness is an especially important factor for students and teachers in higher education institutions as students' personal data are at greater risk. The authors note that students and teachers do not receive adequate training in Internet security, so higher education institutions must implement an integrated approach to Internet security and ethics.

Keywords: data security, cybersecurity, privacy, communications, cyber extremism, information technology, cyber threat, information and education space, cyberspace, phishing, awareness, strategy, hacker, authentication, unauthorized access.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Обеспечение безопасности данных и

конфиденциальности учащихся является чрезвычайно сложной задачей для образовательных учреждений по всему миру. Нарушения кибербезопасности в образовательных организациях могут быть вызваны

как внешними злоумышленниками, так и внутренними угрозами.

Кибербезопасность в образовании заключается в просвещении пользователей (школьников, учителей, студентов, преподавателей) о потенциальных рисках, с которыми они сталкиваются, когда используют такие средства коммуникации, как социальные сети, чаты, онлайн-игры, электронная почта и мгновенные сообщения. Поэтому главная задача средних и высших учебных заведений состоит в информировании современных учащихся о рисках, связанных с активной деятельностью в киберпространстве, о факторах, препятствующих образовательному процессу, и о важности кибербезопасности учебных программ, документов, которые используются преподавателями [1-3].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

В.И. Алескерев и В.В. Баранов рассматривают насколько опасен экстремизм в сети Интернет для современного социума. Авторы проводят анализ методов, которые используются в мире для борьбы с экстремистской деятельностью в реальной жизни и виртуальном пространстве. Определив актуальные практики и подробно изучив их, они приходят к выводу о том, что во всех странах мира противодействие экстремизму является комплексной задачей [4].

Причем, учитывая стремительное развитие современной мировой информационной системы, все большее количество молодежи становится подвержено негативным проявлениям со стороны пользователей сети Интернет, принимающих формы киберэкстремизма. В настоящее время эта проблема касается не только учащихся высших учебных заведений, но и средних общеобразовательных школ. Об этом говорится в статье А. Байтеряковой «Профилактика киберэкстремизма в системе школьного образования» [5].

О.А. Степанова, Г.А. Диденко и О.Н. Шварцкоп исследуют проблему формирования готовности обучающихся колледжа к противодействию вовлечения в киберэкстремистскую деятельность. Данная категория учащихся, по их мнению, находится в группе риска из-за своих психологических характеристик и высокой информационной активности. Авторами рассматривается реализация процессуального компонента методики формирования готовности обучающихся IT-специальностей, который интегрирует в себе методы обучения, организационные формы учебного процесса и средства обучения [6].

Обосновывается актуальность исследования.

Актуальность рассматриваемой темы основана на повсеместном внедрении современных информационных технологий в образование и повышении требований к содержанию интернет-контента. С началом пандемии Covid-19 и переходом многих образовательных учреждений на дистанционный формат особенно остро стал вопрос о противодействии различным киберугрозам, нависшим над информационно-образовательным пространством вузов. Обеспечение безупречной безопасности данных необходимо для предотвращения угроз кибербезопасности, соблюдения нормативных требований, сведения к минимуму вероятности утечки данных и сохранения репутации и доверия к учебному заведению.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель данной статьи состоит в рассмотрении основных угроз кибербезопасности, которым могут подвергнуться образовательные учреждения, а также разработке надежной стратегии кибербезопасности для минимизации риска кибератак и эффективной защиты личных данных своих пользователей (учащихся, преподавателей, сотрудников образовательного учреждения).

Используемые методы, методики и технологии.

Для достижения поставленной цели были выявлены и подробно рассмотрены правила безопасного хранения данных в образовательных учреждениях, которые необходимо соблюдать, чтобы не подвергнуться киберэкстремизму. В качестве методологии исследования был выбран комплексный теоретический и описательный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Компьютеры, устройства связи, а также пользователи вместе образуют киберпространство. Технологические достижения способствуют распространению киберпространства, которое стало неизбежной частью человеческой жизни. Киберпространство также является неотъемлемой частью системы среднего и высшего образования.

Образовательная система находится на стадии изменений, переход от обычного образования к интеллектуальному, от традиционного к онлайн-обучению. Следовательно, внедрение информационно-коммуникационных технологий в систему образования стало необходимым, что подразумевает, что киберпространство будет оставаться постоянным компонентом системы образования. Потенциальные преимущества использования киберпространства в процессе преподавания и обучения влекут за собой и опасности, связанные с неосторожностью обучающихся [6].

Каждый студент легко получает доступ к интернету с помощью компьютеров или мобильных телефонов, поэтому угрозы кибербезопасности в высшем образовании могут исходить из самых разных источников [7-10]:

- 1) скачивание бесплатных учебников из подозрительных ресурсов, которые могут принести вредоносное ПО в компьютерные сети учреждения;
- 2) угрозы, связанные с электронной корпоративной почтой, такие как фишинг, цель которого заключается в получении доступа к конфиденциальным данным пользователей, их логинам и паролям;
- 3) незащищенные личные устройства, которые могут сделать беспроводную сеть образовательного учреждения уязвимой;
- 4) целевые кибератаки на учебные заведения, например, DDoS-атаки, способные полностью или частично вывести из строя интернет-ресурс;
- 5) вредоносные и непреднамеренные инсайдеры.

Студенты могут быть подвержены воздействию материалов в сети Интернет, которые не предназначены для них, такие как порнографические видеоролики, видео про насилие, курение, употребление наркотиков, самоубийство и другие формы самоповреждения и т.д. Студенты могут получить доступ к таким материалам с помощью электронной почты и социальных сетей. Там же учащиеся могут делиться своей личной информацией с чужими людьми, что может привести к серьезным последствиям [11-15].

Когда студенты или преподаватели пользуются своей электронной почтой, банковской учетной записью или же записью в социальных сетях, они совершенно не думают о кибербезопасности, о тех видах деятельности, за счет которых хакеры зарабатывают на жизнь. Они не задумываются, что киберугрозы реальны, и, конечно, не знают, что делать в сложившейся ситуации кражи личных данных или фишинговых атак.

Информированность является первым шагом в сокращении числа краж личных данных и возникновения информационных угроз. Большинство студентов и преподавателей считают, что если у них есть уникальный пароль, то они защищают свои аккаунты достаточно, чтобы не беспокоиться об угрозах кибербезопасности. Однако уникальных паролей недостаточно для сохранения конфиденциальности личной информации. Большинство хакеров имеют хорошие знания и технологии, чтобы расшифровать чужие пароли и заполучить

ценную информацию [17].

Самым неприятным исходом любой атаки на учебное заведение являются финансовые потери, которые могут состоять из штрафов за несоблюдение требований кибербезопасности и затрат на восстановление после атаки.

Защита личных данных учащихся и сотрудников важна не только из-за потенциальных финансовых потерь, но и из-за важности сохранения репутации. Плохая огласка может отпугнуть потенциальных абитуриентов и помешать сотрудничеству с государственными организациями в совместной деятельности в различных исследовательских проектах.

Образовательным организациям необходимо приложить много усилий для эффективной защиты личных данных своих пользователей. Учитывая огромное количество законов и стандартов, применимых к образовательному сектору, выполнение основных требований кажется сложной задачей. Однако данный процесс можно упростить, создав надежную стратегию кибербезопасности [18].

Первым шагом в разработке вышеназванной стратегии будет тщательная оценка рисков, которая начинается с определения всех ценных данных, хранящихся и обрабатываемых образовательным учреждением. Необходимо определить важную информацию, которую нужно защитить в первую очередь. Затем следует обратить внимание на возможные угрозы кибербезопасности как снаружи, так и внутри образовательной организации. Следующий немаловажный этап заключается в оценке уже работающих мер защиты и тщательный поиск слабых мест [19; 20].

Уделять внимание безопасности хранимых данных необходимо, чтобы минимизировать риск их компрометации. Существуют правила безопасного хранения данных, которых следует придерживаться дабы противостоять киберэкстремизму:

- Регулярное выполнение резервного копирования данных. Даже если хакер или злоумышленник успешно извлекает данные, резервные копии помогут командам по кибербезопасности подтвердить, какие системы и приложения были скомпрометированы, а также восстановить поврежденные или удаленные данные.

- Обновление программного обеспечения, особенно антивирусных инструментов. Устаревшее программное обеспечение может содержать известные хакерам уязвимости.

- Закрытие доступа к конфиденциальным данным учащихся, преподавателей и сотрудников. Личные данные студентов и преподавателей должны быть доступны только для сотрудников службы безопасности и информационной поддержки.

- Применение методов шифрования данных для защиты важной информации от хакеров и злоумышленников.

- Безопасный доступ к сетям учебного заведения с помощью механизма многофакторной аутентификации для улучшения процесса авторизации и предотвращения несанкционированного доступа со стороны хакеров.

- Назначение директора по информационной безопасности, отвечающего за выполнение требований безопасности, оценку рисков, проведение регулярных аудитов безопасности, проверку изменений требований соответствия и реагирование на потенциальные инциденты, также является распространенной и полезной практикой среди высших учебных заведений.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Осведомленность в вопросах кибербезопасности является особенно важным фактором защиты данных для студентов и преподавателей в высших учебных заведениях. Личная информация учащихся подвергается большому риску из-за количества времени, потраченного на

интернет. Особенно это заметно, когда студенты учатся на онлайн-платформах или онлайн-курсах. Так как они проводят много времени, используя интернет для различного рода исследований и поиска учебной информации, общения с другими студентами и участия в классных мероприятиях, они являются идеальной целью для хакеров.

Большинство исследователей пришли к выводу, что студенты и преподаватели не получают надлежащей подготовки по вопросам безопасности в интернете, поэтому высшим учебным заведениям еще предстоит реализовать комплексный подход к обеспечению безопасности и этики в сети Интернет в рамках разных ступеней образования. Информационные технологии меняются каждый день, потенциальные риски также повышаются, и очень важно обеспечить обучение студентов и преподавателей вопросам сохранности персональных данных и информации.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Передовые технологии второй половины XXI века выдвинули вопросы глобализации и информатизации образования, которые постоянно обсуждались в последние годы. Современный мир, в том числе образовательный, становится более ярким и информативным благодаря информационно-коммуникационным технологиям. В эпоху глобализации информационная безопасность в киберпространстве является одной из важнейших задач, так как кибермошенники все больше угрожают человечеству.

Что касается высших учебных заведений, обучение студентов и преподавателей вузов по вопросам кибербезопасности и защиты данных важно не только для их личной безопасности, но и для обеспечения нашего безопасного будущего. Технологии продолжают меняться и поэтому учебная программа должна меняться вместе с ними. Кибербезопасность, возможно, является самой сложной интеллектуальной профессией во всем мире. Поэтому вузы должны обучать студентов информационным технологиям в образовании, кибербезопасности для будущей безопасной деятельности образовательных учреждений.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Дальнейшего изучения требуют вопросы, связанные с расширением механизмов противодействия различным угрозам, в том числе идеологии киберэкстремизма, а также основные механизмы информационной безопасности учебного заведения (фильтрация и мониторинг) с точки зрения входящего и исходящего потока данных. Необходимо разработать единые рекомендации по использованию программных продуктов, обеспечивающих защиту информации для различных конфигураций оборудования учебных заведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамова Я. Искусственный интеллект на страже кибербезопасности // *Директор информационной службы*. 2017. №10. С.12.
2. Шимко М.В. Системы сбора информации в аспекте кибербезопасности // *Молодой ученый*. 2018. №18 (204). С.28-39.
3. Кулик С. Тупики кибербезопасности // *Еврейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2018. №48 (64). С. 2-4.
4. Алескеров В.И., Баранов В.В. *Международный опыт противодействия проявлениям экстремизма в сети Интернет // Академическая мысль*. 2021. № 2 (15). С. 122-128.
5. Байтерякова А. Профилактика киберэкстремизма в системе школьного образования // *Теория и практика современной науки*. 2016. № 11 (17). С. 57-61.
6. Степанова О.А., Диденко Г.А., Шварцкоп О.Н. *Методические аспекты формирования готовности обучающихся IT-специальностей педагогического колледжа к противодействию вовлечению в киберэкстремистскую деятельность // Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 244-247.
7. Кузьмин В.В. *Стратегии кибербезопасности стран мира и цифровая дипломатия // Студенческая наука и XXI век*. 2018. №16-1. С.205-207.
8. Буряк В.В. *Проблематика кибербезопасности в информационном обществе // Юридический факт*. 2018. №32. С.25-31.
9. Гришин М.Н. *Кибербезопасность. Средства и методы крип-*

тографической защиты информации // материалы XIX региональной научно-практической конференции «Молодежь XXI века: шаг в будущее». 2018. С.175-176.

10. Горяйнова Н.В. Кибербезопасность в современном мире // сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции «Студенческая наука для развития информационного общества». 2018. С.66-68.

11. Toni Hunt *Cyber Security Awareness in Higher Education* // Central Washington University. 2017. pp. 1-13.

12. Geer, D. *Six Key Areas of Investment for the Science of Cyber Security* // *Futurist*. 2017. No. 49(1). Pp. 10-15.

13. Hall, C. *Security of the Internet and the Known Unknowns* // *Communications of the ACM*. 2018. No. 55(6). pp. 35-37.

14. Patten, K. P., Harris, M. A. *The Need to Address Mobile Device Security in the Higher Education IT Curriculum* // *Journal Of Information Systems Education*. 2017. No. 24(1). Pp. 41-52.

15. Muniandy L., Muniandy B., and Samsudin Z. *Cyber security behavior among higher education students in Malaysia* // *Journal of Information Assurance & Cybersecurity*. 2017. pp. 1-13.

16. Atila Bostan *Impact of education on security practices in ICT* // *Tehnički vjesnik*. 2017. No.19. pp. 709-715.

17. Bulgurcu, B., Cavusoglu, H., Benbasat I. *Information Security Policy Compliance: An Empirical Study of Rationality-Based Beliefs and Information Security Awareness* // *MIS Quarterly*, 2019. No. 34(3). Pp. 523-548.

18. Mesko, G., Bernik, I. *Cybercrime: Awareness and Fear. Slovenian Perspectives* // *Proceedings of 2017 European Intelligence and Security Informatics Conference, IEEE Computer Society. Athens, 2017. Pp. 28-32.*

19. Tekerek, M., Tekerek, A. *A Research on Students' Information Security Awareness* // *Turkish Journal of Education*. 2016. No. 3. Pp. 61-70.

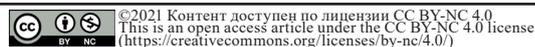
20. Rahman N. A. A, Sairi I. H., Zizi N. A. M., Khalid F. *The Importance of Cybersecurity Education in School* //

International Journal of Information and Education Technology. 2020. Vol. 10, No. 5. Pp. 378-382.

Статья поступила в редакцию 04.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.14
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0023

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ)

© Автор(ы) 2021
SPIN: 2502-7050
AuthorID: 785927
ORCID: 0000-0001-8503-9948

КИСЕЛЬ Олеся Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранных языков по техническим направлениям»

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина 38, e-mail: olesja-kisel@rambler.ru)*

SPIN: 4712-6011
AuthorID: 692782
ORCID: 0000-0001-7367-6093

ДУБСКИХ Ангелина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранных языков по техническим направлениям»

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина 38, e-mail: angelina.dubskikh@mail.ru)*

SPIN: 3836-3633
AuthorID: 688004
ORCID: 0000-0002-8357-6069

БУТОВА Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранных языков по техническим направлениям»

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина 38, e-mail: annb.79@mail.ru)*

Аннотация. В статье дан обзор различных проблем дистанционной формы обучения как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей. Цель статьи – рассмотреть различные аспекты дистанционной формы обучения. Становясь все более популярным, дистанционное образование исследовалось с разных точек зрения. Большинство исследований до этого момента были сосредоточены на педагогической перспективе. Данное исследование направлено на изучение проблем, с которыми сталкиваются различные заинтересованные стороны в дистанционном образовании, включая организаторов онлайн-курсов, преподавателей и студентов. Авторы статьи описывают преимущества данного подхода для всех участников процесса обучения в высшей школе. В статье затрагиваются вопросы применения новаторских методов, характерных для студент-центрированной образовательной парадигмы. Для дистанционной формы характерно, что студентов учат планировать свое обучение, взаимодействовать с преподавателями, участвовать в исследованиях и оценках. Согласно эмпирическому материалу было установлено, что в дистанционном образовании существуют различные пробелы, которые остаются незамеченными, но значительно затрудняют успеваемость обучающихся. Эти пробелы существуют во всех областях дистанционного образования, включая: сенсорный опыт, онлайн коммуникацию, а также предположения и ожидания относительно дистанционного образования и знания о нем. Если бы эти пробелы были сокращены, дистанционное образование было бы более эффективным и привлекательным.

Ключевые слова: образовательный процесс, дистанционная форма обучения, метод, обучение, мотивация, личностная активность.

PROBLEMS OF DISTANCE EDUCATION (THE ATTITUDE OF STUDENTS AND TEACHERS)

© The Author(s) 2021

KISEL Olesya Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the
«Foreign Languages for Engineering Chair»

*Nosov Magnitogorsk State Technical University
(455000, Russia, Magnitogorsk, 38, Lenin St., e-mail: olesja-kisel@rambler.ru)*

DUBSKIKH Angelina Ivanovna, candidate of philological sciences, associate professor of the
«Foreign Languages for Engineering Chair»

*Nosov Magnitogorsk State Technical University
(455000, Russia, Magnitogorsk, 38, Lenin St., e-mail: angelina.dubskikh@mail.ru)*

BUTOVA Anna Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Foreign Languages for Engineering Chair»

*Nosov Magnitogorsk State Technical University
(455000, Russia, Magnitogorsk, 38, Lenin St., e-mail: : annb.79@mail.ru)*

Abstract. The article reviews various problems of distance learning, both on the part of students and on the part of teachers. The purpose of the article is to consider various aspects of distance learning. Gaining ground, distance education has been examined from a variety of perspectives. Up to this point most of the research has focused on a pedagogical perspective. This paper is oriented to the study of problems that different stakeholders face during distance learning, including online course providers, teachers and students. The authors of the article describe the advantages of this approach for all participants of higher education learning process. The article encompasses the issues of applying innovative methods characteristic of the student-centered educational paradigm. For the distance form, it is characteristic that students are taught to plan their studies, interact with teachers, participate in research and assessments. According to empirical material, it was found that there exist various gaps in distance education that lurk, but which significantly complicate students' progress. These gaps exist in all areas of distance education, including: sense experience, online communication, and assumptions and expectations about distance learning and knowledge about it. If these gaps were closed, distance education would be more effective and attractive.

Keywords: educational process, distance learning, method, training, motivation, personal activity.

ВВЕДЕНИЕ

Компьютеры и Интернет стали неотъемлемой частью

многих аспектов современной жизни. Образование не является исключением. Новые средства массовой ин-

формации предоставляют людям новые средства взаимодействия, создания диалогов и обмена информацией, а также создают новые способы обучения, включая дистанционное образование. Дистанционное образование в последние годы становится все более привлекательным. Многие учебные заведения по всему миру предлагают онлайн- или комбинированные онлайн и офлайн-курсы для учащихся любого возраста: от учащихся начальной школы до взрослых [1].

На современном этапе развития высшего образования растет потребность в дистанционных и смешанных формах обучения. Современные реалии таковы, что требования работодателей, предъявляемые к выпускнику вуза, ставят новые цели и задачи для всей системы высшего профессионального образования [2]. Традиционное очное обучение часто не может быть использовано в обучении работников без их отрыва от производства. Сейчас дистанционное образование уже не воспринимается как что-то новое и непонятное. Однако абитуриенты, выбравшие данный формат, сталкиваются с рядом проблем, как на учебном, так и на психологическом уровне [3]. В отличие от студентов-заочников или студентов очно-заочной формы обучения учеба «на дистанте» требует не просто подготовки материала, но также предоставление его в определенной форме. Все это ведет к низкой успеваемости и к потере мотивации к учебе вообще.

Дистанционное образование существует очень давно и изучается многими исследователями с разных точек зрения [4]. Однако данный тип образования по-прежнему имеет много проблем. Педагоги стремятся улучшить качество преподавания, а промоутеры онлайн-курсов борются за расширение дистанционного образования, но обучение на расстоянии все еще не является основным выбором абитуриента. Большинство студентов по-прежнему предпочитают аудиторную работу непосредственно с преподавателем. Кроме того, процент «отсева» студентов из системы дистанционного образования выше, чем отчисления студентов с очной формы обучения [5].

Причина неэффективного обучения, преподавания и развития дистанционного образования связана с различными «пробелами». Исследование дистанционного образования с различных точек зрения является необходимою.

Технологии, используемые в дистанционном образовании, а также концепции обучения и преподавания, лежащие в их основе, варьируются и продолжают развиваться. Хотя было проведено большое количество исследований по дистанционному образованию с педагогической точки зрения [6; 7; 8], а также некоторые другие с технологической точки зрения, многие из них сосредоточены главным образом на количественных методах исследования [9].

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель статьи – рассмотреть различные аспекты дистанционной формы обучения. Поставленные цели достигаются за счет совокупности теоретических и эмпирических методов исследования: теоретического анализа литературы по теме, наблюдение за результатами работы студентов и преподавателей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

После анкетирования студентов дистанционной формы обучения, а также опроса преподавателей нам удалось выяснить основные проблемы, связанные с данной формой организации образовательного процесса.

Со стороны студентов:

- отсутствие опыта в данной форме обучения;
- правильная организация времени;
- техническая оснащенность;
- большой объем учебного материала, выдаваемого однократно;
- отсутствие аудиторной работы и личного контакта с преподавателем;
- изолированность от одногруппников;

- наличие трудностей при понимании некоторых тем из программы.

Следует, однако, упомянуть, что студенты указывали и плюсы дистанционного обучения, такие как учеба без отрыва от производства, свободный график изучения тем программы, использование Интернета при выполнении и отправки заданий.

Со стороны преподавателей:

- более тщательная подготовка к занятиям;
- адаптирование учебных материалов к дистанционному формату;
- предоставление всех материалов в начале курса;
- постоянная поддержка мотивации к обучению студентов дистанционной формы обучения.

Итак, все стороны в дистанционном образовании сталкиваются с проблемами, в той или иной степени.

Многие педагоги, которые начинают работать в данном формате, не готовы к нему и пытаются применить свой опыт аудиторных занятий к дистанционному образованию. Для преподавателей работа на расстоянии требует большого сдвига от простого преподавателя до комбинированного фасилитатора, коуча и наставника. Как правило, обучение на расстоянии требует больше времени и рабочей нагрузки преподавателей. Работа на расстоянии увеличивает требования ко времени преподавателей по сравнению с аудиторными занятиями.

Необходимо повышать качество обучения, предлагать качественные учебные материалы и обеспечивать хорошее управление учебным процессом. В значительной степени улучшению способствует использование электронных конференций и повышение активности студентов в течение семестра. В онлайн-курсы желательно вставлять решенные примеры, видеоуроки и видеолекции.

ОБСУЖДЕНИЕ

Существуют три модели реализации дистанционной образовательной программы, каждая из которых основана на потребностях обучающегося, а также на культурной и ресурсной среде.

Распределенный Класс. Этот опыт очень похож на опыт аудиторной работы как для преподавателя, так и для студента, поскольку занятия в классе требуют, чтобы студенты и преподаватели регулярно находились в определенном месте в определенное время. Интерактивные телекоммуникационные технологии расширяют учебный курс на базе класса от одного места до группы студентов в одном или нескольких других местах [10; 11].

Преимущества:

- все студенты имеют возможность для вербального взаимодействия во время занятий с преподавателем и друг с другом;
- студенты имеют визуальное взаимодействие с преподавателем и другими студентами в классе.

Независимое обучение. Студенты учатся в своем собственном темпе, используя подробную учебную программу, и контактируют с преподавателями, используя комбинацию технологий. Студентам предоставляются учебные материалы и доступ к преподавателю, который дает рекомендации, отвечает на вопросы и оценивает их работу.

Открытое Обучение. Эта модель включает в себя сочетание печатных учебных материалов и других средств информации, чтобы студенты могли учиться в своем собственном темпе, в сочетании со использованием интерактивных телекоммуникационных технологий.

В дистанционном образовании обучающийся обычно изолирован. Мотивационные факторы, возникающие в результате контакта и соперничества с другими студентами, отсутствуют. Студенту также не хватает непосредственной поддержки преподавателя, который способен мотивировать и, при необходимости, уделять внимание реальным потребностям и трудностям, возникающим во время учебы [12; 13; 14]. Общение между студентами и преподавателями требует больше времени. Без личного

контакта отдаленные студенты могут чувствовать себя неловко со своим преподавателем как «индивидуумом» и некомфортно в своей учебной ситуации [15]. В условиях дистанционного образования технология, как правило, является каналом, через который проходит информация и коммуникация.

Одной из основных психологических проблем, с которой сталкиваются студенты дистанционной формы обучения, это неправильная организация своего времени [16]. Студенты, которые учатся без отрыва от производства, не имеют достаточного количества времени для качественного изучения предоставленных им учебных материалов, вследствие этого они не в состоянии выполнить даже минимальные требования программы, что приводит к большому оттоку студентов [17; 18].

Как показывает опыт, начало обучения является стрессовой ситуацией для студентов. Процент отчислившихся студентов в данный период довольно высок [19]. Этот факт может быть объяснен тем, что первокурсники не имеют четкого представления о данной форме обучения.

Традиционные очные занятия привычны как для студентов, так и для преподавателей. Аудиторная работа и личное общение зачастую помогает не только правильно понять учебный материал, но и нивелировать психологические проблемы [20; 21]. Студенты, выбравшую дистанционную форму обучения, зачастую получают второе высшее образование или же приходят в вуз после СПО, поэтому им довольно тяжело перестроиться и общаться с преподавателями по электронной почте, в чате [22]. Преподаватели ли же, в свою очередь, не видят обратной связи со студентами.

ВЫВОДЫ

В настоящее время возрастает интерес к различным формам дистанционного обучения. Это позволяет студентам учиться без отрыва от работы или удаленно. Дистанционное обучение соответствует требованиям к частой смене профессиональных знаний и умений. Дистанционное обучение в сочетании с информационно-коммуникационными технологиями открывает новые возможности и преимущества.

Главные преимущества дистанционных образовательных программ заключаются в том, что студенты могут учиться в удобное для них время, приспособившись таким образом к работе и личной жизни. Дистанционные занятия могут быть доступны тем, кто не живет рядом или не может посещать традиционные учебные центры и университеты.

В то же время, эта форма обучения приносит новые проблемы. Так, студенты дистанционной формы обучения имеют худшие результаты, чем студенты-очники. Студенты, особенно в первые годы дистанционного обучения, имеют значительно более низкие показатели успеваемости, чем студенты очной формы обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конищева, М. В. Дистанционное образование как сигнал смены культурного кода общества / М. В. Конищева // *Countries. Languages. Culture: Сборник материалов XII-й международной научно-практической конференции, Махачкала, 08–09 декабря 2020 года.* – Махачкала: Информационно-Полиграфический Центр ДГТУ, 2021. – С. 59-62.
2. Massenov, K. Distance education: new opportunities, new looks // *The Scientific Heritage.* – 2021. – No 63-1(63). – pp. 3-5. – DOI 10.24412/9215-0365-2021-63-1-3-5
3. Virginia L. Byrne, Erin Hogan, Neil Dhingra, Monica Anthony & Colleen Gannon. An exploratory study of how novice instructors pivot to online assessments strategies // *Distance Education*, 2021. № 42.2, pp. 184-199, DOI: 10.1080/01587919.2021.1911624
4. Slobodskaya A.A. Distance Education Problems // *Актуальные научные исследования в современном мире.* 2020. № 7-5 (63). С. 25-28.
5. Захарова И.В., Велиев Э.М., Саржевская В. Проблемы дистанционного образования // *Альманах мировой науки.* 2016. № 4-2 (7). С. 58-61.
6. Федь М.И., Самохин М.В. Проблемы развития дистанционного образования в России // *Уральский научный вестник.* 2018. Т. 6. № 3. С. 003-005.
7. Fojtik, Rostislav. Problems of Distance Education. // *International Journal of Information and Communication Technologies in Education.* 2018. № 7. pp. 14-23. 10.2478/ijicte-2018-0002.

8. Дигтяр О.Ю. Проблемы дистанционного обучения иностранным языкам в вузе // *Мир науки, культуры, образования.* 2019. № 1 (74). С. 356-357.

9. Антропова О.Н., М.Н. Семиколенова, Т.А. Рудакова, И.Г. Полякова Исследование практики дистанционного обучения в вузах в условиях пандемии // *МНКО.* 2021. №1 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-praktiki-distantsionnogo-obucheniya-v-vuzah-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 03.06.2021).

10. Fidalgo, P., Thormann, J., Kulyk, O. et al. Students' perceptions on distance education: A multinational study. *Int J Educ Technol High Educ* 2020. <https://doi.org/10.1186/s41239-020-00194-2>

11. Abbot, M. L., Lee, K. K., & Rossiter, M.J. Evaluating the effectiveness and functionality of professional learning communities in adult ESL programs. // *TESL Canada Journal.* 2018. № 35(2). pp. 1-25.

12. Cubeles, A., & Riu, D. The effective integration of ICTs in universities: The role of knowledge and academic experience of professors. // *Technology, Pedagogy and Education.* 2018. № 27. pp. 339-349.

13. Полякова, Л. С., Южакова Ю. В. *Лексико-грамматические трудности технического перевода с английского на русский. Электронное издание. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2017. – ISBN 9785996710447.*

14. Дерина, Н. В. Актуальность использования студентами вуза приёмов самоорганизации времени в процессе изучения иностранного языка // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции, Магнитогорск, 19–23 апреля 2020 года.* – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2021. С. 423.

15. Drokina, K. V. Distance education in universities: advantages and disadvantages // *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* – 2020. – No 9-2(48). – P. 46-48. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-11023.

16. Wakoli, C. Effects of workload on the teachers' performance in Kanduyi Division, Bungoma District // *International Journal of Science and Research.* 2016. № 5(10), pp. 1215-1219. DOI: 10.21275/SUB154454

17. Leontyeva I.A. Modern Distance Learning Technologies in Higher Education: Introduction Problems // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education.* 2018. Т. 14. № 10. С. 1-8.

18. Лосева Е.С., Гозалова М.Р., Макарова А.И. Проблемы дистанционного обучения иностранным языкам на ступени высшего образования // *Азимут научных исследований: педагогика и психология.* 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 145-148.

19. Полякова, Л. С. Южакова Ю. В., *Английский язык для профессиональных целей.* 2020. – 51 с.

20. Мусалов, М. А. Проблемы и перспективы дистанционного образования и it-технологий в высшей школе в экстремальных условиях // *Вестник педагогических наук.* 2021. № 1. С. 155-159.

21. Алешиковский И. А., Гаспаршвили А. Т., Крухмалева О. В. [и др.] Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // *Высшее образование в России.* 2020. Т. 29. № 10. С. 86-100. DOI 10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100.

22. Полякова, Л. С. *Основы технического перевода: Электронное издание. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2017.*

23. Yuzhakova, Yu. V. *Professional English: Электронное издание. Практикум. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2019.*

Статья поступила в редакцию 29.06.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0024

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПОДХОДЫ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 7984-1136
AuthorID: 668507
ORCID: 0000-0002-8775-5726

ПОРУБАЙКО Людмила Николаевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры
«Физической культуры, лечебной физкультуры и врачебного контроля»
Кубанский Государственный Медицинский Университет
(350063, Россия, Краснодар, улица Митрофана Седина, 4, e-mail: porubaiko50@mail.ru)

SPIN: 6842-4830
AuthorID: 861828
ORCID: 0000-0002-8018-2224

КОВТУН Римма Ивановна, старший преподаватель кафедры «Физического воспитания и спорта»
Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: nataliaiva67@mail.ru)

SPIN: 2269-1630
AuthorID: 657143
ORCID: 0000-0003-4241-3594

ЛУЧИНИНА Инна Геннадьевна, старший преподаватель кафедры «Физического воспитания и спорта»
Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: luchinina35@mail.ru)

SPIN: 3790-3220
AuthorID: 968714
ORCID: 0000-0002-4657-411X

УРАЗОВ Игорь Ярославович, преподаватель кафедры «Физического воспитания и спорта»
Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: Igor_Urazov_goscha_1959@mail.ru)

Аннотация. В условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции большинство университетов по рекомендации Министерства науки и высшего образования РФ приняли решение о переходе на дистанционное обучение. Экстренный перенос обучения в дистанционный формат в условиях пандемии имеет существенные отличия от правильно спланированного онлайн-обучения на основе массовых открытых онлайн-курсов (МООК). Образовательные организации, вынужденные работать со студентами дистанционно в целях снижения рисков распространения коронавируса, должны осознавать эту разницу при оценке эффективности так называемого «онлайн-обучения» с применением дистанционных образовательных технологий (ДОТ). В связи с этим все очные занятия, включая лекционные, практические и даже лабораторные при наличии виртуальных аналогов, были перенесены в онлайн-среду. Преподаватели вынуждены организовывать учебный процесс посредством дистанционных технологий обучения на основе различных способов доставки электронного контента и доступных инструментов коммуникации обучающихся и преподавателей в электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС). По данным Минобрнауки, около 80 % российских университетов перешли полностью на дистанционный формат работы со студентами, а из подведомственных Министерству вузов – все 100 %. Такой резкий переход на «дистант» – мера вынужденная и экстренная, не все университеты были готовы к этой кардинальной перестройке учебного процесса исходя из объективно разного уровня развитости информационной инфраструктуры, обеспеченности дисциплин электронными образовательными ресурсами и готовности преподавателей к использованию цифровых платформ и сервисов в образовательном процессе.

Ключевые слова: студенты, физическая культура, дистанционное обучение, онлайн-режим, пандемия, самоизоляция, проблема, малоподвижный образ жизни, двигательная активность, самостоятельные занятия.

APPROACHES AND EVALUATION OF THE EFFICIENCY OF DISTANCE LEARNING IN EXTREME CONDITIONS

© The Author(s) 2021

PORUBAYKO Lyudmila Nikolaevna, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of
«Physical Education, Physical Therapy and Medical Control»
Kuban State Medical University

(350063, Russia, Krasnodar, st. Mitrofan Sedina, 4, e-mail: porubaiko50@mail.ru)

KOVTUN Rimma Ivanovna, senior lecturer
Department of «Physical Education and Sports»

Kuban State Technological University

(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya street, 2, e-mail: nataliaiva67@mail.ru)

LUCHININA Inna Gennadievna, senior lecturer
Department of «Physical Education and Sports»

Kuban State Technological University

(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya street, 2, e-mail: luchinina35@mail.ru)

URAZOV Igor Yaroslavovich, senior lecturer
Department of «Physical Education and Sports»

Kuban State Technological University

(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya street, 2, e-mail: goscha_1959@mail.ru)

Abstract. In the face of the threat of a spread of coronavirus infection, most universities, on the recommendation of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, decided to switch to distance learning. The emergency distance-learning approach in a pandemic environment differs significantly from well-planned online learning through mass open online courses (IOC). Educational organizations that are forced to work with students remotely to reduce the risks of coronavirus proliferation should be aware of this difference when assessing the effectiveness of so-called “online learning”

using distance learning technologies (DOT). As a result, all face-to-face sessions, including lecture, practical and even laboratory sessions with virtual analogues, were moved to online environments. Educators are forced to organize the learning process through distance learning technologies based on various ways of delivering e-content and accessible communication tools for learners and educators in the e-learning environment (IEE). According to the Ministry of Education, about 80 % of Russian universities have completely switched to a distance format of work with students, and from the Ministry of Higher Education all 100 %. This abrupt shift to a “distance” - a measure that is necessary and urgent, not all universities were prepared for this radical overhaul of the educational process on the basis of objectively different levels of information infrastructure development, The availability of e-learning resources and the readiness of teachers to use digital platforms and services in education.

Keywords: students, physical education, distance learning, online mode, pandemic, self-isolation, problem, sedentary lifestyle, physical activity, independent studies.

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 2019 года по настоящее время большинство высших учебных заведений Российской Федерации перешли на дистанционную форму обучения, с учетом распространения коронавирусной инфекции.

В научной работе авторов [1; 2; 3; 4] отражены трудности, с которыми столкнулись студенты и преподаватели при осуществлении учебного процесса в онлайн-режиме в условиях самоизоляции, представлен материал, касающийся изучения проблем физического состояния студентов российских вузов в период перехода образовательной системы в дистанционный формат обучения, а также рассмотрены вопросы по снижению уровня отрицательных последствий, вызванных снижением двигательной активности студентов в период самоизоляции.

Проанализированы результаты анкетного опроса обучающихся, характеризующие их двигательную активность, отношение к занятиям физической культурой в условиях самоизоляции, способности применять знания и умения при проведении самостоятельных занятий. Определены трудности, с которыми столкнулись как студенты, так и преподаватели высшей школы при осуществлении учебного процесса в онлайн-режиме. Предложены практические рекомендации, направленные на снижение уровня негативных последствий, вызванных резким снижением двигательной активности молодых людей в период коронавирусной эпидемии.

Как показал опыт, многие преподаватели вузов даже с ученой степенью не очень высоко оценивают свой уровень владения дистанционными технологиями, а каждый четвертый из них ни разу за последние три года не использовал сервисы удаленной видеосвязи для участия в вебинарах и видео-конференциях или проведения аналогичных мероприятий.

Что касается технического персонала, который мог бы оказать поддержку преподавателям в этот непростой период, штатная численность таких сотрудников в вузах невелика и, скорее всего, ресурсов хватит только на разработку стандартных решений и сопровождение небольшой части заинтересованных преподавателей. Остальным приходится довольствоваться имеющимися в вузе технологическими решениями в виде LMS-платформ или доставкой контента по электронной почте обучающимся.

Безусловно, стрессовая для всех участников ситуация не может не сказаться на отношении к онлайн-обучению и другим дистанционным образовательным технологиям. При этом сам термин «онлайн-обучение» употребляется всякий раз, когда речь идет об отсутствии очного контакта с преподавателем, что приводит к подмене понятий и неправильным выводам.

В сложившейся ситуации было бы не обоснованным использование термина «онлайн-обучение» даже в отношении использования массовых открытых онлайн-курсов, поскольку экстренный перевод студентов на них в середине семестра без предварительных организационных мероприятий и должного сопровождения со стороны авторов онлайн-курсов не позволяет обучающимся в полной мере ощутить преимущества этой технологии.

С этой проблемой столкнулись и многие преподаватели кафедр физической культуры и спорта, возникшей

в связи с организацией практических занятий в дистанционном формате. Что, в свою очередь, значительно сократило физическую активность студентов [5; 6], путем проведения большого объема времени сидя за компьютером, и, возможно, привело к снижению умственной и физической работоспособности [7; 8], а впоследствии к развитию различного рода заболеваний.

В связи с вышесказанным актуальность нашей темы обусловлена изучением основных проблем обучающихся, возникших в связи с организацией образовательного процесса по физической культуре в дистанционном режиме.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью исследования является определение основных методов и форм реализации дистанционной формы обучения в процессе проведения занятий по физической культуре [9; 10; 11] для дальнейшего совершенствования образовательного процесса и изучения физической активности студентов в период самоизоляции.

Методы исследования: анализ научно-методической литературы, анкетирование и математическая статистика.

Авторы научных работ [1; 3; 5; 8; 12] сходятся во мнении, что уровень двигательной активности молодых людей в период пандемии снизился. Это, скорее всего, вызвано тем, что занятия по физической культуре в дистанционном режиме не смогли полностью компенсировать ту нагрузку, которая осуществлялась на практических занятиях до введения режима карантина.

В сложившейся ситуации в условиях онлайн-обучения напряженное состояние испытывали как преподаватели, так и обучающиеся.

При организации учебного процесса в период самоизоляции трудности коснулись и профессорско-преподавательского состава. Многие из преподавателей испытывали неудобства с наличием и практическим использованием необходимого оборудования, а также с отсутствием опыта по проведению учебных занятий [11; 15] в онлайн-режиме.

Проблема нехватки двигательной активности наиболее остро ощущалась в 2019-2020 учебном году, когда вся образовательная система работала дистанционно. В начале 2021 года недостаток двигательной нагрузки снизился в результате перехода многих вузов в режим контактного обучения.

Большинство участников процесса при дистанционном обучении отметили возникшие проблемы, с которыми они столкнулись при проведении занятий по физической культуре [13; 14] в онлайн-режиме:

Во-первых, резкий переход к малоподвижному образу жизни;

Во-вторых, проблемы с подключением к интернету;

В-третьих, низкий уровень мотивации к занятиям физической культурой в домашних условиях;

В-четвертых, предлагаемые комплексы физических упражнений не вызывают интереса;

В-пятых, психологическая неготовность как студентов, так и педагогов к переходу на дистанционную форму обучения;

В-шестых, отсутствие опыта у преподавателей для ведения занятий в дистанционном режиме.

Студенты, положительно оценившие проведение двух

занятий по физической культуре в один учебный день, аргументировали свою точку зрения тем, что они освещали теоретические знания по предмету, выполняя рефераты на заданные преподавателями темы, познакомились с правилами соревнований по многим видам спорта, научились составлять комплексы физических упражнений для проведения занятий определенной направленности.

Большинство обучающихся предложили временно заменить практические занятия по физической культуре [15; 16; 17] в онлайн-режиме на выполнение реферативной работы по темам рабочей программы, разработанных в соответствии с требованиями ФГОС для высших учебных заведений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полученные по итогам анализа научно-методической литературы и проведенного анкетного опроса студентов результаты дали основание авторам исследования предложить ряд практических рекомендаций, которые, по их мнению, позволят оптимизировать процесс поддержания здорового образа жизни обучающихся в период дистанционной формы обучения.

Практическая значимость исследования заключается в полученном опыте, приобретённом в процессе практической работы в онлайн-режиме, позволяющим сделать выводы, что для оптимизации учебного процесса и в целях поддержания здорового образа жизни обучающихся [18; 19; 20] в период самоизоляции необходимо:

1. Помимо учебных занятий по физической культуре необходимо уделять физическим нагрузкам от 30 минут до одного часа в день не менее трех раз в неделю.

2. После полутора-двух часов непрерывного сидения у экрана компьютера делать 15-20-минутные паузы, во время которых выполнять упражнения для глаз, снижающие зрительное напряжение.

3. Применять в домашних условиях в большей степени фитнес-технологии, позволяющие на ограниченном пространстве индивидуально дозировать нагрузку и не требующие специального оборудования.

4. При проведении дистанционных занятий преподавателям стараться чаще использовать не фронтальный, а групповой и индивидуальный подходы с целью оптимизации нагрузки студентов в соответствии с их физической подготовленностью.

5. Привлекать обучающихся к составлению и самостоятельному проведению комплексов физических упражнений, что позволит преподавателю осуществлять, в случае необходимости, их корректировку.

ОБСУЖДЕНИЕ

Известно, что низкая двигательная активность порождает ряд проблем со здоровьем, делая человека наиболее уязвимым к заболеваниям. И так как физическая активность является единственным средством, которое может минимизировать риск как физического, так и психологического перегруза молодого организма, то авторы надеются, что период пандемии в самое ближайшее время будет пройден и студенты, вернувшись в свой обычный режим, будут в полном объеме использовать выделенное время для физической культуры в целях поддержания и сохранения своего здоровья.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги проделанной работы, можно с уверенностью сказать, что никакой современный формат дистанционного обучения никогда не сможет заменить обычных двухчасовых двухчасовых занятий в неделю. И, как показывает опыт, одним из лучших противодействий неблагоприятным последствиям гиподинамии в период самоизоляции являются регулярные занятия физической культурой в штатном режиме, которые помогут восстановить и укрепить здоровье, адаптировать организм к дальнейшим значительным физическим нагрузкам. Таким образом, внедрение комплекса организационных, методических и содержательных технологий будет способствовать не только поддержанию здоровья на должном уровне, но и содействовать повышению физической ра-

ботоспособности студентов, направленной на освоение большого объема знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алексеева А.А., Иванова Н.Г. *Современные методы научных исследований в области физической культуры*. – Краснодар. – 2016.
2. Блужин И.А. *Социокультурная среда отечественных и зарубежных вузов как интегральный показатель социализации и воспитания студентов* / И.А. Блужин, И.Г. Лучинина, Н.Г. Иванова // *Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: материалы II Международной научно-практической конференции*. Краснодар, 2020. – С. 45-48.
3. Иванова Н. Г. *Дифференциация двигательных режимов детей 10-12 лет с учетом особенностей физического и психофизиологического статуса: дис.... канд. пед. наук* / Иванова Наталья Геннадьевна. – Краснодар. – 2006. – 205 с.
4. Иванова Н.Г., Цаева С.В. *Инновации – основной фактор совершенствования системы физического воспитания*. *Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ»*. – 2014. – № 54. – С. 123-130.
5. Иванова Н.Г. *Формирование ценностей здорового образа жизни // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: материалы II Международной научно-практической конференции*. Краснодар, 2017. – С. 342-345.
6. Иванова Н.Г. *Пути расширения двигательного режима как одного из основных факторов здорового образа жизни студентов* / Н.Г. Иванова, Л.Н. Порубайко, Е.А. Козыренко // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2017. – № 4. – С. 116-118.
7. Иванова Н.Г. *Здоровьесберегающий потенциал студентов, обучающихся в вузе* / Н.Г. Иванова, И.Я. Уразов // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. – 2018. – № 3. – С. 154-157.
8. Иванова Н.Г. *Личная заинтересованность студентов в физкультурно-оздоровительной деятельности с учетом мотивационно-потребностной сферы. Этнос и культура в эпоху глобализации*. – Краснодар. – 2019. – С. 205-209.
9. Иванова Н.Г., Уразов И.Я. *Систематичность занятий физической культурой – залог успешности будущего специалиста. Этнос и культура в эпоху глобализации*. – Краснодар. – 2019. – С. 198-204.
10. Иванова Н.Г. *Личностно-ориентированные технологии, направленные на формирование потребностей в занятиях физической культурой* / Н.Г. Иванова, И.Г. Лучинина, А.С. Медведева // *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*. – 2020. – № 4. – С. 181-184.
11. Иванова Н.Г. *Реализация творческого потенциала через молодежные инновационные проекты* / Н.Г. Иванова, В.Н. Хребтищев // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. – 2020. – № 3. – С. 173-177.
12. Иванова Н.Г. *Формирование потребности в занятиях физической культурой как основной фактор повышения уровня физической подготовленности будущих специалистов* / Н.Г. Иванова, Л.Н. Порубайко // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. – 2021. – № 1. – С. 102-106.
13. Иванова Н.Г. *Преобразования на пути становления современной системы профессионального образования: Проблемы и пути их решения* / Н.Г. Иванова, Л.Н. Порубайко // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. – 2021. – № 3 (193). – С. 135-141.
14. Ласкова И.С., Гринченко В.С., Иванова Н.Г. *Здоровый образ жизни студента: Современный взгляд на проблему*. *Инновационные технологии, оборудование и добавки для переработки сырья животного происхождения*. – Краснодар. – 2018. – С. 196-201.
15. Лучинина И.Г. *Сознательно-устойчивая и личностно-ориентированная установка на здоровый образ жизни в эпоху глобализации* / И.Г. Лучинина, Н.Г. Иванова // *Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: материалы II Международной научно-практической конференции*. Краснодар, 2020. – С. 329-332.
16. Лялюк А.В., Синельникова Н.А., Иванова Н.Г. *Формирование безопасного и здорового образа жизни в образовательной среде* / А.В. Лялюк, Н.А. Синельникова, Н.Г. Иванова // *монография*. – Краснодар. 2018. – 210 с.
17. Носарев В.В. *Влияние здорового образа жизни на эффективность образовательного процесса* / В.В. Носарев, Н.Г. Иванова // *Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: материалы III Международной научно-практической конференции*. Краснодар, 2018. – С. 657-665.
18. Рыбачук Н.А., Романова А.П., Иванова Н.Г. *Организационно-педагогические условия формирования профессионально-прикладной физической культуры студентов педагогических специальностей*. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. – 2019. – № 11. – С. 380-383.
19. Федорова Н.П. *Повышение безопасности образовательного процесса путем использования здоровьесберегающих технологий* / Н.П. Федорова, И.С. Ворошилова, Е.А. Мазуренко // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. – 2020. – № 6 (184). – С. 377-381.
20. Федорова Н.П., Мазуренко Е.А., Щеглова П.Г. и др. *Влияние занятий физической культурой и спортом на работоспособность студентов. Проблемы развития личности в условиях глобализации: Психолого-педагогические аспекты*. – Ереван. – 2020. – С. 801-805.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК:811.161.1'37+811.581
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0025

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

© Автор(ы) 2021
AuthorID: 777207
SPIN: 2522-9064
ORCID: 0000-0002-9881-2239

КОВЫНЕВА Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи

Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: ir_kov@yahoo.com)

AuthorID: 780102
SPIN: 6350-4476
ORCID: 0000-0001-6693-690X

ПЕТРОВА Наталья Эдуардовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи

Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: na_tali68@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности социокультурной адаптации иностранных студентов, получающих высшее профессиональное образование в вузах Российской Федерации. (РФ). В ней даются ссылки на научные труды различных исследователей, которые посвящены проблеме формирования социокультурной компетенции. Однако делается акцент на том, что учёные разрабатывают и предлагают различные формы и методы для решения заявленной проблемы. При этом в целом ряде статей мы не находим информации о том, как иностранные учащиеся, получившие определённый объём знаний, воспринимают их, пропустив через своё сознание, национальный и лингвокультурный опыт. Вниманию читателей предлагается эксклюзивный материал, представляющий собой ответы-интервью иностранцев, которые высказывают свою точку зрения на русские национальные праздники и традиции, сравнивая их со своими национальными. За оценочными фразами можно увидеть отношение к нашей стране и культуре, сформированное на уроках русского языка как иностранного (РКИ). Сравнительный анализ, который проводят студенты, позволяет им проникнуть в особенности культуры нашей страны, отметить общее и отличительное, подумать и порассуждать о причинах различий, которые, по их мнению, часто связаны с религиозной принадлежностью, климатическими условиями жизни. Кроме того, в статье рассказывается о таком виде обучения, как проектная деятельность, которая стала доступна благодаря развитию информационных образовательных технологий. Такой вид работы позволяет создавать на уроке мультикультурное пространство, обеспечивающее не только обмен мнениями о русской национальной культуре, но и возможность поделиться с одноклассниками интересной информацией о своей стране, её культуре, истории, традициях, обычаях. В этом случае мы можем говорить о поликультурном образовании и воспитании толерантности у людей разных культур и религий.

Ключевые слова: глобализационные процессы, интеграция образования, поликультурное образование, социокультурная адаптация, национальная культура и традиции, проектная деятельность, информационные образовательные технологии, мультикультурное пространство.

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA

© The Author(s) 2021

KOVYNEVA Irina Anatolyevna, candidate of philological sciences, assistant professor, Head of the Department of «Russian Language and Speech Culture»

Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street 3, e-mail: ir_kov@yahoo.com)

PETROVA Natalia Eduardovna, candidate of pedagogical sciences, assistant professor of the Department of «Russian Language and Speech Culture»

Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street 3, e-mail: na_tali68@mail.ru)

Abstract. The article discusses the features of the socio-cultural adaptation of foreign students receiving higher professional education in the universities of the Russian Federation. (RF). It provides a link to the scientific works of various researchers, which are devoted to the problem of the formation of socio-cultural competence. However, the emphasis is on the fact that scientists are developing and proposing various forms and methods to solve the stated problem. At the same time, in a number of articles, we do not find information about how foreign students who have received a certain amount of knowledge perceive it, passing through their consciousness, national and linguocultural experience. The readers are offered exclusive material, which is the answers-interviews of foreigners who express their point of view on Russian national holidays and traditions, comparing them with their national ones. Behind the evaluative phrases, you can see the attitude towards our country and culture, formed in the lessons of Russian as a foreign language (RFL). The comparative analysis that students conduct allows them to penetrate into the peculiarities of the culture of our country, to note the common and distinctive, to think and speculate about the reasons for the differences, which, in their opinion, are often associated with religious affiliation, climatic conditions of life. In addition, the article describes this type of training as project activity, which has become available thanks to the development of information educational technologies. This type of work allows you to create a multicultural space in the lesson that provides not only an exchange of views about Russian national culture, but also the opportunity to share with classmates interesting information about their country, its culture, history, traditions, and customs. In this case, we can talk about multicultural education and fostering tolerance among people of different cultures and religions.

Keywords: globalization processes, integration of education, multicultural education, socio-cultural adaptation, national culture and traditions, project activities, information educational technologies, multicultural space.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В условиях современных глобализационных процессов, обусловивших доступность и эффективность интеграции международного образования, всё больше

молодых людей предпочитает получать высшее специальное образование за границей (И.А. Ковынева [1], Е.С. Литвинова, Г.Н. Горяинова [2], А.В. Санникова, Т.Н. Мельникова [3], А.О. Каргов [4]). Знание иностранных языков, в частности английского, позволяет комфортно вписаться в образовательную среду и успешно осваивать изучаемые дисциплины (Н.В. Девдариани [5], G.Kh. Rakhimov [6], К.Г. Гасимова [7]). Как отмечается многими исследователями, нельзя не учитывать один из важных факторов, который осложняет процесс пребывания в чужой стране. Это социокультурная адаптация иностранных студентов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

В настоящее время многочисленные научные исследования посвящены проблеме социокультурной адаптации иностранцев, получающих не только образование в учебных заведениях Российской Федерации, но и российское гражданство, а также трудовых мигрантов, и отражены в работах таких учёных, как А.Н. Щукин [8], З.А. Гагиева [9], Л.С. Ахмаджов [10], Е.В. Рубцова [11], В.И. Березуцкий [12], и др. [13-16]. Так, в работе А.Н. Щукина раскрывается содержание термина «социокультурная компетенция» в курсе методики преподавания языка и на занятиях по практике русского языка как иностранного (РКИ) [8, с. 72], а в статье З.А. Гагиевой акцент делается на «успешной адаптации к условиям обучения студента в университете» [9, с. 18]. Л.С. Ахмаджов анализирует процессы культурной адаптации на примере детей мигрантов [10]; Е.В. Рубцова особое внимание уделяет использованию на уроках страноведческого и регионального компонента на начальном этапе обучения иностранных студентов [11], в то время как В.И. Березуцкий считает, что социокультурная адаптация иностранцев осуществляется не только на материале лингвокультурной тематики, но и на основе межпредметных связей, так как культурологическая информация может быть изучена на базе различных дисциплин [12]. В ряде статей Н.Э. Петрова рассматривает процесс формирования социокультурной компетенции, а, следовательно, адаптации как на примере методических разработок, так и в ходе обсуждения национально-культурной специфики стран, из которых приехали студенты, на уроках РКИ [13; 15; 16]. Однако, чтобы понять, как происходит процесс социокультурной адаптации, важно иметь представление о том, как получаемые знания воспринимаются учащимися, как они преломляются и трансформируются на основании национального культурного опыта. Для этого необходима специальная организация так называемой обратной связи, которая позволит оценить, а при необходимости и возможности откорректировать полученный результат, сопроводив его соответствующими комментариями и анализом. Именно такой подход к рассмотрению позволил сформулировать цель и сопутствующие ей задачи и обусловил актуальность нашей работы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Цель данного методического исследования – изучение и анализ социокультурного материала, который иностранные студенты синтезировали в результате изучения культурологической информации о различных аспектах жизни в Российской Федерации. Для реализации цели необходимо выполнение задач, которые предполагают отбор и систематизацию письменных и проектных работ студентов, в которых они самостоятельно выполняли задания по дисциплине «Русский язык как иностранный», высказывали своё мнение о национальных праздниках и традициях россиян. Осуществление цели и задач стало возможно благодаря использованию таких общенаучных методов, как анализ и синтез, систематизация и обобщение, сравнение и сопоставление.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

В современном учебном процессе творческая составляющая имеет очень важное значение. Причём она должна быть обоюдной, то есть креативная подача материала со стороны преподавателя влечёт за собой заинтересованность и эмоциональный подъём студентов.

Изучение темы «Русские национальные традиции. Праздники. Русский речевой этикет» направлено на решение проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов. Тема обширная, позволяющая работать на различных курсах, не исключая подготовительное отделение. В зависимости от курса и уровня усвоения русского языка студенты получают информацию на уроке из учебных текстов, упражнений, видеороликов и полнометражных фильмов. Идёт процесс усвоения, накопления и переосмысления социокультурных знаний о стране проживания и изучаемого языка. В процессе работы с иностранцами преподаватель получает много чрезвычайно интересной информации, которая свидетельствует о том, как понимают и оценивают различные аспекты русской культуры учащиеся. Чтобы наглядно представить, с каким материалом работает педагог, приведём примеры различных ответов. Студенты, изучив объёмную тему, получили задание высказать своё мнение о русских культурных традициях, при желании сравнить их с традициями своей страны. Вот какие ответы были получены:

Машее (Мальдивы)

«Я считаю, что русские традиции, обычаи и праздники – это часть колоритной русской культуры, которая ежегодно привлекает в страну миллионы посетителей. Русские праздники включают в себя такие уникальные празднования, а длинный список русских традиций полон захватывающих, а иногда и странных обычаев от купания в ледяной воде в Крещение до появления Деда Мороза в канун Нового года. Я думаю, что в России много веселья и разных праздников.

Когда я сравниваю российские традиции и праздники с традициями и праздниками моей родной страны (Мальдивы), многие из них не отмечаются в моей стране. Поскольку это мусульманская страна, и наша религия запрещает нам отмечать некоторые праздники, которые отмечаются в мире, такие как Рождество, апрельский День дураков, День знаний и многие другие. Однако мы встречаем Новый год, как и любая другая страна. а также мы отмечаем праздник под названием «ид», который является одной из самых ярких и уникальных наших традиций. Он наполнен парадами, водными боями, концертами и множеством культурных блюд.

У нас также отмечается женский день, как и в России. У нашей страны тоже есть День Победы (3 ноября). День Победы – государственный праздник в Мальдивской Республике. Этот праздник знаменует собой поражение попытки государственного переворота против президента Момуна Абдул Гайюма в 1988 году».

Блане (Малайзия)

«Я думаю, что любимые праздники россиян и малайзийцев разные. Праздники в Малайзии носят культурный и расовый характер. Например, китайский Новый год – один из самых больших праздников, но Женский день не так часто отмечается в Малайзии».

Самаат (Мальдивы)

«Русские сохраняют свои традиции и обычаи. Каждый год они отмечают особые дни. Один из лучших дней – Новый год. Мы тоже встречаем Новый год в нашей стране. Мы отмечаем этот день шоу и фестивалями обратного отсчета, фейерверками и посиделками. Еще один особенный день, который отмечают как в России, так и в моей стране, Мальдивах, – это Женский день. В этот день женщины получают подарки и особое обслуживание. Женщин поздравляют с цветами. Также празднуем день Победы 3 ноября каждого года. Отдаются салюты в память павших героев. Люди собираются вместе

и рассказывают о воспоминаниях героев и событиях этого дня».

Афиф (Индия)

«Я думаю, что в России есть самые разные праздники по сравнению с другими странами. По-моему, Масленица это интересный праздник России. Я узнал, что Масленица еще называется проводами Русской зимы. Масленица – это, наверное, уникальный способ провести зиму. А ещё я знаю, что в России очень любят пить чай.

Я заметил, что Новый год – самый старый и любимый праздник в России. В России его отмечают дважды – 1 января и 13 января отмечают Старый Новый год».

Саула (Мальдивы)

«На Мальдивах мы также отмечаем множество национальных и международных праздников. Как и в России, мы встречаем Новый год – 1 января. Новый год особенно отмечается на туристических курортах с огнями, украшениями и фейерверками. Это, наверное, так отмечают во всем мире. Думаю, самый уникальный праздник для меня в России – Масленица. Вернувшись домой, мы также отмечаем день независимости, национальный день, день республики и многое другое. Поскольку Мальдивы – исламская страна, мы также отмечаем исламские праздники.

Судя по тому, что я видела, русские широко празднуют свой Новый год, но я не видела много других традиций, обычаев и праздников».

Рейчел (Бразилия)

«Я думаю что россияне очень дорожат своими традициями. По-моему, русские рождественские гимны – это одна из немногих вещей, которых я с нетерпением жду зимой. Я считаю, что без традиций мы, человечество, полностью потеряемся.

Я знаю, что, когда вернусь в свою страну, я возьму со мной немного русских традиций. Мне кажется, что вы не можете полностью понять русских, пока не живете и не общаетесь с ними.

Я заметила, что Россия – одна из немногих стран, которым удалось противостоять утрате своей культуры из-за вестернизации, и я думаю, что это прекрасно»

Нила (Мальдивы)

«Русские традиции и обычаи очень уникальны и красивы. Особенно празднование Женского дня и Нового года – мои любимые праздники в России. По сравнению с Россией на Мальдивах Женский день также отмечают, приветствуя всех женщин и даря им подарки, такие как цветы и торты. Новый год также отмечают на Мальдивах, освещая улицы яркими огнями, и всегда есть фейерверки, музыкальные шоу к празднованию Нового года».

Нашат (Малайзия)

«Я думаю, что в России есть самые разные праздники по сравнению с другими странами. По-моему, Масленица – это интересный праздник России. У нас этого нет, потому что здесь нет зимы. Ещё я заметил, что самыми значимыми являются Рождество (7 января) и Пасха»

Сальва (Мальдивы)

«Один из моих любимых праздников в России – Новый год, который даже встречается в России дважды. Когда начинается Новый год, праздники, на улицах, площадях, в домах ставят красивые зеленые елочки. Они украшены гирляндами цветных лампочек и игрушками.

На Мальдивах люди встречают Новый год фейерверками и музыкой. Фейерверк начнется в полночь 1 января. Мальдивцы любят этот праздник. Во время праздника Ид люди надевают новую одежду, едят вкусные блюда, и все члены семьи собираются вместе, чтобы отпраздновать его

Мой любимый праздник на Мальдивах – Курбан-байрам, который отмечают мусульмане после месячного поста. Этот месяц называется Рамаданом».

Тексты письменных студенческих работ представлены с минимальной коррекцией, которая касалась пре-

жде всего, знаков препинания. Из большого объема, безусловно, выбраны наиболее интересные, логично построенные письменные высказывания. Они позволяют взглянуть на изученную информацию глазами иностранца. Преподаватель-исследователь может на основании анализа таких студенческих работ сделать выводы, которые касаются не только методического, но и социально-политического, национально-культурного аспектов.

Студенты, проводя сравнительный анализ, лучше узнают и понимают чужую культуру и традиции. Для такого сопоставления они обращаются к различным формам речевой деятельности, устной и письменной, развивая и совершенствуя языковую компетенцию, которая также является одним из аспектов их социокультурной адаптации. Более того, иностранные студенты в учебной аудитории находятся в мультикультурной среде, или мультикультурном пространстве, поскольку в одной группе могут быть объединены студенты не только из разных стран мира, но и континентов. Обсуждая какой-либо русский праздник или традицию, они не только делятся своим опытом, но и получают поликультурное образование, приобретают навыки толерантности (К.Г. Гасымова [7], L.Cook [17]).

Кроме того, на занятиях, которые посвящены изучению социокультурной тематики и формированию соответствующих компетенций, можно использовать как классические, так и инновационные виды и методы. Одним из эффективных видов учебной работы является проектная деятельность, которая, благодаря развитию информационных технологий, получила максимальное распространение и открыла широкое поле деятельности (G.F. Əliyeva [18], S.A. Konovalova [19], N. Gerova [20], Ya.S. Mitrofanova [21]). Студенты выбирают тему и самостоятельно готовят проект, который потом представляют вниманию одноклассников. Это может быть, например, тема, связанная с праздниками и традициями России или родной страны студента. Выступление должно быть ограничено по времени, презентация – содержать определенное количество слайдов. Каждый доклад сопровождается обсуждением. Если студентов заинтересовало сообщение или им что-то было непонятно, то они могут задать вопросы. В любом случае создатель проекта должен ответить минимум на 2 вопроса. Слушатели могут выступить с оценкой или высказать свои пожелания (И.А. Ковынева, Н.Э. Петрова, Е.П. Пустошило [22]). Наиболее интересные материалы, подготовленные иностранцами, могут быть использованы для научных публикаций (Ш. Самрадж [23], Эндрю Лим Шенг Яо [24], А. Ануф [25]).

ВЫВОД

Выводы исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что различные исследования и методические рекомендации, направленные на формирование и развитие у иностранных студентов, получающих высшее образование в вузах РФ, социокультурной компетенции, обеспечивающей их социокультурную адаптацию, предлагают различные формы, методы, методические разработки. Однако большой интерес для исследователей представляет оценочное мнение студентов относительно изученного материала. Как показали письменные ответы учащихся, им интересно изучать российские традиции, поскольку это снимает проблемы непонимания, даёт возможность объяснить, в чем наши отличия и что является общим. Такую информацию можно оценивать как обратную связь, которая позволяет преподавателю при необходимости прийти на помощь, объяснив сложную для понимания информацию, избавить от культурного шока, способствовать созданию комфортных условий проживания в нашей стране. В процессе такой работы иностранцы с готовностью изучают российские традиции, делятся своими, успешно взаимодействуют в мультикультурном пространстве с одноклассниками.

Перспективы дальнейших изысканий в данном на-

правлениям заключаются в продолжении изучения механизмов освоения российской культуры студентами, выявлении аспектов, наиболее интересных для иностранцев, с целью проведения последующего анализа и подготовки дидактического материала социокультурного содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ковынева И.А. Международная интеграция современного образовательного процесса: высшая школа в условиях цифровой трансформации / И.А. Ковынева, Н.Э. Петрова, Т.Н. Мельникова, Е.И. Гринкевич // *Современные вызовы для медицинского образования и их решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 86-й годовщине КГМУ Курск: КГМУ, 2021. С. 247-252.*

2. Литвинова Е.С. Некоторые аспекты процесса адаптации иностранных обучающихся в отечественных вузах / Е.С. Литвинова, Г.Н. Горяинова // *Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 180-182.*

3. Санникова А.В. 45 лет преподавания РКИ: от первых выпускников до первых телемостов / А.В. Санникова, Т.Н. Мельникова // *Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. материалы XX Международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Белорусский государственный медицинский университет». Минск, 2020. С. 6-14.*

4. Karpov A.O. (2016). Education in the knowledge society: Genesis of concept and reality. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(17), 9949-9958. Retrieved from www.scopus.com

5. Девдаршани Н.В. Инновационные подходы к обучению иностранным языкам и русскому как иностранному // *Беларусь - Индия - Россия: сотрудничество в области преподавания русского языка как иностранного* / *Материалы интернет-конференции. Минск, 2019. С. 58-61.*

6. Rakhimov G.Kh. Sociolinguistic principles of the use of English in the language activities of the population of Uzbekistan // *Иностранные языки в Узбекистане. 2019. № 5 (28). С. 1-13.*

7. Гасыева К.В. Поликультурное образование как основа формирования толерантности в мультикультурном пространстве // *Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 4 (6). С. 14-18.*

8. Шуккин А.Н. Социокультурная компетенция в системе преподавания русского языка как иностранного // *Русский язык за рубежом. 2019. № 1 (272). С. 72-75.*

9. Гагиева З.А. Особенности успешной адаптации студентов к условиям вуза // *Научный вектор Балкан. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 18-21.*

10. Ахмаджов Л.С. Иммиграция и культурная адаптация в юношестве // *Балканское научное обозрение. 2020. Т. 4. № 1 (7). С. 40-42.*

11. Рубцова Е.В. Учет страноведческого и регионального компонента на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному // *Региональный вестник. 2019. № 10 (26). С. 14-15.*

12. Березуцкий В.И. Межпредметные связи как основа обучения иностранных студентов в русскоязычной образовательной среде // *Вестник Тульского государственного университета. Серия Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. 2017. № 1 (16). С. 37-41.*

13. Петрова Н.Э. Формирование социокультурной компетенции на практических занятиях в системе русского языка как иностранного // *Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 49-52.*

14. Ахаев А.В., Теоретико-методологические и практические аспекты конструирования системы педагогического сопровождения организаций дополнительного образования в условиях обновленного содержания образования / А.В. Ахаев, И.С. Стеблецова, Н.В. Ахаева // *Балканское научное обозрение. 2019. Т. 3. № 4 (6). С. 5-9.*

15. Петрова Н.Э. Расширение кругозора иностранных студентов в аспекте социокультурного образования // *Карельский научный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 39-41.*

16. Петрова Н.Э. Социокультурная компетенция: речевой этикет в Малайзии // *Региональный вестник. 2019. № 9 (24). С. 25-26.*

17. Cook, L. *Intergroup education* / L. Cook, E. Cook. New York : McGraw-Hill, 2004

18. Əliyeva G.F. Yaradiciliqda intuitiv komponentlər // *Хуманитарни Балкански изследвания. 2020. Т. 4. № 4 (10). С. 25-28.*

19. Konovalova S.A., Tagiltseva N.G., Matveeva L.V., Suetina A.I., Ovsyannikova O.A., Mokrousov S.I. Smart e-learning in the preparation of novice pop vocalists in the university. *Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. Т. 144. С. 169-175*

20. Gerova N., Sheina I., Lapenok M. Smart technologies in foreign language students' autonomous learning / *Smart Innovation, Systems and Technologies. 2016. Т. 59. С. 541-551.*

21. Mitrofanova Ya.S., Sherstobitova A.A., Filippova O.A. Modeling smart learning processes based on educational data mining tools. *Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. Т. 144. С. 561-571.*

22. Ковынева И.А. К вопросу обсуждения методики преподавания РКИ в условиях дистанционного обучения / И.А. Ковынева, Н.Э. Петрова, Е.П. Пустошило // *Язык. Общество. Медицина: материалы XX Респ. студенческой конф. И XVII Респ. науч.-практ. Семинара «Формирование межкультурной компетентности в учреждениях высшего образования при обучении языкам» / отв. ред. Е.П. Пустошило. Гродно: ГрГМУ, 2021. – С. 410-412.*

23. Самрадж Ш. Лингвокультурологические и академические проблемы иностранных студентов в России // *Мир глазами молодых. Студенческие чтения Сборник материалов Международной студен-*

ческой научно-практической онлайн-конференции. 2018. С. 168-172.

24. Эндрю Лим Шене Яо Социокультурные аспекты функционирования традиционной китайской медицины в Малайзии // *Мир глазами молодых. Студенческие чтения: сборник научных трудов по материалам III Международной студенческой научно-практической онлайн-конференции. Курск: КГМУ, 2020. С. 111-114.*

25. Ануф А. Традиции и этикет Мальдив // *Сборник научных трудов по материалам IV международной студенческой научно-практической онлайн-конференции, посвященной 86-летию Курского государственного медицинского университета «Мир глазами молодых. Студенческие чтения» Курск, 2021. С. 23-27.*

Статья поступила в редакцию 24.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 338.46

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0026

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СОЗДАНИЕ УНИКАЛЬНЫХ УСЛУГ ПРИ ОБСЛУЖИВАНИИ НА БОРТУ ВОЗДУШНОГО СУДНА

© Автор(ы) 2021

SPIN: 4826-2339

AuthorID: 354635

КОЧЕТКОВА Ирина Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Дизайна и технологий»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: irina.kochetkova@vvsu.ru)

ГАЗИБАР Яна Валерьевна, бакалавр «Сервис в авиации»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: yanagazibar@mail.ru)

Аннотация. Одной из основных задач профессиональной подготовки в сфере сервиса является формирование компетенций, позволяющих специалисту адаптироваться к условиям конкуренции и осуществлять инновационную деятельность в различных сферах производства товаров и услуг. В статье обращается внимание на процесс создания уникальных услуг, который обусловлен рядом этапов: 1) теоретический – работа с исследовательской литературой; 2) социологический – работа с целевыми группами потребителей услуг; 3) технологический – разработка уникальных услуг; 4) экономический – обоснование затрат на внедрение услуги. Цель статьи – проанализировать процесс выполнения актуальной производственной инновационной деятельности в области предоставления услуг потребителю в авиационной сфере. Авторы делают вывод о том, что при разработке отдельных видов услуг важно соблюдать многоступенчатый поэтапный процесс, что позволит использовать актуальную информацию, учесть ожидания целевой аудитории и возможности авиапредприятия. Практическая значимость работы состоит в том, что основные положения статьи могут быть использованы в образовательной деятельности для разработки вариантов заданий для студентов профиля «Сервис в авиации».

Ключевые слова: услуги, уникальная услуга, обслуживание на борту воздушного судна, народы Сибири и Дальнего Востока, культура коренных народов, орнамент, сувениры.

CREATION OF UNIQUE IN-FLIGHT SERVICES ON THE AIRCRAFT

© The Author(s) 2021

КОЧЕТКОВА Irina Stepanovna, candidate of historical sciences associate professor
of the chair of design and technology

Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, Gogol Street 41, e-mail irina.kochetkova@vvsu.ru)

GAZIBAR Yana Valerevna, bachelor «Service in aviation»

Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, Gogol Street 41, e-mail yanagazibar@mail.ru)

Abstract. One of the main objectives of professional training in the service sector is the formation of skills that allow a specialist to adapt to market competition and carry out innovative activities in various areas of production of goods and services. The article draws attention to the process of creating unique services, which is determined by a number of stages: 1) theoretical - work with research literature; 2) sociological - work with target groups of consumers of services; 3) technological - the development of unique services; 4) economic - justification of the costs of introducing a service. The goal of the article is to analyze the process of performing relevant on-the-job innovation activities in the field of providing services to the consumer in the aviation sector. The authors conclude that when developing certain types of services, it is important to follow a multi-stage step-by-step process, which will allow using relevant information, taking into account the expectations of the target audience and the capabilities of the airline. The practical significance of the work lies in the fact that the main provisions of the article can be used in educational process to develop assignment options for students of the “Service in Aviation” program.

Keywords: services, unique service, in-flight services, peoples of Siberia and the Far East, culture of indigenous peoples, ornament, souvenirs

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Совершенствование обслуживания, предполагающее максимально высокий уровень учёта потребностей потребителей, является важным условием повышения конкурентоспособности предприятия, удержания клиентов и основанием для развития предприятия и в целом сферы услуг.

Актуальность работы можно сформулировать как необходимость соблюдения этапов процесса создания уникальных услуг для повышения конкурентоспособности предприятия посредством совершенствования обслуживания клиентов.

Ещё одним из определяющих условий при выборе направления совершенствования сервиса на предприятии является специфика его деятельности. Любая авиакомпания отличается от других предприятий тем, что в процессе оказания основной услуги потребители преодолевают границы стран, регионов, областей, федеральных и национальных округов.

Российская Федерация является многонациональным государством, включающем 190 народов, в том числе ма-

лые и коренные народы. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – народы численностью менее 50 тысяч человек проживают в северных районах России, в Сибири и на российском Дальнем Востоке на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйство и промыслы и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [1; 2; 3]. Большинство из них проживает на территории Дальневосточного федерального округа (ДФО), чья площадь составляет более 40 % территории всей страны.

Использование элементов этнической культуры народов ДФО при обслуживании на борту воздушного судна клиентов авиакомпаний, выполняющих рейсы над территорией округа, имеет большое значение как внутри государства, так и в международном воздушном сообществе. Использование элементов этнической культуры при полетах внутри страны повышает психологическую комфортность путешествия, а в международных рейсах придает интерес путешествию, привлекает внимание пассажиров воздушного судна к стране, к самой авиакомпании.

Анализ исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

Изучение материальной и духовной культуры народов ДФО имеет длительную историю; этнографические исследования имеются в большом количестве и в свободном доступе. Ведущие научные центры по изучению материальной и духовной культуры коренных и малочисленных народов Восточной Сибири и Дальнего Востока – Отдел этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, а также Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Среди наиболее значимых этнографических исследований можно указать такую работу, как «Народы мира. Этнографические очерки» в 18 книгах, опубликованные в 1954-1966 гг. Академией Наук СССР и до сих пор остающиеся содержательной и структурной основой для последующих аналогичных трудов [4]. Значимой работой является этнографическая энциклопедия «Народы России», опубликованная в 1994 г [5]. Источниковая база постоянно расширяется, появляются все новые работы, позволяющие представить культуру коренных народов во всем многообразии [6-16]. Однако все эти работы, естественно, не содержат практических рекомендаций по использованию культурного наследия в бизнес-проектах, в том числе в организации обслуживания пассажиров на авиатранспорте.

В то же время непосредственно вопросы организации обслуживания, сервиса как деятельности изучены достаточно полно. В качестве основных работ можно отметить труды В.Э. Багдасаряна, О.Я. Гойхмана, Ю.П. Свириденко и работы, выполненные под их руководством, а также учебники и учебные пособия Г.А. Аванесовой, В.Г. Велединского, В.А. Карнауховой и Т.А. Краковской, Ж.А. Романовича и С.Л. Калачева, и др. [17-24]. В этих исследованиях подробно проанализированы теоретические и методические вопросы сервиса и сервисной деятельности, организации и предоставления услуг. Опираясь на работы вышеперечисленных авторов, можно разработать модель использования элементов этнической культуры в сфере сервиса, оказания отдельных услуг, совершенствовании обслуживания пассажиров на борту воздушного судна.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель исследования – разработка уникальных услуг для совершенствования обслуживания пассажиров воздушного судна (ВС) с использованием элементов этнической культуры коренных народов ДФО.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить опыт использования элементов национальной культуры в организации обслуживания пассажиров на борту воздушного судна;
- рассмотреть культуру коренных народов ДФО и выделить значимые для цели данного исследования, элементы;
- проанализировать процесс создания уникальных услуг, обусловленный рядом этапов;
- представить рекомендации по использованию элементов этнической культуры для совершенствования обслуживания на борту ВС.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Первым этапом работы стал теоретический – работа с исследовательской литературой.

В ходе проведения теоретического исследования был установлен ряд важных для сути данного исследования выводов.

Большая часть исследователей сближают понятия сервиса и сервисной деятельности. Основным различием

является акцентирование внимания на такой стороне сервисной деятельности, как профессионализм, технологичность, и, что особенно важно, на коммуникативной стороне сервисной деятельности.

Важнейшими особенностями авиаперевозок следует признать, во-первых, их протяженность: самолетами люди перемещаются на большие расстояния либо в пункты, достижение которых иным способом крайне затруднительно. Во-вторых, осуществление авиаперевозок сопряжено с организацией максимально комфортабельных условий для пассажиров, в силу их длительного пребывания в замкнутом пространстве [25].

В содержании понятия «комфортность перевозки пассажиров» наиболее важными элементами являются следующие положения: оформление интерьера и комфорт салона самолета, качество бортового питания и напитков, соблюдение норм делового этикета бортпроводниками, возможности связи с борта воздушного судна, наличие возможностей для организации досуга и развлечения пассажиров [26].

В современной системе выделения категорий пассажиров по иным признакам доминирует принцип выделения по основному языку общения и отчасти – по религиозной принадлежности. Иностранцев пассажиров принято обслуживать бортпроводникам, знающим английский язык либо другие языки, используемые клиентами. Но более глубоко этнические особенности пассажиров в настоящее время, как правило, не учитываются, что снижает качество обслуживания клиентов на борту воздушного судна.

Самыми яркими и наиболее часто используемыми этническими стереотипами в организации обслуживания пассажиров на борту воздушного судна являются: произнесение бортпроводниками фраз-приветствий на родном языке пассажира и другие формы встречи, включая поклоны; подборка фильмов национального производства в видео библиотеке самолета; использование широко известных национальных блюд в меню (например, индийское карри, американские бургеры и др.) [27; 28; 29; 30].

Элементы материальной и духовной культуры коренного населения авиакомпаниями мира используются, но недостаточно. Во многом это связано со стандартизацией обслуживания пассажиров, что закреплено международным авиационным законодательством.

В рамках данной работы были проанализированы культурные особенности 16 народов, проживающих на территории региона ДФО: алеуты, долганы, ительмены, камчадалы, коряки, нанайцы, негидальцы, нивхи, орочи, сойоты, удэгейцы, ульчи, чукчи, эвенки, эскимосы, якуты.

Анализ работ о культуре народов ДФО позволил сделать вывод о возможности использования отдельных элементов материальной культуры с целью развития системы обслуживания на борту воздушного судна и повышения привлекательности обслуживания. Такими элементами могут быть отдельные примеры орнамента, сувениры как элементы национальной идентичности, атрибуты идентификации места, знаковые образы культуры какого-либо народа или предметы и мотивы, взятые из культурного контекста.

На втором этапе исследования – социологическом – была проведена работа с целевыми группами потребителей услуг. Был проведен онлайн-опрос среди клиентов авиакомпаний для выявления латентных потребностей. Основное внимание было уделено выявлению представлений клиентов авиакомпаний о желании и формах знакомства с традиционной культурой народов ДФО, а также о возможностях использования для такого знакомства элементов национального орнамента и предметов в дизайне интерьера салона воздушного судна, национальной кухни и т.д. В онлайн-опросе приняло участие 180 респондентов. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Выявление линейки услуг авиапассажиров

Вопросы	Варианты ответов	Процент
Хотели бы Вы во время полета познакомиться с культурой коренных народов ДВФО: одеждой, орнаментом, национальной кухней, сувенирами?	Да	80 %
	Нет	20 %
В какой форме Вы представляете такое знакомство?	Брошюра в салоне самолета	71,3 %
	Элементы орнамента на посуде, салфетках	48,8 %
	Элементы орнамента на чехлах кресел	41,3 %
	Элементы орнамента в одежде стюардесс	52,5 %
Желаете ли Вы в качестве дополнительной услуги на борту воздушного судна ознакомиться с национальной кухней автохтонных народов ДВФО?	Да	45 %
	Нет	15 %
	Желательно включить в бортовое питание	40 %
Какие блюда вы предпочитаете?	Рыбные	19 %
	Мясные	20 %
	Блюда из ягод	16,6 %
	Блюда из растений	13 %
Одобрите ли Вы использование этнических элементов в оформлении салона воздушного судна?	Да, создает первичное положительное впечатление о регионе	36,8 %
	Да, эстетически приятно	20 %
Одобрите ли Вы использование этнических элементов в оформлении салона воздушного судна?	Нет, создает негативное впечатление о регионе	5,6 %
	Выглядит глупо	0,8 %
	Мне все равно	0,8 %
	Да	71,3 %
Заинтересует ли Вас такой вид услуг на борту воздушного судна как продажа сувенирной продукции, относящейся к материальной культуре коренных народов ДВФО?	Да	71,3 %
	Нет	28,7 %

При анализе данных таблицы, очевидно, что большинство респондентов хотели бы во время полета познакомиться с культурой коренных народов ДВФО.

Большинство опрошенных хотели бы ознакомиться при помощи брошюры в салоне самолета, а также элементов орнамента в одежде стюардесс, на посуде и салфетках.

Респондентам интересно в качестве дополнительной услуги на борту воздушного судна попробовать блюда национальной кухни народов ДВФО. Почти половина опрошенных желает включить такие блюда в бортовое питание. В основном предпочтение отдается мясным блюдам, а также рыбным и блюдам из ягод.

Большинство респондентов одобряет использование этнических элементов в оформлении салона воздушного судна.

Так же респондентам интересна продажа сувенирной продукции на борту ВС, отражающей национальную специфику. Таким образом, на основании проведенного исследования можно утверждать, что клиенты хотя бы познакомиться во время полета с культурой коренных народов ДВФО: одеждой, орнаментом, национальной кухней, сувенирами.

Третий этап исследования – технологический – предполагает детальную разработку внедрения уникальной услуги.

В результате анализа латентных ожиданий клиентов в организации обслуживания пассажиров на борту воздушного судна разработаны варианты применения элементов материальной культуры коренных народов ДВФО:

– оформление салона воздушного судна можно сделать более интересным и запоминающимся, если использовать элементы национального интерьера: дорожки на полу, чехлы кресел в бизнес-классе или подголов-

ники кресел в бизнес и эконом-классе, пледы и подушки, предоставляемые во время полета, оформленные мотивами национального орнамента (примеры представлены на рисунке 1);

– одежда бортпроводников может быть дополнена этническими мотивами в соответствии с корпоративными цветами униформы бортпроводников, например, платок с орнаментом по периметру, выполненном техникой печати, повторяющим орнамент на одежде коренных народов ДВФО (примеры представлены на рисунке 1);

– подача бортового питания в бизнес-классе на керамической посуде и в стеклянных фужерах, на которых также нанесен орнамент методом печати, в этническом стиле, а также на текстильные и бумажные салфетки и полотенца, подобные бумажные салфетки можно применять и для эконом-класса;

– включение в питание пассажиров блюд этнической кухни может рассматриваться как перспективное направление использования традиций коренных народов ДВФО в развитии сервиса на борту воздушного судна; поскольку питание в полете стандартизировано, следует предлагать подобные блюда как дополнительную платную услугу, которую можно будет распространить и на бизнес-, и на эконом-класс;

– в рамках реализации торгового обслуживания на борту воздушного судна, можно предложить сувениры, относящиеся к материальной культуре коренных народов ДВФО (примеры представлены на рисунке 1);

– для обеспечения досуга пассажиров на борту воздушного судна можно вместе с журналами предлагать специальную брошюру, содержащую иллюстрированную информацию об истории, материальной и духовной культуре коренных народов ДВФО, рекреационных зонах, имеющих на этих территориях;

– для развлечения детей на борту ВС можно предложить детскую литературу: это может быть книга дальневосточного писателя Дмитрия Нагишкина «Амурские сказки», созданная по мотивам фольклора нивхов, нанайцев, ульчей, удэгейцев и других народов Дальнего Востока, выполненная с красочными иллюстрациями Геннадия Павлишина и другая подобная литература; для маленьких детей – книжки-раскраски «Народы Дальнего Востока» и проч.

1) Нанайский орнамент. Фото Г. Лайковой. 2) Современные украшения негидалок. Фото Д.В. Янчева. 3) Негидальский ковер ситкипун из полос меха в виде концентрических кругов. Фото В.В. Лебедевой. Рисунок 1 – Примеры орнамента и декоративно – прикладного искусства [31; 32].

Четвертый этап в процессе внедрения уникальной услуги – экономический – предполагает обоснование затрат на разработку и внедрение. Экономическая оценка эффективности – один из главных факторов, который принимают во внимание при внедрении каких-либо инноваций. Все эти элементы могут быть внедрены в материальное обеспечение обслуживания на борту воздушного судна максимально быстро. Кроме того, они в целом малозатратны, особенно при оптовых заказах.

В связи с тем, что конъюнктура рынка постоянно меняется, здесь можно представить лишь приблизительные расчеты. Примерные затраты отображены в таблице 2.

Таблица 2 – Примерные затраты на внедрение текстильных этнических элементов в дизайне интерьера

салона и одежде бортпроводников.

Наименование предложения	Затраты
Шейный платок для униформы бортпроводника, 10 шт	4250 руб.
Дорожка в салон самолета	5040 руб.
Чехол для кресла	3500 руб.
Подголовники на кресла, 200 шт	8500 руб.
Текстильные салфетки, 100 шт	2500 руб.
Бумажные салфетки, 50 000 шт	12500 руб.
Плед	200 руб.
Подушка	300 руб.
Итого	36 790 руб.

Эффективность предложений рассчитана на краткосрочный пилотный период, не более квартала года, исходя из среднерыночной цены на аналогичные услуги.

В предложенных к реализации элементах этнической культуры для создания запоминающейся атмосферы на борту воздушного судна, акцент делается в большей степени на гостей региона ДФО.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления

Обслуживание пассажиров на борту воздушного судна – это сервисная деятельность, которая в настоящее время нуждается в развитии. В современных тенденциях максимального учета потребностей клиентов перспективным направлением совершенствования обслуживания на борту воздушного судна может стать использование элементов национальной культуры коренного населения регионов.

Улучшение качества обслуживания на борту воздушного судна посредством включения элементов этнической культуры возможно и желательно, особенно при использовании особого подхода к уровню качества транспортной услуги – для этого необходимо предварительное изучение теоретической исследовательской базы, затем выявление латентных потребностей и желаний пассажиров, после чего проводится детальная разработка технологии внедрения уникальной услуги с учетом экономических расчетов.

В результате у пассажиров ВС создается первичное положительное впечатление о регионе, кроме того прогнозируется увеличение возврата клиентов, формирование группы лояльных клиентов, состоящих из гостей региона, частично из местных жителей, независимо от этнической принадлежности.

Процесс разработки уникальных услуг может стать предметом коллективной работы студентов в ходе проектной деятельности или иных форм учебной работы.

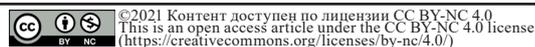
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 20.07.2000 N 104-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».
2. Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 года №536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (с изменениями на 26 декабря 2011 года)».
3. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 N 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации».
4. Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. 1084 с. – (Народы мира. Этнографические очерки).
5. Народы России: энциклопедия / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. АН: гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – 479 с.
6. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX-XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
7. История и культура негидальцев: историко-этнографические очерки. Научное издание. — Владивосток: Дальнаука, 2013. — 350 с.
8. Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII—XIX вв.) / Отв. ред. В.А. Тураев. — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. — 364 с.
9. История и культура дальневосточных эвенков. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Тураев. СПб, Наука, 2010.
10. Народы Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев М., Наука, 2010, 773 с.

11. История и культура орочей. Историко-этнографические очерки. /Отв. ред. В.А. Тураев СПб: Наука, 2001
12. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. /Отв. ред. В.А. Тураев. СПб: Наука, 2003
13. История и культура нивхов. Историко-этнографические очерки /Отв. ред. В.А. Тураев. СПб: Наука, 2008.
14. В.А. Тураев Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Серия: Библиотека коренных народов Севера. М., 2005. 464 с.
15. Тюркские народы Восточной Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ и Н.А. Алексеев. М.: Наука, 2008. 422 с. (Народы и культуры).
16. Народы Российского Севера и Сибири / Отв. ред. З.П. Соколова, Д.А. Функ. М.: издание ИЭА РАН, 1999 (Сибирский этнографический сборник. Вып. 9)
17. Концептуальные и методологические аспекты формирования сервисологии как науки синергического типа (Генезис новых наук, потребности, потребление, сервис как экономической и общественной феномен, общие и частные подходы к сервисоведению, формирование сервисного общества: проблемы и перспективы, сервис в процессно-технологическом осмыслении) / Т.Н. Ананьева и др.; Науч. Ред. Н.А. Платонова. Под ред. А.А. Федулина и В.Э. Багдасаряна. – М.: «Собрание», 2018. – 246 с.
18. Федулин А.А., Багдасарян В.Э. Сервис в историческом и философском осмыслении. ФГОС ВПО РГУТус: М.: «Собрание», 2015. – 237 с.
19. Сервис: термины и определения: словарь / Под ред. О.Я. Гойхмана. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 179 с.
20. Сфера услуг: проблемы и перспективы развития. В 4-х т. Под ред. акад. Ю.П. Свириденко. М.: «ВегаИнтел XXI», 2015 – 836 с
21. Аванесова Г.А. Сервисная деятельность: Историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 230500 Соц.-культур. сервис и туризм, 230600 Домоведение / Г.А. Аванесова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 318 с.
22. Велединский В.Г. Сервисная деятельность. Учебник / В.Г. Велединский. – М.: КНОРУС, 2018. - 176 с.
23. Карнаухова В.А., Краковская Т.А. Сервисная деятельность: Учебное пособие / Под общ. ред. Ю.М Краковского. - Изд. 2-е. – М.: ИЦК «МарТ»; Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2016. – 254 с.
24. Романович Ж.А., Калачев С.Л. Сервисная деятельность. Учебник / Под общей редакцией проф. Ж.А. Романовича. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016. – 284 с.
25. Галямова Т.В. Организация перевозок на воздушном транспорте: тексты лекций / СПб ГУ ГА. СПб., 2018. – 135 с
26. Федеральные авиационные правила «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» <https://base.garant.ru/191872/>
27. Чайна Френдли официальный сайт <https://chinafriendly.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
28. Хаяль Френдли официальный сайт <https://ru.halalbooking.com/landings/hble> (дата обращения: 30.04.2021).
29. Израиль Френдли официальный сайт <https://ru-ru.facebook.com/israelfriendly/> (дата обращения: 30.04.2021).
30. Индия Френдли официальный сайт www.india-friendly.ru. (дата обращения: 30.04.2021).
31. История и культура негидальцев: историко-этнографические очерки. Научное издание. — Владивосток: Дальнаука, 2013. — 350 с.
32. Веб-сервис «Blogger» Традиционная вышивка народов Приамурья и Дальнего Востока [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://neugomongalchonok.blogspot.com/2015/09/blog-post.html>

Статья поступила в редакцию 20.05.2021
 Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.147
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0027

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

© Автор(ы) 2021

SPIN: 6953-8308,

AuthorID: 252217

ORCID: 0000-0002-2754-4281

КУЛИКОВА Виктория Викторовна, кандидат географических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, научный сотрудник отдела учебно-воспитательной и научной работы *Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, филиал в г. Находке (602902, Россия, Находка, ул. Озерная, 2, e-mail: vikkidis@mail.ru)*

Аннотация. Основанием для написания данной статьи послужил переход образовательных областей из традиционного уклада к новым форматам, к примеру, практико-ориентированному обучению для повышения заинтересованности студентов к изучению такой дисциплины, как «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ, БЖД). Тематика катастрофических процессов в преподаваемой дисциплине представлена разделом ЧС (чрезвычайные ситуации) природного характера, где изучаются обусловленные своеобразными природными условиями в Приморском крае (муссонный климат, интенсивная тектоническая деятельность в неоген-четвертичное время, сейсмическая активность и другие процессы), такие явления как землетрясения, цунами, оползни, наводнения, сели, циклоны и т.д. Дисциплина преподаётся студентам на первом и третьем курсе, обучающимся на дневном и заочном отделениях по всем направлениям подготовки «Физическая культура», «Право и организация социального обеспечения», «Программирование в компьютерных системах», «Организация перевозок и управление на транспорте», «Земельно-имущественные отношения». Исследование береговой зоны в районе озера и пляжа Рица позволили выявить опасные участки проявления катастрофических процессов и изучить мероприятия защиты от них. Практико-ориентированное обучение (ПОО) может быть использовано как в высшем звене образования, так и в среднем профессиональном образовании на различных направлениях подготовки.

Ключевые слова: практико-ориентированное обучение, катастрофические процессы, защита, цунами, берегозащитные волноломы (волнорезы).

EXPERIENCE OF APPLICATION OF PRACTICE-ORIENTED TRAINING IN STUDYING THE DISCIPLINE “BASICS OF LIFE SAFETY”

© The Author(s) 2021

KULIKOVA Victoriya Viktorovna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Researcher of the Department of Educational, Educational and Scientific Work

Vladivostok State University of Economics and Service, Branch in Nakhodka (602902, Russia, Nakhodka, Ozernaya st., 2, e-mail: vikkidis@mail.ru)

Abstract. The basis for writing this article was the transition of educational areas from the traditional way of life to new formats, for example, practice-oriented learning to increase students' interest in studying such a discipline as «Fundamentals of Life Safety» (OBZh, BZhD). The topic of catastrophic processes in the taught discipline is represented by the section on emergencies (emergencies) of a natural nature, where they study the phenomena caused by peculiar natural conditions in the Primorsky Territory (monsoon climate, intense tectonic activity in the Neogene-Quaternary time, seismic activity, and other processes), such phenomena as earthquakes, tsunamis, landslides, floods, mudflows, cyclones, etc. The discipline is taught to first and third year students studying in full-time and part-time departments in all areas of training «Physical culture», «Law and organization of social security», «Programming in computer systems», «Organization of transportation and management of transport», «Land - property relations». The study of the coastal zone in the area of the lake and the Ritsa beach made it possible to identify hazardous areas of manifestation of catastrophic processes and to study measures to protect against them. Practice-oriented learning can be used both at the highest level of education and in secondary vocational education in various areas of training

Keywords: practice-oriented training, catastrophic processes, protection, tsunamis, coastal breakwaters.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Цели образования в настоящее время существенно трансформированы в применяемых средствах и методах обучения. Стандарты предъявляют требования к разработке учебных программ посредством применения технологий, позволяющих развивать личность с широким кругозором. Актуальным аспектом обучения на современном уровне образования считается практико-ориентированное обучение (ПОО), которое позволяет построить процесс обучения с усилием на практическую часть на занятиях, что является важной задачей образования. В процессе проведения такого практико-ориентированного занятия осуществляемая рефлексия проявляет активизацию познания учащихся, происходит осознание ценности знания, вызывается мотивация обучения, повышается значимость изучаемой темы и самой дисциплины в целом, формируются профессиональные и специальные компетенции и др. [1]. Все это позволит решить актуальные задачи подготовки специалистов. Перечисленные положения непосредственно выявляют актуальность за-

явленной темы.

Проведём контент-анализ понятия ПОО и представим его в таблице 1. Представленный некоторый обзор имеет различную смысловую нагрузку.

Таблица 1 – Контент-анализ понятия «Практико-ориентированное обучение»

Автор	Представленное понятие практико-ориентированное обучение
Болдыренко Т. Н. [2]	Приобретение новых знаний и формирование практического опыта их использования при решении проблем и задач в профессиональной сфере
Петрова И.В., Мамаев Н.Г. [3]	Процесс взаимодействия трех субъектов обучения: преподавателя, студента и профильного предприятия
Зигаева И.А., Никulina Н.Н., Михайлуенко С.С. [4]	Метод обучения, при котором педагог создаёт такие условия, в рамках которых учащиеся будут иметь возможности реализовать свои потребности к познанию и исследованию, освоить различные формы учебной деятельности и применять их на практике в самостоятельной работе
Астапова Е.А., Погребцова Е.А. [5]	Модель обучения, где полученные знания и умения трансформируются в практические навыки и опыт профессиональной деятельности как результат сформированности компетенций
Болдырева А.Г., Низяева М.В., Черная Л.П. [6]	Инновационная модель, как учебная бизнес-среда, формируемая на основе деятельности автономных студенческих команд (микрорайонов) как самоорганизующихся групп
Бурдогова О.В. [7]	Система поэтапного вовлечения студентов в процесс познания фундаментальных предметных знаний через освоение технологий их качественного и количественного отбора, систематизации и оценивания их достоверности, через использование комплекса профессионально-ориентированных технологий, форм и методов обучения, способствующих формированию не только универсальных и профессиональных компетенций, но и способности к рефлексии и профессиональной самоактуализации

Учтём и такой компонент педагогического процесса, как интегрированность знаний [8], особенно в связи с возрастанием комплексных проблем в области безопасности жизнедеятельности [9]. Отнесём ПОО в контексте дисциплины к предметно-образной интеграции, воссоз-

дающей целостный образ о предмете познания.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задания).

Статья, где объектом заявим катастрофические процессы, в частности цунами регионального характера, имеет основную цель раскрыть значение береговых укреплений и возможности применения на практике изученного материала на примере дисциплин «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ, БЖД). Основной упор делался на изучение самого процесса (понятие, причины, факторы, механизмы и пр.), выделение участков побережья в городе, чувствительных к данным процессам, и возможности их защиты.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Материалами в целях написания указанной статьи послужили исследования в данной области знаний, наблюдение, сравнение, анализ, обобщение, фотографический, исторический, личный опыт.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Для прибрежной зоны Японского моря характерны катастрофические процессы [10]. Приморский край (юг Дальнего Востока России) уникален, обладает особенными природными факторами, например, муссонным климатом, интенсивной тектонической деятельностью в неоген-четвертичное время, сейсмической активностью и др. Регион отличается значительным сосредоточением природных процессов, которые отличаются опасностью: землетрясениями, цунами, оползнями, наводнениями, селями, циклонами и т.д. Антропогенные факторы существенным образом усугубляют масштабность и последствия указанных процессов.

Представляя некоторые аспекты изученности данной предметной области, укажем, что катастрофические волны цунами как наиболее опасные морские стихийные явления приносят сильные разрушения на тихоокеанском российском побережье. Цунами представляются серией гигантских волн радиально распространяющихся, связанных с подводным землетрясением или извержением вулкана. Исторические данные фиксировали 17 крупных цунами на побережье Японского моря за 2500 лет [11]. Очаги подводных землетрясений преимущественно локализованы в тектонически активных океанских районах, основная часть которых окаймляет Тихий океан от Чили до Японских островов (там, где литосферные плиты океанского дна граничат с континентальными). Любое вертикальное смещение (до нескольких метров) мгновенно деформирует свободную поверхность воды. Образовавшееся цунами распространяется радиально во всех направлениях в виде цуга волн, энергия которых содержится в волнах, длиной соответствующих размерам очага, а высота определяется вертикальным смещением. Попадая на шельф, высота волны увеличивается, отчасти за счёт концентрации энергии в мелкой воде, отчасти в результате рефракции, при которой происходит захват ещё большей концентрации энергии вдоль береговой линии.

На берегу цунами проявляется в виде быстрых течений в заливах и гаванях, в заплёскивании воды на низко расположенные участки и разбивании волн у отвесного берега с подъёмом воды на 20 м над уровнем моря. Некоторые волны цунами достигают высоты от 30 до 50 м, длина волны варьируется в значительных пределах от 5 до 1500 км. Их высота зависит от очертаний побережья и от глубины моря вблизи берега, также от рельефа морского дна и шельфа. Так, в открытых и крючкообразных (отгороженных от моря узким мысом) заливах цунами может вызвать резкий подъём воды на одной стороне залива, на другой изменение уровня воды будет небольшим. Опасны суживающиеся бухты и проливы, которые уменьшаются глубинами. Это приводит к значительному увеличению высоты цунами в них. На низменном по-

бережье волна охватывает значительные участки суши. Опасны и устья рек с образованием вертикальной стены воды (бор).

Известный перевод цунами с яп. «волны в гавани» («цу» – гавань, «нами» – волна) – волны, распространяющиеся чередой. В открытом океане такие волны не видны, их высота не более 2 м. При приближении к шельфу высота этих волн быстро увеличивается. Водные гигантские валы достигают высоты 10 – 50 м и выглядят, как бурлящая пенящаяся стена с вертикальным фронтом.

Цунами, подобно звуковой волне, проходит сквозь толщу воды, и его волновой фронт протягивается от поверхности до морского дна. Скорость цунами велика. Например, в Тихом океане скорость цунами составляет 600 – 800 км/ч. Скорость распространения цунами велика и достигает иногда 1000 км/ч. Скорость цунами в открытом море зависит от глубины воды; чем глубже океан, тем выше скорость.

Время пробега волны цунами зависит от расположения очага землетрясения, от природы механизма возбуждения цунами и от места, где наблюдается приход волны цунами. Типичное время пробега от 4 до 23 часов. Примерно 5 % от общего числа прошедших цунами составляют цунами, вызванные вулканическими извержениями. На земном шаре насчитывается 609 действующих вулканов; их них 123 (20 %) – подводных. Вулканические извержения могут являться причиной катастрофических цунами. Когда извергался вулкан Кракатау в 1883 г. высота волны на берегу достигала 45 м.

Во время рейса НИС «Вулканолог» обнаруженный подводный вулканический массив в Беринговом море в 40-50 км к северо-востоку от Командорских островов по размерам сопоставим с Авачинско-Корякской группой вулканов на Камчатке. В 1985 г. северо-западнее острова Кетой в Охотском море открыт новый большой подводный вулкан – Юбилейный. Учитывая размеры вулканов, можно предполагать их высокую цунамиопасность. Сильнейшее землетрясение, сопровождающееся цунами во многих станциях мира, – Камчатское 04.11.1952 г. А при извержении вулкана Безымянный 30.03.1956 г. возникающие волны цунами на расстоянии 6000 км имели высоты порядка 0,3 м.

Основная трудность при изучении вулканических цунами связана с практически полным отсутствием данных об очагах цунами. Не всегда сильные землетрясения, происходящие близко к побережью, образуют цунами, но вероятность возникновения велика, а, значит, предупредить о цунами важно. Особенно опасно цунами для населенных пунктов и сооружений, находящихся в вершине существующего залива или бухты, открытые обширно к океану и клинообразно сужающиеся в направлении суши. Примерами таких мест являются бухты Русская, Листвиничная, Моржовая, Океанская, второй Курильский пролив, Камчатский залив. Здесь цунами привнесит значительную водяную массу, затопляя устья и долины рек на расстоянии 2-3 км от моря.

Цунами относительно редкое явление. На Камчатском побережье и на Курильских островах цунами возникали с тах подъёмом уровня воды > 23 м один раз в сто – двести лет, 8 – 23 м один раз в пятьдесят – сто лет, 3 – 8 м один раз в двадцать – тридцать лет, 1 – 3 м один раз в десять лет.

Катастрофические цунами с высотой больше 20 м у Тихоокеанского Камчатского побережья и Курильских островов за три последних столетия наблюдались дважды: 6 октября 1737 г. и 05.11.1952 г. Цунами, возникающие у берегов камчатского побережья, Курильских островов и у побережья Сахалина, происходят от землетрясений, возникающих к северо-западу зоны тихоокеанского сейсмического пояса и входящим в него (Алеутский, Курило-Камчатский, Японский глубоководные желоба). Однако цунами в этих районах могут быть вызваны и более удалёнными землетрясениями. Примером может служить цунами, возникшее в результате катастрофического

землетрясения в Чили 23 мая 1960 г. Цунами прошли за сутки расстояние 15 000 – 18 000 км от Тихоокеанского побережья Южной Америки до Курильских островов и Камчатки, достигли берегов Сахалина. Исторические материалы на приморских побережьях отмечают пять эпизодов цунами: 01 августа 1940, 16 октября 1964, 05 сентября 1971, 26 мая 1983, 13 июля 1993 гг. Данные очаги с локализацией в цунамигенной области близ побережья Японии. Волны цунами отмечались вдоль всего приморского побережья с макс высотой 5 м. В заливах Восток и Находка отметка воды была на уровне до 2,5 м., в бухте Золотой Рог – на 0,7 м, а в открытых бухтах Уссурийского залива подъём уровня достигал до 5 метров.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

В источнике [12] проведен сравнительный анализ величин нагрузок от волн цунами на сплошные береговые объекты. Практико-ориентированному обучению, непосредственно на занятиях ОБЖ (БЖД), посвящены работы [13; 14]. В настоящее время интерес к ПОО повышается [4]. В работе [15] раскрыты педагогические условия внедрения ПОО, основывающегося применение инноваций в обучении, педагогическом мастерстве, социальном партнёрстве потенциальных работодателей и др. Авторы [16] связывают применение ПОО с прохождением в течении обучения различных видов практик; другие внедряют специальные технологии обучения на основе созданных профильных блоков [17]. Практико-ориентированное обучение считается активной формой обучения, и особо выделяется при помощи таких форм обучения, как приглашение лектора-производственника [18] и создание виртуальной лаборатории по БЖД [19]. ПОО основано на применяемых технологиях в обучении: интерактивное, контекстно-компетентностное, саморегулируемое обучение, технологии референтации.

Научная сфера знаний в рамках рассматриваемой дисциплины многогранна. Изучаются события природного, техногенного, социального, антропогенного, экологического характера и соответственно превентивные меры от угроз данных событий. Применяемое ПОО на примере дисциплин «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ, БЖД), возможно на примере реализации программ СПО в находкинском колледже ВГУЭС по всем специальностям, где данные дисциплины преподаются на 1 и 3 курсе.

Организационно занятие проходит в аудитории и условиях данного занятия служат: компьютер, Интернет или мобильное устройство, проектор. Занятие представляется мультимедиа-уроком с сопровождением презентации и видеосюжетами по теме «ЧС природного характера. Цунами. Защита».

Маршрутными исследованиями подтверждается изучением типологии берега, изучением береговых сооружений и пр. В районе городской набережной озера Рица в результате прошедшего тайфуна «Майсак» после сильного шторма (сентябрь 2020 г.), разрушившего прогулочную зону отдыха, были установлены инженерные сооружения (октябрь 2020 г.), в частности берегозащитные волноломы (волнорезы) в количестве 40 больших и 27 средних (эти были установлены ранее). Компонировка волноломов представлена на рисунке 1. Вся пляжная зона (прогулочная дорожка вдоль берега, выложенная брусчаткой, скамейки и пр.) выброшенными камнями и обломками деревьев была разрушена. В кратчайшие сроки местными органами власти городская набережная была восстановлена. Данные волноломы предназначены не только для защиты берега от шторма, но и от цунами, штормовых нагонов, течений льда, эрозии берега и др. Фигурные блоки из бетона (железобетона), называемые еще тетраподами, разноцветные, с подписями, установлены на слабонаклонном основании курсами в одной плоскости вдоль берега на протяжении 200 – 250

м. Основной характеристикой таких сооружений служит масса, а к таким характеристикам, как качество изготовления, внешний вид и элементы армирования, предъявлены высокие требования для служения в целях защиты десятки лет. Большие установленные тетраподы весят порядка 10 тонн и выполняют свою защитную функцию – рассеивание силы входящих волн. Вот такие железобетонные «джунгли» изучаются нами на занятии.

Обсуждению подвергается и динамизм многих процессов, увеличение числа многоступенчатых (каскадных) катастроф, при котором стихия порождает другую, что ухудшает состояние природной среды, приводя к изменениям в природных системах. Построению подлечит логическая цепочка данных процессов в виде схемы. Среди активных методов обучения применяем кейс-стади, где на примере искусственно созданной ситуации решаем задачу: «Обстановка в районе воздействия цунами». Считаем возможным и применение ментальной карты, что позволит произвести группировку большого потока информации, структурируя его [20]. Изображенный материал включает основные тезисы изученной темы, заменяет много слов, используя главные понятия (рисунок 3).

Рисунок 1 – Разрушенная городская набережная Рица после тайфуна «Майсак» (сентябрь 2020 г.)

Рисунок 2 – Восстановленная городская набережная Рица (фото автора, март, 2021 г.)

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Итак, изучение данной дисциплины ОБЖ (БЖД), проводимое на занятиях ПОО, решает прикладные задачи: реализует потребность к мотивации, познанию в данной области знаний; развивает всестороннюю личность; вовлекает в исследовательский процесс; формирует логическое мышление и др. Педагогу такая преподавательская деятельность открывает новые возможности: раскрыть педагогическое мастерство, учесть педагогические технологии при прохождении на вакантную должность при конкурсном отборе, где в листе самодиагностики заполняется строка об используемых технологиях, повесить самооценку и оценку в «глазах» студента, как одного из участников образовательного процесса и оценщика преподавательского труда. Применение ПОО развивает результативность учебного процесса в целом.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

В рамках данного исследования освещён краткий аспект практико-ориентированного обучения, автор продолжит исследования в данном направлении.

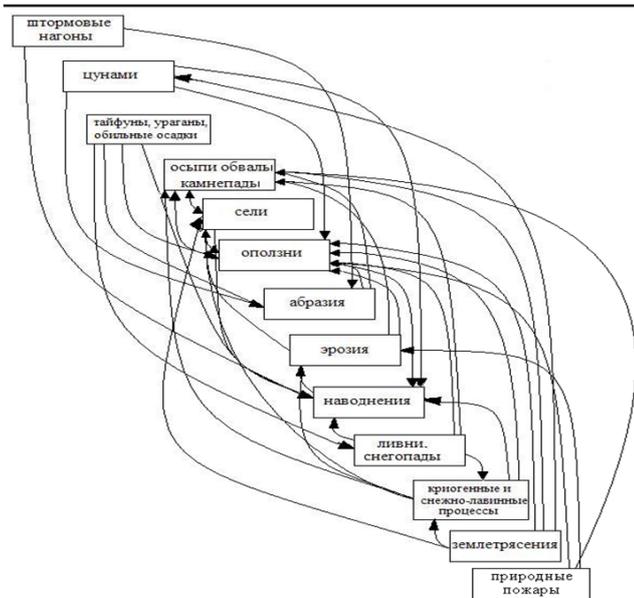

Рисунок 3 – Фрагмент ментальной карты
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Куликова В.В., Заярная И.А. Организация процесса рефлексии как метода познания // *Общероссийский научно-педагогический журнал «Наука и школа»*. № 1. 2019. С. 147-154
2. Бондаренко Т.Н. Функциональная модель эффективного практико-ориентированного обучения в высшем учебном заведении // *интернет - журнал «Наукоедение»*. 2013. №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/55evn413.pdf> (дата обращения: 02.08.2021)
3. Петрова И.В., Мамаев Н.Г. Компетентностная модель практико-ориентированного обучения студентов строительного профиля: анализ результатов экспериментальной апробации // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2017. № 3 (95). Ч.1. С. 127-134
4. Зигаева И.А., Никулина Н.Н., Михайлусенко С.С. Практико-ориентированное обучение – одно из современных направлений обучения // *Современные технологии в мировом научном пространстве: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции*. - Уфа: Аэтерна, 2019. С. 105-107
5. Асташова Е.А., Погребцова Е.А. Практико-ориентированное обучение при подготовке менеджеров // *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ejournal.omgau.ru/index.php/spetsvyrusk-3/36-spets03/728-00265> (дата обращения: 02.08.2021)
6. Бодункова А.Г., Ниязова М.В., Черная И.П. Создание учебной бизнес-среды как инновационной модели практико-ориентированного обучения в предпринимательском вузе // *Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал*. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7647> (дата обращения: 03.08.2021).
7. Бурдогова О.В. Технологии внедрения практико-ориентированных моделей в образовательный процесс высшей школы // *Методические проблемы развития практикоориентированного обучения на управленческих и экономических направлениях подготовки*. 2017. С. 1265-1273. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf14/s4.pdf (дата обращения: 02.08.2021)
8. Куликова В.В., Власова Е.М. Интеграция дисциплин «Основы безопасности жизнедеятельности» и «История» // *Азимут научных исследований: Педагогика и психология*. № 3(33). 2021.
9. Мамадалиев Ш.М., Рахманов Ш.В. Совершенствование системы обучения безопасности жизнедеятельности // *Вопросы науки и образования*. 2019. № 17(64). С. 81-84.
10. Куликова В.В. Стихийные и катастрофические процессы и их экологические последствия (на примере юга Дальнего Востока): монография. – Находка: Институт технологии и бизнеса, 2006. – 136 с.
11. Короткий А. М., Куликова В.В. Воздействие цунами на прибрежную зону Приморья // *Вестник ДВО РАН*. 2008. № 6. С. 34–47
12. Яковлев А.Д. Нагрузки от волн цунами на береговые сооружения // *Природные и техногенные риски. Безопасность сооружений*. 2021. № 1(50). С. 39-41.
13. Наумов Ю.А. Изучение эрозионных процессов на урбанизированных территориях в системе практико-ориентированного обучения студентов (на примере г. Находка Приморского края) // *Карельский научный журнал*. 2020. № 4. С.36-38
14. Наумов Ю.А. Изучение экстремальных воздействий морских штормов на урбанизированных берегах Приморского края в системе практико-ориентированного обучения студентов (на примере г. Находка Приморского края) // *Карельский научный журнал*. № 2 (35). Том 10. 2021. С. 18-21
15. Минервин И. Г. Практико-ориентированная модель подготовки современного специалиста: монография / И. Г. Минервин, С.

В. Абрамова, Е. Н. Бояров, А. С. Ломов. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ. 2014. 152 с.

16. Аралбаева Г.Г. Роль практико-ориентированного подхода в учебном процессе вуза при обучении студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» // *Методические проблемы развития практикоориентированного обучения на управленческих и экономических направлениях подготовки*. 2017. С. 1252-1255. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf14/s4.pdf (дата обращения: 03.08.2021)

17. Федотов В.И., Куропан С.А. Практико-ориентированный подход в университетском экологическом образовании // *Современная экология: образование, наука, практика. Материалы международной научно-практической конференции*. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2017. Т. 1. С.13-17

18. Рязанова Н.Е. Активные формы обучения как основа практикоориентированного подхода в обучении экологов // *Современная экология: образование, наука, практика. Материалы международной научно-практической конференции*. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2017. Т. 1. С.122-126

19. Поляков Е. А. Проектирование и результаты применения в учебном процессе виртуальной лаборатории «Безопасность жизнедеятельности» при подготовке бакалавров // *Вестник Костромского государственного университета*. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2019. Т. 25. № 1. С. 203-207.

20. Куликова В.В. Ментальная карта как метод обучения // *Карельский научный журнал*. 2021. № 1 (34). С. 29-32.

Статья поступила в редакцию 22.08.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 37.015.031, 37.018.4
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0028

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ УЧЕБНОГО СТРЕССА И УЧЕБНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 2426-9150
AuthorID: 724784
ORCID: 0000-0001-8409-5518

ЛИЛЬБЕРГ Ребекка Эриковна, кандидат философских наук, преподаватель отделения ПДО
Медицинский колледж Министерства образования РФ
(117105, Российская Федерация, Москва, Варшавское шоссе, д. 16А; e-mail: sothys1@mail.ru)

Аннотация. В исследовании, результаты которого положены в основу написания данной статьи, проведен анализ и сравнительное обобщение эмпирических данных, полученных в ходе проведения констатирующего эксперимента на широкой выборке студентов разных курсов и разных специальностей, переведенных на дистанционную форму обучения из-за социальных ограничений, введенных вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции SARS-Cov2. Особое внимание уделено анализу статистически наиболее значимых факторов риска возникновения учебного стресса студентов вследствие их помещения в принципиально иную образовательную ситуацию, а также предпринята попытка поиска и обоснования содержательной стороны коррелянтов влияния стресс-факторов на психику учащихся студентов, и изменения объективных показателей их учебной успеваемости, показаны различия структуры генерируемого учебного стресса для студентов по разным курсам, а также по разным направлениям их профессиональной подготовки. Кроме того, по результатам, полученным в ходе исследования, выдвинут ряд предположений о возможных причинах реструктуризации комплексов стрессового портретирования студентов от курса к курсу, также проявляемых в некоторых возникающих изменениях эффективности их учебной деятельности вследствие нарушения ее организованности и плановности. По результатам предпринятого анализа исходной эмпирической информации в завершение работы сформулированы заключительные выводы и предложены эффективные клинические рекомендации по нейтрализации разрушительных последствий учебного стресса, и восстановления уровня продуктивности учебной деятельности, сниженной вследствие вынужденного перехода на дистанционную форму обучения, до норм.

Ключевые слова: трансформация учебных моделей, дистанционная форма обучения, содержательная редукция образовательного процесса, стихийность процесса адаптации, дисфункция образовательных субституций, фрагментарность действия процедур контроля, редукция образовательной мотивации, методика мезодiencephальной модуляции, формирующая методология дистанционного обучения

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS OF THE FACTORS OF INTERACTION OF EDUCATIONAL STRESS AND EDUCATIONAL EFFICIENCY OF STUDENTS IN THE CONDITIONS OF DISTANCE LEARNING

© The Author(s) 2021

LILJEBERG Rebecca Erikovna, Ph.D., Lecturer of the PDO Department
Medical College of the Ministry of Education of the Russian Federation

(117105, Russian Federation, Moscow, Warsaw highway, 16A; e-mail: sothys1@mail.ru)

Abstract. In the study, the results of which had been based for writing this article, an analysis and comparative generalization of empirical data obtained during the ascertaining experiment on a wide sample of students of different courses and different specialties, transferred to distance learning due to social restrictions introduced as a result of the pandemic, was carried out. new coronavirus infection SARS-Cov2. Particular attention is paid to the analysis of the statistically most significant risk factors for the occurrence of educational stress of students due to their placement in a fundamentally different educational situation, and an attempt was made to search and substantiate the content side of the correlates of the influence of stress factors on the psyche of students, and changes in the objective indicators of their academic performance differences in the structure of the generated educational stress for students in different courses, as well as in different areas of their professional training. In addition, according to the results obtained in the course of the study, a number of assumptions and possible reasons for the restructuring of complexes of stress portraiture of students from course to course have been put forward, also manifested in some emerging changes in the effectiveness of their educational activities due to a violation of its organization and orderliness. Based on the results of the undertaken analysis of the initial empirical information, at the end of the work, final conclusions were formulated and effective clinical recommendations were proposed for neutralizing the destructive consequences of educational stress, and restoring the level of productivity of educational activity, reduced as a result of the forced transition to distance learning, to the normal state.

Keywords: transformation of educational models, distance learning, meaningful reduction of the educational process, spontaneity of the adaptation process, dysfunction of educational substitutions, fragmentation of control procedures, reduction of educational motivation, mesodiencephalic modulation technique, formative methodology of distance learning

ВВЕДЕНИЕ

Глубокие изменения практически всех сфер социального функционирования индивидов вследствие введения масштабных ограничений эпидемиологической природы в последние месяцы, начиная от геополитики и заканчивая областью личных контактов, не обошли стороной также и сферу образования, поскольку подавляющее большинство образовательных моделей предполагает не только механическую трансляцию учебной информации от учителя к ученикам (эту задачу можно решить с помощью обычного учебника), но и процесс непосредственного, живого общения между ними с целью передачи актуального жизненного или значимого

профессионального опыта использования только что транслированных теоретических знаний. Это различие тем более значимо и глубоко, чем в большей степени конкретная образовательная модель ориентирована на интерактивные формы такого взаимодействия, и чем в большей степени она нуждается в постоянном контроле и коррекции понимания учащимися нового учебного материала, равно как и в его последующем практическом закреплении ими.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными задачами.

Сфера образования среди прочих областей массовой духовной и материальной активности современно-

го общества пострадала едва ли не больше всех остальных, поскольку, по предназначению своему, учебная аудитория есть средоточие значительного количества обучающихся и обучающихся индивидов, совместное физическое пребывание которых в рамках ограниченного ее пространства с определенного момента введения режима повышенной эпидемиологической готовности стало невозможным. Последнее по факту приоритетности вынужденно избираемого целеполагания (сохранение здоровья и жизни учителей и учеников в условиях значительного повышения уровня возможных эпидемиологических рисков против продолжения функционирования системы в прежнем виде – [1]) поставило участников учебного процесса перед необходимостью решения таких чисто практических задач сохранения функциональности образовательной сферы, с которыми прежде никто из них не сталкивался хотя бы по факту уникальности события (тотальной пандемии) в общем историогенезе современной цивилизации. Едва ли не единственным возможным выходом из состояния этой почти полной остановки системы стал массовый, беспрецедентный по своим масштабам перевод всех видов обучения очной формы в форму дистанционную. Однако это вынужденное решение, эффективность которого на первых порах оказалась в значительной степени переоцененной, со временем обнаружило также целый ряд собственных и довольно существенных недостатков.

Анализ последних исследований и публикаций по теме.

Не только настоящее исследование, результаты которого были положены в основу данной статьи, но и проведенные исследования аналогичной направленности [2; 3; 4], – практически согласованно отмечают, что основным источником общего стрессирования психики учащихся в период перевода на дистанционное обучение становится именно функциональный, учебный стресс, связанный с необходимостью трансформации сложившихся индивидуальных модулей учебной активности студента под непривычные, новые и внезапно возникшие условия и ограничения. Принимая во внимание и то обстоятельство, что для учащихся первого года обучения остается незавершенным процесс исходной адаптации к измененным условиям обучения внутри системы профессионального образования, в значительной степени отличающихся от условий средней школы, следует ожидать, что для студентов-первокурсников перевод на «дистант» окажется наиболее чувствительным и болезненным вследствие истощения адаптационного потенциала, общий уровень которого оказывается уже сниженным по причинам, указанным во всех этих публикациях [Ibid.].

Выделение неразрешенных ранее частей указанной проблемы и актуальность

По результатам анализа результатов проведенного исследования обнаруживает себя вполне определенная избирательность основных факторов, вызывающих учебный стресс студентов, в зависимости от профессионального направления, подготовку по которому они проходят в процессе обучения. К сожалению, в приведенных выше источниках нигде не прослеживается связь между доминированием субъективно отмечаемого фактора роста внешней учебной нагрузки, деформирующего систему индивидуально избранных типов учебной активности конкретного студента, с актуализируемыми затем факторами значительной содержательной редукции образовательного процесса по целому ряду учебных дисциплин, в наибольшей степени требующих выполнения своих практических (лабораторных) этапов [5]. В этом отношении, например, студенты специальностей медицинского профиля, как это следует из результатов настоящего исследования, – то есть профиля, требующего обязательного освоения практически всех изучаемых предметов также и в их

клинической части, – оказываются в наиболее уязвимом положении [6; 7], что, по существу, и определило актуальность настоящего исследования. Ниже этот объективный по своему характеру вывод будет дополнительно обсуждаться.

МЕТОДИКА

Формирование целей статьи.

Согласно данным исследования [1], прошедшие периоды обострения («пики») эпидемиологического процесса уже привели к фактическому переводу на дистанционную форму обучения более 4 миллионов студентов и 235 тысяч их преподавателей. Более того, целый ряд авторов опубликованных научных статей [8; 9; 10] отмечают, что само выполнение столь технически сложной и многокомпонентной процедуры оказалось возможным только потому, что к началу периода введения режима повышенной готовности был сформирован определенный практический опыт проведения учебных занятий в дистанционной форме [8; 10]. Однако события пандемии сформировали особые условия, которые с самого начала пошли вразрез с ранее декларированными целями Концепция дистанционного образования [11] изначально определялась этим программным документом лишь в качестве дополнения к существующим очным формам. Напротив, резкий и вынужденный перевод всей образовательной системы на дистанционную форму, сохраняющую возможность трансляции учебного материала в режиме удаленного доступа, а потому оказавшуюся единственно возможной и выполнимой в условиях ограничений пандемии, сопровождался крайней фрагментарностью действия регуляторных и контрольных процедур за совершением этого процесса, который в целом ряде случаев стал приобретать ситуативный, стихийный и слабо поддающийся организации характер [12; 13]. В отсутствие такого контроля глубокой и существенной реструктуризации был принудительно подвергнут ряд опорных дидактических и методических аспектов осуществления учебного процесса – обмена учебной информацией, осуществления операций контроля сформированных знаний, сбора отчетности по выполненным и невыполненным учебным заданиям и т.п. Эта вынужденная редукция существующих и последующая за ней диффузия вновь вводимых форм обучения, воспринимавшихся преимущественно в качестве вынужденных субституций, вызвали крайне неоднозначную реакцию как профессионального преподавательского корпуса, так и самих обучающихся [2; 14; 15].

Таким образом, заложенная ранее правовая основа и прежде нарабатанный опыт стали теми фактически основными, которые обеспечили в процессе этого перехода, преимущественно технического по своей сути, определенную преемственность прежних и вновь вводимых образовательных онлайн технологий. Тем не менее, на фоне состоявшихся первых успехов даже самые оптимистические прогнозы нигде, ни в одном программном документе не предусматривали полной замены очной формы обучения формой дистанционной [16; 17], тогда как разразившаяся пандемия новой коронавирусной инфекции в самый сжатый промежуток времени сделала такую замену фактической реальностью [16; 18], поставив тем самым образовательную сферу всю, целиком, перед необходимостью столь же вынужденной адаптации к тому, что оказалось единственно осуществимым, и на период которой факторы устойчивости, стабильности и эффективности функционирования системы определялись всеми ее сторонами разве что только конвенционально. Последнее, в свою очередь, достаточно быстро привело к значительной, вплоть до диаметральной, дифференциации публично декларируемых оценок этих вынужденных перемен [19; 20; 21]. Это парадоксальное, на первый взгляд, расхождение в оценках, на самом деле имело под собой основу, раскрытие природы которой и может быть в итоге заяв-

лено как одна из основных целей данного исследования: почему именно как на величину, так и на знак такого рода оценок в наибольшей степени повлияли главным образом два фактора: удельная доля практических и лабораторных занятий в курсе преподаваемой дисциплины и индивидуальный уровень преподавателя в освоении уже сформированных на начало перехода на «дистант» электронных образовательных технологий [22], [23]? Достижение этой цели определялось в рамках настоящего исследования через решение целого ряда задач более частного характера, связанных с выяснением действительных причин формирования следующих эффектов перехода на дистанционную форму обучения:

– преподаватели дисциплин со значительной удельной долей практических и лабораторных занятий вынужденно перешли на преподавание практически одной теории;

– преподаватели, уже имевшие навыки обучения учащихся в дистанционной форме, смогли адаптироваться к новым условиям и требованиям быстрее своих коллег. Однако поскольку учебный план формируется на основе образовательного стандарта (стандартов), то приспособиться пришлось всем, причем приспособиться в короткие сроки, что и было достигнуто путем приложения случайных, интуитивно принимаемых решений, чрезмерных и экстремальных усилий, преодоления стресса, переутомления, появления состояний эмоциональной истощенности, соматических нарушений, и т.д. [24; 25; 26];

– преподаватели, полностью отчаявшиеся наладить учебный процесс в интерактивном режиме, прибегли к ранее применявшейся и уже испытанной тактике рассылки нового учебного материала и заданий по нему, а также сбора необходимых форм отчетности о выполнении этих заданий через сервисы электронной почты [27], причем сам процесс аварийного поиска этих вынужденных решений сопровождали те же самые разрушительные эффекты воздействия стресса.

Проведенное исследование, результаты которого были положены в основу настоящей статьи, показало, что в числе причин, вызывавших учебный стресс как у преподавателей, так и у обучаемых ими студентов, присутствовали значительные индивидуальные различия в оценке влияния и величины воздействия тех или иных внешних факторов на общий стрессовый фон протекающей пандемии, значительной частью которого, без сомнения, оказался функциональный, то есть учебный стресс. Поскольку исследование проводилось на достаточно широкой репрезентативной выборке, внутри которой были примерно в равной степени представлены студенты различных специальностей всех пяти курсов (с первого по пятый), оказались заметны также различия в общей структуре сформированного эффекта стрессового воздействия, которая менялась от курса к курсу, и от специализации к специализации.

Более того, проведя первичное эмпирическое обобщение накопленного эмпирического материала и сопоставив результаты, в исследовании удалось выделить различные варианты сочетаний компонентов возникшего учебного стресса для студентов, обучающихся по разным специальностям. Судя по информации, полученной от участвующих в проведении исследования студентов, в условиях активации вводимых режимов социальных рестрикций последствия воздействия учебного стресса ложились на уже измененную почву, уже декомпенсированную ощущениями тревоги и восприятием опасности самой пандемии лично для самого респондента, для его родных и близких ему людей, когда риск тяжелого протекания инфекционного заболевания, или даже их утраты, воспринимался им как вполне реальный [28].

Используемые методы, методики и технологии.

В процессе проведения исследования была выбрана комплексная методология проведения настоящего ис-

следования, сочетающая метод констатирующего эксперимента с использованием опросных методик (анкетирования с моделированным опросным комплексом), с методами психометрии (тестирование участников на определение фактического уровня стресса по В.Ю. Щербатых [29]), после чего проводилось обобщение и сравнение эмпирических данных, полученных по обеим методикам.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полное обоснование полученных научных результатов.

Итоги обработки полученной эмпирической информации для студентов медицинского факультета и студентов технического факультета всех курсов приведены на рисунках № 1 и 2 соответственно:

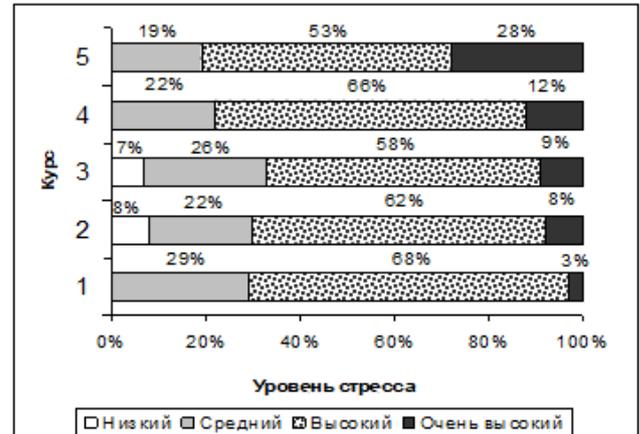

Рисунок 1 – Уровневая структура стресса у студентов медицинского факультета (составлено автором)

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами других исследований.

Обращает на себя внимание высокий уровень учебного стресса студентов-первокурсников как медицинского (Рис. 1), так и технического (Рис. 2) факультетов. В сравнении с данными, полученными другими авторами по результатам проведенных ими исследований [30; 31; 32], этот обнаруженный эффект с наибольшей долей вероятности может быть проинтерпретирован взаимоналожением факторов адаптационного стресса первого года обучения с факторами стресса, вызванного вынужденным переходом на «дистант», когда не успевшим до конца адаптироваться к новым условиям учебного процесса студентам первого года обучения приходится перестраиваться повторно и буквально «на ходу» [33; 34]. В этой ситуации наибольшей степени деформируются и затем вынужденно видоизменяются такие формируемые учебные навыки первокурсников, как коммуникативный и организационный [35]. Картина (относительные пропорции) меняется на следующих, более старших курсах (за исключением выпускного), когда выработанные навыки адаптации позволяют наиболее оптимально планировать свое время и очередность выполнения необходимых учебных заданий, однако довольно высокая при этом, и сохраняющаяся от курса к курсу, доля учебного стресса высокой степени остроты как раз и свидетельствует о постоянном и равномерном (по курсам) влиянии факторов учебного стресса, спровоцированного переводом на «дистант», поскольку такой вынужденный опыт адаптации для студента любого курса в значительной степени оказывается «новым» и тревожащим из-за, во-первых, очевидного снижения уровня интерактивности (онлайн vs оффлайн), и, во-вторых, из-за редукции несодержательной части обеспечения учебного процесса и нарастания вследствие этого уровня дезорганизованности и неопределенности, опасений что-либо упустить, не узнать, не успеть и т.п. [36].

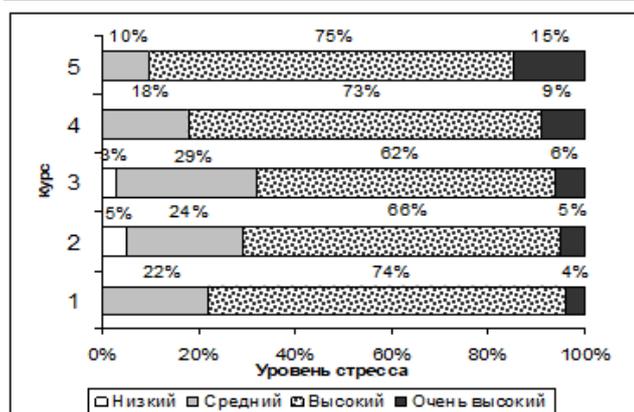

Рисунок 2 – Уровневая структура стресса у студентов инженерного факультета (составлено автором)

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Совершенно определенно отмечено, что студенты обеих исследованных специальностей жалуются на снижение четкости и ясности в определении временных промежутков и сроков сдачи тех или иных форм отчетности (самостоятельные, контрольные, лабораторные, курсовые работы, отчеты по практике и т.п.), что нарушает горизонты планирования собственной учебной деятельности и вынужденный переход с прежней планомерности в череду сменяющих друг друга этапов сдачи чего-либо чрезвычайного, алармистского характера, и, как итог, – снижения собственной учебной мотивации. Вынужденная ситуация самоизоляции и неопределенности дальнейших личных перспектив, не имеющая прямой окказиональной связи с учебой, тем не менее, снижает эту мотивацию еще сильнее. Вследствие этого возникновение самых разнообразных ревизионистских феноменов внутри общего мировосприятия молодого человека запускает целый ряд механизмов переоценки своего профессионального выбора, своего будущего участия в избранной профессии, необходимости профессионального обучения ей как такового [37]. Поскольку при этом возникает некоторое неодолимое внутреннее стремление к минимизации собственных учебных усилий и оправдания снижения собственной учебной эффективности супрессией со стороны внешних обстоятельств, никогда нельзя исключать, что исходные факторы инициализации всей этой редукции в каждой индивидуальной психике могут иметь подсознательную, невротическую природу, при этом оставаясь для рациональной части психики незаметными и недифференцируемыми [38; 39].

В свою очередь, формирующая педагогическая теория и практика дистанционного обучения при этом опирается на то допущение, что даже у минимально адаптировавшегося к учебному процессу студента актуализирован необходимый компендиум функциональных стереотипов и форм собственной учебной активности, позволяющий сохранять некоторую необходимую норму выполнения учебного графика [40], и в то же время, – минимизировать затраты учебного времени и экономить ресурсы в рамках привлечения к выполнению учебных заданий всех основных высших психических функций (восприятия, представления, воображения, мышления, памяти, речи [41; 42; 43]). В отличие от первых четырех курсов, это особенно ярко и рельефно проявляется на выпускном курсе, где стресс начинает неудержимо расти только вследствие необходимости выполнения целого ряда дополнительных учебных операций и форм отчетности: составления и защиты отчета по преддипломной практике, выбора и согласования темы ВКР, подбора информации и написания ВКР, сбора необходимых отзывов и выхода на защиту ВКР [44]. Кроме того, к пятому курсу каждый студент уже складывается как профессио-

нально-ориентированная индивидуальность, владеющая собственными способами получения и понимания новой учебной информации, тогда как ситуация перехода на дистанционную форму обучения в плане своих новых требований может входить с уже выработанными способами и приемами обучения в конфликт, переживание которого на индивидуальном уровне усиливает тревожность и неопределенность, тем самым превращаясь в фактор дестабилизации учебного пространства дистанционного типа обучения [45; 46].

Разный уровень нагруженности изучаемых дисциплин практическими компонентами – лабораторными работами, обучением на натуральных объектах и симуляторах, в условиях реальной клиники – все это формирует различия в определении тех или иных факторов, роль которых в последующем формировании учебного стресса оценивается студентами разных специальностей в качестве доминирующей, что в процессе проведения исследования было установлено и зафиксировано в результатах проведенного опроса (Таблица 1). Так, например, студенты медицинского факультета придают меньшее значение возросшей учебной нагрузке, оставляя первое место фактору ограничения их прежних возможностей изучения практических и клинических дисциплин профессионального цикла, в то время как для студентов технического факультета этот баланс оказывается смещен в противоположную сторону:

Таблица 1 – Сводная представленность основных стрессовых факторов у студентов разных специальностей в условиях дистанционного обучения (достоверные различия по курсам отсутствуют – составлено автором)

Основной фактор, вызывающий стресс	Процент ответов	
	Медицинский факультет	Инженерный факультет
Возросшая учебная нагрузка на дистанционном обучении	55	76
Ограниченная возможность изучения ряда предметов	21	6
Вынужденная изоляция как невозможность заняться чем-то еще помимо учебы	12	11
Вынужденная изоляция как необходимость находиться только дома с семьей	9	5
Другие ответы	3	2

По утверждению студентов медицинского факультета, к старшим курсам предметов с преобладанием практических и клинических форм обучения становится большинство, и на эмоционально-психологическом уровне основным «модератором» возникшего учебного стресса становится ощущение досады по поводу тому, что пропущенные этапы учебной и клинической практики затем все равно придется наверстывать [47]. С другой стороны, субъективно ощущаемое в условиях «дистанта» увеличение учебной нагрузки стало основной причиной того, что на вопрос о гипотетической возможности добровольного перехода на полностью дистанционное обучение 84 % студентов технического факультета, и 73 % студентов медицинского факультета ответили отрицательно, и, что интересно, не согласились бы на такое даже в отношении только теоретических дисциплин.

В то же время, явно сильной стороной современного молодого поколения учащихся студентов остается довольно высокий уровень владения современными электронными устройствами, что в условиях динамичного развития информационно-коммуникационных технологий в течение последних десятилетий позволяет сгладить стрессогенность и остроту эмоциональных переживаний от вынужденной социальной депривации, явившейся следствием введенных эпидемиологических рестрикций [48; 49]. Однако, судя по полученным ответам, даже эти навыки владения современными гаджетами все равно не в состоянии полностью избавить молодого человека от негативных эмоциональных пережива-

ний невозможности продолжать заниматься спортом (в том числе и массовыми видами), любимыми увлечениями, подрабатывать за пределами образовательного пространства, и т.п. [41; 50; 51]. Совершенно очевидно, что сложный комплекс эмоциональных переживаний по поводу соблюдения требований самоизоляции в условиях режима повышенной эпидемиологической готовности отражается на уровне возможной вовлеченности в образовательный процесс и реализуемой учебной автономии студентов, негативно отражаясь затем и на объективных оценках их учебной успеваемости.

Таким образом, из всего изложенного в работе необходимо сделать следующие выводы:

1. Основным компонентом общего стрессового состояния, испытываемого студентами на дистанционном обучении, вне зависимости от рассмотренных специальностей, является именно учебный стресс, в значительной степени снижающий уровень учебной активности студентов в условиях дистанционного обучения.

2. В процессе проведения исследования абсолютное меньшинство опрошенных респондентов высказалось за добровольный переход на полностью дистанционную форму проведения всего учебного процесса, что, на наш взгляд, дает вполне отчетливое представление о балансе преимуществ и недостатков данного типа обучения, а также об уровне его реальной стрессогенности вследствие субъективно ощущаемого уровня возросшей учебной нагрузки.

3. Основной причиной снижения объективных показателей учебной успеваемости студентов, переведенных на дистанционную форму обучения, становятся тревожащие эмоциональные переживания утраты ощущения плановости и ритмичности учебного процесса, а также нарастания феноменов дезорганизации вследствие образующегося дефицита необходимой учебной и организационной информации.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

К сожалению, вводимые социальные рестрикции имеют под собой вполне объективную причину, действие которой невозможно отменить каким-либо директивным решением. Такой же вынужденный характер носит перевод значительной части учащихся студентов, обучающихся на очной и очно-заочной форме, на дистанционную форму обучения, поскольку срок пребывания студента в стенах учреждения среднего специального или высшего профессионального образования может быть продлен только по индивидуальным причинам, в отсутствие которых сроки выполнения многими студентами учебного плана не могут быть изменены произвольно, потому что государственные образовательные стандарты не предполагают таких изменений [52; 53; 54; 55].

Таким образом, в случае необходимости сохранения параметров учебной успеваемости в сложных условиях перевода образовательного процесса на дистанционную форму как представители профессорско-преподавательского корпуса, так и профессиональные психологи сталкиваются с необходимостью поиска таких решений, которые обладают комплексным, комбинированным эффектом, позволяющим стабилизировать и восстановить до нормы состояние психического и физического здоровья студентов, вынужденных обучаться в режиме удаленного доступа к учебным материалам и таким же образом отчитываться о выполнении ими текущих учебных заданий [51; 56]. На настоящее время такие комплексные методики с уже подтвержденной клинической эффективностью находят свое все более широкое применение в сфере психотерапевтической коррекции и реабилитации пациентов, страдающих от сочетания нарушений как психического, так и соматического плана. Одной из таких методик является физиотерапевтический метод мезодиацезальной модуляции («МДМ-терапия» [57; 58; 59]), остающийся на настоящее время одним из са-

мых эффективных методов активации адаптационных и анти-стрессовых процессов, что как нельзя более уместно именно для ситуации обострения учебного стресса из-за перевода на «дистант» [60; 61]. Данный метод отличается точным, локальным воздействием на высшие нейроэндокринные центры головного мозга человека, ответственные за регуляцию и управление целым рядом процессов внутри вегетативной сферы, имеющим компенсаторный [62; 63] или же репаративный [64] характер. Формирование лечебного или восстановительного эффекта достигается стимуляцией эндогенного синтеза опиоидных пептидов [65; 66], некоторых гормонов гипоталамуса (например, СТГ [67]), активацией факторов локального клеточного и гуморального иммунитета [68; 69], а также метаболизма некоторых мозговых медиаторов [70]. В исследованиях [71; 72; 73; 74] их авторами прямо подтверждена доказанная клиническая эффективность влияния метода мезодиацезальной модуляции на субъективно ощущаемый пациентом уровень переносимости внешних эмоциональных и физических перегрузок, включая так же и стресс [75; 76]. Для решения чисто специфических проблем возникновения более или менее выраженного эмоционального [77] или даже неврологического [78] дефицита вследствие разрушительного воздействия учебного стресса на ЦНС учащихся студентов [79; 80; 81] следует отметить, что выражено компенсаторный и репаративный характер влияния МДМ-терапии [82; 83] позволяет истощенному стрессом организму экономить свои внутренние ресурсы [84], поднять текущий уровень концентрации внимания [85], и, тем самым, повысить эффективность процессов усвоения новой учебной информации [86; 87; 88] и формирования новых учебных навыков [88; 89; 90]. Принимая во внимание изложенное выше, следует отметить, что данное направление реализации последующих исследований в условиях продолжающегося действия и сохраняющейся актуальности введенных социальных ограничений, вполне может стать одним из наиболее продуктивных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аналитический доклад Уроки «Стресс-теста»: вузы в условиях пандемии и после нее // *Качество образования*. 2020. № 2. С. 40-45.
2. Кулешова О.М., Баримова О.Г. Исследование признаков и симптомов стресса у студентов-первокурсников медицинского вуза в условиях дистанционного обучения и самоизоляции // *Scientist*. – 2020. № 11. – с. 11 – 14.
3. Андреев А.А. Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // *Открытое образование*. 2013. № 5. С. 40-46.
4. Шаров В.С. Дистанционное обучение: форма, технология, средство // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2019. – № 12. с.с. 236 – 240 – Код доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantionnoe-obucheniye-forma-tehnologiya-sredstvo/viewer> (Дата обращения: 11.07.2021).
5. Анарина Е.Н. Особенности стресса студентов разных специальностей // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. – 2020. – № 2. – с. 32 – 37.
6. Штыхно Д. А., Константинова Л. В., Гагиев Н. Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // *Открытое образование*. 2020. Т. 34. № 5. С. 72-81
7. Yumashev, A. V., Utyuzh, A. S., Admakin, O. I., Doroshina, Y. Y., & Volchkova, I. R. (2018). Effect of mesodiencephalic stimulation on adaptation to stress and academic performance of students. *International Journal of Learning and Change*, 10(4), 359-367. <https://doi.org/10.1504/IJLC.2018.095818>.
8. Алехин А. Н., Дубинина Е. А. Пандемия: клинико-психологический аспект // *Артериальная гипертензия* № 26 (Т.3). – 2020. – С. 312 – 316.
9. Куликова Т.Н. Психологическое состояние студентов во время перехода на дистанционное обучение в первую волну самоизоляции // *Педагогический имидж*. – 2021. – № 1 (50). – с. 112 – 122.
10. Moawad, R.A. Online Learning during the COVID- 19 Pandemic and Academic Stress in University Students // *Researchgate.net/Electronic resource*. – 2020. – No 6. – DOI:10.18662/rrem/12.1sup2.
11. Сутужко В.В. Современное общение и проблема информационно-коммуникативной компетентности. Дистанционное и виртуальное обучение. 2008. № 6. С. 63-69.
12. Yumashev A.V., Gorobets T.N., Admakin O.I., Kuzminov G.G., Nefedova I.V. Key aspects of adaptation syndrome development and anti-stress effect of mesodiencephalic modulation. — *Indian Journal of Science and Technology*. — 2016; 9(19): 93911.
13. Mikhaylov A.Y., et al. Quality of life, anxiety and depressive disorders in patients with extrasystolic arrhythmia. *Archives of Medical*

Science. 2020. № 6/н. С. 1-8.

14. Юмашев А.В. Фундаментальные основы и практические результаты профилактики и лечения дистресса с помощью мезодиэнцефальной модуляции. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 376-379.
15. Fruehwirth, J.C., Biswas, S., Perreira, K.M. The Covid-19 pandemic and mental health of first-year college students: Examining the effect of Covid-19 stressors using longitudinal data // *Journals.plos.org*. – 2021. – No 3. – DOI:10.1371/journal.pone.0247999.
16. Ahmed, A. Case study: academic stress during pandemic // *Researchgate.net/Electronic recourse*. 2021. No 1.
17. Юмашев А. В., Павлов В. А., Адмакин О. И., Кузьминов Г. Г., Нефедова И. В. Анализ применения мезодиэнцефальной модуляции в коррекции стрессовых нарушений // *Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии* № 12. – 2016. – С. 38-48.
18. Martin-Krumm, C., Ferrer, M-H. La pleine conscience : un facteur d'adaptation au stress des étudiants? // *Psychologie Positive*. – 2019. – No 5. – pp. 237 – 258.
19. Скоропупова У.Г. Самостоятельная работа студентов в условиях информатизации учебного процесса. Дистанционное и виртуальное обучение. 2008. № 8. С. 51-54.
20. Юмашев А.В., Утюж А.С., Адмакин О.И., Севбитов А.В., Нефедова И.В. Опосредованное влияние мезодиэнцефальной стимуляции на успеваемость студентов, обучающихся на стоматологическом факультете // <https://www.elibrary.ru/> [Электронный ресурс] – Код доступа URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30381960> (Дата обращения: 15.07.2021).
21. Котлярова В.В., Киреева Л.Е. Виды страхов и саморегуляция поведения студенческой молодежи в ситуации вынужденной самоизоляции // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2020. – № 1. С. 3 – 7.
22. Субботский Е.В. Самоизоляция и парадоксы сознания // *Психологическая газета*. – 2020. – № 5. – 25.05.2020.
23. Abramovich S.G., Drobyshev V.A., Ryatova A.E. et al. Comprehensive use of dynamic electrical neurostimulation and botulinum toxin therapy in patients with post-stroke spasticity. *Journal of Stroke and Cerebrovascular Diseases*. 2020. V. 29. № 11. pp. 105189.
24. Yumashev, A. V., Koneva, E. S., Borodina, M. A., Lipson, D. U., & Nedosugova, A. B. (2019). Electronic apps in assessing risk and monitoring of patients with arterial hypertension. *Prensa Medica Argentina*, 105(4), 235-245.
25. Севбитов А.В. и др. Динамика гемодинамических показателей, саливации, α-амилазной активности у стоматологических больных как биомаркеров стрессовой реактивности. - *Наука молодых - Eruditio Juvenium*. - 2017; 5 (3): 453-461.
26. Юмашев А.В. Психологически-тенденционные предикторы обращаемости студентов за стоматологической помощью. В сборнике: МОЛОДЕЖЬ. СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВО: Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции. 2017. С. 96-99.
27. Utyuzh A.S., et al. Comprehensive treatment and rehabilitation of patients with osteosarcoma of the mandible. *Implant Dentistry*. 2018. V. 27. № 3. pp. 332-341.
28. Gladilina I.P. et al. Psychological and pedagogical aspects of increasing the educational process efficiency in a university for specialists in the field of physical education and sport // *Espacios*. 2018. V. 39. № 21. p. 11.
29. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. - СПб.: Питер, 2006 256 с.
30. Akhmetshin E.M., et al. Acquisition of entrepreneurial skills and competences: curricular development and evaluation for higher education. *Journal of Entrepreneurship Education*. 2019. V. 22. № 1. pp. 1-12.
31. Zhang T., et al. Applied model of e-learning in the framework of education for sustainable development. *Sustainability*. 2020. V. 12. № 16. pp. 6420.
32. Akhmetshin E.M., et al. Internal control system in enterprise management: analysis and interaction matrices *European Research Studies Journal*. 2018. V. 21. № 2. pp. 728-740.
33. Юмашев А.В., Утюж А.С. Проблемы формирования семейной медицины в контексте единой государственной политики. В сборнике: МОЛОДЕЖЬ. СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВО. Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции. 2017. С. 47-49.
34. Дзалаева Ф.К., и др. Характеристики окклюзии и ретрузионной стабильности при применении междисциплинарного подхода к стоматологической ортопедической реабилитации пациентов с признаками дисфункции височно-нижнечелюстного сустава. *Стоматология для всех*. 2020. № 3 (92). С. 16-21.
35. Юмашев А.В. Психологическая и клиническая патосемиотика пандемии коронавирусной инфекции (SARS-Cov-2): проблемы понимания и поиск корреляций. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 380-387.
36. Gebäude-Mensen, B. Auswirkungen der Corona-Pandemie für Studierende // *Uni-hamburg.de/newsroom*. 2021. – No 6.
37. Gilman S.C. The tao of continuing medical education: eastern traditions and modern education.
38. *Journal of Continuing Education in the Health Professions*. 2001. T. 21. № 2. С. 126-128.
39. Юмашев А.В., Утюж А.С., Адмакин О.И., Севбитов А.В., Нефедова И.В. Роль психогенных коннотаций в формировании эмоционального статуса студентов стоматологического факультета

и пути его коррекции. Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 207-210.

40. Утюж А.С. и др. Оценка психоэмоционального статуса и анализ уровня тревожности у студентов первого курса. // В сборнике: Роль науки в развитии общества. сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. 2016. С. 148-157.
41. Akhmetshin E., et al. Motivation of personnel in an innovative business climate. *European Research Studies Journal*. 2018. V. 21. № 1. pp. 352-361.
42. Timoshin A.V., et al. Use of bioresorbable plates on the basis of collagen and digestase for treatment of diseases of oral mucosa (review of clinical cases). *International Journal of Green Pharmacy*. 2018.. V12. № S1. pp. 290-296.
43. Yumashev A.V., Utyuzh A.S., Volchkova I.R., Mikhailova M.V., Kristal E.A. The influence of mesodiensephalic modulation on the course of postoperative period and osseointegration quality in case of intraosseous dental implantation. — *Indian Journal of Science and Technology*. — 2016; 9 (42): 104307.
44. Юмашев А.В., Утюж А.С., Нефедова И.В. Влияние мезодиэнцефальной модуляции на течение раннего послеоперационного периода и качество остеоинтеграции при внутрикостной стоматологической имплантации // *Российский вестник дентальной имплантологии*. 2017. № 1 (35). С. 18-22.
45. Воронов М.В. Модель оценки уровня информатизации процессов обучения в вузе. Дистанционное и виртуальное обучение. 2009. № 6. С. 4-15.
46. Дорошина И.Р. и др. Ортопедическое лечение пациентов с повышенным рвотным рефлексом. // *Стоматология для всех*. 2014. № 4. С. 18-20.
47. Юмашев А.В., Кристал Е.А. Патопсихологический компонент как этиопатогенетический базис повышенного рвотного рефлекса у стоматологических пациентов. В сборнике: Молодежь. Семья. Общество. Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции. 2017. С. 93-96.
48. Севбитов А.В. и др. Особенности адаптации к съемным зубным протезам по гендерным особенностям у пациентов, постоянно проживающих в условиях геронтологического центра. // В сборнике: Materials of XI International Research and Practice Conference. 2014. С. 42-44.
49. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – М.: Речь, 2007 г. – 350 с. – ISBN: 5-9268-0010-2.
50. Yumashev A., Kozlovskaya S., Grishaeva K., Karapetyan A. The use of digital technologies for teaching dentistry. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. 2021. V. 16. № 8. pp. 270-278.
51. Alipour E., et al. Fullerene C60 containing porphyrin-like metal center as drug delivery system for ibuprofen drug // *Journal of Molecular Modeling*. 2020. T. 26. № 1. С. 7.
52. Utyuzh A.S. et al. Diagnosis and treatment of inflammatory periodontal diseases. *Periodico Tche Quimica*. 2020. V. 17. № 34. pp. 343-351.
53. Ling V.V., Yumashev A.V. Estimation of worker encouragement system at industrial enterprise. *Espacios*. 2018. V. 39. № 28. p. 22.
54. Юмашев А.В. Триггерная концепция стресса: роль стресса в этиологии и патогенезе психосоматических нарушений – Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 441-445.
55. Beyth-Marom R., Chajut E., Roccas S., Sagiv L. Internet-assisted versus traditional distance learning environments: factors affecting students' preferences. *Computers & Education*. 2003. T. 41. № 1, С. 65-76.
56. Burguette, E., Picard, N., Andrieux, N., Fourcade, L. Évaluation par les pairs à distance lors d'un enseignement de lecture critique d'articles pour des étudiants paramédicaux // *Researchgate.net/ Ressource électronique*. 2020. No 5.
57. Yumashev A.V., Matveeva E.A., Tambovtseva N.V., Li J., Yang B. Therapeutic and prophylactic application of mesodiensephalic modulation during dental implantation in patients with type 2 diabetes mellitus. *Periodico Tche Quimica*. 2019. V. 16. № 33. pp. 82-93.
58. Юмашев А.В. Влияние мезодиэнцефальной модуляции на качество остеоинтеграции и стабильность дентальных имплантатов. // Естественнонаучные основы медико-биологических знаний. Материалы всероссийской конференции студентов и молодых ученых с международным участием - М.: 2017. - С. 10 - 12.
59. Юмашев А.В., Нефедова И.В., Погосян Р.Р., Миронов С.Н., Михайлова М.В. Психологические аспекты применения МДМ-терапии у пациентов с метаболическим синдромом при протезировании ортопедическими конструкциями с опорой на дентальные имплантаты. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 392-400.
60. Михайлова М.В., Чукунов С.О. и др. Влияние комплекса мероприятий стоматологической ортопедической реабилитации пациентов с дисфункцией височно-нижнечелюстного сустава на проявления синдрома obstructive sleep apnea сна. // *Проблемы стоматологии*. 2020. Т. 16. № 2. С. 114-120.
61. Akhmetshin E.M., et al. Freelancing as a type of entrepreneurship: advantages, disadvantages and development prospects. *Journal of Entrepreneurship Education*. 2018. V. 21. № Special Issue 2.
62. Yumashev A.V., Makeeva I.M., Volkov A.G., Utyuzh A.S., Nefedova I.V. Reconceptualization of glossalgia issue, solution approaches. — *American Journal of Applied Sciences*. — 2016; 13 (11): 1245—1254.
63. Утюж А.С., и др. Использование гомеопатических препаратов у пациентов с частичной и полной потерей зубов, страдающих кандидозом полости рта, с различным психостатусом // *Управление*

инновациями в современной науке. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - 2016. - С. 182 - 190.

64. Дзалаева Ф.К. и др. Применение комплексного алгоритма реабилитации пациентов, нуждающихся в полной реконструкции зубных рядов (клинический случай) // Российский стоматологический журнал. 2020. Т. 24. № 3. С. 158-163.

65. Karpov V.I., Nikitina M.A., Ivanov S.A., et al. Power system for schoolchildren based on their genotypes. *Journal of Human Sport and Exercise*. 2021. V. 16. № Proc2. pp. S460-S469.

66. Черемухина Д.С. и др. Исследование устойчивости дентальных имплантатов. // В сборнике: Актуальные вопросы современной медицины: взгляд молодого специалиста. Материалы II Всероссийской научной конференции студентов и молодых специалистов. ФГБОУ ВО Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова. 2016. С. 144-146.

67. Akhmetshin E.M., et al. Innovation process and the control function in management. *European Research Studies Journal*. 2018. V. 21. № 1. pp. 663-674.

68. Fishbain D.A. et al. Chronic pain types differ in their reported prevalence of post-traumatic stress disorder (PTSD) and there is consistent evidence that chronic pain is associated with PTSD: an evidence-based structured systematic review. - *Pain Med.* - 2017; 18 (4): 711-35.

69. Михайлова М.В. и др. Анализ адаптации пациентов к бюгельным конструкциям, изготовленным различными лабораторными методами // Клиническая стоматология. - 2019. - № 2. - С. 88-90.

70. Архипов, И.В. и др. Особенности стоматологического статуса у лиц пожилого и старческого возраста. // Учебное пособие для врачей. - М., 2014. - 81 с.

71. Дзалаева Ф.К. и др. Совершенствование системы реабилитации пациентов, нуждающихся в полной реконструкции зубных рядов, на основе использования междисциплинарного подхода. // Уральский медицинский журнал. 2020. № 9 (192). С. 76-85.

72. Юмашев А.В., Нефедова И.В., Погосян Р.Р., Миронов С.Н., Михайлова М.В. Психологические аспекты применения МДМ-терапии у пациентов с метаболическим синдромом при протезировании ортопедическими конструкциями с опорой на дентальные имплантаты. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 392-400.

73. Самойлов В.О., Голубев В.Н. Современные компьютерные и интернет-технологии в преподавании нормальной физиологии. *Вестник Российской Военно-медицинской академии*. 2008. № 3 (23). С. 165-169.

74. Popova S.V., et al. Telemedicine technologies as one of the promising intellectual areas of medicine in the pandemic conditions // сборнике: IOP Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2021. С. 52007. DOI: 10.1088/1742-6596/1889/5/052007

75. Севитов А.В., Невдах А.С., Платонова В.В. и др. Оценка качества жизни ортодонтических пациентов, имеющих травматические поражения на слизистой оболочке полости рта. // Труды международного симпозиума Надежность и качество. 2015. Т. 2. С. 368-369.

76. Утюж А.С. и др. Клинический пример ортопедического лечения пациента после резекции нижней челюсти по поводу саркомы с использованием дентальных имплантатов. *Клиническая стоматология*. 2016. № 4 (80). С. 56-58.

77. Юмашев А., Утюж А., Нефедова И. Мезодиэнцефальная модуляция в лечении глоссалгии // *Врач*. 2017. № 7. С. 67-69.

78. Milgram N., Marshevsky S. Correlates of academic procrastination: discomfort, task aversiveness, and task capability. *Journal of Psychology*. 1995. Т. 129. № 2. С. 145-155.

79. Локтионова М.В., Жидовинов А.В., Жахбаров А.Г. и др. Реабилитация пациентов с тотальными дефектами нижней челюсти // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. - 2016. - No 4. - С. 81 - 83.

80. Grundstein-Amado R. Values education: a new direction for medical education. *Journal of Medical Ethics*. 1995. Т. 21. № 3. С. 174-178.

81. Юмашев А.В., Утюж А.С., Павлов В.А., Кузьминов Г.Г., Нефедова И.В. Способ физиотерапевтического лечения глоссалгии. Патент на изобретение RU 2614209 C, 23.03.2017. Заявка № 2016117156 от 04.05.2016.

82. Bogaevskaya O.Yu., et al. Application of progressive information technologies in medicine: computer diagnostics and 3D technologies. В сборнике: IOP Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2021. С. 52001. DOI: 10.1088/1742-6596/1889/5/052001

83. Утюж А.С. и др. Хирургические и ортопедические аспекты протезирования пациентов с опорой на имплантаты при полной вторичной адентии // *Вестник новых медицинских технологий*. - 2016. - № 4. - С. 172-182.

84. Miller G.E. Distance education and the emerging learning environment. *Journal of Academic Librarianship*. 1997. Т. 23. № 4. С. 319-321.

85. Loktionova M.V. et al. Rehabilitation of patients with total mandible defects. *The USA Journal of Applied Sciences*. - 2016. - No 2. - pp. 10 - 12.

86. Юмашев А.В., Утюж А.С., Кузьминов Г.Г., Нефедова И.В. Применение мезодиэнцефальной модуляции в комплексе терапевтических и профилактических мероприятий при дентальной им-

плантации у пациентов, страдающих сахарным диабетом II типа // *Клиническая стоматология*. 2018. № 1 (85). С. 39-43.

87. Peterman T.W. Elements of success at a traditional/virtual university: lessons learned from three years of growth in cyberspace. *Journal of Academic Librarianship*. 2000. Т. 26. № 1. С. 27-32.

88. Schneider, S. Coping, akademischer Stress und die Einstellung zur Leistungssteigerung durch Cognitive-enhancing Drugs // *Researchgate. net/ Elektronische Ressource*. - 2019. - No 4. - DOI:10.13140/ RG.2.1.1651.2408.

89. Андрияшина Т.Н. Дистанционное обучение в вузе // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. - 2015. - № 6. - с.с. 22 - 25. - Код доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnoe-obuchenie-v-vuze-1/viewer> (Дата обращения: 14.07.2021).

90. Курицына Г.В. Сущностно-содержательные характеристики дистанционного обучения в вузе // *Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество*. - 2016. - № 2. - с.с. 34 - 49. - Код доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnostno-soderzhatelnye-harakteristiki-distsionnogo-obucheniya-v-vuze/viewer> (Дата обращения: 11.07.2021).

Статья поступила в редакцию 03.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.147+811.111+330.5
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0029

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЕГМЕНТА НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© Автор(ы) 2021
SPIN: 2072-7834
AuthorID: 796297
ORCID: 0000-0002-4120-243X

ЛИХАЧЕВА Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков №1

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 5124-8676
AuthorID: 834543
ORCID: 0000-0002-9015-135X

ТЫМЧУК Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранных языков №1

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 3069-0467
AuthorID: 654184
ORCID: 0000-0002-0700-9660

ЗЫЗА Валерий Павлович, кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономика и финансы»
Кубанский государственный технологический университет

(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 7224-4095
AuthorID: 174353
ORCID: 0000-002-9869-296X

БУГАЕЦ Иван Алексеевич, кандидат технических наук, доцент
начальник Управления международного сотрудничества

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 1835-1443
AuthorID: 553948
ORCID: 0000-0002-0648-7476

ВЕЛИЧКО Евгений Иванович, кандидат технических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Оборудование нефтяных и газовых промыслов»

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 6364-2629
AuthorID: 855763
ORCID: 0000-0002-2838-1365

КОРОЛЕВА Юлия Викторовна, старший преподаватель
кафедры «Теплотехника и теплоэнергетика»

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, улица Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть современное вузовское техническое образование с позиции целей обучения, задач, содержания, а также академическое взаимодействие между участниками педагогического процесса, т.е. преподавателем и студентом. На основании имеющихся данных попытаться создать основу для идеальной модели современной вузовской образовательной системы в контексте технического университета, что позволит выявить разницу между реальным и желаемым положением вещей, как следствие – разработать комплекс мер по модернизации вузовского сегмента в современных реалиях. *Актуальность статьи* заключается в том, что на современном этапе возрастает значимость технического высшего образования, растет востребованность специалистов инженерного профиля, развивается исследовательская компонента в указанном ключе, что вынуждает пересматривать некоторые позиции в вузовском образовании и моделировать новые, более эффективные методы и подходы к достижению качественного результата в подготовке будущего специалиста. *Новизна работы* заключается в том, что впервые осуществлена попытка моделирования вузовского технического сегмента. Рассмотрены структурно-функциональные аспекты потенциальной педагогической модели, предложены рекомендации по совершенствованию целей и задач современного вузовского образования, раскрыт ряд подходов, направленных на повышение результативности педагогического процесса в техническом вузе. *Результаты работы* заключаются в подготовке фундамента модели современного вузовского технического образования, сформирован ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности компонентов указанной системы, разработаны подходы и методы, направленные на совершенствование указанного образовательного сегмента в современных реалиях.

Ключевые слова: вузовское техническое образование, мотивация, моделирование, педагогическая модель, цели обучения, содержание обучения, развитие личности, развитие профессиональных навыков, рекомендации.

MODERN HIGH SCHOOL EDUCATIONAL SEGMENT MODELING ON THE EXAMPLE OF A TECHNICAL UNIVERSITY

© The Author(s) 2021

ЛИХАЧЕВА Olga Nikolaevna, candidate of Philological Sciences, associate professor
Foreign languages №1 Department
Kuban State Technological University

(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

ТЫМЧУК Elena Viktorovna, doctor of Philological Sciences, professor

Foreign languages №1 Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)
ZYZA Valerii Pavlovich, candidate of Economic Sciences, professor
Economics and Finance Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)
BUGAETS Ivan Alexeevich, candidate of Technical Sciences, associate professor
Chief of the International Cooperation Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)
VELICHKO Evgenii Ivanovich, candidate of Technical Sciences, associate professor
Chief of the Oil and Gas Deposits Equipment Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)
KOROLEVA Yuliya Viktorovna, senior teacher
Power Engineering Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

Abstract. The purpose of this article is to consider modern university technical education from the standpoint of learning goals, objectives, content, as well as academic interaction between participants in the pedagogical process, i.e. teacher and student. Based on the available data, we try to create the basis for an ideal model of a modern university educational system in the context of a technical university, which will reveal the difference between the real and the desired state of affairs, as a result - to develop a set of measures to modernize the university segment in modern realities. The actuality of the article lies in the fact that at the present stage the importance of technical higher education is increasing, the demand for engineering specialists is growing, the research component is developing in this vein, which forces us to revise some positions in university education and to model new, more effective methods and approaches to achieving a high-quality result for the preparation of a future specialist. The novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt was made to model the university's technical segment. The structural and functional aspects of a potential pedagogical model are considered, recommendations are proposed for improving the goals and objectives of modern higher education, a number of approaches are disclosed, aimed at increasing the effectiveness of the pedagogical process in a technical university. The results of the work are in the preparation of a model basis of modern university technical education, a number of recommendations have been formed aimed at increasing the efficiency of the components of this system, approaches and methods have been developed aimed at improving the specified educational segment in modern realities.

Keywords: university technical education, motivation, modeling, pedagogical model, learning objectives, learning content, personality development, professional skills development, recommendations

ВВЕДЕНИЕ.

В настоящее время все чаще рассматривается вопрос о необходимости качественного и эффективного образования, особенно в сфере технических вузов. Современное общество максимально нуждается в квалифицированных специалистах инженерного профиля по причине развития и совершенствования технологий, исследований в указанной сфере, появления новых устройств, гаджетов, всевозможных девайсов, заказов и задач общества, которые могут быть выполнены грамотными профессионалами своего дела. В данном ключе технические вузы должны стать колыбелью знаний и науки, строить свои учебные планы и программы таким образом, чтобы академический процесс был качественным и эффективным, имел первостепенную практическую, а не только теоретическую направленность. Техническое образование нуждается в модернизации, совершенствовании и развитии многих сегментов, трансформации, что в совокупности будет способствовать его качественному изменению и оздоровлению.

Содержание образования в указанных вузах должно соответствовать потребностям общества, также важен сегмент лабораторий, исследовательских центров, специализированных курсов повышения квалификации в соответствии с современными реалиями [1]. Кроме того, квалификация преподавательского состава должна быть соответствующей – кандидаты и доктора наук, заинтересованные в высоком результате педагога, хорошо владеющие методиками преподавания, внутренне мотивированные, которые в состоянии увидеть педагогическую ситуацию в комплексе и своевременно смоделировать эффективные решения и вынести рекомендации, способствующие улучшению процесса обучения в целом, специалисты, работающие на результат, предусматривающий, прежде всего, практическую направленность своей деятельности [2]. Студенты также должны удовлетворять

вузовскому формату, обладать широким кругозором, мотивацией, прилежанием и дисциплиной, быть самосознательными личностями, обладать волевыми характеристиками, направлять свою деятельность на достижение соответствующего высокого результата.

МЕТОДОЛОГИЯ

В данном контексте важно использовать моделирование, которое позволит создать определенный макет высшего технического образования со своими составляющими, т.е. педагогическую модель, которая поможет раскрыть структурно-функциональные особенности технического сегмента в высшей школе на современном этапе, выявит недостатки и их причины, определит суть причинно-следственных связей компонентного состава. Изначально нужно поставить цели и задачи моделирования именно в аспекте нашего вопроса, затем определить этапы указанного процесса, выявить актуальность потенциальной модели и ее валидность, соответствие реалиям, определить составные части предполагаемой модели и экстраполировать их на существующие элементы образовательной системы высшего технического образования. Далее определяются все различия и причины этого явления. Затем происходит построение выводов, соответственно, ответов на поставленные вопросы. Выносятся на обсуждение комплекс рекомендаций для устранения проблемных ситуаций.

Мы считаем, что именно посредством моделирования возможно создать идеал, спрогнозировать его развитие и функционирование в образовании в целом, наложить его на существующие реалии, что укажет пути решения насущных проблем [3]. Моделирование как метод исследования в данном ключе выступит инструментом познания, вектором новой деятельности сторон педагогического взаимодействия и учебной составляющей, средством создания нового образовательного контента, стандартов, удовлетворяющих современным запросам общества,

способом поднять качество современного высшего технического образования в целом. Именно моделирование технического высшего образования позволит практически под лупой рассмотреть все процессы и явления в указанной связи, предложить реальные пути выхода из сложившейся, далекой от идеала ситуации в образовательном сегменте на сегодняшний день.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Современный технический вуз предусматривает широкое разнообразие входящих в него элементов, которые обеспечивают его функционирование. Мы рассматриваем его именно с позиции основного, академического назначения.

Итак, учебный процесс осуществляется в соответствии с целями и задачами, продиктованными современными запросами общества, что реализуется посредством учебных планов и программ, которые предусматривают наличие основных дисциплин, а также предметов по выбору, регионального компонента, вариативной части.

Цели и задачи обучения остаются прежними – практические, воспитательные, образовательные и развивающие. Все они направлены на подготовку грамотного, востребованного специалиста инженерного профиля, настоящего профессионала, способного принимать качественные решения [4]. Однако их реализация должна проходить в сегодняшних реалиях и посредством современного инструментария. В технических вузах практические цели должны иметь приоритет. Только прикладное направление обучения, минимальная теоретизированность и полная работа вуза на выполнение заказа общества – подготовка качественных специалистов – доказывают состоятельность и достойный уровень вуза в образовательном сегменте современной России [5].

Учебные планы в современных условиях должны строиться с позиций компетентностей и компетенций, т.е. знания, умения и навыки обязательно должны применяться на практике, в особенности, если рассматривать технические вузы. Теоретизированность исключается, так как в преференции – практическая направленность любой дисциплины. Переход на компетентностный подход к обучению – явление непростое. Частично вузы произвели переход, однако, даже несмотря на новые образовательные стандарты, существует ряд дисциплин, в том числе, иностранный язык, экономика для непрофильных специальностей, которые и в настоящее время соответствуют ФГОСу только формально [6]. Настоятельно рекомендуем перевести все дисциплины профильного и непрофильного сегмента в прагматическое русло, иначе обучение становится просто потерей времени, а для востребованных технических специальностей это неприемлемая ситуация.

Говоря о программах, отметим, что понятия *знать*, *уметь*, *владеть* должны соответствовать запросам общества. Они также обязательно быть связаны с другими дисциплинами – междисциплинарное взаимодействие является очень важным аспектом в современных условиях [7]. В данном ключе показателем может стать пример иностранного языка, когда программа полностью не соответствует материалу, изучаемому по другим дисциплинам. Иноязычный контент представлен несистематично и не связан с профильными дисциплинами. Между тем, при качественном межпредметном взаимодействии и межкафедральном сотрудничестве вопрос эффективности восприятия новой информации и глубины компетенций может решаться очень просто: дублирование материала, изучаемого на специальных профильных предметах, на иностранном языке, тем более, что специфика иностранного языка со свободой выбора материала и оптимизацией позволяет это сделать без дополнительных затрат [8]. Таким образом, студент дважды получит одну и ту же информацию, закрепит ее в двух различных вариациях, результат при таком качественном подходе должен быть выше, чем при разовом введении. Понятия *знать*, *уметь*, *владеть* должны иметь прагматический контекст, быть подтверждены реальными компетенциями, соответство-

вать имеющимся требованиям именно в практическом ключе.

Содержание образования технических вузов, безусловно, направлено именно на профильные инженерные дисциплины, с комплексом общих на начальных курсах. Однако хотелось бы отметить, что комплекс профильного материала непосредственно по специальности желательно вводить уже на ранних этапах обучения в вузе. Студенты должны погрузиться в соответствующую информацию, понять, в какой сфере им предстоит работать, сориентироваться, приобщиться к будущей профессии и выбрать правильный вектор [9; 10]. Отметим, что в силу важности практической ориентации технического вуза необходимо, чтобы был широко развит исследовательский сегмент – лаборатории, центры, мини-институты, исследовательские базы. Именно характер вуза предопределяет значимость научно-исследовательского компонента в каждом вузе. Именно с самого начала учебного процесса в техническом вузе важно приучить студентов к практическому владению материалом, к способности анализировать и делать выводы, устанавливать суть и причинно-следственные связи событий и явлений.

Немаловажным аспектом в рамках технического вуза является также и гуманитарный сегмент, который не должен игнорироваться по причине входящего в него иностранного языка, а также комплекса общественных дисциплин, которые позволяют поднять общий образовательный и культурный уровень современного студента и будущего специалиста [11; 12]. В данном ключе иностранный язык требует особого подхода – специальных методов, проектного обучения, дифференциации по уровню, свободного перехода из группы в группу в зависимости от степени владения иноязычной коммуникативной компетенцией [13]. Значимость иностранного, в частности английского, языка велика. Все сферы деятельности – от бытовой до научно-исследовательской пронизаны этим предметом. Современный качественный специалист должен владеть английским языком хотя бы на уровне Intermediate, что позволит ему осуществлять качественное бытовое и профессиональное общение на языке в своей сфере, понимать и быть понятым носителями языка, изучать труды ученых и исследователей на иностранном языке, вести деловое общение по необходимости. Именно иностранному языку следует уделить особое внимание в техническом вузе и поставить его в один ряд с профильными дисциплинами, так как на сегодняшний день он скорее проигнорирован, нежели адекватно воспринят студентами. Обучаемые должны понимать, что владение иностранным языком открывает огромные перспективы развития и успеха в профессиональной сфере [14].

Возвращаясь именно к профильному компоненту, отметим, что важно организовать практики для студентов именно на производстве, на предприятиях, которые впоследствии и будут принимать специалистов. В данном контексте важно наставничество, возможно и тьюторство, в определенном ключе, при котором студенты имеют консультанта на производстве, оказывающего им помощь и дающего рекомендации именно по работе, развитию и функционированию той или иной отрасли, модели, оборудования и прочее. Мы полагаем, что подобная практическая составляющая обучения должна осуществляться в пределах одного дня в неделю с последующими отчетами и описанием особенностей отрасли в том или ином ее проявлении [15]. Студенты должны получать практические задания именно в плане технического прикладного аспекта, выполнять их и пояснять.

Также важно отметить, что стажировка, межвузовские обмены студентами должны быть в постоянной практике вуза в рамках сотрудничества, соглашений и договоров. Это может быть региональная, межрегиональная и международная академическая мобильность. Она положительно воздействует на общее развитие студентов, их успеваемость, профессиональные компетенции, помогает сформировать мотивацию, имеет влияние и на учебные

программы, и на учебные планы. Студенты сравнивают подходы к обучению в других вузах, оценивают методики преподавания и подачи материала, определяют эффективность программ, а также качество работы профессорско-преподавательского состава. Академическая мобильность развивает их самосознание, логику, поднимает самооценку, заставляет в положительном смысле выучить иностранный язык, обобщить опыт, сопоставить различные образовательные системы, перенять лучшее. Мы полагаем, что обмены в рамках исследований, работах по грантам, проектам являются наиболее качественными и эффективными [16]. Это дает возможность студентам приобщаться к научным исследованиям, трудам, определить вектор будущих курсовых и дипломных проектов, возможно, тематику и содержание последующих диссертационных исследований.

Следующим компонентом является профессорско-преподавательский состав, который обеспечивает передачу знаний, умений и навыков студентам, которые вырабатывают компетенции и компетентности и формируются как специалисты. Мы уверены, что именно от преподавателя в современных условиях зависит и мотивация студента, и его самосознание, и его стремления, и последующие профессиональные характеристики [17]. Если преподаватель сам мотивирован, заинтересован в результатах своего труда, открыт к сотрудничеству и контактам, а также обладает определенной харизмой, студенты, как тонкие психологи, моментально поймут такой посыл и будут стараться соответствовать требованиям такого педагога. Он сможет направить их в нужное русло, подсказать пути решения проблем, рекомендовать дополнительные пособия и информацию для совершенствования имеющихся компетенций. Такой преподаватель может из не очень интересного предмета, скучного и невостребованного по причине сложной теории сделать легко воспринимаемый контент, с которым студенту будет несложно работать, который легко будет им воспринят и использован в будущем на практике [18]. Личность настоящего преподавателя, старшего товарища и консультанта, доброжелательного и одновременно требовательного, готового индивидуально подходить к каждому обучаемому, внимательного и психологически грамотного практически на 100 % способен взорвать мотивацию студента. У него появляется желание стать лучше, развиваться, заниматься самообразованием в дополнение к получаемому в техническом вузе материалу, пробуждает латентные, ранее скрытые способности, повышает научный интерес [19].

Студенты представляют важнейший компонент преподаваемой модели вузовского технического образования. Это будущие инженеры, исследователи, изобретатели, технические консультанты, которые должны соответствовать вузовскому уровню и постоянно развиваться, совершенствовать себя, вырабатывать прилежание, если такового отсутствует, а также навыки качественной самостоятельной работы и внеаудиторной деятельности. Неотъемлемым аспектом является база, которой студенты располагают при поступлении. Как показывает практика, знания поступивших не всегда являются идеальными. Часты случаи, когда в базовых дисциплинах студентам нужны дополнительные занятия, а непрофильные предметы общеобразовательного цикла зачастую ими вообще проигнорированы. Такая ситуация, если ее не решать, может привести к необратимым последствиям, включающим пробелы в знаниях нескольких дисциплин по специальности и полному незнанию предметов гуманитарно-экономического цикла. В данном ключе авторитет и помощь преподавателя, индивидуальный подход, комплексные методики снимают подобные вопросы, а также качественно организованный дополнительный сегмент способствует повышению качества восприятия знаний студентами.

Отдельно стоит поговорить о мотивации. Желательно, чтобы она была внутренней, осознанной, не поверхностной [20]. Действия, продиктованные именно такой мотивацией,

будут иметь высокую результативность и эффект. Например, зная, что иностранный язык востребован во всех высокооплачиваемых фирмах, которые гарантируют продвижение, карьерный рост и стабильно высокий доход, будущий специалист, а в настоящее время студент, осознанно и без принуждения погрузится в изучение данного предмета, будет с большим рвением осваивать навыки аудирования, говорения и письма, стараться общаться с носителями языка, смотреть фильмы, слушать лекции на иностранном языке по специальности, изучать иноязычную учебную литературу [21].

Говоря о взаимодействии между преподавателем и студентом, отметим важность мотивации обеих сторон, а также психологический климат на занятиях, поддерживаемый манерой общения преподавателя и студентов. Как показывают многочисленные наблюдения, демократический стиль общения является в приоритете среди студентов. В современном обществе сложно давить на студента, просто заставляя его что-то выполнять. Нужно уважать его интересы, взгляды, мнение, однако, не забывая при этом о качестве усвоенного им материала, об уровне его компетентности в том или ином предмете, о его академических обязанностях. Важно смотивировать современного студента, призвать к его самосознанию, пояснить суть его нахождения в техническом университете, его назначение в будущей профессии наконец. Авторитарный стиль введения материала и в целом общения со студентом может вызвать отторжение, страх, явиться причиной психологических барьеров и комплексов [22; 23]. Между тем задача педагога, наоборот, раскрыть его потенциал, подтянуть до своего уровня, стать примером, ориентиром успешности, развития и вектором научных изысканий и достижений. Качественный, высоко оплачиваемый специалист, востребованный и конкурентоспособный, имеющий силу воли и способность принимать решения, брать на себя ответственность и достигать поставленных целей – вот те мотивирующие аспекты, которые в современных реалиях очень эффективно работают и дают студентам стимул учиться, развиваться и постоянно совершенствовать себя как личность и профессионала [24; 25].

В аспекте педагогического взаимодействия отметим, что целесообразно введение новых методик обучения либо совершенствование имеющихся подходов. Современное быстро развивающееся общество требует определенных изменений и в образовании, особенно в рамках технического сегмента. Важны новые образовательные технологии, которые позволят легко и непринужденно осваивать материал, адекватно выделять основное, расширять, анализировать и синтезировать получаемую информацию. В данном ключе мы рекомендуем проектную методику, которая позволяет раскрыть потенциал студентов, предоставив им темы-проекты, которые они рассматривают с различных ракурсов, углубляют, устраивают дебаты, дискуссии по вопросам, требующим неоднозначного решения, получают кейсы на изучение и расширение [26]. Такой подход предусматривает развитие самостоятельной работы студентов, их мышления, логики, помогает эффективно осваивать новые компетенции. Также в данном ключе важен индивидуально-дифференцированный подход, который способствует мотивации студентов, установлению контакта между обучающим и обучаемым, что содействует их высокой успеваемости и прилежанию, качественному закреплению профессиональных компетенций, становлению успешного специалиста.

ОБСУЖДЕНИЕ

Как видим, потенциальная модель технического вузовского образования может включать множество компонентов со своими характеристиками и особенностями, которые тесно взаимосвязаны друг с другом и образуют определенную совокупность. Мы взяли лишь основные составляющие предполагаемой модели, они будут расширены и дополнены в последующих трудах. Мы выявили некоторые недостатки функционирования того или иного

компонента, слабое взаимодействие с остальными, утрата валидности и эффективности в рамках технического вуза, и предложили идеальное развитие ситуации, в которой каждый компонент будет совершенен, иметь качественную базу и эффективность [27]. Однако реальность многое может поставить на свои места и скорректировать то, что было предложено. Именно этот факт и является наиважнейшим при построении новой образовательной модели, именно ее соответствие реалиям является востребованным и жизненно необходимым, именно современный контекст исправит ее и придаст нужную форму существующему содержанию.

Возможно, некоторые детали будут изменены, но основное не должно меняться – практическая направленность всех учебных планов и программ [28; 29]. Это то, что позволит вузу выполнить современный социальный заказ общества, именно то, что необходимо на сегодняшний день стране – качественные, конкурентоспособные, востребованные специалисты, со здоровыми амбициями, исследовательской «жилкой», желающие изменить существующее положение вещей, стремящиеся удовлетворить запросам общества в контексте современности.

ВЫВОДЫ

Современная ситуация в вузовском техническом образовании должна быть скорректирована. Важно особое внимание уделить запросам и заказу общества на сегодняшний день. Для реализации указанных аспектов важны качественные специалисты, грамотные, способные принимать волевые решения и быть полезны стране, обществу, семье. В данном ключе нужно обратить внимание на развитие мотивации обучения и учения, тщательно планировать процесс взаимодействия преподавателя и студента, обеспечить соответствующий уровень и потенциал для обеих сторон данной совместной деятельности. Это достигается путем отбора профессионалов в преподавательской сфере с соответствующей квалификацией и ответственностью, более тщательный и внимательный отбор абитуриентов, потенциально соответствующих университетскому уровню, организацией дополнительных образовательных услуг в рамках технического университета, развитием практического образования, совершенствованием лабораторий и исследовательских центров, определенный пересмотр содержания и некоторых целей обучения в техническом вузе, развитием академической мобильности. Особое внимание следует уделить иностранному языку и его практической направленности. Важно, чтобы современный инженер имел арсенал исследовательских средств и инструментов, в которые, безусловно, входит иностранный язык. Владение им расширяет возможности современного инженера, способствует развитию его профессиональных компетентностей. В данной связи важно учитывать и межкафедральное взаимодействие, способствующее рассмотрению академического материала с разных позиций более качественно и тщательно, обеспечивая при этом развитие не только профессиональных компетенций обучаемых, но и общекультурных составляющих. Указанные рекомендации позволяют в значительной степени модернизировать вузовское техническое образование, повысив его качество, эффективность и востребованность в современном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лихачева О.Н. Моделирование иноязычного образования в неязыковом техническом вузе- цели, содержание, участники педагогического процесса//Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№2.с.134-142
2. Лихачева О.Н. Аспекты моделирования иноязычного образовательного процесса в современном неязыковом вузе//Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2019.№7.с.176-185
3. Лихачева О.Н. К вопросу о моделировании иноязычного образования в современном неязыковом вузе//Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2019.№7.с.166-175
4. Очур Т.Х., Артына М.К. Основные теоретические положения методики преподавания иностранных языков в условиях многоязычия //Мир науки, культуры, образования,2016, №4(59), с.59-61
5. Сидорова А.Е. Традиции и инновации в методике преподавания иностранного языка // Наука и образование: инновации, интеграция и развитие,2016 №1(3), с. 50-53

6. Кенжабоев Ж.А. Методика преподавания иностранных языков //Международный научный журнал,2016,№6-3,с.52-54
7. Лихачева О.Н., Шилович О.Б., Коралева Ю.В. Влияние личности преподавателя на формирование студенческой мотивации в современном техническом вузе // ЦЭТИСЭ, 2019, №3(20), С.37
8. Зайниева Н.Б. Методика преподавания интенсивного и делового иностранного языка в технических ВУЗах// Наука и мир,2015,т. №6(22), с.10-12
9. Лихачева О.Н., Шилович О.Б. К вопросу о диагностике компетенций в гуманитарном сегменте технического вуза// Мир науки,культуры,образования.2018.№5(72)с.175-177.
10. Новиков А. М. Методология образования. Москва : Эгвес, 2016, 488с.
11. Лихачева О.Н., Беденко Д.Е., Ким В.А. Аспекты личностного подхода при обучении иностранному языку в нелингвистическом вузе. //Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№4.с.81-87
12. Лихачева О.Н., Беденко Д.Е., Ким В.А. Мотивационная составляющая и особенности ее формирования у студентов технических направлений при обучении иностранному языку. //Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№4.с.88-93
13. Лихачева О.Н., Беденко Д.Е. Обучение иностранному языку в современных условиях в контексте технического вуза. //Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№5.с.70-76
14. Шилович О.Б. Мотивационный компонент и его формирование при обучении экономической теории студентов технических направлений. //Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№5.с.95-103
15. Лихачева О.Н.Формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов на примере Кубанского государственного технологического университета. Монография. Краснодар, КубГТУ, 2018, 171 с.
16. Лихачева О.Н. Аспекты формирования иноязычной коммуникативной компетенции на занятиях по английскому языку в нелингвистическом вузе. // В сборнике: ШАГ В НАУКУ. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции с участием студентов. Махачкала, 2020, С.346-351
17. Лихачева О.Н. Вузовский преподаватель в современных образовательных условиях – особенности становления и развития. // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». Краснодар, 2018, № 2, с.122-129
18. Лихачева О.Н. Иностранный язык в неязыковом техническом вузе. // Педагогика. М., 2020, Т. 84, №4, с.88-97
19. Лихачева О.Н. Моделирование современного обучения иностранному языку в неязыковом вузе – проблемы и решения на примере технического вуза. // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». Краснодар, 2020, № 4, с.104-112
20. Лихачева О.Н. Некоторые особенности оптимизации учебного процесса в неязыковом вузе на примере иностранного языка. // В сборнике: Новости науки 2019. Сборник материалов VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции. М., Империя, 2019, с. 174-176
21. Лихачева О.Н. Современный иноязычный академический процесс в условиях технического вуза. // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». Краснодар, 2020, № 7, с.86-92
22. Likhacheva O.N., Shilovich O.B., Tymchuk E.V., Shiyan S.I., Pupkova Yu.V., Kostenko R.V. Modern approaches to polytechnic education//Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2020, С. 12220
23. Файзуллина Э.Ф., Заринова А.М. Современные приемы в методике преподавания иностранных языков//Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина,2015, Т.1, №1, с.238-245
24. Зыков М.Б. Использование законов нейроэкономики в методике преподавания иностранных языков//Инновационные технологии в науке и образовании,2015,№4(4), с.353-357
25. Олифиренко С.М. Методы изучения английского языка в техническом вузе//Мир науки,2017,т.5,№2,с.34
26. Ямских Т.Н., Слепченко Н.Н. Формирование умений командной работы студентов инженерных направлений подготовки на занятиях по иностранному языку// Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева,2015, №4(34), с. 89-93
27. Savenok O.V., Arutyunyan A.S., Petrushin E.O., Likhacheva O.N., Kusov G.V. Secondary opening of productive layers. В сборнике: Actual Issues of Mechanical Engineering (AIME 2017). Processing, 2017, с.734-741
28. Лихачева О.Н. Некоторые рекомендации по обучению чтению студентов технических вузов с использованием профильного компонента на занятиях по иностранному языку. Булатовские чтения, 2017, Т.5, с.216-218
29. Лихачева О.Н. К вопросу об улучшении образовательного процесса в неязыковом вузе на примере иностранного языка. Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». Краснодар, 2016, №10, с.267-272

Статья поступила в редакцию 23.06.2021
 Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.147+811.111+330.5
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0030

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

МОДЕЛИРОВАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

© Автор(ы) 2021

SPIN: 2072-7834

AuthorID: 796297

ORCID: 0000-0002-4120-243X

ЛИХАЧЕВА Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1
Кубанский государственный технологический университет
(350072, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 5938-8128

AuthorID: 795907

ORCID: 0000-003-4811-275X

ШИЛОВИЧ Олег Борисович, старший преподаватель
кафедры «Экономика и финансы»

Кубанского государственного технологического университета
(350072, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 5124-8676

AuthorID: 834543

ORCID: 0000-0002-9015-135X

ТЫМЧУК Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 1
Кубанский государственный технологический университет
(350072, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 5282-5169

AuthorID: 663017

ORCID: 0000-0002-3682-7486

ИЛЬИНА Татьяна Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Экономическая безопасность»

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 4798-9053

AuthorID: 877830

ORCID: 0000-0002-1107-4393

ПУПКОВА Юлия Валентиновна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры
«Социология, правоведение и работа с персоналом»

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SPIN: 7224-4095

AuthorID: 174353

ORCID: 0000-002-9869-296X

БУГАЕЦ Иван Алексеевич, кандидат технических наук, доцент, начальник управления
международного сотрудничества

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть самостоятельную работу современного вузовского студента, аспекты ее реализации, типологию, роль преподавателя в мотивационной составляющей внеаудиторной деятельности в современном образовательном пространстве, разработать рекомендации, позволяющие улучшить качество и эффективность данного вида деятельности в вузе. *Актуальность статьи* заключается в том, что в соответствии с современными реалиями самостоятельная работа студента вуза приобретает все большую значимость, позволяя ему развивать мышление, логику, повышать общий культурный уровень, самостоятельно принимать волевые решения. Однако на современном этапе самостоятельная работа в вузе требует координации и доработки, а также некоторой коррекции, что является важным в современном образовательном пространстве в целом. *Новизна работы* заключается в том, что впервые осуществлена попытка моделирования самостоятельной работы студента вуза. Предложены рекомендации по совершенствованию внеаудиторной деятельности обучаемого, направленные на повышение качества и эффективности процесса обучения. *Результаты работы* заключаются в выявлении особенностей самостоятельной работы студента вуза на современном этапе, ее совершенствовании и создании рекомендаций для организации внеаудиторной деятельности современного обучаемого, способствующей повышению эффективности академического процесса в вузе в целом.

Ключевые слова: самостоятельная работа, мотивация, моделирование, мышление, логика, типология самостоятельной работы, развитие личности, развитие профессиональных навыков.

INDEPENDENT STUDENT'S WORK MODELING IN THE CONTEXT OF A MODERN UNIVERSITY

© The Author(s) 2021

ЛИХАЧЕВА Olga Nikolaevna, candidate of Philological Sciences, associate professor
Foreign languages № 1 Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

SHILOVICH Oleg Borisovich, senior teacher
Economics and Finance Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

ТЫМЧУК Elena Viktorovna, doctor of Philological Sciences, professor

Foreign languages № 1 Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)
ILYINA Tatyana Vladimirovna, candidate of Economic Sciences, associate professor,
Economic Security Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)
PUPKOVA Yuliya Valentinovna, candidate of Sociological Sciences, senior teacher
Sociology, Law and Staff Work Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)
BUGAETS Ivan Alexeevich, candidate of Technical Sciences, associate professor
Chief of the International Cooperation Department
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moskovskaya Street, 2, e-mail: olga-lihacheva@rambler.ru)

Abstract. *The purpose* of this article is to consider the independent work of a modern university student, aspects of its implementation, typology, the role of the teacher in the motivation component of extracurricular activities in the modern educational space, then work out recommendations that will improve the quality and efficiency of this type of activity in a university. *The actuality* of the article lies in the fact that in accordance with modern realities, the independent work of a university student is becoming increasingly important, allowing him to develop thinking, logic, raise the general cultural level, and independently make volitional decisions. However, at the present stage, independent work in a university requires coordination and refinement, as well as some correction, which is important in the modern educational space as a whole. *The novelty* of the work lies in the fact that for the first time an attempt was made to model the independent work of a university student. Recommendations for improving the student's out-of-class activities are proposed, aimed at improving the quality and efficiency of the academic process. *The results* of the work consist in identifying the features of independent work of a university student at the present moment, its improvement and creation of recommendations of extracurricular activities of a modern student, which contributes to an increase in the efficiency of the academic process in the university as a whole.

Keywords: independent work, motivation, modeling, thinking, logic, typology of independent work, personality development, development of professional skills.

ВВЕДЕНИЕ.

В настоящее время вопрос моделирования в педагогике приобретает все большую значимость в силу того, что именно посредством создания современных моделей, построенных по образу и подобию педагогического процесса или ситуации, а также содержания или целевого применения, успешный поиск путей решения актуальных педагогических вопросов, а также осуществление модернизации образования в целом и его компонентов в частности становятся возможными.

Вузовское образование нуждается в качественном изменении в отношении содержания, целей, сторон педагогического взаимодействия, организации самостоятельной работы и внеаудиторной деятельности, а также исследовательского компонента, развития межпредметных связей, подготовительного и дополнительного сегментов, возрастающей роли иностранного языка в современных реалиях общества [1].

Моделирование позволяет создать макет вузовского образования в целом и проследить его развитие при идеальных условиях, так называемой идеализации. Создается возможность определить положительную или отрицательную динамику при внесении определенных изменений в структурный и функциональный аспекты указанной педагогической модели, развить дополнительные компоненты и проследить их взаимодействие с остальными составляющими в совокупности [2]. Если модель удовлетворит требованиям общества и позволит решить соответствующие задачи и реализовать главные цели обучения, значит она характеризуется актуальностью и валидностью, т.е. ее можно экстраполировать на реально существующие педагогические условия, вузы, сегменты, подлежащие трансформации, образовательную парадигму в целом [3].

Самостоятельная работа представляет важный сегмент учебной деятельности современного студента, особенно при таком широком круге возможностей и цифровизации образования. Самостоятельное выполнение заданий, развитие познавательной активности, стремление к новому, более глубоким знаниям, которые выходят за пределы аудиторного объяснения, становление и совершенствование мышления, интеллектуальный рост – это неполный список возможностей формирования качественного академического процесса, роста конкурентоспособного специали-

ста и настоящего профессионала своего дела в будущем.
МЕТОДОЛОГИЯ.

Ранее в наших работах мы рассматривали компоненты потенциальной модели иноязычного образования в техническом вузе, их взаимодействие, идеальные составляющие и возможные рекомендации для улучшения указанного процесса в соответствующей связи. Это подготовительный этап моделирования либо его начальные стадии, которые помогают построить соответствующую основу будущей модели или моделей в указанном контексте. Именно моделирование помогает адекватно проанализировать то или иное явление или процесс, спрогнозировать его развитие, просмотреть динамику, что в конечном итоге позволит качественно подойти к модернизации или усовершенствованию, в нашем случае, образовательного процесса [4; 5].

В настоящем вузовском образовании все большее внимание уделяется самостоятельной работе – в соответствии с современными реалиями большое количество часов выделяется именно на внеаудиторную учебную деятельность студента, при этом данное правило касается абсолютно всех дисциплин. Полагают, что именно самостоятельная работа способна развить познавательные навыки студента, расширить его кругозор, возможна к осуществлению в любое внеаудиторное время, что делает процесс доступным и удобным, особенно в связи с широкими возможностями интернета и IT-технологий.

Но, несмотря на то, что самостоятельной работе в современном вузе уделяется все большее внимание, ее организация, по нашему мнению, должна быть более упорядочена [6; 7]. Следует активнее направлять ее на решение практических и развивающих, а также воспитательных задач, она должна иметь соответствующий вектор и объединять все компоненты потенциальной модели вузовского образования в единое целое, что будет работать на качественный результат – достижение успеха, в нашем случае, как на профессиональном, так и личностном уровне.

В соответствии со всем вышесказанным уместно говорить о необходимости моделирования самостоятельной работы современного вузовского студента, что должно положительно отразиться на его успеваемости, исследовательских навыках, общем культурном уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Самостоятельная работа студентов представляет собой разнообразные виды индивидуальной и коллективной деятельности обучающихся на аудиторных и внеаудиторных занятиях или в домашних условиях по выполнению различных заданий под методическим руководством преподавателя, но без его непосредственного участия [8; 9].

Проанализировав имеющийся материал по современному состоянию самостоятельной работы студентов на сегодняшнем этапе, а также посредством использования эмпирических методов и сопоставления имеющихся предложений, мы можем предложить определенные компоненты потенциальной модели эффективного развития современной самостоятельной работы для студентов университета.

Изначально подчеркнем, что самостоятельная работа студентов обязательно должна координироваться преподавателем, а также иметь целью повышение успеваемости обучающегося, его общего культурного уровня, развитие личностных, волевых и профессиональных качеств как будущего специалиста [10].

Самостоятельная работа подразделяется на несколько типов, а именно, первый тип, который предусматривает формирование знаний, умений и навыков в соответствии с определенным алгоритмом и посылом, что содержится в условиях задания. Этот тип представлен классическим выполнением домашнего задания, а также работой с предоставленным лекционным материалом. Это формирование знаний-знакомств. Как правило, студенту предоставляется лекционный материал на самостоятельное изучение, при этом важно выделить в нем ключевые моменты, основное, план, чтобы ознакомление с новым материалом студент выполнил эффективно и усвоил необходимую основу. Это репродуктивный навык ознакомительного плана, но от качества лекции, ее связи с предыдущим, изученным ранее материалом, а также мотивационным компонентом зависит качество ее восприятия студентом. Она может быть представлена в форме рассказа-беседы с пояснением терминологии и обязательно во взаимосвязи и совокупности с предыдущим материалом [11]. В данном ключе хороши платформы Moodle, BBB, MS Teams и прочие дистанционные формации, позволяющие выдать полный материал с презентациями и источниками, а студент, в свою очередь, в состоянии в любое время самостоятельно его рассмотреть, проанализировать и задать вопросы на базе указанных платформ. Как видим, в данном контексте самостоятельная деятельность студента должна координироваться преподавателем, направляться именно в нужное, востребованное русло [12].

Самостоятельная работа второго типа предполагает приобретение знаний, позволяющих формировать по памяти усвоенную информацию и решать типовые задачи. Это воспроизведение и частичное реконструирование усвоенной ранее учебной информации. Это могут быть курсовые работы, лабораторные опыты, проекты. Существует определенный алгоритм, который должен быть применен студентами в данных условиях. В данной связи интересно предоставить студентам выполнение проектов. Для раскрытия какой-либо темы преподаватель выдает студентам различные задания, характеризующие тему, дающие полное ее раскрытие. Студенты готовят материал самостоятельно. Это могут быть презентации, рефераты, викторины, специализированные задания на соответствия, постановочные и трансформационные упражнения, квизы, квесты, что позволит охватить материал с различных позиций и получить полную информацию по интересующему вопросу [13]. Данная форма самостоятельной работы позволяет студенту заниматься неким творчеством, но по заготовленному преподавателем шаблону. Если это курсовая работа, то она выполняется строго по определенным требованиям и с использованием ранее изученного материала, лишь вычисления будут отличаться от шаблонных. Если это лабораторные исследования, то они также выполняются самостоятельно студентами, но в пределах заданной темы. Т.е. мы тренируем репродуктивное мышле-

ние с элементами творческого подхода, который используется студентами самостоятельно, так, как они считают нужным [14].

Третий тип самостоятельной работы предусматривает формирование у студентов эвристических навыков, т.е. способности решать нетиповые задачи. Суть заданий предполагает выход студента из имеющегося опыта, перенос знаний, умений и навыков на нестандартную ситуацию. Обучаемый ищет пути решения, что не связано с прошлым приобретенным опытом, сам формулирует выход из сложившейся ситуации, развивает мышление. Такой тип самостоятельной работы предусматривает решение особых, усложненных задач и упражнений, написание квалификационных выпускных работ с использованием эксперимента. Ранее такой вид деятельности не осуществлялся студентом, но подобные задачи ставились – выполнялся курсовой проект, служащий основой дипломного проектирования, отличающийся репродуктивным, но не продуктивным мышлением дипломного формата [15]. В данном контексте студент, собирая весь свой предыдущий самостоятельный опыт, переходит на новую ступень развития мышления, интеллекта, самообразования. В данном ключе отрабатывается навык самостоятельной работы с поиском литературы и прочих источников по изучаемой проблематике, самостоятельный анализ нескольких подходов к решению одной проблемы, студент формирует свое собственное мнение и подкрепляет его имеющимися научными знаниями. Впоследствии при заинтересованности студент сможет развить собственное видение проблематики и оформить научные изыскания в виде последующих исследовательских диссертационных работ.

Четвертый тип самостоятельной работы предусматривает исследовательскую, творческую деятельность, что тренируется посредством выполнения креативных заданий. В данной связи решаются задачи повышенного уровня, студенты глубоко проникают в суть изучаемых явлений и процессов, устанавливая новые причинно-следственные связи, собирают новую информацию, выдвигают гипотезы и строят выводы. Такой вид самостоятельной работы предусмотрен не для всех студентов и далее определяет их исследовательские интересы [16]. В данном контексте предполагается самостоятельная работа с исследованиями, открытиями, обменом опытом в научной среде.

Отметим, что в современных условиях самостоятельная работа обучающегося в вузе студента должна включать умение работать в образовательных системах Moodle, MS Teams, Zoom, BBB, Skype, а также прочих образовательных платформах, позволяющих работать дистанционно и самостоятельно. В данной связи большая часть заданий выполняется именно самим студентом, материалы предоставляются на самостоятельное изучение, преподаватель лишь выступает вектором, ориентирует студентов в правильном направлении. Умение работать в таких системах вырабатывает у обучающихся волевые характеристики, развивает мышление, усиливает чувство ответственности, кроме того, расширяет спектр профессиональных навыков и компетентностей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Учитывая все существующие вариации самостоятельной работы, отметим, что некоторые аспекты требуют совершенствования и развития в соответствии с современными запросами общества и реалиями, где обучение должно иметь практическую, прикладную значимость, а развитие теоретического сегмента строго работает на реализацию практических задач. В данном ключе важно развивать формирование исследовательских навыков [17; 18]. Это означает мотивационную работу преподавателя, прежде всего, его умение заинтересовать собственным примером обучающихся, развить познавательные навыки, которые впоследствии превращаются в эвристические, позволяющие работать с проектами, курсовыми, дипломами, а также с диссертационными исследованиями в

будущем.

Рассмотрим, каким именно образом можно построить учебно-исследовательский сегмент в самостоятельной работе современного студента вуза. Изначально можно выдать студенту тему для реферативной работы, которая представляет собой некую дилемму. Эта проблема должна быть чем-то интересна обучаемому. Ему следует рассмотреть указанный вопрос с разных позиций, привести свои аргументы либо просто представить различные доводы [19]. Материал нужно изучить всесторонне, охватить необходимую литературу, рассмотреть все точки зрения по указанному вопросу. Несмотря на реферативный характер работы, студент получает необходимый опыт работы с литературой, фактическим материалом, синтезирует и анализирует имеющуюся информацию, возможно, пытается установить причинно-следственные связи. Это подготовительный этап мыслительной, познавательной активности студента, которая развивается в самостоятельном ключе [20; 21].

Второй этап – это работа с курсовым проектом, построение своих выводов на примере небольшого исследования. Также это может быть написание короткой научной статьи, цель которой ознакомить читателей с положением вещей в том или ином сегменте, подлежащем разработке, их возможной классификацией, развитием, взаимодействием в системе, раскрытием влияния одного явления на другое, обоснованием причинно-следственного взаимодействия. В данном ключе уместно привлечь лабораторные исследования, аналитические работы, вычисления, подтверждающие выводы, к которым могут прийти студенты в процессе данного исследования [22; 23]. В данной связи формируется навык мыслить самостоятельно, строить выводы, ставить исследовательские задачи пусть не в глобальном смысле, находить решения. Таковую ступень можно назвать мини-исследованием, которое выступает определенным фундаментом и основой последующих научных изысканий [24; 25].

Третий этап – написание дипломных проектов, магистерских работ и проведение диссертационных исследований. Предложенная тема исследования рассматривается разносторонне, широко, в системе и совокупности элементов. Она предусматривает качественный отбор литературы и материала по теме исследования, тщательное изучение указанного контента, анализ различных точек зрения по указанному вопросу, постановку задач исследования, подбор методов и материалов, выдвижение гипотезы, ее доказательство либо опровержение, предоставление результатов и аргументированная постановка выводов [26]. В данном контексте работает познавательная активность студента, мышление, логика, развиваются профессиональные навыки, так как исследовательская работа непосредственно должна быть связана с будущей профессиональной деятельностью потенциального специалиста.

ВЫВОДЫ

Современное общество меняется, соответственно, происходят изменения и в образовательном сегменте. Одной из таких трансформаций является акцент на самостоятельную, внеаудиторную учебную деятельность вузовского студента. Реалии таковы, что важно развивать не только репродуктивное, но и продуктивное мышление, логику, самостоятельность в принятии волевых решений, что очень важно для становления будущего специалиста и профессионала. Без дополнительного самообразовательного компонента невозможно представить качественного специалиста современности. Четыре типа самостоятельной работы, рассмотренные в статье, углубляют, расширяют и в целом развивают мышление студента вуза, способствуют повышению его профессионального и общего культурного уровня, формируют эффективные личностные характеристики будущего специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лихачева О.Н. Моделирование иноязычного образования в неязыковом техническом вузе-цели, содержание, участники педагогиче-

ского процесса//Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№2.с.134-142

2. Лихачева О.Н. Аспекты моделирования иноязычного образовательного процесса в современном неязыковом вузе//Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2019.№7.с.176-185

3. Лихачева О.Н. К вопросу о моделировании иноязычного образования в современном неязыковом вузе//Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2019.№7.с.166-175

4. Очур Т.Х., Артына М.К. Основные теоретические положения методики преподавания иностранных языков в условиях многоязычия // Мир науки, культуры, образования, 2016, №4(59), с.59-61

5. Сидорова А.Е. Традиции и инновации в методике преподавания иностранного языка // Наука и образование: инновации, интеграция и развитие, 2016 №1(3), с. 50-53

6. Кенжабоев Ж.А. Методика преподавания иностранных языков // Международный научный журнал, 2016, №6-3, с.52-54

7. Лихачева О.Н., Шилович О.Б., Королева Ю.В. Влияние личности преподавателя на формирование студенческой мотивации в современном техническом вузе // ЦЭТИСЭ, 2019, №3(20), с.37

8. Зайничева Н.Б. Методика преподавания интенсифицированного и делового иностранного языка в технических ВУЗах// Наука и мир, 2015, т. №6(22), с.10-12

9. Лихачева О.Н., Шилович О.Б. К вопросу о диагностике компетенций в гуманитарном сегменте технического вуза// Мир науки, культуры, образования.2018.№5(72)с.175-177.

10. Новиков А. М. Методология образования. Москва : Эгвес, 2016, 488с.

11. Лихачева О.Н., Беденко Д.Е., Ким В.А. Аспекты личностного подхода при обучении иностранному языку в лингвистическом вузе. //Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№4.с.81-87

12. Лихачева О.Н., Беденко Д.Е., Ким В.А. Мотивационная составляющая и особенности ее формирования у студентов технических направлений при обучении иностранному языку. //Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№4.с.88-93

13. Лихачева О.Н., Беденко Д.Е. Обучение иностранному языку в современных условиях в контексте технического вуза. //Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№5.с.70-76

14. Шилович О.Б. Мотивационный компонент и его формирование при обучении экономической теории студентов технических направлений. //Электронный политематический журнал «Научные труды КубГТУ».2020.№5.с.95-103

15. Лихачева О.Н.Формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов на примере Кубанского государственного технологического университета. Монография. Краснодар, КубГТУ, 2018, 171 с.

16. Лихачева О.Н. Аспекты формирования иноязычной коммуникативной компетенции на занятиях по английскому языку в лингвистическом вузе. // В сборнике: ШАГ В НАУКУ. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции с участием студентов. Махачкала, 2020, С.346-351

17. Лихачева О.Н. Вузovsky преподаватель в современных образовательных условиях – особенности становления и развития. // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». Краснодар, 2018, № 2, с.122-129

18. Лихачева О.Н. Иностраный язык в неязыковом техническом вузе. // Педагогика. М., 2020, Т. 84, №4, с.88-97

19. Лихачева О.Н. Моделирование современного обучения иностранному языку в неязыковом вузе – проблемы и решения на примере технического вуза. // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». Краснодар, 2020, № 4, с.104-112

20. Лихачева О.Н. Некоторые особенности оптимизации учебного процесса в неязыковом вузе на примере иностранного языка. // В сборнике: Новости науки 2019. Сборник материалов VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции. М., Империя, 2019, с. 174-176

21. Лихачева О.Н. Современный иноязычный академический процесс в условиях технического вуза. // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». Краснодар, 2020, № 7, с.86-92

22. Likhacheva O.N., Shilovich O.B., Tymchuk E.V., Shiyan S.I., Pupkova Yu.V., Kostenko R.V. Modern approaches to polytechnic education//Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2020, С. 12220

23. Файзуллина Э.Ф., Зарипова А.М. Современные приемы в методике преподавания иностранных языков//Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2015, Т.1, №1, с.238-245

24. Зыков М.Б. Использование законов нейроэкономики в методике преподавания иностранных языков//Инновационные технологии в науке и образовании, 2015, №4(4), с.353-357

25. Олифиренко С.М. Методы изучения английского языка в техническом вузе//Мир науки, 2017, т.5, №2, с.34

26. Ямских Т.Н., Слепченко Н.Н. Формирование умений командной работы студентов инженерных направлений подготовки на занятиях по иностранному языку// Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2015, №4(34), с. 89-93

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 37.03

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0031

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 801610

SPIN: 7996-8311

ORCID: 0000-0002-0575-2901

МАКАРОВА Вера Николаевна, кандидат технических наук, доцент кафедры туризма и экологии
ORCID: 0000-0001-7643-2537

РЕЧИЦКАЯ Юлия Сергеевна, бакалавр кафедры туризма и экологии
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: boyikova@mail.ru)

Аннотация. В статье исследованы теоретические основы и расставлены акценты при формировании экологического просвещения, воспитания и культуры у учащихся младшего школьного возраста. Отмечено, что на данный момент основной сферой для формирования экологических компетенций является школа. В публикации выделены аспекты развития сферы экологических знаний во всех сферах жизнедеятельности индивидуума, таких как труд (обучение), быт и рекреация. Показана важность сохранения влияния государственной политики в данной сфере. Так, формирование экологической культуры можно осуществлять с помощью экологических мероприятий разных уровней. Мероприятия должны быть связаны не только с определенными важными для государства и общества событиями, поскольку сохранение природы не должно быть праздным и проводиться редко, а важна именно ассоциация с обыденным и привычным явлением. Благодаря этому создаются условия для зарождения у ребенка познавательных потребностей и созидательного развития личности учащегося. Подобный подход позволит повысить уровень экологического просвещения, воспитания, экологическую культуру и сознательность учащихся младшего школьного возраста не только во время выезда на природу, а также в городской среде, в процессе рекреации, покажет важность сохранения и рационального использования природных богатств.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологическое воспитание, окружающая среда, окружающая природная среда, живые уроки, гармоничное развитие, младший школьный возраст, природные ресурсы, рациональное природопользование, экология.

SPECIALTY OF ECOLOGICAL CULTURE FORMATION IN YOUNG SCHOOL STUDENTS

© The Author(s) 2021

MAKAROVA Vera Nikolaevna, candidate of engineering sciences, associate professor of the chair of tourism and ecology

RECHITSKAYA Yuliya Sergeevna, student of the chair of tourism and ecology
Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, street Gogolya, 41, e-mail: boyikova@mail.ru)

Abstract. In the article, examined the theoretical foundations and placed emphasis on the formation of environmental education, education and culture among students of primary school age. It is note that now the main area for the formation of environmental competencies is the school. The publication highlights aspects of the development of environmental knowledge in all areas of the individual's life, such as work (training), life and recreation. The importance of maintaining the influence of state policy in this area shown. Thus, the formation of an ecological culture can carried out with the help of environmental measures of different levels. Activities should not only be related to certain events of importance to the State and society, since conservation of nature should not be idle and should be carried out rarely, namely, association with every day and habitual phenomena is important. Thanks to this, conditions are create for the birth of a child's cognitive needs and the creative development of the student's personality. Similar approach will allow to increase the level of ecological education, education, the ecological culture and consciousness of pupils of younger school age not only during departure on the nature and also in the urban environment, in the course of a recreation, will show importance of preservation and rational use of natural wealth.

Keywords: sustainable development, ecological education, environment, natural environment, live lessons, harmonious development, primary school age, natural resources, environmental management, ecology.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Природа – это среда обитания человека и источник всех благ, необходимых для жизни и производственной деятельности. Человек является частью природы, её порождением, он может производить, используя ресурсы, и жить в природных условиях, к которым он генетически приспособлен [1].

Переход к экологически чистому развитию требует переоценки накопленных знаний о месте и роли человека в природе. При этом предварительные знания не отрицаются, а пересматриваются в соответствии с необходимостью решения экологических проблем [2].

В наше время экологическое воспитание и просвещение – это формирование у ребенка осознанного восприятия окружающей среды, убеждения в том, что природу нужно уважать, что ее богатства используются с умом и что природные ресурсы планеты важны. Наилучшего результата в воспитании всесторонне развитой личности можно добиться при правильном сочетании уроков и внеклассных занятий. Уроки и внеклассные занятия

должны быть связаны, дополнять и улучшать друг друга. В настоящее время существует большое количество организаций, работа которых направлена на повышение экологической грамотности учащихся [3].

Анализ последних исследований и публикаций.

На сегодняшний день проблемы экологического воспитания дошкольников и школьников младшего возраста довольно подробно описываются в педагогической литературе. В работах Н.М. Захаровой и А.В. Барановой, Н.В. Лободиной, А.В. Миронова, С.В. Алексеева, Д.С. Ермакова [4-8] и др. описаны основные принципы, цели, задачи, методы и методики экологического образования, но при этом очень ограничено представлены особенности экологического просвещения именно у школьников.

Участие органов государственной власти в экологическом просвещении населения вытекает из ст. 5 и 6 ФЗ «Об охране окружающей среды», определяющих развитие системы экологического образования, позволяет формировать экологическую культуру населения [9].

На законодательном уровне полномочия проявляются в разработке программ в области экологического просвещения.

Экологическое просвещение населения страны проводится с использованием СМИ, культурно-просветительских центров, экологических акций, выставок и конференций. В них представлены основные этапы развития экологической культуры населения на разных уровнях образования, в которых формируются базовые знания экологической грамотности личности, ответственность людей к окружающей среде.

МЕТОДИКА

Формирование целей статьи.

Целью статьи является расстановка акцентов при формировании экологического просвещения, воспитания и культуры у учащихся младшего школьного возраста.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных результатов.

Понятие «экологическая культура» достаточно сложное и многогранное. Именно в начальном образовании закладываются основы экологической культуры, которая оказывает влияние на личностное развитие ребенка.

Зачастую примером служит выраженное негативное отношение к природе пренебрежение ее законами, что может позволить детям, в частности младшего школьного возраста, чувствовать свою власть над природой и ее законами, что имеет тенденцию широко распространяться в настоящее время в обществе.

Порой даже сами педагоги нарушают те требования, которые прививают ребенку, в связи с этим в голове у ребенка возникает диссонанс получаемой информации и увиденной действительности. А именно в этом возрасте у ребенка есть потребность брать пример, копировать и подражать взрослым [10].

При формировании экологической культуры у детей школьного возраста необходимо учитывать возрастные и психологические особенности ребенка, делать акцент на использовании наглядно-действенных форм мышления.

Именно в младшем школьном возрасте закладывается осознанное отношение к учебе, личным и общественным ценностям, в частности, к окружающей природной среде, формируют осознанные привычки человека [11].

Экологическая культура – это интегральная категория, включающая в себя множество компонентов. На сегодняшний день исследователи данного феномена по вопросу структуры экологической культуры не пришли к единому мнению. В экологической культуре выделяют разное количество компонентов. В одной из разновидностей таких компонентов четыре: когнитивный, деятельный, ценностно-смысловой и эмоционально-эстетический. А в другой выделяют семь взаимосвязанных и взаимопроникающих компонентов, с учетом возрастных особенностей ребенка на каждом этапе развития личности один из них является доминирующим.

Рассмотрим концепцию экологической культуры Г.Н. Семеновой [12], которая трактует, что черты личности выделяют такие компоненты как: интерес индивида к природе и проблемам ее охраны; знания о природе, способы защиты и устойчивое развитие; эстетические и нравственные чувства по отношению к окружающей среде.

Экологическая культура, выступающая как глобальный феномен, воспринимается субъективно. Ведь у каждого человека есть свое понимание, восприятие элементов культуры, личностный подход. Но при этом особенностями экологической культуры будут, например, бережное отношение к природе, ее отдельным элементам.

Показателями завершения формирования экологической культуры являются: отношение к себе, к другим людям и, конечно же, отношение к природе и окружающей среде.

Выделяют три группы критериев оценки комплексности экологической культуры:

- экологическая ответственность;
- функциональные критерии, определяющие струк-

турные компоненты экологической культуры;

- экологическое поведение.

Экологическая культура играет роль важного и цельного качества человека, его готовность к ответственному отношению к окружающей среде [13].

Экологическая культура ребенка дошкольного и младшего школьного возраста предполагает обязательное формирование определенного ряда компетенций, формирующих эмоционально-положительное отношение к окружающему миру, окружающей природной среде, первой и второй природе. От этого будет зависеть уровень загрязнения в мире. Одним из наглядных примером такого загрязнения является накопление пластиковых отходов в реках, океане, которое в большей мере формируется благодаря халатному отношению потребителей. В большей мере такими потребителями является дети и подростки [14].

Формирование экологической культуры можно осуществлять с помощью экологических мероприятий. Мероприятия должны быть связаны не только с определенными важными для государства и общества событиями, поскольку сохранение природы не должно быть праздным и проводиться редко, а важна именно ассоциация с обыденным и привычным явлением, вроде потребности в одежде. Благодаря этому создаются условия для зарождения у ребенка познавательных потребностей и созидательного развития личности учащегося [15].

Важно, что государство активно внедряет элементы экологического воспитания и просвещения в школьную программу, но этого недостаточно.

Так, согласно федеральному закону № 7 «Об охране окружающей среды» органами государственной власти Российской Федерации, общественными объединениями, средствами массовой информации и образовательными организациями проводится работа по развитию экологической культуры и экологического просвещения населения страны. Общая и агрегатная система экологического образования населения охватывает первую ступень основного общего образования [16].

Результатом освоения базовой образовательной программы общего образования в области естественных и социальных наук, в том числе предмета «Окружающий мир», должно стать: овладение основами познания окружающей среды и очевидными принципами нравственного поведения в мире (человека и природы, индивидуальное осознание целостности окружающего мира). Об этом говорится в ст. 12.5 Постановления Минобрнауки России № 373 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования».

Открытие мирового информационного пространства играет важную роль в поиске и получении школьником исходного источника информации об окружающем мире, основ экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни. Равный доступ для учителей, родителей и учеников. Актуальным и приоритетным направлением становятся программы формирования экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни, духовно-нравственного развития и воспитания школьника в рамках современного и базового начального образования.

Это касается не только уроков, но и внеклассных занятий, направленных в первую очередь на достижение целей ребенка и достижение личных результатов. Этому способствуют учебный блок, классная и внеклассная деятельность, а также совместная педагогическая работа самой организации, ведущей образовательную деятельность.

Важно внедрять аспекты или отдельные элементы экологического просвещения во все сферы: труд (обучение), быт и отдых. Активно внедрять экологичность бытия на уровне семьи, членов семьи, которые являются безусловным примером для подражания ребенка [17].

Ключевым условием развития активности и направ-

ленности личности является формирование интересов. Следовательно, фокус интереса и его содержание (узкое или широкое) служат индикаторами активности ребенка.

В приоритете устойчивого развития страны и общества лежат: осознанное потребление природных ресурсов, грамотное и научное обоснованное природопользование, бережное отношение к природе, которое можно сформировать только в раннем детстве.

Экологическое воспитание – это лишь неотъемлемая часть экологического образования. Экологическое образование нельзя проводить отдельно от образования по вопросам ответственности человека за окружающую среду. Сегодня перед экологическим образованием стоит несколько задач: формирование целостного представления человека о социальной и природной среде; развитие способности воспринимать окружающий мир через органы чувств, познавательный интерес; воспитание эстетического и нравственного отношения к окружающей среде жизнедеятельности человека, способность вести себя в ней в соответствии с общечеловеческими нормами морали.

Одной из самых приемлемых форм организации и вовлечения в процесс экологического образования детей младшего школьного возраста является игровая деятельность. В ходе игры ребенок познает что-то новое, в этом возрасте игра для них увлекательный процесс, школьники будут активно принимать в ней участие и останутся под хорошим впечатлением. Важно отметить, чтобы игровая деятельность развивала интерес младшего школьника к образовательной деятельности, необходимо придерживаться определенных принципов.

Обучающиеся должны понимать правила игры, учитель, который выступает в роли игротехника, должен четко формулировать задачу для учеников, все материалы должны быть просты в использовании и изготовлении, также необходима мотивация, которая будет действовать на всех участников игрового процесса. Младший возраст предполагает, что школьники не усидчивы, им сложно фокусировать внимание, поэтому игры необходимо подбирать таким образом, чтобы они не скучали и их деятельность часто видоизменялась.

Следовательно, для младшего школьного возраста игровая деятельность является универсальной, потому что может включать в себя множество разнообразных видов деятельности. Особенно важным игровую деятельность делает то, что ребенок познает новую информацию добровольно, без принуждения. Грамотное руководство со стороны педагогического состава позволит расширить кругозор младших школьников, вовлечь их в природоохранную работу, воспитать чувство ответственности за состояние окружающей среды.

Важным источником знаний в процессе реализации экологического образования являются словесные методы. Главной задачей обучающихся при использовании указанных методов – это слушание собеседника. Для лучшего восприятия информации зачастую используют демонстрацию различных наглядных пособий. Роль учителя заключается в самостоятельной передаче или организации передачи информации в словесной форме.

Этические беседы играют важную роль в формировании экологической культуры. Обязательным условием для их поведения является конфиденциальная среда, в которой учащиеся могут чувствовать себя спокойно и не бояться выражать свои мысли, чувства и переживания. Помогает развивать личные отношения с природой и окружающей средой. Ребенок активно обучается. В связи с этим, помимо знания правил поведения на природе, ему необходимо понимать важность их выполнения. В разговоре необходимо обосновать требования к детям. Обратите внимание на то, что при рассмотрении конкретных экологических ситуаций школьникам необходимо понимать, почему человеческое поведение и все антропогенные вмешательства влияют на окружающий их мир [18].

Продуктивность формирования экологической культуры школьника зависит от того, насколько в образовательном процессе будут учтены основные звенья трансформации социальных отношений и элементы внутренней структуры личности: социальные потребности, интересы, мотивы и цели, ценностные ориентации. Каждая часть этой последовательности относительно независима.

Цель формирования экологической культуры – максимально изменить общественную потребность в охране природы во внутренние потребности и интересы учащегося. Ожидаемый результат – ответственное отношение к окружающей среде, стремление к экологически правильным действиям, чтобы воспитать у детей нетерпимость к безответственному отношению к окружающей среде со стороны сверстников, взрослых и общества в целом [19].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий.

На основе анализа современного состояния экологического образования и воспитания учащихся младшего школьного возраста можно сделать следующие выводы. Существуют попытки разработки и применения разнообразных форм и методов изучения вопросов охраны окружающей среды в рамках образовательного процесса. В своей работе учителя используют такие формы работы, как экологические экскурсии, выставки и проекты. Что сегодня является неактуальными методами работы, которые мало интересуют современных школьников. В настоящее время учитель должен использовать вариативные методы работы, использовать современные практики, чтобы действия учащихся становились осознанными и приобретали смысл. Сущность экологического образования заключается в том, что школьники усваивают в своей повседневной деятельности. В основу экологического образования положены следующие задачи: защита от загрязнения живой и неживой природы; сохранение биоразнообразия организмов и целостности их сообществ; охрана природы как условие сохранения здоровья человека.

Необходимо отметить, что младший школьный возраст наиболее важен в формировании личности школьника. Ведь именно в этом возрасте ребенок подвержен влиянию взрослого и может усваивать информацию. Все, что взрослый хочет привить ребенку, необходимо приподносить в младшем школьном и дошкольном возрасте. Но при этом обязательно уделять достаточное внимание формированию экологических компетенций во всех сферах жизнедеятельности ребенка. Постоянный мониторинг данного вопроса позволит судить об эффективности проводимых мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гусакова Н.В. Экология: конспект лекций/Под редакцией А.Н. Королева/ Н.В. Гусакова, А.И. Забалуева, В.В. Румянцева. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. 176 с.
2. В.А. Дерябин Экология: учебное пособие/ В.А.Дерябин, Е.П.Фарафонтнова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 136 с.
3. Самко О.В. Организация экопросветительской работы в МОУ ДОД Эколого-биологический центр г. Комсомольск-на-Амуре// Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2016. №14(3). С. 81–86.
4. Захарова Н. М., Баранов А. В. Экологическое воспитание учащихся начальной школы // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 13. С. 57–58.
5. Лободина Н. В. Экологическое воспитание в начальной школе: разработки внеклассных мероприятий. – Саратов: Саратовский полграфкомбинат, 2006. 266 с.
6. Мионов А. В. Технология изучения курса «Окружающий мир» в начальной школе : учебник и практикум. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. 447 с.
7. Алексеев С. В., Груздева Н. В., Симонова Л. В. Экологическое образование в базовой школе: Методическое пособие / Под общ. ред. С. В. Алексеева. СПб.: Специальная литература, 1999. 88 с.
8. Ермаков Д.С. Формирование экологической компетентности школьников в процессе их обучения решению экологических проблем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2008. №2. С. 108-113.
9. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружа-

ющей среды» (с последующими изменениями и дополнениями в ред. от 12.03.2014) [Электронный ресурс] / - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

10. Ефимова Г.А. Экологическое воспитание дошкольников / Г.А. Ефимова // В сборнике: Научное и образовательное пространство: перспективы развития. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 56-57.

11. Кондратенко Е.А. Особенности организации работы по экологическому образованию и воспитанию дошкольников // Южно-Уральские научные чтения. 2016. № 1 (2). С. 24-29.

12. Семенова Г. Н. Воспитание экологической культуры младшего школьника как части общей культуры личности // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. 2014. Т. 1. № 1. С. 76-80.

13. Николаева Л. А. Экологическая психология: учебное пособие. – Ярославль: Ярос. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. 2013. 102 с.

14. Лопухова К.М. Формирование экологической культуры детей дошкольного возраста в процессе исследовательской деятельности / К.М. Лопухова, Л.В. Попова // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63(1). С. 179-182.

15. Лисина А.С. Формирование экологической культуры младших школьников во внеклассной деятельности / А.С. Лисина, Е.М. Юсупова // Вопросы педагогики. 2019. № 4(2). С. 138-141.

16. Федеральный Закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изменениями на 20 июля 2018 года) [принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г.; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.] . – URL: <http://www.kodeks.ru> (дата обращения: 13.09.2020).

17. Калюкова Е.А. Возможности проектной деятельности в воспитании экологической культуры младших школьников / Е.А. Калюкова, А.В. Шишова // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. 2016. № 5 (33). С. 45-49.

18. Петрова Т.И. Условия формирования экологической культуры учащихся начальных классов / Т.И. Петрова, С.С. Петров // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 181-182.

19. Третьяков А.Л. Целевые ориентиры экологического образования младших школьников в современной социокультурной ситуации // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2019. №3. С. 47-54.

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.14.015.62
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0032

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ДОВЕРИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ДЛЯ РАБОТЫ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 6201-7970
AuthorID: 414919
ORCID: 0000-0003-0514-0443
ScopusID: 57202213894

МАТУШАК Алла Федоровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: lilac0@yandex.ru)

SPIN: 5359-4214
AuthorID: 762680
ORCID: 0000-0002-5334-9084
ScopusID: 57215724435

ПАВЛОВА Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: pavlovaou@cspu.ru)

AuthorID: 725757
SPIN: 7737-5536
ORCID: 0000-0002-7858-8807

ЗЫРЯНОВА Александра Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: ziryanovaav@cspu.ru)

AuthorID: 736231
SPIN: 7711-3784
ORCID: 0000-0003-1768-3314
ScopusID: AAN-3731-2021

УЛЬЯНОВА Вера Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: uljyanovavg@cspu.ru)

AuthorID: 697320
SPIN: 5118-5456
ORCID: 0000-0002-5701-963X

АЛЕХИНА Надежда Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: 2105nadia@mail.ru)

AuthorID: 392430
SPIN: 1164-7156
ORCID: 0000-0001-5490-0694
ScopusID: 8316641100

АХКАМОВА Юлия Абдуллоевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики и методики обучения математике

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: akhkatovayua@cspu.ru)

Аннотация. Цель работы: выявить и проверить предположительную эффективность педагогических условий формирования культуры доверия будущих учителей для последующей работы в полиэтнической среде школы. Цель конкретизируется в следующих задачах: 1) рассмотреть понятие и виды педагогических условий; 2) выявить комплекс педагогических условий формирования культуры доверия будущих учителей для последующей работы в полиэтнической среде школы; 3) выяснить мнения преподавателей вуза и студентов старших курсов о предположительной эффективности условий. Методы. Для решения задач в работе применены методы анализа, синтеза, обобщения для описания предмета исследования; метод беседы позволил определить эффективность комплекса педагогических условий. Результаты: В статье определены понятия доверия, культуры доверия, педагогических условий формирования культуры доверия будущих учителей для работы в полиэтнической среде школы. Установлено, что культура доверия имеет три компонента: знаниевый, ценностный, а также компонент умений. Выявлены педагогические условия формирования культуры доверия будущих учителей для работы в полиэтнической среде школы (развитие самоуважения и уважения к другим народам; обучение проектированию курса о своей малой родине; включение в обучение и воспитание студента деятельности, объединяющей разные этносы, способствующей знакомству с иными культурами, обучающей сосуществованию культур). Вывод о действенности педагогических условий сделан на основе бесед с преподавателями гуманитарных дисциплин и студентами старших курсов – будущими учителями. Научная новизна: в статье описано понятие культуры доверия, выявлены педагогические условия формирования культуры доверия будущих учителей для работы в полиэтнической среде школы, проанализирована их эффективность. Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в подготовке будущих учителей.

Ключевые слова: культура доверия, полиэтническая среда школы, педагогическое образование, система подготовки будущих учителей.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR DEVELOPING FUTURE TEACHERS' CULTURE OF TRUST FOR WORK IN A SCHOOL POLYETHNIC ENVIRONMENT

© The Author(s) 2021

MATUSZAK Alla Fedorovna, doctor of pedagogical sciences, professor of the Department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: lilac0@yandex.ru)*

PAVLOVA Olga Yuryevna, candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: pavlovaou@scpu.ru)*

ZYRYANOVA Aleksandra Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: ziryanovaav@cspu.ru)*

ULYANOVA Vera Gennadyevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: ulyanovavg@cspu.ru)*

ALEKHINA Nadezhda Viktorova, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: 2105nadia@mail.ru)*

AKHKAMOVA Yulia Abdullova, candidate of mathematical and physical sciences, associate professor of the department of mathematics and methods of teaching mathematics

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: akhkamovayua@cspu.ru)*

Abstract. *Purpose of the paper:* to identify and verify the presumptive effectiveness of pedagogical conditions for the development of future teachers' culture of trust for subsequent work in the polyethnic environment of the school. The purpose is concretized in the following tasks: 1) to consider the concept and types of pedagogical conditions; 2) to identify a complex of pedagogical conditions for the development of future teachers' culture of trust for subsequent work in a polyethnic school environment; 3) to find out the opinions of university professors and senior students on the presumptive effectiveness of the proposed conditions. *Methods:* to fulfil the tasks in the work, methods of analysis, synthesis, generalization are used to describe the subject of research; interviewing is applied to determine the presumptive effectiveness of a complex of pedagogical conditions. *Results:* The article analyzes the concepts of trust, culture of trust, pedagogical conditions for the development of future teachers' culture of trust to work in a polyethnic school environment. It has been established that the culture of trust has three components: knowledge, values, skills. The pedagogical conditions for the development of culture of future teachers' trust to work in the polyethnic environment of the school (development of self-esteem and respect for other peoples; training in designing a course about homeland; inclusion of activities that stimulate coexistence of cultures into the training and education of the students). The conclusion about the effectiveness of pedagogical conditions was made on the basis of interviews with professors of the Humanities and senior students - future teachers. *Scientific novelty:* the article describes the concept of culture of trust, identifies the pedagogical conditions for the development of future teachers' culture of trust to work in a polyethnic school environment, and analyzes their effectiveness. *Practical significance:* the main provisions and conclusions of the article can be used in future teachers training.

Keywords: culture of trust, polyethnic school environment, pedagogical education, the system of training future teachers.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Главным результатом деятельности университета является «подготовка компетентных специалистов со сформированной системой ценностей» [1, с. 117]. Современное педагогическое образование ставит цель подготовить учителя, характеризуемого высоким уровнем профессиональной культуры, для которого важной частью культуры являются ценности. Профессиональная культура педагога имеет ряд составляющих. Один из ее аспектов – культура доверия. Доверие в педагогической литературе определяется как идеал социальных отношений [2, с. 34]; субъективная универсальная ценность, не регулируемая правовыми механизмами [3, с. 77]; значимый социальный ресурс, обеспечивающий индивиду возможность взаимодействия с окружающими [4, с. 43].

Поскольку современная школа должна создавать образовательную среду, в которой обучение и воспитание будут проходить эффективно, роль культуры доверия учителей трудно переоценить. Опираясь на наши предыдущие изыскания [5, с. 121], под культурой доверия в данной работе мы понимаем интегративную характеристику личности будущего учителя, являющуюся частью его профессиональной культуры, которая обладает знаниями, умениями и ценностями, направленными на взаимодействие педагога с другими субъектами образовательного процесса, проявляющуюся в искренности, правдивости, ответственности.

Еще более значимой является культура доверия

участников образовательного процесса в полиэтнической среде школы. Определяя полиэтническую среду школы, мы учитываем точку зрения Р.А. Кутбидиновой и А.А. Еромасовой, утверждающих, что полиэтническая среда представляет собой «совокупность условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному межэтническому взаимодействию» [6, с. 175]. В данной работе мы рассмотрим, какими должны быть педагогические условия формирования культуры доверия будущего учителя в педагогическом вузе, чтобы, став педагогом, он мог эффективно работать в полиэтнической среде школы.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы.

Вопросы формирования культуры доверия работников разных социальных сфер, включая педагогическую, рассматриваются в науке последние три десятилетия. Учеными проработаны следующие аспекты проблемы. О.А. Сашнева провела исследование ассоциативных рядов понятий «доверия» и «недоверия» у студентов педагогического вуза [7, с. 66-67]; Н.П. Гончарова исследовала характеристики общественного доверия как условия формирования культуры межнациональных отношений и пришла к выводу, что «доверие действительно способствует обеспечению согласия» [8, с. 154]. И.В. Глушко заключает, что «недоверие становится частью ценностных ориентаций молодежи и препятствует формированию атмосферы и культуры доверия» [9], педагог разра-

бывает перечень эмоционально-нравственных критериев доверия, а культуру доверия считает необходимым нравственным стандартом. Е.А. Шуклина конкретизировала комплекс показателей в рамках деятельностного аспекта культуры доверия [10, с. 183]. Л.В. Астахова выявляет условия развития культуры доверия студентов в контексте цифровой безопасности: освоение знаний об уровнях культуры доверия, организация самодиагностики культуры доверия, развитие критического мышления [11, с. 66-67]. Л.М. Тарантей отмечает снижение уровня доверия в межличностных отношениях в семье [12, с. 131].

Проблема подготовки будущих учителей к работе в школе в условиях полиэтнической среды вуза в настоящей момент изучается нами подробно и скоро появится в печати в ряде работ. Мы установили связь между организацией полиэтнической среды вуза и последующей работой учителя в поликультурной среде школы. Мы пришли к выводам о том, что для полиэтнической среды вуза характерны такие виды деятельности, как воспитательные мероприятия и аудиторные занятия, в процессе которых формируется этика общения, толерантность и уважение к традициям разных народов. Система работы со студентами в полиэтнической среде вуза имеет два уровня: общеузовский, реализующий миссию и политику в области поликультурного образования и факультетский (кафедральный), обеспечивающий обучение межкультурному общению, воспитывающий профессионально важные личностные качества, необходимые для функционирования в поликультурной среде. В связи с этим мы не будем останавливаться на анализе литературы по вопросу полиэтнической подготовки будущих учителей.

Отметим только, что во всех проанализированных работах авторы рассматривают роль доверия в успешности деятельности, анализируют культуру доверия и даже выявляют условия ее развития. Однако мы не обнаружили работ, показывающих педагогические условия формирования культуры доверия будущих учителей для последующей работы в поликультурной среде школы. Этому и будет посвящена наша статья.

МЕТОДОЛОГИЯ

Проблему исследования мы видим в необходимости обоснования комплекса педагогических условий формирования культуры доверия будущих учителей для последующей работы в полиэтнической среде школы.

Формирование целей статьи.

Таким образом, цель статьи состоит в том, чтобы выявить и проверить предположительную эффективность педагогических условий формирования культуры доверия будущих учителей для работы в полиэтнической среде школы.

Постановка задания.

Для реализации цели мы будем выполнять следующие задачи: 1) рассмотреть понятие и виды педагогических условий; 2) выявить комплекс педагогических условий формирования культуры доверия будущих учителей для работы в полиэтнической среде школы; 3) выяснить мнения преподавателей вуза и студентов старших курсов о предположительной эффективности предложенных условий.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Для решения задач в работе будут применены следующие методы: метод анализа, синтеза, обобщения для описания предмета исследования; метод беседы для определения предположительной эффективности комплекса педагогических условий.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Для решения первой задачи исследования – рассмотрения понятия и видов педагогических условий – обратимся к работам в этой области. Важным этапом анализа работ по теме исследование является изучение самого

понятия «педагогические условия». Опираясь на мнение Н.В. Ипполитовой, Н.С. Стерховой [13, с. 11], мы будем считать педагогические условия компонентом педагогической системы, обеспечивающим ее эффективное функционирование. Мы также будем придерживаться представленной в работе ученых классификации условий на организационно-педагогические, психолого-педагогические и дидактические.

В рамках второй задачи исследования – выявить комплекс педагогических условий формирования культуры доверия будущих учителей для работы в полиэтнической среде школы – мы сконцентрируем внимание на всех группах дидактических условий. Выявляя их, мы будем учитывать следующее:

- социальный заказ общества, которому нужны учителя, умеющие компетентно работать в полиэтнической среде;
- опыт авторов в подготовке студентов к педагогическим практикам и работе в школе;
- особенностями действующей в современном вузе системы профессиональной подготовки будущих учителей. Они включают: 1) работу со студентом в двух аспектах: дидактическом и воспитательном (наличие системы воспитательной работы, развивающей культуру доверия и обучающей работе в полиэтнической среде); 2) выделение в дидактическом аспекте работы двух составляющих: аудиторной и внеаудиторной работы; 3) учет в профессиональной подготовке будущих учителей развития знаниевого, ценностного компонентов деятельности, а также формирования умений.

На основе анализа, синтеза, обобщения, прогнозирования мы пришли к выводу, что в процессе формирования культуры доверия будущих учителей для последующей работы в полиэтнической среде школы могут быть применены следующие педагогические условия:

- развитие самоуважения и уважения к другим народам;
- обучение проектированию курса о своей малой родине;
- включение в обучение и воспитание студента деятельности, объединяющей разные этносы, способствующей знакомству с иными культурами, обучающей сосуществованию культур.

При этом первое педагогическое условие нацелено на формирование ценностных ориентаций, второе – на развитие умений, третье – на получение знаний. По классификации педагогических условий первое является психолого-педагогическим, так как развивает структуру личности; второе является организационно-педагогическим, так как обучает педагогическому проектированию; третье условие дидактическое, поскольку предполагает введение в процесс подготовки различных форм, приемов, методов работы со студентами.

В рамках третьей задачи работы – выяснить мнение преподавателей вуза и студентов старших курсов о предположительной эффективности предложенных условий – мы провели опрос преподавателей (n=19) и студентов дневного отделения четвертого и пятого курсов (n=76). Респонденты выбирались случайной выборкой и включали преподавателей гуманитарных дисциплин и будущих учителей начальной (n=40) и основной школы (n=36).

1. Преподаватели (n=18: 94,7 %) посчитали условия действенными.
2. Большая часть студентов (n=68: 89,5 %) согласилась с тем, что данные педагогические условия будут способствовать формированию культуры доверия для работы в полиэтнической среде образовательного учреждения.

ОБСУЖДЕНИЕ

В процессе оценки педагогических условий преподаватели, хотя и поддержали их, но указали на необходимость очередности их введения в образовательный процесс. Например, третье педагогическое условие, форми-

рующее знаниевый компонент культуры доверия, они посчитали первоочередным. Второе условие должно, по их мнению, реализовываться на старших курсах, так как навыки проектирования, необходимые будущему учителю [14], только закладываются на начальном этапе вузовского обучения, а все учебные курсы, отвечающие за интенсивную тренировку проектирования образовательных программ, по ФГОС 3++ реализуются на старших курсах. Первое педагогическое условие, отвечающее за развитие личности будущего учителя, должно сопровождать студента в течение всего периода обучения в вузе. Считаю это замечание справедливым, в перспективе мы планируем такую корректировку действий в процессе опытно-экспериментальной работы.

Хочется также отметить, что 10,5 % студентов не поддержали выявленные нами педагогические условия. Отвечая на вопрос о причине, они сослались на интенсивность учебного плана и нежелание перегружать образовательный процесс какими-либо дополнительными задачами.

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Полученные результаты подтверждают выводы из исследований других педагогов. Например, в процессе подготовки будущих учителей к классному руководству Е.Ю. Илалтдинова, В.В. Кисова, А.В. Семенов включают в эмоционально-рефлексивный компонент такие качества как толерантность и эмпатия, что предусмотрено нами в первом педагогическом условии [15, с. 132]. Наше исследование подтверждает мысль об актуальности культурной спецификации педагогики Н.П. Копцевой, С.В. Березюк, М.Я. Хребтова [16, с. 299], а также их идею использования этнопедагогических практик [16, с. 308].

Необходимость формирования не просто доверия, но именно культуры доверия подтверждается исследованием В.И. Панова, Э.В. Патракова, Л.И. Батуриной, К. Коман, Р.Ф. Фрогери о кросс-культурных особенностях доверия, проявляемого молодежью в интернете [17, с. 22]. Мы согласны с Г.З. Ефимовой, А.Н. Сорокиным, М.В. Грибовским, что «преподаватель высшей школы способен изменить мировоззрение студента, повлиять на его личностное и профессиональное становление. Поэтому высокому значимости имеют... личностные качества и социально-профессиональные компетенции педагога» [18, с. 222]. Важной стороной работы может быть подготовка преподавателями вузов к формированию культуры доверия. Общие идеи просматриваются в работах коллег из г. Шадринска, например, педагоги ШГПУ наглядно подтверждают возможность успешного развития разных аспектов культуры будущего педагога в социокультурной среде вуза [19].

ВЫВОДЫ

1. Педагогические условия формирования культуры доверия будущих учителей для работы в полиэтнической среде образовательного учреждения являются компонентом педагогической системы вуза, обеспечивающим ее эффективное функционирование.

2. В процессе формирования культуры доверия будущих учителей для последующей работы в полиэтнической среде школы целесообразно применять следующие педагогические условия:

- развитие самоуважения и уважения к другим народам (психолого-педагогическое условие);
- обучение проектированию курса о своей малой родине (организационно-педагогическое условие);
- включение в обучение и воспитание студента деятельности, объединяющей разные этносы, способствующей знакомству с иными культурами, обучающей сосуществованию культур (дидактическое условие).

Первое педагогическое условие формирует ценностный компонент культуры доверия, второе нацелено на формирование компонента умений, третье – на формирование знаниевого компонента.

3. По мнению преподавателей и студентов, данные

условия обладают хорошим дидактическим и воспитательным потенциалом. Реализация условий не должна быть стихийной, условия целесообразно подключать к образовательному процессу в следующей последовательности: 1) включение в обучение и воспитание студента деятельности, объединяющей разные этносы, способствующей знакомству с иными культурами, обучающей сосуществованию культур (на начальных курсах); 2) обучение проектированию курса о своей малой родине (на старших курсах); 3) развитие самоуважения и уважения к другим народам (на протяжении всего обучения).

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Дальнейшее рассмотрение проблемы возможно по линии разработки педагогических условий формирования культуры доверия будущих учителей для работы в полиэтнической среде образовательного учреждения возможно с учетом уровня получения образования (педагогический колледж, бакалавриат, магистратура, профессиональная переподготовка, повышение квалификации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Романов Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму? *Образование и наука*. 2021; 23(6): 84-125. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-83-125>
2. Кожмяк К.Ю. Доверие человека к окружающему миру и как повышается доверие / К.Ю. Кожмяк // *Актуальные проблемы инновационного педагогического образования*. 2018. № 5. С. 33-35.
3. Pasek A. The concept of trust in modern and post-modern society / A. Pasek // *Science and world*. 2020. Vol. 1, no 12 (88). Pp. 76-83.
4. Гужавина Т.А. Доверие как форма поддержки социальных институтов / Т.А. Гужавина // *Society and security insights*. 2019. Т. 2. № 4. С. 40-54.
5. Матушак А.Ф. Прогнозирование культуры доверия участников образовательного процесса в высшем профессиональном образовании // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2015. № 5. С. 120-125.
6. Кутбидинова Р.А. Полиэтническая образовательная среда вуза как объект психолого-педагогического исследования / Р.А. Кутбидинова и А.А. Еромасова // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 326. С. 174-179.
7. Саинева О.А. К проблеме формирования культуры доверия в системе «учитель – ученик» / О.А. Саинева // *Альманах мировой науки*. 2015. № 2-3 (2). С. 64-67.
8. Гончарова Н.П. Доверие как фактор и условие формирования культуры межнациональных отношений / Н.П. Гончарова // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2016. № 4-1. С. 148-154.
9. Глушко И.В. Культура доверия в саморегуляции поведения студенческой молодежи / И.В. Глушко // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. Т. 23. С. 43-47. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770430.htm>.
10. Шуклина Е. А. Культура доверия как фактор формирования сетевых взаимодействий вузов / Е.А. Шуклина // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2019. Т. 25, № 1 (183). С. 174-184.
11. Астахова, Л.В. Развитие культуры доверия студентов в контексте информационной безопасности / Л.В. Астахова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки»*. 2018. Т. 10, № 1. С. 63-70. DOI: 10.14529/ped180109
12. Тарантей Л.М. Роль доверия и доверительных отношений в трансляции культуры между поколениями / Л.М. Тарантей // *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2018. № 1. С. 125-132.
13. Ипполитова, Н.В. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация / Н.В. Ипполитова, Н.С. Стерхова // *General and Professional Education*. 2012. № 1. С. 8-13.
14. Профессиональный стандарт. Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель). Утв. приказом Министрства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. N 544н. С изменениями и доп. От 5 августа 2016 г. Режим доступа: <https://base.garant.ru/70535566/#friends>. – (Дата обращения 01.06.2021).
15. Илалтдинова Е.Ю., Кисова В.В., Семенов А.В. Опросник готовности к классному руководству будущих педагогов // *Перспективы науки и образования*. 2021. № 1 (49). С. 127-140. doi: 10.32744/pse.2021.1.9
16. Копцева Н.П., Березюк С.В., Хребтов М.Я. Этнопедагогические практики сохранения и воспроизводства традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и Сибири (на примере Красноярского края) // *Перспективы науки и образования*. 2021. № 2 (50). С. 293-310. doi: 10.32744/pse.2021.2.20
17. Панов В.И., Патраков Э.В., Батурина Л.И., Коман К., Фрогери Р.Ф. Социальные представления студентов о рисках во взаимодействии с Интернетом: кросс-культурный аспект (Россия, Бразилия,

Румыния) // Перспективы науки и образования. 2021. № 3 (51). С. 10-25. doi: 10.32744/pse.2021.3.1

18. Ефимова Г.З., Сорокин А.Н., Грибовский М.В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции. *Образование и наука*. 2021;23(1):202-230. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-1-202-230>

19. Sergeeva M.G., Ippolitova N.V., Solovyeva A.V., Petrova L.A., Konytsina M.L., Andryushchenko I.S. Verification of management support of the professional and educational trajectory of students in the sociocultural educational environment of the University. *Revista Espacios*. 2018. Vol 39 (02). P. 23.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева» в рамках научного проекта «Культура доверия участников образовательного процесса в полиэтнической / поликультурной среде», заявка № МК-009-21 от 22.04.2021.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.18

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0033

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ЭКСКУРСИЯ КАК ФОРМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ФГБОУ ВО «ВГУЭС»)

© Автор(ы) 2021

ORCID: 0000-0002-1537-1643

МИХАЙЛЕНКО Яна Владимировна, бакалавр, кафедра туризма и экологии

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: iavmikhaylenko@gmail.com)

SPIN: 7907-5496

AuthorID: 1000400

ORCID: 0000-0003-1955-0910

КОНОНОВ Артем Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент, кафедра туризма и экологии

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: artem.kononov@yahoo.com)

Аннотация. Академическая мобильность – явление, которое берет своё начало с самим зарождением первых университетов. Феномен глобализации, который в настоящее время характеризует экономическую и социальную деятельность, в последние десятилетия также оказал значительное влияние на высшее образование. В современном мире академическая мобильность эволюционировала и приняла новые формы, но не утратила своей актуальности даже в период пандемии COVID-19. При этом определённый рост осторожности в восприятии местным населением въезжающих на территорию страны граждан фокусирует важность эффективной адаптации иностранных студентов, возвращающихся в вузы и приступающих к обучению. Вместе с тем проведение тематических экскурсий как форма адаптации может иметь положительное влияние на иностранных студентов как более доступный и понятный на любом языке вид деятельности, что, в свою очередь, может способствовать более глубокому знакомству иностранцев с культурой и историей города, края, страны. Кроме того, организованные прогулки и выезды «во внешний мир» могут показать прибывшим студентам возможности досуга, безопасные способов перемещения по городу и широкий спектр интересных мест для посещения.

Ключевые слова: адаптация, экскурсия, иностранные студенты, академическая мобильность, туризм, образовательный туризм, Приморский край, ВГУЭС.

EXCURSION AS A FORM OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF VSUES)

© The Author(s) 2021

MIKHAYLENKO Yana Vladimirovna, bachelor of the Department of Tourism and Ecology

Vladivostok state University of Economics and service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogol str., 41, e-mail: iavmikhaylenko@gmail.com)

KONONOV Artyom Yrievich, candidate of economic sciences, associate professor of
the Department of tourism and ecology

Vladivostok State University of Economics and Service

(6900014, Russia, Vladivostok, Gogol street, 41, e-mail: artem.kononov@yahoo.com)

Abstract. Academic mobility is a phenomenon that dates back to the very birth of the first universities. The process of globalization, which currently characterizes economic and social activities, has also had a significant impact on higher education in recent decades. In the modern world, academic mobility has evolved and has taken new forms, but it has not lost its relevance-even during the COVID-19 pandemic. At the same time, a certain increase in wariness of the local population in the perception of citizens entering the country highlights the importance of effective adaptation of foreign students returning to universities and starting their studies. At the same time, conducting thematic excursions as a form of adaptation can have a positive impact on foreign students as a more accessible and understandable type of activity in any language, which in turn can contribute to a deeper acquaintance of foreigners with the culture and history of the city, region, and country. In addition, organized walks and trips “to the outside world” can show the arriving students leisure opportunities, safe ways to move around the city and a wide range of interesting places to visit.

Keywords: adaptation, excursion, international students, academic mobility, tourism, educational tourism, Primorsky Krai, VSUES.

ВВЕДЕНИЕ

Трансграничное перемещение студентов является определяющей чертой ландшафта современного высшего образования. С 1999 года 46 европейских стран-участниц Болонского процесса приняли 9 коммюнике-документов, в которых последовательно излагаются обязательства, взятые на министерских конференциях [1]. При этом одним из основополагающих принципов, изложенным ещё в Сорбонской декларации, неизменно остаётся академическая мобильность. В результате, по данным Европейской комиссии, общее число иностранных студентов в 28 странах Евросоюза с 2013 по 2019 г. выросло на 26,67 % [2]. В России по данным Министерством науки и высшего образования, схожая динамика с 2014/2015 до 2019/2020 учебный год составила 72 % [3].

Очевидно, что такого рода тенденции способствовали то, что международное образование имеет множество позитивных аспектов для всех участников образовательного процесса. Оно может способствовать личностному и карьерному росту студентов, увеличивая их социаль-

ный и культурный капитал. Обучаясь в другой стране, студенты приобретают международный опыт, совершенствуют свои языковые навыки.

Для вузов также можно выделить преимущества. Во-первых, поскольку иностранные студенты часто платят более высокую плату за обучение по сравнению с отечественными студентами, они формируют дополнительную возможность финансирования, что особенно важно в контексте сокращения государственного финансового бремени. Во-вторых, высокая интернационализация может повысить международную репутацию вузов. В-третьих, это повышает качество образовательных программ из-за возросшей конкуренции. Наконец, если студенты и выпускники удовлетворены качеством образования в своём учебном заведении, они могут со своей стороны помочь привлечению студентов в будущем.

При этом в долгосрочной перспективе удержание иностранных студентов также способствует расширению внутреннего резерва высококвалифицированных рабочих, от которых зависит современная экономика, основанная на знаниях.

Пандемия COVID-19 очевидным образом замедлила такого рода тенденции. Во всем мире образовательные программы перешли в онлайн, а международные программы обмена и летние школы были приостановлены или отложены. Как результат, осенью 2020 г. 700 опрошенных Институтом международного образования (ИЕ) институциональных респондентов отметили снижение контингента иностранных студентов на 16% в целом и сокращение числа новых иностранных студентов на 43% [4].

Но уже в 2021 году начинается определённая стабилизация – так, в Российской Федерации уже 20 марта Минобрнауки разрешило вернуться студентам, аспирантам, ординаторам и слушателям подготовительных факультетов из стран с благоприятной эпидемиологической обстановкой [5]. 4 апреля этот список был расширен [6]. Однако, как показывают исследования, сохраняющийся страх местного населения в определённых случаях способствует нарастанию настороженного восприятия мигрантов вне зависимости от их статуса.

Это делает вопрос изучения возможных форм адаптации (как естественного и необходимого компонента существования человека в ситуациях взаимодействия с окружающей средой, социумом) иностранных студентов актуальным.

При этом иностранные студенты – один из наиболее доступных и стабильных в нынешних условиях сегмент международного въездного туризма, что делает максимально актуальным в текущих условиях процесс синхронизации усилий образовательной и туристской сфер, в частности, в вопросе процесса адаптации.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель исследования – анализ возможности совершенствования адаптационной политики высшего учебного заведения посредством использования экскурсионной формы (на примере ФГБОУ ВО «ВГУЭС»).

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- анализ теоретических основ процесса адаптации иностранных студентов;
- анализ контингента иностранных студентов ФГБОУ ВО «ВГУЭС»;
- анализ текущих мер, реализуемых ФГБОУ ВО «ВГУЭС» в контексте адаптации иностранных студентов;
- разработка экскурсии как формы адаптации иностранных студентов ФГБОУ ВО «ВГУЭС»

Адаптация – это одно из ключевых понятий в исследовании природы человека. С точки зрения биологической интерпретации данного феномена важно отметить работы С.Дж. Гулд и Э.С. Врба [7], а также Х.К. Рив и П.В. Шерман [8]. Типологию социальной адаптации, основные характеристики вариантов социальной адаптации можно встретить в работах Л.И. Евсеевой и В.В. Евсеева [9], Д.В. Лукашенко [10]. При этом такие авторы, как Г.И. Роголева [11], Н.Н. Ткаченко [12], Д.Г. Сидоров, А.Д. Ежков, А.В. Смирнова [13], О.А. Агейкина [14], А.А. Горчакова [15] проецируют данную типологию на учебный процесс, выделяя группы студентов в соответствии с успешностью прохождения процесса адаптации. Т.Г. Каленникова [16], Е.С. Набойченко, М.В. Носкова, Е.А. Серкова-Холмская [17], Г.А. Ларионова [18] проецируют данную проблему на различные направления подготовки студентов высшего образования.

В свою очередь А.М. Ключина, М.А. Торгашева [19], М.В. Апасова, И.Ю. Кулагина, Е.В. Апасова [20], Г.П. Иванова, О.К. Логвинова, Н.Н. Ширкова [21], И.Г. Овсянникова, Т.М. Терещенко [22], О.А. Береговая, С.С. Лопатина, Н.В. Отургашева [23] систематизируют факторы и трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты в процессе адаптации к жизни в принимающей стране и образовательному процессу в вузе. Тем не менее ни один из отмеченных авторов не поднимал вопросы использования турпродуктов в контексте адаптации

иностранцев студентов.

Методы проведения исследования: метод анализа, сравнения, индукции, дедукции, анкетирование.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На сегодняшний день на территории ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» говорят более чем на 20 языках, а на постоянных и обменных образовательных программах учатся около 800 иностранных студентов из 23 стран.

Обязательным условием обучения для прибывающих студентов является посещение курсов русского языка, проводимые Институтом иностранных языков ВГУЭС. Для более плавной адаптации студентов, приезжающих на семестровые программы, на данный момент организуется ежегодный фестиваль «Я учусь в России». Также для летних школ утверждена и является постоянной программа вводной экскурсии по городу (от посещения которой, как покажет последующий анализ, значительное число иностранных студентов отказывается в пользу самостоятельного посещения запланированных объектов). В качестве вспомогательной организации в 2015 году был создан VSUES International Club («Международный клуб ВГУЭС») – волонтерская структура, деятельность которой направлена на обеспечение комфортного периода адаптации и насыщенной культурной программы иностранных студентов во время их пребывания во ВГУЭС. При этом главной функцией организации является помощь на первоначальном этапе нахождения иностранных студентов в вузе – встреча в аэропорту и на вокзале, сопровождение при прохождении медицинской комиссии и заселении в общежитие, экскурсионная прогулка на знакомство с кампусом ВГУЭС и городом, культурой и историей России.

Таким образом, несмотря на то, что университет имеет давнюю историю работы с иностранными студентами, их интегрирование в российское общество и в образовательный процесс происходит в определённой степени неэффективно.

Для определения удовлетворённости процессом адаптации иностранных студентов был проведён опрос участников семестровых (72,7 %) и годовых (27,3 %) программ международного обмена ВГУЭС. Всего в анкетирование приняло участия 44 человека.

Анализ показал, что возраст респондентов варьируется от 20 до 25 лет, гендерная принадлежность практически равна, не имеют ограничений по здоровью. 95 % иностранных студентов обучаются по программам бакалавриата и магистратуры на территории ВГУЭС в течение четырёх и двух лет соответственно, и только 5 % приезжает на один семестр или один учебный год. Большая часть из них (63,6 %) никогда не бывала на территории России до обменной программы; 18,2 % были более двух раз.

В результате исследования было выявлено, что на данный момент большая часть иностранных студентов ВГУЭС является пассивно адаптированной: 82 % респондентов отметили, что в ходе пребывания в России они стараются скорректировать привычное поведение и подстроиться под местные правила и требования окружающей среды. До приезда в город респонденты уже были наслышаны об Орлиной сопке (45,5 %), фуникулере (27,3 %), Владивостокской крепости (18,2 %), Приморской сцене Мариинского театра оперы и балета (63,6 %) и других достопримечательностях Владивостока. Также большая группа респондентов уже знакома с историей России и Владивостока. При этом 27 % практически не улучшили свои знания по этой теме за время пребывания в городе.

Также 63,5 % ответили, что до начала обучения они не бывали на территории города Владивосток, что говорит о необходимости проведения для них экскурсий по городу. При этом только 18 % респондентов предпочитают экскурсии исключительно с использованием транспортных средств, остальные отдают предпочтение пе-

шим прогулкам (36,4 %) или же комбинированному типу экскурсий (45,5 %).

Также, как показал опрос, большая часть иностранных студентов в рамках своих подгрупп ходит в походы, сохраняя в определённых условиях направленный вовне вектор социальной активности.

При этом в контексте социальной адаптации многие желают посетить места и мероприятия военно-исторической тематики и природные объекты (рисунок 1).

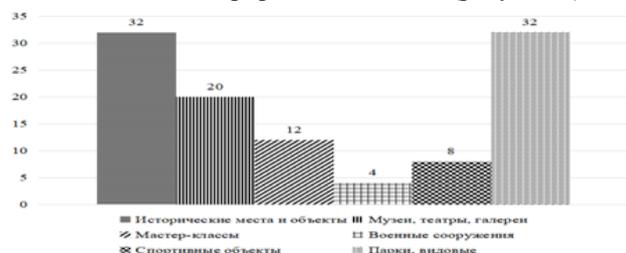

Рисунок 1 - Предпочтительные направления для организации адаптационных мероприятий (составлено автором)

Интерес к фортификационным сооружениям можно объяснить уникальной историей города в контексте его военно-исторического развития (с момента основания Владивосток является российским форпостом на Дальнем Востоке и городом-крепостью на Тихом океане), а также наличием значительного числа уникальных объектов (Военно-исторический музей Тихоокеанского флота; Мемориальные комплексы «Красный вымпел», «Ворошиловская батарея» и Подводная лодка «С-56»; Военно-исторический фортификационный музей «Владивостокская крепость») и событийных мероприятий военной тематики (Шествие «Бессмертный полк»; День Военно-Морского флота; фестиваль «Владивостокская крепость»; мероприятия, посвященные Дню пограничника, Дню героев Отечества, Хасанским событиям 1938 года; фестивали «Восточный форпост», «Найди себя», «Армейский ветер»; военно-спортивная игра «Зарница»). Но лишь 36,4 % опрошенных самостоятельно посетили военные объекты, что связано, помимо прочего, с доступностью инфраструктуры для одиночных и неорганизованных путешествий к этим местам и отсутствием указателей, тогда как достопримечательности центрального района и музейные комплексы города посетили 81,8 и 45,5 % опрошенных соответственно.

Несмотря на то, что на рынке экскурсионных услуг Владивостока уже имеются примеры экскурсий с военно-исторической тематикой, они используют не все доступные объекты воинской славы города, а их ценовая политика гораздо выше себестоимости. Также стоит учитывать, что главным организатором досуга для иностранных студентов ВГУЭС является Департамент международной и культурной деятельности (ДМКД) ВГУЭС, по программам обмена которого они прибыли. Следовательно, остается возможным и актуальным создание новых конкурентно способных экскурсионных маршрутов для данной категории экскурсантов.

Согласно требованиям безопасности экскурсионных услуг ГОСТ Р 54604-2011 при отборе экскурсионных объектов учитывалось их состояние и возможность их посещения без риска для жизни и здоровья экскурсантов и организаторов. Таким образом, объекты, находящиеся в аварийном, требующем ремонта состоянии, были исключены из перечня. Также при создании маршрута учитывалось состояние дорожно-транспортной инфраструктуры, наличие мест проезда, прохода или отдыха без вреда для флоры и фауны города [16].

После полного анализа военных объектов города и окружающей среды вокруг них были выявлены наиболее интересные объекты, состояние которых на данный момент позволяет их посещение туристскими группами.

Ими стали Военно-исторический музей Тихоокеанского флота, Мемориальная гвардейская подводная лодка «С-56», Военно-исторический фортификационный музей «Владивостокская крепость», форты № 4 и 11, пороховой погреб № 13 Владивостокской крепости, этно-комплекс «Казачий стан». Выбор данных объектов был подкреплен оценками с туристических Интернет-порталов.

Программа экскурсии, представленная в таблице 1, была распределена на три дня по критерию близости объектов друг к другу: объекты, находящиеся в центральной части, Советском районе города Владивосток, на острове Русском, что также отображено в технологической карте экскурсии и маршруте экскурсии.

Таблица 1 – Пакет экскурсии по маршруту

День	Описание маршрута
1	10:30 Сбор группы в холле главного входа ВГУЭС. Встреча с гидом и сопровождающим. Посадка в автобус. Отправление к зданию Военно-исторического музея Тихоокеанского флота. 10:50 Прибытие в ВИМ ТОФ. Вход, встреча с сотрудниками музея. 11:00-12:30 Просмотр экспозиции в сопровождении сотрудника музея. 12:30-12:50 Пешая прогулка до Мемориальной гвардейской подводной лодки «С-56». 12:50-14:00 Просмотр экспозиции внутри С-56 в сопровождении гида. 14:00 Посадка в автобус. Отправление на обед в столовую «8 минут» (ул. Светланская, 1). 14:15-14:30 Комплексный обед. 14:40-15:00 Пешая прогулка до Военно-исторического фортификационного музея «Владивостокская крепость». 15:10-16:40 Прибытие в музей, встреча с сотрудником музея. Просмотр экспозиции в сопровождении сотрудника музея. 16:40 Посадка в автобус. Отправление к зданию ВГУЭС. 17:00 Прибытие во ВГУЭС.
2	10:00 Сбор группы в холле главного входа ВГУЭС. Встреча с гидом и сопровождающим. Посадка в автобус. Отправление к форту № 4. 10:30-15:30 Прибытие к остановочному пункту на ул. Адмирала Смирнова. Пешая прогулка (3,5 км) по пересеченной лесистой местности и по подземным галереям и потерям в сопровождении гида. 15-минутный перерыв на обед (заранее взятый с собой) в здании форта. Осмотр панорамных видов города, сопок, окрестных фортов и Седанкинского водохранилища с вершины горы Проценко (435 м). Возвращение к автобусу. 15:40 Посадка в автобус. Отправление к зданию ВГУЭС. 17:10 Прибытие во ВГУЭС.
3	10:00 Сбор группы в холле главного входа ВГУЭС. Встреча с гидом и сопровождающим. Посадка в автобус. Отправление к пороховому погребу № 13. 11:00-12:00 Прибытие к сооружению погреба. Исследование части территории в сопровождении гида с показом фотоматериалов, просмотр экспонатов музея. 12:10 Посадка в автобус. Переезд к форту № 11. 12:30-14:00 Прибытие к фортовому сооружению. Исследование каземат форта в сопровождении гида. 14:00-14:30 Посадка в автобус. Переезд в этно-комплекс «Казачий стан». 14:30-15:00 Прибытие в этно-комплекс. Обед солдатской кашей. 15:00-16:30 Интерактивная программа от работников этно-комплекса. 16:40 Посадка в автобус. Отправление к зданию ВГУЭС. 17:40 Прибытие во ВГУЭС.

Из-за отдаленности большей части объектов от ВГУЭС, отсутствия прямого автобусного маршрута, а также ввиду незнакомой для студентов местности и транспортной системы, было принято решение об организации их передвижения с использованием автобусного транспорта. Данный вид транспорта предоставляется Владивостокским государственным университетом экономики и сервиса на бесплатной для экскурсантов основе, так как данный аспект заложен в бюджете Департамента международной и культурной деятельности. Данные о предполагаемых издержках в этом случае представлены в таблице 2. Участники экскурсии, в свою очередь, оплачивают исключительно входные билеты при посещении отдельных объектов и расходы на питание.

Таблица 2 – Издержки по перевозке во время экскурсии

Наименование издержки	Формула вычисления общей стоимости	Количество	Цена за единицу	Всего
Расходы на бензин	Кол-во км * кол-во потраченных литров * цена за 1 л бензина	117 км 25 л	49, 65 руб./л	145 226, 25 руб.
Заработная плата водителю, час/руб.	Кол-во часов * почасовая оплата	22 часа	130 руб./час	2 860 руб.
Итого				148 086, 25 руб.

В день экскурсии автобус и его водитель проходят обязательную проверку согласно требованиям Федерального Закона Российской Федерации «О транспортной безопасности» перед посадкой экскурсантов на отсутствие противопоказаний к поездке с целью исключения рисков создания ситуаций, опасных для здоровья и жизни участников экскурсий. Во время передвижения все участники экскурсии обязаны соблюдать ФЗ РФ «О безопасности дорожного движения» [25; 26].

Экскурсия рассчитана на две группы по десять-двенадцать иностранных студентов. Организаторами, гидами-экскурсоводами, переводчиками и другими сопровождающими выступают сотрудники и активисты Русского и Английского разговорных клубов ДМКД ВГУЭС.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что ВГУЭС как университет, имеющий давнюю историю работы с иностранными студентами, по-прежнему в определённой степени неэффективно интегрирует иностранных студентов в российское общество и в образовательный процесс.

Безусловно, для успешной адаптации студентов в высшем учебном заведении необходимы разработка и проведение культурно-массовых, спортивных и научных мероприятий. Таковыми могут стать городские и выездные экскурсии, внутривузовские фестивали, концерты, эстафеты и другие спортивные соревнования, научные олимпиады и конференции. Все вышеперечисленное является элементами туристской сферы, возможными к использованию для адаптации иностранных студентов.

Результаты опроса участников семестровых и годовых программ международного обмена ВГУЭС выявил, что на данный момент большая часть иностранных студентов ВГУЭС является пассивно адаптированной. При этом иностранные студенты, обучающиеся во ВГУЭС, проявляют (но не реализуют) интерес к активным формам взаимодействия и демонстрируют запрос на более тесное знакомство с культурой города: респонденты, вне зависимости от их программы обучения, заинтересованы в участии в экскурсии исторической, военной, или природно-экологической тематики. Они готовы на продолжительную (более 3 часов) экскурсию с частичным использованием транспортных средств.

Анализ макроурезды, конкурентов и потребительского спроса позволил разработать пакет военно-исторических экскурсий в качестве адаптационного мероприятия для иностранных студентов. Было выбрано семь наиболее подходящих военных объектов города. Организаторами экскурсии выступят Английский и Русский разговорные клубы Департамента международной и культурной деятельности. Экскурсия является бесплатной для студентов за исключением расходов на питание и входные билеты.

Вопросы использования турпродуктов в контексте адаптации иностранных студентов имеют актуальность для научной дискуссии в современных условиях. При этом полученные в рамках данного исследования теоретические результаты необходимо верифицировать на практике. В то же время проецирование полученных результатов для одного вуза на региональный или федеральный уровень поможет выстроить более универсальную схему применения турпродуктов в процессе адаптации иностранных студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ministerial declarations and communiqués / European higher education area // <http://www.ehea.info/page-ministerial-declarations-and-communicues>
2. Mobile students from abroad enrolled by education level, sex and field of education / Eurostat // https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/educ_uae_mobs01/default/table?lang=en
3. Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году /
4. Study in Russia // <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu>
5. Fall International Enrollments Snapshot Reports / Institute of International Education // <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Open-Doors/Fall-International-Enrollments-Snapshot-Reports>

Doors/Fall-International-Enrollments-Snapshot-Reports

6. Иностранцам из эпидемиологически благополучных стран разрешено вернуться в Россию / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации // https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=31308

7. Иностранные студенты еще из шести стран смогут вернуться в Россию для очного обучения / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации // https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=31922

8. Gould J.S., Vrba E.S. Paleobiology // Cambridge University Press. 1982. Vol. 8. No. 1. P. 4-15

9. Reeve H.K., Sherman P.W. Adaptation and the Goals of Evolutionary Research // The Quarterly Review of Biology. 1993. Vol.68. No. 1. P. 1-32

10. Евсеева Л.И., Евсеев В.В. Проблема Социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах // Научно-технические ведомости Санкт-петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т.8. №2. С. 20-30

11. Лукашенко Д.В. Социальная среда: особенности адаптации личности // Человеческий капитал. 2017. №3. С. 97-99

12. Розалева Г.И. Воспитательное пространство вуза как инновационная среда социальной адаптации студентов // Карельский научный журнал. 2017. Т.6. №4(21). С. 72-75

13. Ткаченко Н.Н. Социально-психологическая адаптация студентов в образовательной среде разного типа // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. №4(25). С. 358-360

14. Сидоров Д.Г., Ежков А.Д., Смирнова А.В. Имманентные адаптационные аспекты студентов высшей школы // Академическая публикация. 2020. №9. С. 145-150

15. Агейкина О.А., Ганичева И.А. Особенности адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. №21-5 (45). С. 26-27

16. Горчакова А.А. Особенности процесса адаптации студента к учебно-профессиональной деятельности // Проблемы современной науки и образования. 2017. №6(88). С. 88-90

17. Каленикова Т.Г. Особенности адаптации студентов на 1 и 2 курсах обучения в техническом вузе // Электронное обучение в непрерывном образовании. 2017. №1. С. 387-392

18. Набойченко Е.С., Носкова М.В., Серкова-Холмская Е.А. Психологическая адаптация студентов-первокурсников и их стратегии совладающего поведения в условиях высшего медицинского образования // Системная интеграция в здравоохранении. 2017. №6(36). С. 64-69

19. Ларионова Г.А. Проектирование траекторий профессионального развития студентов вузов в курсах математических и естественно-научных дисциплин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2017. №1. С. 71-75

20. Ключина А.М., Торгашева М.А. Психолого-педагогические особенности процесса адаптации иностранных студентов к условиям обучения в вузе в России // Современное педагогическое образование. 2019. №1. С. 109-112

21. Апасова М.В., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В. Условия адаптации иностранных студентов в вузах // Современная зарубежная психология. 2020. Т.9. №4. С. 129-137

22. Иванова Г.П., Логвинова О.К., Ширкова Н.Н. Педагогическое обеспечение социокультурной адаптации иностранных студентов: Опыт реализации // Высшее образование в России. 2018. Т.27. №3. С. 60-69

23. Овсянникова И.Г., Терещенко Т.М. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российском вузе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. №3(126). С. 41-46

24. Береговая О.А., Лопатина С.С., Отургашева Н.В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. №2(38). С. 108-118

25. ФЗ О транспортной безопасности / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // <https://docs.cntd.ru/document/902027326>

26. ФЗ О безопасности дорожного движения / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // <https://docs.cntd.ru/document/9014765>

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.016
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0034

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 3255-8254
AuthorID: 306981
ORCID: 0000-0003-3285-4425

МУХАМЕТШИНА Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: muhametshina2010@mail.ru)*

SPIN: 4917-6380
AuthorID: 726756
ORCID: 0000-0002-5838-492X

КАЛУГИНА Елизавета Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: kaluginaev@cspu.ru)*

SPIN: 1241-4904
AuthorID: 362542
ORCID: 0000-0002-8698-5757

КУСАРБАЕВ Ринат Ишмухаметович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: rinkus@inbox.ru)*

SPIN: 6201-7970
AuthorID: 414919
ORCID: 0000-0003-0514-0443

МАТУШАК Алла Федоровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 69, e-mail: lilac0@yandex.ru)*

Аннотация. Современное образование претерпевает постоянные изменения, которые происходят в результате прогресса во всех областях жизни. Сегодня выпускник высшего учебного заведения – это уже сформированная личность, способная ставить цели, принимать самостоятельные решения и эффективно функционировать в поликультурной среде. На нынешнем этапе становления педагогической науки языковая сфера подвержена существенным трансформациям. Интерес к языковому образованию возрастает в силу происходящих в обществе изменений. Выявление роли аспекта поликультурности в иноязычном образовании является актуальным на сегодняшний день и привлекает внимание многих ученых современности. Это находит свое отражение в методологической плоскости. В процессе иноязычной подготовки студентов вуза большое значение имеют аспекты поликультурного подхода, благодаря которым возможно формирование творческой, активной личности, обладающей толерантностью и способной к осуществлению профессиональной деятельности. Наиболее значимыми в данной ситуации являются факторы взаимодействия языка и культуры. Применение системы коммуникативных методов и подходов, а также имитация естественных условий общения на занятиях способствует межкультурной коммуникации. Реализация образовательной программы в рамках диалога культур предполагает форму межкультурного взаимодействия в условиях глобализации.

Ключевые слова: поликультурный подход, диалог культур, межкультурная коммуникация, коммуникативные методы, толерантность.

POLY CULTURAL APPROACH TO TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT HIGHER EDUCATION INSTITUTION

© The Author(s) 2021

MUKHAMETSHINA Olga Viktorovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: muhametshina2010@mail.ru)*

KALUGINA Elizaveta Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: kaluginaev@cspu.ru)*

KUSARBAEV Rinat Ishmuhametovich, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: rinkus@inbox.ru)*

MATUSZAK Alla Fedorovna, doctor of pedagogical sciences, professor of the Department of foreign languages

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave 69, e-mail: lilac0@yandex.ru)*

Abstract. Modern education is undergoing constant changes that occur as a result of progress in all areas of life. Today, a graduate of a higher educational institution is an already formed personality, capable of setting goals, making independent decisions and functioning effectively in a multicultural environment. At the current stage of the formation of pedagogical science, the language sphere is subject to significant transformations. Interest in language education is growing due to the changes taking place in society. Revealing the role of the aspect of multiculturalism in foreign language education is relevant today and attracts the attention of many scientists of our time. This is reflected in the methodological plane. In the process of foreign language training of university students, aspects of the multicultural approach are of great importance, thanks to which it is possible to form a creative, active personality with tolerance and capable of carrying out professional activities. The most significant in this situation are the phenomena of interaction between language and culture. The use of a system of

communicative methods and approaches, as well as imitation of the natural conditions of communication in the classroom, contributes to intercultural communication. The implementation of the educational program within the framework of the dialogue of cultures presupposes a form of intercultural interaction in the context of globalization.

Keywords: multicultural approach, dialogue of cultures, intercultural communication, communication methods, tolerance.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Ввиду интеграционных мировых процессов растет значимость поликультурного образования. Нами был проведен ретроспективный анализ развития поликультурной педагогики как науки, согласно которому интерес зарубежных ученых к этой отрасли возник в конце шестидесятых годов двадцатого века. В работах российских исследователей данный термин встречается в девяностые годы. Что касается понятия «поликультурная педагогика», то здесь нет единого определения. Педагогическим принципом поликультурного образования является воспитание толерантности и высоких нравственных качеств. Функцией поликультурного образования является развитие умений взаимодействия и взаимопонимания носителей культур. Поликультурный принцип способствует социализации личности. С позиции поликультурного подхода целью иноязычного образования является развитие языковой личности, способной к поликультурной самоорганизации.

Пути решения данной проблемы еще недостаточно разработаны в педагогике, хотя ряд ученых современности уделяют большое внимание проблеме применения поликультурного подхода в образовании. Данную идею можно проследить в их научных работах [1-11]. Тем не менее, следует отметить недостаточную методическую разработанность данной проблемы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей и задач статьи.

В статье отмечается важность поликультурного подхода в иноязычном образовании, подчеркнуты приоритетные позиции при решении коммуникативных задач в процессе подготовки специалистов. Применение данного подхода является перспективным в обучении иностранному языку. Конечно же, в этом процессе не последнюю роль играют способность к межкультурному взаимодействию, принятие межнациональных особенностей и толерантность.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Учитывая весомость поликультурного образования как способа формирования толерантности, становится ясно, что необходимы навыки межкультурного общения и знания особенностей других культур на разных уровнях. В статьях О.В. Мухаметшиной, Н.В. Алексиной, Е.В. Калугиной, Р.И. Кусарбаева, А.Ф. Матушак прослеживаются отдельные вопросы, касающиеся использования на занятиях коммуникативных технологий на базе поликультурного подхода [12-21]. Своё применение здесь находят и такие активные методы, как ролевые игры, рефлексивный тренинг, проблемные ситуации и другие.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Интерес к поликультурному подходу в образовании обусловлен развитием международных связей и межкультурных отношений. Поликультурное образование способствует взаимообогащению культур различных наций. Присутствие поликультурного аспекта необходимо в контексте всех учебных дисциплин. Наиболее ярко его проявление можно наблюдать в культурологической направленности филологического образования. Изучение дисциплины «Иностранный язык» является способом организации коммуникативного образования с позиции поликультурного подхода. Особое внимание здесь уделяется межкультурной направленности иноязычного образования. Студентам предоставляется возможность

взглянуть на ситуацию общения с разных позиций, что способствует формированию различных способов мышления.

Явление поликультурности должно носить пролонгированный характер, пронизывать не только все ступени образования, но и выходить за его рамки. Багаж знаний, накопленный студентами в процессе изучения курса страноведения и делового этикета, является большим плюсом при осуществлении коммуникации.

Согласно проведенному нами среди первокурсников диагностическому срезу, более половины опрошенных высказали неуверенность, нехватку знаний и опыта в ситуациях общения с представителями иных культур. Погрузить студентов в поликультурную среду можно посредством имитирующих ситуаций и непосредственного диалога культур с целью сравнения и принятия реалий.

Что касается применения педагогических форм на занятии, то оно зависит в первую очередь от целей поликультурного образования. Непосредственно на занятиях по иностранному языку используются коммуникативные методы. Логичным результатом применения поликультурного подхода должно быть уважение других культур, иностранных ценностей, готовность к взаимному общению и культурному обогащению. Актуальным является поиск инновационных методов, обеспечивающих эффективность образовательного процесса. Например, применение рефлексивного тренинга способствует созданию на занятиях особых психолого-педагогических условий для осмысления студентами своей деятельности.

В процессе обучения иностранному языку с позиции межкультурного подхода студентам необходимо познакомиться с культурной картиной мира страны изучаемого языка, принять ее особенности. Происходит так называемый диалог культур, то есть своеобразная форма межкультурного взаимодействия представителей разных культур. Целью данного диалога выступает сближение и взаимообогащение культур, расширение кругозора и приобретение опыта. Все это способствует развитию толерантности и взаимному уважению. Такая поликультурная образовательная модель приобщает личность не только к своим реалиям, но и к культуре другого народа. Стремление вступать в коммуникацию с представителями другой культуры, понять и принять их систему ценностей проявляется как поликультурный аспект иноязычного образования.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

В данной статье поднимается один из вопросов, волнующих ученых современности. Рассматриваемая в работе тема привлекает внимание многих исследователей. Важное значение приобретает теоретический анализ имеющихся изысканий в решении проблемы поликультурного подхода в иноязычном образовании. Часть ученых делает акцент на исторических предпосылках, предшествующих возникновению данной проблемы. Мы учитываем весомость ретроспективного анализа, поэтому согласны с Е.А. Браславской [22], которая выделяет пять этапов становления иноязычного образования в России с позиции поликультурного подхода. В частности, первый этап характеризуется тем, что в двадцатые-сороковые годы двадцатого века отсутствовал интерес к изучению культур других стран. Далее, вплоть до конца шестидесятых годов, ввиду расширения международных отношений намечаются положительные тенденции в обучении иностранным языкам. С семидесятых годов в исследованиях имеет место принцип коммуникативности. В девяностые годы приобретает значение феномен

поликультурности, а в двухтысячные годы поликультурный подход уже занимает одну из ведущих позиций в иноязычном образовании.

Вопросам методологии поликультурного подхода к иноязычному образованию посвящены работы Е.А. Исаева, который составил паспорт поликультурного подхода и выявил, что «данный подход способствует созданию поликультурной среды, которая призвана за счет активной позиции, диалогового общения, познания, созидания и приобщения учащихся к национальной и общечеловеческой культуре воспитывать профессионализм в его культурной идентификации. Познание поликультуры способствует развитию языковых навыков и обеспечивает дальнейшую самореализацию личности в поликультурном мире, способствует социализации» [23].

В силу развивающихся международных отношений появляется необходимость в поликультурном образовании, в овладении основами межкультурного общения. Особую значимость оно приобретает в процессе обучения иностранному языку. Принимая во внимание социокультурный аспект, современному педагогическому образованию необходимо двигаться в направлении формирования уважительного отношения к культуре другой нации и осознания ценности своей. Таким образом, на занятиях иностранного языка студенты получают знания о культуре и традициях другой страны, знакомятся со страноведческим материалом по различной тематике, принимают непосредственное участие в диалоге культур.

Несмотря на проявляющийся интерес исследователей к данной проблеме, хотелось бы акцентировать внимание на ее недостаточной методической разработанности, а также практических путей решения. Таким образом, можно отметить, что отечественная поликультурная педагогика является молодой отраслью научного знания и находится в стадии становления.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Языковая личность должна обладать рядом компетенций (социолингвистической, лингвистической, прагматической). Эффективной реализации поликультурного подхода в иноязычном образовании способствует следование общепедагогическим принципам. Благодаря этому у студентов формируется представление о норме разнообразия и сосуществования культур в мире.

Таким образом, условия современной жизни выдвигают новые требования к человеку: быть толерантным, уважать представителей других культур, взаимодействовать с ними. В качестве результата внедрения поликультурного подхода в иноязычное образование общество способно получить выпускника, обладающего личностными качествами, отражающими сущность поликультурности.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Полученные результаты можно использовать при дальнейшем изучении проблемы поликультурного подхода в обучении иностранному языку в вузе с целью выявления положительных тенденций к ее решению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Матис В.И. Компетентностная парадигма в методологии поликультурного подхода // *Непрерывное профессиональное образование и новая экономика*. 2018. № 1 (2). С. 4-9.
2. Брейковская К.Ю., Ежкова Н.С. Поликультурное образование с позиции диалогового подхода // *Этническая культура*. 2020. № 1 (2). С. 34-36.
3. Течева В.З. Реализация практико-ориентированного подхода к подготовке будущих педагогов к работе в условиях поликультурной образовательной среды // *Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества*. 2020. № 8. С. 130-134.
4. Савельева Н.Х., Невраева Н.Ю., Кабанов А.М., Божко Е.М. Программа подготовки студентов к межкультурному взаимодействию в условиях предметно-языковой интегрированной среды // *Современный ученый*. 2019. № 6. С. 40-46.
5. Савельева Н.Х., Невраева Н.Ю., Божко Е.М., Сорокина Н.И., Базарова Г.Н. Характеристика и содержание системы подготовки

студентов к межкультурному взаимодействию в условиях предметно-языковой интегрированной среды // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. 2019. № 6. С. 76-81.

6. Савельева Н.Х., Невраева Н.Ю., Божко Е.М. Состояние проблемы подготовки студентов к межкультурному взаимодействию с начала 90-х гг. XX века по настоящее время // *Современный ученый*. 2019. № 3. С. 144-150.

7. Кириллова Т.С., Гаврилина И.С. Коммуникативные компетенции в поликультурном пространстве // *Альманах мировой науки*. 2017. № 1-2 (16). С. 25-27.

8. Кочеткова И.С., Терская Л.А. Формирование индивидуальных образовательных маршрутов в электронной образовательной среде для поликультурных студенческих групп // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 123-127.

9. Корякина А.А. К вопросу о формировании толерантности в поликультурном образовательном пространстве // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 179-183.

10. Корниенко А.Н. Реализация поликультурного подхода к образованию будущего бакалавра средствами иностранного языка // *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)*. 2018. № 3 (17). С. 215-218.

11. Санникова С.В. Формирование социокультурной компетенции будущих учителей: дис. ... канд. пед. наук / С.В. Санникова. Челябинск, 2006. 221 с.

12. Мухаметшина О.В. Рефлексивный тренинг как условие эффективного функционирования системы формирования коммуникативно-рефлексивной компетенции будущих менеджеров // *Науковедение: интернет-журнал*. 2015. Том 7. № 1 (26). С. 131.

13. Мухаметшина О.В. Формирование коммуникативно-рефлексивной компетенции будущих менеджеров: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2015. 26 с.

14. Мухаметшина О.В. Формирование коммуникативно-рефлексивной компетенции будущих менеджеров: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2015. 166 с.

15. Мухаметшина О.В. Конституирующий этап экспериментальной работы по формированию коммуникативно-рефлексивной компетенции будущих менеджеров // *Вестник Челябинского государственного университета: Образование и здравоохранение*. 2013. № 26 (317). Выпуск 1. С. 112-114.

16. Мухаметшина О.В. Полифункциональный анализ понятия «компетенция» // *Мир науки, культуры, образования*. 2010. № 5 (24). С. 115-118.

17. Алехина Н.В. К вопросу о ценностной составляющей и ее реализации в процессе формирования дискурсивно-ценностной компетенции будущих лингвистов // *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 6 (67). С. 5-6.

18. Алехина Н.В. Компоненты и принципы реализации системы формирования дискурсивно-ценностной компетенции будущих лингвистов // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 1. С. 39.

19. Калугина Е.В., Столбова Е.А., Цилицкий В.С. Реализация педагогической технологии формирования готовности будущих педагогов к тьюторской деятельности // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2017. № 10. С. 30-35.

20. Кусарбаев Р.И., Павлова О.Ю., Калугина Е.В., Матушак А.Ф. Успешная межкультурная социализация студентов в процессе иноязычного образования в российском вузе // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2018. № 8. С. 47-52.

21. Кусарбаев Р.И. Межнациональное согласие и гармонизация межнациональных отношений в образовательной политике Российской Федерации // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2012. № 8. С. 92-96.

22. Браславская Е.А. Этапы становления иноязычного образования России с точки зрения поликультурности // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2019. Том 4. Выпуск 4. С. 42-47.

23. Исаев Е.А. Поликультурный подход в иноязычном образовании: вопросы методологии // *Вестник Брянского государственного университета*. 2016. №3 (29). С. 217-220.

Статья поступила в редакцию 05.03.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК: 37.013

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0035

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 1662-2650

AuthorID: 787949

ResearcherID: V-7758-2017

ORCID: 0000-0002-9298-1541

ХРИСТИАНОВА Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 105, e-mail: nvchristianova@sfedu.ru)

SPIN: 6772-5774

ORCID: 0000-0003-0968-7446

ПОВОРОВА Екатерина Витальевна, студент магистратуры, кафедра межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105, e-mail: povorova@sfedu.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам обучения иноязычной письменной речи на уроках английского языка учащихся старших классов общеобразовательной школы с учетом формата ЕГЭ. Материалом исследования послужил учебно-методический комплекс “Spotlight” для учеников 11 класса. В свете модернизации российского образования, а также изменений требований к уровню владения иностранным языком развитие иноязычной коммуникативной компетенции школьников является немаловажным условием их дальнейшей успешной социализации в мировом сообществе. Актуальность проблемы формирования письменной компетенции учащихся старших классов обусловлена определением новых подходов к содержанию и организации учебного материала, поиском наиболее эффективных методов и способов развития письменных речевых навыков, направленных на достижение практического результата в освоении английского языка. Развитие умений письменной коммуникации школьников позволит им осуществлять общение с представителями иной культуры, решать определённые коммуникативные задачи, понимать, интерпретировать и порождать логически связанные высказывания. Залогом успешной письменной активности учащихся является внедрение на уроках разнообразных коммуникативных заданий, ориентированных на развитие речемыслительных и креативных способностей школьников. Поэтапное развитие компонентов письменной иноязычной компетенции на всех уровнях обучения английскому языку способствует формированию высокого уровня владения письменной речью в процессе межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, письменная коммуникативная компетенция, письменная речь, письменные речевые навыки, особенности письменного речевого сообщения, критерии оценки письменных заданий, личное письмо, эссе.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF WRITTEN COMMUNICATIVE COMPETENCE IN ENGLISH LESSONS IN HIGH SCHOOL

© The Author(s) 2021

KHRISTIANOVA Natalya Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Intercultural Communication and Methodology of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105, e-mail: nvchristianova@sfedu.ru)

POVOROVA Ekaterina Vitalievna, graduate student of the Department of Intercultural Communication and Methodology of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105, e-mail: povorova@sfedu.ru)

Abstract. This article is devoted to the problems of teaching foreign language writing in English lessons for high school students, taking into account the format of the Unified State Exam. The study material was the educational and methodical complex “Spotlight” for 11th grade students. In the light of the modernization of Russian education, as well as changes in the requirements for the level of foreign language proficiency, the development of the foreign language communicative competence of schoolchildren is an important condition for their further successful socialization in the world community. The urgency of the problem of forming the written competence of high school students is due to the definition of new approaches to the content and organization of educational material, the search for the most effective methods and ways of developing written speech skills aimed at achieving practical results in mastering the English language. The development of students’ written communication skills will allow them to communicate with representatives of a different culture, solve certain communication problems, understand, interpret and generate logically related statements. The key to successful written activity of students is the introduction of a variety of communicative tasks in the classroom, focused on the development of speech-thinking and creative abilities of students. The gradual development of the components of written foreign language competence at all levels of English language training contributes to the formation of a high level of written language proficiency in the process of intercultural interaction.

Keywords: foreign language communicative competence, written communicative competence, written speech, written speech skills, features of a written speech message, assessment criteria of written assignments, informal letter, essay.

ВВЕДЕНИЕ

В современном учебном мире проблема методики преподавания иностранных языков в аспекте подготовки к письменным заданиям единого государственного эк-

замена, становится все более актуальной. Данная часть ЕГЭ ориентирована на контроль знаний учащихся, выявляющий способности письменно излагать свои мысли на английском языке, соблюдая определенную формаль-

ную и содержательную структуру. Кроме того, при создании текста обучающиеся должны обладать не только лингвистическими, но и социокультурными знаниями, то есть знаниями о традициях, обычаях, нормах поведения и правилах этикета страны изучаемого языка. Ввиду этого, развитие иноязычной письменной коммуникативной компетенции играет важную роль в освоении английского языка.

Навыки, умения и знания, которые школьники получают и развивают во время изучения иностранного языка, являются содержательной стороной иноязычной коммуникативной компетенции. Создаваемая возможность их использования во многих обстоятельствах будет являться сутью данной компетенции [1, с. 58].

По мнению профессора И.А. Зимней, под коммуникативной компетенцией понимается освоение трудных коммуникативных умений и способностей, развитие соответствующих навыков взаимодействия в незнакомых социальных структурах, знакомство с культурой, традициями, обычаями, манерами поведения и правилами этикета, присущими определенному этносу [2, с. 13].

Лингвист Д. Хаймс один из первых затронул в своих исследованиях область иноязычной коммуникативной компетенции и считал, что умение говорить на каком-либо иностранном языке заключается как в знаниях лексической и грамматической структуры языка, так и в социальных условиях их применения. С его точки зрения, в коммуникативную компетенцию входят такие составляющие, как: лингвистические (теоретические основы языка / правила); социально-лингвистические (принципы диалектного языка); дискурсивные (правила составления речевого высказывания); стратегические (способы установления и поддержания связей с собеседником) [3, с. 269-293].

С позиции доктора педагогических наук Э.Г. Азимова, иноязычная коммуникативная компетенция представляет собой умение предопределять методами иностранного языка значимые для обучающихся задачи взаимодействия во всех сферах жизни; способность применять факты иностранного языка и иноязычной речи для осуществления коммуникативных задач [4, с. 98].

Кандидат педагогических наук М.З. Биболетова выделяет несколько компонентов иноязычной коммуникативной компетенции [5, с. 200-210]:

- Речевая компетенция основана на развитии навыков коммуникации во всех сферах речевой деятельности (аудировании, чтении, письме и говорении). В процессе формирования данной компетенции у обучающихся, среди прочего, развиваются умения в составлении цельных, логичных предложений в устной и письменной формах, а равно как и умение верно подобрать уместные лингвистические средства для формирования собственных текстов.

- Языковая компетенция включает в себя освоение неизвестных ранее средств изучаемого языка на всех языковых уровнях согласно предмету, теме и коммуникативной ситуации, установленным школьной программой.

- Социокультурная компетенция основывается на ознакомлении с культурой, традициями и обычаями страны, язык которой школьники изучают; развитие способности говорить о своей стране и ее особенностях во время общения с иностранцами.

- Компенсаторная компетенция формирует навыки выхода из сложной ситуации на фоне нехватки знаний языковых средств в процессе межкультурной коммуникации при помощи использования школьниками уже имеющихся способов и инструментов общения на изучаемом языке.

- Учебно-познавательная компетенция основывается на формировании и расширении у обучающихся общих и специализированных навыков изучения иностранного языка, освоении новых способов изучения иностранного языка без участия учителя с помощью информационно-

компьютерных технологий.

МЕТОДОЛОГИЯ

В рамках речевой компетенции особое внимание уделяется письменной коммуникативной компетенции, которая включает в себя умение составлять письма официально-делового и личного характера (поздравление с праздниками, обсуждение новостей, обмен впечатлениями), делать заметки, писать эссе проблемного характера в рамках заданной коммуникативной ситуации. Формирование навыков письменной иноязычной речи школьников представляет определённую сложность для учителя, поскольку учащиеся общеобразовательных школ не всегда могут правильно и корректно выражать свои мысли в письменном виде и приводить к ним весомые аргументы на родном языке.

Проблема формирования письменной иноязычной коммуникативной компетенции и поиска наиболее эффективных стратегий обучения активно изучается в работах отечественных и зарубежных исследователей (О.В. Путистана [6]; И.А. Авхачева [7]; Е.А. Цуцупа [8]; L.C. Kirkpatrick [9]; J. Riddell [10]; D.E. Zemach, L.A. Rumesik [11] и др.).

Профессор Г.В. Рогова, говоря о письменной речи, подразумевает комплексный, непростой навык, который посредством использования графических знаков позволяет осуществлять межличностное общение. При формировании письма автор составляет текст для последующего прочтения получателем [12, с. 162].

Советский профессор С.Л. Рубинштейн основной трудностью в освоении письменной речи считал отсутствие для автора и получателя текста единой ситуации. Это означает, что информация, которую можно пропустить или не сказать при устном взаимодействии, должна быть отражена в полной мере в письменной речи. Таким образом, ее главная отличительная черта – максимальная точность. Кроме того, формирование навыков письменной речи не может происходить без понимания способов преобразования мыслей автора в письменный текст [13, с. 411-414].

Кандидат педагогических наук Л.Г. Кузьмина уделяет особое внимание продумыванию замысла будущего высказывания с общим сжатым содержанием и с учетом восприятия текста читающим, поскольку любое письменное сообщение ориентировано на конкретного получателя. Замысел письменного высказывания, как правило, актуализируется в примерной теме текста. Сложность письменной речи проявляется, по мнению исследователя, в том, что на момент формирования целей, задач и аргументов автор текста еще не может продумать все детально точно. Выбор деталей и компонентов текста должен соответствовать основной смысловой линии, которая является единой для всего текста. При формировании письменного высказывания происходит, помимо прочего, отбор необходимых лексических единиц, выделение смыслового предиката и построение логической связи между предложениями и частями текста [14, с. 46-48].

Автор письменного текста выбирает лексические единицы с учетом своего словарного запаса и навыков корректного его употребления при выполнении определенной коммуникативной задачи. Составителю текста требуется быть особенно внимательным со стилистическими особенностями используемой лексики. Следовательно, хорошо иметь богатый словарный запас, но главное – уметь его применять на практике в различных коммуникативных ситуациях [15, с. 12].

В целях формирования письменной речевой деятельности необходимо вырабатывать у обучающихся умения описывать определенные события и комментировать их, выражать собственное мнение, используя в письменном тексте аргументацию и эмоционально-оценочные средства [16, с. 36].

Требования к оцениванию письменных работ являются довольно строгими. Критерии их оценки включают

в себя последовательность и логическую структуру изложенного материала, соотношение содержания текста с коммуникативной целью, грамотное использование средств связи между предложениями и частями текста, соответствие лексических и грамматических средств определенному уровню, учет правил пунктуации и орфографии [17, с. 255].

Раздел «Письмо» на ЕГЭ по английскому языку считается одним из самых трудных для экзаменуемых и состоит из двух заданий базового и высокого уровня сложности, а именно личного письма иностранному другу и эссе по заданной теме с элементами рассуждения. Тематика письменных заданий включает межличностные отношения детей с родителями, друзьями, одноклассниками и учителями; времяпрепровождение подрастающего поколения; профессии и образование за границей и т.д. [18, с. 28].

На написание личного письма экзаменуемым выделяются 20 минут, в течении которых они составляют текст в объеме 100-140 слов, содержащий ответы на заданные три вопроса в тексте-стимуле. Задание оценивается в 6 баллов [19, с. 104-107].

Эссе оценивается в 14 баллов при соблюдении всех критериев. Экзаменуемый выбирает одну из двух предложенных тем и составляет развернутое высказывание с элементами рассуждения в объеме 200-250 слов за 60 минут. При написании эссе необходимо следовать четкой структуре. Кроме того, лексические и грамматические средства должны соответствовать высокому уровню сложности. Экзаменуемый должен продемонстрировать умения грамматически, структурно и содержательно правильно излагать свои мысли, а также владеть информацией по заданной тематике, обладать способностью к логическому мышлению [20, с. 78; 21, с. 49].

Результатом обучения иноязычной письменной речи школьников является их умение применять приобретенные знания в повседневном межкультурном общении в рамках профессионально-ориентированных интернет-форумов, в международных проектах, конкурсах, олимпиадах. Должный уровень развития навыков письменной речи позволит выпускникам использовать письмо, как средство учебной, профессиональной и самообразовательной деятельности [22, с. 111].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Письменной речи обучают во всех общеобразовательных школах. Считается, что ученики должны быть способны правильно излагать свои мысли на любую заданную тему в письменном виде. Другими словами, обучающиеся должны уметь использовать письменные сообщения для общения с другими людьми. Однако во многих школах данному виду заданий отводят слишком мало учебных часов.

Проведем анализ УМК “Spotlight” для учеников 11 класса [23] на наличие упражнений, ориентированных на развитие письменной коммуникативной компетенции учащихся. Данный учебно-методический комплекс состоит из 8 модулей, в каждом из которых есть задания на развитие всех видов речевой деятельности. Следует отметить, что большинство упражнений направлено на развитие у обучающихся навыков говорения. Задания по составлению личного письма иностранному другу и развернутого высказывания с элементами рассуждения представлены в меньшем объеме. Так, письменных заданий на составление личного письма, учитывающих все содержательные и структурные требования ЕГЭ, всего 5 на весь учебник.

В раздел «Письмо» включены задания на составление монологов и диалогов на различные темы (человеческие взаимоотношения; досуг; обязанности (помощь родителям по дому, подработка); угрозы для жизни; изучение иностранных языков; обучение в школе, университете и планы на будущее; путешествия и экология), написание эссе и статей с выражением личного мнения, подготовка презентаций. Отметим, что в учебнике представлено

довольно большое количество упражнений, подготавливающих к составлению письма. К ним можно отнести следующие: чтение отрывков письма и соответствие их определенной цели (дать совет, запрашивать информацию, просить разрешение, просить совет, приглашать кого-либо и т.д.); соотнесение частей готового письма с заголовками; поиск предложений, соответствующих неофициальному, полуофициальному и официальному стилям; определение цели готовых писем; ответы на вопросы; обсуждение «плюсов» и «минусов» готовых писем; изменение стиля готового письма; написание своего личного письма. Кроме того, в каждом модуле учебника представлены идиомы, которые могут помочь обучающимся при составлении личного письма и эссе.

Упражнений на написание развернутого высказывания с элементами рассуждения также довольно мало. И объем слов в заданиях на составление эссе равен 120-180 словам, тогда как объем экзаменационной работы должен составлять 200-250 слов. Подготовительные упражнения на развитие навыков написания развернутых сообщений включают такие виды заданий, как: выражение личного мнения с приведением аргументов по какому-либо вопросу; поиск в готовом эссе мнения автора; ответы на вопросы, касающиеся структуры эссе; чтение готового эссе и расположение его частей в правильном порядке; выделение предложений, выражающих главную идею в каждой части эссе; поиск средств логической связи в готовом тексте эссе (Some people think that ..., whereas others believe that ...; to start with; I consider / believe that; there is another point of view to this issue; however, I disagree with this point of view; in addition to; furthermore; on the one / other hand; to conclude; all in all; etc.); написание своего развернутого высказывания.

Учитывая анализ представленных в УМК “Spotlight” заданий, считаем целесообразным включить в раздел «Письмо» упражнения, направленные на формирование устойчивого навыка соблюдения структурной составляющей личного письма. К ним можно отнести следующие виды заданий:

1. Написание обучающимися личного адреса (места проживания) на английском языке, учитывая все требования;
2. Написание адреса отправителя согласно необходимой структуре, опираясь на предложенный отрывок письма другого человека, в котором в 5-7 предложениях описано, где адресант живет (страна, город, улица, номер дома, квартиры и т.д.);
3. Выбор из нескольких одинаковых по содержанию, но разных по структуре вариантов адреса, один из которых является верным.

Немаловажным в структуре письма личного характера является соблюдение правил приветствия и прощания, учитывая неформальный характер общения. Для развития данного навыка можно применять следующие задания:

1. Выбрать верный вариант обращения из нескольких возможных к людям в соответствии с занимаемой ими должностью (профессор – Dear Dr. / Professor Miller (возможные неправильные варианты: Dear Peter Miller, Dear Peter), друг – Dear Kate (возможные неправильные варианты: Dear Kate Backer, Dear Miss / Mrs. Backer), чьи-то родители – Dear Mr. / Mrs. Blare (возможные неправильные варианты: Dear Miss Blare, Dear Sir and Madam), незамужняя преподаватель – Dear Miss Brown (возможные неправильные варианты: Dear Alice, Dear Miss Alice, Dear Mrs. Brown) и т.д.);

2. Выбрать наиболее подходящие обращения и завершающие фразы для составления личного письма (например, Dear Alice; Best wishes, Yours, Lots of love, etc.)

Так как личное письмо обладает определенной структурой, для запоминания порядка следования его элементов преподаватели могут давать ученикам следующие типы заданий:

1. Расположить части готового письма в неверном по-

рядке, чтобы учащиеся составили из них письмо с правильной структурой;

2. Предоставить обучающимся готовое письмо на английском языке с пропусками, чтобы ученики правильно использовали средства логической связи, которые будут приведены в произвольном порядке ниже в таблице;

3. Выделить в эссе смысловые части.

Что касается содержательной стороны личного письма, оно должно быть написано в соответствии с текстом-стимулом и текстом инструкции. Это одно из самых важных требований при составлении письма, для правильного выполнения которого могут быть использованы следующие задания:

1. Прочитать письмо-стимул и выбрать из приведенных в упражнении вопросов, какие можно задать, а какие нет в соответствии с текстом инструкции;

2. Провести анализ и оценивание уже составленных писем по данному заданию;

3. Написать собственное личное письмо.

Составляя эссе, большинство обучающихся формулируют мысли на русском языке, а затем переводят их на английский. Следовательно, одним из лучших упражнений для подготовки к написанию эссе является перевод предложений с русского языка на английский. Переводные упражнения помогают обучающимся активно пользоваться словарным запасом, обращая внимание на свои грамматические и лексические ошибки.

Помимо упражнений на перевод, для развития навыков написания эссе можно использовать следующие коммуникативные упражнения, основанные на применении современной технологии «мозгового штурма», развивающие критическое мышление и навыки самооценки:

1) Сформулировать проблему для определенных утверждений (примерные фразы для формулирования проблемы: *The problem of ... has always aroused sharp disputes / discussions; Some people believe that ..., while others argue that ...*);

2) Обсудить тему письменного сообщения в группе-классе. Школьникам перед написанием эссе предлагают обсудить тему эссе в группах. Такой вид коммуникативных заданий помогает настроить учащихся на продуктивную работу, побудить их высказать свои мысли по заданной теме, обсудить различные точки зрения для всестороннего раскрытия изучаемой проблемы [8, с. 17].

3) Высказать свое мнение по поводу определенных утверждений / тематических цитат известных людей и аргументировать свою точку зрения. В УМК “Spotlight” в конце определенных модулей можно найти рубрику “Words of Wisdom” с цитатами известных людей, которые учащиеся обсуждают в группах”, а после выражают свое мнение. В качестве домашнего задания ученики подбирают цитаты, с содержанием которых они согласны, и пишут мини-эссе, аргументируя свое мнение [24, с. 23].

4) Проанализировать готовое эссе с позиции правильного порядка аргументов, используя ключевые слова и выражения, которые выделены жирным шрифтом;

5) Выбрать правильное слово / фразу для логической связи предложений или абзацев;

6) Выбрать из готовых высказываний те, которые отражают содержание темы текста, а какие – противоположную точку зрения [25, с. 77].

7) Оценить эссе одноклассников. Данный вид задания предполагает работу в парах. Для успешного выполнения задания педагог подготавливает инструкции для учащихся с правилами оценивания (наличие введения, основной части, заключения, стиль, орфография, грамматика и пр.) [8, с. 17].

8) Написать самостоятельно эссе с элементами рассуждения, используя полученные ранее навыки по составлению развернутого высказывания.

ОБСУЖДЕНИЕ

Теоретический анализ современных исследований в области обучения письменной иноязычной речи и ана-

лиз УМК по английскому языку для старшей школы доказывает необходимость интеграции в процесс преподавания иностранного языка более эффективных методов и приемов развития письменной речи учащихся. При формировании письменной коммуникативной компетенции особое внимание уделяется развитию навыков уместного и корректного выражения мыслей в письменном виде для решения коммуникативной задачи, используя аргументацию и эмоционально-оценочные средства с целью определенного воздействия на адресата. Достижению оптимальных результатов развития искомого навыка способствует включение в процесс обучения английскому языку коммуникативных приемов (дискуссия, «мозговой штурм», презентация и пр.), направленных на мотивацию учащихся к продуктивной работе, на развитие у них самостоятельности, инициативности, критического и творческого мышления, умения эффективно использовать иностранный язык в письменной коммуникации для достижения определенных целей межкультурного общения.

ВЫВОДЫ

Таким образом, развитие навыков иноязычной письменной речи с целью успешной сдачи ЕГЭ предполагает интеграцию в процесс обучения иностранному языку методик, направленных на формирование способности учащихся грамотно излагать свои мысли в письменной форме, учитывая основные особенности порождения письменного речевого высказывания: последовательность изложения, смысловую завершенность, соответствие стилевой принадлежности, информационную насыщенность и коммуникативную направленность текста. Немаловажное значение при составлении личного письма и эссе имеет соблюдение требований к оформлению и организации текста, включающие определенный объем, обязательные элементы (адрес, обращение, заключение и т.д.), определенную схему расположения частей текста, деление на абзацы, использование средств логической связи и прочее. Анализ УМК “Spotlight” показал, что для успешной сдачи раздела «Письмо» на итоговом экзамене по английскому языку недостаточно выполнять упражнения только основного УМК, необходимо также использовать дополнительные материалы, в которых основной акцент будет направлен на задания формата ЕГЭ. Выполнение разнообразных тренировочных заданий с учетом определенной последовательности действий в рамках данного формата помогает сформировать нужные навыки работы с этими типами заданий и сократить время их выполнения на экзамене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Литвинко Ф.М. Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; в авт. ред. Мн., 2009. Вып. 9. 102 с.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследоват. центр проблем качества подгот. специалистов, 2004. 40 с.
3. Hymes D. *On communicative competence* / J. Pride & J. Holmes // *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin, 1972. Pp. 269-293.
4. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. М.: ИКАР, 2010. 448 с.
5. Биболетова М.З., Садомова Л.В., Щепилова А.В., Трубанева Н.Н., Стрелко Н.А. *Примерные программы среднего (полного) общего образования: иностранный язык 10-11 классы*. ФГОС. М.: Вентана-Граф, 2012. 392 с.
6. Путистина О. В. *Методические основы обучения иноязычной письменной речи студентов в концепции развития учебной автономии* // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 5 (138). С. 39–44.
7. Авхачева И.А. *Основные и сопутствующие задачи обучения письменной речи на иностранном языке в разных целевых аудиториях* // *Филологические науки. вопросы теории и практики*. 2016. № 4. Ч. 3. С. 165–169.
8. Цуцуря Е. А. *Эффективные приемы обучения письменной речи* // *Вестник северо-восточного государственного университета*. 2020. №34. С. 16-18.
9. Kirkpatrick L.C. *High-achieving High School Students' Strategies for Writing from Internet-based Sources of Information* / L.C. Kirkpatrick, P.D. Klein // *Journal of Writing Research*. 2016. № 8 (1). Pp. 1–47.
10. Riddell J. *Performance, feedback, and revision: Metacognitive*

approaches to undergraduate essay writing / J. Riddell // Collected Essays on Learning and Teaching. 2015. № 8. Pp. 79–95.

11. Zemach D.E., Rumesik L.A. *Academic Writing from paragraph to essay. Oxford, 2007.*

12. Рогова Г.В. *Методика обучения иностранным языкам в средней школе. / Г.В. Рогова, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахарова. М.: Просвещение. 1991. 287 с.*

13. Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2010. 713 с.*

14. Кузьмина Л.Г. *New challenges in writing: Пособие по развитию культуры письменной речи. М.: «Еврошкола», 1998. 189 с.*

15. Evans V. *Successful Writing Proficiency. Berkshire: Express publishing, 2003. 78 p.*

16. Еловская С.В. *Использование интерактивных методов в обучении иностранному языку / С.В. Еловская, Е.А. Круглова // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2018. Т. 17. № 38. С. 35-39.*

17. Гальскова Н.Д. *Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 336 с.*

18. Филатов В.М. *Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной общеобразовательной школе. Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 2004. 362 с.*

19. Смолина Л.М. *Стратегии выполнения части С на ЕГЭ (личное письмо, эссе) // Обучение и воспитание: методики и практика: труды XXXII Международной научно-практической конференции. Абакан, 2017. С. 104-111.*

20. Баглай С.С., Фрезе О.В. *Технология обучения учащихся старшей школы написанию эссе на английском языке в формате ЕГЭ // Дайджест. Омск, 2018. С. 77-83.*

21. Панина, А. А. *Методика обучения иноязычной письменной речи в условиях личностно-ориентированного обучения с учетом формата ЕГЭ / А. А. Панина. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2016. № 4.1 (108.1). С. 48-51. URL: <https://moluch.ru/archive/108/26396/> (дата обращения: 18.03.2021).*

22. Иванова К. Ю. *Особенности обучения иноязычной письменной речи в профильной школе (филологический профиль) // Наука и школа. 2019. № 3. С. 110-117.*

23. Афанасьева О.В., Дули Дж., Михеева И.В. и др. *Английский язык. 11 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. – 2-е изд. доп. и перераб. М.: Express Publishing: Просвещение, 2009. 244 с.*

24. Чичинкина С. А. Попова С. В. *Формирование умений письменной речи у обучающихся старших классов // Наука и образование. 2020. Т. 3. № 2. С. 21-27.*

25. Салтыкова М.В. *Особенности подготовки учащихся старших классов к заданию С2 ЕГЭ по английскому языку. М.: Издательство «Перо», 2015. С. 75-78.*

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 372.881.1

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0036

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 9504-8370

AuthorID: 777367

ORCID: 0000-0003-4284-022X

СКЛЯР Елена Станиславовна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и культура речи

*Курский государственный медицинский университет
(305041 Россия, Курск, ул. К.Маркса, 3, e-mail: elsklyar@gmail.com)*

Аннотация. Доступность сети Интернет способствовала формированию особой среды общения – интернет-коммуникации, в процессе которой слова, выражения, особые грамматические конструкции, поликодовые тексты становятся настолько популярными, что из виртуальной среды переходят в живую русскую речь. Наиболее активны в этом плане интернет-мемы – единицы, состоящие из вербального и невербального элементов. Вербальный компонент интернет-мема значим с точки зрения лингвистики, так как он имеет языковое выражение, обладает синтаксическими, лексическими и орфографическими особенностями, что дает возможность не только рассмотреть мемы в лингвистическом аспекте, но и использовать их в качестве дидактического материала на занятиях по русскому языку и культуре речи в неязыковом вузе при актуализации знаний студентов по различным разделам языка: лексике, фразеологии, словообразованию, стилистике, орфографии и пунктуации русского языка. Применение интернет-мемов на практических занятиях направленно на формирование умений анализировать, классифицировать и выявлять различные ошибки, содержащиеся в тексте. Кроме того, это помогает разнообразить занятие, повысить интерес к изучаемой дисциплине, сделать процесс формирования языковой компетенции посредством использования одного из наиболее популярных видов развлекательного контента более интересным. Задания по подбору и созданию собственных лингвистических мемов с помощью популярных приложений развивает творческие способности обучающихся.

Ключевые слова: русский язык и культура речи, интернет-мем, языковая игра, языковая компетенция, анализ, аспекты языка, повышение мотивации обучающихся, дидактический материал, визуализация.

THE USE OF INTERNET MEMES IN THE PROCESS OF FORMING THE LANGUAGE COMPETENCE OF STUDENTS ON THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE

© The Author(s) 2021

SKLYAR Elena Stanislavovna, candidate of philological sciences, academic of the «Russian Language and Speech Culture» department

*Kursk state medical university
(305041, Russia, Kursk, street K. Marksa 3, e-mail: elsklyar@gmail.com)*

Abstract. The availability of the Internet has contributed to the formation of a special communication environment - Internet communication, in the process of which words, expressions, special grammatical constructions, poly code texts become so popular that they pass from a virtual environment to live Russian speech. The most active in this regard are Internet memes - units consisting of verbal and non-verbal elements. The verbal component of an Internet meme is significant from the point of view of linguistics, since it has a linguistic expression, has syntactic, lexical, and spelling features, which makes it possible not only to consider memes from a linguistic point of view, but also to use them as didactic material on the lessons of Russian language and culture of speech in a non-linguistic university while updating students' knowledge in various sections of the language: vocabulary, phraseology, word formation, stylistics, spelling, and punctuation of the Russian language. The use of Internet memes in practical classes aims to develop the skills to analyze, classify, and identify various errors in the text. In addition, it helps diversify the lesson, increases interest in the studied discipline, and form language competence through the use of one of the most popular types of entertainment content more exciting. Assignments for the selection and creation of your own linguistic memes using popular applications develop students' creative abilities.

Keywords: Russian language and culture of speech, Internet meme, language game, language competence, analysis, aspects of language, increasing student motivation, didactic material, visualization.

ВВЕДЕНИЕ

Доступность сети Интернет и ее широкая популярность способствовали формированию особой среды общения, важность которой возрастает в различных сферах деятельности людей. Распространение информационных технологий позволило укрепить социальные отношения, однако привело к определенным изменениям в системе языка, представляющего собой гибрид письменной и устной речи. Интернет-коммуникация характеризуется рядом особенностей, среди которых отмечается глобальность, интерактивность, виртуальность, мультимедийность, полифоничность, устно-письменный характер коммуникации; креолизованность компьютерных текстов; передача эмоций, мимики, чувств с помощью «смайликов»; специфическая компьютерная этика, устно-письменный характер коммуникации и т.д. [1].

Язык сети Интернет может быть использован как богатый материал для изучения русского языка в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи», потому что, с одной стороны, позволяет изучить новые слова, выражения, особые грамматические конструкции, воз-

никающие в процессе интернет-коммуникации и переходящие в живую русскую речь, а с другой – заинтересовать студентов и повысить мотивацию при освоении дисциплины в неязыковом вузе.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь научными и практическими задачами

В настоящее время большую популярность в сети приобретают интернет-мемы – комплексные феномены интернет-коммуникации, представляющие собой целостную, завершённую единицу, с текстом и картинкой [2]. Актуальность их использования на занятиях по культуре речи обусловлена тем, что в них максимально сжато передана актуальная информация, отражающая этнокультурные особенности речевого взаимодействия носителей русского языка, эффективность которой усиливается с помощью невербальных средств.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы

Интернет-мем, характеризующийся вирусной приро-

дой, эмоциональностью, серийностью, становится объектом многоаспектного изучения. Ряд исследователей [3; 4] рассматривают мемы как культурные феномены, так как они отражают события действительности, информируя и провоцируя дискуссию; они транслируют мировоззрение авторов другим пользователям, играя роль в производстве и воспроизводстве культуры [5]. Уделяется внимание и типологии мемов [5], а также функционированию мемов в политическом дискурсе [6; 7].

Е.П. Карташова и А.Р. Ахмедзянова рассматривают интернет-мем как единство иконического знака и подписи, так как в них основную смысловую нагрузку несет не только вербальная часть, но и изображение. Словесный компонент помогает авторам самовыражаться за счет использования различных стилистических приемов, наиболее популярным среди которых является языковая игра [8].

С.В. Канашина, понимая под исследуемым явлением семантически осложненные единицы коммуникации, выделяет в качестве семантических особенностей мемов полимодальность, имплицитность, прецедентность [9]. Анэта Банашек-Шаповалова в качестве жанровых особенностей мема отмечает многофункциональность, способность к мутирующему воспроизведению и ограниченность сферой коммуникации [10].

Изучая комические креолизованные интернет-мемы в русско-, испано- и англоязычной виртуальной коммуникации, Л.С. Гуторенко [11] указывает, что общими универсальными приемами создания комического эффекта являются языковая игра (каламбур, дефразеологизация, квазицитация, юмористические словарные определения), выбор произведений массовой культуры, исторических и современных персоналий, событий и ситуаций в качестве источника прецедентности. Сходна и тематика – политическая, гендерная, конфликта поколений, бытовых и проблемных ситуаций, использование как намеренного, так и случайного орфографического и пунктуационного искажения вербального текста.

Специфика данного жанра делает его привлекательным для методистов, которые все чаще применяют мемы в качестве дидактического материала при изучении иностранных языков [12; 13; 14].

МЕТОДИКА

Формирование целей статьи (постановка задания)

Изучение культуры речи в неязыковом вузе зачастую воспринимается студентами как повторение школьного курса русского языка, что снижает мотивацию обучающихся, поэтому при выборе учебного материала преподаватель должен учитывать особенности мышления и интересы молодого поколения. Современная молодежь, увлеченная развлекательным контентом, проводит много времени в сети, нередко предпочитая интернет-коммуникацию живому общению. И важную роль в этом процессе играют мемы, которые, по мнению Н.В. Часовского, представляют собой разновидность естественной речи, отличающейся неофициальностью, непринужденностью, спонтанностью, непрофессиональностью и вписанием в конситуацию [15]. Поэтому интернет-мемы можно успешно применять в образовательных целях.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В качестве методов исследования были избраны наблюдение, анализ учебного и языкового материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Вербальный компонент интернет-мема наиболее значим с точки зрения лингвистики, так как он имеет языковое выражение, обладает синтаксическими, лексическими и орфографическими особенностями. Использование мемов как дидактического материала в практике преподавания русского языка и культуры речи позволяет акцентировать внимание студентов на различных аспектах языка. Однако важно придерживаться комплексного

подхода при выборе упражнений для работы с языковым материалом, содержащимся в мемах.

Интернет-мемы успешно применяются при повторении лексики и фразеологии и закреплении лексических норм, так как источником мема часто являются фразеологические единицы, крылатые выражения, цитаты и афоризмы. На занятиях учащимся предлагаются различные мемы, которые необходимо проанализировать и назвать языковые явления, которые в них встречаются. Это заимствования, жаргонизмы, окказионализмы, посвященные различной тематике: месяцы и дни недели (*бездельник, повторник, бреда, высплюсень, январель, июбрь, январт*), марок автомобилей (*ладарджини, жу-гузин*), отношений и возникающих эмоций (*люболю, отстанься, крустно*). Это и определение исходного варианта фразеологизма или пословицы. Например, *Любишь кольцо носить, люби в Мордор ходить; Не имей сто рублей, а имей сон весь день; В тихом омуте и черти-интроверты; Сделал тело – гуляй смело; Кто рано встает, тому весь день спать хочется; Лучшее стыдно, чем никогда; Вся жизнь театр, а у тебя нет денег на билет.*

Многочисленные мемы строятся на языковой игре: *Два дня в неделю выходные, а остальные – безвыходные; Не можешь противостоять – противостоишь; Преступность организованная, а ты – нет; Требуется капитан грузового судна. График работы плавающий; Каждая овца мечтает о своем... овечном; Физики шутят: Если человек колеблется – отойдите. Пусть придет в равновесие. Иначе вам придется колебаться вместе. Войдете в резонанс и заколебаетесь оба.* Студентам необходимо определить способ создания комического эффекта.

Нередко составители мемов обращаются к англоязычной лексике, которая попадает в русский язык путем калькирования или аллитерации (*лонгслив, фолловить, хайп, челендж, треш, кринж, рили, скил, таргет, кринж, факап* и пр.), что позволяет провести словообразовательный анализ лексем и выявить наиболее продуктивные способы образования новых слов. В результате грамматической ассимиляции большинство англоязычных слов включается в определенную словоизменительную парадигму: так, типичные для русских глаголов словообразовательные и словоизменительные элементы приобретают слова *лагать, чатиться, ливнуть, чекать, троллить*, а лексемы *геймер, олды, пикапер, лайфхак* и другие приобретают категорию рода и числа, свойственную именам существительным.

Учитывая широкую распространенность заимствований, можно использовать упражнение «Перевод с русского на русский», которое связано с заменой фраз, содержащих подобные жаргонные выражения, нормативными конструкциями: *Омайгад! Мы профакапили все дедлайны!; Когда забанили за читы; Мы пофиксили или оно само починилось; – Она прислала мне селфи прощай заценить ее оуфит. Это пранк? – Кек, быть во френдзоне – полный зашквар!; – Я слышала тебя с Харли шипперят. – Ты ролфишь! Джокер – мой краш, сегодня мы идем чилить!*

Обращение к мемам позволяет также сформировать представление о грамматических, словообразовательных, орфографических, пунктуационных и стилистических нормах русского языка. Студентам предлагаются различные картинки с установкой найти, классифицировать и исправить ошибку в таких предложениях, как: *Тебе не придется закрываться, если ты не будешь открываться; О боже мой это же спойлер; Не зная надежов, не говори глупостей; Сбор ягод, грибов, черных и цветных металлов запрещен; Волосы стыннут в жилах; Мыши кродеться и др.*

Продуктивной является и работа по поиску и созданию собственных лингвистических мемов, связанных с темой занятий. Наиболее популярными программами по генерированию мемов являются MemeGenerator.net, Lol Builder, Imgur, Quick Meme, Meme Center и другие, ко-

торы позволяют создать мем с картинкой пользователя, а также предлагают библиотеку собственных картинок [16].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий в данном направлении

Перед преподавателем непрофильной дисциплины остро стоит проблема поиска новых форм работы, позволяющих заинтересовать обучающихся и повысить их мотивацию. Одной из таких форм является применение интернет-мемов на занятиях по русскому языку и культуре речи в неязыковом вузе. Язык сети Интернет, используемый как дидактический материал, помогает актуализировать и систематизировать знания по различным разделам языка, сформировать и развить лингвистическую компетенцию студентов. Наглядность и визуализация материала позволяет разнообразить занятия, уйти от монотонности и ощущения ненужности изучения дисциплины, а поиск и создание собственных лингвистических мемов позволяет студентам активнее включиться в образовательный процесс и проявить свои творческие способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Морозова О.Н. Особенности интернет-коммуникации: определение и свойства. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-kommunikatsii-opredelenie-i-svoystva>
2. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). С. 84–90.
3. Моисеенко Л.В. Интернет-мем как единица социально-культурного контента // Вестник МГЛУ. 2015. Выпуск 27 (738). С. 104–114.
4. Голубева А.Р., Семилет Т.А. Мем как феномен культуры // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 193–205.
5. Зиновьева Н.А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов: дис. ... к. социолог. н. – СПб, 2016. – 203 с.
6. Ежов Д.А. Политическая семантика интернет-мема // Власть. 2019. № 3. С. 68–73.
7. Канашина С. В. Интернет-мем и политика // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 69–73.
8. Карташова Е.П., Ахмедзянова А.Р. Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «Человека творящего» // Вестник марийского государственного университета. Том. 13. 2019. № 3 (35). С. 426–430.
9. Канашина С.В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Выпуск 16 (811). С. 74–80.
10. Банашек-Шаповалова Анэта Конститутивные признаки жанра интернет-мема в аспекте преподавания РКИ // YEARBOOK OF EASTERN EUROPEAN STUDIES. 2015. № 5. С. 107–119.
11. Гуторенко Л.С. Прецедентность в креолизованных текстах комического характера в современной интернет-коммуникации (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-3 (69). С. 82–85.
12. Писарь Н.В. Интернет-мемы как средство формирования лингвострановедческой компетенции при обучении иностранных студентов и слушателей русскому языку // Педагогика. Вопросы теории и практики. Pedagog. 2020. Том 5. Выпуск 3. С. 326–331.
13. Седярова О.М., Соловьева Н.С., Ненашева Ю.А. Методика работы с интернет-мемами в процессе формирования социокультурной компетенции старшеклассников при обучении иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 451–456.
14. Загоруйко А.О., Ефремова М.А. Потенциал использования интернет-мемов в качестве обучающего средства // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Том 8. № 28. С. 12–21.
15. Часовской Н.В. Интернет-мем как особый жанр коммуникации. – Режим доступа: <https://socionet.ru/d/spr:cyberleninka:31897:15737418/http://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-osobyy-zhanr-kommunikatsii>
16. 10 популярный онлайн-генераторов. – Режим доступа: <https://artimedia.by/blog/10-popular-meme-generators/>

Статья поступила в редакцию 21.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 373

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0037

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ДВИЖЕНИЙ В ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ ШЕСТОГО ГОДА ЖИЗНИ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 7031-1335

AuthorID:798950

ORCID: 0000-0002-2308-5188

ШИНКАРЁВА Надежда Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Психологии и педагогики дошкольного образования»

Иркутский государственный университет

(664053, Россия, Иркутск, улица Нижняя - Набережная, 6, e-mail: shinkaryva@yandex.ru)

ORCID: 0000-0001-7779-7984

ТАРХАНОВА Виктория Сергеевна, бакалавр

Иркутский государственный университет,

(664053, Россия, Иркутск, улица Нижняя - Набережная, 6, e-mail: vika17042015@mail.ru)

Аннотация. Дошкольный возраст является значимым этапом в жизни человека, так как именно в данном периоде происходит активное формирование личности ребенка. В современном мире важно развивать ребенка всесторонне и гармонично, а выразительность движений является одним из признаков гармоничности, потому как обеспечивает баланс всего физического и психического развития. Именно развитие выразительности движений является важным фактором развития ребенка в целом. В данной статье рассматривается вопрос развития выразительности движений детей шестого года жизни в танцевальной деятельности в условиях дошкольной образовательной организации. Для раскрытия актуальности поднятой проблемы рассматриваются теоретические основы и положения разных авторов, представлены результаты исследований на базе детского сада. Содержание статьи основывается на взглядах разных авторов по вопросу развития выразительности движений посредством танцевальной деятельности: В.А. Нижельской, М.В. Логинова и Ю.А. Кондратенко, Е.В. Горшкова. Помимо теоретических обоснований проблемы, статья включает результаты исследования по данной теме, осуществленное в четырех направлениях: изучение уровня развития выразительности движений у детей шестого года жизни, анализ развивающей предметно-пространственной среды, анкетирование педагогов и родителей по вопросу готовности развития выразительности движений.

Ключевые слова: выразительность движений, движения, деятельность, танцевальная деятельность, старший дошкольный возраст, нормативно-правовая основа, федеральный образовательный стандарт дошкольного образования, предметно-развивающая среда, возрастные особенности.

ORGANIZATIONAL-PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF MOVEMENT EXPRESSIVENESS IN DANCING ACTIVITIES IN CHILDREN OF THE SIXTH YEAR OF LIFE

© The Author(s) 2021

SHINKAREVA Nadezhda Alekseevna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department "Psychology and pedagogy of preschool education"

Irkutsk state University

(664053, Russia, Irkutsk, 6, Nizhnyaya-Naberezhnaya street, e-mail: shinkaryva@yandex.ru)

TARKHANOVA Viktoriya Sergeevna, bachelor's degree

Irkutsk state University,

(664053, Russia, Irkutsk, 6, Nizhnyaya-Naberezhnaya street, e-mail: vika17042015@mail.ru)

Abstract: Preschool age is a significant stage in a person's life, since it is during this period that the active formation of the child's personality takes place. In the modern world, it is important to develop a child comprehensively and harmoniously, and the expressiveness of movements is one of the signs of harmony because it provides a balance of all physical and mental development. It is the development of expressive movement that is an important factor in the development of the child as a whole. This article deals with the development of expressive movements of children of the sixth year of life in dance activities in the conditions of a preschool educational organization, the disclosure of the relevance of the problem raised, the theoretical foundations and positions of different authors are considered, the results of research on the basis of a kindergarten are presented. The content of the article contains the views of different authors on the development of expressive movements by means of dance activity: V. A. Nizhelskaya, M. V. Loginova, Yu. A. Kondratenko, and E. V. Gorshkova. In addition to the theoretical foundations of the problem, the article includes the results of research on this topic, carried out in four directions: the study of the level of development of expressiveness of movements in children of the sixth year of life, the analysis of the developing subject-spatial environment, the survey of teachers and parents on the readiness of the development of expressiveness of movements.

Keywords: Expressiveness of movements, movements, activities, dance activities, senior preschool age, regulatory framework, federal educational standard of preschool education, subject-developing environment, age characteristics.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время образование является значимым благом и осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства в целом. Самой главной целью образовательного процесса является всестороннее и гармоничное развитие подрастающего поколения, а значит целостность формирования ее физических, психических, духовных и социальных аспектов.

Независимо от того, что дошкольные учреждения заняли первую ступень образовательного процесса РФ лишь в 2013 г., их деятельность все равно была и остается направлена на разностороннее и гармоничное развитие личности ребенка, учитывая их индивидуальные и возрастные особенности в процессе освоения образова-

тельных программ.

Приоритетной задачей дошкольного образования в соответствии с ФГОС ДО является «...создание благоприятных условий развития детей в соответствии с их индивидуальными и возрастными особенностями и склонностями, развития способностей и творческого потенциала каждого ребенка как субъекта отношений с самим собой, другими детьми, взрослыми и миром» [1].

При изучении особенности развития ребенка дошкольного возраста следует заметить, что именно данный период является значимым этапом в жизни человека, так как именно в дошкольном возрасте происходит активное формирование личности ребенка, а также психическое и физическое развитие.

Ключевыми направлениями развития физических и психических изменений в дошкольном возрасте являются: развитие умственной сферы ребенка; развитие воображения и творческой активности; овладение ритмичной организацией движений в пространстве; развитие движений, выражающихся в грации, изящности, выразительности и легкости. Выделяя одну из главных задач физического воспитания, направленных на освоение двигательных функций и способностью управлять собственными движениями, следует обратиться к вопросу развития выразительности движений дошкольников, которые обеспечивают баланс психического и физического развития.

Одной из наилучших и наиболее эффективных видов деятельности, направленных на развитие выразительности движений, следует считать танцевальную деятельность, осуществление которой производится в рамках воспитания и обучения дошкольников при непосредственном сочетании развития музыкальных способностей и благоприятным эмоциональным воздействием на детей.

МЕТОДОЛОГИЯ

Понятие «деятельность» обширно сформулировано в работах М.С. Кагана, где, по его мнению, человеческая деятельность определяется активностью субъекта, а самого человека стоит рассматривать как субъекта деятельности. В исследованиях М.С. Кагана деятельность разделяется по разным направлениям, к примеру: деятельность на природный предмет; на социальный предмет; деятельность, направленная на другого человека; деятельность, направленная на самого субъекта, то есть на саморазвитие [2].

А.Н. Леонтьев понятие «деятельность» рассматривает, как «...практическое преобразование человеком объективного мира, в результате которого происходит переход объекта в его субъективную форму – в образ, который лежит в основе ориентировки человека в мире» [3].

Танец является основным предметом хореографии, который так эффективно влияет на творческое развитие детей дошкольного возраста. В своей работе А.Е. Тишунина утверждает, что танцевальная деятельность имеет значительное влияние на развитие чувства ритма, правильное восприятие музыки и выразительность движений детей. Само понятие «танец» автор рассматривает, как один из подвидов хореографического искусства, который способствует формированию художественного «Я» дошкольника, и является средством музыкально-пластического и физического воспитания [4].

Физическое воспитание на сегодняшний день занимает немаловажное место в жизни ребенка, куда входит двигательная активность. А в танцевальную деятельность входят разнообразные движения. В своих исследованиях И.В. Ермакшвили трактует понятие «движение», как результат двигательной активности. По его мнению, движение стоит рассматривать, как показатель качественных и количественных изменений в физическом развитии и мотивационно-эмоциональной сфере [5].

В.А. Нижельской в своих работах утверждает, что через движение тела происходит действенная взаимосвязь человека с окружающим миром. Главным средством взаимосвязи является выразительность. Автор предполагает, что через выразительные движения проявляется эстетический характер. В.А. Нижельской рассмотрел понятие «выразительность», которое представляет собой некоторые специфические движения, движения пантомимы, сценические трюки [6].

В работе С.Л. Рубинштейна рассматривается вопрос выразительности движения с точки зрения невербального средства общения и поведения. То есть различные жесты, движения и позы опознаются окружающими по внешним формам и структурам, где проявляется выразительность [7].

Вопрос выразительности движений также рас-

сматривался в исследовании М.В. Логиновой и Ю.А. Кондратенко. Авторы выделяют два самых важных требования к красоте движений: выразительность и содержательность. Воспитывая физически свое тело, можно приобрести способность принимать любые формы и эстетическую естественность тела [8].

В трудах Е.В. Горшковой предполагается, что посредством пластики тела ребенка и выразительности его движений создается образ различных персонажей. Именно образ выразительности перевоплощения является признаком образно-пластического творчества. В данном случае выразительность движения рассматривается, как придумывание разнообразных способов передачи образа, сопровождаемая эмоционально-выразительным исполнением придуманного. Также автор в своей работе выделяет такое понятие, как «двигательно-пластическая выразительность», которое предполагает сочетание следующих составляющих: структурной и пластической выразительности движений. Структурная выразительность движений относится к содержательности движений, то есть воспроизведение движений в соответствии с культурным образцом. Пластическая выразительность движений характеризуется качеством текущего эмоционального проживания и смысловым наполнением движений, то есть это дополнительные штрихи к структурной выразительности движений, которые определяют своеобразие движений ребенка [7].

РЕЗУЛЬТАТЫ

С целью выявления исходного уровня развития выразительности движений детей старшего дошкольного возраста и ресурсных возможностей педагогических условий нами были подобраны диагностические методики, разработаны опросники для педагогов и родителей, экспертные листы оценки развивающей предметно-пространственной среды.

Исследование проводилось на базе МБДОУ города Иркутск. Для выявления исходного уровня выразительности движений детей шестого года жизни были подобраны следующие методики: методика К.В. Тарасовой «Определения чувства ритма у детей старшего дошкольного возраста», методика О.С. Озерецкого и А.Р. Лурия «Психомоторное развитие детей дошкольного возраста» и методика Е.В. Горшковой «Оценка выразительности движений детей старшего дошкольного возраста».

Методики проанализированы по уровню развития выразительности движений в рамках трех направлений: развитие чувства ритма, психомоторное развитие, образно-пластическое развитие и образное перевоплощение, далее выполнив анализ, мы получили следующие результаты.

Результаты первой проведенной методики (К.В. Тарасовой) в контрольной и экспериментальной группе показали нам, что у 44 % детей определен средний уровень развития чувства музыкального ритма, для данного результата характерно, что дети способны повторить простой ритмический рисунок, но недостаточно правильно. То есть они не всегда своевременно сменяли движения под музыку и не всегда проявляли эмоционально выразительный отклик. К низкому уровню было отнесено 31 % ребят, которые в процессе диагностики показали затруднения при выполнении задания. То есть дети допускали большое количество ошибок во время повторения ритмического рисунка, не своевременно сменяли движения под музыку и не проявляли эмоционально выразительный отклик на содержание музыки. Среди испытуемых 25 % детей показали высокий уровень развития чувства ритма, это показывает, что дети способны правильно воспроизвести ритмический рисунок музыки, не допуская при этом ошибок. Они чувствуют музыку и способны двигаться соответственно музыкальному фрагменту, при этом проявляя эмоционально-выразительный отклик во время изменения характера музыки.

Результаты второй проведенной диагностики (О.С.

Озерецкого и А.Р. Лурия) преподнесли нам следующие итоги: 50 % детей находятся на среднем уровне, для данных результатов характерно то, что дети не укладывались в положенное время, то есть, качество выполнения движений компенсировалось скоростью выполнения движений. При увеличении скорости темпа, качество движений детей ухудшалось. Но при более медленном выполнении заданий, когда был повышен контроль над качеством движений, результаты у детей были близки к оптимальному уровню. Среди испытуемых 31 % ребят были отнесены к низкому уровню психомоторного развития, в данном случае ребята испытывали трудности в удержании равновесия, в выполнении движений на координацию, в выполнении движений на мелкую моторику. В основном у детей не получалось точно и правильно выполнять движения: они роняли предметы, касались не той части тела, нарушали положение тела, не удерживая позу. Лишь 19 % обследуемых были отнесены к высокому уровню и имеют оптимальный уровень развития равновесия, координации, мелкой моторики и автоматизации движений ведущей руки. Дети способны четко удерживать равновесие, сохраняя правильное положение тела в течение 15 секунд с закрытыми глазами, умеют с закрытыми глазами указывать на часть тела называемую взрослым, выполнять мелкие и тонкие движения рук, не допуская ошибок.

Результаты проведенного анкетирования с педагогами по определению уровня готовности к развитию выразительности движений у детей шестого года жизни в условиях ДОУ показали, что из опрошенных педагогов:

- к высокому уровню относятся педагоги, набравшие 90 %. Высокий показатель готовности свидетельствует о том, что у педагогов сформированы целостные представления о выразительности движений. Педагоги имеют представления о том, как развивать выразительность движений у детей, какие следует использовать в своей работе методы и приемы, которые будут эффективными для развития выразительности движений, какие условия следует создать для развития выразительности движений. Понимают необходимость совершенствования своих профессиональных знаний, умений и навыков по вопросу выразительности движений.

- к среднему уровню относятся воспитатели, набравшие 75 % и 70 %. Педагоги данного уровня характеризуются сформированностью основных представлений о развитии выразительности движений у детей. Они способны правильно определить выразительность движений, обозначить методы, приемы, средства и условия развития выразительности движений, но отмечают, что работа осуществляется ими недостаточно эффективно, так как им необходимо получение дополнительных знаний по данному вопросу.

- к низкому уровню относятся педагоги, набравшие 45 %. Педагоги плохо ориентируются в вопросах выразительности движений, затрудняются четко определить, что такое выразительность движений, каковы критерии оценки выразительности движений у детей, испытывают трудности в выделении методов, приемов, средств и условий развития выразительности движений. Отмечают неэффективность проводимой работы.

Также в работе при оценке условий развития выразительности движений у детей старшего дошкольного возраста было проведено анкетирование родителей. Анализируя полученные данные, мы пришли к следующим итогам:

- 20 % родителей имеют высокий уровень готовности к развитию выразительности движений детей. На данном уровне родители имеют представления о значении выразительности движений, способны определить выразительное движение, имеют возможность проводить работу по развитию выразительности движений в семье, используя различные игры под музыку, игры на подражание. А также способны проявлять интерес в повышении уровня своих знаний, умений и навыков по данному

вопросу.

- у 30 % из опрошенных родителей определен средний уровень готовности к развитию выразительности движений детей. Показатели данного уровня отличаются тем, что у родителей присутствует желание способствовать развитию выразительности движений у своих детей, но они недостаточно владеют знаниями о вопросе, связанном с выразительными движениями, при этом проявляют интерес к совместной работе, способствующей повышению уровня сформированности данных представлений.

- 50% родителей находится на низком уровне готовности развития выразительности движений детей. Родители с низким уровнем готовности к развитию выразительности движений считают, что развитие выразительности движений является неважной составляющей развития ребенка. Родители не интересуются повышением уровня своих знаний, умений и навыков, не осуществляют развитие выразительности движений у ребенка в семье.

Также в нашем исследовании был произведен анализ, имеющегося уровня оснащенности развивающей предметно-пространственной среды 2 групп для изучения условий развития выразительности движений у детей шестого года жизни. Оценка среды проводилась на основе методических рекомендаций для педагогических работников дошкольных образовательных организаций и родителей детей дошкольного возраста «Организация развивающей предметно-пространственной среды в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования» [1].

Выполнив анализ РППС группы детей шестого года жизни, мы получили следующие результаты: в первой исследуемой группе уровень оснащенности центров музыкального развития и двигательной активности составляет 60 %, а во второй группе 70 %. Данные результаты показали, что изученные группы являются хорошей площадкой для организации видов деятельности, направленных на развитие выразительности движений. А также, стоит отметить, что для эффективной и плодотворной работы по развитию выразительности движений у детей педагогу необходимо поддерживать и вносить новые материалы в центры активности.

ОБСУЖДЕНИЕ

В статье Е.В. Горшковой «Особенности творческого воплощения двигательного-пластического образа детей 5-7 лет» так же поднималась тема развития выразительности движений у детей старшего дошкольного возраста, но отличие заключается в том, что в статье Е.В. Горшковой работа больше направлена на индивидуальную работу по воплощению детьми заданного образа посредством выразительных движений [10].

Содержание методики отличается тем, что работа была направлена больше на эмоции, чувства и особенности характера. У автора статьи отсутствуют результаты исследования педагогов, родителей, развивающей предметно-пространственной среды. Сходство исследований заключается в том, что получены низкие результаты по проведенным диагностикам, это показывает недостаточный уровень развития выразительности движений у детей старшего дошкольного возраста.

ВЫВОДЫ

Таким образом, полученные нами данные в ходе диагностики участников исследования и оценки РППС способствовали определению дальнейшего вектора работы по развитию выразительности движений в танцевальной деятельности у детей шестого года жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения. Данным вектором является повышение уровня осведомленности по данному вопросу родителей и педагогов, а также внесение изменений в предметно-пространственную развивающую среду группы и проектирование комплекса организационно-педагогических условий ДОУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_13/m1155.pdf. Загл. с экрана*
2. Петров И.Ф. *О человеческой деятельности [Текст] // Международный научный журнал символ науки. 2016 - № 3 – С.109-110.*
3. Бороздина Л.В. *Концепция личности и характера, основанная на теории деятельности А.Н. Леонтьева // Национальный психологический журнал. – 2015 – № 4(20). – С. 3-12.*
4. Тишурина А.Е. *Возможности хореографии в развитии творческих способностей детей [Текст] // Психолого-педагогический журнал гаудеамус. 2018 - № 17 (37). – С. 76-80.*
5. Волошина Л.Н., Галимская О.Г., Никулина О.В. *Проблемы формирования самостоятельности и активности старших дошкольников в двигательной деятельности [Текст] // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020 - №4. с. 16-27.*
6. Нижельской В.А. *О физическом и художественном аспектах развития выразительного движения [Текст] // Российская академия театрального искусства ГИТИС. 2016 - № 2 – С. 165-173.*
7. Девшивили Д.М., Н.А. Берштейн – основатель современной биомеханики [Текст] // Национальный психологический журнал. 2015 – № 4 (20). – С. 74-78.
8. Логинова М.В., Кондратенко Ю.А. – *проблема художественной выразительности танца в концепции 20-х гг. [Текст] // Грамота. 2017 - №4 (78). – С. 122-124.*
9. Горшкова Е.В. *О развитии образно - пластического творчества у дошкольников: вопросы теории и практики [Текст] // Журнал современное дошкольное образование 2017 - №7 – С.29-37.*
10. Горшкова Е.В. *Особенности творческого воплощения двигательного-пластического образа детьми 5-7 лет // Современное дошкольное образование. – 2020. - №2 (98). – С. 28-37.*

Статья поступила в редакцию 24.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378.018.43
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0038

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

© Автор(ы) 2021
AuthorID: 448794
SPIN: 7563-3025

ТАТАРИНОВ Константин Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Менеджмент, маркетинг и сервис»

Байкальский государственный университет

(664003, Россия, Иркутск, улица Ленина, 11, e-mail: tatarinov723@gmail.com)

Аннотация. Современное цифровое обучение, основанное на онлайн-методах, имеет много преимуществ по сравнению с общепринятым традиционным (доступ к мультимедийным презентациям и видеолекциям, интерактивные способы оценки результатов и индивидуализированный темп обучения). Мировой рынок IT-обучения развивается стремительно и всё больше фирм внедряют и оптимизируют дистанционное обучение для своих сотрудников. Префикс «е» в слове «E-learning» означает: электронное, лёгкое, экономичное, эффективное и «цепляющее». «Вездесущий» Интернет сегодня даёт возможность людям передавать знания независимо от места и времени, что идеально подходит для цифровой экономики. Российский рынок дистанционного обучения значительно отличается от американского по популярности, ёмкости и техническому развитию. Но большинство отечественных компаний, позитивно воспринимающих реальность, понимают, что для работы в мире, где всё решает квалификация персонала, не вкладывая деньги и время в него, невозможно достичь чего-то значительного. В статье описывается сущность электронного обучения, его преимущества и недостатки, динамика развития и ближайшее будущее. Особое внимание в статье уделено факторам, которые препятствуют внедрению обучения через Интернет в малых и средних фирмах.

Ключевые слова: фасилитатор, электронное обучение, системы создания цифрового контента, цифровое обучение, E-learning, мультимедийные презентации, геймификация, эра Web 3.0, искусственный интеллект, вебинар, онлайн-курсы, прямые эфиры.

E-LEARNING EVOLUTION: PAST, PRESENT, FUTURE

© The Author(s) 2021

TATARINOV Konstantin Anatolyevich, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of
Management, Marketing and Service
Baikal State University

(664003, Russia, Irkutsk, street Lenina 11, e-mail: tatarinov723@gmail.com)

Abstract. Modern digital training based on online methods has many advantages compared to the generally accepted traditional one (access to multimedia presentations and video lectures, interactive methods for evaluating results and an individualized learning pace). The global market for IT-training is developing rapidly and more and more companies are introducing and optimizing distance learning for their employees. The prefix “e” in the word “E-learning” means: electronic, lightweight, economical, efficient and catchy. The ubiquitous Internet today enables people to transmit knowledge regardless of place and time, which is ideal for the digital economy. The Russian market of distance learning significantly differs from the American in popularity, capacity and technical development. But most domestic companies that positively perceive reality understand that to work in a world where the qualifications of personnel decide everything without investing money and time in it, it is impossible to achieve something significant. The article describes the essence of e-learning, its advantages and disadvantages, development dynamics and the near future. Particular attention is paid to factors that impede the introduction of online training in small and medium-sized firms.

Keywords: facilitator, e-learning, digital content creation systems, digital learning, E-learning, multimedia presentations, gamification, Web 3.0 era, artificial intelligence, webinar, online courses, live broadcasts.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Без инвестиций в сотрудников в цифровой экономике невозможно адаптировать бизнес к быстро меняющейся внешней среде [1, с. 14]. Вложения в персонал чаще всего связаны с обучением, которое предполагает применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в виде электронных занятий. Электронное обучение неразрывно связано с технологиями и не может функционировать без них, но ИКТ не являются его сущностью. Рост популярности цифрового обучения связан с компьютеризацией населения страны и госструктур, а также с возрастанием требований к компетенциям сотрудников в коммерческих структурах [2]. Учёные трактуют IT-обучение сегодня очень широко – это разнообразные виды активностей для развития личности с использованием ИКТ (электронные тренинги, игры, блоги, вебинары, конференции, дополненная реальность и т.д.).

Цифровое обучение появилось в 80-е годы прошлого века в самой информатизированной стране мира – США [3, с. 750]. Причиной столь бурного развития данного явления стали географическая разобщённость и наличие множества транснациональных корпораций, которым требовалось ликвидировать высококвалифицированный кадровый дефицит [4, с. 90]. Ещё одним фактором, спо-

собствующим популяризации дистанционного обучения в крупных компаниях, стала значительная экономия на издержках обучения за счёт эффекта масштаба.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

В научных работах настоящее и будущее цифрового образования стало темой для большого числа дискуссий. Отдельные вопросы IT-обучения исследованы в научных статьях В.Ф. Шамшовой, С.Б. Будю, О.Ю. Дигтяр, М.А. Сорочинского, И.Е. Филиппова, Е.В. Сергачевой, А.Н. Афанасьева, Т.М. Егоровой, Т.С. Захаровой, В.Н. Макашовой, Л.М. Вишневой, А.В. Рябкова.

В.Ф. Шамшова, С.Б. Будю рассматривают сетевое взаимодействие организаций в рамках электронного обучения [5, с. 266]. О.Ю. Дигтяр считает, что основной идеей электронного образования является возможность дидактического процесса на расстоянии [6, с. 343]. М.А. Сорочинский анализирует сильные стороны онлайн-обучения (гибкость, адаптивность, интерактивность, индивидуализацию) [7, с. 270]. И.Е. Филиппов описывает компоненты электронного обучения и виды средств учебного назначения [8, с. 383]. Е.В. Сергачева характеризует термины «электронное обучение» и «дистанционное обучение» [9, с. 6]. А.Н. Афанасьев, Т.М.

Егорова приводят основные модели смешанного обучения (ротация станций, гибкая модель, перевёрнутый класс, ротация лабораторий) [10, с. 208]. Т.С. Захарова, В.Н. Макашова делают обоснованный вывод о том, что нет четких критериев оценки качества онлайн-курсов [11, с. 48]. Л.М. Вишнева касается вопроса востребованности дистанционного обучения с элементами геймификации среди студентов [12, с. 35]. А.В. Рябков затрагивает принципы эффективного электронного тестирования (количество попыток, таймер, типы вопросов) [13, с. 30].

МЕТОДИКА

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель статьи заключается в выявлении эволюционных тенденций в электронном дидактическом процессе. Для этого необходимо показать актуальные на сегодня формы цифрового обучения и их будущее развитие.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

В эволюции дистанционного обучения можно выделить пять моделей, отличающихся друг от друга разнообразием дидактического материала и применяемым технологиям:

1. Заочная модель обучения с использованием печатных материалов (листочки, книги, блокноты), которые доставлялись получателям по почте.

2. Мультимедийная модель, в основе которой лежат печатные источники, подкреплённые аудио- и видеоматериалами (кассеты, дискеты).

3. Телекоммуникационная модель синхронного обучения (созвоны по телефону или вебинары в веб-сети).

4. Гибкая модель асинхронного обучения без группировки учеников в классы.

5. Интеллектуальная модель, содержащая в себе все элементы предыдущих (напечатанный и цифровой материал, связь с экспертом, кураторами и другими учениками в любое время).

К наиболее распространённым формам цифрового обучения в гегемонистическом мире авторы относят:

1. Онлайн-курсы, в рамках которых обучаемые получают заранее подготовленную учебную информацию в формате отдельного модуля через десктопный или мобильный интерфейс. Электронные курсы обеспечивают развитие личности как средство обучения (аудио- и видеокассеты, дискеты, компакт-диски, флеш-карты, локальные сервера и облачные вычисления) и как форму предоставления контента (от обычного текстового документа до использования искусственного интеллекта). Современные онлайн-курсы доступны через веб-браузеры или в мессенджерах (приложениях). В самом начале неоригинальные форматы создания онлайн-курсов (только текст на экране монитора или большое количество слайдов) оставили негативное впечатление в умах руководителей компаний и самих студентов. Ведь психологическое желание человека избавиться от скуки и апатии вполне естественно. Сегодня онлайн-курс – это не единственный способ цифровой передачи информации, а составная часть процесса обучения.

2. Вебинар – это двустороннее взаимодействие между экспертом и участниками через интернет с использованием видеохостингов. На вебинарах тренер общается с обучаемыми голосом и видео, а также демонстрирует презентации, графику, фильмы, веб-окна и тексты. Умелое использование всех ИТ-возможностей позволяет преподавателю создать эффект «живой встречи» в аудитории. Время проведения вебинаров может варьироваться от нескольких минут (прямые эфиры в соцсетях) до нескольких часов (полноценные тренинги в специальных вебинарных комнатах). Доступ к записи в любое время сильно популяризирует этот способ обучения.

3. Смешанное обучение предполагает в рамках одного модуля сочетание занятий в традиционном классе с ИТ-обучением. Правильное сочетание большого числа форматов (мобильное, десктопное, традиционное обуче-

ние и практические действия) способствуют усилению образовательного эффекта.

4. Соцсети как инструмент создания контента для бизнеса предполагают использование сайтов соцсетей для создания корпоративных рассылок (например, Senler в Вконтакте) и блогов (например, тематический закрытый аккаунт в Instagram).

5. В массовых открытых онлайн-курсах контент создаётся в процессе самого курса фасилитаторами, а уже затем адаптируется под потребности отдельных студентов. В этих бесплатных курсах пассивно участвуют несколько тысяч людей, которые либо совсем не добавляют свой контент, либо это делают спонтанно.

6. Система управления и администрирования (LMS) электронного обучения формирует учебные модули, расписание, базы данных обучаемых и управляет техническим оборудованием, платежами и геймифицированной успеваемостью. Такие системы позволяют анализировать посещаемость и доходимость тренингов до конца, регистрировать участников и составлять отчёты в автоматическом режиме. К специфическим особенностям LMS-систем можно отнести удобство их использования и степень интеграции с другим программным обеспечением (например, LMS Moodle и АРМ преподавателя в Байкальском государственном университете).

7. Системы создания цифрового контента (LCMS) сейчас не требуют квалификации программиста и позволяют с ними работать на интуитивном уровне после короткого вводного обучения.

8. Системы поддержки производительности интеллектуального труда (EPSS) позволяют экономить деньги компании и время сотрудников через своевременную порционную выдачу заданий, основанных на обучающем материале [14]. Если у работника возникают проблемы с выполнением производственной задачи, то он вводит запрос в систему EPSS и получает обучающие модули из созданных экспертами баз данных.

Цифровое обучение, как и вся ИТ-отрасль, подвержено постоянным преобразованиям. К наиболее важным тенденциям в ИТ-обучении авторы относят:

1. Обучение на протяжении всей жизни, обусловленное увеличением продолжительности трудовой жизни (из-за более позднего выхода на пенсию), быстрыми изменениями во внешнем мире (глобализация экономики, удалённые профессии, интеллектуальный труд) и необходимостью адаптироваться к ним. Все эти явления способствуют росту популярности индивидуализированного электронного обучения.

2. Мобильное обучение через разработку специальных приложений для смартфонов. Мобильные технологии делают обучение простым, максимально удобным и интерактивным. Однако при этом возникают проблемы безопасности конфиденциальных данных о компании.

3. Геймификация в обучении и личном развитии сотрудников предусматривает использование игр [15]. Персонал получает игровые очки за выполненные задания, что способствует развитию творчества и креативности. Программы лояльности, напоминающие компьютерные игры, способствуют удержанию существующих клиентов и их самообучению.

4. Эффективные мультимедийные презентации или съёмка живого тренинга при проведении вебинаров делают обучение более привлекательным или приближённым к реальности.

5. Разделение контента на самые мелкие части (измельчение), что позволяет быстро реагировать на конкретные запросы бизнеса. Пользователь получает доступную информацию в виде электронных книг, статей, аудиоподкастов, видеоматериалов и электронных модулей только по запросу.

6. Привлечение членов сообщества к созданию обучающего контента. К этому решению можно отнести блоги, форумы, группы в соцсетях и сообщества экспертов. Создатель контента делает его общедоступным,

что распространяет ценный практический опыт среди огромного количества людей.

7. Рост специализированных обучающих сайтов, предлагающих образовательный контент за разумную плату. Данный контент очень точно отвечает на нишевые запросы. Например, сайт не про дрессировку собак, а сайт про дрессировку 6-ти месячных щенков далматинцев.

8. Смешение различных форм обучения в одном учебном модуле (графические и анимационные элементы; ссылки на веб-энциклопедии; блоги и группы в соцсетях; компьютерные игры; аудиоподкасты, художественные кинофильмы и т.д.).

9. Постоянное сокращение времени и финансовых затрат на внедрение цифрового обучения в малых компаниях. Все ресурсы собраны в одном месте – в «облаке», поэтому отпадает необходимость нести затраты на IT-специалистов, компьютерное оборудование и программное обеспечение.

Революцией в обучении в ближайшем будущем по мнению авторов станет эра Web 3.0 – технология, обусловленная постоянным доступом к Интернету (например, 5G-связь или бесплатный спутниковый интернет) и предлагающая общение с образовательной системой с искусственным интеллектом [16]. Речь идёт об персональных рекомендациях человеку и подстройке контента под его профиль.

К факторам, с благоприятной стороны влияющим на популяризацию цифрового обучения, относятся развитие удалённой работы в компаниях, расположенных в мегаполисах (из-за транспортных пробок), и внедрение IT-технологий на промышленных предприятиях (например, автоматизированные производственные линии). Обучение через Интернет обладает следующими преимуществами:

1. Электронное обучение может сократить время на усвоение знаний и навыков наполовину, по сравнению с традиционным. Это обусловлено тем, что каждый сотрудник обучается в своём темпе на базе персонализированного учебного материала и непосредственно взаимодействует с наставником и другими участниками группы. Также отсутствуют дополнительные затраты на поездки, проживание, питание и аренду конференц-залов и оплату тренеров. Компания экономит ещё и на неявных издержках, например, «незаконченная работа» в производственной цепочке из-за отсутствия сотрудника на рабочем месте.

2. Образовательный контент независим от внешних факторов (время суток, погода, настроение тренера и участников).

3. Информация в электронном виде может быть представлена очень интересно, что усиливает степень её запоминания и увеличивает размер усваиваемого учебного контента.

4. Мгновенность оценки результатов и индивидуализация взаимодействия сильно повышает вовлечённость в учебный процесс обучающихся [17]. То есть студенты не пассивно получают знания, а становятся их искателями.

К препятствиям, мешающим быстрому распространению IT-обучения среди мелких и средних компаний, авторы относят:

1. Отсутствие внятного ответа на вопрос «Зачем обучать сотрудников?». Если электронное обучение на решает реальные проблемы фирмы, то оно становится упущенной выгодой и ведёт к разочарованию.

2. Непривлекательная подача информации (лекция с презентацией с большим количеством текста и дополнительным голосом).

3. Неполное оснащение программным и техническим обеспечением (динамики, микрофоны, веб-камеры, планшеты и т.д.).

4. Отсутствие технической поддержки IT-специалистов, которые смогут преодолеть трудности в нестандартных ситуациях.

5. Легкость игнорирования онлайн-курсов. Например, сотруднику гораздо проще сказать «много работы», по отношению к 8-ми часовому электронному курсу, чем к двухнедельной командировке за границу на обучение новой технологии.

6. У электронного курса нет текущей адаптации содержания к быстрому изменению потребностей обучаемых в процессе его прохождения. Если в традиционном обучении преподаватель может ответить на вопросы студентов сразу же, то цифровое обучение такого не предполагает. Поэтому очень важно до разработки онлайн-курсов глубоко проанализировать потребности обучаемых.

7. Очень сложно мотивировать к электронному обучению низовый персонал, даже имея очень привлекательный контент, так как такие люди воспринимают обучение как наказание, а не как поощрение.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления.

Ключевой компетенцией в цифровой экономике является способность искать, анализировать и систематизировать контент из различных источников. Технологическое развитие открывает новые возможности для компаний, в том числе и в обучение своих сотрудников [18]. Однако следует различать кратковременные тенденции, которые, вероятно, всего, окажутся фетишными и действительно ценные наработки. Отрасль цифрового обучения уже сейчас требует от руководства компаний адаптации своих стратегических планов к техническому развитию персонала и формированию приверженности к использованию новшеств [19]. Будущее цифрового обучения, при учёте человеческого фактора, выглядит безоблачным [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Былков В.Г. Альтернативные оценки производительности труда в постиндустриальном обществе / В.Г. Былков, Е.А. Белоброва // *Baikal Research Journal*. – 2015. – Т. 6. – № 6. – С. 12-22.
2. Пахаруков А.А. Примерная основная образовательная программа высшего юридического образования как модель реализации компетентностного подхода: вопросы правового регулирования / А.А. Пахаруков // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2016. – Т. 26. – № 1. – С. 115-122.
3. Рудяков В.А. Роль государства в формировании адаптивной эффективности российской экономической системы / В.А. Рудяков // *Историко-экономические исследования*. – 2017. – Т. 18. – № 4. – С. 736-757.
4. Кузнецова Н.В. Требования работников к «идеальному» работодателю / Н.В. Кузнецова, А.В. Антончик // *Global and Regional Research*. – 2019. – Т. 1. – № 3. С. 89-95.
5. Шамшиович В.Ф. Сетевое взаимодействие как условие развития электронного обучения: тенденции и перспективы (региональный аспект) / В.Ф. Шамшиович, С.Б. Будю // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2017. – № 57-9. – С. 258-266.
6. Дигтяр О.Ю. Современные тенденции в цифровом образовании и их применение в учебном процессе / О.Ю. Дигтяр // *Мир науки, культуры, образования*. – 2019. – № 5 (78). – С. 342-344.
7. Сорочинский М.А. Роль электронного обучения в современной системе образования / М.А. Сорочинский // *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки*. – 2017. – № 3 (41). – С. 264-271.
8. Филиппов И.Е. Электронное обучение: понятие, виды и компоненты / И.Е. Филиппов // *Вестник современных исследований*. – 2019. – № 1.6 (28). – С. 382-385.
9. Сергачева Е.В. Электронное обучение (e-learning) и его роль в современном образовании / Е.В. Сергачева // *Образование. Наука. Инновации: Южное измерение*. – 2018. – № 2 (48). – С. 84-92.
10. Афанасьев А.Н. Современные тенденции развития электронного образования / А.Н. Афанасьев, Т.М. Егорова // *Электронное обучение в непрерывном образовании*. – 2017. – № 1. – С. 205-211.
11. Захарова Т.С. Некоторые аспекты качества электронных курсов / Т.С. Захарова, В.Н. Макашова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2018. – № 4. – С. 39-47.
12. Вишнева Л.М. Российский и зарубежный опыт в электронном обучении / Л.М. Вишнева // *Научные записки молодых исследователей*. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 27-36.
13. Рябков А.В. Электронное тестирование как основа электронного обучения / А.В. Рябков // *NovaUm.Ru*. – 2017. – № 6. – С. 29-31.
14. Соколова Л.Г. Программы повышения производительности труда на предприятии / Л.Г. Соколова // *Современные технологии и научно-технический прогресс*. – 2019. – Т. 1. – С. 331-332.
15. Саенко И.И. Геймификация – система обучения для линейных руководителей / И.И. Саенко, К.В. Половинка // *Актуальные вопросы современной экономики*. – 2019. – № 6-1. – С. 188-191.
16. Ускова А.А. Искусственный интеллект или человеческий разум

/ А.А. Ускова, А.В. Поначугин // Вест-ник Воронежского института высоких технологий. – 2018. – № 4 (27). – С. 76-78.

17. Шушина М.Ю. Влияние новых форм организации учебного процесса на уровень вовлеченности студентов / М.Ю. Шушина // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2019. – № 2 (17). – С. 126-133.

18. Комарова О.В. Эффективность корпоративного обучения работников (на примере экономической службы строительной компании) / О.В. Комарова, В.Д. Фоминых // e-FORUM. – 2018. – № 3 (4). – С. 6-21.

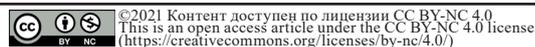
19. Тазов П.Ю. Вопросы цифрового обучения и методы повышения эффективности обучения цифрового поколения в условиях цифровой среды / П.Ю. Тазов // Современные наукоемкие технологии. – 2020. – № 6-2. – С. 385-391.

20. Куцева Н.Б. Цифровое обучение и роль преподавателя высшей школы в реализации электронного обучения / Н.Б. Куцева, В.И. Терехова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 17-26.

Статья поступила в редакцию 13.09.2020

Статья принята к публикации 20.11.2021

УДК 378. 316.468.
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0039

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ В ОБУЧЕНИИ НЕОТЛОЖНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНОГО КУРСА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

© Автор (ы) 2021
SPIN: 2994-5352
AuthorID: 668016
ORCID: 0000-0003-3638-4483
ScopusID: 57193751396

ТИШКОВ Денис Сергеевич, кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой
«Терапевтическая стоматология»

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица Карла Маркса дом 3, e-mail: den-tishkov@yandex.ru)

Аннотация. Зачастую врачам стоматологам приходится сталкиваться с критическими ситуациями в их практике. Общение между врачами, пациентами и медицинским персоналом имеет решающее значение в условиях оказания неотложной медицинской помощи, при этом нарушение этики и деонтологии, плохая подготовка кадров, отсутствие стрессоустойчивости рассматривается как основная причина критических инцидентов и ошибок при оказании первой помощи. Цель настоящего исследования – прагмалингвистическая оценка лидерских качеств в обучении неотложной медицинской помощи, студентов выпускного курса стоматологического факультета. В ходе исследования нами были смоделированы ситуации неотложной и экстренной помощи при острых ситуациях в кабинете врача стоматолога. К таким ситуациям мы отнесли анафилактический шок, гипертонический криз, инфаркт миокарда, приступ эпилепсии. Чтобы изучить сложности взаимодействия внутри специальных медицинских бригад, мы анализируем видеоролики сеансов дебрифинга, которые дают обратную связь о работе практикующих врачей. Все они были записаны на сеансе обучения клиническим навыкам на кафедре терапевтической стоматологии. Мы анализируем, как будущие врачи стоматологи делегируют задачи своим командам, в качестве которых выступают медицинские сестры и персонал клиники, сопоставляя их лингвистические способности, в частности стрессоустойчивость, грамотный подход в сложившейся ситуации, правильность действий, быстроту и отсутствие паники. Из семи кандидатов трое студентов отличники, однако, двое из них неудовлетворительно справились с поставленной задачей. Эти данные указывают на то, что не всегда отличная теоретическая подготовка имеет место быть в неотложных ситуациях без собранности и отсутствия паники. Таким образом, полученные данные позволяют нам установить те типы лингвистического лидерства среди студентов, имеющих высокую академическую успеваемость, которые положительно оцениваются в сложившейся ситуации, следовательно, приписываются успеху.

Ключевые слова: лидерство, успеваемость, педагогика, психология, методы обучения, современное образование, стоматология, неотложные ситуации, прагмалингвистическая оценка, студенты стоматологов, симуляционные практики, стрессоустойчивость, паника.

PRAGMALINGUISTIC ASSESSMENT OF LEADERSHIP SKILLS IN TEACHING EMERGENCY MEDICAL CARE TO GRADUATE STUDENTS OF THE FACULTY OF DENTISTRY

© Author(s) 2021

TISHKOV Denis Sergeevich, candidate of medical Sciences, associate Professor, head of the
Department of «Therapeutic dentistry»
Kursk state medical University

(305041, Russia, Kursk, street Karl Marx st.3, e-mail: den-tishkov@yandex.ru)

Abstract. It often happens that the dentists have to deal with critical situations in their practice. Communication between doctors, patients and medical staff is crucial in the context of emergency medical care, with violations of ethics and deontology, poor training, lack of stress tolerance being considered as the main cause of critical incidents and errors in first aid. The purpose of this study is a pragmalinguistic assessment of leadership practices in teaching emergency medical care to graduate students of the Faculty of Dentistry. In the course of the study, we simulated emergency and emergency situations in acute situations in the dentist's office. These situations include anaphylactic shock, hypertensive crisis, myocardial infarction, and epilepsy. To explore the complexities of interaction within specialist medical teams, we analyze videos of debriefing sessions that provide feedback on the work of practitioners. All of them were recorded during a clinical skills training session at the Department of Therapeutic Dentistry. We analyze how future dentists delegate tasks to their teams, which are nurses and clinic staff, comparing their linguistic abilities, in particular stress tolerance, a competent approach in the current situation, the correctness of actions, speed and lack of panic. Of the seven candidates, three students are excellent students, but two of them did an unsatisfactory job. These data indicate that not always excellent theoretical training takes place in urgent situations without concentration and lack of panic. Thus, the data obtained allow us to establish the types of linguistic leadership among students with high academic performance, which are positively evaluated in the current situation, and therefore attributed to success.

Keywords: leadership, academic performance, pedagogy, psychology, teaching methods, modern education, dentistry, emergency situations, pragmalinguistic assessment, dental students, simulation practices, stress tolerance, panic.

ВВЕДЕНИЕ

Общение между студентами, пациентами и другими участниками имеет решающее значение в условиях оказания неотложной медицинской помощи, при этом плохое общение обычно рассматривается как основная причина критических инцидентов и ошибок во всем мире. Медицинские ошибки, особенно в критических ситуациях, часто связаны с проблемами межпрофессионального общения между членами команды, подчеркивая необходимость проведения лингвистического анализа такого межпрофессионального разговора. В большин-

стве исследований критических инцидентов в профессиональных группах рассматриваются относительно широкие вопросы, например, как разность полномочий между членами клинической бригады может привести к проблемам со связью и отказу в оказании помощи. Такой ретроспективный анализ критических инцидентов, безусловно, иллюстрирует важность коммуникации внутри медицинских бригад, указывая на то, что одной только индивидуальной компетентности и клинических знаний недостаточно для обеспечения безопасности пациентов. Команде, независимо от ее индивидуальных компетен-

ций, необходимо эффективно взаимодействовать вместе, если они хотят обеспечить коллективную компетенцию. Таким образом, это создает сложную роль для медицинских специалистов, возглавляющих такие команды, поскольку они должны способствовать взаимопониманию и общению между всеми членами команды, обеспечивая, в то же время, четкость инструкций, предоставляемых их коллегам [1-8].

Поскольку межпрофессиональное взаимодействие в неотложных ситуациях часто характеризуется таким акцентом на эффективное командное общение и эффективное выполнение совместных задач, изучение того, как задачи распределяются между разными членами межпрофессиональных команд, помогает понять, как лидерство дискурсивно обосновывается и осуществляется. Этот функционально-ориентированный подход, тем не менее, признает перекрытия между определенными типами категорий речевых актов. Поскольку теория речевого акта занимается тем, как различные действия достигаются посредством разговора и различными формами, которые принимают речевые акты, многие авторы публикаций по прагматике пытались выяснить причины, по которым наблюдается такое разнообразие. Среди них теория вежливости, в которой речевой акт запроса рассматривался как внутренне угрожающий лицу, что объясняет, почему запросы часто модифицируются, чтобы уменьшить их угрожающую лицу силу. Таким образом, говорящие могут смягчить просьбу с помощью множества лингвистических стратегий, одна из которых – использование косвенности. Непосредственность речевого акта, в свою очередь, связана с ясностью, с которой выражается его иллокутивная сила, тесно связывая это с лингвистической формой (речью) и определяя косвенные речевые акты как «случаи, в которых один иллокутивный акт осуществляется косвенно посредством выполнения другого» [9-14].

Предположение о том, что прямота оправдана, когда требуется эффективность в неотложных ситуациях, в то время как руководство коммуникативными навыками также подчеркивает необходимость лингвистического устранения асимметрии власти, указывает на ключевое коммуникативное напряжение. В англоязычных странах, где были собраны данные для этого документа, для создания более симметричных отношений между членами команды, особенно в специальных командах, отдельные члены которых, возможно, не встречались раньше, может потребоваться такой тип управления взаимопониманием, который занимает больше времени и считается менее эффективным, чем отдавать прямые приказы. Косвенные и смягчаемые речевые акты, используемые, например, при запросах, являются средством демонстрации взаимного уважения и заботы о чувствах адресатов, особенно между профессионалами, где существует разница во власти, которую необходимо преодолеть для установления открытого общения [15-18].

Средства установления взаимопонимания с пациентами в условиях неотложной помощи были выделены в различных исследованиях, но средства достижения взаимопонимания с другими членами медицинской бригады, которые также способствуют повышению эффективности, недостаточно изучены, особенно в неотложных ситуациях. Однако стоит учитывать, что их исследование предполагает, что работа, выполняемая в условиях неотложной клинической помощи, «зависит от множества других профессиональных знаний и практик [19-20].

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель настоящего исследования – прагматическая оценка лидерских качеств в обучении неотложной медицинской помощи студентов выпускного курса стоматологического факультета. В ходе исследования нами были смоделированы ситуации неотложной и экстренной помощи при острых ситуациях в кабинете врача стоматолога. К таким ситуациям мы отнесли анафилактический шок, гипертонический криз, инфаркт мио-

карда, приступ эпилепсии. Чтобы изучить сложности взаимодействия внутри специальных медицинских бригаад, мы анализируем видеоролики сеансов дебрифинга, которые дают обратную связь о работе практикующих врачей. Все они были записаны на сеансе обучения клиническим навыкам на кафедре терапевтической стоматологии. Мы анализируем, как будущие врачи стоматологии делегируют задачи своим командам, в качестве которых выступают медицинские сестры и персонал клиники, сопоставляя их лингвистические способности, в частности, использование запросов, с тем, как они оцениваются в моделирование в целом. Это позволяет нам установить те типы лингвистического лидерства, которые положительно оцениваются в данной обстановке и, следовательно, приписываются успеху. С помощью детального качественного анализа мы исследуем взаимосвязь между «эффективностью», о чем свидетельствует последующее успешное завершение действия командой, а также использование косвенных и смягчающих запросов, обнаружение, что большое количество косвенных форм успешно используется для выполнения запросов к другим в этой сжатой по времени обстановке.

Обстановка, о которой мы говорим здесь, представляет собой симулированный случай травмы, разработанный, чтобы помочь младшим врачам подготовиться к итоговому экзамену по специальности в области экстренной медицины. Это профессиональная оценка с высокими рисками, которая состоит из нескольких смоделированных задач. Таким образом, подготовительные упражнения, такие как случай имитации аллергической реакции анафилактического типа, рассмотренный в этой статье, являются обычной практикой в работе врача стоматолога. Конкретное упражнение, записанное здесь, представляет собой сценарий, в котором ожидается, что младшие врачи будут управлять небольшой группой специалистов по оказанию неотложной медицинской помощи, готовясь к прибытию пациента с анафилактическим шоком, а затем наблюдая и направляя соответствующую помощь со стороны всех членов команды.

Каждая симуляция и последующая сессия подведения итогов, во время которой участники дают обратную связь о проявлении лидерства младшим врачом, записывались на видео с двух разных углов камеры и дополнялись полевыми заметками, сделанными исследователем, наблюдающим за симуляцией. Для исследователей, имеющих опыт работы в лингвистике и социальных науках, стремление понять институциональную среду, такую как здравоохранение, посредством полевых исследований и взаимодействия с участниками, полезно не только для практических аспектов получения доступа, но и для более глубокого понимания исследовательского опыта.

Оценка лидерских качеств кандидатов, в свою очередь, выражается как в комментариях участников симуляции о работе кандидата, так и в оценках, выставленных обучаемым. После каждого случая наблюдающий консультант просит тех, кто принимает участие в симуляции, оценить лидерские качества обучаемого, поставив ему оценку по шкале от 1 до 5 (5 обозначает высшую оценку), а также комментирует, насколько хорошо они почувствовали, что стажеры управляют командой в целом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Оценки и комментарии, полученные в ответ на каждую симуляцию, использовались в нашем исследовании для выявления высокопрофессиональных и успешных стажеров, а также тех стажеров, чьи лидерские качества были оценены в ходе обучения менее благоприятно. Из семи кандидатов, принявших участие в тренинге, три кандидата были признаны успешными. Все эти кандидаты получили наивысшую оценку 5, а также положительные отзывы от тех, кто оценивал симуляцию травмы. Стажеры с хорошей успеваемостью составляют три члена группы. Они получили оценки от 4,5 до 3,5. Один из стажеров получил значительно меньшую оцен-

ку. Несмотря на то, что после моделирования ни одна оценка не была упомянута, кандидат получил очень негативные комментарии, участники моделирования оценили его как неудачный. В этой статье мы сопоставляем отзывы и оценки, выставленные стажерам врачам, а также общую скорость, с которой они проходят станцию с дискурсивными стратегиями, используемыми ими во взаимодействиях, с упором, в частности, на делегирование задач, выполняемых посредством выдачи запросов.

Важным выводом, выделенным здесь, является наблюдение, что высокоэффективные стажеры, несмотря на частое использование более сложных и длинных лингвистических форм, также выполняли свои задания быстрее всех, выполняя и побуждая других выполнять все задачи, необходимые для успешного завершения. Их более широкое использование косвенных и смягченных запросов тогда сочеталось с успешным достижением клинических целей, изложенных в оценочном листе. Эта связь между акцентом на реляционный аспект взаимодействия и эффективным выполнением задач послужила серьезным контраргументом для утверждения, что использование авторитетного руководства обязательно способствует более эффективному и действенному общению, особенно в неотложных ситуациях. Соответственно, это поставило под сомнение предположения о том, что эффективность и ясность в неотложных ситуациях можно приравнять только к прямоте. Это, в свою очередь, имеет значение для коммуникативных рекомендаций, направленных на одновременное лингвистическое выравнивание иерархии в бригадах неотложной медицинской помощи, а также эффективное и действенное общение при выполнении совместных задач.

ОБСУЖДЕНИЕ

Ситуационный характер качеств, описанных в этой статье, существенно подчеркивает ценность прагматического исследования вопросов, сильно зависящих от контекста, таких как косвенность и взаимопонимание в медицинских контекстах. В этой статье мы надеемся осветить роль, которую играет систематический прагмалингвистический анализ в выяснении того, как ориентированные на задачу аспекты разговора на рабочем месте подкрепляются его межличностным измерением. Прагматика предлагает средства замысловатого наброска механики лидерской деятельности посредством детального анализа производства речевых актов и роли, которую играет не прямота и смягчение последствий в успешном выполнении задач. Анализ лингвистических стратегий, используемых младшими врачами в симуляциях, в сочетании с доказательствами их общей эффективности в руководстве клинической командой, обеспечивает решающее понимание того, что представляет собой эффективное общение при выполнении срочных задач.

ВЫВОДЫ

Таким образом, благодаря такому лингвистическому подходу в статье дается более широкое теоретическое понимание вежливости и косвенности. Анализ данных, собранных в условиях чрезвычайной ситуации, предоставил эмпирическую основу для оспаривания теоретического утверждения о связи непосредственности с эффективностью в неотложных ситуациях. Как показано в документе, быстрое и эффективное выполнение задач часто достигается за счет использования косвенных и смягчаемых запросов, которые часто принимают более сложные формы, чем их прямые и явные эквиваленты. Это ставит под сомнение предыдущие предположения о том, что срочность задачи может оправдать отказ от использования стратегий построения взаимопонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Penman J., & Oliver, M. Meeting the challenges of assessing clinical placement venues in a bachelor of nursing program // *Journal of University Teaching & Learning Practice*, 2017, P. 60–73.
2. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // *Journal on the Horizon*, 2019, 6 p.
3. Тишков Д.С. Внедрение глобального обучения и межкультурных

знаний и компетенций в практике врача стоматолога для повышения онкопестороженности. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. - Т. 9. - № 4 (33). - С. 237-240.

4. Аверченко Л. К. Дистанционная педагогика в обучении взрослых // *Философия образования*. - 2016. - № 6 (39). - С. 322-329.

5. Johnson G, Byun R, Foster K, et al. A longitudinal workforce analysis of a Rural Clinical Placement Program for final year dental students // *Aust Dent J*, 64 (2019), pp. 181-192

6. Бородина К.М. Социальная тревожность, как фактор снижения успеваемости студентов // *Региональный вестник*. 2019. № 22 (37). С. 7-8.

7. Тишков Д.С. Изучение представлений преподавателей об инклюзивном образовании студентов стоматологического факультета. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. - Т. 9. № 4 (33). - С. 244-246.

8. Likert R. A technique for the measurement of attitudes // *Archives of Psychology*. 1916. 1–53p

9. Hassan N., Hassan T. Female students get more marks as compared to male students: a statistical study // *J Business Finance Affairs*, 5 (2016), pp. 4-10

10. Мишина В.Ю., Эренпраут Е.Н. Формирование познавательного интереса посредством профессиональной направленности предмета математики // В сборнике: *Актуальные проблемы развития среднего и высшего образования. XIII межвузовский сборник научных трудов*. Челябинск, 2017. С. 112-115.

11. Голуб В.В. Интеграция структуры и содержания как основа многоуровневого непрерывного образования. В сборнике: *Science: discoveries and progress. Proceedings of articles II International scientific conference*. Editors F.I. Kevlja, M.A. Derho, T.F. Kosyreva, S.S. Kugaevskij. 2017. С. 329-339.

12. Гасанова К.А. Проблемы педагогики семейного воспитания: генезис становления в истории педагогики // *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки*. 2018. № 4 (46). С. 290-294.

13. Ajai J.T., Imoko B.I. Gender differences in mathematics achievement and retention scores: a case of problem-based learning method // *Int J Res Edu Sci*, 1 (1) (2016), pp. 45-50

14. Martin F., Ritzhaupt A., Kumar S. Award-winning faculty online teaching practices: course design, assessment and evaluation, and facilitation // *Internet High Educ*, 42 (2019), pp. 34-43

15. Мочалина О.В. Жизнь в стране культуры. Педагогика культуры - педагогика служения // В сборнике: *Осознание Культуры - залог обновления общества. Перспективы развития современного общества*. Материалы XX Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 125-130.

16. Ракова Т.В., Тишков Д.С., Петягина И.Н. Роль творческого мышления в профессиональной деятельности врачей-стоматологов // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 2-1. С. 89-92

17. Тишков Д.С. Создание концептуальной игры, облегчающей запоминание сложной терминологии // *Карельский научный журнал*. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 41-43.

18. Goh P.S., Sandars J. A vision of the use of technology in medical education after the COVID-19 pandemic // *Med Ed Publish*, 12 (2020), pp. 25-29

19. Kolbaek D. Problem-based learning in the digital age // *CELDA*, 54 (2018), pp. 24-29

20. Fontanillas T.R., Carbonell M.R., Catusis M.G. E-assessment process: giving a voice to online learners // *Int J Edu Tech Higher Edu*, 13 (2016), p. 20

Статья поступила в редакцию 09.03.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 37:159.9:378:61
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0040

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 3813-8010

AuthorID: 452040

Scopus ID: 37075972700

ORCID: 0000-0002-2725-6482

ТКАЧЕНКО Павел Владимирович, доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой нормальной физиологии, директор научно-исследовательского института физиологии
Курский государственный медицинский университет
(3050004, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3 e-mail: pwtkachenko@rambler.ru)

AuthorID: 917482

SPIN: 3306-1212

ORCID: 0000-0001-5299-6100

БЕЛОУСОВА Надежда Игоревна, ассистент кафедры нормальной физиологии
Курский государственный медицинский университет
(305004, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3 e-mail: sokolowa.nadia@yandex.ru)

AuthorID: 918218

SPIN: 6064-8858

ORCID: 0000-0002-2547-1701

ПЕТРОВА Елена Владимировна, ассистент кафедры нормальной физиологии
Курский государственный медицинский университет
(305004, Россия, Курск, улица Карла Маркса, 3 e-mail: lepetra@mail.ru)

Аннотация. В современном мире любой вид деятельности, осуществляемой преподавателями высшей школы, в том числе и профессионально-педагогическая, проявляется в виде сложного и противоречивого взаимодействия субъектов педагогического процесса друг с другом и с окружающей средой. В первую очередь основа деятельности преподавателя связана с нормами и положениями, которые закрепляют определенный порядок действия и требуют эффективных, целесообразных и направленных решений при возникновении трудностей и не стандартных ситуаций. Не вызывает сомнений, что преподаватель высшей школы является и наставником, способствующим формированию личности обучающегося. В роли наставника может рассматриваться только тот преподаватель, который способен произвести положительное впечатление, основанное на умелом владении теоретическими знаниями и методическим инструментарием, а также обладающий профессионально-значимыми качествами, визуальной привлекательностью, имеющий собственный образ мышления, ценности, жизненные интересы, что в совокупности создает гармоничный образ в целом. В образовании немаловажное значение имеют индивидуально-типологические свойства личности преподавателя, обеспечивающие его успешную образовательную деятельность. В статье проанализированы индивидуально-типологические свойства личности преподавателя на кафедре нормальной физиологии Курского государственного медицинского университета и их влияние на образовательную деятельность.

Ключевые слова: индивидуально-типологические свойства, когнитивный стиль, имидж преподавателя, наставничество.

TYPOLOGICAL FEATURES OF A HIGH SCHOOL TEACHER

© The Author(s) 2021

TKACHENKO Pavel Vladimirovich, doctor of Medical Sciences, associate Professor, head of the department of normal physiology, director scientific-research Institute of physiology
Kursk State Medical University

(305004, Russia, Kursk, Karl Marx Str., 3 e-mail: PWTkachenko@rambler.ru)

BELOUSOVA Nadezhda Igorevna, assistant of the department of normal physiology
Kursk State Medical University

(305004, Russia, Kursk, Karl Marx Str., 3 e-mail: sokolowa.nadia@yandex.ru)

PETROVA Elena Vladimirovna, assistant of the department of normal physiology
Kursk State Medical University

(305004, Russia, Kursk, Karl Marx Str., 3 e-mail: lepetra@mail.ru)

Abstract. In the modern world, any type of activity carried out by teachers of higher education, including professional and pedagogical, manifests itself in the form of a complex and contradictory interaction of the subjects of the pedagogical process with each other and with the environment. First of all, the basis of the teacher's activity is connected with the norms and regulations that fix a certain order of action and require effective, expedient and directed solutions in the event of difficulties and non-standard situations. There is no doubt that a high school teacher is also a mentor who contributes to the formation of the student's personality. Only the teacher who is able to make a positive impression, based on the skillful possession of theoretical knowledge and methodological tools, as well as having professionally significant qualities, visual attractiveness, having their own way of thinking, values, and life interests, which together creates a harmonious image as a whole, can be considered as a mentor. In education, the individual typological properties of the teacher's personality, which ensure his successful educational activity, are of no small importance. The article analyzes the individual-typological properties of the teacher's personality at the Department of Normal Physiology of the Kursk State Medical University and their impact on educational activities.

Keywords: individual-typological properties, cognitive style, teacher image, mentoring

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире любой вид деятельности, осуществляемой преподавателями высшей школы, в том числе и профессионально-педагогическая, проявляется в виде сложного и противоречивого взаимодействия субъектов педагогического процесса друг с другом и с окружающей средой. В первую очередь основа деятель-

ности преподавателя связана с нормами и положениями, которые закрепляют определенный порядок действия и требуют эффективных, целесообразных и направленных решений при возникновении трудностей и нестандартных ситуаций [1; 2]. Не вызывает сомнений, что сегодня увеличилось количество требований к преподавателю как к специалисту и его личности, поскольку

его профессиональная деятельность требует творческих решений, ответственности и индивидуального подхода как к организации учебного процесса, так и к обучающимся. В этих условиях все больше практическую и теоретическую значимость приобретают проблемы формирования профессионального имиджа преподавателя. Модернизация системы образования направлена на совершенствование образовательных услуг, что неизменно должно вести к росту качества образовательных услуг и изменению требований к тем, кто оказывает данные услуги. В первую очередь данное изменение касается преподавателя как гаранта качества образования, что стало абсолютно очевидным в условиях перехода на дистанционное обучение при вирусной пандемии [3-6].

Профессионально-педагогическая деятельность преподавателя высшей школы включает две важные составляющие: объективную – приемы и методы работы, обеспечивающие наилучшую подачу и усвоение материала обучающимися, субъективную – это личностные качества и способности, характеризующие умение использования тех или иных методов и приемов работы. Очень часто преподаватель, владеющий индивидуальным стилем, в своей работе опирается на традиционные и инновационные формы обучения. Все это формирует соответствующие компетенции, которыми должен владеть педагог и которые он должен совершенствовать в процессе профессиональной деятельности [5; 7; 8].

Не вызывает сомнений, что преподаватель высшей школы является и наставником, способствующим формированию личности обучающегося. В роли наставника может рассматриваться только тот преподаватель, который способен произвести положительное впечатление, основанное на умелом владении теоретическими знаниями и методическим инструментарием, а также обладающий профессионально-значимыми качествами, визуальной привлекательностью, имеющий собственный образ мышления, ценности, жизненные интересы, что в совокупности создает гармоничный образ в целом [2; 9].

В профессиональной литературе представлен ряд личностных принципов, которыми должен руководствоваться преподаватель:

1. Доверие преподавателя обучающимся. Особенно важен данный принцип в самостоятельной работе обучающихся, являющейся основой высшего образования.
2. Помощь в постановке целей и задач перед каждым занятием.
3. Формирование мотивации к изучению преподаваемой дисциплины.
4. Источник жизненного опыта для обучающегося.
5. Развитие способности чувствовать эмоциональное состояние обучаемой группы.
6. Обеспечение активного участия каждого обучающегося в группе.
7. Достижение эмпатии, позволяющей понимать чувства и переживания каждого обучающегося [10].

Принимая во внимание все вышеперечисленное, можно сформировать три вида способностей преподавателя высшей школы: дидактические, академические, перцептивные [4; 11].

Дидактические способности это способности преподавателя доступно передавать обучающимся учебный материал, донести ясно и понятно преподаваемый материал, возбуждать у обучающихся активную самостоятельную мысль. Под академическими способностями понимают способности преподавателя к соответствующей области науки, т.к. в медицине ценно не только знание предмета в объеме, ограниченном рабочей программой дисциплины, а более широко за счет отслеживания открытий в медицине и интереса в областях медицины в целом [12]. Перцептивными способностями называют способности преподавателя использовать психологическую наблюдательность в работе, связанную с тонким пониманием личности обучающегося и его временных психологических состояний. И здесь на первый

план выходят некоторые особенности определяемые психофизиологическими и дифференциально психофизиологическими процессами. Речь может идти об индивидуально-типологических характеристиках процессов в центральной нервной системе, обуславливающих и типы высшей нервной деятельности, и принадлежность к тому или иному когнитивному стилю [13-15].

Составной частью индивидуально-типологического подхода к изучению личности преподавателя высшей школы являются антропологопсихологические идеи, связанные с изучением изменчивости в его психике в связи с важнейшими антропологическими характеристиками: полом, возрастом, особенностями строения, типом нервной системы, темперамента, стихийно осуществляемой профессиональной деятельностью (Б.А. Никитюк) [16].

Следовательно, в образовании немаловажное значение имеют индивидуально-типологические свойства личности преподавателя, обеспечивающие его успешную образовательную деятельность [17].

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью нашей работы явилось исследование индивидуально-типологических свойств личности преподавателя на кафедре нормальной физиологии Курского государственного медицинского университета и их влияние на образовательную деятельность. На основании добровольного информированного согласия приняли участие в эксперименте 15 преподавателей кафедры нормальной физиологии. Учитывался возраст, стаж работы и индивидуально-типологические особенности личности. Использовали психофизиологическое тестирование, учитывающее силу нервной системы, подвижность возбуждения, подвижность торможения, «внешний» баланс. Далее был проведен тест Л. Ребекка на оценку когнитивного-деятельностного стиля у испытуемых.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проанализирован возраст и стаж испытуемых. Установлено, что наибольшее количество научно-педагогических работников на кафедре в возрасте 45-55 лет, стаж работы которых составляет в среднем 27 лет. На втором месте по числу испытуемых группа в возрасте 25-35, стаж работы которых составляет в среднем 7 лет. Далее равное количество преподавателей в возрастной группе 36-45 лет и 56+, стаж работы которых составляет 17 и более 30 лет соответственно. Превалирование средней возрастной группы и группы молодых преподавателей свидетельствует о преобладании на кафедре нормальной физиологии Курского государственного медицинского университета преподавателей разных возрастов и поколений, что не исключает принципов наставничества.

При изучении психофизиологических свойств личности установлено, что преобладающей сенсорной модальностью вне зависимости от возраста у преподавателей по нормальной физиологии является сочетание зрительной, слуховой и кинестетической модальностей (рис.1).

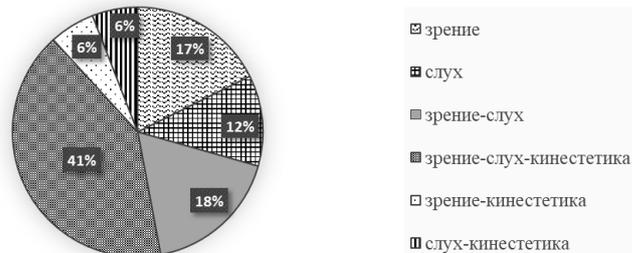

Рисунок 1 – Сенсорные модальности преподавателей кафедры нормальной физиологии

Исследуя подход к осуществлению трудовой деятельности, установлено, что большинство преподавателей в возрасте старше 45 лет используют жестко регламентированный подход к работе, что обеспечивает структурирование производственного процесса, ориентирование на результат. По мнению большинства авторов, такие люди

– серьезные работники, которые не хотят и не могут отнестись к работе как к игре. Большинство работников возраста до 45 лет используют балансирование между жестко регламентированным и нерегламентированным подходами, что обеспечивает свободу в рамках заданной структуры производственного процесса и позволяет выйти из него без особого стресса. Особых отличий в группе разного возраста в ходе опроса по оценке стиля мышления выявлено не было. У большинства преподавателей показатели между аналитическим и синтетическим стилями мышления оказались приблизительно равными, что, очевидно, позволяет легко оперировать общими категориями и логическим анализом частностей.

Установлено, что большинство преподавателей кафедры имеют высокую лабильность и подвижность нервной системы, при этом данная тенденция установлена для всех педагогов в возрастных группах до 56 лет. В группе преподавателей возраста 56+ преобладает инертность и слабость нервной системы, а также торможение по «внешнему» балансу.

ОБСУЖДЕНИЕ

В литературных источниках актуальным вопросом является изучение индивидуально-типологических свойств преподавателя. Однако, потенциально – сколько педагогов, столько индивидуальностей. Поэтому «тип индивидуальности» преподавателя высшей школы следует понимать, как устойчивую сумму тех или иных черт и свойств субъективности, но не ее целостный образ. Изучение психофизиологических особенностей позволяет трактовать индивидуально-типологические свойства как устойчивую и в то же время динамическую систему внутренних характеристик, качеств человека и внешних проявлений, являющихся основанием присутствия только конкретному человеку моделей поведения в различных ситуациях, направленных на привлечение к себе внимания и обеспечивающих результативность в решении личностных и профессиональных задач. Данные составляющие имеют немаловажное значение работы в коллективе [16; 18; 19].

По мнению М. Русалова, взаимодействие в работе осуществляется лучше в том случае, если партнеры по работе имеют противоположные типологические особенности. Так, на примере кафедры нормальной физиологии установлено, что разные возрастные категории преподавателей формируют разнообразные подходы в работе. По нашему мнению, это и обеспечивает успешность выполнения работы на кафедре. Консервативный подход возрастной группы преподавателей компенсируется современными методами и подходами в обучении у педагогов более молодой возрастной группы. Что и было определено в нашем исследовании [9].

По мнению Х. Пикалова, сплоченность коллектива достигается в тех случаях, если общие задачи осуществляются подгруппами, подобранными по противоположным свойствам темперамента. Данный принцип взаимодействия лежит в основе слаженной работы педагогического коллектива кафедры нормальной физиологии [19].

ВЫВОДЫ

Вызов современной системы образования заключается в позиции формирования различного вида универсальных учебных действий, что в свою очередь ставит перед педагогами вопрос о совмещении предметных знаний, умений и практического опыта. Педагог же по-прежнему остается модератором образовательного процесса и занимает основополагающую роль в формировании компетенций дальнейшей профессиональной деятельности обучающихся.

Таким образом, большинство преподавателей кафедры в процессе обучения используют три вида чувств: зрительную, слуховую и кинестетическую модальности. Следовательно, большинство педагогов кафедры полагаются на свою зрительную память, стремятся к разговорной и слуховой активности, а также к моделированию и практическим экспериментам. Гибкая вариация из трех

сенсорных модальностей позволяет широко их использовать в профессиональной деятельности, что несомненно является преимущественным в условиях современных вызовов в системе высшей школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Макарова Л.Н. Индивидуально-типологические особенности преподавателя вуза // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №5 (051). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-tipologicheskie-osobennosti-prepodavatelya-vuza> (дата обращения: 07.06.2021).
2. Norqvist L., Leffler E. Learning in non-formal education: Is it «youthful» for youth in action? // International Review of Education. 2017. № 63 (2). P. 235-256. DOI: 10.1007/s11159-017-9631-8
3. Соколова Н.И., Петрова Е.В., Ткаченко П.В. Особенности когнитивно-деятельностного стиля у обучающихся стоматологического факультета // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 249-251.
4. Макарова Л.Н. Индивидуальность и типология преподавателя вуза: возможности взаимосвязи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 11 (163). С. 14-21.
5. Dabbagh N., Fake H. College students' perceptions of Personal Learning Environments through the lens of digital tools, processes and spaces // Journal of New Approaches in Educational Research. 2017. № 6 (1). P. 28-36. DOI: 10.7821/naer.2017.1.215
6. Dabbagh N., Kitsantas A. Personal Learning Environments, social media, and self-regulated learning: A natural formula for connecting formal and informal learning // The Internet and higher education. 2012. № 15 (1). P. 3-8. DOI: 10.1016/j.iheduc.2011.06.002
7. Борисова Е. Качественное моделирование системы образования // The Scientific Heritage. 2020. № 51-3 (51). С. 10-16.
8. Белякова Е.Г., Захарова И.Г. Взаимодействие студентов вуза с образовательным контентом в условиях информационной образовательной среды // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 3. С. 77-105.
9. Сытая Н.П. Индивидуально-типологические особенности творчески работающих учителей в аспекте их личности и результативности профессиональной деятельности // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2016. Т. 6. № 2. С. 118-134.
10. Smeyers P., Depaepe M. The Lure of Psychology for Education and Educational Research // The Journal of Educational Philosophy, 2012. 46, pp. 315-331.
11. Ревенко Е.М. Изменение критериев оценивания учащихся как условие повышения мотивации к урокам физической культуры // Образование и наука. 2016. № 1 (130). С. 118-132.
12. Савин С.З., Казеннов В.Е., Левкова Е.А., Будницкий А.А. Психологические компоненты информатизации образовательного процесса // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 1. С. 123.
13. Weiner B. Interpersonal and intrapersonal theories of motivation from an attributional perspective // Educational Psychology Review, (2000). 12, pp. 1-14.
14. Лехтянская Л.В., Римская Т.Г. Психофизиологические факторы, составляющие основу трудовой деятельности человека // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-3. С. 509-511.
15. Cameron J., Pierce W.D., Banko K.M., Gear A. Achievement-based reward and intrinsic motivation: A test of cognitive mediators // Journal of Educational Psychology. - 2005. - 97, 641-655 p.
16. Лапунова А.В., Тюмина Н.С. Теоретические аспекты профессионально-педагогического общения в вузе // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 2. С. 75.
17. Terrazas-Marin R. A. Developing non-formal education competences as a complement of formal education for STEM lecturers // Journal of Education for Teaching. 2018. № 44 (1). P. 1-6. DOI: 10.1080/02607476.2018.1422613
18. Jenkins G. From formal to non-formal Education, Learning and Knowledge. [Book Review] // Australian Journal of Adult Learning. 2017. № 57 (2). P. 302-305. Available from: <https://search.proquest.com/openview/bcc8315aa44c8bd7a44bdaef18625ef5/1?pq-origsite=gscholar&cbl=25751>
19. Стародубцев В. А., Исаева Е. В. Повышение квалификации НПП: персонализация профессионального образования // Высшее образование в России. 2017. № 208 (1). С. 93-98 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://vovr.elpub.ru/jour/article/view/928/849>

Статья поступила в редакцию 13.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 37.015

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0041

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ О БУДУЩЕМ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 6989-5374

AuthorID: 456017

ORCID: 0000-0001-5525-7645

ТУЧИНА Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и психологии

Кубанский государственный технологический университет,

(350072, Российская Федерация, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: tuchena@yandex.ru)

ORCID: 0000-0001-6015-7390

БАФАНОВА Валентина Евгеньевна, студент

Кубанский государственный технологический университет,

(350072, Российская Федерация, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: valya.bafanova.99@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-1759-2757

ЧЕМУЛОВА Алена Валерьевна, студент

Кубанский государственный технологический университет,

(350072, Российская Федерация, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: chemulovaa@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая модель формирования образа будущего, определяющая его как социально-психологическую установку по отношению к будущему, включающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспект в контексте социальных явлений. Целью исследования является концептуализация, эмпирическое исследование и анализ социально-психологических предикторов репрезентации будущего молодежи в условиях неопределенности. Решение данной задачи связано с исследованием ключевых социально-психологических факторов восприятия подростками и молодежью глобальных, национальных, локальных рисков современного мира. В результате реализации проекта предполагается создание интегративного подхода к исследованию образа будущего, что будет способствовать всестороннему исследованию данного феномена и выполнять прогностическую функцию. Результаты исследования представляют значимость для социального и экономического прогнозирования развития региона, позволяя определить, как представляют свое будущее молодежь, как их жизненные планы связаны с будущим страны и региона.

Ключевые слова: образ будущего, когнитивный, эмоциональный, поведенческий аспект представления о будущем, социальная идентичность, риски, интегративный подход.

YOUNG PEOPLE'S VISION OF THE FUTURE IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY: RESEARCH OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

© The Author(s) 2021

TUCHINA Oksana Roaldovna, doctor of psychological sciences, head. Department of History, Philosophy and Psychology

Kuban State Technological University,

(350072, Russian Federation, Krasnodar, Moskovskaya St., 2, e-mail: tuchena@yandex.ru)

BAFANOVA Valentina Evgenievna, student

Kuban State Technological University,

(350072, Russian Federation, Krasnodar, Moskovskaya St., 2, e-mail: valya.bafanova.99@mail.ru)

CHEMULOVA Alena Valerievna, student

Kuban State Technological University,

(350072, Russian Federation, Krasnodar, Moskovskaya St., 2, e-mail: chemulovaa@yandex.ru)

Abstract. The article deals with the theoretical model of the formation of the image of the future, which defines it as a socio-psychological attitude towards the future, including the cognitive, emotional and behavioral aspects in the context of social phenomena. The aim of the study is to conceptualize, empirically investigate and analyze the socio-psychological predictors of the representation of the future by young people in conditions of uncertainty. The solution of this problem is connected with the study of the key socio-psychological factors of the perception of global, national, and local risks of the modern world by adolescents and young people. The results of the project are expected to create an integrative approach to the study of the image of the future, which will contribute to a comprehensive study of this phenomenon and perform a predictive function. The results of the study are important for the social and economic forecasting of the region's development, allowing us to determine how young people imagine their future, how their life plans are related to the future of the country and the region.

Keywords: image of the future; cognitive, emotional, and behavioral aspects of the concept of the future; social identity; risks; integrative approach.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Особенностью жизни современного человека стала стремительно возросшая неопределенность, характеризующаяся неясностью настоящего и непредсказуемостью будущего, недостатком знаний о текущих событиях и условиях, в которых будет протекать жизнь. Соответственно, исследование проблемы формирования образа будущего молодежи в условиях неопределенности представляет существенный теоретический и практический интерес в сегодняшних реалиях. Теоретические проблемы связаны с недостаточным пониманием процессов, происходящих

в молодежной среде, когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей различных категорий молодежи. Прикладные проблемы связаны, прежде всего, с недостаточной эффективностью работы по предупреждению и коррекции девиантных форм поведения молодежи, таких как молодежная преступности, экстремизма и деструктивных форм политической активности. В общем социокультурном пространстве, формируемом глобальными транснациональными процессами, российская молодежь обладает собственной мировоззренческой и поведенческой спецификой, понимание которой необходимо для выстраивания сбалансированной и эффективной национальной молодежной политики.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обобщаются авторские вычисления неразрешенных ранее частей общей проблемы

Исследование представлений о будущем является междисциплинарной проблемой, затрагивающей предметное поле педагогики, психологии, социологии, политологии. В общественно-политических науках образ будущего рассматривается в контексте политического дискурса [1-2] политико-лингвистического анализа [3], в рамках различных аспектов имиджевой проблематики (ранжирование и содержательное оформление структурных элементов имиджа, технологии формирования, факторы воздействия и т. д.) [4]. Ряд исследователей пытаются вписать образ будущего России в контекст процессов глобализации и взаимоотношений с Западом [5], концепции социального гуманизма [6].

В психологии проблема формирования представлений об индивидуальном будущем изучалась в контексте включения прошлого и будущего в настоящее и их существования в нем [7], в рамках исследования особенностей организации психологического времени [8], жизненного пути личности [9], в контексте изучения долгосрочной ориентации личности [10-11].

Исследования представлений о групповом будущем проводились в рамках символического интеракционизма Дж.Г. Мида, понимающей социологии А. Шюца и социального конструкционизма. Групповое отношение к будущему рассматривается как конструирование совместной временной перспективы, связывающей членов группы как современников. В рамках социологии и социальной психологии риска коллективные представления о будущем рассматриваются с точки зрения социокультурных механизмов, конструирующих массовые страхи и ожидания [12]. В основе психологии риска лежат культурная теория восприятия рисков, рассматривающая социальные ценности и нормы в качестве призмы, сквозь которую человек оценивает вероятность рисков и их последствия [13-14], концепция амплификации риска, где внимание к рискам зависит от групповых представлений о мире, культурных и политических ценностях информационных каналов [15-16].

Тематикой исследований последних лет стала проблема изучения факторов жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков: групповая идентификация и просоциальные установки, оценка опасности социального мира, убеждение в своей способности влиять на будущее [17-18], а также представления о мире как предикторы отношения к рискам: вера в справедливость, надежда, оптимизм [19], социальная ответственность [20]. Изучаются связи коллективной памяти с коллективным образом будущего: защита позитивной групповой идентичности, позитивные коллективные переживания в связи с чувством прошлого, механизмы совладания с коллективной (культурной) травмой, самосбывающиеся и самоотменяющиеся пророчества, коллективный защитный пессимизм [21-23].

Значимой проблемой для исследования образа будущего являются коллективные чувства и коллективные эмоции. В современных исследованиях выделены типы коллективных эмоций, проанализирована их связь с травмирующими событиями, описана динамика коллективных эмоциональных состояний при переживании коллективной травмы, их роль при совладании с травмой, связь коллективных эмоций с групповой идентичностью [24].

Исследования выявили, что способы репрезентации будущего зависят от целого ряда социальных и социально-психологических факторов: социально-экономического статуса, образа жизни семьи, образования, ценностей, отношения к прошлому и особенностей социальной идентичности [25-27].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель исследования: на основе анализа существую-

щих подходов к исследованию образа будущего сформулировать интегративный подход к созданию модели формирования образа будущего молодежи. Реализация цели связана с исследованием ключевых социально-психологических факторов восприятия подростками и молодежью глобальных, национальных, локальных рисков современного мира. Новизна предлагаемого подхода связана с его междисциплинарностью, предполагающей создание модели формирования образа будущего подростков и молодежи в когнитивном, эмоциональном и поведенческом измерениях.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В качестве теоретико-методологической основы исследования представлений о будущем мы рассматриваем психосоциальный подход к изучению коллективного субъекта (А.Л. Журавлев), концепцию социальных представлений С. Московиси, разработанную в западной (Ж.-К. Абрик, В. Вагнер, В. Дуаз, Д. Жодле, И. Маркова, К. Ховартс, М.-Ж. Шомбар де Лов) и отечественной социальной психологии (К.А. Абульханова, Г.М. Андреева, И.Б. Бовина, М.И. Воловикова, Е.А. Володарская, А.И. Донцов, Л.Ш. Мустафина, П.Н. Шихирев, Е.В. Якимова, Т.А. Нестик), концепции исследования коллективных эмоций и чувств (W. Wagner, Т.П. Емельянова, А.В. Юревич).

Теоретическое обоснование и эмпирическое исследование влияния особенностей социальных идентичностей на репрезентацию будущего предполагается на основе психологии субъекта и субъектного подхода (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, А.О. Прохоров).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Мы предлагаем рассматривать образ будущего как социально-психологическую установку по отношению к будущему, включающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты. Когнитивный аспект образа будущего включает представления о рисках коллективного и индивидуального будущего (коллективные цели и планы; ожидания; мечты, страхи). Эмоциональный аспект представления о будущем определяет модальность чувств в отношении будущего и оптимизм-пессимизм в отношении будущего. Поведенческий аспект репрезентации будущего предполагает выявление стимулов ответственного социального поведения.

В качестве социально-психологических предикторов формирования образа будущего мы предлагаем рассматривать социальную идентичность личности и влияние социальных сетей и мессенджеров. Выраженность, особенности и взаимодействие глобальной, национальной и локальной идентичности рассматриваются как социально-психологические предикторы личностной самоидентификации, определяющие представления человека о будущем тех общностей, с которыми он ощущает существенную связь, и своего места в этих общностях.

Сетевые механизмы формирования образа будущего осмысливаются в рамках исследований идентичности в условиях формирования новой социальной реальности. Исследования в данной области рассматривают виртуализацию социальной реальности как механизм, трансформирующий жизненное пространство индивида и сфер его деятельности, формирующие метастабильные, реконструируемые, эклектичные, ситуативные и мозаичные идентичности знаково-символической природы, ассимилированные в сетевом взаимодействии [28]. В последнее время заметно увеличилось количество исследований сетевой идентичности, т.е. конструирование проекта личности в онлайн-пространстве, направленного на удовлетворение разнообразных потребностей индивида [29-30].

Таким образом, мы предлагаем следующую модель формирования образа будущего в контексте социальных влияний (рисунок 1).

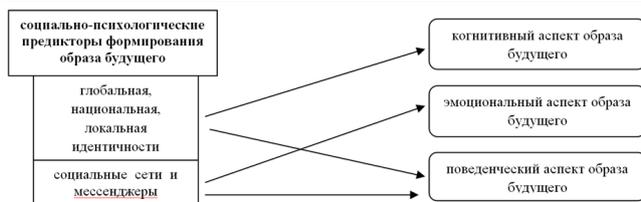

Рисунок 1 - Модель формирования образа будущего

ОБСУЖДЕНИЕ
Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Проблему исследования образа будущего в условиях неопределенности в настоящее время рассматривают в контексте исследования таких психологических феноменов как сопротивляемость и жизнестойкость [31-33], психологическая устойчивость [34-35] и психологическая безопасность [36]. Соответственно, образ будущего в условиях неопределенности изучается в основном с позиции психологии личности.

Мы предлагаем модель формирования образа будущего в контексте социальных влияний, где в качестве социально-психологических предикторов будем рассматривать социальную идентичность личности, влияние социальных сетей и мессенджеров, а также выраженность, особенности и взаимодействие глобальной, национальной и локальной идентичности.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления.

Предлагаемая авторами теоретическая модель формирования образа будущего рассматривает его как социально-психологическую установку по отношению к будущему, включающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспект в контексте социальных явлений. В результате эмпирической проверки модели предполагается создание интегративного подхода к исследованию образа будущего, используя методы педагогики, политологии, социальной психологии, что будет способствовать всестороннему исследованию данного феномена и выполнять прогностическую функцию.

Результаты исследования представляют значимость для социального и экономического прогнозирования развития региона, позволяя определить, как представляют свое будущее молодежь, как их жизненные планы связаны с будущим страны и региона. Результаты исследования могут стать основанием для формирования культурной и образовательной политики региона, будут полезны при разработке программ, направленных на работу по формированию национальной и региональной идентичности молодежи, помогут разработать воспитательные педагогические и андрагогические мероприятия для старшеклассников и студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // *Власть*. 2020. № 1. С. 45-50.
2. Рафалюк С.Ю., Шаповалов В.Л. Образ будущего России: желаемое - возможное - необходимое: материалы всероссийской научно-практической конференции. МГПУ, 2016.
3. Бабенко Л. Г., Конторских А. В. Репрезентация образа России в программной речи кандидата в президенты (на материалах предвыборной речи В. В. Путина) // *Политическая лингвистика*. 2013. № 4 (46). С. 12-16.
4. Безотосный И. А. Факторы формирования и репрезентации позитивного имиджа России // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 3. С. 23-26.
5. Бессонова О. Э. Россия и Запад: образ будущего с позиций общей теории институциональных трансформаций // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4. С. 86-99.
6. Голубев В. С. Каков же образ будущего России и мира? Авторский взгляд на проблему в связи с Московским экономическим форумом 2018 // *Стратегические приоритеты*. 2018. № 2 (18). С.111-118.
7. Levin K. *Resolving Social Conflicts and Field Theory in Social Science*. Washington: American Psychological Association, 1997. 422 с.
8. Нюттен Ж. Мотивация, действие, перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 607 с.
9. Bühler Ch. Genetic aspects of the self. In // *Fundamentals of psychology of the self. Annals of the New York Academy of Sciences*. 1962. V. 96, art. 3. P. 730-754.
10. Burt R. Social network and temporal discounting // *Network*

Science. 2017. V. 5 (4). P. 411-440.

11. Read D., Scholten M. Future-Oriented Decisions: Intertemporal Choice // *Economic Psychology*. 2017. V. 5. P. 35-50

12. Waksalak Ch., Nussbaum S., Liberman N., Trope Y. Representations of the self in the near and distant future // *J. Person. And Soc. Psychol.* 2008. V. 95. № 4. P. 757-773.

13. Johnson B. B., Swedlow B. Cultural theory's contributions to risk analysis: a thematic review with directions and resources for further research // *Risk Analysis*. 2020. V. 34 (6). P. 827-853.

14. van Valkengoed A. M., Steg L. Meta-analyses of factors motivating climate change adaptation behavior // *Nature Climate Change*. 2019. V. 9. P. 158-163.

15. Wirz C. D., Xenos M. A., Brossard D., Scheufele D., Chung J. H., Massarani L. Rethinking social amplification of risk: Social media and zika in three languages // *Risk Analysis*. 2018. V. 38 (12). P. 2599-2624.

16. Лялюк А.В., Тучина О.Р. Риски образовательной среды в формировании концепции психолого-педагогической безопасности современного вуза: классификация и подходы к оценке // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 147-151.

17. Dunlap R. E., Van Lier K. D., Mertig A. G., Jones R. E. Measuring endorsement of the new ecological paradigm: a revised NEP scale // *Journal of Social Issues*. 2000. V. 56. № 3. P. 425-442.

18. Нестик Т. А., Задорин И. В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5. С. 4-28.

19. Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2020. 402 с.

20. Cox K. S., Wilt J., Olson B., McAdams D. P. Generativity, the big five, and psychosocial adaptation in midlife adults // *Journal of Personality*. 2010. V. 78. P. 1185-1208

21. Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // *Горизонты гуманитарного знания*. 2017. № 5. С. 71-85.

22. Емельянова Т.П., Белых Т.В., Шабанова В.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэби-бумеров» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2018. № 3. С. 75-85.

23. Нестик Т. А. Отношение личности к прошлому, настоящему и будущему России: результаты эмпирического исследования // *Социальная и экономическая психология. Часть 1: Состояние и перспективы исследований*. М.: Институт психологии РАН. 2018. 488 с.

24. Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // *Социальная и экономическая психология*. 2016. Т. 1. №1. С. 3-22.

25. Нестик Т.А., Ролдузина В.Н. Образ будущего России у представителей поколения Z // *Человек и мир*. 2018. Т. 2. № 2. С. 75-87.

26. Carabelli G., Lyon D. Young people's orientations to the future: navigating the present and imagining the future // *Journal of Youth Studies*. 2016. V. 19. P. 1-18.

27. Sica L.S., Crocetti E., Ragozini G., Sestito L.A., Serafini T. Future-oriented or present-focused? The role of social support and identity styles on 'futuring' in Italian late adolescents and emerging adults // *Journal of Youth Studies*. 2016. V.19 (2). P. 183-203.

28. Уханов Е. В. Идентичность в сетевых коммуникациях // *Философские науки*. 2009. №10. С. 59-71.

29. Мирошниченко И. В. Сетевые механизмы формирования социальных и политических идентичностей современной молодежи // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17. № 1. С. 92-97.

30. Palfrey J., Gasser U. *Born Digital. Understanding the First Generation of Digital Natives*. N. Y.: Basic Books, 2008. 375 p.

31. Peters R.D., Leadbeater B.J.R., McMahon R.J. Resilience in Children, Families, and Communities: Linking Context to Practice and Policy. New York: Link, 2005. 202 p.

32. Ungar M. A Constructionist Discourse on Resilience: Multiple Contexts, Multiple Realities among At-Risk Children and Youth // *Youth & Society*. 2004. Vol. 35. № 3. p.341-365.

33. Лактионова А.И. «Жизнеспособность» в структуре психологических понятий // *Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Психологические науки*. 2010. №3. С. 11-15.

34. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // *Психологический журнал*. 2001. №1. С. 16-24.

35. Лебедева Е.Н. Психологическая устойчивость личностных конструктов в период взрослости // *Психологический журнал*. 2000. №6. С. 12-23.

36. Безопасная образовательная среда: теоретические психолого-педагогические основы формирования, сопровождения и оценки: монография / под науч. ред. И.А. Баяевой, С.В. Тарасова. СПб.: ЛОИРО, 2014. 269 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект 21-011-33011 «Представление подростков и молодежи о будущем в условиях неопределенности».

Статья поступила в редакцию 25.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 37.013

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0042

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКОВ: ДИАГНОСТИКА И ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 2285-0397

AuthorID: 229789

ResearcherID: Q-8857-2016

ORCID: 0000-0001-6277-8115

ScopusID: 57021569200

ЦАРЕВА Наталья Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры
«Экономики и управления»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: natsareva@mail.ru)

Аннотация. В современных условиях успех компании зависит от того, насколько компетентны ее работники в цифровых коммуникациях и насколько сформирована у них цифровая компетентность. Все больше профессий попадают под влияние общего тренда удаленной занятости, среди них – финансовый сектор, продажи, образование, дизайн и т.д. Но с проблемой быстрого повсеместного внедрения удаленной работы за короткий промежуток времени компании ранее не сталкивались так глобально. В связи с этим организация дистанционной работы вызывает много трудностей. Задача руководства компании не только оценить уровень сформированности цифровой компетентности работников, но и содействовать формированию цифровой компетентности всех сотрудников, особенно вновь принятых на работу. В условиях глобальной компьютеризации всех бизнес-процессов важно грамотно проводить адаптационный период перехода на новый формат коммуникаций как сотрудников, так и кандидатов на вакансию. В статье представлены определения «цифровая компетентность», предложенные учеными, а также ряд классификаций цифровых компетентностей сотрудников. Проведено исследование с целью выявления использованного сотрудниками инструментария при дистанционной работе. Выявлено, что при владении сотрудниками навыками использования цифровых инструментов дистанционной работы, менеджеры компаний не задействуют эти навыки при выстраивании коммуникаций и работы в новых условиях. С помощью анализа базы резюме определен уровень сформированности цифровой компетентности у кандидатов на должность. Представлен инструментарий определения сформированности цифровой компетентности. Предложенный инструмент определения эффективности работника при удаленной работе позволит оценить сформированность цифровой компетентности и возможность перевода определенного отдела или сотрудника на дистанционную работу.

Ключевые слова: цифровая компетентность, кадровые процессы, управление персоналом, дистанционное обучение, диагностика процесса обучения, адаптация.

DIGITAL COMPETENCE OF EMPLOYEES: DIAGNOSTICS AND FORMATION TOOLS

© The Author(s) 2021

TSAREVA Natalia Aleksandrovna, candidate of political sciences, associate professor of the department
«Economic and Management»

Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, st. Gogolya, 41, e-mail: natsareva@mail.ru)

Abstract. In modern conditions, the success of a company depends on how competent its employees are in digital communications and how well their digital competence is formed. More and more professions are influenced by the general trend of remote employment, among them – the financial sector, sales, education, design, etc. But the problem of the rapid widespread introduction of remote work in a short period of time has not been faced by the company so globally before. In this regard, the organization of remote work causes many difficulties. The task of the company's management is not only to assess the level of digital competence of employees, but also to promote the formation of digital competence of all employees, especially newly hired ones. In the conditions of global computerization of all business processes, it is important to correctly carry out the adaptation period of transition to a new format of communications for both employees and candidates for a vacancy. The article presents the definitions of "digital competence" proposed by scientists, as well as a number of classifications of digital competencies of employees. A study was conducted to identify the tools used by employees during remote work. It is revealed that when employees have the skills to use digital tools of remote work, company managers do not use these skills when building communications and working in new conditions. Using the analysis of resume database, the level of digital competence formation among candidates for the position is determined. The tools for determining the formation of digital competence are presented. The proposed tool for determining the effectiveness of an employee in remote work will allow us to assess the formation of digital competence and the possibility of transferring a certain department or employee to remote work.

Keywords: digital competence, personnel processes, personnel management, distance learning, diagnostics of the learning process, adaptation

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Мировые экономические процессы в условиях пандемии затронули бизнес многих компаний, в первую очередь международных или имеющих многочисленные контакты с иностранными партнерами. В сложившихся экономических условиях роста безработицы можно избежать путем выведения функциональных обязанностей работников в формат дистанционной работы. События, происходящие сейчас в мире, повлияли на экономику, форму трудовых взаимоотношений и реализацию функциональных обязанностей сотрудников.

На данный момент переход на дистанционный формат работы является самой актуальной темой текущего года и последующих лет. Опрос, проведенный компанией Flexjobs, показал, что работники предпочитают удаленную работу, поскольку она обеспечивает больше личных выгод: соблюдения баланса между работой и личной жизнью, значимость работы, свободу и независимость [1]. Наряду с явными преимуществами, представляемыми дистанционной работой, возникает ряд проблем. Одной из них становится формирование персональных операционно-цифровых навыков необходимых сотруднику для взаимодействия с целью решения рабочих задач с применением информационных

технологий.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Реализация комплексной государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» преследует цель – цифровую трансформацию российского общества. А.Г. Савина, Л.И. Малявкина, Л.И. Шмаркова анализируют «цифровую грамотность» в контексте формирования национального цифрового пространства РФ и предлагают взаимосвязь базовых категорий цифрового пространства и цифровой грамотности [2]. Различные аспекты формирования цифровой компетенции как педагогов, так и будущих специалистов изучены в работах Ю.В. Ворониной, О.В. Башариной, Е.В. Яковлева, И.И. Лысовой, О.А. Витихиной, О.В. Волковой [3; 4; 5]. Исследование проблем эффективного дистанционного взаимодействия осуществлялось различными авторами при анализе операционно-цифровой среды и практиках ее использования в дистанционной работе [6; 7]. Особенно обращалось внимание на сформированные профессиональные знания, умения и навыки необходимые для выполнения операционно-цифровой работы. Цифровые компетенции специалистов поколения Y и Z в условиях цифровизации экономики исследованы Е.С. Поповым, Я.В. Дидковской [8]. Навыки рассматриваются, как способность работника обеспечить осуществление конкретной профессиональной деятельности. Цифровая компетентность, по мнению Г.У. Солдатовой, это способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности, а также его готовность к такой деятельности [9]. Цифровая компетентность определяется как способность и умение самостоятельно искать, анализировать, отбирать, обрабатывать, и передавать необходимую информацию при помощи коммуникативных информационных технологий [10; 11]. А.В. Шариков предлагает четырехкомпонентную модель цифровой грамотности с двумя содержательными оппозициями: первая оппозиция «технично-технологическое / социогуманитарное», вторая оппозиция «возможности / угрозы» [12].

Обосновывается актуальность исследования.

Диагностика уровня сформированности цифровой компетенции у сотрудников организации позволит выявить пробелы и оперативно ликвидировать их с применением новых коммуникативных информационных технологий. Оценка цифровой компетенции у новых сотрудников и своевременное их обучение будет способствовать успешной адаптации.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

В ходе исследования определена цель статьи: оценить возможность диагностики цифровой компетенции новых и действующих сотрудников организации. Для ее достижения необходимо выполнить ряд задач: изучить помогают ли специалистам отдела управления персоналом выбранные инструменты для улучшения процесса адаптации персонала и отдельных кадровых процессов в своей организации, определить способствует ли новая система адаптации и обучения персонала формированию цифровой компетенции.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В повседневной реализации своих функциональных обязанностей сотрудник должен обладать как общими, так и комплементарными цифровыми навыками, позволяющими исполнять свои функциональные обязанности вне места нахождения работодателя. В ходе исследования был проведен опрос с целью оценки сформированности цифровой компетенции у сотрудников организации, преимуществ и недостатков

дистанционной работы, уровня использования тех или иных инструментов удаленной работы. В рамках исследования был проведен опрос сотрудников компаний Приморского края, осуществляющих свой функционал в условиях дистанционной работы, с использованием docs.google.com/forms. Из 177 опрошенных 77,6 % относятся к возрастной группе 22-45 лет. Деятельность респондентов связана с инжинирингом (37,3 %), кадровым менеджментом (25,4 %), менеджментом (11,9 %), администрированием, аналитикой, онлайн продажами, юриспруденцией.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

При выборе преимуществ дистанционной работы большинство респондентов определило для себя экономию времени на дорогу (67,8 %), а также возможность совмещать работу и личные дела (55,9 %). К недостаткам были отнесены (множественный выбор):

- сложности сосредоточиться на работе – 39 %,
- неосведомленность о делах компании – 40,7 %,
- много отвлекающих факторов – 45,8 %,
- нехватка общения с коллегами – 52,5 %.

При этом постоянное общение с коллегами (несколько раз в день) отметили 62,7% респондентов. Изолированность и возможность общения только по рабочим вопросам снижают чувство приверженности компании.

При выполнении своих функциональных обязанностей сотрудники для коммуникаций предпочитают использовать WhatsApp (89,8 %), Email (49,2 %), Skype (27,1 %). Для учета рабочего времени – Битрикс 24, Upwork, Jira, Rescue Time, Toggi, Redmine. Для учета выполнения поставленных задач – заметки в телефоне, традиционным способом (ручка и блокнот), email, единицы сотрудников используют Jira, Trello, Asana, Redmine, Битрикс 24. При оценке уровня владения программой (Битрикс 24, Upwork, Jira, RescueTime, Toggi, Redmine, Trello, Asana) от 30,5 % до 45,7 % респондентов указали уровни продвинутой и уверенной пользователь. Опрошенные оценили удовлетворенность работой и ее эффективность в зависимости от формата: не зависит (49,2 %); выше, когда я работаю очно, (37,3 %) и выше, когда я работаю дистанционно (11,9 %). Исследование показало, что, несмотря на знания инструментов удаленной занятости, повсеместно сотрудники не используют их в работе. При всех плюсах дистанционной работы, лишь 11,9 % отметили рост своей эффективности при дистанционной работе.

Успешное функционирование компании невозможно без привлечения новых работников. Для исследования сформированности цифровой компетентности у кандидатов на вакансию был проведен анализ имеющихся резюме на сайтах Фарпост и HeadHunter. Изучая анкеты, представленные на сайтах, выборка соискателей осуществлялась по таким критериям, как: наличие опыта дистанционной работы, возможность дистанционной работы, возраст и сфера деятельности. Результаты исследования показали, что около 40 % соискателей в возрасте от 18 до 45 лет ранее имели опыт удаленной работы. В основном удаленная работа встречается в таких сферах как контент-менеджмент, маркетинг, дизайн, веб-разработка, продажи, менеджмент. Таким образом, и сотрудники компаний, и кандидаты на вакансии во многих сферах деятельности имеют определенный уровень сформированности цифровой компетенции и готовы перейти на дистанционную работу.

Прежде чем организовать дистанционную работу следует провести анализ специфики работы каждого отдела или сотрудника и понять, будет ли возможна организация удаленной работы, как часто сотруднику придется решать вопросы, которые невозможно решить в онлайн формате, и оценить уровень сформированно-

сти его цифровой компетенции (таблица 1).

Таблица 1 - Диагностика сформированности цифровой компетенции [13]

Позиция	Трудности в работе	Способ решения проблемы	Время решения вопроса
Техническое оснащение			
Компьютер, клавиатура, принтер, сканер, др.			
Информационные базы данных/данные организации			
Облако Google/Yandex, Удаленный жесткий диск, Консультант, Гарант, др.			
Программы работы			
Excel, Word, One note, Power Point, Publisher, 1С, др.			
Документооборот / электронная почта			
РМЭД, e-mail, Google, Yandex, Inbox, др.			
Видеосвязь, чат			
Skype, Zoom, Viber, WhatSapp, др.			
Постановка задач			
Trello, Jira, Redmine, Asana, др.			
Отчетность			
Excel Word, One note, Power Point, Publisher, др.			
График работы / режим рабочего времени			
Hubstaff, Redmine, Битрикс 24, Upwork, Jira, Rescue Time, Toggi др.			
Адаптация и обучение удаленных сотрудников			
CRM-система Google, Hangouts, Google Диск, Google Документы, др.			

Проанализировав ответы сотрудников, работающих дистанционно, у менеджера будет возможность на ранней стадии внедрения удаленной работы качественно подготовиться к адаптации, определить ключевые моменты, на которые стоит обратить внимание, либо которые необходимо заменить, модернизировать, создать [14]. Организовывать дистанционную работу следует с обучения сотрудников основным программным продуктам, их компонентам и т.д. Необходимо разработать курс дистанционного обучения, инструкции для пользователей. Форматы для обучения сотрудников должны быть эффективны в удаленном режиме, то есть через Интернет. Использование вебинаров с обратной связью; онлайн-курсов; дистанционных курсов в записи; мобильного обучения; тестов; инфографики; личных бесед с сотрудником по Skype, Google meet и т.п. позволит оперативно сформировать цифровую компетентность у работников. Мониторинг исполнения плана работ сотрудников и вхождения в должность новых возможно при помощи Redmine, Megaplan, Skillbox, Veb.ru и др. Впоследствии разработанную таблицу для анализа эффективности работы сотрудника с инструментами удаленной занятости можно будет использовать как методические указания к работе для новых сотрудников при адаптации, включив в нее номера технической поддержки или перечень часто встречающихся вопросов с ответами [13]. Еще одна из задач менеджеров обеспечить протекание рабочих процессов таким образом, чтобы сотрудник чувствовал свою сопричастность к компании, разделял миссию компании и ее ценности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Уровень сформированности операционно-цифровых компетенций сотрудника определяется результатом предшествующего опыта удаленной работы и опытом его повседневной жизни в цифровой среде [15]. Основоположник данного направления исследований П. Гилстер определил теоретические составляющие цифровой грамотности [16].

Я. Ванг и Н. Хаггерти предложили следующую классификацию персональных операционно-цифровых компетенций, которые позволяют работникам взаимодей-

ствовать и общаться в цифровой среде:

1. Операционно-цифровые навыки в медиа пространстве, ориентированные на производительную способность использовать технологии в различных ситуациях.

2. Операционно-цифровые навыки в социальной сфере представляют собой важный элемент повышения сплоченности и взаимопонимания между людьми, они ориентированы на формирование навыков, используемых для построения социальных отношений.

3. Операционно-цифровой навык контроля продуктивности, самоэффективность, включающая в себя дисциплинированность при работе на компьютере, и контроль самоэффективности при выполнении дистанционной работы [17].

В.А. Сухомлин, Е.В. Зубарева и А.В. Якушин предлагают следующую классификацию цифровых навыков:

1. Общие цифровые навыки позволяют работникам самого широкого спектра профессий использовать информационные технологии в своей повседневной работе.

2. Комплементарные цифровые навыки (complementary skills) – навыки для выполнения отдельных задач, связанных с применением информационных технологий на рабочем месте: использование социальных сетей для коммуникации с коллегами и клиентами, продвижение бренда продуктов на платформах электронной коммерции, анализ больших данных, бизнес-планирование и т.п.

3. Профессиональные цифровые навыки – это навыки системного проектирования, программирования, разработки приложений, управления данными и сетями и т.п.

4. Проблемно-ориентированные цифровые навыки – навыки специалистов, разрабатывающих и использующих специализированные проблемно-ориентированные платформы, приложения, пакеты программ [7].

А.К. Петрова, Н.В. Лашманова, М.А. Косухина предлагают новый подход к оценке эффективности цифровой трансформации инновационного предприятия, как совокупности позиций BSC с учетом основных направлений Национального индекса развития цифровой экономики для определения дополнительных KPI [18].

Дистанционная работа, онлайн группа и удаленное сотрудничество стали намного чаще использоваться в последнее время. Согласно Трудовому кодексу Российской Федерации (статья 312.1) под дистанционной занятостью подразумевается «выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования» [19]. Перед тем как внедрять практику удаленной работы и работать над изменением протекания кадровых процессов необходимо определить все плюсы и минусы данного формата работы. Аргументы «за» введение удаленной работы (со стороны работодателя): экономия на материально-техническом оснащении рабочих мест; география найма персонала существенно расширяется; сокращаются затраты на фонд оплаты труда; гибкость к внешним факторам (режим карантина, плохие погодные условия, болезнь ребенка у сотрудника); сокращение проблемных проверок со стороны Государственного надзора и контроля за охраной труда; сокращение площади необходимых помещений, аренды. Аргументы «за» введение удаленной работы (со стороны работника): экономия времени и денег; гибкий график, позволяющий совмещать несколько дел; работа в собственном ритме; больше времени на семью / друзей; высокая мобильность; адаптация ряда управленческих процессов [20]. Аргументы «против»: переход HR-процессов на «удаленную работу»; сокращение коммуникаций среди сотрудников; большое количество удаленных работников требует создание центра технической поддержки в

компании; дополнительные административные расходы; проблемы самоконтроля [21].

Для выполнения трудовой функции вне объектов, которые находятся под прямым или косвенным контролем компании, в частности для получения заданий и отправки результата, сотруднику нужна сеть Интернет. Предварительным условием для результативного процесса передачи знаний в виртуальной среде является установление эффективной электронной коммуникации между отдельными лицами.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Главная функция менеджмента в процессе перехода на дистанционный формат работы – это обеспечить основу для эффективной коммуникации и передачи информации по рабочим вопросам. Выявлено, что при владении сотрудниками навыками использования цифровых инструментов дистанционной работы, менеджеры компаний не задействуют эти навыки при выстраивании коммуникаций и работы в новых условиях. Индивидуальную цифровую компетентность как степень знаний, навыков и способностей, которыми обладает человек для работы и общения в цифровой среде для выполнения совместной работы, можно формировать посредством различных инструментов. Сотрудники со сформированной цифровой компетенцией демонстрируют повышенную эффективность при выполнении своих функциональных обязанностей по сравнению с лицами, у которых данная компетенция не сформирована. Высокий уровень сформированности цифровых компетенций влияет не только на индивидуальную эффективность работы, но и на индивидуальную удовлетворенность работой.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

На шаг впереди будут те компании, которые уже сейчас понимают всю важность перехода очной работы в онлайн формат и осознают насколько люди ценят свое время. У работодателей, которые уже начинали двигаться в этом направлении, появится несомненное преимущество в современных сложных условиях. Исследование зависимости уровня сформированности цифровой компетенции сотрудника и уровнем его вовлеченности представляет интерес в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Reynolds, B.W. 2017 annual survey finds workers are more productive at home, and more. Retrieved from <https://www.flexjobs.com/blog/post/productive-working-remotely-top-companies-hiring/>
2. Савина А.Г., Малявкина Л.И., Шмаркова Л.И. Актуализация понятия «цифровая грамотность» в контексте формирования национального цифрового пространства РФ // Вестник Орел ГИЭТ. – 2018. – № 1 (43) – С.79-84.
3. Воронина Ю.В. Цифровая грамотность педагога: анализ содержания понятия и структура // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 4 (32). С. 232-245.
4. Башарина, О. В. Формирование основ цифровой безопасности как компонента цифровой компетентности / О. В. Башарина, Е. В. Яковлев // Инновационное развитие профессионального образования. – 2020. – № 2 (26). – С. 31-36.
5. Лысова И.И., Витохина О.А., Волкова О.В. Цифровая компетентность как условие развития инновационной образовательной среды в вузе // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Том 39. № 3. С.408-418.
6. Watanuki H.M., Laurindo F.J.B., Moraes R. de O. Development of Individual Virtual Competences: Practices in Brazilian Companies. RISUS – Journal on Innovation and Sustainability, São Paulo, 2015. v. 6, n.2, p. 34-45.
7. Сухомлин В.А., Зубарева Е.В., Якушин А.В. Методологические аспекты концепции цифровых навыков. Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Том 13 № 2. С. 146-152.
8. Попов Е.С., Дидковская Я.В. Цифровые компетенции специалистов поколения Y и Z в условиях цифровизации экономики // В сборнике: Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2020. С. 58-64.
9. Солдатова Г.У. Рассказова Е.И. Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 50-60.
10. Замара Е.В. Информационно-технологическая компетент-

ность личности в условиях современного среднего профессионального образования. Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 1. С.29-31.

11. Дмитрива А.В. Теоретические аспекты формирования цифровой грамотности: особенности представления в педагогических исследованиях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 111-114.

12. Шариков А. В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1 (14). С. 87-98.

13. Tsareva N.A., Omelyanenko S.Yu. Remote work: development of employee digital competence // Revista de la Universidad del Zulia. 2020. T. 11. № 31. С. 131-140.

14. Адаптация дистанционных работников: как вовлечь сотрудников в процесс. 2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hr-director.ru/article/67652-adaptatsiya-distantsionnyh-rabotnikov-20-m4>

15. Wang, Y. & Haggerty, N. Individual Virtual Competence and Its Influence on Work Outcomes[J]. Journal of Management Information Systems, 2011. 27(4): 299-333.

16. Gilster, P. Digital literacy. New York: Wiley Computer Pub., 1997. 276 p.

17. Wang, Y. & Haggerty, N. Knowledge Transfer in Virtual Settings: The Role of Individual Virtual Competency. Information Systems Journal, 2009. 19: 571-593.

18. Петрова А.К., Лапманова Н.В., Косухина М.А. Подходы к оценке и развитию цифровой компетентности персонала инновационных промышленных предприятий // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т.1. С.132-135.

19. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ. Справочная правовая система «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/cons>

20. Hislop D., Axtell C., and Daniels K. The Challenge of Remote Working. The Oxford Handbook of Personnel Psychology. 2008. DOI:10.1093/oxfordhb/9780199234738.001.0001

21. Bloom, N., Kretschmer, T., & John Van Reenen, J.V. Work-life Balance, Management Practices and Productivity, in International Differences in the Business Practice and Productivity of Firms, Richard Freeman, and Kathryn Shaw, eds. (Chicago: University of Chicago Press, 2009).

Статья поступила в редакцию 22.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 372.881.1
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0043

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СРЕДСТВА ГЕЙМИФИКАЦИИ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА УРОВНЕ БАКАЛАВРИАТА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

© Автор(ы) 2021
AuthorID: 552785
SPIN: 7587-7826
ResearcherID: 5413-2016
ORCID: 0000-0003-2299-6315

ШВАЙКИНА Нина Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного
Самарский государственный технический университет
(443100, Россия, Самара, улица Молодогвардейская, 244, e-mail: nsshvaikina@gmail.com)

SPIN: 8869-1601
ResearcherID: M-7107-2013
ORCID: 0000-0002-3132-7861

ОПАРИНА Ксения Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного
Самарский государственный технический университет
(443100, Россия, Самара, улица Молодогвардейская, 244, e-mail: ks.oparina@mail.ru)

Аннотация. Целью данной работы является оценка эффективности обучения английскому языку студентов инженерных факультетов. Авторы данного исследования различают два понятия геймификации. С одной стороны, под геймификацией понимается использование игровых элементов и принципов в образовательном контексте – применение ролевых игр и имитационных игр. С другой стороны, этот термин рассматривается авторами как одна из информационно-коммуникационных технологий в обучении английскому языку (ELT), например, веб-страницы и мобильные приложения с языковыми симуляторами. Существует семь ключевых компонентов, характерных для обоих типов геймификации: интерес, мотивация, конкуренция, индивидуальное развитие, достижения, награды, обратная связь. В ходе пилотного исследования было установлено, что студенты-инженеры 2-го курса Самарского государственного технического университета уделяют большое внимание технической терминологии, но не общему английскому, что отрицательно сказывается на уровне их устной и письменной речи. Следовательно, принято решение обучать студентов 2 курса общему английскому с использованием различных интернет-ресурсов (например, для повторения слов по темам «Умные дома», «Цвет, текстура и форма», неправильные глаголы) в течение четырех семестров. Результаты этого эксперимента убедительно демонстрируют эффективность геймификации в обучении английскому языку студентов технических специальностей.

Ключевые слова: геймификация, информационно-коммуникационные технологии, преподавание английского языка, курс общего английского языка, технический университет.

MEANS OF GAMIFICATION IN TEACHING ENGLISH FOR BACHELOR STUDENTS IN TECHNICAL UNIVERSITY

© The Author(s) 2021

SHVAIKINA Nina Sergeevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Pedagogics, Cross-Cultural Communication and Russian as a Foreign Language
Samara State Technical University
(443100, Russia, Samara, 244, Molodogvardeiskaya str., e-mail: nsshvaikina@gmail.com)

OPARINA Kseniya Sergeyevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Pedagogics, Cross-Cultural Communication and Russian as a Foreign Language
Samara State Technical University
(443100, Russia, Samara, 244, Molodogvardeiskaya str., e-mail: ks.oparina@mail.ru)

Abstract. The aim of this paper is to evaluate the effectiveness of gamification in teaching English to students of engineering faculties. The authors of this research differentiate two concepts of gamification. On the one hand, gamification is understood as usage of game elements and principles in the educational context - the application of role games and imitation games. On the other hand, this term is considered by authors as one of information and communication technologies in English language teaching (ELT), e.g., webpages and mobile applications with language simulators. There are seven key components that are typical for both gamification types: interest, motivation, competition, individual development, achievement, award, feedback. During the pilot study it has been found that engineering students of the 2nd year of Samara State Technical University pay much attention to technical terminology not bearing in mind the General English vocabulary. It undermines all language activities especially writing and speaking. Consequently the 2nd year students were taught general-linguistic vocabulary by using various Internet resources (e.g., for repeating the words for the topics «Smart Homes», «Colour, Texture and Form», irregular verbs) during four semesters. The results of this experiment conclusively demonstrate the effectiveness of gamification for teaching of English vocabulary to technical students.

Keywords: gamification, information and communication technologies, English language teaching, General English vocabulary, technical university.

INTRODUCTION

The development and approval of the federal state educational standard for Higher Education 3++ [1] is the next stage in the process of active integration of Russian higher education institutions into the international educational arena. To meet this standard, universities need to produce competitive professionals who are ready to carry out professional activities within the new financial and economic paradigm. Therefore, a mandatory requirement for graduates is the presence of a formed universal competence, according to

which a young engineer, architect or designer is able to communicate in a foreign language both in oral and in written form as part of their professional activities. This means that students will primarily need knowledge of English for specific purposes (ESP). The English language level is required for participation in international research conferences, for applying to international master's and postgraduate degrees, "double-degree" programs, to work effectively on the international arena and for successful professional self-representation.

METHODOLOGY

Research objectives.

We state that gamification method will help to master general vocabulary more effectively. That is why our main objective is to prove empirically that this method is really useful for mastering spoken and written English. Moreover, the method will enhance the vocabulary, develop motivational sphere as gamification is entertaining because of a wide use of various apps and Internet sources, described in this paper.

The methods, techniques and technologies used in the study.

This research was carried out using theoretical and practical methods. The theoretical methods are the analysis of the federal state educational standard for Higher Education 3++ and other documents, regulating the educational process at the university, as well as reviewing and systematizing the theoretical and practical works of researchers in this area. The results of the practical part of the research were obtained through pedagogical observation, questionnaires, testing and experiment, as well as through a frontal conversation and an individual interview. As shown by pedagogical observation, students of the 2nd year focus mainly on the study of professional terms, forgetting the general language vocabulary they studied in the 1st year. In this regard, the authors of the article conducted an experiment to find the most effective methods to fill in the knowledge gaps of 2nd-year students of the Faculties of Architecture and Design, Engineering Systems and Environmental Construction, Industrial and Civil Engineering, as well as the Faculty of Construction and Technology. The number of participants in the experiment is 120 people.

RESULTS

The course of studying a foreign language at Samara State Technical University lasts 4 semesters and ends with an exam, which is given in the form of presentation on the topic "My professional development in engineering" and a conversation. It is logical that English language textbooks used contain a number of tasks aimed at the active development of written and oral (monological and dialogical) speech, as well as at the independent receipt and processing of the information required for presentation. Here are examples of such tasks in two textbooks written by teachers of the Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language ("Contemporary Architecture & Design: Developing Motivation in English Language Study Using Traditional Methods and Information Technology" for Architecture and Design students and "Construction and Engineering: Innovative Methods of Teaching English for Specific Purposes" designed for Civil Engineering faculty, Engineering Systems and Environmental Construction department as well. The first manual, consisting of 7 sections, offers the following creative tasks:

- Unit 1. Smart Homes. Exercise 28. Imagine you are going to live in the Smart House in Figure 7. Write a letter to your friend describing the advantages of its computer-controlled systems and appliances.

- Unit 2. Building Materials. Exercise 53. Work in small groups. Imagine you are building a house. In your group discuss what materials you would choose and why. Then present it to others explaining your decision.

- Unit 3. Colour, Texture and Form. Exercise 28. Imagine that you are a trainer in design. Tell the trainees (your groupmates) how to construct a scheme. They should follow your instructions working with their own samples.

- Unit 4. Acoustics, Furniture and Light. Exercise 36. Work in pairs. Close the books. Take turns in describing different types of lighting. Your partner has to guess what category of light you are talking about.

- Unit 5. Sustainable Design. Exercise 25. Imagine you are running a workshop on the eco-friendly design process. Prepare a mini-presentation concerning principles it should include. Be ready to answer the questions.

- Unit 6. Projects. Exercise 47. Make up a dialogue be-

tween a journalist and an architect. Student A: You are a journalist. You need to write an article about the stages of planning sustainable towns. Prepare your questions and interview your partner. Student B: You are an architect. You are asked to give an interview on how to build sustainable towns. Answer the questions.

- Unit 7. Architectural Styles. Exercise 25. Choose one of the buildings in Samara listed below and prepare a presentation including the information about its architectural style and the decorative elements typical for it [4].

In the textbook "Construction and Engineering", the following topics are studied, in which students are offered the following tasks for writing, speaking, as well as for independent search and selection of information:

- Unit 1. Career in Construction. Exercise 29. Go online at the "National Careers Service" and choose one of the job profiles you like and make a three-minute presentation about your preferable occupation.

- Unit 2. Planning, Surveying and Excavation. Exercise 33. Brainstorm problems that can occur during excavation and discuss solutions in the group. Complete the following table.

- Unit 3. Building Materials. Exercise 54. Prepare a report on one of the building materials. Give a presentation including the following information. Be ready to answer any questions your groupmates may have.

- Unit 4. Major Building Systems. Exercise 29. Work in small groups. Imagine you are going to build a hotel. Then compare your ideas with the rest of the class. Your teacher or one of your groupmates may act as a hotel holder who has to choose the best option.

- Unit 5. Modern Construction Technologies. Exercise 29. Imagine you would like to post a comment on a construction website on one of the following topics (A skyscraper in the heart of the city. Is it a problem? An 87-storey skyscraper in your city. Is it a myth or reality? Amazing construction technologies of 21st century). Write a draft in your notebook.

- Unit 6. Safety on Site. Exercise 26. In pairs, role-play making an emergency phone call for an ambulance using the role cards. Take turns to be the control assistant and the person calling.

- Unit 7. Sustainable Construction. Exercise 25. Imagine you are running a workshop on the eco-friendly design process. Prepare a mini-presentation concerning principles it should include. Be ready to answer the questions [3].

Most of the tasks described above are based on the principle of business and simulation games, which corresponds to the author's understanding of gamification in a broad sense. However, during the pedagogical observation, frontal conversation and individual interview, it was found that a significant part of the students are not able to cope with the above exercises at the proper level (inability to name cardinal and ordinal numbers, difficulty in naming the dates, irregular verbs ignorance, ignorance of basic general English vocabulary).

All the Internet resources used in the educational process are completely free of charge or have a free version and do not require the installation of a special software. According to the method of presentation of the material, the absolute majority of the listed portals are interactive (AudioEnglish, Learn English Best, Crazylink, EnglishTestStore, Duolingo, English Dom, Freerice, A guide to learning English, Lim English, Lingualeo), the Eng5 resource acts as a reference, and the Poliglot16 site belongs to both categories.

CONCLUSION

The use of the above-listed Internet sites in English classes with students of Samara state technical university of the 2nd year of construction, architecture and design faculties corresponds to the second, narrow understanding of gamification by the authors of the article. The seven-month observation of students' progress confirmed a significant reduction in the knowledge gaps listed in table 1. Training with the help of Internet sites is a preparatory stage for taking a foreign language exam in the fourth semester (stage 1). This

is followed by the preparation of role-playing and simulation games presented in these tutorials (step 2). To maximize the optimization of preparation for the exam, students pass the web quest “Architecture that repairs itself” [16]. Students are acquainted with the topic, purpose, and objectives of the web quest. Then 8 web quest tasks are completed. At the end, students present the results of their research and receive a grade. This completes stage 3 of the preparation for the foreign language exam.

REFERENCES:

1. Borisova, E. V., Sobol', B. V. & Stupina, M.V. (2019). *Comparative Analysis of Educational Standards «Federal Education Standard of Higher Education 3+» and «Federal Education Standard of Higher Education 3++» Majoring in «Information Systems and Technologies»*. St. Petersburg Educational Bulletin, 1 (29), 29-35.
2. Bukharina, A. Yu. *Talent Management: What to Teach Employees Today to Survive Tomorrow*. *Social Psychology and Society*, 1, 144–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2017080109>.
3. Gradaleva, E. A., Evstropova, N. S. & Polukhina, M. O. (2017). *Construction and Engineering: Innovative Methods of Teaching English for Specific Purposes*. Samara: Institute of Architecture and Civil Engineering of Samara State Technical University.
4. Gradaleva, E. A., Polukhina, M. O. & Yurina, M. V. (2019). *Contemporary Architecture & Design: Developing Motivation in English Language Study Using Traditional Methods and Information Technology*. Samara: Samara State Technical University.
5. Kapsargina, S. A. & Olentsova, Ju. A. (2019). *Using the Elements of Gamification on LMS MOODLE in the Discipline of Foreign Language in a Non-linguistic University*. *Baltic Humanitarian Journal*, 1 (26), 237-240. DOI: <https://doi.org/10.26140/bgz3-2019-0801-0062>.
6. Karpikova, I. S. & Artamonova, V. V. (2018). *Attracting Audience to Digital Media Using Gamification Elements*. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4. C. 599-614. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).599-614](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).599-614)
7. Krasnova, M. V. & Zemskova, M. S. (2016). *Implementation Process in Gamification Personnel Motivation Generation Y*. *International Research Journal*, 10-1 (52), 29-33. DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.52.076>.
8. Kuznetsova, E. V. (2019). *Gamification in HR Management*. In L. A. Ismagilova (Ed.), *Economic management: methods, models, technologies. Proceedings of the XIX International Scientific Conference* (pp. 168-171). Ufa: Ufa State Aviation Technical University.
9. Morozova, N. S. (2018). *Features of Personnel Management in the Digital Economy*. In *Human Capital in Digital Economy Format. Proceeding of the International scientific conference dedicated to the 90th anniversary of S.P. Kapitsa* (pp. 324-331). Moscow: Russian New University. DOI: <https://doi.org/10.25586/RNU.CONF.18.02.P.324>.
10. Nikitin, S. I. (2016). *Gamification and Gaming in the educational process*. *Young Scientist*, 9 (113), 1159-1162.
11. Pershina, E. G., Maslennikov, P. V. & Podzorova G. A. (2017). *Use of Gamification in Personnel Management in the Enterprise*. *Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal*, 2 (96), 10.
12. Safronova, Zh. S. & Genkin, I. O. (2021). *Theoretical Aspects of Applying Gamification as an Innovative Staff Management Tool in a Pharma Company*. *International Research Journal*, 2 (104), 91–94. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.2.048>
13. Sailer, M. & Homner, L. (2020). *The Gamification of Learning: a Meta-analysis*. *Educational Psychology Review*, 32, 77–112. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10648-019-09498-w>
14. Sardi, L., Idri, A. & Fernández-Alemán, J. L. (2017). *A systematic review of gamification in e-Health*. *Journal of Biomedical Informatics*, 71, 31-48. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbi.2017.05.011>.
15. Shvaikina, N. S. (2020). *Use of Web Quest Technology in Teaching Foreign Languages in a Technical University*. In *Perspectives and priorities of teacher education in the era of transformations, choices and challenges. Proceedings of VI Virtual International Forum on Teacher Education* (pp. 240-244). Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University.
16. Shvaikina, N. S. (2020). *WebQuest «Architecture that repairs itself»*. Retrieved from <https://http://zunal.com/webquest.php?w=419378>.
17. Titova, S. V. & Chikrizova, K. V. (2019). *Psychological and didactic potential of gamification integration in foreign language teaching*. *Pedagogy and Psychology of Education*, 1, 135-152.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 378

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0044

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБУЧЕНИЕМ MOODLE И GOOGLECLASSROOM В ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 6385-2749

AuthorID: 26210

ResearcherID: L-9596-2013

ORCID: 0000-0003-1418-2899

ScopusID: 7003375339

ШУРЫГИН Виктор Юрьевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (филиал) (423604, Россия, Елабуга, ул. Казанская, 89, e-mail: viktor_shurygin@mail.ru)

SPIN: 8498-3729

AuthorID: 355880

ResearcherID: V-2538-2017

ORCID: 0000-0002-2592-5267

ScopusID: 56027519700

КРАСНОВА Любовь Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (филиал) (423604, Россия, Елабуга, ул. Казанская, 89, e-mail: l.krasn@mail.ru)

Аннотация. Информационные и коммуникационные технологии становятся все более распространенными и в последнее время оказывают огромное влияние на развитие всех отраслей общества, в том числе и сферу образования. Во всем мире многие образовательные программы предлагают новые формы обучения, которые часто поддерживаются цифровыми технологиями. Переход к электронному обучению ускорился в связи с развитием пандемии COVID-19. В частности, электронное обучение, которое было принято образовательными организациями как часть «смешанного обучения», сегодня достаточно широко применяется наряду с традиционными формами обучения. При этом актуальной является проблема выбора образовательных платформ обучения, которые позволяют создавать образовательный контент, управлять образовательным процессом и предоставляют обучающимся полный репозиторий. Цель данной работы состоит в анализе и сравнении возможностей платформ электронного обучения Moodle и GoogleClassroom, которые были использованы в качестве дополнения к традиционной системе обучения в процессе преподавания физики и смежных дисциплин. Исследование проводилось на базе Елабужского института Казанского федерального университета. В эксперименте приняли участие 70 студентов (2, 3 курс). Полученные результаты показывают, что продуманное сочетание различных цифровых инструментов и технологий открывает новые возможности для реализации результативного образовательного процесса. Результаты работы могут быть полезны преподавателям вузов, использующих дистанционные технологии.

Ключевые слова: LMS Moodle, GoogleClassroom, цифровые технологии, электронное обучение.

MOODLE AND GOOGLECLASSROOM LEARNING MANAGEMENT SYSTEMS IN UNIVERSITY EDUCATION

© The Author(s) 2021

SHURYGIN Viktor Yurjevich, candidate of physical and mathematical sciences, associate professor of the department of physics

Kazan (Volga region) Federal University, Elabuga Institute (branch)
(423604, Russia, Elabuga, Kazanskaya street, 89, e-mail: viktor_shurygin@mail.ru)

KRASNOVA Lyubov Alekseevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of physics

Kazan (Volga region) Federal University, Elabuga Institute (branch)
(423604, Russia, Elabuga, Kazanskaya street, 89, e-mail: l.krasn@mail.ru)

Abstract. Information and communication technologies are becoming more widespread and have recently had a huge impact on the development of all sectors of society, including the education sector. Around the world, many educational programs offer new forms of education, which are often supported by digital technologies. The transition to e-learning has accelerated due to the development of the COVID-19 pandemic. In particular, e-learning, which was accepted by educational organizations as part of “blended learning”, is widely used today along with traditional forms of education. At the same time, the problem of choosing educational learning platforms that allow you to create educational content, manage the educational process and provide students with a complete repository is urgent. The purpose of this work is to analyze and compare the capabilities of the e-learning platforms Moodle and GoogleClassroom, which were used as an addition to the traditional learning system in the teaching of physics and related disciplines. The study was carried out on the basis of the Yelabuga Institute of the Kazan Federal University. The experiment involved 70 students (2nd, 3rd year). The results obtained show that a thoughtful combination of various digital tools and technologies opens up new opportunities for the implementation of an effective educational process. The results of the work can be useful for teachers of universities using distance technologies.

Keywords: LMS Moodle, GoogleClassroom, digital technology, e-learning.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Развитие цифровых технологий повлияло на все сферы жизни общества за последние несколько лет и оказало значительное влияние на сферу образования. Внедрение электронного обучения способствовало созданию условий для расширения потенциала и возможностей образовательного пространства [1]. В настоящий период виртуальная среда обучения является системой, которая может

быть использована вместе с традиционным обучением, а в некоторых случаях – полностью обеспечивать реализацию образовательного процесса на различных уровнях и направлениях подготовки. При этом управление курсами осуществляется посредством использования различных образовательных платформ [2]. В этой связи обнажился ряд проблем, требующих отдельных исследований. Так, в контексте реализации дистанционного образовательного процесса важным аспектом является выбор оптимальных платформ обучения, которые могут быть как с

открытым исходным кодом, так и иметь коммерческую основу, обладать различными потенциалом и функциональными возможностями в рамках создания информационно-развивающей среды обучения.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Системы электронного обучения разнообразны и в рамках реализации образовательного процесса эффективны во многих отношениях. Отмечено, что вопрос эффективности электронного обучения не может касаться только людей или только технологий [3]. Он включает взаимодействие между преподавателями и обучающимися в координации с технологиями (т.е. стандарты и аспекты процессов, такие как содержание курса, технология, система управления обучением (LMS) и т.д.). Следовательно, это представляет собой достаточно сложный процесс, включающий взаимодействие вышеуказанных параметров.

Отмечается, что, хотя ИКТ представляют собой фундаментальное материальное условие для электронного обучения, они не имеют статистически значимого влияния на эффективность электронного обучения [4]. Точно так же сообщалось, что нет статистически значимых различий между классическим и онлайн-обучением [5]. Однако смешанная технология электронного обучения в LMS Moodle и очных лекций приводит к активизации самостоятельной работы студентов и повышению их успеваемости [6]. Кроме того, это способствует формированию и совершенствованию информационный компетентности студентов [7].

В настоящее время существует огромный пробел в исследованиях относительно вклада социально-демографических факторов учащихся в их академическую успеваемость. В этом направлении проведено очень мало исследований [8]. Из-за разрыва между поколениями подход, ориентированный на педагога, не лучший подход для обучения. Это особенно актуально для учащихся, различающихся по способностям [9]. Следовательно, любые усилия по увеличению вовлеченности студентов в учебную деятельность могут привести к выявлению новых методик и подходов, которые необходимы для успешного использования той или иной платформы дистанционного обучения [10; 11].

В Казанском федеральном университете основными инструментами реализации дистанционных технологий в преподавании различных предметов являются LMS Moodle, GoogleClassroom, а в период пандемии MicrosoftTeams [12]. Авторами за последние семь лет разработаны, апробированы и успешно используются электронные образовательные курсы в LMS Moodle по всем разделам физики и ряду смежных дисциплин. Структура этих курсов, методика и различные модели их использования для реализации смешанного обучения физике исследовались в ряде работ [6; 7; 12; 13]. Следует отметить, что LMS Moodle является самой популярной платформой в высшем образовании России [14-18]. Ее использует более 90% процентов ведущих вузов страны. Из первой десятки рейтинга российских вузов лишь СПбГУ отдает предпочтение Blackboard [12].

Особенности и возможности платформы GoogleClassroom подробно изучались в работах ряда исследователей [19-22]. В работе [23] была предпринята попытка сравнительного анализа использования данных двух платформ для изучения иностранных языков. Авторы пришли к выводу, что преимуществами и недостатками различных LMS необходимо изучать в контексте преподавания конкретных предметов.

По сравнению с традиционными формами обучения преимущества электронного обучения заключаются в уменьшении географических барьеров и использовании дистанционного обучения. Однако существует достаточно много ситуаций и проблем, которые делают элек-

тронное обучение неэффективным. Например, многие студенты теряют интерес к онлайн-курсам. Неучастие студентов в процессе обучения является первостепенным в высоких показателях отсева учащихся в онлайн-обучении. Необходимо, чтобы образовательный контент электронной учебной среды способствовал заинтересованности обучающихся, их активному и результативному участию в процессе обучения, предоставлял преподавателям возможность реализации различных функций, обмен файлами, отслеживание успеваемости своих студентов и т.д., а студентам возможность поддерживать общение с однокурсниками и педагогами в любое время, когда это необходимо, с помощью форумов, чатов. Так, успешно усвоение курса физики определяется, прежде всего, правильной, методически грамотной подачей учебного материала, возможностью более гибкого управления учебным процессом посредством использования различных форм и платформ обучения [12].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Целью исследования является анализ и сравнение характеристик, индивидуальных особенностей образовательных платформ с открытым исходным кодом LMS Moodle и GoogleClassroom, а также обоснование особенностей их использования в процессе обучения физике и смежных дисциплин, экспериментальная проверка их эффективности.

В работе исследуется опыт кафедры физики Елабужского института Казанского федерального университета в системе подготовки бакалавров-педагогов при изучении физики. В исследовании приняли участие 70 студентов 2, 3 курсов отделения математики и естественных наук.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Методы исследования: теоретические методы, включающие анализ предмета исследования и его особенностей на основе изучения научно-технической и педагогической литературы; эмпирические методы по внедрению разработанных дистанционных технологий в учебный процесс, оценка их эффективности на основе опроса и анкетирования студентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Как отмечено выше, в контексте реализации смешанного обучения физике в период с 2014 года авторами разработаны и используются в учебном процессе электронные образовательные курсы по всем разделам физики на площадках LMS MOODLE, GoogleClassroom. Курсы содержат все необходимые обучающие и контролируемые элементы, для эффективной дистанционной поддержки различных видов учебной деятельности студентов: изучения теоретического материала, отработки навыков и умений решать физические задачи, проводить учебные и исследовательские эксперименты. Данные платформы Moodle и GoogleClassroom имеют открытые исходные коды, позволяющие при необходимости вносить в них некоторые изменения.

GoogleClassroom – это платформа с открытым исходным кодом, разработанная Google, которая используется для электронного обучения. GoogleClassroom позволяет эффективно общаться между преподавателем и обучающимися во всем мире, что делает ее одним из самых популярных технологических инструментов обучения. Помимо этого, студенты также могут взаимодействовать друг с другом в онлайн-пространстве. Так, например, в работе [23] сделан вывод, что Googleclassroom особенно удобен в изучении и преподавании английского языка.

Стандарт хорошей коммуникации зависит от различных характеристик, таких как содержание сообщения, формат сообщения и время. GoogleClassroom соответствует всем стандартам и обеспечивает беспрепятственное общение. Преподаватели могут свободно предостав-

лять различные учебные материалы, давать студентам самостоятельные задания и предоставлять их оценку. Тем временем студенты могут размещать свои вопросы и получать консультацию. Кроме того, помимо возможности давать инструкции, делиться учебно-дидактическими материалами и образовательными ресурсами, преподаватели могут отправлять комментарии и отзывы своим обучающимся через GoogleClassroom, что в целом активизирует образовательный процесс и может существенно повлиять на получаемые результаты. Важным моментом является возможность создавать места для онлайн-дискуссий среди студентов.

Одними из преимуществ системы GoogleClassroom являются то, что интерфейс данной платформы довольно функционален и имеет достаточно быструю и удобную настройку и навигацию, возможность хранения данных и совместного использования ресурсов, что способствует экономии времени и т.д. [22].

Изучение курса физики в Елабужском институте КФУ реализовывалось с внедрением Googleclassroom посредством следующих элементов. С помощью элемента ресурса «Лента» собирается и отображается актуальная информация по изучаемой теме: учебные материалы, видеоматериалы, объявления, комментарии пользователей. Элемент «Задания» позволяет добавлять различные учебные, контрольно-оценочные материалы в курс и распределять задания по темам в определенной последовательности. GoogleClassroom позволяет редактировать различные отправляемые студентами материалы в рамках заданий, студентам не нужно повторно копировать свои работы [21]. Эти инструменты полезны в случаях, когда возникают проблемы с грамотным оформлением работы в соответствии с определенными требованиями. В разделе «Пользователи» отображается список пользователей – обучаемых, присоединившихся к курсу (по коду или добавленным вручную). Важным элементом является электронный журнал, позволяющий отображать показатели и результаты выполненной работы. Открытый программный код системы позволяет вносить свои коррективы и управлять всем образовательным процессом, создавая индивидуальные траектории обучения студентов.

LMS Moodle также является платформой электронного обучения с открытым исходным кодом, которая используется различными образовательными учреждениями по всему миру более 15 лет и находится в постоянном развитии [12]. Данная платформа легко настраивается и доступна на разных языках. Она может быть легко установлена на сервере администратором, который затем предоставляет доступ педагогам и обучающимся. Для работы в системе может быть использовано любое устройство с подключением к Интернету.

Общение может осуществляться асинхронно через форумы или синхронизировано через чаты и личные сообщения.

Учебные элементы системы Moodle включают как относительно пассивные элементы (простая страница, файл, папка), так и активные (лекция, тест, задание и т.д.). Отдельно следует отметить уникальные возможности системы по организации тестового контроля знаний [24]. Так, последняя версия позволяет создавать тестовые задания 32 различных типов. Поэтому продуманно разработанный и структурированный банк тестовых заданий в совокупности с возможностью формирования и различных настроек конкретного теста позволяет сделать тестирование по настоящему действенным средством контроля знаний студентов [24-26].

В процессе изучения курса физики с использованием Moodle разработанные курсы включали следующие элементы:

- метаданные (описание курса, цель, задачи, отводимое количество часов в рамках программы соответствующего направления подготовки);
- методические рекомендации по работе с курсом;
- глоссарий – электронный интерактивный сло-

варь терминов и понятий. Наполнение данного элемента происходит в процессе работы с курсом при активном участии студентов;

- лекция – элемент, позволяющий размещать учебные материалы и оценивать степень их освоения
- задание – элемент, представленный различными контрольно-оценочными материалами в традиционной и нетрадиционной форме, задания с использованием взаимопроверки;
- тесты – элемент, позволяющий создавать разнообразные формы тестовых заданий, включая аналитические, графические, которые систематизированы в базе данных. Данный элемент позволяет реализовывать различные стратегии проведения тестирования.
- чат, вики – инструменты для совместной работы (примером вики является Википедия).

LMS Moodle позволяет реализовать различные педагогические сценарии дифференцированного обучения. Управление курсом можно организовать в двух разных форматах, а именно в формате тем и еженедельно. Первый позволяет разделить курсы на уникальные темы и отделить их друг от друга, тогда как второй использует еженедельный блок в зависимости от его продолжительности.

Как уже отмечалось, Moodle и GoogleClassroom широко используются в системе образования и получили много положительных отзывов как от преподавателей, так и от студентов. Обе платформы являются основой поддержки смешанного формата обучения, который способствует расширению и перемещению существующей учебной среды в онлайн. Анализ результатов работы показал, что экспериментальные группы, которые использовали Googleclassroom и Moodle в дополнение к традиционному обучению, имели более высокие средние показатели успеваемости по сравнению с контрольными группами. Изучение результатов анкетирования и опроса показали, что у студентов вызывает интерес такая форма работы. Обе платформы имеют определенное сходство, а также различия в работе и функциональности. На основе анализа практической работы и результатов опроса студентов нами выделены следующие особенности двух изучаемых образовательных платформ.

На обеих платформах имеется возможность создать совместное взаимодействие между преподавателем и обучающимися до ожидаемого уровня. Обе платформы могут использоваться для создания необходимого количества аудиторий и курсов и могут управляться преподавателем в зависимости от поставленных цели, задач образовательного процесса, условий его реализации. Данные платформы помогают преподавателям более простым способом зачислять обучающихся, предоставляют возможность загружать такие ресурсы, как презентации PowerPoint, файлы PDF, текстовые файлы, изображения, аудио- и видеофайлы, анимации и т.д. В рамках осуществления контроля и оценки платформы позволяют создавать задания и оценивать выполненные задания. Особо значимым является то, что доступ к размещенным на платформах ресурсам обучающиеся получают круглосуточно без выходных при наличии подключения к Интернету. Обе платформы существенно расширяют границы образовательного пространства, способствуют управлению и активизации учебно-познавательной и самостоятельной деятельности обучающихся.

Данные системы имеют и некоторые различия, представленные в таблице 1.

Таблица 1 - Различия между Googleclassroom и Moodle

Googleclassroom	Moodle
Для создания курса и набора студентов преподавателям не требуется специальное обучение.	Только специально обученные преподаватели с хорошим опытом работы в среде Moodle могут создавать курсы и эффективно набирать студентов.

Платформа достаточно простая, но эффективная.	Платформа относительно сложная, но имеет больше возможностей для работы.
Частные веб-сайты не могут быть созданы, а количество параметров, которые можно редактировать, ограничено.	Он включает в себя множество изменяемых опций в зависимости от наших потребностей. Часто используется для создания частных веб-сайтов, к которым могут получить доступ только люди, зарегистрированные в курсе.
Благодаря своей простоте не зависит от используемого устройства и хорошо работает как на компьютерах, так и на телефонах.	Приложение Moodle хорошо работает на разных смартфонах, но оно сложнее. Для использования всех возможностей удобнее работать с настольными компьютерами и ноутбуками.
Существует около 10 надстроек, которые можно использовать для расширения и улучшения функциональности ресурсов.	Несмотря на сложность, предлагается более тысячи дополнений.
Названия курсов не отображаются на главной странице.	Названия курсов доступны на главной странице для облегчения к ним доступа.
Чтобы зарегистрироваться, учреждение должно зарегистрироваться на образовательный пакет. Это бесплатно с ограничениями.	Поскольку это облачный сервис, у него есть ограничения на бесплатную версию.
Обладает возможностью создавать тестовые задания только четырех типов.	Позволяет создавать тестовые задания 32 различных типов.
Обладает ограниченными возможностями по формированию и настройке тестов.	Обладает широкими возможностями по формированию структурированного банка тестовых заданий и формированию и настройкам прохождения тестов.
Подходит для новичков в виртуальном обучении.	Подходит более опытным и обученным пользователям из-за своей относительной сложности.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Проведенное исследование, анализ результатов опроса и анкетирования студентов по внедрению Googleclass или Moodle E-Learning позволяют сделать вывод о том, что современные цифровые инструменты и технологии при правильном их подборе и продуманном использовании позволяют создать эффективную коммуникативную образовательную среду для преподавателей и студентов.

Анализ опыта работа с данными платформами и выявленных характеристик свидетельствует не только об эффективности платформ в контексте расширения образовательного пространства, но и о наличии некоторых ограничений использования платформ в учебном процессе.

1. Googleclassroom и Moodle могут использоваться учреждениями только до определенной степени. При увеличении нагрузки в бесплатной версии система начинает тормозить. Это создаст проблемы для существующих пользователей и мешает нормальной работе. Следовательно, системы качественно поддерживают ограниченное число пользователей.

2. Поскольку эти две платформы зависят от использования Интернета и потребности в соответствующих устройствах, проблема возникает, когда у студента нет к ним надлежащего доступа. Несмотря на то, что мы живем в эпоху технологий, у студентов в сельской местности есть определенные проблемы с доступом к Интернету.

3. Трудно представить себе полный переход на виртуальное обучение. Аудиторные занятия дают учащимся возможность хорошо общаться и изучать вещи, выходящие далеко за рамки академических знаний, в виртуальном же мире все это исчезает.

4. Особенностью курса физики, как и ряда других естественнонаучных дисциплин, является то, что данная наука является экспериментальной. Поэтому учебный процесс по физике предполагает, как изучение теоретического материала и практические занятия по решению

задач, так и выполнение большого объема лабораторных работ. Проведение лабораторных практикумов виртуально, в оторванности от реального лабораторного оборудования не способствует повышению качества учебного процесса.

Таким образом, основными ограничениями являются доступность компьютерных устройств и недостаточная пропускная способность, а также специфика физики, как учебной дисциплины.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Представляется, что результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе вуза. В будущем можно будет провести исследование, сравнивая функции платформ Googleclass и Moodle в рамках проведения конкретных форм занятий и организации соответствующих видов учебно-познавательной деятельности, чтобы получить более полные и конкретные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксенова Г.Н., Кочергина И.А. Особенности дистанционного обучения в образовательном процессе // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-4. С. 12-15.
2. Зинина О.В., Оленцова Ю.А. Проблемы вуза в эру дистанционных образовательных технологий и их решение // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 57-59.
3. Cantabella, M., Martínez-España, R., Ayuso, B., Yáñez, J. A., Muñoz, A. Analysis of student behavior in learning management systems through a Big Data framework // Future Generation Computer Systems. 2019. V. 90. P. 262-272
4. Захарова И.Г. Методы машинного обучения для информационного обеспечения управления профессиональным развитием студентов // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 9. С. 91-114.
5. Андреев А.А., Леднев В.А., Семкина Т.А. E-learning: Некоторые направления и особенности применения // Высшее образование в России. 2009. № 8. С. 88-92.
6. Шурыгин В.Ю., Краснова Л.А. Организация самостоятельной работы студентов при изучении физики на основе использования элементов дистанционного обучения в LMS MOODLE // Образование и наука. 2015. № 8. С. 125-139.
7. Краснова Л.А., Шурыгин В.Ю. Содержание и пути формирования информационный компетентности педагогов // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 200-203.
8. Cavus, N., Alhih, M. S. Learning management systems use in science education // Procedia-Social and Behavioral Sciences, 2014. V. 143. P. 517-520.
9. Сорокова М.Г. Электронный курс как цифровой образовательный ресурс смешанного обучения в условиях высшего образования // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 1. С. 36-50.
10. Utemov, V. V., Khusainova, R. M., Sergeeva, M. G., Shestak, V. A. Full Packaged Learning Solutions for Studying Mathematics at School // EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2018. V.14, №12. P. 1-13.
11. Минеева О.А., Ляшенко М.С. Борцевская Ю.М. Смешанное обучение как средство интенсификации обучения иностранному языку студентов магистратуры // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4(29). С. 115-119.
12. Шурыгин В.Ю., Краснова Л.А. Особенности использования дистанционных технологий при подготовке и проведении практических и лабораторных занятий по физике в вузе // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3(32). С. 213-216.
13. Krasnova L.A, Shurygin V.Y. Blended learning of physics in the context of the professional development of teachers // International Journal of Technology Enhanced Learning. 2020. V. 12, № 1. P. 38-52.
14. Курдова М.А., Квасова А.С. Развитие электронной информационно-образовательной среды вуза - требование современности // Уральский научный вестник. 2018. Т. 3, № 1. С. 022-026.
15. Ваганова О.И., Смирнова Ж.В., Абрамова Н.С. Проектирование учебного процесса по дисциплине с использованием
16. Медведева О.А. Интерактивные возможности электронного учебного курса, разработанного на основе системы MOODLE // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 4, № 1. С. 62-67.
17. Картузова Т.В., Мерлина Н.И., Селиверстова Л.В. Использование некоторых элементов системы MOODLE в работе со студентами заочного отделения при изучении математических дисциплин // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5, № 2 (15). С.34-36.
18. Кравченко Г.В. Использование дистанционной среды MOODLE в образовательном процессе студентов дневной формы обучения // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2 (78). С. 23-25.
19. Алтунин К.К. Разработка электронного образовательного ресурса в университете при помощи инструментов Google Site и MOODLE // Поволжский педагогический поиск. 2017. № 3 (21). С. 116-124.
20. Смирнов С.А. Организация дистанционной поддержки образовательного процесса с применением служб Google Apps for Education в комплексе с системой MOODLE // Школа будущего. 2012. № 1. С. 96-101.

21. Закиряев К.Э. Опыт внедрения электронного обучения в ИГУ им. К. Тыныстанова на примере MOODLE и Google Apps // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2017. № 5-1. С. 34-35.
22. Милыева А.И., Богданова М.В. Дистанционный курс в среде Google Classroom // Теория и практика современной науки. 2019. № 11 (53). С. 222-225.
23. Barman B., Karthikeyan J. Facilitating ELT through Moodle and Google Classroom // Restaurant Business. 2019. V.118, № 10. P. 506-518.
24. Шурыгин В.Ю. Организация тестового контроля знаний студентов средствами LMS MOODLE // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 172-174.
25. Бакаева О.А., Тагаева Е.А. Организация тестового контроля знаний в учебной деятельности // Образование и проблемы развития общества. 2019. №1(7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-testovogo-kontrolya-znaniy-v-uchebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 28.09.2020).
26. Костылев Д.С., Кутепова Л.И., Трутанова А.В. Информационные технологии оценивания качества учебных достижений обучающихся // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 190-192.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 721.021.2
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0045

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ СУБЪЕКТИВНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ BIM-ТЕХНОЛОГИЙ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 3256-1470
AuthorID: 264819
Scopus ID: 57202894714
ORCID: 0000-0003-4084-4008

АХМЕТЖАНОВА Галина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогике и методик преподавания
ФГБОУ ВО Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, Самарская обл., г. Тольятти, улица Белорусская, 14)

SPIN: 9607-0550
AuthorID: 560432
Scopus ID: 57225229608
ORCID: 0000-0002-9282-3295

ЕМЕЛЬЯНОВА Татьяна Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогике и методик преподавания
ФГБОУ ВО Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, Самарская обл., г. Тольятти, улица Белорусская, 14)

SPIN: 7215-4281
AuthorID: 556717

ЮРЬЕВ Алексей Владимирович, аспирант
ФГБОУ ВО Тольяттинский государственный университет
(445020, Россия, Самарская обл., г. Тольятти, улица Белорусская, 14, e-mail: pimp@tltsu.ru)

Аннотация. Стремительный мировой процесс цифровизации всех сфер жизнедеятельности требует от выпускников системы среднего профессионального образования новых значимых знаний и умений, повышающих эффективность деятельности в условиях неопределенности изменяющейся профессиональной сферы. Для студентов ситуации неопределенности возникают на фоне недостаточного понимания функциональных и карьерных перспектив и неполного освоения новых технологий будущей профессиональной деятельности. Цель статьи – описание процесса преодоления ситуации личностной неопределенности будущих специалистов строительной отрасли за счет повышения уровня сформированности профессиональных компетенций посредством применения BIM-технологий. Уточнено, что BIM являются инструментом, процессом и системой, эффективно влияющей и на преодоление личностной неопределенности будущих специалистов, и на результативность работы выпускников строительных специальностей в постоянно обновляющихся условиях профессиональной деятельности. Даны примеры заданий на основе BIM-технологий, реализуемых в учебном процессе колледжа. Приведены данные, отображающие изменения уровня сформированности профессиональных компетенций (понимание стратегии строительной области, ориентирование в регламентах и стандартах, умение управлять изменениями в строительной области) будущих специалистов строительной отрасли. Авторы приходят к выводу, что необходимо проектировать методологическую основу образовательного процесса колледжа на основе BIM-технологий, разрабатывать способы преодоления консервативной практики подготовки будущих специалистов в системе среднего профессионального образования.

Ключевые слова: неопределенность, объективная неопределенность, субъективная неопределенность, строительная отрасль, будущие специалисты строительной отрасли, профессиональные компетенции, BIM-технологии, профессиональная подготовка, учебный процесс, среднее профессиональное образование.

REDUCING THE LEVEL OF SUBJECTIVE UNCERTAINTY OF FUTURE SPECIALISTS IN THE CONSTRUCTION SECTOR THROUGH THE USE OF BIM TECHNOLOGIES

© The Author(s) 2021

AKHMETZHANOVA Galina Vasilyevna, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of pedagogy and teaching methods of Togliatti State University

EMELYANOVA Tatiana Vitalievna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and teaching methods of Togliatti State University

YURYEV Alexey Vladimirovich, post-graduate student
Togliatti State University

(445020, Russia, Samara region, Togliatti, Belorusskaya st., 14, e-mail: pimp@tltsu.ru)

Abstract: The rapid global process of digitalization of all spheres of life requires new significant knowledge and skills from graduates of the secondary vocational education system, which increase the efficiency of activities in the conditions of uncertainty of the changing professional sphere. For students, situations of uncertainty arise against the background of insufficient understanding of functional and career prospects and incomplete development of new technologies for future professional activity. The purpose of the article is to describe the process of overcoming the situation of personal uncertainty of future specialists in the construction industry by increasing the level of formation of professional competencies through the use of BIM technologies. It is clarified that BIM is a tool, process and system that effectively affects both overcoming the personal uncertainty of future specialists and the effectiveness of graduates of construction specialties in constantly updating professional conditions. Examples of tasks based on BIM technologies implemented in the educational process of the college are given. The data reflecting changes in the level of formation of professional competencies (understanding of the strategy of the construction field, orientation in regulations and standards, the ability to manage changes in the construction field) of future specialists of the construction industry are presented. The authors come to the conclusion that it is necessary to design the methodological foundations of the college educational process based on BIM technologies, to develop ways to overcome the conservative practice of training future specialists in the system of secondary vocational education.

Keywords: uncertainty, objective uncertainty; subjective uncertainty, construction industry, future specialists of the construction industry, professional competencies, BIM technologies, professional training, educational process, secondary vocational education.

ВВЕДЕНИЕ

Инновационные технологии оказывают существенное влияние на экономику и общество, изменяют способы общения и взаимодействия, трудовой и учебной деятельности, стимулируют создание и внедрение инноваций практически во все сферы жизни и деятельности человека [1-4]. Но, в то же время, их стремительное возникновение и распространение создает ситуацию неопределенности, влечет за собой огромное количество непонятных для человека ситуаций и неоднозначной информации.

В современных психолого-педагогических исследованиях неоднократно предпринимались попытки обобщения взглядов и подходов к неопределенности. Так, объективная неопределенность рассматривается как не зависящая от самого человека данность, масштабы которой возрастают вслед за усложнением мира [5]. Это характеристика условий, обстоятельств, факторов, среды, которые не позволяют человеку, по не зависящим от него причинам, в полной мере достичь целей своего личного или профессионального развития. В свою очередь, субъективная неопределенность является следствием недостатка знаний, умений в той или иной области, нечеткости представлений о собственных действиях. Однако, по мнению Т.В. Корниловой, именно неопределенность выступает «полюсом взаимодействия», на котором в полной мере раскрывается активность человека, его способность отвечать на вызовы конкретной ситуации [6]. Ряд исследователей рассматривают понятие «неопределенность» в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с конкурентоспособностью и возможностью профессионального роста специалиста, обладающего способностью формулировать и решать профессиональные задачи в условиях неопределенности, минимизировать их негативные последствия [7; 8].

Вышесказанное относится практически ко всем существующим и даже пока еще не существующим профессиям. Однако с большой долей вероятности можно утверждать, что целый ряд специальностей будут востребованы и в будущем. К примеру, строительные специальности играют центральную роль и в прогрессе общества, и в развитии экономики государства. Согласно прогнозу GlobalData, рост мирового строительного производства увеличит с 3,2 % в 2020 г. до 3,4 % в 2023 г. [9]. От качества проектирования и постройки жилых, производственных и иных объектов, дорожного, гидротехнического, железно- и автодорожного строительства зависит возможность предотвращения техногенных катастроф или минимизация их последствий, рациональное использование природных ресурсов и, в целом, создание условий для улучшения жизни людей. Однако новым поколениям строителей предстоит работать с иными по своей конструкции и материалам зданиями, в совершенно иной среде, где рабочие процессы автоматизированы, руководство рабочими площадками осуществляется в онлайн-режиме, контракты заключаются не на бумаге, а с помощью смартфонов и электронных подписей. По мере развития этих процессов должны развиваться и сами строители, и система профессионального образования, их готовящая.

Такая ситуация может быть интерпретирована в двух аспектах:

1. Как объективная неопределенность (техническая, экономическая, управленческая и др.), для снижения уровня которой недостает знаний: исходных, накопленных в процессе предыдущей работы с конкретным объектом, или оперативных, текущих сведений об объекте.

2. Как субъективная неопределенность (восприятие и оценка ситуации субъектом), представляющая собой информационное пространство для реализации субъектом конкретных профессиональных знаний, выбора и принятия решений на основе выявления причин,

а также способов снижения уровня неопределенности [10; 11].

В первом случае, неопределенность информации может быть разрешена путем осуществления ряда мер организационного и технологического характера, например, посредством налаживания учета и систематизации данных. Субъективная же неопределенность характеризуется необходимостью осознанного, ответственного выбора и, как следствие, высокой степенью риска принятия неадекватного решения при выполнении того или иного действия.

В целом, отношение к неопределенности в научном мире неоднозначно. С одной стороны, она неконтролируема, делает невозможным управление и прогноз развития событий, структурирование причинно-следственных закономерностей по причине отсутствия информации и готовых алгоритмов ее интерпретации, т.е. представляет собой «смысловой абсурд», разрывающий связь внешнего, объективного мира и субъективного внутреннего мира личности [12]. С другой стороны, ситуации неопределенности обладают такой характеристикой, как новизна, что побуждает человека размышлять и действовать. В этом аспекте неопределенность выступает своеобразным «двигателем» образовательного процесса, мотивируя педагога к оперативному поиску ответов на вопросы «как учить?», «чему учить?» [13].

Как показывает опыт, именно субъективная неопределенность становится одной из основных причин того, что 43 % выпускников колледжей не работают по специальности (данные выборочного исследования Росстата, 2019 г.) [14]. Для студентов, будущих инженеров-строителей, такие ситуации связаны с негативным настроением, неуверенностью в своих возможностях и способностях, высокой степенью тревожности, и, как следствие, с сомнением в правильности выбора сферы трудовой деятельности. В то же время, эта ситуация напрямую зависит от самой системы образования: с одной стороны, она названа ВНИИ труда Минтруда России одной из наиболее стабильных сфер работы в стране, с другой – образование первым ощущает на себе экономические, социальные и иные преобразования, происходящие в обществе, и реагирует на них, а в целом уже не первое десятилетие находится в состоянии стабильной неопределенности.

Связано это, прежде всего, с объективными факторами, влекущими за собой пролонгированную «пересборку» некогда стабильной модели образования. К таким факторам, в первую очередь, относится стремительное развитие цифровых технологий, в корне меняющее способы создания, фиксации, передачи знаний и навыков. Еще один фактор – спрос на новые компетенции выпускников образовательных учреждений, требующий новых образовательных стандартов и форм обучения, которые, в свою очередь, быстро заменяют собой традиционные образовательные системы. Третий фактор – видоизмененная ценностная позиция «общества потребления»: во-первых, возрастает число обучающихся с низкой мотивацией к обучению, для которых образование не представляет особой ценности; во-вторых, обучающиеся, понимающие смысл саморазвития, не готовы довольствоваться готовым «пакетом знаний», они уверены в себе, предприимчивы, требовательны к образованию, легко осваивают технологии. Их будущее – еще несуществующие профессии. Современному педагогу СПО приходится готовить обучающегося к жизни, о которой ни одному, ни другому практически ничего не известно.

Для педагога неопределенность учебного процесса может выражаться в непрерывных качественных изменениях содержания и организации профессиональной деятельности: и в непредсказуемости действий обучающихся – представителей «цифрового поколения», и в стремительном переходе образовательных организаций на дистанционную форму обучения в условиях COVID-19, названного в новейшей учебной литературе

«средством, изменившим правила игры» [15], и в иных аспектах, когда педагог не имеет четких инструкций, а работа с помощью проверенного «инструментария» становится неэффективной.

Для студента ситуации неопределенности могут быть связаны и с видением будущей профессии, когда функциональные и карьерные перспективы не ясны, и с потенциальной «пользой» или «бесполезностью» осваиваемых в ходе обучения знаний, навыков, технологий в реальных профессиональных условиях. Наиболее явно это проявляется среди будущих строителей в эпоху цифровизации отрасли [16].

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель статьи – описание процесса преодоления ситуации личностной неопределенности будущих специалистов строительной отрасли за счет повышения уровня сформированности профессиональных компетенций посредством применения BIM-технологий. Для реализации цели необходимо выполнение ряда задач, которые предполагают конкретизацию компетенций студентов СПО, обучающихся по направлению подготовки 08.02.01 «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений», разработку дидактического материала, соответствующего содержанию выявленных компетенций, подбор диагностических методик и проведение диагностики с целью определения исходного уровня рассматриваемых компетенций и изменений их сформированности по результатам проделанной работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Личностная неопределенность студентов, как было указано выше, в основе своей имеет недостаточный уровень освоения знаний и практических навыков и, в целом, сформированности профессиональных компетенций. Для студентов СПО, обучающихся по направлению подготовки 08.02.01 «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений», прежде всего, необходимо:

- понимание стратегии развития строительной отрасли: знание специфики развития строительных предприятий региона; умение проводить анализ внутренней и внешней среды профессиональной деятельности, определять сильные и слабые стороны строительных объектов относительно региональной специфики конструкций, материалов и пр.;

- умение управлять изменениями в строительной области: выявлять современные ресурсы и возможности для повышения конкурентоспособности строительных предприятий; выбирать оптимальный вариант стратегического плана строительства; разрабатывать план реальных действий по созданию определенного объекта и индикаторы успешности профессиональной деятельности; анализировать результаты выполнения мероприятий, корректировать цели и способы их достижения;

- способность ориентированность в регламентах и стандартах: умеет проверять и анализировать нормативную документацию, выбирать оптимальный способ решения профессиональных задач, учитывая действующие правовые нормы и имеющиеся условия, ресурсы и ограничения.

Указанные компетенции конкретизированы как приоритетные в ходе круглого стола с работодателями – представителями крупных строительных предприятий городского округа Тольятти (ООО «Капитальный проект», ООО «СтройМонтажТольятти» и др.) в Тольяттинском политехническом колледже в 2020 г.

С целью формирования данных компетенций и с учетом того, что технический прогресс сегодня предоставляет универсальные инструменты, обеспечивающие повышение производительности строительной отрасли, для реализации опытно-экспериментальной работы выбрана технология BIM (информационное моделирование зданий).

BIM сегодня является «универсальным языком» проектов строительной отрасли, позволяющим коллективу специалистов проектировать и документировать проек-

ты зданий и объектов инфраструктуры, сопровождать их на протяжении всего жизненного цикла: от планирования и проектирования до сноса.

В образовательном процессе реализация технологии BIM начинается с создания базового объекта – информационной 3D-модели, и одновременной разработки необходимой документации. При проектировании модели анализируются возможные, наиболее оптимальные варианты проекта, создается визуализация, помогающая обучающимся лучше понять, как будет выглядеть здание в реальных условиях. BIM в качестве образовательной технологии в процессе подготовки будущих специалистов строительной сферы – это возможность сформировать осмысленное, включенное отношения к деятельности, платформа для самовыражения, самопознания и самооценки себя как профессионала.

Преимущества BIM как инновационной строительной технологии заключаются в сокращении времени реализации проектов, в снижении затрат, повышении качества и, как следствие, в большей удовлетворенности клиентов. Преимущества для студентов при использовании BIM в учебном процессе колледжа в том, что:

- переход от традиционного моделирования на основе чертежей к использованию BIM – это не просто введение в образовательный процесс нового дидактического инструмента, а содержательно иная методология и, одновременно, мейнстрим в практике современной строительной сферы;

- BIM – инструмент, предоставляющий студентам возможность лучшего понимания рабочей информации о конструкции в процессе разработки деталей, материалов и соединений объекта и, в целом, его информационной модели в 3D формате [17].

Таким образом, BIM – это инструмент, процесс и система, оказывающая непосредственное эффективное влияние на ход и результат работы строительных организаций, а при использовании в образовательном процессе – позволяющая превратить учебный процесс в «яркую трехмерную интерактивную сцену, имитирующую строительную площадку» [18], сформировать профессионально необходимые компетенции и, тем самым, преодолеть ситуацию личностной неопределенности студентов.

В зарубежных системах подготовки кадров освоение BIM-технологий реализуется на специализированных курсах Autodesk Certified Professional (университет Колорадо, США), CAD / BIM technologies and Applications (Национальный университет Тайваня, КНР), La gestión de personas y equipos (Школа бизнеса IESE, университет Наварры, Испания) и др.

В отношении отечественной системы образования речь идет, как правило, о внедрении BIM в качестве образовательной технологии в образовательные программы вузов, а также в дополнительные профессиональные программы повышения квалификации. В качестве примера можно назвать курс повышения квалификации «Информационное моделирование (BIM) строительных объектов. BIM-технологии для проектирования зданий и сооружений» (ЦНТИ ПРОГРЕСС Санкт-Петербург / Москва). В то же время, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 05.03.2021 № 331, начиная с 1 января 2022 года, все договоры, заключенные на строительство школ, больниц, детских садов и прочих объектов, финансируемых за государственный счет, должны содержать в себе положения о формировании и использовании BIM-модели. Соответственно, у заказчиков и исполнителей этих договоров должны быть в штате подготовленные специалисты, умеющие работать с информационной моделью. Это может быть достигнуто за счет внедрения BIM в систему средней профессиональной подготовки [19-22].

Использование BIM-технологий для проведения реформирования в отечественной системе среднего профессионального образования находится в стадии раз-

работки. В настоящее время «узким местом» является нехватка педагогов, владеющих программами BIM, а также методического и дидактического обеспечения образовательного процесса.

Пересмотр программ Тольяттинского политехнического колледжа в связи с внедрением BIM в образовательный процесс в настоящее время находится на стадии планирования в тесном сотрудничестве с участниками строительной отрасли. Задача состоит в том, чтобы представить BIM как педагогический инструмент, который может быть включен в образование на всех ступенях профессиональной подготовки будущих специалистов строительной сферы.

В ходе проведенной нами работы BIM применен в дисциплинах общепрофессионального цикла, таких как «Правовое обеспечение профессиональной деятельности», «Инженерная графика», а также в учебных курсах, включенных в профессиональный цикл и касающихся освоения знаний и навыков по проектированию конструктивных элементов объектов и выполнения работ по их строительству и реконструкции. В эксперименте были задействованы обучающиеся по направлению подготовки 08.02.01 «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений», 3 курс, 48 человек. Временной период работы – сентябрь-март 2021 г.

В частности, задания, нацеленные на формирование понимания стратегии развития строительной отрасли, включают разработку таких базовых стратегий, как лидерство в издержках и стратегия фокусирования. Первая из указанных стратегий направлена на достижение конкурентных преимуществ объекта за счет низких затрат на отдельные конструктивные элементы. Стратегия фокусирования предполагает выбор ограниченной по масштабам строительной деятельности с конкретно очерченным кругом потребителей (определение рыночной ниши). В учебный процесс включались онлайн-обзоры объектов, построенных с применением BIM, в числе которых административно-деловой комплекс «Невская ратуша», «Лахта-Центр» (г. Санкт-Петербург) и др.

С целью формирования умения управлять изменениями в строительной области осваивались инструменты BIM-проектирования и построения виртуальных зданий и объектов, в частности, инструментарий для создания и редактирования чертежа (работа с текстом, размерами, выносками и другими инструментами аннотирования чертежа), приобретался опыт распределения объектов по слоям, управления свойствами объектов, создания сложносоставных объектов на основе полилиний, использования AutoCAD и др. В частности, разрабатывалась BIM-модель наземного пешеходного перехода Revit (два вертикальных остекленных блока, лестничные сходы, армирование); BIM-модель автомобильной дороги Revit (комплексный проект с проработанными водопропускными трубами, лотками, наземными пешеходными переходами, дорожными знаками, инженерными коммуникациями и другими инженерными элементами); построение планов информационного моделирования для внутренних инженерных сетей посредством Revit MEP; 3D-виды и визуализации. Для выявления преимуществ BIM применялся метод сравнения с расчетами в программе Robot Structural с последующим импортом данных в программу Lira.

В процессе формирования способности ориентироваться в регламентах и стандартах изучались правила организации процесса информационного моделирования, специфика коллективной работы над моделью, требования к моделям, методы извлечения данных из модели, формировались навыки составления стандартов, создавались рабочие библиотеки BIM-компонентов для систем отопления, вентиляции и кондиционирования.

Перед началом работы и по ее завершении проведены диагностические процедуры, цель которых – определение исходного состояния выявленных компетенций и изменений их сформированности по результатам иссле-

дования.

Применяемые методы диагностики:

1. Метод «Анализ проблем» (К. Исикава): определение сути проблемы, ее описание (суть, место, время, степень отклонения); получение ключевой информации по каждому из четырех пунктов описания для определения возможных причин возникновения проблемы; выделение наиболее вероятной причины, проверка выявленной причины проблемы на подлинность.

2. Метод «Оценка ситуации» (метод кейсов): анализ конкретных профессиональных ситуаций на основе фактического материала с целью принятия управленческие решения.

Результаты экспериментальной работы показали повышение уровня сформированности выявленных компетенций (Рисунок 1).

Сформированность профессиональных компетенций

Рисунок 1 – Сравнительные показатели сформированности профессиональных компетенций будущих специалистов строительной сферы

Данные, приведенные на рисунке 1, показывают, что наибольшие изменения наблюдаются в отношении умения управлять изменениями в строительной области (увеличение на 18 %) и понимания стратегии развития строительной отрасли (повышение составило 12 %). Уровень ориентирования в регламентах и стандартах изначально был довольно высок (69 %), однако проделанная работа позволила поднять показатель еще на 7 %.

ВЫВОДЫ

Таким образом, применение BIM-технологий не только охватывает все стадии производства и жизнеобеспечения зданий, но и становится основой обучения современных специалистов строительной сферы, повышая их уровень профессиональной определенности за счет формирования профессионально значимых компетенций посредством комплексного освоения цифровых инструментов сбора данных, проведения проектных работ, строительства, оснащения, эксплуатации и ремонтных работ на объекте.

Работа с цифровыми моделями объекта позволяет в виртуальном режиме рассчитать, состыковать, собрать в единую конструкцию элементы и системы будущего сооружения, выявить их функциональную пригодность, эксплуатационные качества и жизнеспособность и, как следствие, сформировать у обучающихся ясное понимание стратегии развития строительной отрасли.

Проведенная работа показала необходимость интеграции BIM в структуру СПО с целью формирования компетенций, позволяющих снизить уровень личностной неопределенности студентов, – будущих специалистов строительной сферы. Следующий этап исследования – проектирование методологической основы образовательного процесса колледжа на основе BIM-технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асмолов, А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия / А. Г. Асмолов // Психологические исследования, 2015. Т. 8. № 40. С. 1.
2. Al-Ashmori Y. Y. et al. BIM benefits and its influence on the BIM implementation in Malaysia // Ain Shams Engineering Journal. – 2020. – Т. 11. – №. 4. – С. 1013-1019.
3. Witt E., Kähkönen K. BIM-enabled education: a systematic

literature review //10th Nordic Conference on Construction Economics and Organization. - Emerald Publishing Limited, 2019.

4. Паиковская Е.Г. Цифровая трансформация деятельности субъектов малого бизнеса в контексте экономической безопасности. *Экономика и управление. 2021;27(8):654-666. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-8-654-666>*

5. Смирнов, С. Д. (2016). Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности. *Психологический журнал, 37(5), 5–13.*

6. Sampaio A. Z. Introduction of BIM methodology in education: Concept and application //4th International Conference on Higher Education Advances (HEAD'18). – Editorial Universitat Politècnica de València, 2018. – С. 19-27.

7. Нови И.Н., Дубовой И.Г. Анализ методов повышения конкурентоспособности промышленных предприятий в условиях неопределенности // *Вестник ТИУиЭ. 2020. №1 (31). С. 28-30*

8. Погодина Т.В., Удальцова Н.Л. Стратегическое управление конкурентоспособностью промышленных компаний в нестабильных рыночных условиях // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. №1. С. 41-49*

9. Цзиньэнь Юй Факторы, оказывающие влияние на развитие строительства России и Китая // *Экономика и управление народным хозяйством. Экономические науки, 2019. № 12 (181). С.369-376. <https://doi.org/10.14451/1.181369>*

10. Макаева К.И., Серверова Э.И., Вефаева П.Р., Годгаев Д.Б., Умкеева Б.В., Очаева Д.Ц., Безрукова О.Г. Сущность рисков и неопределенности в менеджменте // *Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7-2. С. 38-47.*

11. Witt E., Kähkönen K. BIM-enabled education: a systematic literature review //10th Nordic Conference on Construction Economics and Organization. – Emerald Publishing Limited, 2019.

12. Кочулова О.А. Преодоление неопределенности внешнего и внутреннего миров человека // *Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2-х т. / Под общей и научной редакцией д.ф.н. Е.В. Бакиштовой, д.п.н. О.В. Юсуповой, к.псх.н. Е.Ю. Двойниковой. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т. 2018. С. 30-33.*

13. Бегалинова К.К., Косенко Т.С., Наливайко Н.В. Принцип неопределенности в образовании как социально-философская проблема // *Философия образования. 2016. № 2 (65). С. 122-128.*

14. Три факта о трудоустройстве выпускников 2016-2018 годов // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/88401>

15. Farrell R., Sugrue C. Sustainable Teaching in an Uncertain World: Pedagogical Continuities, Un-Precedented Challenges. 2021. <https://doi.org/10.5772/intechopen.96078>

16. Maskuriy R., Selamat A., Maresova P., Krejcar O. and Olalekan O. D. Industry 4.0 for the Construction Industry: Review of Management Perspective. *Economies 2019, 7, 68; doi:10.3390/economies7030068*

17. Dong R.-R. The Application of BIM Technology in Building Construction Quality Management and Talent Training. *EURASIA Journal of Mathematics Science and Technology Education. 2017 13(7):4311-4317 DOI: 10.12973/eurasia.2017.00860a*

18. Jin Xu, Bin-Ke Li, Su-Mei Luo Practice and Exploration on Teaching Reform of Engineering Project Management Course in Universities Based on BIM Simulation Technology// *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education, 2018, 14(5), 1827-1835. <https://doi.org/10.29333/ejmste/85417>*

19. Крашакова, Т. Ю. Способы формирования ключевых компетенций цифровой экономики у будущих техников-строителей / Т. Ю. Крашакова, И. И. Тубер // *Инновационное развитие профессионального образования. — 2021. — № 3 (31). — С. 47–54.*

20. Shelbourn, M., Macdonald, J., McCuen, T., & Lee, S. Students' perceptions of BIM education in the higher education sector: A UK and US perspective // *Industry and Higher Education, 2017. T. 31. №. 5. Pp. 293-304.*

21. Chowdhury T., Adafin J., Wilkinson S. Review of digital technologies to improve productivity of New Zealand construction industry. *Journal of Information Technology in Construction. (2019). 24. 569-587. DOI:10.36680/j.itcon.2019.032*

22. Awolusi, I., Marks, E., & Hallowell, M. (2018). Wearable technology for personalized construction safety monitoring and trending: Review of applicable devices. *Automation in Construction, 85(July 2016), 96–106. <http://doi.org/10.1016/j.autcon.2017.10.010>*

Статья поступила в редакцию 28.09.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.13

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0046

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

НОВОГОДНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 3428-5733

AuthorID: 522233

ORCID: 0000-0002-8897-8665

АБРАМОВА Елена Константиновна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Романо-германская филология и методика преподавания иностранного языка»

Оренбургский государственный педагогический университет

(460014, Россия, Оренбург, улица Советская, 19, e-mail: helene2310@yandex.ru)

Аннотация. Цель исследования – произвести сравнительный анализ композиции и лингвистических особенностей текста новогодних поздравлений Э. Макрона 2017–2020 годов. В статье предпринимается попытка изучения различных приемов построения президентских новогодних обращений, лексических и грамматических характеристик. Научная новизна исследования заключается в сравнительном характере изучения поздравительных речей, выявлении закономерностей и особых случаев композиционного оформления, употребления лексических единиц, использования грамматических явлений. В результате проведенной работы определено, что исследуемые тексты новогодних посланий имеют различную структуру, подчинены отражаемому содержанию без точного следования правилам построения текста ритуального жанра. Все речи довольно длинные, с предпочтением сложных предложений с каскадом придаточных. Во всех обращениях французский президент политкорректен, не допускает гендерной, социальной, профессиональной, возрастной дискриминации. Среди излюбленных лексических приемов Э. Макрона выделяются повторы, использование синонимов, редких и устаревших слов. Сравнительный анализ четырех текстов новогодних посланий показал следующие тенденции: уменьшение лексических повторов, более редкое употребление личного местоимения *je*, изменение соотношения глаголов в настоящем и прошедших временах с преобладанием последних, снижение числа побудительных, вопросительных, восклицательных предложений. Практическая значимость исследования состоит в том, что основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с политическим дискурсом, языковым портретом президента, процессами, происходящими в мировой политике.

Ключевые слова: французский язык, Э. Макрон, президентская риторика, новогоднее обращение, особенности композиции, лексические и грамматические характеристики, сравнительный анализ.

EMMANUEL MACRON'S NEW YEAR SPEECHES: COMPARATIVE ANALYSIS

© The Author(s) 2021

ABRAMOVA Elena Konstantinovna, candidate of philological sciences,
associate professor of the department of «Romano-Germanic philology and methods of language teaching»

Orenburg State Pedagogical University

(460014, Russia, Orenburg, street Sovetskaya, 19, e-mail: helene2310@yandex.ru)

Abstract. The purpose of the study is to make a comparative analysis of the composition and linguistic features of Emanuel Macron's New Year greetings for 2017–2020. The article attempts to study lexical and grammatical characteristics as well as various techniques for constructing presidential New Year's addresses. The scientific novelty of the research lies in the comparative nature of the study of congratulatory speeches, the identification of patterns and special cases of compositional design, the use of lexical units, and grammatical phenomena. As a result, it was determined that the studied texts of New Year's messages have a different structure, are subordinate to the reflected content without strict adherence to the rules of the ritual genre. All speeches are quite long, with a preference for complex sentences with a cascade of clauses. In all appeals, the French president is politically correct, does not allow gender, social, professional, age discrimination. Among E. Macron's favorite lexical techniques are repetitions, the use of synonyms, rare and obsolete words. A comparative analysis of four texts of New Year's messages showed the following trends: a decrease in lexical repetitions, a more rare use of the personal pronoun *je*, a change in the ratio of verbs in the present and past tenses with a predominance of the latter, a decrease in the number of motivating, interrogative, exclamation sentences. The practical significance of the study lies in the fact that conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities when considering issues related to political discourse, the linguistic portrait of the president, and the processes taking place in world politics.

Keywords: French, E. Macron, presidential rhetoric, New Year speech, composition features, lexical and grammatical characteristics, comparative analysis.

ВВЕДЕНИЕ

Эммануэль Макрон – действующий президент Пятой республики, молодой, целеустремленный, амбициозный политик, который вызывает интерес не только у современных политологов, но и филологов. Для первых важно то, что делает политик для своего народа, для своей страны, для престижа своего государства на мировой арене. Объектом изучения вторых является то, что он говорит и какие лингвистические и нелингвистические средства при этом использует. Выступая под сводами Французской академии по случаю празднования Международного дня франкофонии (20 марта 2018 года), Э. Макрон отметил: «*Le français est une langue d'émotion, de combat, une langue d'exil, de blessures. Cette langue qui nous a été donnée c'est la langue que j'aime*» [1]. Такие слова, безусловно, по нраву не только представителям французской интеллигенции, но и всему французскому народу, который всегда трепетно относился к своему родному языку. В данном выступлении французский

президент озвучил меры, которые, по его мнению, необходимы, чтобы французский язык вновь занял одну из лидирующих позиций в мире. Можно предположить, что человек, производящий подобные слова, должен сам на высоком уровне владеть родным языком и демонстрировать его богатство и красоту в своих речах. Французские и отечественные лингвисты, занимающиеся изучением речевого поведения Э. Макрона, отмечают, что его выступления пронизаны позитивной энергетикой, отличаются динамизмом, высоким интеллектуальным содержанием и любовью к французскому языку [2]. Президента Пятой республики иногда называют «*président littéraire*», указывая на идеальную сочетаемость слов, богатый словарный запас, проявляющийся в использовании устаревших слов и неологизмов, профессиональной лексики и разговорных выражений, философских изречений и ироничных высказываний, так называемых авторских слов [3]. Кроме того, Э. Макрон демонстрирует соблюдение всех грамматических согласований, которые можно ус-

лышать на слух, следует правилам обязательного и факкультативного связывания.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на необычную президентскую риторику, филологические работы, посвященные Э. Макрону, немногочисленны. В основном предметом рассмотрения служат общие характеристики его политического дискурса [2, 4, 5, 6], особенности его предвыборных речей [7], черты его вербального имиджа [8], его коммуникационные стратегии [9], сравнительный анализ выступлений Э. Макрона и других президентов (французских и других государств) [10, 11]. Изучение тенденций мировой политической коммуникации невозможно без учета такой политической фигуры, как Э. Макрон. Это свидетельствует об актуальности данной работы. Материалом настоящей статьи выступают тексты новогодних обращений, которые занимают, по нашему мнению, особое место среди других типов политического дискурса. В более ранних работах мы уже рассматривали обращения французского президента по случаю Нового года, делая акцент на композиционных и лингвистических особенностях [12, 13]. Сравнительный анализ способен дополнить речевой портрет Э. Макрона и раскрыть отличительные черты его риторики. Кроме того, сравнивая новогодние обращения, можно увидеть динамику речевого поведения главы государства, выявить закономерности и исключения в употреблении слов, грамматических конструкций, стилистических приемов. В этом и состоит цель предпринимаемого исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По своей структуре новогоднее обращение – это ритуальный жанр политической коммуникации [14], находящийся на стыке обращения и поздравления. Новогоднее обращение представляет собой вторично устную речь, поскольку текст сначала пишется, затем редактируется, выверяется специальными людьми – спичрайтерами. Транслируется речь по телевидению, радио, в сети Интернет. Президентское поздравление носит общественно-политический характер, так как его основная цель – объединение нации на основе общих ценностей и действующей политической идеологии, что выражается не только в теплых пожеланиях, но и озвучивании своего видения внешней и внутренней политики, итогов уходящего года и перспектив дальнейшего развития страны. Новогоднее обращение президента может вызвать ответную реакцию народа в виде как положительных эмоций (единение, радость, патриотизм, воодушевление, согласие, благодарность и т.п.), так и отрицательных (возмущение, несогласие, недовольство, неудовлетворенность, негодование, озлобленность и пр.).

В большинстве случаев текст новогоднего обращения состоит из следующих частей: обращение к нации, озвучивание повода обращения, подведение итогов прошлого года, определение приоритетных направлений на будущий год, идеологический и патриотический компоненты, непосредственно само поздравление с Новым годом, выражение пожеланий. Рассмотрим, в какой форме данные элементы присутствуют в новогодних обращениях Э. Макрона, которые он произнес 31 декабря 2017, 2018, 2019, 2020 годов [15, 16, 17, 18]. При этом в нашей работе используются критический анализ научной литературы по теме, метод сплошной выборки в иллюстративном материале, компонентный анализ, семный анализ, синтаксический анализ, сравнительный анализ, количественный метод.

Все новогодние поздравления главы французского государства довольно длинные и составляют от 16 с половиной до 18 с половиной минут. В 2019 году Э. Макрон побил рекорд продолжительности новогоднего поздравления Шарля де Голля в 1960 году, которое длилось 18 минут. Если говорить о композиции новогодних обращений Э. Макрона, то можно заметить, что у французского президента нет единой формы построения своего выступления. Каждое обращение уникально и имеет свою

структуру. Речь 2017 года построена традиционно, в ней четко прослеживаются основные элементы: обращение, обозначение повода поздравления, итоги уходящего года, планы на будущий год, собственно поздравления и пожелания, заключительные фразы. Это было его первое новогоднее поздравление, в котором глава Пятой республики сначала кратко охарактеризовал минувший год, затем подробно описал то, каким образом он будет исполнять свои президентские обязанности, и какую работу должно будет провести правительство, в конце сжато и торжественно поздравил французский народ с Новым годом и озвучил свои пожелания. Речь 2018 года построена по-другому. Начало своего выступления Э. Макрон посвятил достижениям правительства в уходящем году, затем он обратился к так называемому народному гневу, то есть к протестам, которые охватили практически всю территорию Франции в конце года, а после затронул решение проблем мирового сообщества. Основная часть обращения была посвящена трем пожеланиям: правды, достоинства, надежды. Затем президент затронул тему патриотизма и кратко представил свое пожелание-поздравление. В выступлении 2019 года говорится главным образом о будущем страны и Европы: предстоящей пенсионной реформе, местных выборах, экологических изменениях. Небольшая доля новогодней речи посвящена проблемам и утратам (гибель французских солдат и полицейских, природные катастрофы, уход из жизни Ж. Ширака, пожар в Соборе Парижской богородицы). Совсем немного Э. Макрон говорит об успехах уходящего года, а именно о том, что удалось достичь конструктивного диалога с «желтыми жилетами», создать новые рабочие места, привлечь иностранных инвесторов во французскую экономику. В конце обращения президент напоминает французскому народу о его уникальности, о богатой истории и лаконично формулирует свое новогоднее поздравление. События 2020 года, а именно жизнь в условиях пандемии из-за новой коронавирусной инфекции, внесла свои коррективы и в структуру новогодних президентских обращений. Э. Макрон не исключение: «*Ce soir, nous ne vivons pas un 31 décembre comme les autres*» [18]. Логически можно поделить эту речь на три части. Сначала, говорится о событиях 2020 года: трудностях (эпидемия, кризис многих секторов экономики, бедность некоторых слоев населения); утратах уходящего года (64 000 жертв коронавирусной инфекции, выход Великобритании из Европейского Союза); положительных моментах (невиданные инвестиции в здравоохранение, принятие экологических программ, народное единение в борьбе с коронавирусом). Затем президент обращается к судьбе простых людей, называя их имена, род занятий и обращая внимание на то, как изменилась их жизнь во время пандемии, какую помощь они оказали другим, какой показательный поступок совершили. Например, среди них была пожилая женщина (Mauricette, 78 ans), проживающая в доме престарелых, которая первая во Франции вакцинировалась от COVID-19. Третья часть выступления посвящена будущему году (кризису во многих областях, надежде пережить это сложное время).

Рамочные компоненты (обращение и заключительная фраза) обязательны и присутствуют во всех анализируемых выступлениях. В первой речи это краткое обращение «*Mes chers compatriotes*» [15], во второй и третьей более распространенное «*Françaises, Français, Mes chers compatriotes de l'Hexagone et des Outre-Mer (d'Outre-Mer)*» [16, 17], в четвертой речи самое длинное: «*Françaises, Français, Mes chers compatriotes de l'Hexagone, d'Outre-Mer et de l'étranger*» [18]. Таким образом, обращение конкретизируется, становится более адресным и точным. Заключительная фраза неизменна: *Vive la République (et) vive la France. (!)*. Отличие состоит в синтаксическом оформлении (это два простых предложения или одно сложносочиненное), в интонации (нейтральная в 2017 и 2020 годах, восклицательная в 2018 и 2019 го-

дах). Это зависит от ситуации в стране в целом, степени торжественности момента для самого президента, желания передать свое настроение всей нации.

Примечательно, что, несмотря на то, что повод обращения – это поздравление с Новым годом, сочетания типа *Nouvel An* или *jour de l'An* не встречаются ни в одном из анализируемых текстов. Рассмотрим, сколько раз и каким образом обозначаются уходящие и будущие года. Упоминаний о старом годе не так много: 5 раз в речи 2017 года (*l'année 2017 (2), cette année, l'année du choix, l'année s'achève*) [15]; 5 раз в речи 2018 года (*en 2018, l'année 2018, la leçon de 2018, la célébration du centenaire de l'Armistice de 1918, l'année qui s'achève*) [16]; 2 раза в речи 2019 года (*l'année qui vient de s'écouler, ces jours de printemps*) [17]; 5 раз в речи 2020 года (*l'année 2020, cette année 2020 (2), cette période si dure et injuste, en 2020*) [18]. Перифрастическое обозначение года преобладает над числовым, чтобы еще раз указать на значимые события уходящего года. Например, сочетание *l'année du choix* отсылает нас к президентским выборам; перифраза *la célébration du centenaire de l'Armistice de 1918* напоминает о праздновании столетней годовщины окончания Первой мировой войны. Словосочетанием *la leçon de 2018* Э. Макрон отмечает уроки, которые он сделал для себя из событий предыдущего года. Выражение *ces jours de printemps* свидетельствует о грустном событии уходящего года – пожар и разрушение Собора Парижской богородицы. Сочетание *cette période si dure et si injuste* обозначает сложность периода пандемии особенно для студентов, работников ресторанов, отелей, сферы туризма, спорта, культуры.

Указаний на будущий год больше: 15 раз в речи 2017 года (*2018, en 2018 (2), l'année 2018 (6), l'année qui s'ouvre (2), une année toute particulière, celle de la cohésion de la Nation, celle de nombreux défis, avant qu'une nouvelle année ne s'ouvre*) [15]; 6 раз в 2018 году (*en 2019, pour 2019 (2), cette année 2019, l'année qui s'ouvre, l'année à venir, une belle année 2019*) [16]; 12 раз в 2019 году (*2020 (4), cette année, une nouvelle décennie, à l'aube de cette nouvelle décennie, à l'horizon de cette décennie, la décennie qui s'ouvre (2), les semaines et les mois à venir, au printemps prochain*) [17]; 6 раз в 2020 году (*en 2021 (2), les premiers mois de l'année, l'année qui s'ouvre, dès le printemps, ce printemps 2021, 2021 soit une année heureuse*) [18]. Из вышеперечисленных выражений видно, что Э. Макрон представляет 2018 год как год единения нации, год преодоления многочисленных трудностей. Перифразы для обозначения 2019 года носят обобщенный характер, это объясняется структурой самого выступления. Для обозначения 2020 года французский президент несколько раз прибегает к слову *décennie*, указывая на то, что Пятая республика с надеждой входит в новое десятилетие, знаменующее новый этап в истории Франции: «*Ensemble faisons de la décennie qui s'ouvre une décennie française et européenne!*» [17]. Что касается обращения 2020 года, то в нем французский президент апеллирует не только к 2021 году, но и последующим годам (*les prochaines années, la France de 2030*), стараясь обрисовать надежды на долгосрочное будущее.

Если говорить об адресанте и адресате новогодних обращений, то адресант находит свое выражение в личных местоимениях, притяжательных прилагательных первого лица, адресат имеет более разнообразные формы выражения. Э. Макрон называет себя *Président de la République* дважды в речи 2017 года, в остальных новогодних выступлениях данного словосочетания мы не находим. Многие исследователи речевого поведения Э. Макрона отмечают в его речах высокую частотность личного местоимения *je* [2, 3]. Тексты его предвыборных речей и дебатов лидируют по частотности этого местоимения: «*L'utilisation de ce pronom personnel s'est renforcée au cours de la campagne présidentielle, et lui a également permis de se construire une stature, d'affirmer un «je» présidentiel» par la performativité, soit le fait pour*

un signe linguistique de réaliser lui-même ce qu'il énonce» [19]. В течение многих лет использование личного местоимения первого лица единственного числа было практически табуированным. Знаменитая фраза Шарля де Голля «*Je vous ai compris*» произнесенная 4 июня 1958 года в Алжире, стала скорее исключением. Сейчас в политическом мире друг другу противопоставляются скорее не политические партии, а их лидеры, отсюда и частое употребление данного местоимения [19]. В новогодней речи 2017 года Э. Макрон использует *je (j')* 58 раз, в речах 2018 и 2019 годов по 38 раз, в выступлении 2020 года 17 раз. Можно предположить, что в начале своего президентского мандата глава французского государства был готов взять на себя больше ответственности. Кроме того, значительная часть последнего выступления посвящена историям обычных граждан. Ударная форма *moi* встречается во всех речах, кроме 2018 года, основная цель – сделать акцент на себе как личности, как главы государства: «*Mais je veux moi vous dire très clairement: notre destin est d'abord en Europe*» [18].

Употребление притяжательных прилагательных *mon, ma, mes* хронологически выглядит следующим образом: 9, 10, 7, 4 раза. Они используются при обращении к гражданам (*mes chers compatriotes, mes chers concitoyens européens*), при обозначении срока пребывания у власти (*mon élection, mon mandat*), при формулировании пожеланий (*mes vœux*) и обещаний на будущий год (*pour ma part, ma détermination entière, toute mon énergie, ma seule boussole*), при описании своего видения какой-либо проблемы (*à mes yeux*).

Употребление личного местоимения первого лица множественного числа *nous* (в различных синтаксических функциях), а также притяжательных прилагательных *notre, nos* передает идею сопричастности, единения: «*Nous avons scellé il y a quelques jours un accord pour organiser nos relations futures avec lui en défendant nos intérêts, nos industriels, nos pêcheurs et notre unité européenne. Le Royaume Uni demeure notre voisin mais aussi notre ami et notre allié*» [18]. Использование *notre* держится на одном и том же уровне (32, 35, 32, 33), тенденции с *nos, nous* (17/42, 26/67, 33/48, 21/39) неоднозначны.

Форма выражения адресата новогодних посланий довольно богата: личное местоимение второго лица множественного числа, имена существительные, сочетания существительных с местоименными прилагательными, неопределенные местоимения. Личное местоимение *vous* (в различных синтаксических ролях), притяжательные прилагательные *votre, vos* встречаются реже, чем их аналоги первого лица. Отметим, что использование *votre, vos* весьма незначительное (7/7, 0/0, 2/3, 4/1), употребление *vous* носит переменный характер (42, 6, 19, 6). Преобладание первого лица над вторым свидетельствует о желании президента выразить свою гордость, свое единение с народом, надежде общими усилиями достичь ожидаемого результата: «*Notre plus grande fierté en effet ce sont les Françaises et les Français. Vous. [...] Soyons fiers. Fiers d'être «nous», les Français, la France*» [18].

Семантика существительных и местоимений для обозначения адресата указывает на их обобщенный характер (*toutes les Françaises et tous les Français, les Français, la France, tous, vous tous, mes chers compatriotes (11), tous nos compatriotes, nos concitoyens (4), l'ensemble de nos concitoyens, la Nation (6), notre Nation (5), la Nation française (2), une grande Nation, le peuple, notre peuple, le peuple français, un grand peuple, un peuple de bâtisseurs, un peuple de temps long, ce peuple uni, solidaire, fier de son histoire, un peuple qui [...] sait se hisser à la hauteur des circonstances, notre société (5), la société (2), une société nouvelle, un collectif, ce collectif, nos foyers*), позволяет выделить группы с неопределенным множеством (*plus de Français, les millions de Français, certains, certains d'entre vous, plusieurs d'entre vous, une large majorité d'entre vous, nombre de nos concitoyens, les plus fragiles d'entre nous, ces milliers d'anonymes*), говорит об уникальности и цен-

ности каждого гражданина (*chacun (12), chacun d'entre vous (3), chacun d'entre nous, chacune et chacun, chacune et chacun d'entre vous (2), chaque citoyen (2), l'acteur de la vie de la Nation, chaque Français*). В своих новогодних посланиях Э. Макрон старается обратиться к людям разных профессий и рода занятий (*nos militaires (2), nos gendarmes (2), nos policiers (2), nos sapeurs-pompiers, nos personnels soignants, les fonctionnaires salariés du secteur privé ou associatif, nos entrepreneurs (3), nos artisans (2), nos commerçants (2), nos agriculteurs (3), nos inventeurs, nos artistes, nos industriels, les travailleurs, des ouvriers, des salariés (2), des ingénieurs, nos pêcheurs (2), des enseignants, des professeurs, des soignants (2), les Maires de France, une infirmière, un chauffeur-éboueur, une libraire, une footballeuse, nos scientifiques, nos médecins*). В первых трех выступлениях французский президент выражает благодарность тем, кто работает в новогоднюю ночь и обеспечивает порядок и спокойствие. В последнем обращении он выделяет тех людей, кто встал на борьбу с коронавирусной инфекцией: «*Je veux dire notre reconnaissance à ceux qui se sont mobilisés pour soigner, nourrir, éduquer, protéger, à tous ceux qui par leur travail, leur engagement nous ont permis de tenir debout et ensemble durant ces mois difficiles*» [18]. Также французский президент сохраняет политкорректность, обращаясь к людям разного возраста (*la jeunesse, notre jeunesse (3), les jeunes, nos jeunes, des étudiants, nos retraités modestes*), принадлежащих к той или иной социальной группе (*nos concitoyens en situation de handicap, les mères de famille élevant seules leurs enfants, nos concitoyens qui sont au chômage, ceux qui ont des carrières hachées, leurs familles, leurs proches, votre sœur, votre voisin, vos amis*), отличающихся по гендерному признаку (*les femmes et les hommes, chacune et chacun, les Françaises et les Français*), по состоянию здоровья и материальному положению (*les plus démunis, nos aînés en situation de dépendance, les plus vulnérables, les plus fragiles, celles et ceux qui sont malades ou qui sont seuls*), в зависимости от места проживания (*nos territoires ruraux, nos quartiers populaires, les sans-abri, les femmes et les hommes qui fuient leur pays*). Тем самым глава государства старается подчеркнуть, что он, его правительство знают о проблемах в области образования, здравоохранения, в различных секторах экономики, в силовых структурах, в социальной сфере и предлагает пути их дальнейшего решения. Кроме того, в своих посланиях Э. Макрон обращается к тем, кто не согласен с проводимой им политикой. В 2017 году он делает это общими словами: «*Je sais que plusieurs d'entre vous ne partagent pas la politique qui est conduite par le gouvernement aujourd'hui; je les respecte et je les écouterai toujours*» [15]. В речах 2018 и 2019 годов лексемы, обозначающие «несогласных», представлены более широким рядом: *les démagogues, les porte-voix d'une foule haineuse, le mouvement des jilets jaunes, ceux que le système a déjà abandonnés, les forces qui minent l'unité nationale* [16, 17]. Их чувства, действия передаются лексикой с негативной семантикой: *les égoïsmes nationaux, les intérêts particuliers, les obscurantismes, des ambiguïtés, un déni de la réalité, des fausses informations, des intoxications, la négation de la France, le sentiment d'impuissance, la colère, mécontenter, les inquiétudes, heurter, susciter des craintes et des oppositions, les peurs, les angoisses qui se font jour, beaucoup de mensonges et de manipulations, nos désaccords, vos exigences* [16, 17]. В выступлении 2020 года об оппозиции речь не идет.

Обращаясь к нации с новогодними пожеланиями, президент Пятой республики в обязательном порядке вызывает к патриотическим чувствам, подчеркивая своеобразие и уникальность французского народа: «*... pour assurer l'unité de la Nation, rappelons-nous toujours que nous avons à l'égard de la France plus de devoirs que de droits. [...] Nous sommes un peuple de bâtisseurs, conscient de sa vocation universelle. Un peuple de temps long qui, parce qu'il sait d'où il vient, sait se projeter. Un peuple qui*

toujours sait se hisser à la hauteur des circonstances. Ce sens de l'Histoire, cette unité maintes fois éprouvée, seront nos plus solides atouts pour affronter les temps qui viennent. Quand l'Histoire s'accélère, l'esprit français ne cède rien à la fatalité» [17]. Считается, что Франция как Нация предстает наивысшей ценностью для французского народа, что прослеживается в заключительной фразе праздничных обращений: «*Vive la République et vive la France!*» [16]. Список лексем, обозначающих страну, немаленький: *la France (27), le pays (5), notre pays (18), un pays fort, l'Hexagone (4), la France en hexagone, notre État, leur patrie, notre patrie, le sol national, notre sol national, la République (7), notre République (3), une des plus grandes économies du monde, tout le territoire*. Также, в своих обращениях Э. Макрон всегда подчеркивает, что Франция – это член Евросоюза: «*Notre souveraineté est nationale [...] Mais cette souveraineté passe aussi par une Europe plus forte, plus autonome, plus unie*» [18].

Если говорить о частоте употребления знаменательных слов, то в рамках данной статьи рассмотрим лексические единицы, которые Э. Макрон употребляет 10 раз и более. Для выступления 2017 года такими лексемами стали: *aussi (17), année (17), plus (16), travail, travailler (14), pays (13), besoin (12), vouloir (12), permettre (11), faire (10)*. В 2018 году часто повторяемыми словами были: *plus (15), grand (10), pouvoir (10), chacun (10), aussi (10)*. Из речи 2019 года мы выделили следующие единицы: *plus (21), devoir (15), nouveau, nouvelle (12), faire (12), travail, travailler (12), aussi (10), français(e), Français(e) (10)*. В обращении 2020 года повторов не много: *plus (25), année (11), français(e), Français(e) (10)*, поэтому в ней мы обратили внимание на единицы, которые оратор произносил более 5 раз: *Europe, européen,-nne (9), espoir, espérance (8), France (7), aussi (7)*.

Очевидно, что наблюдается тенденция к снижению количества повторяющихся слов. Для сравнения в 2017 году таких единиц было 9, в 2018 году – 5, в 2019 году – 7, в 2020 – 3. Однако в последнем обращении количество повторов максимально: 25 у слова *plus*. Три года подряд слово *plus* является наиболее частым в поздравлениях французского президента. Примечательно, что в первом послании среди часто повторяющихся элементов нет прилагательных, в основном это существительные (*année, pays, besoin*) и глаголы (*travailler, vouloir, faire, permettre*). В остальных посланиях наблюдаем имена прилагательные, которые характеризуют какие-либо события или решения: *grand* для речи 2018 года (*de grands moments, de grands événements, la grande dignité, la grande pauvreté, de grands déchirements, de grandes certitudes, les grandes migrations, les plus grandes économies, les grandes décisions*); *nouveau / nouvelle* для 2019 года (*une nouvelle décennie, une société nouvelle, un nouveau modèle, les nouveaux forages, des choix nouveaux, des emplois nouveaux, une politique nouvelle, de nouvelles décisions, remercier à nouveau, démontrer à nouveau*); *difficile* для 2020 года (*cette année difficile, le quotidien plus difficile, ces mois difficiles, une saison difficile, ces temps difficiles, les premiers mois difficiles*). Использование различных модальных глаголов вполне логично и закономерно. В начале своего мандата Э. Макрон, как любой новоизбранный президент, хочет многое изменить, перестроить, создать, отсюда многократное (12) употребление глагола *vouloir*: «*Je veux plus de concorde pour la France en 2018. Pour cela, je veux avant toute chose miser sur l'intelligence française car nous avons cela en nous. [...] Je veux ensuite miser sur le travail. [...] Je veux aussi miser sur la fraternité*» [15]. Повторение глагола *pouvoir* 10 раз во второй речи говорит о том, что он разбирается во всех процессах и теперь не только хочет, но и может сделать то, что обещал: «*Alors débattons, car de là peut naître une action utile et qui nous unit*» [16]. В третьем послании на смену глаголам *vouloir, pouvoir* приходит глагол долженствования *devoir*; что свидетельствует о необходимости предпринимаемых действий, например в сфере экологии: «*2020 sera aussi*

l'année où un nouveau modèle écologique doit se déployer. Cette stratégie nationale doit être écologique et économique [...]. Elle doit être écologique et sociale [...]. Elle doit être écologique et culturelle: cela doit être une politique nouvelle d'aménagement de nos paysages, de redécouverte du beau, de réinvention d'une qualité de vie à la française» [17]. В обращении 2020 года используемые глаголы весьма разнообразны, повторов мало. Говоря о последнем выступлении, следует сказать о многократном повторе слов *espoir; espérance*, целью которого было вселить в людей надежду на здоровое и счастливое будущее: *«L'espoir est là dans ce vaccin que le génie humain a fait advenir en un seullement»* [18]. Кроме повторов, Э. Макрон прибегает к использованию редких, устаревших слов, что говорит о тщательной подготовке речи, нетривиальном подходе к подбору лексических единиц для более точной передачи мысли: *«... elle a été la première française à se vacciner contre la COVID-19, envoyant, contre l'obscurantisme et le complotisme, un magnifique message d'espoir pour l'année qui s'ouvre»* [18].

Далее обратимся к грамматическим особенностям новогодних текстов французского президента. Если взять за основу классификации коммуникативный тип предложения, то можно отметить, что большая часть предложений во всех анализируемых текстах принадлежит к повествовательному типу (93 %, 95 %, 95 %, 97 %), незначительный процент отводится вопросительным (2 %, 3 %, 1 %, 0 %) и побудительным предложениям (5 %, 2 %, 4 %, 3 %). Немногочисленные вопросительные предложения представлены риторическими вопросами. Так Э. Макрон выражает свое недовольство олигархами, обогащающимися за счет народа: *«... mais que valent ces succès s'ils ne sont en quelque sorte que les succès de quelques-uns? Que s'ils nourrissent les égoïsmes ou les cynismes?»* [15]; демонстрантами, которые якобы выражают народное мнение: *«Et cette liberté, elle requiert un ordre républicain; elle exige le respect de chacun et de toutes les opinions; que certains prennent pour prétexte de parler au nom du peuple - mais lequel, d'où? Comment?»* [16]; оппозицией, которая считает, что ее права были нарушены при принятии некоторых решений: *«Je mesure aussi combien les décisions prises peuvent parfois heurter, susciter des craintes et des oppositions. Faut-il pour autant renoncer à changer notre pays et notre quotidien?»* [17]. Введение в поздравительное обращение риторических вопросов способно создать эффект некоего диалога с гражданами, сделать речь более живой, интонационно насыщенной [20, с. 125]. С этой же целью некоторые предложения произносятся с восклицательной интонацией: *«Nous n'avons pas à nous adapter au cours des choses – ce n'est pas la France!»* [17]. Побудительных предложений также немного. Здесь наблюдается следующая особенность: в речи 2017 года глаголы в повелительном наклонении использованы во втором лице, выражая тем самым совет или просьбу: *«Demandez-vous chaque matin ce que vous pouvez faire pour le pays et au-delà de votre quotidien, de votre vie, parfois de ses difficultés, dites-vous toujours que vous appartenez à un collectif plus fort, plus grand que vous: la Nation française»;* [15]. В речи 2018 года глаголы в императиве стоят в первом лице, знаменуя приглашение к совместному действию: *«Alors, cessons... cessons de nous déconsidérer ou de faire croire que la France serait un pays où les solidarités n'existent pas et où il faudrait dépenser toujours davantage!»* [16]. В обращении 2019 года встречаются глаголы в побудительной форме и в первом, и во втором лице: *«Ensemble faisons de la décennie qui s'ouvre une décennie française et européenne!»* [17]; *«Alors, ne vous y trompez pas, j'entends sur ce sujet si important, qui tient au coeur-même de l'identité française, les peurs, les angoisses qui se font jour»* [17]. Примечательно, что в речи 2020 года нет вопросительных, восклицательных предложений. Это говорит о том, что в сложившихся условиях президент Пятой республики старается быть менее эмоциональным, чем

обычно, делает свою речь более нейтральной, спокойной. Побудительные предложения присутствуют, но без призыва к активным действиям, скорее это пожелание, вселение сил и уверенности: *«Alors ensemble, dans la concorde, regardons devant nous, regardons notre avenir; préparons dès aujourd'hui ce printemps 2021 qui sera le début d'un nouveau matin français, d'une renaissance européenne. Restons ce peuple uni, solidaire, fier de son histoire, de ses valeurs, de sa culture, confiant dans l'avenir et le progrès, sûr de son talent et de son énergie et ambitieux pour lui-même. Quoi qu'il arrive. Soyons fiers. Fiers d'être «nous», les Français, la France»* [18].

С точки зрения использования времен и наклонений, рассмотрим их принадлежность к трем эпохам (настоящее, прошедшее, будущее) и частотность употребления. Большинство глаголов во всех исследуемых текстах, кроме последнего, принадлежат к настоящей эпохе (69 %, 81 %, 70 %, 44 %), выражая тем самым констатацию факта в форме présent de l'indicatif, présent continu, présent du subjonctif: *«Nous changeons les choses mais il faut rattraper parfois beaucoup de retard»* [17] или абсолютное настоящее: *«Le travail est au cœur de notre société»* [15]. Доля прошедших времен (passé composé, imparfait de l'indicatif, passé simple, passé du subjonctif, conditionnel passé) распределяется по годам следующим образом: (9 %, 10 %, 13 %, 39 %). Из приведенных данных видно, что в первых трех речах прошедших времен в 3-4 раза меньше, чем в последнем послании. По нашему мнению, это связано с тем, что в нем Э. Макрон уделяет особое внимание трудностям уходящего года и вкладу конкретных людей в их преодоление: *«Lorsqu'il a découvert la situation d'isolement des personnes âgées atteintes de la COVID-19 dans l'hôpital de sa ville, il n'a pas hésité une seconde et a fait don de sa tablette pour leur permettre de communiquer avec leurs proches et de retrouver le sourire. Il a été suivi par de nombreux autres»* [18]. Что касается выражения будущего действия (futur simple, futur immédiat, présent du subjonctif, conditionnel présent), то числовые данные свидетельствуют о том, что больше всего глаголов во временах данной эпохи было использовано Э. Макроном в 2017 году (22 %). Это было его первое обращение, в котором президент много говорил о том, что планируется сделать: *«... c'est aussi par le travail que notre Nation sera plus forte parce qu'elle produira, parce qu'elle s'enrichira»* [15]. Затем этот показатель уменьшился в 2018 году до 9 %, по нашему мнению, это может быть объяснено нетрадиционной структурой второго новогоднего послания, большая часть которого посвящена трем пожеланиям президента. В 2019-2020 годах доля будущих времен вновь увеличилась (17 %, 17 %). Встречаются примеры с употреблением времен всех трех эпох: *«Nous avons commencé à leur apporter des réponses et je sais leur impatience légitime, mais il faudra aller plus loin»* [16]. Подобные конструкции вводятся для передачи динамики событий, движения вперед, идеи продолжения начатого.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы сравнили композиционные и лингвистические характеристики новогодних обращений Э. Макрона и пришли к следующим выводам. У действующего французского президента нет общей композиционной схемы для новогодних выступлений, несмотря на то, что основные элементы новогодних посланий присутствуют в той или иной степени во всех четырех обращениях. Все речи довольно длинные, как и сами предложения. Повторы лексем *pays, français(e), Français(e)* говорят о гордости за свою страну и свой народ, частое употребление *travail, travailler, faire* свидетельствует об энергичности, динамизме, целеустремленности президента, многократное использование *plus, vouloir; espoir, espérance* демонстрирует веру в лучшее будущее. Несмотря на наличие повторов, во всех его новогодних текстах мы находим богатые синонимические ряды, устаревшие, малоупотребительные лексемы. Во

всех обращений Э. Макрон политкорректен, использует формы женского и мужского родов, обращается к лицам различных профессий, разных возрастов, в последней речи приводит конкретные истории обычных французов. В выступлении 2020 года значительно уменьшилось употребление местоимения *je*, чаще используются прошедшие времена, реже встречаются лексические повторы, отсутствуют восклицательные, вопросительные предложения. Можно связать эти лексико-грамматические особенности с тем, что тема коронавируса и его последствий является ключевой в новогоднем обращении 2020 года. Данный фактический материал, наряду с другими обращениями французского президента, посвященные COVID-19, могут послужить предметом обсуждения отдельной статьи.

В качестве перспективы исследования можно принять сравнительный анализ новогодних обращений президентов Франции, выявить схожие и отличительные черты в построении поздравительных речей, в использовании лексических единиц, грамматических явлений, стилистических приемов. Говоря о политической фигуре Э. Макрона, целесообразно обратиться к его выступлениям на пресс-конференциях, к встречам с гражданами и дополнить языковой портрет особенностями коммуникативного поведения на примере неподготовленной речи, рассмотреть используемые невербальные компоненты общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Francophonie: retrouvez les déclarations d'Emmanuel Macron* [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lemonde.fr/emmanuel-macron/live/2018/03/20/francophonie-suivez-en-direct-le-discours-d-emmanuel-macron_5273681_5008430.html
2. Логинова П.Г. Анализ лингвокогнитивных особенностей политического дискурса Эммануэля Макрона // *Преподаватель XXI век*. 2019. № 2-2. С. 360-372.
3. Белкина О.Е., Балыш Ю.А., Огородов М.К. Анализ средств вербальной актуализации дискурса Эммануэля Макрона на разных этапах его политической карьеры // *Филология и культура*. 2020. № 1 (59). С. 19-26.
4. Логинова П.Г. Своеобразие дискурсивного имиджа в контексте президентского дискурса Эммануэля Макрона // *Современный ученый*. 2020. № 4. С. 252-257.
5. Логинова П.Г. Метафоричность как отличительная черта вербального имиджа Э. Макрона // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2020. Т. 17. № 1. С. 148-152.
6. Пештеев В.И., Бойчук Е.И. Специфика идиолекта Э. Макрона в контексте его политической деятельности // *Верхневолжский филологический вестник*. 2020. № 3 (22). С. 104-112.
7. Копачева А.Р. Особенности предвыборного политического дискурса Эммануэля Макрона // *Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты*. 2019. № 3 (36). С. 41-46.
8. Куралесина Е.Н. Вернет ли Э. Макрон французскому языку утраченные позиции на мировом уровне? // *Древняя и Новая Романья*. 2019. № 23. С. 110-121.
9. Родионова М.Е. Коммуникационная стратегия при формировании имиджа европейских политиков (на примере Макрона) // *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2019. Т. 4. № 2. С. 36-45.
10. Плетнева О.Д. Современный политический дискурс в аспекте теории риторической аргументации: на материале текстов выступлений В.В. Путина и Э. Макрона // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 7. С. 296-301.
11. Фефелова В.В., Гончарова Е.В. Лексико-грамматические средства выражения категории субъективной модальности в политическом дискурсе (на материале публичных речей Франсуа Олланда и Эммануэля Макрона) // *Восточнославянская филология. Языкознание*. 2017. № 5 (31). С. 81-89.
12. Абрамова Е.К., Агаркова О.А. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: лингвистический анализ // *Преподаватель XXI век*. 2019. № 4-2. С. 344-360.
13. Абрамова Е.К., Агаркова О.А. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: особенности композиции и содержания // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 3 (76). С. 351-353.
14. Кондратенко Н.В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения. Труды международной конференции "Диалог 2007". (Беласово, 30 мая – 3 июня 2007). М.: Издательский центр РГГУ, 2007. С. 302-306.
15. *Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les défis et priorités de la politique gouvernementale, à Paris le 31 décembre 2017* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/204645-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-d> (Дата обращения 27.08.2021).
16. *Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les défis et priorités de l'année 2019, à Paris le 31 décembre*

2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/207626-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-d> (Дата обращения 27.08.2021).

17. *Vœux 2020 aux Français* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/12/31/voeux-2020-aux-francais> (Дата обращения 27.08.2021).

18. *Vœux 2021 aux Français* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/12/31/voeux-2021-aux-francais> (Дата обращения 27.08.2021).

19. Lorriaux A. *Le «je» d'Emmanuel Macron* [Электронный ресурс]. – URL: https://www.scienceshumaines.com/le-je-d-emmanuel-macron_fr_38469.html (Дата обращения 27.08.2021).

20. Ополоникова М.В., Зимина М.В. коммуникативная структура текста «новогоднее обращение главы государства к народу» (на примере речи А. Меркель) // *Теория и практика иностранного языка в высшей школе*. 2014. № 10. С. 121-126.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0047

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

FEATURES OF ONOMASTIC UNITS OF TURKMENS IN TURKEY

© The Author(s) 2021

ORCID 0000-0001-9319-6046

ABDULLAYEVA Mehriban Aliabbas, assistant professor

Baku Slavic University

(AZ1014, Azerbaijan, Baku, Suleyman Rustam street, 33, e-mail: amehr0@rambler.ru)

Abstract. Turkmens mainly belong to the Oghuz tribes that appeared on the historical scene after the VIII century with a combination of Kynyk, Salur, Kai, Bayat, Beidilli. There are very few studies in Azerbaijani linguistics related to Turkmen onomastics. Onomastic units are language units that are common all over the world today. Their main difference from other language units is that no matter what language they are used in, these words remain unchanged, but only the sounds change. The main reason for the spread of onomastic names, of course, is the migration of the population. Every nation strives to preserve and perpetuate its origin in the areas where they have transferred something. National and moral values may change over time and be forgotten as new generations appear. Onyms, especially place names, rarely change, but even in this case they are saved in registration documents. Such names are more common in Turkey. Turkey is interesting because of its unique location and population diversity (in terms of ethnicity). In this article, the main direction of our research is to identify and etymological analysis of Turkmens living in different parts of Turkey, and their onomastic units.

Keywords: Oguz, Turkmens, Turkey, toponym, etymology, onomastics

ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ У ТУРЕЦКИХ ТУРКМЕНОВ

© Автор(ы) 2021

АБДУЛЛАЕВА Мехрибан Алиабас гызы, доцент

Бакинский славянский университет

(AZ1014, Азербайджан, Баку, улица Сулеймана Рустама, 33, e-mail: amehr0@rambler.ru)

Аннотация. Туркмены в основном принадлежат к огузским племенам, которые появились после VIII века с сочетанием кынык, салур, кай, баят, бейдилли. В азербайджанской лингвистике очень мало исследований, связанных с туркменской ономастикой. Ономастические единицы – это языковые единицы, которые сегодня распространены во всем мире. Их главное отличие от других языковых единиц заключается в том, что независимо от того, на каком языке они используются, эти слова остаются неизменными, но меняются только звуки. Основной причиной распространения ономастических названий, безусловно, является миграция населения. Национальные и нравственные ценности могут со временем меняться и забываться по мере появления новых поколений. Онимы, особенно топонимы, редко меняются, но даже в этом случае они сохраняются в регистрационных документах. Такие имена чаще встречаются в Турции. Турция интересна своим уникальным местоположением и разнообразием населения (с точки зрения этнической принадлежности). В данной статье основным направлением наших исследований является выявление и этимологический анализ туркмен, проживающих в разных частях Турции, и их ономастических единиц.

Ключевые слова: огуз, туркмены, Турция, топоним, этимология, ономастика

General formulation of the problem and its connection with important scientific and practical problems. Onomastic units are proper names used in the language. One of the most relevant research areas in modern linguistics is onomastic units, the study of their signs and features. The article provides detailed information about some historical and cultural names that are associated with the ethnic group of Turkmens living in Turkey, analyzes the etymological root of these names. Turkmens are the eastern branch of the Oguz group of Turkic peoples. The Oguz-Turkmens spread to Khorasan, Iran, Azerbaijan, Iraq, and especially to Anatolia and other countries, which led to a significant reduction in their number on the territory of modern Turkmenistan. Turkmens, as one of the Turkic peoples, are distinguished by a greater attachment to their traditions, national values and roots. Perhaps for this reason, they managed to perpetuate their toponyms in the places where they live. It seems that Turkmens are more settled in the so-called regions of Antalya, Izmir and Aydinli in Turkey. In addition to assigning the names of their dynasties to places where Turkmens often settled, they also took into account local peculiarities.

Analysis of recent studies and publications, which considered aspects of this problem and on which the author justifies; highlighting previously unresolved parts of a common problem. Many works have been devoted to this problem [5; 6; 7; 8; 9; 10]. We mainly relied on the works of Kashgari M., Sumer F., Khalilov B., etc., who analyzed the history of onomastic names in the Turkic languages. During the research, materials from the National Library of Azerbaijan were used, conclusions based on their analysis. The article examines the ancient forms of personal Turkmen names in Turkey. The study of the basics of personal names preserved in the names of territorial localities, and names with ancient forms in the modern vocabulary, allowed us to determine the origin of some of them from a common root or a word close

in lexical and semantic meaning.

Formation of the goals of the article. The main goal of the paper is to provide information about the Turkmens' names in Turkey, and to conduct an etymological analysis by collecting the names – toponyms of the territories in which they live.

Methods, techniques and technologies used. The article uses the method of linguoculturological analysis, which reveals the essence and considers the text as a phenomenon of culture and the perception of cultural information in the linguistic sign and the text as a whole.

Presentation of the main research material with full justification of the scientific results obtained.

Avshar village – Dinar (Dombayova bujaghi) – Afyon – it was founded in 1919 by the Afshar dynasty from the Turkmen tribe.

According to the Oguz-Kagan saga, the Afshars are one of the 24 Oguz tribes, and according to Mahmud Gashgari, this is the sixth of the twenty – two Oguz tribes in the “Divani Lugat-it-Turk”. This family comes from the right branch of the Boz-Oguz, a descendant of the Afshars, the eldest of the four sons of Ulduz Khan, the son of Oguz-Kagan. The Afshars lived in Central Asia, in the Syrdarya region, called Oguz Eli in the epics “Dede Gorgus”. They arrived in Anatolia by mass migration through Khuzistan, Khorasan and partly through Iraq and Syria, and then spread to Iran, Iraqi Syria, Afghanistan and Azerbaijan. The Afshars, like other descendants of the Oguz, founded such a state as the Kynyks and Syuryushi, and raised great rulers and dynasties.

After the division and weakening of the Great Seljuk State, the Afshars founded principalities in the first half of the XII century, to some extent independent and to some extent related to the Iraqi Seljuks. Afshars live in the districts of Kayseri, Adana, Kahramanmaraş, Konya, Ankara, Hatay, Gaziantep, Sivas, Malatya, Balıkesir, Aydin, Isparta and

Manisa in Turkey.

We find the name of this tribe in the book of Mahmud Kashgari "Divani-Lugat-it-Turk" [1, p.58]. According to Faruk Sumer, the Afshars are the only Oghuz tribes that began to play an important role in history in the XI century and retained their name [2, p. 257]. According to Rashidaddin, Afshar means mobile and eager to hunt wild animals. Afshars also played an important role in pre-Islamic history.

There are different opinions about the etymology of the ethnonym. Here is the most convincing of them, belonging to Professor B. Khalilov: It can be assumed that the first component of the ethnonym – av // af // ov. Ar // er is used in the ancient Turkic language to mean "man, husband". *Afshar* was formed from a combination of av // af // ov and ar // er components. It can also be assumed that the ethnonym afshar came from the name of a person who, according to Rashidaddin, is related to the grandson of Oghuz Aushar, and the names of the descendants of the Oghuzs then became the tribal names of the Oghuzs.

M. Kashgari noted that the name of the son of Yulduz Khan is not Aushar, but Avesh // Aush. It is possible that in order to become the name of the Avesh // Aush tribe, a component of the ethnonym "ar" was added to it, meaning "man, husband". Aveshar // Aushar later became Efshar // Afshar (Afşar // Efşar). The fact that the word Afshar means "enthusiastic, agile and agile in hunting wild animals" suggests that hunting was more developed within the Oghuz tribes, they were distinguished by heroism and courage [3, pp. 101-102].

Bayatbademler district (Bayatbadamlar) – Korkuteli-Antalya-Bedemle is a Turkmen village known as Bademli since 1928. Korkuteli is a village of Bayat Turkmens who moved here from the Bayat district. Supporters of one of the points of view associate the name "bayati" with the word "boyat", which means "old, outdated". However, this idea does not seem very convincing. Because it would be incorrect to explain bayati in the meaning of "old, outdated", which reflects the current state of a person's life, living conditions and various feelings and emotions associated with them. It seems to us that there is only a coincidence between these words. According to another point of view, the word "bayati" is the name of a totem.

Professor A. Demirchizade believes that a person at the stage of cosmic consciousness cannot separate his collective and tribe both from himself and from the totem. Therefore, this person called both the collective and the totem of the labor process, which has one and the same name, "Bayati". In folklore, the most widely spread opinion is that the word *bayati* is associated with the name of one of the Oguz tribes – "Bayat". This opinion, first expressed by S. Mumtaz, was also defended by A. Abid, F. Korpulu, M. Khakimov. S. Mumtaz came to the conclusion that Bayat is the grandson of Oguz Khan, the second son of Gun Khan. For his intelligence and ingenuity, he received the name "Bayat", which means "famous".

Based on this, the author believes that this is where the name of the Bayat tribe came from, and this image originated from the word "Bayati". Although even European Turkologists support this point of view, there are also those who disagree with this opinion. However, it should be borne in mind that not all processes in a language always obey its mechanical laws. There are exceptions, and this is natural. In our folklore, there is also a tradition to call a form of poetry by the name of the tribe that created it [4].

The current name of the district should be "Bayat Bademlisi", but it was changed to *Bayat Bademleri*. Due to the large number of almond trees growing in this valley, the names of the villages here were formed together with the names of the villages from which the Korkuteli nomads came. It is noted that the population of the village of Bayat Bademlisi are Turkmens who moved here from the village of Korkuteli / Bayat. Until recently, the upper village of Kargin Bademlisi was used only as a tent city. The village of Akkoch

is known as "Yeryuk Bademlisi".

Haydarli municipality – Dinar (Haydarli bujaghi) – Afyon. This village was known as Cholabad district since 1876, Haidarli district since 1928, and then Cholovasy. This village, which is mentioned under both names in historical sources, was built by Turkmens. Known in historical sources as Cholabat or Cholovasi, the area is now part of the municipality of Dinar with a population of more than 10,000 people. It is one of two urban settlements with a hospital in Turkey. It is an administrative and economic center consisting of 7 settlements and 9 villages, known as "Cholovasy". Cholovasy is a territory inhabited by Turkmen tribes known as Danyshmend Turkmens. In particular, the Jevanshir tribe of the Danyshmend community settled mainly in Cholovasy.

Kaykilli village – Karahalli – Uşak is a village that was built by the Turkmens in 1481. The first historical information about this place dates back to 1481. It is also claimed that the village has an Avshar origin, as a result of the settlement of two Turkmens named *Karye Kaukulu* and Veli with their families. These two houses consisted of a place called Erembeg. In 1898, the number of houses here reached 83, and the population – 517 people.

Kurdkoy was built by Turkmens. In 1919, the village was renamed to Patirkürtköy. Although the ancient name is "Kürtköyü", it is noted that it is associated with the Danishmendli Turkmens. According to the information, the village was built in the XVII century by the Danishmendli Turkmen dynasties. The villagers still consider themselves Turkmen. The reason why the village is called "Kurdish" is that this dynasty came from the east of Anatolia, so the area where they lived was named by the indigenous inhabitants. Information about this is available in the Registration Book of the city of Afyon.

Karahayit district – Efeler (Dalama bujaghi) – Aydın – the district was built by the Turkmens in 1916.

Eldelek district – Salihli (Karatash bujaghi) – Manisa – the area was built in 1891. Halep / Rakka is the name of the Turkmen community, probably because the Turkmen who migrated from Aleppo settled there.

Kuchuklu district – Korkuteli (Kızılçadagh bujaghi) – Antalya – was built by the Turkmen in 1912.

Chivgalar district – Korkuteli (Kızılçadagh bujaghi) – Antalya – was built by the Turkmen in 1912.

Kayabashi district – Korkuteli (Kızılçadagh bujaghi) – Antalya – was built by the Turkmen in 1912.

Osmankalfalar district – Korkuteli (Kızılçadagh bujaghi) – Antalya – was built by the Turkmen in 1911.

Yeshiloba district – Korkuteli (Kızılçadagh bujaghi) – Antalya – was built by the Turkmen in 1911.

Chikinova / Chirkinoba district – According to the local population, the old and real name is Gechirgin Oba. May 11, 1956 became the village of Yashiloba. The willow lake has dried up here, the territory has expanded.

Mamatlar district – Korkuteli (Kızılçadagh bujaghi) – Antalya – was founded by the Turkmen in 1914 and was called Mahmutlar. In 1928 the area was renamed Mamatlar.

Soyut district – Korkuteli (Kızılçadagh bujaghi) – Antalya. The district was built by the Turkmens in 1912: the real Soyut Mahali was supposed to be a place called Boyuk Manai. Because the lake with the same name dried up and was named Boyuk Manai. Turkmens live here. The reason is that the Turkmens, who have settled around the lake since ancient times, chose the name of the lake for their area. For this reason, when the lake dried up, its location was known under a different name.

Duraliler highland – Korkuteli – Antalya – was built by the Turkmens in 1912.

Kiziljadagh district – Korkuteli (Kiziljadagh bujaghi) – Antalya – a district built in 1936 by the Sunni Turkmen. It was built by the Turkmens in 1912 under the name Büyük Piyadin. Kyzyljadag was the name of the administrative unit, Piyadin was the name of the central village, and after 1946 the village was renamed Kyzyljadag.

Kizilaliler district – Korkuteli (Kiziljadagh bujaghi) –

Antalya – was built by the Turkmen in 1912.

Chighlik highland – Korkuteli – Antalya – was built by the Turkmen in 1912.

Bahcheyaka district – Korkuteli (Kiziljadagh bujaghi) – Antalya – built in 1928 by the Sunni Turkmen. The original name of the area was “Yalynli Sagir”, and in 1968 the name of the village was changed to “Bakhcheyaka”.

Nebiler district – Korkuteli (Kiziljadagh bujaghi) – Antalya – the district was built by the Turkmen in 1912.

Tekin village – Dinar – Afyon – the village was built by the Turkmen in 1946.

Yakakoy village – Dinar – Afyon. The village was founded in 1928 by the Turkmen tribes *Bıçaqçı Aşirəti* from Danışmendli and the first name was Seyidmelek.

Chaghlayan village – Dinar (Dombayova bujaghi) – Afyon – the village was founded by Turkmen in 1928 and was called Chadykey. The population of the village is Turkmen, who belong to the Turkmen tribe from Danışmendli Golegir. They are also blood relatives of the village of Kazanpinar.

Kazanpinar village – Dinar (Dombayova bujaghi) – Afyon – it has been inhabited by Turkmen since 1919. The villagers still call themselves Turkmen, and they all belong to the Golegir tribe of Turkmen from Danışmendli. In addition, they are considered relatives of the Turkmen village of Chaghlayan.

Yeshilyayla village – Korkuteli – Antalya – one of the Turkmen villages, which was called Yavuz in 1928 and Andijan in 1914. In 1984, the villages of Yavuz (Andida) and Belen merged into a municipality and were renamed Yashilayla. During excavations in these places, coins of Andida or Sandida of the I century BC were found.

Chomakli district – Korkuteli – Antalya. This is one of the oldest Turkmen villages. It was registered as Phoğla in the II century BC. Since 1530, his name has been mentioned in sources as Fıghla, and since 1928 as Chomaklidede.

Akcha village – Dinar (Dombayova bujaghi) – Afyon – one of the Turkmen villages registered in 1919 under the name Akchekoy. According to Turkish researcher Alparslan Kartal, the population comes from the Suleymanli or Selmanli tribes living in the Danışmendli region of Turkmenistan.

Chayustu village – Dinar (Dombayova bujaghi) – Afyon. This is one of the Turkmen villages, known as Kimilli since 1919 and Chayustu Kimilli since 1946. The inhabitants of the village are known as Gimilli.

Tepekoy village – Emirdağ (Umraniye bujaghi) – Afyon. In 1968, this village was known as Kuiruklu. It was built by Turkmen who moved to Turkey in the early twentieth century.

Gokcheyaka village – Emirdağ – Afyon. The village was registered in 1928 as Genlik, and in 1960 as Geynik. According to the source, the ancestors of the villagers are Turkmen from Aleppo.

Tekeler district – Karpuzlu – Aydın. The only Turkmen settlement in this area dates back to 1891. Turkmen have many villages in different parts of Turkey, especially in Izmir.

The Teke-Turkmen were one of the largest Turkmen tribes that were resettled by Keimir Kor at the beginning of the XVIII century in the Merv and AkhalTeke oases in the foothills of Kopekdag in the Mangyshlag region. The name of the tribe is associated with the “goat”, which is considered a kind of mountain goat, considered an ancient totem and brand.

Conclusions of the study and prospects for further research in this direction. In general, there are many territories in Turkey inhabited by Turkmen and named by them. The history of the Turkmen migration to these areas has ancient roots. The ancient Turkic *Alans, Aaks and Kaspi*, who lived in this region, also played an important role in the formation of the Oguz-Turkmen culture. According to historical sources, the ethnic name “Turkmen” has been known since the V century, but it became popular in the X century. Just as Western historians call the Turkmen pure-blooded Turks, some authors consider them to be the roots of

the Turkic peoples. The Turkmen spread to Syria, Iraq and Turkey, settled in these areas with dynasties, built their own villages and settlements, living their traditions and names for many years, and brought them to our days.

Onomastic names that have passed through various stages of the development of society are ancient artifacts that have been passed down from century to century. When analyzing the values from a historical point of view, we find the preservation of various information. Old lexical-semantic and lexical-grammatical relations that are not visible externally, and are determined only with the help of an anthroponymic meaning. These connections emphasize the integrity of the Turkmen toponymy in Turkey, as well as the general principles of the name of education.

REFERENCES:

1. Kaşğari M. Divani lügət-it-türk. Ankara, 1985.
2. Sümər F. Oğuzlar. Bakı, 1992, 257 s.
3. Xəlilov B. Mahmud Kaşğarinin “Divani lügət-it-türk” əsərində etnonimlər. Bakı, 2009, “GARİSMA” MMC, 110 s.
4. Zəncandan toplanmış bayatılar // Режим доступа: <http://www.anl.az/download/meqale/xalqcehbhesi/2014/yanvar/345799.htm> (Дата обращения: 26.06.2021)
5. Иванова А.М., Хазиева-Демирбаши Г.С. Сравнительно-сопоставительный анализ охранительных имен в тюркских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2017. № 5. Ч. 3. С. 87-90.
6. Туркменские имена и обряд имя наречения // Orient. 11.11.2020. Режим доступа: <https://orient.tn/ru/turkmenские-имена-и-obryad-ityuanarecheniya> (Дата обращения: 28.07.2021)
7. Мухамедова З.Б. К вопросу о личной ономастике у туркмен // Труды Института языка и литературы Туркм. ССР. Вып.2. - Ашхабад, 1957.
8. Хазиева-Демирбаши Г.С. Этнокультурное пространство личных имен в тюрко-татарских дастанах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филологические науки. 2016, с.76-82.
9. Хамматуллина И.И. История изучения татарской топонимии // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2017. № 11. Ч. 2. С. 165-168.
10. Шапошиников А.К. Курьезы древнетюркской ономастики: этимология и др.-тюрк. монументальное письмо // Тюркская ономастика от истоков до современности. Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 11–14 октября 2018, с.295-300.

Статья поступила в редакцию 01.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 82

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0048

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ А.МЁРДОК «ЗАМОК НА ПЕСКЕ»

© Автор(ы) 2021

ORCID: 0000-0001-7881-1282

АСАДЗАДЕ Расима Фархад гызы, доцент

Азербайджанский университет языков

(AZ 1014 Баку, Азербайджан, ул. Рашида Бейбутова, 134; e-mail: ras-asa88@rambler.ru)

Аннотация. В статье предпринята попытка исследования проблемы личности в творчестве известной английской писательницы А.Мёрдок. В ее произведениях используются экзистенциальные мотивы, характерные для европейской литературы XX века. Экзистенциализм как философское направление сыграл важную роль в поиске выхода из кризисных ситуаций и формировании нового общественного мировоззрения. В романах А.Мёрдок, особенно в произведении «Замок на песке», проблема личности занимает центральное место. Автор дает возможность своему герою выбрать истинные духовные ценности. Творчество А.Мёрдок органично вобрало в себя многочисленные философские идеи Ж.-П. Сартра. Одновременно в ее романах наблюдается и трансформация этих идей в конкретных характерах и в реальной ситуации изображения. Под непосредственным воздействием сартровской доктрины в XX веке развивается значительная часть европейской литературы, в частности английской. Появляется и сам термин «экзистенциальный роман», который в модифицированном виде предстал в творчестве А.Мёрдок. Человек в тонкой иронии А.Мёрдок целиком и полностью принимает на себя ответственность за выбор. Для героев произведений писательницы свобода духа, как правило, оборачивается подведением безрезультатных итогов. Герои озабочены состоянием мира и собственной судьбой. В этом смысле закономерна актуальность обращения к такому необычному подходу.

Ключевые слова: экзистенциализм, проблема, творчество, личность, ирония и гротеск, мистика, английская литература, роман «Замок на песке».

THE PROBLEM OF PERSONALITY IN THE NOVEL “THE SANDCASTLE” BY I.MURDOCH

© The Author(s) 2021

ASADZADE Rasima Farhad, assistant professor

Azerbaijan University of Languages

(134 Rashid Behbutov, Baku AZ 1014, Azerbaijan; e-mail: ras-asa88@rambler.ru)

Abstract. The article attempts to study the problem of personality in the work of the famous English writer I. Murdoch. Her works use existential motives characteristic of the European literature of the XX century. Existentialism as a philosophical direction has played an important role in the search for a way out of crisis situations and the formation of a new social worldview. In the novels of A. Murdoch, especially in the work “The Sandcastle”, the problem of personality occupies a central place. The author gives his hero the opportunity to choose true spiritual values. The work of I. Murdoch organically absorbed numerous philosophical ideas of J.-P. Sartre. At the same time, in her novels, there is also a transformation of these ideas in specific characters and in the real situation of the image. Under the direct influence of the Sartre doctrine in the twentieth century, a significant part of European literature, in particular English, is developing. The term “existential novel” itself appears, which appeared in a modified form in the works of A. Murdoch. A man in a subtle irony, I. Murdoch fully assumes responsibility for the choice. For the heroes of the writer’s works, the freedom of the spirit, as a rule, turns into a summing up of inconclusive results. The heroes are concerned about the state of the world and their own fate. In this sense, the topicality of addressing such an unusual approach is natural.

Keywords: existentialism, problem, creativity, personality, irony and grotesque, mysticism, English literature, novel “The Sandcastle”.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В романах известной английской писательницы А.Мёрдок проблема личности занимает особое место. Подход к избранной проблеме в ее произведениях отличается оригинальностью. Остановимся на романе «Замок на песке». Несмотря на выраженную экзистенциальную тональность повествования – безграничное одиночество героев, их отстранённость от жизни, уход в мистический мир, религиозные колдовские обряды, душевные метания между реальной действительностью и иллюзией, свободой и любви, – проблема личности поставлена в ином ключе, по сравнению с романом «Под сетью». Во-первых, отметим, что в этом романе практически не было символики. Более того, мистика и религиозные мотивы отведены на задний план. В произведении дана история журналиста, пытающегося найти своё место в жизни.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В настоящее время творчеству А.Мёрдок посвящены многочисленные научные исследования [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В статье мы опирались в основном на работы Карпа М.А., Кузнецовой А.Н. и других. В ходе исследования были использованы литературоведческие материалы Национальной библиотеки Азербайджана, работы русских авторов, а также произведения самой писательницы, выводы сделаны на

основе их анализа.

Формирование целей статьи. Цель статьи – исследование проблемы личности в творчестве А.Мёрдок и показать героя на фоне экзистенциализма, философского направления.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. В статье используется комплексный и системный методы анализа литературы, метод интертекстуального анализа, которые рассматривают изучение возможных смысловых трансформаций и функций в исследуемом тексте.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В романе «Замок на песке» проблема личности ставится и находит свое разрешение совершенно по-другому. А именно, произведение буквально переполнено символическими образами. Многие вещественные атрибуты следует понимать и оценивать исключительно с мистической точки зрения. К тому же поведение героев, очень часто попадающих в обстановку полной таинственности, разоблачается автором по ходу развития самого сюжета, высмеивается, пародируется.

Поэтому, прежде чем представить галерею образов, считаем необходимым сказать несколько слов о символическом названии. Совершенно очевидно, что заглавие произведения приобретает особый смысл, так как от его предельной точности в сущности зависит вся идейная проблематика, темы, мотивы и всевозможные сюжетные

перипетии. Рассекретить критикам-литературоведам или учёным-языковедам смысл заглавия произведения – это означает заглянуть в самый его корень.

Интересную, на наш взгляд, мысль высказывает видный европейский учёный Э.М.Сьоран. В одной из своих монографий он пишет: «Заглавия сами по себе ничего не сообщают читателю до чтения, а подразумеваемый под ним эмоциональный фон, реальный, мистический либо откровенно пародийный, главным образом, являет собой высказывания-резюме. Именно они, как представляется, позволяют читателю не только лучше понять и расценить суть происходящих с героями событий, но и двигаться по тексту согласно авторской стратегии, параллельно как бы реконструируя соответствующую модель в повествовании» [7, с.111].

Иными словами, когда говорят «Строить замок на песке», – то имеют в виду иллюзорность той или иной мечты, её несбыточность. Эта мечта так и осталась недостижимой для двух центральных героев романа – простого школьного учителя Мора и Рейн. Необходимо отметить, что и некоторые другие герои романа не достигают поставленных целей и результатов. Люди, впервые познавшие первое чувство любви, встретились в несколько необычной обстановке. Теснота, образно выражаясь, сплавивает влюблённых. Они оказались в небольшом родовом поместье господина Демойта, которое А.Мёрдок именуется «Подворьем Брейлинга».

Характерно, что встреча двух будущих любящих сердец происходит в особняке, окутанном загадочностью, таинственностью. В описании этого дома сильны как элементы мистики, так и гротеска: «Величественный и одновременно меланхолический «Демойтов дом» вырисовывался, словно на картине; он был точно таким же, как и в те достопамятные времена, когда на Лондон с их старомодными экипажами нередко нападали банды разбойников» [8, с.26]. А затем Мёрдок словно возвращает к себе концентрацию основной идеи, реализуемой посредством ассоциативного сбрасывания своих героев «с заоблачных небес – на грешную землю».

Какими же художественными средствами достигается этот эффект и каково соотношение символики и реальности при разрешении проблемы личности? Прежде всего отметим, что почти каждый из действующих лиц (исключая второстепенных, эпизодических) строит свой собственный «замок на песке». И каждый при этом терпит моральный крах, ощущая духовную пустоту и одиночество, хотя большинство из них всё же придерживается определённого «кодекса чести» «порядочного англичанина», и потому писательницей они не показаны как герои отрицательные (в крайнем случае – рефлектирующие). Однако на окончательный выбор героями своего жизненного пути это не влияет. Как однажды в порыве искреннего откровения Мор обратился к Рейн Картер: «Нас такой мир окружает, в котором одиночество абсолютно неизбежно. И не вижу путей, как из него выбраться» [8, с.87].

Айрис Мёрдок в согласии с собственным мирозерцанием, буквально каждому из главных персонажей даёт яркую характеристику. Тем самым она выводит галерею лиц с характерными признаками размышления и поведения. С самого же начала повествования становится очевидным, что одними лишь иллюзиями живёт в первую очередь обычный школьный учитель Мор. По-своему честный, хороший семьянин, придерживающийся старозаветных английских традиций, он долгие годы остаётся преданным жене. Автор чётко фиксирует: «Для Мора было более чем ясным, что быть безупречно честным – это значит соблечь основу и условия существования и сохранения всех национальных ценностей» [8, с.3].

Таким он изображен автором при первом же знакомстве с читателем. Это убеждение он пытается пронести через всю свою жизнь, сложную, неординарную, в которой была как моральные взлёты, так и падения. В финале романа, когда между ним и Рейн Картер завя-

зались близкие отношения, внутренний голос всё равно нашёптывал ему (его устами говорит автор): «Ну что он мог ещё поделывать, если пуританское воспитание, полученное им ещё в детстве и до сих пор довлеющее над ним, мешало окончательно, то есть в грубой физической форме, изменять своей жене» [8, с.58-59].

Но, несмотря на позитивные качества характера, он начинает и продолжает по ходу сюжета строить свой «замок на песке». Тогда как его жестокосердная и в то же время рационально мыслящая супруга Нэн трезво оценивает относительно невысокие интеллектуальные способности детей. Мор же, в свою очередь, смотрит на их будущее сквозь «розовые очки». Он категорически заявляет: «Я не хочу того, чтобы она (Фелисити) становилась бы секретаршей у какого-нибудь состоятельного босса. Я хочу, чтобы сама она становилась на ноги, состоялась как самодостаточная женщина, и чтоб у неё самой был бы секретарь» [8, с.3-4].

Вероятно, это заявление можно было бы рассматривать как благое и естественное желание отца помочь своей дочери утвердиться в жизни. Однако эта версия не выдерживает серьёзной критики. Билли Мор, романтик по своему мировидению, он не учитывает как минимум двух, весьма существенных, на наш взгляд, моментов. Во-первых, в очень сложном экзистенциальном мире А.Мёрдок самодостаточность личности окупается большой ценой. Как их сын Дональд, так и дочь – Фелисити, по разным причинам – субъективным или объективным – в жизни люди разочарованные, неустоявшиеся и как следствие, затерянные во времени. Оба персонажа – существа юные, исключительно занятые поисками работы, своего места под солнцем, но тщетно пытающиеся самоутвердиться.

Мор абсолютно не замечает, что его дети погружены в мир мистики. Оба они, стремясь к самоутверждению, в реальности избирают ложный путь, так как придумывают для себя колдовские обряды под названием «Игры в Могущество». В этом смысле он напоминает читателю главного героя из произведения «Под сетью». Если сопоставить эти персонажи, то можно отметить стремление к самоутверждению в жизни Джейка Донагью. Он делал это, хотя неуклюже, с придыханием, но обходился без помощи сверхъестественных сил. Объективно рассуждая, он обеими ногами твёрдо стоит на земле. Для ряда героев романа «Замок на песке» это оказывается проблематичным. Так, для Фелисити суть всей юной жизни заключается в свершении магических обрядов, древних ритуалов заклятия. Интуитивно предчувствуя скорый разрыв между отцом и матерью, дочь прибегает к колдовским чарам, препятствуя покорению башни Сен-Бридж её родным братом Дональдом. Тем сам и вектор художественного исследования личности этой героини направлен в сторону бесполезной игры с характерами, проявляющейся в обманчивых превращениях судьбы.

Во-вторых, Билли Мор также не замечает, что Фелисити тоже строит свой «замок на песке». Девочка искусственно вбивает себе в голову, что её далекие предки – это ведьмы, и потому она уверена в том, что перенимает от них божественный дар предвидения. Хотелось бы отметить, что символика этого образа граничит с реальностью лишь условно. Фелисити надеется помирить родителей с помощью магических заклинаний. Но сцены «ведьминских обрядов» выписаны Мёрдок с юмором и иронией. Эти мечты также несбыточны, как и стремление отца помочь дочери «встать крепко на ноги». Правда, одной строкой отметим, что за символикой древних обрядов и их комичностью стоит реальная мечта девочки любыми путями (пусть и наивно-детскими) сблизить Мора и Нэн. Так или иначе, но практичная мать бросает в лицо мужу справедливый упрёк: «Билл, ты словно витаешь в облаках. Приглядишься получше; дети-то у нас все не вундеркинды, но ты всё пытаешься убедить меня и в первую очередь – самого себя в обратном, уже тем самым делая наших детей глубоко несчастными» [8, с.18].

«Шоры на глазах» у Билла Мора и по отношению к сыну Дональду. Хотя в одной из самых сильных финальных сцен романа, когда он чуть не разбился, отец осознаёт, насколько он ему дорог, всё-таки на протяжении всего хода повествования он с грустью констатирует, «как медленно Дональд взрослеет». Мор вспоминает своё детство, сравнивает и сопоставляет, и лишь в дальних уголках его сознания гнездится мнение о том, что «у Дональда при его уже не малых годах всё-таки отсутствует пора зрелости» [8, с.20].

Хотя современные критики нередко сходятся во мнении, что некоторые произведения Айрис Мёрдок реалистичны, но классические конфликты мировой литературы не находят в её лице яркого и последовательного защитника. Так, в мыслях Билла Мора о своих детях лишь пунктирно намечена широко известная в мировом литературоведении тема столкновения «Отцов и Детей». Между тем английская писательница подступает к этой сложнейшей философской проблеме своеобразно. Билл Мор со своим романтическим взглядом на мир и веру в безупречность Творца не видит того очевидного, мимо чего никогда не пройдёт его супруга Нэн – полная противоположность мужу по характеру. О чертах её личности мы скажем ниже. Но уже в облике Мора показано, как идёт незримая борьба двух поколений.

Автор «Замка на песке» уточняет, что собственно принадлежность этого персонажа к старому и славному аристократическому английскому роду не слишком существенна, он был скорее однофамильцем, чем потомком, из чего следует, что потомком он всё-таки был. Иными словами, уже при самом первом знакомстве автор рождает представление о «не-сущности» героя, о «не воплощенности» его роли потомка старинного английского рода. Это выражается в том, что при мыслях о Дональде в начале и середине повествования Мор чаще думает о себе. Он вспоминает самого себя в этом возрасте, как жадно поглощал одну за другой книги и, в конце концов (ближе к финалу) огорчается, что «у сына никогда не было по-настоящему серьёзных интеллектуальных запросов» [8, с.109-110].

Несмотря на разницу между романами «Под сетью» и «Замок на песке», между ними можно, на наш взгляд, провести тематическую связь. Почему, к примеру, первый роман Айрис Мёрдок называется «Под сетью»? Потому что в неё попадает главный герой в связи с поисками работы, обретения свободы мысли как журналиста. Этому посвящено большинство страниц произведения. О работе Билла Мора, в свою очередь, говорится очень мало, редкими и скупыми фразами, но оказывается, он тоже отчасти попадает в сети, только другого рода. В отличие от супруги Нэн, хорошо разбирающейся в людях, всегда знающей, как поступить, он в характере героев из своего окружения явно запутывается.

Обратим внимание на то, кого по ходу действия Мор выбирает себе в друзья и единомышленники. «Он чувствовал, – отмечает автор, – что в Эверарде имеется нечто покоряющее, завораживающее. Эверард, безусловно, по его предположению, бескорыстен и добр. Так отчего же, часто спрашивал он сам себя, я испытываю не к нему глубокую признательность и симпатию, но к старику Демойту, уж точно ершистому, хитрому, являющемуся прямой противоположностью Эверарда? Возможно, раздумывал Мор, я и сам не являюсь такой уж пайнкой?» [8, с.33] И из размышлений Билла Мора А.Мёрдок делает предельно лаконичный вывод: «Вот вам и еще одна загадка (читатель). Вокруг только и есть, что одни загадки» [8, с.33].

В этих противоречивых чувствах главного героя следует разобраться глубже. Работая над «Заком...», Мёрдок практически полностью отказалась от роли рассказчика (остались в основном, только её краткие выводы и обобщения). Автор ведёт за собою героев (и то, ненавязчиво, без излишней дидактики), попутно объясняя те или иные их поступки. Вместе с тем подчеркнём, что

по нормам и правилам экзистенциального мышления, который модифицируется английской писательницей в связи с авантюрно-новеллистическим сюжетом, по необходимости сохраняется и некоторая недосказанность, то есть тайна.

Необходимо отметить, что Мёрдок в своём творчестве умеет гармонично соединять реальные факты, символику и вымысел. Чувственная зримость объективной картины мироздания наполнена у неё волнующей нотой романтического ощущения. Вот между этими двумя «берегами» и находится Билл Мор, тоже своего рода путаясь в сети. Так, он не замечает, что его сын Дональд фактически отбился от рук, пропускает занятия, ведёт сомнительный образ жизни, хулиганит, залезает на башню и в качестве символического знака он оставляет на ней ночной горшок. Загадочной для Мора была и остаётся его дочь Фелисити, погрязшая в картах, гаданиях и всевозможных религиозно-колдовских ритуалах.

Как видим, абсолютно неразборчив Билл Мор и в друзьях-коллегах. Он симпатизирует одним, приписывая им лучшие черты, которыми они явно не обладают, сторонится других – более преданных своему делу. И когда А. Мёрдок делает вывод, что кругом одни загадки, то она не лукавит. Как Мора, так и некоторых других героев этого романа окружает тайна. Причём, автор неизменно придаёт ей символическое звучание, впрочем, как мы утверждаем, в известном соотношении с реальностью. Но тайна остаётся тайной, и у неё есть своя как предыстория, так и характерологические черты и признаки.

Видный современный учёный – литературовед и лингвист М.А.Карп утверждает, что тайна – «это один из важнейших атрибутов выражения особого рода экспрессии в тексте. Она во многом помогает установить интересы или пристрастия личности в талантливом художественном произведении» [9, с.131]. Следовательно, тайна некоторым образом организует и лексико-семантическое пространство текста. Анализируя «Замок на песке», читатель убеждается, что в их основе, как правило, лежит такая тайна в психологии героев (в настоящем случае – Билла Мора – примечание наше). Тайна далёкая и непостижимая, часто связана с недоступностью нормального человеческого общения или жизненными неурядицами. Однако она вполне ясна автору, так как Мор бьётся в тисках противоречивых чувств.

По словам А.Н.Кузнецовой «тайна» пронизывает роман «Замок на песке» по причине творческой переработки А.Мёрдок так называемого «неоготического романа». Это в целом и общем отражает экзистенциальное мышление писательницы, а сам сюжет становится более динамичным. Как отмечает А.Н.Кузнецова: «Роман «Замок на песке» мы условно считаем «неоготическим», поскольку в нем существенным преобразованиям подверглись и основные детали архитектоники готического романа, и его идеи. При этом, Мёрдок учитывает и переосмысливает практически все особенности, присущие готическому типу сюжетного развертывания (ограничение свободы человека волей рока, заключение (физическое и душевное), столкновение с темными силами, психическое расстройство)» [10, с.148].

Критик сопоставляет старинный дом, в котором проживал Мор со своей семьёй с монастырём. «Дом сплошь окружён мистическими легендами, так как в нём множество потайных ходов или же темниц» [10, с.149].

Выясняется, что элементы случайности либо божественного прозрения в них крайне малы, а потому мы имеем возможность трактовать отношения этого героя к детям и коллегам по работе в экзистенциальном аспекте лишь частично. Тайна Мора, мечтающего поскорее избавиться от надоедливой и жестокой жены, не понимающего психологических мотивов поведения своих детей-подростков, подаётся в символическом ключе, вернее, для окружающих, непосвященных в символ. Все симпатии или антипатии Мора – это, в сущности, знаковый образ, и он до ясного истолкования чаще автором не

доводится. Но в недосказанности (недоговорённости), таким образом, сохраняется открытость финала в этом романе и соответственно продуцируется специфический символический подтекст.

Как это конкретно реализуется в тексте? С одной стороны, объективные сведения о жизни главного героя, разбросанные по страницам, редки и словно пародируют традиционные английские романы без выраженной политической направленности. С другой стороны, «тайна» в истолковании автора должна быть верно истолкована. В подлиннике А.Мёрдок повсеместно использует слово «mystery», бесспорно, подразумевая под ним нечто мистическое, фантастическое или божественное. Все эти определения можно вместить в единое художественное пространство «Замка» с обобщённым значением – «нереальное». Характерно и то, что «тайна» сопровождает Билла Мора, его молодую возлюбленную Рейн Кратер и некоторых сослуживцев во всех их пространственно-временных перемещениях, вплоть до самого финала, когда характеры становятся прозрачными, окончательно раскрываются.

Билл Мор с годами в такой степени боится супруги, что не приемлет даже никаких досужих разговоров на семейную тему. Нетрудно сопоставить: в реалистических произведениях великих английских писателей XIX-XX веков, например, Ч.Диккенса, Дж.Голсуорси, Б.Шоу и других, хотя и с очень разных позиций, но всё же обсуждаются возможности создания полноценной (по Л.Н.Толстому – счастливой) семьи. Билл Мор устами автора откровенно уходит от этих разговоров, так как семейная жизнь ему опостыла.

Вот почему он чуть не рассорился со стариком Демойтом, когда тот неожиданно резко изрёк: «Семейные пары – это опаснейший механизм! Внутри любого брака я вижу ярко выраженный эгоизм, притом благоустроенный да ещё к тому же и санкционируемый нашим несовершенным обществом». В запале спора Демойт, который в целом и общем был далёк от религии, приплетаёт сюда и божественное: «Семейным людям, ох как сложно войти в Царствие Небесное!» [8, с.8].

Повествуя об отвращении к прежней семейной жизни Билла Мора, автор умело подводит читателей к мысли о возможном адюльтере на стороне. Нам представляется, что при соотношении символики и реальности писательница постепенно отходит в сторону последнего. Мы наблюдаем, как нарастает ощущение тревоги, которое передаётся А.Мёрдок посредством описания ею душевных переживаний главных действующих лиц – Билли Мора и Рейн Картер. Кто они такие и какую роль играют в сюжете романа? Недаром писательница именует их «узниками». Хотя жизнь Мора, несмотря на холодные отношения с супругой, до встречи с Картер Рейн была ограничена работой в школе, герой не переставал думать о том, как бы вырваться из семейных оков.

Дом, монастырь «Подворье Брейлинга» – можно продолжить список этих названий, навевающих, по мысли Айрис Мёрдок, тоску и одиночество на англичанина. В экзистенциальном произведении есть одна характерная черта, объединяющая их – отрешённость персонажей от мира сего, герметизация пространства. Ведь монастырские дома скромного школьного учителя с монастырем условно (в конце концов, это не церковь в буквальном смысле слова). Тем не менее, этот дом замкнут в своём «крошечном пространстве». Случайная ли деталь? По нашему мнению, конечно же, нет. Искусственная замкнутость малого пространства знаменует собой рождение, а затем и решение проблемы разрыва брачных уз в несчастливых семьях, хотя бы путём создания новых матримонимальных отношений.

Так и случилось. В «Подворье Брейлинга» неожиданно ключом начинает бить новая жизнь. Её идейным вдохновителем становится юная Картер Рейн – талантливая, хоть ещё и малоопытная художница, работающая в доме директора школы Демойта. При постановке

проблемы личности в аспекте соотношения символики и реальности, Мёрдок просто не может обойтись без нарочитой гиперболизации, отчасти присущей экзистенциализму. Демойт заказывает ей свой автопортрет, и в этом вроде нет ничего предосудительного. Но он намеренно наделён автором чертами злодея из старозаветных готических романов прошлых столетий в Европе. Перед читателем предстаёт тиран, который имеет верную ему прислугу.

В пёстрой галерее лиц появляется новый персонаж – Ханди – суровая и молчаливая домоправительница, считающая недругов хозяина личными своими недоброжелателями. Показательно, что Демойт основными чертами своего характера противопоставлен Мору по линии жёсткости/мягкости. Он открыто противостоит нежной и добродушной Рейн, в которой трудно уловить черты даже рефлектирующего героя. Мёрдок относится к ней с нескрываемой симпатией. Между Мором и Рейн завязываются близкие отношения. Следовательно, нужно было показать их антиподов. Этого требовала логика большого художника слова. Вот почему с определённого момента объективная писательница, подыскивает почву для осуждения других действующих лиц. Ими становятся жестокосердная жена Билли Мора – Нэн, упомянутый Демойт и чудаковатый учитель рисования Бладуард.

Не спасает положения даже одно из редких положительных всплесков в характере Демойта – откровение в минуты творческого озарения. Однажды он в сердцах проговорился: «Я вам заявляю: уезжайте поскорее подальше из этой глухомани, дыры, от этих людей, Эвви слейного, Пруэтта угрюмого, от Бладуарда полубезумного, скорее, – в Лондон, где вы можете встретиться с умнейшими и необыкновеннейшими людьми. Между прочим, и с женщинами тоже. А здесь всем нам остаётся только одно – скоротать как-нибудь время до своих похорон» [8, с.59]. Мрачное предвещие, но оно не помешало любви между Мором и Рейн.

При своём пристрастии к экзистенциализму творчество Айрис Мёрдок никогда не отличалось пессимистическим настроением. Не стал исключением и роман «Замок на песке». Любовь возродила Билла, отныне она переполняет его эмоциями, и таинственность обстановки мрачного дома постепенно отходит в прошлое. Новые перспективы окрыляют теперь Мора, восхищает новизна и яркость его трансформировавшегося сознания.

Но тогда ставится такой закономерный вопрос: что же представляет собой юная девушка – Рейн Картер, сумевшая оторвать простого школьного учителя от семейной рутины и возродить к новой жизни? С появлением этой героини в романе в экзистенциальный строй свежим ветром врывается романтическая струя. Прежде чем познакомиться людям столь разного поколения, А.Мёрдок предусмотрительно вырывает девушку из дома-монастыря и помещает совсем в иной мир. Мор попадает в розарии, и некоторое время находится в оранжерее под действием цветочных чар. Красота сада, необычная обстановка приводят его в состояние душевного потрясения, причём природу романтики, как подчёркивает автор, постигнуть не может. Сказывается непривычная для него среда. Напротив, Рейн оказывается во вполне привычной для себя ситуации; она испытывает подлинный восторг, не может сдерживать нахлынувших на неё чувств. Первая встреча влюблённых – одна из самых сильных, пожалуй, в художественном отношении сцен, когда девушка любуется небом в ночи и, словно чеховская героиня, обнимает от счастья дерево.

Отметим, что любовь Билли Мора и Рей Картер вполне реальная, земная. Но место их встречи – символично. Меняется интерьер, тёмные краски переходят в светлые, словно переброшены из дантовского «Ада» – в «Рай». А.Мёрдок осознанно выписывает её характер, очень похожий на романтическую героиню из прежних готических романов XVII-XVIII веков. Мор же в такой степени ошарашен природой, которую ранее не знал, что при-

нимает видение девушки за часть сельского интерьера. Более того, А. Мёрдок усиливает общее впечатление от увиденного и услышанного: гостей в доме также поджидают чудеса, когда они спускаются в благоухающий розами ночной сад.

Но первые восторги прошли, и вскоре выясняется, что чувствительность юной художницы эфемерна. Рейн Картер, как и Мор тоже строит свой замок на песке. Первоначально это подаётся писательницей как факт биографии. Рейн вспоминает, как пыталась в детстве построить песчаный домик, который разваливался у неё на глазах. В отрочестве её характер резко меняется. Из героини романтических готических романов она превращается в отшельницу. Временами от депрессии её спасает искусство. Цель её жизни замыкается на создании портрета директора школы – Демойта.

Однако в отличие от своего отца – профессионального художника, она лишь учится, опыта у неё очень мало. Поэтому А. Мёрдок наделяет её противоречивыми чертами. То она впадает в веселье и эйфорию, то плачет, печалится, уходит в себя и признаёт уединение. Отчасти на такую смену настроения повлиял тот факт, что Рейн, живя с отцом во Франции, вела полу-затворнический образ жизни. Мистер Картер, приучая дочь к живописи, нередко проявлял по отношению к ней деспотизм.

Как в этом романе, так и во многих других своих сочинениях, английская писательница славится тем, что скоро и умело переключает внимание читателя в совершенно новый регистр. Так, героиня быстро повзрослела и, перенимая суровый опыт отца, говорит: «Картины наши есть в сущности оценка самих себя» [8, с.38]. Как видим, от романтики взрослой Рейн уже не остаётся и следа. Но тематическая линия, заявленная в заглавии романа, остаётся неизменной. Можно сказать, что изначальные установки и ориентиры А. Мёрдок вообще никогда не теряет.

Несмотря на более зрелые реалистические взгляды Рейн, она по-прежнему живёт как бы по инерции и продолжает строить «замок на песке». В чём это выражается уже в её взрослой жизни? Прежде всего в том, что она не умеет выбирать себе спутника жизни. И дело даже не в том, что Билли Мор в буквальном смысле годится ей в отцы. Анализ многих произведений Мёрдок подвёл нас к мысли, что её практически не интересовала гендерная проблема. Во всяком случае, она может быть отчасти использована писательницей только как фоновая информация. Мор сам соткан из противоречивых чувств. Покажем это, исходя из его собственных рассуждений.

Во-первых, Мор по природе своей не семейный человек. Долгие двадцать лет находясь под насильственным давлением своей супруги, игравшей в семье роль лидера, он не столько пытался выбраться из-под её ига, сколько «старался объяснить себе самому, как вообще могло случиться, что в течение долгого периода времени он терпел Нэн, а та всё продолжала и продолжала его физически и морально уничтожать, постепенно разрушать его личностные устремления» [8, с.100]. На наш взгляд, методы выхода из создавшейся ситуации – неверные. Нужно было пойти на откровенный разговор с супругой, но на этот шаг герой не решается. Завести интрижку на стороне для него оказалось более ясным и простым решением семейной проблемы.

Во-вторых, живя иллюзиями, он продолжает сосуществовать с Нэн как бы в изоляции. Отрешённость от всяческих мирских забот – это его главная цель. Вот почему вскоре после первых же встреч с Рейн он категорически заявляет ей: «Нас окружает такой мир, в котором одиночество неизбежно» [8, с.87]. Можно, конечно, трактовать это изречение просто как возврат к излюбленному приёму Мёрдок, так как подавляющее большинство героев её произведений так или иначе пребывают в одиночестве. Но здесь, по нашему мнению, эту фразу надо расценивать только как начало многочисленных злоключений Билла Мора.

Итак, учитель живёт в одиночестве, точнее, в собственном замкнутом мире, ближе к финалу романа проблемы супруги и детей почти не занимают его. Вместе с тем он впервые испытал подлинное (как ему кажется) чувство любви, но тут же от него и отказывается. «Как же так, – признаётся он самому себе: чуть было не объяснился ей (Рейн Картер) в любви! Да как же возможно было себе позволить такое невероятное легкомыслие?» [8, с.78]. Одновременно с тем в ответ на замечание учителя рисования Бладуарда о том, что он думает исключительно о собственном счастье, возвращается к мысли о необходимости продолжения с Рейн любовных отношений. «Ну что ж, это ли не прекрасно, если два любящих сердца могут дарить друг другу подлинное счастье, новизну любовных чувств и треволнений, то почему бы, собственно и нет» [8, с.102]. Одно высказывание противоречит другому.

Очень интересный приём использует А. Мёрдок. Билл Мор вступает в ауто-диалог (спор с самим собой). С одной стороны, он продолжает ухаживать за Рейн и считает это единственной реальной возможностью раскрепоститься, уйти от ненавистной жены. С другой стороны, он сам себя (правда, только на словах) корит и осуждает. Так, в тисках противоречий до самого конца романа и бьётся этот герой.

Положение осложняется тем, что Рейн тоже не знает, как поступить. Связать свою судьбу с женатым человеком претит её мировоззрению. И потому она остаётся в гордом одиночестве. Конфликт не получает разрешения. Впрочем, это удел очень многих отринутых обществом персонажей английской писательницы. Показывая, как герои балансируют на грани символики и реальности, Мёрдок на их примере ставит сложную литературно-философскую проблему «бегства от реальной действительности» (или «бегства в никуда»). При принятии на вооружение любой из этих двух формулировок всё равно выясняется, что это гибельный путь для героев, так как он не приводит ни к каким позитивным результатам.

Сумятицу в эту жизненную неразбериху вносит и Нэн. Это тоже весьма примечательный, хотя и отрицательный персонаж. Вплоть до самого конца повествования кажется, что героиня принадлежит к той категории людей, которые, как говорится, стоят двумя ногами на земле и твёрдо знают, чего хотят добиться в жизни. Да, это целеустремлённый и самодостаточный человек. Но ближе к финалу романа читателя не оставляет ощущение, что и этому образу присущи элементарные человеческие слабости, в свою очередь ведущие к иллюзиям. Она тоже строит «замки на песке».

Отметим, что «Нэн, – как пишет автор, – всегда точно знала, что ей делать» (курсив А. Мёрдок). И когда наступало время убедить мужа в правоте своей, то система доказательств и аргументаций оказывалась ему привычно знакомой, словно бы постоянно повторялся тот же самый нескончаемый их спор» [8, с.109]. Объективно рассуждая, она не выстраивала «замков на песке», потому что была уверена в незыблемости проповедуемых принципов. Неожиданно пришло время расплаты, и крепкое положение замужней дамы пошатнулось. Впервые в жизни, как пишет автор, она по-настоящему растерялась.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Необходимо отметить, что человек в экзистенциализме «сотворяет себя» непрерывно. Как следствие этого процесса, в творчестве А. Мёрдок, неоднократно воспроизводится проблема личности. С экзистенциальных позиций исследуя современное общество, А. Мёрдок делает главный упор на изучении его сущности. Писательница своеобразно подмечает то, что скрыто под покровом традиционной английской благопристойности. У А. Мёрдок изображаемое действие в произведениях сопровождается тонкой иронией и гротеском. Творчество А. Мёрдок отличается оригинальностью и вместе с тем ее произведения

обнаруживают глубокое пристрастие к мистицизму и иррационализму. Если английскую твёрдую семейную крепость, можно символически представить себе в виде здания, то оно начинает рушиться. И Мёрдок как бы с оборотной стороны подступает к символике «Замок на песке». Месть оскорблённой женщины была изощрённой. Разрушалась иллюзия крепкой семьи, какой Нэн до сих пор её считала. Она совершает очень неблагоприятный поступок, предав мужа ради собственной выгоды. Правда, писательница поясняет: она смертельно боялась потерять собственный социальный статус – то есть стать женщиной свободной, разведённой, значит и объектом всеобщего обсуждения, возможно, порицания. Поэтому она выдала тайное увлечение Билла политикой перед гостями Демойта. Точка в романе тем самым поставлена; Мор потерпел поражение как на личном (любовном), так и семейном фронте. Соотношение символики и реальности завершилось в пользу последнего. По философии А.Мёрдок, у каждого свой фронт и тыл, но суровая реальность бытия оказывается всё же сильнее тех иллюзий, которые питают некоторые герои этого романа, тех воздушных замков, что они сами себе по наивности своей возводят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Исламова А.К. Об отношении к действительности науки философии и школы добродетели в романах Айрис Мердок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 229-235.
2. Локшина Ю.В. Образ *la princesse lointaine* в романах Айрис Мердок // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. Том 1. Ростов-на-Дону, 2016, № 2, с.99-108.
3. Малишевская Н.А. Языковая игра понятий в произведениях Айрис Мердок // Вестник калмыцкого университета. 2019 г. №3(43), с.96-103.
4. Сафиулина Р.М. Восточные философские системы и творчество Айрис Мердок (на примере романа «Чёрный принц») // Научный диалог. 2020. № 2, с.251-261.
5. Чупракова О.В. Способы номинации русских ксенонимов в художественной прозе Айрис Мердок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 187-189.
6. Холмунтикова Е.А., Меньщикова Е.В. Узуальные и окказиональные значения единицы «Rose» в романах А. Мердок // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, № 3 (64) 2017, с.342-344.
7. Сьоран Э.М. Дурной демиург. М.: Просвещение, 1989, 211 с.
8. Мердок А. Замок на песке: роман / пер. с англ. И. В. Трудюлюбовой. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 317 с.
9. Карп М.А. Новое зрение. СПб: Азбука-классика, 2004, 224 с.
10. Кузнецова А.Н. Замок на песке как неоготический роман // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. 2014. Том 7, вып.1. с.146-154.

Статья поступила в редакцию 16.09.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0049

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТОСФЕРА» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 6117-8895
AuthorID: 789127
ORCID: 0000-0002-6120-6673

БАБИЯН Тамара Вартересовна, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: aramat_7@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию содержательного наполнения понятия «концептосфера», определению ее структуры и наиболее характерных признаков, представленных в рамках лингвокультурологических исследований. Проводится системный теоретический анализ существующих подходов к интерпретации исследуемого понятия в отечественной филологической науке. Актуальность исследования обусловлена комплексным подходом к изучению данного феномена, предполагающим применение описательного метода, метода системного анализа и метода концептуального анализа. Обзор и проведенный анализ научной литературы, посвященной данной проблематике, позволяет определить концептосферу как совокупность системно организованных концептов, существующих во взаимодействии, вербализуемых посредством языка и отражающих особенности этноспецифического мировоззрения, характерного для лингвокультурного сообщества, оперирующего данной концептосферой. В качестве основных характеристик концептосферы мы выделяем следующие: системность концептосферы, выражающуюся в структурированном порядке интеграции соответствующих концептов посредством концептуального поля; лингвокультурную и когнитивную составляющую содержания концептосферы; социально- и культурно детерминированную природу концептосферы, выражающуюся в ее прямой зависимости от общественных, морально-этических, социокультурных аспектов жизни и развития лингвокультурного сообщества; корреляцию содержания концептосферы с особенностями ее лингвистической репрезентации; разграничение концептосферы языка, культуры и личности как ее трех базовых разновидностей, отличающихся экзистенциальной, эволюционной, аксиологической и дихотомической взаимообусловленностью; разграничение тематических групп концептосфер, отражающих соответствующие национально-специфические социокультурные реалии.

Ключевые слова: лингвокультурология, концептосфера, когнитивный компонент, интегрированный подход, лингвокультурное сообщество, семантический признак, концептуальное поле, этническое самосознание, полевая структура

INTERPRETATION OF THE NOTION "CONCEPTUAL SPHERE" IN THE FRAMEWORK OF LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

© The Author(s) 2021

BABIYAN Tamara Varteresovna, Senior Lecturer, Intercultural Communication and Methodology of Foreign Languages Teaching Department
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42, e-mail: aramat_7@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to a complex analysis of the notion "conceptual sphere", the definition of its structure and the most characteristic features presented within the framework of linguistic and cultural studies. A systematic theoretical analysis of existing approaches to the interpretation of the concept under study in Russian philological science is carried out. The relevance of the research is due to an integrated approach to the study of this phenomenon, involving the use of a descriptive method, system analysis and conceptual analysis methods. The review and analysis of scientific literature devoted to this issue enables to define the concept sphere as a set of systemically organized concepts that exist in interaction, are verbalized through language and reflect the features of the ethno specific worldview characteristic of the linguocultural community operating this concept sphere. As the main characteristics of the concept sphere, we single out the following: the consistency of the concept sphere, expressed in a structured order of integration of the corresponding concepts through the conceptual field; linguocultural and cognitive components of the conceptual sphere content; the socially and culturally determined nature of the concept sphere, expressed in its direct dependence on the social, moral, ethical, socio-cultural aspects of life and the development of the linguocultural community; correlation of the conceptual sphere content with the peculiarities of its linguistic representation; delineation of the concept sphere of language, culture and personality as its three basic varieties, distinguished by existential, evolutionary, axiological and dichotomous interdependence; delimitation of thematic groups of conceptual spheres, reflecting the corresponding national-specific socio-cultural realities.

Keywords: cultural linguistics, conceptual sphere, cognitive component, integrated approach, linguocultural community, semantic feature, conceptual field, ethnic identity, nuclear peripheral structure

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами

В настоящее время в связи с интенсивным развитием межкультурных контактов, проблема налаживания диалога культур приобретает особую актуальность. Мировоззрение представителей отдельных лингвокультурных сообществ и этносов в целом складывается на основании их личного опыта, моральных и культурных ценностей, национальной специфики, полученных знаний. Наши представления о предметах, вещах, явлениях и элементах реальности актуализируются в рамках концептосферы, которая представляет собой совокупность системно организованных концептов, отражающих

особенности национальной культуры и самосознания. Именно поэтому исследования в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в частности, вызывают сегодня большой интерес.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы

Являясь объектом исследования разных дисциплин, понятия «концепт» и «концептосфера» выступают ключевыми единицами когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Однако, если природа и сущность концепта изучены достаточно широко, то понятие концептосферы не имеет однозначной трактовки в научной

литературе в связи с существованием разных подходов к анализу данного феномена. Классическим в этом смысле принято считать определение академика Д.С. Лихачева, который рассматривает концептосферу как «потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом» [1, с. 5].

Многие ученые подходят к определению сущности исследуемого понятия односторонне, обращая внимание на связь концептосферы только с культурой, языком или личностью. «Концептосфера представляет собой своеобразную структуру, способную меняться во времени и пространстве отдельной этнической группы. Национальная культура имеет собственные мировоззрения и ценности, на основании которых формируются стереотипы, ассоциирующиеся с тем или иным народом» [2, с. 259]. Концептосфера культуры – «результат переживания и осмысления мира, благодаря которым в ней находит отражение ценностная информация» [3, с. 45]. «Получая воплощение в системе языка, культура может быть исследована посредством анализа особенностей единиц языка и языковых процессов» [4, с. 1136]. «Подобно тому, как слова создают словарь языка, концепты формируют концептосферу» [5, с. 66]. Концептосфера – «комплексное ментальное образование, теснейшим образом коррелирующееся с картиной мира» [6, с. 39]. «Понятие концептосферы более антропоцентрично, чем понятие языковая картина мира. В понятии концептосфера актуализируется роль человека, тогда как в языковой картине мира – роль языка в осознании человеком мира» [7, с. 1]. В контексте межкультурной коммуникации концептосфера рассматривается «как способ или образ мировоззрения» [5, с. 66]. «Это мировоззрение коллективно, так как формируется всеми представителями определенного социума. С другой стороны, необходимо отметить присущую картине мира индивидуальность, так как в ней также содержится то восприятие мира, которое свойственно конкретному индивиду» [8, с. 117].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи

Статья посвящена выявлению содержательного наполнения понятия «концептосфера», определению ее структуры и наиболее характерных признаков, представленных в рамках лингвокультурологических исследований. В процессе исследования решались следующие задачи: описать понятие «концептосфера» как единицу междисциплинарного и лингвокультурологического анализа; определить место «концептосферы» в системе языка.

Используемые методы, методики и технологии.

Актуальность исследования обусловлена интегрированным подходом к анализу данного феномена, предполагающим применение следующих методов: описательный метод, используемый в ходе сбора и первичного анализа данных; метод системного анализа; метод концептуального анализа, нацеленный на исследование концептуального содержания исследуемого понятия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Учитывая, что концепт представляет собой междисциплинарное понятие, используемое в рамках самых разных областей знания, целесообразным будет на данном этапе обратиться к его философской трактовке, анализ которой позволит сформулировать отвлеченную и в то же время четкую характеристику исследуемого многопрофильного феномена.

В рамках философского знания, концептуализм представляет собой учение, описывающее концепты как понятия, воспроизводящие идентичные черты отдельно взятых вещей. Иначе говоря, концепт, который возникает на основе общих признаков отдельных предметов, в свою очередь находит выражение в языке в виде лексем, обладающей соответствующей семантикой.

Английский педагог и философ 17 в. Дж. Локк объяснял происхождение концептов деятельностью «...разума, который из наблюдаемого между вещами сходства делает предпосылку к образованию отвлеченных общих идей и устанавливает их в уме вместе с относящимися к ним названиями...» [9, с. 278]. Таким образом, в плане структурной реализации, концепт можно рассматривать как результат ментальной, когнитивной систематизации окружающей действительности, стремление к которой обусловлено самой природой человека, психология которого ориентирована на упорядочивание, классификацию, категоризацию элементов реальности, создание порядка из хаоса.

Интегрировав в себе набор ассоциативных понятий и оформившись в виде концепта, такая единица, в свою очередь, зачастую оказывается частью образования высшего порядка, в системе которого такой концепт существует как один из системных элементов. Такое структурное образование, объединяющее в себе несколько концептов схожего смыслового содержания, получило название «концептосферы». Впервые термин был предложен российским академиком Д.С. Лихачевым, в трактовке которого концептосфера в основном интерпретируется через призму лексико-семантического и национально-культурного толкования [1, 10-12]. (Рисунок 1).

Рисунок 1 - Концептосфера в трактовке Д.С. Лихачева (составлено автором)

Таким образом, концептосфера, согласно Д.С. Лихачеву, предстает в качестве национально и культурно специфической единицы репрезентации окружающей действительности, выраженной в «концентрированном» виде через словарные единицы соответствующего языка. По утверждению ученого, потенциал отдельно взятого концепта как элемента соответствующей концептосферы тем выше, «чем богаче культурный опыт человека» [11, с. 281]. Схожее мнение высказывает исследователь В.А. Маслова, определяющая концептосферу как «систему мнений и знаний человека о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом уровнях» [13, с. 69].

Особенности «концентрированной» репрезентации реальности, осуществляемой через набор национально и культурно специфических концептов, могут быть описаны посредством анализа тематических группировок концептосфер, среди которых выделяют, например, этическую, религиозную, юридическую, медицинскую и др. Все они соотносятся с особенностями ценностной картины мира, национальным менталитетом, культурными и нравственно-этическими установками социума, оперирующего исследуемыми концептосферами. Другими словами, изучение как отдельных концептов, так и интегрированных концептосфер их инкорпорирующих, оказывается невозможным в абсолютном отвлечении от национально и культурно обусловленных особенностей использующего их общества. Именно поэтому наиболее целесообразным оказывается лингвокультурологическое направление исследования концептов и концептосфер, при котором анализу подвергается набор ключевых концептов как единиц, отражающих особен-

ности личности и нации, отличающихся специфичной ценностной ориентацией, мировоззрением, определенными языковыми и речевыми компетенциями [14]. При этом важной составляющей анализа концептосферы является когнитивный компонент исследования, так как данное понятие также неразрывно связано с процессами познания, предопределяющего информационную базу концептов как продуктов мышления [15]. Поддерживая такую точку зрения, Н.Ф. Алефиренко, утверждает, что «концептосфера представляет собой некий континуум – сплошную в виде непрерывного множества когнитивную среду, свойства которой изменяются в непрерывном пространстве сознания» [16, с. 19].

Структура концептосферы, согласно предположениям некоторых исследователей (А.Н. Приходько, Н.Н. Болдырев, М.А. Егорова, В.И. Убийко и др.), предполагает наличие «промежуточного звена» между концептосферой и входящей в нее концептами. Такое звено «получило название концептуального поля», которое определяется как «подсистема концептосферы, состоящая из множества устойчивых, иерархически упорядоченных групп концептов, типологически и семантически однородных» [17, с. 170]. Таким образом, концептуальное поле выступает в качестве связующего звена концептосферы, которое упорядочивает набор концептов внутри этой концептосферы по когнитивно-семантическому признаку.

Согласно Д.С. Лихачеву, одной из наиболее значимых особенностей концептосферы является ее тройственная онтология, предопределяющая разграничение концептосферы языка ($КС_я$), культуры ($КС_к$) и личности ($КС_л$). Каждая из трех разновидностей при этом оказывается в пропорциональной зависимости (\propto) от остальных. Отношения подобной взаимозависимости между рассматриваемыми тремя типами концептосфер могут быть наглядно представлены в виде следующих математических формул (Таблица 1):

Таблица 1 - Отношения пропорциональной зависимости между концептосферами языка, культуры и личности, где $КС_я$ – концептосфера языка, $КС_к$ – концептосфера культуры, $КС_л$ – концептосфера личности*

Формула пропорциональной зависимости между $КС_я$, $КС_к$ и $КС_л$	Описание зависимости
$КС_я \propto КС_к$	«Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство» [11, с. 153].
$КС_я \propto КС_л$	«Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким зеркалом, отражающим менталитет отдельной личности» [11, с. 164].
$КС_к \propto КС_л$	«Концептосфера культуры – это в сущности концептосфера личности» [11, с. 157].
$КС_я \propto КС_к \propto КС_л$	«Национальный язык – это как бы «заместитель» культуры, показатель богатства культуры, определяемого через языковое и культурное богатство личности» [11, с. 157].

*составлено автором

Таким образом, в случае с тремя разновидностями концептосферы, выделенными Д.С. Лихачевым, речь идет о трех векторах их взаимной обусловленности:

1) с точки зрения экзистенциальной обусловленности, каждая из выделенных концептосфер существует благодаря двум другим:

$$\frac{КС_я}{(КС_к + КС_л)^2} \cdot \frac{КС_к}{(КС_я + КС_л)^2} \cdot \frac{КС_л}{(КС_я + КС_к)^2}$$

2) с точки зрения эволюционной обусловленности, каждая из концептосфер рассматривается как фактор развития (\Rightarrow) двух других:

$$\begin{aligned} КС_я &\Rightarrow (КС_к + КС_л); \\ КС_к &\Rightarrow (КС_я + КС_л); \\ КС_л &\Rightarrow (КС_я + КС_к); \end{aligned}$$

3) с точки зрения аксиологической обусловленности, каждая из концептосфер определяет ценностное содержание (U) двух других:

$$\frac{(U) КС_я}{(U) (КС_к) + (U) (КС_л)} \cdot \frac{(U) КС_к}{(U) (КС_я) + (U) (КС_л)} \cdot \frac{(U) КС_л}{(U) (КС_я) + (U) (КС_к)}$$

4) с точки зрения дихотомической обусловленности, $КС_я$, $КС_к$ и $КС_л$ могут быть рассмотрены в рамках бинарных оппозиций «невербализованное / вербализованное», «коллективное / индивидуальное», «регламентируемое / нерегламентируемое»:

$$\begin{aligned} КС_к &= \frac{\text{невербализованное}}{\text{вербализованное}}; \\ КС_я &= \frac{\text{коллективное}}{\text{индивидуальное}}; \\ КС_л &= \frac{\text{регламентируемое}}{\text{нерегламентируемое}}. \end{aligned}$$

При этом важным параметром, обуславливающим специфику $КС_я$, $КС_к$ и $КС_л$, является, по мнению Д.С. Лихачева, статусная характеристика отдельных личностей, вносящих в клад в пополнение, развитие и обогащение данных концептосфер. Согласно ученому, во время как в глобальном смысле все три типа концептосферы развиваются в результате коллективного влияния, предполагающего участие каждого отдельного индивида как члена лингвокультурного сообщества, наиболее масштабный и весомый вклад в их совершенствование вносят представители определенных слоев общества, а также агенты определенных сфер деятельности (писатели, поэты, представители крестьянства и т.п.) [12, с. 156].

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Проведя анализ трактовок трех разновидностей концептосферы, представленных в работах исследователей (В.А. Виноградов, В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, В.И. Постовалова, В.И. Карасик, Н.Н. Болдырев, В.В. Красных, Е.Г. Беляевская, Е.Ф. Тарасов и др.), мы пришли к выводу о том, что их взаимосвязь наиболее очевидным образом может быть прослежена через анализ их ядерно-периферийной организации. Так, согласно Г.Г. Молчановой и О.В. Торбеевой, «область пересечения концептосфер личности (которые также иногда называют «идеосферами») всех членов языкового коллектива представляет собой концептосферу» [18, с. 45]. Похожее определение дает и О.Л. Леонтович, в трактовке которого концептосфера предстает в качестве «области пересечения идеосфер всех представителей данной лингвокультуры» [19, с. 349-350]. Следовательно, $КС_я$ и $КС_к$ представляют собой генерализованные, устоявшиеся общезначимые универсалии, тогда как $КС_л$ может рассматриваться как вариативная, гибкая единица, предполагающая узконаправленное толкование в разрезе контекстуального индивидуализированного анализа. Таким образом, полевая структура $КС_л$, репрезентирующая индивидуальное восприятие окружающей действительности представителями лингвокультурного сообщества, представлена периферией, инкорпорирующей сугубо личностные, субъективные представления, и ядром, состав которого представлен областью пересечения пери-

ферийных представлений. Именно такое ядро и становится в результате основой построения соответствующих $КС_я$ и $КС_к$ (Рисунок 2).

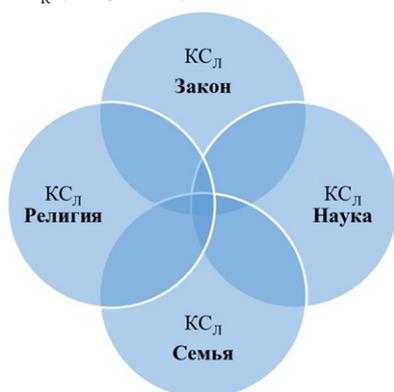

Рисунок 2 - Схема формирования $КС_я$ и $КС_к$ как продуктов функционирования $КС_л$ на примере $КС_л$ «Закон», «Религия», «Наука» и «Семья» (составлено автором)

Несмотря на довольно обширную доказательную базу и достаточную аргументированность использования интегрированного подхода к изучению концептосферы как единства $КС_я$, $КС_к$ и $КС_л$, отвлеченный анализ ее разновидностей как самостоятельных понятий также оказывается предметом современных исследований. К числу работ, посвященных анализу концептосферы культуры, относятся, например, труды О.Л. Леонтович, Н.А. Чулкиной, Н.В. Черниковой, И.Ф. Янушкевич, С.В. Буренковой, И.В. Кононовой и др. Концептосфера национального языка изучается в работах Е.В. Бобыревой, Л.Г. Золотых, О.П. Фесенко, Е.А. Огневой и др. Исследования С.Ю. Лавровой, В.А. Масловой, И.А. Тарасовой, Е.В. Купчик посвящены изучению концептосферы личности. Анализ, проводимый в рамках данных трех направлений, ориентирован на изучение специфических языковых, культурных и личностно детерминированных явлений. В соответствии с нашими наблюдениями, объектами анализа в рамках исследований, посвященных изучению $КС_я$, $КС_к$ и $КС_л$, являются следующие (Таблица 2):

Таблица 2 - Превалирующие объекты анализа в научных работах, посвященных изучению $КС_я$, $КС_к$ и $КС_л$ *

Тип концептосферы	Объект анализа
$КС_я$	<ul style="list-style-type: none"> анализ языковых средств (лексических, фразеологических, грамматических, словообразовательных и т.д.) репрезентации концептов, представленных в корпусе одного языка; сопоставительный анализ языковых средств репрезентации концептов, представленных в корпусах двух или более родственных языков; сопоставительный анализ языковых средств репрезентации концептов, представленных в корпусах двух или более неродственных языков.
$КС_к$	<ul style="list-style-type: none"> реконструкция национально- и культурно обусловленных особенностей этнического самосознания на базе тематического (жанрового) анализа базовых культурных концептов (быт, экономика, мораль, религия, политика, профессионально-трудовая деятельность, семейные отношения, закон и т.п.), распространенных в рамках одной культуры; реконструкция национально- и культурно обусловленных особенностей этнического самосознания на базе тематического (жанрового) сопоставительного анализа базовых культурных концептов (быт, экономика, мораль, религия, политика, профессионально-трудовая деятельность, семейные отношения, закон и т.п.), распространенных в рамках двух и более культур.
$КС_л$	<ul style="list-style-type: none"> реконструкция портрета языковой личности на основе анализа особенностей речетворческой и дискурсивной деятельности; реконструкция и сопоставительный анализ портретов языковой личности в рамках изучения соответствующих лингвокультурных сообществ; реконструкция портрета языковой личности выдающегося представителя (поэта, писателя, ученого, политика и т.п.) отдельного лингвокультурного сообщества.

*составлено автором

Однако, согласно обзору научной литературы, посвя-

щенной изучению разновидностей концептосфер, наиболее популярным на сегодняшний день является направление исследования, предполагающее их комплексное рассмотрение. С позиции теории и методологии современного научного знания, наиболее продуктивные научные разработки, позволяющие провести анализ в таком направлении, могут быть реализованы в рамках метода лингвокультурологического анализа. Применение данного метода позволяет рассмотреть особенности концептосферы, уделяя сбалансированное внимание всем трем ее составляющим, что, в конечном, счете, обеспечивает целостность и результативность исследования.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования

Резюмируя проведенный анализ, мы полагаем, что концептосфера может быть определена как совокупность системно организованных концептов, существующих во взаимодействии, вербализуемых посредством языка и отражающих особенности этноспецифического мировоззрения, характерного для лингвокультурного сообщества, оперирующего данной концептосферой.

В качестве основных характеристик концептосферы мы выделяем следующие:

- 1) системность концептосферы, выражающаяся в структурированном порядке интеграции соответствующих концептов посредством концептуального поля;
- 2) лингвокультурная и когнитивная составляющая содержания концептосферы, выступающие в качестве фундаментальных основ ее описания;
- 3) социально- и культурно детерминированная природа концептосферы, выражающаяся в ее прямой зависимости от общественных, морально-этических, социокультурных аспектов жизни и развития лингвокультурного сообщества;
- 4) корреляция содержания концептосферы с особенностями ее лингвистической репрезентации;
- 5) разграничение концептосферы языка, культуры и личности как ее трех базовых разновидностей, отличающихся экзистенциальной, эволюционной, аксиологической и дихотомической взаимообусловленностью;
- 6) разграничение тематических групп концептосфер, отражающих соответствующие национально-специфические социокультурные реалии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.
2. Зяябек Б.А., Туманова А.Б. Моделирование концептосферы как один из эффективных методов её интерпретации // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 257-263. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-257-263 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44790854>
3. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015. 380 с.
4. Шурупова О.С. Основные черты лингвокультурологического исследования концептосферы сверхтекста // Концепт. 2017. Т. 31. С. 1136-1140. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2017/970242.htm>
5. Кадачева Х.М., Абдулкадырова А.Б. Системные и структурные характеристики концептосферы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 34, № 3. С. 65-70. DOI: 10.21779/2542-0313-2019-34-3-65-70 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42486605>
6. Островская К.З. Специфика концептосферы народной сказки и проблема выбора методологического инструментария для ее моделирования // Успехи современной науки. 2017. Т. 3, № 3. С. 39-44. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29118956>
7. Иващицева О.Н. Концептосфера и языковая картина мира: соотношение понятий (на материале языка коренного малочисленного народа севера) // Меридиан. 2016. № 3(3). С. 29-32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28396852>
8. Звягинцева А.В. Концептосфера текста и уровни ее реализации // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 2. С. 116-120. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29303699>
9. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская Энциклопедия», 1983. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/index.htm>
10. Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Новый мир.

1994. № 8. С. 3-8.

11. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 280-287.

12. Лихачев Д.С. Культура как целостная динамическая среда // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 173-186.

13. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск.: ТетраСистемс, 2008. 272 с.

14. Перваков Е.М. «Концептосфера языка» как модель выявления национальных особенностей лингвокультурной общности // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2012/05/12241>

15. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.

16. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 288 с.

17. Приходько А.Н. Концепт и концептосистемы. Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. 307 с.

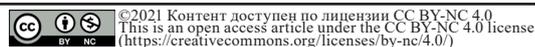
18. Молчанова Г.Г., Тарбеева, О.В. Лингвокультурные концепты и паремическое моделирование // Когнитивные исследования языка. 2009. № 1. С. 43-59.

19. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. 368 с.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.111
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0050

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖАНРА ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВА

© Автор(ы) 2021
SPIN: 5238-0429
AuthorID: 633313
ORCID: 0000-0002-3210-0685
ScopusID: 57215012435

БЫЛИНА Елена Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»
Иркутский государственный университет путей сообщения

(664074, Россия, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15, e-mail: stephanya1@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей организации информативного и оценочного составляющих интернет-отзыва с применением коммуникативно-прагматического подхода. В качестве *объекта* нашего исследования выступает жанр интернет-отзыва как представитель информативно-оценочного типа дискурса. *Предметом* являются коммуникативно-прагматические особенности организации интернет-отзыва. Анализ проводится на материале англоязычных отзывов на продукцию из раздела «Красота и здоровье» сайта amazon.com. Согласно предыдущим исследованиям, цель адресанта отзыва состоит в информировании и оценке относительно объекта отзыва. Реализация коммуникативных установок говорящего (представленных в подавляющем большинстве установками «на себя» и «на действительность» в терминах В.В. Богданова) имеет определенную взаимозависимость с функциями и целями составляющих блоков отзыва, детерминируя интернет-отзыв как информативно-оценочный тип дискурса. Жанр интернет-отзыва представлен в подавляющем большинстве репрезентативными (асертивами) и экспрессивными речевыми актами, что свидетельствует в пользу определения интернет-отзыва как представителя информативно-оценочного типа дискурса. Информативные и оценочные составляющие часто неотделимы (что указывает на характерную особенность данного виртуального жанра) и формируют следующие функционально-тематические блоки: – проблемно-постановочный; – аргументативный; – информационно-дескриптивный; – аргументативно-оценочный; – информационно-оценочный.

Ключевые слова: интернет-отзыв, информативно-оценочный жанр, виртуальный жанр, коммуникативно-прагматический подход, речевой акт, асертивы, репрезентативы, экспрессивы, оценочные речевые акты, коммуникативная установка говорящего.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF THE GENRE OF INTERNET REVIEWS

© The Author(s) 2021

BYLINA Elena Eduardovna, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of «Foreign Languages»
Irkutsk State Transport University

(664074, Russia, Irkutsk, Chernyshevsky st., 15, e-mail: stephanya1@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to identifying the organization of the informative and evaluative components of an Internet review using a communicative-pragmatic approach. *The object* of our research is the genre of online reviews as an informative-evaluative type of discourse. *The subject* is the communicative and pragmatic features of online reviews' structure. The analysis is based on the material of English-language product reviews from the "Health and Beauty" section of the amazon.com website. According to previous studies, the purpose of the addressee is to inform and evaluate the object of online reviews. The speaker's communicative attitudes (mainly represented by attitudes "towards oneself" and "towards reality" in the terms of V.V. Bogdanov) have a certain interdependence with the functions and goals of the constituent blocks of online reviews, determining the review as an informative-evaluative type of discourse. The genre of online reviews is mainly represented by representative (assertives) and expressive speech acts, which testifies in favor of defining an online review as an informative-evaluative type of discourse. Informative and evaluative components are often inseparable (which indicates a characteristic feature of this genre) and form the following functional and thematic blocks: – problem-setting; – argumentative; – informational-descriptive; – argumentative-evaluative; – informational-evaluative.

Keywords: Internet review, informative-evaluative genre, virtual genre, communicative-pragmatic approach, speech act, assertives, representatives, expressives, evaluative speech acts, communicative attitude of the speaker.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационных и коммуникационных технологий привело к возникновению и популяризации такого жанра виртуальной коммуникации, как отзыв клиентов о продуктах. По сложившемуся мнению зарубежных исследователей, интернет-отзывы появляются в огромных объемах, а классифицировать отзывы на одинаковые или разные типы продуктов остается сложной задачей [1, с. 5]. Таким образом, изучение нового представителя современного жанра коммуникации, виртуального, нам видится *актуальным*.

Как показывает проведенный нами анализ литературы, жанр интернет-отзыва не является достаточно изученным. Наиболее разработанным представляется жанр интернет-отзыв туриста [2-12].

Л.Ю. Говорунова, очевидно, внесшая наиболее существенный вклад в разработанность жанра интернет-отзыва, причисляет исследуемый отзыв туриста к «информативно-оценочным жанрам» [13, с. 201]. С.А. Прибыткова, изучая особенности электронной рецензии, приходит к выводу, что главная задача автора некоммерческой рецензии является «информирование и оценка, а не навязывание покупки» [14, с. 11].

Е.Э. Былина, опираясь на существующие определения интернет-отзыва (Говоруновой Л.Ю.; Долматовой О.В.; Погореловой И.В.; O'Mahony M.P.; Smyth B.; Velingker V., Alphonso M.), трактует его следующим образом: «интернет-отзыв – это относящееся к классу речевых жанров наивного дискурса, реализуемое в рамках асинхронной виртуальной коммуникации, речевое произведение, содержащее в себе мнение и оценку автора о товаре или услуге» [15, с. 393].

Подытоживая, можно говорить о том, что жанр интернет-отзыва главным образом состоит из оценочной и информативной составляющих. Жанр интернет-отзыва обладает отличительными особенностями, и выявление параметров, характерных именно для данного типа дискурса нам видится *практически значимым*.

МЕТОДОЛОГИЯ

Осуществляемый в работе анализ имеет *цель* – выявить организацию оценочной и информативной составляющих интернет-отзыва в зависимости от прагматических целей и установок говорящего (на материале англоязычных отзывов на продукцию из раздела «Красота и здоровье» сайта amazon.com [16]).

Для достижения поставленной цели требуется ре-

шить следующие задачи – проанализировать речевые акты, которыми представлен жанр интернет-отзыва и установить среди них основные; – выявить коммуникативные установки говорящего в тексте интернет-отзыва; – определить особенности организации информативных и оценочных блоков в интернет-отзыве.

При проведении исследования были применены такие общенаучные методы, как обобщение, систематизация, классификация, анализ и синтез материала; а также ряд лингвистических методов: сплошной выборки фрагментов дискурса, контекстного анализа, лингвостатистический метод, метод коммуникативно-прагматического анализа языкового материала.

Научная новизна определяется тем, что впервые предпринимается попытка выявления характерных особенностей организации англоязычного интернет-отзыва на продукты категории «Красота и здоровье», осуществляемая в рамках коммуникативно-прагматического подхода.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенный нами анализ фактического материала подтвердил гипотезу о информативно-оценочной природе жанра интернет-отзыва. Большинство отзывов (60 %) представлено репрезентативными и экспрессивными речевыми актами (таблица 1). При этом репрезентативы есть в каждом интернет-отзыве – 100 %, а экспрессивы в 94 % отзывах. Таким образом, отзывы оформлены в подавляющем большинстве репрезентативными и экспрессивными речевыми актами. Перформативная конструкция *I recommend*, часто выступающая прагматическим центром интернет-отзыва, не входила в расчеты. Так как по данным Е.Э. Былиной [15], упомянутое перформативное высказывание, являясь эксплицитным выражением речевого акта совета, тем не менее обладает низкой директивной иллокутивной силой и его отнесенность только к директивам дискусионна.

Таблица 1 – Оформление интернет-отзывов речевыми актами (в %)*

Типы речевых актов в одном отзыве	Количество отзывов
репрезентативы + экспрессивы	60
репрезентативы + экспрессивы + директивы	21
репрезентативы + экспрессивы + комиссивы	11
репрезентативы	6
репрезентативы + экспрессивы + директивы + комиссивы	2

* составлено автором

Согласно пионеру теории речевых актов, Дж. Серлю, цель репрезентативов состоит в том, «чтобы зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения». «Направление приспособления – «слова – реальность»» [17, с. 181]. Условия успешности осуществления иллокутивных актов: пропозиционального содержания, подготовительные, искренности, существенные условия – сформулированы в том числе в работе [18, с. 65].

Позднее Дж. Серль совместно с Д. Вандервекемом именуется данные речевые акты ассертивами и дополняет характеристику рядом перформативных глаголов: «утверждать», «заявлять», «уверять», «предсказывать», «сообщать», «рассказывать», «доказывать», «извещать», «осведомлять», «информировать», «признавать», «допускать», «напоминать», «свидетельствовать», «подтверждать», «удостоверять», «доказывать», «признаваться», «предполагать», «догадываться», «констатировать», «выдвигать гипотезу», «клясться», «настаивать» [19, с. 253-254].

Как показывает анализ примеров, в интернет-отзывах присутствуют такие репрезентативы, как сообщение, информирование, констатация, утверждение, заявление, признание, заключение, предположение, допущение и т.п. Однако репрезентативы (ассертивы) в интернет-отзывах тесно связаны с экспрессивами, эти речевые акты

не всегда можно дифференцировать друг от друга, что вызвано отчасти разным взглядом ученых на границы экспрессивов, в определенной степени – особенностями жанра интернет-отзыва как информативно-оценочного типа дискурса.

Авторы, исходя из общности или различия иллокутивных сил, перлокутивного эффекта, направления приспособления, причисляют к экспрессивам или обособляют некоторые речевые акты. Нам видится, что эмоциональный и/или оценочный элементы речевых актов становятся причиной разнородности класса экспрессивов.

Н.А. Трофимова, давая обзор классификаций речевых актов, сообщает, что в таксономиях Б. Фрейзера, А. Вежицкой, Н.Р. Норрика, Ю.Д. Апресяна, М.Я. Гловинской, Ф.Х. ван Еемеерена и Р. Гротендорста, В.В. Богданова, А.Г. Поспеловой оценочные речевые акты не входят в класс экспрессивов [20, с. 17-20].

А.Г. Поспелова вводит понятие так называемых «слитных речевых актов», содержащих в себе в качестве облигаторного элемента эмоциональный компонент, который слитен с иллокутивным, и причисляет их вместе с выделенными вслед за Л.П. Чахоян речевыми актами «сообщения», «утверждения», «предположения», «констатации обобщающего характера, не связанные с конкретной ситуацией» к речевым актам ассертивам по классификации Дж. Серля и Д. Вандервекема. Автор поясняет, что названные типы речевых актов могут сопровождаться передачей различных эмоций, но присутствие последних необязательно [21].

Ученая причисляет к ассертивам слитные речевые акты, содержащие лишь эмоциональный компонент, но не оценочный, мотивируя тем, оценка не всегда сопряжена с эмоциями, хотя последние неразрывны с оценкой, положительной или отрицательной. А.Г. Поспелова объясняет отнесение таких примеров слитных речевых актов, как похвала и лесть, жалоба, упрек, восклицание, обвинение к ассертивам сходством иллокутивных сил и одним и тем же направлением приспособления [21].

Ю.А. Сальникова упоминает существующую точку зрения ряда авторов (Е.Б. Бронниковой, А.И. Смирницкого, Н.А. Формановской), рассматривающих «экспрессивность» или «эмоциональность» как возможную особенность любого класса речевых актов [22, с. 113].

Ф. Юс разграничивает случаи преднамеренной передачи чувств и эмоций параллельно с пропозиционально передаваемой информацией, и непреднамеренные (аффективные) чувства и эмоции, не укладывающиеся в пропозициональную матрицу [23].

Ряд зарубежных авторов придерживается мнения, что и эмоции, и отношения могут выражаться в коммуникативных целях и часто оказывают влияние на слушателя благодаря своей «выразительной функции». Тем не менее, вес их предполагаемой цели остается довольно значительным [24]. Другие ученые признают важную роль эмоций в стратегиях убеждения, полагая, что отношения и оценки человека могут быть основаны на когнитивном и эмоциональном опыте, который может влиять на убеждение, поведенческие намерения и, в конечном итоге, на выбор. Соответственно, чтобы повысить восприимчивость убедительного сообщения, оно должно быть основано на когнитивном или эмоциональном эффекте, в зависимости от когнитивных или аффективных потребностей человека [25, с. 972].

Ряд других авторов, в частности С. Мартен-Клиф, Е.М. Вольф, Д. Буля и Я. Навацка, а также Н.А. Трофимова в их числе, причисляют оценочные речевые акты и речевые акты, содержащие оценочный элемент, к экспрессивам [20, с. 20-22].

Так Е.М. Вольф понимает экспрессивы шире, чем делает это Дж. Серль, «причисляя к ним а) обусловленные социальными конвенциями извинения, благодарности, поздравления и т.п. и б) оценочные высказывания, принадлежащие индивидуальным субъектам, имеющие

своей иллокутивной целью выразить эмоциональное состояние говорящего и/или произвести эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на одобрении и порицании в широком смысле слова [26, с. 166-167]. Ученая относит к данному классу оценочные высказывания (такие как одобрение, неодобрение и т.п.) и высказывания, включающие оценочный элемент в свою интерпретацию (например, оскорбление, комплимент, похвала и т.п.).

Ю.А. Фомина поясняет, что взаимопроникновение категорий «оценка» и «эмоциональность» связано с субъективным фактором [27, с. 158]. Автор, ссылаясь на работу Е.М. Вольф [28, с. 227-228], указывает на существование двух групп мнений «связывающих эмоции с идеями когнитивизма». Приверженцы одной полагают, что «эмоции логически зависят от оценок». Сторонники второй группы считают, что оценки неразрывны от эмоций, а эмоции и есть оценки [27, с. 158].

Ю.А. Фомина, приводя в качестве аргумента точку зрения Т.И. Кочетковой [29], указывает на социальную обусловленность категории оценки, ввиду того, что в ней нашли отражение «представления социума о ценностях», оценка таким образом «обладает ментальной сущностью». С другой стороны, так как оценка «дается с позиции самого говорящего», она одновременно «является и субъективной, индивидуальной» (однако существует также понятие «интерсубъективной оценки (intersubjective)», то есть представленной в кругу адресанта и широкой группы людей) [30, с. 198]. В-третьих, так как человек, оценивая фрагменты действительности, пропускает их через свой разум, оценка также «рациональна, содержательна». В-четвертых, «выражение личного “я” посредством оценивания, делает оценку «субъективной, но не эмоциональной», так как «человек не может выражать эмоций, не оценивая то, по отношению к чему они выражаются». Поэтому «“эмоциональное” является в то же время “оценочным”» [27, с. 159].

Из вышесказанного вытекает вывод, что решение вопроса разграничения эмоционального и оценочного – в делении «оценок на рациональные и эмоциональные» [27, с. 159].

Вернемся к цели нашего исследования, которая предопределяет способы ее достижения и побуждает учитывать особенности жанра интернет-отзыва.

Л.Ю. Говорунова выделила «следующие критерии для анализа жанра “отзыв туриста”»: 1) объект (тематика) отзыва, 2) участники (образы автора и адресата и их коммуникативные роли), 3) коммуникативная интенция, 4) модальность (оценочная составляющая), 5) диктум (аргументативная база выраженной оценки)» [13, с. 199].

Амазон – один из самых популярных коммерческих сетевых сайтов во всем мире. Здесь продаются книги, музыка, электроника, предметы домашнего обихода и другие необходимые человеку вещи. Отзывы клиентов о продуктах и их общие оценки публикуются на странице продукта. В целом отзывы делятся на положительные, отрицательные и нейтральные [1, с. 2-3].

В теории прагматики принято, что говорящий и слушающий имеют разные точки зрения на соответствующие контекстные параметры [31, с. 10]. В интернет-отзыве находит отражение мнение и оценка на определенный продукт только говорящего (диалог между автором отзыва и его читателями не предусмотрен на сайте amazon.com), мы полагаем, что акцент внимания в пропозиции высказывания на «Я-позиции» или «Ты-позиции» (в терминах М.Г. Безяевой [32, с. 119]) или «установка говорящего» (в понятиях В.В. Богданова [33]) имеет определенную взаимозависимость с функциями и целями составляющих блоков отзыва, детерминируя интернет-отзыв как информативно-оценочный тип дискурса.

В.В. Богданов определил «систему установок, или ориентаций говорящего». Всего автор сформулировал семь установок, подразделив их на «межличностные и внеличностные».

В свою очередь межличностные делятся еще на четыре установки: «на самого себя, на адресата, на слушающего и на третьих лиц». «Установка на самого себя показывает, как говорящий репрезентирует себя самому себе, адресату или слушающему». «Установка на адресата показывает, как говорящий примеряет свое речевое поведение к параметрам адресата. С этой установкой связан весь спектр иллокутивных функций и многих модальных значений». [33, с. 34]

Если «речевое общение между коммуникантами наблюдает слушающий, о присутствии которого говорящему известно, имеет место установка на слушающего. Она выражается в том, что говорящий строит свое коммуникативное поведение», учитывая общество слушающего [33, с. 34-35]. Принятие во внимание других лиц, не соотносящихся с адресатом или слушающим, находит отражение в установке на третьих лиц [33, с. 35].

К внеличностным установкам автор отнес следующие установки: «на действительность, на пропозициональное содержание высказывания и на языковые средства» [33, с. 35].

Т.Е. Доброва в своем исследовании, взяв за основу классификацию установок В.В. Богданова, видоизменила ее согласно целям своей работы. Межличностные установки Т.Е. Доброва понимает таким же образом, как и создатель данной системы, внеличностные же установки по-другому. Автор выделяет среди них лишь две: «на действительность и на языковые средства». Если говорящий обсуждает выбранные одним из коммуникантов языковые средства, то представлена установка на языковые средства. Если же «в центре внимания находится неуодушевленный предмет или явление, в том числе временные или пространственные параметры», то имеет место установка «на действительность» [34, с. 133].

С обзором на разработанность проблемы «установка» можно ознакомиться в работе Г.П. Юшко [35, с. 89-92]. Таким образом, «понятие “установка” с прагматической точки зрения – это специфическое состояние «говорящего» (пишущего), которое характеризуется как склонность к совершению речевого действия для удовлетворения потребности в общении. Это своеобразная программа действия и поведения человека, готовность человека воспринимать явления внешнего мира и действовать определенным образом» [35, с. 89].

С.А. Прибыткова, исследуя семантико-прагматические особенности электронной рецензии, определила структуру последней, которая «включает введение, основную часть и заключение» [14, с. 9].

Мы склонны полагать, что установленные С.А. Прибытковой функционально-тематические блоки электронной рецензии, присущи также (с небольшой коррекцией) структуре англоязычных интернет-отзывов из раздела «Красота и здоровье» сайта Амазон, подвергавшихся нашему анализу. Выявление организации составляющих интернет-отзыва в зависимости от прагматических целей и установок говорящего позволит достичь цели нашего исследования. Напомним, что анализ функционирования заключительного высказывания *I recommend* не входил в область нашего исследования.

Как показывает проведенный нами анализ, отзыв может начинаться с общей оценки обозреваемого продукта. Которая может быть как эмоциональной, так и рациональной.

Примеры (здесь и далее источник примеров [16]) оценки на основе эмоций:

These are amazing !!! В данном примере мы видим установку «на действительность».

If I could give this product more than 5 stars then I would!! Здесь установка «на самого себя».

Примеры оценки рациональной:

Nizoral is a fantastic product for combating the awful flakes, redness, itchiness and other symptoms derived from seborrheic dermatitis, eczema, etc. С установкой «на действительность».

I'll give a product a few months before I review it because everyone is excited when they get a new product, so they put out hasty reviews before seeing how the product acts over time. This product however is extraordinary. Здесь мы наблюдаем установку «на самого себя».

Согласно нашему анализу, большинство отзывов начинается с **проблемно-постановочного блока**, в рамках которого адресант преследует цель проинформировать читателей о своих проблемах, ставя задачу справиться с ними, применяя обозреваемый продукт.

I run around all day at home barefoot, and then wear socks and sneakers for work. My heels were a mess and so were the middle of my feet. My heels would get so dry and cracked that the skin on my feet would start peeling off...IN CHUNKS (yuck!). Sometimes the peeling would make painful areas on my foot and I would have to cover them with a bandaid until they healed. Так как адресант начинает отзыв с рассказа о себе, то установка межличностная, фокус «на самого себя». Данная часть отзыва также может содержать экспрессивно-оценочные средства (здесь: **mess; painful**).

Напомним, что в написании отзывов существует в некотором роде этика, согласно которой автор отзыва в публикуемом в Интернете соответствующем тексте должен излагать результаты своего собственного опыта (а не своих родственников или знакомых), кроме того не допускается «руководствоваться коммерческой заинтересованностью в публикации» [3, с. 45].

В тех редких случаях, когда средство было куплено для третьего лица, а адресант лишь передает его впечатления и оценки, то установка «на адресата».

My wife purchased this specifically for her skin changes when she got pregnant. Her skin went into full middle school breakout mode and she couldn't use her normal nightly moisturizer due to some of the ingredients.

Следующим блоком отзыва является **аргументативный**, в котором адресант объясняет свой выбор данного средства.

В рамках данного блока адресант может упоминать прошлый опыт (чаще негативный) использования других средств, сравнивая данное средство с другими):

I've tried many different things for my face over the years. Nothing expensive, nothing fancy, just periodic change driven by the need to try SOMETHING different every time I had a bad breakout. I tried the Cetaphil moisturizer before this. Then tried Cera Ve. Never looked back. В примере мы наблюдаем установку адресанта «на самого себя».

Следующий пример иллюстрирует собственно аргументацию выбора данного средства адресантом: *I had read great reviews for CeraVe and decided it was worth a try.* С установкой «на себя».

Установка «на адресата», если средство было рекомендовано специалистом: *While my immunologist started the process of ruling things out he gave me a list of things to try. This lotion was on the list.*

В данном блоке могут содержаться экспрессивно-оценочные средства (редко). Оценка на основе эмоций:

Excited to try this products after all the positive reviews!

Нижеприведенный блок **информационно-дескриптивный**, реже **информационно-оценочный** (оценка дается при описании результата), в котором адресант описывает рутину использования средства, делится способом применения продукта. Установка внеличностная «на действительность» (чаще всего «на время»).

Пример информационно-дескриптивного блока: *I use this every morning and night, I have made this apart of my everyday routine.*

Пример информационно-оценочного блока: *Getting into the habit of applying this product daily has greatly improved the overall appearance of my heels and feet.*

Кроме рутин, на время могут обращать внимание, делая выводы об экономичности средства: *I use this stuff*

weekly and still have well over half a jar left. A little goes a very long way!

Нижеследующий блок **аргументативно-оценочный**, цель адресанта – поделиться полученными результатами, производимым эффектом от использования средства, то есть аргументировать свою оценку продукта.

Пример с межличностной установкой «на себя»:

I have to say, this stuff works pretty good. Does keep your feet smooth but they still feel kind of dry. There are no cracks no dry skin I just would like my feet to feel a little more moisturized. Maybe it's just me.

Установка «на адресата», так как продуктом пользовался не автор отзыва: *He said it burned after the first use. But after the 2nd day of use, he said it no longer burned and thought it was due to fact that his cracked skin causing the bleed had healed. He was thrilled!*

Установка «на действительность (время)» при описании эффективности средства: *There is a noticeable difference after just four days of this and after a week my heels are completely smooth again. I don't know what's in the cream but this stuff really works.*

Установка «на действительность» при касании вопроса стоимости продукта и эффективности: *Although it is a little more expensive, it is worth it.*

Следующий блок **информационно-оценочный**, в рамках которого адресант дает описание свойств продукта, соответственно установка «на действительность», на свойства предмета:

The cream isn't too thick, but absorbs really well. There's a light, pleasant scent and it's not greasy.

Нижеследующий блок, **информационно-оценочный** или **аргументативно-оценочный**, содержит информацию об особенностях доставки продукта, а также оценку этой услуги. Установка «на действительность» (чаще всего «на время»):

The product was delivered on time and in good condition. Shipping was also faster than expected said it would take 8 days I received it in three.

Результаты анализа информативных и оценочных составляющих интернет-отзыва представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Организация функционально-тематических блоков интернет-отзыва*

Функционально-тематический блок	Цель коммуниканта (информирование или оценка о следующем)	Установка коммуниканта
проблемно-постановочный (содержит экспрессивно-оценочные средства)	общая оценка	на себя; на действительность (на предмет)
	рассказ о себе	на себя / на адресата
аргументативный (может содержать экспрессивно-оценочные средства)	аргументация выбора средства	на себя / на адресата
информационно-дескриптивный/ информационно-оценочный	рутина использования средства	на действительность (чаще всего «на время»)
аргументативно-оценочный	производимый эффект	на себя / на адресата; на действительность
информационно-оценочный	свойства продукта	на действительность (свойства предмета)
информационно-оценочный/ аргументативно-оценочный	доставка	на действительность (чаще всего «на время»)

* составлено автором

ОБСУЖДЕНИЕ

Как показывает анализ литературы, авторы склонны определять интернет-отзыв как оценочный тип дискурса [2; 3; 6; 8; 9; 15], при этом отмечая наличие информативной составляющей в оценочном тексте; выделяют информирование и оценку в качестве цели интернет-отзыва. Л.Ю. Говорунова [13] относит исследуемый от-

зыв туриста к «информативно-оценочным жанрам». Полученные нами результаты в ходе исследования не противоречат данным положениям (репрезентативные речевые акты присутствуют в 100 % отзывов, экспрессивные – в 94 %).

Как мы уже отмечали в начале статьи, попытка выявления характерных особенностей организации англоязычного интернет-отзыва на продукты категории «Красота и здоровье», осуществляемая в рамках коммуникативно-прагматического подхода предпринимается впервые, поэтому результатов, полностью повторяющих полученные в ходе нашего исследования нет.

С.А. Прибыткова, исследуя тексты электронных рецензий на книги, выявила, что «введение в электронной рецензии может быть контактоустанавливающим, проблемно-постановочным или введением аннотацией. Все эти типы введения несут важную коммуникативную нагрузку, содержат экспрессивно-оценочные средства выражения». [14, с. 11]. Основная часть, в свою очередь, «может включать такие функционально-тематические блоки как информационно-дескриптивный, когда рецензент просто дает сведения о базисном тексте, раскрывает его содержание; информационно-оценочный блок, содержащий одновременно информацию и оценку, и аргументативно-оценочный блок, содержащий обоснование оценки. Заключение в электронной рецензии является сильной позицией, т.к. имеет характер заключительной оценки и в нем присутствуют модально-оценочные компоненты высказывания рецензента». [14, с. 9].

Как подтвердил наш анализ, большая доля функционально-тематических блоков электронной рецензии повторяет структурные компоненты англоязычных интернет-отзывов из раздела «Красота и здоровье» сайта Амазон.

В ходе исследования Т.Е. Добровой [34], направленного на выявление установок коммуникантов в рамках речевых актов, анализу подвергались тексты интернет-рекламы, ввиду чего, мы полагаем, что полученные данные в результате нашего анализа и вышеупомянутого автора сопоставлять не целесообразно.

ВЫВОДЫ

Таким образом, коммуникативно-прагматический подход позволил выявить особенности организации информативных и оценочных составляющих интернет-отзывов.

Жанр интернет-отзыва представлен в подавляющем большинстве репрезентативными (асертивами) и экспрессивными речевыми актами, что характеризует его как информативно-оценочный тип дискурса. Информативные и оценочные составляющие часто неотделимы и формируют функционально-тематические блоки, направленные одновременно на информирование и оценку адресата о товаре или услуге: – проблемно-постановочный; – аргументативный; – информационно-дескриптивный; – аргументативно-оценочный; – информационно-оценочный.

Цель адресанта (автора отзыва), направленная на «информирование и оценку, а не навязывание покупки» [14, с. 11], находит подтверждение в установках коммуниканта, которые представлены в подавляющем большинстве установками «на себя» и «на действительность» (на время применения или свойства обозреваемого продукта).

Мы считаем, что полученные нами результаты могут послужить основой для более детального анализа других жанровых разновидностей, а также для проведения комплексного исследования данного типа жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Sulthana, A.R., Subburaj, R. (2016). An Improvised Ontology Based K-Means Clustering Approach for Classification of Customer Reviews. *Indian Journal of Science and Technology* 9, No. 15. DOI: 10.17485/IJST/2016/V9I15/87328.
2. Аникина Т.В. Особенности языкового оформления интернет-отзыва туриста // *Инновационные технологии в науке и образовании*.

2016. № 3(7). С. 217-220.
3. Говорунова Л.Ю. Речевой жанр «интернет-отзыв туриста» в разных типах дискурса // *Известия Вологодского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки»*. 2014. № 2 (87). С. 43-47.
4. Долматова О.В. Вербализация понятия «Аристократизм» как аксиологической характеристики элитного потребления в русских отзывах о парфюмерии // *Научный диалог*. 2019. №5. С. 46-59.
5. Еремичева М.А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // *Научный диалог*. 2016. № 5(53). С. 34-45.
6. Панфилова С.С. Прагматика оценочных текстов в аспекте гипертекстуальности // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 10(138). С. 36-41.
7. Погорелова И.В. Метафорика и языковые особенности потребительского интернет-отзыва // *Актуальные вопросы современной лингвистики, филологии и лингводидактики*. 2018. С. 44-46.
8. Терских М.В. Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал) // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4(50). С. 274-283.
9. Чжоу И. Основные тактики речевого воздействия в отзывах-комментариях покупателей в интернет-магазине // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 1-2(79). С. 399-401.
10. Ajanovic, E. (2018). Analysis of Persuasive Communication Process on Online Hotel Review Platforms through Examination of Attitudes and Persuasive Cues. 10th World Conference for Graduate Research in Tourism Hospitality and Leisure; 6th Interdisciplinary Tourism Research Conference. Proceedings Book. Ankara, Turkey. P. 119-125. URL: https://www.academia.edu/37993099/Iran_as_a_Destination_A_textual_and_pictorial_analysis_of_heritage_meanings?email_work_card=abstract-read-more
11. Cheng, X., Fu, Sh., Sun, J., Bilgihan, A., Okumus, F., (2019). An investigation on online reviews in sharing economy driven hospitality platforms: A viewpoint of trust, *Tourism Management*, Vol. 71. P. 366-377. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0261517718302553>
12. Ghosh, D. (2019). A sentiment-based hotel review summarization. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 937 Emerging Technology in Modelling and Graphics. Proceedings of IEM Graph. Springer. P. 39-44. URL: https://www.academia.edu/39931551/Advances_in_Intelligent_Systems_and_Computing_937_Emerging_Technology_in_Modelling_and_Graphics_Proceedings_of_IEM_Graph_2018?email_work_card=thumbnail
13. Говорунова Л.Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 1(292). С. 198-203.
14. Прибыткова С.А. Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.А. Прибыткова. Тамбов, 2004. 24 с.
15. Былина Е.Э. К проблеме речеактовой отнесенности перформативного высказывания "I recommend" в интернет-отзыве // *Преподаватель XXI век*. 2020. № 3-2. С. 391-405. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-3-391-405.
16. Amazon. URL: <https://www.amazon.com>.
17. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
18. Searle, J.R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. London: Cambridge Univ. Press. pp. 67.
19. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 18. М.: Прогресс, 1986. С.242-263.
20. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ : Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
21. Пospelova A.G. Речевые приоритеты в английском диалоге : Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. 10.02.04 / А.Г. Пospelova. СПб, 2001. URL: <http://disus.ru/knigi/424212-1-pospelova-aleksandra-georgievna-rechevie-prioriteti-angliyskom-dialoge-specialnost-100204-germanskiezayiki-d.php>
22. Сальникова Ю.А. Проблема оценочных речевых актов в лингвопрагматической концепции *Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии*. 2009. № 1 (2). С. 110-116.
23. Yus, F. (2018). Attaching feelings and emotions to propositions. *SOME insights on irony and Internet communication*. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 22. No 1. P. 94-107. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-94-107.
24. Hellbernd, N. (2016). Prosody conveys speaker's intentions: Acoustic cues for speech act perception. *Journal of Memory and Language*. Vol. 88. P. 70-86. DOI: 10.1016/j.jml.2016.01.001.
25. Pappas, I.O., Kourouthanassis, P.E., Giannakos, M.N., & Chrissikopoulos, V. (2017). Sense and sensibility in personalized e-commerce: How emotions rebalance the purchase intentions of persuaded customers. *Psychology & Marketing*, 34(10), P. 972-986. URL: https://www.academia.edu/36738740/Sense_and_sensibility_in_personalized_e-commerce_How_emotions_rebalance_the_purchase_intentions_of_persuaded_customers?email_work_card=title
26. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
27. Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007. № 20. С. 154-

- 161.
28. Вольф Е.М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний. Главы из незавершенной книги // Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф ; вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшиевой. Изд. 3-е, стереот. М., 2006. 280 с. С. 227–228.
29. Кочеткова Т.И. Эмоционально-оценочный компонент в аппозитивных словосочетаниях // Рус. яз. в шк. 2005. № 1. С. 83.
30. Tantucci, V. (2016). *Toward a typology of constative speech acts: Actions beyond evidentiality, epistemic modality, and factuality.* *Intercultural Pragmatics*. Vol. 13. No 2. P. 181-209. DOI: 10.1515/ip-2016-0008.
31. Franke, M., Jäger, G. (2016). *Probabilistic pragmatics, or why Bayes' rule is probably important for pragmatics.* *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. Vol. 35. No 1. P. 3-44. DOI: 10.1515/zfs-2016-0002.
32. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002. 752 с.
33. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты : Учеб. пособие. Ленинград : Ленинградский университет, 1990. 89 с.
34. Доброва Т.Е. Особенности речевых актов англоязычной рекламы китайских интернет-магазинов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 1. С. 131-135.
35. Юшко Г.П. Прагматический подход к высказыванию // Вестник Ангарской государственной технической академии. 2012. № 5. С. 89-92.

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК: 811.512.1

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0051

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ НА ТУРЕЦКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ В XIV-XVI ВЕКАХ

© Автор(ы) 2021

ORCID: 0000-0003-0912-4504

ГАСАНЛЫ-ГАРИБОВА Шабнам, доктор философии по филологическим наукам, доцент,
отдел «Тюркских языков»

*Институт Языкознания имени И.Насими Национальной Академии Наук Азербайджана
(AZ1143, Азербайджан, Баку, пр. Г.Джавида, 115, hasanli-qaribova@mail.ru)*

Аннотация. В настоящей статье всесторонне рассматривается вопрос формирования и стандартизации научного стиля в турецком и азербайджанском языках. Нормализация изучается как в общих чертах, так и с точки зрения его внутреннего развития. Особое внимание уделяется свойствам и причинам, влияющим на процесс формирования научного стиля, рассматриваются стилистические аспекты стандартизации. Новизна исследования заключается в рассмотрении процесса развития научного стиля с учетом характеристик его подстилей. Заслугой автора является доказательство того, что история формирования научного стиля тюркских языков восходит к XIV веку. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения временные рамки становления научного стиля в тюркских языках. В работе приводятся определения таких понятий как нормализация, стандартизация, функциональные стили, научный стиль, художественный стиль и др. Автор останавливается на вопросах различий в фонетическом, лексическом и грамматическом пластах тюркских языков. Доказано наличие микро-стилей в азербайджанских и турецких памятниках письменности. Автором выполнен обзор имеющихся научных концепций и научной литературы по данной теме. Статья является фрагментом многолетнего исследования автора в области истории функциональной стилистики тюркских языков — в целом, и азербайджанского языка — в частности.

Ключевые слова: термин, научный стиль, тюркские языки, языковая норма, лексическая норма, подстиль, турецкий язык, азербайджанский язык, нормализация, функциональные стили.

FORMATION OF SCIENTIFIC STYLE IN TURKISH AND AZERBAIJAN LANGUAGES IN XIV-XVI CENTURIES

© The Author(s) 2021

ORCID: 0000-0003-0912-4504

HASANLI-GARIBOVA Shabnam, Ph.D. Philological Sciences, Associate Professor,
Department of "Turkic Languages"

*Institute of Linguistics named after I. Nasimi of the National Academy of Sciences of Azerbaijan
(AZ1143, Azerbaijan, Baku, H. Javid Ave., 115, hasanli-qaribova@mail.ru)*

Abstract. This article comprehensively discusses the issue of the formation and standardization of the scientific style in the Turkish and Azerbaijani languages. Normalization is studied both in general terms and from the point of view of its internal development. Particular attention is paid to the properties and reasons influencing the process of the formation of a scientific style, stylistic aspects of standardization are considered. The novelty of the research lies in the consideration of the development process of the scientific style, taking into account the characteristics of its sub-styles. The author proved that the history of the scientific style formation of the Turkic languages dates back to the XIV century. The relevance of the study is due to the need to determine the time frame for the formation of the scientific style in the Turkic languages. The work provides definitions of such concepts as normalization, standardization, functional styles, scientific style, artistic style, etc. The author dwells on the issues of differences in the phonetic, lexical and grammatical layers of the Turkic languages. The presence of micro-styles in the Azerbaijani and Turkish written monuments has been proven. The author reviewed the available scientific concepts and scientific literature on this topic. The article is a fragment of the author's long-term research in the field of the history of the functional stylistics of the Turkic languages - in general, and the Azerbaijani language - in particular.

Keywords: term, scientific style, Turkic languages, language norm, lexical norm, substyle, Turkish language, Azerbaijani language, normalization, functional styles.

ВВЕДЕНИЕ

Обзор начального этапа формирования научного стиля в языках мира, позволяет стать свидетелем одной и той же картины: ведущим в таких произведениях является описательный характер, наблюдается незначительное отличие от авторского языка, преобладают простые объяснения и высказывания фантастических идей. Рассмотрим отрывок из произведения «Хуласа» турецкого писателя XIV века Х. Бараката: *"Muhammed Zekeriye Rahmetullahi Eydur ol burhan ki, issi sayruluklarda ola serser ve birsam gibi kuvvetli ısıtmalar ve kuru sayruluklar gibi dördüncü gün düşvar gündür, sekkizinci gün muhataradur ve on ikinci gün dahi beterdür yigirmi günendegin ve artuk varmaz çün yigirmiden geçe selim ola"* [1, с. 25]. Приведенная цитата позволяет сделать вывод, что информация о заболевании, передающемся путем заражения, написана в стиле, близком к описательному стилю турецкого языка той эпохи.

Т. Гаджиев пишет: «Стиль в литературном языке — это комплекс материалов литературного языка, отношение языковой единицы к значению и форме, отношение с ней, а также система способов анализа, осмысления и направления фактов речи» [2, с. 246]. Стиль, как выра-

жение определенного образа мышления, наделен специфическим характером в составе литературного языка. Его развитие дает толчок развитию литературного языка в новом русле. «В определенном смысле история литературного языка охватывает и историю разных стилей. В свою очередь, история стиля также более или менее отражает особенности развития литературного языка на конкретном этапе. Стиль как историческая категория органически связан с историей развития народа [3, с. 9]. Таким образом, стили тесно связаны с развитием и нормализацией литературного языка как основные исторические категории литературного языка. Стили, непосредственно относящиеся ко всем разделам языковой системы, являются основным критерием измерения уровня развития всех языковых пластов.

История научного стиля в мировом языкознании весьма разнообразна. С древних времен греческий, а затем и латынь были международными «научными языками» всей Западной Европы. На Востоке подобный статус имел арабский язык. Если приобретение латинским языком этого статуса было связано с его древним «аристократическим положением», то превращение арабского языка в доминирующий язык носил сугубо политиче-

ский и культурный характер. Об этом М. Махмудов пишет: «Для укрепления своей власти на оккупированных территориях арабы использовали ислам в качестве мощного идеологического инструмента. Арабы проводили политику насильственной исламизации, они безжалостно уничтожали древнюю культуру тех народов, внедряли в их умы новую религию». В результате арабский язык становится доминирующим и за короткое время превращается в основное средство общения между разными народами. Все произведения создаются и распространяются на этом языке, благодаря ему приобретают общемусульманский характер» [4, с. 5].

С одной стороны, это было удобно, поскольку была создана единая научная среда. Независимо от национальности и родного языка, ученые различных областей науки могли читать работы своих коллег, живущих рядом или далеко, и были в курсе последних научных достижений. С другой же стороны, в некоторых странах замедлялось формирование национальной научной среды и развитие научной базы национального языка. В результате статус латинского и арабского языков как «международных научных языков» был утерян, а их место заняли работы, написанные на национальном языке с учетом национального образа мышления.

Таким образом, хотя идея создания национальной научной среды в Европе стала озвучиваться еще в XVII веке, но доминирование тюркского языка на Востоке в XIII веке завершилось тем, что на Ближнем Востоке он вытеснил использование арабского языка в научном стиле. Это, конечно, было связано с прямым влиянием социально-политических условий. Однако понятие турецкого языка носило символический характер. Так, в XIII веке концепция единого турецкого языка давно исчезла, и сформировались разные литературные языки: османский-анатолийский турецкий, азербайджанский турецкий и чагатайский турецкий.

Говоря о тюркских литературных языках XIII–XIV веков, Г. Багиров, выдвигает несколько иную гипотезу: «Рассуждая о периоде среднетюркского литературного языка (XIII–XV вв.), тюркологи говорят о существовании двух литературных языков. Речь об имеющих самостоятельную литературную языковую традицию среднеазиатских тюркских и волго-уральских тюркских языках. Нельзя отрицать существование третьей группы памятников, которую мы условно называем ближневосточной группой. Эта группа памятников отличается от золотоордынской и среднеазиатской языковых групп [5, с. 40–41]. В рамках ближневосточной языковых групп. Автор выделяет анатолийский и азербайджанский тюркские ветви и указывает на конец XIII века как дату полностью сформировавшегося литературного азербайджанского языка.

А. Демирчизаде, ссылаясь на лингвистические факты «Дивану-лугат-ит-тюрк» М. Кашгарлы, утверждает, что азербайджанский язык сформировался еще в XI веке: «Информацию и объяснение об огузском и кыпчакском языках, которую дал М. Кашгарлы, следует рассматривать как принадлежность к новому языку тюркской системы, который был вновь сформирован в XI веке, т.е. к азербайджанскому языку [6, с. 129].

Изучая историю литературного языка, Т. Гаджиев различает его устный и письменный этапы. Ученый приходит к следующему выводу: «Из всего этого можно заключить, что письменный литературный тюркский азербайджанский язык существовал за двести лет до XIII века, т.е. еще в XI–XII веках» [7, с. 95].

Существование письменного литературного языка указывает на сложившуюся систему стилей. Отметим, что в исследованиях по истории литературных языков, как в азербайджанском языкознании — в частности, так и в тюркологии — в целом, в первую очередь в качестве источников широко анализировали творчество И. Насими, Г. Бурханеддина, М. К. Руми, М. Фузули, С. И. Хатаи и других авторов, создавших уникальные

образцы художественного стиля. Создается впечатление, что научный и другие стили языка в тот период не сформировались. Изучая историю развития стилистики азербайджанского языка, Т. Эфендиева руководствуется следующим принципом и пишет: «На основе устного фольклорного стиля формируется художественный стиль литературного языка. Долгое время наш литературный язык был вынужден развиваться и становиться через этот стиль. Поэтому каждый этап развития нашего литературного языка в той или иной степени связан с именами известных личностей» [8, с. 30].

МЕТОДОЛОГИЯ

В целом, подходы лингвистов к вопросам стилистики средневековых тюркских языков несколько различаются. Так, подавляющее большинство исследователей выделяет два стиля литературного языка: классический и народный. «В начале (в основном, на стадии формирования) стилистическая дифференциация языков не была четко выражена. Позже эволюционный процесс постепенно стал приобретать определенные черты, чему способствовали формирующиеся классический и народно-литературный стили» [9, с. 41].

Т. Эфендиева соглашается с мнением историков азербайджанского языка о существовании двух стилей в период его становления с VIII–X вв. до XVII в. Т. Эфендиева различает классический книжный и разговорно-народный стили. «...С конца XVI в. до начала XVI в. классический стиль литературного языка все больше обретает определенность и играет ведущую роль. На этом этапе, благодаря философским стихам Насими, в языке поэзии стали закладываться первые краеугольные камни научного стиля. Начался процесс деления функционального стиля» [8, с. 32]. С некоторым сомнением можно говорить о том, что философские идеи в средневековой турецкой поэзии были первыми зародышами научного стиля. Однако тот факт, что первые научные книги и словари были написаны в стихах, дает основание утверждать, что научный стиль отделился от художественного. На самом деле обращение к поэзии связано с первыми научными пособиями, которыми были учебники, а система обучения в школах того времени была основана на методе зазубривания. Например, труд «Мунтахаб-Шифа» Джалалуддина Хизира, который жил во второй половине XIV – начале XV веков, был написан по совету старшего преподавателя и главного врача медицинского училища Сабунджуоглу Шерафеддина. Этот труд был переработан Мухиддином Мекки. Для удобства зазубривания текста он трансформировал прозаический текст в стихотворный и дал ему сокращенное название «Тахсил» [10, с. 5]. Фактически, использование поэтического изложения в качестве средства выражения в научном стиле открыло путь для проникновения особенностей художественного стиля в научный.

Как видно, историческое становление и развитие научного стиля несколько отличается от других стилей тюркских языков. Так, научный стиль, сформировавшийся позже художественного, долгое время развивался на основе других языков. В результате лексическая база научного стиля турецких языков пополнилась словами, заимствованными из других языков. Однако с конца XIII века изменения в социально-политической ситуации, относительная стабильность региона и забота тюркских государств о языке, а также использование турецкого языка в медресе привели к формированию научного стиля на родном языке.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Роль словарей и перевода в формировании научного стиля

Следует отметить, что турецкий язык впервые появился в словарях и в лексико-грамматических трудах как второй язык. Постепенно он превратился в основной язык для выражения научных идей. С целью обучения персидскому языку в Анатолии были созданы персидско-турецкие словари. В то же время, для изучения ту-

рецкого языка и его диалектов в Иране, Азербайджане, Индии и других регионах были написаны турецко-персидские словари [11, с. 47]. Первый турецкий словарь был составлен Фахраддином Мухаммадом ибн Мустафа ибн Захария, жившим в XIII веке в Анатолии. Это труд «Кава иду Лисани т-тюрк» Гасана Салгури. До наших дней не сохранилось ни одного экземпляра этого произведения, написанного в поэтическом жанре. Первым словарем того периода был «Техфейи-Хуссам» Хусамеддина Хоя, написанный в стихотворной форме на азербайджанском языке.

Позже научные работы, написанные на других языках, были заменены переводами тюркоязычных авторов на турецком языке. Однако эти произведения не переводились дословно, а были переработаны на основе оригинального текста, расширены дополнениями и носили характер комментариев. «В целом, при оценке средневековых следует отбросить критерии и оценки современных переводов, и в то время, когда эти работы появились. За основу должны браться индивидуальные особенности переводов, соответствующие эпохе их создания. В этом случае следует принять во внимание и оценить такие вопросы как: степень близости переводного произведения к оригиналу; было ли это произведение в средние века признано переводом или оригиналом; под каким названием (перевод или оригинал) оно было более известно в ту эпоху» [12, с. 16].

Следует признать, что перевод дал толчок развитию не только художественного, но и научного стилей. Написанные на арабском языке сочинения Х. Тифлисского, Н. Туси и др. мыслителей в предыдущих веках, были переведены на турецкий язык. Первые оригинальные научные труды, написанные в конце XIV века на турецком языке, отражали в себе языковые нормы того времени. В этих работах в различных формах отражаются и нормативные изменения. Чаще всего наблюдаются определенные изменения в развитии нормы и тенденции к ее защите.

Основные условия формирования научного стиля в тюркских языках

Следующие условия способствовали формированию на национальной почве научного стиля в тюркских языках:

1. Осуществление на территории Азербайджана в государствах Гарагоюнлу, Аггоюнлу, Сефевидов, в Османской империи в Анатолии, в правительстве Хусейна Байгара в Герате политической деятельности на родных языках.

2. Приобретение азербайджанским языком статуса официального языка в государстве Сефевидов.

3. Создание в Герате Алишером Наваи непревзойденных образцов письменности на турецком языке.

4. Превращение турецкого языка в мировой язык в результате завоеваний османских султанов.

«Экономический и политический рост превращает Азербайджан в ведущую научную и культурную страну Востока. В XV веке на весь Восток прославились работы С. А. Ширвани в области философии, а также А. Бакуви – в области истории и географии. Воспитанник азербайджанской культуры XV века, великий музыковед, уникальный мастер удовой музыки Абдулгадир Мараги является автором трудов по восточной музыке и ее стилям, которые до сих пор используются в качестве учебников в известных музыкальных школах» [2, с. 231]. В результате в число источников литературного языка наряду с образцами художественного стиля, вошли и труды по медицине, астрономии, лингвистике, теории литературы, юриспруденции, шариату и т.п. Также были написаны ценные труды и научные трактаты. В этот период созданы трактаты Абри Гадже ибн Адила «Ихтиярати кавайди-куллия», произведения Камала Умми Исмаила Караманли «Дивани-Илахийят» (1475-1476 гг.), Мовланы Ахмада аль-Бардаи «Хашия-ал Бардаи ала шарх ал-каваид ан-нафсийя-Тафтазани» (XV в.),

М.Биркили «Ан- дурр-ал йетим фи-илм ат-таджвид» (XVI в.), два труда шейха Исхака Ризайи Занджани «Манзумеи- агаид» и «Назмил-улум» (XVI в.); переводы с оригинала труда Насреддина Туси «Ахлаг и -Насир», сделанный Али ибн Хусайном аль-Амаси «Таджуд-адаб» (XV в.), с оригинала «Кимайи-саадат», осуществленный Сахабином Газали «Тадбири-иксир» (XVI в.), с оригинала Х. Тифлиси «Камилут-табир» и сделанный Бавазичи «Кавамилут-табир» (XVI в.) и т.п.

Эти произведения полностью раскрывают возможности тюркских языков выражать научные идеи и достижения того времени. «Известно, что история развития литературного языка связана, с одной стороны, со структурными изменениями на разных уровнях языка, а, с другой – с особенностями стилистической дифференциации литературного языка в конкретный исторический период» [3, с. 6].

Стандартизация в тюркских языках и его отражение в научном стиле

В XIII-XVI веках развитие тюркских языков, в том числе азербайджанского литературного языка, проходит на сложной логической структуре, в отдельных направлениях прослеживаются особенности. Таким образом, наряду с усилением позиций классического стиля наблюдается максимальная стандартизация литературного языка. В прозаических произведениях, особенно в научном стиле, привлекает внимание простота и беглость разговорного языка. XIII-XVI века – это период, когда на тюркских языках и в художественном, и в научном стилях были написаны классические и трудные для понимания произведения. Однако в этот период на языке, близком к народному языку, писали и книги по медицине, астрономии, лингвистике и др. Большое количество рукописей того периода и достаточное количество среди них образцов научного стиля представляется важным с точки зрения отслеживания эволюции стилистической дифференциации и нормализации языков. Тот факт, что ведущие функциональные стили (например, системы художественного и научного изложения) кажутся «противопоставленными» системе выражения, не говорит в пользу формирования литературного языка. В этом случае в XI-XIII веках в период формирования письменного азербайджанского литературного языка, возможно и в синкретической форме, но уже существовала дифференциация стилей. «К XIV-XV векам относятся зрелые образцы художественного стиля разных форм поэзии, характерные для той эпохи. Налицо усиливающийся процесс становления научно-философского стиля. Возникают элементы религиозно-пропагандистского (общественно-политического) стиля» [9, с. 95].

Этот этап также является этапом относительного размежевания общевосточного художественного и научного мышления, этапом национализации в разных стилях универсальных арабо-персидских моделей. Так, начавшаяся с XIII века наблюдаемая попытка отдельных авторов писать произведения на родном языке, получила широкое распространение к концу XIV века. В результате, наряду с новыми произведениями на турецком языке, появляются турецкие переводы на арабский и персидский языки более ранних произведений. Этот процесс заложил основу для упрощения письменной речи. Научные работы того периода являются одними из наиболее заметных источников такого упрощения. В большинстве таких примеров, напоминающих обычную разговорную речь, определительных словосочетаний больше чем изафетных конструкций; простых предложений больше, чем сложных. За счет союза «и» и пояснительных слов образуется последовательный ряд простых предложений, а вся тяжесть информации ложится на грамматическую основу предложения — подлежащее и сказуемое.

В истории развития литературного языка научные труды, составляющие основу научного стиля, появились на том этапе, когда поэты и ученые подошли к научным вопросам с национальной точки зрения и

писали научные труды на родном языке. В XIII–XIV веках расширение сфер употребления азербайджанского-турецкого языка привело к увеличению количества двуязычных и трехязычных толковых словарей и появлению новых переводных произведений. В османской языковой среде появились труды Мурада бин Исхака «Эдвиси-Муфрада», «Ад-дуррагул-мудийе фил-лугатит-Туркийя» (XIV в.), Кадри Бергамалийского «Муяссиретул-улум» (XV в.), Пири Раиса «Китаби-Бахрия» (XV в.), Сабунджуоглу Шарафаддина «Джеррахнамеи-Илхан», «Муджерребнаме» (XV в.), Ашик Пашазаде «Теварихи- Али-Осман» (XV в.), Хакима Бараката «Хуласа» (XIV в.), Махмуд Ширвани «Ильсийе», «Джевернаме», «Тухфеи-Муради», «Терджумен-Китабу-Табих», «Султанийе», «Китаби-Гузидеи-Илми-Тибб», «Муршид» (XV в.), Такиуддина «Алати-Расадийе».

Очевидно, что история научного стиля в тюркских языках восходит к XIV, а не XVIII–XIX векам. Историческая основа научного стиля тюркских языках связана с трудами турецких ученых и мыслителей, творивших на арабском и персидском языках.

Нормативизация в тюркских языках и ее отражение в научном стиле

Нормативизация языка и следующие из нее различия тесно связаны с активностью употребления языка в данном его направлении. Дворцовый язык Сефевидов XVI века считается отправной точкой возникновения официального стиля азербайджанского языка. Однако в последующие периоды в этой области наблюдается восстановление власти персидского языка, место которого позднее занял русский язык. Таким образом в «архетипе» азербайджанского языка официальный стиль не способствовал становлению процесса нормативизации языка. Однако, если обратиться к турецкому языку, то и сегодня в турецкой официальной речи можно видеть использование некоторых архаичных слов, присущих разговорному языку времен Османской империи. Эти слова продолжают оставаться нормой официального языка. Например, местоимение «*işbu*» (ишбу) сохраняет свою функцию в языке официальных документов, однако при этом в повседневной речи оно используется достаточно редко. Заметим также, что в азербайджанском языке данное местоимение полностью архаизировалось. Если обратиться к архивам Парламента Азербайджанской Демократической Республики, относящимся к 1918 году, то можно видеть употребляемость данного местоимения, например: “*İşbu qanun qəbul edildiyi gündən icra edilsin*” [13, с. 176] (Настоящий закон подлежит исполнению со дня его принятия), “*Natiqlərdən bir çoxları işbu məsələnin çarəsi haqqında səbəblər göstərdilər ki...*” [13, с. 219] (Многие из спикеров назвали причины решения этого вопроса) и т.д.

Со временем по тем или иным причинам норма может потерять нормативность и изменить свою функциональность. Данное положение верно для большинства лексических норм. Таким образом, стабильность грамматических норм тюркских языков обеспечивается их агглютинативностью. В целом, изменения грамматических норм происходят в результате долгой эволюции и в довольно редких ситуациях. Например, в турецком языке суффикс “-*yur*” не был почти замечен до XVI века, однако в турецком языке XXI века он стал нормативным аффиксом настоящего времени. Говоря об употреблении аффиксов “-*yur*”, “-*yür*” в Орхоно-Енисейских памятниках XI–XII веков, Ш. Шукуров приводит в качестве подтверждения примеры использование таких слов как “*başlayur*” (начинается), “*sözlayür*” (говорится) [14, с. 177]. В приведенных примерах согласный “*u*” (у) не принадлежит аффиксу, он является соединительным согласным между корнем слова и аффиксом. Ш. Шукуров отмечает, что в словах, оканчивающихся на гласную, в XIII–XV веках аффиксы *r* и “-*yur/-yür*” употреблялись параллельно и дополняет свое мнение примерами “*Ne tileyürsen?*” и

“*Ne tilerən?*” (что ты хочешь?) из «Рабузи» 14, с. 177].

К примеру, аффиксы “-*r*” и “-*ür*”, которые в XIV–XVI веках использовались в качестве показателей перифрастической формы глагола, широко употребляются и в современном турецком языке. Однако верно и то, что встречающееся в образцах письменности XVI века употребленные аффиксы “-*ir*”, указывающего на перифрастическую форму глагола, не носило характера нормы. С другой стороны, для средневекового османского языка замена огубленной гласной в вариативном аффиксе “-*ir*” на неогубленную являлось нормой, например, “*Her birisiniün kapusunda yazılmışdur... Evvelki kapu sevmerdleründür. İkinci kapu namaz kılanlarundur*” (XIV в.) [15, с. 125] (На каждом из дверей был надпись... Первая дверь для влюбленных. Вторая дверь для тех, кто молится). В современном турецком языке нет речи о нарушении закона слоговой гармонии в аффиксе в позиции конца слова.

В целом, в тот период сложилась ситуация, когда перестановки в аффиксах приобрели традиционный характер, т.е. к словам, оканчивающимся в аффиксах на губную гласную, добавлялись неогубленные гласные; а к словам, оканчивающимся на неогубленную – добавлялась огубленная: “*Sultan Muhammede getürdi. Aşşamın çadırda maslahat neyise gördiler, yirine kodılar. Ol gice Bursaya dedesi yanına göndürdiler*” [16, с. 356] (Пришли к Султану Мухаммеду. Вечером в шатре решили все, что надо, все поставили на свои места. В ту же ночь отправили его к деду в Бурсу). “*Bu maruzun ilacı dahı bir-birine yakundur*” [10, с. 129] (Лекарства от этих болезней схожи).

Этот процесс также отражен в примерах, взятых из чагайтских памятников того периода. Следующие примеры из произведения «Мизануль-евзан» Алишера Навои показывают, что в XV веке этот процесс для всех тюркских языков носил характер нормы: “*tüzdi*” (положил по порядку), “*görgüzdi*” (показал), “*rast kültürdi*” (встретил), “*meded yitkürdi*” (умолял о прощении) [17, с. 11] и т.д.

Н. Джафаров, исследовавший историческое нарушение сингармонизма в XVIII веке, пишет, что «... в процессе формирования национальной нормы складываются такие условия, при которых западная и восточная культуры произношения могли вступать в оппозицию с весьма принципиальной установкой: Восток опирается на стабильные письменные традиции, Запад – на устную речь, в результате диалектическая оппозиция в отношениях «сохранения-утраты» губной гармонии, в действительности, оказывается синхронизированной» [18, с. 56].

В произведениях Навои вспомогательный глагол “*irmiş*” встречается довольно часто, например: “*...cün arab irmiş ve anın yakınında bir vadi irmiş, ve anı Aruz dirler irmiş*” [17, с. 13] (... они были арабами и рядом с ними была долина, которая называлась Аруз). А в принадлежащем к XVI веку произведении «Муяссиретул-улум» вместо “*irmiş*” используется вариант “*imiş*”: “*Pes ma'lum oldı ki, harf icun bizzat ma'na yok imiş, bir axar kelimeye koşılmaınca ma'na hasil olmaz imiş*” [19, с. 7] (Стало известно, что буква не имеет никакого смысла, оно обретает смысл в слове). Сочетания, образованные при помощи вспомогательного глагола “*imiş*” Кадри Бергамалийский называет «хикаети-халиййеи-тешкикыййе» [19, с. 14], что в переводе означает повествовательная форма прошедшего времени. Частица “-*ermiş/irmiş*” является древней формой частотной в современном языке частицы “-*imiş*”. Х. Мирзазаде считал “*erdı / irdi*”, “*ermiş / irmiş*” однокоренными вспомогательными глаголами: «Со временем звук [г] в составе слова ослаб и выпал, в итоге в современном языке установилась форма “-*idi, -di, -di, -du, -dü*”. Из материалов азербайджанского языка становится ясно, что начальный компонент этого слова “-*er/-ir*” представляет собой остаток самостоятельного глагола “*irişmek*” [20, с. 220]. Из произведения М. Кашкарлы следует, что корнем слова был “*er*”. Приведем примеры: “*Qanda erdin?*” (Где ты был?) [21,

с. 418], “*Ol andağ erdi*” (Это было так) [21, с. 164]. “*Ol menin birle erdi*” (Он был со мной) [21, с. 430]. Корнем слова был глагол “*er*” в значении «быть», «существовать». Исторически сложилось так, что в результате падения буква “*r*” от слова “*er*”, сформировался глагол, состоящий из одного звука “*e / i(mek)*”. Представленный в рамках определенных форм глагол “*er*” в определенных позициях постепенно замещался вспомогательными глаголами “*ol / bol*” и “*dur / tur*”.

ВЫВОДЫ

И так, если обратиться к истории развития нормализации функциональных стилей в тюркских языках, то можно видеть, что в средние века нормализация научного стиля прослеживается в двух направлениях:

1. Согласно поэтапно общей нормализации тюркских языков.

2. Согласно нормализации собственного научного стиля в каждом из тюркских языков.

Общая нормализация – это основная отличительная особенность языков.

Внутренняя нормализация языка происходит на фонетическом, морфологическом, лексическом уровнях языка и различается на определенных его этапах.

Упрощение, ослабление с последующей заменой одного языкового явления другим, обычно происходят на основе требований речи и регулируются внутренними законами этого языка.

Основным признаком нормализации собственного научного стиля всех отраслей наук является большое влияние разговорной речи, особенно в области медицины. В научных трудах по религии наблюдается утяжеление классического стиля.

Исторически нормализация охватывает все сферы языка, между которыми существует диалектическая связь. Общие языковые нормы, в свою очередь, различаются в рамках функциональных стилей языка, что обеспечивает специфику функционального стиля и позволяет выражать внутреннюю норму языка. Присущая научному стилю терминология, отсутствие эмоциональности, схоластическая структура предложений являются основными показателями нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Bereket H. *Hulasa*. Ankara: TDK, 2016. 623 s. [на турецком языке].
2. Hacıyev T. *Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi* [I cild]. Bakı: Elm, 2012. 476 s. [на азербайджанском языке].
3. Adilov V. *XIX əsr Azərbaycan ədəbi dilinin elmi üslubu*. Bakı: Nurlan, 2002. 136 s. [на азербайджанском языке].
4. Mahmudov M. *Ərəbcə yazmış azərbaycanlı şair və ədiblər. (VII-XII əsrlər)*. Bakı: Şərq-Qərb, 2006. 192 s. [на азербайджанском языке].
5. Bağırov Q. *Ümumxalq dilinin formalaşmasına və təşəkkülünə dair / Q. Bağırov // Azərbaycan dilçiliyi müntəxabatı, II cild, Bakı: Prestige, 2013. 438 s. [на азербайджанском языке].*
6. Dəmirçizadə Ə. *Azərbaycan dili oğuz qrupuna mənsub dillərdəndir: [Azərbaycan dilçiliyi müntəxabatı], II cild, Bakı: Prestige, 2013. 438 s. [на азербайджанском языке].*
7. Hacıyev T. *Seçilmiş əsərləri. I cild, I hissə*. Bakı: Elm, 2016. 496 s. [на азербайджанском языке].
8. Əfəndiyeva T. *Azərbaycan ədəbi dilinin üslubiyyat problemləri*. Bakı: Nurlan, 2017. 184 s. [на азербайджанском языке].
9. Cahangirov M. *Milli təşəkkül mərhələsində Azərbaycan ədəbi dilinin arası üslubları*. Bakı: Elm, 1989. 280 s. [на азербайджанском языке].
10. Hızır C. *Müntəhab-ı Şifa*. Ankara: TDK, 1990. 223 s. [на турецком языке].
11. Öz Y. *Tarih boyunca Farsça-Türkçe sözlükler*. Ankara: TDK, 2010. 360 s. [на турецком языке].
12. Nağısoyly M. *Orta əsrlərdə Azərbaycanda tərcümə sənəti*. Bakı: Elm, 2000. 264 s. [на азербайджанском языке].
13. *Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti / Parlament [Stenoqrafik hesabatlar]. II cild, Bakı: Azərbaycan, 1998. 992 s. [на азербайджанском языке].*
14. Шукуров Ш. *История развития глагольных форм узбекского языка*. Ташкент: Фан, 1966. 138 с. [на русском языке].
15. Cemiloğlu İ. *XIV yu. Ait bir Kısası-Enbiya nüshası üzerinde sentaks incelemesi*. Ankara: TDK, 2000. 271 s. [на турецком языке].
16. Paşazade A. *Tevarihi-Ali-Osman*. Istanbul: Gökkubbe, 2007. 517 s. [на турецком языке].
17. Nevai A. *Mizanül-evzan*. Ankara: TDK, 2015. 198 s. [на турецком языке].
18. Cəfərov N. *Azərbaycan türkcəsinin milliləşməsi tarixi*. Bakı: Bakı Universiteti, 1995. 208 s. [на азербайджанском языке].
19. Bergamalı K. *Müesseretül-ulum*. Ankara: TDK, 2002. 290 s. [на

турецком языке].

20. Mirzəzadə H. *Azərbaycan dilinin tarixi morfolojiyası*. Bakı: Azərtadrisnəşr, 1962. 370 s.

21. Kaşgarlı M. *Divanu-lugat-it-türk. 4 ciltte. Çeviri: B. Atalay*. Ankara: TDK, 2013. 230 s. [на турецком языке].

Статья поступила в редакцию 28.05.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК: 81'1

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0052

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СМЕНЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БРЕНДА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 2856-5223

AuthorID: 940517

ResearcherID: AAX-5679-2020

ORCID: 0000-0003-4871-4144

ScopusID: 57207890090

ГЛУХОВА Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Лингвистики и межкультурной коммуникации»

Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ)

(344002, Россия, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 69, e-mail: olga_glukhova_@mail.ru)

SPIN: 2183-9213

ORCID: 0000-0002-4208-8923

ГОРБАНЬ Алина Олеговна, студент

Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ)

(344002, Россия, Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 69, e-mail: alinagorban2@mail.ru)

Аннотация. Цель данного исследования заключается в проведении концептуального анализа смены ценностных ориентаций бренда в эпоху COVID-19, а также подробное рассмотрение языковых реализаций ценностного сдвига в структуре брендов, происходящего в условиях пандемии коронавируса. В статье рассмотрены крупные современные бренды, производящие одежду и аксессуары, такие как Gucci, Prada, Balenciaga, Jacquemus, а также один из крупнейших мировых производителей и поставщиков напитков — компания Coca-Cola, и компания, являющаяся одним из мировых лидеров на рынке товаров бытовой химии — Lifebuoy; и то, как изменились их ценностные ориентации с начала распространения COVID-19 в сравнении с предыдущими годами. Научная новизна работы заключается в выявлении специфики смены ценностных ориентаций брендов во время пандемии коронавируса, начавшейся в 2019 году и продолжающейся до сих пор, а также проведении концептуального анализа данного процесса, затрагивающего основные сферы жизни. В результате работы было определено, что новые ценностные ориентации современных брендов получают прямое выражение в рекламных кампаниях, названиях коллекций и слоганах, а также имеют достаточную репрезентацию в обществе.

Ключевые слова: концепт, концептуальный анализ, ценностные ориентации, пандемия, бренд, реклама, слоган, COVID-19.

THE CONCEPTUAL ANALYSIS OF PANDEMIC-BASED BRAND VALUE ORIENTATIONS CHANGING

© The Author(s) 2021

GLUKHOVA Olga Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of
“Linguistics and Intercultural Communication”

Rostov State University of Economics

(344002, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 69, e-mail: olga_glukhova_@mail.ru)

GORBAN Alina Olegovna, student

Rostov State University of Economics

(344002, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 69, e-mail: alinagorban2@mail.ru)

Abstract. The work aims to conduct a conceptual analysis of the change in brand value orientations in the era of COVID-19, as well as a detailed consideration of the language implementations of the value shift in the structure of brands occurring during the pandemic. The article examines major modern brands that produce clothing and accessories, such as Gucci, Prada, Balenciaga, Jacquemus, as well as one of the world's largest manufacturers and suppliers of beverages — Coca-Cola, and the company that is one of the world leaders in the market of household chemicals — Lifebuoy; and how their advertising slogans and campaigns have changed since the beginning of the spread of COVID-19 in comparison with previous years. In addition, the article deals with the study of values and their reflection in language, the study of linguistic and cultural concepts. The scientific novelty of the work is to identify the specifics of the change in value orientations of brands during the coronavirus pandemic, which began in 2019 and continues until now, as well as to conduct a linguistic and cultural analysis of this process. As a result of the work, it was determined that the new value orientations of modern brands receive direct expression in advertising campaigns, collection names and slogans, and sufficient representation in society.

Keywords: concept, value orientations, conceptual analysis, pandemic, brand, advertising, slogan, COVID-19

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19, ставшая беспрецедентным событием во всем мире, повлияла на все сферы жизни человека и заставила говорить о себе не только с точки зрения медицины или эпидемиологии, но и точки зрения гуманитарных наук, таких как лингвистика. Появление все большего количества междисциплинарных исследований свидетельствует о высокой степени воздействия и значимости указанного феномена.

Предлагаемое исследование ориентировано на изучение таких глобальных явлений как бренд и пандемия и влияния последнего на саму суть первого. Бренд как один из наиболее значимых признаков глобализации в современных условиях претерпевает ряд субстанциональных изменений. Самым сложным и требующим изучения становится процесс смены ценностных ориентаций. Ценность бренда, заложенная производителем

и отражающая сложную, многокомпонентную систему его духовно-нравственной и культурной картины мира, является ядром бренда. Ядром любого концепта также является ценность, что обуславливает возможность ее изучения посредством концептов и их языковых воплощений. В этой связи нам представляется справедливым подход к изучению ценностной ориентации бренда с позиции когнитивной лингвистики, который позволяет выявить особенности смены ценностных ориентаций бренда посредством концептуального анализа соответствующего языкового материала.

Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом современной науки к проблеме определения и описания ценностных ориентаций бренда. Интерес, который современная лингвистика проявляет к наиболее значимым, ключевым концептам глобальной культуры, также делает актуальным исследование смены ценност-

ных ориентаций бренда.

Целью исследования является изучение новых ценностных ориентаций брендов, возникающих на фоне глобальной переоценки ценностей в условиях пандемии, посредством концептуального анализа языкового материала. Объектом исследования становятся ценностные ориентации бренда, возникшие как ответ на пандемию, а предметом – языковые реализации концептов, актуализирующие новые ценности.

Основными задачами данного исследования являются конкретизация определения понятия «ценности» бренда с позиций современной лингвистики; рассмотрение основных характеристик концепта в когнитивной лингвистике; анализ традиционных ценностей бренда и выявление новых, обусловленных пандемией, ценностных ориентаций бренда посредством концептуального анализа.

МЕТОДОЛОГИЯ

В качестве основного метода исследования в работе используется метод концептуального анализа.

Концептуальный анализ включает два этапа: отбор и анализ языкового материала, объективирующего тот или иной концепт; выявление базовых компонентов семантики концепта (в нашем случае бренда), и степени его значимости для потребителя. Задачами концептуального анализа в настоящем исследовании являются: извлечение из языкового материала сведений о ценностях бренда; их интерпретация и сравнение; сопоставление ценностных ориентаций бренда до и после пандемии.

Объектом концептуального анализа в работе выступают слоганы, тексты печатной и видео рекламы, языковой материал страничек брендов в социальных сетях. В ходе работы были проанализированы такие бренды как: Coca-Cola, Gucci, Prada, Balenciaga, Burberry, Jacquemus, L'Éclaircie.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Концепт как результат когнитивной деятельности человека становится предметом изучения лингвистики в рамках междисциплинарных исследований, с конца 20 века [Степанов 1997, Арутюнова 1991, Кубрякова 1988, Демьянков, 2001]. По мнению Ю. С. Степанова, концепт есть «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного представления о нем человека» [1]. Главное отличие концепта от понятия, по мнению автора, заключается в том, что второй «определяется», а первый «переживается» в категориях «значимости» и смысла. Значимость концепта связана с его ценностью для носителя языка, которая в свою очередь является ядром концепта и обуславливает поведенческие модели и особенности мировидения.

Ценность реализуется в отношениях между людьми, в отношениях человека к окружающей действительности и к самому себе. К. Клакхон и Ф. Стродбек определили ценности как «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройности и направленности разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» [2]. Данное свойство ценностей – определять отношения между человеком и окружающим миром – широко используется рыночной экономикой, которая транслирует свои ценности посредством особых концептов, именуемых брендами [3]

В современной науке выделяют имплицитный и эксплицитный способы языкового выражения ценности. Эксплицитный способ заключается в использовании средств языковой оценки, которую Е. М. Вольф определяет как «социально устоявшееся и закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное отношение субъекта к объектам действительности» [4]. Подобные средства могут принадлежать к разным уровням системы языка: лексическим, синтаксическим фразеологическим и др. Так, наиболее частотными оказываются прилагательные и наречия, которые выражают общую или частную оценку. Где «общая оценка

имеет комплексный характер, оценивая объект по совокупности его черт и признаков, а частная оценка рассматривает лишь один конкретный аспект воспринимаемого объекта» [5].

Имплицитный характер отражения ценности объекта может осуществляться посредством лингвистического феномена, который был отмечен Г. Шпербером. Как указывает С. Ульманн, Ганс Шпербер, опираясь на идеи Фрейда, установил определенный «семантический закон»: если мы очень интересуемся каким-либо предметом (т. е. он представляет для нас ценность), то он становится для нас источником аналогий при описании других предметов; ... центром метафорной «экспансии» [6].

Абсолютное большинство ценностных установок, присущих человеку на современном этапе развития, сформировано под влиянием средств массовой информации, рекламы, продуктов массовой культуры. Ценности, создаваемые, при помощи средств, перечисленных выше определяют наши представления о том, что значит «выглядеть привлекательно», «обладать высоким статусом», быть «модным», «продвинутым», «успешным». Подобные ценности организуют действия человека в стремлении удовлетворить свои базовые потребности, а следовательно, и модели поведения в определенных жизненных ситуациях.

С этой точки зрения, ценность бренда – это механизм давления на потребителя, возможность проникнуть в сознание потребителя и заставить его использовать необходимые производителю модели поведения – покупать товары. Именно набором ценностных установок, связанных с товаром, услугой или брендом, определяется аксиологический код, раскрывающийся посредством концептов [7]. Внедрение ценности в сознание потребителя происходит путем вербализации концепта, ядром которого является та или иная ценность. Вербализация, как уже было сказано выше, является эксплицитным способом выражения ценности и состоит в использовании языковых средств, отсылающих к определенным смыслам актуализируемого концепта.

Бренд — это воплощение виртуальных, неосязаемых личностных ценностей в конкретном товаре под конкретной торговой маркой [8]. Традиционно ценности бренда имели мало общего с глобальными представлениями, определяющими мировоззрение, такими как «мир во всем мире» или «борьба с глобальным потеплением». Ценности, транслируемые брендами, часто сводились к индивидуалистским понятиям: «быть крутым парнем», «успешной женщиной», «душой компании». Однако, пандемия полностью изменила положение дел в аксиологической сфере брендинга. Впервые в истории значимость универсальных понятий (таких как безопасность, здоровье, забота о близких) стала преобладающей.

Многие исследователи и психологи отмечают влияние COVID-19 на все сферы жизни человека, что вызывает всеобщую переоценку ценностей. Согласно Е. А. Шипуновой, «современные изменения <...> приводят к «брожению» ценностей целых слоев и групп общества» [9]. В условиях пандемии многие бренды стали уделять больше внимания ценностям, которые они транслируют в мир, тем самым запуская процесс смены ценностных ориентаций. С. В. Шарюков отмечает, что «в связи с пандемией мир начал меняться с катастрофической скоростью, и, чтобы выжить и найти новое место на рынке, бренды должны ответить на этот вызов» [10]. Так, ценностные ориентации брендов претерпевают определенные трансформации, чтобы соответствовать предпочтениям потребителей. Однако в своей работе С. В. Шарюков подробно рассматривает влияние пандемии на поведение потребителей, концентрируется на экономической стороне вопроса. О. Р. Саруханова в работе «Бренды в эпоху диджитал-трансформации» обращает свое внимание на изменения в сфере стратегического маркетинга, диктуемые современной экономической обстановкой [11].

Изучение ценностных ориентаций дает возможность выявить степень адаптации людей к новым социальным условиям, а также то, каким будет ценностный фундамент общества. По этой причине важно определить ключевые ценности в эпоху COVID-19. Для этого следует обратиться к The Personal Value Dictionary (PVD) (*Словарю личных ценностей*), созданному В. Познизовским и его командой [12]. Как отмечает анализ PVD, проведенный Евсюковой Т. В. и Глухой О. В. в работе «The post-pandemic values in global culture and language» [13], в текстах СМИ всё чаще стали встречаться такие слова, как health (*здоровье*), crisis (*кризис*), safe (*безопасность*) и однокоренные слова, regulation (*регулирование*), compliance (*соблюдение*), care (*забота*) и однокоренные слова, responsibility (*ответственность*) и однокоренные слова, friendship (*дружба*), love (*любовь*), encouragement (*воодушевление*) и однокоренные слова, что дает представление об изменении ценностных ориентаций. В задачи настоящего исследования входит выявление глобальной тенденции смены аксиологических установок в концептуальной сфере современных брендов.

Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения заставила крупные и мелкие бренды отказаться от традиционной цели рекламы и заменить ее поддержкой в борьбе с COVID-19 [14]. Так, некоторые компании адаптировали свой обычный логотип к чрезвычайной ситуации. Например, компания Соса-Сола внесла определенные изменения в логотип наружной рекламы на Таймсквер: расстояние между буквами, составляющими название компании, было увеличено, что символизировало социальную дистанцию, необходимую для соблюдения в современных условиях [15]. При этом логотип сопровождался слоганом “Staying apart is the best way to stay united” (*Быть на расстоянии — лучший способ быть вместе*) [16]. Это, казалось бы, незначительное изменение имело масштабный успех, распространив сообщение о важности социального дистанцирования. Стоит отметить, что на протяжении всей истории существования Соса-Сола важнейшую роль в формировании ментального образа продукта имели слоганы [17]. На официальном российском сайте компании Соса-Сола легко найти концепцию бренда: «Во всем, что мы делаем, мы руководствуемся тремя принципами, которые мы назвали миссией и сформулировали так: освежать мир, тело, разум и дух. Пробуждать оптимизм с помощью наших напитков и наших дел. Привносить смысл во всё, что мы делаем» [18] — и этот посыл прослеживается даже в эпоху COVID-19. Таким образом, концепты социальная дистанция и забота становятся ключевыми в ценностной сфере бренда.

Не только компании, производящие продукты питания, подвергли свои кампании и слоганы определенным изменениям в эпоху коронавируса. Так итальянский дом моды, который является производителем одежды, парфюмерии и аксессуаров — Gucci, для которого личные ценности и ценности потребителей играют важную роль. Еще в октябре 2017 года модный дом Gucci объявил о своем решении отказаться от использования натурального меха в своих коллекциях. Такое решение было обусловлено желанием сделать экологичность неотъемлемой частью идеологии компании. Для Марко Биццарри, главы этого модного дома, очень важно, чтобы ценности компании совпадали с ценностями клиентов. Отказ от использования меха животного происхождения в производстве одежды, обуви и аксессуаров бренда позволил привлечь новых покупателей, для которых гуманное отношение к животным и природе является важным элементом личностной ценностной системы.

А в 2020 году в рекламной кампании Gucci Off the Grid (*Вне сети*) в центре внимания оказался дом на дереве, символизирующий единство с природой (своего рода изоляцию и отчуждение от шумного мира) и «открытую дверь в новое будущее» [19]. Анализируя аксиологический код данного слогана, следует обратиться к

определениям понятия “grid” (*решетка, клетка, сеть*), приводимым в Кембриджском словаре английского языка: “Grid is a pattern or structure made from horizontal and vertical lines crossing each other to form squares” (*Сетка — это узор или структура, состоящая из горизонтальных и вертикальных линий, пересекающих друг друга, образуя квадраты*); “Grid is a system of wires through which electricity is connected to different parts of a region” (*Сеть — это система проводов, по которым электричество подключается к различным частям региона*). Если обратиться к значению самой фразы, представленному в Urban Dictionary, становится понятно, что фраза буквально означает «выбраться из сети». Сопоставляя приведенные выше определения, становится очевидно, что данный слоган напрямую означает не только «побег из клетки», своего рода выход за рамки, но и перемещение в место, где нет электричества — чистую, прекрасную природу, не тронутую цивилизацией. Таким образом, основными ценностями бренда на современном этапе становятся безопасность и compliance (подчинение).

Также следует вспомнить рекламную кампанию круизной коллекции 2019 года, основным посылом и лозунгом которой была фраза «Gucci — это вечеринка, и на нее приглашены все», что в эпоху COVID-19 и социального дистанцирования представляется немыслимым и вовсе не совпадает с актуальными ценностными ориентациями бренда.

Другой итальянский бренд с богатой историей — Prada, основанный в 1913, стремится заново открыть прошлое, используя лучшие его достижения как источник вдохновения для будущего. Уважение к классике и традициям в сочетании с перманентным стремлением к экспериментам и созданию нового — вот основные ценности бренда. Так, в рекламной кампании Prada Resort 2020 [20] модели позировали с букетами цветов, обернутыми в распечатанные рекламные кадры. В условиях пандемии бренд также претерпел определенную трансформацию: генеральные содиректора компании — Миучча Прада и Патрицио Бертелли, а также президент компании Карло Мацци, внесли свой вклад в общее дело борьбы с коронавирусом в Италии, пожертвовав средства. Как сообщает официальный сайт ЮНЕСКО [21] в октябре 2020 года Prada приняла участие в аукционе Сотбис, представив к продаже эксклюзивные вещи из зимней коллекции, и отправив вырученные средства на поддержание образовательных проектов для девочек, не имевших доступ к образованию из-за экономического кризиса, вызванного пандемией. В своих официальных аккаунтах [22] бренд также призвал клиентов поддержать проект COVID-19 Global Education Coalition, организованный ЮНЕСКО, и использовал хэштеги #KeepingGirlsInThePicture (*Держать девушек в курсе дел*), #LearningNeverStops (*Обучение никогда не прекращается*), что является языковым подтверждением смены ценностей бренда в сторону кооперации в условиях кризиса.

Обращаясь к старым рекламным лозунгам бренда, вспоминается знаменитый “The Devil wears Prada” (*Дьявол носит Prada*), вызывающий ассоциации с одноименным фильмом. Подобный слоган не пытался привлечь внимание на какую-то важную проблему, не призвал нас к помощи окружающим или заботе о нас самих; он всего лишь отражал желание клиентов бренда выглядеть в соответствии со своим статусом, роскошно и элегантно. Именно это демонстрирует трансформацию ценностных ориентаций бренда Prada.

Модному дому Balenciaga, летней коллекции которого присуща мрачность и футуристичность, также не чужды общие ценности. В своем рекламном ролике и слоганах они обратили внимание клиентов на актуальные глобальные проблемы, предсказав недалекое будущее в формате новостей: планеты выстраиваются в ряд, пластиковые пакеты прогуливаются по улицам, ведущие беззвучно открывают рты, повествуя о лунном затмении,

водвороте. Слоганы в этой рекламной кампании кажутся бессмысленными: «A donkey can see all four of his feet at once» (*Ослик видит все четыре ноги сразу*), «In space, human cannot cry» (*В космосе люди не могут плакать*), «The queen owns all the swans in England» (*Королева владеет всеми лебедями в Англии*), «Sunglasses were designed to hide expressions» (*Солнечные очки были созданы, чтобы скрывать выражение лица*). Однако Демна Гвасалия, креативный директор бренда, убежден, что таким образом удалось отобразить современную политическую ситуацию и проблему изменения климата как в самой коллекции одежды, так и в рекламе.

В 2020 году бренд продолжил обращение к окружающему миру и всему, что в нем происходит. Для рекламной кампании весенне-летней коллекции были избраны слоганы «Think big» (*Мыслить масштабно*) и «Power of Dreams» (*Сила мечты*), «Love is for everyone» (*Любовь для всех*), внушающие веру в светлое и беззаботное будущее, свободное от пандемии и ограничений и полное надежд и стремлений. Такие концепты, как «любовь», «мечты», «сила», «жизнь» вызывают у людей ассоциации, связанные с близкими людьми, с тем, что им понастоящему дорого. Таким образом, подобные лозунги способствуют «сближению» бренда с аудиторией, объединению ценностных ориентаций.

Британские бренды тоже не остаются в стороне, обращая внимание на борьбу с пандемией. Топ-менеджеры и члены совета директоров британской Burberry Group добровольно сократили свои вознаграждения с апреля по июль на 20%. Эти деньги пойдут в фонд компании по поддержке наиболее нуждающихся сообществ во всем мире, пострадавших от пандемии. Компания также перечисляла деньги на разработку вакцины и в благотворительные организации, которые раздают еду бедным. При этом завод Burberry по пошиву плащей перешел на выпуск медицинских халатов и масок для государственных медицинских учреждений. Также компания задействует свою логистическую сеть для распространения масок. Burberry объявила, что сохранит базовую зарплату сотрудникам, которые не могут продолжать работать из-за закрытия предприятий и магазинов и при этом не будут пользоваться государственной схемой по компенсации компании затратам на зарплату. В социальных сетях бренда и на его официальном сайте был создан раздел, посвященный борьбе с пандемией коронавируса [23]. Бренд Burberry также активно используют хэштеги #StayHome (*#ОставайтесьДома*), #StayHomeБерегитеСебя в официальном аккаунте бренда в Instagram, направленные на привлечение внимания к COVID-19 и повышенное внимание к ценности здоровья.

В 2020 году бренды стали задумываться не только о борьбе с пандемией, но и об адаптации к современным реалиям. Так, французский дизайнер Симон Порт Жакмо устроил самый поэтический модный показ весенне-летнего сезона. В эпоху социального дистанцирования он перенес дефиле в бескрайнее поле пшеницы. Коллекция Jacquemus SS21 была продемонстрирована среди диких пшеничных полей в пригороде Парижа. Деревянный подиум длиной 600 метров проложили прямо сквозь колосья пшеницы. Модели шли друг за другом на положенном 2-метровом расстоянии друг от друга. Рассуждая о политике и ценностях бренда Симон Порт Жакмо заявил: «Было решено продолжить работу в обычном графике подготовки коллекции и ее показа. Это основа нашей визуальной идентичности, нашей коммерческой стратегии». Минимализм, изящно подчеркивающей натуральную красоту, и яркие детали – вот концепция бренда. Молодой дизайнер вырос в фермерской семье на юге Франции, и в своем творчестве он часто вдохновляется своими детскими воспоминаниями, стилем своей матери и бабушки, французским кино и историей. Одежда никогда не была роскошью для Симона Жакмо, он считал, что настоящая красота в простоте и

искренности, и эту идею он транслирует в массы.

Для многих брендов поддержка, воодушевление и позитивный посыл стали активной стратегией во времена COVID [24]. Jacquemus не стал исключением — весной 2020 года была запущена новая рекламная кампания. Рекламные снимки, сделанные в FaceTime, были опубликованы в Instagram-аккаунте бренда и сопровождались подписью «Jacquemus at home» (*Jacquemus дома*) [25]. Название кампании «Jacquemus at home» не только отражает текущую ситуацию в условиях COVID, но и определяет непринужденную атмосферу съемки. Белые стены, солнечный свет и стакан воды — вот и все декорации для съемки, отражающие посыл и концепцию бренда. Впоследствии был введен соответствующий хэштег — #Jacquemusathome (*#Jacquemusдома*) [26], благодаря которому клиенты и поклонники бренда смогли присоединиться к общей тенденции и поделиться своими образами, вдохновленными данной рекламной кампанией, в условиях самоизоляции. В ожидании возвращения к обычной жизни бренд делает шаг навстречу потребителю и его индивидуальным ценностям, а поклонники Jacquemus получают возможность стать частью чего-то большего, попробовать себя в качестве моделей любимого бренда. Основной ценностью бренда, транслируемой посредством как вербальных (хэштеги), так и невербальных средств, становится самоизоляция.

Помимо этого, следует упомянуть бренды, производящие гигиенические и оздоровительные продукты, которые наблюдают рост спроса на свою продукцию в силу изменений поведения и потребностей потребителей, что вызвано пандемией [27]. Примером может служить компания Lifebuoy. Этот бренд был одним из первых, который начал кампанию по борьбе с коронавирусом. В январе 2020 года компанией было опубликовано публичное заявление, которое гласило «Это не реклама. Это сообщение государственной службы» и содержало описание различных способов уничтожения коронавируса. Кампания завершалась рекламой дезинфицирующего средства для рук, производимого Lifebuoy, что позволило бренду не только продемонстрировать близость к актуальным общественным ценностям, таким как здоровье и ответственность, но и впоследствии увеличить уровень продаж.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в рекламных кампаниях брендов отразились не только современные пандемические реалии, но и общественные ценности, по-новому раскрытые и по-особенному важные в эпоху COVID-19. В слоганах и лозунгах всё чаще встречаются такие слова, как health (здоровье), crisis (кризис), safe (безопасность, regulation (регулирование), compliance (соблюдение), care (забота), responsibility (ответственность), friendship (дружба), love (любовь), encouragement (воодушевление), что дает представление об изменении ценностных ориентаций. Результаты исследования также наглядно изображены в Таблице 1:

Таблица 1 — Результаты исследования на примере смены рекламных слоганов брендов

Название бренда	Старые рекламные слоганы (до 2019 г.) и их посыл	Новые рекламные слоганы (после 2019 г.) и их посыл
Coca-Cola	«Жажда не знает времени года» (1922) — призыв покупать данный напиток в любое время	“Staying apart is the best way to stay united” (2021) — призыв к ответственному отношению к самоизоляции и надежда на скорое возвращение к нормальной жизни
	«Великий безалкогольный напиток нации» (1906) — призыв покупать данный напиток, а не напиток конкурентов	
	«Любимое мгновение Америки» (1937) — приобщение к американской жизни и «американской мечте»	
	«Универсальный символ американского образа жизни» (1943) — приобщение к американской жизни и «американской мечте»	
	«Красное, белое и вы» (1986) — чувство единства компании и потребителя	

Gucci	«Gucci — это вечеринка и на неё приглашены все» (2019) — чувство единства с брендом, с другими клиентами бренда; чувство всеобщего веселья	Off The Grid (2020) — выход за рамки, «дверь в новое будущее», побег из городских сетей	
Prada	“The Devil Wears Prada” (2006) — стремление выглядеть как персонаж любимого фильма, приобщиться к миру глянца и моды, выглядеть статусно, роскошно и элегантно	#KeepingGirlsInThePicture (2020) — призыв для обеспечения доступа к получению образования лицам женского пола в условиях пандемии #LearningNeverStops (2020) — стремление обеспечения доступа к получению образования в условиях пандемии	
Balenciaga	“A donkey can see all four of his feet at once” (2018)	“Think big” (2020) “Power of dreams” (2020) “Love is for everyone” (2020)	Призыв верить в светлое будущее, свободное от коронавируса и ограничений, полное надежд и стремлений; сближение бренда с аудиторией; объединение ценностных ориентаций.
	“In space, human cannot cry” (2018)		
	“The Queen owns all the swans in England” (2018)		
Burberry	“Sunglasses are designed to hide expressions” (2018)	#StayHome (2020) #StayHome-БерегитеСебя (2020)	Призыв к ответственному отношению к самоизоляции и бережному отношению ко здоровью
	“A 156-year-old global brand with distinctly British attitude” (2013) — указание на элитарность и качество продукции бренда		
Jacquemus	“My warm winter” (2018) — мечты о теплом лете зимой, воспоминания о путешествиях	“It’s about that fearless spirit and imagination when pushing boundaries” (2020)	Демонстрация безграничности возможностей, бесстрашности и свободы
Lifebuoy	“Jacquemus at home”, #Jacquemusathome (2020) — призыв к ответственному отношению к самоизоляции; сближение бренда с аудиторией; ожидание на скорое возвращение к нормальной жизни	«Это не реклама. Это сообщение государственной службы» (2020) — привлечение внимания к важности проблемы	

ОБСУЖДЕНИЕ

Как уже было сказано в начале работы, многими психологами отмечается всеобщее изменение ценностей в эпоху COVID-19, вследствие чего увеличивается количество как российских, так и зарубежных исследований, посвященных данной тематике. Большинство работ посвящено экономической стороне вопроса, анализу поведения потребителя и компаний, а также вопросам трансформации рекламных кампаний и маркетинговых стратегий, однако лингво-концептуальный аспект смены ценностных ориентаций бренда в эпоху пандемии еще не был освещен. Так, в работе О. Р. Сарухановой описываются изменения в сфере стратегического маркетинга, диктуемые современной экономической обстановкой; а в работа А. Хименес-Санчеса и др. внимание сконцентрировано на маркетинговых стратегиях компаний и изменениях, происходящих в них, рассмотрены экономические аспекты производства в условиях пандемии. Существует ряд работ, рассматривающих лингвистическую сторону брендинга в условиях пандемии. Например, в исследовании В. Кумар и Шр. Мехротра анализируются изменения в слоганах рекламных кампаний с точки зрения лингвистики в целом, однако сфера исследования ограничивается Индийским рынком.

Отличие данной работы от перечисленных выше исследований заключается в том, что она посвящена концептуальному анализу смены ценностных ориентаций различных компаний. Особого внимания заслуживают как лингвистические аспекты слоганов рекламных кампаний брендов, так изменение их аксиологического компонента, находящего отражение в ценностных установках потребителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, трансформация приоритетов и ценностных ориентаций значительно сказывается на расширении ценностной основы духовной культуры. Нравственная культура бренда не просто отражает культуру общества и каждого человека по отдельности, это воздействие является двусторонним: личные духовные ценности также проецируются на идеологию брендов.

В данной работе был проведен лингво-концептуальный анализ смены ценностных ориентаций бренда в ус-

ловиях пандемии, определены изменения в идеологии и ценностных ориентациях брендов, происходящие в условиях пандемии COVID-19, на примере проводимых рекламных кампаний и использованных слоганов.

Подводя итог, необходимо отметить, что в результате анализа стало очевидно, что трансформация ценностных ориентаций бренда связана с современным состоянием кризиса в обществе и экономике, отражает наиболее значимые глобальные концепты и ценности, такие как безопасность, самоизоляция, поддержка, взаимопомощь. Данная тенденция оказывает огромное влияние на формирование нового образа мыслей и моделей поведения человека в новом мире, в котором старые ценности, в том числе транслируемые брендами, более не актуальны.

Изучение смены ценностных ориентаций бренда отражает глобальный мировоззренческий сдвиг и дает возможность выявить степень адаптации людей к новым социальным условиям, а также указывает направление развития ценностной сферы, формирующей фундамент нового общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов — М., 1997.
2. Kluckhohn, F. R. & Strodtbeck, F. L. (1961). *Variations in value orientations*. Evanston, IL: Row, Peterson.
3. Glukhova O. (2021). *The brand semantics cultural adaptation strategies. The Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*. Vol. 9, №2, p. 193-203.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
5. Чарыкова, О. Н. Лингвистические средства репрезентации национальной аксиологической картины мира / О. Н. Чарыкова // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. Выпуск 2 — Воронежский Государственный Университет, 2013. — С. 86–88.
6. Ульманн, С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. Выпуск 5 — М.: Наука, 1970. — С. 113–118.
7. Евсюкова, Т. В., Глухова, О. В. Аксиологический код словесных товарных знаков в создающей и принимающей лингвокультурах / Т. В. Евсюкова, О. В. Глухова // Ежеквартальный рецензируемый, реферруемый научный журнал «Вестник АГУ». Выпуск 1 (232), 2019. С. 35–40.
8. Щербак, А. А. Бренд как элемент социальной идентичности личности / А. А. Щербак — М.: Государственный университет управления, 2015.
9. Цицунова, Е. А. Ценности трех поколений и ценностные ориентации личности / Е. А. Цицунова // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. — 2019. — Т. 1. — С. 51–57.
10. Шарюков, С. В. Влияние пандемии коронавируса на потребителей и бренды / С. В. Шарюков // Бренд-менеджмент. Выпуск 2 — М.: Издательский дом «Гребенников», 2020. — С. 82–96.
11. Саруханова, О. Р. Бренды в эпоху диджитал-трансформации / О. Р. Саруханова // Бренд-менеджмент. Выпуск 2 — М.: Издательский дом «Гребенников», 2020. — С. 98–112.
12. Ponizovskiy, V., Ardag, M., Grigoryan, L., Boyd, R., Dobewall, H., & Holtz, P. (2020). *Development and Validation of the Personal Values Dictionary: A Theory-Driven Tool for Investigating References to Basic Human Values in Text*. *European Journal of Personality* — <https://doi.org/10.1002/per.2294>
13. Evsyukova T., Glukhova O. *The post-pandemic values in global culture and language* / T. Evsyukova, O. Glukhova // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Joint Conference: 20th PCSF and 12th CSIS-2020*. 2020. P. 693-700.
14. Palau, B. P. (2020). “La COVID-19 ‘rompe’ los logos de las grandes marcas para ganar distancia de seguridad”. *La Vanguardia - Magazine Lifestyle*.
15. Taylor, Ch. (2020). “How brands can successfully engage with consumers quarantined due to COVID-19” — *Forbes* — <https://www.forbes.com/sites/charlesrtaylor/2020/04/01/how-brands-can-successfully-engage-with-consumers-quarantined-due-to-covid-19/?sh=1373b40f3fc2>
16. Katsoulieri, E. (2021). “How brands are revamping their logos and taglines during COVID-19” — *AdRoll* — <https://www.adroll.com/blog/brand-awareness/how-brands-are-revamping-their-logos-and-taglines-during-covid-19>
17. Глухова, О. В., Евсюкова Т. В. Влияние лингвокультурной среды на восприятие иноязычных словесных товарных знаков / О. В. Глухова, Т. В. Евсюкова // Современный ученый. Выпуск 5, 2020. С. 168–177.
18. Официальный сайт компании Coca-Cola в России — <https://www.coca-cola.ru>
19. Официальный сайт компании Gucci — <https://www.gucci.com/us/en/stories/article/off-the-grid-shoppable>
20. Официальный сайт компании Prada — <https://www.prada.com/cn/en/pradasphere/campaigns/2020/resort.html>
21. Официальный сайт ЮНЕСКО — <https://en.unesco.org/news/prada-supports-unesco-efforts-ensure-learningneverstops-girls-everywhere-0>

22. Официальный Instagram Prada — <https://www.instagram.com/p/CFMX43MoHmK/>

23. Официальный сайт Burberry — <https://ru.burberry.com/burberry-supports-the-fight-against-covid-19/>

24. Jiménez-Sánchez A., Margalina V.-M., Vayas-Ruiz E. (2020). "Governmental Communication and Brand Advertising During the COVID-19 Pandemic" *Tripodos*, number 47, vol. 2. P. 29-46

25. Dorozhkina, A. (2020). "Jacquemus at home: a new FaceTime campaign with Bella Hadid" — *World Fashion Channel* — <https://wfc.tv/en/articles/about-fashion/jacquemus-at-home-a-new-facetime-campaign-with-bella-hadid>

26. Официальный Instagram Jacquemus — <https://www.instagram.com/jacquemus/?hl=ru>

27. Kumar V., Mehrotra Shr. (2021). "Changing narrative of Indian television advertising in the context of COVID-19" *International Journal of Creative Research Thoughts*, issue 3, vol. 9. P. 1349-1362

Статья поступила в редакцию 31.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.161.1 + 811.111
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0053

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЕДИНИЦАХ ПАРЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

© Автор(ы) 2021
SPIN: 2912-7845
AuthorID: 509599
ResearcherID: AAX-3417-2020
ORCID: 0000-0003-0649-2184

ГРИЧЕНКО Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
английского языка

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 105/42, e-mail: rgrichenko@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей актуализации лингвокультурной информации в русских и британских паремиях. Несмотря на общую разработку вопросов лингвокультурной специфики языковых единиц, аспекты актуализации лингвокультурной информации, раскрывающие ценностно-смысловое содержание конститuentов кодов культуры в паремиях, представляются наименее освещенными, их рассмотрение в рамках лингвокогнитивной и лингвокультурной парадигм постулирует связь концептуальной, языковой и культурной картин мира и представляется крайне актуальным. Паремии рассматриваются как знаки ситуации, конвенционально зафиксированные формулы, характеризующиеся назидательностью, аксиологичностью, обобщенностью, полифункциональностью, экспрессивностью. Стабильность лексического состава паремий, за которой стоит стабильность образов на уровне когнитивного восприятия, позволяет рассматривать единицы паремического дискурса как устойчивые компоненты сознания, языка и культуры. Паремии характеризуются лингвокультурной спецификой, обнаруживающейся на различных уровнях, начиная от когнитивных представлений и заканчивая языковым воплощением, демонстрирующим специфику семантики и коммуникативного функционирования данных единиц. Средством актуализации лингвокультурной информации в русских и британских паремиях выступают единицы кодов культуры, которые, наряду с другими системно-языковыми возможностями, отражают особенности мировидения и мировоззрения народа, закрепляя его в предметно-понятийном, образном и оценочном компонентах значения единиц паремического дискурса.

Ключевые слова: паремия, паремический дискурс, код культуры, лингвокультурная информация, национальная специфика, картина мира, национальное сознание, лингвокультура, оценочный и образный компоненты значения, стереотипное поведение.

REPRESENTATION OF LINGUOCULTURAL INFORMATION IN UNITS OF PARAMIC DISCOURSE

© The Author(s) 2021

GRICHENKO Ludmila Vladimirovna, candidate of Philology, associate professor of the Chair of the
English language theory and practice
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 105/42, e-mail: rgrichenko@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the actualization of linguocultural information in Russian and British paremias. Despite the general development of issues of linguocultural specificity of linguistic units, aspects of actualization of linguocultural information, revealing the value-semantic content of the constituents of culture codes in paremias, seem to be the least illuminated. The consideration of such aspects within the framework of linguocognitive and linguocultural paradigms indicates the connection between conceptual, linguistic and cultural pictures of the world and seems extremely relevant. Paremias are viewed as signs of a situation, formulated formulas which are characterized by axiology, generalization, polyfunctionality, and expressiveness. The stability of the vocabulary of paremias, determined by the stability of images at the level of cognitive perception, allows us to consider units of paremic discourse as stable components of consciousness, language and culture. Units of paremic discourse are characterized by linguocultural specificity, which is found at various levels, ranging from cognitive representations to linguistic embodiment, demonstrating their specificity of semantics and communicative functioning. The means of linguocultural information actualization in Russian and British paremias are units of culture codes, which, along with other systemic and linguistic means, reflect the peculiarities of the picture of the world perception by the nation, fixing it in the nominative, conceptual, figurative and evaluative components of the meaning of the units of paremic discourse.

Keywords: paremia, paremic discourse, culture code, linguocultural information, national specificity, a picture of the world, national consciousness, linguoculture, evaluative and figurative components of meaning, stereotypical behavior.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Паремии относятся к одним из наиболее сложных и противоречивых явлений, изучение которых проводится в рамках паремологии и фольклористики. Необходимость детального и многоаспектного анализа паремических единиц способствует их рассмотрению в рамках различных научных парадигм: лингвокультурологической, лингвокогнитивной, прагмалингвистической, социолингвистической, дискурсивной (М.А. Кулькова [1], Н.Н. Меньшакова [2], W. Mieder [3], О.Б. Абакумова [4], Е.А. Койранская [5], Н.Ф. Алефиренко [6], Л.В. Гриченко [7], М.Л. Ковшова [8], G.H. Martin [9], Н.Н. Семененко [10] и др.).

В отечественной науке начало целенаправленного изучения паремий относится к 60-70 годам прошлого столетия и связано с трудами Г.Л. Пермякова, подчерки-

вающего всю сложность явления, трудности его определения, а также многочисленность разнородных единиц, попадающих под определение «паремия»: «ввиду существенных отличий ... языковедам так и не удалось построить сколько-нибудь последовательную систему фразеологии, включающую паремии... Паремии в принципе сложнее фразеологических оборотов, тем более что они помимо всего прочего являются фольклорными текстами. Уже по одному этому паремии следует выделить в самостоятельный класс языковых единиц» [11, с. 85]. Несмотря на трудности определения данных единиц, Г.Л. Пермяков еще в середине XX века сделал попытку дифференцировать паремии, понимая под ними знаки ситуаций или отношений между вещами: «паремии – сложные знаки или комбинации знаков, непременно бытующих в живой разговорной речи и литературе [11, с. 209]. Данное определение, хотя и не разграничило па-

ремии и смежные явления, но определило перспективы изучения паремий в конце XX – начале XXI века.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В наши дни при дифференциации паремий ученые (М.А. Кулькова [1], Н.Н. Меньшакова [2], Е.А. Койранская [5], G.H. Martin [9], Н.Н. Семенов [10]) руководствуются особенностями структуры, семантики и функционирования данных явлений, в совокупности формирующих набор их отличительных черт. Н.Н. Фаттахова и М.А. Кулькова под паремиями понимают «автономные устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа, являющиеся продуктом многовековой народной рефлексии и направленные на моделирование человеческого поведения» [12, с. 8]. Н.Н. Меньшакова полагает, что, хотя под паремиями, прежде всего, понимают фольклорные произведения, они также являются знаками вторичной номинации, актуализирующими различные категории [2, с. 27]. Следуя взглядам авторитетных ученых в области паремиологии и фольклористики (Г.Л. Пермяков [11], Н.Ф. Алефиренко [6], М.Л. Ковшова [8], Н.Н. Фаттахова [12], Н.Н. Семенов [10], М.А. Кулькова [1], W. Mieder [3], G.H. Martin [9], E.C. Lucas [13] и др.), мы полагаем, что к паремиям справедливо могут относиться созданные народом различные автономные языковые образования, характеризующиеся устойчивостью, клишированностью и дидактичностью: «народные изречения, выраженные предложениями (например, пословицы, поговорки, приметы), а также короткие цепочки предложений, представляющие элементарную оценку или простейший диалог...» [11, с. 80]; автономные устойчивые единицы неопределенно-референтного типа, регулирующие поведение [1, с. 132].

Таким образом, анализ сущностной составляющей пословицы свидетельствует о том, что набор ее черт соответствует перечисленным характеристиками, позволяя рассматривать пословицы в кругу паремических единиц и конститuentов единой паремической системы (дискурса, пространства, картины мира): «единицы паремического дискурса представляют собой четко сформулированные формулы назидательного характера, содержание которых характеризуется аксиологичностью, обобщенностью, полифункциональностью, экспрессивностью» [7, с. 57]. По мнению Н.Н. Семенова, паремии формируют фрагмент ЯКМ, воплотившей «национальные эталоны системы представлений» об окружающей действительности, духовных ценностях и быте [10, с. 341]. Подобной точки зрения придерживается М.А. Кулькова, по мнению которой значительный научный интерес составляет именно вторичная концептуализация, на уровне которой осуществляется «формирование» важной составляющей ЯКМ – паремиологической картины мира (ПКМ) как специфического способа представления системы знаний в особых языковых конструктах – паремиях» [1, с. 132].

Начало XXI века характеризуется продолжением активного изучения паремий в рамках лингвокогнитивного, лингвокультурологического и дискурсивного направлений, в рамках которых возможно описание механизмов возникновения и фиксации паремий в сознании и языке, а также анализ их коммуникативного функционирования М.А. Кулькова [1], Н.Н. Меньшакова [2], Е.А. Койранская [5], Д.Д. Комова, О.В. Ломакина [14], Е.А. Яковлева [15], W. Mieder [16], М.А. Бредис, М.С. Димоголо, О.В. Ломакина [17].

Обосновывается актуальность исследования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявить и описать особенности репрезентации лингвокультурной информации в единицах русского и британского паремического дискурсов. Декодирование и адекватное восприятие лингвокультурной информации, заложенной в паремии, способствует лучшему по-

ниманию социального и коммуникативного поведения этноса, что обуславливает необходимость их детального описания, позволяющего выделить лингвоспецифичное и универсальное в паремических дискурсах обоих народов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Формирование целей статьи. Целью исследования выступает анализ особенностей актуализации лингвокультурной информации в единицах русского и британского паремического дискурсов.

Постановка задания. Достижение указанной цели предполагает решение следующих исследовательских задач: статусная дифференциация паремий, выявление основных способов представления лингвокультурной информации в единицах паремического дискурса, описание детерминации языкового знака когнитивными представлениями.

Объектом анализа выступают единицы русского и британского паремического дискурсов. Предметом анализа являются особенности актуализации лингвокультурной информации на уровне когнитивных представлений и языкового воплощения в единицах русского и британского паремического дискурсов. Материалом анализа послужили русские и британские паремии. Общий объем выборки составляет 400 единиц.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Общелингвистические и частнонаучные методы исследования предполагают обращение к методу лингвистического дескриптивно-аналитического описания, обобщения и аргументации. Частнонаучная методология включает сопоставительный, лексико-семантический, компонентный и лингвокультурологический анализы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Выделение лингвокультурной информации, способ ее репрезентации и специфики актуализации в единицах британского и русского паремического дискурсов является примером изучения языка в тесной связи с культурой народа, когда раскрывается многоликость и особенности лингвокультурного своеобразия языка, универсальности и лингвоспецифика паремий.

Лексический состав паремий, часто отсылающий к кодам культуры (Г.А. Аванесова, И.А. Купцова [18], Н.А. Симбирцева [20]), содержит лингвокультурную информацию об особенностях представления человека и окружающего его мира этносом и лингвокультурой в целом: не случайно паремии отражают миропонимание народа, которое получило «прямое и образное «предсказание» в фиксирующихся в сознании и языке представлениях» [19, с. 115]. Фиксированность лексического состава паремий, за которой стоит стабильность образов на уровне когнитивного восприятия, позволяет говорить о единицах паремического дискурса как об устойчивых компонентах сознания, языка и культуры, регулирующих жизнь и поведение лингвокультурного социума. По мнению Г.А. Аванесовой и И.А. Купцовой, паремии следует рассматривать как «устойчивые компоненты сознания» [18], поставив их в один ряд с другими стабильными компонентами культуры (символом, традициями, ритуалом и т.д.).

Учитывая схожесть социального опыта у различных народов, рефлексией на который и служило появление паремий, универсальность единиц русского и британского паремического дискурсов проявляется в заложенных коммуникативно-функциональных и прагматических установках (побуждение, общее назидание, оценка), в то время как специфичность затрагивает используемые образы, а также несовпадение ценностно-смыслового содержания паремий: *Don't make yourself a mouse, or the cat will eat you – Не будь овцой, так и волк не съест* [21, с. 93]; *If an ass bray at you, don't bray at him – Свяжись с дураком, сам дурак будешь* [21, с. 161]. Отличающиеся

когнитивные представления обуславливают несопадения на уровне вербализации, детерминируя лингвоспецифичность лексических конститuentов и паремий в целом. Как следствие, в отношении паремий (клишированных, устойчивых, часто образных единиц) и их компонентов следует говорить о декодировании смыслов, скрытых за языковым выражением и облигаторно связанных с историей, бытом, культурой нации. Речь идет о существовании в каждой культуре собственных кодов (В.В. Красных, Ю.М. Лотман) – «системы связанных конвенций для корреляции означающих и означаемых в определенных областях» [18, с. 30], которые, как правило, лингвоспецифичны. Именно эти корреляции, содержание информации о категоризации, оценке, стереотипизации действительности этносом и подвергаются декодированию, нередко вызывая трудности расшифровки содержания и смысла паремии.

В русских и британских паремиях особенно ярко лингвокультурное своеобразие проявляется на уровне лексики, а именно в использовании безэквивалентных единиц, лакун, реалий, лексем, выступающих репрезентантами кодов культуры и обнаруживающих различия в ценностно-смысловом и образном представлениях: *Ты в стороне, а я в бороне* [22, т. 3, с. 14]; *Знайку в суд ведут, а незнайка дома сидит* [22, т. 3, с. 16]; *Голосом завывает, а сердцем куты поджидает* [22, т. 3, с. 19]; *У неряхи да неприяхи нет и путной рубахи* [22, т. 2, с. 352]; *A penny saved is a penny gained – Неистраченные деньги – приобретенные* [21, с. 39]; *Burn not your house to fright the mouse away – Осердясь на блох, да и кафтан в печь* [21, с. 71].

Несмотря на общую разработку вопросов лингвокультурной специфики языковых единиц, аспекты актуализации лингвокультурной информации, раскрывающие ценностно-смысловое содержание конститuentов кодов культуры в паремиях, представляются наименее освещенными, их рассмотрение в рамках лингвокогнитивной и лингвокультурной парадигм постулирует связь концептуальной, языковой и культурной картин мира и представляется крайне актуальным. Анализ единиц кодов культуры может быть использован для обобщения содержательного многообразия паремий и декодирования заложенных в них смыслов. При сопоставлении паремических единиц различных народов речь идет не столько о тематическом единстве, затрагивающем уровень вербализации языковых единиц (ЯКМ), сколько о содержательной и смысловой стороне, напрямую связанной с когнитивными представлениями (ККМ). Поскольку единицы вербализации различных кодов культуры несут «смысловый фокус», в рамках которого обнаруживаются лингвокультурные несоответствия, их осмысление представляется крайне актуальным при поиске скрытых смыслов и интерпретации паремий.

В единицах русского и британского паремического дискурсов свое отражение находят все базовые коды культуры (соматический, пространственный, предметный, временной, биоморфный, духовный), выступая репрезентантами лингвокультурной информации и «своеобразной системой координат» нации: *Чужие собаки дерутся, а свои не зевай* [22, т. 2, с. 330]; *Слушай ухом, а не брюхом* [22, т. 2, с. 347]; *Журавль летает высоко, да видит далеко* [22, т. 2, с. 348]; *Не век вековать, одну ночь ночевать* [22, т. 2, с. 352]; *Ждали теленка, а Бог дал ребенка* [22, т. 2, с. 525]; *Better bend the neck than bruise the forehead – Лбом стену не прошибешь* [21, с. 63]; *Beware of a silent dog and still water – В тихом омуте черти водятся* [21, с. 67]; *Clothes do not make a man – По одежке встречают, по уму провожают* [21, с. 79]; *Dry bread at home is better than roast meat abroad – Свой хлеб сытнее чужих пирогов* [21, с. 97]. Приведенные примеры позволяют заключить, что актуализация лингвокультурной информации единицами кодов культуры в русских и британских паремиях происходит на различных уровнях: как при вербализации, так и на уровне концептуаль-

ных представлений. При этом возможное языковое и образное несоответствие нередко приводит к смысловым и ценностным соответствиям: *Худой мир лучше доброй ссоры – A bad compromise is better than a good lawsuit* [21, с. 9]; *Видна птица по полету – A bird may be known by its song* [21, с. 10]; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда – A cat in gloves catches no mice* [21, с. 12].

Сопоставительный анализ функционирования единиц культурных кодов в русских и британских паремиях свидетельствует о том, что вербализуемая ими лингвокультурная информация характеризуется различной степенью лингвоспецифичности/ универсальности. Так, в паремических дискурсах русского и британского народов встречаются лексические единицы, относящиеся к одному и тому же коду культуры и совпадающие в своем предметно-понятийном, образном и оценочном компонентах значения в обоих языках: *It's a foolish bird that soils its own nest – Глупа та птица, которая свое гнездо марает* [21, с. 171]; *It's a foolish sheep that makes the wolf its confessor – Глупа та овца, кто исповедуется волку* [21, с. 171]. В приведенных примерах используются единицы (*bird* (англ.) – *птица* (рус.), *sheep* (англ.) – *овца* (рус.), *wolf* (англ.) – *волк* (рус.)), принадлежащие к биоморфному коду культуры и демонстрирующие лексико-семантическую, оценочную и смысловую эквивалентность, свидетельствующую о возможном универсальном характере передаваемой лингвокультурной информации. Подобные соответствия изначально возникают на уровне ментального восприятия действительности в силу схожести когнитивных представлений у двух народов.

Сравнительно меньшую степень выраженности универсальности лингвокультурной информации демонстрируют синонимичные единицы единого кода культуры, которые используются в русских и британских паремиях: *A rope made of three cords is hard to break – Втрое скрученная нитка не скоро порвется* [21, с. 40], например, лексические единицы (*rope* – *веревка* (англ.), *нитка* (рус.)) являются синонимами.

В паремических дискурсах обоих народов также встречаются единицы, принадлежащие к одному коду культуры, не совпадающие в своем предметно-понятийном содержании, но сопоставимые по оценочному и образному компонентам значения. Переводческая и смысловая соотнесенность данных паремий и их компонентов достигается за счет схожих представлений о нормах и стереотипном поведении в типовой ситуации, возникающих вследствие образных переносов, ценностных представлений и аналогий, характерных для каждой конкретной лингвокультуры: *Every dog is a lion at home – Всяк кулик на своем болоте велик* [21, с. 105]; *First catch your hare, then cook him – Не поймав рыбку, не приговоришь уха* [21, с. 105]. В приведенных примерах используются единицы кодов русской и британской культуры (*dog* (англ.) – *кулик* (рус.) – биоморфный код культуры, *at home* (англ.) – *на болоте* (рус.) – пространственный код культуры; *hare* (англ.) – *рыбка* (рус.) – биоморфный код культуры), которые не совпадают в своем денотативном значении, но актуализируют схожую ценностную и смысловую составляющую. Используемые в паремических единицах образы отличны, однако признаки, возникшие на уровне когнитивного восприятия и положенные в их основу, схожи, что детерминирует одновременную универсальность и специфичность лингвокультурной информации.

Следующую группу составляют русские и британские паремии, в состав которых входят единицы различных кодов культуры: *Every dog has its day – Будет и на нашей улице праздник* [21, с. 104], (*dog* (англ.) – биоморфный код культуры и *улица* (рус.) – пространственный); *An empty hand is lure for a hawk – Сухая ложка рот дерет* [21, с. 35], (*hand* (англ.) – соматический код культуры и *ложка* (рус.) – предметный). Признаки, лежащие в основе образных переносов данных единиц, позволяют говорить о смысловых эквивалентах при несопадении

нии денотатов. Использование единиц различных кодов культур детерминируют высокую степень лингвокультурной специфичности как на уровне компонентов, так и всей паремии.

К другим средствам актуализации лингвокультурной информации в русских и британских паремиях с единицами кодов культур в составе также можно отнести характерное для русского языка использование уменьшительно-ласкательных или уничижительных аффиксов субъективной оценки: *Нам хлебушка подай, а разжужаем мы и сами* [22, т. 2, с. 95]; *Белые ручки чужие труды любят* [22, т. 3, с. 139]; *И личиком бела, и с очей весела* [22, т. 3, с. 92]; наличие безэквивалентной лексики и реалий: *Вари кутью, а кутейники сами придут* [22, т. 3, с. 95], *Хоромы кривые, сени лубяные, слуги босые, собаки борзые* [22, т. 3, с. 140]; синонимии различной степени выраженности семантики экспрессивности членов синонимического ряда: (*чуб, челка, живот, брюхо, глаза, очи* и т.д.): *Бары дерутся, а у холопов чубы болят* [22, т.3, с.136], *Не бей мужика в спину, бей в брюхо, скорее целый выскочит* [22, т. 3, с.146]; большое разнообразие наименований в отдельном коде культуры, характерное для одного из сопоставляемых языков: *Видом сокол, а голосом ворона* [22, т. 3, с. 102], *Видом орел, а умом тетерев* [22, т.3, с.102]; *Падок соловей на таракана, а человек – на льстивые речи* [22, т.3, с. 18]. На материале английского языка конкретные разновидности птиц встречаются значительно реже: *A bird in the hand is worth two in the bush – Лучшее синица в руках, чем журавль в небе* [21, с. 10].

При сопоставлении британской и русской лингвокультур обнаруживается, что объем универсальной и лингвоспецифичной информации в кодах культур различных народов варьируется. Так, пространственный, соматический и временной коды культур обнаруживают достаточно высокую степень универсальности языкового выражения при частичной оценочной и образной универсальности. Относительная универсальность данных кодов объясняется сходством наивных представлений об окружающем мире, строении человеческого организма и осознании себя в пространстве и времени: *Сверху ясно, снизу грязно. Сверху густо, снизу пусто* [22, т.3, с. 98]; *Хороши были волосы, да отрубили голову* [22, т. 3, с. 92]. Предметный и биоморфный коды характеризуются высокой степенью лингвоспецифичности на уровне языкового выражения и ценностно-смыслового содержания, так как отражают ассоциативно-образные представления, характерные для конкретной культуры и конвенционально закрепленные в ней: *Не хвались печью в непопленной избе* [22, т. 3, с. 99]; *Хороша плошка, да подтекает немножко* [22, т.3, с. 103].

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Проведенное исследование подтверждает взгляды ученых о необходимости многоаспектного анализа явлений языка и речи в тесной связи с сознанием народа и его культурой (М.А. Кулькова [1], О.Б. Абакумова [4], Е.А. Яковлева [15], W. Mieder [23]). Лингвокультурная специфика паремий, складывающаяся из номинативной составляющей и образного, оценочного компонентов значения, может быть системно изучена в рамках выделяемых рядом ученых (Г.А. Аванесова, И.А. Купцова, Н.А. Симбирцева и др.) кодов культур [18], [19], [20], единицы которых выступают способом репрезентации лингвокультурной информации. Полученные в ходе анализа результаты позволяют заключить, что в русском и британском паремическом дискурсах находят свое отражение все базовые коды культуры, обнаруживающие различный объем универсальности и лингвоспецифичности. Совпадающие в двух языках в предметно-понятийном содержании единицы отражают универсальные представления, характерные для представителей различных лингвокультур. Распознавание общего смысла паремии при несовпадении предмет-

но-понятийного содержания единиц культурных кодов в русских и британских паремиях осложняется метафоричным характером компонентов. В единицах паремического дискурса несоответствие смысла и значения лексемы, вызывающее ряд трудностей интерпретации, связано с различными речемыслительными механизмами, лежащими в основе порождения смысла и формирования содержания паремии: содержание соотносится с предметно-понятийным компонентом значения, отражающим объективное положение вещей, а смысл связан с интерпретацией действительности.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Таким образом, ярким примером актуализации лингвокультурной информации в русских и британских паремиях выступают единицы кодов культур, которые, наряду с другими системно-языковыми возможностями (словообразовательными моделями, градуальной семантикой языковых единиц, безэквивалентной лексикой и т.д.), отражают особенности мировоззрения и мировоззрения народа, закрепляя его в предметно-понятийном, образном и оценочном содержании единиц паремического дискурса. Анализ русских и британских паремий и их конститuentов, отсылающих к кодам культуры, позволяет заключить, что лингвокультурная специфика в паремиях, присутствующая на различных уровнях языковой актуализации, является следствием несопадающих когнитивных (концептуальных) и культурных представлений. Функционирование единиц кодов культуры в русском и британском паремическом дискурсе часто не ограничивается репрезентацией в контексте предметно-понятийного содержания, а также подразумевает актуализацию оттенков значений, которые являются отражением ценностных и образных представлений. Лингвокультурная информация в русских и британских паремиях служит ключом к расшифровке национального сознания, выступая отражением мировоззрения нации. Фигурируемые в паремиях представления часто являются стереотипными и всегда конвенционально закрепленными, так как формируются, фиксируются, аккумулируются и функционируют в сознании максимального большинства представителей лингвокультурного сообщества, регулируя их социальное и коммуникативное поведение.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Намеченное в начале XXI века исследование паремий в рамках лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов определяет перспективы анализа паремического дискурса в разносистемных языках, позволяет воссоздать и описать ценностную картину мира народа, способствует выявлению механизмов функционирования паремий в тексте и идиостиле отдельной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Кулькова М.А. Паремнологические исследования в современной лингвистике // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. научных трудов XVI Международной научно-практической конференции. Томск, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2016. С.131-135.
- Меньшакова Н. Н. Проблемы таксономии в паремологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №2. С. 26-37.
- Mieder W. «Right makes might» Proverbs and the American Worldview. Indiana University Press, Indiana, USA, Bloomington, IN. 2019. 377 p.
- Абакумова О. Б. Пословичные концепты и паремический дискурс // Ученые записки Казанского ун-та. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 6. С. 128-139.
- Койранская Е.А. Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования 2011. № 1 (15). С. 257-259.
- Алефиренко Н. Ф., Семененко Н.Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского Государственного Университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85, № 6-2. С. 169-180.
- Гриченко Л.В. Ценностная картина мира в единицах паремического дискурса // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. №2. С. 56-59.
- Ковинова М.Л. Личное имя в русском паремнологическом дискурсе

се: опыт дискурсивного анализа // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции. Тула, Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 227-240.

9. Martin G.H. «Proverbs» // *Journal of the Evangelical Theological Society*. September 2017. Vol. 60. No. 3.

10. Семененко Н.Н. Русские поговорки: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол, Изд-во «РОСА», 2011. 353с.

11. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии. М.: Наука, 1988. 235с.

12. Фаттахова Н. Н., Кулькова М.А. Народные приметы в разноструктурных языках. М.: Флинта; Наука, 2013. 248 с.

13. Lucas E.C. Proverbs. William B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan. Cambridge, U.K. 2015. 421 p.

14. Комова Д.Д., Ломакина О.В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремииологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник ЧПТУ им. И.Я. Яковлева. 2019. №3 (103). С. 78-86.

15. Яковлева Е.А. Паремический фонд языка: культурная универсальность и национальная специфичность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 212-216.

16. Mieder W. Behold the Proverbs of a People: Proverbial Wisdom in Culture, Literature, and Politics. JACKSON: University Press of Mississippi, 2014. 480p.

17. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Поговорки в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурный потенциал // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т.11. №2. 265-284.

18. Аванесова Г.А., Кушцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. №4 (47). С. 28-37.

19. Гриченко Л.В. Числовой код культуры в единицах британского паремического дискурса // Гуманитарные и социальные науки, 2020. № 6. 114 – 122.

20. Симбирцева Н.А. «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 157- 167.

21. Модестов В.С. Английские поговорки и поговорки. М.: Русский язык Медиа, 2009. 467с.

22. Даль В.И. Пословицы русского: в 3-х томах. М.: Русская книга, 1993. 2080с.

23. Mieder W. Proverbs Are the Best Policy: Folk Wisdom and American Politics. Utah State University Press, Logan, Utah, 2005. 325 p.

Статья поступила в редакцию 14.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.111
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0054

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ НОСТАЛЬГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА
«МАШЕНЬКА» И ЕГО АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 8847-5986
AuthorID: 807978
ORCID: 0000-0003-2379-1928

ДАЙНЕКО Марина Вадимовна, старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»,
Гуманитарно-педагогического института

Тольяттинский государственный университет

(445020, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 14, e-mail: dainekomarina22111991@gmail.com)

Аннотация. Исследуемое произведение было написано с опорой на воспоминания и, как следствие, оно не имеет чёткой фабулы и построено по технике потока сознания. Сочетание собственных языковых средств, стилистических и сюжетно-композиционных приемов создает образ эмигрантского пансиона в исследуемом романе. В данной научной статье раскрывается содержание понятий «сюжет» (система и порядок развития событий в романе) и «композиция» (построение романа, которое включает композиционные средства) через призму мира вещей (портреты персонажей, описание интерьера, систему диалогов. В работе анализируется самораскрытие героев через предметный мир, устанавливается факт их изображения в динамике или статике. Выделенные тематические слои рассматриваются с точки зрения их участия в узловых моментах сюжетной структуры (пролога, экспозиции, завязки, развития действия, кульминации и развязки) и композиционного построения. Данная статья также посвящена разбору языковых средств (микрокомпонентов). В ней авторы показывают, как языковые средства создают образ вещного мира (в динамике или статике) и посредством каких характерологических деталей. В работе уточняется, какие наиболее яркие средства и каких уровней языка наиболее ярко участвуют в сюжетном развёртывании и композиционном построении романа «Машенька», раскрывается интенция писателя В. Набокова и выясняется, происходит ли перераспределение смысловой нагрузки макрокомпонентов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала за счет неизбежных переводческих трансформаций.

Ключевые слова: сюжет, композиция, макрокомпоненты, микрокомпоненты, переводческие трансформации, пролог, экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

MEANS OF CREATING NOSTALGIC IMAGES IN V. NABOKOV'S NOVEL "MASHENKA" AND ITS
ENGLISH VERSION

© The Author(s) 2021

DAYNEKO Marina Vadimovna, senior lecturer of the department «Theory and Practice of Translation»,
Togliatti State University

(445020, Russia, Togliatti, st. Belorusskaya, 14, e-mail: dainekomarina22111991@gmail.com)

Abstract. The author's incessant and relentless homesickness is transmitted to the pages of the novel "Mashenka". The work of fiction in question does not have a clear-cut plot and was written in the so-called "stream-of-consciousness" technique. The combination of the linguistic means, stylistic and plot-compositional techniques creates the image of an expatriates' pension in the novel under study. This research reveals the content of the concepts "plot" (the system and order of events in a novel) and "composition" (the arrangement or placement of visual elements in a work of fiction which includes compositional means) through the prism of the "items" world (characters' portraits, interior description, dialogue system). The article analyzes the self-revelation and self-realization of the characters through the "items" world and establishes whether the characters are depicted in dynamics or statics. The identified thematic layers are examined in terms of their involvement in the key points of the plot structure (prologue, conflict, rising action, climax, falling action or resolution) and compositional arrangement. This article is also devoted to analyzing the linguistic means (microcomponents) and shows how these linguistic means create an image of the "items" world (in dynamics or statics) as well as considers the corresponding characteristic details. The work points out what linguistic means and language levels are the most striking in the plot deployment and composition arrangement of the novel "Mashenka", reveals the intention and ideas of the writer V. Nabokov as well as discovers whether there is a redistribution of semantic load of macrocomponents in the translation text compared to the original text due to the inevitable translation transformations.

Keywords: plot, composition, macrocomponents, microcomponents, translation transformations, prologue, exposition, conflict, rising action, climax, falling action (resolution).

ВВЕДЕНИЕ

Роман «Машенька», изданный в 1926 году, считается произведением искусства и подлинным литературным шедевром, по художественной ткани которого писатель В. Набоков буквально создал «орнамент» не только своей судьбы, но и судьбы целого потерянного поколения эмигрантов, вынужденных уехать за границу в начале беспокойных, нестабильных и смутных 20-х годов XX века. Одну из причин для автора, способном облегчить боль по России станут воспоминания, благодаря которым В. Набокову удастся воскресить и в своем воображении, и в литературных работах неповторимый и сокровенный образ Родины. Почти все персонажи романа «Машенька» отверженные и выброшенные тяжелыми историческими событиями на обочину жизни представители интеллигенции, остро чувствующие и осознающие свою бесправность, обездоленность и неприкаянность в суровом мире Берлина. Непрекращающаяся тоска автора будет передаваться на страницы романа. Данное обстоятельство

подтверждает, что исследуемое произведение было написано с опорой на воспоминания и, как следствие, оно не имеет чёткой фабулы и построено по технике потока сознания. Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты данной проблемы, показал, что схожей позиции придерживаются и такие исследователи как О.А. Арукунова [1, с. 130], Ч. Сяоце [2, с. 169 - 170], а также М.М. Абдусаламова и К.А. Кадырова [3, с. 491 - 492].

Настоящее и прошлое, реальное и ирреальное переплетаются в романе «Машенька», поскольку мир Ганина лежит в двух плоскостях: яви и фантазии. Явь кажется и Ганину, и другим персонажам произведения призрачной, мистической, в то время как координаты воспоминаний, которыми Ганин не мог насытиться, кажутся ему гораздо интенсивнее, действительнее и отчетливее, чем происходящие события в реальности. Данное поведение Ганина можно трактовать как психологическую защиту, желание скрыться, затеряться, уйти от проблем и от по-

нимания всей неприглядности, одиночества нынешнего существования на чужбине. Все вышесказанное обуславливает присутствие в романе такого неотъемлемого композиционного приема как ретроспекция, о котором также подробно пишут исследователи Е.А. Бажанова [4, с. 123 - 126] и Е.Г. Белоусова [5, с. 92 - 96].

В. Набоков уделял пристальное внимание к нюансам, подробностям и мелочам, можно сделать вывод, что феномен вещности в литературных работах писателя и, в частности в романе «Машенька», объясняется разветвленной системой мотивов и символов, а также знаков в работах непревзойденного автора. Вещные реалии, интенсивно и стремительно развивающиеся на протяжении всего творчества В. Набокова и обладающие метафизическим «оттенком», несут в себе смысловую нагрузку, а также парадигму эмоциональной, экспрессивной и оценочной функций. Детализация окружающей действительности в романе «Машенька» способствует реалистичности. Происходит одушевление вещей и опредмечивание героев. Вещный мир в указанном романе обладает логичной, четкой и непротиворечивой структурой.

Актуальность данной статьи заключается в том, что впервые проводится многофакторное исследование образа вещного мира на материале разноязычных произведений В. Набокова. Кроме того, в указанной работе расширяется представление об идеологии писателя.

Практическая значимость настоящей статьи состоит в том, что её главные положения могут быть использованы в ходе лекционных курсов по литературоведению, стилистике английского языка, а также на семинарских занятиях, посвящённых лингвокультурологии и лингвистике.

В рамках данного исследования мы сосредоточимся на собственно языковых средствах и стилистических приемах раскрытия ностальгических образов, которые в контексте эмигрантского пансиона и кинопавиллона в Берлине.

МЕТОДОЛОГИЯ

Данная научная статья посвящена исследованию разноуровневых средств создания образа эмигрантского пансиона в Берлине в романе В. Набокова «Машенька» и его англоязычной версии. В работе проводится анализ микрокомпонентов через призму таких сюжетных и композиционных элементов как пролог, экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка, а также определяются переводческие трансформации, примененные при переложении русскоязычного текста изучаемого романа на английский язык, оценивается обоснованность их использования, а также отмечаются удачные варианты перевода и недочёты.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В первую очередь, представляется целесообразным раскрыть сущность понятий «сюжет» и «композиции», которые принято считать макрокомпонентами любого литературного произведения. Большой толковый словарь С.А. Кузнецова трактует сюжет как совокупность последовательно развивающихся событий, составляющих основное содержание художественного произведения [6, с. 446]. Под композицией следует понимать строение, расположение и соотношение составных частей произведений литературы [6, с. 1300]. В свою очередь, сюжетная структура подразумевает наличие пролога, экспозиции, завязки, развития действия, кульминации и развязки.

Пролог – это вводная часть, введение литературного произведения, предвещающие общее содержание, мотивы художественного произведения или раскрывающая общие идеи и намерения автора. Пролог содержит сжатый пересказ предшествующих событий и обстоятельств, а также объясняет смысл дальнейшего развития действий в произведении [6, с. 1014].

Относительно изучаемого романа в качестве пролога выступает сцена в лифте, где случайно встречаются

Ганин и Алфёров. Перейдём к анализу микрокомпонентов произведения «Машенька» в прологе.

«Но Ганин, поморщившись, легонько вытолкнул его и затем, выйдя сам, громыхнул в сердцах железной дверцей. Никогда он раньше не бывал так раздражителен» [7, с. 25] (*But Ganin, with a grimace of impatience, gave Alfyorov a slight push and, having followed him out, relieved his feeling by noisy slamming the steel door behind him. Never before had he been so irritable*) [8, с. 4].

Как видно из приведённых выше русскоязычной и англоязычной цитат, В. Набоков демонстрирует скованность и зажатость в общении между эмигрантами, которым приходится терпеть многие неудобства и лишения, сосуществуя друг с другом как в келье или темнице, откуда нет никакого выхода, и испытывающих к друг другу очевидную неприязни и антипатию. Данное удручающее и неприглядное положение героев произведения одинаково передано как в оригинале, так и в переводе посредством использования лексем с негативной ингерентной коннотацией: («поморщившись» – *with a grimace of impatience*; *легонько вытолкнул его – gave Alfyorov a slight push*; *громыхнул в сердцах железной дверцей – by noisy slamming the steel door*), а также с помощью инверсии в предложении *Never before had he been so irritable*, построенном вразрез грамматическим правилам английского языка, для того чтобы более ярко и наглядно показать негодование, возмущение и гнев Ганина в связи с предлагаемыми обстоятельствами, в которых он оказался не по своей воле.

В аспекте перевода необходимо заметить, что В. Набоков оправданно применил модуляцию и одновременно грамматическую замену части речи при интерпретации деепричастия «поморщившись» с эмоциональным оттенком значения, передав его с помощью словосочетания (*with a grimace of impatience*), состоящего из предлогов и существительных. В указанном отрывке также можно проследить удачное применение грамматической замены части речи при переложении словосочетания «*легонько вытолкнул его*» (*gave Alfyorov a slight push*), где наречие «*легонько*» поменяно на прилагательное *slight*, а глагол «*вытолкнул*» развёрнут в словосочетание *gave a push* с номинативно неактивным, десемантизированным глаголом и номинативно активным существительным. Конгломерат обоснованно применённых модуляции и грамматической замены части речи встречается и в случае с переводом словосочетания «*громыхнул в сердцах железной дверцей*» (*relieved his feeling by noisy slamming the steel door*), где В. Набоков передаёт устойчивое словосочетание «*в сердцах*» более понятной и удобоваримой для англоязычного реципиента фразой *relieved his feeling*, осуществив, таким образом, семантическое развёртывание, а также интерпретирует глагол «*громыхнул*» посредством смыслового развития и замены его на словосочетание *by noisy slamming*, включающего в свой состав предлог, прилагательное и причастие соответственно. Примечательным является перевод предложения «*Никогда он раньше не бывал так раздражителен*», которое звучит более экспрессивно в английской версии романа «Машенька», чем в русскоязычном оригинале за счёт намеренного использования переводчиком обратного порядка слов, то есть перестановки членов предложения, чтобы продемонстрировать раздражение и недоумение персонажа Ганина.

Экспозиция – это часть художественного произведения, рассказывающая о персонажах и действиях, предшествуя началу развёртывания структурных единиц произведения. [6, с. 1517].

Экспозицией анализируемого романа является детальное описание неприглядного и угнетающего пансиона, изображение давящей, тоскливой и ошеломляющей обстановки в комнатах жильцов, рутинного, однообразного существования, удушающей

и затхлой атмосферы кинопавильона, а также железной дороги, вносящей переполох, суету и навевающей страх на эмигрантов.

Многомерность и многогранность повествовательной структуры анализируемого произведения проявляется также в демонстрации В. Набоковым пространства кинопавильона. Съёмки, в которых задействованы разные люди, в том числе и Ганин, играющий роль статиста, способствуют обезличиванию человека, потере им самобытности, индивидуальных черт, идентичности и уникальности. Ганин, как и остальные актёры теряет некий жизненный «компас», ориентир, утрачивая вместе с тем внутреннюю цельность и стержень, превращаясь в серую массу «одного из», ничем не примечательных персонажей, привыкших жить в атмосфере лжи, банальности и тривиальности. Все события и действия, происходящие в павильоне, уподобляются бутафорному эпатажному спектаклю с монотонным, вялотекущим и утомляющим развитием сюжета. Автору удаётся блестяще «соткать» узор, выдержанный в напыщенной театральной тематике. Лица актёров напоминают мертвенно бледные, как полотно, кукольные, карикатурные, застывшие и безэмоциональные маски. Так, выделенные ниже в примерах из оригинала и перевода характерологические детали в равной степени воссоздают зловещую и гнетущую обстановку, иступление, а также надвигающуюся беду, нависшую над обитателями пансиона:

«... с мистическим писком закипали светом чудовищные фацеты фонарей, наведённых, как пушки, на мертвенно-яркую толпу статистов, озаря крашнейший воск застывших лиц ...» [7, с. 29] (...where light seethed with a mystical hiss from the huge facets of lamps that were aimed, like cannon, at a crowd of extras, lit to a deathly brightness. They would fire a barrage of murderous brilliance, illuminating the painted wax of motionless faces...) [8, с. 9].

Данный отрывок и на русском, и на английском языках является показательным. Он изобилует стилистическими фигурами и переведён на достаточно высоком уровне с применением широкого диапазона трансформаций. Так, метафора «закипали» (*seethed*) и сравнение «как пушки» (*like cannon*) были сохранены при переводе, благодаря чему не пострадали выразительность и эмоциональность оригинального текста. Эпитет «мертвенно-яркую» (*lit to a deathly brightness*) передан посредством модуляции, а также с помощью конвергенции таких трансформаций как перестановка (в оригинале эпитет находится в препозиции к существительному «толпа», а во вторичном тексте данный эпитет находится в постпозиции к существительному *crowd*). Переводчик удачно применил и такую грамматическую трансформацию как членение предложения. Можно предположить, что данный оправданный шаг был мотивирован тем, что автор английской версии романа стремился избежать излишнего нагромождения конструкций и наслоения смыслов в пределах одного предложения. Оформление новой синтаксической структуры повлекло за собой применение дополнительного преобразования – добавления лексических единиц (*They would fire a barrage of murderous brilliance...*). Слово сочетание «крашнейший воск застывших лиц» (*the painted wax of motionless faces*), находящееся в рамках отдельно выделенного предложения во вторичном тексте, является сильным по эмоциональному и экспрессивному воздействию как в подлиннике, так и в переводе, поскольку содержит в себе развёрнутую метафору, переданную посредством калькирования в англоязычной версии. В то же время метафора «с мистическим писком», с одной стороны, была сохранена при переводе, но, с другой стороны, переводчик не обоснованно заменил существительное «писк» нетождественной лексемой *hiss*, которая трактуется в английском толковом словаре как *to make a noise like the sound of the letter "s"*, т.е.

означает «шипение». К другим недостаткам перевода можно отнести интерпретацию эпитета с негативной ингерентной коннотацией «чудовищные» посредством более нейтрального по оттенку значения и семантически неравноёмкого прилагательного *huge*, имеющего в английском языке следующее значение: *extremely large in size or amount*, т.е. «огромный».

Завязка – это эпизод, начинающий развитие сюжета в художественном произведении [6, с. 315].

В качестве завязки романа «Машенька» выступает эпизод, когда Ганин случайно узнаёт о приезде жены своего соседа Алфёрова и понимает, глядя на фотографию, что эта женщина – его первая любовь, с которой у Ганина были романтические отношения 9 лет назад во время его беспечной и наполненной гармонией, достатком жизни в России.

«Но ее образ, ее присутствие, тень ее воспоминанья требовали того, чтобы наконец он и ее бы воскресил, – и он нарочно отодвигал ее образ, так как желал к нему подойти постепенно, шаг за шагом, точно так же как тогда, девять лет тому назад» [7, с. 48]. (*But her image, her presence, the shadow of her memory demanded that in the end he must resurrect her too – and he intentionally thrust away her image, as he wanted to approach it gradually, step by step, just as he had done nine years before*) [8, с. 33].

В указанных выше цитатах и на русском, и на английском языках автор одинаково показывает трепетное, бережное и аккуратное отношение Ганина к образу Машеньки, который главный герой буквально поставил на высокий пьедестал, возведя в ранг божества. Тщательность и скрупулёзность Ганина, с которыми он подходит к созданию образа своей первой любви, отражаются с помощью метафоры («тень ее воспоминанья» – *the shadow of her memory*; отодвигал ее образ – *thrust away her image*) лексического повтора местоимения «её» – *her*, а также грамматически за счёт использования однородных членов предложения («образ», «присутствие», «воспоминание»), придающих упомянутому отрывку текста глубину, динамичность, ритмичность, филигранность, фактурность и драматизм. Градация, постепенное нарастание эмоционального накала, отчаяние Ганина, упивающегося терпкими воспоминаниями о минувшем, транслируются читателю посредством употребления синонимов, расположенных друг за другом («постепенно», «шаг за шагом», «точно так же»).

Как точно замечает великий лингвист В. Н. Комиссаров, эквивалентность представляет собой семантическую близость первичного и вторичного текстов, которая обеспечивается в процессе выполнения перевода. Вместе с тем, В. Н. Комиссаров оговаривает, что в каждом отдельном переводе смысловая близость к подлиннику в разной мере и разными методами приближается к максимальной [9, с. 51]. Другой выдающийся языковед А.Д. Швейцер рассматривает наряду с эквивалентностью еще одно базовое понятие переводоведения – адекватность перевода, констатируя, что данный термин связан с условиями протекания межязыкового коммуникативного акта, с его определяющими факторами, с выбором стратегии и тактики перевода, отвечающими коммуникативной ситуации. Таким образом, адекватный перевод, как утверждает А.Д. Швейцер, должен сохранять коммуникативный эффект и решать коммуникативную задачу оригинала [10, с. 92]. Вслед за данными исследователями, мы можем заключить, что в аспекте перевода указанное выше русскоязычное предложение передано эквивалентно и адекватно, с сохранением авторских интенций и идей. К лексемам подобраны равнозначные соответствия, однако погрешностью перевода видится наречие «нарочно», имеющее разговорный оттенок, но переведенное посредством употребления наречия *intentionally*, которое принадлежит к разряду нейтральной лексики.

Согласно электронной версии Словаря литературоведческих терминов С.П. Белокуровой, развитие действия – это система событий, вытекающих из завязки. По мере развития действия конфликт и столкновения персонажей обостряются и происходит эскалация противоречий между ними [11, с. 195].

Развитие действия в романе «Машенька» происходит тогда, когда во вторник Ганин сообщает Людмиле, от отношений с которой он устал и насытился пребыванием данной героиней рядом с ним, о своем окончательном выборе в пользу расставания с ней. Далее со страниц романа читатель понимает, что Ганин сопровождает своего хорошего знакомого, поэта Подтягина, в полицейское управление, чтобы поддержать его во время прохождения процедуры получения визы, но, когда Подтягин достигает желаемой цели, он забывает свой паспорт в трамвае по своей рассеянности, из-за чего у него происходит сердечный приступ. После этого в пансионе организуется праздничный ужин и вечеринка по случаю дня рождения Клары, отъезда Ганина и приезда жены Алферова Машеньки.

Проанализируем характерологические детали и языковые средства в развитии действия романа «Машенька». В данном контексте следует отметить, что слащавые и приторные персонажи Колин и Горноцветов создают видимость бурной, активной деятельности, в то время как в действительности они занимаются нелепыми и бесполезными делами. Оба обитателя пансиона отчасти ветрены, наивны и инфантильны, они воспринимают жизнь как бесконечное пиршество и праздник, на котором они являются главными и желанными гостями, абсолютно отказываясь признавать убогость, ограниченность своего существования и свою бесперспективность. Упомянутые персонажи привыкли воспринимать всё в розовом цвете, совершенно не задумываясь о будущем, живя одним днем: «*Колин все время двигался, разливал водку, ликер, бледное рейнское вино, и толстые бедра его смежно виляли, меж тем как оставалась почти недвижимым при ходьбе его худенький корпус, стянутый синим пиджачком*» [7, с. 93] (*Kolin kept constantly on the move pouring out vodka, liqueurs, pale Rhine wine, his fat hips wriggling comically while his trim torso, gripped by a tight blue jacket, remained almost motionless as he moved*) [8, с. 96].

Подчёркнутые характерологические детали, отраженные и в тексте подлинника, и в тексте перевода практически точно и без искажения, транслируют читателю насмешку автора В. Набокова, его презрение по отношению к Колину, которое усиливается за счёт эпитетов с негативной ингерентной коннотацией «толстые» – *fat*, «худенький» – *trim* и лексем с отрицательным оттенком значения «виляли» – *wriggling*. При переложении текста на английский язык видится обоснованным применение перестановки членов предложения и грамматической замены части речи: глаголы «разливал» и «виляли» были преобразованы в причастия *pouring* и *wriggling* соответственно. Отсюда следует, что в целом переводчику удалось адекватно передать авторскую интенцию до англоязычного читателя и сохранить антитезу в тексте перевода, указывающую на непропорциональность фигуры данного персонажа, однако отмечаются и потери: в оригинале существительное «пиджачком», имеющее пренебрежительный оттенок значения за счёт суффикса – *к*, утратило свойственную ему коннотацию в переводе из-за использования переводчиком нейтральной лексемы *jacket* и не было никак компенсировано.

Кульминация – это точка, момент наивысшего напряжения в развитии сюжета [6, с. 479].

Относительно рассматриваемого произведения отметим, что в качестве кульминации в нём выступает эпизод, когда, приехав на железнодорожный вокзал, Ганин осознаёт, что роман с Машенькой стал для героя пройденным рубежом и что он не хочет ворошить

прошлое, так как больше оно не может органично, как считал сам персонаж, существовать в рамках реальной жизни в настоящем. Продолжать упиваться минувшим означает для Ганина быть обречённым на вечные страдания и нравственный, моральный крах.

«*Но теперь он до конца исчерпал свое воспоминанье, до конца насытился им, и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем*» [7, с. 106] (*But now he had exhausted his memories, was sated by them, and the image of Mary, together with that of the old dying poet, now remained in the house of ghosts, which itself was already a memory*) [8, с. 114].

Данные русскоязычная и англоязычная цитаты транслируют постепенное затухание у Ганина восторженных чувств, восхищения образом Машеньки, слепым преклонением перед ним, что отражено посредством вкрапления в языковую ткань художественного произведения глаголов с негативной адгерентной коннотацией («исчерпал» – *had exhausted*; «насытился» – *was sated*), адъективом с отрицательной ингерентной коннотацией («умирающим» – *dying*) и перифразом *the house of ghosts*, под которым В. Набоков подразумевает пансион. Герой начинает понимать, что как бы человек чего-то не хотел, не имеет смысла обманывать себя, посвятив свою жизнь чаяниям по прошлому, пренебрегая при этом настоящим. Ганин осознаёт, что даже если человек совершил ошибки, запутался, был не прав и виноват перед самим собой или другими людьми, это не означает, что ему нет прощения, потому что пока его жизнь продолжается, нужно бороться, уметь противостоять своим страхам и сомнениям, не прятаться и не укрываться за сказочными бутафорными декорациями «позапрошлой» жизни, не бездействовать, не плыть покорно и смиренно по течению жизни, не соглашаться со всем, что судьба предлагает или преподносит, а совершать поступки.

С точки зрения перевода необходимо заметить, что на лексическом уровне В. Набоков удачно применяет модуляцию («доме теней» – *the house of ghosts*), указывая на мистический характер пансиона и поясняя англоязычному читателю, что речь идёт не о тенях живых людей в прямом смысле этого слова, а, скорее, о людях, сбившихся с жизненного пути, подавленных разным фобиям, порокам и слабостям и стоящих на краю бездны. Переводчик также обоснованно использует грамматическую замену залога, преобразуя глагол в активном залоге («насытился ими») на глагол в страдательном залоге (*was sated by them*), а также перестановку («...остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней...») – *together with that of the old dying poet, now remained in the house of ghosts*). Упомянутые трансформации продиктованы несовпадением в грамматических системах русского и английского языков, в частности более стабильным и устойчивым порядком слов в английском языке, чем в русском.

Развязка – это элемент сюжета, единица композиции, в которых происходит разрешение конфликта, становится понятным будущее и дальнейшая судьба персонажей, а также исчерпываются события, изображённые в произведении [6, с. 1065].

Развязка романа «Машенька» ознаменована отбытием поезда, на который садится Ганин, на юго-запад Германии, где данный персонаж надеется обрести определенную опору, стабильность и занять определенную нишу, более достойное место, чем то, что у него было во время пребывания в пансионе.

«*Тогда он поднял свои чемоданы, крикнул таксомотор и велел ему ехать на другой вокзал, в конце города*» [7, с. 107] (*Then he picked up his suitcases, hailed a taxi and told the driver to go to a different station at the other end of the city*) [8, с. 114].

Из содержания данных предложений на русском

и английском языках становится очевидным, что Ганин смог впервые предпринять конкретные меры, сделать первые шаги на пути к новой вехе своей судьбы, окончательно разорвав все узы и простившись с навязчивым и неотступным прошлым. Перечисление однородных членов предложения, предикативов, указывает не только на осознание Ганиным тупика, стагнации, серости и беспорядка в своей жизни, но и подтверждает совершение решительных действий со стороны главного персонажа романа «Машенька».

С точки зрения перевода, указанный русскоязычный отрывок текста романа «Машенька» интерпретирован с использованием равнозначных и полноценных эквивалентов / соответствий. В Набокову удаётся сохранить коммуникативный и прагматический эффект подлинника. К использованным трансформациям можно отнести генерализацию при передаче глагола «велел», обладающего более конкретным, чётким значением и заменённого глаголом *told*, имеющим обобщённое значение.

ОБСУЖДЕНИЕ

В результате изучения романа «Машенька» был получен материал, анализ которого позволил заключить, что, во-первых, в фокусе внимания таких исследователей как С.А. Бетюнской [12, с. 61], О.А. Дмитриенко [13, с. 40-44], А.А. Крюкова [14, с. 131-132], В.Ю. Лебедевой [15, с. 1-3], И.Е. Медвецкого [16, с. 114-119], Д.В. Морозова [17, с. 165-166], Л.Ю. Стрельниковой [18, с. 97-98], О.О. Хасановой [19, с. 58-59], а также Н.Н. Шабалиной и Н.О. Игнатъевой [20, с. 6-8] чаще всего находилась русскоязычная версия романа «Машенька» и были рассмотрены такие аспекты как тематическое своеобразие, проблематика, преобладающие в произведении мотивы изгнанничества, тень и загробной жизни, знаки и символы, пространство и время, плюрализм миров, категория запаха, реминисценции и аллюзии, сравнительные конструкции, во-вторых, указанное произведение было в большей степени изучено в ракурсе литературоведения.

Таким образом, следует подчеркнуть, что несмотря на обилие работ, посвященных в том числе исследованию художественного образа, они не освещают все возможные ракурсы изучаемого романа. В частности, отсутствуют исследования равноуровневых средств создания вещного мира в сопоставительном аспекте на материале разноязычных произведений одного и того же автора. Уникальность настоящей статьи заключается в проведении сопоставительного анализа средств создания образа вещного мира в сопоставительном ключе. Отсюда следует, что данная работа призвана заполнить пробел в указанной области.

При всей значимости работ упомянутых исследователей, следует подчеркнуть, что они не исчерпывают некоторых важных вопросов. Во-первых, никем из исследователей не был проведен сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода романа «Машенька». Во-вторых, образ вещного мира в романе и средства его воплощения, заслуживающие к себе пристального внимания, не стали предметом специального исследования. Всё вышесказанное открывает поле для проведения нами дополнительного сопоставительного анализа романа через языковую ткань с учётом достигнутых литературоведов.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, в сюжетном развертывании и композиционном построении романа «Машенька» и его англоязычной версии наиболее активно участвуют следующие яркие языковые средства лексического уровня: атрибутивные эпитеты преимущественно с негативной ингерентной коннотацией, метафоры, сравнения, а также инверсия. Замысел и намерение В. Набокова заключалось в том, чтобы продемонстрировать и русскоязычному, и англоязычному реципиентам «эхо» мятежных исторических событий и смутного времени в России по-

сле Октябрьской революции, которое проявилось в виде вынужденного оттока огромных масс интеллигенции, как правило, в страны Европы, где обескураженные и находящиеся в оцепенении эмигранты не смогли обрести новый дом. Заграница так и не стала для них гаванью спокойствия, гармонии и стабильности, оплотом мира, добра и счастья, которые остались навсегда в прошлой жизни в России.

Несмотря на применение переводчиком неизбежных трансформаций на разных уровнях языка (лексическом, лексико-грамматическом), а также немногочисленные неточности и погрешности при переложении русскоязычного романа «Машенька» на английский язык перераспределение смысловой нагрузки макрокомпонентов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала не происходит, то есть во вторичном тексте романа смысл передан равноценно.

Необходимо также подчеркнуть, что форма языка-цели сохраняет в тексте перевода эмоционально-экспрессивное и эстетическое воздействие подлинника, а также авторские интенции благодаря подбору переводчиком к русскоязычным лексемам уместных словарных соответствий и эквивалентов, а также за счёт оправданного и обоснованного применения следующих трансформаций: модуляции, калькирования, генерализации, грамматической замены части речи, грамматической замены типа предложения, добавления, перестановки членов предложения и членения предложения.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении составляют анализ ключевых слов и словосочетаний, создающих ключевые образы и ритмико-синтаксической организации в сопоставительном аспекте оригинала и перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арухенова О.А. Дебютный роман Владимира Набокова «Машенька» как сублимация вынужденного расставания с Родиной // *Лингвориторическая парадигма: Теоретические и прикладные аспекты*. 2019. № 24. С. 130-132. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41676023> (дата обращения: 10.06.2021).
2. Сяозце Ч. Мотив «изгнания» в романе «Машенька» В. Набокова // *Вестник Альянского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2018. № 4 (227). С. 169-173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-izgnaniya-v-romane-mashenka-v-nabokova> (дата обращения: 14.06.2021).
3. Абдусаламова М.М., Кадырова, К.А. Сравнительно-сопоставительный анализ романов В. Набокова «Машенька» и Г. Газданова «Вечер у Клэр» // *Мир науки, культуры, образования* 2018. № 2 (69). С. 490-492. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-sopostavitelnyy-analiz-romanov-v-nabokova-mashenka-i-g-gazdanova-vecher-u-klar> (дата обращения: 15.06.2021).
4. Бажанова Е.А. Ретроспекция и ее влияние на понимание романа В. Набокова «Машенька» // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. № 3. С. 123-127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektiya-i-ee-vliyanie-na-ponimanie-romana-v-nabokova-mashenka> (дата обращения: 15.06.2021).
5. Белокурова Е.Г. О кинематографичности романа В. Набокова «Машенька» // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология*. 2017. № 47. С. 88-99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kinematografichnosti-romana-v-nabokova-mashenka> (дата обращения: 16.06.2021).
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
7. Набоков В.В. Романы. Рассказы. М.: Дрофа: Вече, 2002. 480 с.
8. Nabokov V. Mary. New York: Vintage Books, a division of Random House, Inc., 1989. 114 p.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1998. 215 с.
11. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006. 314 с.
12. Бетюнская С.А., Сизых О.В. Мотив тоски по Родине в романе В.В. Набокова «Машенька» // *Новый вектор развития научной деятельности. Вызовы и решения: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции (СПб., 16-17 мая 2016 г.)*. СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2016. С. 61-63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26099008> (дата обращения: 17.06.2021).
13. Дмитриенко О.А. Поэтика русскоязычной прозы В.В. Набокова: репрезентация религиозно-философских и религиозно-мистических

идей : автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Санкт-Петербург, 2017. – 44 с. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006655219#?page=2> (дата обращения : 18.06.2021). – Текст : электронный.

14. Крюков, А.А. К вопросу о творческом самоопределении младоэмигрантской литературы: «Обман» Ю. Фельзена и «Машенька» В.В. Набокова // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3. С. 131–136. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tvorcheskom-samoopredelenii-mladoemigrantskoj-literatury-obman-yu-felzena-i-mashenka-v-v-nabokova> (дата обращения: 18.06.2021).

15. Лебедева В.Ю. Мотив некропространства в романе В. Набокова «Машенька» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Серия: Литература. Литературоведение. Устное народное творчество. 2009. Т. 2. № 3. С. 1–5. – URL: <https://vivliophica.com/articles/literature/515117> (дата обращения: 19.06.2021).

16. Медвецкий И.Е. Значение «игровых» моделей для понимания жанрового своеобразия романов В.В. Набокова «Машенька» и «Дар» // Обсерватория культуры. 2014. №. 1. С. 112–120. URL: https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/18?locale=ru_RU# (дата обращения: 19.06.2021).

17. Морозов Д.В. Художественное пространство-время в романе Набокова «Машенька» // Вестник Костромского государственного университета. 2007. №. 1. С. 165–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-prostranstvo-vremya-v-romane-nabokova-mashenka> (дата обращения: 19.06.2021).

18. Стрельникова, Л.Ю. Идея «Вечного возвращения» как игра с ценностями жизни в романе В. Набокова «Машенька» // Вестник Костромского государственного университета. 2016. №. 4. С. 97–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-vechnogo-vozvrascheniya-kak-igra-s-tsennostyami-zhizni-v-romane-v-nabokova-mashenka> (дата обращения: 20.06.2021).

19. Хасанова О.О. Текстема «Машенька» как модальная доминанта в одноименном романе Владимира Набокова // Lingua mobilis. 2010. № 4 (23). С. 58–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstema-mashenka-kak-modalnaya-dominanta-v-odnoimennom-romane-vladimira-nabokova> (дата обращения: 20.06.2021).

20. Шабалина Н.Н., Игнатьева Н.О. Запахи чужбины в романе В. Набокова «Машенька» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XLIII международной научно-практической конференции № 12 (43). Новосибирск: СибАК, 2014. URL: <https://sibac.info/conf/philolog/xliii/40410> (дата обращения: 21.06.2021).

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.161.1
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0055

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧИМОСТНОГО КОМПОНЕНТА ЛИНГВОКОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФАНФИКШН)

© Автор(ы) 2021
SPIN: 4993-5812
AuthorID: 908880
ORCID: 0000-0003-2173-8744

ДЕМИЧЕВА Юлия Владимировна, аспирант, старший преподаватель
кафедры иностранных языков № 1

Кубанский государственный технологический университет
(350072, Россия, Краснодар, ул. Московская, 2, e-mail: yulchen77@mail.ru)

Аннотация. В данной статье исследуется лингвокультурный концепт «любовь» на материале русскоязычной литературы фанфикшн по фэндомам «Гарри Поттер», «Властелин колец» и «Сумерки» как одним из наиболее популярных. Проведен анализ 300 сочинений в жанре фанфикшн – по 100 из каждого фэндома. При отборе произведений был установлен ограничение в 3 страницы, что сделало полученную выборку довольно однородной по объему. Общее количество лексических единиц из выборки, содержащих морфему «-люб-», составило 1005 примеров. Установлено, что частота встречаемости лексем с морфемой «-люб-» по фэндомам приблизительно одинакова, с незначительным перевесом у «Сумерек». 81% употреблений лексем с морфемой «-люб-» приходится на лексемы *любить*, *любовь* и *любимый*, при этом *любить* является безусловным лидером (41%). Частотный порядок этих лексем, представленный в выборке, совпадает с порядком их частот в корпусе русского языка. Однако в фанфиках их частоты оказываются намного ближе друг к другу. В случаях употребления лексемы *любовь* в подавляющем большинстве (89%) оказалась представлена семантическая группа «романтическая и эротическая любовь». Частота глагола *разлюбить* оказалась в разы меньше по сравнению с глаголами *полюбить*, *влюбляться* и *влюбиться*. Довольно низкочастотны лексемы с морфемой «-люб-», значения которых семантическая эволюция привела к значительному отдалению от понятия любви (*любовник*, *любовница*, *дружелюбие*, *полюбоваться*).

Ключевые слова: фанфикшн, фанфики, фэндом, любовь, лингвокультурный концепт, значимостный компонент, частотный анализ текста, Гарри Поттер, Властелин колец, Сумерки

MEANINGFUL COMPONENT OF LINGUOCULTURAL CONCEPT “LOVE” IN FANFICTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

© The Authors 2021

DEMICHEVA Yuliya Vladimirovna, postgraduate student, senior lecturer
of the department of foreign languages
Kuban State Technological University
(350072, Russia, Krasnodar, Moscovskaya st., 2, e-mail: yulchen77@mail.ru)

Abstract. The article considers linguocultural concept *Love* represented in Russian fanfiction literature based on fandoms Harry Potter, Lord of the Rings and Twilight being the most popular. 300 fanfics comprising 100 works from each fandom were analyzed. The selected fanfics were limited to 3 pages which made the result sampling quite similar in content. The total number of lexical units containing morpheme *-lyub-* (*-lyub-*) comprises 1005 examples. It was established that the frequency of lexical units containing this morpheme in sampled fanfics is approximately the same with fandom Twilight slightly overbalancing the rest. 81% of lexical units with this morpheme include such lexical items as *любить* (*lyubit'*), *любовь* (*lyubov'*) and *любимый* (*lyubimyi*), with *любить* (*lyubit'*) being the absolute leader (41%). Frequency order of these lexical units, which is demonstrated on the sample list, corresponds to their frequency in the Russian corpus. However, in fanfics their frequencies are significantly closer to each other. As for the usage of lexical unit *любовь* (*lyubov'*), the most frequently represented (89%) was semantic group ‘romantic and erotic love’. The frequency of the verb *разлюбить* (*razlyubit'*) turned out to be considerably less if compared to the verbs *полюбить* (*polyubit'*), *влюбляться* (*vlyublyat'sya*), *влюбиться* (*vlyubit'sya*). Rather low-frequent are the lexical units with morpheme *-lyub-* (*-lyub-*), the meaning of which due to semantic evolution have become significantly far from the concept of love (*любовник* (*lyubovnik*), *любовница* (*lyubovnitza*), *дружелюбие* (*druzhelyubiye*), *полюбоваться* (*polyubovat'sya*)).

Keywords: love, fanfiction, fanfics, fandom, linguocultural concept, meaningful component, frequency analysis, Harry Potter, Lord of the Rings, Twilight

ВВЕДЕНИЕ

К настоящему времени литература фанфикшн уже не раз становилась предметом исследования. Фанфикшн – от англ. *fan fiction* — это фан-литература: литература, созданная фанатами по мотивам оригинального произведения, с теми же героями и, возможно, местом действия; соответственно, произведения этой литературы получили обозначение «фанфики» или просто «фики». Являясь новым направлением массовой культуры, фанфики приобрели особую популярность с активным распространением интернета, поскольку публикуются в среде фанатского сообщества (фэндома) в глобальной сети. Авторы фанфикшн называют фикрайтерами. Как правило, особенность сочинений, созданных фикрайтерами, состоит в том, что в них меняется баланс между развитием сюжета и описанием, акцентируется внимание на эпизодах, определяющих взаимоотношения героев, развитие событий может стать менее живым, личности действующих лиц выходят на первый план. Герои могут оказаться в близких отношениях, либо их харак-

теры раскрываются в ситуациях, которых не могло быть в оригинальном произведении (т.н. каноне). Помимо этого, очень распространены так называемые фанфиксиквелы, фанфики-приквелы и то, что называют «заполнители пробелов», когда автор додумывает какие-либо подробности описанных в оригинальном произведении событий. Фанфики бывают не только прозаические, но и стихотворные, и имеют массу разнообразных жанров и видов, обычно характерных для литературных произведений в целом. Талантливое оригинальное произведение хорошо само по себе, а мастерски написанный фанфик может открыть перед читателями новые перспективы развития сюжета, однако без знания первоисточника ценности практически не представляет.

Большое количество работ о феномене фанатской литературы написано зарубежными авторами, среди которых выделяют, в первую очередь, американского философа и культуролога, профессора коммуникации, журналистики и киноискусства Генри Дженкинса [1], а также профессора английского языка и литературы Франческу

Коппа [2]. Исследование русскоязычного фанатского творчества только набирает обороты (ему посвящены, например, работы В.Б. Шавлюк [3] и Л.В. Пейгиной [4], см. также обзорную работу Н.Ю. Костюриной [5]). Однако, насколько нам известно, ни в одном исследовании подобного рода не анализировались базовые концепты фанфикшн. Учитывая интертекстуальный характер фанатских произведений, вольность авторской (фанатской) трактовки элементов повествования, представляется целесообразным рассмотреть концептуальную составляющую литературы фанфикшн.

МЕТОДОЛОГИЯ

В контексте взаимосвязей языка и культуры одной из центральных единиц изучения признается лингвокультурный концепт: под этим термином понимают многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. Особый интерес ученых вызывают языковые реализации представлений о базовых человеческих ценностях, таких как любовь, ненависть, красота, уродство, правда, неправда и т.д. Так, концепт «любовь» исследовался С.Г. Воркачевым [6], М.Ю. Покручиной [7], А.В. Яськовой [8], А.М. Бутаевой [9], А.А. Кирышкиной [10], Н.А. Лемяскиной [11] и другими. Большая часть этих работ написана на материале русского языка; в некоторых исследованиях авторы параллельно рассматривают и сравнивают с русским языком репрезентацию концепта в других языках – в британском и американском вариантах английского, немецком, французском, кабардино-черкесском, китайском. Несмотря на существенный разброс во мнениях о сущности лингвокультурного концепта, в понимании его отличительных признаков уже существует некоторое согласие. Лингвокультурный концепт определяется как многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностный, значимостный, образный и понятийный компоненты. Значимостная составляющая, включающая парадигматику, синтагматику и этимологию имени концепта, а также соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательную продуктивность, определяется местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка [12]. Лингвокультурный концепт (лингвоконцепт) выступает в качестве целостного ментально-вербального образования, в аспектах которого отражаются предметные области наполняющих этот концепт основных дисциплин: в его значимостной стороне проявляется его вербальность, определяемая знаковой системой конкретного естественного языка.

В настоящей работе исследуется реализация значимостного компонента лингвокультурного концепта «любовь» в русскоязычных фанфиках. Выбор данного концепта в качестве базового в фан-текстах обусловлен гипотезой о том, что именно любовной тематике посвящено значительное число фанатских сочинений. Нами был проведен частотный и лексико-семантический анализ лексических единиц с морфемой «-люб-», полученных методом сплошной выборки, с учетом их частеречной реализации. Источником материала для исследования послужили тексты по фэндомам «Гарри Поттер», «Властелин колец» и «Сумерки», опубликованные на интернет-сайте «Книга фанфиков» (<http://ficbook.net>). Эти фэндомы являются одними из самых популярных среди фанрайтеров, причем как в русскоязычном, так и в англоязычном фанатском сообществе, что и послужило причиной их выбора.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно этимологическим источникам, русское слово *любовь* восходит к древнерусскому *любы*: форма именительного падежа *любовь* установилась под влиянием форм косвенных падежей (род. п. *любъве*, вин. п. *любъвь*). Реконструируемая праславянская форма этой лексемы **ljuby* со значением «внутреннее влечение, чувство привязанности» восходит к праиндоевропейской форме **leubhu*, связанной с корнем **leubh-* «быть

возбужденным» [13, 14]. В литературном русском языке различные значения современного слова *любовь* только постепенно соединились в общем понятии-гиперониме [15, с. 236-248].

В современной русской лексикографии у лексемы «любовь» обнаруживаются от двух до шести значений, которые в общем списке могут быть представлены следующим образом: 1) глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство; 2) чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности; 3) постоянная, сильная склонность, увлечённость чем-нибудь; 4) предмет любви; 5) пристрастие, вкус к чему-нибудь; 6) интимные отношения, интимная связь [16, 17].

В ходе исследования был проведен анализ 300 сочинений в жанре фанфикшн – по 100 из каждого фэндом. При отборе произведений был установлен ограничитель в 3 страницы, что сделало полученную выборку довольно однородной по объему. Это, с одной стороны, позволило нарастить количество проанализированных произведений и сделало невозможным попадание в выборку слишком длинных сочинений, которые бы могли вызвать сдвиг результатов в ту или иную сторону, искажающий общую картину, с другой – ограничивает доказательную силу выводов анализа при их экстраполяции на всю литературу фанфикшн (о некоторых проблемах отбора произведений фанфикшн для анализа см. [18]).

Общее количество лексических единиц из выборки, содержащих морфему «-люб-», составило 1005 примеров. В первую очередь были исследованы примеры с лексемой «любовь». Данная лексема встречается 241 раз, а ее семантика представлена несколькими десятками сем. Все случаи употребления лексемы были сгруппированы в три семантических кластера.

1. Любовь как сильное чувство, самоотверженная и искренняя привязанность (18 примеров): «любовь матери» (4 примера), «любовь к отцу» (3 примера), «любовь к своему сыну» (2 примера), «слепая сыновья любовь», «отцовская любовь», «духовная любовь», «любовь к нему не будет любовью жены и мужа, нет, скорее любовью человека к жизни, иррациональная, но сильная, необъяснимая, но верная, долгая и привычная», «с любовью почесал Горлума за ухом», «мягко, затяжно, с любовью», «в ее взгляде сияла вся любовь вселенной», «в радужках читалось всё: ненависть, вражда, боль, нежность, злость, безразличие, безумство, любовь».

2. Романтическая и эротическая любовь, страсть, интимные отношения (216 примеров): «любовь всей ее жизни» (7 примеров), «безграничная любовь» (4 примера), «любовь моя» (3 примера), «любовь с первого взгляда» (3 примера), «быть чьей-то любовью» (3 примера), «единственная любовь» (3 примера), «любовь до гроба» (2 примера), «настоящая любовь» (2 примера), «истинная любовь» (2 примера), «безответная любовь» (2 примера), «предавший свою любовь» (2 примера), «первая любовь», «первая и единственная любовь», «вечная любовь», «бессмертная любовь», «неразделенная любовь», «любовь напрасная, не взаимная», «робкая и упрямая любовь», «невозможная любовь», «несчастливая любовь», «запечатать поцелуем всю свою любовь и боль», «сжигающий сердце огонь страсти и любви» и т.д.

3. Пристрастие, вкус к чему-либо, увлеченность чем-то в большей степени, чем другим (7 примеров): «почти большая любовь к флоре», «любовь к квиддичу», «любовь к лингвистике», «любовь к чтению», «любовь к жизни», «с любовью делать что-то», «с любовью рассматривая зелёные листья».

Таким образом, подавляющее большинство (около 90%) примеров употребления лексемы «любовь» относится к семантическому кластеру романтической и эротической любви; любовь как эмоциональная привязанность представлена менее чем в 8% случаев, а частота проявления любви-предпочтительности крайне мала

(менее 3%).

Далее нами были проанализированы иные лексемы с морфемой «-люб-», содержащиеся в выборке. Безусловное лидерство принадлежит глаголу «любить», представленному в 416 примерах. В анализируемых фанфиках предикат «любить» является главным образом средством выражения романтических чувств («как бы то ни было, я всё равно люблю её», «по-настоящему люблю», «буду ждать, дать там, где мы любили, где было столько счастья», «безумно любить», «Я так люблю тебя, Грейнджер... прости меня за всё», «полюбить всем сердцем», «любил по-настоящему»); однако встречаются и примеры его употребления для обозначения эмоциональной привязанности («любить как сестру»), а также в значении склонности, предпочтения («он не любил детей», «любила сахарные перья», «любила свет и добро», «...вы любите бабочек?», «любил наблюдать за легким порханием бабочек», «кресло, занимать которое так любит Белла», «любить свободу», «не любить сладкое», «любить бокс»).

Прочие частеречные реализации включают прилагательные в роли определений и субстантивов. Так, в приведенных ниже примерах лексемы с морфемой «-люб-» определяют существительное: «оторвавшись от любимых губ», «меня ведь убил мой любимый брюнет», «любимые зелёные глаза», «без любимых глаз цвета Авады», «любимый Дамблдор», «горячо любимая мама», «любимый братик», «любимая жена», «любимый муж», «любимая школа», «любимое место», «любимый ученик», «любимая ваза», «любимые записи», «любимый человек», «горячо любимый капучино», «любимый Гарри», «любимое дело», «любимый ромашковый чай», «любимая песня», «любимая девушка», «любимый молочный шоколад», «любимый сын», «любимый факультет», «любимая книжка», «любимый и родной голос», «любимый сквер», «любимый персонаж», «горячо любимый мальчик», «ради себя любимого», «влюбленный мужчина», «портрет любимого сына», «любящие родители», «тепло любимых рук», «влюбленный взгляд», «влюбленные глаза», «влюбленная парочка», «два влюбленных сердца», «возлюбленный наследник». В них представлены все три семантических кластера.

Частичная субстантивация определяет следующие однокоренные лексемы как имена существительные: «Ремус был рад поддержать любимую в любых странных затеях», «возлюбленная ждала», «хотела быть любимой», «тебе, любимая, не надо спешить», «подарить счастье любимым», «его возлюбленной нет до сих пор», «незадачливый влюбленный», «смотрела в глаза любимого», «убережь любимых», «заменить храброй хоббитянке возлюбленного», «предательство любимого», «стрела, поразившая любимую», «пара влюбленных закружилась в такт музыке», «вечно влюбленный». Можно отметить, что практически все из них отправляют к любви как к романтическому чувству.

Наконец, в отдельную группу можно отнести дериваты, образованные посредством аффиксальных морфем: «этого старикашку Барти недолюбливал», «влюбился, хоть и не признаёт этого», «я бездушная, которую никогда не полюбят», «влюбленность», «протеже или любовница», «любоваться», «смертельно влюблен», «дружелюбная ситуация», «главный любимчик», «самовлюбленный дурак», «любовники», «слишком заниматься любовными делами», «самовлюбленный», «любитель острых ощущений», «самовлюбленная выскочка», «полюбившаяся встреча», «всеобщий любимец», «играть на чужом самолёте», «меня невзлюбила», «любимейшее творение рук его», «книголюб», «жесток и властолюбива», «излюбленное лакомство», «разлюбить своего господина», «излюбленная одежда», «герой-любовник». В них вновь представлены все три семантических кластера.

Общие результаты частотного анализа отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты частотного анализа лексем с морфемой «-люб-»

	«Властелин колец»	«Гарри Поттер»	«Сумерки»	Всего	Всего, %
любить	158	120	138	416	41
любовь	83	57	101	241	24
любимый/ая (прил. + сущ.)	38 (28+10)	53 (42+11)	71(42+29)	162	16
влюбиться	6	14	10	30	3
полюбить (с прич.)	9	11	10	30	3
влюблен/а	8	15	5	28	2,8
влюбленный/ая/ые	2	11	6	19	1,9
возлюбленный/ая	-	3	12	15	1,5
любящий	6	1	8	15	1,5
Всего	320	310	375	1005	100

Меньше одного процента получили лексемы *влюбляться* (вместе с причастиями, 8 примеров), *любитель* (7 примеров), *влюбленность* (6 примеров), *любовник* (5 примеров), *полюбоваться*, *самовлюбленный* (по 4 примера), *любовница*, *самолюбие*, *любовный* (по 3 примера), *дружелюбный*, *разлюбить*, *излюбленный*, *любом(а)*, *любимейший* (по 2 примера), *недолюбливать*, *полюбившийся*, *неполюбившийся*, *дружелюбно*, *любимец*, *нелюбимый*, *влюбить*, *любимчик*, *невзлюбить*, *книголюб* (по 1 примеру). Данные примеры не отражены в левой колонке таблицы, но учтены в итоговых цифрах.

Таким образом, из таблицы очевидно, что частота лексем с морфемой «-люб-» в произведениях различных фэндомов примерно одинакова, с незначительным перевесом у «Сумерек» (37,3 %). Наиболее частотными лексемами при этом являются глагол *любить*, существительное *любовь* и прилагательное «любимый» (вместе с субстантивированными вариантами) – в общем они составляют 81% примеров. Согласно данным Нового частотного словаря, частотность этих лексем в ipm (число употреблений на миллион слов корпуса) такова: *любить* – 503,1 ipm, *любовь* – 323,9 ipm, *любимый* – 120,4 ipm [19]. Таким образом, частотный порядок данных лексем и в общем русском корпусе, и в выборке из фанфикшн одинаков. Однако, если попытаться оценить соотношение частот этих лексем между собой, то окажется, что в фанфикшн они находятся намного ближе друг к другу: в частотном словаре их частоты соотносятся между собой как 4,18:2,69:1, а в фанфиках как 2,56:1,48:1.

Отметим, что частота глагола *разлюбить*, обозначающего исчезновение чувства любви (<1%), в разы меньше по сравнению с суммарной частотой глаголов *полюбить*, *влюбляться* и *влюбиться*, отправляющими к его возникновению (в сумме около 7%). Это может указывать на лексическую асимметрию, репрезентирующую в текстах динамику любви. Также обращает на себя внимание тот факт, что лексемы с морфемой «-люб-», этимологически связанные с лексемой *любовь*, но значения которых семантическая эволюция привела к значительному отдалению от понятия любви (*любовник*, *любовница*, *дружелюбие*, *полюбоваться*), довольно низкочастотны (в сумме не более 4%).

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ выборки 300 ограниченных по объему сочинений в жанре фанфикшн из фэндомов «Гарри Поттер», «Властелин колец» и «Сумерки» позволил установить следующее. Частота встречаемости лексем с морфемой «-люб-» по фэндомам приблизительно одинакова: можно отметить незначительный перевес у «Сумерек». 81% употреблений лексем с морфемой «-люб-» приходится на лексемы *любить*, *любовь* и *любимый*, при этом *любить* является безусловным лидером (41%). Частотный порядок этих лексем, представленный в выборке, совпадает с общим порядком частот для рус-

ского языка. Однако в фанфиках их частоты оказываются намного ближе друг к другу. В случаях употребления лексемы *любовь* в подавляющем большинстве (89%) оказалась представлена семантическая группа «романтическая и эротическая любовь». Частота глагола *разлюбить* оказалась в разы меньше по сравнению с глаголами *полюбить*, *влюбляться* и *влюбиться*. Довольно низкочастотны лексемы с морфемой «-люб-», значения которых семантическая эволюция привела к значительному отдалению от понятия любви (*любовник*, *любовница*, *дружелюбие*, *полюбоваться*). Дальнейшие перспективы изучения значимостного компонента концепта «любовь» в фанфикшн включают исследование представления синонимов лексемы *любовь* в текстах, а также анализ лексических репрезентантов субъекта и объекта любви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Jenkins, Henry. *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. 2nd ed. New York: Routledge, 2012.
2. Coppa, Francesca. *The Fanfiction Reader: Folk Tales for the Digital Age*. University of Michigan Press, 2017.
3. Шавлюк В. Б. «Фанфикшн»: от жаргонизма к термину // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2017. Филология. № 1. С. 245-249.
4. Пейгина Л. В. Идентичность субъекта фандомной культуры как автопроект в условиях общества постмодерна: диалектика вызова и безопасности // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2018. № 30. С. 102-110.
5. Костюрина Н. Ю. Фанфикшн как предмет научного исследования в российском гуманитарном знании // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. Т. 2. № 1 (25). 2016. С. 63-67.
6. Воркачев С. Г. *Любовь как лингвокультурный концепт*. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
7. Покручина М. Ю. Лингвокультурологические особенности концепта «Любовь» // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 2. С. 101-105.
8. Яськова А.В. Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2017. Т. 9. № 1. С. 237-245.
9. Бутаева А. М. Отражение семантики концепта «любовь» в английских и лезгинских паремиях // *Вестник развития науки и образования*. 2019. № 2. С. 255-258.
10. Кирюшкина А. А. О некоторых национально-специфических характеристиках концепта «любовь» в русском и французском языках // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2016. № 4 (97). С. 96-100.
11. Лемяскина Н.А. Концепт «любовь» в языковом сознании младшего школьника // *Социальные и гуманитарные знания*. Т. 6. № 2 (22). 2020. С. 176-185.
12. Воркачев, С. Г. *Ex Pluribus Unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование* // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 2. С. 17-30.
13. *Любовь* // Цыганенко Г.П. *Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. 2-е изд., перераб и доп.* К.: Рад. шк., 1989. С. 220-221.
14. *Любовь* // Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип.* М.: Рус. Яз., 1999. Т. 1. С. 497-498.
15. Колесов В.В. *Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло.* СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. 304 с.
16. *Любовь* // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное.* М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 336.
17. *Любовь* // Ушаков Д. Н. *Толковый словарь современного русского языка.* М.: «Аделант», 2014. С. 281.
18. Федорчук М.А. *Фандом науки: опыт использования электронных баз для изучения фанфикшн* // *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: Сборник материалов V международной молодежной научно-практической конференции / Под ред. С.В. Рудаковой.* Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. Магнитогорск, 2019. С. 34-39.
19. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. *Новый частотный словарь. Электронная версия Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка).* М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (Дата обращения: 18.05.2021)

Статья поступила в редакцию 24.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81-139

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0056

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 6142-2157

AuthorID: 816296

ORCID: 0000-0002-7467-437X

ДЗЕЙТОВА Хаифа Берснаковна, доцент кафедры «Французский язык»

Чеченский государственный университет

(364024, Россия, Грозный, улица А.Шерипова.32, e-mail: rosa-777@mail.ru)

SPIN: 6943-5307

AuthorID: 447857

ORCID: 0000-0003-0997-1340

ТАМБИЕВА Фатима Аубекировна, кандидат филологических наук,

доцент кафедры «Французский язык»

Чеченский государственный университет

(364024, Россия, Грозный, улица А.Шерипова.32, e-mail: fatimt@mail.ru)

SPIN: 5825-9734

AuthorID: 816300

ORCID: 0000-0001-9929-4034

ЮСУПОВА Светлана Сайд-Алиевна, кандидат филологических наук,

доцент кафедры «Французский язык»

Чеченский государственный университет

(364024, Россия, Грозный, улица А.Шерипова.32, e-mail: лана.yusupova.71@mail.ru)

Аннотация. В данной работе рассматривается взаимосвязь вербального и невербального составляющих коммуникативного акта. Цель данного исследования – рассмотреть роль невербального общения в обучении иностранному языку. Для осмысления значения языка жестов и роли, отводимой различными учёными данному компоненту в межличностной и межкультурной коммуникации, в статье применяются следующие *методы исследования*: аналитический и описательный. С помощью описательного метода рассматриваются такие компоненты невербальной коммуникации, как жесты, мимика, элементы внешнего вида. Аналитический метод позволяет проследить взаимосвязь между жестом и речью, обосновывает роль невербального действия как регулятора речевого общения, необходимость обучения знанию и владению невербальным общением в современных методике преподавания иностранных языков. *Результат* исследования – авторами обосновывается необходимость обучения невербальному общению в рамках конкретной иноязычной культуры для формирования полноценной коммуникативной компетенции студентов-лингвистов. *Научная новизна* исследования заключается в анализе языка жестов и в переосмыслении его статуса как ключевого компонента межличностной и межкультурной коммуникации. Несмотря на очевидную важность невербальной коммуникации, данному аспекту уделяется недостаточно внимания в процессе обучения иностранным языкам. *Практическая значимость* исследования заключается в возможности применения предлагаемого авторами подхода к невербальному общению в образовательной деятельности на различных этапах обучения для формирования лингвокультурной компетенции и усовершенствования процесса обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: жест, невербальное общение, коммуникативная ситуация, синергетика, иноязычная культура, лингвокультурная компетенция, коммуникативное поведение.

THE ROLE OF NONVERBAL COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

© The Author(s) 2021

DZEITOVA Khaifa Bersnacovna, associate professor of the French language department

Chechen State University

(364024, Russia, Grozny, A. Sheripov Street.32, e-mail: rosa-777@mail.ru)

TAMBIEVA Fatima Aubekirova, candidate of philological sciences, associate professor of the

French language department

Chechen State University

(364024, Russia, Grozny, A. Sheripov Street.32, e-mail: fatimt@mail.ru)

YUSUPOVA Svetlana Said-Alievna, candidate of philological sciences,

associate professor of the French language department

Chechen State University

(364024, Russia, Grozny, A. Sheripov Street.32, e-mail: лана.yusupova.71@mail.ru)

Abstract. This paper examines the relationship between the verbal and nonverbal components of a communicative act. The purpose of this study is to consider the role of nonverbal communication in teaching a foreign language. To understand the meaning of sign language and the role assigned by various scientists to this component in interpersonal and intercultural communication, the article uses the following research methods: analytical and descriptive. Using the descriptive method, such components of nonverbal communication as gestures, facial expressions, and elements of appearance are considered. The analytical method allows us to trace the relationship between gesture and speech, substantiates the role of nonverbal action as a regulator of speech communication, the need to teach knowledge and mastery of nonverbal communication in modern methods of teaching foreign languages. The authors substantiate the necessity of teaching nonverbal communication within the framework of a specific foreign language culture in order to form a full-fledged communicative competence of linguist students. The scientific novelty of the study lies in the analysis of sign language and in rethinking its status as a key component of interpersonal and intercultural communication. Despite the obvious importance of non-verbal communication, this aspect is not given enough attention in the process of teaching foreign languages. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the approach proposed by the authors to nonverbal communication in educational activities at various stages of training to form linguistic and cultural competence and improve the process of teaching foreign languages.

Keywords: gesture, nonverbal communication, communicative situation, synergetics, foreign language culture, linguistic and cultural competence, communicative behavior.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью вопросов обучения невербальному общению в изучаемой лингвокультуре, в частности, французской, при обучении иностранным языкам.

В социальном взаимодействии важно не только то, что вы говорите, но и то, как вы это говорите. Поэтому для того, чтобы контролировать межличностное общение, необходимо понимать невербальную коммуникацию.

Элементы невербального языка, получаемые через волосы, одежду, макияж, жесты и позы, мимику, тон голоса, тишину, запах и осязание, позволяют людям общаться между собой, говорить на разных языках. Более универсальными невербальными выражениями являются смех и выражение боли. Но данные знаки не всегда универсальны и могут интерпретироваться исходя из контекста. Значение жеста зависит от культуры, религии, отправителя, получателя, ситуации.

Для Кальбриса «жест - это социальная практика, поскольку вне общества нет человека». В этих условиях жест является актом культуры и, по определению, наследием, передачей и эволюцией [1, с. 67]. Богданска подразделяет жесты на три типа: квазилингвистический, деиктический и знаковый, поэтому мы рассмотрим взаимосвязь между этими двумя понятиями: вербальный и невербальный. Деиктические жесты «устанавливают или вызывают корреляции (соответствия) между языковыми и ситуационными компонентами (деиктические знаки)», в то время как знаковые жесты «относятся к содержанию устного высказывания в виде образных представлений в жестикуляционном пространстве» [2, с. 106]. Что касается квазилингвистических жестов, то их использование «имеет более сильное культурное кодирование, чем использование других функциональных типов». Взаимосвязь между выражением мнения и содержанием в меньшей степени зависит от устного дискурса. Поэтому «квазилингвистические жесты с большей вероятностью можно отнести к определенной социально-культурной группе» Богданска [Там же. с. 113].

МЕТОДОЛОГИЯ

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить ряд задач: 1) проанализировать невербальные действия как регуляторы взаимоотношения между коммуникантами; 2) рассмотреть методику использования невербального общения в процессе обучения иностранному языку; 3) обосновать необходимость использования невербальной коммуникации в формировании лингвокультурной компетенции.

Для осмысления значения языка жестов и роли, отводимой различными учёными данному компоненту в межличностной и межкультурной коммуникации, в статье применяются следующие методы исследования: аналитический и описательный. С помощью описательного метода рассматриваются такие компоненты невербальной коммуникации, как жесты, мимика, элементы внешнего вида. Аналитический метод позволяет проследить взаимосвязь между жестом и речью, обосновывает роль невербального действия как регулятора речевого общения, необходимость обучения знанию и владению невербальным общением в современной методике преподавания иностранных языков.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Теоретической базой исследования послужили работы как отечественных, так и зарубежных исследователей, занимавшихся проблематикой обучения невербальному общению (Баженова, Ананьева, Кальбрис, Монредон, Броссар и др.), которые описывают и анализируют компоненты невербального поведения, овладение которыми способствует полноценному восприятию, пониманию информации от иностранного собеседника в реальной коммуникативной ситуации [3]. Бердвистелл, Мораски, Пиза также отдают должное роли невербаль-

ного общения для успешной реализации прагматических интенций. Мехрабиан выделяет частотное употребление невербальных элементов (55%) в процессе передачи информации [4, с. 185]. Башир Мохаммед Адам идёт дальше в своём утверждении невербального общения основным составляющим межличностного общения [5]. Зинченко, Зусман и Кирнозе определяют жесты как невербальные концепты, в частности, «национальные жесты», требующие пояснения для собеседника, который относится к иной культуре. Исследователи утверждают, что «невербальные концепты лежат в основе стереотипов поведения людей, позволяющих отличить членов «своего» этноса от «чужих»» [6, с. 174]. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предлагаемого авторами подхода к невербальному общению в образовательной деятельности на различных этапах обучения для формирования лингвокультурной компетенции и усовершенствования процесса обучения иностранным языкам.

Обладание лингвокультурной компетенцией является в настоящее время настоятельной необходимостью, залогом эффективного межкультурного диалога, «поскольку использование иностранных языков в качестве реального средства общения...возможно лишь при условии обширного фонового знания задействованных культур, их развития и взаимосвязей...» [7, с. 17]. Множество определений лингвокультурной компетенции различными учёными объединяет общее положение о необходимости знания наряду с изучаемым языком культуры народа, говорящего на этом языке.

ОБСУЖДЕНИЕ

В нашей работе мы склоняемся к определению лингвокультурной компетенции, данному Масловой Е.А.: «...это естественное владение языковой личностью процессами речепорождения и речевосприятия и, что особенно важно, владение установками культуры» [8, с. 31].

Помимо языка, существует большое количество способов коммуникации, которые также служат передаче информации. Эти формы общения ученые объединили в концепцию «невербальной коммуникации.» Жесты, мимика, поза, одежда, причёска, предметы вокруг нас – все эти компоненты представляют определенный тип сообщения, называемый невербальным общением. Они представляют собой оставшиеся 65% информации в процессе коммуникации [9].

Понимание невербальной коммуникации нелегко, но оно даёт большое преимущество собеседнику, который им владеет. Нужно уметь декодировать сообщение, отправленное собеседником без использования слов. Независимо от того, говорит он словами или ведёт себя более осмотрительно, его язык тела не даст партнёру по общению обмануться, потому что жесты передают важную часть информации [10, с. 231]. Как идентифицировать человека, который находится перед нами? Многие знаки аутентичны, когда дело доходит до выявления истинных чувств вашего собеседника. И он ничего не может сделать, чтобы спрятать их. Даже самые большие манипуляторы откроют свои истинные намерения внимательному наблюдателю. Эта наука, которую трудно освоить, имеет название: синергетика.

На самом деле, общение происходит не только с помощью языка, но и с помощью жестов, которые часто делаются бессознательно. Больше половины того, что вы хотите донести, будет исходить от ваших действий, выражения лица, а не от ваших слов. Этот тип общения основывается на языке тела в целом.

Связь между жестом и речью необходима, как отмечает Ролан Барт, речь и образ находятся во взаимодополняющих отношениях. Для Sorraz жест лежит в основе изучения невербальной коммуникации, которая включает в себя «жесты, позы, соматические, естественные или искусственные особенности» [11, с. 13].

Язык жестов - это сложная, но необходимая наука, которую должны преподавать во всех учебных организа-

циях, начиная со школы.

Ещё в 1971 году Кальбрис и Монредон с целью содействия изучению французского языка ввели новую методику его преподавания, с активным использованием на занятиях языка жестов [12, с. 76]. Согласно исследованиям культурных различий, Кальбрис отмечает, что знание жестиколяционного выражения предшествует изучению устной речи. Коммуникация делится на лингвистические и внелингвистические аспекты. При изучении французского языка как иностранного предпочтение отдается словесности перед жестиколяцией. В соответствии с возникшими трудностями в преподавании и обучении педагоги и лингвисты вводят новый подход, который облегчает понимание и передачу информации учащимся; преподавание жестов в качестве целевой задачи рассматривается как метод обучения, а не как средство обучения.

Желательно использовать данную методику применительно к нашей системе обучения иностранному языку. Обучение невербальному общению в рамках конкретной иноязычной культуры должно стать одним из важнейших компонентов формирования коммуникативной компетенции студентов-лингвистов.

Учащийся и учитель - это два полюса в процессе обучения. Жесты являются неотъемлемой частью профессионального поведения учителя, которого некоторые считают «жестиколятором» в благородном смысле этого слова, поскольку использование жестов, добровольных или нет, всегда является «функциональным» [13]. На уроке присутствует два типа жестов: жесты самого преподавателя и жесты для обучения. В случае неродного для учителя целевого языка, т.е. того, кто говорит на том же родном языке, что и учащиеся, преподаватель часто использует жесты родного языка в качестве подспорья для передачи изучаемого языка: выражение лица, мимика, жесты рук, поза тела, жесты, принятые в данной культуре (при условии, что они узнаваемы / постижимы учащимися).

Согласно некоторым репрезентативным жестам, учащийся сможет выучить и понять устный язык и его правила. Сочетание жеста и речи является отправной точкой жестиколяционного подхода и призвано проиллюстрировать ключевые моменты изучения языка. Согласно Р. Гилбергу, жест относится к движениям рук и взгляда, сопровождаемым речью [14].

Учитель в классе представляет свой урок, используя несколько жестов для того, чтобы передать сообщение своим ученикам. Поэтому в речи учителя используется как вербальная, так и невербальная форма общения.

К примеру, на первых занятиях жесты, сопровождающие императивы на французском языке *levez-vous!* (*встаньте!*) и *asseyez-vous!* (*садитесь!*), помогают обучающимся понять без перевода, какие действия от них требуются. Когда учитель, преподаватель говорит *je t'appelle*, добавляя своё имя и отчество, и жестом руки показывает на себя, обучающиеся без труда понимают значение выражения *je t'appelle...* (*меня зовут...*).

При обучении иностранному языку преподаватель старается использовать коммуникативные движения той страны, язык которого он преподаёт. На уроке французского языка, особенно на начинающем уровне, преподаватель при подсчете показывает пальцы руки. Он начинает разгибать согнутые пальцы, начиная с большого пальца. А в русской культуре начинают сгибать пальцы с мизинца при счете.

Во французской культуре, когда обучающийся говорит неточную информацию, преподаватель указательным пальцем берет за уголок глаза и подтягивает вниз, тем самым показывая то, что он не верит сказанному или сказанное является неправдой.

Во французской и русской культурах есть одинаковые невербальные сообщения. Когда преподаватель хочет показать отличную оценку о проделанной работе, он поднимает вверх большой палец согнутой в кулак руки.

А также когда все плохо то, переворачивает кулак вниз, с вытянутым вниз большим пальцем.

В России преподаватель, для прекращения разговора в группе, преподносит к губам вертикально стоящий указательный палец, тем самым показывая, что необходимо замолчать.

Во Франции, согнув вытянутые указательный и большой пальцы вместе, а остальные пальцы руки в кулак, нужно провести перед губами слева направо, тем самым показывая, что не надо болтать.

Используя данные коммуникативные движения на уроках иностранного языка, преподаватель обучает не только иностранному языку, но и культуре страны изучаемого языка, устраняя в будущем затруднения в понимании той или иной лингвокультуры. Невербальную коммуникацию нужно учитывать при обучении иностранному языку, чтобы избежать переноса своих жестов в чужую культуру, тем самым вызывая конфликт культур.

Понятие жеста является связующим звеном между выражением лица и определенными установками, такими как удивление или изумление, сомнения или недоверие, доказательства или настойчивость. Эти выражения лица играют важную роль в передаче информации учащимся, они используются для четкого и быстрого перевода устных высказываний. Выражение лица могут усиливать сообщения,

Говоря о выражении лица, необходимо, в первую очередь, отметить улыбку «вежливости», типичную для французов. Для француза улыбка является нормой вежливости, элементом речевой культуры, она обычна и привычна в процессе общения как вербальной, так и невербальной [15, с. 129]. И к этой норме – улыбке, надо приучать обучающегося французскому языку.

Подмигивание указывает на то, что к тому, что говорится, не следует относиться серьезно. Уверенный взгляд означает враждебные намерения. Панорамный взгляд предназначен для вовлечения всех собеседников. Они могут быть преднамеренными, например, улыбаться человеку, но часто они неконтролируемы и непреднамеренны. Они являются неотъемлемой частью нашего общего поведения. Взгляд, безусловно, является той частью тела, которая выражает большую часть нас самих. «Глаза - зеркало души». «Крайне важно принимать во внимание выражения лица и движения тела, чтобы избежать недоразумений». Внешний вид соответствует общему внешнему виду человека. Это первое невербальное сообщение, которое мы получаем в первую очередь посредством одежды, причёски, макияжа, аксессуаров. Это главный элемент первых впечатлений от человека. Выбор одежды и аксессуаров, как правило, делается в соответствии с возрастом, телосложением, физическим состоянием и профессиональной ситуацией, личными вкусами, социальным происхождением и т.д. [16, с. 244].

То, как человек одевается сознательно или бессознательно, отражает желание принадлежать к группе или отличаться от нее. Одежда сегодня неотделима от стиля: традиционного, готического, художников, банкира, военного и т.д. [17, с. 144]. Одежда, как элемент невербального сообщения, выражает:

- Эмоции и чувства: яркие цвета выражают жизнь, темные - смерть.
- Сексуальные сообщения: Мини-юбки, джинсы, декольте и т.д.
- Социальный статус: Костюм, блузка, комбинезон и т.д.

Предметы, которые мы носим (украшения, духи, обувь, шляпа и т.д.), рассказывают о нас, наших ценностях, наших приоритетах, нашей истории, нашей культуре и т.д. [18, с. 142]. Они относятся к значениям, которые мы им приписываем. Например, белая или черная одежда выражает траур, в зависимости от религиозной практики в разных странах.

Одежда, аксессуары или другие предметы, говорят о представителе той или иной культуры, выполняя невер-

бальное сообщение.

Ритуалы невербального общения также имеют большое значение. Наиболее распространенными являются ритуалы приветствия, прощания, благодарности и вступления, которые отличаются в разных культурах. Есть, например, разные способы приветствия: пожать руку, поцеловаться, поклониться и т.д. Эти ритуалы приветствия варьируются от страны к стране, а также в зависимости от окружающей среды (семья, компания). Для эффективного общения необходимо знать эти ритуалы, чтобы понимать поведение наших собеседников, а также учитывать их, чтобы не обидеть [19, с. 139]. Например, перед просмотром аутентичных видеоматериалов или фильмов учитель/преподаватель французского языка знакомит обучающихся с нормами французского этикета, объясняя, что у французов принято здороваться за руку и с мужчиной, и с женщиной; поцелуй при встрече или прощании между близкими людьми – это норма общения, и тому подобное. В культуре же обучающихся французскому языку подобные тактильные контакты могут быть неуместны или вовсе недопустимы. Объяснив вышеописанный невербальный компонент общения, учитель/преподаватель предупредит возможное негативное восприятие коммуникативной ситуации.

Пространство, в котором происходит коммуникация, также влияет на нас. Жесты делаются в пространстве. Это пространство кодифицировано. Мы знаем выражение «держат дистанцию», и каждый из нас отмечает свою дистанцию, разговаривая друг с другом.

В межличностном общении невербальная коммуникация является его неотъемлемой частью и взаимосвязана с вербальной коммуникацией. Элементы вербальной и невербальной коммуникации могут дополнять, опровергать и заменять друг друга.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Обучение невербальному общению в рамках конкретной иноязычной культуры должно стать одним из важнейших компонентов формирования лингвокультурной, в частности, коммуникативной компетенции студентов-лингвистов.

Знание и владение невербальным коммуникативным поведением представителей иноязычной культуры должно идти наравне со знанием и владением соответствующего иностранного языка. Именно сочетание владения вербальным и невербальным аспектами коммуникативного поведения, принятыми в иноязычной культуре, может обеспечить полноценный межличностный и межкультурный диалог.

Обучение невербальному общению на занятиях по иностранному языку предполагает, что преподаватель будет не только знакомить обучающихся с невербальным языком данной иноязычной культуры, но и сам будет следить за своей жестикуляцией, мимикой, манерой держать себя и т.д. Преподавателю следует добиваться правильного воспроизведения обучающимися невербального коммуникативного поведения, принятого в культуре страны изучаемого языка. Студент должен осознать, что владение невербальным языком является одним из базовых компонентов и необходимым условием полноценного владения соответствующим иностранным языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Calbris et Montredon. *La langue des signes comme système des signes linguistiques*. Genève, 1989.
2. Bogdanka Pavelin Lesic. *L'affectivité et la subjectivité dans le langage*. СІРА, 2013 - p.472.
3. Григорьева Е. В. *Обучение невербальным компонентам иноязычного общения (Лингвистический вуз, французский язык)* [Электронный ресурс]: Дис. канд. пед. наук : 13.00.02 : Пятигорск, 2004 188 с. РГБ ОД, 61:05-13/872 <http://www.dslib.net/teoria-vospitanija/obuchenie-neverbalnym-komponentam-inojazychnogo-obwenija.html> (дата обращения: 27.09.2020).
4. Mehrabian Al., *Nonverbal Communication*. Aldine Transaction, 2007. pp. 235.)
5. Bachir Mohammed Adam. *Le non-verbal et l'enseignement/apprentissage d'une langue étrangère*. [Электронный ресурс]: <http://staffpages.uofk.edu/bachir-adam/wp-content/uploads/sites/15/2014/06/>

Le_non_verbal_1.pdf (дата обращения: 09.11.2020).

6. Зинченко В. Г. *Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Курнозе. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 224 с.*
7. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация: (учеб. пособие) – М.: Слово / Slovo, 2008. – 264 с.*
8. Маслова, В. А. *Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений*. М., 2001.
9. Григорьева Е. В. *Обучение невербальным компонентам иноязычного общения (Лингвистический вуз, французский язык)* [Электронный ресурс]: Дис. . канд. пед. наук : 13.00.02 : Пятигорск, 2004 188 с. РГБ ОД, 61:05-13/872 <http://www.dslib.net/teoria-vospitanija/obuchenie-neverbalnym-komponentam-inojazychnogo-obwenija.html> (дата обращения: 27.09.2020).
10. Красильникова Е. В. *Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест.* — М., 1983. С. 485.
11. Barthes R. *Rétorique de l'image in Communication*. №4, Seuil, Paris, p.45.
12. Calbris et Montredon. *La langue des signes comme système des signes linguistiques*. Genève, 1989.
13. Талыбина Е. В., Полякова Е. В., Минакова Н. А. *Невербальная составляющая межкультурной коммуникации при обучении инофонов* [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-sostavlyayuschaya-mezhkulturnoy-kommunikatsii-pri-obuchenii-inofonov> (дата обращения: 29.09.2020).
14. Райл, Гилберт. *Понятие сознания*. [Электронный ресурс]: *Общая научная редакция В. П. Филатова.* — М., Идея-Пресс, 2000. *Центр гуманитарных технологий.* — 21.04.2008. URL: <https://gmarket.ru/laboratory/basis/3298/3308>
15. Винокур Т. Г. *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения.* — М.: «Наука», 1993. — 159 с.
16. Лабунская В. А. *Невербальное поведение (социально-перцептивный подход).* - Ростов-на-Дону: «Феникс», 1988. — 246 с.
17. Лабунская В. А. *Интерпретация невербального поведения в межличностном общении: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук.* — М., 1989.
18. Лабунская В. А. *Экспрессия человека: общение и межличностное познание.* - Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. — 214 с.
19. Тамбиева Ф. А. *Конфликт культур в межкультурной коммуникации (на материале романа «Страх и Трепет» Амели Нотомб)* В сборнике: *UNIVERSUM ROMANUM. Материалы IV Международной научно-практической конференции.* Составитель Е.И. Сернова. 2016. С. 137-140.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81-13+81'23
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0057

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СВОБОДЫ В СТИХОТВОРЕНИИ ДЖ. Г. БАЙРОНА «СОНЕТ К ШИЛЬОНУ»

© Автор(ы) 2021
SPIN: 1571-4961
ORCID: 0000-0002-9835-117X

ДИЛЬ Анна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
«Кафедры лингвистики и переводоведения»

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

(190103, Россия, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр, д.44, Лит.А, e-mail: annadiehl2018@yahoo.com)

AuthorID: 654903

SPIN: 3207-88600000-0000

ResearcherID: C-2551-2016

ORCID: 0000-0003-3738-9198

КУРАЛЕВА Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
«Кафедры английской филологии и перевода»

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9, e-mail: t.kuraleva@spbu.ru)

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению языковых репрезентаций концепта «свобода» в художественной концептосфере Дж.Г. Байрона на материале стихотворения «Sonnet on Chillon» («Сонет к Шильону»). Цель исследования состоит в выявлении лингвокогнитивной специфики языковленного фрагмента художественного концепта «свобода» в рассматриваемом сонете Дж.Г. Байрона. В работе проводится анализ когнитивного содержания художественного образа свободы на основе исследования репрезентирующих его фреймовых структур. Изучение языковых репрезентаций свободы в стихотворении «Sonnet on Chillon» («Сонет к Шильону») показало, что вторичные номинации свободы в количественном отношении превалируют над первичными. Вторичные номинации свободы представлены иносказательными наименованиями преимущественно метафорического характера. Подобные наименования, вербально репрезентирующие концепт свободы, складываются во фреймовую структуру, состоящую из 4 слотов. В результате изучения семантического наполнения фреймовых структур, представляющих концепт свободы, было установлено, что концепт свободы, являясь эмоционально заряженным, связан в когнитивном плане с концептом «эмоциональный мир человека».

Ключевые слова: концепт, фрейм, свобода, первичные номинации свободы, вторичные номинации свобода, слот, метафорические наименования, языковой фрагмент, Сонет к Шильону, Байрон.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF FREEDOM IN THE POEM “SONNET ON CHILLON” BY GEORGE GORDON BYRON

© The Author(s) 2021

DIHL Anna Viktorovna, candidate of philological sciences, associate professor of the
«Department of linguistics and translation studies»

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

(190103, Russia, Saint Petersburg, Lermontovsky pr.44, Lit.A, e-mail: annadiehl2018@yahoo.com)

KURALEVA Tatiana Vladimirovna, candidate of philological sciences, senior lecturer of the
«Department of English philology and translation studies»

St. Petersburg State University

(199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya embankment 7-9, e-mail: t.kuraleva@spbu.ru)

Abstract. The paper discusses linguistic representations of the concept of “freedom” in the artistic concept sphere of G.G. Byron in the poem “Sonnet on Chillon”. The purpose of the study is to identify the linguo-cognitive specifics of the linguistic fragment of the artistic concept “freedom” in the sonnet. The article analyzes the cognitive content of the artistic image of freedom based on the study of frame structures representing it. The study of linguistic representations of freedom in the poem “Sonnet on Chillon” showed that secondary nominations of freedom in quantitative terms prevail over primary ones. Secondary nominations of freedom are represented by allegorical names of a predominantly metaphorical nature. Such names, verbally representing the concept of freedom, create a frame structure consisting of four slots. The study of the semantic content of frame structures representing the concept of freedom has shown that the concept of freedom, being emotionally charged, is cognitively connected with the concept of “human emotional world”.

Keywords: concept, frame, freedom, primary nominations of freedom, secondary nominations of freedom, slot, metaphorical nominations, linguistic fragment, Sonnet on Chillon, Byron.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена изучению способов актуализации концепта СВОБОДА в поэтическом дискурсе. Прежде чем перейти к описанию лингвистических средств репрезентации данного концепта, коротко остановимся на самом термине «концепт». Среди ученых нет единого мнения о том, что понимать под концептом, и границы термина размыты. Как справедливо отмечает В. И. Карасик, у каждого лингвиста есть свое понимание, свой «концепт концепта», и границы данного научного понятия зависят от цели исследования [1, с.16]. Тем не менее, можно выделить некий инвариант термина, общий смысловой компонент. Концепт – это сложное ментальное образование, отражающее картину мира и имеющее лингвистическую репрезентацию. В рамках традиционного подхода к интерпретации сущности кон-

цепта под ним понимают фундаментальную единицу когнитивной деятельности людей [2, с. 24], мыслительную репрезентацию объектов действительности, которая обуславливает связи между предметами и явлениями, а также особенности их категоризации [3, с. 9]. При этом концепт также обладает культурной коннотацией и может выражать культурно обусловленные смыслы [4, 20]. Как отмечает И.В. Кононова, в основе всех подходов к изучению сущности концепта лежит представление о возможности его вербализации при помощи разнообразных с точки зрения своей сложности семантических структур в лексической системе языка [5, с. 49].

В настоящее время различные исследователи-лингвисты все чаще обращаются к изучению актуализации концептов в дискурсе. Если раньше концепт, в первую очередь, изучался как ментальное образование, содержа-

тельная единица памяти и единица когнитивной семантики, то в последнее время возрос интерес к лингвистическим способам репрезентации концепта в различных типах дискурса: в политическом [6, 7, 8], публицистическом [9], рекламном [10,11], религиозном [12], поэтическом [13, 14], песенном [15]. Кроме того, как отмечает Д.С. Лихачев, содержание концепта связано не только с семантикой языкового знака. Содержание концепта также зависит индивидуального жизненного опыта человека и его социального статуса [16]. Таким образом, смысловое содержание концепта варьируется, и один и тот же концепт может быть представлен различными когнитивными блоками. Исследование концепта в дискурсивной парадигме помогает глубже изучить его структуру и выявить особенности его функционирования в речи. По справедливому замечанию Н.С. Поздеевой, в целях комплексного описания концепта необходимо обращение к разнообразным источникам [17], так как в различных типах дискурса актуализируются те или иные признаки концепта. Кроме того, нельзя не принимать во внимание ценностный компонент концепта. Ценностная составляющая концепта проявляется в его ассоциативных связях, которые, в свою очередь, определяются дискурсивным употреблением [18].

Отдельного внимания заслуживает изучение художественных концептов, которые, с одной стороны, позволяют более полно описать содержание концепта в целом и, с другой стороны, фиксируют авторское понимание концепта и его интерпретацию в художественном произведении. Как отмечает Ж.Н. Маслова, исследование поэтического текста методами когнитивной лингвистики дает возможность представить поэтический текст как лингвистическую репрезентацию концептуального содержания [19, с. 83].

В настоящее время среди ученых нет единого подхода к понятию «художественный концепт». И.А. Тарасова выделяет два подхода к определению художественного концепта. Во-первых, художественный концепт может трактоваться с точки зрения своей принадлежности к национальной художественной традиции, то есть в данном случае под художественным концептом подразумевается разновидность концепта культуры. С другой стороны, художественный концепт как часть художественного мира конкретного автора представляет собой элемент индивидуального авторского мировидения и мировосприятия. Подобный подход отражён в лингвостилистических работах из области когнитивной поэтики. [20].

По мнению О.Е. Беспаловой, художественный концепт представляет собой ментальную авторскую структуру в рамках художественного произведения, отражающую индивидуальное понимание автором этого произведения сущности предметов или явлений [21]. Иными словами, во главу угла ставятся именно индивидуальные особенности концепта, актуализирующийся в художественном произведении. В противоположность этому Л.В. Миллер описывает художественный концепт как универсальный опыт, который, с одной стороны, зафиксирован в общекультурном контексте и, с другой стороны, может участвовать в формировании новых художественных смыслов [22].

В настоящей статье художественный концепт, вслед за Е.А. Огневой, рассматривается структурная единица концептосферы художественного текста, включающая общекультурные ментальные структуры, являющиеся значимыми в рамках сюжетной линии произведения [23, с. 54]. Художественный концепт может обладать новыми, авторскими смыслами. Тем не менее, в тексте концепт включает в себя также общеязыковые смыслы [24, с. 99].

Прежде чем перейти непосредственно к описанию художественного концепта СВОБОДА, коротко остановимся на описании фреймовой модели как инструменте анализа структурно-содержательной сущности концепта, которая представляется наиболее актуальной при

описании художественных концептов. Термин «фрейм» был введен в научный дискурс М. Минским [25]. Однако до сих пор в лингвистике нет общепринятого определения фрейма, а его определение много раз уточнялось и дополнялось. Фреймовые структуры традиционно применяются в контексте описания некой стереотипной или типичной ситуации [26, с. 16]. Стереотипная ситуация в структурном отношении включает в себя наделённые конкретной семантикой элементы (слоты). В самом общем понимании фрейм можно представить как иерархическую многоуровневую структуру. Фрейм является репрезентирует более абстрактные когнитивные элементы, выражаемые посредством языка, – образы, представления и понятия. Фреймы содержат общекультурное знание и описывают то, что в данном обществе является типичным [27]. Как отмечает Борисов А.А., почти любой информативный фрагмент литературного произведения может быть представлен в виде фрейма [28]. Как будет показано далее, фреймовый подход также может быть использован для описания художественного концепта, сочетающего в себе как стереотипные, так и авторские представления.

МЕТОДОЛОГИЯ

В настоящем исследовании мы рассматриваем в лингвокогнитивном аспекте специфику языковых репрезентаций свободы в рамках художественной концептосферы Дж.Г. Байрона на материале стихотворения «Sonnet on Chillon» («Сонет к Шильону»). **Актуальность** исследования напрямую связана с его междисциплинарной направленностью, в соответствии с которой лингвистические репрезентации свободы в поэтическом дискурсе интерпретируются с точки зрения ряда взаимосвязанных научных дисциплин: психолингвистики, литературоведения и лингвокультурологии. В работе применяется антропоцентрический подход к анализу структуры и содержания художественного концепта «свобода» как эмоционально заряженного в рассматриваемом стихотворении Дж.Г. Байрона, что и составляет научную новизну исследования.

Предмет исследования — концепт свободы в художественном мире Дж.Г. Байрона. Цель исследования состоит в изучении лингвокогнитивной специфики языкового фрагмента художественного концепта «свобода» в сонете Дж.Г. Байрона «Sonnet on Chillon» («Сонет к Шильону»).

Для реализации данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) рассмотреть структурно-содержательные особенности концепта «свобода» в сонете Дж.Г. Байрона «Sonnet on Chillon» («Сонет к Шильону») на основе исследования его фреймовой организации;

2) выявить основные концептуальные доминанты стихотворения Дж.Г. Байрона «Sonnet on Chillon» и установить характер их взаимодействия с точки зрения реализации лингвопрагматической установки стихотворения;

3) категоризировать языковые репрезентации художественного концепта «свобода» посредством выявления фреймовых структур, отражающих специфику видения и интерпретации понятия свободы автором анализируемого поэтического произведения.

В настоящем исследовании были использованы следующие **методы**: метод фреймового анализа, описательный, структурно-семантический, а также интерпретационный методы исследования.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его непосредственной связью с лингвокультурологическим аспектом теории концептуализации психологических переживаний человека в художественном (в частности, поэтическом) дискурсе.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться на лекциях и семинарах по когнитивной лингвистике.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Художественный мир англоязычного поэта-романтика Дж.Г. Байрона в данном исследовании трактуется как эмоционально насыщенный, сконструированный в концептуальном плане эмоционально заряженными образами. Мы исходим из убеждения, что художественные концепты в рамках индивидуальной авторской картины мира Дж.Г. Байрона отражают специфику мировосприятия и мировосприятия автора как представителя своего языка и культуры, а также личностные ассоциации поэта с этими концептами и варианты их интерпретации.

Концепт «свобода» является центральным, смыслообразующим концептом в художественном пространстве сонета Дж.Г. Байрона «Sonnet on Chillon». Сонет был написан в 1816 году и представляет собой лирический пролог к поэме «Шильонский узник», в основу которой легла история заточения швейцарского патриота Франсуа Бонивара в Шильонский замок по причине его активной политической деятельности, направленной против герцога Савойского. С точки зрения своего идейно-композиционного содержания поэма связана с темой борьбы за свободу и противостояния тирании.

Исследование языковых репрезентаций свободы в стихотворении «Sonnet on Chillon» («Сонет к Шильону») показало, что вторичные номинации свободы в количественном отношении превалируют над первичными. Вторичные номинации свободы представлены иносказательными наименованиями преимущественно метафорического характера. Подобные наименования, вербально репрезентирующие концепт свободы, складываются во фреймовую структуру, состоящую из нескольких слотов. Далее мы рассмотрим семантическое наполнение соответствующих слотов:

Слот 1. что? - т. е. номинация свободы в художественном мире Дж.Г. Байрона: *Liberty, Freedom*.

В данном случае мы имеем дело с первичными номинациями концепта «свобода». Абстрактное понятие свободы в художественном мире Дж.Г. Байрона, будучи возведённым в категорию нравственного идеала, подвергается персонификации и фигурирует в сонете только с заглавной буквы. Лексема *Liberty* используется в контексте анализируемого стихотворного произведения как обращение: «*Brightest in dungeon, Liberty, thou art!*» [29, с. 210].

В рамках выделенного слота мы также рассматриваем метафорически характеризующее образ свободы словосочетание *the chainless mind*, в котором эпитет *chainless* семантически связан со свободой мысли и правом отстаивать свою точку зрения в любой ситуации. Свободе мысли не страшны оковы; дух её бессмертен: «*Eternal spirit of the chainless Mind!*» [29, с. 210]. Узник Бонивар, заключённый в темницу, пребывает в оковах лишь физически; с точки зрения своих идеологических взглядов и убеждений он по-прежнему свободен. Так, свобода идеологическая в сонете Дж.Г. Байрона ставится превыше свободы физической и прославляется как смысл существования человека: «*And freedom's fame finds wings on every wind*» [Там же].

Слот 2. какой? т. е. речь идёт об эмоционально-оценочной характеристике понятия свободы: *brightest in dungeons*, т. е. Свобода «сияет» даже в темнице. Поэт прославляет образ свободы, окрашивая его в экспрессивные тона благодаря использованию лексемы *fame*: «*And freedom's fame finds wings on every wind*» [Там же].

Слот 3. что делает? т. е. подразумевается спектр действий, связанных с персонифицированным образом свободы: «...*finds wings on every wind* – свобода в представлении лирического героя может летать на крыльях ветра.

Слот 4. где? т. е. имеется в виду местонахождение свободы: *thy habitation is the heart*.

Так, свобода обитает в сердце свобододобивого человека: «...*The heart which love of thee alone can bind*» [29, с. 210]. В данном случае мы можем установить факт наличия имплицитной связи между концептами «свобода»

и «эмоциональный мир человека»: свобода трактуется в стихотворении как эмоционально заряженное понятие, непосредственно связанное с проявлением чувства любви.

Таким образом, анализ фрейма «свобода» в стихотворении Дж.Г. Байрона указывает на наличие следующих стереотипных ситуаций:

Свобода персонифицирована. Она летает на крыльях ветра. Свобода сияет даже в темнице. Свобода живёт в сердце свобододобивого человека.

Анализ семантического наполнения выделенных в рамках фрейма «свобода» слотов свидетельствует о том, что концепт свободы наделён одушевлёнными признаками; образные характеристики свободы изобилуют эпитетами, натурморфными и зооморфными метафорами. Так, свобода летит подобно ветру, обладает крыльями и сияет во мраке темницы.

Свобода в понимании лирического героя – это свобода мысли, торжество справедливости вопреки тирании и беззаконию вокруг, дарующее бессмертие: «*Eternal spirit of the chainless Mind!*» [29, с. 210]. Для лирического героя понятие свободы священо по своей природе; не случайно в контексте стихотворения используются лексемы – атрибуты религиозной сферы: *God, altar u holy* [Там же].

С точки зрения своей структуры сонет Дж.Г. Байрона построен на приёме антитезы — концепт свободы противопоставляется концепту неволи. Дихотомия свобода - неволя находит отражение как в идейно-содержательной, так и в структурной специфике организации стихотворения: первые четыре строки стихотворения, тематически связанные с прославлением идеала свободы мысли, сменяются описанием сырости темницы в последующих трёх строках. Лексика, характеризующая суровые условия жизни узника, окрашена в мрачные тона: *fetters* (оковы), *damp vault* (сырой склеп), *dayless gloom* (беспросветный мрак). Использование автором стихотворения контекстуальных антонимов (прил. *brightest* – *dayless, damp; сущ. wings* – *fetters, vault; Liberty, Freedom, chainless Mind* – *dungeon, prison*) способствует реализации лингвопрагматической установки поэтического произведения: свобода нравственных идеалов противопоставляется «мрачному подземелью» неволи. Заключительная строка стихотворения является отражением политических взглядов автора, представляя собой своеобразный призыв к борьбе против тирании: «*May none of those marks efface!//For they appeal from tyranny to God*» [Там же].

ВЫВОДЫ

В результате анализа семантического наполнения фреймовых структур, репрезентирующих понятие свободы, мы пришли к выводу о том, что концепт свободы, являясь эмоционально заряженным, связан в лингвокогнитивном плане с концептом «эмоциональный мир человека». Многогранность внутреннего мира лирического героя и его особое, трепетное отношение к свободе находят своё вербальное воплощение в использовании автором стихотворения разнообразных средств выразительности в контексте описания эмоционального состояния лирического героя и его индивидуального видения концепта свободы, перекликающегося с авторским. В основу сонета положен приём антитезы: концепт свободы как нравственный идеал, за который нужно бороться, противопоставляется концепту неволи. Лексемы, вербализующие соответствующие концепты, находятся в отношениях антонимии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Карасик, В.И. Определение и типология концептов / В.И. Карасик // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. – Вып.1. – Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2006. – С. 14 – 21.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: «АСТ-Восток-Запад», 2007. 314 с.
3. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук. Воронеж, 1998. – 22 с.
4. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.

5. Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. Том 7. № 1. – с. 49 – 60.
6. Mangova O.B., Shirokov D.V. Verbalization of the operational concept DEMOCRATIZATION in the political discourse // Научный Вектор Балкан. 2020. № 4 (10). – p.34 - 37.
7. Гудкова С.А. Аналитический обзор концепта АГРЕССОР в англоязычном политическом дискурсе // International Research Journal. 2021. № 4-4 (106). – с.28 - 31.
8. Демкина Я.Ю. Концепты-константы политического дискурса // Дискурс. 2020. Т.6 № 1 – С.121 - 128.
9. Polonskaya O.Y., Kushnareva T.V. The concept of CYBERWARE: actualization in publicist discourse // Современное педагогическое образование. 2020. № 4. – с.219 - 221.
10. Судина Л.В. Специфика функционирования концепта СЕМЬЯ в рекламном дискурсе на радио // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. № 2 (86). – с.551 - 559.
11. Воробьева А.Е., Федюнина И.Э., Белозерова М.С. Репрезентация концепта СТРАХ в англоязычном рекламном дискурсе радио // Современные исследования социальных проблем. 2019. Том 11. № 5-1. – с.333 - 350.
12. Бобырева Е.В. Сравнительные характеристики концепта ЧУДО в религиозном дискурсе в русском и английском языках // Известия Волгоградского педагогического университета. 2020. № 9 (152). – с.113 - 117.
13. Safjanova I.V. Linguistic realization of the concept soul in poetic discourse // International Research Journal. 2019. № 1-2 (79). – p.105 - 108.
14. Керова А.В. Концепт ЛЮБОВЬ в английском поэтическом дискурсе XVII-XVIII вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 11 (840). – с.92 - 103.
15. Gusar A.V. Mythological concept SUNGOD in English, Swedish and Slavonic song discourse // Велес. 2019. № 5-1 (71). – p.125 - 136.
16. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.
17. Поздеева Н.С. Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта ОДИНОЧЕСТВО. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Архангельск., 2013. 22 с.
18. Олешков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М.Ю. Олешков – Нижний Тагил, НТГСПА, 2009. – С. 68-85.
19. Маслова Ж.Н. Валентная модель художественного (поэтического) концепта // Вестник ТГПУ. 2011. № 9 (111). – С. 83-87.
20. Тарасова, И.А. Введение в когнитивную поэтику / И.А. Тарасова. – Саратов, 2004
21. Беспалова, О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 24 с.
22. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – МИРС, 2000. № 4. – с. 39 – 45.
23. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
24. Бурдин И.В., Авакумова Н.В. Понятие «концепт» в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 7. – с. 97 – 100.
25. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
26. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: УРСС, 2003. – 360 с.
27. Киреева А.А. Фрейм как средство моделирования стереотипных ситуаций и концептуального содержания // Ломоносовские чтения на Алтае. Проблемы науки и образования. Сб. научных статей международной конференции. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2015. С. 2811 – 2814.
28. Борисов А.А. Механизмы формирования текстовой когерентности (фреймовый подход) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. Электронный ресурс: URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12811> (дата обращения: 02.08.2021)
29. English romanticism verse. XIX century. Спб: Изд-во «Анима», 2004. 320 с.

Статья поступила в редакцию 22.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.111

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0058

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© Автор(ы) 2021

ДОВГЕР Оксана Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, улица К. Маркса, 3, e-mail: odovger@yandex.ru)

SPIN: 8146-3771

AuthorID: 786265

ORCID: 0000-0003-0888-3349

Аннотация. Цель данного исследования рассмотреть актуальные вопросы специфики лексических единиц, репрезентирующих концепт «лекарственное средство» в англоязычном лексикографическом пространстве. Современная лингвистика уделяет особое внимание изучению слова как базовой единицы системы языка. Актуальность и новизна настоящего исследования детерминирована социальной значимостью изучаемой лексемы в английском лексикографическом пространстве и важностью всестороннего рассмотрения его специфики, так как лексико-семантическая группировка концепта «лекарство» в английском дискурсивном пространстве включает достаточно обширный ряд лексем и на сегодняшний день является малоизученной. **Результаты.** В данной статье особое внимание уделяется анализу дискурсивных параметров данного концепта в рамках рассматриваемой лексико-семантической группировки. Автор выделяет наиболее распространенные единицы в лексико-семантическом ряду концепта «лекарственное средство»: «agent», «medication», «medicine», «drug». Сравнительный анализ данных лексем в рамках концепта «лекарственное средство» в современном английском лексикографическом пространстве показал, что им присущ общий когнитивный признак - «вещество или препарат, используемый для лечения заболеваний». Однако в ходе исследования было установлено, что динамика развития лексических единиц исследуемого концепта обусловлена, прежде всего, внешними факторами развития социума, а также развитием медицинской науки и фармации. **Выводы.** Многозначность лексических единиц, относящихся к концепту «лекарственное средство» обуславливает их значительный семантический потенциал и определяет вектор дальнейшего развития в англоязычном пространстве.

Ключевые слова: концепт, лексико-семантическая группировка, лексема, когнитивный слой, дискурс, лексикографический дискурс, семантический признак, коннотация, вербализация, прагматика.

LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT “PHARMACEUTICAL PRODUCT” IN THE ENGLISH LEXICOGRAPHIC SPACE

© The Author(s) 2021

DOVGER Oksana Pavlovna, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor of the Foreign Languages Department
Kursk State Medical University
(305041, Russia, Kursk, Karl Marx St., 3, e-mail: odovger@yandex.ru)

Abstract. The study investigates the topical issues of the specificity of lexical units representing the concept “pharmaceutical product” in the English lexicographic space. A comprehensive study of the word as a basic unit of the linguistic system is an important task of modern linguistics. Relevance of this article is due to the social importance of this piece of the lexical system of the English language and the need to study its features, as lexico-semantic grouping of the concept “pharmaceutical product” in the English discourse includes quite an extensive number of lexemes and nowadays it requires further studying. In this article special attention is paid to the analysis of discursive parameters of this concept within the considered lexico-semantic grouping. The author identifies the most common units in the lexico-semantic row of the concept “pharmaceutical product”: “agent”, “medication”, “medicine”, and “drug”. Comparative analysis of these lexemes within the concept “pharmaceutical product” in modern English lexicography showed that they share a common cognitive attribute - “a substance or preparation used in treating disease”. However, in the course of the investigation, the dynamics of the development of lexical units of the studied concept was found to be due, above all, to external factors of social development, as well as the development of medical science and pharmacy. The multiple meanings of lexical units related to the concept “pharmaceutical product” determine their significant semantic potential and determines the vector of further development in the English-speaking space.

Keywords: concept, lexico-semantic grouping, lexeme, cognitive layer, discourse, lexicographic discourse, semantic feature, connotation, verbalization, pragmatics.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие медицинской научной мысли в XX веке позволило эффективно бороться со многими заболеваниями, которые ранее считались неизлечимыми, что обозначило колоссальный прорыв в развитии медицинской и фармацевтической науки. Например, в 2020 году человечество столкнулось с глобальной пандемией коронавирусной инфекции, для успешного противостояния которой требуются усилия всего мирового научного сообщества. В течение последних лет появляются новейшие и усовершенствованные лекарственные препараты, и как результат, происходит развитие терминологической системы, связанной с понятием «лекарственное средство» в англоязычной научной и популярной литературе, включая масс-медиа и Интернет. Актуальность данной статьи определяется социальной значимостью представленных лексических единиц языковой системы английского языка, а также значительной важностью изучения его особенностей, так как лексико-семантическая

группировка концепта «лекарство» в английском медицинском дискурсе включает достаточно обширный ряд лексем: «drug», «medicine», «agent», «medication», «substance», «remedy».

Целью настоящего исследования является анализ вербализации концепта «лекарство» в англоязычном лексикографическом пространстве.

Теоретическая основа данной работы опирается на исследования ведущих отечественных и зарубежных ученых, которые изучают понятие концепта [Карасик, 2002; Чакина, 2013; Федулова 2017] [1], и, в частности, концептов «медицина» и «drug» [Майборода, 2017; Parascandola, 1995][2], особенности дискурса, включая лексикографический [Карасик 2019; Резунова, 2008] [3] и политический дискурс [Кушнерук, Курочкина, 2019] [4], а также теорию лексико-семантического поля [5,6].

Выбор корректной лексической единицы концепта «лекарство» основывается на дискурсивных параметрах англоязычного лексикографического про-

странства. Понятие лексикографического дискурса относительно новое в современной лингвистике. М.В. Резунова описывает лексикографический дискурс как «металингвистический текст, обладающий не только семантической, но и прагматической информацией» [7]. Лексикографический дискурс нацелен на социокультурные, когнитивные и прагматические особенности словарных статей. Для корректного понимания значения слова необходимо, в первую очередь, учитывать знания носителей языка и ориентироваться на аутентичные источники информации.

В.И. Карасик в своих трудах, посвященных понятию концепта, определяет его как «как совокупность каждого кодифицированного значения того или иного слова и представления о нем человека» в зависимости от его культурного и образовательного багажа [8]. Э.А. Чакина считает, что концепт, являясь многоуровневой структурой, способен отражать картину мира с использованием одного или нескольких лексических единиц [9].

МЕТОДОЛОГИЯ

Данное исследование базируется на когнитивном анализе лексических единиц, входящих в лексико-семантическую группировку концепта «лекарственное средство» на основе компонентного анализа словарных статей из толковых и специализированных словарей. Лексикографическое описание содержания и структуры значения каждой лексемы основано на контекстологическом анализе современных англоязычных текстов медицинского, научного и популярного характера, классической литературы, включая анализ когнитивных, семантических, коннотативных и прагматических аспектов их употребления.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Концепт «лекарство», обладая достаточно широким синонимическим рядом в английском медицинском дискурсе, относится к одной из малоизученных лексико-семантических группировок словарного состава английского языка. Так как концепт «лекарство» имеет различные способы вербализации в различных типах англоязычного дискурса, которые прослеживаются во множестве разных тематических публикаций, это требует систематизации соответствующих данных, касающихся различных аспектов функционирования вышеуказанного концепта в пределах английского лингвистического пространства. В данной статье особое внимание уделяется анализу дискурсивных параметров данного концепта в рамках рассматриваемой лексико-семантической группировки.

Парадигмальные отношения между всеми частями лексико-семантической группировки являются важным компонентом ее организации. Многие ученые определяют лексическую систему как иерархию, состоящую из ядра, центра и периферии [10]. Укрупнение лексической системы может реализовываться как через внешние (заимствования) так и внутренние (словообразование, семантические изменения и стилистическое расслоение лексики) ресурсы [11].

Концепт «лекарство» в русских толковых словарях имеет практически идентичные дефиниции:

1. Природное или синтетическое лечебное средство (Толковый словарь русского языка под редакцией Ожегова)
2. Лечебное средство, составленное по рецепту врача, медикамент (Толковый словарь русского языка под редакцией Ушакова)
3. Вещество, применяемое для лечения или предупреждения болезни (Малый академический словарь)

Чтобы изучить основные аспекты функционирования концепта «лекарство» в английском языковом пространстве были исследованы ряд лексем, входящих в данную лексико-семантическую группу. Подобные лексемы, как правило, не обладают большой многозначностью и зачастую являются синонимами, что приводит к определенным трудностям их корректного употребления [12].

На основе анализа англоязычных источников к наиболее частотным лексическим единицам (далее ЛЕ), входящим в лексико-семантическую группировку концепта «лекарственное средство» были отнесены лексемы «agent», «medication», «medicine» и «drug». Несмотря на то, что анализ словарных статей позволяет выявить общий для представленных лексем семантический признак («вещество, предназначенное для лечения заболеваний и травм»), их словарные определения не позволяют получить четкое представление о функциональных особенностях представленных лексических единиц. Помимо семантических различий необходимо учитывать коммуникативные, коннотативные и прагматические условия их употребления [13].

ОБСУЖДЕНИЕ

Лексико-семантический анализ лексемы «agent» в контексте английских словарных дефиниций толковых словарей определяет базовое денотативное значение данной лексемы, как «a person whose job is to act for, or manage the affairs of, other people in business, politics, etc.» (*человек, чья работа заключается в какой-либо деятельности или управлении делами других людей в бизнесе, политике и т. д.*). Однако, второй когнитивный слой лексической единицы «agent» объективизирует ее как «a chemical substance, organism, or natural force that produces a particular effect by its action» (Cambridge Dictionary) – «химическое вещество, организм или природная сила, которые своим действием производят определенный эффект». Как правило, лексема «agent» формирует различного рода словосочетания на лексико-семантическом уровне со значением «лекарственный препарат» исключительно в атрибутивных конструкциях. В подобных сочетаниях атрибут выступает как второстепенный член, изменяя семантическую нагрузку номинативного элемента конструкции. Словарная статья англо-русского медицинского словаря под редакцией И.Ю. Марковиной, Э.Г. Улумбекова дефинирует лексему «agent» следующим образом: «агент, средство, фактор», однако данная статья фиксирует ряд устойчивых атрибутивных словосочетаний, которые превращаются в терминологические элементы, относящиеся семантически и стилистически к области медицинского дискурса:

- antianxiety agent - *анксиолитическое средство, малый транквилизатор, анксиолитик*; cholinergetic agent - *холинергическое средство*; neuroleptic agent - *нейролептик*; neuromuscular blocking agent - *миорелаксант*; psychotropic agent - *психотропное средство*; hormonal agents - *гормональные препараты*.

Особенно часто лексема «agent» употребляется в медицинских текстах, связанных с лечением онкологических или генеративных заболеваний, которые подразумевают новейшие методы лечения посредством лекарственных препаратов, работающих на клеточном, молекулярном или генетическом уровнях.

«Alkylating agents keep the cell from reproducing (making copies of itself) by damaging its DNA» - «Алкилирующие лекарственные препараты не дают клетке воспроизводиться (копировать себя), повреждая ее ДНК».

«Molecular-targeted agents are in themselves not curative in solid tumours, whereas radiotherapy is highly efficient in eradicating cancer stem cells» - «Лекарственные препараты, нацеленные на молекулы, сами по себе не лечат твердые опухоли, тогда как лучевая терапия очень эффективна в уничтожении раковых стволовых клеток» [14].

Анализ следующей рассматриваемой лексической единицы (ЛЕ) показывает, что согласно толковому словарю Merriam-Webster Dictionary когнитивное ядро лексемы «medication» дефинируется как: «the act or process of medicating», т.е. относит данную лексическую единицу к процессу или акту медикации (лекарственной терапии). Особый интерес вызывает тот факт, что ЛЕ «medication» единственная из всех представленных элементов лексико-семантической группы концепта «ле-

карство» обладает словообразовательным потенциалом: «to medicate - to treat someone with a medicine» («лечить кого-либо при помощи лекарств»)

“Family experts are advocating a change away from the old school, advising parents not to medicate behavioral problems” – «Семейные эксперты рекомендуют отказаться от старой школы, советуя родителям не лечить поведенческие проблемы лекарствами».

«The doctor said that there was no need to medicate my pain that it was just a hematoma and that the pain would go away by itself» - «Врач сказал, что мне не нужно использовать лекарства для лечения моей боли, что это просто гематома и что боль пройдет сама по себе».

Приядерный слой объективирует данную лексему как «a medicinal substance: medicament» (лекарственное вещество: медикамент). Однако толковый словарь Cambridge English Dictionary выделяет только одно узусуальное значение лексемы «medication»: «a medicine, or a set of medicines or drugs, used to improve a particular condition or illness» («лекарство, или набор лекарств, предназначенный для улучшения определенного состояния или заболевания»).

«They are primarily used in fertility or cancer treatments, where medication is extraordinarily expensive» - «Они в основном используются при лечении бесплодия или рака, где лекарственная терапия чрезвычайно дорога». [15].

«Blackmon said if the federal government decides to take over distributing vaccines, the Fair Park site could be used as an option to receive the medication directly once the general public is allowed to get the vaccine» - «Блэкмон сказал, что если федеральное правительство решит взять на себя распространение вакцин, сайт Fair Park может быть использован как вариант для получения лекарства напрямую, как только широкая публика получит разрешение на получение вакцины». [16].

«Demand was expected to surge when Trump made a laudatory video after receiving the Regeneron medication and promised to make the antibody treatments free to patients needing them» - «Ожидается, что спрос резко возрастет, после того как президент Трамп опубликовал хвалебное видео после приема лекарства Regeneron и пообещал сделать лечение антителами бесплатным для всех пациентов, которые в нем нуждаются» [17].

Следовательно, семантический анализ данной лексемы позволяет сделать вывод о моноцентричности ЛЕ, так как тесные парадигматические связи между двумя ее узусуальными значениями «терапия лекарственными средствами» и «лекарственное средство» семантически объединяют оба когнитивных слоя.

Наиболее интересными с точки зрения семантического анализа представляются ЛЕ «medicine» и «drug».

Толковые словари английского языка определяют основное денотативное значение лексемы «medicine» как науку о лечении заболеваний: «treatment for illness or injury, or the study of this» - «лечение заболевания или травмы или изучение этого».

«She is a cancer sufferer who has rejected orthodox medicine and turned instead to acupuncture, aromatherapy and other forms of alternative medicine» (Cambridge English dictionary).

«Penicillin produced a revolution in medicine» (Cambridge English dictionary).

Толковые словари английского языка предлагают следующие дефиниции, которые практически полностью совпадают в своем семантическом значении:

«the science and art dealing with the maintenance of health and the prevention, alleviation, or cure of disease» - «наука и искусство, связанные с поддержанием здоровья и профилактикой, облегчением или лечением болезней» (Merriam-Webster Dictionary);

«the treatment of illness and injuries by doctors and nurses» - «лечение болезней и травм врачами и медсестрами» (COBUILD Advanced English Dictionary);

«the study and treatment of diseases and injuries» - «из-

учение и лечение заболеваний и травм» (Oxford Learner's Dictionary of Academic English).

Следовательно, базовое когнитивное ядро лексемы «medicine» в английском медицинском дискурсе определяется как наука, занимающаяся лечением и изучением любых патологий, связанных с расстройством здоровья.

Второй когнитивный слой ЛЕ «medicine» непосредственно относится к лексико-семантическому полю концепта «лекарство» и согласно проведенному семантическому анализу источников, связанных с медицинским англоязычным дискурсом, является одним из наиболее частотных лексем в значении «лекарство». Самую общую дефиницию предлагает толковый словарь Merriam-Webster Dictionary: «a substance or preparation used in treating disease» - «вещество или препарат, используемый для лечения заболеваний». Однако другие толковые словари сужают семантическое значение данного когнитивного слоя, уточняя, что «medicine» - это вещество, представленное, как правило, в жидкой или таблетированной форме, что, несомненно, обусловлено исторически, так как первые лекарственные формы были представлены в виде пилюль или жидкости: «A substance that you take in order to cure an illness, especially a liquid that you drink or swallow» - «Вещество, которое вы принимаете для лечения болезни, особенно в виде жидкости, которую вы пьете или глотаете» (Oxford Learner's Dictionary of Academic English);

«Medicine is a substance that you drink or swallow in order to cure an illness» - «Лекарство - это вещество, которое вы пьете или глотаете, чтобы вылечить болезнь» (COBUILD Advanced English Dictionary);

«A substance, especially in the form of a liquid or a pill, that is a treatment for illness or injury» - «Вещество, особенно в форме жидкости или таблетки, которое используется для лечения болезни или травмы» (Cambridge English dictionary).

Исходя из анализа лексико-семантической группы концепта «лекарство» можно сделать вывод, что узусуальные маркеры лексемы «medicine» семантически связаны на когнитивном уровне с лечением и профилактикой заболеваний, экстраполируя когнитивную парадигму на положительную коннотацию: болезнь - лекарство - выздоровление.

В английском языке лексема «drug» является полисемичной, т.е. обладает несколькими различными референтами, в зависимости от специфического дискурсивного контекста, в котором она используется. Эта семантическая путаница, которую они вызывают, проявляется не только в казуальном или бытовом употреблении лексемы, но и в профессиональных, например, медицинских, юридических и политических дискурсах. Самое широкое значение слова «drug» - «a chemical substance other than a food that alters metabolic or other functions when absorbed into the body (химическое вещество, отличное от пищи, которое изменяет метаболические или другие функции при абсорбции в организме)».

Этимологически лексема «drug» была заимствована в 15-м веке из среднефранцузского слова “drogue” (и родственного с ним “droga” из испанского, каталонского, и португальского языков). Самая ранняя дефиниция лексемы «drug» - any substance, of animal, vegetable, or mineral origin, used as an ingredient in pharmacy, chemistry, dyeing, or various manufacturing processes (любое вещество, животного, растительного или минерального происхождения, используемое как ингредиент в аптеке фармацевции, химии, красильном или других производственных процессах - Oxford Dictionary of Academic English, 2009). Например, лексема «drug» широко используется во многих произведениях В. Шекспира. Однако анализ фрагментов текста показал, что ЛЕ «drug» имеет негативную коннотацию. В переводах С. Маршака, Б. Пастернака, Д. Михаловского и др. его переводят как «яд, сонное зелье, приворотное зелье» [18].

Such mortal **drugs** I have; but Mantua's law

Is death to any he that utters them. (В. Шекспир «Ромео и Джульетта») – *Есть у меня такие яды; но Их продавать закон наш запрещает Под страхом казни (пер. Д.Л. Михаловского)*
O true apothecary!

Thy **drugs** are quick (В. Шекспир «Ромео и Джульетта») – *Да, скор твой яд, о, честный мой аптекарь (пер. Д.Л. Михаловского)*

Thoughts black, hands apt, **drugs** fit, and time agreeing;
Confederate season, else no creature seeing; (В. Шекспир «Гамлет») – *Рука тверда, дух черен, крепок яд,*

Удобен миг, ничей не видит взгляд (пер. Б. Пастернак)

Позже когнитивное значение лексемы сузилось до вещества для профилактики или лечения болезней, или вещества, которое оказывает физиологическое воздействие на живой организм. На сегодняшний день ЛЕ «drug» является практически идентичным синонимом ЛЕ «medicine» в рамках концепта «лекарственное средство», что подтверждается использованием таких лексем как «drug store» («аптека») (как правило, в США), «drug company» («фармацевтическая компания»), «wonder drug» («чудодейственное лекарство»), «pharmaceutical drug» («фармацевтический препарат»).

Второе значение ЛЕ «drug» дефинируется как «наркотик» или «наркотическое средство». Многие зарубежные лингвисты считают, что негативная коннотация ЛЕ «drug» в значении «наркотик» могла возникнуть в результате процесса субстантивации из глагольной формы «to drug» (to drug somebody - to add a drug to somebody's food or drink to make them unconscious or sleepy), т.е. обозначает действие, направленное на тайное введение кому-либо наркотического или психоактивного вещества для намеренного изменения их сознания или отравления [19].

.....I have **drugg'd** their possets,
That death and nature do contend about them,
Whether they live or die (В. Шекспир «Макбет») - ... *В титье ночное Я подмешала им такого зелья,
Что спорят жизнь и смерть за них (пер. Ю. Корнеева)*

Для более точного коннотативного понимания ЛЕ «drug» часто используется в коллокационных сочетаниях, например «drug dealer», «drug traffic» «drug war», «drug control», «drug abuse».

К 1990-м годам большинство государств использовали метафорические приемы при использовании ЛЕ «drugs», акцентируя в негативном ключе вредоносное воздействие подобных препаратов, используя такие термины, как «scourge», «menace» or «monster» («бич», «угроза» или «чудовище») для описания мировой проблемы распространения наркотических средств. Когнитивное значение ЛЕ «drug» как «наркотик» превалирует в современных публичных и политических дискурсах, когда ожидается, что аудитория будет дифференцировать данное значение через риторический контекст. В средствах массовой информации, слово «drug» также часто используется в качестве синекдохи для упоминания запрещенных веществ.

«Defense focuses on George Floyd's prior arrest and drug use» (New YorkTimes, 08/04/2021).

«Since it decriminalised all drugs in 2001, Portugal has seen dramatic drops in overdoses, HIV infection and drug-related crime» (The Guardian, 05/12/2017).

«Drug deaths across Scotland rose during the coronavirus lockdowns last year with a significant increase over Christmas, according to figures» (The Times, 08/04/2021).

Для многих западных исследователей различие между «medicine» и «drug» - это различие в его формальном или неформальном применении. Как иронично выразилась Мэри Дуглас: «a drug is a chemical which is in the wrong place at the wrong time» - «a drug» - это химическое вещество, которое оказалось не в том месте и не в то время». Утверждается, что различие между «medicine» и «drug» меньше связано с их вредным физи-

ческим или социальным воздействием, а скорее с вопросами правового регулирования и социального контроля. Таким образом, когнитивное восприятие лексемы «drug» как «наркотического средства» можно рассматривать как социальную проблему, основанную на историческом и культурном контексте, оценочных суждениях и нормах т.е. данный термин скорее может рассматриваться с точки зрения того, какие вещества имеют юридические и медицинские санкции или не одобряются обществом [20].

ВЫВОДЫ

Таким образом, исходя из представленного анализа исследованных лексических единиц лексико-семантической группы концепта «лекарственное средство», можно сделать вывод об их активном функционировании в современном англоязычном лексикографическом пространстве.

Установлено, что лексико-семантическая группировка концепта «лекарственное средство» является открытой и динамика ее развития обусловлена, прежде всего, внешними факторами развития социума, а также развитием медицинской науки и фармации. Лексические единицы «medication», «medicine», «drug» обладают самым явным семантическим сходством в рамках концепта «лекарственное средство», перекликаясь в когнитивном признаке «лечение заболевания или травмы». Однако каждая из представленных в исследовании лексем имеет несколько когнитивных слоев, что обуславливает особенность их употребления в английском лексикографическом пространстве. Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что исследование ЛЕ изучаемой лексико-семантической группировки концепта «лекарственное средство» представляет значительную важность с точки зрения их корректного использования в англоязычном дискурсивном пространстве и обосновывает необходимость учитывать когнитивные, семантические, коннотативные и прагматические аспекты их употребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федулова, М.Н. Категории дискурса и концепта в контексте проблематики восприятия, понимания и интерпретации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 14, № 2. С. 50-56.
2. Майборода, С.В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 63-74
3. Карасик, В. И. Семиотическое моделирование дискурса / В. И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. – 2019. – № 17. – С. 6-22.
4. Куцунерук, С. Л., Курочкина, М.А. Новоидеологема в дискурсе американских СМИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists «WEST-EAST» (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. – Vol 2/1. – № 1. – 2019. – С. 87-91.
5. Кыркабаева, Г. Н. Структурные особенности понятий «семантическое поле» и «лексико-семантическое поле» / Г. Н. Кыркабаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2017. – № 12. – С. 176-178.
6. Довгер, О. П. Специфика лексико-семантического поля концепта «болезнь» в английском медицинском дискурсе / О. П. Довгер, К. М. Лопата, Е. А. Никитина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9. – № 2(31). – С. 64-72.
7. Резунова, М.В. К определению лексикографического дискурса // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Издательство «Граммота», 2008. № 2-3. С. 189-191
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
9. Чакина, Э.А. Репрезентация концептов «личность» и «person / personality» в русской и английской языковых картинах мира: Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2013.
10. Рудская, Е.О. Лексико-семантическое поле «упрямство-упорство» в русском и итальянском языках: сопоставительный аспект // Молодая филология (по материалам исследований молодых ученых). Новосибирск: Новос. Гос. Пед. Уни-тет. 2017. С. 127-140.
11. Данилова, И.С. Эволюция системных отношений лексических группировок в процессе развития английского языка (на материале лексико-семантического поля 'narcotic substance') / И.С. Данилова // Вестник Орловского ГУ. Серия: Новые гуманитарные исследования. – № 5 (19). – Орел: «Горизонт», 2011. – С. 269 – 272
12. Куцунерук, А.К. Проблема синонимии в англоязычной терминологии логистики // Ното Локиенс: Актуальные вопросы лингвистики преподавания иностранных языков г. Санкт-Петербург: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ. СПб., 2012. Вып. 4. С. 93-100.
13. Князева, Ю.О. Корпусный анализ в исследовании синонимии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Филология». 2008 № 4. С. 165-169.

14. Baumann M, Krause M, Hill R (2008). *Exploring the role of cancer stem cells in radioresistance*. *Nat Rev Cancer* 8: 545–54.

15. Katherine Ellen Foley, Quartz, «Syringe shortages could cause Pfizer vaccine bottlenecks,» 25 Feb. 2021

16. Everton Bailey Jr., Dallas News, «How Fair Park in South Dallas was chosen as mega site for COVID-19 vaccine,» 9 Jan. 2021

17. Laurie McGinley, Anchorage Daily News, «Only one COVID-19 treatment is designed to keep people out of the hospital. Many overburdened hospitals are not offering it.,» 31 Dec. 2020

18. Сребрянская, Н.А. Новые возможности лингвистического исследования художественного текста с помощью компьютера // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2007. Выпуск 2 (65). С.65-68

19. Parascandola, J. (1995). *The drug habit: The association of the word 'drug' with abuse in American history*. In R. Porter & M. Teich (Eds.), *Drugs and narcotics in history*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 156-67

20. Blackman, S. (2004) *Chilling Out: The Cultural Politics of Substance Consumption, Youth and Drug Policy*. Maidenhead: Open University Press

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.111:372

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0059

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 4712-6011

AuthorID: 692782

ORCID: 0000-0001-7367-6093

ДУБСКИХ Ангелина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранные языки по техническим направлениям»

SPIN: 2502-7050

AuthorID: 785927

ORCID: 0000-0001-8503-9948

КИСЕЛЬ Олеся Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранные языки по техническим направлениям»

SPIN: 3836-3633

AuthorID: 688004

ORCID: 0000-0002-8357-6069

БУТОВА Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Иностранные языки по техническим направлениям»

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина, 38, e-mail: lina_masu@mail.ru)*

Аннотация. Одной из центральных задач профессионального иноязычного обучения – модернизация учебного процесса за счет применения новых технологий и методов обучения. Традиционные парадигмы преподавания и обучения должны гармонично сочетаться с современными достижениями лингводидактики. Цель статьи – рассмотреть эффективность использования мультимедийных презентаций в преподавании ESP в техническом ВУЗе. Сегодня доклады в деловой или научной сфере сопровождаются мультимедийными презентациями. Чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда, привлечь внимание к своим профессиональным идеям, убедить в их состоятельности, будущие инженеры должны уметь грамотно презентовать свой продукт. Это объясняет особую актуальность обучения презентационным навыкам студентов высших учебных заведений. Одной из основных трудностей при формировании умений подготовки докладов с презентациями и выступления перед аудиторией в техническом ВУЗе является отсутствие соответствующих предметов по ведению презентаций. На наш взгляд, это препятствие может быть частично преодолено в рамках дисциплины «Английский язык для специальных целей» (ESP). Использование мультимедийных презентаций при изучении ESP является отличным способом для развития профессиональной иноязычной компетенции, делающую возможной успешную интеракцию на английском языке. Исследование показало, что создание презентаций способствует совершенствованию логического и творческого мышления студентов; завоеванию и удержанию их внимания и как следствие повышению продуктивности усвоения учебного контента; повышению мотивации для самостоятельной работы над темой; развитию цифровой грамотности студентов и их ораторского искусства.

Ключевые слова: высшее образование, технические направления подготовки, ESP, мультимедийная презентация, профессиональные компетенции, иноязычная компетенция, специалист, мотивация.

MULTIMEDIA PRESENTATION AS A MEANS OF OPTIMIZING ESP LEARNING PROCESS

© The Author(s) 2021

DUBSKIKH Angelina Ivanovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Foreign Languages for Engineering Chair»

KISEL Olesya Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Foreign Languages for Engineering Chair»

BUTOVA Anna Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the «Foreign Languages for Engineering Chair»

*Nosov Magnitogorsk State Technical University
(455000, Russia, Magnitogorsk, 38, Lenin St., e-mail: lina_masu@mail.ru)*

Abstract. One of the central tasks in professional FL learning is the modernization of teaching methods by using new technologies. Traditional paradigms of teaching and learning should be in balance with advances in modern linguodidactics. The purpose of the article is to consider the effectiveness of multimedia presentations in ESP teaching in a technical university. Today, business and academic lectures are accompanied by multimedia presentations. Future engineers should be able to present their product competently in order to be competitive in the labor market, to draw attention to their professional ideas, and to convince of their validity. It explains the special relevance of teaching presentation skills to university students. One of the main difficulties in building of reports skills with presentations and speaking to an audience in a technical university is the lack of appropriate subjects for giving presentations. In our opinion, this obstacle can be partially overcome under the discipline “English for Special Purposes” (ESP). Using multimedia presentations when studying ESP is a great way to build professional foreign language competence, making it possible to interact in English successfully. The research showed that presentations help to improve students’ logical and creative thinking; gaining and retaining their attention and, as a result, increasing the productivity in assimilating learning content; increasing motivation for independent work on the topic; developing of students’ digital literacy and public speaking skills.

Keywords: higher education, technical training programs, ESP, multimedia presentations, professional competence, foreign language competence, specialist, motivation.

ВВЕДЕНИЕ

Модернизация процесса преподавания английского языка для специальных целей (ESP) на неязыковых на-

правлениях подготовки в ВУЗе объясняет потребность в совершенствовании традиционных и поиске новых технологий обучения студентов ESP [1-2]. Современная мо-

дель образования предполагает использование активных форм обучения, саморазвитие посредством применения информационно-коммуникационных технологий, которые делают возможным сочетать логические и креативные способы получения и освоения контента, мотивировать студентов за счет наглядности материала, общаться с другими обучающимися и преподавателя, находясь на расстоянии. Таким образом, учебный процесс становится динамичным, информативным, продуктивным [3-4].

Мультимедийные презентации, являющиеся одним из самых популярных и эффективных способов подачи информации, можно задействовать в различных учебных ситуациях. Вопрос использования презентаций на занятиях по иностранному языку достаточно широко освещается в методической и научной литературе, так как необходимость формирования коммуникативного навыка и умения излагать свои мысли на иностранном языке остается актуальным, а решение данных задач является приоритетным [5-7]. Преподаватели-практики делятся своим опытом и заимствуют идеи своих коллег, чтобы сделать обучение иностранному языку увлекательным и снять трудности, возникающие при изучении иностранного языка. Также преподаватели иностранного языка акцентируют внимание на том, что мультимедийные презентации стали неотъемлемой частью учебно-методического обеспечения, а информационно-коммуникационные технологии способны обогатить занятия по иностранному языку [8-9]. Кроме того, методисты отмечают положительное влияние использования компьютерных технологий на занятиях по иностранному языку на динамику учебного процесса и достижения студентов [10-11]. По убеждению многих специалистов в области преподавания иностранного языка, чтобы достичь конечной цели, необходимо задействовать интерактивные методы [12-13]. Обобщая практический опыт преподавателей иностранного языка, можно найти ценные методические ресурсы использования презентаций для обучения ESP студентов в ВУЗе.

Одна из основных функций мультимедийной презентации – наглядность – позволяет ярко иллюстрировать контент. Мультимедийные презентации могут использоваться как на этапе введения и отработки нового лексико-грамматического материала, так и для проверки усвоенного. Как известно, английский язык для большинства студентов российских вузов является иностранным и поэтому при его изучении возникает ряд трудностей [14]. А именно, не все студенты могут уверенно говорить на английском языке в ситуациях профессионального общения, хорошо понимать на слух иноязычную речь, вследствие чего теряется внимание и пропадает мотивация. В данной ситуации применение метода компьютерной презентации может помочь в обучении ESP. Обладая преимуществами, такими как наглядность, видео- и аудиоматериал, презентации способны привлечь внимание обучающихся и сделать учебный процесс интереснее и разнообразнее [15].

Также создание презентаций все чаще применяются в качестве заданий для самостоятельной работы студентов. На них студенты могут опираться, выполняя упражнения по аудированию, составлению диалогов по заданной теме. Такая многоаспектность использования мультимедийных презентаций объясняется тем, что они вносят разнообразие, оживляют процесс обучения, увеличивают эмоциональное воздействие на студентов, создают комфортную среду обучения, помогают сформировать модель реального общения [8]. Также работа над созданием мультимедийных презентаций способствует повышению цифровой грамотности студентов.

МЕТОДОЛОГИЯ

В статье использовалась совокупность теоретических и эмпирических методов исследования: теоретический анализ литературы по теме, опрос студентов, наблюдение за результатами работы учащихся по подготовке презентаций.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Поскольку обучение студентов ESP в ВУЗе на технических направлениях имеет практический характер, на протяжении учебного года проводилось наблюдение за изменениями, которые имели место в ходе изучения дисциплины «Английский язык для специальных целей». Это позволило определить прогресс учащихся в формировании умения излагать свои мысли на иностранном языке в ситуациях профессионального общения.

Для изучения вопроса эффективности использования презентаций на занятиях по ESP, авторы данной статьи провели опрос среди студентов, обучающихся по направлению 22.04.03 «Металлургия». В опросе приняло участие 57 студентов, которым было предложено ответить на вопросы: «Помогают ли презентации в качественном освоении учебного материала?», «Как часто Вы используете презентации при подготовке к практическим занятиям, экзаменам?» «Как часто Вы создаете презентации?», «Снимают ли презентации трудности, которые могут возникнуть в процессе обучения ESP?», «Как презентации влияют на изучение ESP?».

Проанализировав ответы, мы пришли к выводу, что мультимедиа презентация облегчает процесс восприятия и обучения, делает его более понятным и тем самым мотивирует студентов к дальнейшему изучению дисциплины. Наряду с этим, стоит отметить, что результаты опроса студентов показали, что презентации самостоятельной работы студентов целесообразны и на этапе тренировки, отработки учебного материала. Опыт показывает, что если у студентов есть опора перед глазами, то им легче начать говорить и удобнее воспринимать информацию.

Практика применения мультимедийных презентаций в процессе обучения ESP на неязыковых направлениях Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова выявила некоторые типичные ошибки, которые делают обучающиеся:

- отсутствие четкой структуры материала и логичных переходов от одной части презентации к другой;
- на одном слайде размещается много информации;
- фон слайда, размер и цвет шрифта неудачно подобраны;
- отсутствует единообразие в оформлении слайдов;
- несоответствие информации на слайде и содержания доклада;
- перегруженность или нехватка иллюстративного контента.

Кроме того, у студентов возникают проблемы с презентацией инфографического материала, так как лексика и речевые клише, необходимые для его вербализации, не входят в их активный вокабуляр. Однако информация, представленная в таком виде, может быть актуальной для будущей профессиональной сфере студентов, поэтому преподавателю необходимо сосредоточиться на этом моменте особое внимание.

Еще одна трудность заключается в неумении студентов продуктивно работать с информацией, полученной из иноязычных источников, и предпочтение русскоязычного материала, который впоследствии переводится на английский язык с множеством лексических, грамматических ошибок.

ОБСУЖДЕНИЕ

Развитие навыков составления и оформления презентаций является необходимым не только при обучении ESP, но и в будущей профессиональной деятельности специалиста, поскольку наглядность как основной и действенный дидактический метод играет большую роль в представлении материала. Человек около 90% всей информации получает через зрительный анализатор [1]. Зрение позволяет воспринимать форму, цвет, яркость и движение предметов. Использование мультимедийной презентации позволяет не только представить учебный контент увлекательным способом, но

акцентировать внимание студентов на важной информации с помощью инфографического материала. Таким образом, применение метода презентаций на занятиях не только облегчает восприятие и усвоение материала, но и способствует совершенствованию навыка презентации профессиональных качеств или продукта производства.

Среди преимуществ использования презентаций при изучении ESP студенты отметили следующие:

- наглядный мультимедийный контент;
- мультимедийные презентации могут применяться в качестве интерактивных досок, предоставляющих возможности для более наглядного структурирования материала, систематизации лексико-грамматического контента, что в дальнейшем облегчает выполнение различных упражнений и составление диалогов;
- отдельные слайды презентации, на которых содержится инфографика, могут служить как оригинальный раздаточный материал;
- мультимедийные презентации способствуют закреплению и удержанию внимания студентов и как следствие повышению продуктивности усвоения учебного контента;
- нестандартная форма контроля знаний;
- повышение мотивации для самостоятельной работы над темой;
- работа над созданием презентации развивает цифровую грамотность студентов и их творческие способности.

Применение тематических мультимедийных презентаций при изучении ESP является отличным способом для развития профессиональной иноязычной компетенции, делающую возможной успешную интеракцию на английском языке. Презентация также способствует совершенствованию логического мышления у студентов.

Делая доклад с использованием презентаций, учащиеся могут опираться на ключевые слова и выражения, графики, изображения, таблицы. Это дает возможность излагать материал логично, аргументированно, убедительно и ярко. На аудиторных занятиях или в дистанционном формате студенты могут обсуждать актуальные профессиональные темы: «Physical properties of metals and alloys»; «Mechanical properties of metals and alloys»; «Types of molding machines»; «Casting metals»; «Types of furnaces»; «ММК one of the largest enterprises of Russia». Изучение таких многоаспектных тем предполагает сбор и анализ большого количества информации, структурировать которую помогают тематические презентации.

Разработка тематической презентации – захватывающая, увлекательная, но трудоемкая деятельность, состоящая из нескольких этапов:

- начальный, охватывающий все подготовительные моменты;
- этап обсуждения с преподавателем вопросов, непосредственно связанные с предстоящей презентацией;
- собственно презентация доклада;
- обсуждение темы доклада и его оценка.

Начальный этап предполагает сбор, систематизацию и анализ необходимых данных, определение актуальности и новизны разрабатываемой темы, цели и задачи исследования. Особое внимание необходимо уделить структуре презентации: вступление, основная часть, в которой излагаются ключевые идеи и результаты работы, выводы.

Успешная мультимедиа-презентация возможна только при ее соответствии требованиям, предъявляемым к работам подобного рода: содержательность, краткость, связность, иллюстративность и грамотное изложение [16]. Только учитывая все обозначенные аспекты, можно создать качественный увлекательный познавательный продукт.

На этапе обсуждения осуществляется оценка степени усвоения лексических единиц и грамматических

конструкций, работа над дискурсивными стратегиями, анализ каждого слайда. Студенты могут задавать преподавателю вопросы, возникшие у них в процессе создания презентации.

Презентация доклада может проходить как в аудитории, так и в онлайн-формате. Учащиеся внимательно смотрят выступления друг друга, делают заметки. На заключительном этапе происходит дискуссия по теме, задаются вопросы, даются комментарии и оценки докладам. Подводя итог работы с презентациями, преподаватель делает вывод об эффективности ее использования в учебном процессе.

В качестве оценки презентации выступают следующие критерии:

- корреляция презентационного материала и исследуемой темы;
- четкая структура изложения;
- качество оформления мультимедийной презентации;
- грамотная речь;
- выступление (умение держать себя на публике, отстаивать свою точку зрения и т.п.).

Тематические презентации являются эффективным средством способом проверки знаний, полученных студентами в ходе работы над материалом, а также средством развития навыков самостоятельной работы учащихся. Получая задание подготовить доклад с презентацией по определенной теме, студенты должны самостоятельно ознакомиться с лексическим и грамматическим контентом, составить план сообщения, найти наглядный материал, снабдить слайды аудио- и видеороликами, отрепетировать свое выступление перед публикой. Доклад станет наиболее интересным и успешным, если презентация будет не просто дублировать текст сообщения, а дополнять речь, облегчая и углубляя понимание выступления [17].

ВЫВОДЫ

Несмотря на все существующие проблемы, дидактический потенциал использования мультимедиа-выступлений в обучении ESP очень высок. Процесс работы над созданием презентаций интересен и увлекателен для учащихся в отличие от монотонного пересказа текста. Он мотивирует студентов на изучение языка, развивает их когнитивные способности и повышает цифровую грамотность. Студенты с разным уровнем владения языком получают возможность самовыразиться, перестают бояться высказываться.

Мультимедийные презентации акцентируют внимание студентов на важных моментах излагаемой информации. Применение презентаций на занятиях содействует совершенствованию коммуникативных умений студентов. Делая доклад, студент развивает навыки монологической речи. Остальные учащиеся слушают выступление, пытаются понять максимальное количество информации, улучшают навыки аудирования. И, наконец, в процессе дискуссии по окончании доклада стимулируются навыки диалогической речи.

Изученный материал и опыт применения компьютерных тематических презентаций в процессе обучения студентов-металлургов ESP доказал эффективность применения этой технологии в аудиторной и самостоятельной работе студентов. Выступая перед аудиторией на английском языке, учащиеся развивают не только иноязычную компетенцию, но и так называемые «мягкие» навыки, что в дальнейшем поможет им стать конкурентно способными специалистами на рынке труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беляева Е.А. Возможности мультимедийной презентации в работе студентов естественнонаучных направлений подготовки со специальным текстом на иностранном языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 5-3 (59). С. 188-190.
2. Чиркова В.М. Возможности мультимедийной презентации для осуществления проектной деятельности иностранных студентов, изучающих русский язык // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 288-290.

3. Гольцова Т.А., Смирнова И.Г. Структурное содержание практического занятия с использованием информационных технологий в современном лингводидактическом процессе // *Образование и общество*. 2019. № 5 (118). С. 36-45.
4. Мороз С.А., Кузьменкова Т.Ю. Использование икт на занятиях по учебному предмету «Иностранный язык в профессии» // *Профессиональное образование*. 2019. № 4 (38). С. 22-24.
5. Бессмельцева Е.С. Мультимедийная презентация как эффективный прием формирования монологического умения // *Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М.А. Бонч-Бруевича*. 2016. № 8. С. 157-161.
6. Мирошниченко, С. А. Презентация как одно из средств обучения французскому языку на языковом факультете // *Столица науки*. 2020. № 7 (24). С. 190-197.
7. Куличенко Ю.Н., Попова О.Ю., Линькова Ю.И. Использование мультимедийных презентаций в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // *Мир науки, культуры, образования*. 2016. № 4 (59). С. 30-33.
8. Яновская Г.С. Организация самостоятельной работы студентов через применение метода презентации на занятиях по иностранному языку // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 68-2. С. 389-391.
9. Коротаева И.Э. Анализ опыта отечественных специалистов по внедрению информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения иностранному языку в неязыковых вузах // *Современный ученый*. 2020. № 4. С. 101-107.
10. Лукиянчина Е.В. Внедрение кейс-метода в практику высшего образования // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2020. Т. 4. № 3. С. 11-19.
11. Валеева Э.Э., Полухина М.О. Обучение навыкам презентационной деятельности на уроках английского языка // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2018. № 4 (40). С. 55-65.
12. Лебедев А.В. Интернет-технологии в преподавании иностранных языков как вектор развития высшей школы // *Гуманитарные науки и образование*. 2018. Т. 9. № 2 (34). С. 64-69.
13. Еремеева Н.А. Презентация как одна из форм интерактивного обучения иностранному языку в техническом вузе // *Правовестник*. 2018. № 8 (10). С. 9-11.
14. Филясова Ю.А. Обучение презентации на английском языке на основе текстового подхода // *Современное образование: содержание, технологии, качество*. 2016. Т. 1. С. 227-230.
15. Пасканый В.А. Цифровые образовательные ресурсы в области специального лингвистического обеспечения // *Информатика и прикладная математика*. 2020. № 26. С. 99-102.
16. Пантыкина Н.И. Использование интерактивных методов обучения при формировании социокультурной профессиональной компетентности студентов в процессе изучения иностранного языка // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2016. Т. 22. № 1. С. 186-189.
17. Скляр Е.С. Проектная деятельность как вид самостоятельной работы по русскому языку как иностранному. *Региональный вестник*. 2019. № 8 (23). С. 43-44.

Статья поступила в редакцию 03.06.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.111`373.423

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0060

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ИНВАРИАНТНОГО И ВАРИАНТНОГО ЗНАЧЕНИЙ ПРИЧАСТИЯ II В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 5931-4157

AuthorID:773493

ORCID: 0000-0003-2915-4778

ИВАНОВА Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
общеобразовательных дисциплин

Чувашский государственный аграрный университет

(428003, Россия, Чебоксары, улица Карла Маркса, 29, e-mail: ien161110@mail.ru)

SPIN: 7409-0576

AuthorID: 733031

ORCID: 0000-0002-1758-1185

АНТОНОВА Надежда Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностраных языков №2

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

(428003, Россия, Чебоксары, Московский просп., 15, e-mail: nejda@rambler.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме выделения грамматического значения причастия II в современном английском языке. Причастие II, как словоформа парадигмы глагола, в своем значении не однородно. Отмечается, что значение причастия II не является грамматическим значением. Они не являются также лексическими, так как не принадлежат основе лексемы. Можно сделать вывод, что большинство причастий II обозначает качество как единственный результат деятельности, указанной глаголом. Целью данной статьи является выделение грамматического значения причастия II в современном английском языке. Основные методы исследования, применяемые в статье – методы субституции и оппозиционного анализа, так как через оппозиции мы можем знать специфическое грамматическое значение формы. План выражения причастия II как словоформы глагольной парадигмы состоит из лексической морфемы и грамматической морфемы «-ed/-en». Планом содержания причастия II будет релевантное значение причастия II в грамматической оппозиции, так как грамматические оппозиции и образующие их дифференциальные признаки формулируются в содержательных терминах. Некоторые авторы отмечают, что при переводе русских пассивных причастий настоящего времени английские причастия II передают достаточно значение процессуальности. Авторы переводят предложения с причастием II с русского языка на английский язык по-разному. Как показали исследования, значение грамматической формы причастия II самостоятельного употребления вне аналитической формы зависит от переходного и непереходного, предельного и непредельного употребления глагола, от которого образовано причастие II. Все причастия II по своему значению делятся на три группы.

Ключевые слова: грамматическое значение, причастие II, категория залога, система английского языка, инвариантное значение, вариантное значение, лексическая морфема, оппозиции, глагол, прилагательное, личная форма, употребление, переходный глагол, непереходный глагол, действие, признак, результат.

ABOUT THE PROBLEM OF ALLOCATION OF INVARIANT AND VARIANT MEANINGS OF PARTICIPATION II IN MODERN ENGLISH LANGUAGE

© The Author(s) 2021

IVANOVA Elena Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of
General Educational Disciplines

The Chuvash State Agrarian University

(428003, Russia, Cheboksary, Karl Marx st., 29, e-mail: ien161110@mail.ru)

ANTONOVA Nadeshda Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the
Department of Foreign Languages №2

Chuvash State University named after I. N. Ulyanov

(428003, Russia, Cheboksary, Moskovskij pr., 15, e-mail: nejda@rambler.ru)

Abstract. This article is devoted to the problem of highlighting the grammatical meaning of participle II in modern English. Participle II, as a word form of the verb paradigm, is not homogeneous in its meaning. It is noted that the meaning of participle II is not a grammatical meaning. They are also not lexical, since they do not belong to the stem of the token. It can be concluded that most of the II participles designate quality as the only result of the activity indicated by the verb. The purpose of this article is to highlight the grammatical meaning of participle II in modern English. The main research methods used in the article are methods of substitution and oppositional analysis, since through oppositions we can know the specific grammatical meaning of a form. The expression plan of participle II as a word form of the verb paradigm consists of a lexical morpheme and a grammatical morpheme «-ed /-en». The content of participle II will be the relevant meaning of participle II in grammatical opposition, since grammatical oppositions and the differential features that form them are formulated in meaningful terms. Some authors note that when translating the Russian passive participles of the present tense, the English II participles convey a sufficiently meaningful meaning of procedurality. The authors translate sentences with participle II from Russian into English in different ways. Studies have shown that the meaning of the grammatical form of participle II of independent use outside the analytical form depends on the transitional and intransitive, limiting and non-limiting use of the verb from which participle II is formed. All participles II according to their meaning are divided into three groups.

Keywords: grammatical meaning, participle II, voice category, English language system, invariant meaning, variant meaning, lexical morpheme, oppositions, verb, adjective, personal form, usage, transitive verb, intransitive verb, action, sign, result.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы лингвисты уделяют большое внимание разным отраслям гуманитарных наук. Выявление особенностей грамматического значения причастия II в

современном английском языке является одной из актуальных проблем лингвистики.

ЦЕЛЮ данной статьи является выделение грамматического значения причастия II в современном англий-

ском языке.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, применяемые в статье – методы субституции и оппозиционного анализа, так как через оппозиции мы можем знать специфическое грамматическое значение формы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Известно, что существует множество причастий II как в русском, так и в английском языке. Их правильный перевод важен и для изучающих язык, будь то ученики, студенты, учителя и преподаватели, а также для переводчиков.

Обозначим синкретические формы причастия II «*loved*», «*spoken*», «*done*», как форму «*-ed/-en*». План выражения причастия II как словоформы глагольной парадигмы состоит из лексической морфемы и грамматической морфемы «*-ed/-en*». Планом содержания причастия II будет релевантное значение причастия II в грамматической оппозиции, так как грамматические оппозиции и образующие их дифференциальные признаки формулируются в содержательных терминах [1, с. 1088].

Компонентами плана содержания причастия II являются значение лексической морфемы причастия II, обозначающей глагольность причастия II и грамматическое значение морфемы «*-ed/-en*». Грамматическое значение морфемы «*-ed/-en*» нужно установить. Для выявления релевантного значения причастия II применим метод оппозиционного анализа. Причастие II – неличная форма глагола, и член оппозиции этой грамматической формы нужно искать среди неличных форм глагола, так как члены оппозиции имеют признаки, которые отличают их, но и «являются общими для обоих членов оппозиции» или дифференциальные признаки и интегральные, отличающиеся по признаку различимости-неразличимости [2, с. 243]. Из всех неличных форм глагола причастие II сопоставляется с причастием I по его свойствам, проявляющимся на синтаксическом уровне, по адъективно-адвербиальным свойствам.

Итак, противопоставление «*falling-fallen*» является грамматической оппозицией, где грамматические единицы инвариантны по отношению друг к другу, принадлежат к одному парадигматическому классу, различаются дифференциальным признаком. Эту оппозицию следует считать бинарной эквивалентной, так как оба ее члена маркированы в плане выражения и в плане содержания. Общим основанием, объединяющим эти два члена эквивалентной оппозиции, является абстрагированное значение действия, представленного как его качественный признак [3, с.508].

Как показали исследования, значение грамматической формы причастия II самостоятельного употребления вне аналитической формы зависит от переходного и непереходного, предельного и непредельного употребления глагола, от которого образовано причастие II. Все причастия II по своему значению делятся на три группы. Обозначим причастия II от глаголов непереходного предельного употребления как причастия II vit, причастия II от глаголов переходного предельного употребления как причастие II vit и причастия II переходного непредельного употребления как причастие II vtn. К первой группе относятся причастия II vit «*fallen*», «*vanished*», «*faded*» и т.д., ко второй – причастия II vit «*written*», «*broken*», «*done*» и т.д., к третьей – причастия II vtn «*loved*», «*watched*», «*respected*» и т.д.

Возьмем причастие II vit в оппозиции к причастию I. Оппозиция идет по линии «*falling*» – признак длящегося действия и «*fallen*» – признак результата завершения действия. *The falling man* – падающий человек, человек в процессе падения. *The fallen man* – упавший человек, то есть человек в таком состоянии в результате завершения действия.

У причастия II этой оппозиции релевантным становится значение признака результата завершения действия. Причастие II «*fallen*» образовано от глагола не-

переходного предельного употребления и значение признака результата завершения действия у него может быть или значением самой формы или значением, возникшим от предельности глагола «*to fall*». Глагол «*to fall*» непереходный и действие в самом результате не переходит на объект, а замыкается в самом субъекте действия, который приобретает признак результата завершения собственного действия [4, с. 460]. Например, «*the last kick in the ribs to the fallen man...*».

Все причастия II от глаголов предельных непереходных или переходного употребления подразделяются на две основные группы, где 1) действие произведено субъектом действия («*a fallen man*») или представлено как произведенное им: «*a fallen star*»; 2) значение признака результата завершения действия получается как следствие внутреннего развития в самом предмете [5].

Внутри каждой группы причастия II подразделяются на а) причастия, образованные от непереходных глаголов, б) причастия, образованные от глаголов непереходного употребления [6].

На 3550 страницах текста встретились следующие причастия II от непереходных глаголов и глаголов непереходного предельного употребления (в скобках указано число примеров употребления причастия).

1 группа:

a) *crouched* (1), *come*, *clustered*, *departed*, *fallen*, *gone*, *hung on*, *jumped up*, *slumped*, *up risen*, *vanished*.

b) *ambushed*, *assembled*, *bent*, *clumped*, *congealed*, *crushed*, *curled*, *dispersed*, *doubled up*, *entrenched*, *extended*, *finished*, *gathered*, *hidden*, *huddled*, *humped*, *launched*, *outgrown*, *perched*, *poised*, *prepared*, *returned*, *seated*, *sprawled*, *seated*, *spread*, *sprung*, *stalled*, *stretched*, *surrendered*.

2 группа:

a) *decayed*, *faded*, *flushed*.

b) *blackened*, *clouded*, *cracked*, *darkened*, *developed*, *filmed*, *folded*, *grown*, *reddened*, *rotten*, *roughened*, *rusted*, *softened*, *steamed*, *shriveled*, *swollen*, *thickened*, *thinned*, *whitened*, *withered*.

Причастия II подгруппы б) как первой, так и второй группы, образованы от двупереходных глаголов, и поэтому их значения могут быть двойными в зависимости от синтагматического окружения [7, с.105]. Например, *grown* – *выросший*, *grown* – *выращенный*.

Определить значения причастия II двупереходных глаголов можно из синтагматического окружения в предложении или из широкого контекста. Например, мы можем понять, что причастие II имеет релевантное значение признака завершения действия в оппозиции «*growing-grown*», только из синтагматического окружения: «*Grown into a lanky young woman, she had ...*». В следующем предложении можно понять, что огонь не был затемнен, а сам потемнел, из контекста абзаца: «*Then she started at the fire again, the darkened fire, cherry-red between the bare*».

Причастие II vit не имеет значения пассивности, обусловленной переходностью глагола, и поэтому их называют активными причастиями.

На 3550 страницах текста встретилось 5727 причастий, из них активных причастий 329.

Перейдем к анализу значения причастия II vtt. Можно следующим образом представить механизм приобретения значения у причастия II vit. Например, *the boy is writing a letter*. Действие представлено в его развитии, завершаясь, оно приводит к результату: *the letter is written*. Объект действия приобретает признак результата завершения действия, выраженный в причастии II «*written*»: *the written letter*. Так как претерпевает действие, причастие II *written* приобретает еще и значение пассивности. Если переходность глагола изобразить схематически направленностью действия и обозначить его предельность падением стрелки, то в общей формуле это выглядит так: *to do something*, и тогда в результате действия «что-то» становится сделанным и кем-то сделанным.

Можно дать следующую характеристику причастию II, и ее можно отнести ко всем причастиям II, «*the bombed house*», дом разбомбили когда-то, его состояние разбомбленности существует в данное время. Осталось состояние, действие как признак, как результат завершения его, а для причастий II переходных глаголов можно добавить к этой характеристике, что дом кем-то приведен в такое состояние. Хорошо демонстрирует это следующий пример: *while we were talking she was undressing me and when I was undressed except for the bandages*.

Образованию глагольной категории залога помимо специальной формы сопутствует особая переменная мест субъекта-объекта действия [8, с. 70]. Аналогичное явление наблюдается и во фразе с причастием II *vtt* в функции определения. Например, «*the boy writing a letter*», «*the letter written by the boy*».

Итак, по значению и расположению субъекта-объекта действия на синтагматической оси причастие II переходных глаголов аналогично глагольной категории залога. Нужно отметить, что члены противопоставления «*writing – written*» не способны к прямой субституции во фразе «*the boy writing a letter*» «*the letter written by the boy*» точно так же, как члены оппозиции глагольной категории залога. Например, «*the boy is writing the letter*» «*the letter is being written by the boy*». Противопоставив причастие I *writing* причастию II *written* мы видим, что противопоставление идет по двум линиям: *writing* – признак длящегося действия и активность, а *written* – признак результата завершения действия и пассивность. В одной форме причастия II *vtt* сочетаются два значения, так как они обусловлены двумя факторами: 1. грамматической морфемой «*-ed/-en*» (или предельностью глагола); 2. переходностью глагола, являющейся лексико-грамматическим явлением и заслуживающей специального грамматического исследования.

Возьмем два примера с одним и тем же причастием II, но преобразованным от глагола переходного и переходного употребления *with a parting look at her extended in a chair Soams moved and shaking the two extended hands he gazed at Ting-a-Ling*. Из сравнения двух примеров видно, что значение пассивности обусловлено у причастия II переходностью глагола. Противопоставление *writing-written* можно считать грамматической оппозицией, так как двойная релевантность значения есть следствие двух грамматических факторов.

Сравнив значения причастия II *vit fallen* и причастия II *vtt written*, мы находим у них общее значение – значение действия, представленного как признак результата завершения его. Это общее значение может быть значением грамматической морфемы «*-ed/-en*» или значением, обусловленным предельностью глагола.

Обратимся к оппозиции глагола *loving-loved* с причастием II *vtn*. На первый взгляд оппозиция идет только по линии активность-пассивность. Если это так, то причастие II *loved* так же, как и причастие I *loving*, должно означать признак длящегося действия. Но мы увидим, что это не так, если обратимся к следующему примеру: *Khay was with Oairis in the Kingdom of Dead-and so she his dearly loved wife was left desolate*.

Субъект действия *to love* нет в живых и причастие II *loved* означает следствие длительного непределенного действия, а не следствие длящегося действия.

Возьмем другой пример и заменим причастие II причастием I: *The placarded pickets were moving ... watched by the police. The placarded pickets were moving ... being watched by ...*. Сравнив значения причастий *being watched – watched*, мы видим, что *being watched* выражает действие в развитии, а *watched* – факт, как следствие длительного действия.

Некоторые авторы отмечают, что при переводе русских пассивных причастий настоящего времени английские причастия II передают достаточно значение процессуальности [3, с. 69]. Один автор переводит русское предложение «*В последующие дни заметно увеличилось*

количество выделяемой мочи» на английский язык таким образом: «*During the succeeding days the quantity of the urine excreted increased noticeably*».

Некоторые молодые ученые активно занимаются исследованием лингвистических проблем и пишут научные работы [9 - 15]. В одних работах есть объяснения, что точное значение русского причастия «*выделяемой*» есть «*which was being excreted*». Причастие II *excreted* не передает значения процессуальности формы *being excreted*, характерного для русского причастия. Причастие II *excreted* выражает, следовательно, не процессуальность, не признак длящегося действия, а факт, признак следствия предельного действия.

Значит, в оппозиции *loving-loved* релевантными становятся два значения: 1) активность-пассивность, 2) признак длящегося действия. Вторым значением причастия II *loved* является признак следствия, а не признак результата завершения действия, как у причастия II *vit* и *vtt*. Но в их значении есть общая сема, так как следствие длительного действия есть достигнутый результат длительного действия. Так как причастия II от глаголов непределенного употребления оформляются морфемой *-ed/-en* и имеют общее значение с причастиями II *vit* и *vtt*, то предельность глагола, от которого образовано причастие II, не может считаться источником релевантного значения причастий II. Носителем грамматического значения причастия II – значения признака результата завершения действия становится грамматическая морфема *-ed/-en*.

Проследим за механизмом появления значения признака следствия непределенного действия у причастий II *vtn*. Компонентами глагольной словоформы *loved* являются глагольная основа *love* и грамматическая морфема *-ed/-en*. Значение глагольной основы – непределенное действие, значение морфемы *-ed/-en* – признак результата завершения действия. Объединенные в одной словоформе, они вступают за взаимодействие: непределенность действия глагольной основы противостоит признаку результата завершения действия. Происходит процесс нейтрализации на уровне слова, внутри словоформы. Непределенность действия препятствует его полному завершению, и в результате значение действия в причастии II глаголов непределенного переходного употребления выступает как признак следствия непределенного действия.

Для того, чтобы выделить грамматическое инвариантное значение причастия II, обратимся к понятию инварианта. Считается, что «инвариант» существует как виртуальная, лишенная материального облика единица, которая выделяется в системе языка, а вариант его постоянно видоизменяется под влиянием фонетического и семантического окружения и выступает, как его речевые реализации. Отношение между грамматическим инвариантом и контекстуально или лексически обусловленными вариантами изоморфно по отношению фонемы и ее аллофонов.

Итак, оппозиция причастия I к причастию II во всех группах выделяет следующие значения причастия II.

Причастия II *vit* имеют одно значение, которое зависит только от грамматической морфемы *-ed/-en*, значение признака результата завершения действия.

Причастия II *vtt* имеют два значения: на первое место выступает значение пассивности, обусловленное переходностью глагола, второе значение – значение признака результата завершения действия – затушевывается первым.

Причастия II *vtn* имеют два значения: пассивности и признака следствия непределенного действия, которое появляется в результате взаимодействия непределенности глагольной основы и значения, выраженного морфемой *-ed/-en*.

У причастий II трех групп прослеживается одно общее значение – значение признака завершения действия, которое является значением самой формы причастия II, инвариантным грамматическим значением.

А. И. Смирницкий считает, что совершенность является значением причастия II, понимая под совершенностью причастия II то значение, которое выражает глагольная категория временной соотнесенности [16]. Но в современном английском языке существует совершенное причастие, которое оформляется по модели глагольной категории совершенного и имеет то же категориальное значение. Для сравнения значения причастия II и совершенного причастия применим метод субституции в примере: *Crouched over her knees she began to sheme*. Заменяем причастия II причастием I и совершенным причастием:

Crouching over her knees she began to sheme.

Crouched over her knees she began to sheme.

Having crouched over her knees she began to sheme. [17-19].

В противоположность *crouching- crouched- having crouched* видна градация значений. *Crouched* – признак завершения этого процесса. *Having crouched* – предшествование действия глагола в личной форме. Исходя из того, что причастия II не имеют значения совершенности, как его понимал А.И. Смирницкий и, что это значение передается совершенным причастием, нет оснований применять термин совершенность для значения причастия II.

Итак, в бинарной эквивалентной оппозиции *falling-fallen, writing-written, loving-loved* релевантным становится у причастий II одно общее значение – значение признака результата завершения действия, которое можно считать грамматическим значением самой формы причастия II, его инвариантным грамматическим значением [20]. У причастий II от глаголов непереходного и предельного употребления релевантным в оппозиции на прагматической оси становится одно значение – значение признака результата завершения действия, то есть инвариантное значение причастий II.

Причастия II глаголов переходного и предельного употребления имеют два значения: 1) грамматическое значение формы – признака результата завершения действия и 2) пассивности, обусловленной лексико-грамматической категорией переходности, принадлежащей глагольной основе. Это значение пассивности можно считать вариантным значением причастия II.

Причастия II глаголов переходного и предельного употребления имеют два значения: 1) значение признака следствия предельного действия, которое появляется у причастия II и в результате взаимодействия неопределенности глагольной основы и значение грамматической морфемы *-ed/-en*; 2) значение пассивности, обусловленной переходностью глагола. Оба эти значения можно считать вариантными в результате лексического и контекстуального воздействия на синтагматической оси.

ВЫВОДЫ

Таким образом, рассмотрев вопрос о выделении грамматического значения причастия II в современном английском языке, мы пришли к выводу, что причастия II можно разделить на 3 группы, и во всех этих трех группах прослеживается одно общее значение – значение признака завершения действия, которое является значением самой формы причастия II, инвариантным грамматическим значением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антонова Н.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности у студентов медицинского вуза на основе модульно-рейтинговой технологии обучения. *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9-5. С. 1087-1091.
2. Прошина З. Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация // *Личность. Культура. Общество. (Personality. Culture. Society)*. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. М., 2010. Т. XII. Вып. 2. № 55-56. С. 242-252.
3. Иванова, Е. Н. Формирование у студентов навыков чтения специализированной литературы в процессе изучения английского языка / Е. Н. Иванова, Е.С. Кузьмина, А.В. Ярмушова, Л.Н. Кашицына // *Научно-образовательные и прикладные аспекты производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Чувашской АССР, Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, доктора сель-*

скохозяйственных наук, профессора Александра Ивановича Кузнецова (1930-2015 гг). В 2-х частях. – Чебоксары: ФГБОУ ВО Чувашский ГАУ, 2020. – С. 507-516.

4. Кузьмина, Е.С. К вопросу формирования у студентов знаний английского языка при чтении литературы и просмотре фильмов на иностранном языке / Е.С. Кузьмина, Е.Н. Иванова, Е.Г. Лысенко // *Студенческая наука – первый шаг в академическую науку: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции с участием школьников 10-11 классов*. – Чебоксары: ФГБОУ ВО Чувашский ГАУ, 2021. – С. 458-462.

5. Розмахов М. Ю. К вопросу о вариантно-инвариантном строении языковой системы. *Вестник АГУ. Выпуск 3 (182)*. 2016. С. 1-4.

6. Иванова, Е. Н. Сравнительно-сопоставительное изучение народных примет в немецкой, русской и чувашской традиционной культуре / Е. Н. Иванова // «Проблемы развития образования в социокультурном контексте: история, современность, перспективы». Сб. мат. Междунар. заочной научно-практ. конф. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2016. – С. 133-138.

7. Левицкий В.В. Семантический синкретизм в индоевропейском и германском // *Вопросы языкознания*. 2001 №5. С. 54-106.

8. Иенатьева Т. С., Антонова Н.А. Об использовании тестовой методики контроля при обучении иностранному языку студентов медицинских вузов // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2017. № 1. С. 68-71.

9. Иванова Е. Н., Орлова А.Е., Данилова В.А. Лексико-семантические особенности некоторых прилагательных цвета, входящих во фразеологические сочетания (на материале разноструктурных языков) // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2019. № 5 (105). С. 49-55.

10. Кашицына, Л. Н. Формирование межкультурной компетенции у студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку / Л.Н. Кашицына, Е. Н. Иванова // *Молодежь и инновации: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов*. – Чебоксары: ФГБОУ ВО Чувашская ГСХА, 2017. – С. 279-282.

11. Кашицына, Л. Н. Skype как средство обучения иностранному языку студентов-заочников / Л. Н. Кашицына, Е. Н. Иванова // *Вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков: материалы XIII Международной научно-практической конференции*. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 116-119.

12. Трукова А.И. Как выучить английский предлоги? / А.И. Трукова, Е.Н. Иванова // *Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранному языкам: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. – Чебоксары: изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 73-77.

13. Иванова, Е. Н. К вопросу изучения лингвистической терминологии при дефиниции пословичных фразеологизмов в неродственных языках / Е.Н. Иванова, Н.А. Антонова, Т.Ю. Гурьянова // *Духовные основы отношений человек - природа: материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции*. – Чебоксары: ФГБОУ ВО Чувашский ГАУ, 2021. – С. 93-99.

14. Иванова, Е. Н. К вопросу изучения лингвистической терминологии при дефиниции пословичных фразеологизмов в неродственных языках / Е.Н. Иванова, Н.А. Антонова, Т.Ю. Гурьянова // *Духовные основы отношений человек - природа: материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции*. – Чебоксары: ФГБОУ ВО Чувашский ГАУ, 2021. – С. 93-99.

15. Немцева, А.О. Употребление терминов в области земледелия на русском и английском языках / А.О. Немцева, Е.Н. Иванова, Л.Н. Кашицына // *Студенческая наука – первый шаг в академическую науку: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции с участием школьников 10-11 классов*. – Чебоксары: ФГБОУ ВО Чувашский ГАУ, 2021. – С. 473-478.

16. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: «Издательство литературы на иностранных языках», 1957. 280 с.

17. Bailey R. W., Gollach M. (eds.) *English as a World Language*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1982. 496 p.

18. Brutt-Griffer J. *World English. A Study of its Development*. UK: Multilingual Matters Ltd., 2002. 215 p.

19. Crystal D. *How Many Millions? The Statistics of English Today // English Today*. 1985. № 1. P. 7-9.

20. Кочетова М. Г. Вариативность в современном английском языке: единство и множественность форм. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 4. Ч. 2. С. 103-105.

Статья поступила в редакцию 21.09.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.512.162

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0061

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

АФАД КУРБАНОВ И ОБЩЕТЮРКСКИЙ АЛФАВИТ

© Автор(ы) 2021

ORCID: 0000-0002-6079-8144

ИМАНКУЛИЕВА Мехри Тофик кызы, диссертант кафедры азербайджанского языкознания

Университет иностранных языков

(AZ1055, Азербайджан, Баку Рашида Бейбутова 60 E-mail: mimanquliyeva@mail.ru)

Аннотация. Если внимательно присмотреться к историческим условиям и реалиям, то станет ясным, что реформа алфавита в нашей стране происходит на фоне длительных и сложных социальных процессов. Роль академика Афада Гурбанова в применении латинского алфавита в Азербайджане в наше время незаменима. Афада Гурбанов возглавил важную организационную работу по внедрению азербайджанского алфавита на основе латиницы и узаконения применения этого алфавита. Азербайджанский алфавит на основе латинской графики соответствует литературным и художественным особенностям азербайджанского языка. Акад. Афада Гурбанов предложил создать новый алфавит в то время, когда советская империя еще не распалась, заявив, что кириллица не отвечает современным требованиям развития и применения языка. Вопрос создания общетюркского алфавита, затронутый А. Гурбановым, остается актуальным и сегодня. Создание общетюркского алфавита очень важно с точки зрения интеграции тюркоязычных народов.

Ключевые слова: Афада Гурбанов, древнетюркские алфавиты, общетюркский алфавит, азербайджанский алфавит на основе латиницы.

AFAD KURBANOV AND OBSCHETYURKIAN ALPHABET

© The Author(s) 2021

IMANKULIYEVA Mehri Tofik, Dissertation candidate of the Department of Azerbaijani Linguistics

University of Foreign Languages

(AZ1055, Azerbaijan, Baku, Rashida Behbudova 60, e-mail: mimanquliyeva@mail.ru)

Abstract. If you look closely at the historical conditions and realities, it will become clear that the reform of the alphabet in our country is taking place against the background of long and complex social processes. The role of academician Afad Gurbanov in the application of the Latin alphabet in Azerbaijan is irreplaceable in our time. Afad Gurbanov headed the important organizational work on the introduction of the Azerbaijani alphabet based on the Latin alphabet and legalizing the use of this alphabet. The Azerbaijani alphabet based on Latin graphics corresponds to the literary and artistic features of the Azerbaijani language. Acad. Afad Gurbanov proposed to create a new alphabet at a time when the Soviet empire had not yet collapsed, stating that the Cyrillic alphabet did not meet modern requirements for the development and use of the language. The issue of creating a common Turkic alphabet, touched upon by A. Gurbanov, remains relevant today. The creation of a common Turkic alphabet is very important from the point of view of the integration of Turkic-speaking peoples.

Keywords: Afad Gurbanov, ancient Türkic alphabets, common Türkic alphabet, Azerbaijani alphabet based on the Latin alphabet.

В период обретения нашей страной независимости талантливый ученый и искусный организатор А. Гурбанов

посвятил все свои силы созданию нового независимого азербайджанского алфавита, что явилось желанием и волей народа.

Академик Махмуд Керимов

ВВЕДЕНИЕ

Известный тюрколог, алтайолог, реформатор алфавита, общественно-политический деятель, заслуженный деятель науки, член Академии наук Азербайджанской ССР Афада Гурбанов оказал особые услуги в развитии теории языкознания, а также внес важный вклад в реформу алфавита в нашей стране. Афада Гурбанов, назначенный в 1990 году председателем Азербайджанской алфавитной комиссии, сыграл важную роль в формировании азербайджанского алфавита на основе латиницы. Особое место в его исследованиях занимают вопросы лингвистики и алфавита тюркологии, как направления языкознания. Акад. А. Гурбанов, который ввел в науку термин «тюркологическое языкознание», является автором таких произведений, как «Тюркологическое языкознание», «Библиография по тюркологическому языкознанию», «Периоды развития тюркских антропонимов», «История общетюркской антропонимии», «Традиции наречения именем у тюркских народов», «Древнетюркские имена», «Общий тюркский язык» и т.д. В этих и других трудах глубоко исследуются проблемы общетюркского языкознания.

Не случайно Афада Курбанов стал тюркологом: а отец ученого Мухаммед Курбанов стал жертвой репрессий в 1937 году, а его семья подвергалась гонениям со стороны коммунистического режима. Он внес свой исторический вклад в развитие лингвистики. Афада Курбанов также имел большие заслуги в проведении реформы алфавита

в нашей стране, как председатель Азербайджанской комиссии по алфавиту и автор нового алфавита на основе латиницы» [1, с. 7].

Степень исследованности проблемы. Творчество известного тюрколога Афада Курбанова привлекает внимание не только теоретиков и историков языкознания, но и тех, кто изучает общие вопросы истории и культуры азербайджанского и других тюркских народов. Среди исследований выделяются такие направления, как исследование наследования А. Курбанова в целом [1], реформа азербайджанского алфавита [2], проблема создания общего алфавита для всех тюркоязычных народов [4], рассмотрение отдельных исследований А. Курбанова по тюркологии [7], вклад А. Курбанова в общекультурное развитие народа, повышение его грамотности и профессиональной подготовки [8].

Цель данного исследования – определение вклада А. Курбанова в подготовку и проведение реформы азербайджанского алфавита на основе латинской графики. С этой целью мы обратились как к творческому наследию самого Курбанова, так и к исследованиям вокруг этого наследия, а также к архивным документам.

Об истории графики азербайджанского алфавита. Следует отметить, что письменные знаки в Азербайджане имеют древнюю историю. В частности, всемирно известные наскальные изображения в Гобустане и Гамигае указывают на то, что в доисламский период азербайджанский народ использовал разные алфавиты. После распространения ислама в течение длительного исторического периода, охватывающего тысячелетие, в Азербайджане использовался только арабский алфавит. Однако арабская графика, веками служившая формированию культурных связей между разными народами и сыгравшая важную роль в развитии различных сфер общественной жизни того времени, не могла

полностью и адекватно отразить особенности языка. В конечном итоге это привело к проблеме реформирования азербайджанского алфавита и письма. Эта тенденция стала очень серьезной в прошлом веке: в XX веке письменность азербайджанского народа менялись несколько раз.

Идея единого турецкого алфавита основана на создании единого латинского алфавита для всех тюркских языков на основе модернизированного турецкого алфавита. Эта идея активно обсуждалась среди советских исследователей в 1920-1930-х годах. Идея общего тюркского алфавита сыграла важную роль в сближении тюркского мира, который охватывает обширную территорию от Центральной Азии до Кавказа и от Кавказа до Балкан. Существование общего алфавита может иметь большое значение для развития сотрудничества между тюркоязычными странами.

В конце прошлого века возникла также необходимость в создании современного азербайджанского алфавита. Как ведущий специалист в области тюркологии, Афад Курбанов глубоко осознавал эту необходимость, начав выдвигать соответствующие предложения. «С 1990 года в Азербайджане выдвигаются инициативы по возврату к латинскому алфавиту, и первым исследователем, обосновавшим необходимость перехода на латинский алфавит, был именно академик Афад Курбанов. Однако проект был утвержден и реализован только после обретения Азербайджаном независимости» [2, с.13].

Работа над новым алфавитом. А. Курбанов при составлении современного азербайджанского алфавита столкнулся с необходимостью определенного выбора. Новый алфавит должен был отвечать как современным требованиям, так и национальным потребностям, которые были связаны с идентичностью. А. Курбанов тщательно анализировал алфавиты других тюркоязычных народов, историю развития этих алфавитов. Как известно, после периода арабского завоевания, начавшегося в VII веке, большинство тюркоязычных народов стали использовать арабский алфавит, однако первые образцы тюркской письменности были обнаружены на каменных памятниках Средней Азии, в Орхоно-Енисейских памятниках и в современной Монголии.

После этого было создано множество письменных текстов именно на уйгурском алфавите. Это есть памятники тюркской письменности на древнетюркском языке. «Эта первая официальная система письма, которая использовалась тюркскими народами в течение 1300 лет. Поскольку она похожа на руническую систему письма, использовавшуюся в древних скандинавских письменных источниках, то в европейской и русской тюркологической литературе эти письмена называются сибирскими руническими буквами, енисейскими руническими буквами, руническим алфавитом и тюркским письмом» [3, стр.116].

Как следствие распада СССР, идеи пантюркизма снова стали популярными в суверенных тюркоязычных республиках, и в результате этого в тюркских странах началось движение за восстановление латинского алфавита. В ноябре 1991 года по инициативе Турции в Стамбуле прошел международный научный симпозиум по разработке единого алфавита для тюркских языков. Этот алфавит был полностью основан на турецком алфавите, но к этому алфавиту были добавлены буквы «ä», «ñ», «q», «w», «x». В итоге алфавит был составлен из 34 букв, 29 из которых были взяты из турецкого языка. С 1991 года для тюркского мира был восстановлен общий тюркский алфавит на основе 34-буквенного латинского алфавита. Этот алфавит сегодня распространен во всех тюркоязычных странах и у всех народов. Новая версия алфавита, представленная на симпозиуме «Современный турецкий алфавит», организованном Институтом тюркологии Мармарского Университета в Стамбуле 18-20 октября 1991 года, была принята лингвистами. На встрече присутствовали лингвисты из Азербайджана, Казахстана,

Кыргыстана и Туркменистана. Турецкий алфавит, состоявший из 29 знаков общих турецких букв, был дополнен 5 звуками алфавита других распространенных тюркских народов.

Общий алфавит для тюркских народов*

№	Печатный вид	Название	№	Печатный вид	Название
1	A a	a	18	L l	le
2	B b	be	19	M m	me
3	C c	ce	20	N n	ne
4	Ç ç	çe	21	Ñ ñ	ñe
5	D d	de	22	O o	o
6	E e	e	23	Ö ö	ö
7	Ə ə	ə	24	P p	pe
8	F f	fe	25	R r	re
9	G g	e	26	S s	se
10	Ğ ğ	ğa	27	Ş ş	şe
11	H h	he	28	T t	te
12	X x	xe	29	U u	u
13	I ı	ı	30	Ü ü	ü
14	İ i	i	31	V v	ve
15	J j	je	32	W w	we
16	K k	ke	33	Y y	ye
17	Q q	ka	34	Z z	ze

*Утверждено после обсуждения в Турции. Проф. Афад Курбанов

Как известно, ко времени распада СССР кириллица использовалась во всех тюркоязычных республиках. После обретения тюркоязычными народами независимости начался переход от кириллицы к латинскому алфавиту. Первыми на новый латинский алфавит перешли именно в Азербайджане. В декабре 1991 года латинский алфавит был официально принят в Азербайджане, затем в апреле 1993 года – в Туркменистане, и в сентябре 1993 года – в Узбекистане. В сентябре 1993 года на международной конференции в Анкаре представители Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана официально объявили о завершении перехода на новый алфавит. Однако в 1992 году А. Курбанов предложил внести в азербайджанский алфавит изменение, в частности, о замене буквы «ä» буквой «æ», взятой из старого кириллического алфавита.

Вообще после распада СССР создание единого тюркского алфавита в тюркоязычных республиках на фоне возврата к общенациональным ценностям стало предметом жарких дискуссий. Акад. А. Курбанов был в авангарде этих процессов в нашей стране. «Независимость и свобода, обретенные тюркскими народами СССР в 1991 году, потребовали восстановления латинского алфавита. Эта необходимость была вызвана требованиями времени. На начальных этапах обретения независимости вопрос об алфавите широко обсуждался в республике. Впервые среди тюркских народов на постсоветском пространстве Азербайджан первым посчитал необходимым использовать латинский алфавит для приобщения к мировой письменной цивилизации» [4, с.8].

На постсоветском пространстве тюркоязычным народам было непросто создавать свой собственный алфавит. К примеру, в Казахстане было рассмотрено более 40 вариантов перевода казахского алфавита в латинский. Такой же процесс происходил и в нашей стране, акад. А. Курбанов подготовил различные варианты и рассмотрел их вместе с членами комиссии. Различные варианты, подготовленные А. Курбановым, в основном связаны с историей становления азербайджанского алфавита.

Реформа алфавита в нашей стране, впервые выдвигнутая еще в XIX веке Мирза Фатали Ахунзаде, была актуальной проблемой также и в Азербайджанской Демократической Республике. В марте 1919 года правительством Азербайджанской Демократической Республики была создана специальная комиссия по реформированию алфавита. Мухаммад ага Шахтахты,

Абдулла Тагизаде, Миразиз Сеидов и Абдулла бек Эфендизаде усердно работали над проектом реформы алфавита, в конце концов комиссия одобрила проект Абдуллы бека Эфендизаде. В этом проекте, подготовленном А. Эфендизаде, азербайджанский алфавит был записан латиницей.

После большевистской оккупации в 1920 году долгое время предметом споров было составление азербайджанского алфавита в нашей стране на основе арабского или латинского алфавита. Чтобы положить конец длительной борьбе «латинистов» и «арабов», в 1922 году при Центральном исполнительном комитете Азербайджана был создан Комитет по новому турецкому алфавиту.

На заседании ЦИК СССР, состоявшемся 13 февраля 1927 года в Москве, Самед Агамалиоглу выдвинул идею создания нового турецкого алфавита, и его предложение было принято. Распоряжением Центральной избирательной комиссии СССР от 11 мая 1927 года был создан Всесоюзный центральный комитет по новому турецкому алфавиту (ВЦКНТА) для регулирования и реализации Движения за новый алфавит во всесоюзном масштабе. Самед Агамалиоглу был избран председателем этого комитета. Хотя главное представительство комитета находилось в Москве, позже, 1 мая 1928 года, комитет был переведен в Баку [5, с. 45-46].

В целом арабский алфавит использовался в нашей стране со времен арабских завоеваний до 1922 года, латинский – в 1922-1940 годах, кириллица – в 1940-1992 годах. Процесс перехода на современный азербайджанский алфавит с латиницей в 1992 году был инициирован именно А. Курбановым. Акад. А. Курбанов в своем обширном исследовании «Тюркологическая лингвистика» подробно комментирует алфавитную систему тюркских народов, историю алфавита и касается создания общетюркского алфавита. По словам автора, письмо и алфавит играют решающую роль в формировании литературного языка: «алфавит играет неосценимую роль в развитии любого литературного языка. Опыт показывает, что письменные языки народов мира смогли подняться на высокий уровень развития с помощью алфавита. Несомненно, единый алфавит будет иметь особое значение для тюркских народов в становлении и развитии создаваемого общетюркского литературного языка» [6, с.356].

Проблема создания единого алфавита тюркоязычных народов не потеряла своей актуальности и в наше время. Сегодня регулярно проводятся конференции на тему «Общий алфавит тюркского мира». Правда, после обретения независимости тюркоязычные страны перешли на собственный латинский алфавит, однако, несмотря на все это, читатели сталкиваются с различными проблемами в плане отсутствия единого алфавита. По этой причине принятие и утверждение общего латинского алфавита для тюркских языков очень важно. Это нужно для того, чтобы было легче писать и читать на любом тюркском языке.

25 декабря 1991 года решением Национального Совета Верховного Совета Азербайджанской Республики № 34 о вступлении в силу Закона Азербайджанской Республики «О восстановлении азербайджанского алфавита на основе латиницы», страна официально перешла на латинский алфавит. Хотя изначально в официальных документах использовались и кириллица, и латиница, постепенно кириллица была упразднена. В этот период был выдвинут ряд вариантов нового алфавита, однако А. Курбанов считал более целесообразным создание азербайджанского алфавита на основе латиницы и настаивал на этом. По этому предложению были высказаны три точки зрения:

1. Взять современный турецкий алфавит, основанный на латыни, как есть;
2. Принять и использовать тот же алфавит без каких-либо изменений в варианте который использовался до 1920-х годов;
3. Составить новый самостоятельный алфавит с латиницей.

На основе третьего соображения Афада Курбанов под-

готовил проект нашего нового независимого алфавита на основе латиницы с учетом звуковой системы и других особенностей азербайджанского языка и представил его на рассмотрение Комиссии» [7].

В то время были даже сторонники использования древнего орхоно-гекторского алфавита, или древнего уйгурского алфавита. В то же время были и те, кто говорил о реформе арабского алфавита или введении полностью оригинального алфавита. Однако некоторые из этих версий были далеки от условий и требований современности, а некоторые – совершенно далеки от учета национальной самобытности народа. А. Курбанов, глубоко понимавший все эти факты, приложил большие усилия, чтобы утвердить вариант азербайджанского алфавита на основе латиницы и узаконить применение этого алфавита. Азербайджанский алфавит на основе латиницы считается наиболее подходящим, поскольку он соответствовал литературным и художественным особенностям азербайджанского языка.

Академик Афада Курбанов предложил создать новый алфавит в то время, когда советская империя еще не распалась, отметив, что кириллица не отвечает современным требованиям. «Кириллица не отвечает всем тонкостям азербайджанского языка и его требованиям. Используемая сейчас кириллица имеет ряд недостатков, которые нельзя исправить. В то же время кириллица отрицательно сказывается на формировании общенациональной культуры нашего народа. Азербайджанцы, живущие в разных местах планеты, не могут получить прямую информацию о достижениях друг друга, и между национальными культурами в данном смысле нет прочной связи. Поэтому для единства нашего народа, его экономического, политического и культурного развития нам нужен прогрессивный и полезный алфавит. Это должен быть новый алфавит, основанный на латинице, который сможет себя зарекомендовать сейчас и в будущем» [8, с. 236].

ВЫВОДЫ

История реформирования алфавита в азербайджанском письменном языке сложна и противоречива. Однако на всех исторических этапах развития были особые письменные знаки, которые давали возможность обмениваться информацией на этом языке. В современных условиях взаимодействия цивилизаций и народов необходимость расширения коммуникативных возможностей все время возрастает. Именно это учитывал А. Курбанов, когда разрабатывал систему алфавита для азербайджанского языка на основе латиницы. Прделанная работа показывает, что здесь велись совместные с другими учеными-языковедами и представителями властей разработки по реформированию алфавита, которые принесли свои плоды. Латиница, как графика с длительной историей развития, является на сегодняшний день наиболее приспособленной к особенностям азербайджанского языка графикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Садыгова Саяли. Наследие Афада Гурбанова в языкознании. Стамбул: «Имак», 2019. 200 с. (на турецком языке)
2. Насирова Афаг. Латинский графический алфавит. Этапы формирования алфавита в Азербайджане // Газета «Азербайджанский учитель». - 2019. - 3 августа. (на азерб. языке)
3. Томсен Вильгельм. Анализ орхоно-енисейских памятников. Исследованные орхонские письмена // Публикации Института турецкого языка, Анкара, 1993. (на турецком языке)
4. Ибрагимов Эльчин. Общий алфавит, орфография и язык общенациональных народов. Монография. – Баку: Тарджуман, 2017. (на азерб. языке)
5. Исхаханлы Исхахан. Фархад Агазаде и переход на латинский алфавит. // Journal of Azerbaijani Studies. Издательство Хазарского Университета, 2011. (на азерб. языке)
6. Курбанов Афада. Тюркологическая лингвистика. Баку: 2019. 488 с. (на азерб. языке)
7. Машадиев Гара. Выдающийся лингвист, ученый, великий гражданин. // Газета «Республика», 31 июля 2016 г. <http://www.respublica-news.az/> (на азерб. языке)
8. Танриверди Азизхан. Афада Курбанов о нашей тюркологии. Баку: 2018. 244 с. (на азерб. языке)

Статья поступила в редакцию 14.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 80

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0062

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖОНА СТРЕЛЕКИ «THE WHY CAFÉ»)

© Автор(ы) 2021

SPIN: 8556-3054

AuthorID: 503211

ResearcherID: AAE-3510-2021

ORCID: 0000-0003-4739-218X

ScopusID: 57211619998

ИНОЗЕМЦЕВА Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: vvvictoria2008@mail.ru)

ORCID: 0000-0001-5466-461X

ЦИБАРТ Полина Александровна, студент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: fireundertheash@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению переводческих трансформаций, которые являются необходимыми для более точной передачи внутренней речи автора с соблюдением соответствующих норм языка перевода. Данная задача остается актуальной среди лингвистов-переводчиков, поскольку внутренняя речь является сложным явлением и связана с различными переводческими трудностями на всех уровнях языка. Однако причины, согласно которым обуславливается выбор того или иного преобразования, до сих пор остаются не совсем понятными. На материале перевода романа Дж. Стрелеки «The Why Café» при помощи сравнения текста-оригинала с текстом-переводом, выполненным переводчиком Э.И. Мельник, рассматриваются переводческие трансформации, использованные при передаче внутренней речи автора с английского языка на русский. В данной работе предпринята попытка выделить основные виды трансформаций, рассмотреть причины, вызывающие применение трансформации, проанализировать случаи использования переводческих трансформаций при передаче внутренней речи автора в тексте перевода романа. В результате исследования приходим к выводу о том, что переводчик романа Э.И. Мельник применяет разнообразные трансформации из-за различий в традиционных формах сочетаемости слов двух языков или из-за ситуативной составляющей.

Ключевые слова: переводческая трансформация, прием, внутренняя речь автора, перевод, исходный язык, переводящий язык, речь, классификация трансформаций, роман, философско-психологический роман.

THE PECULIARITIES OF THE AUTHOR INNER SPEECH TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF THE NOVEL "THE WHY CAFÉ" BY J. STRELECKY)

© The Author(s) 2021

INOZEMTSEVA Nadezhda Vladimirovna, candidate of philological sciences of the English philology and methods of English language teaching department

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue, 13, e-mail: vvvictoria2008@mail.ru)

TSIBART Polina Alexandrovna, student of the English philology and methods of English language teaching department

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue, 13, e-mail: fireundertheash@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to the consideration of translation transformations that are necessary for a more accurate transmission of all information in the original text, while respecting the relevant rules of the target language. It remains relevant among the linguists-translators. However, the reasons of choosing the type of the transformation are still not quite clear. The translation transformations used in transmitting the author's internal speech from English into Russian on the material of J. Strelecky's novel "The Why Café" by comparing the original text with its translation made by the translator E.I. Melnik are considered in this paper. The attempts to distinguish the main types of transformations, to consider the reasons of applying the transformations, to analyze the cases of the use of translation transformations when transmitting the author's internal speech in the text of the novel are made in the article. The study confirms that the translator of the novel E.I. Melnik applies various transformations due to differences in the traditional forms of combination of words of two languages or due to the situational component.

Keywords: a translation transformation, a technique, an internal speech of the author, translation, a source language, a target language, speech, a classification of transformations, a novel, a philosophical and psychological novel.

ВВЕДЕНИЕ

Передача информации с одного языка на другой затрагивает такие аспекты как переводческая адекватность и эквивалентность, которые достигаются за счет различных межязыковых преобразований, так называемых переводческих трансформаций [1]. Не только работы практикующих переводчиков [2,3,4], связанные с изучением такого рода трансформаций, достойны внимания исследователей в этой области, но и труды известных лингвистов [5,6] предоставляют огромную ценность в этой области исследования.

Проблеме изучения внутренней речи уделяли внимание многие отечественные и зарубежные ученые.

Внутренняя речь тесно связана с языком и мышлением и с деятельностью человека в целом. Л.С. Выготский предложил свою концепцию внутренней речи, где основная роль в переходе от мысли к слову и от слова к мысли принадлежит внутренней речи [7].

В философско-психологическом романе главным героем является сложная личность, которая оказывается в центре спора и обретает внутреннее противоречие. Основой данного вида романа и становится внутренний мир, внутренние ощущения героя. Анализируя внутреннюю речь автора, мы столкнулись с внутренними монологами, диалогами и реплицированием. Они, в совокупности, образуют непрерывный процесс внутренней

коммуникации личности, осуществляемый посредством внутренней речи [8, с. 54].

Применение различных трансформаций при передаче внутренней речи автора считаем крайне сложным аспектом исследования, поскольку единообразие понимания внутренней речи до сих пор отсутствует.

На основе романа Джона Стрелеки «The Why Safe» рассмотрим, каким образом передается внутренняя речь автора, какие виды трансформаций позволяют это точнее осуществить. Такого рода исследование не было проведено на данном материале.

МЕТОДОЛОГИЯ

Материалом для анализа послужил перевод внутренней речи автора в романе Джона Стрелеки «The Why Safe». Особое место в романе отводится внутренней речи автора, на основе которой строится все произведение. Роман представлен читателем в виде рассказа от первого лица. Автор словно впускает других в свой внутренний мир и раскрывает свои тайны. Вопросы, возникающие в первых главах, ставятся самим автором/героем и раскрываются в последующих частях им же самим.

Цель нашей работы является определить основные виды трансформаций, к которым прибегает переводчик для более точной передачи внутренней речи автора.

Для реализации поставленной цели применялся предпереводческий анализ, сравнительно-сопоставительный метод при анализе оригинала и перевода, метод лингвистического наблюдения и описания, контекстуальный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Роман представляет собой произведение, рассказывающий о главном герое Джоне, который осмыслил свою жизнь, когда неожиданно оказался в загадочном кафе «Почему». На русский язык данное произведение переводят как «Кафе на краю земли», однако в оригинальном названии романа дано лишь название кафе «Why». «Why» - в переводе с английского: «Почему». В ходе всего повествования даются ответы на жизненные вопросы, и именно поэтому роману подошло бы название «Кафе «Почему»». Русский перевод «Кафе на краю земли» создает привлекательное название, завлекая и заинтересовывая читателя. В данном случае переводчик использует, прежде всего, модуляцию, а именно замену переводимой лексической единицы словосочетанием, которое не является его словарным эквивалентом.

Исследуя внутреннюю речь героя Джона, мы можем отметить частое использование такой лексики как: «question», «reason», «thoughts», «discoveries», «level», «problems», «mind», «own», «place» и другие, что подчеркивает скрытые переживания главного персонажа, его размышления, его стремления ответить на свои внутренние вопросы и познание самого себя.

Для точной передачи внутренней речи автора с английского на русский язык необходимо четко понимать, какой вид трансформации применить. Для этого следует ознакомиться с основными видами переводческих трансформаций. Л.С.Бархударов представляет все переводческие трансформации в виде четырех элементарных типов: 1) перестановки, 2) замены, добавления, 4) опущения [1]. Н. К. Гарбовский считает, что «переводческие трансформации являются обычной процедурой любого процесса перевода в силу асимметричности систем любой пары языков, сталкивающихся в переводе» [5, с. 364].

В нашем исследовании считаем правомерным использовать классификацию В.Н. Комиссарова: «в зависимости от характера единиц ИЯ, которые рассматриваются как исходные в операции преобразования, переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические. Кроме того, существует также комплексные лексико-грамматические трансформации, где преобразования либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, т.е. осуществляют переход от

лексических единиц к грамматическим и наоборот» [6, с. 172].

Рассмотрим основные виды трансформаций, которые были использованы при переводе внутренней речи героя в романе Дж. Стрелеки «The Why Safe». Внутренние монологи представлены в разных вариациях. К примеру, часто можно встретить размышления героя в виде внутреннего диалога. Данный вид оформлен скобками как традиционная прямая речь. Форма такой внутренней речи является явной, так как высказывания связаны между собой по диалогическому и логическому принципу.

And by the time I find an exit it won't really matter, since I have no idea how to get where I want to go, I said out loud to myself, demonstrating my further degenerating state of mind [9, p. 5].

«А к тому времени, как съезд найдется, это на самом деле будет уже не важно, поскольку теперь я понятия не имею, как добраться туда, куда мне надо попасть, – сказал я вслух самому себе, демонстрируя дегенерацию собственного ума» [10, p.15].

В данном случае мы можем отметить использование приема конкретизации: глагол «to go» переводится в более узком значении «попасть», существительное «an exit» также передается словом «съезд» с узким значением. В этом примере мы можем наблюдать метод добавления: добавлено словосочетание «вслух самому себе», которое отсутствует в оригинальном предложении.

Второй вид внутреннего диалога – скрытый мы можем рассмотреть в следующем примере:

No longer be the same person? [9, p.23].

«Больше не буду прежним человеком?» [10, p.19].

Скрытый внутренний диалог представлен в данном случае как вопрос, а именно риторический, ответы на который буду даны в продолжении произведения. В предложении необходимо отметить при переводе использование метода модуляции: оригинальная фраза безлична, однако при переводе мы можем видеть персонализацию.

Рассмотренные внутренние диалоги являются процессом коммуникации главного героя с самим собой. Джон многократно беседует сам с собой, добавляя при этом характеристику и цель своего высказывания:

I said out loud to myself, demonstrating my further degenerating state of mind [9, p.8].

«Сказал я вслух самому себе, демонстрируя дегенерацию собственного ума» [10, p.15].

I repeated in mantra like fashion as I drove the quarter of a mile toward it [9, p.8].

«Повторял я на манер мантры, проделывая оставшуюся до фонаря четверть мили» [10, p.19].

Переводчик применяет способ перестановки, начная предложения с глагола, что характерно для русской речи.

Внутренние монологи также можно встретить в данном романе. Автор использует прямой внутренний монолог, который способен передать читателю чувства, страхи, вопросы и ощущения персонажа. Например:

1) If I were totally honest with myself, I would admit that for years I had wondered if there was more to life than what I already knew about. It wasn't that life was bad. Sure it was frustrating at times, particularly lately, but I had a decent job and good friends. Life was fine, even good. Still, in the back of my mind was this feeling that I couldn't quite explain [9, p.27].

«Если быть абсолютно честным с самим собой, я должен признать, что не один год гадал: неужели в жизни нет ничего, кроме того, о чем я уже знаю? И дело не в том, что моя жизнь была плоха. Конечно, она меня временами расстраивала, в особенности в последнее время, но у меня была достойная работа и хорошие друзья» [10, p.34-35].

Автор проводит анализ прошлого своего героя. Нам представляются попытки познания себя и попытки решения проблем. Мы можем полагать, что данный вид монолога относится к ретроспективному, описывая свои

воспоминания. В вышеприведенном монологе представлены окрашения, условное предложение, эмоционально окрашенная лексика, что являются характерными для данного вида внутренней речи. Если говорить о способах перевода, то необходимо отметить применение метода добавления слов «меня», «можно сказать», «где-то», а также прием конкретизации: «was» переводится как «маячило», «wondered» как «гадал», «surge» как «коченчно».

2) *My mind was spinning. I looked down at the menu and read the first question. Why are you here? It had a whole different meaning now compared to the first time I read it. It tried to remember the exact words Casey used earlier ... «It's asking why someone exists at all»* [9, p.31].

«Голова у меня шла кругом. Я уставился на обложку и снова перечитал первый вопрос. Почему вы здесь? Признаться, теперь этот вопрос имел для меня совершенно иной смысл по сравнению с первым прочтением. Я попытался вспомнить, что говорила Кейси. Речь о том, почему человек существует в принципе...» [10, p.38].

Во втором примере мы наблюдаем размышления персонажа, обрамленные графическими маркерами, а именно вопросительные знаки, многоточия. Также необходимо отметить наличие эмоционально окрашенной лексики и незаконченную фразу. Можем также отметить употребление при переводе приема конкретизации: «mind» переводится как «голова», «menu» как «обложка», «different meaning» как «иной смысл». Во всех примерах происходит замена на слово с более узким значением.

В романе Дж.Стрелеки все представленные монологи относятся к категории персонального внутреннего монолога. Они написаны от первого лица единственного числа. Переводчик акцентирует внимание читателя на рассказе именно от первого лица, добавляя в предложения местоимения «я», «мой», «мне», «себе», «сам» и другие.

ОБСУЖДЕНИЯ

Передача внутренней речи автора в психологическом романе не рассматривается в работах лингвистов-переводчиков. Однако, много работ посвящено выбору приема перевода внутренней речи в художественном произведении. Например, Н.А. Скирдова в одной из своих работ придерживается следующей позиции, что «при переводе внутренней речи в художественном произведении важно анализировать средства выражения эмоционального состояния и внутреннего мира героя на всех уровнях языка, так как они создают его образ и выражают идею автора» [16, с. 88]. Именно по причине отсутствия исследований по данной теме, считаем, что актуальность данной проблемы высока.

ВЫВОДЫ

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что произведение Джона Стрелеки «The Why Café» содержит все составляющие, характерные для философско-психологического романа: внутренние монологи, диалоги и простое внутреннее реплицирование, которые передаются переводчиком романа Э.И. Мельник на русский язык с помощью лексических и грамматических трансформаций, а именно приемов добавления, конкретизации, замены. Опираясь на проведенный нами анализ, считаем, что выбор той или иной переводческой трансформации обусловлен узусом и нормами языка перевода, а также контекстом романа. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более подробном изучении способов передачи внутренней речи автора на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бархударов, Л. С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)* / Л. С. Бархударов. – М. : «Междунар. отношения», 1975. 240 с.
2. Лаганина, С.Е. Специфика перевода англоязычных слоганов мультсериала “SIMON'S CAT” / Лаганина С.Е., Иноземцева Н.В. // *Современные исследования социальных проблем*, 2020. Т. 12. № 4-3. С. 148-152.
3. Терещенко, О.А. *К проблеме сохранения адекватности и эк-*

вивалентности (на материале мистического романа “Origin” Дэна Брауна) / Н.В. Иноземцева, О.А. Терещенко // *Современные исследования социальных проблем*, 2019. Т. 11. № 6-2. С. 149-154.

4. Чагай, Т.А. *Компьютерная игра как объект перевода (на примере компьютерных игр “Overwatch” и “Tales from the Borderlands”)* / Н.В.Иноземцева, Т.А. Чагай // *Современные исследования социальных проблем*, 2019. Т. 11. № 6-2. С. 155-159.

5. Гарбовский, Н. К. *Теория перевода : учебник* / Н. К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

6. Комиссаров, В.Н. *Современное переводоведение* / В.Н. Комиссаров // *Учебное пособие*. - М.: ЭТС.— 2002. С.158-170.

7. Выготский, Л. С. *Проблема сознания* // *Выготский Л. С. Собр. соч.* М., 1982. Т. 1

8. Синельникова, Л. Н. *Жизнь текста, или Текст жизни* / Л.Н. Синельникова.- Луганск: Знание, 2005. С. 54.

9. Strelecky, J. P. *The Why Café.* / J. P. Strelecky . - Aspen Light Publishing, 3rd edition, 2010. 98p.

10. Стрелеки, Джон. *Кафе на краю земли. Два бестселлера под одной обложкой* / Джон Стрелеки ; [пер. с англ. Э.И. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2019. - 368 с.

11. Иноземцева, Н.В. *Трансформации при переводе заголовков англоязычных статей методического содержания* / Н.В. Иноземцева // *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2017. № 2 (202). С. 76-80.

12. Абдрахманова, Р.Д. *Переводческие трансформации и трансформации как способы перевода* / Р.Д. Абдрахманова // *Вестник Международного Университета Кыргызстана*, 2020. № 2 (41). С. 10-15.

13. Мамедова, С.Я. *Внутренняя речь как особая форма языковой коммуникации (на материале художественных произведений английских авторов)* / С.Я. Мамедова // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 2020. № 3-4 (55). С. 8-13.

14. Хасибулина, Д.А. *Лексико-грамматические трансформации фразеологических единиц на материале зарубежной прессы* / Д.А. Хасибулина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 1. Ч. 1. С. 190-192.

15. Сдобников, В. В. *Теория перевода* / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.

16. Скирдова Н.А. *Переводческие трансформации при передаче эмоционального состояния литературного героя посредством его внутренней речи* / Н.А. Скирдова // *Тенденции развития науки и образования*. Самара, 2019. № 49-4. С. 88.

Статья поступила в редакцию 31.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК: 81'373.43
DOI: DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0063

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 8749-9598
AuthorID: 340007
ResearcherID: L-2817-2017
ORCID: 0000-0001-9141-9867
ScopusID: 57191404821

КАТЕРМИНА Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры
английской филологии

Кубанский государственный университет

(350040, Россия, Краснодар, улица Ставропольская, 149, e-mail: katermina_v@mail.ru)

SPIN: 8486-3129
AuthorID: 948944

ORCID: 0000-0002-2049-5923

ЛИПИРИДИ София Христофоровна, аспирант

Кубанский государственный университет

(350040, Россия, Краснодар, улица Ставропольская, 149, e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com)

Аннотация. *Цель:* выявление манипулятивного потенциала новой лексики пандемии коронавируса в сетевых медиа. *Методы:* основополагающим методом исследования стал семантико-аксиологический анализ текста. Рассмотрение семантико-аксиологического плана неологизмов пандемии коронавируса позволяет выявить смысловую и ценностную специфику, определяющую манипулятивный потенциал лексики, посвященной социальным последствиям пандемии. Данные методы дополняются стилистическим и контекстуальным анализом, позволяющим рассмотреть стилистические и экстралингвистические параметры создания лексических единиц, отражающих трансформации общественного сознания в период распространения пандемии. *Результаты:* стратегии манипуляции, применяемые статусными участниками социальной коммуникации, преследуют различные цели, зависящие от намерений манипуляторов. Выявлены три доминирующие тенденции манипулирования социумом – стремление использовать пандемию в политических целях, желание игнорировать последствия пандемии и максимальное распространение стратегии сдерживания пандемии. Стратегии формирования эмоционального настроения адресата и отрицательной репрезентации оппонента присущи всем трем тенденциям манипулирования общественным мнением, а игнорирование фактов, распространение дезинформации и теорий заговора, мистификаций – тенденции отрицания значимости пандемии, что позволяет рассматривать данное видение ситуации как предельно маргинальный способ мировоззрения. Каждый вектор видения пандемии отражает интересы профессионалов разных групп, члены которых создают неологизмы как реализацию своих интенций. *Научная новизна:* в статье впервые исследовано применение совокупности манипулятивных стратегий в создании новой лексики пандемии коронавируса. *Практическая значимость:* была выявлена перспектива педагогической рефлексии преподавателей данных дисциплин, перед которыми стоит задача адекватной передачи специфики данных манипулятивных практик учащимся. Анализ контекста применения лексики пандемии коронавируса в ходе учебного процесса позволит преподавателям использовать данный пласт неолексики как актуальный материал для иллюстрации теоретических положений курсов по медицине, экономике, социологии, политологии, психологии, религиоведению, лингвистике.

Ключевые слова: английские неологизмы пандемии коронавируса, манипулятивный потенциал, стратегии манипуляции общественным сознанием, негативная репрезентация оппонента, стратегия мистификации, стратегия формирования эмоционального настроения адресата, игнорирование фактов, создание и распространение дезинформации, теории заговора, векторы восприятия заболевания обществом, педагогическая рефлексия.

MANIPULATIVE POTENCIAL OF CORONAVIRUS PANDEMIC VOCABULARY IN PROFESSIONAL DISCOURSE

© The Author(s) 2021

KATERMINA Veronika Viktorovna, doctor of philological sciences, professor of the department of
English philology

Kuban State University

(350040, Russia, Krasnodar, street Stavropolskaya, 149, e-mail: katermina_v@mail.ru)

LIPIRIDI Sofia Christophorovna, post-graduate student

Kuban State University

(350040, Russia, Krasnodar, street Stavropolskaya, 149, e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com)

Abstract. *Objective:* to identify the manipulative potential of the new vocabulary of the coronavirus pandemic in online media. *Methods:* The semantic-axiological analysis of the text has become the fundamental research method. Consideration of the semantic and axiological plan of neologisms of the coronavirus pandemic allows us to identify the semantic and value specifics that determine the manipulative potential of the vocabulary devoted to the social consequences of the pandemic. These methods are complemented by stylistic and contextual analysis, which makes it possible to consider the stylistic and extralinguistic parameters of the creation of lexical units that reflect the transformations of public consciousness during the spread of the pandemic. *Results:* manipulation strategies used by status participants in social communication pursue various goals, depending on the intentions of the manipulators. Three dominant tendencies of social manipulation have been identified - the desire to use the pandemic for political purposes, the desire to ignore the consequences of the pandemic, and the maximum spread of the pandemic containment strategy. Strategies for forming the emotional mood of the addressee and negative representation of the opponent are inherent in all three tendencies of manipulating public opinion, and ignoring facts, spreading disinformation and conspiracy theories, hoaxes - tendencies to deny the significance of a pandemic, which allows us to consider this vision of the situation as an extremely marginal way of thinking. Each vector of the pandemic vision reflects the interests of professionals from different groups, whose members create neologisms as the implementation of their intentions. *Scientific novelty:* the article for the first time explored the use of a set of manipulative strategies in the creation of a new vocabulary of the coronavirus pandemic. *Practical significance:* the prospect of pedagogical reflection of teachers of these disciplines was identified, who are faced with the task of adequately conveying the specifics of these ma-

manipulative practices to students. An analysis of the context of the use of the vocabulary of the coronavirus pandemic during the educational process will allow teachers to use this layer of neolectics as an up-to-date material to illustrate the theoretical provisions of courses in medicine, economics, sociology, political science, psychology, religious studies, and linguistics.

Keywords: English neological vocabulary of the coronavirus pandemic, manipulative potential, strategies for manipulating public consciousness, negative representation of an opponent, a hoax strategy, a strategy for forming the addressee's emotional mood, ignoring facts, creating and spreading disinformation, conspiracy theories, vectors of perception of the disease by society, pedagogical reflection.

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия коронавируса повлекла за собой значимые изменения в сфере общественных отношений, породив ряд способов восприятия заболевания массовым самосознанием. Динамические трансформации сознания свидетелей распространения пандемии нашли отражение в создании новой лексики, посвященной пандемии коронавируса. Ранее мы рассматривали данную лексику как часть просторечного медицинского дискурса и пришли к выводу, что многие неологизмы пандемии коронавируса имеют неформальное происхождение и отражают точку зрения рядовых участников сетевой коммуникации [1]. Вместе с тем, данные выводы нуждаются в существенном дополнении. Стоит отметить, что наряду со стихийным словотворчеством также наблюдается использование экспрессивного потенциала неологизмов пандемии коронавируса как средства манипуляции массовым сознанием. К данному виду коммуникативного воздействия прибегают статусные фигуры социальной коммуникации – врачи, политики, журналисты, блогеры, религиозные деятели. Анализ лексем, отражающих намерения их создателей, позволяют коснуться важнейшего фактора влияния пандемии на общественный организм – появление стратегий и тактик манипуляции коллективным сознанием. Изучение способов и векторов манипуляции позволяет рассмотреть как лингвистические, так и экстралингвистические особенности создания лексики пандемии коронавируса. Существенной трудностью исследования является то, что в анонимном пространстве сетевого словотворчества представляется сложным отследить непосредственное авторство неформального в своей сущности неологизма, но, несмотря на это препятствие, мы можем предположить, что имплицитно заложенный в лексических единицах семантико-аксиологический план отражает прагматические причины создания неологизмов. Анализ семантико-аксиологического и прагматического планов лексики пандемии коронавируса позволит выявить интенции ее создателей (как частных лиц, так и коллективного автора). Также представляется важным выявление гипотетического манипулятивного потенциала данной лексики – не все рассматриваемые неологизмы позиционировались их создателями как инструмент манипуляции, но, несмотря на это, в их семантико-стилистическом плане может быть обнаружен манипулятивный потенциал, выявление которого создает перспективу его дальнейшего изучения профессионалами, от социологов до лингвистов. Актуальность настоящего исследования определяется социальной востребованностью материала – новая лексика пандемии коронавируса отображает наиболее важные события, вызванные распространением заболевания, и является показателем общественных настроений. Новизна работы обеспечена тем, что в статье впервые исследовано применение совокупности манипулятивных стратегий в создании новой лексики пандемии коронавируса. Также, актуальной представляется возможность педагогической рефлексии по поводу применения материалов исследования манипулятивного потенциала лексики пандемии коронавируса в профессиональном дискурсе – связанные с распространением пандемии новые слова и выражения могут служить наглядным иллюстративным материалом для учебных курсов.

Теоретическую базу исследования составили работы лингвистов, психологов и политологов, изучающих методы манипуляции массовым сознанием в про-

странстве текстов массмедиа. В рассмотрении понятия манипулятивного потенциала мы опираемся на работу А.А. Казакова, понимавшего под данным термином «силу возможного воздействия журналистского произведения на аудиторию, его суггестивный заряд» [2, с. 77]. Исследователь использовал данное понятие в расширительном смысле: «манипулятивным потенциалом обладают не только дезинформирующие тексты, но и те, которые не предполагают целенаправленного доведения до адресата заведомо ложной информации или намеренно искаженных данных. В нашем понимании, любой медиатекст – даже самый фактологически выверенный и лексически выдержанный – может нести в себе манипулятивный потенциал» [2, с. 79]. Таким образом, манипулятивный потенциал текста или лексической единицы может появиться как в силу непосредственного стремления автора-манипулятора, так и в силу неосознаваемой создателями возможности использования речевого акта в целях манипуляции его реципиентом. Манипулятивный потенциал собственно новой лексики анализировался в работе С.А. Виноградовой, отметившей, что неологизмы «передают более точное значение или, наоборот, маскируют его, приближаясь к словам-амебам или терминам, но в любом случае, они всегда приковывают внимание читателя» [3].

Теоретическую базу работы дополнили работы исследователей, изучавших стратегии манипуляции – труды О.Н. Торговановой [4], Е.И. Шейгал [5], О.С. Иссерс [6], В.В. Козлова [7], Е.В. Гориной [8]. Так, среди рассмотренных авторами стратегий выделяются отрицательная репрезентация оппонента [4], стратегия мистификации [5], стратегия формирования эмоционального настроения адресата [6], вуалирование [4], игнорирование или тенденциозный подбор фактов [7], создание и распространение дезинформации, теорий заговора в пространстве массмедиа [8].

Данные, связанные с манипулятивным потенциалом и стратегиями манипуляции были дополнены материалами, имеющими отношение непосредственно к анализу последствий пандемии коронавируса на общество: работами исследователей, изучавших психологические последствия пандемии коронавируса, в том числе рост стресса – статьи С.К. Брука [9], К. Куртенэ [10], С. Мацца [11], В. Вольперта [12]. Данные материалы позволяют расширить рамки исследования благодаря рассмотрению экстралингвистических параметров анализа общественной ситуации, порожденной пандемией коронавируса. Также теоретическую базу работы расширили материалы, посвященные непосредственно функционированию неологизмов пандемии коронавируса в медиа – работы А. Хаддад Хаддада [13], М. Халфан [14], И.Ю. Есиной [15], С. Аль-Салмана [16], Ф. Прието-Рамоса [17], С. Рафи [18], А. Ройг-Марин [19], Х.Т. Кима [20], К.О. Аль-Аззави [21]. Особенный интерес с этой точки зрения представляют исследования, в которых поднимается вопрос манипуляции общественным мнением путем создания ряда неологизмов пандемии коронавируса – работы Ф. Прието-Рамоса [17], И.Ю. Есиной [15] и М. Халфан [14], в которых были рассмотрены политические аспекты лексики, отображающей последствия пандемии.

В понимании понятия «профессиональный дискурс» как общности дискурсов профессионалов мы опираемся на работу Л.С. Бейлинсон [22], выделившей профессиональный дискурс как отдельный тип дискурса, в который

входят дискурсы различных групп специалистов.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью исследования является выявление манипулятивного потенциала новой лексики пандемии коронавируса в сетевых медиа.

Основополагающим методом исследования стал семантико-аксиологический анализ текста. Рассмотрение семантико-аксиологического плана неологизмов пандемии коронавируса позволяет выявить смысловую и ценностную специфику, определяющую манипулятивный потенциал лексики, посвященной социальным последствиям пандемии. Данные методы дополняются стилистическим и контекстуальным анализами, позволяющими рассмотреть стилистические и экстралингвистические параметры создания лексических единиц, отражающих трансформации общественного сознания в период распространения пандемии.

Материалом исследования послужила репрезентативная выборка из материалов статей электронного словаря Urban Dictionary [23]. Выбор источника был вызван необходимостью дать адекватную картину распространения неологизмов с манипулятивным компонентом – неформальная стилистика волонтерского словаря Urban Dictionary отображает видение пандемии массовым сознанием. Единицы лексики пандемии коронавируса были отобраны в соответствии с тематикой статьи – нами были выбраны неологизмы, заключающие в себе непосредственный или опосредованный манипулятивный потенциал, соотносящиеся с той или иной стратегией манипуляции (иные проанализированные нами ранее лексические единицы остались за рамками настоящего исследования).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Мы разделяем лексику пандемии коронавируса на две основные группы: неологизмы, обладающие непосредственно манипулятивной направленностью и лексику со скрытым манипулятивным потенциалом. Наиболее яркими примерами лексики с непосредственно манипулятивной окраской являются единицы, содержащие в себе критику или дискредитацию знаковых политических фигур – создание и распространение данных неологизмов вписывается в рамки стратегии негативной репрезентации оппонента. К данного рода лексике мы относим *Trump Flu (the name of the fully contracted illness brought on by coronavirus COVID-19. Since the disease is most deadly to the old, fat, and unwell the current president easily fits into the vulnerable demographic. As the same time, his vainglorious incompetence is largely responsible for the rapid increase of COVID-19 infections and cases of Trump Flu. Also known as Boomer Flu [23] – название чрезвычайно заразного заболевания, вызванного коронавирусом COVID-19. Поскольку эта болезнь наиболее смертельна для старых, толстых и нездоровых людей, нынешний президент легко вписывается в уязвимую демографическую группу. Как и в то же время, его тщеславная некомпетентность в значительной степени ответственна за быстрый рост инфекций COVID-19 и случаев заболевания гриппом Трампа. Также известна как грипп поколения бумеров [здесь и далее перевод наш]) и Maralagovirus (a common name for COVID-19 or CoronaVirus [23] – общее название для COVID-19 или коронавируса).* (Мар-а-Лаго (Mar-a-Lago) – место резиденции президента США Д. Трампа). Очевидно, что данные неологизмы были созданы политическими противниками бывшего президента США Д. Трампа. Явленный в данных сатирических неологизмах образ Трампа отчетливо снижен – дефиниция первого выражения создает непривлекательный образ президента путем нагнетания черт, не соответствующих статусу главы страны – в дефиниции используются образы старческой немощи, болезненности, полноты, явственно снижающие образ Трампа как обобщенного представителя консервативного поколения бумеров (здесь также используется формирование эмоционального настроения адресата). Негативная

репрезентация оппонента заключена и непосредственно в составе неологизма – фигура президента неразрывно связывается с просторечным, усеченным названием коронавируса, тем самым, создавая ассоциацию личности президента с заболеванием. В целом, Трамп показан как вероятная жертва собственной политики реагирования на угрозу угрозы пандемии, которую авторы неологизма считают неадекватной условиям динамического распространения заболевания. Семантика второго неологизма определена понятным для читателя контекстом (названием резиденции Трампа), таким образом, смысл данного слова идентичен смыслу приведенного ранее выражения. Манипулятивный характер данных неологизмов очевиден – манипуляция сознанием потенциальных избирателей является главной целью создания неологизмов. Очевидно, что вышеприведенные слова и выражения используются профессионалами (политиками и журналистами), ставящими своей задачей дискредитацию правящего режима. Изучение данных неологизмов раскрывает такой вектор восприятия пандемии как стремление извлечь практическую, в данном случае политическую, пользу от распространения заболевания.

Несколько другой характер манипулирования общественным мнением приобретают единицы, заключающие в себе явное или скрытое, но априорно считываемое адресатом сомнение в адекватности видения пандемии обществом. Наиболее ярким примером подобного рода лексики является слово *coronaphobia (the fear of catching the current strain (COVID-19 in March 2020) of human coronavirus, expressed by wearing a face mask in public, or simply avoiding public places, public events and public transport [23] – страх подхватить текущий штамм (COVID-19 в марте 2020 г.) коронавируса, выражающийся в ношении маски для лица в общественных местах или просто избегании общественных мест, общественных мероприятий и общественного транспорта).* В семантике данного неологизма заложена имплицитная критика страха перед пандемией – по форме неологизм повторяет стандартное наименование какой-либо фобии, тем самым боязнь коронавируса попадает в ряд психических болезней и дискредитируется. Схожий характер имеет и слово *Pandemishgoss (madness that's related to the 2020 coronavirus pandemic [23] – безумие, связанное с пандемией коронавируса 2020 г.).* Данное слово передает атмосферу паники, порожденной распространением пандемии, определяя ее как приступ массового психоза. (Примечательно, что лежащая в основе данных неологизмов идея о связи порожденной пандемией паники с ухудшением психического здоровья коррелирует с итогами исследований психологических последствий распространения заболевания [9], [10], [11], [12]). Близко к упомянутым выше неологизмам стоит русский аналог *коронабесие*, зафиксированный на сайте телеканала «Царьград» [24]. Все три неологизма имплицитно содержат в себе недоверие к официальному видению пандемии – но при этом эти слова образуют некую градацию скептицизма по отношению к пандемии. Социальный план лексем *Pandemishgoss* имеет противоречивый характер – в его смысловом плане можно увидеть как неадекватное серьезности ситуации пренебрежение угрозой пандемии, так и адекватную критику разрушительных последствий паники. Слово *coronaphobia* уже является однозначно формой отрицания социально приемлемого поведения, а единица *коронабесие* становится предельной формой отрицания значимости пандемии, стоящее в ряду многочисленных попыток связать пандемию с разговором элит – таким образом, такого рода лексика связана со стратегиями игнорирования фактов, распространения теорий заговора. К неологизмам с очевидным манипулятивным компонентом могут быть близки слова и выражения сами по себе идеологически нейтральные, но потенциально применимые пропагандистских целях. К ним относится *Hand Sanitizer (the most expensive thing during the corona virus [23] – самая доро-*

гая вещь во время коронавируса). В дефиниции данного слова присутствует ирония по отношению к возросшему спросу на антисептики – саркастическая стилистика выражения может быть использована как психологически близкая коллективному сознанию форма признания вызванной пандемией ситуации заговором элит. Слово *Covid-38 (a person who has been unlucky enough to contract the covid-19 virus twice* [23] – человек, которому не повезло и кто дважды заразился вирусом covid-19) распространяет слабо верифицируемую версию о повторном заражении коронавирусом и может считаться формой дезинформации и мистификации. Ироническое выражение *Social distancing zombies (in order to maintain a safe distance from others, people were conditioned to raise their arms in front of them. When everyone shuffled around with their arms raised in front of them, the advised level of social distancing was maintained. In lockdown, only a few social distancing zombies were out and about* [23] – чтобы держаться на безопасном расстоянии от других, люди были вынуждены поднимать руки перед собой. Когда все шаркали с поднятыми перед ними руками, рекомендованный уровень социального дистанцирования сохранялся. Во время локдауна только немногие социально дистанцирующие зомби были на свежем воздухе) также может быть использовано в целях манипуляции. Социально-приемлемое поведение может быть истолковано ангажированными интерпретаторами неформального народного юмора как дополнительное доказательство их гротескных теорий о зомбировании населения официальной пропагандой (здесь также может быть применена стратегия отрицательной репрезентации оппонента и формирования эмоционального настроения адресата). Создателями и распространителями такого рода лексики могут являться статусные фигуры – конспирологи, от религиозных и квазирелигиозных деятелей до бизнесменов и блогеров, старающиеся распространить свои маргинальные ценности во время пандемии.

Противоположной, наиболее распространенной тенденцией манипулирования коллективным сознанием является стремление распространить мысль об опасности пандемии в публичном пространстве. Этой точки зрения придерживаются профессионалы, стоящие во главе борьбы с пандемией – врачи, политики и деятели масс-медиа, призывающие общество к повышенной осторожности. Главенствующей манипулятивной стратегией подобного рода пропаганды является отрицательная репрезентация оппонента – в данном случае ковид-диссидентов. Экспрессивные лексемы *Covidiot (relating to the 2020 Covid-19 virus: someone who ignores the warnings regarding public health or safety. A person who hoards goods, denying them from their neighbors* [23] – относящийся к вирусу 2020 Covid-19: Кто-то, кто игнорирует предупреждения, касающиеся общественного здоровья или безопасности) и *Maskhole (assholes who don't wear masks publicly during the Coronavirus/COVID 19 Pandemic* [23] – придурки, которые не носят маски публично во время пандемии коронавируса/КОВИДА 19) передают негативное отношение статусных манипуляторов к нарушителям мер безопасности во время распространения заболевания. Данные неологизмы формируют эмоциональный настрой их адресата, диктуя от противного позитивную ценность сохранения человеческих жизней в условиях пандемии.

В дополнение мы можем сказать, что в связи с попытками создания адекватной комплексной картины влияния пандемии на общество актуальной становится перспектива продуктивного анализа экстралингвистических и лингвистических параметров манипулятивного потенциала лексики пандемии коронавируса представителями профессионального дискурса, исследователями естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает перспектива педагогической рефлексии преподавателей данных дисциплин, перед которыми стоит задача адекватной

передачи специфики данных манипулятивных практик учащимся. Анализ контекста применения лексики пандемии коронавируса в ходе учебного процесса позволит преподавателям использовать данный пласт неологизмов как актуальный материал для иллюстрации теоретических положений курсов по медицине, экономике, социологии, политологии, психологии, религиоведению, лингвистике. Экспрессивность и интердискурсивный характер лексики пандемии коронавируса позволяет использовать ее как уникальный материал для изучения современного мира в совокупности социально-психологических аспектов. Таким образом, манипулятивный потенциал лексики пандемии коронавируса может быть употреблен не только профессионалами-создателями неологизмов (политиками, журналистами, религиозными деятелями), но и профессионалами-педагогами.

ВЫВОДЫ

Стратегии манипуляции, применяемые статусными участниками социальной коммуникации, преследуют различные цели, зависящие от намерений манипуляторов. В целом, мы можем выявить три доминирующие тенденции манипулирования социумом – стремление использовать пандемию в политических целях, желание игнорировать последствия пандемии и максимальное распространение стратегии сдерживания пандемии. Стратегии формирования эмоционального настроения адресата и отрицательной репрезентации оппонента присущи всем трем тенденциям манипулирования общественным мнением, а игнорирование фактов, распространение дезинформации и теорий заговора, мистификаций – тенденция отрицания значимости пандемии, что позволяет рассматривать данное видение ситуации как предельно маргинальный способ мировоззрения. Каждый вектор видения пандемии отражает интересы профессионалов разных групп, члены которых создают неологизмы как реализацию своих интенций. Противостояние противоположных тенденций манипуляции порождает многочисленную лексику, семантико-аксиологический план которой отражает намерения ее создателей. Каждая тенденция связана с определенными наборами манипулятивных стратегий. Многие рассмотренные неологизмы являются первоначально нейтральными, но могут быть использованы как средство манипуляции впоследствии. Представляется целесообразным разграничить лексику пандемии коронавируса на непосредственно манипулятивную и опосредованно манипулятивную. Важнейшим аспектом изучения манипулятивного потенциала лексики пандемии коронавируса является перспектива использования результатов исследования в преподавательской деятельности, что расширяет рамки профессионального дискурса за счет добавления педагогической рефлексии к первоначальному профессиональному восприятию лексики ее создателями и распространителями – специалистами, использующими свои познания как ресурс манипуляции общественным мнением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Катермина В.В., Липириди С.Х. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 170-175.
2. Казаков А.А. Манипулятивный потенциал поляризованного политического медиатекста: вариант измерения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 75-93.
3. Виноградова С.А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 95-101.
4. Торгованова О.Н., Скугарева И.В., Галкина М.В. Злоупотребление дискурсивной властью // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (28 ноября 2015 г., Челябинск): в 3 ч. Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. Ч. 3. 280 с.
5. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса: Дис. ... док. филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 284 с.
7. Козлов В.В., Гордеев М.Н., Власов Н.А. «Основные приемы манипуляции массовым сознанием» – журнал ВАК «Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова», 2016. № 4. С.

98-105.

8. Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: [учеб.-метод. пособие]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 67 с.

9. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodlan L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. In: *The Lancet* 395 912–920. Published: February 26, 2020. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8

10. Courtenay K., Perera B. (2020). COVID-19 and people with intellectual disability: impacts of a pandemic. In: *Irish Journal of Psychological Medicine*. Published online by Cambridge University Press: 14 May 2020. DOI: 10.1017/ipm.2020.45

11. Mazza C., Ricci E., Biondi S., Colasanti M., Ferracuti S., Napoli Ch., Roma P. (2020). A Nationwide Survey of Psychological Distress among Italian People during the COVID-19 Pandemic: Immediate Psychological Responses and Associated Factors. *Int. J. Environ. In: Res. Public Health* 2020, 17(9) 3165 DOI: 10.3390/ijerph17093165

12. Volpert V., Banerjee M., d'Onofrio A., Lipniacki T., Petrovskii S., Viet Chi Tran. (2020). Coronavirus: Scientific insights and societal aspects. In: *Math. Model. Nat. Phenom.* Vol. 15. DOI: 10.1051/mmnp/2020010

13. Haddad Haddad A., Montero-Martinez S. (2020). COVID-19: a metaphor-based neologism and its translation into Arabic. *JCOM* 19 (05), A01. DOI: 10.22323/2.19050201.

14. Khalifan M., Batool H., Shehzad W. (2020). Covid-19 Neologisms and their Social Use: An Analysis from the Perspective of Linguistic Relativism. *Linguistics and Literature Review* 6(2): 117-129. DOI: 10.32350/lr.62.11

15. Essina I.Yu. (2020). The role of neologisms in political discourse. *Russian Linguistic Bulletin*, № 3 (23), 9-13. DOI: 10.18454/RULB.2020.23.3.28

16. Аль-Салман С., Хайдер А.С. COVID-19 как причина возникновения неологизмов и словообразовательных процессов в английском языке // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 24-42. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42

17. Prieto-Ramos F., Pei J., Cheng L. (2020). Institutional and news media denominations of COVID-19 and its causative virus: Between naming policies and naming politics. *Discourse & Communication*, 14, 635 - 652.

18. Rafi, S. (2020). Language of COVID-19: Discourse of Fear and Sinophobia. *Social Sciences & Humanities Open*. DOI: 10.2139/ssrn.3603922

19. Roig-Marin A. (2020). English-based coroneologisms: A short survey of our Covid-19-related vocabulary. *English Today First View*, 1-3. DOI: 10.1017/S0266078420000255

20. Kim H.T., Woods P., Azman H., Abdullah I.H., Hashim R.S., Abdul Rahim H., Idrus M.M., Said N.E.M., Lew R., Kosem I. (2020). COVID-19 Insights and Linguistic Methods. 3L: *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 26(2), 1–23. DOI: 10.17576/3L-2020-2602-01

21. Al-Azzawi Q.O., Ali Haleem H. (2021). «Do you speak Corona?»: Hashtags and Neologisms since the COVID-19 Pandemic Outbreak. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*; Vol. 4 No. 4: *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*; 113-122. DOI: 10.32996/ijllt.2021.4.4.12

22. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание*. 2009. № 1 (9). С 145-149.

23. *Urban Dictionary*. Режим доступа <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 20.11.2020)

24. Тюренков М. Коронабесие Фанара: Константинопольский патриархат решил оставить православных без богослужений // Сайт телеканала «Царьград» Режим доступа https://tsargrad.tv/articles/koronabesie-fanara-konstantinopolskij-patriarhat-reshil-ostavit-pravoslavnyh-bez-bogosluzhenij_243928 (дата обращения: 07.08.2020)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., рук. В.В. Катермина).

Статья поступила в редакцию 27.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81`42

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0064

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СТРАТЕГИЯ ИНФОРМИРОВАНИЯ КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕРСУАЗИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЖАНРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПИТЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ШОУ DRAGON'S DEN И SHARK TANK)

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 695103

SPIN: 6664-6568

ORCID: 0000-0003-3476-5266

КРАСИЛЬНИКОВА Надежда Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики

*Поволжский государственный технологический университет
(424000, Россия, Йошкар-Ола, площадь Ленина, 3, KrasilnikovaNV@volgatech.net)*

AuthorID: 1115785

SPIN: 4077-8292

ORCID: 0000-0002-1148-5424

КУЗЬМИНЫХ Жанна Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики

*Поволжский государственный технологический университет
(424000, Россия, Йошкар-Ола, площадь Ленина, 3, KuzminyhZO@volgatech.net)*

Аннотация. Целью исследования является выявление и описание частных коммуникативных стратегий и тактик речевого воздействия, применяемых участниками англоязычного делового дискурса в ходе реализации общей стратегии информирования при выступлении с предпринимательским питчем, а также исследование лингвистических средств реализации выявленных стратегий и тактик. *Методологической основой* данного исследования послужил лингвопрагматический подход. Авторами был проведён комплексный лингвистический анализ 30 предпринимательских питчей из реалити-шоу «Dragon's Den» (Великобритания) и «Shark Tank» (США, Австралия). *Результаты:* наиболее частотными тактиками выделенных коммуникативных стратегий, а именно, стратегии постановки темы обсуждения и стратегии предложения решения проблемы, являются информационная тактика, тактика презентации, тактика «свой круг» и тактика предложения. Рассмотренные коммуникативные тактики реализуются через применение предпринимателем (индуктором) определенного набора языковых приемов с целью убеждения потенциальных инвесторов (реципиентов) оказать финансовую и экспертную поддержку. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы как учёными, которые преподают и изучают деловую коммуникацию и риторика, так и участниками бизнес-сообщества для продвижения своих товаров не только на отечественном, но и на мировом рынке.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, речевое воздействие, предпринимательский питч, деловой дискурс, речевой жанр.

INFORMATION STRATEGY AS THE LEADING COMMUNICATION STRATEGY OF PERSUASIVE SPEECH IMPACT IN THE GENRE OF ENTREPRENEURIAL PITCH (BASED ON THE MATERIALS OF DRAGON'S DEN AND SHARK TANK TELEVISION SHOWS)

© The Author(s) 2021

KRASILNIKOVA Nadezhda Valentinovna, PhD in Education, Associate professor of the Department of Foreign Languages and Linguistics

Volga State University of Technology

(424000, Russia, Yoshkar-Ola, Lenin square, 3, KrasilnikovaNV@volgatech.net)

KUZMINYKH Zhanna Olegovna, PhD in Education, Associate professor of the Department of Foreign Languages and Linguistics

Volga State University of Technology

(424000, Russia, Yoshkar-Ola, Lenin square, 3, KrasilnikovaNV@volgatech.net)

Abstract. The aim of the present study is to identify and describe some of the specific communication strategies and tactics employed by the participants of the English business discourse for implementing the general information strategy when giving an entrepreneurial pitch. The study also investigates the linguistic means of applying the strategies and tactics in question. The methodology of the study is based on the linguopragmatic approach. The authors carried out a comprehensive linguistic analysis of 30 entrepreneurial pitches presented in the TV reality shows “Dragon's Den” (Great Britain) and “Shark Tank” (USA, Australia). The findings indicate that the most frequent tactics of the specified communication strategies, namely, the strategy of setting a discussion topic and the strategy of suggesting a solution to the problem, are the information tactic, presentation tactic, the tactic “my own circle”, and the proposal tactic. The communication tactics under consideration are realized by the entrepreneur (inductor) through a set of linguistic techniques in order to convince potential investors (recipients) to provide financial and expert support. The results obtained in the course of the study can be used by the researchers who teach and study business communication and rhetoric, as well as by business community members to promote their products not only domestically but also worldwide.

Keywords: communication strategy, communication tactic, speech impact, entrepreneurial pitch, business discourse, speech genre.

ВВЕДЕНИЕ

Стремительно развивающаяся сфера выступлений предпринимателей с питчами – лаконичными устными презентациями своего проекта перед потенциальными инвесторами – привлекает внимание как представителей бизнес-сообщества, так и лингвистов, поскольку грамотное построение и представление такого выступления во многом обеспечивает его успех и, как следствие, получение искомой финансовой и экспертной поддержки.

В современной деловой коммуникации предпринимательский питч понимается как короткое структурированное публичное выступление с презентацией бизнес-идеи перед потенциальными деловыми партнёрами, нацеленное на получение инвестиций [1], [2], [3]. Соответственно, основной средой, где реализуется данный жанр, является офис компании предпринимателя или вероятного инвестора. Вместе с тем развитие деловой риторики и все более активное использование ее в сред-

ствах массовой информации привело к тому, что предпринимательский питч стал сюжетом различных реалити-шоу. Приведённое выше определение в значительной степени подходит и для описания питчей, с которыми в настоящее время выступают предприниматели в телевизионных реалити-шоу, таких как «Dragon's Den» (Великобритания) и «Shark Tank» (США, Австралия). Предпринимательский питч, звучащий в этих телепередачах, представляет собой краткое (от 30 секунд до 2-х минут), заранее подготовленное, композиционно оформленное публичное выступление предпринимателей с бизнес-проектом перед «бизнес-ангелами» (инвесторами) и венчурными капиталистами, а также зрительской аудиторией [4], [5], [6], [7]. Ключевой целью выступления предпринимателя является получение от инвесторов необходимого капитала и экспертной поддержки взамен на долю в предлагаемом бизнесе, а также реклама бизнес-идеи перед широкой аудиторией.

Таким образом, основной задачей спикера является подготовка и представление публичного выступления и оказание существенного речевого воздействия на слушателей. Следует отметить, что изучение механизмов речевого воздействия, реализуемых в жанрах делового дискурса, вызывает особый интерес исследователей, так как знание этих механизмов и умение их использовать повышает качество реализации данных жанров.

В настоящем исследовании мы будем придерживаться позиции С.В. Броженко и рассматривать речевое воздействие как «однонаправленное влияние на знания, намерения и установки «слушающего/читающего» с целью внесения выгодных для «говорящего» изменений, при котором задействованы как вербальные, так и невербальные средства» [8]. Важно отметить, что воздействие может быть разным: эксплицитным и имплицитным, намеренным и ненамеренным, непосредственным и опосредованным. О.С. Иссерс и ряд других исследователей выделяют два ключевых типа речевого воздействия: убеждение (персуазивное воздействие) и внушение [9]. Убеждение и персуазивность в данном случае выступают синонимами, так как слово персуазивность происходит от лат. *persuādeo*, *-suāsi*, *-suāsum*, *-ēre* 1) убеждать, уверять, внушать; 2) побуждать, склонять, уговаривать [10, с. 577]. В случае с предпринимательским питчем имеет место именно убеждение, а не внушение, так как информация преподносится рационально-аргументированно.

Персуазивное воздействие состоит из трёх основных компонентов: индуктор (лицо, оказывающее персуазивное воздействие), реципиент (лицо, на которое оказывается персуазивное воздействие) и сообщение [11, с. 230] и реализуется посредством использования определенных коммуникативных стратегий, которые позволяют автору достичь поставленной цели. Рассматривая предпринимательский питч, звучащий в реалити-шоу, можно отметить, что роль индуктора исполняет предприниматель, выступающий с презентацией (питчем), функция же реципиента является двухкомпонентной. В первую очередь, в роли реципиента выступают присутствующие в студии бизнес-ангелы (частные венчурные инвесторы, оказывающие финансовую и экспертную помощь молодым перспективным компаниям) однако в определенной степени ее играет и зрительская аудитория, как та, что находится непосредственно в зале, так и телезрители.

Конечная цель выступления – убеждение бизнес-ангелов в оказании финансовой и экспертной поддержки – определяет выбор индуктором (предпринимателем) определённых коммуникативных стратегий и тактик персуазивного воздействия. Следует отметить, что если основная задача персуазивных стратегий заключается в достижении перлокутивного эффекта в процессе речевого воздействия, то персуазивные тактики позволяют индуктору должным образом оформить реализацию данных стратегий в коммуникативном акте.

Вслед за А.В. Голодновым мы будем рассматривать

персуазивную стратегию как иерархическую структуру, состоящую из пяти уровней, связанных отношениями включения [12]. В данную структуру входит «общая персуазивная стратегия – функциональная характеристика текстов, входящих в риторический метадискурс, которая соотносится с его доминирующей персуазивной интенцией; (б) частные персуазивные стратегии – реализации персуазивной интенции в виде элементов содержания, включенных в пропозициональную структуру отдельных текстов; (в) персуазивные коммуникативные тактики – операции выбора и комбинирования, тематического оформления и языкового или иного кодирования коммуникативно-речевого действия под контролем персуазивной стратегической цели; (г) персуазивные коммуникативные ходы – конкретные способы реализации инвариантной коммуникативной тактики; (д) маркеры персуазивности – языковые и неязыковые средства экспликации персуазивного коммуникативного хода в текстовой структуре» [12, с. 6].

Анализ персуазивных коммуникативных стратегий, используемых в жанрах делового дискурса, представлен в работах многих отечественных и зарубежных исследователей, в частности в работах Е.М. Торбик [13], С.К. Ефимовой [14], J. De Santiago-Guervos [15], О. На-джива [16]. Однако анализ исследований, посвященных изучению предпринимательского питча, показал, что коммуникативные стратегии и тактики персуазивного воздействия, применяемые в питчах, не получили должного уровня освещения в отечественных и зарубежных теоретических и прикладных исследованиях.

Центральной коммуникативной стратегией персуазивного воздействия, используемой в жанрах делового дискурса, является общая стратегия информирования [13]. Эта стратегия реализуется и в жанре предпринимательский питч. Целью стратегии информирования является предоставление в сжатом объеме максимально детальной и достоверной информации о бизнес-идее, её общая характеристика, описание особенностей. Для изучения частных персуазивных стратегий, персуазивных коммуникативных тактик, а также конкретных способов их реализации в рамках данного исследования были рассмотрены транскрипты видеозаписей предпринимательских питчей англоязычных реалити-шоу.

МЕТОДОЛОГИЯ

В силу того, что жанр «предпринимательский питч» в настоящее время реализуется преимущественно в западной бизнес-среде, где языком общения часто является английский, именно англоязычный предпринимательский питч является предметом многих современных лингвистических исследований. В данном исследовании в качестве его объекта мы также выбрали речевое взаимодействие участников англоязычного предпринимательского питча.

Для анализа применения коммуникативных стратегий и тактик персуазивного воздействия были взяты видеозаписи 30 англоязычных предпринимательских питчей из реалити-шоу «Dragon's Den» (Великобритания) и «Shark Tank» (США, Австралия), транслируемых с 2015 по 2021 гг. на каналах BBC и ABC. Следует отметить, что выборка включала только успешные питчи, авторы которых получили согласие инвесторов оказать финансовую и экспертную поддержку. Транскрибация выбранных видеозаписей позволила провести анализ используемых в них языковых средств реализации выявленных коммуникативных тактик общей стратегии информирования.

В основу выделенной типологии частных коммуникативных стратегий и тактик легла классификация, предложенная Е.М. Торбик для анализа речевого жанра «проектная заявка» [13]. Анализ отобранного материала позволил дополнить и детализировать данную классификацию с учётом особенностей речевого жанра «предпринимательский питч».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Лингвопрагматический анализ расшифрованных

видеозаписей предпринимательских питчей позволило выделить в общей стратегии информирования две частные коммуникативные стратегии персуазивного воздействия: стратегию постановки темы обсуждения (тактика информирования о существовании проблемы, информационная тактика, тактика презентации, тактика «свой круг») и стратегию предложения решения проблемы (тактика формулирования частных задач, тактика предложения). Кроме того, были определены те языковые средства, которые позволяют индуктору успешно осуществлять данные стратегии и тактики. Рассмотрим каждую из указанных стратегий более подробно.

Стратегия постановки темы обсуждения

Частная стратегия постановки темы обсуждения относится к общей информационной стратегии, поскольку посредством её осуществляется процесс передачи знания о некоей проблеме от предпринимателя к инвестору, описания бизнес-идеи. При этом информация должна быть преподнесена предпринимателем таким образом, чтобы инвестор преобразовал приобретённое знание в собственные установки [11, с. 246-247].

Стратегия постановки темы обсуждения представляет собой стержень стратегии информирования, поскольку формулирование темы / проблемы является начальной стадией формирования предпринимательского питча, той точкой, от которой предприниматель отталкивается в составлении всех остальных частей. В связи с этим представляется необходимым подробнее остановиться на основных способах реализации тактик воплощения стратегии постановки темы обсуждения.

Тактика информирования о существовании проблемы (реализована в 18 питчах)

Данная тактика имеет большое значение, поскольку недостижение предпринимателем цели информирования о проблеме ведет к неэффективности речевого воздействия.

Рассмотрим фрагмент из предпринимательского питча:

It was then that I found out that 41% of maternity units have closed in Australia in the last 15 years. We have 300000 births in Australia, a lot of those in rural regional and remote Australia, so I thought that's not good enough so I created my own classes. (Питч "Birth Beat")

Предприниматель описывает текущее положение дел, констатируя известные ему факты, в частности, недостаточное количество родильных домов и их отдаленное расположение, что создает неблагоприятную ситуацию для получения необходимой информации и помощи.

Тактика информирования о существовании проблемы, реализованная в приведенном фрагменте, обладает персуазивным потенциалом. Информация о существующей проблеме, на решение которой направлен питч, преподносится эксплицитно, чтобы инвесторы могли получить представление об истинном положении дел.

Предприниматель (индуктор) приводит статистические данные (41% of maternity units, we have 300000 births) с целью подтверждения собственных слов.

Нижеприведенный фрагмент из предпринимательского питча отличает более описательная реализация указанной тактики:

20 years ago, I got bullied in middle school due to appearance. It's affected me massively every day ever since. I started using my sister's makeup growing up to help me build back up that confidence and it did just that. One thing I couldn't find, though, was a brand that I felt related to me as a man so what I decided to do was create my own brand. (Питч "War paint makeup for men")

Данное высказывание поднимает проблему отсутствия выбора косметических средств для мужчин (One thing I couldn't find ... was a brand that I felt related to me as a man). Далее автор питча приводит возможность решения обозначенной проблемы путем создания собственного бренда мужской косметики (so what I decided to do was create my own brand).

Отсутствие на рынке продаж необходимого товара подчеркивается и в других питчах:

The company was started because I couldn't find any suitable treats on the market for dogs that weren't just full of rubbish fillers. (Питч "Opie's Emporium")

Передача питчером имплицитного смысла находит отражение в тактике информирования о существовании проблемы, объясняется тем, что предпринимательский питч, с которым выступают участники шоу «Dragons Den» и «Shark Tank», включает в себя рекламную составляющую.

It was through our own journey with our children that both have a disability that led us to this very special and unique line of work. Upon sort of researching the industry for suitable care for our children we realized that actually there wasn't one single child care facility in Brisbane for children zero to five that have a disability. As Lewis explained both of our children do have a disability and as a carer you're not only required to be their parent, you are their nurse, their doctor, their therapist, their dietician but most importantly you are their advocate. At "Hummingbirds" we believe that children no matter their abilities should be entitled and have the opportunity to play with other children. (Питч "Hummingbirds")

Информирование о существующей проблеме в приведенном выше фрагменте питча характеризуется ярко выраженной эксплицитной постановкой проблемного вопроса. Выступающий сообщает о проблеме отсутствия специальных учреждений по уходу за детьми с ограниченными возможностями. Аргументируя свою позицию, автор делится собственным опытом родителя детей, нуждающихся в особом уходе. Таким образом, выступающий с питчем предприниматель делает подводку к проекту, требующему финансирования, а именно проекту по созданию специальных учреждений по уходу для детей с ограниченными возможностями «Hummingbirds». Описание проблемы в рассмотренном фрагменте является эффективным в аспекте персуазивного воздействия, оказываемого на инвестора.

Задача тактики информирования о существовании проблемы в рамках предпринимательского питча – описать проблему таким образом, чтобы инвестор оценил её как действительно важную и заслуживающую вложения средств, времени и усилий.

Для реализации данной тактики были использованы:

- лексемы, которые содержат в себе семантику проблемной ситуации: «trouble», «task», «disability», «discard», «threat», «waste», «pollution», «rubbish», «risk», «problem», «lack of», «ruin»;

- имена прилагательные и наречия с отрицательным значением и имена прилагательные в превосходной степени для усиления проблемной ситуации: «badly», «harmful», «negative», «inappropriate», «the biggest (threats)»;

Plastic was one of the most important inventions from the past century. However now it became one of the biggest threats for our society. (Питч "Van de Sant's")

That means a single negative online search result or a single inappropriate social media post that can ruin your career. (Питч "Brand yourself")

Информационная тактика (использована в 30 питчах)

Тактический инструментарий частной стратегии постановки темы обсуждения включает также информационную тактику, предоставляющую данные о презентуемом продукте и компании предпринимателя, а также о тех целях, которые преследует выступающий:

"Om" is a men's active wear brand with deep roots in yoga and wellness... Our clothes aren't just for yoga, we've taken the same idea of high-tech eco-friendly fabrics for movement into daywear. (Питч "Om")

The "LARQ Bottle" is the world's first self-cleaning water bottle that purifies water on the go. With a simple press button and in just 60 seconds, the LARQ bottle activates our

patented UVC LED technology PureVis to eradicate 99.99% of harmful and odor-causing bacteria, viruses and mold. (Пумч "LARQ bottle")

В указанных далее фрагментах четко проявляется номинативная функция языка, выраженная посредством таких лексем, как «escape room», «bottle», «coffee houses», «tour operator», «single malt whiskey», «childcare facility», «lounge furniture». Фиксируя определённые объекты действительности в словах, номинация предоставляет аудитории информацию о продукте, проекте или его элементах:

There is plastic pollution everywhere: on the beaches, in the oceans. That's why I came up with the invention. The Van de Sant's lounge furniture is made out of plastic oceans. (Пумч "Van de Sant's")

At "Hummingbirds we have a child care facility that offers care for children of all abilities. (Пумч "Hummingbirds")

We are quirky yet stylish coffee houses and internet cafes. (Пумч "Ai café")

The LARQ Bottle is the world's first self-cleaning water bottle that purifies water on the go. With a simple press button and in just 60 seconds, the LARQ bottle activates our patented UVC LED technology PureVis to eradicate 99.99% of harmful and odor-causing bacteria, viruses and mold. (Пумч "LARQ bottle")

Помимо лексем, которые дают общую информацию о продукте, проекте и его элементах, в речи предпринимателей также встречаются такие лексемы, как «virtual (escape room)» «reusable (bottle)», «breathable (fabric)», «veterinary approved (shed defender)», «debit (card)», «silicone (seal)», «antibacterial (tablet)» и другие, которые информируют слушателей о специфике презентуемого товара:

We desperately needed something fun to do, so I decided to build a virtual escape room and I realized that this was a scalable business. (Пумч "Trapped in the Web")

Touch Up Cup has extra threads and airtight silicone seal to keep paint fresh for over 10 years. (Пумч "Touch Up Cup")

Предложения содержат глаголы в настоящем и будущем временах, при призвано продемонстрировать доверительные отношения и подчеркнуть перспективу дальнейшего сотрудничества:

This is Shed defender. It's onesie that contains the dog here within the suit. It can be used in the car, the house, family, friends' houses or anywhere you don't want to leave a trail of hair. (Пумч "Shed defender")

Our first one is a real magic wand and this is it, so it looks pretty much as you'd expect for a wizard's wand. But of course a real magic one should actually do something and so with this wand I can for example play some music. (Пумч "Wizard wand")

"QPay" will be a bank that you love. (Пумч "QPay")

Тактика презентации (реализована в 25 питчах)

Анализ отобранных питчей показал, что активно применяемой тактикой реализации стратегии постановки темы обсуждения является также тактика презентации, нацеленная на представление товара с выгодной для предпринимателя стороны. Выступление предпринимателя (индуктора) направлено на информирование покупателей о существовании определенного товара, его характеристиках, уникальных свойствах посредством его презентации. Данное речевое поведение нацелено на создание благоприятного имиджа, что побуждает стремление потенциального инвестора к сотрудничеству, формирует доверительные отношения между партнерами. Поэтому тактика презентации в текстах деловой коммуникации реализуется при помощи лексем, которые описывают презентуемый товар / проект с положительной стороны: «quality», «advantage», «benefit», «convenience», «sustainability» и другие:

We are bringing them something unique which is the combination of the three things they value mostly. The first is high quality and health benefits. The second is convenience.

The third is sustainability. (Пумч "Off Black")

Тактика презентации предполагает широкое использование качественных прилагательных в положительной, сравнительной и превосходной степенях, порядковых числительных, а также прилагательных, подчеркивающих исключительность и новизну презентуемого продукта/проекта. При этом цель состоит в том, чтобы при презентации товара повысить информативную ценность текста и представить продукт с положительной стороны: «effective», «prominent», «professional», «innovative», «comprehensive», «brand new».

I invent and make innovative pet products. This is a single portion of premium pet food I bought with my local supermarket. (Пумч "Pet Victus")

We now offer over 90 different learning resources and we are constantly developing new and exciting pieces of equipment to add to our product range. (Пумч "Learning limited")

Our first product is "Playbase" designed to be as thin and as light as it is possible. Our second product is "Playbase plus" it's the world's first antibacterial tablet using our patented technology. (Пумч "Karuma Innovations")

...and I'm here today with an exciting opportunity to invest in a brand new business (Пумч "Trapped in the Web")

I started "Om" in 2016, as a men's yoga brand is one of the fastest growing activities in the Western world. Men's yoga is the smallest segment of the market but the fastest growing one. (Пумч "Om")

... and now introducing our most successful product line to date - toilet timer. (Пумч "Toilet timer")

That's why we created "Brand yourself" the most comprehensive platform that helps individuals clean up protect and improve how they look online. (Пумч "Brand yourself")

При реализации тактики презентации часто используется эмоциональная лексика с экспрессивной оценкой, что оказывает дополнительное речевое воздействие на слушателя, а именно дает инвесторам понять, что презентуемая бизнес-идея стоит вложений:

It was through our own journey with our children that both have a disability that led us to this very special and unique line of work. (Пумч "Hummingbirds")

The most innovative solution to all of your paint storage problems. (Пумч "Touch Up Cup")

We are bringing them something unique which is the combination of the tree thing they value strongly. (Пумч "Off black")

When I was a busy city worker painting for me was an incredibly effective way to distress. (Пумч "Masterpiece")

This is a sand timer with a unique mechanism that I invented. (Пумч "Toilet timer")

It's irresistible. (Пумч "Mak Tok")

В предпринимательских питчах звучит и название самой компании или продукта, авторы представляют не только себя или друг друга, но и свой продукт, что является необходимым элементом любой презентации, так как даёт более полное представление о бизнес-идее. Следует подчеркнуть оригинальность выбранных названий, усиливающую воздействие выступления на аудиторию:

"NurseM" is available in Boots, Lloyd's Pharmacies and many other prominent UK retailers but not wanting to lose sight of the reason that we set up NurseM in the first place we created what's called the NurseM Promise and (Пумч "NurseM")

This is my business partner JC, we are "Off Black" and we are on mission to bring innovations to the team markets. (Пумч "Off Black")

"Whiskey me" is a subscription-based membership that sends 50 samples of premium single malt whiskey that might otherwise set them back £14 if they were to buy it in a bar or require a commitment of £50 to £100 if they were going to buy an entire bottle. (Пумч "Whiskey me")

Особого внимания заслуживает употребление местоимения 1-го лица единственного числа «I», местоимения

1-го лица множественного числа «we», а также притяжательного местоимения «our». Данные местоимения выступают не только как средство идентификации говорящего, они важны также в психологическом и аксиологическом аспектах, поскольку речь идёт о самопрезентации. В предложении обозначенные выше местоимения выполняют функцию подлежащего, сказуемое выражено глаголом в активном залоге, что позволяет говорящему сделать акцент на активной роли, которую он или его компания играет в реализации бизнес-проекта. О.Л. Михалева отмечает, что «сама позиция подлежащего может приписывать субъекту элемент агентивного значения» при этом агентивность представляет собой «контроль ситуации со стороны агента, <...> решающий вклад в действие». [17, с. 9]:

We're from Cincinnati Ohio and I am the proud dad to this CEO right here... We went to open just a few cans and, oh, the rust, clumps and smell. We looked at each other and said: "There has to be a better way!" So that's why I invented and patented "Touch Up Cup". (Питч "Touch Up Cup")

"Destroy Morgan" was born when I was 13 years old and I started to play a café with local goods. From there things just kind of blew up. I was featured in numerous media outlets and a whole whirlwind of opportunities came at me. (Питч "Destroy Morgan")

At our studio our team offers daily drop-in painting experiences where the focus is on helping our guests unwind through painting. (Питч "Masterpiece")

Тактика «свой круг» (использована в 30 питчах)

В рамках частной стратегии постановки темы обсуждения можно выделить еще одну тактику, которая получила название «свой круг». Предпринимательская речь нацелена на конкретную аудиторию, а именно на инвесторов и зрителей, которые, предположительно, имеют непосредственное отношение к сфере предпринимательства, а также сфере услуг. Таким образом, предприниматель в своем питче вынужден придерживаться определенной структуры и способов выражения своей речи для того, чтобы вовлечь целевую аудиторию в так называемый «свой круг».

При использовании тактики «свой круг» используется специальная лексика (слова-маркеры), что помогает спикеру очертить границы целевой аудитории, представленной определенным кругом людей, имеющих представление о функционировании сферы бизнеса:

I'm the founder of "Generate"... The open secret within the advertising industry... they can redeem these points for products vouchers or donations. (Питч "Generate")

We've recently launched into our first supermarket. (Питч "Mak Tok")

Our sales have more than doubled year on year. (Питч "Om")

I am the owner of "Opie's Emporium" an all-natural pet product manufacturer and a retail shop as well. But thanks to my amazing customer base we relaunched. (Питч "Opie's Emporium")

Таким образом, применение рассмотренных выше коммуникативных тактик персуазивного воздействия, способствующих реализации частной стратегии постановки темы обсуждения, позволяет индуктору сообщить реципиенту о существующей проблеме там, где она имеется, и представить предлагаемую бизнес-идею с выгодной стороны. Основными языковыми средствами выступают существительные и прилагательные, выполняющие заданную функцию.

Стратегия предложения решения проблемы

Частная стратегия предложения решения проблемы нацелена на передачу предпринимателем (индуктором) идей в отношении предлагаемых путей и способов решения имеющейся проблемы и / или развития бизнеса.

С целью реализации указанной стратегии предприниматель применяет тактику формулирования частных задач и тактику предложения.

Тактика формулирования частных задач (реализо-

вана в 4 питчах)

Обратимся к фрагментам из предпринимательских питчей.

We're here to change that. "QPay" will be a bank that you love. We're going to build things from the ground up so things like live push notifications about transactions to personalized financial services rather than having loyalty cards for example we will automatically apply discounts based on the things that they buy in the past. We are already working with over 15000 university students in our marketplace app where students can buy and sell things on campus like textbooks, tickets to events and merchandise. One of the eight university students already has "QPay" and now we're rolling out the "QPay" Mastercard which will allow students to spend their money on campus, off campus and online. (Питч "QPay")

В приведённом фрагменте предприниматель перечисляет частные задачи (внедрение специальных персонализированных финансовых технологий с целью упрощения процесса покупки), которые необходимо решить для достижения общей цели проекта (улучшение банковской системы в целом, а именно внедрение разработок и улучшение клиентского сервиса).

Тактика формулирования частных задач реализуется путем применения герундиальной формы глагола, выражающего действия предпринимателя по реализации проекта, а также оборота «going to» и глагола в форме инфинитива:

Later on this year we'll be launching our new website "Weareski.com" which is set to take the skiing in street by storm. (Питч "Mainstage travel")

We're going to build things from the ground up. (Питч "QPay")

We work with children who have gross motor development delays so they are going to get a therapy side of support that they need as well as socializing. (Питч "Hummingbirds")

Наряду с формулированием путей решения проблемы, предприниматель озвучивает необходимый объём финансирования, что также относится к средствам выполнения поставленных задач, и предлагает потенциальным инвесторам определённую долю в своём бизнесе. Предприниматель вербализует это посредством **тактики предложения** (использована в 30 питчах).

Данная тактика реализуется через употребление имён существительных с общим значением капитала, обозначающие процесс запроса денежных средств взамен на долю в бизнесе и употребляемые в функции дополнения: *equity, investment, share, stake*. Языковыми маркерами тактики предложения также являются глаголы со значением просьбы, такие как *to ask* (просить), *to raise* (собрать), *to pitch* (привлекать):

...we're here today to ask for £ 200.000 investment for 10% stake in our company. (Питч "The Wand Company")

I'm here today with an exciting opportunity to invest in a brand new business and to ask for £30.000 for 5% stake in my company "Trapped in the Web". (Питч "Trapped in the Web")

We're looking to raise £70.000 investment in return for 15% stake in our business. (Питч "Off Black")

We're "Planet Products" and we've come to pitch for £200.000 for 15% share of our business. (Питч "Planet Products")

We're here today to pitch for £75.000 in return for 1, 5% equity. (Питч "Nursem")

Анализ текстов питчей показывает, что часть глаголов, выражающих просьбу – *to ask* (просить), *to seek* (искать), *to look for* (искать) – часто употребляются в герундиальной форме с целью обозначения процесса запроса.

Our company is "Shed Defender" and we're seeking \$250.000 for 10% equity. (Питч "Shed Defender")

I'm asking for £50.000 in return for 20% of my company. (Питч "Mak Tok")

I'm from Los Angeles California and I'm seeking \$200.000 for 10% equity in my company. (Питч «Ta-Ta

Towels»)

I'm asking for 7% equity for £70.000 investment. (Питч «War Paint make up»)

I'm CEO of "Van de Sant's Innovations" and I'm looking for £70.000 for 25% sorry for 15% of my business. (Питч «Van de Sant's Innovations»)

I'm looking for £30.000 for an investment, 25% of my launched products and all my future pet products. (Питч «Petvictus»)

ВЫВОДЫ

Анализ питчей из шоу «Dragon's Den» и «Shark Tank» показал, что наиболее частотными тактиками общей стратегии информирования являются информационная тактика (30 питчей), тактика «свой круг» (30 питчей), тактика презентации (25 питчей), реализующиеся в рамках частной стратегии постановки проблемы, а также тактика предложения (30 питчей) - в рамках частной стратегии предложения решения проблемы.

Рассмотренные нами коммуникативные тактики в рамках стратегии информирования выполняют функцию информирования инвестора о текущем положении дел в рамках проекта, а также о возможных способах и средствах выхода из сложившейся ситуации при наличии проблемы, вариантах развития бизнеса и необходимом для этого финансировании.

Указанные тактики, каждая из которых характеризуется определенным набором языковых приемов, играют особую роль в достижении конечной цели предпринимательского питча – убеждении инвестора оказать финансовую и экспертную поддержку.

В настоящей статье описаны основные языковые средства реализации выделенных коммуникативных стратегий и тактик персуазивного воздействия индуктора на реципиента в англоязычном предпринимательском питче. Кроме того, авторами представлен анализ функционала обозначенных стратегий и тактик. Перспективным направлением для дальнейших исследований представляется изучение экстралингвистических средств реализации стратегического и тактического инструментария речевого воздействия. Интересным также было бы проведение сравнительного анализа лингвистических и экстралингвистических средств, применяемых в англоязычном питче в США, Англии и Австралии, и питче, звучащем на другом языке в иной лингвокультурологической среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Van Werven R. Pitching a business idea to investors: How new venture founders use micro-level rhetoric to achieve narrative plausibility and resonance / R. van Werven, O. Bouwmeester, J.P. Cornelissen // *International Small Business Journal: Researching Entrepreneurship*. 2019. Vol. 37(3). P. 193-214.

2. Spinuzzi C. Making the Pitch: Examining Dialogue and Revisions in Entrepreneurs' Pitch Decks / C. Spinuzzi et al. // *IEEE Transactions on Professional Communication*. 2014. №57 (3). P. 158-181.

3. Belinsky S. Throwing a Change-Up, Pitching a Strike: An Autoethnography of Frame Acquisition, Application, and Fit in a Pitch Development and Delivery Experience / B. Gogan, S. Belinsky // *IEEE Transactions on Professional Communication*. 2016. Vol. 59, No. 4. P. 323-341.

4. Garcia-Gomez A. Dragon's Den: Enacting persuasion in reality television / A. Garcia-Gomez // *Discourse, Context & Media*. 2018. P. 1-9.

5. Daly P. Structural, linguistic and rhetorical features of the entrepreneurial pitch: Lessons from Dragons' Den / P. Daly, D. Davy // *Journal of Management Development*. 2016. Vol. 35, No. 1, P. 120-132.

6. Sabaj O. Empirical Literature on the Business Pitch: Classes, Critiques and Future Trends / O. Sabaj et al. // *Journal of Technology Management & Innovation*. 2020. Volume 15, Issue 1. P. 55-63.

7. Kopus T.L. Reimagine pitch as a speech genre in business communication / T.L. Kopus, I.I. Klitova // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2020. Том 12. Выпуск 3. С. 31-40.

8. Броженко С.В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламных текстов банковских услуг). / С.В. Броженко // *Вестник Челябинского гос. университета*. 2011. №3 (218), вып. 50. С. 11-15.

9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 с.

10. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М: Русский язык. 1998. 845 с.

11. Коноваленко М.Ю. Теория коммуникации / М.Ю. Коноваленко, В.А. Коноваленко // М: Издательство Юрайт. 2012. 415 с.

12. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Голоднов Антон Владимирович. Санкт-Петербург, 2011. 42 с.

13. Торбик Е.М. Классификация персуазивных коммуникативных стратегий в деловом дискурсе (на материале проектных заявок) / Е.М. Торбик // *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2017. № 14-15. С. 92-99.

14. Ефимова С.К. Особенности реализации персуазивного воздействия в деловых письмах (на материале кружковых сообщений Университета Хоккайдо) / С.К. Ефимова, Т.Б. Дмитриева // *Филологический аспект*. 2020. № 5(61). С. 142-148.

15. De Santiago-Guervos J. Rhetorical Analysis of a Discourse Model in the Business World: Elevator Pitch / J. de Santiago-Guervos // *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*. Vol. 80. 2019. P. 7-16.

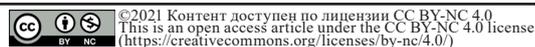
16. Hajibah O. Persuasive Communication Strategies for Book Marketing / O. Hajibah // *American Journal of Marketing Research*. 2018. Vol. 4, No. 2. P. 22-33.

17. Михалева О.Л. Способы представленности субъекта действия в политическом дискурсе / О.Л. Михалева // *Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики* : сб. ст. / Иркут. гос. ун-т ; под ред. Л. И. Горбунова. Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 93-115.

Статья поступила в редакцию 26.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81-11
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0065

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕВОДА

© Автор(ы) 2021

КУШНИНА Людмила Вениаминовна, доктор филологических наук, профессор кафедры
«Иностранные языки, лингвистика и перевод»

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(614990, Россия, Пермь, Комсомольский проспект, 29, e-mail: lkushnina@yandex.ru)*

SPIN: 5273-8845

AuthorID: 363410

ResearcherID: D-5858-2017

ORCID: 0000-0003-4360-7243

АЛИКИНА Елена Вадимовна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Иностранные языки, лингвистика и перевод»

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(614990, Россия, Пермь, Комсомольский проспект, 29, e-mail: elenaalikina@yandex.ru)*

SPIN: 3661-9551

AuthorID: 258262

ResearcherID: H-2177-2012

ORCID: 0000-0002-0908-1818

ScopusID: 57188669931

Аннотация. Обсуждается проблема соотношения объективных и субъективных факторов в свете концепции переводческого пространства. Предпосылкой исследования является противоречивая природа перевода как его сущностное свойство. Одной из недостаточно исследованных дихотомий являются такие свойства текста перевода, как объективность и субъективность. И если категория объективности признается учеными «по умолчанию», что соответствует идее достоверности содержания текста перевода, то категория субъективности требует специального рассмотрения, что находит отражение как в исследованиях отечественных, так и многих европейских ученых. В отечественном переводоведении она находит отражение в работах, посвященных языковой личности переводчика. В европейском переводоведении речь идет именно о субъективности, открывающей возможности создания нового вектора исследований – антропологии переводческой деятельности. Оба этих направления находятся в русле современной исследовательской парадигмы когнитивной теории перевода. Цель исследования состоит в выявлении лингвистических маркеров объективного и субъективного при переводе на французский язык фрагмента художественного текста, выполненном пятью переводчиками, которые принадлежат различным историческим эпохам. В качестве методологии исследования авторы статьи опираются на синергетическую идеологию, ориентированную на достижение переводчиком качественного – гармоничного перевода. Гармоничным признается перевод, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала, в результате чего текст перевода вписывается в принимающую культуру. Установлено, что достижение гармоничности в переводе предполагает наличие как объективности, под-разумеваемой достоверности выражения смыслов автора, так и субъективности, отражающей индивидуально-образное восприятие текста переводчиком. Рассмотренные тенденции сохранения в тексте перевода объективности и субъективности могут стать предметом дальнейшего изучения с целью выявления определенных закономерностей в семиотическом пространстве перевода.

Ключевые слова: переводческое пространство, смысл, синергия, гармония, объективные факторы перевода, субъективные факторы перевода, язык, культура.

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN THE SEMIOTIC SPACE OF TRANSLATION

© The Author(s) 2021

KUSHNINA Liudmila Veniaminovna, doctor of pedagogical sciences, professor of the Department
“Foreign Languages, Linguistics and Translation”

*Perm National Research Polytechnic University
(614990, Russia, Komsomolsky avenue, 29 e-mail: lkushnina@yandex.ru)*

ALIKINA Elena Vadimovna, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the Department
“Foreign Languages, Linguistics and Translation”

*Perm National Research Polytechnic University
(614990, Russia, Komsomolsky avenue, 29 e-mail: elenaalikina@yandex.ru)*

Abstract. The problem of correlation of objective and subjective factors in the light of translation space concept has been observed. The premise of this study is the contradictory nature of translation as its essential property. One of the not sufficiently investigated dichotomies is such characters of the translated text as objectivity and subjectivity. And if the category of objectivity is recognized by scientists “on default” and this corresponds to the idea of the content authenticity of the translation text, the category of subjectivity requires special consideration reflected both in the studies of domestic and many European scientists. In Russian translation studies it is reflected in the works devoted to the linguistic personality of translator. In European translation studies we are talking about subjectivity which opens up the possibility of creating a new direction of research – the anthropology of translation activity. Both of these directions are in line with the modern research paradigm – the cognitive theory of translation. The purpose of the study is to identify the linguistic markers of the objective and subjective in the process of translating the fragment of the literary text into the French language made by five translators belonging to the different historical eras. The authors of the article rely on a synergetic ideology focused on achieving a high – quality and harmonious translation. The translation is recognized as harmonious when its meanings are in harmony with the meanings of the original text and as a result the translated text fits into the host culture. As a result of the conducted research it has been established that the achievement of harmony in translation presupposes both objectivity, implying the authenticity of the author’s meanings expression, and subjectivity, reflecting the individual-figurative perception of the text by the translator. The trends of preserving objectivity and subjectivity in the translated text considered in the course of the study can become the subject of further investigation aimed at identification certain patterns in the semiotic space of translation.

Keywords: translation space, meaning, synergy, harmony, objective factors of translation, subjective factors of translation, language, culture

ВВЕДЕНИЕ

Противоречивая природа перевода ни у кого не вызывает сомнений. Начиная с работ американского исследователя Т. Сейвори [1], опубликовавшего в середине XX в. монографию "The art of translation", и советского ученого А.Н. Крюкова [2], заложившего основы интерпретивной теории перевода в конце 80-х гг., современные ученые ([4-7] и др.) продолжают активно рассуждать об антиномиях процесса перевода. Исходной посылкой данных размышлений является естественное свойство выбора, которое определяет переводческую деятельность. Переводчик неизменно совершает сознательный или интуитивный выбор из множества вариантов [3-4; 8]. Какой бы научной школе он ни принадлежал, какие бы филологические, лингвистические, переводческие принципы он ни разделял, какую бы целевую аудиторию ни прогнозировал, переводчик принимает то или иное переводческое решение как результат его собственного выбора.

А.В. Федоров [9], основоположник отечественного переводоведения, писал о «борьбе элементов» при передаче подлинника на другой язык, уточняя, что «отдельные особенности подлинника, подвергаясь передаче на другой язык, как бы борются за то место, которое им придется занять в произведении переводчика. И переводчик, отбрасывая одно, сохраняя или видоизменяя другое, производит известный отбор средств представляющихся ему возможностей и так или иначе разрешает это столкновение борющихся сил» [9, с. 20].

Нам представляется, что среди «борющихся элементов» можно обнаружить объективные и субъективные факторы, которые также являются предметом отбора переводчика. Где находится эта грань? Ответ на данный вопрос нам предстоит выяснить в ходе исследования.

Изучая природу перевода в рамках современных научных парадигм, мы можем констатировать, что его противоречия, носящие естественный характер, изучаются в различных аспектах: творческое / стереотипное, симметричное / асимметричное, осознаваемое / неосознаваемое, рациональное / интуитивное, алгоритмичное / эвристичное и др. В своих предыдущих исследованиях мы также затрагивали данную проблему [10; 11]. В рамках данной статьи нас интересует дихотомия объективного и субъективного как двух важнейших ипостасей научного бытия феномена перевода.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучая переводческие дихотомии, мы обратили внимание на то, что они имеют фундаментальное значение для понимания сущности процесса перевода, определяя его онтологию. Поясним, что онтологические аспекты перевода являются одним из компонентов эпистемы перевода, включающей в себя также методологические и аксиологические аспекты.

Разрабатывая эпистему перевода, мы опирались, во-первых, на концепцию переводческого пространства [12], о которой речь пойдет ниже, во-вторых, на понятие эпистемической ситуации, обоснованное М.П. Котуровой [13]. Введение термина «эпистемическая ситуация» первоначально касалось исключительно научного текста, однако в дальнейшем было транспонировано в другие сферы. Общелингвистическая трактовка данного термина в изложении автора звучит так: «Абстрактность научного текста мы соотносим с его содержанием как знанием в его целостности (онтологически, т.е. знание о чем), осознанным и понятным в процессуальности (методологически, т.е. как получено знание), осознанным в соответствии с его ценностью (аксиологически – степенью актуальности, новизны, достоверности)» [13, с. 116]. В рамках нашего исследования мы опирались на термин «эпистемическая ситуация» для описания системности перевода.

Расширительно трактуя понятие эпистемической ситуации, мы предположили, что как текст оригинала, так

и текст перевода характеризуются онтологическими, методологическими и аксиологическими параметрами. Согласно разрабатываемой нами концепции переводческого пространства, эпистема перевода выражается в трех ключевых понятиях: когниция, синергия, гармония. Иными словами, онтологией перевода является когнитивная деятельность переводчика, методологией перевода является синергия смыслов, аксиология реализуется в процессе гармонизации смыслов текста перевода.

В переводческом пространстве как синергетической модели перевода мы различаем ядро – содержание текста, выражающее инвариантный фактуальный смысл, и периферию – поля, выражающие вариативные имплицитные смыслы. Мы выделяем два текстовых поля: энергетическое и фатическое, и три поля субъектов переводческой коммуникации: поле автора, поле переводчика и поле реципиента.

Изучая онтологию перевода, мы акцентируем внимание на когнитивной деятельности переводчика (И.Н. Ремхе [4], Л.В. Кушнина [12], К. Дюрё [14], Л.П. Тарнаева [15] и др.), который исследует смыслы, формируемые в гетерогенных, текстоцентрических и субъектоцентрических полях переводческого пространства, на основании чего он размышляет и осуществляет выбор гармоничного переводческого решения. Этот выбор противоречив, что требует со стороны переводчика интеллектуально-эмоциональных усилий.

Мы задались целью выявить и описать объективные и субъективные факторы и их маркеры в тексте перевода, определяющие выбор переводчика и приводящие его к гармонии как соразмерности смыслов текстов оригинала и перевода, где преимущество отдается культуросообразности (что соответствует культурно-ориентированым переводческим концепциям).

Значимость объективности перевода не вызывает сомнений, она представляется очевидной, при этом недостаточно научно обоснованной. Что касается субъективности перевода, данная проблема получила широкое освещение в работах европейских ученых (К. Дюрё [14], Ж.-Р. Ладмираль [4], М. Новотна [16], Е. Скибинска [8] и др.). В отечественном переводоведении в русле когнитологии разрабатывается концепция языковой личности переводчика (Е.Ю. Куницына [17], М.Б. Раренко [18], Л.П. Тарнаева [15] и др.), в рамках которой также затрагивается проблема субъективности перевода [7; 19]. Мы вводим разграничение понятий «языковая личность переводчика» и «метаязыковая личность переводчика», трактуя последнюю как профессиональную языковую личность межкультурного и межязыкового посредника, который «выстраивает свое речевое и невербальное поведение в соответствии со стратегиями, обеспечивающими максимально положительный коммуникативный эффект, и осознанием возможных рисков, а также в пределах профессиональных этико-деонтологических норм» [20, с. 17].

В одной из своих работ, посвященных субъективности переводческой практики, франкоязычный исследователь М. Новотна [16] рассуждает о многочисленных функциях и задачах переводчика, полных противоречий. При этом, по мнению исследователя, переводчик сознательно и ответственно проявляет свою субъективность, не уподобляясь принципу: каждый понимает то, что он хочет понять. Автор полагает, что достижение качественного перевода становится возможным, если переводчик «чувствует ауру» переводимого произведения, на основе чего и осуществляет свой субъективный выбор. Эта субъективность проистекает из личного опыта каждого переводчика, что дает ему право и возможность проникнуть в суть текста. М. Новотна приходит к выводу о том, что оригинальная субъективность, заложенная автором текста, должна быть пережита переводчиком. Только в этом случае переводчику удастся «воссоздать атмосферу» текста оригинала без существенных искажений. Вместе с тем, изменения при переводе неизбежны

и закономерны.

Как видим, субъективность переводчика не только необходима для качественного перевода, но является его незаменимым свойством.

Ж.-Р. Ладмираль [3] изучает проблему субъективности перевода, намечая перспективу построения междисциплинарной антропологии перевода. Ученый подчеркивает, что перевод – это труд субъекта, в связи с чем нужно поставить переводчика в центр всей проблематики переводоведения. Сопоставляя понятия субъективности объективности, ученый пишет, что нужно «слева» сохранять излишки субъективизма, а «справа» поддерживать иллюзию объективизма. При этом важно понять, что происходит в голове переводчика.

Ж.-Р. Ладмираль заключает, что вместо того, чтобы быть дисциплиной знаний, переводоведение является дисциплиной размышлений [3]. Конкретизируем, что речь идет о размышлениях переводчика. Именно в этом состоит идея субъективного в переводе, что делает переводчика, по мнению Ж.-Р. Ладмирала, «соавтором, со-творцом, со-писателем». Эту же идею развивают в своих работах Ж.-И. Массон [6], Л. Хьюсон [5]. Так, польский исследователь Е. Скибинска [8] уточняет, что переводчик свободен в выборе стратегий и решений как читатель свободен в выборе книги. Говоря за других, переводчик соединяет мысли других и свои собственные.

Изучая переводческое пространство как систему транспонирования смыслов из одной лингвокультуры в другую, мы пришли к выводу, что оно «не стоит на обочине» единого межъязыкового и межкультурного пространства, но является его неотъемлемой частью, включаясь тем самым в ноосферу как сферу разума, биосферу как сферу жизни человека, и далее – в семиосферу как вершину человеческой когниции.

В данном случае речь идет о том смысловом пространстве, в которое, согласно предположению Ю.М. Лотмана, попадает каждый текст [10]. Ученый пишет о том, что текст обладает функцией памяти: «Текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти» [10, с. 162]. Ю.М. Лотман пишет о том, что, проходя через века, тексты сохраняют свою культурную активность, они не теряют исходную информацию, а наоборот, накапливают ее в ходе новых интерпретаций.

Приведенные выше положения, которые Ю.М. Лотман [21] относил к монокультурной коммуникации, представляются нам релевантными и для интеркультурной коммуникации при переводе, так как культурный процесс един. В рамках нашей статьи будут проанализированы различные варианты перевода фрагмента романа Ф.М. Достоевского с русского языка на французский и прослежены возможности транспонирования смыслового пространства текста оригинала в тексты перевода, которые в своей совокупности вписываются в культурную память народов и «обретают семиотическую жизнь» [21].

Мы предположили, что именно широкий семиотический подход позволит нам уяснить соотношение субъективных и объективных параметров перевода.

МЕТОДОЛОГИЯ

В работе мы выдвинули гипотезу о том, что существует некий смысловой континуум, на одном полюсе которого мы можем констатировать, что перевод объективен, а на другом полюсе мы наблюдаем процесс субъективности перевода. Достоинство гармоничного перевода состоит в том, что переход от объективного к субъективному не явно выражен, он существует как реальность, созданная автором текста и воссозданная переводчиком. Вместе с тем, выявление маркеров объективности и субъективности представляется важным, прежде всего, для того чтобы не исказить движение мысли автора, чтобы не ввести в заблуждение читателя, который должен получить аналогичный эффект от чтения текста перевода, что и читатель оригинала. Достижению

этого эффекта способствует синергия смыслов в переводческом пространстве.

Как было сказано выше, методологией предпринятого исследования выступает синергия. Само переводческое пространство мы трактуем как синергетическую сущность, где интегральный смысл текста перевода не является суммой смыслов его полей, но результатом их синергии [22]. Как любой синергетический объект исследования, переводческое пространство обладает свойствами неравновесности, неустойчивости, нелинейности, открытости, динамичности, эмерджентности, аттрактивности и др. Эти принципы были заложены в синергетику Г. Хакеном [23] и получили дальнейшее развитие в рамках лингвосинергетики.

В частности, в исследовании Н.В. Дрожжих и Т.Ю. Белоноговой [24] подчеркивается мысль о том, что в развитии языка, человека, культуры, мира существует синергетический цикл: «хаос – порядок – хаос» [24]. Если обратиться к процессу перевода, мы отметим следующую закономерность: порядок – хаос – порядок. Это означает, что текст оригинала мы относим к состоянию порядка, поскольку для переводчика текст оригинала – это эталон, к которому нужно стремиться в процессе постижения его многосмыслия. Процесс перевода, который в трактовке М. Ледерер [25], является девербализацией исходного текста, можно приравнять к хаосу. И, наконец, результат перевода, который М. Ледерер определяет как ревербализацию, мы трактуем как гармоничность, порядок, который был воссоздан переводчиком.

Синергетическая методология диктует нам методику исследования, которая складывается из следующих компонентов: выявление культурно обусловленных маркеров в тексте перевода, собственных принимающей культуре; выявление гармоничного переводческого решения как результата синергии смыслов; выявление случаев дисгармонии, адекватности и эквивалентности. В соответствии с целью нашего исследования мы уделяем особое внимание выявлению маркеров объективности и субъективности. Мы сопоставляем их с проявлением смыслов гетерогенных полей переводческого пространства: полноценное транспонирование фактуального смысла свидетельствует о достоверности текста перевода, что мы относим к фактору объективности; формирование образа-гештальта текста и его отражение в виде индивидуального-образного смысла поля переводчика относится к фактору субъективности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для анализа объективных и субъективных факторов мы обратились к переводам с русского языка на французский фрагментов романа Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» [26]. В нашем распоряжении оказалось пять вариантов перевода одного фрагмента, что послужило источником лингвопереводческого анализа. Приведем фрагмент оригинала: *Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Впрочем, я ни ишиа не смыслю в моей болезни и не знаю наверно. Что у меня болит... Но все-таки, если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же она ее еще крепче болит.*

Ниже представлены варианты перевода, выполненные в родные годы:

1. Переводчик J.W. Bienstock, 1909 г.: *Je suis un malade... Je suis méchant. Je ne suis guère attrayant. Au surplus, je n'entends rien et je ne sais pas au juste où j'ai mal. ...*

Il n'importe: c'est par malice que je ne me soigne pas. Ma foie est malade. Qu'il le soit plus encore!

2. Переводчик М. Semenoff, 1948 г.: *Je suis un malade... Je suis un homme méchant. Je n'ai rien qui séduise. Du reste, je ne comprends absolument rien à mon mal, et je ne sais exactement où je souffre...*

Cependant, si je ne me soigne pas, c'est par méchanceté. Je souffre du foie. Et bien que cet organe me fasse encore plus mal!

3. Переводчик В. de Schloezer, 1956 г.: *Je suis un malade... Je suis un homme méchant. Un homme plutôt désagréable. D'ailleurs, je ne comprends rien de tout à ma maladie et ne sais même pas au juste ce qui me fait mal...*

Et pourtant, c'est bien par méchanceté que je ne me soigne pas. J'ai mal au foie! Tant mieux! Qu'il me fasse souffrir encore plus.

4. Переводчик L. Denis, 1972 г.: *Je suis un homme malade. Soit dit en passant, je ne comprends rien de rien à ma maladie et je ne sais pas au juste ce qui me fait mal... Je suis un homme méchant. Un homme plutôt repoussant...*

Mais n'empêche, si je ne me soigne pas, c'est par méchanceté. Tu as mal au foie? Grand bien te fasse, aies-y encore un peu de mal.

5. Переводчик А. Markovicz, 1992 г.: *Je suis un homme malade... Je suis un homme méchant. Un homme repoussant, voila ce que je suis. De toute façon, ma maladie je n'y comprends rien, j'ignore au juste ce qui me fait mal...*

Et, malgré tout, si je ne me soigne pas, c'est par méchanceté. J'ai mal au foie. Tant mieux, qu'il me fasse encore plus mal!

Проанализируем результаты перевода фрагмента художественного прозаического текста. Как видим, способы ревербализации различаются, начиная с выбора лексики и структуры предложений, заканчивая использованием пунктуационных знаков.

Если первые две фразы различаются несущественно (различие на уровне одной лексемы *home* – человек), что придает им характер объективности, то третья фраза раскрывает субъективный фактор перевода, так как каждый переводчик проявляет творчество и фантазию, выражая авторскую мысль.

Представим только эти фразы из каждого фрагмента:

ИТ: *Непривлекательный я человек.*

ТП-1: *Je ne suis guère attrayant.*

ТП-2: *Je n'ai rien qui séduise.*

ТП-3: *Un homme plutôt désagréable.*

ТП-4: *Un homme plutôt repoussant.*

ТП-5: *Un homme repoussant, voila ce que je suis.*

Анализ показывает, что переводы, которые были выполнены разными переводчиками в период с 1909 по 1992 годы, не похожи, что мы относим не только к индивидуальности переводчика, но и к темпоральным смыслам, которые характеризуют переводческое время. Следовательно, темпоральные смыслы отражают субъектоцентричность перевода.

Анализ четвертой фразы («Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю наверно») также демонстрирует разнообразие переводческих вариаций, при этом ни одна из них не передает исходного разговорного выражения «я ни шиша не смыслю», которое не удается передать ни одному переводчику. Все они выбирают стилистически нормативные языковые средства, смещая акценты, уточняя и конкретизируя мысль автора, но не отражая внутренний настрой персонажа. В данном случае проявление субъективного в переводе не влечет за собой гармонизации смыслов, скорее, имеет место их нейтрализация, что мы соотносим с эквивалентностью, которая характеризуется определенными языковыми преобразованиями. При этом культурно маркированных форм выражения мысли мы не отмечаем, т.е. глубинный смысл русскоязычного выражения исчез из всех вариантов перевода этой фразы.

Обратимся к анализу завершающего абзаца выбранного фрагмента. Мы констатируем, что все переводчики в целом передали авторскую мысль, т.е. фактуальный смысл не искажен, что говорит об объективности перевода. Вместе с тем, выбор переводчиками языковых средств существенно различается. Так, для передачи русского выражения «со злости» первый переводчик использует «*c'est par malice*», означающее «злоба, насмешливость, лукавство, хитрость», в то время как другие переводчики выбирают: «*c'est par méchanceté*», что означает «злость, злоба, озлобленность», т.е. точнее пере-

дает авторскую мысль. В целом, субъективный фактор преобладает: и выбор лексики, и структура предложения, и выбор пунктуации (в переводе появляются восклицательные и вопросительные знаки, которых не было в оригинале) придают каждому переводу уникальность. Представляется, что именно субъективные изменения, нацеленные на максимальное понимание текстов перевода иноязычным реципиентом, придают этим текстам гармоничность.

Если же оценивать маркеры объективного, каждый переводчик достоверно передает авторскую мысль, не искажая ее, что отражает фактуальный смысл переводческого пространства и позволяет признать перевод объективным.

ОБСУЖДЕНИЕ

Итак, выявленные соотношения объективного и субъективного при переводе художественного текста с русского языка на французский язык позволяют заключить, что гармоничный перевод, который предполагает соразмерность смыслов текстов оригинала и перевода, содержит как элементы объективного, так и элементы субъективного. При этом переводы выполнены разными переводчиками в разные исторические эпохи, что мы расцениваем как проявление переводческого времени в переводческом пространстве, и что отражает существование переводческого хронотопа.

Как показал эмпирический материал, субъективный фактор, будучи проявлением когнитивных способностей языковой личности переводчика, придает тексту перевода уникальность и неповторимость, а, следовательно, культурную ценность для иноязычных читателей. Разумеется, этот фактор не умаляет значимости объективного фактора, который отражает глубинные намерения автора текста в пространстве родной культуры и отражает культурную память своего народа.

ВЫВОДЫ

Исследование соотношения объективного и субъективного с позиций переводческого пространства и переводческого времени позволяет пронаблюдать «семиотическую ауру» (термин Ю.М. Лотмана [21]) в едином пространстве культуры, которая вписывается в общесемиотическое пространство.

В рамках данной статьи мы пронаблюдали некоторые тенденции соотношения объективного и субъективного при переводе. Дальнейшие исследования помогут выявить закономерности данного соотношения в свете концепции переводческого хронотопа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Savory T. *The art of translation*. London: Cape, 1968. 191 p.
2. Крюков А.Н. *Основы интерпретативной концепции перевода // Семантическая структура целого текста*. М.: Наука, 1987. С. 92.
3. Ladmiral, J.-R. *How can one be a source-oriented? Criticism of literalism in translation / Comment peut-on être sourcier? Critique du littéralisme en traduction // Meta*, 2017, 62(3). P. 538-551.
4. Remkhe I.N., Nefedova L.A. *The cognitive and intuitive nature of the translation process // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: conference proceedings*. 2018. С. 179-187.
5. Hewson L. *Les paradoxes de la créativité en traduction littéraire // Meta*. 2017. Vol. 62 (3). P. 501-520.
6. Masson J.-Y. *De la traduction comme acte créateur: raisons et déraison d'un déni // Meta*. 2017. Vol. 62 (3). P. 635-646.
7. Криворучко А.И. *О соотношении понятий «субъективное» / «объективное» при переводе текста // Вестник Челябинского государственного университета*. 2017. № 6 (402). С. 52-56.
8. Skibinska E. *La retraduction, manifestation de la subjectivité du traducteur*. Doletiana: Revista de traducció, literatura i arts, Barcelona. 2007. n. 1, p. 1-10.
9. Федоров А.В. *О художественном переводе. Работы 1920-1940-х годов*. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. 256 с.
10. Кушнина Л.В., Которова М.П., Аликина Е.В. *Когнитивная функция выражения определенности / неопределенности высказываний в научном тексте // Язык и культура*. 2018. № 42. С. 81-99.
11. Кушнина Л.В. *Переводческие дихотомии в современном освещении // Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология*. М.: Флинта, 2020. С. 10-29.
12. Кушнина Л.В., Криворучко А.И., Ушакова А.О. *Когнитивные механизмы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3 (48). С. 85-95.

13. Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений. М.: Флинта, 2019. 204 с.
14. Durieux Ch. *Un paradigme cognitif pour la traductologie // Cognitivism et traductologie. Approches sémantiques et psychologiques.* Paris: Classiques Garnier, 2020. P. 27-38.
15. Тарнаева Л.П. Специфика когнитивных механизмов речевой деятельности переводчика: лингводидактический аспект // *Вопросы современной науки и практики.* 2018. Т. 1. № 4 (14). С. 74.
16. Novotna M. *La subjectivité trans-formation de l'oeuvre. Une aura de sensations sémantiques // Au coeur de la démarche traductive. Actes du Colloque Mons,* 2012. P. 71-80.
17. Куницына Е.Ю. Переводческий дискурс как пространство игры и метаигры переводчика // *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: мат-лы II междунар. научно-практ. конф. Симферополь,* 2018. С. 293-298.
18. Раренко М.Б. К проблеме художественного перевода и личности переводчика // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. Реферативный журнал.* 2021. № 3. С. 80-90.
19. Давлетишина Д.К., Коровкина М.Е. Интерпретационный фактор в переводе: Методический аспект // *Филологические науки в МГИМО.* 2021. Т. 7. № 1(25). С. 100-110.
20. Аликина Е.В., Новикова А.В. Проявления метаязыковой личности переводчика при переводе поэтических произведений // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 1-2. С. 165.
21. Лотман Ю.М. *Семносфера.* М.: Искусство, 2010. 703 с.
22. Kushnina L. *Tournant synergetique dans la traductologie d'aujourd'hui // Cognitivism et traductologie. Approches sémantiques et psychologiques.* Paris: Classiques Garnier, 2020. P. 137-152.
23. Haken H. *Synergetik in der Psychologie.* Göttingen: Hogrefe, 2006. 780 s.
24. Дрожжих Н.В., Белоногова Т.Ю. Введение в динамическую синергетику языка: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2018. 211 с.
25. Lederer M. *Pourquoi une cinquième édition d' Interpréter pour traduire de Danica Seleskovitch et Marianne Lederer? // FORUM: Revue internationale d'interprétation et de traduction.* 2016. 14(1). P. 64-78
26. Достоевский Ф.М. *Записки из подполья. Полное собрание сочинений в 30 томах.* Т. 5. Ленинград: Наука, 1973. 407 с.

Статья поступила в редакцию 22.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81'38

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0066

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СОПРЯЖЕНИЯ МЕЖДУ «Я» РАССКАЗЧИКА И КАТЕГОРИЕЙ ПРОСТРАНСТВА В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 8731-8230

AuthorID: 1025205

ORCID: 0000-0001-5358-8387

ЛАРИНА Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов

SPIN: 8810-7954

AuthorID: 186103

ORCID: 0000-0001-5449-864X

КУДРЯШОВ Игорь Александрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и русского языка

Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/46, e-mail: igalk@mail.ru)

Аннотация. На материале текста рассказа Дж Балларда «Бесконечное пространство» (1989) в статье анализируется одна из постмодернистских версий взаимодействия физического и психического «Я» рассказчика с категорией пространства, в соответствии с которой субъект повествования расценивает ограниченную пространственную протяженность как воплощение своей телесности. Категория пространства интерпретируется в тексте рассказа в двойственном ключе, а именно как (1) одушевленная сущность (дом рассказчика функционирует как автономный живой организм); (2) «протяженная» телесность рассказчика, который не способен отделить свое физическое и психологическое «Я» от расширяющихся границ своего загородного дома. Текст рассказа воспринимается читателем как повествование рассказчика, который уединился в недрах своей психики. Физическое пространство загородного жилища можно трактовать в качестве метафоры замкнутости рассказчика в сфере индивидуального сознания, нежелания устанавливать и поддерживать диалогические связи с внешним миром. В представлениях субъекта повествования внешней объективной действительности не существует, поскольку таковой является он сам. Пространство, в котором развиваются события, конструируется автором как образ реального мира: читатель идентифицирует это пространство как объективный факт, несмотря на то, что оно концептуализуется в терминах отрицательной рациональности, как невозможное, неизведанное, невидимое.

Ключевые слова: научно-фантастический текст, постмодернистское повествование, «Я» рассказчика, категория пространства, интерпретация текста.

CONJUGATIONS BETWEEN THE NARRATOR'S "SELF" AND THE CATEGORY OF SPACE IN A SCIENCE FICTION TEXT

© The Author(s) 2021

LARINA Tatyana Yuryevna, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of English for Humanities Faculties

KUDRYASHOV Igor Aleksandrovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Language Theory and the Russian Language

Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, str. Bolshaya Sadovaya, 105/46, e-mail: igalk@mail.ru)

Abstract. Based on the text of J. Ballard's short story «Infinite Space» (1989), the article analyzes one of the post-modern versions of the interaction of the physical and mental «Self» of the narrator with the category of space, according to which the subject of the narrative regards a limited spatial extent as the embodiment of his physicality. The category of space is interpreted in the text of the story in a dual way, namely as (1) an animated entity (the narrator's house functions as an autonomous living organism); (2) the «extended» physicality of the narrator, who is unable to separate his physical and psychological «Self» from the expanding boundaries of his country house. The text of the story is perceived by the reader as the narration of a narrator who has withdrawn into the depths of his psyche. The physical space of a suburban home can be interpreted as a metaphor for the narrator's isolation in the sphere of individual consciousness, unwillingness to establish and maintain dialogical connections with the outside world. In the representations of the subject of the narrative, there is no external objective reality, since he himself is such. The space in which events develop is constructed by the author as an image of the real world: the reader identifies this space as an objective fact, despite the fact that it is conceptualized in terms of negative rationality, as impossible, unknown, invisible.

Keywords: science fiction text, postmodern narrative, narrator's «Self», category of space, interpretation of the text.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В самых разнообразных подходах, разрабатываемых на исследовательской платформе лингвистики текста и функционально-семантической грамматики, демонстрируется, как детализация повседневных и научных представлений о физическом пространстве оказала конструктивное влияние не только на когнитивную реконфигурацию категории объективной действительности в языке и мышлении, но и на осмысление повествовательных миров в контексте литературно-художественного творчества. «Пространственный поворот», наметившийся в социально-гуманитарных науках не без влияния концепции геокритики Б. Вестфалия, фокусируется, в том числе, на потенциальных возможностях репрезентации повествовательных миров, их референциальных соответствиях /

несоответствиях с реальной повседневностью [1, с. 148], [2, р. 17], [3, р. 3].

Актуальность детального изучения категории пространства усиливается при обращении к контекстам постмодернистского повествования, в которых заметно ослабляется миметический принцип воспроизведения окружающей действительности, вследствие чего взаимоотношения между авторскими воображаемыми и объективными референциальными мирами становятся более филигранными и многомерными. Существенный объем текстов, порождаемых в постмодернистском литературном направлении, приобретают форму научно-фантастического повествования. В частности, в последние десятилетия особую популярность среди читателей получили короткие научно-фантастические рассказы, написанные в постмодернистском ключе. При осмыслении данных

рассказов читатель воспринимает пространство не столько как некоторый протяженный универсум, в котором живут и действуют персонажи, сколько как сверхъестественный феномен, который не подчиняется естественным физическим законам. Фантастическое начало как категория постмодернистского текста квалифицируется в качестве релевантного источника социального и культурного конструирования объективной реальности [4, с. 255], [5, с. 200].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Проблема пространства как категория научно-фантастического текста (в том числе, текста постмодернистского короткого рассказа), фактически, еще не получила системного изучения. В более ранних изысканиях, посвященных фантастическому воспроизведению событий в художественном тексте, категория пространства не всегда даже упоминается, поскольку исследовательское внимание сосредотачивается преимущественно на сверхъестественных образах (ср., в частности, монографию Ц. Тодорова [6]).

Представители текстуального литературоведческого анализа разрабатывают несколько связанную схему изучения научно-фантастического повествования, концентрируясь на специфике нарушения фундаментальных законов, лежащих в основе формирования повседневно опыта человека [7, с. 73], [8, р. 155], [9, р. 140-142]. При этом пространство трактуется в терминах исчезновения физической локализованности персонажа, модификации трехмерной модели видения действительности, измерения, трансформируемого вследствие каких-либо фантастических событий. Как представляется, оригинальной предстает лингвистическая интерпретация пространства как следствия или побочного эффекта метаморфоз с категорией времени [10]. При подобном ракурсе анализа пространство и время квалифицируются в качестве синкретичной категории, воплощающейся в спонтанных пространственно-временных сдвигах, модификациях, скачках.

Местоположение персонажа в авторском воображаемом мире ограничивается определенной системой фреймов, что, в свою очередь, предопределяет читательскую возможность измерять и локализовать художественное пространство с учетом точки отсчета, которая задается автором. В контексте научно-фантастического повествования указание на физические пределы оказывается фундаментальным механизмом реализации категории пространства в терминах определенного местоположения персонажей [11, р. 23-25], [12, р. 171-173]. В свою очередь, понятие границы, предела выступает в качестве референта для таких пространственных оппозиций, как вверх–вниз, направо–налево, внутрь–наружу. Аналогичным образом понятия «дистанция», «место нахождения», «точка назначения» приобретают конкретное семантическое содержание с опорой на авторскую референциальную систему координат, внедренную в повествование.

Формирование целей статьи (постановка задания). Учитывая аспекты исследования пространства в научно-фантастических текстах, проанализированных выше, мы выдвигаем точку зрения, согласно которой в ходе художественного воспроизведения ирреальных и иллюзорных событий пространство может функционировать как автономная и независимая категория. Цель статьи заключается в том, чтобы:

- доказать, что в ходе рецепции эмпирической реальности пространство и время воспринимаются в изоляции друг от друга: данный прием является потенциально продуктивным, поскольку дает возможность осознать субъективацию пространства и времени на фоне различного рода трансформаций, порождаемых фантастическими событиями;

- квалифицировать пространство в качестве катего-

рии, неявно реализующей оценку фантастической действительности, метафорического или символического континуума.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В тексте короткого восьмистраничного рассказа Дж. Балларда «Безграничное пространство» выявляются многомерные психастенические взаимоотношения между категориями «рассказчик-персонаж» и «пространство»: действующее лицо проявляет неспособность отграничить свое «Я» от физического окружения, в котором оно действует. Повествование от первого лица ведется рассказчиком, который никогда не покидает собственного дома, оборвал все возможные контакты с внешним миром. С течением времени рассказчик осознает, что границы его дома расширяются, открывается доступ в «более истинную» реальность, внедренную в пространство местожительства. Автор не проясняет читателю, является ли подобная ситуация следствием галлюцинаций рассказчика, а поэтому повествование можно квалифицировать, с одной стороны, как предельный случай фантастических событий. С другой стороны, факт физического исчезновения в пространстве можно потенциально интерпретировать как результат трансформированного восприятия рассказчиком, испытывающим ментальные дисфункции.

Если читатель принимает рациональное объяснение ирреальных событий в повествовании, то текст короткого рассказа определяется им как «псевдофантастический». Подобная категория характеризует такое художественное повествование, в котором задействуются структуры, и мотивы научно-фантастических текстов, однако, воссоздаваемые невозможные события, в конце концов, получают рациональное объяснение (например, балансирование рассказчика на грани между сном и явью или его безумие). В контексте рассказа «Безграничное пространство» факт безумия рассказчика является наиболее релевантным фактором трактовки сверхъестественных феноменов. Ср. финальный эпизод рассказа, в котором рассказчик запирается в холодильнике в стремление раствориться в окружающем его физическом пространстве. Однако читателю не сообщаются детали того, что впоследствии произошло с рассказчиком, в действительности ли он инкорпорировался в свое жилище или же просто испытал психическое расстройство. Другими словами, читатель не получает информации, достаточной для рационального объяснения фантастических феноменов, а поэтому балансирует между двумя потенциально возможными интерпретациями, объясняет сверхъестественное начало либо как плод сознания рассказчика, квалифицируя повествование в качестве мнимого фантастического, либо как действительно произошедший факт, таким образом полагая, что короткий рассказ относится к научно-фантастическому жанру.

Считаем, что между сознанием рассказчика и будничной повседневностью обнаруживается коллапс рациональных связей, что оказывает воздействие на восприятие собственного физического тела субъектом повествования: телесность трансформируется в пространство, а поэтому снимается проблема местоположения тела. Психастения – это ментальная патология сознания, связанная с нарушениями восприятия пространства, уравниванием ментального с физическим. Другими словами, индивид полагает, что он и есть то пространство, в котором он живет и действует, воспринимает себя не в терминах психологического «Я», а как пространство. Персонажи Дж. Балларда не испытывают доминирования со стороны пространства, не поглощаются им, а инкорпорированы в физическую реальность, окружающую их. Фантастические события, воздействующие на жизнедеятельность персонажа, интерпретируются читателем как, своего рода, ментальная иллюзия, специфическое восприятие действующим лицом своего тела.

Повышенный интерес автора к проблеме совмеще-

ния физической реальности и психического «Я» субъекта проявляется уже в эссе 1962 г., заглавие которого имеет форму риторического вопроса – «Какой путь во внутреннее пространство?». В этом эссе Дж. Баллард указывает, что «самые большие достижения ближайшего будущего будут наблюдаться не на Луне или Марсе, а на Земле: необходимо исследовать именно внутреннее, а не космическое пространство [13, р. 117]. Автор призывает обращаться к жанру научной фантастики с целью изучения психической сферы человека. В свою очередь, эта идея предопределила одну из самых ярких характеристик постмодернистской прозы Дж. Балларда, которую можно назвать психологической географией, синтезом сознания персонажа и окружающей средой, воссоздаваемой автором. В частности, этот синтез наглядно проявляется в следующем фрагменте: (1) «*It was almost as if the barriers between the deepest levels of the nervous system and the external world had been removed, those muffling layers of blood and bone, reflex and convention*» [14, р. 114].

Внешний воображаемый мир и внутренне восприятие этого мира персонажем формируют контрастирующие друг с другом феномены (ср. употребление контекстуальных антонимов в ходе описания специфических эмоций, испытываемых персонажем: *blood – bone, reflex – convention*). Границы между этими феноменами оказываются размытыми, стираются, что лишает персонажа чувства реальности: пространство квалифицируется в терминах экстернализации психического «Я» персонажа и его бессознательной сферы. Автор воспроизводит физическое окружение как, своего рода, зеркало психологического отчуждения персонажа. Это окружение предопределяет восприятие персонажем своего индивидуального «Я». Декодируя данную авторскую импликацию, проницательный читатель приходит к необходимости интерпретировать ее в более глобальном плане: окружающие физические структуры оказывают негативное воздействие на процессы освоения этих структур современным человеком, создавая условия для социальных моделей нецивилизованного поведения и отвергая важность повседневного опыта отдельно взятого индивида, дестабилизируя его психологическое и психическое состояние. Повествовательные пространства, воссоздаваемые Дж. Баллардом, можно рассматривать как экспоненты концепции «не-места», разработанную в рамках антропологии гипермодерна и получившую широкое распространение в постиндустриальном обществе.

В тексте рассказа фантастическое начало не является внезапно действующим внешним фактором: сверхъестественные характеристики жилища, в котором добровольно заточил себя рассказчик, постепенно и многопланово обнаруживаются им. Рассказчик субъективирует категорию пространства с учетом следующих трех факторов:

1. установление границ той территории, на которой происходят фантастические события;
2. предотвращение воздействия на эту территорию внешнего мира;
3. обеспечение автономии замкнутого пространства по отношению к внешнему миру.

Добровольный уход рассказчика из будничной повседневности концептуализуются такими глагольными словосочетаниями, как *to break off, to close the door, to secede from*, [14, р. 698]. Особый интерес представляет выражение *to shut out the world* [14, р. 698], которое передает не только физическое уединение рассказчика, но и трактует изоляцию субъекта повествования как добровольный морально-нравственный выбор. В то же самое время это выражение имплицитно информирует о глубоко экзистенциальном ограничении своего индивидуального «Я» от Других, находящихся во внешней реальности. Ср.: (2) «... *by closing the front door I intended to secede not only from the society around me... I was breaking off all practical connections with the outside world*» [14, р. 698].

В ходе повествования о добровольной самоизоляции рассказчик наделяет важной смысловой нагрузкой упо-

минание порога своего жилища: в представлениях говорящего субъекта дом концептуализуется как его личный мир. Порог – это концептуальная метафора физических и онтологических границ, которые определяют жилище рассказчика на фоне окружающей действительности, преобразуют это жилище в замкнутое автономное пространство, которое подчиняется собственной и независимой системе ценностей: (3) «*I could change the course of my life by a single action. To shut out the world, and solve all my difficulties at a stroke, I had the simplest of weapons – my own front door. I needed only to close it, and decide never to leave my house again*» [14, р. 698].

Отграничение личной территории для рассказчика – это, своего рода, ритуальное действие, которое расценивается как декларация независимости от внешнего мира, отвоение право на индивидуальный микрокосмос. Обретя индивидуально-личностное пространство, рассказчик приступает к его очищению, метафорическими образами которого выступают процессы уничтожения и устранения. Субъект повествования сжигает «улики» своей прошлой жизни, включая свидетельство о рождении, паспорт и все остальные имеющиеся документы. В этот момент разворачивания событийной линии впервые звучит мотив о свете как освобождающей силе, которая должна обеспечить безопасность и стабильность. Последним штрихом очищения дома оказывается избавление от занавесок: (4) «*Light has flooded into the room, turning every wall and ceiling into a vivid tabula rasa*» [14, р. 701].

Метафора *tabula rasa* отражает потребность рассказчика уничтожить себя прошлого, облегчить вхождение в новый мир. Дом физически освобождается от воздействий внешнего мира, начинает дышать полной грудью. Обретенный личностный континуум воспринимается повествователем как состояние чистоты, включающее все необходимое для существования – свет, время и пространство. Фокусируя читательское внимание на процессах очищения, рассказчик сопоставляет свою жизненную ситуацию с положением Робинзона Крузо на необитаемом острове: (5) «*In every way I am marooned, but a reductive Crusoe paring away exactly those elements of bourgeois life which the original Robinson so dutifully reconstituted. Crusoe wished to bring the Croydons of his own day to life again on his island. I want to expel them and find in their place a far richer realm formed from the elements of light, time and space*» [14, р. 700].

Исследователи художественных утопических текстов указывают, что совершенный мир приобретает четкие очертания лишь на фоне реальности, вселяющей ужас, которую он исключает. Утопический анклав возникает как прямое следствие обособления небольшой группы индивидов от остального общества, в котором распространены обескураживающий хаос и деструктивные силы. В тексте анализируемого рассказа субъект повествования демонизирует проявления внешней действительности, которая формирует разительный контраст с его внутренней жизнью. Дом начинает функционировать как самодостаточная система, способная себя обеспечить всем необходимым, в конце концов, интегрирует в себя рассказчика, трансформируясь в организм, независимый от остального мира, а поэтому воспринимается читателями в качестве персонажа, который занимает активную позицию в сюжетной линии повествования.

Вся воображаемая событийность концентрируется на разноплановых взаимоотношениях между одним субъектом и одним пространством. Этот тип повествования не допускает выражения иной точки зрения на фантастические явления, каких-либо сторонних комментариев. Все события, составляющие сюжет повествования, производятся, исходя из точки зрения одного субъекта. Вследствие этого семантическое содержание лексических единиц, используемых для воссоздания фантастических трансформаций во внутреннем мире рассказчика, характеризуются ограниченным повествовательным по-

тенциалом, фактической однозначностью. В тексте отсутствует межличностный конфликт, который бы выявил всю смысловую палитру слов и синтаксических конструкций (о диалогической предопределенности смысловых обертонов языковых единиц см. [15, с. 170-173]).

Вместе с тем, выявляется целый ряд текстовых механизмов, которые компенсируют отсутствие плюрализма мнений на происходящее: рассказчик предпринимает несколько попыток обсудить целостность и уникальность своего жилища с другими персонажами (бывшей женой, полицейским, секретарем). Однако диалогическое общение между рассказчиком и персонажами осуществляется в рамках ограниченного пространства (на пороге дома, через окно или дверь). Другими словами, рассказчик оберегает свой личностный микрокосм от вторжения субъектов из внешнего мира, расценивает их как, своего рода, «вирусы», посягающие на стабильность и незыблемость границ его домашнего пространства. Внезапное появление этих персонажей у дома провоцирует внутренний кризис рассказчика. После их ухода домашнее жилище рассказчика, как и он сам, испытывают расслабление.

Проявление фантастического начала в повествовании наблюдается в тот момент, когда рассказчик обнаруживает, что его дом, в буквальном смысле, расширяется, растет. Ср.: (6) «*the rooms are larger*» [14, p. 704].

Подобное невозможное событие, ирреальное преобразование приводит к тому, что рассказчик начинает воспринимать телесность в качестве референциальной точки отсчета фантастических изменений. Ср.: (7) «*The house relaxes its protective hold on me*» [14, p. 704]; (8) «*The reminder of the room sheers away from me, the walls pushed back by the light*» [14, p. 705]; (9) «*... banisters shrink together as I race to the safety of the floor below*» [14, p. 705].

Дом уподобляется рассказчиком одушевленному предмету, концептуализуется им в терминах человеческого тела. Жилище начинает выполнять действия, которые присущи двигающемуся человеку (расслабляться, передвигаться, отодвигаться, сжиматься). Сам рассказчик проявляет неспособность зафиксироваться динамические границы пространства бесконечно расширяющегося дома, его «космическую бесконечность». Синтез индивидуального и пространственного, добровольное заточение индивидуальный опыт рассказчика, а ведет к распаду его «Я», предопределяет неспособность осознать окружающую его объективную реальность. Субъект повествования постоянно балансирует между потребностью зафиксировать личностное пространство и желанием стать этим пространством. Рассказчик стремится к физическому слиянию с пространством своего жилища, чтобы обрести трансцендентальный опыт исчезновения в бесконечно расширяющихся просторах дома, которые воспринимаются им как действительное измерение окружающего мира. Субъект повествования более не рассматривает свою телесность в качестве связующую звена с внешней реальностью, внутренний мир и становится единственной его реальностью.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В экзистенциальном и физическом смысле между телом рассказчика и его жилищем устанавливаются синкретические отношения: дом воспринимается субъектом повествования как его собственное тело. Вся окружающая действительность редуцируется рассказчиком до размеров своей индивидуальной телесности, которую и символизирует дом. Процессы иллюзорного динамического расширения дома-микрокосмоса имплицитно потребуют рассказчика защитить свое физическое и психологическое «Я» от разрушающего воздействия внешнего мира. Субъект повествования ментально входит в реальность высшего порядка, физически становясь добровольным узником пространства, которое он порождает для себя. В то же самое время рассказчик не проявляет ни малейшего интереса к локализации своей позиции во внешнем физическом

мире, что в ходе адаптации к иллюзорно расширяющемуся пространству, в конце концов, приводит к деперсонализации его личности. Лишенные позиции во внешнем пространстве неизбежно уравниваются с утратой индивидуальности, что дестабилизирует чувство окружающей реальности.

Дж. Баллард разрабатывает постмодернистскую концепцию экзистенциальной и онтологической деформации сознания, проистекающей из уподобления личностного пространства собственной телесности. Рассказчик воспринимает свое тело и жилище в нерасчлененном единстве, конструирует это единство не только как уникальное и сугубо личностное пространство, но и как сверхъестественный феномен. В результате фантастическое начало может восприниматься либо как плод большого воображения, трансформированного сознания рассказчика, либо как действительное событие, которое происходит в физической реальности.

Перспективой исследования предостоят дальнейшая детализация того положения, что пространство – это своего рода сумма лингвистических знаков, внедренная в художественный текст, средство реализации тех или иных авторских стратегий. Даже если пространство, воспроизводимое в научно-фантастическом повествовании, обладает внетекстовым референтом, оно всегда является плодом авторского воображения, фикциональной сущностью. Вместе с тем, пространство – это существенный структурный элемент повествования, предопределяющий разворачивание сюжетной линии текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Колабинова Т.И., Газизова Л.Г. «Другой» в закрытом пространстве в замкнутом обществе подростков: роман У. Голдинга «Повелитель мух» и роман М. Вараса Льюиса «Город и псы» // *Филология и культура*. 2019. № 3 (57). С. 147-153.
2. Kane M. *The space and nature // Postmodern Time and Space in Fiction and Theory*. NY.: Palgrave Macmillan, 2020. P. 15-44.
3. Popov A. *The utopian hyperobject: revolutionary topologies in science fiction // New Forms of Space in Spatiality in Science Fiction*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2019. P. 1-16.
4. Попова К.А. *Метатекст и его авторские импликации в научно-фантастическом повествовании К. Воннегута // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. Майкоп: АГУ, 2019. С. 254-258.*
5. Абраменко Е.В., Черединова Е.А., Тарасова Ю.В. *Научно-фантастический текст в аспекте постмодернистских категорий фрагментарности и деконструкции // Гуманитарные и социальные науки*. 2019. № 4. С. 76-84.
6. Тодоров Ц. *Введение в фантастическую литературу*. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
7. Ковтун Е.Н. «Канон» и интертекст «посмертного бытия» в фантастике XX–XXI вв.: проблемный и функциональный аспекты // *Stephanos*. 2020. № 5 (43). С. 59-92.
8. Smethurst P. *The Postmodern chronotope. Reading space and time in contemporary fiction*. Amsterdam Atlanta GA, 2000. 335 p.
9. Sukdolo A. *Private Prison Cells: the dynamics and variety of Ian Ewan's space concepts of the postmodern gothic // Eger Journal of English Studies*. 2019. № XIX. P. 135-148.
10. Черединова Е.А., Абраменко Е.В., Тарасова Ю.В. *Путешествие во времени как следствие травматических воспоминаний героя (на материале романа К. Воннегута «Бойня номер пять») // Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 199-202.
11. Kitchen R., Kneale J. *Science fiction or future fact? Exploring imaginative geographies of the new millennium // Progress in Human Geography*. 2001. № 25. P. 19-35.
12. Wischmann A. *The poetics of blank spaces in selected works of Elizabeth Rynell // Contemporary Nordic Literature and Spatiality*. NY.: Palgrave Macmillan, 2020. P. 169-184.
13. Ballard J.G. *Which way to inner space // New World Science Fiction*. 1962. № 40. P. 116-118.
14. Ballard J.G. *The complete stories*. NY.: Norton @ Company, 2010. 1199 p.
15. Былкова С.В., Кудряшов И.А. *Диалогическое общение как сфера взаимодействия дискурсивных и грамматических факторов // Общественные науки*. 2017. № 6. С. 167-178.

Статья поступила в редакцию 21.09.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК: 80

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0067

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА И ОБЪЕКТА ССЫЛКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ГИПЕРТЕКСТЕ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 9942-1529

AuthorID: 728741

ORCID: 0000-0002-2625-6093

МИНЕЕВА Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии и методики преподавания английского языка
Оренбургский государственный университет
(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: mvmineeva@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу семантических отношений между структурными элементами лингвистического гипертекста. Актуальность данного вопроса обусловлена необходимостью изучения лингвистического гипертекста как способа сближения картин мира автора и читателя. Лингвистический гипертекст является инструментом регулирования понимания текста, а также декодирования имплицитно заложенных смыслов, раскрытием авторской интенции и сближения лингвокультурных сознаний автора и читателя. На материале современной англоязычной художественной литературы, снабженной затекстовым комментарием, рассматриваются типы семантических отношений между источником и объектом ссылки. Особое внимание уделяется способам и характеру представления информации в комментарии. Анализ единиц формального и концептуально-содержательного аспектов лингвистического гипертекста показывает, что основным принципом составления комментариев является дефиниция низкочастотных лексических единиц общедоступными словами и интерпретация культурно-маркированных феноменов в контексте реалий, свойственных лингвокультуре читателя. В результате исследования сделан вывод о том, что содержание комментария зависит от семантической напряженности и адресованности исходного текста, а также определяется целью комментатора и подготовленностью читательской аудитории.

Ключевые слова: лингвистический гипертекст, художественное произведение, формальный аспект лингвистического гипертекста, концептуально-содержательный аспект лингвистического гипертекста, семантический повтор, коммуникативные сбои, источник ссылки, объект ссылки, адресованность, семантическая напряженность.

SEMANTIC RELATIONS OF LINK SOURCE AND LINK OBJECT WITHIN LINGUISTIC HYPERTEXT

© The Author(s) 2021

MINEEVA Maria Vladimirovna, candidate of philological sciences, assistant professor of the department of
English philology and methods of English language teaching
Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue 13, e-mail: mvmineeva@mail.ru)

Abstract. The article deals with analyzing semantic characteristics of the structural elements of linguistic hypertext. The topic of this research is relevant in the course of studying linguistic hypertext as a means of converging worldviews of an author and a reader. Linguistic hypertext helps to adjust the context for a better understanding of a text which implies decoding of implicit meanings, author's intention and drawing together lingocultural perceptions of an author and a reader. The types of semantic relations of the source and the object of a link are examined on the material of contemporary English fiction supplemented with commentaries. Special attention is given to the composition and contents of the commentary. Consideration of the units of formal and conceptual aspects of linguistic hypertext has outlined the principles of commenting such as interpretation of low-frequency vocabulary with common lexis and explaining culture-specific elements in terms that are understandable and meaningful for a reader. The results of the research show that the contents of the commentaries are largely determined by the semantic intensity and address of the literary text as well as the objectives of a commentator and qualification of readers.

Keywords: linguistic hypertext, fiction, formal aspect of linguistic hypertext, conceptual aspect of linguistic hypertext, semantic reduplication, communicative failures, link source, link object, address, semantic intensity.

ВВЕДЕНИЕ

Электронные средства представления информации привлекли внимание филологов к гипертекстовым структурам. Значительные исследования электронного гипертекста в работах таких учёных, как О.В. Дедова, Е. В. Зыкова, Е. С. Клочкова, О. В. Лутовинова, А. С. Махов, С. С. Панфилова, Т.И. Рязанцева, С.А. Стройков, Н.В. Смирнова, J. Gallo, R. Ridi и др., позволили рассматривать гипертекст как инструмент межличностного социокогнитивного взаимодействия и определить специфику его функционирования в компьютерной среде. Особый интерес представляет изучение гипертекста с лингвистической точки зрения. Н.А. Шехтман, Н.Ф. Ковалева, Ж. А. Никифорова, А. А. Залевская, С. С. Панфилова, М. В. Масалова, Е.А. Макуни и др. внесли огромный вклад в формирование концепции так называемого лингвистического гипертекста. Лингвистический гипертекст, составленный в виде затекстового комментария к англоязычному художественному тексту, нацелен на сближение картин мира адресата и адресанта, согласование их тезаурусов посредством вербализации информации, имплицитно заложенной в тексте. Рассматривая структуру гипертекста, С.А. Стройков выделяет информационную единицу как минимально значимую структурообразую-

щую единицу, которая обладает смысловой самостоятельностью [1, с. 288]. О. В. Дедова считает, что функция гипертекстовой ссылки заключается в декодировании имплицитно заложенных связей текста [2, с. 27]. Соответственно, на наш взгляд, актуальность представляет анализ семантических отношений между комментируемым понятием и комментарием, т.е. источником и объектом ссылки.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для исследования семантических особенностей источника и объекта ссылки лингвистического гипертекста мы проанализировали способы передачи значения комментируемых единиц формального и концептуально-содержательного аспектов лингвистического гипертекста. Поставленная цель определила методы исследования. Метод лингвистического наблюдения и сравнительно-сопоставительный метод позволили выбрать единицы формального и концептуально-содержательного аспектов лингвистического гипертекста и сделать выводы о лингвопрагматических особенностях зафиксированных единиц. С помощью приемов обобщения, когнитивной интерпретации и классификации нам удалось выявить общие и отличительные черты семантики исследуемых единиц. Материалом исследования послужили произ-

ведения современных англоязычных авторов, которые сопровождаются англоязычным лингвокультурным комментарием под редакцией профессора Карен Хьюитт в рамках международного проекта «Оксфорд-Россия».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Лингвистический гипертекст состоит из некоторого количества комментариев, которые представляют часть тезауруса, не входящего в когнитивную базу предполагаемого читателя [3]. Как было установлено ранее, лингвистический гипертекст предполагает наличие единиц формального и концептуально-содержательного аспектов [4]. Единицы формального аспекта могут быть обнаружены на фонологическом, морфологическом, лексико-фразеологическом, синтаксическом и стилистическом уровнях текста. Причиной таких лакун являются языковые расхождения адресата и адресанта. К примеру, в эту подгруппу входят полисемичные единицы (*punter – a customer, someone who is ready to take part, someone who is ready to act*), единицы лексико-фразеологического уровня (*wingers – colloquial: complainers, grumblers*, аббревиатуры и сокращения (*WILCO – I will comply*) [5, с. 25, 27, 29] и др.

Коммуникативные сбои, т.е. результат неполного понимания текста реципиентом, вызванные несовпадением культурных картин мира коммуникантов, могут быть нейтрализованы путем обращения к единицам концептуально-содержательного аспекта лингвистического гипертекста. Так, культурно-маркированное словосочетание *the turkey and the streamers* нуждается в расшифровке, чтобы читатель смог распознать эти традиционные для Великобритании составляющие Рождества: *roast turkey and paper decorations at Christmas* [6, с. 15]. Пояснение необходимо и в следующем примере: *The Great War – the First World War*. Русскоязычный реципиент ассоциирует словосочетание «The Great War» с Великой Отечественной Войной 1945 года, однако комментатор приводит объяснение англоязычному потребителю: *when the world war ended in 1918 it was referred to as The Great War or The War to End All Wars. So, after 1945, the Great War became known as the First World War* [7, с. 32]

Для определения семантических особенностей источника и объекта ссылки единицы формального и концептуально-содержательного аспектов мы обратимся к анализу семантических отношений. Итак, мы выделили следующие типы:

1. Семантическая идентификация, которая характеризуется равным объемом передаваемых понятий. Обратимся к примерам: *tommy-rot – nonsense, to grasp the nettle – to do something painful; parlous state – terrible condition; in lieu of – in place of, instead of* [5, с. 28 - 31].

2. Семантическая импликация, т.е. конкретизация понятия, например, *shades – sunglasses; basest language – here, ‘the rudest, most vulgar’* [5, с. 29, 37].

3. Семантическая экспликация или генерализация понятия: *Bakelite – an early type of hard plastic; kedgeree – a dish made from rice and fish which was imported from our Indian empire; pot-pourri – dried scented flower petals* [5, с. 38, 44].

Пояснение, т.е. объект ссылки, посредством которого нивелируются языковые и культурные трудности понимания, может вводиться различными способами. Основным принципом составления комментария можно считать интерпретацию низкочастотных слов высокочастотными. Чтобы заполнить предполагаемую лакуну в тезаурусе адресата, спровоцированную использованием низкочастотной лексической единицы, необходимо использовать общеупотребимые слова нейтрального стиля. Например, в случае употребления сленговых единиц, комментатор будет интерпретировать их с помощью общей лексики: *we are skint – colloquial: we don't have any money; to flaunt – to show off in public* [8, с.15, 25]. Комментирование терминов также подразумевает использование общедоступной лексики. Термины мо-

гут объясняться подробно или же указывается принадлежность к определенной области: *biodynamic method and principles of permaculture – methods of gardening*. В данном случае, читателю достаточно понимать о какой сфере деятельности идет речь, потому комментатор продолжает: *the reader is not expected to know any more about these method of gardening than Claypole* [5, с. 39]. Нейтральная лексика также употребляется при объяснении разговорных слов и выражений: *do-dahs – a phrase used for something when you cannot remember the real name* [5, с. 227]; *knacker – exhaust (colloquial)* [9, с. 22]. Окказиональные употребления слов интерпретируются высокочастотной общеупотребительной лексикой, а также сопровождается пояснением авторского употребления: *optimistic flotsam – a metaphor based on a bit of flotsam meaning lost, bewildered, abandoned is quite common. But today other feelings prevail; as a typical ‘bit of flotsam’ he is unusually feeling optimistic* [5, с. 40]. Декодирование национально-культурного смысла, который несут некоторые выражения, необходимо для сближения национально-культурных картин мира автора и читателя. Так, составитель комментария описывает мнение одного из героев романа Магнуса Макинтайра “Whirligig” («Круговерть») о представителях Шотландии: *On p. 70 he (Peregrine – нп.м. автора) tells Claypole that posh Scots hate each other and marry each other; ... ‘ordinary’ Scots, he says, are terrible complainers*. Однако комментатор спешит внести ясность и просит читателей воздержаться от стереотипного мышления, тем самым, направив читательскую интерпретацию в нужное русло: *Peregrine has already explained to Claypole that he knows very little about ordinary Scots and yet here he is, telling us what they feel like in sweeping generalizations... From such foolish generalizations we form stereotypes* [5, с. 44]. Стилистические приемы автора, в частности, некоторые реплики героев, иронический смысл которых распознает англоязычный читатель, нуждаются в объяснении для русскоязычного реципиента: *“You – Essex girl! You – financial advisor!”* [8, с. 30]. В данном примере при обращении к комментарию становится понятно, что происхождение девушки и род занятий ее собеседника является предметом оскорбительных шуток.

При анализе содержания лингвистических гипертекстов, составленных к художественным текстам различной адресованности, интерес представляет и характер представления информации комментатором. Мы согласны с утверждением В.А. Шульгинова о том, что номинация ссылки и содержание исходного текста являются отражением авторской рецепции [10]. Специфика представления информации зависит, в первую очередь, от адресованности и семантической напряженности текста, а также задач комментатора и уровня подготовленности аудитории, которая будет интерпретировать исходный текст с помощью комментария. Так, комментатор может ограничиться краткой дефиницией, например, *banjax – destroy; compadre – a companion or friend; schmutter – clothing*; кратко описать феномен или реалию, например, *Glastonbury festival – a famous outdoor festival of folk, blues and pop music* [5, с. 44]; *a Wesleyan or a Baptist – the names of Protestant sects* [10, с. 30]; или же представить вариант стилистического или литературоведческого анализа: *the curse as debilitating as Midas’ touch – so constrained in her little world as Midas was in his when he feared to touch anything because it would turn into gold; King Hal at Agincourt. Fighting spirit. – In Shakespeare’s King Henry V, the King Hal makes a brave speech just before the battle of Agincourt* [5, с. 44].

Следует отметить, что полнота комментария определяется также важностью реалии для понимания отдельного отрывка или произведения в целом. Как считает Т.И. Рязанцева, семантическая насыщенность текста определяет специфику представления информации в соответствии с потребностями адресата [11, с. 328]. В некоторых случаях комментатор лишь обозначает феномен

и указывает, что его интерпретация не принципиальна для общего понимания: *You can be Black Pig – children discussing imaginary games. It is foolish for the reader to get worried at this stage and to ask silly questions; Nimble Men, Blue Men and Green Ladies – You do not need to know this story* [5, с. 23]. Комментатор не спешит дословно и исчерпывающе объяснять те случаи, когда читатель в силах сам сделать вывод и предложить свою интерпретацию. В таких случаях, составитель комментария дает подсказку и предоставляет читателю свободу интерпретации: *if you read the epigram, you may understand it better; this term she explains a few lines later; read the introduction in order to understand what he is saying; the Russian reader like the English reader needs to use her common sense*, [5] и т.п. Однако в случае, когда необходимо пояснить имплицитно заложенный смысл, комментатор не ограничивается определением. В случае с отрывком *“It take all sorts, Dad. Anyway, you can't talk. You're a guerrilla gardener”* читатель узнает не только о виде садоводческих работ, но и понимает, что речь идет о толерантности и невозможности осуждать других, когда сам занимаешься чем-то не вполне законным: *this is a cheerful idiom about accepting differences. Guerrilla gardening – gardening on public unused wasteland and on private land illegally* [8, с. 39].

ОБСУЖДЕНИЕ

Исследования О.В. Дедовой, С.А. Стройкова, А.В. Прошиной, М.В. Емелиной, Шульгинова В.А. и др. позволили дать определение и характеристику минимально значимых структурообразующих единиц гипертекста. В нашем исследовании мы применили выводы авторов для системного и многоаспектного анализа семантических связей структурных элемента затекстового комментария, т.е лингвистического гипертекста. Вслед за Н.А. Шехтманом, Н.Ф. Ковалевой, Е.А. Макуни и др. мы изучили способы передачи значения комментируемых единиц различных аспектов лингвистического гипертекста, что позволило продолжить изучение гипертекста с обращением к традиционному объекту лингвистических и литературоведческих исследований – художественному тексту.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы пришли к выводу, что семантика отношений между источником и объектом ссылки подразумевает введение лексического контекста, который призван снять многозначность слова и неясности понимания. Что касается структуры лингвистического гипертекста, комментируемое понятие определяет предполагаемую лакуну в тезаурусе адресата, а толкование представляет инструмент заполнения лакун. В целом, можно утверждать, что лингвистический гипертекст является инструментом коммуникативного сотрудничества между англоязычным адресантом и русскоязычным реципиентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Стройков, С. А. Формирование лингвистической концепции электронного гипертекста / С. А. Стройков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. – Выпуск 4. – С. 287–291.
2. Дедова, О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете // О.В. Дедова. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 284 С.
3. Шехтман, Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст (2-е издание, исправленное и дополненное) / Н.А. Шехтман. - Самара, 2018.
4. Минева, М.В., Кушнерук, С.Л. Формальный и концептуально-содержательный аспекты лингвистического гипертекста / М.В. Минева, С.Л. Кушнерук // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. – 2017. - № 3. – С. 23-28.
5. Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть»: коммент. / науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 60 с.
6. Роман Себастьяна Фокса «Неделя в декабре»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – 75 с.
7. Роман Эммы Хили «Элизабет пропала»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. – 43 с.
8. Сборник рассказов Рэйчел Джойс «Снежный сад»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. – 40 с.

9. Роман Бернарда Маклаверти «Ноты Грейс» [Текст]: коммент. / науч. ред. К. Хьюитт; Ю. Вторушиной, Т. Жаковой, А. Журавлевой, Т. Зайцевой, А. Комовой, Н. Матвеевой, А. Минка, А. Обиходовой, А. Родичевой, Е. Розе, С. Савельевой, Н. Сергиенко, Т. Финаевой, Э. Чистоноговой, Н. Эйдельман и др.; под общ. ред. Б. Проскурнина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – 61 с.

10. Шульгинов, В.А. К вопросу о текстовой природе электронного гипертекста / В.А. Шульгинов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6. – С. 147-151.

11. Рязанцева, Т.И. О категориях гипертекста / Т. И. Рязанцева // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6. - № 3. - С. 327-340.

12. Макуни, Е.А. О специфике некоторых видов авторских комментариев в свете различных подходов к изучению лингвистического гипертекста / Е.А. Макуни // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. - № 11. – С. 260-270.

13. Прошина, А.В., Емелина, М.В. Особенности гипертекста / А.В. Прошина, М.В. Емелина // Интерактивная наука. – 2017. - № 12. – С. 167-171.

14. Смирнова, Н.В. Лингвостилистические теории гипертекста / Н.В. Смирнова // Актуальные проблемы стилистики. – 2018. – № 4. – С. 135-140.

15. Gallo, J. Functional and semantic features of hypertext / J. Gallo // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2021. – Vol.6. – Issue 1. – P. 41-52.

16. Ridi, R. Hypertext / R. Ridi // Knowledge Organization. – 2018. – Vol. 45. – Issue 5. – P. 393-424.

Статья поступила в редакцию 27.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81'42:355.01-048.93:070=112.2=161.1

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0068

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

© Автор(ы)

SPIN: 5723-2050

AuthorID: 671469

ResearcherID: AAX-4232-2020

ORCID: 0000-0001-5991-6986

МОИСЕЕВА Ирина Юрьевна, профессор, доктор филологических наук, кафедра

«Романская филология и методика преподавания французского языка»

Оренбургский государственный университет

(460018, Российская Федерация, Оренбург, просп. Победы, д. 13, e-mail: desire2003@yandex.ru)

SPIN: 7097-5821

AuthorID: 670604

ResearcherID: U-3915-2018

ORCID: 0000-0002-2522-3791

СТРЕНАДЮК Галина Сергеевна, кандидат педагогических наук, кафедра

«Немецкая филология и методика преподавания немецкого языка»

Оренбургский государственный университет

(460018, Российская Федерация, Оренбург, просп. Победы, д. 13, e-mail: light63@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта «Вооружённый конфликт» на материале зарубежных и отечественных медийных публикаций, посвящённых проблеме вооружённых конфликтов в мире. Целью является отбор и классификация сравниваемых языковых средств СМИ в концепте «Вооружённый конфликт» в межкультурном аспекте (на материале немецкого и русского языков. Методом исследования является наукометрический анализ, как количественный метод, используемый нами не только для получения метаданных интересующих нас научных публикаций, например, библиографической информации (автор, заглавие, наименование журнала, год, том, выпуск, страницы), ключевых слов, а также аннотаций научных статей, но и для поиска статей, представляющих особую значимость в нашей области исследования, в языкознании. Результатами исследования являются отобранные и проанализированные нами языковые средства концепта «Вооружённый конфликт» в публикациях немецкой международной телерадиокомпании «Deutsche Welle» и российском новостного агентства «РИА Новости». Представлен наукометрический анализ публикационной активности 700 зарубежных и отечественных публикаций масс-медиа по проблеме «Вооружённый конфликт», проиндексированных в базе данных E-Library. Актуальность исследования концепта «Вооружённый конфликт» с точки зрения межкультурного подхода состоит в том, что на материале немецкого и русского языков описываются языковые средства в сравнительном плане в средствах массовой информации такого крайне распространённого современного социально-политического явления, как вооружённый конфликт. Научная идея заключается в теоретической и практической разработке концепта «Вооружённый конфликт» в межкультурном аспекте на материале публикаций русскоязычных и немецкоязычных СМИ.

Ключевые слова: концепт «Вооружённый конфликт», наукометрический анализ публикационной активности, языковые средства, немецкоязычные и русскоязычные СМИ, межкультурный аспект.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “ARMED CONFLICT” IN THE INTERCULTURAL ASPECT ON THE MATERIAL OF THE GERMAN AND RUSSIAN MEDIA

© The Author(s) 2021

MOISEEVA Irina Yurievna, Professor, Doctor of Philology, the Department

«Romance Philology and Methods of French Language Teaching»

Orenburg State University

(460018, Orenburg, Pobedy Avenue, 13, e-mail: desire2003@yandex.ru)

STRENADYUK Galina Sergeevna, Candidate of Pedagogical Sciences, the Department of

German Philology and Methods of Teaching the German Language,

Orenburg State University

(460018, Orenburg, Pobedy Avenue, 13, e-mail: light63@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of “Armed conflict” on the material of foreign and domestic media publications devoted to the problem of armed conflicts in the world. The aim is to select and classify the compared linguistic media in the concept of “Armed Conflict” in the intercultural aspect (based on the material of the German and Russian languages. The research method is scientometric analysis, as a quantitative method that we use not only to obtain metadata of scientific publications of interest to us, for example, bibliographic information (author, title, journal name, year, volume, issue, pages), keywords, as well as scientific annotations. articles, but also to search for articles of particular importance in our field of research, in linguistics. The research results are selected and analyzed by us linguistic means of the concept “Armed Conflict” in the publications of the German international television and radio company “Deutsche Welle” and the Russian news agency “RIA Novosti”. A scientometric analysis of the publication activity of 700 foreign and domestic mass media publications on the issue of “Armed Conflict”, indexed in the E-Library database, is presented. The relevance of the study of the concept of “Armed Conflict” from the point of view of an intercultural approach lies in the fact that on the material of the German and Russian languages linguistic means are described in a comparative sense in the media of such an extremely widespread modern socio-political phenomenon as an armed conflict. The scientific idea consists in the theoretical and practical development of the concept of “Armed Conflict” in the intercultural aspect based on the material of publications of the Russian-language and German-language media.

Keywords: the concept of “Armed conflict”, scientometric analysis of publication activity, linguistic means, German-language and Russian-language media, intercultural aspect.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В двадца-

тых годах 21-ого века продолжается эскалация длительных вооружённых конфликтов в мире и вспыхивают новые горячие точки, готовые перерасти в полномас-

штабные войны. Эти события находят своё отражение в отечественных и зарубежных масс-медиа. По данным статистики развязывания вооружённых конфликтов за последние 20 лет, «войны и вооружённые конфликты происходили в большинстве регионов Восточного полушария. Всего – 46, в том числе унаследованных веком XXI от века XX – 11, начавшихся в XX в. и продолжающихся в настоящее время – 2, начавшихся в XXI в. и продолжающихся в наше время – 1» [1].

В связи с этим, стоит отметить, что в Женевских конвенциях 1949 г. [2] используются такие термины как «международный вооружённый конфликт» (статья 2); «не международный вооружённый конфликт» (статья 3), наряду с термином «война», но этот термин используется достаточно редко. Можно предположить, что такое смещение акцентов с термина «война» на термин «вооружённый конфликт» обусловлено политическими и идеологическими интересами, поскольку существует запрет войны как средства разрешения международных споров. Основные нормы права вооружённых конфликтов закреплены в Гаагской конвенции 1907 года [3], Женевской конвенции «О защите жертв войны» 1949 года и дополнительных протоколах к ней 1977 года [4].

Обзор литературы (Literature review)

В научной литературе, в частности, в зарубежной и отечественной конфликтологии, социологии и политической науке встречается достаточно много определений вооружённого конфликта.

По мнению В.А. Махонина, обобщённое определение военных конфликтов, войн и военных операций зиждется на пяти основаниях, таких как: *правовое*, включающее в себя Устав ООН, различные многосторонние и двусторонние международные соглашения, и договоры; характер военных действий в вооружённом конфликте, являющийся, в зависимости от политической и военной обстановки, *защитным или агрессивным; справедливым или несправедливым, освободительным или захватническим, колониальным или антиколониальным* [5].

П.С. Казарин определяет вооружённый конфликт как вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт) [6].

По мнению российского политика И.Н. Родионова, вооружённый конфликт представляет собой вооружённое противоборство между государствами или социальными общностями внутри отдельных государств, имеющее целью разрешение экономических, политических, национально-этнических и иных противоречий через ограниченное применение военной силы [7].

Немецкий учёный-правовед Герхард Верле считает, что понятия международный и не международный военный конфликт релевантны, так как на оба конфликта распространяется гуманитарное право [8].

Немецкие учёные в работах о военной науке приравнивают вооружённый и военный конфликты, под которыми подразумевают столкновение между вооружёнными силами разных стран (международный вооружённый конфликт) или столкновение между вооружёнными силами и военными организациями и/или подразделениями внутри одного государства (не международный военный конфликт) (М. Йенс [9], В. Хальвег [10], В. Шелер [11], Д. Хорат [12], Д. Колер [13], А. Ступка [14], Ф. Рейхерцер [15], Р. Бёме [16]),

Примечательно, что в последнее время выходят материалы, в которых говорится о кризисе и застое в теории войны, о переосмыслении теоретических положений военной науки [17], [18].

В данной работе понятие «Вооружённый конфликт» интерпретируется нами, вслед за П.С. Казариным, как вооружённое столкновение ограниченного масштаба на территории одного государства либо между государствами.

Практическое значение статьи заключается в применении анализа и классификации языковых средств, входящих в концепт «Вооружённый конфликт» на практических занятиях для лингвистов и филологов факультетов иностранных языков; для курсантов военных университетов и военных академий, изучающих иностранные языки, а также для магистров по магистерским программам в области военных наук.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Целью нашего исследования является комплексное описание языковых средств, используемых немецкоязычными и русскоязычными СМИ в медиатекстах, их специфики в межкультурном аспекте путём сопоставления их языковых значений, выявления специфических особенностей на всех языковых уровнях немецкого и русского языков в концепте «Вооружённый конфликт».

В нашем исследовании были использованы следующие методы: наукометрический анализ, метод концептуального анализа.

Наукометрический анализ, как область науковедения, проводящая исследование науки количественными методами, используется нами не только для получения метаданных интересующих нас научных публикаций, например, библиографической информации (автор, заглавие, наименование журнала, год, том, выпуск, страницы), ключевых слов, а также аннотаций научных статей, но и для поиска статей, представляющих особую значимость в нашей области исследования, в языкознании.

В.В. Налимов впервые ввёл термин «наукометрия» в монографии «Наукометрия: Изучение науки как информационного процесса» в 1969 году [19]. Наукометрия, наряду с библиометрией и вебометрикой, является составляющей частью информетрии. Наукометрический анализ как метод исследования науки количественными методами используется в нашей работе, поскольку было необходимо проанализировать современное состояние и уровень научных публикаций по теме «Вооружённый конфликт».

Для анализа существующих научных публикаций по теме «Вооружённый конфликт» было изучено 1036 статей по областям знаний в области военных наук, политологии, журналистики, культурологии и языкознания и применён наукометрический анализ публикационной активности в библиографической и реферативной базе E-library, крупнейшем российском информационно-аналитическом портале.

Как справедливо отмечает ряд учёных, проблема описания сущности концепта остается актуальной для современной лингвистической науки. Исследованиями природы концепта в лингвистике занимались многие российские учёные, среди них А.П. Бабушкин [20], Н.Н. Болдырев [21], Д.С. Лихачёв [22] и др.

По словам Л.В. Путиловой, система концептов образует картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности. Человек живет не столько в мире предметов и вещей, сколько в мире концептов, созданных им для своих интеллектуальных, духовных и социальных потребностей [23]. Несмотря на то что, концепт и понятие идентичны, так как латинское слово «conceptus» и есть в переводе на русский язык «понятие», ряд исследователей их противопоставляют. В частности, Н.Ю. Шведова считает концепт содержательной стороной словесной знака, а уже за содержательной стороной стоит понятие как идея, фиксирующая существенные ... свойства реалий и явлений, а также отношения между ними. Все концепты, по Н.Ю. Шведовой, делятся на большие, базовые и основные с сопутствующим им малыми, неосновными, небазовыми единицами (концептами) [24].

В немецком языке термин «концепт» (Konzept) близок к русскому значению «конспект» и имеет смыслы близкие к значению «утраты связи мыслей (В.З. Демьянков) [25]. Например, выражение «aus dem Konzept bringen» переводится как приводить в замешательство; сбивать с

толку.

В русской научной литературе чаще употребляется прилагательное «концептуальный» чем существительное «концепт» и обозначающий отношение к концепту, идее, смыслу.

Мы придерживаемся одного из определений концепта, данного В.Н. Телия, который называл концепт продуктом человеческой мысли и идеальным явлением, являющимся конструктором, не воссоздаваемым, но «реконструируемым» через свое языковое выражение и внеязыковое знание [26].

Концепты народов мира имеют, несомненно, общие точки, могут пересекаться, но могут и не совпадать в межкультурном плане, что и отмечал Е.Ф. Тарасов, который рассматривал межкультурное общение как общение носителей разных национальных сознаний [27].

Отражение вооружённого конфликта в российских и немецких средствах массовой информации находит своё воплощение в выборе языковых средств в межкультурном аспекте, относящихся к концепту «Вооружённый конфликт». Нами отобраны и охарактеризованы языковые единицы немецкого и русского медиатекста в формате концепта «Вооружённый конфликт» (на материале публикаций немецкой международной телерадиокампании «Deutsche Welle» и российском новостного агентства «РИА Новости»).

Языковые единицы были классифицированы по степени приближения к ядру концепта «Вооружённый конфликт», куда входят понятия, определяющие основное содержание ядра; понятия, составляющие ближайшую зону ядра и понятия, на границе концепта. По И.А. Стернину такое расположение имеет полевою структуру [28].

Ядро концепта составляют слова, наиболее точно выражающие смыслы вооружённого конфликта. К ним относятся в немецких и российских медиатекстах:

- международные военные организации (Организация Североатлантического договора (НАТО, NATO); Тихоокеанский пакт безопасности, (АНЗЮС, ANZUS), Региональная система обороны (PCO, RSS); Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ);

- террористические военизированные организации (Аль-Каида, Талибан, ХАМАС, Палестинский исламский джихад, Кавказский эмират, Хезболла, полк «Азов» и др.);

- признаки вооружённого конфликта: политическая нестабильность, терроризм, высокая вероятность уязвимости населения, вооруженные формирования непоступательные и нерегулярные, вовлеченность новых участников конфликта, напряжение морально-психического характера, затраты сил и ресурсов не только на ведение конфликта, но и обеспечение безопасности, передвижение и расположение действующих лиц конфликта (войск), высокая опасность трансформации в международную или гражданскую войну. О войне в современном мире можно найти подробную информацию в военной литературе [29].

На материале современных научных публикаций из E-Library, сообщений «Deutsche Welle», «РИА Новости» рассмотрены и сопоставлены языковые единицы ядра концепта «Вооружённый конфликт».

В научной электронной библиотеке E-Library опубликовано 5.902 статьи за период с 2017 г. по 2020 г. о военном/вооружённом конфликте, из которых нами проанализировано 1036 статей из области политологии, журналистики, военных наук, языкознания и культурологии. Описываемые в статьях международные и внутренние военные/вооружённые конфликты происходят преимущественно на Донбассе, на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Пик публикаций за период с 2017 г. по 2020 г. приходится на 2019 год – 296 статей.

Собственно, анализ языковых средств есть в статьях по языкознанию, за период с 2017 по 2020 опубликована

31 статья.

В проблемное поле статей из области «языкознание», представленных в базе E-library за период времени 2017-2020 годы, входят: а) лингвистические способы интерпретации медиасобытий в современном российском медиадискурсе [30]; б) фрейм «вооружённый конфликт» в англоязычном новостном дискурсе [31]; в) фразеологизмы военной тематики в современных СМИ [32]; г) лингвосемиотика милитарно-медийного дискурса [33]; е) эвфемизация в военном дискурсе концепт «война» в современном английском языке [34].

«Deutsche Welle» публикует новости в контексте вооружённых конфликтов, используя, например, следующие языковые средства: Taliban, Terrorismus, Drohnen, Spezialkräfte, Terrorgruppen, Al-Kaida, «Islamischer Staat», Bundeswehreinätze, Konfliktmanagement, die Streitkräfte, der brüchige Frieden, die Islamisten (сообщение об отводе войск США из Афганистана) [35].

В сообщении информационного агентства «РИА Новости» по поводу отвода войск США ядерную группу концепта «Вооружённый конфликт» составляют следующие языковые единицы: полномасштабный вывод войск, «Талибан», террористические группировки «Аль-Каида» и «Исламское государство», военнотружущие, военные [36].

В сравнении оценочного отношения к военизированным организациям Талибан, Аль-Каида, Исламское государство оба новостных портала считают их террористическими, но делаются при этом совершенно разные выводы. В немецком сообщении говорится, что без присутствия военнотружущих США в Афганистане ухудшится военно-политическая обстановка. В российском сообщении выражается надежда на полный вывод войск из Афганистана.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В нашем исследовании разрабатывается теоретическая и практическая модель концепта «Вооружённый конфликт» в межкультурном аспекте на материале публикаций русскоязычных и немецкоязычных СМИ, данная модель концепта строится на языковых единицах немецкого и русского языков, входящих в концепт. Проанализированы языковые средства концепта «Вооружённый конфликт» в публикациях немецкой международной телерадиокампании «Deutsche Welle» и российском новостного агентства «РИА Новости». Нами представлен наукометрический анализ публикационной активности 700 зарубежных и отечественных публикаций масс-медиа по проблеме «Вооружённый конфликт», проиндексированных в базе данных E-library. Целью является отбор и классификация сравниваемых языковых средств СМИ в концепте «Вооружённый конфликт» в межкультурном аспекте (на материале немецкого и русского языков).

ОБСУЖДЕНИЕ

Нами были использованы метод наукометрического анализа, в частности количественный метод, для анализа современной публикационной активности в базе данных E-Library, а также метод концептуального анализа, на основе которого исследовался концепт «Вооружённый конфликт», его языковые средства в немецком и русском языке на материале немецкоязычной и русскоязычной прессы (Deutsche Welle и РИА Новости).

Анализ научных статей на тему «Вооружённый конфликт» показал различие подходов к оценке вооружённого конфликта в области языкознания. Так, например, Цыцаркина Н.Н. раскрывает суть понятия «Вооружённый конфликт» с помощью фреймов. Фрейм — это метакоммуникативное определение ситуации, основанное на управляющих событиями принципах организации и вовлеченности в события [37]. Интересным является характеристика фреймов, используемых в психологии: 1. Рекурсивность фрейма. Согласно Гофману, фрейм устойчив даже в своей изменчивости. 2. Как правило, фреймы не осознаются, и попытки их экспликации

приводят к дезорганизации восприятия (например, попытки управления собственной речью приводят к тому, что она становится бессвязной, а анализ мотивов и целей поведения может приводить к девиациям в поведении).

В лингвистической области фреймы являются абстрактным образом для представления некоего стереотипа информации: фрейм как структура знания и фрейм как структура представления знания. Под фреймом понимается в лингвистическом смысле когнитивная модель стереотипной ситуации (по Цыцаркиной Н.Н.).

Концепт, в свою очередь, является структурно-содержательной единицей сознания, которая отражает совокупность знаний, мнений об объекте мысли, представлений.

По сути, оба понятия очень близки, ряд исследователей считает, что фрейм – это лексический концепт, иными словами, понятие «концепт» в этой трактовке шире, чем фрейм.

Ряд учёных считает, что фрейм – это каркас (лингвокультурный подход) или тип концепта (лингвокогнитивный подход)

Следовательно, можно констатировать незавершенность исследования понятий «концепт» и «фрейм».

Исследование концепта «Вооружённый конфликт» проводилось на материале немецкого языка [38]. Автором анализируются его структура и содержание, выделяется базовый фрейм, лежащий в основе толкования концепта, подробно рассматриваются прямые и косвенные средства языковой вербализации данного концепта.

В сравнительном плане рассматривается концепт «Война в немецкой и русской лингвокультурах» [39]. Е.А. Коржнева анализирует составляющие концепта на материале толковых словарей немецкого и русского языков и рассказов В. Борхерта.

На материале английского языка исследуется концепт «Война» [40], анализируется хронотоп военной поэзии, в которой автор ищет параллели к библейским и эпическим текстам высокой культурной значимости,

Наукометрический анализ современных публикаций по теме «Вооружённый конфликт» показал неравномерность исследования как в качественном, так и в количественном отношении: самое малое количество исследований приходится на область языкознания, что говорит об актуальности анализа языковых средств, входящих в структуру концепта в сравнительном плане (на материале немецкого и русского языков).

Концепт «Вооружённый конфликт» исследуется в структурном и содержательном плане, как правило, на материале одного языка. Необходим сопоставительный анализ немецкоязычного и русскоязычного концепта для сравнения языковых средств в количественном и качественном соотношении; анализ структуры концепта «Вооружённый конфликт», его ядра, приядерной и периферийных зон в сопоставлении немецкоязычного и русскоязычного материала.

ВЫВОДЫ

Таким образом, исследование концепта «Вооружённый конфликт» позволяет сделать следующие выводы:

а) интерес в лингвистике к теме «Военный/вооружённый конфликт» как форме разрешения противоречий с помощью силы между государствами и во внутренних конфликтах одного государства будет стабильно высок в научных исследованиях, поскольку языковой ресурс тематики постоянно растёт и обогащается;

б) ряд авторов статей, опубликованных в E-Library период 2017-2020 годы, обратились к тематике военных и вооружённых конфликтов, рассматривая с разных точек зрения. Наблюдается тенденция к анализу фреймов, концептов, фразеологизмов, эвфемизмов в военной тематике, лингвосемиотики милитарно-медийного дискурса; особое внимание обращено к языку медиа-ресурсов, публикующих новости о военных и вооружённых конфликтах в разных районах мира;

с) анализ языковых средств немецкоязычных и русскоязычных публикаций в СМИ России и Германии позволяет утверждать о схожести оставляющей ядра концепта «Вооружённый конфликт», но существуют определённые различия в их трактовке в межкультурном аспекте.

В перспективе дальнейших исследований нами будет продолжаться разработка теоретической и практической модели концепта «Вооружённый конфликт» на сопоставительном материале немецкого и русского языков в межкультурном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Военное обозрение: Географическая статистика войн и вооружённых конфликтов XXI века. [Электронный ресурс]. 2019. Дата обновления: 25.01.2021. URL: <https://topwar.ru/160166-geograficheskaja-statistika-vojn-i-vooruzhennykh-konfliktov-xxi-veka.html> (дата обращения: 25.01.2021).
2. Международный комитет Красного креста: Четвертая Женевская конвенция 1949 года. [Электронный ресурс]. 2021. Дата обновления: 19.03.2021. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/genewa-convention-1.htm> (дата обращения: 26.06.2021).
3. Библио PDF: Вторая конференция мира 1907. [Электронный ресурс]. 2021. Дата обновления: 28.06.2011. URL: <http://book-old.ru/BookLibrary/00320-MID-dogovora/1908.-Vtoraya-konferentsiya-mira-1907.html> (дата обращения: 26.06.2021).
4. Женевская конвенция «О защите жертв войны» от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним 1977 года [Электронный ресурс]. 2015. Дата обновления: 06.04.2015. URL: https://studopedia.ru/7_69061_zhenevskaya-konventsija-o-zashchite-zhertv-voyni-ot-avgusta--goda-i-dopolnitelnie-protokoli-k-nim--goda.html (дата обращения: 24.06.2021).
5. Махонин, В.А. Вооруженные конфликты: понятия, классификация, причины возникновения [Электронный ресурс]. 2010. Дата обновления: 16.04.2021. URL: http://militera.lib.ru/periodic/0/v/voennaya-myisl/vm_2010-09.pdf (дата обращения: 14.03.2021).
6. Казарин, П.С. О соотношении понятий «война и вооружённый конфликт». [Электронный ресурс]. 2018. Дата обновления: 16.04.2021. URL: <https://vvo.ric.mil.ru/Stati/item/155699/> (дата обращения: 19.03.2021).
7. Родионов, И.Н. Военное обозрение: Географическая статистика войн и вооружённых конфликтов XXI века. [Электронный ресурс]. 2019. Дата обновления: 25.04.2021. URL: <https://topwar.ru/160166-geograficheskaja-statistika-vojn-i-vooruzhennykh-konfliktov-xxi-veka.html> (дата обращения: 25.01.2021).
8. Gerhard Werle: *Völkerstrafrecht*. 2., neubearb. Auflage. Mohr Siebeck, Tübingen 2007, ISBN 978-3-16-149372-0, S. 403 (728 Seiten; gebunden).
9. Max, Jähns: *Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland*. I-III, München/Leipzig 1889–1891. auf: (www.archive.org)
10. Werner Hahlweg: *Militärwissenschaft, Militärtheorie und Militärgeschichte bei Marx und Engels*. In: *Österreichische militärische Zeitschrift*. 11–1973 Nr. 6, S. 454–458.
11. Wolfgang Scheler (Bearb.): *Militärwissenschaft in der DDR 1949–1990. Ideengeschichtliche Grundlagen, Erkenntnisstand und kritische Wertung*. In: (Hrsg.) *Dresdener Studiengemeinschaft Sicherheitspolitik e. V., DSS-Arbeitspapiere, Heft 5, Dresden 1992, ISSN 1436-6010. 108 S. Online*
12. Daniel Hohrath (Bearb.): *Die Kunst des Krieges lernen? Die Entwicklung der Militärwissenschaften zwischen Renaissance und Aufklärung. Katalog zur Sonderausstellung 2003 im Wehrgeschichtlichen Museum Rastatt, 2004 in der Universitätsbibliothek Stuttgart (= Studiensammlungen und Sonderausstellungen im Wehrgeschichtlichen Museum Rastatt. 1). Hrsg. durch die Vereinigung der Freunde des Wehrgeschichtlichen Museums Schloss Rastatt, Rastatt 2004.*
13. Daniel Kohler: *ETH und die Abteilung Militärwissenschaften während den beiden Weltkriegen*. Eidgenössische Militärbibliothek, Forschungsdienst, Bern 2005.
14. Andreas Stupka: *Militär Kritisch Denken – Wissenschaftsphilosophisch-theoretische Studien zu den Grundlagen der Militärwissenschaften*. (PDF; 1,47 MB). Dissertation an der Universität Wien, Wien 2010.
15. Frank Reichherzer: „Alles ist Front!“ *Wehrwissenschaften in Deutschland und die Bellifizierung der Gesellschaft vom Ersten Weltkrieg bis in den Kalten Krieg*. Paderborn 2012, ISBN 978-3-506-77183-4.
16. Frank Reichherzer: „Alles ist Front!“ *Wehrwissenschaften in Deutschland und die Bellifizierung der Gesellschaft vom Ersten Weltkrieg bis in den Kalten Krieg*. Paderborn 2012, ISBN 978-3-506-77183-4.
17. Микрюков, В. Военной науке нужны творцы, а не исполнители/ Военное обозрение [Электронный ресурс]. 2017. Дата обновления: 15.01.2017. URL: <https://topwar.ru/107145-voennoy-nauke-nuzhny-tvorcy-a-ne-ispolniteli.html> (дата обращения: 26.06.2021)
18. Тюшкевич, С. Буренок В. Кризис военной мысли/ Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. 2017. Дата обновления: 15.01.2017. URL: <https://vpk-news.ru/articles/16482> (дата обращения: 26.06.2021).
19. Налимов В.В., Мульченко З.М. *Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса / Физико-математическая библиотека инженера* [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.mtas.ru/upload/library/NalimovV.V.Naukometriya.pdf> дата обращения:

25.06.2021)

27.06.2021)

Статья поступила в редакцию 05.07.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

20. Бабушкин, А.П., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология [Электронный ресурс]. 2018. Дата обновления: 15.02.2018. URL: http://sternina.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Kognitivnaja_lingvistika_i_semasiologiya2018.pdf (дата обращения: 24.06.2021).
21. Болдырёв, Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырёв // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. - Воронеж, 2011. - С.25-36.
22. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс]. 2015. Дата обновления: 18.02.2015. URL: https://www.studmed.ru/lihachev-d-s-konceptosfera-russkogo-zyuka_0b6bcc740b8.html (Дата обращения: 26.06.2021).
23. Путилина, Л. В. Подходы и методы исследования концепта «богатство» в отечественной лингвистике [Электронный ресурс] / Путилина Л. В., Нестерова Т. Г. // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. - № 11, ноябрь. - С. 111-116. - 6 с. - Библиогр. : с. 116 (8 назв.).
24. Шведова, Н.Ю. Избранные работы по русскому языку. [Электронный ресурс]. 2018. Дата обновления: 21.02.2017. URL: <https://avidreaders.ru/book/russkiy-zyuk-izbrannye-raboty.html> (дата обращения: 14.06.2021)
25. Демьянков, В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Когнитивные аспекты лексикографии [Электронный ресурс]. URL: http://www.infolex.ru/FOR_SHV.HTM (дата обращения: 26.06.2021)
26. Телия, В. Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / Культурология. 2011. 1 (56). С. 145-148.
27. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания РАН [Электронный ресурс]. URL: iling-rin.ru (: дата обращения: 14.06.2021)
28. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. [Электронный ресурс]. 2019. Дата обновления: 16.04.2021. URL: Дата обновления: 2013. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/759544-1-zdorova-iasternin-semanticokognitivny-analiz-yazika-nauchnoeizdanie-voronezh-2007-monografiya-posvyaschena-aktua.php> (дата обращения: 11.06.2021)
29. Калистратов, А. Война и современность // Армейский сборник: Научно-методический журнал МО РФ. — М.: Редакционно-издательский центр МО РФ, 2017. — № 07. — С. 5. — ISSN 1560-036X.
30. Баташова, А.А. Лингвистические способы интерпретации ме-диасобытия в современном российском ме-диадискурсе: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. — М., 2021. — 18 с.
31. Цыцаркина, Н.Н. Фрейд «вооружённый конфликт» в англоязычном новостном дискурсе: сборник науч-ных статей Ното Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Санкт-Петербург, 2011. С. 122-132.
32. Соколова, А.А. Использование фразеологизмов в военной тематике в современных СМИ // в сборнике: Образ России в условиях информационно-войны конца XX - начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса. Материалы международной научной конференции. Под редакцией С.Г. Шулежковой. 2017. С. 473-479.
33. Склярова, Н.Г. Лингвосомиотика милитарно-медийного дискурса (на материале современных публикаций англоязычных СМИ) [Текст] : (на материале современных публикаций англоязычных СМИ) : моно-графия / Н. Г. Склярова. - Москва : ИНФРА-М, 2019. - 87 с.; 20 см. - (Научная мысль)
34. Янковская, А.Н. Функционирование эвфемизмов в военном дискурсе// в сборнике: Культура в зеркале языка и литературы/ Материалы седьмой международной научной конференции: Издательский дом «Державинский». - 2019. - С.199-206.
35. Deutsche Welle Geostrategische Folgen des Rückzugs aus Afghanistan [Электронный ресурс]. 2019. Дата обновления: 16.04.2021. URL: <https://www.dw.com/de/geostrategische-folgen-des-rueckzugs-aus-afghanistan/a-57233326> (дата обращения: 17.04.01.2021).
36. РИА Новости СМИ: Пентагон готовится к полному выводу войск из Афганистана [Электронный ре-сурс]. 2019. Дата обновления: 16.04.2021. URL: <https://ria.ru/20191022/1560047539.html> (дата обращения: 17.04.01.2021).
37. Батыгин, Г.С. Континуум фрейдмов: социологическая теория Ирвина Гофмана / Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН [Электронный ресурс]. 2003. Дата обновления: 6.06.2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29934444> (дата обращения: 26.06.2021)
38. Бородейко, Д.А. Вербализация концепта вооруженный конфликт в немецкоязычном новостном интернет-дискурсе [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://dislib.ru/jazykoznanie/10156-1-verbalizaciya-koncepta-vooruzhenniy-konflikt-nemckoyazichnom-novostnom-internet-diskurse.php#:~:text=Концепт%20«Вооруженный%20конфликт»%20представляет%20собой,концепта%20используется%20базовый%20фрейд%20«Противоборство»> (дата обращения: 27.06.2021)
39. Коржнева, Е.А. Концепт «Война» в немецкой и русской лингвокультурах [Электронный ресурс]. 2012. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/kontsept-voyna-v-nemetskoj-i-russkoj-lingvokulturah.pdf> (дата обращения: 27.06.2021).
40. Рабкина, Н.В. Пространственно-временная структура концепта WAR (война) на материале англоязычной военной поэзии [Электронный ресурс]. 1978. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/prostranstvenno-vremennaya-struktura-koncepta-war-voyna-na-materiale-angloyazychnoy-voennoy-poezii.pdf> (дата обращения:

УДК 800
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0069

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

К ВОПРОСУ ЗНАЧЕНИЯ И СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ЧАСТИЦЫ «НЕ»

© Автор(ы) 2021
ORCID: 0000-0001-7218-0424

НАЗАРИ Фатеме Тораб, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Университет Шахид Бехешти

(1983969411, Тегеран, Иран, площадь Шахида Шахриари, бульвар Данеджоу, e-mail: F_nazari@sbu.ac.ir)

Аннотация. В русском языке присутствует специализированная семантическая система. Именно она в полноте проявляется в логике отношений. Речь идет о соотношениях, которые проявляются во внутренней структуре любого высказывания. Также их можно наблюдать в организованных понятиях, в частности, в их объеме и содержании. В этом случае они выступают, как необходимая и достаточная целостность. К аспектам, характеризующим отношения между единицами языка, можно отнести парадигматику. Данный процесс определяется, как совокупность и определенная система допускаемых языковых структур. Также сюда относятся всевозможные варианты категорий и единиц. Частицы, которые присутствуют в языке, как правило, не имеют никакого самостоятельного и материального значения. Единственным их назначением является внесение дополнительных оттенков в значения слов и в предложения. Русские частицы генерируют определенные грамматические и коммуникативные функции в человеческой речи. Также на них возложен определенный функционал. Именно он требует более детального рассмотрения непосредственно с научной точки зрения. Функциональный дифференциал частицы в русском языке, в том числе, частицы «не», отличается разнообразием и шириной понятий. На основании этого можно сделать вывод, что каждая из присущих данной частице функций в целом и в отдельности для исследователей, которые занимаются изучением языка, представляет особый интерес. В статье вниманию представлен анализ того, какое значение присутствует у частиц русского языка. Также описываются определенные параметры, на основании которых функционируют языковые средства. При этом рассматривается этап образования определенных «нечленимых» высказываний и предложений. Также можно будет понять, какая самостоятельная роль отведена тому или иному члену предложения в том случае, если меняется знаменательное слово. Кроме того, после изучения статьи можно будет понять, что любая частица усиливает в той или иной мере воздействие адресата посредством речи, а также допустим такой процесс, как климатизация сообщаемого. Будут подробно исследованы все функциональные характеристики частиц «не». Рассмотрена она будет исключительно в качестве инструментария речевого воздействия, которое оказывает говорящий на адресата в том или ином производимом коммуникативном процессе.

Ключевые слова: значение, сфера, действие, частица не, русский язык, языковая структура, образование, коммуникативная значимость, слово, результат.

TO THE QUESTION OF THE MEANING AND SCOPE OF THE PARTICLE “NOT”

© The Author(s) 2021

NAZARI Fatemeh Torab, candidate of philological sciences, assistant professor
Shahid Beheshti University

(1983969411, Tehran, Iran, Shahid Shahriari Square, Daneshjou Boulevard, e-mail: f_nazari@sbu.ac.ir)

Abstract. The language contains a certain semantic system, which manifests itself in the logic of relations-relations implemented in the internal structure of the utterance, and organized concepts — their volume and content as a necessary and sufficient integrity. Paradigmatics-the aspect of relations between units of a language-is defined as a set and system of variants of units and categories allowed by the structure of a language. Particles usually do not have a completely independent, material meaning, but they add additional shades to the meanings of other language units. Grammatical and communicative functions generated by Russian particles in the speech sphere have a certain functionality that requires detailed consideration in the scientific plane. The functional differential of Russian particles, including “not”, is incredibly wide, which means that each of these functions, both individually and collectively, is of particular interest to researchers. The article analyzes the meaning and scope of the particles, as well as describes the parameters of the functioning of the considered language tools in the formation of non-separable sentences, performing the role of an independent member of the sentence when replacing a significant word, increasing the degree of speech influence on the addressee and re-matization of the message. The functional characteristics of the Russian particle “not” as a tool of the speaker’s speech influence on the addressee in the communicative process are investigated.

Keywords: meaning, sphere, action, particle not, Russian language, language structure, education, communicative significance, word, result.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема: В литературе не один раз можно встретить высказывание о том, что частица «не» используется в разговорной речи. Прописано, что именно эта разновидность литературного русского языка является одной из преимущественных областей ее употребления. Тем не менее, после проведенного специального исследования функционирования этой частицы были сделаны определенные выводы. В частности, они касаются того, что отдельные фрагментарные наблюдения за тем, как и в какой форме употребляется служебное слово в беседе. Информацию об этом можно найти в соответствующих исследованиях [1].

Подобных анализов и проверок, основанных на материале устной научной речи (УНР) не проводилось. Несмотря на это, многочисленные наблюдения показали, что данная частица достаточно широко представлена в функциональной разновидности русского языка. Именно по этой причине очень важно изучать проблемы

ее функционирования в УНР. Также очень важно понять, как устроен синтаксис УНР и принятая на данный момент семантика.

Анализ последних исследований и публикаций, где рассматривались определенные аспекты проблемы. Речь идет о глубоких и ценных наблюдениях за тем, как функционируют в русском языке те или иные частицы. Отражения подобного анализа можно найти в трудах таких известных русских лингвистов, как А.А.Шахматов, А.М. Пешковский, В.В.Виноградов, Н.Ю.Шведова.

В русистике в семидесятые и восьмидесятые годы существовали определенные представления о частицах. Чуть позже они были значительно углублены и расширены. В конце XX века в лингвистике стал проявляться достаточно активный интерес к такой стороне речи, которая характеризуется, как коммуникативная и дискурсивная. Частицы в данном случае представляют собой элемент, связанный с передачей всевозможных коммуникативных характеристик и сообщений.

По большей части именно по этой причине они не оказались в центре внимания таких известных лингвистов, как Т.М. Николаева [2], Г.Е.Крейдлин [3], Щерба Л.В. [4], Ярыгин Е.С. [5], Филипповская И.А. [6]. Они рассматривали частицу в ракурсе совершенно новых лингвистических направлений. Среди них можно выделить:

- теорию пресуппозиций;
- коммуникативный синтаксис;
- синтаксическая семантика.

Благодаря этому удалось наиболее глубоко и системно описать их основные функции и особенности семантики.

Неразрешенные раньше части общей проблемы: На основании этого можно сделать вывод, что достаточно широкая представленность служебного слова в УНР характеризуется серьезной коммуникативной значимостью, с одной стороны. С другой стороны, полностью отсутствуют какие-либо специальные исследования относительно того, как частица «не» проявляется в той или иной функциональной разновидности литературного русского языка. Именно это выступает доказательством того, насколько тема, связанная с диссертационным исследованием, является актуальной.

Актуальность исследования: О том, что тема считается достаточно актуальной, свидетельствует определенный фактор. Он касается того, что частица довольно широко используется в современной разговорной русской речи. Одновременно с этим она представляет некоторый интерес. Проявляется он с точки зрения образования, изучения семантического потенциала и структуры. Изучение данных отдельных частиц позволяет производить более глубокое лексикографическое описание русского языка, как целостного объекта для анализа и рассмотрения.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи: определить значение и сферу действия частицы «не».

Постановка задания: рассмотреть значение частицы «не» в русском языке, выявить сферу применения частицы «не» в русском языке.

Перечень методов исследования включает: наблюдение над языковыми фактами; метод анализа словарных дефиниций; описательный метод;

РЕЗУЛЬТАТЫ

Особого внимания заслуживает вопрос, который касается изучения частиц. Он напрямую связан с тем, каким образом формируется система частей речи. Здесь стоит отметить, что само понятие - частица - можно встретить еще в Ломоносовской российской грамматике, которая была составлена в 1755 году.

Тем не менее, частицы в труде великого ученого рассматривались одновременно с наречиями и союзами. В более широком смысле слова понятие частицы было введено Н. И. Гречем. Это прописано в его труде, который вышел под названием «Практическая русская грамматика». Произошло это в 1827 году [7]. Этот ученый под всеми частицами подразумевал особым образом преобразованное наречие, а также союзы и предлоги [7, с. 225-226].

Одним из важных этапов в изучении частиц является труд академика Виноградова. Именно этот ученый дал максимально точное и подробное определение частиц, провел их анализ. При этом он учитывал все без исключения достижения, которых достигли и Греч, и Ломоносов. Под руководством Виноградова был выпущен учебник «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» [8].

Здесь есть информация о том, что понятие частицы можно трактовать одним из двух значений. Одно из них общее, второе частное. Что касается частиц в широком смысле этого слова, то в данном случае их нужно расценивать, как обычные части речи. В этом и заключается общее понятие частицы. Сюда входят все классы слов,

которые относятся к категории формальных, служебных, частичных. Кроме того, есть определенные противоположные части речи.

Частицы такого плана, как правило, не характеризуются, как самостоятельное материальное или реальное значение. Все, что делают частицы, это вносят определенные дополнительные оттенки в значение других понятий и групп слов. Что касается лексического значения частиц, то оно полностью совпадает с грамматическими, экспрессивными, стилистическими и логическими функциями.

Рассматривая же понятия частицы в более узком смысле, можно сделать вывод, что они представляют собой небольшие словесные группы. Объединяются они между собой похожими свойствами, присущими полулексическим, гибридным и полуграмматическим типами. Также имеет значение определенное промежуточное положение между модальными словами и наречиями. Это значение рассматривается, с одной стороны. С другой стороны, имеют значение союзы: «Но синтаксические функции и семантическая структура большинства модальных слов иного рода, чем частей речи и частиц речи» [8, с. 45].

Из всех представленных Виноградовым определений можно сделать вывод, что ученый считает необходимым уметь отличать группы частиц от речевых частиц. По его словам, частицы представляют собой только одну какую-то определенную часть служебных слов. На основании всего сказанного выше можно сделать вывод, что именно Виноградов отделил частицы от других частей речи. При этом важно учитывать тот факт, что отделение частиц от других словесных групп в некоторых случаях очень важно.

Есть мнение, что именно по этой причине в теории Виноградова модальные частицы и слова связаны очень тесно. Кроме того, значение, которым характеризуются частицы, тесно соприкасаются со значениями других слов, в частности, местоимения, наречия и союзы.

Если рассматривать вопросы по этой теме, можно сделать вывод, что частица «не» характеризуется следующими значениями:

1. Отрицание. Данная частица придает высказыванию или предложению сугубо отрицательный смысл. Ярким примером является фраза - не делайте это. В этом случае все предложение носит отрицательный смысл. При фразе - эта вещь принадлежит не мне - смысл отрицания передается одному определенному слову.

2. Утверждение в случае двойного отрицания. Речь идет о повторяющейся частице «не». Как правило, первое стоит перед глаголом - могу или мочь. Что касается второй частицы, то она, как правило, проставляется перед неопределенной формой другого глагола. Примером подобного двойного отрицания и в целом утвердительного смысла является предложение - не мог не знать. То есть человек, наоборот, все знал. В данном случае возникает определенный оттенок необходимости, а также долготворение - не мог не знать - можно подразумевать еще, как должен был сказать.

3. Утверждение в вопросительных и восклицательных предложениях. В данных высказываниях или в обычных риторических вопросах частица может носить определенный утвердительный смысл. Ярким примером является предложение - где я только не бывал. Здесь подразумевается то, что человек побывал буквально везде.

Если описывать частицу с точки зрения ее функционирования и сферы действия, можно отметить определенный фактор. Главным отличием является сфера действия этой частицы [9]. Говоря иными словами, она выступает не только определенным результатом комплекса квалификативно-модусных смыслов. В определенных случаях частица выступает некоторым рефлектором таких процессов, как семантическое сжатие, смысловое наслаение, интенсифицирование, парцелирование и модельное упрощение.

Кроме всего перечисленного, данная частица способна сделать ударение в предложении на определенную точку зрения. Еще одним важным свойством является то, что частица способна репрезентировать определенную оценочную позицию автора высказывания. Как правило, это касается какого-то конкретного события.

При желании с помощью частицы «не» можно генерировать определенную составляющую в дискуссии или в коммуникации собеседником. Данная способность предоставляет возможность говорившему рассматривать эту частицу, как один из самых продуктивных инструментов, с помощью которого человек может воздействовать на своего собеседника посредством речи.

Речевая ситуация присущая оценочной квалификации того или иного события в обязательном порядке может быть актуализирована этой частицей. В подобном случае она определяется, как коммуникативно-прагматическая ситуация. Развивается она исключительно в одноименной коммуникативной сфере и считается обусловленной с интенциональной точки зрения. Подобная ситуация считается структурированной, а в общем структурном и семантическом аспекте может быть рассмотрена, как разноплановая.

На основании этого можно сделать вывод, что все правила, которые касаются грамотного написания частицы «не», являются одними из самых сложных. В своем исходном положении эта частица пишется раздельно. Если же «не» выступает приставкой, то она пишется исключительно слитно. Это правило помогает изучающим русскую орфографию. Особенно часто сложности возникают у тех людей, которые не владеют знаниями, позволяющими различать тонкости лингвистических понятий между приставками и частицами.

Если раскрыть эту формулировку для обучающегося или пишущего, можно привести разные критерии. Одним из самых главных считается принадлежность частицы к определенной части речи. Дополнительно с этим можно отметить, что в некоторых случаях могут быть привлечены данные о контексте, касающемся синтаксической функции. При этом существуют также определенные формальные критерии, но их оказывается недостаточно для того, чтобы понять, как правильно писать частицу «не».

В подобной ситуации правила русского языка рекомендуют опираться на элементарную интуицию. В частности, можно принимать во внимание такое правило, что, если отрицать положительное понятие, то частица «не» пишется раздельно. Если же утверждается отрицательное понятие, частица прописывается слитно.

С точки зрения лингвистики подобная ситуация в правописании регламентируется лингвистами. С одной стороны, оно обусловлено словоцилиндрическим подходом к определению слова. С другой стороны, имеют значение всем известные свойства подвижности отрицания. Они присутствовали в древнерусском языке, и на данный момент не совсем исчезли. Сегодня такая тенденция присутствует во многих говорах, просто несколько слабее. Важно также обращать внимание на то, что правописание, как любая другая сфера изучения и применения языка, характеризуется определенными тенденциями. Эти аспекты должны быть лингвистически обоснованными. Кроме того, в обязательном порядке должна присутствовать традиция, которая будет полностью противостоять подобным факторам.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования: Тщательный анализ всех ключевых характеристик, присущих языковым элементам, относящимся к незначительным уровням, а также подробное описание факторов функционирования и значения помогает решить немало вопросов. В частности, можно упорядочить тенденции динамично развивающегося функционирования частицы «не». Кроме того, можно провести ее систематизацию по основным языковым и речевым свойствам. Если описывать семантическую

структуру высказываний, в которых присутствует данная частица, можно обнаружить определенную мотивацию к тому, чтобы был применен определенный антропоцентрический подход. Он незаменим в случае, если необходимо провести анализ служебных элементов, присутствующих в русской языковой системе.

В данном исследовании теоретическая часть заслуживает особого внимания. Результаты, полученные при таком анализе, можно использовать в процессе изучения других частиц. Также важна и практическая часть подобного исследования. Полученные в данном анализе материалы могут оказать неоценимую помощь на разнообразных факультативных занятиях по русскому языку, которые преподаются учащимся средних классов. Частица «не» здесь изучается в теме служебных частей речи. Что касается старших классов, то для них эти материалы будут полезными с той точки зрения, что у них существенно расширится лингвистический кругозор, а также будет повышен интерес к самому предмету.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении: Все последующие исследования, касающиеся создаваемых текстов, являются дискуссионными или стилообразующими. Это основано на комплексах экстралингвистических факторов. Совершенно ясно, что в данном случае потребуется использовать сложившиеся по традиции функциональные, стилистические, семантические подходы. Данные методики внесли существенный вклад в то, как на данный момент развился лингвистический фонд. Одновременно с этим потребуются новые дисциплинарные разработки и подходы, с помощью которых можно будет добиться более существенных результатов плане изучения частицы «не».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Томилова, Татьяна Павловна. *Словарь лексико-синтаксической координации в сложноподчинённых предложениях с союзом-частицей «не...ли»* / Т. П. Томилова; ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». - Кзыл: Изд-во ТулГУ, 2019. - 167 с.
2. Николаева Т.М. *Функции частиц в высказывании*. М.: Наука, 1985.
3. Крейдлин Г.Е. *Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1979.
4. Щерба Л.В. *О частях речи в русском языке*. В кн.: Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974.
5. Ярыгина Е.С. *Роль частицы даже в простом предложении с обстоятельственной семантикой. // Структура предложения и содержание высказывания*. М., 1986. - С. 35-44.
6. Филипповская И.А. *Частица «не» как средство образования изъяснительного союза. // Словообразовательные единицы их семантика и взаимодействие*. - Душанбе, 1986. - с. 75-81.
7. Греч Н. И. *Практическая грамматика русского языка*. - СПб.: Тип. Имп. Санктпетербург. Воспит. До-ма, 1827 – 588 с.
8. Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
9. Бешенкова Елена Виленовна *Лингвистическое обоснование правила слитного / раздельного написания не // Вестник ТГУ. 2000. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-obosnovanie-pravila-slitnogo-razdelnogo-napisaniya-ne> (дата обращения: 13.06.2021).*

Статья поступила в редакцию 22.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.112.2
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0070

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ)

© Автор(ы) 2021
AuthorID: 728930

SPIN: 1231-1752

ORCID: 0000-0003-2793-2353

ResearcherID: B-1743-2019

ОВСИЕНКО Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии
Южный Федеральный Университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, e-mail: tvovsienko@sfedu.ru)

AuthorID: 1080710

SPIN: 7703-8648

ORCID: 0000-0003-0498-1830

ФЕСЕНКО Ольга Николаевна, магистрант 2 курса кафедры немецкой филологии
Южный Федеральный Университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, e-mail: ofesenko@sfedu.ru)

Аннотация. Целью статьи является описание лингвистических и национально-культурных особенностей австрийского гастрономического дискурса на основе текста кулинарного рецепта и номинации блюд. Материалом для анализа послужили кулинарные рецепты, размещенные на сайте попечительского совета «Кулинарное наследие Австрии» <https://www.kulinarisches-erbe.at>. Общее количество проанализированных текстов составило 305 австрийских рецептов. Методологической основой данного исследования стала, прежде всего, комплексная методика лингвистического анализа материала, отражающего связь языка и культуры. Основными методами анализа являются: метод контекстуального, структурного и семантического анализа, а также описательный метод. Анализ австрийского гастрономического дискурса позволил выявить особенности гастрономических предпочтений, отражающихся в номинациях блюд и традиционных продуктах питания. Данные исследования позволяют говорить о региональном разнообразии австрийской культуры питания. Блюда региональной кухни отражают символику народных обычаев и выступают репрезентантами национальной идентичности. Основными лингвистическими характеристиками немецкоязычного кулинарного рецепта являются: нейтральная лексика, значительная часть которой представлена глаголами, именами существительными, субстантивированными глаголами, национальные варианты немецкого языка, заимствования, оценочная лексика, аббревиации. Названия блюд содержат указания на географический объект, известных исторических личностей, праздники и др. Новизна исследования заключается в необходимости выявления национально-культурной специфики австрийского гастрономического дискурса и описания репрезентации лингвистических характеристик текста кулинарного рецепта.

Ключевые слова: гастрономия, гастрономический дискурс, австрийская национальная кухня, кулинарный рецепт, национально-культурное своеобразие австрийского рецепта, региональная культура питания.

LINGUOCULTURAL FEATURES OF THE AUSTRIAN GASTRONOMIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF CULINARY RECIPES)

© The Author(s) 2021

OVSIENKO Tatiana Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor
of the Department of German Philology
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 105/42, e-mail: tvovsienko@sfedu.ru)

FESENKO Olga Nikolaevna, 2nd year Master's student of German Philology Department
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 105/42, e-mail: ofesenko@sfedu.ru)

Abstract. The purpose of the article is to describe the linguistic and national-cultural characteristics of the Austrian gastronomic discourse based on the text of the culinary recipe and the nomination of dishes. The material for the analysis was the culinary recipes posted on the website of the Austrian Culinary Heritage Board of Trustees <https://www.kulinarisches-erbe.at>. The total number of analyzed texts was 305 Austrian recipes. The methodological basis of this study was, first of all, a comprehensive method of linguistic analysis of material reflecting the connection between language and culture. The main methods of analysis are: the method of contextual, structural and semantic analysis, as well as the descriptive method. The analysis of the Austrian gastronomic discourse made it possible to reveal the peculiarities of gastronomic preferences reflected in the nominations of dishes and traditional food products. These studies allow us to talk about the regional diversity of the Austrian food culture. Regional cuisine reflects the symbolism of folk customs and represents national identity. The main linguistic characteristics of the German-language culinary recipe are: neutral vocabulary, a significant part of which is represented by verbs, nouns, substantivized verbs, national variants of the German language, borrowings, evaluative vocabulary, abbreviations. The names of the dishes contain indications of a geographical object, famous historical figures, holidays, etc. The novelty of the study lies in the need to identify the national and cultural specifics of the Austrian gastronomic discourse and describe the representation of the linguistic characteristics of the text of the culinary recipe.

Keywords: gastronomy, gastronomic discourse, Austrian national cuisine, culinary recipe, national cultural originality of the Austrian recipe, regional food culture

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современных исследованиях особую актуальность принимают вопросы взаимосвязи языка и культуры. Язык, который считается одним из отличительных признаков нации, является возможным вариантом отражения национальной культуры [1, с. 12]. Так как язык может отображать

определенный образ мышления, он рассматривается как особенный ключ для интерпретации какой-либо культуры [2, с. 18]. Язык способен сохранять и передавать этнокультурную информацию из поколения в поколение, устанавливая тесную национально-культурную связь, что свидетельствует о проявлении национальной специфики в языке. Перед каждой культурой в связи с глобализационными процессами стоит задача сохранения

национальной идентичности.

Глобализация касается и кулинарии, так как появляется глобальная кулинария вследствие формирования глобального образа жизни, развития средств коммуникации, международной миграции. Так, в условиях глобализации в любой национальной кухне не только воспроизводятся традиционные блюда, но и одновременно изменяются старые, а также создаются новые блюда [3, с. 223]. Следует отметить, что гастрономия рассматривается как один из способов изучения какой-либо культуры [4, с. 166]. В то же время коммуникация в сфере гастрономии характеризуется многоаспектностью и национальной спецификой [5, с. 25]. Таким образом, гастрономический дискурс всё чаще становится объектом исследований как основополагающим средством реализации культурной, языковой, этнической картины мира.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Лингвистические исследования в области гастрономического дискурса нашли воплощение в работах отечественных специалистов Н. П. Головницкой [6], А. И. Едличко [7], А. В. Олянич [8], М. В. Ундритовой [9]. Так, гастрономическая коммуникативная среда, относящаяся к этнокультурным явлениям, изучается в последние десятилетия в рамках концептологии, лингвосомиотики и дискурсологии [10, с. 71]. Являясь массово-информационным дискурсом гастрономический дискурс, рассматривается как особая разновидность вербально-социального дискурса, цель которого заключается в достижении глоттонической коммуникации. Гастрономический дискурс – форма выражения национального языка в ходе коммуникации. Прием пищи позволяет обнаружить характерные особенности народа: этнические, национальные, культурные, религиозные [11, с. 47]. В современном гуманитарном знании гастрономическая лингвокультура относится к наиболее обширным и перспективным объектам исследования [12, с. 35]. В рамках гастрономического дискурса исследуются фрагменты текста или речи, затрагивающие тему питания [9, с. 86-87].

В последнее время наблюдается интенсивное рассмотрение лингвокультурологических [13, 12, 14], прагматических [15], структурно-семантических [16, 17] особенностей реализации гастрономического дискурса на материале различных языков: английского [15, 18], немецкого [7, 16, 4], русского [19, 20], французского [21-23], испанского [24, 25] и других.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Целью данной статьи является описание лингвистических и национально-культурных особенностей австрийского гастрономического дискурса на основе текста кулинарного рецепта и номинации блюд.

Используемые методы, методики и технологии. Методологическую основу исследования составляет комплексная методика лингвистического анализа материала, отражающего связь языка и культуры. Основными методами исследования являются: метод контекстуального анализа, применяемый для исследования языковых единиц в контексте, метод структурного и семантического анализа и описательный метод.

Материалом данного исследования послужили тексты кулинарных рецептов, представленные на сайте попечительского совета «Кулинарное наследие Австрии» <https://www.kulinarisches-erbe.at> (Kulinarisches Erbe Österreich), основная задача которого заключается в сохранении австрийской культуры питания. Общее количество проанализированных австрийских рецептов составило 305.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Глоттонимия обладает национально-культурной спец-

ификой, так как национальная кулинария складывается из вкусовых пристрастий народа и других особенностей. Несмотря на то, что национальные кухни всегда подвержены влиянию, различного рода изменениям, любая национальная кухня самобытна. Свойственная какой-либо лингвокультуре самобытность гастрономического дискурса проявляется в языковом материале: номинациях блюд, фразеологии, фольклоре [26, с. 123].

К наиболее постоянным признакам этноса относится пищевое поведение, а культура питания вместе с национальной кухней представляют собой отдельную область повседневной жизни народа [27, с. 183-184]. Кроме того, еда – это форма и культурной, и национальной идентичности [7, с. 135-137].

Лингвокультура питания является неотъемлемой частью общей национальной культуры, влияющей и на формирование, и на развитие этнокультуры. Применение лингвокультурологического подхода позволяет рассматривать культуру питания как ключ к пониманию национальной культуры [28, с. 348]. В области культуры питания большое значение имеют практики приготовления и потребления пищи [29, с. 62].

Получить информацию о культурной и национальной идентификации возможно посредством описания приготовления пищи, что достигается массовым распространением кулинарных рецептов, а также информации об особенностях питания. Еда и гастрономический дискурс понимаются как знаковая система, в которой объединены «культурный капитал», национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые)» [30, с. 38].

Под текстом кулинарного рецепта понимается «произведение, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку, зафиксированное в виде письменного документа, оформленное в соответствии с типом этого документа. Кулинарный рецепт представляет собой письменный, монографический, подготовленный, лапидарный текст, хранящий информацию «накопительного» характера, рассчитанную на длительное использование, при этом автор имеет преимущество перед адресатом в определенной области знаний, который может приобрести необходимые знания и умения» [31, с. 7].

Кулинарный рецепт – уникальный текст, который обладает особенностями информативного и экспрессивного типов текстов. К основным характеристикам текста кулинарного рецепта относятся информативность, логичность, точность, объективность, ясность [32, с. 352]. Кулинарный рецепт отражает не только лингвистические особенности, но и особенности быта, культурных, кулинарных и других традиций народа.

В ходе анализа размещенных на сайте кулинарных рецептов [33] было обнаружено, что все австрийские рецепты разделены на две группы: венская кухня (Wiener Küche) и австрийские региональные кухни (Österreichische Regionalküchen). В ходе исследования учитывались различные рецепты блюд и напитков, что подтверждается делением каждой группы на категории. Венская кухня включает в себя 8 категорий: 1) Frühstück; 2) Gabelfrühstück; 3) Mittagessen: а) Vorspeisen, б) Suppen, в) Hauptspeisen; 4) Kompotte; 5) Nachspeisen und Desserts; 6) Jause und festliche Bäckereien; 7) Nachtmahl und Heurigenrezepte; 8) Fasten-, Mehl-, Erdäpfelspeisen/Gemüse und Heringschmausrezepte. Австрийские региональные кухни включают в себя кухни 8 федеральных земель: Burgenland, Kärnten, Niederösterreich, Oberösterreich, Salzburg, Steiermark, Tirol, Vorarlberg, каждая из которых имеет дополнительные 4 категории: 1) Vorspeisen; 2) Suppen; 3) Hauptspeisen; 4) Nachspeisen und Süßes. К рецептам венской кухни относятся 208 рецептов, к рецептам региональной кухни – 97.

Анализируемые австрийские рецепты были отнесены к бытовой сфере функционирования кулинарного ре-

цепта. Для австрийских кулинарных рецептов характерна определенная структура, которая включает в себя: 1) название рецепта; 2) источник рецепта с указанием года издания; 3) необходимые ингредиенты и их количество; 4) способ приготовления блюда. Некоторые рецепты содержат картинки, дополнительную информацию (советы, исторические факты, варианты подачи блюда и др.).

В ходе рассмотрения лингвистических особенностей австрийского гастрономического дискурса было установлено, что его характерной особенностью является употребление в тексте рецепта австрицизмов, которые обозначают наименования блюд, продукты питания, необходимый для приготовления блюда инвентарь: *der Apfelkren, das Beuschel, das Dampf, Geselchtes, das Kipferl, der Rahm, der Röster, der Schmarren, die Zibebe* и др.

Для текста кулинарного рецепта характерно частое использование глаголов и имен существительных. Используемые в тексте рецепта глаголы и имена существительные были поделены на семантические группы. Так, встречаются глаголы:

- 1) обозначающие процесс чистки: *putzen, säubern, waschen* и др.;
- 2) обозначающие процесс нарезки, деления продукта на части: *halbieren, schneiden, würfeln* и др.;
- 3) обозначающие процесс смешивания продуктов: *beifügen, beimengen, mischen* и др.;
- 4) обозначающие процесс придания другой формы продуктам, изделию: *auswalken, formen, kneten* и др.;
- 5) обозначающие качественное изменение продукта: *auspressen, pürieren, schlagen* и др.;
- 6) обозначающие тепловую кулинарную обработку: *backen, garen, schmoren* и др.;
- 7) со значением «приправлять»: *marinieren, pfeffern, salzen* и др.;
- 8) относящиеся к процессу сервировки или подачи блюда: *dekoriieren, glasieren, servieren* и др.

Имена существительные, которые обозначают дополнительный кухонный инвентарь, с семантической точки зрения были поделены на следующие группы:

- 1) кухонная техника: *der Griller, der Mixer, das Rohr* и др.;
- 2) посуда: *das Gefäß, die Kasserolle, der Topf* и др.;
- 3) другое: *der Gefrierbeutel, das Küchenpapier, der Seiher* и др.

Австрийские национальные блюда отличаются неповторимым своеобразием и содержат в себе языковые средства, отражающие дух народа, культуру его питания.

Анализ австрийских рецептов позволил установить, что к характерным особенностям австрийского гастрономического дискурса относится использование топонимов и фамилий известных исторических личностей в названиях блюд. Рецепты блюд, которые названы в честь исторических личностей, начинают появляться в кулинарных книгах Австрии после 1870-х годов. Так, в ходе исследования были обнаружены обе группы названий:

- 1) блюда, названные в честь известных людей, избретателей блюд: *Sachergugelhupf, Dobostorte, Esterházy Torte*;
- 2) рецепты, в основе которых используются названия географических объектов: *Wiener Strudel, Linzer Bäckerei, Zillertaler Kaskrapfen*.

Блюда с компонентом „*Wien*“ стали появляться в конце XVIII столетия. Они получили свое название в честь города-резиденции Габсбургов и по всему миру ассоциировались с Венной, столицей Габсбургской монархии.

В ходе анализа было установлено, что в австрийском гастрономическом дискурсе имеется группа рецептов, которые содержат в своем названии компонент „*Kaiser*“ (*Kaiserschnitzel, Kaisergerstel, Kaiser-Schöberl*). Значительная часть блюд была названа в честь императора Австрии Франца Иосифа I. Использование данного компонента в названии рецепта свидетельствует о высоком качестве блюда.

Особое значение в австрийской культуре питания имеет блюдо гугельхупф (рецепты *Germgugelhupf, Kaiser-Gugelhupf, Marmorgugelhupf, Sachergugelhupf*), которое уже несколько столетий относится к венскому воскресному завтраку и венскому кофе-брейку. Данное блюдо, с точки зрения Франца Майер-Брука, занимающегося исследованием гастрософии и австрийской кухни, является символом статуса и благосостояния австрийского народа.

Другим классическим блюдом венского завтрака (*Wiener Gabelfrühstück*) является гуляш, что подтверждается многообразием представленных рецептов данного блюда в австрийской кухне: *Rindfleisch auf ungarische Art/Gulasch, Rindgulasch, Szegediner Gulasch, Erdäpfelgulasch, Fischgulasch, Kabeljau-Gulasch*. В конце XVIII века блюдо „*gulyás hús*“ считалось венгерским национальным блюдом, которое ели в основном крестьяне. Позднее в результате растущего национального сознания венгров гуляш появился на кухне привилегированных слоев общества. Кроме того, в ходе реформ австрийского и венгерского короля Иосифа II после 1780 года культурная идентичность венгров и их самобытность оказалась под угрозой. Наряду с защитой венгерского языка, типичных для страны нравов и обычаев венгры хотели сохранить традиционную кухню, поэтому гуляш вошел в моду. Уже в начале XIX века гуляш попал в Вену через Пресбург (Братиславу), столицу Королевства Венгрии. Венская кухня усовершенствовала венгерское национальное блюдо, и к середине XIX века венский гуляш стал стандартным блюдом венской кухни. После биржевого краха 1873 года *Erdäpfelgulasch* считался типичной едой бедных людей („*Arme-Leute-Essen*“) из-за плохого финансового положения.

Гуляш также лежит в основе названия „*Gulaschhütte*“, венских трактиров, которые открываются в полночь и до утра предлагают посетителям это национальное блюдо. На востоке Австрии гуляш подается на празднике по случаю завершения возведения дома (*Richtfest, Gleichenfeier*), в новогоднюю ночь, а также на поминальном обеде. Гуляш упоминается и в поговорках: „*Aufgewärmt is nua a Gulasch guat*“. Так, гуляш считается особенно вкусным, если он был разогрет несколько раз [34].

Особое место в национальной австрийской кулинарной культуре занимают мучные блюда. В качестве символа современной венской мучной кухни выступает штрудель, рецепт которого изначально появился в Венгрии. О символическом значении данного блюда свидетельствует большое количество рецептов самого штруделя с различными начинками (в свою очередь, начинка зависит от местных широко распространенных продуктов), а также теста, который используется в процессе приготовления данной выпечки (*Spinatstrudel, Apfelstrudel, Ausgezogener Strudelteig*). Штрудель играет большую роль на равнинных территориях, а не в Альпах. Особенно штрудель распространен в придунайских странах, где он готовится не только в праздники, но и в будние дни. В связи с этим данные страны получили название „*Strudelländer*“.

На востоке Австрии штрудель неразрывно связан с народными традициями и поговорками. В Австрии говорят, что на Новый год необходимо съесть штрудель, даже если он подгорел (*auch „wenn er aus Asche ist“*), в ином случае это блюдо будет отсутствовать в меню австрийца весь год. И на Рождество штрудель – одно из основных блюд на праздничном столе. Согласно одной поговорке, женщина, которая влюблена, готовит лучший штрудель, ведь она может раскатать тесто так тонко, что может прочитать через него свои любовные письма [34].

Бургенландцев, которые любят и часто едят различные супы (*Fischsuppe, Paradeissuppe*), обычно иронично называют „*Suppenschwaben*“. В федеральной земле Верхней Австрии, известной как „*Mostland*“, распространен слабоалкогольный напиток *Most*, который является необходимым ингредиентом в рецепте блюда

Mostbratel. В связи с популярностью данного напитка в этом регионе жители Верхней Австрии тоже получили ироничное название „*Mostschädel*“.

Среди многообразия представленных на сайте кулинарных рецептов тортов (*Sachertorte*, *Gmundner Torte*, *Grazer Bräselorte* и другие) особого внимания заслуживает рецепт старейшего торта – Линцкого торта (*Linzer Torte*), который получил свое название в честь расположенного в Верхней Австрии города Линц. Данный торт имеет особенное национально-культурное значение для австрийцев, подтверждение чему можно найти в творчестве немецких писателей, музыкантов. Например, стихотворение Эрнста фон Вильденбруха, в котором автор положительно отзывается о Линцском торте (“*Was sind aller Dichter Worte gegen eine Linzer Torte!*”), или посвященная десерту оперетта „*Linzer Torte*“ Людвиг Шмидседера.

Кулинарным символом Юго-Восточной Австрии считается каринтийская лапша (*Kärntner Nudeln*). Данное блюдо имеет большое значение в символике народных обычаев Австрии, отражает взаимоотношения между мужчинами и женщинами: „*Der Bua, der sei Diendle pân Tanzen net halst, is grad wie die Pâurin, dô die Nudl net schmalzt*“. Другая австрийская поговорка гласит: „*A Kärntnerin, die was net krendeln kann, die kriagt kon Monn*“. Так, женщины, живущие в Каринтии, не выходят замуж, пока не научатся хорошо готовить каринтийскую лапшу. Кроме того, в Австрии было основано объединение „*Oberdrauburger Kärntnernudelfestverein*“, цель которого – сохранение традиции приготовления каринтийской лапши. О высоко национально-культурном значении блюда свидетельствует также *Kärntnernudelfest*, который ежегодно проводится в Каринтии.

В австрийском гастрономическом дискурсе прослеживается связь блюд с географическими особенностями страны. Примером может послужить рецепт зальцбургских клёцок (*Salzburger Nockerl*). Их внешний вид и форма повторяют очертания вершин гор земли Зальцбург, а сахарная пудра символизирует снег. Данное блюдо значимо для культуры Австрии, оно, например, воспевается в музыкальном произведении „*Saison in Salzburg*“ (1938) австрийского композитора Фреда Реймонда: „*Süß wie die Liebe und zart wie ein Kuss... ein himmlischer Gruß...*“ [34].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Таким образом, исследование национально-культурного своеобразия австрийского гастрономического дискурса позволяет заключить, что еда – это носитель культуры. В ходе анализа было установлено, что некоторые напитки и блюда играют большую роль в питании и культуре людей, проживающих на определенной территории, поэтому эти территории и их жители получают определенные названия по наименованию национальных блюд. Упоминания о национальных блюдах встречаются и в народном творчестве, и в творчестве немецких и австрийских писателей, музыкантов и т. д. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что национальная кухня – это один из самых стабильных признаков нации, а потребляемая пища – это средство отражения идентичности: как культурной, так и национальной.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Перспективным в рамках данного исследования представляется дальнейшее изучение немецкоязычного гастрономического дискурса на основе текста кулинарного рецепта Германии и Швейцарии в сравнительном аспекте, а также анализ национально-культурных особенностей гастрономического дискурса на основе других разновидностей текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. 330 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Рахманов А. Б. Глобальное кулинарное пространство и иерархия

кулинарных держав // Вестник Томского Государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 223-231.

4. Овсиенко Т. В. Язык немецкоязычного меню как отражение национальной лингвокультуры // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 166-176.

5. Косицкая Ф. Л., Зайцева И. Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (167). С. 25-30.

6. Головицкая, Н. П. Этноспецифика немецкого пива как глоттонического знака // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (129). С. 124-127.

7. Ёдичко А. И. О политкорректности в немецкоязычном гастрономическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 134-145.

8. Олянич А. В. Гастрономический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2 (19). С. 157-160.

9. Ундрицова М. В. Гастрономический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2012. № 2. С. 86-91.

10. Олянич А. В., Никишкова, М. С. Дискурсивная актуализация этнолингвокультурного кода в англоязычной глоттонии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 4 (23). С. 70-83.

11. Федорова К. М., Руфова, Е. С. Глоттонический дискурс как объект лингвистического исследования // Наука, образование и культура. 2016. № 9 (12). С. 45-48.

12. Катермина В. В. Гастрономическая картина мира в английской неологии: лингвокультурологический аспект // Лингвокультурология. 2017. № 11. С. 33-47.

13. Анисимова Е. Е. О взаимодействии гастрономического и религиозного дискурсов (культурологический и лингвистический аспекты) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (791). С. 31-44.

14. Хадулаева У. Ш. Национально-культурная специфика гастрономического дискурса // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 1-2. С. 207-217.

15. Обвинцева О. В., Перескокова Д. А. Прагматические маркеры англоязычного гастрономического дискурса (на примере кулинарного шоу) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 9 (206). С. 47-53.

16. Кантышева Н. Г. Структурно-семантическая характеристика названий и описаний блюд в немецком ресторанном дискурсе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2021. Том 7. № 2(26). С. 96-119. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-96-119.

17. Саегараева Л. Р., Гилязетдинова Г. Х. Особенности структурной организации кулинарного рецепта в англоязычной поваренной книге второй половины XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 1. С.101-108. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.1.101-108

18. Minasipova A. K., Eskazinova Zh. A., Nasyrova Zh. M. Linguistic peculiarities of English gastronomic discourse // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 12-8 (68). С. 105-109.

19. Громько С. А. Гастрономическая метафора в русском дореволюционном парламентском дискурсе (на материале речей правых депутатов) // Научный диалог. 2020. № 5. С.25-37. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-25-37.

20. Сегал Н. А., Моцная Л. О. Гастрономический дискурс как источник метафоризации (на материале русскоязычных медиатекстов) // Гуманитарно-педагогическое образование. 2018. Т. 4. № 4. С. 89-95.

21. Агеева А. В., Смахтина Ю. В. Лексика русской этимологии во французском гастрономическом дискурсе: из опыта морфологического анализа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 2018. № 04. С. 89-91.

22. Прюво Ж., Бузинова Л. М., Седых Н. В. Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосомиотического анализа // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. № 1. С. 27-39.

23. Фефелова В. В., Косинова М. А. Отличительные характеристики франкоязычного гастрономического дискурса // Восточнославянская филология. Языкознание. 2017. № 5 (31). С. 89-98.

24. Чеснокова О. С., Фернандес Санчес Ю. В. Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 50-58.

25. Chesnokova, O. S., Radović, M., & Akhrenov, A. V. (2020). The role of toponymic periphrasis in developing professional competence in learning Spanish. Training, Language and Culture, 4(1), 66-74. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-1-66-74

26. Седых Н. В. О глоттоническом вокабуляре и национальном характере // Лексикография и коммуникация – 2016. Материалы II Международной научной конференции. Белгород: Издательский дом «Белгород». 2016. С. 122-124.

27. Тихонова Н. А. Стереотипы в отношении гастрономии как культурной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-3 (12). С. 183-185.

28. Пожидаева Е. В., Козько Н. А. Гастрономическая и вакхическая концептосфера как зеркало национального менталитета (лингвокультуральный подход) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 348-356.

29. Беллон М. А. Культура питания: особенности ценностных смыслов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 2 (35). С. 59-64.

30. Олянич А. В. Репрезентация глоттонических знаков в массовой коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 4 (24). С. 36-39.

31. Буркова П. П. Кулинарный рецепт как особый тип текста: автореф. дис... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2004. 22 с.

32. Анисифорова Т. С., Малявина А. Н. Специфика перевода текстов кулинарных рецептов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2016. № 34. С. 351-358.

33. *Kulinarisches Erbe Österreich*. – Режим доступа: <https://www.kulinarisches-erbe.at> (дата обращения: 08.05.2020).

34. *Bundesministerium. Landwirtschaft, Regionen und Tourismus*. – Режим доступа: <https://www.bmlrt.gv.at> (дата обращения: 14.04.2021).

Статья поступила в редакцию 14.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0071

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «DEADWOOD»)

© Автор(ы) 2021

AuthorID: 225658

SPIN: 4134-8777

ResearcherID: U-1468-2017

ORCID: 0000-0003-1839-3538

ScopusID: 57193138085

ПАВЛОВА Анна Владимировна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой

«Английская филология и методика преподавания английского языка»

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: pavlova_a@bk.ru)

ORCID: 0000-0002-5515-5136

ХЛЫНОВ Владислав Николаевич, студент кафедры

«Английская филология и методика преподавания английского языка»

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: vld296@mail.ru)

Аннотация. Данная статья продолжает цикл работ, посвященных исследованию различных аспектов проблемы перевода с английского языка на русский и с русского языка на английский. В ней рассматривается специфика перевода стилистически сниженной лексики в аудиовизуальном тексте. Актуальность исследования определяется все возрастающей популярностью данного вида лексики в англоязычных фильмах и сериалах, часто переводящихся на русский язык. На материале сериала «Deadwood» путем сравнения оригинальных и переводных субтитров рассматриваются конкретные решения при переводе основных видов сниженной лексики. Приводится определение и классификация сниженной лексики, а также основные понятия, связанные со стилистической системой языка. Особое внимание уделяется культурным факторам, играющим важную роль в адекватном переводе сниженной лексики и зачастую определяющим использование переводческих приемов. Кратко рассматривается понятие, виды и особенности аудиовизуального перевода. Результаты переводческого анализа субтитров американского драматического сериала «Deadwood» в переводе телеканала «РЕН ТВ» позволяют констатировать важность сохранения стилистической окраски и эмоциональной выразительности оригинала, а также свидетельствуют о возможной взаимозаменяемости различных видов сниженной лексики.

Ключевые слова: перевод; стилистически сниженная лексика; сериал; аудиовизуальный перевод; функциональный стиль; сленг; просторечие; нейтрализация; эмфатизация.

THE SPECIFICS OF TRANSLATION OF NON-STANDARD LANGUAGE IN AUDIOVISUAL WORKS (BASED ON THE “DEADWOOD” TV SERIES)

© Author(s) 2021

PAVLOVA Anna Vladimirovna, candidate of philological sciences, head of the chair

«English philology and methods of English language teaching»

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue 13, e-mail: pavlova_a@bk.ru)

KHLYNOV Vladislav Nikolaevich, student of the chair

«English philology and methods of English language teaching»

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue 13, e-mail: vld296@mail.ru)

Abstract. This article stands in a row of works devoted to considering different aspects of translation problems focusing on English-Russian and Russian-English pairs. It deals with the specifics of translation of non-standard language. The relevance of the study is determined by the increasing popularity of this type of language in foreign films and TV series, often translated into Russian. Based on the translation of the «Deadwood» TV series, by comparing the original and translated subtitles, the article examines the cases of translation of the main types of non-standard language. The definition and classification of non-standard language, as well as the main concepts related to the stylistic system of the language, are given. Particular attention is paid to cultural factors that play an important role in the adequate translation of non-standard language and often determine the use of translation techniques. The concept, types and features of audiovisual translation are also considered. The results of translational analysis of subtitles of American dramatic series “Deadwoods” in translation of REN TV channel proves the importance of preserving the stylistic connotations and expressiveness of the original, and show that various types of non-standard language can be used interchangeably.

Keywords: translation; non-standard language; TV-series; audiovisual translation; functional style; slang; substandard language; neutralizing; emphasizing.

ВВЕДЕНИЕ

Современная проблематика теоретических и практических аспектов перевода достаточно широка [1, 2, 3, 4]. Одной из особенностей речи человека является широкое употребление стилистически сниженной лексики, как в бытовом общении, так и в художественной литературе, фильмах и сериалах. Еще в середине 20 века употребление наиболее сниженных единиц – вульгаризмов, ругательства и богохульств – было строго запрещено и вместо них использовались эвфемизмы. Однако сегодня общество относится к таким выражениям гораздо толерантнее. И поэтому переводчики все чаще сталкиваются с проблемой адекватной передачи сниженной лексики, а

теоретики перевода – с необходимостью изучения особенностей ее передачи в другом языке и культуре.

МЕТОДОЛОГИЯ

По определению В. К. Ланчикова, сниженная лексика (лексический субстандарт) – это «противопоставленные территориальным диалектам и литературному стандарту лексические слои, которые характеризуются стилистической сниженностью, эмоциональной окрашенностью, оценочностью и включают в себя социально-профессиональное и экспрессивное просторечие» [5, с. 3].

В стилистической системе языка, по мнению Т.М. Беляевой и В.А. Хомякова, можно выделить две основные единицы: 1) экспрессивный стиль – это комплекс

языковых средств, отобранных по определенным эмоционально-ситуативным критериям (субстандартная лексика относится к низкому стилю); 2) функциональный стиль – «определенные закономерности отбора и группировки языковых средств, потенциально закрепленных за какой-либо сферой человеческой деятельности» [6, с. 11]. Элементы сниженной лексики в принципе могут употребляться во всех функциональных стилях. Также нужно отметить, что, при всем своем сходстве, функциональные стили в разных языках могут иметь и определенные различия. В таком случае возникает необходимость в адаптации, когда стилистические особенности оригинала признаются неуместными для данного функционального стиля и нейтрализуются.

Учеными были предложены различные классификации сниженной лексики, например, (см. подробнее [5, 6, 7]). Одной из наиболее известных и подробных является классификация Т. М. Беляевой и В. А. Хомякова:

1) собственно экспрессивное просторечие – «средство общепринятой разговорной разновидности речи с эмоционально-оценочной нагрузкой» [6, с. 21]. Сюда входят низкие коллоквиализмы, сленгизмы и вульгаризмы, и именно эти разновидности лексики в первую очередь являются стилистически сниженными;

2) социально-профессиональное просторечие, включающее профессиональные и групповые жаргоны, а также арготизмы. Для этих разновидностей языка стилистическая сниженность не является главным признаком: они относятся к низкому стилю, только когда употребляются вне какой-либо профессиональной или социальной группы [6, с. 15].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сегодня одним из наиболее востребованных видов перевода является аудиовизуальный перевод, что обусловлено огромной популярностью кинофильмов, сериалов и видеоигр зарубежного (в основном, американского) производства. Задачей переводчика при этом является создание перевода, оказывающего на человека иной культуры такое же воздействие, как и оригинал на зрителя той страны, в которой это произведение появилось. Одной из разновидностей аудиовизуального перевода является киноперевод, который, по мнению Н. Ю. Афанаскиной, «невозможно отнести к устному, письменному, художественному или специальному переводу; это особый вид перевода, т. е. создание нового полноценного кинотекста на языке перевода с учётом визуального ряда» [8, с. 60 – 61]. Одной из главных трудностей такого вида перевода является необходимость соотношения визуального (видеоряд) и вербального (речь, субтитры) компонентов.

Традиционно выделяют три основных вида киноперевода: субтитрование, закадровое озвучивание и дублирование. В небольших европейских странах и в странах с несколькими государственными языками обычно применяются субтитры, тогда как в России и в крупных европейских странах предпочтение отдается дублированному переводу и закадровому озвучиванию [9, с. 7]. Главной целью переводчика является достижение адекватного перевода. Адекватный перевод, по мнению В. Н. Комиссарова, – это «перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода» [10, с. 407]. Для адекватного перевода сниженной лексики иногда приходится прибегать к таким переводческим приемам, как: нейтрализация, эмфатизация, опущение, описательный перевод и др. Важным переводческим средством является также компенсация, когда необходимо передать не референциальное значение (указание на конкретный предмет), а прагматическое, характеризующее все высказывание целиком [11]. Перевод профессиональных жаргонов (на-

пример, музыкантов или военных) обычно не представляет трудностей, потому что такие группы представлены практически во всех культурах и в переводящем языке для них имеются функциональные аналоги. По мнению С. Влахова и С. Флорина, это относится также к сленговым выражениям и арготизмам. При отсутствии соответствий и аналогов можно использовать просторечие в качестве универсального средства придания стилистически сниженной окраски [12, с. 252].

Отдельной проблемой перевода вообще, и киноперевода, в частности, является адекватная передача ненормативной лексики (swear words). Данные лексические единицы часто используются в качестве ругательств для выражения сильных эмоций, при этом утрачивая свое прямое значение. Ненормативная лексика представляет собой национально-специфический феномен, и допустимость ее употребления различна в разных культурах. Как пишет Т. В. Ларина, «сфера употребления ненормативной лексики в английской коммуникации, где они воспринимаются как допустимые, шире, чем в русской» [13, с. 423]. Цель употребления бранной лексики (как и жаргона и сленга) – «приблизить собеседника, минимизировать дистанцию, продемонстрировать полное равенство» [13, с. 424]. Следует отметить, что в английском языке бранные слова в основном утратили свое семантическое значение и выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, тогда как в русском – они имеют сильную негативную коннотацию и считаются непристойными. Это различие между языками нельзя не учитывать при переводе. Еще одним фактором является то, что, хотя в художественной литературе иногда встречается цензурная лексика (русский мат), но в фильмах и сериалах, идущих в кинотеатрах и транслируемых по ТВ, это совершенно недопустимо (исключение составляют некоторые любительские переводы, распространяемые только в интернете). На наш взгляд, остальные разновидности грубой лексики подвергаются смягчению также и потому, что переводится звучащая, а не письменная речь.

ОБСУЖДЕНИЯ

Рассмотрим варианты перевода некоторых видов сниженной лексики на примере американского драматического сериала «Deadwood» (перевод принадлежит телеканалу «РЕН ТВ»). Действие происходит на Диком западе в 1876 году, в разгар золотой лихорадки. В сериале широко используется ненормативная и другие виды сниженной лексики, чтобы лучше передать атмосферу жестокости и беззакония, царящих в маленьком городке Дедвуд. Особенностью данного сериала, как и кинопродукции вообще, является преобладание разговорной, чаще диалогической речи.

«– How many backing his play? – A dozen, shit-faced.
– Сколько людей с ним едет? – Дюжина, и все в стельку».

В этом примере, как и во многих других, используется прием нейтрализации: вульгаризм «shit-faced» переводится выражением «в стельку», которое можно отнести к низким коллоквиализмам. Причиной этого является различие в степени грубости английского и точно соответствующего ему русского выражений. При этом, однако, сохранен эмоциональный заряд высказывания, его явная сниженность.

«– And what if I don't? – Mouth off and you'll find out.
– А если не стану? – Продолжай трепать языком и узнаешь».

Здесь для перевода сленгизма «to mouth off» также выбран низкий коллоквиализм «трепать языком». В подобных случаях переводчик имеет в своем распоряжении довольно широкий синонимический ряд из сленговых, разговорных и просторечных единиц. Основной задачей является достижение стилового соответствия оригиналу.

«– That's her derringer. I warned you about that loopy cunt!
– Это ее Дерринджер. Я тебе говорил, эта девка без-

умная!»

В данном примере при переводе одного из грубейших английских слов переводчик прибегает к сильному смягчению. Вульгаризм «*cunt*» переводится просторечием «*девка*», а сленгизм «*looru*» передается вполне литературным словом «*безумная*». Однако из-за описанных выше различий в допустимости употребления нецензурной лексики в английском и русском языках, здесь необходима определенная нейтрализация.

«– *Did you know one squarehead lived? Little squarehead girl.*

– *В семействе немчуры кое-кто выжил. Девчонка, совсем соплячка.*

В этом примере грубоватый сленгизм «*squarehead*», означающий человека немецкого или скандинавского происхождения, переводится словом «*немчура*», имеющим явно пренебрежительный оттенок. Во втором предложении также используется эмфатизация: нейтральное слово «*little*» переводится как «*соплячка*». В результате достигается необходимая степень сниженности.

«– *Fucking time of trial, the fucking English in you comes out.*

– *Вот, мать твою, клятый англичанин из тебя так и прет.*

А в данном случае, чтобы передать возбужденное состояние персонажа, переводчик не смягчает выражений, а использует соответствующие русские ругательства, даже усиливая эффект: нейтральное «*to come out*», переводя просторечным выражением «*так и прет*». Однако подобная эмфатизация используется нечасто, из-за различий в сфере употребления бранной лексики в английском и русском языках.

«– *All I can say, Brom, while you were out winning the battle I hope you didn't lose the fucking war.*

– *Ну что тут скажешь, Бром? Надеюсь, пока ты выигрывал битву, ты не проиграл войну.*

Здесь переводчик использовал прием опущения, просто не переводя нецензурное слово. В этом случае, однако, осталась не переданной грубоватость оригинальной фразы. Можно было бы применить прием компенсации, стилистически снизив какой-либо другой элемент высказывания.

ВЫВОДЫ

В заключение отметим, что при переводе стилистически сниженной лексики различные ее виды могут оказаться взаимозаменяемыми. Например, сленгизмы могут переводиться с помощью низких коллоквиализмов, а вульгаризмы – с помощью просторечий. Главной задачей при этом является сохранение эмоциональной и стилистической окраски высказывания. Переводчику следует искать золотую середину между переводом, слишком грубым для переводящего языка и культуры, и переводом нейтральным, лишенным эмоционального заряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Павлова, А.В. Лексические трансформации при переводе описаний статичных элементов городской среды (на материале романа Дж. Боуэна «*A Street Cat Named Bob*») / А.В. Павлова, Д.Х. Еникеева // Балтийский гуманитарный журнал, 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 345-347.
2. Полякова, П.С. Передача экспрессивности в переводе романа Н. Спаркса «*A Walk to Remember*» / П. С. Полякова, А.В. Павлова // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 19-20 марта 2020 г., Минск / редкол.: О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. - Минск : БГУ, 2020. С. 417-422.
3. Химич, А.В. Специфика перевода афоризмов / А. В. Химич, А. В. Павлова // Современные исследования социальных проблем. 2020, Т.12 № 1-2. С. 183-187.
4. Pavlova, A.V. Metaphor in translation of British poetry into the Russian language / A. V. Pavlova, D. V. Usti-nova // Modern studies of social issues, 2020. - Т. 12, № 1-2. С. 35-40.
5. Ланчиков, В.К. Коммуникативный статус субстандартной лексики. Сопоставительное исследование на материале русского и английского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992. 19 с.
6. Беляева, Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 140 с.
7. Кузнец, М.Д. Стилистика английского языка : пособие для студентов педагогических институтов / М. Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев. Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство. 1960. 173 с.

8. Афанаскина, Н.Ю. Киноперевод как объект исследования лингвистики, социологии, межкультурной коммуникации и теории перевода // Вестник МГОУ. 2017, № 4. С. 58 – 66.

9. Матасов, Р.А. Перевод кино / видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.

10. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

11. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: «Междунар. отношения», 1975. 240 с.

12. Влахов, С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. Москва: Высшая школа, 1986. 416 с.

13. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2009. 258 с.

Статья поступила в редакцию 26.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.111

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0072

МЕДИАОБРАЗ «COVID-19» В ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 2249-0726

AuthorID: 850895

ORCID: 0000-0003-2181-0259

ПАК Леонид Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Межкультурных коммуникаций и переводоведения»

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: Leonid.pak@vvsu.ru)

Аннотация. Целью работы является изучение медиаобраза «COVID-19» в электронных периодических СМИ Великобритании. Задачи исследования: разработать методику описания медиаконцепта «COVID-19» на основе материалов электронных периодических СМИ Великобритании; выделить и проанализировать доминирующие когнитивные признаки исследуемого феномена; разработать модель медиаконцепта, выделив основные зоны. *Методы:* описательный метод, контекстуальный и концептуальный анализ, метод поиска по ключевым словам. *Результаты:* медиаобраз «COVID-19» в современном британском дискурсе электронных периодических СМИ коррелирует с одноименным медиаконцептом. Ведущими когнитивными признаками данного медиаконцепта являются: «вакцинация», «экономический кризис», «ковидный паспорт», «жизнь после пандемии», «отношения с континентальной Европой» и «экономическое развитие». Авторы медиатекста используют различные способы вербализации приведенных когнитивных признаков, используя метафоры, аллюзии и эмоционально-оценочную лексику. На основе выделенных когнитивных признаков был смоделирован медиаконцепт «COVID-19», который актуализируется в британских электронных СМИ и является актуальным и коммуникативно релевантным для современного языкового сознания. Медиаконцепт состоит из ядра, приядерной зоны и открытой периферии. Выявленные когнитивные признаки, входящие в состав медиаконцепта представлены в виде иерархической структуры в зависимости от удельного веса каждого когнитивного признака. *Научная новизна:* впервые описывается и моделируется медиаконцепт «COVID-19».

Ключевые слова: языковой образ, медиаобраз, медиаконцепт, COVID-19, когнитивный признак, ядерная зона медиаконцепта, приядерная зона медиаконцепта, открытая периферия медиаконцепта.

“COVID-19” MEDIA IMAGE IN ELECTRONIC PERIODICAL MASS MEDIA IN GREAT BRITAIN

© The Author(s) 2021

ПАК Leonid Evgenyevich, candidate of philological sciences, senior lecturer of Department of Intercultural Communications and Translation Science

Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, Street Gogolya 41, e-mail: Leonid.pak@vvsu.ru)

Abstract. The goal of the work is to study the media image “COVID-19” in the electronic periodical mass media in Great Britain. *Research objectives:* to develop a methodology for describing the media concept “COVID-19” based on materials from electronic periodical media in the Great Britain; to analyze the dominant cognitive features of the studied phenomenon; to develop a model of a media concept, to describe its main zones. *Methods:* descriptive method, contextual and conceptual analysis, keyword search method. *Results:* the media image of “COVID-19” in the modern British discourse of electronic periodicals correlates with the media concept of the same name. The leading cognitive features of this media concept are: “vaccination”, “economic crisis”, “covid passport”, “life after a pandemic”, “relations with continental Europe” and “economic development”. The authors of the media text apply various methods of verbalizing the given cognitive features, using metaphors, allusions, and emotionally evaluative vocabulary. We modeled “COVID-19” media concept based on dominant cognitive features. The concept is foregrounded in British electronic mass media; it is communicatively relevant for modern linguistic consciousness. The media concept consists of a nuclear zone, a circumnuclear zone and an open periphery. Identified features the media concept cognitive features are presented in the form of a hierarchical structure, depending on the relative weight of each cognitive feature. *Scientific novelty:* the media concept of «COVID-19» is described and modeled for the first time.

Keywords: linguistic image, media image, media concept, COVID-19, cognitive feature, nuclear zone of media concept, circumnuclear zone of media concept, open periphery of media concept.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современной лингвистической науке давно и плодотворно исследуются такие понятия как «концепт», «стереотип», «фрейм». Однако вопрос о месте понятия «образ» в системе лингвистического знания по-прежнему остается весьма спорным. В данной статье мы обратимся к понятию «медиаобраз», которое моделируется на основе языковых средств.

Актуальность данного исследования обуславливается несколькими причинами. Во-первых, изучение отражения языковых особенностей образа соответствует уровню развития современной лингвистики и способствует развитию ее прикладных аспектов. Во-вторых, весьма значимым является изучение функциональной специфики британского варианта английского языка на основе описания вербальных средств, конструирующих медиаобраз. В-третьих, медиаобраз «COVID-19» важен для носителей английского языка в когнитивном и эмоциональном аспекте, в то же время, понимание особен-

ностей формирования языкового образа и его влияния на международные отношения необходимо и лингвистам, и переводчикам и специалистам по межкультурной коммуникации.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В связи с развитием интернета, электронные периодические издания становятся одним из самых влиятельных каналов средств массовой информации и, по социологическим исследованиям, оказывают наиболее сильное воздействие на адресата. На материале электронных СМИ исследуются разнообразные лингвистические понятия: концепты и медиаконцепты [1-2], новообразования [3] и термины [4]. Изучаются способы языковой репрезентации эмоций в различных сферах человеческой деятельности [5]. Тексты англоязычных электронных СМИ становятся источником материала для описания лингвокреативного потенциала языковых средств [6].

Дальнейший анализ последних исследований и публикаций по теме работы будет посвящен понятию «языковой образ». Языковой образ В.С. Высоцкого в поэтических произведениях описан в статье Т.А. Османовой и К.М. Назаралиевой [7], методологические основания исследования языкового образа машины изучаются в научной работе Н.Д. Федяевой и С.А. Демченкова [8]. В данном русле современные лингвисты изучают языковую оценку паремических образов [9] и языковые единицы с функцией номинации [10]. Кроме того, политический дискурс часто выступает в качестве площадки для исследования языкового образа [11-12].

В фокусе лингвистов сегодня находится и медиаобраз. Существует ряд работ, посвященных медиаобразу России и Сибири [13-14]. Подробно описаны медиаобразы известных российских [15] и зарубежных политиков [16], а также исследуются стратегии создания медиаобраза политического врага в современных СМИ [17].

При этом, такому актуальному явлению 2019-2020 годов как медиаобраз «COVID-19» в электронных периодических СМИ, уделено недостаточно внимания.

Формирование целей статьи.

Целью данного исследования является изучение медиаобраза «COVID-19» в электронных периодических СМИ Великобритании.

Постановка задания.

Цель статьи обуславливает постановку следующих задач: разработать методику описания медиаконцепта «COVID-19» на основе материалов электронных периодических СМИ Великобритании; выделить и проанализировать доминирующие когнитивные признаки исследуемого феномена; разработать модель медиаконцепта, выделив ядерную, приядерную и периферийную зоны.

Материалом исследования послужили публикации крупнейших электронных периодических СМИ Великобритании: «The Guardian», «Independent» и «Daily Telegraph».

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. В работе использованы следующие методы: описательный метод, контекстуальный и концептуальный анализ, метод поиска по ключевым словам.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

На первом этапе нашего исследования был проведен контекстуальный анализ словосочетания «COVID-19», который объективирует языковой образ в исследуемом языковом материале. Данный метод позволил выделить те признаки исследуемого явления, которые в британских периодических электронных СМИ рассматриваются как отличительные и значимые.

Второй этап подразумевал когнитивную интерпретацию языковых средств и выделение когнитивных признаков. Когнитивные признаки имеют языковые способы репрезентации. В результате приведенного анализа были выделены следующие когнитивные признаки: «вакцинация», «экономический кризис», «ковидный паспорт», «жизнь после пандемии», «отношения с континентальной Европой» и «экономическое развитие».

Рассмотрим контексты из электронных периодических СМИ Великобритании, на основании которых сформулирован когнитивный признак «вакцинация».

В электронной периодике Великобритании часто подчеркивается положительная оценка вакцинации для общества: «Israel has recorded **dramatic falls** in rates of infection, hospital admissions and deaths after running what was **the world's fastest Covid vaccination campaign**» (The Guardian) [18]. Эмоционально-оценочная лексика «dramatic fall», «the word's fastest campaign» усиливает чувственно-образное воздействие на массовое сознание читателей.

Положительный эффект вакцинации можно проиллюстрировать и следующим примером: «The **benefits of vaccination** in preventing Covid-19 infection and its

complications continued to **far outweigh any risks**» (The Guardian) [18]. П приведенном примере воздействие на адресата усиливается при помощи эмоционально-оценочного ряда «far outweigh any risks». Следует отметить, что данный когнитивный признак представлен наибольшим количеством публикаций, которые тематически связаны с ним (яркость 36%).

Когнитивный признак «экономический кризис» также является весьма значимым компонентом медиаконцепта «COVID-19». Британские авторы статей подчеркивают негативную сторону исследуемого явления: «Under cover of Covid, British workers' rights are being quietly **stripped away**» (The Guardian) [18], «Those people who starting their careers during Covid **are suffering from burnout and need help**» (Independent) [19], «Covid made politicians look at our **miserly economic benefits**» (Daily Telegraph) [20]. Критика в адрес правительства и политиков подчеркивается при помощи лексических средств («suffer», «miserly») и метафорических выражений («rights are stripped away»). Приведенные фрагменты публикаций оказывают персуазивное воздействие на целевую аудиторию, формируя негативный образ «COVID-19». Удельный вес данного когнитивного признака – 26%.

Название когнитивного признака «Ковидный паспорт» (в английском «covid passport») является неологизмом, появившимся в конце 2020 года. Журналисты британской газеты «Independent» формируют в сознании читателей представление о ненужности «ковидных паспортов»: «Comedy club cancels pilot event after "**hate campaign**" over Covid passports» (Independent) [19]. Представители издания «The Guardian» передают читателям ироничный образ данного явления при помощи карикатуры (доступна по ссылке [21]) и соответствующей подписи: «Take this too according to the fake ID you're a 78-year-old gentlemen named Albert» (the Guardian) [18]. Следует отметить, что яркость данного когнитивного признака составляет 18%.

Весьма значимым рассматриваемым когнитивным признаком в британских электронных СМИ является «Жизнь после пандемии». На страницах периодики выражается уверенность в возрождении декаданса как культурного направления: «Post-Covid era will be a second "**Roaring 20s**" of decadence» (The Guardian) [18]. Будущее характеризуется как окрашенное психологическими проблемами: «Everybody will be psychologically changed by Covid in various ways» (Daily Telegraph) [20]. В структуре медиаконцепта «COVID-19» проанализированный компонент составляет 13%.

Когнитивными признаками с наименьшим количеством контекстов являются «Отношения с континентальной Европой» и «Экономическое развитие». «Отношения с континентальной Европой» характеризуются во взаимосвязи с «Брекситом»: «Brexit **Britain's victory over the EU on Covid vaccination**» (The Guardian) [18]. Значение лексемы «victory» (успех в войне, при поражении противника), которое реализуется в приведенном примере способствует закреплению в сознании читателя представления об успехе Великобритании в борьбе с пандемией по сравнению со странами Евросоюза. Проиллюстрировать данное положение можно и при помощи следующего фрагмента публикации: «Covid vaccination campaign is a **better advertisement for Brexit than even Brexiteers could have imagined**» (The Guardian) [18]. «Экономическое развитие» как когнитивный признак реализуется в следующем примере: «Stronger recoveries from the Covid-19 pandemic in the US, the UK and other rich western countries will result in faster than expected growth for the global economy this year» (The Guardian) [18]. Яркость приведенных когнитивных признаков («Отношения с континентальной Европой» и «Экономическое развитие») составляет 4% и 3% соответственно.

После подробного описания когнитивных признаков, мы можем перейти к моделированию медиаконцепта

«COVID-19». Медиаконцепт состоит из состоит из ядра, приядерной зоны и открытой периферии. Выявленные когнитивные признаки, входящие в состав медиаконцепта, представлены в виде иерархической структуры в зависимости от удельного веса каждого из них.

Таблица 1 – Структура медиаконцепта «COVID-19» (на материале электронных периодических СМИ Великобритании).

Полевая структура концепта	Когнитивный признак	Доля когнитивного признака в структуре концепта
Ядро	вакцинация	36 %
	экономический кризис	26 %
Приядерная зона	«ковидный паспорт»	18 %
	жизнь после пандемии	13 %
Открытая периферия	отношения с континентальной Европой	4 %
	экономическое развитие	3 %

Обсуждение.

Медиаобраз как объект исследования является одним из наиболее значимых направлений в современной лингвистике. По мнению Т.Н. Галинской, медиаобраз – это некий фрагмент объективной реальности, описанный в тексте профессионального журналиста [22]. Понятие «медиаконцепт», по мнению исследователей тесно связано с понятием «медиаобраз» [там же]. Медиаобраз распространяется по каналам средств массовой информации и содержит две составляющие: рациональную и, собственно, образную [23]. Тема «медиаобраз «COVID-19» в электронных периодических СМИ Великобритании» соответствует уровню развития современной лингвистики, акцентируя внимание на значимости исследования языковых репрезентаций, которые реализуются в ментальных конструктах.

Из наиболее значимых научных работ, посвященных изучению медиаобразов и медиаконцептов можно отметить диссертационное исследование Н.В. Пинчуковой «Языковой образ Европы в американских и британских электронных СМИ (на материале публикаций 2001–2018 гг.)» [24]. В исследовании проведен комплексный анализ языкового образа Европы, формируемого СМИ США и Великобритании в сопоставительном аспекте с точки зрения лингвокультурного, дискурсивного и лингвокогнитивного подходов. Анализируются и сопоставляются особенности медиаобраза, объективированного средствами двух диалогических вариантов английского языка. Кроме того, описываются и всесторонне исследуются медиакоцепты «EUROPE», «OLD EUROPE» и «NEW EUROPE», которые в связи с развитием современного информационного общества будут занимать все более важное место в современной медиакультуре. Автор выделяет когнитивные признаки, которые потом группируются в когнитивные слои, выявляет наиболее значимые средства выразительности, объективирующие образ Европы в СМИ США и Великобритании.

В результате исследования Н.В. Пинчукова приходит к выводу, что авторы используют различные стилистические приемы, эмотивную лексику и интертекстуальные включения для создания выразительности образа. Кроме того, подтверждается взаимосвязь понятий «медиаконцепт» и «медиаобраз», что коррелирует с результатами нашего исследования.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, медиаобраз «COVID-19» в современном британском дискурсе электронных периодических СМИ коррелирует с одноименным медиаконцептом. Ведущими когнитивными признаками данного медиаконцепта являются: «вакцинация», «экономический кризис», «ковидный паспорт», «жизнь после пандемии»,

«отношения с континентальной Европой» и «экономическое развитие». Авторы медиатекста используют различные способы вербализации приведенных когнитивных признаков, используя метафоры, аллюзии и эмоционально-оценочную лексику. На основе выделенных когнитивных признаков был смоделирован медиаконцепт «COVID-19», который актуализируется в британских электронных СМИ и является актуальным и коммуникативно релевантным для современного языкового сознания.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

В качестве перспективы дальнейших изысканий в области исследования медиаобраза, видится как комплексное, так и аспектное изучение с привлечением нового языкового материала; исследование лексики, синтаксических конструкций и стратегий речевого поведения, моделирующих данный феномен. Следует отметить, что данный ментальный конструкт является динамической сущностью и тесно связан с событиями на мировой арене, уровнем развития языка СМИ, а значит будет и в будущем являться предметом исследования лингвистических научных работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Начаркина О.К. Соловьёва Е.А. Концепт «Допинг» в англоязычном спортивном дискурсе (на материале электронных СМИ) // *Огарёв-Online*. 2017. №10 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsept-doping-v-angloyazychnom-sportivnom-diskurse-na-materiale-elektronnyh-smi> (дата обращения: 07.02.2021).
2. Пинчукова Н.В. Медиаконцепт New Europe в электронных СМИ США и Великобритании // *Вестник КГУ*. 2017. №1. С. 223–227.
3. Торопкина В.А. Функции новообразований в заголовках электронных средств массовой информации // *Научный диалог*. 2019. №5. С. 154–168.
4. Залесова Н.М., Чурмантеева А.Ю. Способы перевода терминов криптоиндустрии с английского языка на русский (на материале электронных СМИ) // *Вестник Амурского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №82. С. 130–132.
5. Смахтин Е.С., Васьбиева Д.Г., Калугина О.А. Языковая репрезентация наименований эмоций в англоязычных электронных СМИ в области экономики и финансов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. №3. С. 314–319.
6. Давыдова И.В. Лингвокреативный потенциал средств языка, реализуемых в текстах англоязычных СМИ (на материале электронного издания the Guardian) // *Известия ВГПУ*. 2019. №8 (141). С. 192–196.
7. Османова Т.А., Назаралиева К.М. Языковой образ автора в поэтических произведениях В. Высоцкого // *Вестник Дагестанского государственного университета*. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. №2. С. 75–83.
8. Федяева Н.Д., Демченков С.А. Языковой образ машины: методологические основания исследования // *Вестник Омского государственного педагогического университета*. Гуманитарные исследования. 2019. №3 (24). С. 108–111.
9. Лылов А.И. Языковая оценка в отражении паремических образов грызунов (на примере образов «Мышь» и «Крыса») // *Известия ВГПУ*. 2017. №1 (114). С. 94–98.
10. Комалова Л.Р. Номинативные языковые единицы, формирующие вербальный образ мигрантов // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал*. 2019. №3. С. 154–160.
11. Филиппова С.В. Языковая репрезентация образа Дональда Трампа в американских СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. №12-3 (78). С. 182–185.
12. Фесенко О.П. Образ России в структуре языкового сознания молодежи СНГ // *ОНВ. ОИС*. 2017. №2. С. 43–46.
13. Фирулина Е.Г. Медиаобраз России в глянцево-журнале // *Человек и культура*. 2017. №5. С. 29–37.
14. Сабаева Ю.С. Коммуникативные тактики создания медиаобраза Сибири в региональном радиотексте // *Огарёв-Online*. 2017. №4 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-taktiki-sozdaniya-mediaobraza-sibiri-v-regionalnom-radiotekste> (дата обращения: 01.03.2021).
15. Новикова Е.В., Есмурзаева Ж.Б., Марус М.Л., Шкайдерова Т.В. Медиаобраз Д. Трампа в текстах немецких СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. №5-1 (71). С. 130–135.
16. Ирисмамбетова Н.А. Медиаобраз Д. А. Медведева в текстах англоязычных СМИ // *Поволжский педагогический вестник*. 2018. №2 (19). С. 42–47.
17. Желтухина М.Р., Зеленская Л.Л. Создание медиаобраза политического врага в современных российских и американских СМИ: лексико-грамматический аспект // *Известия ВГПУ*. 2018. №4 (127). С. 121–130.
18. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/>. (Дата обращения: 16.12.2020).
19. *Independent*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/>.

- independent.co.uk/*. (Дата обращения: 08.02.2021).
20. *Daily Telegraph*. [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.telegraph.co.uk/](https://www.telegraph.co.uk/). (Дата обращения: 16.12.2020).
21. Jennings B. Covid vaccine passports being trialled in England // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2021/apr/04/ben-jennings-on-covid-vaccine-passports-being-trialled-in-england-cartoon> (дата обращения: 04.01.2021).
22. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2013. № 11 (160). С. 91–94.
23. Малышева Е.Г. «Город мёртв»: Концентрация негативного в медиаобразе Омска // *Коммуникативные исследования*. 2014. № 2. С. 50–59.
24. Пинчукова Н.В. Языковой образ Европы в американских и британских электронных СМИ (на материале публикаций 2001–2018 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2020. 239 с.

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 81'37
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0073

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПОНЯТИЕ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 3732-8195
AuthorID: 1043420
ResearcherID: AAT-7200-2021
ORCID: 0000-0003-0258-8808

ПОРЕЧНАЯ Виктория Игоревна, аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации

Курский государственный университет

(305000, Россия, Курск, улица Радищева, 33, e-mail: porechvika@gmail.com)

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию понятия «код культуры», а также производного от него термина «пространственный код культуры». *Цель:* соотношение категории пространства с явлением кода культуры, определение пространственного кода культуры как самостоятельного лингвокультурного явления, а также выявление способов его реализации в языке. *Методы:* описательный, метод обобщения. Автор анализирует возможные подходы, в рамках которых рассматривается термин «код культуры», его трактовки, характерные особенности, виды, а также существующее в научной литературе понятие «пространственный код культуры» в соотношении с понятием культурный код. Кроме сравнительной новизны рассматриваемого в настоящей работе вопроса, а также изучения и классификации культурных кодов, актуальным является исследование одной из категорий бытия – пространства, как одного из компонентов культурного кода, который придаёт последнему особый статус, а также обуславливает необходимость всестороннего исследования пространственного культурного кода как лингвистического и культурного феномена. *Результаты:* выводы о функции механизма метафоризации в процессе рефлексии при формировании пространственного культурного кода, а также о метафоре как одной из форм его существования. Образность лексемы рассматривается как показатель культурной обусловленности той или иной пространственной реалии. *Новизна:* разработано определение пространственного кода культуры, объединяющее в себе «классическое» определение кода культуры В.В. Красных, а также метафоризацию как один из значимых когнитивных механизмов. *Практическая значимость:* основные положения и выводы настоящей работы могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении связи языка и мышления, способов выражения культурного компонента в языке.

Ключевые слова: код культуры, язык, базовый код культуры, метафора, познание, пространство, пространственный код культуры, метафоризация, троп, образ.

SPATIAL CULTURE CODE AS A LINGUOCULTURAL CONCEPT

© The Author(s) 2021

ПОРЕЧНАЯ Виктория Игоревна, post-graduate student of the department of foreign languages and professional communication

Kursk State University

(305000, Russia, Kursk, street Radishcheva 33, e-mail: porechvika@gmail.com)

Abstract. This article is devoted to the study of the concept of “culture code”, as well as the derived term “spatial culture code”. *Purpose:* to develop our own definition of the concept of “spatial culture code of code”, identify further prospects for studying its theoretical and empirical foundations. *Methods:* descriptive, generalization method. The author analyzes possible approaches within which the term “culture code”, its interpretations, characteristic features, types, as well as the concept of “spatial culture code” existing in scientific literature in relation to the concept of cultural code, are considered. In addition to the comparative novelty of the issue considered in this work, as well as the research and classification of cultural codes, it is relevant to study one of the categories of being – space, as one of the components of the cultural code, which gives the latter a special status, and also necessitates a comprehensive study of the spatial cultural code as a linguistic and cultural phenomenon. *Results:* conclusions about the function of the mechanism of metaphorization in the process of reflection in the formation of a spatial cultural code, as well as about metaphor as one of the forms of its existence. The figurativeness of the lexeme is considered as an indicator of the cultural determination of a particular spatial reality. *Novelty:* a definition of the spatial culture code that combines the “classical” definition of the culture code by V.V. Krasnyh, as well as metaphorization as one of the significant cognitive mechanisms has been developed. *Practical significance:* the main provisions and conclusions of this work can be used in scientific and pedagogical activities when considering the connection between language and thinking, ways of expressing the cultural component in the language.

Keywords: culture code, language, basic culture code, metaphor, cognition, space, spatial culture code, metaphorization, trope, image.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Объяснение достаточно распространённого в настоящее время термина «код культуры» может быть произведено на основе различных методов культурологического, философского и филологического анализа. Ценностное осмысление культуры, постановка перед исследователем вопросов, не имеющих однозначного решения, актуальных в любой временной период происходит именно в рамках философского подхода. Ценностный аспект обнаруживается и в культурологическом анализе, однако, в отличие от предыдущего он отличается большей степенью конкретности, получением и обоснованием эмпирических данных. Отметим, что вне зависимости от типа анализа культурного кода, одним из важных направлений изуче-

ния культуры становится исследование её знаково-символического пространства [1, с. 67].

Отвечая на вопрос о том, что представляет собой код культуры, Е.А. Царева указывает, что, как правило, в словарях определение рассматриваемого термина отсутствует [1, с. 68]. С точки зрения исследователя, указанное обстоятельство даёт основания на начальном этапе изучения кода культуры выявлять его характерные признаки и свойства, которые впоследствии позволят обосновать целостное видение данного явления, заложат основы понимания его функций и роли в качестве культурного объекта. Предложенная стратегия предполагает описание свойств данного феномена в целом, обоснование его значения, а затем – обнаружение и осмысление конкретных кодов различных культур [1, с. 68]. Мы разделяем позицию автора. Происхождение понятия «код

культуры», его связь с языком, картиной мира – это первый этап исследования, а рассмотрение кода культуры в различных языках должно осуществляться на более поздних его этапах. Настоящая статья затрагивает первый из указанных этапов.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. На современном уровне развития языкознания в рамках антропоцентричной парадигмы проблема репрезентации культуры в языке является одной из самых значимых. При этом особую актуальность приобретает исследование понятия «код культуры», включающее в себя целый ряд культурно значимых категорий, находящихся своё выражение в языке. В научной литературе рассматривается код культуры (В.В. Красных [2], В.Э. Манапова [3]), его разновидности (Ж.М. Юша [4], М.Е. Слива, А.Г. Волкова [5]), связь с языком (Е.В. Пучкова [6], Д.Б. Гудков [7]), а также выражение пространства в языке посредством метафоры как способа объективации коды культуры (С.О. Шералиев [8]). Основываясь на возможных методах анализа рассматриваемого термина, можно сделать вывод о том, что код культуры представляет собой лингвокультурно-философское понятие. Основными категориями философии как науки о наиболее общих законах развития мышления, общества и природы являются время и пространство. Как элементы, функционирующие на одном уровне (философском), каждая из них является элементом кода культуры [9], [10], [11].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Цель данной работы состоит в соотношении категории пространства с явлением кода культуры, определении пространственного кода культуры как самостоятельного лингвокультурного явления, а также выявлении способов его реализации в языке. Материалом исследования послужили работы отечественных учёных в области культурологии, философии, литературоведения и лингвистики, посвящённые проблеме вербального и невербального культурного кода, а также месту пространства в нём.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. В рамках описательного метода были выделены основные свойства, характерные для существующих определений рассматриваемого явления, а также имеющиеся классификации кодов культуры (базовые и вспомогательные). На основе обобщения информации было дано определение термину «пространственный код культуры», представлены возможности его реализации в языке. Отметим, что в настоящей работе термины «код культуры» и «культурный код», а также «пространственный код культуры» и «культурный код пространства» рассматриваются нами как тождественные соответственно. В качестве практического материала использовались примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Язык представляет собой средство непрерывного опредмечивания воспринимаемого посредством чувств опыта. Последний складывается из различных, полученных извне смысловых фрагментов. Их дальнейшая интерпретация осуществляется с учётом ситуации общения, а также мировоззренческих особенностей языковой личности. Выполняя посредническую функцию между социологизированным миром окружающей реальности, а также миром мыслей и идей, язык материализует самостоятельно различные коды культуры, среди которых выделяют вспомогательные и базовые. К первой группе, как правило, относят предметный, временной, биоморфный, соматический, духовный, пространственный [12, с. 28–29]. Несмотря на трудности в отделении одного кода от другого, мы считаем, что первичным базовым кодом

является соматический, ведь именно антропоцентризм в языке, а также измерение окружающей действительности с учётом возможностей и размеров собственного тела являются значимыми характеристиками человеческого существования вне зависимости от принадлежности к той или иной культуре. В исследовании А.С. Самигуллиной мы сталкиваемся с пространственным кодом как одной из базовых разновидностей кода культуры. Базовый характер рассматриваемого понятия указывает на его значимость. С нашей точки зрения, несмотря на тождественный статус, именно соматический код культуры является одним из «прародителей» пространственного кода культуры.

Ж.М. Юша отмечает, что среди кодов культуры наибольшей функциональностью и семантической нагрузкой обладает вербальный код культуры. Он представляет собой связующий элемент системы культурных кодов [4, с. 28–29]. По мнению Е.В. Пучковой, естественный язык – это главный код культуры, над которым располагается ряд других кодов культуры, представляющих собой неотъемлемые элементы коммуникации [6, с. 28–29]. Данная позиция подтверждает мысль А.С. Самигуллиной о языке как средстве материализации различных кодов культуры.

Возникновение потребности в обращении к термину «культурный код» (код культуры) происходит в момент перехода от мира сигналов к миру смысла. Первый представляет собой пространство не связанных с собой рассчитываемых в единицах измерения информации единиц, второй – организующие связь человека с миром образов, идей и ценностей той или иной культуры значащие формы. Формализованные языки рассматривают код в качестве образования, благодаря которому происходит соотношение некоторых означающего и означаемого, а код культуры, в свою очередь, предстаёт в форме позволяющего постичь динамику преобразования значения в смысл действенного механизма. При этом код культуры оказывается «запечатлённым» в языке [12, с. 29]. Вербальность не является отличительным признаком рассматриваемого явления. Культура – это знаковая система, в рамках которой в качестве знака могут рассматриваться различные элементы, которые впоследствии также могут стать культурным кодом, т.е. явлением, понятным и очевидным «своему», но невидимым или непонятным «чужому». В данном случае кодом культуры могут быть растения, животные, одежда, еда, мебель и т.д. [5, с. 117]. Данную позицию разделяет В.М. Савицкий. Исследователь считает, что составляющие культурных кодов – это характеризующиеся постоянно меняющимся планом выражения знаки. Объективация образа может происходить в различных реалиях. В зависимости от ситуации средством выражения может выступать природный носитель, а также созданные человеком скульптурные, живописные и иные изображения [13, с. 117]. В связи с этим следует отметить, что, с точки зрения Д.Б. Гудкова, само понятие «культурный код» заимствовано у Н.И. Толстого [7, с. 44]. Автор выделял акциональный (действенный), вербальный, а также реальный (предметный) культурный код как многоязычное явление. В семиотическом смысле слово «культура» в одном и том же тексте может пользоваться несколькими языками. Под текстом понимают определённую последовательность действий, обращения к имеющим символический смысл предметам, а также речевую последовательность, связанную с ними [14, с. 23]. Единицы акционального и реального кода культуры даже в пределах одного текста могут подвергаться вербализации, т.е. стать частями вербального кода [7, с. 44]. Указанное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что вербальный код является основным кодом культуры, в котором могут найти выражение иные его виды. В настоящей работе культура будет рассматриваться в её связи с языком.

С точки зрения М.В. Пименовой, код культуры – это «макросистема характеристик объектов картины мира,

объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры» [15, с. 122]. Уже на стадии определения термина исследователь замечает, что при переносе особенностей того или иного предмета из одного кода в другой появляется метонимия или метафора [15, с. 122]. Так как «метафора представляет собой некую универсальную модель образной деривации производных знаков и значений с позиций когнитологии и семиотики, то метафорическая деривация имеет место всюду, где обнаруживается образная аналогия» [16, с. 140].

С точки зрения В.Э. Манаповой, код культуры представляет собой ключ к пониманию культуры, состоящей в том числе из культурных архетипов, находящихся в основе этнического самосознания. Культурный код – это «коллективное бессознательное» [3, с. 140].

Согласно определению В.В. Красных – культурный код – это «сетка», которую «культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [9, с. 232]. С нашей точки зрения, указанное определение является наиболее удачным из приведённых. Мы разделяем мнение лингвиста по данному вопросу, так приведённое определение обладает ёмкостью, а также описывает не только механизм формирования культурного кода, но и способы его взаимодействия с окружающей действительностью, результатом которого и становится образование культурного кода.

Как было указано ранее, обращение к коду культуры является естественным процессом, а его проявление обнаруживается при категоризации мира. В соответствии с происходящими в окружающей реальности процессами в сознании происходит формирование категорий [9, с. 232]. Каждый отдельно взятый язык при этом находит адекватные средства обслуживания своей культуры, с помощью предоставления говорящим средств реализации культурно значимых понятий и отношений [17, с. 87]. Соотношение явлений из различных сфер окружающей действительности, возникновение вторичного смысла при интерпретации индивидом фактов в их отстранении от материального мира – это происходящие при действии кода культуры процессы. Указанное отстранение уточняется посредством соизмерения характерных для данной культуры стереотипов с метафорическим восприятием тех или иных особенностей окружающей действительности [18, с. 54].

Одним из актуальных вопросов связи культуры и языка, а также культурного кода в целом является изучение культурного знания, реализованного в концептах пространства. Значимость указанного вопроса связана с тем, что лингвистическое пространство – это не только пространство физическое, но и представление о нём, а также средства его восприятия носителями того или иного языка. Каждый конкретный язык обладает специфической объективацией концептов пространства, обусловленных культурными факторами [10, с. 28]. И.С. Бороздина отмечает, что пространственные слова в своей семантике имеют сложную корреляцию между пространственным и непространственным значением. В процессе дефинирования и ассоциирования одни и те же лексические единицы в сознании носителей языка могут быть соотношены либо с пространственными, либо с непространственными представлениями индивида об окружающей реальности [19, с. 20]. Ситуация усложняется, когда речь идёт о соответствующих словах в различных языках.

Точку зрения Т.Ю. Сазоновой, И.С. Бороздиной разделяет А.С. Самигуллина. Автор считает, что в связи с тем, что XX век характеризуется кризисом объективности, переходом от понятия «человек мыслящий» к «человек наблюдающий», то естественным кажется явление, при котором значимость для «человека наблюдающего» приобретает категория пространства, так как «синтез рваного потока образов» нацелен на преодоление вре-

менной дискретности ради воссоздания пространства [12, с. 29].

А.С. Самигуллина в своих работах объединяет код культуры/культурный код, а также пространственный код в качестве одной из его базовых разновидностей, рассматривая единый термин «пространственный код культуры» [11, с. 82]. Исследователь основывается на работе В.В. Красных, рассматривавшей пространственный код (культуры) в его связи с оппозицией «свой-чужой» [9, с. 300]. Ни один из указанных исследователей не даёт определение рассматриваемому понятию.

В.В. Красных отмечает, что теоретическая модель пространственной параметризации имеет 4 составляющих: 1) внутренний мир человека (образования, находящиеся в пределах его телесных границ); 2) часть внешнего мира 1, личная зона человека; 3) часть внешнего мира 2, образование(я), выходящее(ие) за пределы личной зоны, но воспринимаемое(ые) как родные; 4) часть внешнего мира 3, воспринимаемая не только как чуждая, но и порой враждебная [9, с. 300–302]. Из сказанного следует, что основы пространственного культурного кода закладываются в процессе рефлексии во внутреннем мире человека. В нём он формирует представления о физическом пространстве с помощью создания пространства эмоций, мысли, языкового функционирования, а также пространства вторичной картины мира. Не исключено при этом, что перечисленные основы в результате рефлексии трансформируются в пространственную метафору как одну из форм пространственного кода культуры. В этой связи представляется уместным привести высказывание А.А. Потебни, согласно которому у человека есть врождённая склонность «находить общее между впечатлениями разных чувств» [20, с. 95], т.е. склонность к метафоричности мыслительного процесса, т.к. для человека характерно переносить опыт восприятия конкретных ситуаций на абстрактные категории ментального мира, в ходе которого происходит трудоёмкая работа по интерпретации чего-то, уже интерпретированного ранее [11, с. 86]. Трансформация человеческого опыта в языковой номинативной деятельности о физическом пространстве нередко происходит в процессе метафоризации при переосмыслении восприятия пространства [21, с. 107]. С.О. Шералиев считает, что понимание пространства (и времени как ещё одной категории бытия) необходимо начинать с изучения метафоры, её теоретических основ [8, с. 61]. С нашей точки зрения, в качестве вербальных способов выражения пространственного кода культуры может выступать не только метафора, метонимия или другой троп, но и синтаксические, морфологические, грамматические и другие языковые особенности, однако именно метафора представляет собой не только механизм формирования пространственного кода культуры, но и одну из форм его реализации. Д.Б. Гудков, рассматривая культурный код, отмечает, что формирующие его имена обладают собственной синтактикой, прагматикой, семантикой (о чём было сказано выше по отношению к пространственному коду культуры), а также являются эталонами и символами национальной лингвокультуры. Культурные коды в целом основаны на базовых концептуальных метафорах, а также архетипических оппозициях (свет-тьма, верх-низ и т.д.) [7, с. 47]. Указанные данные соотносятся с приведённой выше информацией. Архетипической оппозицией в основе пространственного культурного кода является противопоставление свой-чужой, о которой говорила В.В. Красных. Пространственная метафора как средство воплощения пространственного культурного кода является одной из приоритетных метафорических моделей для носителей различных языков [15, с. 123]. Среди метафор, выражающих пространственную (ориентационную модель), можно выделить следующие: вместилище, поверхность, соматическая (телесная), метеорологическая, географическая и т.д. [15, с. 123]. Наиболее обширной по разнообразию и видам является

культурная модель метафор, отражающая свойство человеческого мышления переносить на окружающую действительность и внутренний мир и его составляющие предметные, биоморфные и антропоморфные признаки [15, с. 124]. По нашему мнению, так как человек живёт в природной и социальной среде, в рассматриваемой модели также присутствует пространственный компонент, что доказывает значимость пространственной метафоры при передаче культурного кода средствами языка.

С точки зрения характеристики пространства метафора сближает среду и языковую личность в ценностном аспекте. Приведённый тезис рассматривается в рамках биокультурной семантической теории, утверждающей, что значение предстаёт в форме экологического концепта. При этом подразумевается, что оно не полностью субъективно, а также не полностью объективно, но характеризуется взаимодействием между человеком и окружающей средой. В связи с этим метафора в целом, а также пространственную и культурную метафору в частности, можно рассматривать как средство достижение указанного взаимодействия, т. е. как способ познания [12, с. 32]. О.С. Зубкова отмечает, что «понимание различных метафор активизирует разнообразные психические процессы, а также прошлый опыт индивида (т.е. самопознание)» [16, с. 330]. Из сказанного следует, что применение метафоры в качестве способа познания невозможно без участия материала/опыта, полученного в процессе познания в прошлом. С точки зрения В.В. Красных, рассматривавшей метафору в художественном произведении, метафора может быть «сжатым» или «развёрнутым» сюжетом, который не обязательно и не всегда обладает вербальным воплощением в фиксированном имени [2, с. 201]. Иными словами, накопленные знания и опыт, в том числе связанные с культурно обусловленными пространственными представлениями, не всегда находят отражение в языке. Мы считаем, что данное обстоятельство обусловлено их коммуникативной значимостью для представления той или иной культуры.

Таким образом, с нашей точки зрения, является возможным дать терминам пространственный код культуры (пространственный культурный код), которые мы рассматриваем в качестве синонимов, следующее определение: понятийная пространственная сеть значений, формирующаяся в индивидуальном лексиконе, основанная на процессах категоризации и метафоризации, структурирования и оценки окружающего мира, результатом которых становится порождение тропов и иных образных элементов языковой системы, характеризующихся высокой степенью когезии, а также грамматических, семантических, морфологических и лингвистических паттернов, ингерентных для представителя данной культуры. В основе действия пространственного кода культуры лежит процесс метафоризации являющийся «основным универсальным механизмом образования значений единиц с высоким индексом образности в лингвистическом поле» [22, с. 32], а троп представляет собой результат реализации пространственного кода культуры в языке. Рассмотрим пример.

« – Куда, куда – на кудыкину гору! – огрызнулся провозжатый. – Экий ты любопытный, все хочешь знать». [Н. Дежнев. Принцип неопределённости (2009)] [23].

Приведённый в тексте фразеологизм, образованный путём метафоризации, основан на образе несуществующего места, название которого сообщает слушателю/читателю, что говорящий не хочет сообщать о его реальном местоположении. Наиболее близким однокоренным словом в слове С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой является глагол «кудыкать», который имеет значение «Спрашивать (идушего) “куда?”» [24, с. 312]. Из сказанного можно сделать вывод о том, что название «кудыкина» происходит от вопросительного слова «куды», которое в современном языке имеет вид «куда». Лексема «гора», обладающая семантикой высокого расположения, указывает на место, до которого тяжело добраться.

Таким образом, в сознании носителя русского языка «кудыкина гора» – труднодоступное место, точное положение которого неизвестно. Как культурная реалия кудыкина гора – это образ сознания, образованный в результате механизма метафоризации, обладающий культурной спецификой. Иными словами – это пример реализации в языке пространственного кода культуры в виде метафорического выражения.

«Москвичу уже было море по колено. Он смело вошёл в дом, в гнездо калифорнийской мафии, и тут же включился в общую беседу». [В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976] [23].

В данном случае также имеет место фразеологизм, описывающий бесстрашного человека, который не всегда способен правильно оценить свои силы. *Море по колено* – это гипербола, образованная в процессе метафоризации. При сравнении рассматриваемого тропа с его эквивалентами в других языках, например, в английском, можно обнаружить, что несмотря на сходство в механизмах образования и способах выражения, первоначальный образ (неоправданное бесстрашие) может отличаться от оригинального. Так, среди частичных эквивалентов следует упомянуть выражение *the sky is the limit*. Оно также гиперболизировано и образовано в процессе метафоризации, однако описывает человека, обладающего целым рядом возможностей, для которого не существует никаких ограничений. Использование приведённого эквивалента не передаст первоначального образа, как и дословный перевод. В связи с этим можно заключить, что выражение *море по колено* обладает культурной специфичностью.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Культурный код пространства – многозначное понятие, которое функционирует на пересечении сразу нескольких областей знания (лингвистики, культурологии, философии и т.д.). В широкой перспективе культурные коды делятся на базовые и вспомогательные. Их основной функцией является аккумулярование культурно специфичных реалий в различных сферах жизни. Появление культурного кода является закономерным процессом, обусловленным естественными причинами. Культурный код может существовать в невербальной и вербальной форме, однако именно второй рассматривается в качестве первичного. На стоящем этапе развития науки особую актуальность приобрел вопрос реализации культурного кода в концептах пространства, в связи с чем возникла необходимость выделения нового термина – пространственного кода культуры (культурного кода пространства), порождение которого связано с механизмом метафоризации, «набрасывающим» культурную сетку на ту или иную воплощаемую в языке культурную реалию с пространственным значением. С нашей точки зрения, образная составляющая данной реалии иллюстрирует потенциал пространственного культурного кода: чем выше образность лексем, тем большей степенью культурной обусловленности обладает данная реалия в языке. При этом образная лексема с пространственным значением может быть выражена как с помощью тропических средств (метафора, метонимия, гипербола и т.д.), так и посредством синтаксических и морфологических средств. Следует добавить, что метафоризация может наблюдаться и в невербальных типах пространственного кода культуры, а пространственная метафора как средство воплощения пространственного культурного кода является одной из приоритетных метафорических моделей для носителей различных языков.

Возрастающий интерес к реализации культурных составляющих в концептах пространства обусловил возникновение термина пространственный код культуры. Реализация рассматриваемого кода в языке осуществляется посредством механизма метафоризации.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Так как пространственные коды, характерные

для различных культур, нетождественны, а сущность необходимых для их функционирования пространственных концептов может варьироваться как по содержанию передаваемых данных, так и по объёму, то дальнейшее изучение рассматриваемого термина, с нашей точки зрения, видится в экспериментальном исследовании пространства как одного из кодов культуры с привлечением носителей различных языков. Указанное исследование позволит не только уточнить сущность термина «пространственный код культуры», а также его соотношение с другими видами культурных кодов, но и механизмы его формирования и функционирования в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Царева Е.А. Сущностные характеристики кода культуры // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2017. № 13. С. 67–70.
2. Красных В.В. Всегда ли метафора это только «сжатый сюжет»? / В.В. Красных // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 194–205.
3. Манапова В.Э. Трансформация культурных кодов: от образа к сигналу / В.Э. Манапова // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8(64). С. 155–158.
4. Юша Ж.М. О взаимодействии культурных кодов в обрядовой традиции / Ж.М. Юша // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 1(37). С. 41–45.
5. Слива М.Е., Волкова А.Г. Невербальные коды культуры // Апробация. 2016. № 10 (49). С. 117–118.
6. Пучкова Е.В. Культурный код «дерево» в научном дискурсе / Е.В. Пучкова // Амурский научный вестник. 2019. № 2. С. 58–62.
7. Гудков Д.Б. Коды культуры и система естественного языка // Русистика без границ. 2017. Т. 1. № 1. С. 43–48.
8. Шералиев С.О. Метафоры пространства в русском, таджикском и английском языках / С.О. Шералиев // Вестник Педагогического университета. 2019. № 5(82). С. 61–65.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
10. Сазонова Т.Ю., Бороздина И.С. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (23). С. 27–33.
11. Самигуллина А.С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции // Вестник ЧелГУ. 2007. №1. С. 82–87.
12. Самигуллина А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: дис. ... доктор. филолог. наук. Уфа, 2008. 363 с.
13. Савицкий М.В. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения / М.В. Савицкий // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 4. С. 68–77.
14. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик. 1995. 512 с.
15. Пименова М.В. Коды культуры и типы концептов // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 121–130.
16. Зубкова О.С. Некоторые когнитивные аспекты формирования метафоры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2 (14). С. 139–145.
17. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М.: Academia, 2001. 320 с.
18. Румянцева М.В. Внутренний мир человека в свете культурных кодов (на примере русского и казахского художественного дискурса) / М.В. Румянцева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5. № 3(19). С. 52–65.
19. Бороздина И.С. «Пространственное» и «непространственное» в семантической структуре слова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. № 2 (16). С. 15–20.
20. Потёбня А.А. Мысль и язык. М., 1999. 300 с.
21. Семенова П.В. Роль когнитивной метафоры в создании художественного пространства произведения: дидактический аспект / П.В. Семенова // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 5(72). С. 107–112.
22. Зубкова О.С. Неоднородность каламбура как лингвосемиотического феномена и проблема понятийной редукции // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. №1(15). С. 32–37.
23. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.04.2021).
24. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского Изд. 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии, 2015. 944 с.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0074

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЭМОТИВНЫЕ ФОРМУЛЫ ПОЗДРАВЛЕНИЯ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 6753-1741

AuthorID: 672642

ORCID: 0000-0003-0530-1964

ПУТИЛИНА Людмила Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры

«Романская филология и методика преподавания французского языка»

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: l_mila@inbox.ru)

SPIN: 5555-4098

AuthorID: 254761

ORCID: 0000-0001-6420-3307

АГАРКОВА Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры

«Романская филология и методика преподавания французского языка»

Оренбургский государственный университет

(460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, e-mail: agarkova1612@rambler.ru)

Аннотация. Антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований обеспечивает необходимость всестороннего изучения различных аспектов речевого поведения. Одним из таких аспектов являются эмотивные формулы речевого этикета, употребляемые в ситуациях поздравления. В коммуникации формулы речевого этикета, используемые в ситуации поздравления, выполняют контактоустанавливающую, регулирующую и эмоциональную функции, а также функцию воздействия. Актуальность предлагаемой статьи обусловлена отсутствием исследований функционального аспекта эмотивных высказываний, используемых студентами-лингвистами в ситуациях поздравления. В статье излагаются результаты теоретического анализа тематической группы речевого этикета «Поздравление», анализ этикетной компетенции студентов, особенностей реализации эмотивных высказываний с позиции стимул-реакция в речевом поведении. Результаты свободного анкетирования студентов-лингвистов Оренбургского государственного университета, проведенного на основе метода интроспекции, позволили описать синонимические ряды формул поздравления и ответных формул благодарности. В ходе количественной обработки полученных данных установлены наиболее частотные варианты эмотивных высказываний, используемых для поздравления и ответных благодарностей при передаче нейтральной, вежливой и официальной тональности общения. Использование различных вариантов поздравлений и благодарностей свидетельствует об умении студентов-лингвистов менять речевые коды в зависимости от тональности общения. Данные об особенностях и закономерностях функционирования эмотивных формул поздравлений и ответных формул благодарности представляют определенную практическую значимость для преподавания русского языка иностранцам.

Ключевые слова: речевое поведение, студенты-лингвисты, речевой этикет, эмотивная формула, поздравление, благодарность, функции речевого этикета, вежливость, тональность общения, речевая культура.

EMOTIONAL GREETING FORMULAS IN SPEECH BEHAVIOR OF LINGUIST STUDENTS

© The Author(s) 2021

PUTILINA Lyudmila Vasilievna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the department of «Romance philology and methods of French language teaching»

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue 13, e-mail: l_mila@inbox.ru)

AGARKOVA Olga Anatolievna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the department of «Romance philology and methods of French language teaching»

Orenburg State University

(460018, Russia, Orenburg, Pobedy avenue 13, e-mail: agarkova1612@rambler.ru)

Abstract. The anthropocentric orientation of modern linguistic research provides the need for a comprehensive study of various aspects of speech behavior. One of these aspects is the emotive formulas of speech etiquette used in situations of congratulations. In communication, the formulas of speech etiquette used in a congratulation situation perform contact-establishing, regulating and emotional functions, as well as the function of influence. The relevance of the proposed article is due to the lack of research on the functional aspect of emotive expressions used by linguistic students in situations of congratulations. The article presents the results of the theoretical analysis of the thematic group of speech etiquette «Congratulations», the analysis of the etiquette competence of students, the peculiarities of the implementation of emotive statements from the position of stimulus-response in speech behavior. The results of a free questionnaire survey of linguistic students of Orenburg State University, carried out on the basis of the introspection method, made it possible to describe the synonymous series of congratulation formulas and response formulas of gratitude. In the course of quantitative processing of the obtained data, the most frequent variants of emotive statements used for congratulations and reciprocal gratitude were established when transmitting neutral, polite and official tones of communication. The use of various options for congratulations and gratitude testifies to the ability of linguistic students to change speech codes depending on the tone of communication. Data on the features and patterns of functioning of emotive formulas for congratulations and reciprocal formulas of gratitude are of a certain practical importance for teaching Russian to foreigners.

Keywords: speech behavior, linguistic students, speech etiquette, emotive formula, congratulations, gratitude, functions of speech etiquette, politeness, tone of communication, speech culture.

ВВЕДЕНИЕ

В полиязычном пространстве, к которому относится Оренбуржье, немаловажное значение приобретает знание и уважительное отношение к языку и культуре своих соседей. Тем не менее, в данном поликультурном регионе, ведущая роль в межязыковом общении при-

надлежит русскому языку. Следовательно, вежливое общение на русском языке способствует созданию благоприятной коммуникативной среды. Вежливость речевого поведения – это один из важных аспектов социального взаимодействия в поликультурном пространстве. Под вежливостью понимается тактичное, внимательное

отношение к другому человеку. В последнее десятилетие вежливость исследуются в контрастном, дискурсивном (Т.Н. Хомутова, А.К. Шабан, Б.Г. Фаткулин [1,2], Д.С. Подгорный [3]), коммуникативном (Р.А. Газизов [4]), и антропологическом (Е.А. Руднева [5]) аспектах. Вежливость реализуется в поведенческих и речевых реакциях, в которых важное место занимает речевой этикет, рассматриваемый в рамках национально-культурного поведения и функционального потенциала различных этикетных форм [6-7].

Речевой этикет выполняет ряд функций, производных от коммуникативной функции языка. Основной специализированной функцией речевого этикета является фатическая (контактоустанавливающая) функция. Данная функция проявляется в ситуациях, когда целью общения является не передача какой-либо информации, а стремление «придать естественность совместному пребыванию где-либо, подготовить слушающего к восприятию информации, обратить на себя его внимание и т. п.» [8, с. 508].

Фатическая функция направлена на установление, поддержание и размыкание речевого контакта. Под контактом понимается установление, сохранение или укрепление и поддержание многообразных индивидуальных и социально-массовых отношений [9, с. 45].

Фатическая функция, в той или иной степени, характерна для различных ситуаций речевого этикета: *“Послушайте, ребята”*, *“Поздравляю вас, коллеги”*, *“Ты такая шикарная, Машиа!”*. В определенной степени эта функция реализуется и в такой эмотивной ситуации речевого общения как *“Поздравление”*. Данная ситуация, как микросистема эмотивных единиц, предназначена, для выполнения контактоустанавливающей (социативной, или фатической) функции в рамках принятых социальных отношений, статусов и ролей в иерархии выше/нижестоящий/равный и свой/чужой [10-13].

Согласно современным исследованиям к эмотивным формулам речевого этикета относятся высказывания, отражающие эмоции и внутреннее состояние говорящего. Поздравления органично включаются в контекст массовой коммуникации, так как выполняют эмоциональную (эмотивную) функцию, связанную *“со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных”* [14, с. 198].

Коммуникативное содержание формул поздравления обусловлено, прежде всего, коммуникативной целью, которая связана с другими функциями, выполняемыми поздравлениями – функцией воздействия и регулятивной функцией [15, с. 4, 5].

Речевые ситуации поздравления являются реакцией на нечто уже произошедшее в реальной жизни (наступил праздник, выигран конкурс и т.д.). Данные речевые действия тесно связаны с прошлым и, в то же время, направлены в будущее, отражаясь на жизненных успехах и удачах коммуникантов.

В поздравлении яркое проявление находит вежливость [16]. Официальная обстановка общения, высокий статус и роль адресата делают поздравление более вежливым.

Поздравление представляет собой высказывание, которое реализуется в ситуации непосредственного контактного общения в прагматических координатах *“я – ты – здесь – сейчас”* [15, с. 20].

Для поздравления важен эмотивный смысл, где роль играют *“чувственные конвенции”*, как их называет А. Р. Хохшильд [17, р. 573], или конвенции проявления чувств, которые, собственно, соблюдаются – в разной степени – при совершении всех экспрессивных речевых действий. Выражение радости при поздравлении – положительной эмфатической эмоции [18, S. 40] – соответствует, как правило, существующей социальной позиции ожидания, к которой привязан говорящий. Определяющим моментом при поздравлении является *“результативный характер события”* [19, с. 108]. Чтобы поздравление было

успешным необходимы *“предварительные условия и условие искренности”* [20, S. 91].

Поздравление – это вежливое речевое действие, создаваемое говорящим для трансляции симпатии и радости по поводу события, находящего позитивный отклик у адресата.

Формулы поздравления в речевой ситуации требуют ответной реакции, – благодарности, выражающей чувство признательности за сделанное добро. Отсутствие ответной благодарности на поздравление может быть расценено как проявление неуважительного и даже грубого отношения к собеседнику, и, более того, способно навредить дальнейшему процессу коммуникации.

Культура речевого взаимодействия, реализация принципа вежливости приобретает особую важность в непростых условиях современного мира, переживающего глобальные изменения в системе общечеловеческих ценностей.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель статьи состоит в анализе и описании речевого поведения студентов-лингвистов, представителей молодого поколения современного студенческого сообщества. Результаты такого анализа позволят, на наш взгляд, определить, с одной стороны, современные тенденции в функционировании и нормативном использовании речевого этикета, с другой – уровень культуры речи коммуникантов.

Для исследования специфики функционирования эмотивных формул поздравления в русском речевом поведении были привлечены студенты (около 50 человек) различных курсов (бакалавры, магистранты) факультета филологии Оренбургского государственного университета. Для выявления особенностей речевого поведения в рамках этикетной ситуации поздравления и степени сформированности этикетной компетенции было проведено *анкетирование* студентов, обучающихся по программам высшего образования по направлению подготовки *“Лингвистика”*.

Студентам было предложено указать в анкетах, какие высказывания они употребляют для того, чтобы поздравить кого-либо, например, друга, одноклассника, родственника, преподавателя в нейтральной, вежливой и официальной ситуациях общения и поблагодарить за поздравление. Дополнительных пояснений, какую ситуацию считать вежливой, нейтральной или официальной не давалось.

Полученные на основе *метода интроспекции* ответы респондентов были проанализированы и расклассифицированы по группам. В качестве примеров приведены как единично указанные, так и повторяющиеся в анкетах высказывания. Знаки препинания, использованные студентами в анкетах, не подвергались коррекции.

Также при обработке полученных данных использовались методы: *описательный, сравнительный, лингвистической интерпретации*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ситуации поздравления знакомого человека в нейтральной обстановке студенты-информанты предлагают следующие формулы речевого этикета: *“С праздником(указание на конкретный праздник)!”*, *“Поздравляю!”*, *“Поздравляю тебя...”*, *“С днем рождения!”*, *“С... поздравляю!”*, *“Рад за тебя (вас)! Поздравляю с...”*, *“Дорогой друг, поздравляю тебя...”*, *“Хэпти с (название праздника)!”*.

В ряде случаев вместо поздравления предлагаются формулы одобрения (*“Рад за тебя (вас)!”*).

Для выражения вежливой тональности предлагаются высказывания: *“С праздником(указание на конкретный праздник)!”*, *“Сердечно поздравляю Вас!”*, *“Поздравляю Вас с замечательным праздником!”*, *“Поздравляю вас...”*, *“Я хочу поздравить вас с днем рождения!”*, *“Хочу вас поздравить...”*, *“Мои поздравления!”*, *“Поздравляю Вас!”*, *“Поздравляю с... желаю...”*, *“В этот замечательный день хочу тебя (вас) поздравить...”*, *“Поздравляю с*

восхитительным днем!", "Мои поздравления!", "С (названием праздника)!", "Поздравляю!".

Для выражения поздравления в официальной обстановке общения студенты считают целесообразным использование следующих форм: "С праздником (указание на конкретный праздник)!", "Примите мои поздравления!", "Поздравляю Вас с замечательным праздником!", "Поздравляю вас...", "Разрешите поздравить Вас с днем рождения!", "Позвольте принести искренние поздравления...", "Примите мои поздравления!", "С (событие) вас", "Мы желаем вам...", "Поздравляю с...", "Поздравляю", "От всего сердца...", "Поздравляю с (название праздника)!".

Для ответа на поздравление в нейтральной тональности предлагаются следующие варианты: "Спасибо!", "Спасибо и вас!", "Большое спасибо", "Благодарю", "Мерси, спасибо", "Очень приятно", "Как мило с вашей стороны, спасибо".

Выражение более вежливой благодарности на поздравление с чем-либо в этикетной компетенции будущих лингвистов соотносится с целесообразностью употребления формул: "Спасибо!", "Благодарю!", "Спасибо, примите и от меня поздравления с...", "Большое спасибо", "Спасибо большое!", "Спасибо, благодарю", "Спасибо большое, мне приятно".

Официальность при выражении благодарности на поздравление передается вариантами: "Хочу выразить благодарность...", "Благодарю!", "Спасибо, примите и от меня поздравления с...", "Большое спасибо!", "Большое вам спасибо", "Мне очень приятно", "Мне невероятно приятно, спасибо большое!", "Спасибо за ваши искренние поздравления!", "Спасибо".

В нейтральной тональности в ситуации поздравления самыми частотными высказываниями являются формулы "Поздравляю" или "Поздравляю с...", реже используются восклицательные высказывания без глагола "поздравлять" с указанием конкретного события ("С днем Рождения!"). Иногда встречаются поздравления на английский манер ("Хэппи..."). Вполне допустимо, что данный факт объясняется тем, что информанты изучают английский язык как второй иностранный.

Выражение повышенной вежливости в этикетной компетенции студентов соотносится с употреблением "Вы" формы обращения, использованием глагола "хотеть" в первом лице единственного числа. Встречаются также наречия и прилагательные, передающие положительные эмоциональные оттенки, например, "сердечно", "восхитительный", "замечательный". Как и в нейтральной тональности, самой употребительной конструкцией являются высказывания с глаголом "поздравлять". Иногда используются именные структуры "Мои поздравления!".

Официальность в этикетной компетенции современной молодежи соотносится с употреблением "Вы" форм обращения, глагола "принимать" в повелительном наклонении во втором лице единственного числа. Также используются эмоциональные лексемы и словосочетания: "от всего сердца", "искренне", "замечательный". Помимо перечисленных форм предлагаются конструкции с глаголами "позволять" и "разрешать", направленными на передачу официальности и вежливости одновременно. Наиболее частотной является в данной тональности формула "Примите мои поздравления!" и все высказывания, включающие доминантную лексему "поздравлять".

Во всех типах тональности может быть использована нейтральная формула "Поздравляю".

При ответе на поздравление самой частотной является формула "Спасибо". Однако, стоит отметить, что даже для нейтральной ситуации возможно использование нескольких вариантов благодарности: "Спасибо и вас", "Большое спасибо", "Благодарю", "Мерси", "Очень приятно", "Как мило с вашей стороны".

В вежливой тональности приблизительно с оди-

наковой частотностью используются формулы: "Спасибо", "Спасибо большое", "Большое спасибо".

При выражении благодарности на поздравление в официальной тональности, кроме самых нейтральных и однословных вариантов как "Спасибо", даются также многословные высказывания как "Спасибо за ваши искренние поздравления!", "Хочу выразить благодарность..." и другие.

Для всех трех типов тональности для выражения благодарности в ответ на поздравление приемлемы формулы "Спасибо", "Благодарю", "Большое спасибо".

ВЫВОДЫ

Ситуация "Поздравление" в русском языке не так частотна, как, например, в других европейских языках (немецкий, французский, английский и др.) и, соответственно, в ней не происходит полной автоматизации речевого навыка и десемантизации используемых формул речевого этикета.

Итак, в этикетной компетенции студентов-филологов присутствуют различные варианты формул речевого этикета из тематической группы "Поздравление", предназначенные для передачи нейтральной, вежливой и официальной тональностей общения. Разнообразие этикетных формул свидетельствует о достаточно высоком уровне этикетной и коммуникативной компетенции студентов, их общей культуре, культуре поведения.

В коммуникативной компетенции современного молодого поколения, представленного в исследовании студентами-лингвистами, официальность, как и вежливость, на вербальном уровне соотносится с определенной сложностью используемых формул благодарности, их лексической и грамматической наполненностью. В то же время благодарность на поздравление в нейтральной ситуации общения в большинстве случаев выражается максимально простыми высказываниями.

Согласно полученным в ходе исследования данным, можно заключить, что современные студенты-лингвисты способны реализовывать принцип вежливости в ситуации поздравления. Установлено, что информанты владеют навыками использования эмотивных высказываний в соответствии с содержанием, обстановкой и целью высказывания. Студенты-информанты варьируют языковые средства в зависимости от предлагаемой тональности общения (нейтральной, вежливой, официальной), и, следовательно, владеют современными речевыми нормами. Вариативность используемых студентами средств русского языка свидетельствует об их речевой культуре.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенное исследование, подтвердившее многоаспектный характер рассматриваемого явления, свидетельствует о необходимости его дальнейшего изучения. Исследование речевого поведения студентов-лингвистов возможно на материале других тематических групп речевого этикета с учетом различных ситуативных переменных.

Кроме того, представляется целесообразным изучение речевого поведения не только студентов-лингвистов, но и других гуманитарных направлений, а также студентов технических и естественных специальностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хомутова Т.Н., Шабан А.К., Фаткуллин Б.Г. Лингвистические средства выражения вежливости в деловом письме-просьбе: контрастивное исследование (на материале английского, арабского и русского языков) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. Т. 16. С. 27-35.
2. Шабан А.К., Хомутова Т.Н. Письмо-просьба как жанр русскоязычного делового дискурса // Вестник Курганского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 105-110.
3. Подгорный Д.С. Речевые формулы вежливости в русском и английском языках: понятие, виды, коммуникативная роль (на примере анализа формул обращения и просьбы) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-4. С. 756-759.
4. Газизов, Р. А. Коммуникативные стратегии вежливости в немецкой лингвокультуре (на материале электронных писем) // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. №

3 (28). Т. 8. С. 59-68.

5. Руднева Е.А. Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 215-242.

6. Путилина Л.В. Национально-культурный аспект речевого этикета // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург: ОГУ, 2018. С. 2277-2280.

7. Agarkova O.A., Putilina L.V., Melnikova E.A. Functional aspect of speech etiquette in runet // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. PhR 2019 Philological Readings. P. 501-506.

8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 2007. 576 с.

9. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 158 с.

10. Пахомова И.Н., Иванова А.С., Коломиец В.А., Сипунова И.В. Пожелание и поздравление в речевом этикете (на материале СМИ и интернет-коммуникации) // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11 (65). Ч. 2 С. 32-35.

11. Хисамова Г.Г., Латыпова Л.М. Этикетные речевые жанры в аспекте межкультурной коммуникации (на материале русского и башкирского языков) // Филология и искусствоведение. Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. №2. С. 360-364.

12. Абрамова Е.К., Агаркова О.А. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: лингвистический анализ // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 344-360.

13. Абрамова Е.К., Агаркова О.А. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: особенности композиции и содержание // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 351-354.

14. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей. 1975. М., С. 198.

15. Вдовина Е. В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. дисс. ... к. филол. н. 2007. М., 24 с.

16. Латыпова Л.М., Хисамова Г.Г. Поздравление и пожелание как этикетные жанры в аспекте межкультурной коммуникации // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 2015. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/903/9226> (дата обращения 10.03.2021).

17. Hochschild A. R. Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure // American Journal of Sociology. 1975. 85/3. P. 573.

18. Mees U. Was meinen wir, wenn wir von Gefühlen reden? Zur psychologischen Textur von Emotionswörtern // Sprache und Kognition. 1985. 4/1. S. 34-48.

19. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.

20. Searle J. R. Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie. Frankfurt, 1982. 168 S.

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 80

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0075

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ТРЭВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 8728-9478

AuthorID: 680842

ORCID: 0000-0002-3872-1351

РУБЦОВА Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)

SPIN: 7224-4927

AuthorID: 462174

ORCID: 0000-0003-4711-8615

ДЕВДАРИАНИ Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)

Аннотация. Данная статья представляет результаты исследования, направленного на комплексный анализ популярного, но малоизученного направления трэвел-журналистики. Методологическая основа работы подкрепляется представлением о познавательной функции средств массовой информации, основанной, в том числе, на популяризации знаний о других странах и культурах. Развитие современного направления трэвел-журналистики связано с процессами конвергенции СМИ и популяризацией телевизионного инфотейнмента, сочетающего в себе информационный пласт и рекреативную составляющую. Рассмотрение специфики направления трэвел-журналистики позволило обобщить опыт исследователей в области жанрово-тематических и типологических особенностей прессы и телевизионных программ о путешествиях. Среди наиболее популярных жанровых модификаций трэвел-направленности нами выделены документальные циклы, путевые очерки, репортажи, различные формы реалити. Основываясь на собственном аудиторном опыте, а также современных исследованиях, авторы выделяют: трэвел-передачи на выживание, просветительские программы, юмористические программы, трэвел-программы о животных, телевизионные трэвел-сериалы, документальные циклы, кулинарные путешествия, шоу-проверки, специализированные программы о хобби. Актуальность исследования, результаты которого представлены в данной статье, связана с востребованностью направления трэвел-журналистики в современном масс-медийном пространстве и одновременно с недостаточной изученностью её типологических моделей, роли ведущего в различных трэвел-жанрах, функциональных различиях трэвел-журналистики и смежных с нею явлений.

Ключевые слова: трэвел-журналистики, трэвел-издания, трэвел-передачи, масс-медийное пространство, журналист, типологическая модель, медиатексты, жанр, феномен, телевизионные шоу, блогер, интегративно-коммуникационная функция.

TRAVEL JOURNALISM IN THE MODERN THEORY OF MASS COMMUNICATIONS

© The Author(s) 2021

RUBTSOVA Elena Viktorovna, candidate of philological sciences, associated professor of the
«Russian Language and Speech Culture» Department
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)

DEVDAIRANI Natalia Valerievna, candidate of philosophical sciences, associated professor of the
«Russian Language and Speech Culture» Department
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)

Abstract. This article presents the results of a study aimed at a comprehensive analysis of the popular, but little-studied direction of travel journalism. The methodological basis of the work is supported by the idea of the cognitive function of the media, based, inter alia, on the popularization of knowledge about other countries and cultures. The development of the modern direction of travel journalism is associated with the processes of media convergence and the popularization of television infotainment, which combines the information layer and the recreational component. Consideration of the specifics of the direction of travel journalism made it possible to summarize the experience of researchers in the field of genre-thematic and typological features of the press and television programs about travel. Among the most popular genre modifications of travel direction, we have singled out documentary cycles, travel sketches, reports, various forms of reality. Based on their own classroom experiences, as well as modern research, the authors distinguish: travel programs for survival, educational programs, humorous programs, travel programs about animals, television travel series, documentary cycles, culinary travels, show tests, specialized programs about hobby. The relevance of the study, the results of which are presented in this article, is associated with the demand for the direction of travel journalism in the modern mass media space and, at the same time, with insufficient knowledge of its typological models, the role of the presenter in various travel genres, functional differences of travel journalism and related phenomena.

Keywords: travel journalism, travel publications, travel programs, mass media space, journalist, typological model, media texts, genre, phenomenon, television shows, blogger, and integrative communication function.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В последние годы развитие индустрии туризма является общемировой тенденцией, а интерес к данной отрасли связан не только с темпами её динамичного развития, но и с особенностями глобального влияния практически на все ключевые секторы экономики. Отдельным направ-

лением современного российского медиа-пространства выступает трэвел-журналистика, являющаяся особой информационной системой и занимающая в нем определенное место.

Деятельность журналистов, освещающих особенности культуры и традиции других стран, ориентирована на удовлетворение социально-культурных, рекреативных, познавательных, в том числе туристских потреб-

ностей аудитории. Первоначально журналистика путешествий затрагивала информационный и художественно-публицистический пласт печатных публикаций, но со временем расширила типологические и жанровые границы, коснувшись не только количественного, но и содержательного плана. Меняются функции самого трэвел-направления, в условиях глобальной конкуренции серьезней становятся требования к роли публициста или ведущего программы о путешествиях, усиливается рекламная составляющая материалов.

Трэвел-журналистика на телевидении представляет собой контаминацию различных жанров, сочетая в себе документальность кино, репортажность, образовательный пласт шоу-продукта и очерковость. Однако преобладающим компонентом журналистики путешествий становится развлекательность, формирующаяся в рамках инфотеймента и рассчитанная практически на одномерное потребление аудитории. Зарубежный исследователь массовой коммуникации, немецкий философ Г. Маркузе определяет современного зрителя как пассивного объекта воздействия, для которого важно, чтобы материалы были зрелищными. Такое общество становится «одномерным» в результате действия «индустрии культуры» [1, с.12].

В связи с развитием интернета трэвел-журналистика значительно увеличивает свои возможности, «расширяя границы свободы эксперимента при создании новых журналистских жанров и синтеза существующих» [2, с.12]. Возникают сетевые СМИ, посвященные теме путешествий и туризму, появляется всё больше профессиональных блогеров, ведущих съёмки из различных уголков мира не на любительском, а на профессиональном уровне.

Современные исследователи масс-медийной продукции основную проблему рассматриваемого направления сводят к тому, что, «несмотря на возрастающее значение интегративно-коммуникационной функции трэвел-журналистики в мире, одновременно наблюдается и превращение ее в рыночно-ориентированное направление» [3, с. 347]; представляя собой баланс рекламного и шоу-продукта, трэвел-журналистика зачастую смещает акценты в сторону рекламы.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. С целью определения понятий, подчеркнем, что в определении «трэвел-журналистика», мы придерживаемся дефиниции Я. Борма, считающего, что все тексты, главной темой которых является путешествие, принадлежат к направлению «трэвел» [4, с.13].

Анализ трудов зарубежных и отечественных исследователей, касающиеся как жанровых и типологических особенностей современных медиа представлен в следующих работах: А.А. Тертычного «Жанры периодической печати» [5], Г.В. Кузнецова, В.Л. Цвик, А.Я. Юровского «Телевизионная журналистика» [6], Я.Н. Засурского «Система средств массовой информации России: Учебное пособие для вузов» [7], так и непосредственно изучения форматов, типологических особенностей и жанровой специфики направления трэвел: И.В. Показаньевой «Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиасредства» [8], Н.В. Кривцова «Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы» [3], С.Ю. Лучинской «Журналы-травелоги в условиях глобализации масс-медиа» [9], Л.А. Троценко «Типологические и формально-содержательные особенности программ о путешествиях на российском телевидении» [10], Т.Ю. Редькиной «Трэвел-медиа-текст: способы и приёмы речепорождения» [11] и других позволил авторам статьи обобщить результаты исследователей в определении понятия «трэвел-журналистика» с целью выявления его особенностей среди других жанров современного

медиа. В представленном исследовании мы придерживаемся мнения исследователя Показаньевой, считающей, что «трэвел-райтер... принадлежит более литературе, нежели журналистике», исходя из схожести жанрово-тематических и типологических особенностей законов художественной литературы и журналистики [8].

Актуальность исследования, результаты которого представлены в данной статье, связана с востребованностью направления трэвел-журналистики в современном масс-медийном пространстве и одновременно с недостаточной изученностью её типологических моделей, роли ведущего в различных трэвел-жанрах, функциональных различиях трэвел-журналистики и смежных с нею явлений.

Практическое значение результатов исследования, представленных в данной статье, определяется тем, что проведенный анализ специфики направления трэвел-журналистики позволило обобщить опыт исследователей в области жанрово-тематических и типологических особенностей прессы и телевизионных программ о путешествиях. Систематизация различных типологических форм трэвел-программ, позволила выделить наиболее удачные в содержательном и коммерческом плане проекты. Практическая значимость исследования позволяет использовать ее результаты в подготовке и повышении уровня знаний журналистов, занимающихся направлением трэвел, а также в ходе изучения курсов «Основы теории журналистики», «Жанры ТВ и РВ», «Система СМИ», «Теория и практика массовых коммуникаций», «Система СМК», «Интернет-журналистика», «Жанры периодической печати», «Имидж телеведущего». Результаты представленного исследования могут использоваться в дальнейшей разработке теоретических проблем трэвел – журналистики, роли ведущего в различных трэвел-жанрах, функциональных различиях данного жанра и смежных с ним явлений.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Цель исследования – комплексное рассмотрение популярного у большей части аудитории медийного направления трэвел (журналистики путешествий), функционирующего в различных форматах и имеющего различные типологические особенности, систематизация различных типологических форм трэвел-программ; изучение роли ведущего в различных трэвел-жанрах, функциональных различий трэвел-журналистики и смежных с нею явлений.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Методология исследования базируется на функциональном анализе СМИ как важного средства популяризации знаний о других странах и народах, их роли в межнациональном общении.

Основными методами исследования явились анализ и систематизация научной литературы по рассматриваемой проблематике, методики системно-типологического и жанрово-тематического описания, метод выборки программ и публикаций исследуемого направления, метод наблюдения, методы дедукции и индукции, сравнительный метод. С целью разграничения понятий, связанных с выделением особого жанра журналистского текста – трэвел, возникла необходимость использования контент-анализа с целью выявления стилистических, семантических и синтаксических особенностей.

Рассмотрение различных аспектов журналистики путешествий также обусловлено необходимостью анализа качественных материалов трэвел-направления и коммерчески востребованных форм инфотеймента, которые (в ситуации жесткой конкуренции и в соответствии с постоянно меняющимися требованиями к программам различных форматов и запросами аудитории) нуждаются в грамотном синтезе.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Предметом исследования, представленного в данной

статье, является специфика отечественного направления трэвел-журналистики. Объектом исследования послужили журналы, телевизионные программы, сетевые порталы и блогерские проекты о путешествиях, рассмотренные (помимо исторических справок об отдельных СМИ) в период начала XXI века.

Развитие современного направления трэвел-журналистики связано с процессами конвергенции СМИ и популяризацией телевизионного инфотейнмента, сочетающего в себе информационный пласт и рекреативную составляющую. Возросший интерес к исследуемому направлению также объясняется популярностью туристических услуг практически во всех развитых странах мира.

В современных исследованиях практически нет расхождений в определении самого понятия трэвел-журналистики и уместности его использования при анализе российского масс-медийного продукта [12-17]. Приоритетными целями журналистики путешествий являются: информирование о неизвестных аудитории научных, исторических, географических, искусствоведческих фактах, создание и поддержание кросс-культурных связей, формирование адекватного имиджа страны, являющейся объектом трэвел-материала, предоставление рекламно-справочного материала для туристов, формирование позитивного взгляда аудитории на любые виды активного отдыха и т.д.

В рамках сформировавшихся аудиторных интересов приоритетными темами для материалов трэвел-направленности становятся популярные маршруты путешествий, трэвел-фотографии, вопросы, касающиеся передвижения по городу (например, удобный и недорогой проезд от аэропорта до центра), вопросы безопасности, средний уровень цен в стране, специфика национальной кухни, средняя стоимость в продуктовых магазинах и местах общепита, культурные памятники и объекты, этические аспекты, связанные с пребыванием в той или иной стране, визуальные вопросы, климатические условия, особенности сувенирной продукции, флора и фауна тех или иных регионов и т.д. Travel-тексты и программы путешествий описывают социокультурные и национальные отличия, предлагают и поддерживают готовые этноконструкты.

Медиатексты трэвел-направленности включают в себя информационно-познавательный пласт, связанный с созданием образа той или иной страны (по большей части сюда относятся материалы с положительной коннотацией); информационно-популяризирующий пласт, который связан не с созданием полной картины жизнеописания этноса, а с возможностью вызвать у аудитории желание поехать в определённую страну и поближе узнать о её обычаях и культуре; информационно-рекламный пласт связан не только с побуждением поехать в ту или иную страну, но и создать у читателя или зрителя иллюзию, что он может и должен это сделать.

Телевизионные шоу путешествий синтезируют особенности различных жанров, однако, как правило, доминирующим оказывается какой-то единичный. Особое значение в рамках программы трэвел-направленности приобретает имидж ведущего. Большинство исследователей относит речевое поведение ведущих в различных travel-программах к так называемой речи нежесткого типа, где синтезируются черты научного, публицистического, разговорного стилей и стилистические приметы рекламы. Поэтому, говоря о речи в travel-программах, мы имеем дело со стилистическим феноменом. При этом, сформированное стилистикой инфотейнмента, речевое поведение ведущих программ о путешествиях является проблемным полем современной журналистики: «...речь многих ведущих развлекательных...программ построена лексически неправильно, загрязнена словами-паразитами, словом, налицо все признаки ухудшения уровня речевой культуры самих трансляторов речи, что способствует расцвету всеобщего процесса конверген-

ции языковой культуры современного телевидения» [18, с.321].

С развитием интернета трэвел-журналистика значительно расширила свои возможности и привлекла новую аудиторию. Большая часть научно-популярных и массовых изданий интернета имеют свои сетевые аналоги, распространение (хоть и не глобальное) получили собственно сетевые издания и порталы о путешествиях. Огромное распространение получили нишевые трэвел-блоги, сосредотачивающие своё внимание на жизни определённого региона планеты, рассказывающие о различных способах передвижения (например, блогер Кондрашов достаточно часто «тестирует» лоукостеры), тематически относящиеся к сферам экстремального туризма, недорогого отдыха, кулинарным или миссионерским путешествиям и т.д. С одной стороны, развитие трэвел-направления в сети открывает новые возможности для информирования аудитории, обращение к ранее неизвестным или плохо раскрытым темам, с другой стороны, данная тенденция «означает риск потери объективного и неангажированного взгляда и, соответственно, беспристрастности при описании увиденного» [3, с. 359].

В топ популярных блогеров-путешественников входят Александр Кондрашов, начавший с видео о подводной рыбалке, а к настоящему моменту показавший пользователям ютуба более 30 стран мира, Касё Гасанов, повествующий о своей жизни в Китае, Виталик и Лиза, вещающие на канале «Своим ходом» и зачастую использующие масштабные панорамные съёмки квадрокоптером, Марк, выпускающий качественный контент под ником Activer, Джон и Ева – пара канадца и россиянки, с 2015 года показывающие видео о своём затяжном кругосветном путешествии, Максим Заселян, демонстрирующий записи нестандартных путешествий и активного отдыха. При этом можно констатировать факт, что многие рекламодатели сделали из блогов-путешествий в сети площадки для продвижения своего продукта.

Журналистика путешествий является одним из самых востребованных направлений, привлекающим внимание многомиллионной аудитории туристов. Однако в рамках университетских программ по журналистике акцент на трэвел в системе массовых коммуникаций делается крайне редко. И в России, и в западных странах по большей части функционируют дистанционные школы трэвел-журналистики, представляющие сомнительные курсы от блогеров-путешественников.

Несмотря на то, что долгое время большинство исследователей массовой коммуникации серьёзно не относились к исследуемой журналистике путешествий, именно это направление связано с вопросами культурно-национальной самоидентификации, преобразованием информационных потоков, движением от серьёзной новостной составляющей к области софт-нюс и формированием более целостного представления о жизни других этносов. Журналистика путешествий является одним из самых зрелищных направлений журналистики, по большей части не имеющих возрастных ограничений и представляющий огромный потенциал не только для профессионального, но и для творческого самовоплощения.

Обобщая собственный аудиторный опыт и современные исследования, среди телевизионных программ мы выделяем: трэвел-передачи на выживание: «Последний герой» («Первый канал»), «Голод» («ТНТ»); просветительские программы (присутствует разделение на просветительские беседы и просветительские лекции): «Клуб путешественников»; юмористические программы на телевидении: «Бешенл Джеографик» («ТНТ»); трэвел-программы о животных (представлены «Discovery Channel»); телевизионные трэвел-сериалы: «Орёл и решка», «Пацанки за границей» («Пятница»), «Шнур вокруг света» (канал «НТВ») и документальные циклы: «Одноэтажная Америка», «Тур де Франс» («Первые канал»); кулинарные путешествия: «Еда, я люблю тебя»

(«Пятница»), шоу-проверки: «Ревизорро», «Магазино» («Пятница»), специализированные программы о хобби (телеканал «Охота и рыбалка»). Многие из приведённых типов программ поддерживают реалити-формат.

Известный российский путешественник Николай Баладинский (телеведущий программы «Их нравы»), говорит только о двух основных телевизионных форматах направления трэвел: «1. Программа-репортаж или цикл программ о той или иной стране. Пример: «Непутёвые заметки», «Путешествия натуралиста», «В поисках приключений». 2. Программа «журнального типа». Пример: «Клуб путешественников», «Вокруг света», «Их нравы» [19].

Говоря о жанровых особенностях трэвел-журналистики в периодической печати или на телевидение, специалисты не выделяют какой-то отдельной жанровой разновидности, наиболее соответствующей природе повествования о путешествиях. Чаще всего, читатель или слушатель имеет дело с контаминацией жанров, объединением нескольких жанровых форм, позволяющих журналисту создать материал, соответствующий определённому целевому назначению, формату издания или телевизионного канала и персонифицированной позиции автора. Условно, исходя из жанровых классификаций отечественных исследователей печатных и аудиовизуальных СМИ [20, 21], основные жанровые разновидности журналистики путешествий можно свести к следующим:

1. Документальным фильмам-путешествиям (документальным циклам). Это фильмы-путешествия по России и её отдельным регионам (например, «Хребет России», 2009), фильмы-путешествия о зарубежных странах («Новая Зеландия 3D: Забытый рай», 2013), фильмы о культурных объектах и памятниках («Закрытый мир Ватикана»), фильмы о путешествиях во времени («Путешествие во времени», 2017).

2. Фильму-травелогу – жанру фильма-путешествия, возникшему в 1910-е годы. «Акцент в травелого делается на местах и встречах, пережитых самим автором и отнесенные им к разряду достойных для изображения в фильме. Травелог запечатлевает путешествие глазами путешественника-автора» [22, с. 101].

3. Путевому очерку – объёмному жанру художественной публицистики, в котором может сочетаться описательный (встреча с людьми, рассказ о событиях и происшествиях) и проблемный пласт (на таком принципе зачастую были построены очерки В.М. Пескова).

4. Путевым заметкам – жанру, которые некоторые исследователи жанровой специфики СМИ считают младшим братом очерка. Вся трэвел-журналистика, по мнению известного блогера-путешественника Григория Кубатяна, – это «гибрид путевых заметок и популярного страноведения» [23]. Однако здесь нет столь глубокого аналитического материала, как в очерковом произведении, информация подаётся более мозаично, зачастую не подчиняясь одной теме. Подобная форма заметки распространяется и на телевизионный трэвел-продукт, где программные элементы чаще всего не связываются частной темой (искусство, экология, нравы и обычаи, памятники архитектуры и т.п.), а мозаично, в зависимости от авторского взгляда и в связи с субъективными представлениями о зрелищности, скрепляют разноплановую информацию об отдельной стране.

5. Репортажу – жанру, который является информационным по природе, но использует большое количество художественно-изобразительных средств, создаёт эффект присутствия и содержит персонифицированные авторские характеристики происходящего.

6. Аналитической корреспонденции – жанру, который содержит краткий, но зачастую зрелищный пересказ о каком-либо событии (например, фестиваль Октоберфест в Германии можно показать с помощью репортажа или с помощью аналитической корреспонденции).

7. Аналитическим рекомендациям и советам для

путешественников, которые, попадая в чужую страну, должны знать о её обычаях и порядках (отдельно исследователи выделяют форму дружеской рекомендации, востребованной на рынке отечественной и зарубежной трэвел-журналистики).

8. Обзорным – жанру, к которому обращаются и журналисты печатных изданий, и телевизионные ведущие, и трэвел-блогеры. С помощью обзора объединяются тематически близкие материалы или материалы с общей пространственно-временной организацией, что даёт возможность разделить информацию на несколько номеров или выпусков, распределить информацию по блокам в рамках одного номера или выпуска, осветить несколько событий одновременно.

9. Различным модификациям шоу-продукта. Сюда мы можем отнести как привычные для российской аудитории формы реалити-шоу, телевикторин или аналитических телемостов с представителями других культур, так и специфические жанровые формы, ещё не дошедшие до наших соотечественников, например, существующие в Японии шоу-варьете (гибрид документального трэвел-фильма, обучающей программы-инструкции и телевикторины) и викторины-варьете.

Существует околожанровая классификация (по преимуществу телевизионных программ) Джона Гринмана, выделяющего: 1. «Новостные» трэвел-тексты», основой которых является информация о путешествиях или расследования, тематически связанные с путешествиями и туризмом; 2. «Тексты – инструкции» представляют собой журналистику рекреативного толка и появляются в лёгких «досуговых» программах; 3. «Дестинационные трэвел-тексты» повествуют о местах, где собственно и происходят путешествия, а окружающая среда превращается в субъект повествования; 4. «Приключенческие» тексты содержат определенную хронологию, некую композицию, сюжет, но основаны на приключенческом формате» [Цит. по: 24].

Тематически материалы исследуемого направления чаще всего можно разделить по аудиторному принципу, который, по определению Я.Н. Засурского, является самым важным «системным фактором трансформации СМИ» [7]. Равно как и другие типы массовых общероссийских и специализированных изданий (программ), трэвел-журналистика подчиняется гендерному делению. Для основной части медийных продуктов о путешествиях такое деление весьма условно (например, телеканал «Пятница» представляет универсальный контент для женщин и мужчин). Однако некоторые типы изданий или частные публикации во многих случаях будут востребованы мужчинами (например, журнал «Охота и рыбалка» или очерки о скандинавской охоте), а другие – женщинами (например, журнал «Спа. Лучшие отели и курорты»). Ещё одним критерием тематического деления материалов направления трэвел могут быть интересы, специфические или востребованные хобби аудитории и самого автора материала о путешествиях (например, разделение материалов о коллекционерах, любителях клубной жизни в разных городах мира, поклонниках экстремального туризма и т.д.). Многие трэвел-материалы ориентируются на возрастные особенности и семейный статус представителей аудитории. За основу берутся такие показатели как особенности семейного быта в разных странах, журналистский опыт семейного отдыха, ориентация на пожилых людей или семьи с детьми (так, семьям с детьми будет интереснее просматривать публикации или тематические программы о парках-развлечениях «Порт Аventura» в Испании или «Диснейленд» во Франции). В отдельную группу выделяются детские издания, посвящённые туризму (самый яркий печатный пример данной типологической группы – детский журнал о путешествиях «Пашка»). Отдельный тематический пласт составляют бизнес-программы и публикации, представляющие информацию, ориентированную на деловых людей (как правило, это материалы в сфере здравоохранения).

нения, экономики, делового туризма, архитектуры и др.). Последняя тематическая разновидность трэвел-журналистики выполняет социально-ориентированную функцию и направлена на разрешение серьезных страноведческих проблем. Это материалы, касающиеся вопросов волонтерства, экологической безопасности, разрешения международных конфликтов, особенностей визового режима в тех или иных странах и т.д.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Современные исследователи масс-медийной продукции неоднозначно относятся к самому определению трэвел-журналистики, и к её содержательному наполнению, и к существующим на сегодняшний день трэвел-форматам. В плане исследовательских практик журналистика путешествий является относительно молодым направлением, активное изучение которого началось лишь в последнее десятилетие XXI века. Развитие новых форматов и разветвление типологии трэвел на современном этапе связано с процессами глобализации, дигитализации (перехода на цифровой формат), конвергенции (основанной на взаимовлиянии, синтезе и взаимном уподоблении масс-медиа) и медийной конгломерации.

Споры в отношении направления трэвел-журналистики всё чаще рождают её направленность на аудиторию и концептуальное поле, связанное со стереотипизацией представлений о другом этносе посредством создания бинарной оппозиции мы/они, которая, по мнению одних исследователей, уже заложена в идею большинства трэвел-проектов, а, по мнению других, напротив, развенчивается посредством программ и публикаций трэвел-направленности.

Вопрос о терминологии, связанного с понятием «трэвел» детально изучен профессором французского университета Яном Борм. Здесь мы согласны с мнением ученого, что стоит разграничивать понятия, пришедшие к нам из английского travel journalism travel writing [25]. И.В. Показаньева считает, что термин travel writing «принадлежит более литературе, нежели журналистике», по ее мнению, трэвел-журналист может работать как на телевидении, так и в печати, т.е. данные термины являются для исследователя синонимами [8].

Согласимся с мнением Эндрю Даффи, что на сегодняшний день трэвел-журналистика, являясь актуальным направлением журналистики, снижает свой уровень научности в связи популяризацией современных блоггеров, которые подменяют глубокий анализ явлений своими личными субъективными наблюдениями, в связи с чем актуализируется задача обучения основам данной специальности [26].

Обобщенный опыт практического преподавания спецкурса в МГУ по данному направлению нашел свое отражение в исследовании Н.В. Кривцова «Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблема», которое, на наш взгляд, носит объективный характер: «Поднимая вопросы определения места этого направления в системе СМИ и прослеживания его истории, автор основное внимание уделяет сегодняшним проблемам трэвел-журналистики в контексте актуальных вызовов глобализации». Н.В. Кривцов показывает неверность подхода к трэвел-журналистике как к «несерьезному» направлению. При этом автор отмечает, что «несмотря на возрастающее значение интегративно-коммуникативной функции трэвел-журналистики в современном мире, одновременно наблюдается и превращение ее в рыночно-ориентированное направление» [3].

Методики системно-типологического и жанрово-тематического описания позволяют представить не только общий объем понятия трэвел-журналистики, но и выявить его концептуальные характеристики и разновидности на примере наиболее выигранных в содержательном плане и коммерчески успешных проектов российского телевидения, печати и сети интернет.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Рассмотрение специфики направления трэвел-журналистики, её истории становления и развития, позволило обобщить опыт исследователей в области жанрово-тематических и типологических особенностей прессы и телевизионных программ о путешествиях. Среди наиболее популярных жанровых модификаций трэвел-направленности нами выделены документальные циклы, путевые очерки, репортажи, различные формы реалити. Необходимо отметить, что в рамках одной телевизионной программы или газетной публикации не существует отдельно взятого жанра путешествий, аудитория сталкивается с синтезом различных жанровых форм (текстовых и иллюстративных).

Обобщая собственный аудиторный опыт и современные исследования, мы разграничиваем: трэвел-передачи на выживание, просветительские программы, юмористические программы, трэвел-программы о животных, телевизионные трэвел-сериалы, документальные циклы, кулинарные путешествия, шоу-проверки, специализированные программы о хобби.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Таким образом, трэвел-журналистика предлагает широкий типологический спектр печатной и аудиовизуальной продукции, имеющей разное содержательное наполнение и функциональное назначение. В современной теории массовых коммуникаций трэвел является относительно молодым направлением, поэтому со временем его типологические и жанрово-тематические границы, безусловно, будут расширяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маркузе Г. *Одномерный человек*. М.: REFL-book, 1998. 368с.
2. Маклюэн М. *Понимание Медиа: внешние расширения человека* / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
3. Кривцов Н.В. *Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы* // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2017. Т.6. № 3. С. 347-365.
4. Borm J. *Defining Travel: On the travel book, travel writing and terminology* / Jan Borm // *Perspectives on Travel Writing* / ed. by Glenn Hooper, Tim Youngs. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 13–26.
5. Тертычный А.А. *Жанры периодической печати*. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
6. Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.А. *Телевизионная журналистика*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.– 366 с.
7. Засурский Я.Н. *Система средств массовой информации России: Учебное пособие для вузов*. М.: Аспект Пресс, 2001. 243 с.
8. Показаньева И.В. *Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиасообщества* // *Электронный научный журнал «Медиаскоп»*. №3. 2013. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (дата обращения: 8.04.2021).
9. Лучинская С.Ю. *Журнали-трэвелог в условиях глобализации масс-медиа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Краснодар, 2009. 23 с.
10. Троценко Л.А. *Типологические и формально-содержательные особенности программ о путешествиях на российском телевидении* // *Ученые заметки ТОГУ*. Том 8. № 1. 2017. URL: http://ejournal.pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_41.pdf (дата обращения: 8.04.2021).
11. Редькина Т.Ю. *Трэвел-медиа-текст: способы и приёмы речепорождения: учеб.-метод. пособие*. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2013. 73 с.
12. Гегелова Н.С. *Трэвел-журналистика на российском телевидении* // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevel-zhurnalistika-na-rossiyskom-televidenii> (дата обращения: 9.03.2021).
13. Вихорева Л.Г. *Информационный потенциал аудитории трэвел-СМИ в Интернете* // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-potentsial-auditorii-trevel-smi-v-internete> (дата обращения: 9.03.2021).
14. Бобров А.А. *Журналистика путешествий: реальность и тенденция* // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-putestviy-realnost-i-tendentsii> (дата обращения: 8.04.2021).
15. Кажикин А.А. *Эволюция периодических изданий о туризме и путешествиях на рубеже XX–XXI веков* // *Вестник ВГУ*. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 89-91.
16. Майга А.А. *Литературный трэвелог: специфика жанра* // *Филология и культура*. 2014. № 3 (37). С. 254-263.
17. Ростовская Ю.В. *Современный журнал о путешествиях в условиях трансформации медиасистемы* // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. № 1. Тольятти, 2016. С. 165-173.

18. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной / под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

19. Баландинский Н.В. Географические проекты российского ТВ: кто есть кто и что есть что? URL: <http://www.geografia.ru/pprogr.html> (дата обращения: 8.04.2021).

20. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.

21. Ким М.Н. Жанры современной журналистики. СПб.: Изд-во Михайлова В.А. (ОАО Техническая книга). 2004. - 335 с.

22. Показаньева И.В. Погоня за экзотикой на телеэкране или трэвел-журналистика на практике // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы 52-й международной науч.-практ. конференции. 17-19 апреля 2013 г. / отв. ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 100-102.

23. Кубатьян Г. Блог «Жизнь в дороге». URL: <http://kubatyan.blogspot.ru/> (дата обращения: 8.04.2021).

24. Троценко Л.А. Типологические и формально-содержательные особенности программ о путешествиях на российском телевидении // Ученые заметки ТОГУ. Том 8. № 1. 2017. URL: http://ejournal.pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_41.pdf (дата обращения: 8.04.2021).

25. Borm J. Defining Travel: On the travel book, travel writing and terminology // Perspectives on Travel Writing / ed. by Glenn Hooper, Tim Youngs. Aldershot : Ashgate, 2004. P. 13–26.

26. Duffy A. First-person singular: teaching travel journalism in the age of TripAdvisor // Travel Journalism / ed. by F. Hanusch, E. Fürsich. New York : Palgrave Macmillan, 2014. P. 99–115.

Статья поступила в редакцию 01.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 80

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0076

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНИКИ СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА В ПРЕССЕ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 8728-9478

AuthorID: 680842

ORCID: 0000-0002-3872-1351

РУБЦОВА Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)

SPIN: 7224-4927

AuthorID: 462174

ORCID: 0000-0003-4711-8615

ДЕВДАРИАНИ Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры
«Русского языка и культуры речи»

Курский государственный медицинский университет
(305041, Россия, Курск, ул. Карла Маркса, д. 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются основные аспекты формирования критериев успешного политического лидерства и способы манипулирования массовым сознанием, связанные с мифотворчеством в отношении конструирования имиджа политика. Предметом исследования являются особенности конструирования имиджа политика и способы идеологического воздействия на аудиторию в области политической имиджологии посредством современной прессы. Авторы доказывают, что пресса владеет целым арсеналом приёмов и уловок, используемых для манипулирования политическим сознанием граждан. Несмотря на существующие исследования, анализируемые в данной статье, показывающие, что попытки печатных органов массовой информации навязать субъектам массового сознания какие-либо образы политиков не всегда воспринимаются массовым сознанием и не всегда влияют на процесс формирования образа политического лидера в сознании масс, авторы считают, что возможности в навязывании определённого политического имиджа в современной прессе весьма обширны. Отмечается, что обращение к имиджу любого политического лидера в СМИ весьма традиционно. Так, при составлении политического портрета в прессе весомая роль отводится рассмотрению биографии, внутренних качеств, привычек, манер, достоинств и промахов того или иного лидера. Публикации о политиках встречаются в самых разнообразных жанрах, начиная с обычной информационной заметки и заканчивая художественно-публицистическими формами эссе (нередко), сатирический комментарий (в настоящее время весьма востребованная форма в газете «Аргументы и факты», где журналисты комментируют высказывания политиков), фельетон, памфлет, а в оппозиционных изданиях даже инвектива. Методику работы данного исследования составили принципы изучения и анализа литературы по теме исследования, выборки материалов, сравнительного и комплексного анализа, принципы системного анализа, культурно-исторический метод, методы наблюдения и контент-анализа, индукции и дедукции.

Ключевые слова: современная пресса, органы массовой информации, художественно-публицистические формы, сатирический комментарий, фельетон, памфлет, имидж политика, идеологическое воздействие, массовое сознание, оппозиционные издания.

MANIPULATIVE TECHNIQUES FOR CREATING A POLITICAL IMAGE IN PRESS

© The Author(s) 2021

RUBTSOVA Elena Viktorovna, candidate of philological sciences, assistant professor of the
«Russian Language and Speech Culture» department
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: rubcova2@mail.ru)

DEVDARIANI Natalia Valerievna, candidate of philosophical sciences, assistant professor of the
«Russian Language and Speech Culture» department
Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx Street, 3, e-mail: devd.nata@yandex.ru)

Abstract. The article examines and analyzes the main aspects of the formation of criteria for successful political leadership and methods of manipulating the mass consciousness associated with the creation of myths in relation to the construction of the image of a politician. The subject of the research is the features of constructing the image of a politician and methods of ideological influence on the audience in the field of political imageology through the modern press. The authors argue that the press has the whole arsenal of techniques and tricks used to manipulate the political consciousness of citizens. Despite the existing studies analyzed in this article, showing that attempts by the print media to impose on the subjects of mass consciousness any images of politicians are not always perceived by the mass consciousness and do not always affect the process of forming the image of a political leader in the consciousness of the masses, the authors believe that the possibilities for imposing a certain political image in the modern press are quite extensive. It is noted that referring to the image of any political leader in the media is very traditional. So, when drawing up a political portrait in the press, a significant role is assigned to the consideration of the biography, internal qualities, habits, manners, merits and failures of one or another leader. Publications about politicians are found in a wide variety of genres, starting with the usual information note and ending with artistic and journalistic forms of essay (infrequently), satirical commentary (currently a very popular form in the newspaper *Argumenty i Fakty*, where journalists comment on the statements of politicians), feuilleton, a pamphlet, and even an invective in opposition publications. The methodology for the work of this study was the principles of studying and analyzing literature on the topic of research, sampling of materials, comparative and complex analysis, principles of systems analysis, cultural-historical method, methods of observation and content analysis, induction and deduction.

Keywords: modern press, mass media, artistic and journalistic forms, satirical commentary, feuilleton, pamphlet, image of a politician, ideological influence, mass consciousness, opposition publications.

ВВЕДЕНИЕ

Область деятельности любого политического лидера

относится к тем сферам их активности, которые изначально предполагают работу с аудиторией. Именно пу-

блика или общественность определяет карьерный рост, статус и сферы влияния политического деятеля. Его имя, концепцию, его идеи должна знать как можно большая часть народонаселения страны. Нередко работа с аудиторией для политика становится его первоочередной задачей и отодвигает на второй план коммуникацию с его непосредственными подчиненными, а также тот труд, который он обязан совершать исходя из занимаемой им должности.

Политико-идеологический (политико-мировоззренческий) портрет представляет собой результат диагностики статуса, потенциальных возможностей и политического влияния лидера как представителя (или главы) определенного политико-идеологического течения в обществе. В этом случае жизненный путь, элементы политической, служебной и деловой карьеры, контакты, публичные выступления лидера будут рассматриваться через призму его принадлежности к политической (общественной) организации или же с позиций соответствия/несоответствия определенным идеологическим постулатам. «Накопленный опыт составления политических портретов, а также типологическая оценка соответствующих материалов, опубликованных в СМИ, дают основание сделать вывод о наличии, по крайней мере, нескольких основных типов политических портретов:

- 1) политико-идеологический (политико-мировоззренческий) портрет;
- 2) политико-психологический портрет;
- 3) исторический портрет;
- 4) политическая биография» [1, с.58].

Пресса владеет целым арсеналом приёмов и уловок, используемых для манипулирования политическим сознанием граждан [2,3,4]. «Здесь все определяет уровень социальной ответственности журналиста: в какой контекст он вмонтирует факты, какими словами опишет их, что подчеркнет, о чем умолчит, как оценит» [5, с.90]. И хотя исследование О.Г. Тупикиной показало, что «попытки печатных органов массовой информации навязать субъектам массового сознания какие-либо образы политиков не всегда воспринимаются массовым сознанием и не всегда влияют на процесс формирования образа политического лидера в сознании масс» [6, с.176], мы считаем, что возможности в навязывании определённого политического имиджа в современной прессе весьма обширны.

Огромную роль в конструировании имиджа любого политика отводится манипулированию общественным сознанием аудитории, перед которой этот политик предстаёт. Средства манипулятивного воздействия могут различаться по силе воздействия и содержанию, но их объединяет одно: все они направлены на создание определенного эмоционального настроя и психологических установок у аудитории [7-13]. Мифологизация может осуществляться и посредством визуализации образа того или иного политика в СМИ. В советское время особое распространение в газетах и журналах получила обложка с вождями, иллюстрации в изданиях снабжали многочисленные рассказы и повести об отечественных политических деятелях, а одним из самых популярных иллюстративных жанров был плакат, менявший то способы тиражирования, то тематическую направленность и идейное содержание, то художественную технику.

Актуальность исследования связана с тем, что обложки советских журналов и отечественные плакаты временного периода 1930-х-1990-х гг. являлись не только важным элементом визуализации СМИ, но и отражением культурной и политической жизни общества, транслятором меняющихся социальных ценностей, показателем основных примет той или эпохи, особенностей отношения к власти и мощным идеологическим инструментом воздействия. Обложки западных изданий показывают динамику отношения к нашей стране за рубежом, демонстрацию позиции согласия/несогласия с действиями отечественных политических лидеров и представляют

собой интересный материал для изучения модификаций комического в различных иллюстративных жанрах.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью исследования является комплексный анализ специфики визуализации образов вождей на плакатах и журнальных обложках 1930-1990-х годов, что включает в себя решение следующих задач: рассмотреть специфику формирования политического имиджа; выявить основные манипулятивные техники создания имиджа политика. В качестве методологической основы исследования послужили работы Г.Г. Почепцова «Имидж и выборы. Имидж политика, партии, президента» [14], Н. Тумаркина «Ленин жив!: Культ Ленина в Советской России» [15], О.Г. Тупикиной «Образ политического лидера в сознании масс» [6], О.Ю. Никоновой «Советский патриотизм на плакате: визуализация любви к родине в 1930-х гг.» [16] и других исследователей особенностей политической имиджологии и массовых коммуникации.

Методику работы составили принципы изучения и анализа литературы по теме исследования, выборки материалов, сравнительного и комплексного анализа, принципы системного анализа, культурно-исторический метод, методы наблюдения и контент-анализа, индукции и дедукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Положительные или отрицательные представления о программе, политике и лидерах, которые политик или политическая партия создает у аудитории, – и есть политический имидж. В начале 20-го столетия впервые этот термин был использован английским политологом Грэхемом Уоллесом. Под влиянием разных социологических теоретиков массового и коллективного поведения он доказывал, что интеллект, разум избирателей подобен «замедленной фотографической пластинке», отражая совокупные прошлые долгие оценки, восприятия и позиции, чем, оперируя оптимальным подходом к политике конкурирующих партий. Понятия политического имиджа не стоит путать с понятием репутации. Имидж формируется в самом начале, а репутация уже формируется на базе имиджа и является чем-то более долгосрочным.

Население, как правило, откликаются не на человека, а на его образ. Люди воспринимают визуальный образ политического деятеля больше, чем вербальный. Имидж – это публичное представление человека, а не он сам. Аудитория реагирует, как правило, на имидж политика, на имидж – репутацию, имидж политической власти, имидж политической партии. Имидж – это средство манипуляции общественным мнением. С его помощью происходит своеобразный диалог между политическим деятелем и его аудиторией. При этом сочетаются интересы, как политика, так и интересы аудитории. Кандидат простимулирован конструированием своего образа, имиджа. Так как привлекательный, хороший типаж всегда вызывает положительное отношение у народа к политическому деятелю. Необходимо помнить главное правило, что первичная презентация имиджа должна содержать только положительную окраску в сознании аудитории. Избиратель должен соотнести свое благополучие в будущем с положительными качествами определённого кандидата.

Имидж делится:

1. Объективный - реальное впечатление о кандидате.
2. Субъективный - представление кандидата о самом себе.
3. Идеальный - максимально идеальный имидж кандидата для избирателей.
4. Моделируемый - это то, что получается из кандидата после работы с ним команды имиджмейкеров.

Образ складывается из нескольких составляющих:

1. Биография. Максимально идеальная история о кандидате.
2. Внешность. Красота, обаяние, рост, тип, вес, телосложение и т.д.
3. Манера поведения субъекта, общение, умение го-

ворить.

4. Политическая принадлежность.

5. Деловые и моральные качества. Честность, профессионализм, порядочность.

К составляющим имиджа можно отнести: надежность имиджа (такая ответственность показывает, выполнит ли кандидат свое предназначение в условиях риска); проективность образа; социально-культурная роль имиджа, которая не противоречит традициям общества; экономическая целесообразность имиджа; узнаваемость образа (ассоциируется ли определенная информация с кандидатом в сознании общественности); доверие к имиджу, вера в образ – обладание притягательной задушевностью, которая помогает домыслить какие-то детали; прагматичность, лидерство, контролируемость, организованность; выражение имиджем явных, скрытых или общих потребностей целевой аудитории; выражение интересов общественности в образе.

Для публичного политика большое значение имеет корпоративный имидж - степень престижности в сознании большинства населения образа той организации, в структуре которой данный политик проиндексирован [17, с. 6]. Так, Е. Примаков для большинства россиян ассоциируется с МИД и службой внешней разведки, С. Степашин – МВД, В. Путин - ФСБ - довольно престижными в России организациями.

Обращение к имиджу любого политического лидера в СМИ весьма традиционно. При составлении политического портрета в прессе весомая роль отводится рассмотрению биографии, внутренних качеств, привычек, манер, достоинств и промахов того или иного лидера.

Публикации о политиках встречаются в самых разнообразных жанрах, начиная с обычной информационной заметки и заканчивая художественно-публицистическими формами эссе (нередко), сатирический комментарий (в настоящее время весьма востребованная форма в газете «Аргументы и факты», где журналисты комментируют высказывания политиков), фельетон, памфлет, а в оппозиционных изданиях даже инвектива (стоит отметить, что в исследуемых нами изданиях интервью с политиком встречается не столь часто).

Основа манипуляции общественным сознанием при создании имиджа политического лидера – «отражение электоральных ожиданий» [18, с.270], основанное на результатах всевозможных социологических опросов. По предположениям американских исследователей анализ и оценка политического лидера массами происходит при использовании двух моделей: среднего человека и сверхчеловека. Первая модель оценки предполагает, что политический лидер будет пользоваться поддержкой масс. Такой кандидат воспринимается как «один из нас», простой, обычный человек, имеющий свои достоинства и недостатки. Вторая модель – сверхчеловек. Он умеет выходить за границы, которые выдвигает природа человека, с помощью специальной тренировки, силы воли и выдающихся способностей. «Идеальный политик должен быть своего рода сверхчеловеком, обладающим всеми этими качествами. И это представление находит свое отражение при оценке реальных политиков» [19, с.145]. В США технология «опора на социологические исследования» используется уже несколько десятилетий, при Б. Клинтоне и Дж. Буше, а в настоящее время ни одно их выступление, публичное заявление или решение не осуществляется без тестирования возможных реакций общественности. Б. Ельцин во время своих предвыборных кампаний становился для избирателей «как на заказ», но резко менялся сразу после выборов, в результате чего имел низкие рейтинги в периоды своего президентства. Его предвыборный имидж соответствовал типу «слуги народа», после выборов он становился «царем». Появление В.В. Путина также отразило электоральные ожидания, причем настолько точно, что некоторые исследователи сделали вывод, что данная кандидатура была специально подобрана под «социальный заказ»

[20].

В политическом дискурсе особое место занимает манипуляция, связанная с распространением образов «своего» и «чужого». Семантическое и концептуальное поле «чужих» различается в зависимости от типа издания, конструирующего эти образы (например, в либеральной или коммунистической прессе), типа аудитории, на которую ориентируется издание или определенная политическая группа, духовных и материальных ценностей, которые пропагандирует та или иная партия. Основа концептуального поля «свой» в политических публикациях (по большей части в оппозиционной прессе) представлена лексическими единицами, значение которых «разделяющий взгляды, сторонник, член партии: *«Поэтому с таким интересом они эту программу и играют — своя партия самая ценная, они это сами придумали!»* («РБК Дейли», 21.05. 2012) и терминологическими обозначениями политических сил: коммунисты, демократы, КПРФ, Яблоко, СПС, оппозиция (обычно с конкретизирующим определением), коммунистическая партия и др.: *«Наши коммунисты признают вечные ценности—совесть, справедливость, душевное спокойствие, поиски Бога, но считают, что деньги для русских не так много значат»* («Труд-7», 11.08.2011). «Основополагающим признаком концепта «чужой» для оппозиционных партий, согласно их программам, становится не идеологический, а узкопартийный признак — принадлежность к властным структурам и правящей партии («Единая Россия»)» [21, с.42]. Усиление негативного отношения к «чужим» в материалах политических изданий (особенно распространено в оппозиционных газетах) связано с такими манипулятивными приемами как (обобщим опыт нескольких исследователей):

- тактика «бездоказательное умаление авторитета», сопряженная с приемом использования имени «чужого» в ироничном контексте, наклеиванием ярлыков, «экспрессивной иррадиации», когда чужеродный объект не осмеивается прямо, а помещается в негативный контекст, ассоциативно связываясь в сознании читательской аудитории с этим контекстом, приемом намёка или журналистской оценки посредством создания выдуманного персонажа;

- сопоставительная тактика, связанная с апелляцией к прошлому негативному опыту или внедрением в текст анекдота или бытовой истории, дискредитирующей образ «чужого»;

- тактика «цитирование объекта дискредитации», когда журналист строит свой материал вокруг выхваченной из контекста фразы, которая воспринимается неоднозначно или негативно вне этого контекста;

- тактика поляризации, связанная с прямым использованием в текстах СМИ бинарной оппозиции мы/они, свой/чужие (чужеродные), где первые оцениваются как носители позитивных качеств, а вторые оцениваются крайне негативно;

- тактика оскорбления, прямого или косвенного унижения достоинства оказавшегося в системе «чужих»;

- тактика агрессивности оппонента, представляющая человека в качестве некомпетентного или неадекватного субъекта.

Моделируя образ «своего» в сознании аудитории, зачастую политики используют приём так называемого «неопределенного обращенного обозначения» [22, с. 53]. Например, В.В. Путин, выступая в день выборов на Манежной площади, обратился к своим избирателям с речью, которую демонстрировали и цитировали едва ли не все федеральные каналы.

Вполне значимая часть имиджа лидера – социальные характеристики, которые достаточно тесно связаны с требованиями реальности. С каждым разом они создаются заново и опираются на анализ сложившейся ситуации. Символические параметры представляют собой достаточно устойчивые и неизменные компоненты. Помимо того, что они связаны с идеологиями, которые

не меняются десятилетиями, так еще и с более постоянными архетипами культуры. Имеется некий постоянный набор качеств и черт, который нужно показывать политическому деятелю, чтобы общественность рассмотрела в нем настоящего лидера. Такие качества связаны с архетипом лидера. Добьется успеха в качестве публичного лидера только тот политики, который сможет воссоздать для себя такой идеальный тип.

Особенную роль в мире политики играют гендерные мифы, связанные с вопросами участия женщин в социально-политической жизни страны. «По мнению политологов, участие женщин в общественно-политической жизни страны – признак зрелости общества. Несмотря на это, в мире по-прежнему преобладает традиционное понимание политической деятельности, которое связано с такими категориями как воля, мужество, мудрость, хладнокровие и предполагает в качестве ее основных действующих лиц мужчин. Тем не менее, необходимо отметить, что за последние десятилетия доля женщин в правительственных кругах большинства стран, особенно скандинавских, заметно выросла (подтверждением служит исследование «ООН-Женщины») [23].

В некоторых странах нет предубежденности электората против женщины-политика, однако в России существует однозначный перекосяк в сторону мужского политического лидерства и стереотипизация сознания, основанием которой является недоверие к тому, что женщина может стоять у высших эшелонов власти. Исследователь О.М. Здравомыслова пишет, что российская женщина в политической сфере «...остается маргиналом, политический опыт которого ограничен сферой, в которой ей позволено принимать решение» [24].

Несмотря на то, что в обществе есть определенная предубежденность против женщин в политической сфере, они имеют свои преимущества по сравнению с мужчинами. Например:

- 1) тоньше чувствуют всевозможные нюансы взаимоотношений;
- 2) лучше контролируют свои и чужие ошибки;
- 3) умеют договариваться более успешно, задействуя интуицию и эмотивную сферу;
- 4) лучше умеют находить консенсус и компромиссы;
- 5) лучше чувствуют отношение к себе;
- 6) более деликатно разрешают конфликты на разных уровнях.

Социальный статус женщины никогда не был связан с излишней агрессивностью или способностью быстро принимать решения — напротив, в женской группе постепенно начинают лидировать самые осторожные, эмпатичные, справедливые и сложные в поведении личности.

Многие женщины-политики, стоящие у власти, активно борются с гендерным неравенством, царящим в обществе. Например, Меркель активно развенчивает гендерные мифы о женщине-политике, показывая аудитории, что не существует особой образной стилистики в политической сфере в зависимости от пола (необходимо отметить, что в Германии именно появление Меркель способствовало развенчанию многих гендерных стереотипов в политике). Такого же категоричного мнения канцлер придерживается и в отношении любых сфер общественной жизни, хоть как-то затрагивающих вопросы гендерной стереотипизации. Например, она категорично отклонила предложение министра труда Урсулу фон дер Лайен о введении с 2020 г. 30%-ной «женской квоты» в контрольных органах концернов. Тем не менее, самым любимым политиком Меркель является Екатерина Великая, портрет которой стоит на письменном столе у немецкого канцлера.

ОБСУЖДЕНИЕ

Мы проанализировали особенности советской пропаганды на примере плакатов и журнальных обложек с изображением вождей: Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева и Горбачёва. Изображение Ленина на плакатах

было строго продумано, плакаты с вождем получили широкое распространение в 30-е годы, время развития плакатного жанра. Для разработки образа ценными для авторов плакатов оказываются не только законченные известные ленинские произведения, но и незаконченные, черновики, и «вскользь брошенные фразы». На большинстве плакатов вождь изображался в полный рост, с вытянутой вперед рукой, которая олицетворяла дорогу в светлое будущее, показанную вождем.

Именно при Сталине советская пропаганда приобрела колоссальные масштабы, а создание идеологических плакатов и журнальных обложек с изображением вождя стало делом государственной важности. Сталин на фото выступал всевидящим персонафицированным оком. Объективной представляется концепция Н.Г. Щербининой в характеристике данного образа. «Сталин являлся смысловым эпицентром всех визуальных композиций: он изображался либо самодостаточно, либо в доминантном положении в отношении коллективных объектов: ударников, детей, народа в целом (изображенного с искажением перспективы «петитом»). При этом вождь визуально соотносился с вертикалью кремлевской башни, откуда и обозревался им весь советский мир, о котором он «заботился». Образ Сталина должен был вызывать (и вызывал) серьезный эмоциональный отклик и был достаточно продуман: униформа, стандартная поза, указующий перст, нестарящее мудрое лицо, особый взгляд, атрибутика (трубка, карта СССР, ручка)» [25]. Сталина называют символом «дружбы народов» — одного из главных идеологических принципов Советского союза, согласно которому должен быть сформирован единый «советский народ», пренебрегая национальной и религиозной идентичностью.

По количеству опубликованных в «Огоньке» фотографий, в том числе на обложках, Никита Сергеевич Хрущёв несколько превзошёл регулярно появляющегося в журнале И.В. Сталина. По обложкам «Огонька» можно отследить историю взаимоотношений СССР с зарубежными странами: на обложки журнала многократно выносились заграничные поездки Брежнева с дружескими визитами, а также приезды некоторых западных лидеров в СССР (Ганди, Хонеккер, Жискара д'Эстэн и др.). На плакатах Брежнев зачастую изображался достаточно добродушным и приветливым человеком. На небывальном уровне характерной чертой, использующейся в позе вождя, была поднятая вверх рука — символ приветствия. Главным концептом плакатов брежневской поры был концепт «мир»: «Мы боремся за мир и безопасность на всей земле», «Миру-мир!»

Перестройка, называемая многими «революцией надежд», поменяла отношение к иконографическому изображению вождей на обложках журналов и социально-политическом плакате. По мнению исследователей, горбачёвское время стало вехой ритуально-карнавального осмеяния ценностей прошлой жизни. Особенно активно иконография вождей высмеивала Л.И. Брежнева и создавала новый детско-наивный образ Ленина. В перестроечную эпоху начало развитие искусство карикатурного плаката с изображением ныне действующего вождя, особенно интересными выглядят карикатура Фалдиных «Браво!» с выставки плакатов «Перестройка и мы», изображающая Горбачёва за попитром с надписью «Ленин».

ВЫВОДЫ

Таким образом, в политическом дискурсе СМИ происходит манипулирование посредством героизации «персонажей» и связанных с этими персонажами событий. В материалах проявляются образы героев, которые вступают в борьбу не только с конкретными политическими противниками, «чужими», но некими грозными силами на уровне противостояния добра и зла.

Имидж — это одна из центральных категорий современных политических коммуникаций. Политический имидж лидера, как целенаправленно формируемый об-

раз политика, призванный оказать эмоционально-психологическое влияние на определенных людей или социальную общность включает три группы характеристик: персональные характеристики лидера, социальные характеристики и символическое наполнение образа. К составляющим имиджа можно отнести: надежность имиджа (такая ответственность показывает, выполнит ли кандидат свое предназначение в условиях риска); проективность образа; социально-культурная роль имиджа, которая не противоречит традициям общества; экономическая целесообразность имиджа; узнаваемость образа (ассоциируется ли определенная информация с кандидатом в сознании общественности); доверие к имиджу, вера в образ – обладание притягательной задушевностью, которая помогает домослить какие-то детали; прагматичность, лидерство, контролируемость, организованность – все это сходство имиджа критериям практического менеджмента; выражение имиджем явных, скрытых или общих потребностей целевой аудитории; выражение интересов общественности в образе. Политическая реклама делится на следующие виды: реклама имени, реклама биографии, контрастная реклама, материалы в поддержку, проблемная реклама.

В погоне за рейтингом и доверием аудитории политики используют различные способы манипулирования общественным сознанием, в основе которых - «отражение электоральных ожиданий». Одной из главных основ манипулирования является созданием архетипических образов политиков и антиномии «свой/чужой», на разных уровнях проявляющейся в СМИ и речах самих политиков. Особенную роль в мире политики играют гендерные мифы, связанные с вопросами участия женщин в социально-политической жизни страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рыскова Т.М. Политический портрет лидера: вопросы типологии // Вестник МГУ. № 3. 1997. Сер. 12. С.131-133.
2. Рубцова Е.В. Роль средств массовой информации в современном обществе // Региональный вестник. 2019. №14. С. 36-38.
3. Рубцова Е.В. Приемы языковой манипуляции в СМИ // Региональный вестник. 2019. № 5. С. 20-21.
4. Рубцова Е.В., Девдариани Н.В. Формирование общественно-го сознания средствами массовой информации (Британские СМИ о Чемпионате мира по футболу 2018 года) // Карельский научный журнал. 2019. Т.8. №3 (28). С. 72-76.
5. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Издательство: Алгоритм, 2000. 464 с.
6. Тушикина О.Г. Образ политического лидера в сознании масс. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук. М., 2003. 182 с.
7. Рубцова Е.В., Девдариани Н.В. Управление средствами массовой информации и манипулирование общественным сознанием // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6 №4. С.349-354.
8. Гуржий Д.А. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Молодой ученый. - 2015. - №12. - С. 991-993. - URL: <https://moluch.ru/archive/92/20451/> (дата обращения: 02.12.2018).
9. Харламова Т.В. Жизнь мифа в современном политическом медиадискурсе США и Великобритании // Медиалингвистика. 2016. № 4. С. 25-35.
10. Склярова Н.Г., Хачересова Л.М. Языковые средства формирования образа России зарубежными СМИ в контексте освещения мировых политических событий // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 3. С. 108-112.
11. Савельева Н.Х., Пухтовникова Ю.В. Формирование образа российского государства в британских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3. С. 56-58.
12. Зарубина Н.Е. Роль оценочной лексики в формировании образа России в западных СМИ // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 244-247.
13. Бабаева Р.Г. Средства манипулирования в публикациях англоязычных СМИ о России и президенте - В.В. Путине // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 12-3. С. 179-182.
14. Почепцов Г.Г. Имидж и выборы. Имидж политика, партии, президента. Киев: АДЕФ-Украина, 1997. 140 с.
15. Тумаркин Н. Ленин жив! : Культ Ленин в Советской России. СПб.: Акад. проект, 1997. 288 с.
16. Никонина О.Ю. Советский патриотизм на плакате: визуализация любви к родине в 1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-patriotizm-na-plakate-vizualizatsiya-lyubvi-k-rodine-v-1930-e-gg> (дата обращения: 18.12.2020).
17. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. №3. С.5-18.
18. Пушкарева Г.В. Избирательная кампания: как это делается?//

Социально-гуманитарные знания. 2000. №2. С. 270-272.

19. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. №3. С.5-18.

20. Давыборец Е.Н. Манипуляция сознанием в имидже политического лидера // Омский научный вестник. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-soznaniem-v-imidzhe-politicheskogo-lidera> (дата обращения: 21.08.2020).

21. Балашова Л.В. Реализация концептов «Свой чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С.40-46.

22. Берн Э. Игры в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб.: Изд-во «Символ-Плюс», 2004. 387 с.

23. Женщины в политике: 2012 год. URL: http://www.ipu.org/pdf/publications/wmtmap12_ru.pdf (дата обращения: 22.08.2020).

24. Зоровымылова О.М. Гендерное равенство и равноправие в контексте российского законодательства. Участие женщин в политических изменениях и перспективы гендерного равенства в России. URL: www.gender.ru/pages/resources/publications/lunjakova/2003/gender/08.php (дата обращения: 12.12.2020).

25. Н.Г. Щербинина Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. 2012. №3. С.5-13.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.111
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0077

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СПОСОБЫ СОКРАЩЕНИЙ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ЭЛЕКТРОНИКИ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 7859-2816
AuthorID: 1032279
ORCID: 0000-0003-3191-8722
ScopusID: 13606402500

СЛЕПНЕВА Марина Анатольевна, кандидат технических наук, доцент кафедры иностранных языков

Национального Исследовательского Университета

Московский Энергетический Институт

(111250, Россия, Москва, ул. Красноказарменная, д.14, e-mail: slepnevama@mpei.ru)

SPIN: 4494-1345

AuthorID: 1059538

ORCID: 0000-0002-5550-9686

ПЕТРОВА Ирина Виталиевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Национального

Исследовательского Университета

Московский Энергетический Институт

(111250, Россия, Москва, ул. Красноказарменная, д.14, e-mail: petrovaiv@mpei.ru)

Аннотация. Мировой научно-технический прогресс и связанный с этим лавинный поток информации требуют быстрого обмена знаниями, что оказывает влияние на лексическую составляющую многих языков, приводя к появлению большого количества сокращений. Сокращения появляются как на базе ранее существовавших понятий, так и вновь появившихся терминов, которые в основной массе являются многосоставными. В целом сокращения приводят к созданию вторичных единиц номинации со статусом слова. Патентная литература является одним из главных источников технической информации. Патенты славятся своим индивидуальным стилем и множеством лексических особенностей, создающих трудности при переводе. Наличие сокращений в тексте помогает сделать текст более читабельным и менее объемным. В данной статье изучаются особенности образования простых и сложных английских аббревиатур терминологической области электроники и варианты их перевода на русский язык, приводятся примеры инициальных аббревиатур и акронимов. Рассматриваются примеры омонимии на основе англоязычных патентов. Выявлено, что самым распространенным типом сокращений в текстах области электроники являются акронимы и аббревиатуры, а самыми наиболее часто используемыми – сокращения, образованные от трех и четырех составных словосочетаний.

Ключевые слова: сокращение, аббревиатура, акроним, научно-технический текст, патент, многосоставные термины, омонимия, трудности перевода, типы сокращений, терминсистема.

METHODS OF ABBREVIATION IN THE TERM SYSTEM OF ELECTRONICS

© The Author(s) 2021

SLEPNEVA Marina Anatolyevna, PhD, Associate professor of foreign languages department, National Research

University Moscow Power Engineering Institute

(111250, Russia, Moscow, Krasnokazarmennaya, 14, e-mail: slepnevama@mpei.ru)

PETROVA Irina Vitalievna, Teacher of foreign languages department, National Research University

Moscow Power Engineering Institute

(111250, Russia, Moscow, Krasnokazarmennaya, 14, e-mail: petrovaiv@mpei.ru)

Abstract. Global scientific and technological progress and the associated avalanche flow of information require a rapid exchange of knowledge, which affects the lexical component of many languages, leading to the appearance of a large number of abbreviations. Abbreviations appear both on the basis of pre-existing concepts and newly appeared terms, which are mostly multi-component. In general, abbreviations lead to the creation of secondary nomination units with the status of a word. Patent literature is one of the main sources of technical information. Patents are famous for their individual style and many lexical features that lead to translation difficulties. The presence of abbreviations in the text helps to make it more readable and less voluminous. This article researches the features of the formation of simple and complex English abbreviations of the terminological field of electronics and their translation into Russian, provides examples of initial abbreviations and acronyms. Examples of homonymy based on English-language patents are considered. It is revealed that the most common type of abbreviations in the texts of the field of electronics are acronyms and abbreviations, and the most frequently used are abbreviations formed from three and four-part phrases.

Keywords: abbreviation, acronym, scientific and technical text, patent, multi-compound terms, homonymy, translation difficulties, types of abbreviations, term system.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Увеличение количества аббревиатур во всех мировых языках, прежде всего европейских, являющихся общепризнанными языками разных областей науки и техники, является закономерным и неизбежным процессом. Задача ученых состоит в том, чтобы передать информацию максимально быстрым и сжатым образом, причем изложение данной информации должно быть понятно специалистам этой области знаний, таким образом сокращения должны служить мировое признание. Использование аббревиатур вместо громоздких многокомпонентных терминов является хорошим выходом. Это значительным образом сокращает текст и облегчает его прочтение, делая лаконичным. Однако, есть мнение, что, не смотря на очевид-

ные преимущества, экономию текстового пространства нельзя считать основной причиной возникновения сокращений, так как аббревиация позволяет в первую очередь создать цельноформленное слово там, где ранее было лишь описание понятия [1]. Наличие достаточного количества сокращений является неотъемлемой характеристикой научно-технических текстов [2]. А сам факт возникновения аббревиатур, их закрепление в языковой системе, возникающие трудности при переводе – всё это дает почву для их исследования лингвистами как со стороны стилистических и структурных вопросов [3], так и в когнитивно-дискурсивном аспекте [4, 5].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Аббревиатуры – отдельная область терминосистемы. Прежде чем приступать к рассмотрению статистических примеров и обсуждению результатов, обратимся к самому вопросу о сокращениях, так как в дальнейшем это поможет нам разделить все сокращения на соответствующие группы. Изначально материал для исследования брался в английском варианте, соответственно, правила классификации аббревиатур тоже возьмем из английских источников. Согласно ресурсу [6] выделяются четыре типа сокращений в английском языке:

1. Initialism (инициальная аббревиатура)
2. Acronym (акроним)
3. Shortening (сокращенное слово)
4. Contraction (стяжение)

К инициальной аббревиатуре относят слова, образованные из заглавных букв словосочетаний, причем в прочтении эти буквы читаются по отдельности, не образуя единого слова (например, *FBI*, *MPEI*). Акронимы аналогичны по образованию аббревиатурам, отличаясь тем, что в прочтении произносятся как единое слово (например, *NATO*). Сокращенное слово – это часть слова с опущением начала или конца (например, *add*, *flu*, *adv*). К стяжениям относят слова, в которых пропущена часть слова в середине (например, *Dr*, *Mr*). Точки в конце ставятся только у сокращенных слов, если слово начинается с заглавной буквы, в остальных случаях точки не ставятся.

Ссылаясь на авторов статей, изучавших данную тему [2, 7 – 10], следует отметить, что по укрупненным группам классификацию сокращений в английском и русском языках можно считать схожей и она соответствует выше приведенным разделам. Автор книги [11] аналогичным образом выделяет три области: буквенные сокращения; слоговые сокращения; усеченные слова.

Согласно результатам работ многих исследователей, занимавшихся изучением разного рода сокращений, аббревиацию можно рассматривать как ещё один способ словообразования [1, 5, 12], появившийся в результате быстрого научно-технического прогресса, хотя в некоторых работах данный факт не принимается [7].

Обоснование актуальности исследования.

Одним из самых актуальных источников информации о научно-техническом прогрессе, наряду со статьями, являются патенты. Язык патентов имеет свои стилистические особенности [13] и связанные с этим трудности перевода. Долгое время в российский патентах не допускались сокращения, не являющиеся общепризнанными, так как они могли привести к неверной трактовке заявленной интеллектуальной собственности. В противном случае разработчик должен был представлять эксперту иную научно-техническую литературу, подтверждающую право использования таких аббревиатур. Однако появление многосоставных терминов не оставило выбора авторам, приходится прибегать к сокращениям, что вносит некоторое облегчение в итак не легкую стилистику языка патента. Но в вопросе использования сокращений от многосоставных терминов, есть также нюансы, определяемые законодательством правоустанавливающих органов разных стран. И, если, например, в США автор может, внося предварительно необходимые комментарии, использовать на протяжении всего текста собственную аббревиатуру, то в российских патентах, экспертиза которых проводится по «немецкой системе», являющейся достаточно строгой и ограничивающей, «авторские» сокращения не допускаются. Приведем пример упрощения из одного из патентов области электроники, связанного с использованием сокращения: *Methods have been attempted to help resolve TID issues in LDMOSFETs*. Таким образом, количество использованных слов, при условии применения аббревиатур сократилось с возможных 20 до 11, что уменьшило общий объем на 45 %. В масштабах текста данное сокращение будет не ощутимым, однако, принимая в учет специфику именно патента, где производится сквозь

весь документ регулярное сравнение с прототипом или аналогами, сопровождающееся многократными повторами терминов, текст в целом станет намного более лаконичным и читаемым.

Как правило, ставшие всемирно известными аббревиатуры, даются в текстах уже без расшифровки. Приведем примеры некоторых из них, относящихся к области электроники: *CMOS: Complementary Metal-Oxide Semiconductor; CPU: Central Processing Unit; EMF: Electromotive Force; FET: Field-Effect Transistor; IC: Integrated Circuit; IGBT: Insulated-Gate Bipolar Transistor; LCD: Liquid Crystal Display; MOSFET: Metal-Oxide-Semiconductor Field-Effect Transistor; USB: Universal Serial Bus*.

Однако, как указывалось ранее, в патентах некоторых стран можно достаточно часто столкнуться с авторскими аббревиатурами, толкование которых даже не внесено в словарь. Но они всегда вводятся первоначально с расшифровкой, что облегчает их перевод, и предназначены исключительно для экономии места в документе. Например, *Self-Aligned Double Patterning (SADP) can be adopted to form small pitch patterns, e.g., memory cells with a small pitch*.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Данная работа является продолжением [14], где проводилось исследование особенностей терминосистемы такого подраздела электроники, как микроэлектроника. В указанной работе изучались принципы создания терминов, включая многосоставные термины и сложные слова, но отдельного внимания аббревиатурам не уделялось, хотя указывалось на их особое значение в контексте всей терминосистемы рассматриваемой области. Следует заметить, что в отличие от сложного слова, чье значение, как правило прозрачно и узнаваемо [5], хотя иногда и имеет склонность к многозначности [15], значение аббревиатуры, хотя она и подчиняется определенным законам и правилам, невозможно вычислить, предсказать, если не известен прототип. Таким образом, контекст будет играть главенствующую роль при корректном переводе аббревиатур, трудности перевода омонимов тоже должны быть рассмотрены и учтены [16].

Используемые методы, методики и технологии.

Материалом исследования стали аббревиатуры различных структурно-семантических типов (около 2500 единиц) из основных источников [17, 18], а также патентов по электронике.

Методика исследования главным образом носила описательный характер, с применением сопоставления, обобщения и классификации. При анализе полученных данных были применены также количественная и сравнительная методики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно [19] каждое сокращение изначально является вариантом существующего слова или словосочетания, позже может абстрагироваться и приобрести характеристики самостоятельного слова. Иногда происходит переход в разряд обычных, независимых от контекста слов. В каждом определенном дискурсе аббревиатуры характеризуются собственной спецификой, на которую оказывают некоторое влияние синтетический или аналитический характер языков. Автор видит направление развития аббревиатур главным образом в переходе от графического варианта слова или словосочетания к самостоятельному слову со своими структурно-семантическими характеристиками. Например, давно устоявшиеся и широко известные в области электроники типы полупроводников – *МОП* и *КМОП*, которые в английском языке имеют аналогичные акронимы – *MOS* и *CMOS*. Однако часто используемый акроним *MOSFET* не нашел аналога в русском языке и вместо него используется словосочетание с частичным сокращением – *полевой МОП транзистор*.

Аббревиатуры являются динамичными лексически-

ми единицами, появляющимися и исчезающими в зависимости от частоты использования начального словосочетания. Если для утверждения в научном сообществе, для некоторых сокращений требуются годы, то другие получают широкое признание очень быстро (*IT, PC, CD, AC*).

Каждая область науки характеризуется своими особенностями и частотой использования сокращений слов [20]. Например, аббревиация является востребованной и актуальной в рекламе и средствах массовой информации, где важное значение играют лаконичность и информативность [19], но и, безусловно, обращаясь к конкретной области научных знаний, следует отметить, что в гуманитарных науках аббревиации встречаются значительно реже, чем в прикладных и точных науках, таких как, например, медицина [21], компьютерные технологии [22, 23], охрана труда [24], таможенное дело [25], экономика [15], сельское хозяйство [26] и др.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Все изученные сокращения области электроники можно разделить по тематическим группам по частоте использования: методы и приемы; устройства, приборы и т.п.; институты, организации; физические величины и показатели. Приведем характерные примеры для каждой из групп.

1. Методы и приемы

EDXA: Energy-Dispersive X-ray Analysis

EDSA: Electrical Distribution System Analysis

EDPT: Electronic Data Processing Test

NFPE: Non Feedback Proportional Electric

2. Устройства, приборы, оборудование, типы схем

EDRD: Electronic Data Recording Device

MMIC: Monolithic Microwave Integrated Circuit

NMOS: Negative channel Metal-Oxide Semiconductor

3. Институты, организации, подразделения

NEMA: National Electrical Manufacturers Association

PCMG: PCI Industrial Computers Manufacturers Group

4. Физические величины, показатели

NETD: Noise Equivalent Temperature Difference

AC: Alternative Current

Vth: threshold Voltage

Безусловно, лидером по продуктивности стали методы, приборы и устройства, что является вполне обоснованным, так как основным направлением развития рассматриваемой области является прогресс в методах разработки новейших устройств и приборов.

Из изученных сокращений процентное соотношение акронимов, образованных от многосоставных слов выглядит следующим образом:

Многосоставное слово	2X	3X	4X	5X	>5X
%	4%	40%	43%	10%	3%

Ранее уже упоминалось о проблемах, связанных с переводом омонимов. Приведем некоторые примеры, встретившиеся в патентах, значение омонимов в которых было определено как контекстом, так и расшифровкой авторов: *Such applications include, but are not limited to a metal capping layer, a dielectric diffusion barrier (DBB), an etch stop layer (ESL), a dielectric capping layer, a hard mask (e.g., nonsacrificial hard mask), or a space layer.* Сокращения *DBB* и *ESL* имеют целый ряд вариантов перевода, однако, в данном контексте слова являются авторскими. Согласно источнику [17] *DBB* имеет более 40 расшифровок, а *ESL* – 48.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Наиболее часто используемые сокращения – трех и четырех составные (более 80%), самое длинное сокращение, встретившееся во время проведения анализа – 10-ти составное (*DGLDMOSFET*). Данные цифры расходятся с результатами исследования,

приведенными в [24], где смещение было сделано в сторону двух составных сокращений. Однако там рассматривалась иная, менее технически сложная область.

Результаты изучения омонимов подтвердили данные в [21], где говорится об опасности использования аббревиатур с точки зрения полисемии, особо ярко выраженной при меньшем количестве знаков в слове и подчеркивается необходимость опоры на контекст.

Изученный материал в целом говорит о том, что наибольшую часть сокращений области электроники составляют аббревиатуры и акронимы, что также подтверждается и в других аналогичных работах [5, 20, 22].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. На основании проведенного анализа сокращений области электроники можно отметить, что различного рода сокращения используются часто, причем сокращенные слова и стяжения менее характерны, чем аббревиации и акронимы. В иностранной патентной литературе многие сокращения являются авторскими, производимые от многосоставных словосочетаний и вводимые лишь с целью наглядности и лаконичности изложения, порой не имеющие аналогов в русском языке, что приводит к необходимости их разворачивания. Данное явление не характерно для русскоязычных патентов, где используемые сокращения всегда являются устоявшимися акронимами или инициальной аббревиатурой. Омонимия в области электроники является характерной особенностью, как и в других областях.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Таким образом, результаты исследования терминосистемы патентов по электронике в области сокращений подтверждают тенденцию к частому использованию аббревиатур в научно-технической литературе и с этим связанных сложностей перевода. Появление новых многосоставных терминов будет только способствовать расширению словаря сокращений, изучение которого является направлением дальнейшей работы исследователей в области филологии. Бесспорно, авторские сокращения также представляют особый интерес, потому что многие из них являются прототипами новых аббревиатур и акронимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вишнякова Е.А. Место аббревиации в словообразовательной системе современного английского языка научные ведомости // Серия Гуманитарные науки. 2014. № 6 (177). Выпуск 21. С. 62-66
2. Улиткин И.А., Нелюбин Л.Л. Использование и перевод сокращений в научно-техническом тексте // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Раздел 2. Филологические науки. 2014. С.58-69
3. Сергеева Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). часть 2. С. 174-179
4. Варфоломеева И.В. Аббревиатуры современного английского языка. Когнитивно-дискурсивный аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва. 2007
5. Дюжилова Е.А. Словообразование и аббревиация: сходство и различия (на материале современного английского языка) // Известия Восточного института. 1995. №2. С. 115-120
6. Интернет ресурс <https://www.crownacademyenglish.com/types-english-abbreviations/>. Дата обращения 14.07.2021
7. Беляева В.А. Когнитивный подход к изучению аббревиации // Фундаментальные исследования. Педагогические науки. 2007. № 9. С. 93-97
8. Кербер Е.В. Сокращение как способ словообразования в современной немецкой экономической терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 119-121
9. Максименко О.И. Новые тенденции аббревиации (на материале русского, английского и немецкого языков) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. 2017. Vol. 8. № 1. С. 174-181. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-174-181
10. Аламайрех Е.Ю. Некоторые уточнения определения понятия «аббревиация» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. 2016. № 4. С. 224-231
11. Коваленко А.Я. Общий курс научно-технического перевода / А. Я. Коваленко. – Киев, 2003. – С. 263.
12. Воробьева И.А. Аббревиация как способ словообразования современного английского языка // Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки. Теоретические и практические вопросы современной лингвистики. 2018. Том 2. № 4 (7). С. 10-13
13. Слепнева М.А. Особенности и трудности перевода патентной документации // Балтийский гуманитарный журнал. Т.8. № 3(28).

2019. С. 366-368. DOI: 10.26140/bgз3-2019-0803-0092

14. Слепнева М.А. Морфологические и структурные особенности терминосистемы сферы микроэлектроника // Вестник ТГПУ. 2019. № 9 (206), С.16-22

15. Теркулов В.И. Сложнокорраченные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. №6. С.73-97

16. Иванова Н.К. Английские аббревиатуры-неологизмы: особенности образования и написания // Вестник пермского научного центра. 2013. №4. С. 52-60

17. Интернет ресурс <https://www.acronymfinder.com>. Дата обращения 15.07.2021

18. Интернет ресурс <https://www.Multitran.ru>. Дата обращения 15.07.2021

19. Ярмашиевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2004

20. Смирнова М.А., Гафиятова Э.В. Аббревиация как манифестация закона экономии в профессиональных языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 142-146

21. Барбашиева С.С., Авраменко А.А. Особенности перевода аббревиатур в англоязычном медицинском тексте (на материале терминологии кардиологии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. т. 13. №2(4). С. 911-916

22. Михайлова Ю.Л., Михайлов М.Р. Аббревиация как способ словообразования неологизмов и развития лексического состава подязыка компьютерных технологий (на примере английского языка) // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. №8. С. 97-100

23. Апалько И.Ю. Продуктивность аббревиации в терминопроизводстве предметной области «защита информации» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №36. С. 9-12

24. Федорова М.А., Чурилова И.Н. Тематические группы инициальных аббревиатур терминологии охраны труда английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 399-402

25. Максимова М.А., Абдульманова А.Х. Сокращение в англоязычной таможенной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 130-133

26. Миронова М.Н. Аббревиация как способ терминообразования (на материале английского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. №3. С.55-58

Статья поступила в редакцию 19.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.111:81'42
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0078

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРОТИВОСТОЯНИЕ» В КИНОТЕКСТЕ «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН»: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Автор(ы) 2021
AuthorID: 1105536
SPIN: 5558-8342
ORCID: 0000-0001-8210-5436

СЛЕСОВА Екатерина Алексеевна, студентка пятого курса
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

(344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: slesova.katya@yandex.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена концепту «противостояние» в кинотексте «Звездных войн». В работе затронуты такие вопросы, как трактовка понятий «концепта» и «кинотекста», а также уделяется внимание определению понятия «противостояние» и его синонимов с целью выявления более точной характеристики концепта «противостояние» и более точного понимания его области действия, так как противостояние заключено в законах мироздания – на нем построен уклад существования любого объекта во вселенной. Грани этого понятия довольно широки, и его возможно рассматривать через призму различных областей научного знания. В языке присутствует закрепленная картина мира, которая свойственна тем или иным индивидам. У слова картина мира не стоит на месте, она постоянно развивается и дополняется новыми данными, и это обусловлено подвижностью человеческой мысли, которая постоянно направлена к познанию чего-то нового. Именно поэтому изучение концепта важно. Таким образом, появляется возможность лучше понять образ мышления и интерпретировать точки зрения разных людей. Помимо этого, кинотекст «Звездных войн» является важной составляющей в формировании тенденций массовой культуры и, соответственно, находит отражение в сознании людей, на что нельзя не обратить внимания без учета лингвистических особенностей данной кинокартины.

Ключевые слова: концепт, языковые средства лексического уровня, языковые средства синтаксического уровня, кинотекст, стилистическая маркированность, метафора, эпитет, антитеза, асиндетон, инверсия.

THE SPECIFICS OF OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT OF “CONFRONTATION” IN THE “STAR WARS” FILM TEXT: STYLISTIC ASPECT

© The Author(s) 2021
AuthorID: 1105536
SPIN: 5558-8342
ORCID: 0000-0001-8210-5436

SLESOVA Ekaterina Alekseevna, fifth-year student
Southern Federal University

(344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42, e-mail: slesova.katya@yandex.ru)

Abstract. This article is devoted to the concept of “confrontation” in the “Star Wars” film text. The article touches upon the interpretation of the notions of “concept” and “film text”. It also pays attention to the definition of the concept of “confrontation” and its synonyms in order to identify a more accurate description of the concept of “confrontation” and a more accurate understanding of its scope, since confrontation is contained in the laws of the universe – the way of existence of any object in the universe is built on it. The facets of this concept are quite wide, and it is possible to consider it through the prism of various fields of scientific knowledge. There is a fixed image of the world in the language, and this image is peculiar to certain individuals. The word’s image of the world does not stand still, it is constantly evolving and supplemented with new data, and this is due to the mobility of human thought, which is constantly directed to the knowledge of something new. That is why learning the concept is important. Thus, it becomes possible to better understand the way of thinking and interpret the points of view of different people. In addition, the film text of “Star Wars” is an important component in the formation of trends in pop culture and it reflects in people’s mind, which cannot be paid attention without taking into account the linguistic features of this film.

Keywords: concept, language means of the lexical level, language meant of the syntactic level, stylistic marking, metaphor, epithet, antithesis, asyndeton, inversion.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение концептов важно для лингвистики, так как вокруг понятия «концепт» сформировалось огромное количество мнений и данный вопрос до конца не изучен. Концепт «противостояние» близок каждому человеку из-за вариативных условий и ситуаций, в которых возникает потребность взаимодействия с реалиями, тем или иным образом противоречащими устоявшейся системе действий в повседневной жизни, поэтому то, как представляют этот концепт авторы, дает возможность рассмотреть определенные проблемы с разных точек зрения, таким образом расширив спектр их решения или продемонстрировав более широкий круг причин их возникновения. В современном мире присутствует огромное множество сфер деятельности, связанных с культурной или социальной жизнью общества, на которые «Звездные войны» оказали заметное влияние. Не стоит забывать о той области воздействия на массовое сознание, которая в эпоху развития визуальных медиа доходит до обычного зрителя не только через средства массовой информации, представляющие политические

речи или какие-либо сведения о ряде моментов реальной действительности, а выражена в художественной форме. Пожалуй, один из самых доступных источников вербальной и невербальной интерференции, через которые зритель воспринимает и интерпретирует послы художественного произведения во много раз эффективнее – это кино и его кинотекст. Речь персонажей в совокупности с определенным набором текстового материала, присутствующего в фильме, позволяет выстроить образ, вычленив из целой группы нарративных разделов определенный концепт, не только позволяющий проследить за эмоциональной реакцией и потоком мыслей конкретного зрителя по отношению к тому или иному эпизоду фильма, но и рассмотреть особенности преподнесения произведения его создателем, режиссером или сценаристом, закладывающим в него собственный индивидуальный стиль.

МЕТОДОЛОГИЯ

Большинство мнений исследователей о «концепте» показывает, что у данного явления нет четких границ, а также не существует единого понятия, характеризу-

ющего его. К примеру, Ж. Делёз в попытках раскрыть понятие литературы обратился к философии, что стало результатом создания модели концепта литературы. Понятие концепта у Ж. Делёза находит много точек соприкосновения с точкой зрения Спинозы. Концепт предстает в качестве некоего умственного начала, конструкции мысли, обладающей цельностью и определенным содержанием, смыслом [1]. С точки зрения психологии, концепт может рассматриваться как совокупность объектов, имеющих некоторые общие свойства (атрибуты). Концепт – это также внутренняя, психологическая репрезентация, мысленное представление общих свойств соответствующих объектов. В Кратком словаре когнитивных терминов можно обнаружить следующее определение концепта: «Концепт (concept; Konzept) – это единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [2]. Сегодня популярным является мнение Р. Джекендоффа о том, что базовой составляющей системы концептов являются те концепты, которые связаны с семантическими частями речи, обозначающими объект и его части, пространство, движение, действие, признак, время и т.д. [3]. Исходя из того, как трактуют данный термин ученые различных областей знания, концепт представляет из себя многомерное явление – некое мысленное образование, которое содержит в себе определенный смысл, а способность человека к конструированию концепта заключается в нем с самого рождения. Также немаловажным фактором является этническая принадлежность носителя определенного языка, так как в зависимости от культурных составляющих жизни индивида, концепт как единица сознания может воплощать разнообразные значения и образы. Кинематограф привносит в массовую культуру огромное количество текстовых реминисценций, среди которых присутствует внушительное число аллюзий и цитат. Изобретение звука в кино дало ученым еще большую почву для размышлений, исследователи стали обращать внимание на такое явление как кинотекст и давать различные интерпретации данного понятия. Лингвистический компонент в кинотексте существует в виде письменной и вербальной репрезентации, именно поэтому кинотекст часто определяют как креолизованный текст. К письменной части относятся различные надписи на предметах, окружающих персонажей в фильме. Они могут быть воплощены в форме письма, адресованного кому-то, наименования ресторана, текста плаката, названия улицы и т.д. Устный элемент представляет речь героев на экране, какой-либо закадровый текст и даже различные песни. Нельзя не отметить, что речь персонажей основывается на более масштабном фундаменте – сценарии. Сценарий не выражает ярких эмоций героев, не дает детальных описаний обстановки вокруг них. Задача сценариста – выразить все вышеуказанные аспекты с помощью диалогов и действий. Ю.М. Лотман исследовал кино с точки зрения семиотики. Он выделял у кинотекста некоторые свойства – дискретность, знаковую содержательность текста, а также кинотекст может рассматриваться как недискретный текст, где сам по себе текст обладает значением [4, 63]. Превалирующим фактором в кинотексте является языковая система. Из креолизованного текста можно подчерпнуть огромный объем информации, касающийся культурного компонента человеческой жизни. Он обладает способностью вызывать у зрителей эмоциональный отклик. Сам по себе он субъективен, так как содержит в себе точку зрения своего создателя.

Противостояние – один из основных мотивов, которые можно обнаружить при исследовании кинотекста «Звездных войн». Оно заключено в законах мироздания – на нем построен уклад существования любого объекта во вселенной. Грани этого понятия довольно широки, и его возможно рассматривать через призму различных

областей научного знания, что в общем сводится к ряду синонимов, помогающих прийти более или менее единому заключению, среди этих синонимов можно перечислить следующие: борьба, антагонизм, коллизия, конфликт, война и т.д. В основном данный термин указывает на противодействие, сопротивление двух или нескольких противоположно настроенных объектов. В целом, противостояние – это неотъемлемая часть человеческой жизни. Каждый индивид сталкивается с переживаниями, попадает в спорные ситуации, что может вылиться в противостояние духовное или физическое.

РЕЗУЛЬТАТЫ

При анализе ряда лексических и синтаксических средств художественной выразительности, отчетливо демонстрирующих, как противостояние передается через вербальные взаимодействия героев, можно выделить отдельные случаи проявления противостояния персонажей. Так можно обнаружить эпитеты при упоминании видов оружия, что подводит зрителя к такому понятию, как война с точки зрения физического противостояния. Например, характеристику лазерного меча джедаев можно встретить в кинотексте практически всех фильмов саги. В «Новой надежде», самом первом фильме по «Звездным войнам», отшельник Бен Кеноби, который много лет назад состоял в Ордена рыцарей-джедаев, рассказывает главному герою трилогии Люку Скайуокеру о джедайском оружии – о мече, который принадлежал отцу Люка. Меч джедая сам по себе является символом противостояния света тьме. Бен Кеноби описывает его следующим образом: «*Not as clumsy or random as a blaster. An elegant weapon for a more civilized age*» [5]. Кинотекст «Звездных войн» обладает одной важной особенностью – вступительные титры раскрывают, что будет происходить в фильме, указывая на моменты, которые уже произошли с персонажами, то есть этот аспект выражен невербально. Так зритель лучше поймет, о чем будет идти речь далее. Например, в титрах «Новой надежды» рассказывается, как принцессе Лею преследуют агенты Империи, и чтобы показать, что Империя антагонист, агенты характеризуются эпитетом *sinister*. Эпитеты ярко описывают военное время: «*It is a dark time for the Rebellion*», «*Only Imperial stormtroopers are so precise...*», «*Any attack made by the rebels against this station would be a useless gesture...*» [5]. Одним из источников для конфликта в «Звездных войнах» послужила Сила – самое значительное явление в данной киновселенной. Оби-Ван Кеноби описал ее как «энергетическое поле, создаваемое всеми живыми существами, которое окружает нас, находится внутри нас и связывает воедино Галактику». Эпитеты демонстрируют противостояние тех, кто верит в Силу и может ею управлять, и тех, кто считает ее чем-то абстрактным и несуществующим, архаичным, приписывая ей соответствующие характеристики. Хан Соло – контрабандист и поначалу человек, ищущий во всем материальную выгоду, не признавая духовные сферы жизни. Он становится свидетелем тренировки Люка, и на слова Оби-Вана о том, что нужно использовать Силу, Хан отвечает: «*Hokey religions and ancient weapons are no match for a blaster at your side, kid*» [5], данные эпитеты дают зрителю понять, что Хан отрицает религиозные учения, это также видно в следующем примере: «*I've seen a lot of strange stuff, but I've never seen anything to make me believe there's one all-powerful force controlling everything. There's no mystical energy field controls my destiny. It's all a lot of simple tricks and nonsense*» [5].

Нельзя не отметить, что чувство любви также способно направить героев на внутренний конфликт. Например, Энакину Скайуокеру как рыцарю-джедаю не полагается иметь любовные привязанности, но для него становится невозможным сдерживать чувства к королеве, а затем сенатору Падме Амидале. Любовь между ними запрещена, и противостояние в данном контексте Энакин выражает с помощью эпитета *intoxicating* в предлодении: «*Just being around her again is... intoxicating*» [6], что обличает

драматичность сложившейся ситуации.

Что касается метафоры, необходимо подчеркнуть ее важную роль как инструмента в выражении вечного противостояния темной и светлой сторон. Темная сторона Силы в большей степени реализуется в метафоре, так как главные герои постоянно сопротивляются ей и им необходимо большее количество предупреждений о том, как губительна она может быть. Например, Люк Скайуокер во время своего обучения мастерству джедаев у магистра Йоды в системе Дагоба чувствует опасность, исходящую от пещеры. Йода произносит: «*That place is strong with the dark side of the Force. A domain of evil it is*» [7]. Благодаря этому, когда Люк входит туда, он уже знает, что ему предстоит встретиться с темной стороной. Там он находит Дарта Вейдера, после битвы с которым под его маской Люк обнаруживает собственное лицо. Эта сцена – само воплощение противостояния – она показывает, что в мире существует баланс сил, что во тьме есть свет, а свету не чужда тьма.

В «Звездных войнах» свойства живых существ часто приписываются абстрактным понятиям, это позволяет зрителю прочувствовать ситуацию, в которой находится персонаж, и ощутить его внутренние разногласия. В большинстве случаев олицетворение охватывает такие понятия, как ненависть, страх, злость и прочие атрибуты, ведущие героя на темную сторону Силы или же служащие инструментом достижения цели. К примеру, Имперская армия считает, что страх – идеальное средство подчинения: «*Fear will keep the local systems on line. Fear of this battle station*» [5]. Манипулируя эмоциями своего сына, Вейдер использует злость и ненависть Люка к отцу для того, чтобы завлечь его на темную сторону. Во время их дуэли в эпизоде «Империя наносит ответный удар» Дарт Вейдер призывает его: «*Now... release your anger. Only your hatred can destroy me*» [7]. Тем же инструментом в «Возвращении джедаев» оперирует Дарт Сидиус, убеждая Люка в том, что попытки повстанцев победить Империю тщетны, а чем больше Люк противостоит ему, тем большей ненавистью наполняется его сердце: «*The hate is swelling in you now*» [9]. Магистр Йода наоборот пытается предотвратить зарождение мрака в душах своих учеников и использует эти понятия лишь для того, чтобы они могли отличить тьму от света и осознать, когда стоит вступить в борьбу со своими пороками: «*Fear is the path to the dark side... fear leads to anger... anger leads to hate... hate leads to suffering*» [8]. Он олицетворяет Силу, считая ее своим союзником: «*... my ally is the Force. And a powerful ally it is. Life creates it, makes it grow. Its energy surrounds us and binds us*» [8]. Йода указывает, что необходимо помнить – пути с темной стороны назад нет: «*Once you start down the dark path, forever will it dominate your destiny*» [8].

Особо следует подчеркнуть роль иронии в кинотексте данной вселенной, являющейся важным источником демонстрации личностных качеств и черт характера героев, что находит свое отражение в концепции противостояния. Самый ироничный персонаж саги – Хан Соло, причем его ирония проявляется в самых экстремальных ситуациях. Хан находится в конфликте с Джаббой Хаттом по поводу денег, когда Джабба делает последнее предупреждение, говоря, что, если Хан не исполнит условия сделки, ему не будет рады в любом конце галактики, Хан отвечает ему: «*Jabba, you're a wonderful human being*» [5], учитывая, что Джабба слизнеподобный инопланетянин и ничего человеческого в нем нет. Даже в положении на грани жизни и смерти этот персонаж обращается к иронии как к защитному механизму.

Метонимия один из нечасто встречающихся стилистических приемов в кинотексте «Звездных войн». Несмотря на небольшое количество случаев употребления, метонимия придает речи персонажей убедительность и заставляет зрителя поверить высказываниям героев. Оуэн Ларс, старающийся уберечь Люка Скайуокера от опасностей, связанных с миром джедаев, и знающий,

что произошло с Энакином, ни в коем случае не хочет подобной судьбы для Люка, и не желает слышать ничего о мире джедаев и Силе, о войне с Империей. О Бене Кеноби он высказывается следующим образом: «*That wizard's just a crazy old man*» [5]. Так персонаж выражает свое пренебрежительное отношение к джедаям, а также недоверие по отношению к их образу жизни. Джедаи обладают Силой, но простому человеку сложно понять, как она работает, и единственная параллель, которую он может провести – это магия. Джедаи в представлении обычных людей – те же волшебники, именно здесь происходит смежность данных понятий.

Более комичными высказывания становятся с помощью зевгмы, в то же время данное стилистическое средство полностью дает возможность рассмотреть и концепт «противостояние». Зевгма подчеркивает определенное эмоциональное состояние персонажа, особенно уделяя внимание его негативным чувствам из-за несовпадения мнений двух лиц, между которыми наблюдается большая разница в возрасте и различия в жизненных установках, что ведет к конфликту поколений. К примеру, Люк хочет улететь с Татуина, с пустынной планеты, на которой он вырос, чтобы поступить в академию, но его точка зрения не совпадает с мнением его дяди Оуэна Ларса, который считает, что племяннику будет лучше еще сезон поработать на их ферме. Когда СЗРО, один из дроидов, которых они купили для помощи в хозяйстве, спрашивает, может ли он чем-то помочь, Люк отвечает: «*No, unless you can alter time, speed up the harvest, or teleport me off this rock*» [5], что говорит о высокой степени недовольства ситуацией.

Помимо этого, в кинотексте «Звездных войн» можно обнаружить несколько разновидностей повтора, причем наблюдается сочетание различных форм повтора в одной и той же или нескольких репликах подряд. К примеру, «*Control, control, you must learn control*» [7]. В вышеуказанном предложении присутствует лексический повтор слова *control*, при этом данная лексема используется в начале и в конце предложения, образуя кольцевой повтор или рамку. Сочетание видов этого стилистического приема олицетворяет призыв к борьбе персонажа за равновесие внутри самого себя. Подобное смешение синтаксических стилистических приемов встречается также в предложении «*Pain, suffering, death I feel. Young Skywalker is in pain...terrible pain*» [6] лексический повтор сопровождается перечислением понятий, неразрывно связанных с нравственными противоречиями героя. Повторы чаще всего характерны для напряженных ситуаций, где реакция героев реализуется путем проявления ярких эмоциональных переживаний, что может быть также выражено с помощью анафоры, эпифоры, параллельных конструкций или подхвата.

Более того, в кинотексте «Звездных войн» часто встречаются односоставные предложения. Сюжет фильмов разворачивается на фоне военных действий, и короткие предложения способствуют экономии времени, выделяя его для выполнения более значимых и требующих быстрой реакции задач. Речь персонажей все больше отдаляется от искусственно сгенерированной и становится приближенной к живой разговорной речи. Односоставные предложения можно обнаружить в форме приказов: «*Move closer! Get alongside that one!*» [9], «*Blast them!*» [5].

Инверсия в исследуемом кинотексте характерна для речи лишь одного персонажа – магистра Йоды. Примером отражения концепта «противостояние» в речи магистра Йоды может служить его объяснение о моральных устоях джедаев, а также разговоры о свете и тьме, о смерти и отношении к ней, в которых проявляются библейские мотивы. К примеру: «*Never his mind on where he was*» [7]; «*A Jedi craves not these things*» [7]; «*If once you start down the dark path, forever will it dominate your destiny. Consume you it will, as it did Obi-Wan's apprentice*» [7]; «*Rejoice for those around you who transform into the*

Force. Mourn them do not. Miss them do not. Attachment leads to jealousy. The shadow of greed that is» [10].

Асиндетон в кинотексте создает более динамичный поток речи. Акцент делается на абстрактные понятия: бессоюзие позволяет заполучить внимание зрителя, когда речь заходит об имманентных планах бытия, неразрывно связанных с колебаниями в человеческих убеждениях, моральных устоях: «*Anger, fear, aggression... The dark side of the Force are they, easily they flow, quick to join you in a fight» [7].* В основном данный стилистический прием сосредоточен на всем, что в «Звездных войнах» связано с противоположностями Силы. Зрителю представлена характеристика темной стороны Силы: «*Quicker, easier, more seductive» [7].* В то же время асиндетон концентрируется на той части Силы, что следует отличным от тьмы идеалам: «*You will know when you are calm, at peace, passive. A Jedi uses the Force for knowledge and defence, never for attack» [7],* при этом дается определение Силы в целом как явления, сочетающего в себе все, что есть во вселенной, и хорошее, и плохое: «*You must feel the Force around you. Here, between you, me, the rock, everywhere!» [7].*

Разделение предложения на несколько четко интонационно обозначенных недлинных реплик позволяет выявить определенную эмоциональную грань, на которой находится тот или иной говорящий. К примеру, во время военно-политических распри у персонажа возникает необходимость экспрессивно и настойчиво выразить свои переживания. Так, Дарт Вейдер требует незамедлительного исполнения приказов, при этом с помощью интонации раскрывает свою ярость и неприязнь в отношении врагов: «*Commander, tear this ship apart until you've found those plans! And bring me the passengers! I want them alive!» [5].* Помимо этого, на поле боя необходимо соблюдать закон сохранения речевых усилий, что с помощью парцелляции будет отражено в форме отрывистых и коротких предложений: «*The guns. They've stopped» [5].* Также в данном синтаксическом средстве выразительности проявляется пафос и драматичность речи злодея, подстрекающего на свершение разрушительных поступков и убеждающего в неизбежности происходящего: «*It is unavoidable. It is your destiny. You, like your father, are now mine» [9].*

Антитеза независимо от концепта какого-либо художественного произведения воплощает противостояние, так как в этом приеме сочетаются две противоположные по значению конструкции, создающие глубокие образы. К примеру, с помощью антитезы был показан яркий контраст между теми переживаниями, которые свойственны людям в момент осознания неожиданного конца, и резким исчезновением каких-либо душевных мучений: «*I felt the great disturbance in the Force, as if millions of voices suddenly cried out in terror and were suddenly silenced» [5].* Невозможно не упомянуть эпизоды, где данное средство выразительности напрямую относится к самым основным сюжетным переходам, связанным с противостоянием не только лексически и синтаксически – семантика противоположности в конкретной ситуации будет являться в данном случае ядром. Например, при разговоре об отце Люка Оби-Ван упоминает две ипостаси одного человека – Энакина Скайуокера и Дарта Вейдера, где второй в подобном контексте будет выступать в роли своеобразного допдельгангера: «*Your father was seduced by the dark side of the Force. He ceased to be Anakin Skywalker and became Darth Vader» [9].* Метаморфоза, произошедшая с этим персонажем, уже реализует конфликт – две части одного целого находятся в постоянной борьбе, и даже несмотря на то, что одна поглотила другую, они продолжают сосуществовать.

В области материально воплощенной ниши противостояния изображение или характеристика оружия выходят на первый план через сравнительные обороты: «*Not as clumsy or random as a blaster» [5],* встречается и буквальное указание на вражеский военный объект:

«*Looks like an Imperial cruiser» [5].* Сфера действия духовного противоборства здесь отражена гораздо обширнее. Сравнение может выражать протест персонажа, указывать на несовпадение интересов. Любовные терзания реализуются в концепте «противостояние» с помощью сравнительных оборотов, указывающих на сильное беспокойство: «*Quiet as a tomb. I don't like just waiting here for something to happen to her» [6].*

Риторический вопрос является ярким приемом, помогающим раскрыть эмоциональные проявления героев. Когда мать Энакина Скайуокера умерла, он спросил: «*Why she'd have to die? Why couldn't I save her?» [6].* Риторический вопрос в данном случае усиливает переживания Энакина, а также воздействует на чувства зрителя, дает почву для размышлений о дальнейшем нравственном пути героя.

Обособление относится к той категории стилистических приемов, которые возможно выявить только в письменном тексте. В фильмах присутствует лишь один источник, дающий возможность проанализировать данный прием – вступительные титры. Обособление в них используется редко и встречается, когда необходимо показать зрителю важные моменты и усилить напряжение: «*Rebel spies managed to steal secret plans to the Empire's ultimate weapon, the DEATH STAR, an armored space station with enough power to destroy an entire planet» [5].*

ОБСУЖДЕНИЕ

Концепт «противостояние» объективируется в вербальном и невербальном аспекте кинотекста «Звездных войн» через набор стилистических приемов лексического и синтаксического уровня, отражающих идиостиль создателя. После изучения семантики «противостояния» можно сделать заключение, что лексема «противостояние» и синонимичные ей понятия имеют две грани: нематериальную (духовную) сторону противостояния и физически выраженную. В кинотексте «Звездных войн» вербальная составляющая является преобладающей, но присутствует и письменная репрезентация исследуемого концепта. В целом, по степени частотности стилистические приемы синтаксического уровня превышают количество лексических средств выразительности, но в обоих случаях репрезентации концепта «противостояние» присутствует и вербальный, и невербальный аспект кинотекста.

ВЫВОДЫ

Данный концепт плавно соединяется с различными сюжетными арками и становится неотделимым от эмоциональной и физической сфер жизни персонажей, и то же самое происходит в реальной действительности. Люди склонны к сопротивлению в любой сфере жизни. Это сопротивление имеет физическое воплощение, когда человек выступает против человека или множества людей, против их мнения, их религии, их политических взглядов, что впоследствии превращается в буквальную осязаемую войну, но это лишь результат душевных терзаний, ментальных стычек с самим собой, внутренней дисгармонии или борьбы, анализ несоответствия собственных представлений о мире с тем, что предлагает считать правильным общество. Таким образом, становится ясно, что концепт «противостояние» неотделим от жизни каждого человека, и он проникает не только в процесс устной повседневной коммуникации, но также встречается и в области человеческого бытия, представляющей медийную репрезентацию различного рода информации, выраженную как в форме обиходных новостных ресурсов, так и в художественном воплощении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Делез Ж. Ф. Гваттари Что такое философия? Адрес доступа: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deloz-gvattary-philos-8l.pdf>
2. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. Адрес доступа: <https://superlinguist.ru/kognitivnaia-lingvistika-skachat-knigi-besplatno/kubriakova-e-s-kratki-slovar-kognitivnykh-terminov.html>
3. Jackendoff, R. Semantics and cognition. Адрес доступа: https://openlibrary.org/books/OL22000682M/Semantics_and_cognition
4. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики.

Таллинн: Александра, 1973. – 63 с.

5. *Star Wars: Episode IV - A New Hope* // dir. George Lucas. Адрес доступа: https://www.scripts.com/script/star_wars_episode_iv_-_a_new_hope

6. *Star Wars: Episode II - Attack of the Clones* // dir. George Lucas. Адрес доступа: https://www.scripts.com/script/star_wars_episode_ii_attack_of_the_clones

7. *Star Wars: Episode V - The Empire Strikes Back* // dir. Irvin Kershner. Адрес доступа: https://www.scripts.com/script/star_wars_episode_v_-_the_empire_strikes_back

8. *Star Wars: Episode I - The Phantom Menace* // dir. George Lucas. Адрес доступа: https://www.scripts.com/script/star_wars_episode_i_the_phantom_menace

9. *Star Wars: Episode VI - Return of the Jedi* // dir. Richard Marquand. Адрес доступа: https://www.scripts.com/script/star_wars_episode_vi_-_return_of_the_jedi

10. *Star Wars: Episode III - Revenge of the Sith* // dir. George Lucas. Адрес доступа: https://www.scripts.com/script/star_wars_episode_iii_-_revenge_of_the_sith

Статья поступила в редакцию 26.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 811.13
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0079

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ФУНКЦИИ АНГЛИЦИЗМОВ В ИТАЛЬЯНСКИХ МЕДИА-ТЕКСТАХ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 1931-5614
AuthorID: 901322
Researcher ID: F-3314-2017
ORCID: 0000-0001-8425-1883
ScopusID: 57202822282

СОКОЛОВА Алла Германовна, кандидат технических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ) (129337, Россия, Москва, Ярославское шоссе, д.26, e-mail: SokolovaAG@mgsu.ru)

Аннотация. Цель данной работы – это рассмотрение особенностей использования англо-американских заимствований в итальянских медиатекстах в рамках когнитивно-прагматического подхода к их описанию. Целью настоящего исследования является изучение функционирования заимствований как фактора реализации социально-прагматической позиции автора и формирования картины мира. На протяжении последних десятилетий итальянский язык испытывает беспрецедентный приток англицизмов, влияющий на общеупотребительную лексику и вызывающий тревогу у специалистов. В современном итальянском языке англицизмы широко употребляются не только итальянцами, в совершенстве владеющими английской грамматикой и произношением, поэтому для успешного функционирования в фонологической и морфологической системах принимающего языка, т.е. итальянского, англицизмы должны претерпеть структурную ассимиляцию. Если оценить ситуацию с точки зрения лингвистов, становится очевидно, что английский язык как средство международного общения или язык глобализации глубоко проникает в итальянский язык вследствие процессов интернационализации и глобализации. Автор статьи попытался выявить основные функции англицизмов в современных итальянских медиа-текстах, опираясь на принципы прагматического анализа. Исследуемые примеры были взяты из электронных корпусов *enTenTen* и *itTenTen*, а также архивов трех основных широкоформатных национальных газет Италии *La Repubblica*, *Corriere della Sera* и *La Stampa*.

Ключевые слова: англицизм, калька, заимствование, медиа тексты, прагматический и когнитивный анализ, функции, билингвизм, персонификация, словослияние, прагматическая выделенность.

FUNCTIONS OF ANGLICISMS IN ITALIAN MEDIA TEXTS

© The Author(s) 2021

SOKOLOVA Alla Germanovna, PhD. in Engineering, associate professor of the department of “Foreign languages and professional communication”

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (129337, Russia, Moscow, Yaroslavskoye Shosse, 26, e-mail: SokolovaAG@mgsu.ru)

Abstract. The aim of the present paper is to examine the features of the use of English and American borrowings in Italian media texts in the framework of cognitive-pragmatic approach to their description. The purpose of the research is to study the use of Anglicisms as a factor of realization of the author’s social-pragmatic position, and forming the world views. During the last decades, contemporary Italian language experiences the unprecedented diffusion of Anglicisms affecting the lexis and creating an alarming issue. Having travelled beyond the restricted area of the individuals proficient in English grammar and pronunciation, Anglicisms require structural assimilation in order to function in compliance with phonological and morphological systems of the recipient language, i.e. Italian. Looking at the situation from a linguistic point of view, it is evident that English as a de facto *lingua franca* or the language of globalization successfully commenced its penetration into Italian due to internationalization and globalization processes. Having applied the principles of pragmatic analysis, the author attempted identify the main functions of Anglicism in contemporary Italian media texts. The examples were taken from web-based corpora *enTenTen* and *itTenTen* and archives of three main national Italian broadsheet newspapers *La Repubblica*, *Corriere della Sera* and *La Stampa*.

Keywords: Anglicism, calque, borrowing, media texts, pragmatic and cognitive analysis, functions, bilingualism, personification, word blending, pragmatic salience.

INTRODUCTION THEORETICAL BACKGROUND

The choice to use a borrowing has the advantage of not only introducing new denotative signified but also evoking certain emotions and feelings of the audience or readership. Journalists attempt to transmit a personal message, which is distinguished from the proper connotation and denotation of a term used in a source language [1,2].

Reasonable introduction and diffusion of Anglicisms allows for creating and delivering new messages that correspond to the needs of contemporary Italian society exercising more freedom. The English lexis in semantic and textual context provides more marked effect if compared to the equivalent words of Italian origin, partly due to denotative and associative meanings they carry, and partly because of syntactic flexibility of their adaptation. Rather than plug lexical or semantic holes (“*tappare un buco*”), Anglicisms facilitate creating a new type of texts, meaningful at communicative level.

Here emerges the new essence of the language of Italian media texts – accessible light reading but informative and compulsive [3].

Rapid and efficient diffusion of English texts and discourse by means of media led to exposure of native Italian speakers to the structure of English sentences, which in turn influenced their discourse patterns. Thus, syntax of Italian media texts was also affected thanks to the importance of English in international affairs and its political and cultural prestige. Musacchio states that syntactic loan constructs in the Italian language “...often turn out to be pre-existing Italian constructs which become more widely used as a consequence of contact with a foreign language” [4]. Here it should be mentioned that the internal impact on the Italian syntax is more pronounced than external one. This means stimulating the usage of existing patterns underused due to various reasons rather than introducing and adopting new ones. Cleft sentences or so-called *le frasi scisse* in Italian could be seen as one of the examples:

...è con grande piacere che...

En. ...it is with great pleasure that...

Non sei tu che hai fatto errori.

En. It is not you who’ve made mistakes.

It is assumed that this type of construction came to Italian from the French language but it gained popularity because of

reliance on pre-existing Italian constructs.

In English, relatively shorter sentences are preferable especially in academic writing. On the contrary, the Italian language is considered by some linguists as a language of longer sentences and a more complex hypotactic structure of sentences if compared with English [5]. The ever increasing exposure to more compact English constructs has had an impact on the length of Italian sentences, in particularly in the spheres of economy and business. Such an influence of the American and English press has resulted in quite common abandoning explicit sentence linking, typical of Italian language, giving a priority to the use of juxtaposition, where implicit subordinate clauses are preferable [6].

Having researched the Italian translations of English articles on topics of business and economy, Maria Teresa Mussachio, the professor of the University of Padova, found out that the frequency of coordinating conjunctions differs between original texts in the source language (Italian) and the pieces of discourse translated into English. Thus, the usage of coordinators *ma* (but), *tuttavia* (yet), *così* (so or thus) in translated articles is more frequent, whereas the causal coordinator *perché* (because) becomes less popular than in original source language texts. It can be assumed that English has an impact on Italian through translations as well [7].

Furthermore, brevity and conciseness are the main principles dominating in the practice of current Italian journalism. Applying these principles in translation sometimes means sacrificing clarity of the text. For example, the pattern of hedging is not translated well into Italian. This is a problematic issue, since hedging enables to transfer uncertainty, speculation or alleviate absolute claims. On the contrary, the Italian press tends to disregard hedging elements and proceeds with translation simply omitting them.

Nevertheless, the opposite phenomenon is also true – omission of unnecessary elements can improve clarity of the text and reduce the overall bulk, making the text more comprehensible and easy reading. English can be sometimes regarded as a lower context culture if compared to Italian. Therefore, when translating media texts into Italian, some elements could be simply omitted as superfluous. This can lead sometimes to omission of entire phrases or sentences, for example, in the article analysing economic situation, the conclusions on the situation may be deemed unnecessary and ignored [8,9].

METHODOLOGY

Nowadays, media texts reflect all the characteristic features of contemporary person, such as emotions, mentality, personification, value system, intertextuality and clip thinking. Linguistic analysis, as a typical and traditional method, would be rather ineffective in studying of contemporary media texts. For the research purposes, the author has applied cognitive and pragmatic analysis that included evaluation and analysis of the data backed by qualitative and quantitative methods of research. Also, there were used the content analysis and discourse analysis combined with historical and cultural comparative methods.

The research is conducted on the material of the archives of three best-selling Italian newspapers, such as *Corriere della Sera* (CS), *La Repubblica* (LR) and *La Stampa* (LS), as well as a web-based Italian corpus *itTenTen*, a web-based English corpus *enTenTen*, corpora of English language, English monolingual dictionaries, dictionaries of English and Italian idioms, and Italian-English bilingual dictionaries.

RESULTS AND DISCUSSIONS

Having implemented cognitive and pragmatic analysis of the borrowings in Italian media texts, the following functions were distinguished [3, p.35, 6]:

1. Nominative function.

Nominative function, being the central function of borrowing, is preconditioned by the necessity to name new phenomena and culture-specific concepts. The example below refers to the notions of *social network* and *hashtag*:

Poi, nell'estate, altri attriti si erano generati a causa delle condizioni stagnanti dell'acqua delle vasche, fra le pro-

teste dei residenti e una campagna sui social network, dominata dall'hashtag #alessandrocampialacqua, in riferimento al nome del proprietario delle Terme, Alessandro Pater. (La Stampa, April 1, 2021).

En. *Then, in summer time there were registered other cases of arthritis caused by the stagnate water of the baths; among the protests of local residents, there is a social network campaign under the hashtag #alessandrocampialacqua, which refers to the name of the owner of the balneotherapeutic health complex, Alessandro Pater.*

The use of borrowings for a new notion without a direct equivalent in the recipient language hardly requires elaboration, and the examples are numerous. The emphasis here is given to the cases of language variation, when a speaker gives the preference to a borrowed word regardless the existence of a semantically close cognate in the recipient language. The selection of the lexical or grammatical variant is not random and is determined by a tactic or strategic purpose [10]. In some cases, the choice is conditioned by the usage of Anglicisms in conventional terminological meaning. For example,

Annunciati ufficialmente i primi 20 vincitori della lotteria degli scontrini. Ancora avvolta dalla suspense, invece, la lotteria dei vaccini. (La Repubblica, March 13, 2021)

En. *The first twenty winners of the vouchers' lottery are officially announced. Still wrapped up with suspense, instead, this is the lottery of vaccines.*

The term *suspense* creates an artistic effect igniting the state of suspense and anxiety among the readership. The general term actualizing the given meaning is non-existent in the contemporary Italian language.

2. Integrating function.

Borrowed definitions of some international phenomena and notions are preferred to their translation and serve as an integrating function of the linguistic units of global cross-cultural communication. The examples are as follows:

È una mission da mettere al top della short list del Premier, magari dopo il Recovery Plan. Whatever it takes. (La Repubblica, March 13, 2021).

En. *This is a mission to be put on the top of the Premier's shortlist, maybe after the Recovery Plan. Whatever it takes.*

Pagine di Mozart e Haydn per il concerto in live streaming dei Pomeriggi Musicali (foto) oggi alle 20, con replica sabato alle 17. L'orchestra è diretta da Diego Fasolis, specialista del repertorio barocco e classico. (La Repubblica, March 25, 2021).

En. *The pages of Mozart and Haydn of the live streaming concert, being the part of the Musical Afternoons (photo) today at 8 p.m., rerunning on Saturday, 5 p.m. The orchestra is conducted by Diego Fasolis, the specialist in the Baroque and classic repertoire.*

Short list is a list of most probable candidates for an award, premium, degree, etc. The line *Whatever it takes* refers to allusion to the famous song of the American rock band "Imagine Dragons". In the given examples, Anglicisms are of international character and self-explanatory.

3. Function of text compression and saving the speech efforts.

The analysis of Italian media texts has shown that the usage of Anglicisms is commonly motivated by the pursuance of saving the speech efforts [11,12]. For instance:

La casa editrice di Alberobello sogna in grande e punta allo Strega. Nata nel 2017, ha iniziato ripubblicando best seller. (Corriere della Sera, March 25, 2021).

En. *The publishing house "Alberobello" is dreaming of a clear picture of the Strega Prize. Established in 2017, it commenced with republishing of the best seller.*

In this example, the laconical English word *bestseller* replaces the whole declarative statement performing the function of text compression.

Non a caso impazzano le ironie sui social, l'hashtag #cinenenzi è nei trend topic. (Corriere della Sera, February 28, 2021).

En. *There is no way fortuitous that ironies deviate in*

social networks, the hashtag #cinerenzi is among the trend topics.

Trend topic or TT is a subject with a surge in popularity for a limited period of time on one or more social media platforms. This term sounds more laconical than an authentic Italian equivalent in this context – in cima alle classifiche.

4. Expressive and stylistic function.

The appearance of borrowed lexis in media texts is generally preconditioned by thematic context as the discussion of economic, political and social spheres of social life means the great number of Anglicisms's usage. This is dictated by both the journalistic style and the desire of a speaker to make a speech more intellectual. Use of Anglicisms is driven by the willingness of an author to emphasize high academic background or the knowledge of language etiquette, awareness of new phenomena and technological advances.

...i giovani, dicono gli studi, si aspettano curiosi la fine del mondo e la pensano come una catastrofe planetaria tutta d'un colpo, mentre tre celebri "collassologi", citati dal libro, propendono per un happy collapse, cioè per una serie di cambiamenti progressivi ugualmente sorprendenti e destabilizzanti, che io mi immagino come un viaggio accidentato di secoli, un fastidio, un disastro, una strage alla volta sino al buio e al silenzio totali. (La Repubblica, November 11, 2020).

En. *...according to the studies, young people expect the end of the world with speculation and visualize it as of a sudden global catastrophe, while the well-known "collapsologists", cited in the book, lean towards the idea of a happy collapse, i.e. a series of progressive changes, unexpected and wrecking havoc, that I see as a random journey through the centuries, annoyance, a disaster, a massacre leading to the total darkness and silence.*

The English word *collapse* (derived from the Latin *collapsus* – fallen), used instead of the authentic Italian *collasso*, allows the author to demonstrate own linguistic affinities and accentuate an intellectual level of a discourse. Thus, borrowed lexis is applied with the purpose of self-expression and self-fulfilment of a speaker.

Latin and Greek root words and affixes have become the sources of terminology formation for all European languages, therefore it is not always possible to identify whether the word is borrowed or it was created from the morphological units existing in the recipient language [34, p.30].

Thus, etymology of borrowings and the means of their diffusion into the recipient language (directly or indirectly via a third language) are beyond the scope of this work.

5. Evaluative function.

By means of linguistic signs, there could be given evaluation of subjects, actions, people, utterances, etc. on the upside and on the downside.

No alla class action del Codacons contro la Banca Popolare di Bari. (La Repubblica, February 18, 2021).

En. *It was said no to the class action organized by Codacons against the bank La Banca Popolare di Bari.*

In the given example, the borrowed word *action* duplicates the authentic word *azione* by so doing demonstrating the negative attitude of a speaker to the topic.

'Crudelia' è il nuovo live action Disney che racconta gli esordi ribelli della cattiva della Carica dei 101: Crudelia De Mon. (La Repubblica, February 17, 2021).

En. *'Crudelia' is the new live action of Disney that tells the story of the first nasty rebels of 'Head of 101: Crudelia De Mon'.*

Here, the borrowed word *action* is related to its second meaning: *action* as a movie genre, a blockbuster film, and expresses the negative attitude towards theatricalism of the events happening in the film.

Il velivolo, la cui consegna è prevista entro il primo trimestre del 2022, verrà allestito con una configurazione VIP a porta allargata (in grado così di facilitare l'accesso ai presidi per la mobilità ridotta) e capace di ospitare sino a sei passeggeri. (La Stampa, Aprile 1, 2021).

En. *The aircraft, which is supposed to be launched during*

the first trimester of 2022, fits into VIP-category equipped with the wider doors (to facilitate the access of mobility-impaired people) and can accommodate up to six passengers.

The use of the abbreviation VIP (Very Important Person) also bears an evaluative function meaning the temporary popularity or the pasteboard triumph of some famous people, so-called elite and their rapid substitution by other newcomers. However, the original meaning has shifted towards indicating the type of services, goods, etc.

6. Appeal function.

One of the principal goals of media texts is an emotional impact affecting the readership. Simultaneous use of synonym units of borrowed and Italian lexis creates a pronounced emotional coloring and enforces the appeal function of an utterance.

La caratteristica di Clubhouse è di essere basata esclusivamente sull'audio (ecco perché chi mi invitava entusiasta a farne parte lo paragonava alla radio), quindi niente foto, niente filmati, niente scrittura, niente commenti (il che lo rende anche il primo social "hater-free", che elimina sul nascere i detestabili "leoni da tastiera" attaccabrighe), e niente che rimanga agli atti. (La Stampa, February 10, 2021).

En. *Clubhouse is based on audio only format (a person, who invited me to join it, compared it to radio) that meaning it does not contain any photos, films, writing, or comments given (that is why it is considered the first social network "hater-free" eliminating the presence of the detectable "press tribes"-hellraisers), with nothing to enter upon the record.*

The second variant *attacabrighe* is authentic Italian, distinctive by its ambiguity, while the first one *hater* performs a function of terminology widely applied in the sphere of social networks. The author of the article intentionally used both variants in the same sentence to demonstrate his affiliation to professional journalist group and competency.

7. The function of language popularity.

Apart from communicative components, specifics of the analyzed material, semantics of borrowings and the context are of paramount importance. The process of interpretation of the lexical items semantics and their use in various functions are regarded as complementary phenomena. It also demonstrates the flexibility of the borders between one or another function of borrowings. The predominant use of Anglicisms for naming lexical units, equivalent to similar notions in the recipient language, is preconditioned by the function of language popularity.

Quest'ultima è il bellissimo giardino con piscina sono un invito al relax. (La Stampa, March 31, 2021).

En. *The last one is the beautiful garden with a swimming pool that invites you to relax.*

Si tratta di un meeting fisso e di grande interesse riconosciuto che, durante questa specifica edizione, andrà ad approfondire la sostenibilità come tema centrale per le varie tavole rotonde e i diversi key note speech che animeranno le tre mattinate dell'evento. (La Repubblica, March 6, 2021).

En. *Here we are talking of the arranged meeting arousing a great interest, which during this specific edition will increase the insight as the central theme of numerous round-tables and various key not speeches that will enliven three mornings of the event.*

Piemonte potrebbe portare il proprio volume di presenze turistiche a 400 mila pernottamenti in più al mese, offrendo soltanto la possibilità di lavorare in «Smart working» da un luogo di villeggiatura per conciliare lavoro e vacanze. (Corriere della Sera, February 3, 2021).

En. *Piemonte can make up to the benchmark of additional 400 thousand of overnight stays per month, just by offering the tourists the possibility to work online (English equivalent – teleworking, working from home) from the holiday destination combining work and holidays.*

In the examples given above, Anglicisms are perceived as more prestigious than Italian equivalents and provide some kind of "elevation" to a denoted subject.

8. Emotive function.

Emotive function is often associated with nominative function.

Andare oltre gli stereotipi è difficile, ma il mainstream sottovaluta l'intelligenza delle persone, mentre dovrebbe osare. (Corriere della Sera, March 1, 2021).

En. *It is difficult to let go of the stereotypes, but mainstream underestimated the people's intelligence instead of daring to do so.*

The lexical unit *mainstream* has a negative connotation in the Italian language meaning 'commonplace, banality, mass tendency' and is opposed to 'elite and privileged'. The author of the article has pitched upon an Anglicisms, more emotive and succinct.

È stato come fare bungee jumping.... alla fine eravamo al secondo sold-out in Sicilia. (Corriere della Sera, June 16, 2018).

En. *This was like doing bungee jumping.... at the end of it, the tickets were sold-out twice in Sicily.*

Anglicism *bungee jumping* is used here for creating a metaphoric expression – the expectations of the concert are compared by the author with bungee jumping in the intensity of emotions and adrenalin.

9. *Function of affiliation to a certain group of people and distinction between the opposition "own-alien".*

The proposed collective image of the readership defines the level of discourse and selection of lexical units for media texts. Using non-adopted Anglicisms without clarifying their meanings, the authors of the text undertake the responsibility for successful communication giving the highest regard for the intellectual level of readers.

La bicicletta per muoversi nel verde è il mezzo principe. Ogni spazio è "pet friendly". (La Repubblica, March 30, 2021).

En. *The main type of transport for moving in the greenery is a bicycle. Every space is pet-friendly.*

Ulteriori informazioni sull'aggregazione, compresa una copia dell'accordo definitivo e una presentazione per gli investitori, saranno fornite in un Current Report su Form 8-K che sarà depositato da Fintech V presso la Securities and Exchange Commission e che sarà disponibile su www.sec.gov. (La Repubblica, March 16, 2021).

The latest aggregated data, comprising the copy of the definitive agreement and the presentation for investigators, will be included into the Current Report of Form 8-K that will be deposited by Fintech V and filed with the Securities and Exchange Commission. They will be available for viewing on the site www.sec.gov.

The function of opposition "own-alien" is the particular case. In the following example, Anglicism stands for the distinctive lexical unit, beyond the semantic frame and becomes the indicator of a concept, social-cultural notion "british!". In this example, "british" is regarded as a precedent unit, which actualizes the function of a cultural identity marker.

Poi emotività Italiana non è così "british!" (Interview with Marica Ayane, September 20, 2018, Radio Italia).

En. *Italian emotional and expressive sphere is not so "british!"*

Appealing to precedent foreign names, renowned in the international context, on the one hand, performs the function of illustration of a certain fact and behavioural pattern, and on the other hand, saves the speech efforts and gives emotional and expressive coloring to the utterance.

Borrowed lexical units, initially constrained by youth, IT or professional slang, realise the function of affiliation to a certain social group or orientation towards the language fashion.

Fortissima la risposta sui social: il loro profilo su TikTok sta viaggiando spedito verso i 10 milioni di follower. (La Stampa, April 3, 2021).

En. *The response in the social networks was raving: their TikTok profile has acquired 10 millions of followers.*

Quite often the complex of these functions is realized explicitly by pointing at the relevance of a lexical unit:

Possono essere singole, di coppia o di gruppo: ognuno

fa la sua entrata, la battle, che poi viene giudicata da una giuria che è composta da diversi giudici. (La Repubblica, February 27, 2021).

En. *The participants could be single, in couples or groups: each person makes his/her entrance, the battle, that is judged by the jury composed of various judges.*

Gli ospedali: siamo al limite Le scuole: proteste anti-Dad. (La Repubblica, March 2, 2021).

En. *Hospitals: the schools are constrained: anti-Dad protests.*

The use of Anglicisms in the examples above is due to the willingness to demonstrate affiliation to a certain intellectual group and the intention to keep up with the fashion and modern trends.

10. *Function of playfulness.*

It was mentioned earlier that appeal to Anglicisms is motivated by high language competence of an author and potential readership capable to perceive the playfulness. Playfulness in media texts functions as a means of linguistic manipulation; pragmatic features of playfulness are reflected in the complex of communicative strategies and tactics embodied in the playful techniques.

Il liceo classico Parini inventa l'open night, l'evento va sold out e dunque «riapriamo le iscrizioni dei prossimi open day e open night — è scritto sul sito della scuola — aumentando il numero dei posti disponibili». (La Repubblica, November 21, 2020).

En. *The classical vocational school Parini introduces the open night, the event is sold out and registration has started for the upcoming open day and open night – as written on the school's website – leading to the increase in the number of available vacancies.*

Play on words is based on the usual lexical combination with the purpose of creation metaphoric parallel (school's open night – 'concert') producing a comical effect as it is obvious for the readership that open day events in school are not fee-paying. Thus, the use of Anglicisms in this approach is preconditioned by the fusion of appealing and aesthetic functions of linguistic units. This combination facilitates formation of public opinion by means of conducting certain media strategies.

CONCLUSIONS

Modern media discourse represents an ample space of numerous media texts varying in their media-cultural peculiarities and operating specific perception codes. Instantaneous publishing information on mobile gadgets and PC on the electronic media platforms has become a reality.

Application of cognitive and pragmatic analysis enabled the author to conclude that degree of pragmatic salience of Anglicisms is indisputably higher if compared to their semantic equivalents in the Italian language. Thus, the journalists actively "juggling" Anglicisms in media texts are willing to make the effect on their readership, whereas the intrinsic motivations include the attempt to be creative, to play with language, to sound foreign, exotic and glamorous, and to be closer to contemporary international environment.

The loanword success and stability in the recipient language could be effectively predicted by application of the principles of cognitive linguistics. Applying the concept-based approach enables researchers to give new insight in the influx of loanwords. Moreover, studying the phenomena of contact linguistics facilitates further expansion to cognitive linguistic adopting a variationist approach.

The author attempted to identify the functions of Anglicisms in Italian media texts and analyze the impact of the English language on Italian in terms of linguistic perception and the influence of Anglo-American culture on the Italian society and language. Having analyzed the challenges and language policy related to the use of English and American borrowings, the author concluded that the excessive use of Anglicisms in today's Italian language seems unjustified in the most cases and is more about sounding open-minded, global, or following a certain linguistic fashion rather than filling a lexical gap between two languag-

es in contact. Conforming to the language policy pursued by *Accademia della Crusca*, the abusive use of Anglicisms keeps an overwhelming majority of Italian-speakers in the cold as only 16% of Italians have a sufficient command of English language.

REFERENCES:

1. Александрова О.В. (2016). Современный медийный дискурс как отражение жизни общества. Тезисы выступлений на заседаниях круглого стола «Язык и дискурс СМИ в XXI веке», 20-21.
2. Александрова О.В. (2018). Особенности терминологии когнитивной лингвистики. Когнитивные исследования языка, №34, 27-30.
3. Волкова Е.В. (2020). Функции англоязычных заимствований в русском и итальянском языках (на материале радиодискурса) / Е.В. Волкова, А.А. Хустенко, Е.А. Шерина. Научный диалог, №2, 35-52. – DOI: 10.23224/2227-1295-2020-2-35-52.
4. Bressan, D. (2006). *Tipologia dell'inglese maccheronico*. In: Van den Bossche, Bart, Bastiaansen, Michel, Lonergan, Corinna Salvadorioi, Widlak, Stanislaw (Eds.), *Italia e Europa: dalla cultura nazionale all'interculturalismo. Atti del XVI Congresso dell'Associazione Internazionale Professori di Italiano (AIP)*. Cracovia, 26-29 Agosto 2004, vol. V. Franco Cesati, Firenze, 315-320.
5. Furiassi, C. (2017). *Pragmatic borrowing: phraseological Anglicisms in Italian*. In: Boggio, Cecilia, Molino, Alessandra (Eds.), *English in Italy: Linguistic, Educational and Professional Challenges*. FrancoAngeli, Milano, 38-60.
6. Marelllo, C. (2020). *New Words and New Forms of Linguistic Purism in the 21st Century: The Italian Debate*. *International Journal of Lexicography*, vol. 33, issue 2, 168-186.
7. Treffers-Daller, J. (2010). *Borrowing*. In: Fried, Mirjam, Ostman, Jan-Ola, Verschueren, Jef (Eds.), *Variation and Change: Pragmatic Perspectives*. John Benjamins, Amsterdam and Philadelphia, 17-35.
8. Onysko, A., Winter-Froemel, E. (2011). *Necessary loans e luxury loans? Exploring the pragmatic dimension of borrowing*. *J. Pragmat.* 43, 1550-1567.
9. Errington, J. Joseph, 1985. *On the nature of the sociolinguistic sign: describing the Javanese speech levels*. In: Mertz, Elizabeth, Parmentier, Richard J. (Eds.), *Semiotic Mediation. Sociocultural and Psychological Perspectives*. Academic Press, Orlando, 287-310.
10. Variano, A. (2018). *Gleanings of anglicisms: regarding leggings and other (recent) loan words*. *Zeitschrift fur romanische philologie*, vol. 134, issue 2, 568-579.
11. Furiassi C. (2018). *Macaroni English goes pragmatic: False phraseological Anglicisms in Italian as illocutionary acts*. *J. Pragmat.* 133, 109-122.
12. Anglemark, L., Andrew J. (2018). *The Use of English-Language Business and Finance Terms in European Languages*. *Int. Journal of Business Communication*, vol. 55, issue 3, 406-440.

Статья поступила в редакцию 07.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 347.2/3

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0080

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРОБЛЕМЫ «ДВОЙНОЙ ПРОДАЖИ» ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ

© Автор(ы) 2021

ResearcherID: A-0000-0000

ORCID: 0000-0002-4970-9382

АЛЕКСЕЕВ Александр Аркадьевич, старший преподаватель Департамента правовых дисциплин
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

(125190, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 80, корпус Г,Е,Ж, e-mail: pshenichka2@yandex.ru)

Аннотация. Цель: рассмотреть проблемные вопросы двойной продажи объектов недвижимости. Это очень важный вопрос, поскольку ежедневно объекты недвижимости выступают предметом большинства гражданско-правовых сделок. В настоящее время законодательно детально прописана правовая процедура смены собственника, максимально конкретизированы все этапы сделки. Однако, и юридическое лицо, и гражданин могут столкнуться с недобросовестным продавцом недвижимости, вплоть до мошенничества, либо стать жертвой стечения неблагоприятных обстоятельств. **Методы:** использовались общенаучные методы: анализ и синтез, специально – юридические методы, методы толкования права. **Результаты:** в статье обосновано, что проблема «двойной продажи» объектов недвижимости прямо связана с вопросами защиты права собственности, на которые, в свою очередь, оказывают влияние способы приобретения этого права и основания возникновения права. При «двойной продаже» недвижимости в большинстве случаев складывается ситуация, при которой либо переход права собственности от продавца к одному из покупателей не регистрируется, либо не происходит надлежащей передачи продаваемого имущества. Рассмотрена существующая судебная практика. **Научная новизна:** предложены меры, с помощью которых можно обезопасить себя и минимизировать риски при приобретении недвижимости, в том числе защититься от «двойной продажи». Для этого в обязательном порядке следует: запросить у собственника правоустанавливающие документы на объект недвижимого имущества; получить актуальную выписку из ЕГРН на объект недвижимого имущества. Это поможет выявить зарегистрированные обременения (залог, арест, долгосрочную аренду) и убедиться в наличии права собственности у продавца. Перед подписанием договора купли-продажи необходимо осмотреть приобретаемый объект недвижимости; при реализации договора использовать для расчетов банковскую ячейку, а сам порядок оплаты, по возможности, прописать в договоре, как оплату после передачи имущества и регистрации перехода прав в Реестре. **Практическая значимость:** применение предложенных рекомендаций в практической деятельности минимизирует риски при продаже недвижимого имущества, исключит их «двойную продажу».

Ключевые слова: недвижимость, кодекс, двойная продажа, суд, владение, собственник, недобросовестность, злоупотребление правом, сторона договора, риски, сторона договора продавец недвижимого имущества.

PROBLEMS OF “DOUBLE SALE” OF REAL ESTATE

© The Author(s) 2021

ALEKSEEV Alexander Arkadievich, Senior Lecturer at the Department of Legal Disciplines
Moscow University for Industry and Finance “Synergy”

(125190, Russia, Moscow, Leningradskiy avenue, 80, building G, E, Zh, e-mail: pshenichka2@yandex.ru)

Abstract. Purpose: to consider the problematic issues of the double sale of real estate. This is a very important issue, since every day real estate objects are the subject of most civil law transactions. At present, the legal procedure for changing the owner is spelled out in detail, and all the stages of the transaction are specified as much as possible. However, both a legal entity and a citizen may face an unscrupulous seller of real estate, up to fraud, or become a victim of a combination of unfavorable circumstances. **Methods:** general scientific methods were used: analysis and synthesis, special legal methods, methods of interpretation of law. **Results:** the article proves that the problem of «double sale» of real estate objects is directly related to the issues of protection of property rights, which, in turn, are influenced by the methods of acquiring this right and the grounds for the emergence of the right. In the case of a «double sale» of real estate, in most cases, there is a situation in which either the transfer of ownership from the seller to one of the buyers is not registered, or there is no proper transfer of the property being sold. The existing judicial practice is considered. **Scientific novelty:** the measures that can be used to protect yourself and minimize the risks when purchasing real estate, including to protect yourself from a «double sale», are proposed. To do this, it is mandatory to: request from the owner of the title documents for the object of real estate; get an up-to-date extract from the USRN for the real estate object. This will help you identify registered encumbrances (collateral, arrest, long-term lease) and make sure that the seller has ownership rights. Before signing the contract of sale, it is necessary to inspect the purchased property; when implementing the contract, use a bank deposit box for settlements, and the payment procedure itself, if possible, should be prescribed in the contract as payment after the transfer of property and registration of the transfer of rights in the Register. **Practical significance:** the application of the proposed recommendations in practice minimizes the risks in the sale of real estate, eliminates their «double sale».

Keywords: real estate, code, double sale, court, possession, owner, dishonesty, abuse of law, party to the contract, risks, party to the contract seller of real estate.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В настоящее время ежедневно объекты недвижимости выступают предметом большинства гражданско-правовых сделок: купли-продажи, дарения, передачи в залог и т.д. Закон на сегодняшний день детально прописывает правовую процедуру смены собственника, стараясь максимально конкретизировать все этапы сделки. Такой подход законодателя связан с тем, что в отношении объектов недвижимости существовали и продолжают существовать различные схемы мошеннических действий. Конечно, покупка новой недвижимости всегда является событием радостным и волнительным. Но, тем не менее,

не нужно при этом забывать о том, что случаи мошенничества в этой сфере – явление достаточно распространенное [1, с. 45-54; 2, с. 3-6]. Мошенники в современном мире без труда подделывают любые бумаги: паспорт, доверенность, решение суда, договор купли-продажи, а с развитием цифровых технологий подделывать стали цифровые электронные подписи.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. В настоящее время проблеме двойной продажи недвижимости посвящены научные исследования: М. Б. Жужалов [3, с. 122-138], А. Кирина [4, с. 57-65] и др.

В случае продажи по поддельным документам, как правило, встречается вариант, когда продавец на самом деле не является собственником жилья, а получил документы на него обманным путем. Поэтому один из важнейших пунктов проверки чистоты будущей сделки - внимательная проверка всех правоустанавливающих документов. То, каким образом это будет осуществлять сторона договора купли - продажи, имеет значение. В связи с чем необходимо выработать общие рекомендации, исполняя которые добросовестная сторона договора минимизирует свои риски.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Целью настоящей статьи является исследование отдельных проблемных вопросов «двойной продажи» объектов недвижимости.

Используемые методы, методика и технологии. При написании статьи использовались общенаучные методы: анализ и синтез, специально – юридические методы, методы толкования права.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Как организация, так и гражданин могут столкнуться с недобросовестным продавцом недвижимости, либо стать жертвой стечения неблагоприятных обстоятельств, в том числе неопределенности договоренностей между сторонами договора, неточностью формулировок договора, оплошностей, допущенных обеими сторонами в процессе осуществления сделки по отчуждению недвижимости. Проблема «двойной продажи» объектов недвижимости прямо связана с вопросами защиты права собственности, на которые, в свою очередь, оказывают влияние способы приобретения этого права и основания возникновения права [5, с. 53-61; 6, с. 5-7]. Из Гражданского кодекса РФ [7] следует, что право собственности включает права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. По нашему мнению, наиболее проблемным вопросом в приведенном перечне прав является понятие владения. Дискуссия о том, относится ли владение к факту или праву, возникла еще в германской пандектике (пандектная система была разработана в XVIII - XIX веках) и продолжается до сих пор [8, с. 27-28].

В конечном итоге нормами Гражданского кодекса РФ собственник был определен как лицо, которому принадлежит право владения. Данный вопрос является очень важным, а, порой, и решающим при разрешении спора, в том числе в ситуации «двойной продажи недвижимости» [9, с. 45-54].

В действующем гражданском законодательстве РФ предусмотрены особые требования к договору купли – продажи недвижимого имущества [10, с. 17-35]. Они достаточно конкретны. При «двойной продаже» недвижимости, в большинстве случаев, складывается ситуация, при которой либо переход права собственности от продавца к одному из покупателей не регистрируется, либо не происходит надлежащей передачи продаваемого имущества [11, с. 29; 12, с. 13]. И в том, и в другом случае, как правило, продавец уклоняется от регистрации перехода права или от передачи имущества по акту. Случается это и потому, что к моменту осуществления этих действий продавец прекращает свое существование, например, в качестве хозяйствующего субъекта. Кроме того, встречаются в правоприменительной практике ситуации, когда продавец сначала продал недвижимость одному лицу и передал ему владение, а потом продал второму и зарегистрировал переход права собственности именно по отношению ко второму [13, с. 13]. Разъяснение вопросов правоприменения при рассмотрении споров, связанных с защитой права собственности, излагается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 [14] (далее – Постановление). При этом в абз. 6 п. 61

Постановления указывается на приоритет для владельца проданного имущества при рассмотрении двух конкурирующих исков о регистрации перехода права собственности (из чего следует, что данное правило не распространяется на ситуацию, при которой имеется наличие записи о переходе права у одного из покупателей).

В свою очередь в абз. 7 п. 61 Постановления указывается на приоритет покупателя, получившего запись в реестре (про владение не указано, но из системного толкования можно сделать вывод о том, что приоритетным в таком случае будет запись о переходе права в реестре). На первый взгляд, все логично и ведет к однозначным выводам при судебном разрешении подобных споров, но, как показывает судебная практика, согласия во мнениях судов все-таки нет. Подтверждение тому, например, Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.11.2016 № Ф02-4745/2016 по делу № А33-8849/2015 [15] суд указал на необходимость выяснить вопрос о фактическом владении спорным имуществом несмотря на то, что была произведена регистрация перехода права. В соответствии с Постановлением ФАС Московского округа от 03.04.2013 по делу № А41-31368/12 [16] судом было отдано предпочтение записи о переходе права перед владением.

Интересным примером может служить Определение Верховного Суда РФ № 33-КГ17-10 от 13.06.2017, в котором поднимаются вопросы собственности и права владения и рассматривается ситуация, очень схожая с «двойной продажей» недвижимости – у земельных участков оказалось несколько собственников. В частности, Верховный Суд РФ сделал вывод о том, что право обратиться с требованием о признании права собственности на недвижимое имущество отсутствующим имеется только у лица, которое в соответствии с данными ЕГРН является собственником имущества и одновременно им владеет, в том случае, если по каким-либо причинам на данное имущество одновременно зарегистрировано право собственности за другим лицом.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Рассмотрим на примере правоприменительной практики Верховного Суда РФ более подробно вопрос: каким образом возможно совершение двойной продажи одного и того же объекта недвижимого имущества. В связи с чем обратимся к Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2020 № 48-КГ20-13-К7 [17].

Фабула дела состоит в следующем. Весной 2011 г. администрация Челябинска продала местному предпринимателю Игорю Беленькому участок площадью 32 га недалеко от ледовой арены «Трактор». Бизнесмен к тому моменту там уже начал возводить три жилых дома. После сделки коммерсант поделил участок на десяток небольших и распродал их разным компаниям и физлицам. Самая большая часть в 13,5 га досталась ООО «Стройзаказчик» за 7,7 млн. руб. Эта фирма образовала из купленной земли еще несколько участков, которые по цепочке сделок ушли нескольким строительным компаниям, и они начали возводить там новое жилье.

В 2019 г. в челябинскую полицию пришел предприниматель Игорь Макаров и сообщил, что в 2011 г. он первым приобрел у Беленького те самые 13,5 га земли около хоккейного стадиона за 6 млн. руб. К заявлению о мошенничестве Макаров приложил копию договора купли-продажи земли, сказав, что оригинал документа потерял. Сделку все эти годы он не регистрировал, налоги на землю не платил, но считает себя владельцем этих 13,5 га.

Верховный Суд РФ при рассмотрении данного спора посчитал, что Макаров вправе требовать возврата земли, если она до сих пор находится у продавца. Но участки много лет принадлежат другим лицам, которые возвели там целый жилой микрорайон. Соответственно, истцу необходимо требовать возмещения убытков от

Беленького. И главное, на что обратила внимание судебная коллегия Верховного Суда РФ ВС - нет никаких сведений, что Макаров как-то владеет спорной землей.

По нашему мнению в рассмотренном нами случае вынесенное Определение является вполне закономерным результатом допущенных нижестоящими судами нарушений. В частности, Верховный Суд РФ в своем Определении называет и подробно описывает следующие нарушения:

1. Отсутствие в материалах дела подлинника договора купли-продажи земельного участка, подписанного Беленьким И.В. и Макаровым И.Н.

2. Не привлечение ООО «Трест Магнитострой» (новый собственник одного из новообразованных земельных участков) к участию в деле в качестве ответчика.

3. Отсутствие сведений о том, что Макаров И.Н. владеет спорным земельным участком.

4. Наличие у Макарова И.Н. иного способа защиты права - требование о возмещении Беленьким И.В. убытков.

Безусловно, выводы, к которым пришел Верховный Суд РФ в анализируемом деле, на наш взгляд, являются правильными. Одновременно необходимо отметить, что никаких новых позиций, которые ранее не были бы известны судебной практике, в данном судебном акте не сформулировано. Центральной проблемой данного дела является двойная купля-продажа (заключение в отношении одного и того же объекта нескольких договоров, направленных на его отчуждение) и способы защиты прав того покупателя, договор с которым не был исполнен.

Однако, по нашему мнению, имеется еще одно весьма существенное нарушение, на которое при этом не сослался и не мог, в силу особенностей рассмотрения дела в суде кассационной инстанции, сослаться Верховный Суд РФ: неполное исследование нижестоящими судами взаимоотношений Беленького И.В. и Макарова И.Н. Ни один из судебных актов нижестоящих судов не содержит подробного анализа, в том числе, следующих обстоятельств:

1. По какой причине Макаров И.Н. был вынужден в срочном порядке покинуть г. Челябинск, не зарегистрировав переход права собственности?

2. В чем в действительности состояли договоренности Беленького И.В. и Макарова И.Н. относительно государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок и чем данные договоренности подтверждаются? Как происходила коммуникация Беленького И.В. и Макарова И.Н. по данному вопросу и каково ее содержание?

3. Когда Макаров И.Н. вернулся в г. Челябинск и по какой причине он предпринял попытку зарегистрировать переход права собственности на земельный участок лишь спустя семь лет, в 2018 году? Какие имелись препятствия для осуществления Макаровым И.Н. государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок до 2018 года?

4. Были ли Макарову И.Н. возвращены денежные средства, ранее уплаченные им за земельный участок?

Полагаем, что без ответа на данные вопросы нельзя говорить об обоснованном применении судами положений закона об исковой давности и добросовестности (недобросовестности) лиц, участвующих в деле.

Вместе с тем, полагаем, что рассмотренным нами судебным актом рано ставить точку в так называемых двойных продажах. Верховный Суд РФ в очередной раз признал добросовестность сведений из ЕГРН, а значит, кто зарегистрирован в ЕГРН, тот и прав. Если сделка и была между первым и вторым приобретателем, то тот, кто купил, но в ЕГРН не попал, вправе взыскать убытки с недобросовестного продавца.

Также суд указал на тот факт, что подписание договора купли-продажи без его дальнейшей регистрации в органах Росреестра и без фактического принятия «купленных» объектов недвижимости еще ничего не

значит. В данном случае такой покупатель должен фактически владеть и пользоваться приобретенными объектами, уплачивать за них налоги, и только тогда есть какой-то шанс попытаться признать право собственности на такие объекты в свою пользу, при условии, что второй покупатель, чье право было зарегистрировано в ЕГРН, ничего подобного не делает и ничем не занимается. Примечательным с нашей точки зрения в рассмотренном судебном акте является то, что Верховный Суд РФ не установил недобросовестности истца по защите своих прав, ведь обращение в суд через столько лет после сделки, зная о том, что на данных земельных участках уже стоят объекты недвижимости, есть не что иное как злоупотребление правом. Тем более что разумных и осмотрительных действий с точки зрения защиты своих прав такой покупатель не предпринимал.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. В завершение и в связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос: каким образом можно обезопасить себя и минимизировать риски при приобретении недвижимости, в том числе защититься от «двойной продажи»? Для этого в обязательном порядке следует:

- запросить у собственника правоустанавливающие документы на объект недвижимого имущества;

- получить актуальную выписку из ЕГРН на объект недвижимого имущества. Это поможет выявить зарегистрированные обременения (залог, арест, долгосрочную аренду) и убедиться в наличии права собственности у продавца;

- перед подписанием договора купли-продажи необходимо осмотреть приобретаемый объект недвижимости;

- при реализации договора использовать для расчетов банковскую ячейку, а сам порядок оплаты, по возможности, прописать в договоре, как оплату после передачи имущества и регистрации перехода прав в Реестре [18, с. 34; 19, с. 5; 20, с. 23-26].

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. В перспективе, по нашему мнению, является целесообразным более детальная проработка предложенных нами выводов о том, как защититься от «двойной продажи» недвижимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дружинина И. Какие проблемы случаются при покупке недвижимости за рубежом россиянами // *Жилищное право*. 2021. № 2. С. 87 - 95.

2. Алексеева Е.В. Некоторые проблемы правовой квалификации недвижимости в качестве объектов капитального строительства // *Правовые вопросы недвижимости*. 2020. № 2. С. 3 - 6.

3. Жужжалов М.Б. Конкуренция прав покупателей, основанных на владении и регистрации, при двойной продаже недвижимого имущества // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2017. № 1. С. 122 - 138.

4. Кирина А. Долевая собственность объектов // *Жилищное право*. 2019. № 12. С. 57 - 65.

5. Гайдин Д. Когда суды признают недвижимость приобретенной не на свои доходы // *Жилищное право*. 2021. № 2. С. 53 - 61.

6. Сучкова М. Законодательные инициативы в области недвижимости, которые вступят в силу в 2021 году // *Жилищное право*. 2021. № 2. С. 5 - 7.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // *СЗ РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301.

8. Маркина М.В. Защита прав и законных интересов участников долевой собственности на недвижимость при продаже доли одним из них // *Нотариус*. 2017. № 5. С. 27 - 28.

9. Кирина А. Двойная продажа недвижимости: проблемы правоприменения // *Жилищное право*. 2021. № 1. С. 45 - 54.

10. Наумова О. Незаконные схемы купли-продажи недвижимости, связанные с личностью стороны сделки // *Жилищное право*. 2018. № 12. С. 17 - 35.

11. Демидова И. Недвижимость всегда была привлекательным объектом не только для добросовестных продавцов и покупателей на рынке жилья // *Жилищное право*. 2021. № 2. С. 29 - 34.

12. Демченко М.В. К вопросу о совершенствовании регулирования рынка недвижимости в Российской Федерации // *Нотариус*. 2020. № 8. С. 28 - 32.

13. Жужжалов М.Б. Конкуренция прав покупателей, основанных на владении и регистрации, при двойной продаже недвижимого имущества // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2017. №

Г. С. 122 - 138.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. Июль. 2010.

15. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.11.2016 № Ф02-4745/2016 по делу № А33-8849/2015 // СПС «Консультант Плюс».

16. Постановление ФАС Московского округа от 03.04.2013 по делу № А41-31368/12 // СПС «Консультант Плюс».

17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2020 № 48-КГ20-13-К7 // СПС «Консультант Плюс».

18. Головенко Ю. Банковская ячейка для расчетов за недвижимость // Жилищное право. 2020. № 11. С. 25 - 34.

19. Хлебников П., Новикова Е., Николаева О. Отмена покупки недвижимости // Жилищное право. 2020. № 9. С. 5 - 42.

20. Семенов В.В. Защита прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества // Юрист. 2020. № 5. С. 23 - 26.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 336.225
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0081

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ КАМЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 4879-1991
AuthorID: 757360
ORCID: 0000-0003-0737-6150

ПОНОМАРЕВ Олег Владимирович, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права

Дальневосточный федеральный университет

(690090, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: ponomarev.ov@dvfu.ru)

SPIN: 6408-0534
AuthorID: 1107755
ORCID: 0000-0002-7254-4061

БУЛИМА Антон Романович, студент Юридической школы

Дальневосточный федеральный университет

(690090, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: bulima.ar@students.dvfu.ru)

SPIN: 5654-8034
AuthorID: 1108698
ORCID: 0000-0001-9115-7684

РАШИДОВ Ахмед Вугарович, студент Юридической школы

Дальневосточный федеральный университет

(690090, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8, e-mail: rashidov.av@students.dvfu.ru)

Аннотация. *Цель:* выявить актуальные проблемы проведения камеральной проверки в целях защиты прав налогоплательщиков. *Методы:* использование таких методов, как анализ и синтез позволяет исследовать правовую реальность, различные подходы законодательства. Выявление логических связей в раздельности позволяет в дальнейшем сложить общую картину и правовой действительности исследуемого объекта. *Результаты:* Камеральная налоговая проверка является одной из форм налогового контроля. Правильность её проведения обеспечивает соблюдение прав налогоплательщиков. Однако же на практике существуют ряд вопросов, которые не позволяют в точной мере признать действия налоговых органов правомерными, а права налогоплательщиков, неподвергающимися нарушениям. Одной из самых спорных проблем является проведение выемки во время камеральной налоговой проверки. Анализируя положения Налогового кодекса РФ, авторы отмечают, что проведение выемки во время камеральной налоговой проверки является незаконным. Однако данному положению противоречат письма Федеральной налоговой службы и Министерства финансов, допускающие проведение выемки. Также авторами отмечаются и другие проблемы, связанные с проведением мероприятий налогового контроля. Так авторами затрагиваются проблемы проведения осмотра, проведения повторной камеральной налоговой проверки. Отмечаются существенные противоречия с Постановлением Пленума Высшего Арбитражного суда от 30.07.2013 N 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации». Объединяя опыт судебно-арбитражной практики и результаты исследований доктрины налогового права, авторами предлагаются внесение изменений соответствующие статьи Налогового кодекса РФ. *Научная новизна:* в статье на основе использования научных методов определяется актуальные проблемы проведения камеральной налоговой проверки и в соответствии с этим предлагаются решения, которые помогут правильно применять положения налогового законодательства. *Практическая значимость:* выводы и рассуждения, изложенные в данной статье, могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях правового режима объектов виртуальной собственности и в преподавательской деятельности.

Ключевые слова: камеральная налоговая проверка, выемка, проблемы проведения камеральной налоговой проверки, осмотр, повторность проведения.

ACTUAL PROBLEMS OF CONDUCTING AN IN-HOUSE TAX AUDIT

© The Author(s) 2021

PONOMAREV Oleg Vladimirovich, senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law
Far Eastern Federal University

(690090, Russia, Vladivostok, street Sukhanova 8, e-mail: ponomarev.ov@dvfu.ru)

BULIMA Anton Romanovich, student of the Law School

Far Eastern Federal University

(690090, Russia, Vladivostok, street Sukhanova 8, e-mail: bulima.ar@students.dvfu.ru)

RASHIDOV Ahmed Vugarovich, student of the Law School

Far Eastern Federal University

(690090, Russia, Vladivostok, street Sukhanova 8, e-mail: rashidov.av@students.dvfu.ru)

Abstract. *Purpose:* to identify the actual problems of conducting an in-house audit in order to protect the rights of taxpayers. *Methods:* the use of such methods as analysis and synthesis allows you to explore the legal reality, various approaches to legislation. The identification of logical connections in the separation allows us to further add up the overall picture and the legal reality of the object under study. *Results:* In-house tax audit is one of the forms of tax control. The correctness of its implementation ensures compliance with the rights of taxpayers. However, in practice, there are a number of issues that do not allow us to accurately recognize the actions of tax authorities as legitimate, and the rights of taxpayers that are not subject to violations. One of the most controversial issues is the seizure during the in-house tax audit. Analyzing the provisions of the Tax Code of the Russian Federation, the authors note that the seizure during a desk tax audit is illegal. However, this provision is contradicted by the letters of the Federal Tax Service and the Ministry of Finance, which allow for the seizure. The authors also note other problems related to the implementation of tax control measures. Thus, the authors touch upon the problems of conducting an inspection, conducting a repeated in-house tax audit. There are significant contradictions with the Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of 30.07.2013 N 57 "On certain issues arising in the application of Part One of the Tax Code of the Russian Federation by commercial courts". Combining the experience of judicial arbitration practice and the results of research on the doctrine of tax law, the authors propose amendments to the relevant articles of

the Tax Code of the Russian Federation. *Scientific novelty*: the article, based on the use of scientific methods, identifies the current problems of conducting an in-house tax audit and, in accordance with this, offers solutions that will help to correctly apply the provisions of tax legislation. *Practical significance*: the conclusions and arguments presented in this article can be used in further scientific research of the legal regime of virtual property objects and in teaching activities.

Keywords: desk tax audit, seizure, problems of conducting a desk tax audit, inspection, repeatability.

ВВЕДЕНИЕ

Выполняя функцию социального государства, взимаются налоги в целях обеспечения социально незащищенных слоев населения. Грамотно выстроенная система взимания и поступления обеспечивает защиту и охрану прав налогоплательщиков. Одной из форм налогового контроля, обеспечивающий соблюдение налогового законодательства, является камеральная налоговая проверка. Проблемы, возникающие в ходе проведения камеральной налоговой проверки имеют доктринальную и практическую значимость. Проблематика проведения камеральной проверки является проблемой не новой, но все же не теряет своей актуальности в современные дни. Авторами затрагиваются различные аспекты данной проблемы. Так, Баргыханова, Ш. М. затрагивает проблемы компетентности сотрудников органов Федеральной налоговой службы [1]. В работе Лариной С. С. Затрагивается одна из проблем, в последующем раскрываемая в данной статье – проведение осмотра в ходе камеральной проверки [2]. Сама статья посвящена таким проблемам, как проведение выемки, осмотра и повторности камеральных проверок, как одних из самых актуальных.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данной статьи является выявление практических проведения отдельных мероприятий в ходе камеральной налоговой проверки, а также её повторность. На основе На основе комплексного подхода был изучен ряд научных публикаций.

На основе анализа действующего законодательства Российской Федерации, материалов научных публикаций, в которых находит отражение данная тема исследования, охарактеризованы современные подходы к формированию устранения пробелов законодательства в области проведения камеральных налоговых проверок.

Сорокин В. А. [3], Заргарян С. А. [4] и Мажаева Д. В. [5] отмечают, что неоднократные камеральные налоговые проверки одной и той же налоговой декларации за один и тот же период недопустимо. Ожерельева Т. С. [6] и Захаров А. Л. [7] затрагивают проблемы разграничения выездной и камеральной налоговых проверок. Учитывая то, что данные формы очень схожи из-за общности проводимых мероприятий, однако выделяются существенные различия, проводимы по срокам, основаниям.

Таким образом, в научных публикациях современных авторов нашли свое отражение наиболее актуальные правовые аспекты развития законодательства в области проведения камеральной налоговой проверки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На сегодняшний день одним из дискуссионных вопросов остается «проблема проведения выемки при камеральной проверке». Как мы знаем, существует множество контрольных мероприятий, которые используются в ходе проведения камеральной налоговой проверки с целью выяснения соблюдения налогового законодательства налогоплательщиком. Однако нет единого мнения по поводу использования такого важного средства управления налоговым контролем как выемка при осуществлении камеральной налоговой проверки.

Выемка документов и предметов осуществляется с целью выявления и подтверждения достаточными доказательствами нарушений налогового законодательства.

В налоговом кодексе есть специальная норма, которая регулирует порядок проведения выемки и этой нормой является статья 94 НК РФ. Данная норма не упоминает о проведении выемки во время камеральной проверки. Напротив, идет уточнение, что выемка документов и

предметов может быть произведена только на основании мотивированного постановления должностного лица налогового органа который осуществляет выездную налоговую проверку[8]. К тому же если обратиться внимание на ст. 88 НК РФ, то можно заметить, что камеральная проверка проводится на территории инспекции и не предполагает присутствия проверяющих на территории компании. Однако если обратиться внимание на ч. 3 ст. 94 НК РФ, то здесь, наоборот выемка проводится на территории проверяемой организации.

Таким образом, проводить выемку в ходе камеральной проверки не представляется возможным. Данный вывод аналогичен с определением Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 571-О, в данном определении суд сравнил выездную проверку с камеральной и был сделан вывод, что «выездная налоговая проверка по общему правилу проводится на территории (в помещении) налогоплательщика на основании решения руководителя (заместителя руководителя) налогового органа (пункт 1 статьи 89); такая проверка ориентирована на выявление тех нарушений налогового законодательства, которые не всегда можно обнаружить в рамках камеральной налоговой проверки: для их выявления требуется углубленное изучение документов бухгалтерского и налогового учета, а также проведение ряда специальных мероприятий контроля, например осмотра, выемки документов и предметов, экспертизы, участия понятых и допроса свидетелей (статьи 90, 92, 94, 95 и 98)[9]».

Вместе с тем, если посмотреть на судебную практику, то у судов нет единого мнения при решении данного вопроса. Если одни ссылаются на нормы, которые были рассмотрены нами выше, то другие склоняются к тому, что такая процедура правомерна. Дело в том, что прямого запрета в проведении выемки в рамках камеральной проверки в налоговом кодексе не имеется. Если исходить из ряда рассмотренных выше норм, то мы приходим к выводу, что включить выемку в такой механизм как камеральная проверка, не представляется возможным. Однако не все так просто.

Если мы посмотрим на под. 3 п. 1 ст. 31 НК РФ, то мы увидим, что данная норма наделяет налоговые органы правом производить выемку документов в рамках налоговых проверок, но здесь не идет конкретизация в рамках каких налоговых проверок - выездных или камеральных?

Также если мы обратимся к п. 8 ст. 94 НК РФ, мы увидим, что при наличии достаточных оснований полагать, что оригиналы документов, свидетельствующие о нарушениях налогоплательщиком налогового законодательства, могут быть уничтожены, сокрыты, изменены или заменены, то налоговые органы вправе изъять подлинники документов. В данном случае также не сказано в рамках, какой проверки возможно применения данной меры.

Представляется, что такое мероприятие если оно не запрещено налоговым законодательством, то и применяя её возможно в рамках камеральной проверки. Для подтверждения высказанной позиции обратимся к письму Минфина России от 07.06.2006 № 03-02-07/1-141. В данном письме было высказана аналогичная позиция, что если мы обратимся к ст. 88 НК РФ, то мы увидим, что при камеральной проверке налоговые органы вправе истребовать с налогоплательщиков документы, подтверждающие правильность исчисления и своевременность уплаты налогов. Минфин России указал, что если налогоплательщик отказывается добровольно предоставить документы налоговому органу, то налоговый

орган имеет право произвести выемку документов при проведении налоговых проверок у налогоплательщика, который могут свидетельствовать о налоговых правонарушениях[10].

Кроме того, для подтверждения данной позиции обратимся к ст. 93 НК РФ. Данная норма, говорит нам о том, что если налогоплательщик отказывается или не представляет запрошенные налоговым органом документы в порядке ст. 93 НК РФ в установленный срок, должностное лицо налогового органа, проводящее налоговую проверку, производит выемку необходимых документов в порядке, предусмотренном статьей 94 НК РФ. Предполагается, что данное мероприятие исходя из уже ряда вышерассмотренных норм, провести в рамках камеральной проверки представляется возможным. В подтверждение обратимся к письму. В данном письме мы можем увидеть, что ФНС России даже разработала подробные рекомендации по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с такими проверками и в свою очередь относительно выемки документов. Таким образом, при осуществлении камеральной налоговой проверки в отдельных случаях возможна выемка документов и предметов.

Спорным моментом является и проведения осмотра во время камеральной налоговой проверки. Статья 92 НК РФ дает право налоговому органу во время проведения камеральной налоговой проверки по налогу на добавленную стоимость проводить осмотр территорий, помещений лица, в отношении которого проводится налоговая проверка, документов и предметов. Однако пункт 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 57 указывает на то, что проведение осмотра возможно только в рамках выездной налоговой проверки и никак иначе. Встает логичный вопрос: чем руководствоваться? Ответ прост: руководствоваться законом. Как разъясняет письмо ФНС России от 17.07.2013 N АС-4-2/12837 «О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с налоговыми проверками», что осмотр проводить во время камеральной проверки можно, причем не только по налогу на добавленную стоимость. Ошибка в постановления Пленума ВАС РФ объясняется просто: постановление Пленума вышло до внесения поправок в п. 1 ст. 92 НК РФ и после реформирования данного пункта изменений в Пленум по вопросу проведения осмотра во время камеральной проверки так и не были отнесены. Стоит учесть, что Федеральным законом от 29.12.2020 N 470-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» законодатель теперь расширил полномочия налоговых органов проводить осмотр теперь не только по НДС, но и по другим основаниям, предусмотренными пунктами 8, 8.1 и 8.9 статьи 88 НК РФ.

Учитывая, что законодатель дает право налоговым органам проводить осмотр и выемку, которые предполагают проведение их на территории налогоплательщика навязывается один вопрос: не становится ли камеральная налоговая проверка выездной?

Дело в том, что проведение камеральной проверки подразумевает, что она проводится на территории налогового органа без выезда на территорию налогоплательщика. Таким образом, законодатель создает гибридную камеральную и выездную налоговых проверок.

Прямого запрета в проведении повторной камеральной налоговой проверки в налоговом кодексе не имеется, и поэтому возникают трудности в правомерности проведения такого мероприятия. К тому же в налоговом законодательстве не закреплено даже самого понятия «повторная камеральная проверка».

Для начала обратимся к ст. 88 НК РФ. Из данной статьи мы можем сделать вывод, что камеральная налоговая проверка представляет с собой проведения проверки должностными лицами налогового органа на территории

инспекции на соблюдение налогоплательщиком налогового законодательства, на основании представленной им налоговой декларации и документов. В данной статье и в других нормах налогового законодательства не имеется нормы предусматривающей для налоговой инспекции права проверять одну и ту же отчетность повторно, поэтому если данное мероприятие будет произведено, то проведение данных действий будет признано незаконным. Подтверждение данной позиции может служить Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 N 736-О. В данном определении суд пришел к выводу, что не предполагается возможность повторной камеральной проверки лиц уже, подвергавшихся камеральному контролю налоговых деклараций[11].

Однако в письме Минфина России от 31 мая 2007 г. № 03-02-07/1-267 было указано, что «вместе с тем проведение камеральной налоговой проверки за тот же отчетный (налоговый) период возможно в случае представления налогоплательщиком уточненной налоговой декларации» [12]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что дважды провести проверку одного и того же периода в рамках разных камеральных налоговых проверок в таком случае будет правомерно. Возникает вопрос, действительно ли это так?

Исходя из ч. 1 ст. 81 НК РФ, в случае если налогоплательщик после подачи в налоговый орган налоговой декларации обнаружит факт неотражения или неполноты отражения сведений или ошибки, приводящие к занижению суммы налога, подлежащей уплате, в такой ситуации обязан внести исправления и подать в налоговый орган уточненную налоговую декларацию. При обнаружении в поданной ранее декларации недостоверных сведений или ошибок, не занижающих сумму налога к уплате, имеет право внести исправления и подать также в налоговый орган уточненную налоговую декларацию. Однако стоит упомянуть, в ч. 2 ст. 88 НК РФ указывается, что камеральная проверка проводится в течении трех месяцев после подачи налоговой декларации, то есть в не в зависимости от того какой документ получит налоговая инспекция, срок проведения камеральной налоговой проверки не должен выходить за рамки трех месяцев со дня представления декларации.

Стоит также упомянуть письмо Минфина России от 26.09.2016 № ЕД-4-2/17979. В данном письме указывается, что налоговый орган обязан принять уточненную налоговую декларацию и в установленный срок провести камеральную налоговую проверку. Также было указано, что налоговым законодательством не установлены какие-либо специальные нормы в отношении проведения проверки уточненной налоговой декларации, тем самым проверка уточненных налоговых деклараций производится в полном объеме. Следовательно, провести повторную камеральную проверку в отношении одной и той же отчетности не представляется возможным, но налоговые органы вправе провести проверку повторно по одному и тому же периоду в рамках разных камеральных проверок в случае предоставления уточненной налоговой декларации [13].

ВЫВОДЫ

Учитывая всё выше перечисленное, предлагаются внести следующие изменения:

1. Необходимы изменения в Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 57, затрагивающие проведения осмотра во время камеральной налоговой проверки для единообразия законодательства и судебной практики;

2. Внести изменения в п. 1 ст. 94 НК РФ и изложить данный пункт в следующем виде: «Выемка документов и предметов производится на основании мотивированного постановления должностного лица налогового органа, осуществляющего выездную налоговую проверку или на основании постановления уполномоченными должностными лицами налогового органа, осуществляющего камеральную налоговую проверку».

Стоит отметить, что данные проблемы не исчерпыва-

ют весь список трудностей, возникающих на практике. Так, Мальцевой А. А. проводится анализ документов, которые должны предоставляться по требованию налоговых органов [14]. Механизм проведения камеральной налоговой в свете ст. 54.1 НК РФ отражен в работе Лабунец Ю. Е. [15]. Автор отмечает, что необходимо «определить основные направления действия механизма сбора доказательственной базы в ходе проведения камеральной налоговой проверки и планировать распределение контрольные процедуры для доказывания нарушений положений ст. 54.1 НК РФ в ходе проведения камерального контроля НДС». Необходимо учитывать опыт зарубежных стран в вопросах проведения камеральной налоговой проверки. Стоит отметить, что в своих полномочиях налоговые органы Российской Федерации более ограничены по сравнению с рядом европейских государств. Данную проблему подтверждает Шитова Т. С. [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бартыханова, Ш. М. Проблемы налогового контроля и пути совершенствования проведения камеральных налоговых проверок / Ш. М. Бартыханова // Финансовые инструменты устойчивого экономического развития регионов РФ: сборник статей Второй Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 03 мая 2017 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация», 2017. – С. 134-140.
2. Ларина, С. С. Некоторые проблемы налоговых камеральных проверок: пробелы налогового кодекса РФ / С. С. Ларина // Форум молодых ученых. – 2020. – № 4(44). – С. 179-185.
3. Сорокин, В. А. Некоторые проблемы проведения камеральных налоговых проверок / В. А. Сорокин // Таврический научный обозреватель. – 2017. – №6 (23). – С. 43-49
4. Заргарян, С. А. Проблема повторности при проведении камеральных налоговых проверок / С. А. Заргарян // Форум молодых ученых. – 2017. – № 10(14). – С. 289-292.
5. Мажаева, Д. В. Проблема повторности при проведении налоговых проверок / Д. В. Мажаева, С. В. Кулай // Форум молодых ученых. – 2020. – № 1(41). – С. 385-388.
6. Ожерельева, Т. С. Совершенствование порядка проведения камеральных проверок Федеральной налоговой службы на примере ИФНС России № 9 по Г. Москве / Т. С. Ожерельева, Е. В. Фролова // International scientific review of the problems of economics, finance and management, Boston, USA, 24–25 декабря 2019 года / Collection of scientific articles XIV International correspondence scientific specialized conference. – Boston, USA: PROBLEMS OF SCIENCE, 2019. – С. 4-15.
7. Захаров, А. Л. Проблемы проведения камеральных налоговых проверок / А. Л. Захаров, М. Д. Радица, А. С. Изосимова // Вопросы экономики и права. – 2020. – № 143. – С. 26-30.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
9. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 N 571-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Чебаркульская птица» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем четвертым пункта 8 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
10. Письмо Минфина РФ от 07.06.2006 N 03-02-07/1-141 «Об участии милиции в налоговых проверках» // СПС «КонсультантПлюс»
11. Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 N 736-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чекуновой Елены Анатольевны на нарушение ее конституционных прав статьей 88 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
12. Письмо ФНС России от 16.07.2013 N AC-4-2/12705 (ред. от 13.02.2020) «О рекомендациях по проведению камеральных налоговых проверок» // СПС «КонсультантПлюс»
13. Письмо ФНС России от 26.09.2016 N ЕД-4-2/17979 // СПС «КонсультантПлюс»
14. Мальцева, А. А. Проблемы проведения камеральных налоговых проверок / А. А. Мальцева // Modern Science. – 2019. – № 10-2. – С. 116-119.
15. Лабунец, Ю. Е. Проблемы применения нового порядка проведения камеральных налоговых проверок по НДС / Ю. Е. Лабунец // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. – 2019. – №46. – С. 127-140.
16. Шитова, Т. С. Проблемы осуществления налогового контроля и пути их решения в 2021 году / Т. С. Шитова // Инновационная наука. – 2021. – № 2. – С. 82-85.

Статья поступила в редакцию 27.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 349.232

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0082

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРОБЛЕМЫ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»

© Автор(ы) 2021

SPIN: 1247-0227

AuthorID: 670988

ORCID: 0000-0001-7614-3540

ВОРОБЬЁВА Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
«Предпринимательское и трудовое право»

Тольяттинский государственный университет

(445020 Россия, Тольятти, улица Ушакова, 57, e-mail: olga80_tlt@mail.ru)

ORCID: 0000-0003-4773-0951

ПАРХАНДЕЕВ Максим Олегович, магистрант,

Тольяттинский государственный университет

(445020 Россия, Тольятти, улица Ушакова, 57, e-mail: olga80_tlt@mail.ru)

Аннотация. Авторы статьи акцентируют внимание на проблеме трактовки понятия экологическое предпринимательство в Российской Федерации. Авторы анализируют и сравнивают различные точки зрения касающиеся определения понятия «экологическое предпринимательство». В статье подчеркивается, что действующим российским законодательством не закреплено понятие «экологическое предпринимательство». Авторы отмечают, что поиск новых правовых механизмов для преодоления кризиса в сфере экологии и уменьшения неблагоприятного воздействия на окружающую среду от хозяйственной деятельности человека многим видится в выделении особой категории предпринимательской деятельности - экологическом предпринимательстве. Также авторы приходят к выводу, что в нашей стране экологическое предпринимательство, формируясь и развиваясь, разумеется, должно учитывать мировой опыт в этой области. Авторы рассматривают вопрос о соотношении предпринимательской и экологической предпринимательской деятельности с точки зрения их целей осуществления. Определяющими факторами, лежащими в основе формирования понятия экологического предпринимательства, выступают цель (охрана окружающей среды) и объект такой деятельности (природная среда, природные объекты). Авторы уделяют внимание специальному правовому режиму экологического предпринимательства. Делается общий вывод о цели и сущности экологического предпринимательства, а также предлагается трактовка понятия экологического предпринимательства.

Ключевые слова: Предпринимательство, экологическое предпринимательство, сущность экологического предпринимательства, цель экологического предпринимательства.

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF “ENVIRONMENTAL ENTREPRENEURSHIP”

© The Author(s) 2021

VOROBYOVA Olga Aleksandrovna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, head of the
Department «Business and labor law»

Togliatti state University

(445020 Russia, Tolyatti, Ushakov street, 57 e-mail: olga80_tlt@mail.ru)

PARKHANDIEV Maxim Olegovich, Master's student

Togliatti state University

(445020 Russia, Tolyatti, Ushakov street, 57 e-mail: olga80_tlt@mail.ru)

Abstract. The authors of the article focus on the problem of interpretation of the concept of environmental entrepreneurship in the Russian Federation. The authors analyze and compare various points of view concerning the definition of the concept of “environmental entrepreneurship”. The article emphasizes that the current Russian legislation does not fix the concept of “environmental entrepreneurship”. The authors note that the search for new legal mechanisms to overcome the crisis in the field of ecology and reduce the adverse impact on the environment from human economic activity is seen by many in the allocation of a special category of entrepreneurial activity - environmental entrepreneurship. The authors also come to the conclusion that in our country, environmental entrepreneurship, being formed and developing, of course, should take into account the world experience in this field. The authors consider the question of the relationship between entrepreneurial and environmental entrepreneurial activities from the point of view of their implementation goals. The determining factors underlying the formation of the concept of environmental entrepreneurship are the goal (environmental protection) and the object of such activity (the natural environment, natural objects). The authors pay attention to the special legal regime of environmental entrepreneurship. A general conclusion is made about the purpose and essence of environmental entrepreneurship, and an interpretation of the concept of environmental entrepreneurship is also proposed.

Keywords: Entrepreneurship, environmental entrepreneurship, the essence of environmental entrepreneurship, the purpose of environmental entrepreneurship.

ВВЕДЕНИЕ

Экологическое предпринимательство обычно рассматривается как создание новых продуктов или услуг для удовлетворения экологических рыночных возможностей. Предотвращение загрязнения-это новая концепция идеи экологического предпринимательства, поскольку она основана на процессах и ориентирована на снижение затрат, а не на увеличение доходов. Как таковая, она согласуется как с понятием предпринимательства как нового предприятия, так и как самообновления всей организации [1].

Забота об окружающей среде приобретает все большее значение в организациях, и она все чаще становится частью стратегических программ организации. В рамках этой динамики организации ищут механизмы, с помо-

щью которых экологические проблемы отстаиваются и поощряются [2].

Одним из важнейших условий развития современного общества становится проблема сохранения благоприятной окружающей среды для человека. Экологические проблемы приобрели глобальный характер, что приводит к необходимости изменения сложившихся подходов к их разрешению и в части правового регулирования [3].

Поиск новых правовых механизмов для преодоления кризиса в сфере экологии и уменьшения неблагоприятного воздействия на окружающую среду от хозяйственной деятельности человека многим видится в выделении особой категории предпринимательской деятельности - экологическом предпринимательстве [4].

МЕТОДОЛОГИЯ

Действующим российским законодательством закреплено понятие «экологическое предпринимательство», как «определенную форму предпринимательской деятельности, которая направлена на удовлетворение эколого-экономических потребностей за счёт продуктов, которые будут оказывать значение экологической полезности, а компоненты экологической системы преимущественно рассматривает как факторы, которые и будут определять эколого-экономическую потребность» [5].

Приведем ряд определений сущности экологического предпринимательства, по мнению других авторов:

1. Наумов А.А. определяет экологическое предпринимательство, как «определенную форму предпринимательской деятельности, которая направлена на удовлетворение эколого-экономических потребностей за счёт продуктов, которые будут оказывать значение экологической полезности, а компоненты экологической системы преимущественно рассматривает как факторы, которые и будут определять эколого-экономическую потребность» [5].

2. Черняховский Э.Р. считает, что предпринимательство, осуществляющее свою деятельность в сфере охраны окружающей среды, является составной частью предпринимательства в целом, отвечающей в первую очередь общим принципам рыночной экономики, обеспечивающей устойчивую прибыль, имеющей насыщенный и стабильный рынок [6].

Яндыганов Я.Я. даёт определение экологическому предпринимательству как «предпринимательская деятельность экологического характера должна быть активной и иметь определенную личную ответственность (в том числе имущественную), а также иметь определенную цель, которая опирается на получение коммерческой прибыли на основе использования, охраны, воспроизводства природных ресурсов и объектов» [7].

Экологическое предпринимательство - это вид предпринимательской деятельности, который предполагает использование всех имеющихся средств для снижения и устранения экологически негативных последствий деятельности предприятия и приводит к достижению особо экологичных производственных практик.

Экологическое предпринимательство - это сектор национальной экономики, который связан как с непосредственным участием в реализации различных природоохранных и ресурсосберегающих программ, так и с механизмом компенсации потерь, понесенных вследствие чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, а также в ходе фактического проведения соответствующих мероприятий по ликвидации чрезвычайных ситуаций [8].

По определению Европейской комиссии ЕС «экологическое предпринимательство - это производство товаров и предоставление услуг по измерению, предупреждению, ограничению или устранению экологического вреда, ликвидации отходов и снижению уровня шума, а также экологически чистые технологии, применение которых минимизирует использование сырья и загрязнение окружающей среды» [9].

По нашему мнению, будет правильно трактовать определение экологического предпринимательства, исходя из определения предпринимательской деятельности закрепленного в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [10] (далее ГК РФ) что, позволит в полной мере охарактеризовать данный вид предпринимательства и устранить в дальнейшем несоответствие формулировок в законодательстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Таким образом, экологическое предпринимательство — это экологически ориентированная деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг при обязательном условии

сохранения благоприятной окружающей среды лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

В нашей стране экологическое предпринимательство, формируясь и развиваясь, разумеется, должно учитывать мировой опыт в этой области, чтобы не повторялись неудачи, отступления, ошибки, ненужные как самому предпринимателю, так и обществу.

Определяющими факторами, лежащими в основе формирования понятия экологического предпринимательства, выступают цель (охрана окружающей среды) и объект такой деятельности (природная среда, природные объекты).

Относительно цели осуществления экологической предпринимательской деятельности было отмечено, что для экологического предпринимательства характерна социально-экологическая ориентация предпринимательской деятельности на решение конкретных экологических проблем, при которой цель извлечения прибыли вторична, а достижение социально-экологического эффекта является обязанностью субъекта экологического предпринимательства, но не правом [11, с. 122].

Данный тезис порождает вопрос о соотношении предпринимательской и экологической предпринимательской деятельности с точки зрения их целей осуществления. Если речь идет о предпринимательской деятельности, то ее целью, бесспорно, является получение прибыли (ст. 2 ГК РФ). Если говорить об экологической предпринимательской деятельности, то и здесь данная цель не может уходить на второй план, так как в противном случае это уже будет не предпринимательская деятельность. Осуществляя экологическое предпринимательство, хозяйствующий субъект нацелен на соответствие ее критериям, поскольку это предоставляет ему возможность получить преференции. Иными словами, в силу своей экономической сущности он будет преследовать две цели, при этом если не будет достигнута первая цель (получение прибыли), то он не сможет направить прибыль на решение экологических проблем, и тогда вторая цель также будет недостижима. Но вменение хозяйствующему субъекту при осуществлении им деятельности обязанности целенаправленно исходить только из социальных задач является ограничением его правоспособности. Если же в указанном тезисе речь идет о социально ответственном бизнесе, то данная идеология не находит своего отражения в российском законодательстве.

Во-вторых, экологическое предпринимательство наделяется специальным правовым режимом. В доктрине под правовым режимом понимается порядок регулирования, который выражен в многообразном комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений и запретов (а также позитивных обязываний) и создающих особую направленность регулирования [12, с. 334]. Правовые режимы подразделяются на виды по самым разным основаниям; в доктрине предпринимательского права они подразделяются на общий, специальный и особый правовые режимы. С учетом понимания данных режимов и редакции ст. 17 Закона об окружающей среде предварительно можно прийти к выводу о начале формирования специального правового режима экологического предпринимательства. Особенности специального правового режима: он распространяет свое действие на ограниченный круг субъектов (определенной отрасли, сферы деятельности либо даже индивидуально определенных), по-иному, в сравнении с общим правилом, определяет их правовое положение (права, обязанности, ответственность) [13].

Вывод о начале формирования специального правового режима экологического предпринимательства следует из двух обозначенных факторов: цели осуществления экологического предпринимательства и возможности предоставления государственных преференций.

Иные признаки, лежащие в основе данного режима, на сегодняшний день в законодательстве не обозначены [14].

ВЫВОДЫ

Возвращаясь к вопросу об определении экологического предпринимательства, следует отметить, что пока на законодательном уровне не будут определены его критерии, любое определение будет аморфным. Можно только лишь предложить, чтобы в нем были отражены критерии отнесения деятельности к экологическому предпринимательству.

В литературе были высказаны предложения о принятии специального закона об экологическом предпринимательстве. С данным предложением вряд ли можно согласиться.

Институт экологического предпринимательства является комплексным институтом; потенциально он должен включать как минимум нормы экологического, налогового и предпринимательского законодательства. Поэтому принятие закона, носящего отсылочные нормы, будет нецелесообразным. Само же определение экологического предпринимательства должно быть включено в Закон об охране окружающей среды, так как специфика его специального правового режима зависит от базовой для экологии категории – охраны окружающей среды. Включать же в данный закон понятия видов экологического предпринимательства нет достаточных оснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Lober, D. J. (1998), «Pollution prevention as corporate entrepreneurship», *Journal of Organizational Change Management*, Vol. 11 No. 1, pp. 26-37. <https://doi.org/10.1108/09534819810369554>
2. Keogh, P. D. and Polonsky, M. J. (1998), «Environmental commitment: a basis for Environmental entrepreneurship?», *Journal of Organizational Change Management*, Vol. 11 No. 1, pp. 38-49. <https://doi.org/10.1108/09534819810369563>
3. Серова О.А. Субъекты экологического предпринимательства как участники инновационной деятельности // *Юридический вестник Самарского университета*. 2018. Т. 4. № 3. С. 64 - 69.
4. Писарев Г.А. Принципы предпринимательского права как основа развития эколого-ориентированного бизнеса // *Право и экономика*. 2019. № 5. С. 33 - 38.
5. Мячина, Л.Я. Экологизация экономики и проблемы природопользования // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2014. № 2 (112). С. 41-49.
6. Черняховский Э.Р. Перспективы развития экологического предпринимательства // *Экономика природопользования*. - 2006. - №4. - С. 88-93
7. Яндыганов, Я.Я. Экологическое предпринимательство в регионе (проблемы, перспективы, эффективность) [Текст] / Я. Я. Яндыганов. - Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 1998. - 312 с.
8. Environmental entrepreneurship: Characteristics of organization and development / M.N.Dudin, N.P.Ivashchenko, A.G.Gurinovich, O.M.Tolmachev, L.A.Sonina // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. — 2019. — Т. 6. №4. — P. 1861-1871.
9. Европейская комиссия ЕС. Управление окружающей среды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/dgs/environment/index_en.htm.
10. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Российская газета», N 238-239, 08.12.1994.
11. Барков, А. В. Методологические подходы к теоретическому конструированию модели правового обеспечения экологического предпринимательства / А. В. Барков, Я. С. Гришина // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. – 2019. – № 1. – С. 115–134.
12. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиск и решения / С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2001. – 752 с.
13. Демченко, М. В. Исследование эволюции экологического предпринимательства в зарубежных странах как объекта правового обеспечения и оригинала конструируемой социально-правовой модели / М. В. Демченко // *Материалы Афанасьевских чтений*. – 2018. – № 4 (25). – С. 45–52.
14. Кванина В. В. К вопросу о правовом режиме экологического предпринимательства // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2021. Т. 21, № 2, С. 57–68

Статья поступила в редакцию 25.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 342.951:351.82
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0083

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ФИНАНСОВО-БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ СИНГАПУРА

© Автор(ы) 2021
SPIN: 2498-9000
AuthorID: 762939
ResearcherID: C-8907-2017
ORCID: 0000-0002-5962-3929
ScopusID: 56613354600

ГОРЯН Элла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, улица Гоголя, 41, e-mail: ella.goryan@vvsu.ru)

Аннотация. Объектом исследования выступают отношения по обеспечению безопасности персональных данных в финансово-банковском секторе Сингапура. Охарактеризованы нормативные и институциональные элементы механизма: исследована правовая основа обеспечения безопасности персональных данных и определен круг уполномоченных субъектов финансово-банковского сектора, в том числе охарактеризована роль финансового регулятора в данном механизме. Методологическую основу исследования составила совокупность методов, позволивших решить поставленные задачи и прийти к конкретным выводам – исторический, системный и структурно-функциональный. Нормативно-правовые акты Сингапура устанавливают как общий режим безопасности персональных данных (Закон о защите персональных данных), так и специальный (законы о неправомерном использовании компьютеров и кибербезопасности; о ценных бумагах и фьючерсах; о банковской деятельности и кибербезопасности). Обязанности финансовых учреждений как непосредственных субъектов механизма установлены подзаконными нормативными актами, издаваемыми финансовым регулятором (Валютным управлением Сингапура) - об аутсорсинге и управлении технологическими рисками, а также о предупреждении отмывания денег и противодействию финансированию терроризма. Финансовый регулятор Сингапура имеет полномочия издавать нормативные предписания, которые могут иметь преимущественную силу перед предписаниями Комиссии по защите персональных данных Сингапура, что подчеркивает повышенную ответственность финансового регулятора за безопасность данных в столь чувствительном секторе экономики. Специальный режим применяется к разным аспектам охраны и защиты персональных данных в финансово-банковском секторе, возлагая разного характера обязательства на операторов данных.

Ключевые слова: персональные данные, оператор данных, безопасность, финансово-банковский сектор, финансовый регулятор, кибербезопасность, финансовые учреждения, Сингапур, информационная уязвимость, права потребителей.

PERSONAL DATA PROTECTION IN FINANCIAL AND BANKING SECTOR IN SINGAPORE

© The Author(s) 2021

GORIAN Ella Vladimirovna, PhD in Jurisprudence, docent
associate professor of Civil Law Department

Vladivostok State University of Economics and Service
(690014, Russia, Vladivostok, street Gogolya 41, e-mail: ella.goryan@vvsu.ru)

Abstract. The research is focused on the issue of personal data security in the financial and banking sector of Singapore. The normative and institutional elements of the security mechanism were characterized: the legal basis for security of personal data was studied and the authorized entities of the financial and banking sector are determined, the role of the financial regulator in this mechanism was analyzed. The methodology of the study was based on a set of methods which made it possible to fulfil the assigned goal and to come to conclusions – the historical, the systemic, and the structural-functional ones. Singapore's regulations establish both a general regime of data protection (Personal Data Protection Act) as well as the special one (regulations on computer misuse and cybersecurity; securities and futures; banking and cybersecurity). The obligations of financial institutions as the subjects of the mechanism are established by regulations of the financial regulator (Monetary Authority of Singapore) - on outsourcing and technological risk management, as well as on the prevention of money laundering and countering the financing of terrorism. Singapore's financial regulator is authorized to issue regulations that prevail the regulations of Personal Data Protection Commission, highlighting the financial regulator's increased responsibility for data security in such a sensitive sector of the economy. The special regime applies to various aspects of personal data protection in the financial and banking sector, imposing different obligations on data operators.

Keywords: personal data, data operator, security, financial and banking sector, financial regulator, cybersecurity, financial institutions, Singapore, information vulnerability, customer rights.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В конце апреля 2021 года в финансово-банковском секторе произошло знаменательное событие международного масштаба – соединение национальных платежных систем Сингапура (PayNow) и Таиланда (PromptPay), позволяющее клиентам осуществлять трансграничные переводы в реальном времени на сумму до 1 тыс. сингапурских долларов или 25 тыс. тайских бат ежедневно, используя всего лишь номер мобильного телефона. Переводы осуществляются в течение нескольких минут, что представляет собой заметное улучшение по сравнению с одним-двумя рабочими днями, необходимыми для большинства операций по международным переводам. Участвующие банки (сингапурские DBS, UOB, OCBC и

тайские Bangkok Bank, Kasikornbank, Krung Thai Bank, The Siam Commercial Bank) обязались ориентироваться на рыночные цены, устанавливая размер комиссионных отчислений на уровне рыночных цен [1].

Такое объединение стало возможным в результате сотрудничества финансовых регуляторов Сингапура (Monetary Authority of Singapore, далее - Валютное управление Сингапура) и Таиланда (Bank of Thailand, далее - Банк Таиланда) в рамках инициативы ASEAN Payment Connectivity, реализуемой с 2019 года и учитывающей последние стандарты, разработанные в рамках Большой двадцатки (G20) и Совета по финансовой стабильности (Financial Stability Board), по содействию «более быстрым, дешевым, более всеобъемлющим и прозрачным» соглашениям о трансграничных платежах. Со временем планируется создание подобных систем на основе дву-

сторонних соглашений государств-участников АСЕАН. Тем временем Банк Таиланда уже обеспечил осуществление национальными финансовыми учреждениями международных платежей через QR-коды с японскими, лаосскими, камбоджийскими и вьетнамскими финансовыми учреждениями [2].

Осуществление подобных проектов финансовыми регуляторами возможно при строгом соблюдении законодательства о персональных данных и разработке соответствующих стандартов для финансовых учреждений, задействованных в трансграничных операциях. Цифровизация финансово-банковского сектора, набирающая последние годы значительные обороты и вовлекающая все больше участников, способствует появлению новых рисков, связанных с осуществлением таких процессов в более чем одной юрисдикции, трансграничной передачей данных, в том числе персональных, не говоря уже о безопасности финансовых активов клиентов финансовых учреждений. С учетом этих обстоятельств сингапурский финансовый регулятор опубликовал доклад о базовой цифровой инфраструктуре, необходимой для инклюзивной цифровой экономики и осуществления беспрепятственных трансграничных транзакций по всему миру [3]. Одним из четырех ключевых элементов, лежащих в основе эффективных базовых цифровых инфраструктур, является обмен персональными данными пользователей третьими лицами в их интересах. Поэтому вопрос безопасности персональных данных в финансово-банковском секторе Сингапура выходит на новый уровень.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Выбранная нами тема мало исследована в российской научной литературе. Поиск в электронной библиотеке научных публикаций eLibrary.ru проиндексированных в РИНЦ исследований по теме выявил несколько статей, косвенно затрагивающих тему исследования и посвященных общим вопросам защиты персональных данных в банковской сфере [4; 5; 6] и информационной безопасности банковских систем [7; 8]. Результатов научных изысканий компаративистического характера по теме данного исследования не представлено.

В зарубежной научной литературе эта тема является предметом оживленных дискуссий. В частности, она рассматривается в аспекте уязвимости субъектов персональных данных при потреблении услуг по договору присоединения, содержащему несправедливые или обременительные условия обработки и использования их данных [9]. Существует точка зрения, что обязательство о прозрачности процессов недостаточно решает проблему асимметрии информации между компаниями и клиентами и несовместимо с требованием относительно вида и количества информации, которая должна быть доступна клиентам в соответствии с законодательством о защите данных [10]. Некоторые авторы утверждают, что вопросы защиты персональных данных необходимо рассматривать в аспекте защиты прав потребителя - «ответственность потребителя» предусматривает, что использование персональных данных зависит от решения лица делиться данными с другими субъектами [11]. Исследователи из Сингапура подходят к данной проблеме комплексно, указывая в качестве решающих факторов неизбежность глобальной цифровизации большинства общественных процессов и необходимость разработки унифицирующих международных стандартов, в том числе механизмов разрешения споров [12].

Обоснование актуальности исследования. Опыт Сингапура в решении поставленной проблемы представляет научный и практический интерес для России. Как нами отмечалось ранее [13], статус Сингапура как ведущего мирового финансового центра, обеспечивающего финансовую стабильность в Юго-Восточной Азии,

вынуждает работать на опережение потенциальных угроз в финансово-банковском секторе и разрабатывать инструменты, обеспечивающие безопасность и устойчивость системы. Поэтому успешный опыт сингапурского финансового регулятора в обеспечении безопасности персональных данных требует изучения и внедрения в России.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Цель исследования заключается в характеристике правового механизма обеспечения безопасности персональных данных в финансово-банковском секторе Сингапура.

Постановка задания. Поставленная цель предопределила постановку следующих задач: рассмотрение правовой основы обеспечения безопасности персональных данных и определение круга уполномоченных субъектов финансово-банковского сектора, а также определение роли финансового регулятора в данном механизме.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Методологическую основу исследования составила совокупность методов, позволивших решить поставленные задачи и прийти к конкретным выводам. Исторический метод был использован для познания и объяснения причин развития правового регулирования защиты персональных данных и деятельности финансового регулятора. С помощью системного и структурно-функционального методов был исследован правовой механизм обеспечения безопасности персональных данных в совокупности своих нормативных и институциональных взаимодействующих элементов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В последние годы количество случаев посягательств на персональные данные растет как во всем мире, так и в Сингапуре. Как отмечает Комиссия по защите персональных данных Сингапура (Personal Data Protection Commission, PDPC), количество жалоб на нарушения частными организациями законодательства о персональных данных выросло за 2017-2019 года в два раза и составило 4,5 тысяч случаев [14]. В марте 2019 года премьер-министр Сингапура С.Л. Ли учредил Комитет по проверке безопасности данных в государственном секторе (The Public Sector Data Security Review Committee, далее - PSDSRC) для изучения правительственных процессов по обеспечению непрерывной защиты персональных данных и разработке рекомендаций и планов действий по их улучшению. В качестве таких мер выступает ежегодная публикация отчетов о правительственных действиях по защите персональных данных [14], а также обзоров состояния безопасности персональных данных в публично секторе [15].

Следует отметить такую особенность правового регулирования безопасности персональных данных в Сингапуре, как наличие двух нормативно-правовых актов, устанавливающих два правовых режима персональных данных. Один режим предусмотрен для государственных учреждений и организаций и устанавливается в соответствии с Законом о государственном секторе (управлении) 2018 года (the Public Sector (Governance) Act, далее - PSGA) [16], другой режим устанавливается для частного сектора в соответствии с Законом о защите персональных данных (The Personal Data Protection Act, далее - PDPA) [17].

Наличие двух правовых режимов объясняется наличием разных подходов к ответственности за соблюдение требований о персональных данных правительством и частным сектором: именно правительство несет ответственность за предоставление услуг через любые уполномоченные организации и учреждения, в то время как каждый представитель частного сектора несет индивидуальную ответственность за соблюдение законодательства о персональных данных. Следует отметить, что финансовый регулятор Сингапура не подпадает под круг

уполномоченных субъектов государственного сектора (статья 42(2) PSGA), равно как и финансовые учреждения. Их правовой статус в отношении персональных данных определяется в соответствии с PDPA и отраслевым законодательством, разрабатываемым в том числе и финансовым регулятором. Охарактеризуем общий режим безопасности персональных данных, устанавливаемый PDPA.

Нормативный механизм обеспечения безопасности персональных данных включает в себя еще ряд подзаконных нормативных актов, таких как Положение о защите персональных данных 2021 года (Personal Data Protection Regulations 2021) и других положений (regulation) и уведомлений (notification), конкретизирующих субъектный состав механизма и процедурные вопросы применения режима (Уведомление о защите личных данных (уполномоченные правоохранительные органы) 2014 года (Personal Data Protection (Prescribed Law Enforcement Agencies) Notification 2014), Положение о защите (применении) персональных данных 2021 года (Personal Data Protection (Enforcement) Regulations 2021) и др.).

Для толкования положений PDPA было издано несколько руководств, позволяющих уяснить основные положения этого закона, среди которых следует отметить Руководство по ключевым концепциям Закона о защите персональных данных (Advisory Guidelines on Key Concepts in the Personal Data Protection Act (revised edition 2021)); Руководство по Закону о защите персональных данных по некоторым вопросам (Advisory Guidelines on the Personal Data Protection Act for Selected Topics (revised edition 2019)); Руководство по обеспечению соблюдения положений о защите данных (Advisory Guidelines on Enforcement of Data Protection Provisions (revised edition 2021), а также Руководство по проектированию защиты данных для систем ИКТ (Guide to Data Protection by Design for ICT Systems).

Следует отметить, что PDPA устанавливает базовый стандарт защиты персональных данных в частном секторе и действует вместе (а не отменяет) с существующими законами и постановлениями. В PDPA конкретно указано, что структура защиты данных в рамках PDPA не влияет на какие-либо права или обязательства, установленные другими законами, и что в случае любого несоответствия преимущественную силу будут иметь положения других писанных законов (ст. 4.6(b)). Например, положения главы 19 о банковской тайне в соответствии с Законом о банковской деятельности 1971 года (в новой редакции) регулируют отношения по поводу информации о клиентах и имеют преимущественную силу над PDPA в случае любого с ним несоответствия. Поэтому в целях обеспечения безопасности персональных данных в финансово-банковском секторе нормативный механизм будет включать в себя и отраслевое законодательство, в частности Закон о Валютном управлении Сингапура 1970 года (Monetary Authority of Singapore Act 1970), Закон о банковской деятельности (Banking Act 1971), Закон о ценных бумагах 1973 года (Securities Industry Act 1973) и другие.

Государственным регулятором согласно PDPA является уже упоминавшаяся Комиссия по защите персональных данных Сингапура – подразделение Управления развития телекоммуникаций и СМИ (Infocomm Media Development Authority, IMDA) Министерства связи и информации (Ministry of Communications and Information).

Особенностью сингапурского механизма обеспечения безопасности персональных данных является особая терминология, используемая в PDPA (статья 2). В частности, вместо термина «оператор данных» (data controller) используется термин «организация» (organisation), обозначающий субъектов, которые обязаны выполнять обязательства, возложенные на них PDPA, и охватывающий в широком смысле всех физических лиц, юридических лиц и некорпоративные объединения лиц (например, ас-

социации).

PDPA использует еще такой термин как «посредник данных» (data intermediary) для обозначения субъекта, осуществляющего обработку данных от имени оператора данных и не являющегося сотрудником оператора данных (в зарубежном законодательстве и в частности в Общем регламенте защиты персональных данных Европейского союза (General Data Protection Regulation, GDPR) используется термин «обработчик данных» (data processor)) [18].

Персональные данные определяются законом как выраженные в любой форме данные (истинные или ложные) о лице, которого можно идентифицировать по этим данным, или по этим данным и другой информации, к которой организация (оператор данных) имеет или может иметь доступ. Хотя PDPA не оперирует таким термином как «чувствительные данные» (sensitive data), «данные о здоровье» (health data), «биометрические данные» (biometric data), «псевдонимизация» (pseudonymisation), такие категории персональных данных определяются: 1) в нормативных актах Комиссии по защите персональных данных Сингапура и правоприменительной практике – «чувствительные данные»; 2) в Положении о продуктах для здоровья (клинические испытания) 2016 года (Health Products (Clinical Trials) Regulations 2016) и Положении о лекарственных средствах (клинические испытания) 2016 года (Medicines (Clinical Trials) Regulations 2016) – «данные о здоровье»; 3) в Рекомендациях по Закону о защите персональных данных по некоторым вопросам (Advisory Guidelines on the Personal Data Protection Act for Selected Topics (revised edition 2019)) – «псевдонимизация».

Правовой статус операторов данных (organisation) и посредников данных (data intermediary) определен в частях IV, V, VI и VIA Закона о защите персональных данных. В частности, на операторов данных не возлагается никаких обязательств по уведомлению или регистрации в Комиссии по защите персональных данных Сингапура перед началом деятельности по сбору, использованию или раскрытию каких-либо личных данных. На них распространяется обязательство об ограничении передачи персональных данных за пределы Сингапура кроме как в соответствии с требованиями, установленными в PDPA: необходимо предоставить гарантию того, что переданные персональные данные будут иметь стандарт защиты, сопоставимый со стандартом PDPA.

На операторов данных не возлагается никаких обязательств по ведению каких-либо записей обработки данных. Однако они должны гарантировать, что они соблюдают положения о защите данных PDPA при работе с персональными данными. Хотя нет отдельного обязательства по проведению оценки воздействия на защиту данных (Data Protection Impact Assessment, DPIA) в рамках PDPA, в нем есть положения, требующие от операторов данных проведения подобной «оценки» (которая может быть меньше по объему, чем полная оценка воздействия на защиту данных) при определенных обстоятельствах.

В рамках обязательства по подотчетности операторы данных обязаны назначить сотрудника по защите данных (data protection officer, DPO) или группу лиц, отвечающих за обеспечение соблюдения организацией положений PDPA, с обеспечением общедоступности их контактных данных.

Недавние поправки в PDPA предусматривают новое обязательство (вступило в силу 1 февраля 2021 года) по уведомлению о нарушениях данных в соответствии с частью VIA закона. В соответствии с этим обязательством по уведомлению о нарушениях данных, операторы данных должны оценивать нарушения персональных данных, находящихся в их распоряжении или под их контролем, с последующим уведомлением Комиссии по защите персональных данных Сингапура, а также затронутых лиц о возникновении утечек данных, которые соответствуют определенным пороговым значениям. В случае

финансово-банковского сектора операторы данных действуют в соответствии с разработанными Валютным управлением Сингапура Руководством по аутсорсингу (Guidelines on Outsourcing 2016) [19] и Руководством по управлению технологическими рисками для финансовых учреждений 2021 (Technology Risk Management Guidelines for Financial Institutions 2021) [20], предусматривающие обязанность финансовых учреждений информировать финансового регулятора о нарушениях безопасности и конфиденциальности персональных данных своих клиентов в течение часа (в случае системного сбоя или инцидента в области информационной безопасности, оказывающего серьезное и широкомасштабное влияние на операции финансового учреждения или существенно влияющего на обслуживание финансовым учреждением своих клиентов) или «как можно скорее» при любом неблагоприятном развитии, возникающем в результате [их] соглашений об аутсорсинге, которое может повлиять на организацию, а также «при любых таких неблагоприятных изменениях, возникающих в группе организации» [19].

Обязательство по ограничению хранения требует от операторов данных прекратить хранить документы, содержащие персональные данные, или удалить средства, с помощью которых персональные данные могут быть связаны с конкретными лицами, как только будет разумно предположить, что цель, для которой это личные данные были собраны, больше не достигается путем хранения личных данных, и такое хранение больше не требуется для юридических или деловых целей.

Как указывалось выше, в отношении персональных данных в финансовых учреждениях действует особый режим безопасности, устанавливаемый законодательством с учетом специфики финансово-банковского сектора. Этот режим дополняет положения PDPA и определяется в таких нормативно-правовых актах, как Закон о неправомерном использовании компьютеров и кибербезопасности (Computer Misuse and Cybersecurity Act, CMCA), Закон о ценных бумагах и фьючерсах (Securities and Futures Act, SFA) и Закон о банковской деятельности (Banking Act, BA), Закон о кибербезопасности (Cybersecurity Act, CSA), Руководстве по аутсорсингу (MAS Guidelines on Outsourcing), Руководстве по управлению технологическими рисками для финансовых учреждений (Technology Risk Management Guidelines for Financial Institutions 2021) [20] и предписаниях Валютного управления Сингапура о предупреждении отмывания денег и противодействии финансированию терроризма (the MAS Notices on Prevention of Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism, AML/CFT Notices). Особенностью этого режима является использование различной терминологии для обозначения персональных данных: «личная информация» (personal information) в Законе о неправомерном использовании компьютеров и кибербезопасности (раздел 8A(7)(a)), «информация о клиентах» (customer information) и «информация о пользователях» (user information) в Руководстве по аутсорсингу, «информация о пользователях» (user information) в Законе о ценных бумагах и фьючерсах, «информация о клиентах» (customer information) и «информация о депозите» (deposit information) в Законе о банковской деятельности.

Каждый из указанных нормативных актов регулирует отдельные аспекты безопасности персональных данных. Так, PDPA устанавливает общий режим защиты, в то время как предписания Валютного управления Сингапура о предупреждении отмывания денег и противодействии финансированию терроризма устанавливают дополнительные обязательства финансовых учреждений. Закон о неправомерном использовании компьютеров и кибербезопасности устанавливает ответственность за нарушение режима персональных данных в информационных системах, а Закон о кибербезопасности усиливает режим обращения с персональными данными при предоставле-

нии существенных услуг (essential services) с использованием критической информационной инфраструктуры [21]. К таким услугам в финансово-банковском секторе относятся: банковские услуги, включая снятие наличных и депозиты, корпоративное кредитование, управление казначейством и платежные услуги; платежные клиринговые и расчетные услуги; торговля ценными бумагами, клиринговые, расчетные и депозитарные услуги; торговля производными финансовыми инструментами, клиринговые и расчетные услуги; услуги по поддержанию денежно-кредитной и финансовой стабильности; выпуск валюты [22]. Финансовые учреждения, предоставляющие такие услуги, выступают в статусе операторов критической информационной инфраструктуры и несут дополнительную ответственность согласно Закону о кибербезопасности. Руководство по управлению технологическими рисками для финансовых учреждений 2021 года (Technology Risk Management Guidelines for Financial Institutions 2021) [20] определяет обязанности финансовых учреждений по обеспечению безопасности персональных данных (параграф 11.1 Безопасность данных (Data Security)). В частности, они обязаны разработать комплексную политику предотвращения потери данных и принять меры для обнаружения и предотвращения несанкционированного доступа, модификации, копирования или передачи своих конфиденциальных данных. В этом контексте определяется три вида данных: данные в движении (data in motion) - данные, которые проходят по сети или передаются между сайтами; данные в состоянии покоя (data at rest) - данные на конечных устройствах, таких как ноутбуки, персональные компьютеры, портативные запоминающие устройства и мобильные устройства, а также данные в таких системах, как файлы, хранящиеся на серверах, базах данных, носителях резервного копирования и платформах хранения (например, в облаке); а также используемые данные (data in use) - данные, которые используются или обрабатываются системой (п. 11.1.1).

На финансовых учреждениях возлагаются обязанности по внедрению соответствующих мер для предотвращения и обнаружения кражи данных, а также несанкционированного изменения в системах и конечных устройствах: всем системам, управляемым поставщиками услуг, должен быть обеспечен одинаковый уровень защиты и соблюдены одни и те же стандарты безопасности (п. 11.1.2).

Конфиденциальные данные, хранящиеся в системах и конечных устройствах, должны быть зашифрованы и защищены строгими средствами контроля доступа (п. 11.1.3). Для связи, передачи или хранения конфиденциальных данных необходимо использовать только авторизованные носители, системы и оконечные устройства (п. 11.1.4). Запрещается использование неавторизованных интернет-сервисов для передачи и(или) хранения конфиденциальных данных (например, социальные сети, облачные хранилища и совместное использование файлов, электронную почту и приложения для обмена сообщениями) (п. 11.1.5). Финансовые учреждения обязаны внедрить соответствующие средства контроля для предотвращения утечки данных (п. 11.1.6) и безвозвратного удаления конфиденциальных данных (п. 11.1.7).

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Особенностью данного исследования является его новизна, поскольку до сих пор вопросы обеспечения безопасности персональных данных в финансово-банковском секторе Сингапура не были объектом исследований в российской науке. В изложенном материале комплексно рассмотрен правовой механизм обеспечения безопасности как в нормативном, так и в институциональном аспектах

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. В результате проведенного исследования нами была достигнута цель исследования,

позволившая сформулировать следующие выводы. Во-первых, правовой основой обеспечения безопасности персональных данных в финансово-банковском секторе Сингапура является комплекс нормативно-правовых актов, устанавливающих как общий режим (Закон о защите персональных данных), так и специальный (законы о неправомерном использовании компьютеров и кибербезопасности; о ценных бумагах и фьючерсах; о банковской деятельности и кибербезопасности). Обязанности финансовых учреждений как непосредственных субъектов механизма установлены подзаконными нормативными актами, издаваемыми финансовым регулятором (Валютным управлением Сингапура) - об аутсорсинге и управлении технологическими рисками, а также о предупреждении отмывания денег и противодействию финансированию терроризма. Во-вторых, институциональный механизм обеспечения безопасности персональных данных в финансово-банковском секторе представлен финансовым регулятором, имеющим полномочия издавать нормативные предписания, которые могут иметь преимущественную силу перед предписаниями Комиссии по защите персональных данных Сингапура, что подчеркивает повышенную ответственность финансового регулятора за безопасность данных в столь чувствительном секторе экономики. Специальный режим применяется к разным аспектам охраны и защиты персональных данных в финансово-банковском секторе, возлагая разного характера обязательства на операторов данных.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Итоги проведенного исследования позволяют определить следующие направления исследований: во-первых, это соотношение правовых режимов безопасности персональных данных и информационных систем в финансово-банковском секторе в аспекте защиты прав потребителей, во-вторых, необходимо определить пределы ответственности операторов данных при трансграничной передаче данных при функционировании соединенных национальных платежных систем, и наконец, заслуживает внимания рассмотрения вопрос использования искусственного интеллекта при обработке персональных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Zhaki A. Singapore's PayNow linked to Thailand's PromptPay, allowing funds transfers 'within a matter of minutes' // CNA. – 2021. – Apr. 29. – URL: <https://www.channelnewsasia.com/news/singapore/singapore-paynow-thailand-promptpay-funds-transfer-14712130> (дата обращения: 07.05.2021).
2. QR move to ease cross-border payment // Bangkok Post. – 2021. – Mar. 27. – URL: <https://www.bangkokpost.com/business/2090403/qr-move-to-ease-cross-border-payment> (дата обращения – 07.05.2021).
3. Foundational Digital Infrastructures for Inclusive Digital Economies // Monetary authority of Singapore. - Singapore, 2021. – URL: <https://www.mas.gov.sg/-/media/MAS/Fintech/FDI/Foundational%20Digital%20Infrastructures%20for%20Inclusive%20Digital%20Economies.pdf> (дата обращения 07.05.2021).
4. Курпас Н.В. Защита персональных данных, в банковской сфере при совершении операций с использованием мобильных банковских приложений / Н.В. Курпас, А.В. Васильев, Г.Г. Фастович // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 5 (53). С. 374-377.
5. Михеева И.Е. Проведение мер по идентификации клиентов с использованием новых цифровых технологий / И.Е. Михеева // Право и цифровая экономика. 2020. № 3 (09). С. 21-27.
6. Слатвицкая И.И. Совершенствование дистанционного банковского обслуживания путем использования биометрических технологий / И.И. Слатвицкая, А.Ю. Демченко // Актуальные вопросы экономики: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 200-202.
7. Оганесян А.Л. Ключевые проблемы в области дистанционного банковского обслуживания юридических лиц на региональном уровне / А.Л. Оганесян, Т.Е. Даниловских // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 1 (28). С. 45-50.
8. Четырбок П.В. Защита банковских систем / П.В. Четырбок, Е.В. Туманов // Информационные системы и технологии в моделировании и управлении: сборник трудов V Международной научно-практической конференции / Отв. редактор К.А. Маковейчук. 2020. С. 274-279.
9. Law, S. (2017). At the crossroads of consumer protection, data protection and private international law: Some remarks on Verein für Konsumenteninformation v Amazon EU. European Law Review, 45(1), 751-765.
10. Hermstrüwer, Y. (2017). Contracting Around Privacy: The

(Behavioral) Law and Economics of Consent and Big Data. Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law, 8(1), 9-26.

11. Crabtree, A. et al (2016). Enabling the New Economic Actor: Data Protection, the Digital Economy and the Databox. Personal and Ubiquitous Computing, 20, 947-957.

12. Yip, M. (2018). Protecting consumers' personal data in the digital world: Challenges and changes. Personal Data Protection Digest. 7, 104-117.

13. Горян Э.В. Роль финансового регулятора в обеспечении кибербезопасности: опыт Сингапура / Э.В. Горян // Финансовое право и управление. 2018. № 2. С. 25-38.

14. Annual update on the Government's Personal Data Protection efforts 2020 // Smart Nation. – Singapore, 2020. – URL: https://www.smartnation.gov.sg/docs/default-source/default-document-library/annual-update-on-govt-personal-data-protection-efforts-2020.pdf?sfvrsn=3acbe593_2 (дата обращения 07.05.2021).

15. Public Sector Data Security Review Committee Report 2019 // Smart Nation. – Singapore, 2019. – URL: https://www.smartnation.gov.sg/docs/default-source/press-release-materials/psdsr-main-report80c901cde11d48b3afbb3571f5374baf.pdf?sfvrsn=646a3dc8_2 (дата обращения 07.05.2021).

16. Public Sector (Governance) Act 2018 // Singapore Statutes Online. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PSGA2018#pr2-> (дата обращения 07.05.2021).

17. Personal Data Protection Act 2012 // Singapore Statutes Online. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PDPA2012> (дата обращения 07.05.2021).

18. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения 07.05.2021).

19. Guidelines on Outsourcing 2016 // Monetary Authority of Singapore. – Singapore, 2021. – URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/guidelines/guidelines-on-outsourcing> (дата обращения 07.05.2021).

20. Technology Risk Management Guidelines for Financial Institutions 2021 // Monetary Authority of Singapore. – Singapore, 2021. – URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/guidelines/technology-risk-management-guidelines> (дата обращения 07.05.2021).

21. Gorian, E. (2018). Singapore's Cybersecurity Act 2018: a new generation standard for Critical Information Infrastructure protection / D.B. Soloviev, ed. // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Proceeding of the International Science and Technology Conference "FarEastCon-2018". Volume 1. – P. 1-10.

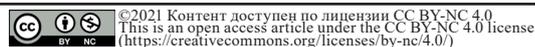
22. Cybersecurity Act 2018 // Singapore Statutes Online. – URL: (дата обращения 07.05.2021).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00454 «Обеспечение прав инвесторов в банковском и финансовом секторах в условиях цифровизации экономики в РФ и ведущих финансовых центрах Восточной Азии: сравнительно-правовой аспект».

Статья поступила в редакцию 22.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 372.881.1
DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0084

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЕЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© Автор 2021
SPIN: 3178-8314
AuthorID: 672622
ORCID: 0000-0001-9199-3885

ИВАНОВА Марина Александровна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и информационного права

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 82, e-mail: ima250576@gmail.com)*

Аннотация. Современный этап социально-экономического и политического развития общества ставит перед государством задачу построения наиболее оптимальной модели организации и функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления как элементов единой системы публичной власти. Одним из факторов, оказывающих влияние на решение указанной проблемы, является поиск эффективного механизма взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Исследование вопроса о взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления целесообразно начать с вопроса о понятии публичной власти и системы публичной власти. В представленной статье исследуется доктринальное понимание публичной власти и проводится сопоставление с нормативным определением системы публичной власти. Делается вывод о недопустимости исключения власти гражданского общества, власти народа из системы публичной власти. Анализ подходов исследователей к конституционной реформе местного самоуправления позволил сделать вывод о нарастающей угрозе встраивания и даже поглощения местного самоуправления государственной властью. И, несмотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации отвергает саму возможность вхождения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти и лишения их конституционно-закрепленной самостоятельности, дополнения и изменения отдельных норм Конституции Российской Федерации говорят об обратном. Свойством любой системы является взаимосвязь ее элементов, но для эффективного взаимодействия необходимо сохранение автономности этих элементов. Таким образом, автором выявляется необходимость конкретизации конституционных положений о взаимодействии органов публичной власти государственного и муниципального уровней путем внесения соответствующих положений в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Ключевые слова: взаимодействие, система, публичная власть, единство публичной власти, органы государственной власти, местное самоуправление, интересы населения, власть общества, конституционная реформа, предметы совместного ведения, организация местного самоуправления.

INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES AT THE STATE AND MUNICIPAL LEVELS: PROSPECTS FOR REGULATORY REGULATION

© The Author 2021

IVANOVA Marina Alexandrovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Department of Administrative and Information Law

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
(119571, Russia, Moscow, Vernadsky prospect, 82, e-mail: ima250576@gmail.com)*

Abstract. The current stage of socio-economic and political development of society sets the state the task of building the most optimal model of the organization and functioning of state authorities and local self-government bodies as elements of a unified system of public power. One of the factors influencing the solution of this problem is the search for an effective mechanism for interaction between state authorities and local self-government bodies. It is advisable to start the study of the interaction of state authorities and local self-government bodies with the question of the concept of public power and the system of public power. The article examines the doctrinal understanding of public power and compares it with the normative definition of the system of public power. The conclusion is made about the inadmissibility of excluding the power of civil society, the power of the people from the system of public power. The analysis of the researchers' approaches to the constitutional reform of local self-government allowed us to conclude that there is an increasing threat of embedding and even absorption of local self-government by the state power. And despite the fact that the Constitutional Court of the Russian Federation rejects the very possibility of local self-government bodies entering the system of state authorities and depriving them of their constitutionally-enshrined independence, additions and changes to certain norms of the Constitution of the Russian Federation say the opposite. The property of any system is the interrelation of its elements, but for effective interaction it is necessary to preserve the autonomy of these elements. Thus, the author identifies the need to specify the constitutional provisions on the interaction of public authorities at the state and municipal levels by introducing appropriate provisions in Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 «On the general principles of the organization of Local Self-Government in the Russian Federation».

Keywords: interaction, system, public power, unity of public power, state authorities, local self-government, interests of the population, power of society, constitutional reform, subjects of joint jurisdiction, organization of local self-government.

ВВЕДЕНИЕ

В юридической доктрине проблемы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления всегда были актуальными, но особую значимость приобрели в связи с проведением в 2020 году конституционной реформы местного самоуправления. Вследствие этого настоятельно требуется модификация установленного подхода к понятию публичной власти, определения единой системы публичной власти, а также форм и направлений взаимодействия органов публичной власти государственного и муниципального уровней. Можно

констатировать, что все многообразие теоретических позиций в юридической доктрине по решению поставленной проблемы сводится к основному тезису, в соответствии с которым качество взаимодействия органов публичной власти государственного и муниципального уровней предопределяет эффективность всего механизма публичной власти. Исследователи также акцентируют внимание на необходимости формирования нормативно-правовой основы взаимодействия органов публичной власти государственного и муниципального уровней, особенно в части реализации гарантирован-

ных Основным законом страны прав и свобод граждан на соответствующей территории [1]. После внесения поправок в Конституцию РФ прошло уже больше года, но законодатель так и не конкретизировал конституционные положения о взаимодействии органов публичной власти государственного и муниципального уровней в федеральном законодательстве. В юридической литературе отмечается, что в настоящее время отсутствует научная концепция нормативного регулирования такого взаимодействия. Анализ нормативного правового регулирования показывает, что взаимодействие носит бессистемный, противоречивый, неполный характер. Таким образом, выявление проблем в указанной сфере и предложение путей их разрешения представляет значительный интерес как для юридической доктрины, так и для нормотворческой практики.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью статьи является исследование основных направлений нормативного регулирования взаимодействия органов публичной власти государственного и муниципального уровней. В рамках достижения данной цели представляется необходимым проанализировать концептуальные научные подходы к определению понятий «публичная власть», «единая система публичной власти», провести анализ новых конституционных норм о местном самоуправлении, а также выработать предложения и рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства, регулирующего данную сферу отношений. Методология определена поставленной целью исследования и представлена в первую очередь всеобщими методами исследования, общенаучными методами: системным, функциональным, логическим, а также частно-научным формально-юридическим методом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Имманентным свойством любой целостной системы является взаимодействие составляющих ее элементов, отражающее их взаимосвязь и взаимообусловленность. Система публичной власти также представляет собой структурно-функциональное единство именно из-за наличия связей между ее элементами.

На сегодняшний день отсутствует нормативно закреплённое определение института публичной власти. Однако стоит подчеркнуть, что данная категория не только активно используется в научном обороте, но и приобрела особое значение в связи с вступлением в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [2]. При этом понятие «публичная власть» не просто упоминается в наименовании самого закона, но и включается им в текст Конституции РФ, придавая ему, таким образом, легальное звучание [3].

Публичная власть – явление, прежде всего, социальное, которое обладает рядом таких свойств, как: 1) общественный характер; 2) реализация публичных интересов; 3) распространение на общество, сообщества граждан в различных видах; 4) системный характер; 5) легальность; 6) императивность; 7) открытость перед народом и обществом [4].

По мнению Н. С. Малютина [5], несмотря на отсутствие легального определения понятия «публичная власть», системный анализ положений ст. ст. 3, 132 Конституции РФ позволяет сформулировать следующие важные характеристики публичной власти:

- осуществление власти в интересах всего народа, поскольку целью осуществления такой власти является достижение (реализация) публичного интереса;
- публичная власть направлена одновременно на государство, все общество, а также каждого конкретного человека;
- публичная власть обладает свойством общедоступности: каждый член общества имеет возможность участвовать в реализации той или иной формы власти (осу-

ществления той или иной властной функции) (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ и др.);

– публичная власть осуществляется как народом непосредственно, так и его частью, проживающей на конкретной территории, а также через специально создаваемые органы народного представительства и систему государственных и муниципальных органов, а также органов местного самоуправления;

– публичная власть должна быть транспарентной: осуществление публичной власти должно быть открытым и гласным и потому находится под своеобразным общественным (народным) контролем [5].

В дальнейшем юридическая дефиниция «единая система публичной власти» помимо доктринального оформления получила нормативное закрепление и в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации» от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ, которое справедливо подвергается критике в юридической литературе [6]. Так, следуя логике конституционного постулата, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, публичная власть должна осуществляться при содействии и контроле со стороны институтов гражданского общества, в этом, по меньшей мере, кроется ее созидательный потенциал. Но, тем не менее, в тексте указанного федерального закона, где впервые дается легальное определение термина «единая система публичной власти», об участии гражданского общества и возможности народного контроля не говорится ничего [7].

А. Н. Чертков подчеркивает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления не образуют систему публичной власти, а лишь входят в нее. В единую систему публичной власти входят, прежде всего, власть общественная (лат. *publicus* «общественный; народный»), власть народа или власть гражданского общества. К структурам гражданского общества, в том числе, относятся: партии, движения, общественные объединения, институализированные общественные организации, союзы (предпринимателей), профсоюзы, ассоциации, школы, различные структуры, осуществляющие воспитательные потребности общества, научные, творческие, учебные заведения, СМИ и т.д. Исключение общественной власти из системы публичной власти подрывает саму суть публичной власти, строящейся на началах народовластия, принадлежности власти народу [8].

Указанные конституционные положения свидетельствуют о возникновении опасности вмешательства в организационную самостоятельность местного самоуправления со стороны государства [9]. Н. Л. Пешин высказывает жесткую позицию, и, по его мнению, нормы Закона о поправке к Конституции напрямую свидетельствуют о поглощении государственной властью местного самоуправления и о попытке законодателя максимально сгладить противоречия внесенных поправок в Конституцию РФ основам конституционного строя, закрепляющим самостоятельность местного самоуправления и не вхождение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти [10].

Организационно-функциональные связи в виде форм взаимодействия между государственной властью и муниципалитетами всегда имели исторически-детерминированный, естественный характер. Нормативная практика регулирования выработала следующие формы взаимодействия: кооперация с местным самоуправлением; наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями; способствование созданию как кооперативно-ассоциативных, так и совместно координационных, консультационных, совещательных и других органов, государственный контроль и надзор за местным самоуправлением; реализация законодательной инициативы на региональном уровне и другие [11].

Представляет интерес опыт правового регулирования взаимодействия органов публичной власти государ-

ственного и муниципального уровней в Европе. В европейских странах этот процесс регулируется принципами, большинство из которых закреплены в Европейской хартии местного самоуправления [12]. Первая группа основных принципов касается распределения полномочий: самоуправление, законность, общие компетенции, subsidiarность и делегирование полномочий. Вторая группа принципов – инструментальные, которые обеспечивают определение сферы полномочий центральных и местных органов: сотрудничество, информирование, консультации, финансовое обеспечение, контроль. К формам взаимодействия местных и центральных органов власти в основном относятся сотрудничество (особенно в тех сферах, где характер местных задач или объем необходимого финансирования выходит за рамки возможностей муниципалитетов), заключение государственно-муниципальных соглашений, направленных на повышение эффективности деятельности центральных и местных органов, определение финансирования и т.д. [13] Наиболее распространенной формой взаимодействия в европейских странах является информирование и консультирование муниципалитетов. В Бельгии существуют официальные консультативные структуры, которые содействуют сотрудничеству по всем вопросам ведения. Эти консультации, несмотря на их обязательный характер, оказывают незначительное влияние на процессы принятия решений. Чешская Республика организовала регулярные консультативные форумы между центральными и местными органами власти. Политические представители или должностные лица проводят регулярные совещания в целях координации осуществления своих полномочий.

Болгария предусматривает проведение парламентских консультаций по законопроектам, которые могут касаться местных органов власти. Национальная ассоциация муниципалитетов представляет местные органы власти в консультировании, а также активно организует встречи с членами парламента в целях лоббирования местных вопросов. В области социальной помощи был создан Совет по социальной помощи в качестве общественного консультативного органа, в котором Национальная ассоциация муниципалитетов участвует вместе с центральными органами власти, профсоюзами, организациями работодателей. Кроме того, Совет министров учредил Межведомственный совет с участием Национальной ассоциации муниципалитетов для обмена на экспертном уровне специализированной информацией между участниками.

Эстония ввела процедуры электронных консультаций по законопроектам, это активно используется ассоциацией местных органов власти. В Финляндии выступают за взаимные консультации и переговоры по муниципальным вопросам. Консультативный совет по муниципальной экономике и управлению проводит переговоры между государственными и местными органами власти, представленными Ассоциацией местных органов власти Финляндии. Подобные формы взаимодействия центральных и местных органов можно характеризовать как партнерские отношения, основывающиеся на принципах равноправия и автономности субъектов. Взаимодействие в таких формах проявляется именно как взаимная связь, взаимная обусловленность государства и местного самоуправления, согласованность их действий.

Формирование правовой основы взаимодействия органов публичной власти государственного и муниципального уровней в свете поправок к Конституции Российской Федерации ставит вопрос о дальнейшей судьбе Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) [14]. Абсолютно верно указывается исследователями об ограничении нормативного правового регулирования непосредственно самим местным самоуправлением (то есть возможности самоорганизации и саморегулирования) и

органами государственной власти субъектов Российской Федерации [10]. Теперь, в соответствии с новыми поправками п. «г» ст. 71 Конституции РФ, к вопросам исключительного ведения Российской Федерации относится «организация публичной власти» в целом. Очевидно, что имеются в виду не общие принципы, а любые или даже все вопросы, связанные с такой организацией. Как это положение коррелируется с п. «н» ч.1 ст. 72 Конституции РФ, согласно которому к вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относились установление общих принципов организации местного самоуправления? Следует ли из этого, что федеральный законодатель теперь может определять не только общие принципы организации местного самоуправления, а и организацию местного самоуправления, поскольку местное самоуправление является элементом публичной власти путем принятия нового федерального закона «Об организации местного самоуправления»? Вправе ли субъекты Российской Федерации осуществлять регулирование местного самоуправления? Остается надеяться, что федеральный законодатель проявит сдержанность и благоразумие в решении вопросов дальнейшего нормативного регулирования организации местного самоуправления, и основополагающий принцип – самостоятельность местного самоуправления останется тем неизменным фундаментом в построении механизма взаимодействия органов публичной власти государственного и муниципального уровней.

Поэтому в настоящее время безотлагательно требуется разработка правовой основы взаимодействия органов публичной власти государственного и муниципального уровней именно в ФЗ № 131. Необходимо определение четкой модели реализации органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий в области организации местного самоуправления, жестких границ участия государственной власти в формировании органов и назначении должностных лиц местного самоуправления, исключающие возможность прямого подчинения, зависимости местного самоуправления от государства. Эффективное взаимодействие возможно лишь между автономными элементами системы, единое и неделимое целое не может взаимодействовать внутри себя. Только единая, но внутренне дифференцированная система, допускающая обоснованную самостоятельность своих составляющих, может взаимодействовать и внутри себя, и вовне [8]. Далее требуется закрепление в ФЗ № 131 понятия «предметы совместного ведения» с установлением перечня вопросов, относящихся к совместному ведению, механизма разграничения и реализации полномочий по предметам совместного ведения [15]. По мнению исследователей, такие законодательные установления будут наполнять конкретным содержанием правовые отношения органов государственной власти и органов местного самоуправления и тем самым способствовать фактическому формированию единой системы публичной власти.

ВЫВОДЫ

Таким образом, исследование показало, что конкретизация конституционных поправок в части определения основных направлений, принципов, форм взаимодействия органов публичной власти государственного и муниципального уровней является важнейшей стратегической задачей федерального законодателя. Противоречивость и двойственность подхода к правовой природе местного самоуправления, к его месту и роли в системе публичной власти подчеркивается тем обстоятельством, что законодатель последовательно и планомерно ограничивает муниципальные образования в их самостоятельности, постепенно встраивая их в систему государственной власти. Взаимодействие органов публичной власти государственного и муниципального уровней в рамках данного подхода, в силу указанного фактора, становятся сложными и трудно формулируе-

мыми.

Органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в систему публичной власти, но не образуют ее. В систему публичной власти также входит и власть народа, общественная власть. Взаимодействие государства и муниципальных образований является естественным свойством, присущим системе публичной власти, обуславливает существование и структурное устройство и свойства системы публичной власти как всякой материальной системы. Первостепенным условием взаимодействия элементов единой публичной власти является сохранение самостоятельности муниципальных образований в вопросе формирования органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, внедрение и закрепление в законодательстве предметов совместного ведения, разработка модели реализации органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий в области организации местного самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кожевников О. А. Местное самоуправление в системе публичной власти: новое конституционное измерение // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 10. С. 23-26.
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
4. Дементьева Т. Ю. Теоретико-правовой аспект публичной власти // Вектор науки ТГУ. № 1(15). 2011. С. 153-154.
5. Малютин Н. С. Публичная власть // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2020. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.
7. Сисакьян А. К. Конституционные преобразования системы публичной власти и их влияние на формирование положительного конституционного правосознания // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 14-17.
8. Чертков А. Н. Публичная власть: состав единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19-23.
9. Гриценко Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 80-97.
10. Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 24-30.
11. Трусов Н. А., Цветков В. В. Отсутствие конституционно-правового регулирования форм взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления как негативный фактор в обеспечении социальных прав и свобод граждан // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 35-40.
12. Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 36. Ст. 4466.
13. Local and Regional Democracy. The relationship between central and local authorities: Report of the European Committee on Local and Regional Democracy (CDLR) Prepared with the collaboration of Alba Nogueira López Professor at Santiago de Compostela University, Spain Situation in 2007. Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680747fbc>.
14. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131 (ред. от 26.05.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2020.
15. Чеботарев Г. Н. Как укрепить единую систему публичной власти? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 19-23.

Статья поступила в редакцию 03.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 343

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0085

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ВВЕДЕНИЕ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

© Автор(ы) 2021

ORCID: 0000-0003-0648-3755

КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич, кандидат юридических наук, профессор, кафедра уголовно-правовых дисциплин

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя 41, e-mail: Ivan.Trushkov@vvsu.ru)*

ORCID: 0000-0002-8514-8463

ТРУШКОВ Иван Игоревич, бакалавр, кафедра гражданско-правовых дисциплин

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя 41, e-mail: Ivan.Trushkov@vvsu.ru)*

Аннотация. После опубликования 13 октября 2020 года нового законопроекта «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия «уголовного проступка» в юридической литературе развернулась активная дискуссия на тему необходимости введения данного понятия, соответствие его основополагающим принципам и нормам российского законодательства. Проведение анализа обновленного законопроекта позволит установить проблемы, которые могут возникнуть при введении понятия «уголовного проступка». Целью работы является выявление положительных качеств и недостатков законопроекта о введении новой уголовно-правовой категории в Уголовный Кодекс РФ. Так, проблемными аспектами законопроекта является его несоответствие принципам законодательства, конкуренция норм Уголовного Кодекса РФ и законопроекта и необоснованность критериев разграничения «уголовного проступка» и преступления. Положительные последствия реализации данного законопроекта заключаются в освобождении лица совершившего преступное деяние, подпадающее под понятие «уголовный проступок» от судимости и связанных с ней социальных ограничений, а также возможность положительного влияния на уровень преступности в обществе. Основными методами, использованными в написании настоящей статьи, выступают метод индукции и дедукции, описания, метод анализа и синтеза, а также сравнительный метод.

Ключевые слова: уголовный проступок, общественные работы, принцип справедливости, критерии разграничения, ограниченно оплачиваемые работы.

INTRODUCTION TO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION OF CRIMINAL OFFENSE: POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES

© The Author(s) 2021

KORCHAGIN Anatoly Georgiyevich, PhD in Law, Professor, Department of Criminal Law Disciplines

Vladivostok State University of Economic and Service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogol Street 41, e-mail: Ivan.Trushkov@vvsu.ru)

TRUSHKOV Ivan Igorevich, Bachelor, Department of Civil Law Disciplines

Vladivostok State University of Economic and Service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogol Street 41, e-mail: Ivan.Trushkov@vvsu.ru)

Abstract. After the publication on October 13, 2020 of the new draft law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of” criminal offense “in the legal literature, an active discussion began on the need to introduce this concept, its compliance with fundamental principles and norms analysis of the updated draft law will allow to establish the problems that may arise when introducing the concept of “criminal offense.” The purpose of the work is to identify the positive qualities and shortcomings of the bill on the introduction of a new criminal category in the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, the problematic aspects of the bill is its inconsistency with the principles of legislation, competition between the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the draft law, and groundlessness of the criteria for distinguishing between “criminal offense” and a crime. The positive consequences of the implementation of this draft law are the release of persons but who committed a criminal act that falls under the concept of “criminal offense” from a criminal record and associated social restrictions, as well as the possibility of a positive impact on the level of crime in society. The main methods used in the writing of this article are the method of induction and deduction, descriptions, the method of analysis and synthesis, and the comparative method.

Keywords: criminal misconduct, community service, principle of justice, differentiation criteria, limited paid work.

ВВЕДЕНИЕ.

13 октября 2020 года Верховный суд РФ внес на рассмотрение в Государственную думу РФ обновленный вариант законопроекта «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия «уголовного проступка», в результате чего в юридической литературе началось активное обсуждение данного нововведения. Проведение анализов и дискуссий по введению в УК РФ новой уголовно-правовой категории «уголовный проступок» позволит выявить слабые и сильные стороны обновленного законопроекта, а также сравнить, какие изменения произошли с момента опубликования прошлой версии законопроекта, другими словами, какие недостатки учли и исправили авторы. Указанные обстоятельства обосновывают актуальность настоящей статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Целью работы является выявление положительных

качеств и недостатков законопроекта о введении новой уголовно-правовой категории в УК РФ.

В соответствии с целью написания данной научной статьи нами будет проведен сравнительно-правовой анализ Российского законодательства и законодательства зарубежных стран, в которых уже используется институт «уголовного проступка». Было осуществлено сравнение положений нового законопроекта о введении понятия «уголовного проступка» с положениями законопроекта от 31 октября 2017 года. С помощью таких методов, как описание, анализ и синтез, будут выявлены положительные и негативные аспекты нового законопроекта.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Разработчики законопроекта фактически предлагают признать уголовным проступком совершенные впервые преступления небольшой и средней тяжести, в этом заключается одно из отличий законопроекта 2020 года от законопроекта 2017 года, в котором «уголовным про-

ступком» предлагали признать только совершенные впервые преступления небольшой тяжести [1]. Однако преступления средней тяжести, относящиеся к «уголовному проступку», носят исключительно закрытый перечень, предусмотренный в статье 15.1 законопроекта [2]. Так, например, предлагается признать «уголовным проступком» состав преступления, предусмотренный в части второй статьи 193.1 УК, совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов, совершенное в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или с использованием юридического лица, созданного для совершения таких преступлений.

Следующее изменение, отличающее новый законопроект от законопроекта 2017 года, заключается во включении новых видов иных мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности, а именно общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы. Однако стоит заметить, что данные меры уголовно-правового характера по своей сути являются новыми только из-за своего названия, так как они фактически полностью совпадают с такими видами уголовного наказания, как обязательные и исправительные работы, которые были предусмотрены в законопроекте 2017 года и уже существуют в действующем Уголовном Кодексе РФ.

Также считаем важным подчеркнуть, что разработчики нового законопроекта уточняют, что «уголовный проступок» не будет являться самостоятельным видом правонарушения [3] и, соответственно, ответственность не будет регулироваться другой отраслью права, так как «уголовный проступок» отвечает всем признакам преступления, но общественная опасность деяния и лица, его совершившего, является минимально-опасной для общества. В законопроекте же 2017 года разработчики не дали четкого ответа, будет являться «уголовный проступок» новым видом правонарушения или нет, теперь этот недочет устранен и положения об уголовном проступке предлагается включить в отдельную статью 15.1.

Приведенные основные положения и изменения законопроекта вызывают немало вопросов и споров в юридической литературе о том, какие положительные и негативные аспекты может повлечь за собой включение «уголовного проступка» в действующий Уголовный Кодекс РФ.

Авторы законопроекта указывают, что действующее уголовное законодательство характеризуется излишней криминализацией деяний, что не отвечает новой концепции уголовно-правовой политики РФ и принципу гуманизма, закрепленному в статье 7 Уголовного кодекса РФ, так как содержит излишнее наказание к лицам, совершившим «уголовный проступок». Однако введение новой уголовно-правовой категории «уголовный проступок» может повлечь за собой нарушение другого основополагающего принципа уголовного законодательства, закрепленного в главе 1 Уголовного кодекса РФ, а именно принципа справедливости [4].

Так, согласно положению статьи 15 УК РФ, преступления в уголовном кодексе подразделяются на виды, в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, соответственно все преступления небольшой и средней тяжести являются одинаковыми по характеру и степени общественной опасности, однако разработчики законопроекта выделяют ряд составов преступлений, предусмотренных Уголовным Кодексом РФ, которые не относятся к категории «уголовного проступка», хотя и не содержат наказания в виде лишения свободы, например, умышленное причинение легкого вреда здоровью (часть 1 статья 115 УК РФ) или ложное сообщение об акте терроризма (часть 1 статья 207 УК РФ).

Исходя из данных положений, получается, что к лицу, совершившему «уголовный проступок», и к лицу,

совершившему преступление небольшой тяжести, будут применены одни меры уголовно-правового характера и уголовного наказания, а именно общественные или обязательные работы, ограниченно оплачиваемые, или исправительные работы, так как их отличие заключается только в разном наименовании. Разницу будет составлять только то, что одно лицо понесет уголовную ответственность и все социальные последствия судимости, а другое лицо будет освобождено от уголовного наказания и, соответственно, не понесет последствия судимости.

Такой подход, как считают авторы, будет нарушать принцип справедливости, закрепленный в статье 6 Уголовного кодекса РФ о том, что наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, так как в основе любой квалификации должен лежать какой-либо определенный критерий, а разработчики не включают в законопроект оснований разграничения преступлений небольшой тяжести, которые не содержат наказания в виде лишения свободы, на «уголовные проступки» и преступления, а пользуются тем, что в исключительном порядке определяют составы, которые не относятся к категории «уголовного проступка».

Принцип справедливости будет нарушен и при назначении лицу, совершившему «уголовный проступок», иных мер уголовно-правового характера, так как разработчики законопроекта фактически предлагают признать общественные и ограниченно оплачиваемые работы не только как иные меры уголовно-правового характера, но и как вид наказания, ввиду того что они по своему правовому содержанию являются аналогичными уголовным наказаниям, предусмотренным в статье 49 и статье 50 УК РФ. В результате чего это приведет к ситуации, когда меры, предложенные в законопроекте, будут применяться к лицу, совершившему преступление, а также к лицу, освобожденному от уголовной ответственности.

Как уже упоминалось выше, согласно пояснительной записке к обновленному законопроекту, гуманизация уголовного законодательства заключается в том, что лицо, совершившее «уголовный проступок», не будет подвергаться судимости, а соответственно социальным ограничениям в обществе из-за наличия судимости. Но как было отмечено в отзыве Правительства РФ на обновленный законопроект, возможно наличие конкуренции между статьями 75 и 76 УК РФ и статьей 76.2 законопроекта, которая предусматривает обязательное освобождение лица, совершившего «уголовный проступок» от ответственности [5]. Следовательно, можно сделать вывод, что за совершение уголовного проступка авторы законопроекта не предусматривают освобождения от уголовной ответственности, в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим. В результате чего уголовные репрессии по отношению к лицам, совершившим «уголовный проступок», не будут снижены, а, наоборот, станут более строгими, что не согласуется с политикой, направленной на дальнейшую гуманизацию [6].

Также, согласно части первой статьи 76.2 законопроекта, лицо совершившее «уголовный проступок» подлжет обязательному освобождению от уголовной ответственности с применением одной из мер уголовно-правового характера. В данной норме не содержится положения о том, что виновный обязан возместить вред, причиненный преступлением потерпевшему, что не позволяет обеспечить учет интересов потерпевших и как следствие нарушает положение статьи 52 Конституции РФ, согласно которой государство обеспечивает потерпевшим доступ к компенсации ущерба. Как решение данной проблемы в юридической литературе различными авторами предлагается ввести в УК РФ новые иные меры уголовно-правового характера, так Н.Э. Мартыненко и Э.В. Мартыненко предлагают ввести в

УК РФ иную меру уголовно-правового характера, как «принудительный платеж», который используется в Республике Казахстан, чье законодательство является близким к отечественному [4]. В.А. Вдовин полагает, что в категорию мер уголовно-правового характера стоит включить положения о возмещении ущерба или иное заглаживание причиненного вреда [7]. Введение таких мер уголовно-правового характера, направленных на возмещение потерпевшему от преступления вреда, позволит соблюсти положения, содержащиеся в статье 52 Конституции РФ.

Следующим немаловажным вопросом является примечание к статье 15.1 законопроекта, которая содержит положение о том, что «уголовный проступок» признается совершенным впервые, если на момент его совершения лицо не имеет неснятую или непогашенную судимость и не освобождалось от уголовной ответственности в течение одного года. Включение такой нормы в Уголовный Кодекс РФ вызовет противоречие с правилами, используемыми для определения преступления, совершенного впервые, для статей 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ, которые содержатся в пункте 2 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 [8].

Сам срок в один год, по истечении которого лицо будет вновь признаваться впервые совершившим преступление, является слишком коротким, так как фактически он позволит лицу систематически совершать преступления, например, содержащееся в части первой статьи 158 УК РФ и при этом ни разу к такому лицу не будет применено уголовное наказание и последствия судимости. Можно сделать вывод, что такое нововведение может стать стимулом некоторых лиц для нарушения прав граждан, а также такая норма не соответствует логике авторов законопроекта, содержащейся в пояснительной записке, что включение в уголовное законодательство уголовно-правовой категории «уголовный проступок» должно оказать позитивное влияние на предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Введение уголовно-правовой категории «уголовный проступок» в уголовное законодательство, кроме негативных аспектов, также приносит и много положительных результатов, на которых стоит остановиться и разобрать их для объективной оценки введения новой уголовно-правовой категории.

Безусловная польза от введения уголовно-правовой категории «уголовный проступок» заключается в том, что лицо, фактически совершившее деяние, которое несёт в себе минимальную опасность для общества, будет освобождено от судимости, то есть основная задача не освобождение от последствий уголовного наказания, так как в основном суды за совершение таких преступлений не назначают строгие наказания, а основная задача заключается именно в освобождении лица, совершившего «уголовный проступок», от последствий судимости.

Последствия судимости накладывают большие ограничения социальных возможностей на лицо [9], которое будет иметь судимость, такой гражданин будет иметь ограничения в правах, связанных с выбором профессии, получения кредита, также, согласно п. 3.2. ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», судимость ограничивает избирательное право, кроме того, имеются также и косвенные последствия судимости, так как отношения к человеку, совершившему преступление может быть не обосновано предвзятым и т.д. Ещё большая несправедливость касается близких родственников лица, осужденного за совершение преступления, которые в итоге тоже понесут социальные ограничения, например, в виде запрета занимать какие-нибудь должности на государственной службе.

Концепция «уголовного проступка» не только снизит количество лиц, осужденных по уголовным статьям, но и будет способствовать уменьшению количества совершаемых преступлений. Такой вывод можно сделать, так

как уголовный проступок во многом сочетается с криминологической теорией клеймения, которая раскрывает ничтожность положительного эффекта от уголовного наказания. Основной идеей данной криминологической теории является то, что человеку, которому назначается наказание и судимость, как бы присваивается позорящее его клеймо лица второго сорта, который является опасным для этого общества.

Большое развитие данной теории оказал доклад Ф. Зака «labeling approach», в котором автор приводит доказательства тому, что каждый человек (80-90% населения) хоть раз в жизни нарушает уголовный закон [10]. Однако он полагает, что это ещё не преступление, пока не состоялось публичное осуждения лиц, нарушивших уголовный закон, преступниками. Так, лицо, которому присвоено «клеймо» преступника, в ходе дальнейшей своей жизни, на которую накладываются социальные последствия судимости в виде различных ограничений в повседневной жизни, о которых упоминалось ранее, может снова совершить преступление, то есть идентифицироваться тем, кем его «заклеймили». На основе данной концепции мы считаем, что «уголовный проступок» окажет положительное воздействие на уровень преступности.

ОБСУЖДЕНИЕ.

Понятие «уголовного проступка» является новым для сегодняшнего уголовного законодательства РФ, однако в уголовно-правовой истории России такой институт уголовного права уже существовал, так он был закреплен в Своде Законов Российской империи 1832 года [11], в Уголовном уложении 1903 года, а также в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором все преступные деяния разделялись на преступления и проступки, а критерием разграничения выступал вид назначаемого за их совершения наказания.

В зарубежном законодательстве ряда стран уже давно применяется институт уголовного проступка, поэтому можно провести анализ порядка разграничения преступных деяний на уголовные проступки и преступления в таких странах как США, Германия, Франция, Украина и Казахстан [12]. Как видно из списка перечисленных стран, уголовный проступок применяется в англо-саксонской и романо-германской правовой семье, а также и в некоторых постсоветских странах.

В зарубежных странах не существует единого подхода к разграничению преступных деяний на уголовные проступки и преступления, так в некоторых странах происходит разграничение по двухзвенной системе, а в других по трехзвенной системе.

Франция исходит из трехзвенной системы деления, в результате чего там существуют преступления, проступки и правонарушения. К числу преступлений относятся наиболее тяжкие умышленные деяния, проступком могут признаваться как умышленные, так и неосторожные деяния, а за их совершение назначаются исправительные наказания.

В США деление происходит по двухзвенной системе. Там преступления, которые наказываются лишением свободы на год и меньше, называются мисдиминарами, а преступления, содержащие более строгое наказание, называются фелониями. Как показывает практика, в США суд выносит порядка миллиона приговоров по фелониям за год, а по мисдиминарам возбуждается порядка 10 миллионов дел в год.

В Германии критерием разграничения выступают санкции за конкретные действия, преступлением считается деяние, за которое в качестве минимального наказания предусмотрено лишение свободы на срок от одного года и больше, а проступками являются деяния, за которые наказание составляет меньше года лишения свободы или штраф.

Уголовные проступки появились в уголовном законодательстве Казахстана только в 2014 году. Так, преступлениями являются деяния, за которые предусмотрено наказание от одного года лишения свободы и более, а со-

ответственно проступками являются деяния, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее одного года. На Украине деление на преступления и уголовные проступки существует с 2012 года.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что подход разработчиков законопроекта по поводу разграничений преступлений и проступков в РФ [13], отличается от существующих порядков в зарубежных странах. Вопрос вызывают критерии, используемые авторами законопроекта для выделения «уголовного проступка», как было отмечено в отзыве Правительства РФ на данный законопроект, такими критериями выступают формальные признаки, а именно указание на категорию преступления (небольшой или средней тяжести) и совершения его впервые [5]. Также в законопроекте отмечено, что к «уголовному проступку» относятся преступления небольшой тяжести, не содержащие наказания в виде лишения свободы, кроме перечисленных в статье законопроекта исключений, а преступления средней тяжести, относящиеся к «уголовному проступку» в исключительном порядке перечислены в той же статье. При этом указываются конкретные преступления, которые законопроект предлагает признавать «уголовным проступком». Такой подход является не полным, так как фактически не приводится единого критерия включения того или иного деяния в категорию «уголовного проступка», а также противоречит принятым в УК основам классификации преступных деяний и понятию преступления, предусмотренного в статье 14 УК РФ. В зарубежном законодательстве, которое было рассмотрено выше, критерии разграничения уголовного проступка и преступления осуществляются в зависимости от вида наказания, например, отнесение к категории уголовного проступка деяний, за которые предусмотрено наказание до одного года лишения свободы. Подход, используемый в зарубежных странах, является более правильным, так как четко выделен критерий, который лежит в основе разграничения преступных деяний на уголовные проступки и преступления, поэтому целесообразней внести изменения в законопроект по введению уголовно-правовой категории в УК РФ, которые будут содержать четко определенные критерии классификации преступных деяний.

Не менее спорным является критерий разграничения преступления и «уголовного проступка» в зависимости только от данных о личности виновного, а именно от того, впервые имеет место нарушение уголовного закона или нет. Данный критерий вызывает споры в научной среде, так как фактически от сведений о личности виновного не меняется общественная опасность посягательства, запрещенного одной и той же нормой уголовного закона [12]. Так, например, в части 6 статьи 15 УК РФ содержится возможность изменить категорию преступления на менее тяжкую, но с учетом фактических обстоятельств преступления, а не данных о личности виновного. Такой подход, также не характерен для критериев разграничения преступления и «уголовного проступка», используемого в законодательстве зарубежных стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Подводя итог проделанного анализа отдельных отрицательных и положительных аспектов введения в уголовное законодательство РФ уголовно-правовой категории «уголовный проступок», можно отметить, что для целей дальнейшей гуманизации уголовного законодательства обойтись без введения такого понятия будет невозможно, безусловным главным положительным качеством «уголовного проступка» является отсутствие судимости у лица его совершившего, а также положительное влияние на уровень преступности в обществе. Несмотря на положительные аспекты, законопроект от 13 октября 2020 года нуждается в доработке или пересмотре, а принятие его в таком виде недопустимо, так как это приведет к нарушению основополагающих принципов уголовного законодательства, конкуренции норм,

содержащихся в Уголовном кодексе РФ и законопроекте. Может привести к неоправданному освобождению лиц от уголовной ответственности, совершивших «уголовный проступок» из-за слишком короткого срока давности признания лица впервые совершившим «уголовный проступок», а также вызывают вопросы критерии разграничения преступления и «уголовного проступка», предлагаемые авторами, так как не приводится единого критерия разграничения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кибальник А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65-68.
2. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект федерального закона. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.suprcourt.ru/documents/own/29309/>
3. Меренкова В.А. К вопросу о введении в Уголовный Кодекс Российской Федерации уголовного проступка. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-3 (49). С. 159-161.
4. Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Нужен ли Уголовному кодексу Российской Федерации уголовный проступок? // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 141-146.
5. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», вносимый в Государственную Думу Верховным судом Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 1121п – П4 Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=204428#06245939865213483>
6. Хутов К.М. Законопроект о введении в УК РФ уголовного проступка: за и против. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 154-160.
7. Вдовин В.А. Уголовный проступок: проблема возмещения вреда потерпевшему. // Уголовный процесс. 2018. №7 (163). С. 73-75.
8. Головкин Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127-136.
9. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: итоги теоретического моделирования. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 480.
10. Криминология: учебник и учебное пособие для вузов / Д. А. Шестаков. – Москва: Издательство ЛитРес, 2006. – 97 с.
11. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 387-400.
12. Кукин И.Н., Николаева Ж.А. Гуманизация уголовной ответственности в Российской Федерации: вопросы разграничения преступления и уголовного проступка. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 72-77.
13. Сидорова Е.З., Иванова А.Л. Категория уголовного проступка в российском уголовном праве. // Российский судья. 2020. № 8. С. 30-34.

Статья поступила в редакцию 30.05.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 340.1

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0086

ТИП, МЕТОДЫ И СПОСОБЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

© Автор(ы) 2021

ORCID: 0000-0001-6232-1289

SPIN: 9999-9329

ЛУЦЕНКО Виктор Викторович, адъюнкт факультета по подготовке кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования

Санкт-Петербургский ордена Жукова военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации (198264, Россия, Санкт-Петербург, улица Летчика Пилутова, 23, e-mail: dotsentcom@yandex.ru)

Аннотация. В условиях постоянно нарастающей террористической угрозы необходимо применение чрезвычайных форм управления, специального правового режима и средств для скорейшей ликвидации или минимизации последствий проявлений терроризма. В результате чего возникает необходимость научной разработки экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции как специального вида правового регулирования. Автор обращает внимание на то, что чрезвычайные правоотношения складывающиеся в период введения режима контртеррористической операции, нуждаются в юридической охране с одной стороны и контроле с другой. Регулирование данных правоотношений складывается из двух типов правового регулирования, которые применяются в праве – разрешительном и общедозволительном. Что касается чрезвычайного права, то здесь применяется разрешительный тип. Использование органами государственной власти дискреционных полномочий основано на санкциях законодательства. Так, к примеру, в Федеральном законе «О противодействии терроризму» разрешительный тип правового регулирования к органам государственной власти не применяется в полном объеме. Актуальность работы заключается в следующем в том, что чрезвычайное правовое регулирование по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с террористической деятельностью, в современных условиях с теоретико-правовой стороны не рассматривалось. В работе рассматриваются методы, тип и способы режима контртеррористической операции.

Ключевые слова: режим контртеррористической операции, экстраординарное правовое регулирование, террористический акт, тип, методы, способы, разрешительный тип праворегулирования, войска национальной гвардии, специальные мероприятия, ограничение прав и свобод.

TYPE, METHODS AND METHODS OF THE LEGAL REGIME OF A COUNTER-TERRORIST OPERATION

© The Author(s) 2021

LUTSENKO Viktor Viktorovich, post of the graduated military of the faculty for training of higher qualifications and additional professional education

St. Petersburg Order of Zhukov Military Institute troops of the national guard of the Russian Federation (198264, Russia, St. Petersburg, Pilyutov street, 23, e-mail: dotsentcom@yandex.ru)

Abstract. In the context of the constantly growing terrorist threat, it is necessary to use emergency forms of management, a special legal regime and means for the speedy elimination or minimization of the consequences of manifestations of terrorism. As a result, there is a need for scientific development of extraordinary legal regulation of the counter-terrorist operation regime as a special type of legal regulation. The author draws attention to the fact that extraordinary legal relations that develop during the introduction of the counter-terrorist operation require legal protection on the one hand and control on the other. The regulation of these legal relations consists of two types of legal regulation that are applied in law - permissive and generally permissible. As for the emergency law, the permissive type applies here. The use of discretionary powers by public authorities is based on legal sanctions. So, for example, in the Federal Law "On Countering Terrorism", the permissive type of legal regulation is not applied to state authorities in full. The relevance of the work lies in the fact that emergency legal regulation for the prevention and elimination of emergencies related to terrorist activities in modern conditions has not been considered from the theoretical and legal side. The paper examines the methods, type and methods of the counter-terrorist operation regime.

Keywords: counter-terrorist operation regime, extraordinary legal regulation, act of terrorism, type, methods, methods, permissive type of legal regulation, troops of the national guard, special measures, restriction of rights and freedoms.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Анализ работ многих исследователей (Осипова А.П. [1], Кочои С.М. [2] и др. [3-6]), составили особую группу научных источников составивших теоретическую основу работы, которая позволяет рассмотреть режим чрезвычайного положения и правовой режим контртеррористической операции. До середины XX в. террористическая угроза не выделялась в отдельную сферу отношений, хотя нуждалась в обособленном регулировании. В данный период времени государству предоставлялось право на использование чрезвычайных мер в условиях чрезвычайных обстоятельств, но с определенными ограничениями в виде запретов и дозволений, отраженных в действующем законодательстве.

Отсюда следует, что вместе с определением предметных дозволений и общих запретов на конкретное поведение, в экстраординарном законодательстве применяются четкие дозволения, легитимирующие использование власти и принуждений. В традиционном разрешительном праворегулировании определенные дозволения от-

носят к лимитирующим правам в деятельности государства. Современное отечественное законодательство воздержалось от представления общего дозволения на чрезвычайные меры в условиях террористической опасности и указало в действующих нормах права конкретные определенные полномочия органов государственной власти.

Анализ последних исследований и публикация, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор: выделение ранее частей общей проблемы.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых можно рассмотреть элементы правового режима контртеррористической операции на теоретическом уровне, являются работы таких авторов как Смолина Д.В., Андреев А.В. [7], Басова Ю.Ю. [8] и др. [9-10].

Формирование целей статьи.

Цель работы состоит в изучении сущности режима контртеррористической операции как специального вида экстраординарного правового регулирования в процессе исследования на теоретическом уровне, применяемых в

нем методов и способов. Экстраординарное правовое регулирование режима контртеррористической операции, как самостоятельного вида нормативного регулирования, в качестве предмета научных исследований ранее не рассматривалось.

МЕТОДОЛОГИЯ

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Методологическую основу исследования составил метод диалектического подхода к познанию правового режима контртеррористической операции, который позволил проанализировать тип, методы и способы данного режима. Также в работе использовались системный и функциональный методы для более углубленного изучения элементов режима контртеррористической операции на теоретическом уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Применение таких правовых средств как императивный метод правового регулирования, разрешительный тип правового регулирования, а также различных способов (запреты, ограничения, обязываний), данного правового регулирования, непременно присутствуют в процессе регулирования чрезвычайных ситуаций связанных с террористической угрозой.

С. В. Лебедь в своих работах имеет мнение что: «... если международное право прямо определило запреты на ограничение конкретных прав и свобод в экстраординарных условиях, в том числе и в условиях режима контртеррористической операции, вне зависимости от тяжести ситуации и соображений целесообразности, и отдают на откуп национальному законодателя ограничение других прав, то законодательство Российской Федерации закрепило только допустимые ограничения и не затрагивает недопустимые права. В связи с этим, в рамках международного права, касательно прав и свобод человека в условиях режима контртеррористической операции, применяется принцип «разрешено все, что не запрещено». И как указано в Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» применительно к сходным вопросам, подразумевается принцип «запрещено все, что не разрешено» [11, С.22].

Примером может служить чрезвычайная ситуация 90-х гг., когда для урегулирования Чечено-Ингушского конфликта Президент, используя доктрину «подразумеваемых полномочий», не выходящих из закона, с учетом пределов общедозволительного типа правового регулирования, отдал распоряжение на применение вооруженных сил на территориях Северо-Кавказского региона и введение непредусмотренных законодательством РФ ограничений прав и свобод человека и гражданина (к примеру, закрытие административных границ). При рассмотрении жалоб, поданных в Конституционный Суд РФ на обоснованность применения данных мер, которые ограничивали права человека и гражданина, в качестве аргумента целесообразности своих решений, использовались доводы о неизбежности использования данных мер, так как введение режима чрезвычайного или военного положения в таких обстоятельствах было невозможно. Конституционный Суд РФ в своем постановлении принял во внимание данный факт, признав о наличии у Президента РФ негласных полномочий для разрешения чрезвычайных ситуаций [12].

Позиция таких авторов как, В.О. Лучина и Н.В. Витрук, показала, что решение Конституционного суда фактически разрешило действовать Президенту РФ за пределами правового поля, беря в расчет то, что у него имеются скрытые права, вытекающие из Конституции РФ. Отсюда следует, что усилие выйти на принцип «разрешено все, что не запрещено законом», не совсем точно, а именно:

Во-первых, в связи с тем, что данный принцип, распространяясь на действия публичной власти, не может

действовать;

Во-вторых, это означает, что у Президента появляется возможность определить содержание и вид управленческого решения, беря во внимание только свои соображения, исходя из целесообразности и рациональности.

При таком подходе законодатель обеспечивает гарантии невозможности использования власти нелегальным путем и применения неоправданных ограничений прав и свобод в условиях проведения режима контртеррористической операции.

Под методом правового регулирования следует понимать определенные правовые «технологии», определяющие порядок применения правовых средств в процессе правового регулирования [13, 168 с.]. Выделяют диспозитивный и императивный методы правового регулирования.

В ходе проведения контртеррористической операции и обеспечения правового режима, применяется метод правового регулирования, имеющий императивные начала. Анализируя позицию автора С.С. Алексеева, который при определении характеристики метода правового регулирования, считает, что это необходимо делать, применяя анализ элементов, имеющих четыре главные стороны:

- 1) определенное положение субъектов общественных отношений, которые имеют прямое или косвенное отношение к правовому режиму контртеррористической операции;
- 2) внешние условия их движений;
- 3) содержание данных правоотношений;
- 4) меры их юридического обеспечения.

Императивность метода экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции воплощается в следующих моментах:

Во-первых, исходя из правового положения, которое определяется для субъектов правоотношений, в ходе введения режима контртеррористической операции видно, что они находятся в неравноправном соотношении друг с другом. Примером могут служить полномочия войск национальной гвардии по обеспечению правового режима контртеррористической операции, где согласно Федеральному закону «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» сказано что: «Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии вправе временно запрещать или ограничивать движение транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, плавучих средств (судов) и пловцов на акватории, осуществлять их досмотр в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан» [14]. Вследствие этого можно сказать, что специально уполномоченные специальные органы, в лице Федеральной службы войск национальной гвардии, являются властной стороной, которая согласно законодательству, подчиняет и принуждает к действиям других субъектов правоотношений в лице отдельных граждан и организаций. В итоге возникают отношения власти и подчинения, но не юридического равенства.

Во-вторых, правовым основанием возникновения, развития и прекращения экстраординарных правоотношений противодействия терроризму является вступление в жизнь определенного рода обстоятельства:

- чрезвычайные обстоятельства, имеющие террористическую природу, которые не зависят от воли и сознания субъектов правоотношений. Хотя следует сказать, что акт терроризма можно отнести к действиям, которые могут привести к непредвиденным последствиям, и, как следствие, частично будут стремиться в некоторой степени к определенным событиям;

- властные административно-распорядительные акты руководителя контртеррористической операции, направленные на ликвидацию и (или) минимизацию последствий террористического акта. Примером может служить обязанность руководителя контртеррористической операции, которая определена статьей 13 Федерального закона «О противодействии терроризму»,

где сказано, что он: «... определяет территорию (объекты), в пределах которой (на которых) вводится правовой режим контртеррористической операции, и устанавливает комплекс мер и временных ограничений, предусмотренных настоящим Федеральным законом» [15].

Таким образом, возникновение и движение отношений возникающих при совершении или угрозе совершения актов терроризма, изначально носит неупорядоченный характер, но потом претерпевает влияние в результате организующей деятельности государства в лице руководителя контртеррористической операции по налаживанию возникших хаотичных общественных отношений.

В-третьих, с точки зрения структуры, правоотношения в условиях противодействия терроризму характеризуются тем, что:

- происходит реализация установленных в законе запретов и обзвываний для подвластных лиц;
- координирующий и руководящий орган контртеррористической операции делегируется правами на нормативное урегулирование отношений и подчинение себе подвластных лиц.

В большей мере чрезвычайные правоотношения, возникающие в ходе проведения контртеррористической операции это правоотношения в виде пассивного поведения со стороны подвластных лиц, так как требуют от граждан и организаций воздержания от определенных активных действий. Для примера, к таким действиям можно отнести приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества [15].

Государство, в лице компетентных органов, уполномоченных для проведения контртеррористической операции, должно вести активные действия по реализации своих полномочий, которые должны помочь мобилизовать ресурсы для преодоления террористической угрозы и ликвидации последствий террористического акта. Таким образом, государство проявляет активность и требует от граждан таких действий, которые не создадут препятствий в деятельности силовых структур в ходе проведения специальной операции.

Что касается способов экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции, то выделяют методы обзвывания и запрета. Запреты позволяют обеспечить пассивное поведение субъектов права в целях недопущения возникновения препятствий, которые могут помешать оперативным действиям подразделениям, принимающим участие в контртеррористической операции. Так, ФЗ «О противодействии терроризму» позволяет вводить такое ограничение как ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и объектах, так как это может помешать проведению специальной операции, а также создать угрозу безопасности жизни и здоровью самих граждан.

Что касается метода обзвывания, то он применяется в тех случаях, когда необходимы действия со стороны граждан и организаций в оказании активной помощи при противодействии терроризму. Так, в Федеральном Конституционном законе «О чрезвычайном положении» сказано, что имеется право мобилизовать ресурсы организаций независимо от организационно-правовых форм собственности, переориентировать указанные организации на производство необходимой в условиях чрезвычайного положения продукции и иные, необходимые в условиях чрезвычайного положения, в том числе террористической угрозы, изменения производственно-хозяйственной деятельности [16].

В юриспруденции обсуждается вопрос о наличии особого способа правового регулирования как правового ограничения, который широко применяется в специальных административно-правовых режимах.

Правовые ограничения состоят не только в возложе-

нии обязанностей и запретов, но и в сужении правового статуса лица, изъятии или ограничении отдельных возможностей по их осуществлению [17, С.8].

При экстраординарном правовом режиме контртеррористической операции, действительно, вводятся определенные ограничения конкретных конституционных прав и свобод граждан и организаций. К примеру, согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму», допускается ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем в целях предупреждения совершения террористических актов [15].

В условиях экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции ограничения каких-либо прав и свобод граждан и организаций применяются для своевременного и беспрепятственного выполнения компетентными органами государственной власти своих полномочий по ликвидации и (или) минимизации последствий террористических актов. Так, продажа оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств, в установленном законом порядке, не является правонарушением, но в условиях террористической угрозы становится возможным препятствием для осуществления специальных действий при противодействии терроризму [15].

Также следует отметить, что правоограничения при введении режима контртеррористической операции направлены, в том числе на предупреждение вероятного социально опасного поведения субъектов общественных отношений в процессе использования своих субъективных прав. В данном контексте о правонарушении говорить рано, так оно еще не совершено. Так, не допущение граждан в целях защиты их жизни, здоровья и имущества на отдельные участки местности и объекты, имеет целью не на сдерживание правонарушений, а на предотвращение предполагаемых последствий – создание угрозы для жизни людей находящихся в районе проведения контртеррористической операции [14].

Выводы исследования.

Делая выводы, можно отметить то, что в российском законодательстве существует необходимость о внесении уточнений в области правового регулирования режима контртеррористической операции в части перехода на дозволительный тип правового регулирования, в котором будут конкретно определены полномочия, которые не будут входить в их компетенцию.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Определенные положения в статье могут использоваться в дальнейшей в законотворческой деятельностью в связи с постоянно меняющимися формами и способами осуществления террористической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Осипов А.П. Противодействие терроризму и экстремизму// Журнал Закон и право. – 2021. – № 1. – С. 89-91.
2. Кочин С.М. Противодействие терроризму: политика и право// Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2018. Т. 18. – № 1. – С. 110-114.
3. Потемкина О.Ю. Новые принципы ЕС по противодействию терроризму// Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 1. – С. 17-23.
4. Качалов В.В. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму// Вестник эконо-мической безопасности. – 2016. – № 1. – С. 89-94.
5. Ярков А.В. Чрезвычайное положение как предельное состояние социального бытия// Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 1 (68). – С. 55-59.
6. Донская М.В. Национальная безопасность в свете поправок в Конституцию РФ: вектор совершенствования законодательства// Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 1. – С. 44-48.
7. Смолина Д.В. Андреев А.В. Режим контртеррористической операции в контексте особых правовых режимов// Юридический вестник ДГУ. – 2016. – № 2. – С. 69-72.
8. Басова Ю.Ю. Функциональная структура системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 181-189.
9. Романовский В.Г. Экстраординарная ситуация: понятие, правовой режим, особенности регулирования// Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9. – № 1 (33).

С – 54-61.

10. Миц Д.С. Антитеррористическая функция Российского государства: понятие и основные признаки // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2019. – Т. 23. – № 1. – 27-47.

11. Лебедь С.В. Международно-правовые основы обеспечения прав человека в условиях чрезвычайного положения. – М., 2003. – С. 22.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мерах по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента РФ от 9 декабря 1994 г. № 2166. «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности РФ, законности, прав, свобод и разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1832 «Об основных положениях военной доктрины РФ» // Собрание законодательства РФ. 17.08.1995. № 33. Ст. 3424.

13. Ромашов Р.А. Теория государства и права. Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 168 с.

14. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 6 июля.

15. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. ст. 1146.

16. Федеральный Конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Российская газета. 2001. 2 июня.

17. Фомин А.А. Чрезвычайное законодательство в российском государстве: теоретико-правовое исследование. Указ. изд. – С. 8.

Статья поступила в редакцию 19.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 347
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0087

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 9246-3715
AuthorID: 1061303
ResearcherID:
ORCID: 0000-0001-7852-7660

ПШЕНИЧНИКОВА Наталия Александровна, старший преподаватель Департамента правовых дисциплин
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

(125190, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 80, корпус Г,Е,Ж, e-mail: pshenichka2@yandex.ru)

Аннотация. Цель: определить особенности толкования гражданско-правовых норм в формировании системы гражданского права. Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, а также специальные методы исследования право интерпретационной сферы. Диалектический подход позволил определить конкретные методы исследования: герменевтический, сравнительный, формально-юридический, типологизации, индукции и дедукции, аналитический. Результаты: на основе анализа особенностей гражданско-правовых норм выявлены отличительные принципы и способы их толкования, рассмотрены основные доктринальные подходы к определению категории «толкование гражданско-правовых норм», определены значения толкования гражданско-правовых норм. Систематизированы основные признаки толкования гражданско-правовых норм и механизма правового регламентирования. По результатам обобщения имеющихся в юридической литературе значений толкования права и с учетом особенностей данного процесса в сфере гражданского права, выведены основополагающие аспекты толкования гражданско-правовых норм. Научная новизна: в статье впервые на основе использования комплекса методов определено место и особенности толкования в развитии гражданского права. Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и юридической деятельности при использовании толкования гражданско-правовых норм.

Ключевые слова: гражданское право, гражданско-правовые нормы, содержание норм, разъяснение сути, толкование права, толкование норм, интерпретация, конкретизация, пробелы права, неточности нормы.

FEATURES OF THE INTERPRETATION OF CIVIL LAW

© The Author(s) 2021

PSHENICHNIKOVA Nataliya Alexandrovna, Senior Lecturer at the Department of civil law and procedure
Moscow University for Industry and Finance “Synergy”

(125190, Russia, Moscow, Leningradskiy avenue, 80, building G, E, Zh, e-mail: pshenichka2@yandex.ru)

Abstract. Purpose: to determine the peculiarities of the interpretation of civil law in the formation of the civil law system. Methods: a dialectical approach to the cognition of social phenomena, which makes it possible to analyze them in their historical development and functioning in the context of a set of objective and subjective factors, as well as special methods for studying the law-interpretation sphere. The dialectical approach made it possible to determine specific research methods: hermeneutic, comparative, formal legal, typologization, induction and deduction, analytical. Results: on the basis of the analysis of the peculiarities of civil law norms, the distinctive principles and methods of their interpretation are revealed, the main doctrinal approaches to the definition of the category “interpretation of civil law norms” are considered, the meanings of the interpretation of civil law norms are determined. The main features of the interpretation of civil law and the mechanism of legal regulation are systematized. Based on the results of the generalization of the meanings of the interpretation of law available in the legal literature and taking into account the peculiarities of this process in the field of civil law, the fundamental aspects of the interpretation of civil law are derived. Scientific novelty: for the first time in the article, based on the use of a complex of methods, the place and peculiarities of interpretation in the development of civil law are determined. Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and legal activities when using the interpretation of civil law.

Keywords: civil law, civil law, content of norms, clarification of the essence, interpretation of law, interpretation of norms, interpretation, specification, gaps in law, inaccuracies of norms.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Динамичность развития гражданского права на современном этапе, сопровождающаяся формированием новых концепций и подходов к правовому регулированию вынуждает законодателя оперативно принимать значительное количество нормативного материала. В этой связи возрастает роль и значение осознания реального содержания гражданско-правовых норм в принятых и обновленных актах. Вопрос актуализируется тем, что эффективная реализация гражданско-правовых норм невозможна без глубокого понимания их содержания. В этой связи в последнее время актуализируется значение толкования права с целью познания смысла и разъяснение содержания гражданско-правовых норм.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.

Проблемы толкования и применения закона и правовых норм исследовали еще дореволюционные ав-

торы, такие как Е.В. Васильковский, Н.М. Коркунов, П.И. Люблинский, Н.С. Таганов, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич и др. в основном в общетеоретическом плане. Е.В. Васильковским было подготовлено первое системное исследование проблематики еще в начале XX столетия.

Несмотря на то, что методологическая основа исследований в советский период содержала марксистско-ленинскую идеологию, в доктрине и законодательстве преобладало верховенство закона, а не права, а государственный интерес доминировал над частным, достижения советских исследователей по данному вопросу являются фундаментальными.

На современном этапе среди отечественных исследователей данный вопрос вызвал интерес у Маньковского И.А. [1; 2], Наренкова Н.А. [3], Фомченко И.С. [4] и др.

Особенности толкования гражданско-правовых договоров также стали предметом анализа: Береснева А.А. [5], Бурова А.Ю. и Сосипатрова Н.Е. [6], Кирилова Н. [7] и др.

Узкие аспекты в рамках толкования гражданско-правовых норм рассматривали Губаева А.К. [8], Даниелян

А.С. и Потапенко С.В.[9], Маньковский И.А.[10], Слесарев В.Л.[11] и др.

Анализ первоисточников показал, что на сегодня не существует общепринятого определения толкования гражданско-правовых норм. Юристы, как практики, так и теоретики, в основном пользуются общим понятием толкования правовой нормы, выработанным теорией права, или опосредствовано применяют общее определение в гражданской отрасли.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Основной целью данной статьи является выявление и правовая характеристика особенностей толкования гражданско-правовых норм.

Используемые в исследовании методы, методика и технологии.

Использованы аналитический анализ способов и методов толкования, произведенных в гражданско-правовой доктрине, а также возможности их практического использования в современной судебной практике. Основным методом проведенного автором исследования в пределах данной работы был избран метод системного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Толкование гражданско-правовых норм является необходимым объективным процессом реализации механизма правового регулирования. С его помощью обеспечивается полное и точное раскрытие функций гражданско-правовых актов и других элементов правовой системы гражданского права, решение гражданских дел в строгом соответствии с конституционными и правовыми принципами.

Рабинович П.М. пишет: «Толкование правовой нормы (включая и гражданско-правовую) - это деятельность по выяснению или разъяснению (интерпретации) ее содержания с целью правильного применения и реализации последней»[12].

В целом для гражданского права возможно применение понятия толкования, выработанного и применяемого в общей теории права. Однако оно имеет две проблемы его применения в отрасли гражданского права, вызванные его особенностями. В частности направленность на выяснение и разъяснение содержания актов законодательства и включение в определение цели повышения эффективности правового регулирования. В то время как субъект толкования не должен преследовать такую цель в процессе толкования, т.к. это может в определенных случаях привести к искаженному толкованию правовых норм.

Сложность гражданских отношений ведет к тому, что в отрасли имеет место значительная разница между положениями акта законодательства и правовой нормой и между этими двумя явлениями и понятиями, которые их определяют. Из-за этого практически невозможно полностью изложить в одном положении акта гражданского законодательства правовую норму. Поэтому заимствование отрасли гражданского права понятия «толкование правовых норм» из теории права не в полной мере приемлемо, т.к. оно кроме того является менее широким понятием относительно понятия толкования актов гражданского законодательства.

Исходя из изложенного, толкование гражданско-правовых норм можно изложить как выявление положений актов законодательства, распространяющихся на гражданские правоотношения, конструирование на их основании норм гражданского права, выяснение их содержания и обоснование данного содержания.

По результатам исследования толкование гражданско-правовых норм представляется целесообразным обобщить в три последовательных направления, первое из которых направление применено для устранения пробелов и неточностей гражданско-правовых норм, два

других используются всегда при применении норм гражданского права (рис. 1).

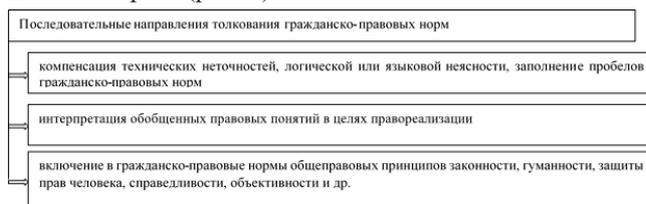

Рисунок 1 - Последовательные направления толкования гражданско-правовых норм (составлено автором)

Толкование гражданско-правовой нормы следует разграничивать от явления ее конкретизации. Эти два взаимодополняющие явления представляют собой процесс познания гражданско-правовой нормы. Они не тождественны, несмотря на то, что едины по содержанию, функциям и целям. Толкование с таких позиций следует рассматривать как систему процессов выяснения и разъяснения, в частности законодательного акта в более доступной и развернутой формулировке. А процесс конкретизации права привносит в норму закона определенную новизну. Мы считаем, что толкование норм гражданского права должно осуществляться через интерпретацию принципов и элементов гражданского права, установление их взаимосвязей. Это в определенной мере обосновано неопределенностью гражданско-правовых норм в правоприменительной деятельности, что вызывает необходимость конкретизации для определения содержательного элемента понятия, но она правомерна только в конкретной ситуации, а в другой смысл и содержание гражданско-правовой нормы может быть конкретизирован в другой способ или с иным содержанием.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Большая часть ученых под толкованием гражданско-правовых норм понимают выяснение содержания нормы путем устранения выявленных в ней неточностей и неясности. Или дают определение через обоснование необходимости толкования, например, как А.Г. Диденко, который считает, что процесс правоприменения связан как с оценкой фактических обстоятельств, так и выяснением содержания применяемых к этим обстоятельствам правовых норм, а выяснение содержания предусматривает необходимость толкования правовых норм [13].

Похожей позиции придерживается Е.А. Суханов, считая, что при применении конкретной нормы гражданского права необходимо четко уяснить ее смысл и содержание, чему служат разные приемы (способы) толкования ее текста, которые помогают устранить неясность, что возникла при ее понимании[14].

Нами толкование гражданско-правовой нормы предлагается понимать как процесс выяснения ее содержания (смысла) через устранение выявленных в ней неясностей и пробелов, возникающих из-за сжатости формулировок нормативно-правового акта, что обусловлены его природой, из-за появления новых общественных отношений и жизненных фактов, которые не находят точных словесных описаний в нормативно-правовом акте и по другим причинам.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

По результатам обобщения имеющихся в юридической литературе значений толкования права и с учетом особенностей данного процесса в сфере гражданского права, выведены основополагающие аспекты толкования гражданско-правовых норм:

1. Для познания логической связи между нормами гражданского права необходима умственная деятельность, т.к. они выражаются с помощью формулировок, фраз, выражений, отдельных слов, связанных между собой по правилам языка.

2. Наличие специальных знаний в отрасли граждан-

Статья поступила в редакцию 30.05.2021
Статья принята к публикации 27.11.2021

ского права, что позволят выявить действительную волю законодателя в законодательном акте путем использования приемов юридической техники, специальной юридической терминологии и юридических конструкций.

3. Нормативность гражданского права, которая проявляется в его абстрактном характере, что вынуждает законодателя, издавая норму гражданского права, делать ее формулировку пригодной для регулирования широкого круга отношений с одинаковым характером. Необходимость конкретизировать определенные элементы нормы, выраженные в общей и абстрактной форме для приспособления ее содержания к конкретным ситуациям. Это вызывает, вынуждает.

4. Несовершенство законодательной техники, в том числе в гражданском праве, вызывает необходимость применения процедуры толкования.

5. Толкование одной гражданско-правовой нормы ведет к необходимости определения связанной с ней нормы, т.к. истинный смысл толкуемого будет понятен только после рассмотрения взаимосвязанных норм. Это обуславливает системность гражданско-правовых норм и последовательность в их толковании.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

В гражданском праве правоприменительный процесс является одним из важнейших, оказывая существенное влияние на правовое регулирование в целом. В процессе этого правового влияния на гражданско-правовые отношения происходит присущая только данной отрасли права трансформация правовой нормы в практику, что в результате постоянных изменений требует непрерывности от процесса толкования и дальнейших разработок в направлении эффективности данного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маньковский И.А. Методика толкования норм гражданского права: содержание и проблемные аспекты применения // *Право и глобальный социум*. 2017. № 2. С. 7-27.
2. Маньковский И.А. Толкование по объему как вспомогательный прием уяснения действительного смысла норм гражданского права // *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2017. № 3. С. 82-86.
3. Наренкова Н.А. Особенности толкования норм различных отраслей права // *Символ науки*. 2021. № 3. С. 100-102.
4. Фомченко И.С. Толкование норм гражданского права // *Вопросы устойчивого развития общества*. 2021. № 1. С.137-143.
5. Берсенева А.А. Понятие толкования гражданско-правового договора и его значение // *Вестник науки и образования*. 2020. № 10 (88). ч. 3. С. 52-54.
6. Бузова А.Ю., Сосипатрова Н.Е. Толкование гражданско-правовых договоров в зарубежной и российской правовых системах // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2018. № 1. С. 122-129.
7. Кирилова Н. Толкование гражданско-правовых договоров: формирование новых подходов // Спецвыпуск междисциплинарного электронного научного журнала «Общество и инновации». 2021. Выпуск 2 № 2/8. Режим доступа: <https://inscience.uz/index.php/socinov/article/view/345>.
8. Губаева А.К. Толкование гражданско-правовых норм при возложении солидарной ответственности за совместное причинение вреда // *Сборник статей по результатам II Всероссийской научно-практической конференции*. Симферополь, 2019. С. 114-120.
9. Потапенко С.В., Даниелян А.С. О некоторых проблемах толкования гражданско-правовых норм в свете практики Верховного Суда РФ // *Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты)*. Сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: ИТ Ариал, 2017. С. 77-81.
10. Маньковский И.А. Буквальное толкование норм гражданского права: проблемные аспекты применения в рамках судебной защиты частных прав // *Сборник статей «Защита частных прав: проблемы теории и практики» по материалам 7-й ежегодной международной научно-практической конференции*. Иркутск, 3 декабря. 2019. С. 35-42.
11. Слесарев В.Л. Судебное толкование норм гражданского права: содержание и пределы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 12. С. 98-103.
12. Рабинович П.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм: Общетеоретические работы // *Правоведение*. 1985. № 6. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID185872>.
13. Диденко А.Г. *Гражданское право*. Алматы: Нур-пресс, 2006. 722 с.
14. *Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть / Под ред. Е.А.Суханова. М., 2008. 720 с.*

УДК 349:636.025
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0088

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СОДЕРЖАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В КУЛЬТУРНО-ЗРЕЛИЩНЫХ ЦЕЛЯХ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 1503-4940
AuthorID: 821212
ResearcherID: C-8384-2018
ORCID: 0000-0003-2457-3244

РАТНИКОВА Василиса Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского, предпринимательского и транспортного права
Дальневосточный государственный университет путей сообщения
(680021, Россия, Хабаровск, улица Серышева, 47, e-mail: vitaflamma@gmail.com)

SPIN: 3984-2252
AuthorID: 660813
ORCID: 0000-0002-1749-1323

СТРЕЛЬНИКОВА Наталья Викторовна, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии
Дальневосточный государственный медицинский университет
(680000, Россия, Хабаровск, улица Муравьева-Амурского, 35, e-mail: jpdom@mail.ru)

SPIN: 2232-4249
AuthorID: 1053037
ORCID: 0000-0001-8522-6807

СТРЕЛЬНИКОВ Игорь Анатольевич, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации
Хабаровский государственный университет экономики и права
(680042, Россия, Хабаровск, улица Тихоокеанская, 134, e-mail: jpregon@gmail.com)

ORCID: 0000-0002-3290-9038

ДЕМЧЕНКО Юлия Евгеньевна, магистрант кафедры гражданского, предпринимательского и транспортного права
Дальневосточный государственный университет путей сообщения
(680021, Россия, Хабаровск, улица Серышева, 47, e-mail: demchenkooooo@inbox.ru)

Аннотация. В статье исследуются некоторые проблемы общих и специальных требований к содержанию животных в культурно-зрелищных целях в России и зарубежных странах. Рассматривается механизм правового регулирования использования животных в культурно-зрелищных целях. Анализируются вопросы гуманного подхода к взаимоотношениям между человеком и животным. Животных по законодательству России условно можно разделить на домашних, диких и содержащихся в неволе. Для каждой из категории присущи свои механизмы защиты и варианты легального использования и содержания. Однако, несмотря на введение новых статей, нормативных и правовых актов в целях благополучия животных, диспозиция статьи 245 УК РФ закрепляет наступление уголовной ответственности, только если целью является причинение животному боли / страданий, итогом чего становятся его гибель / увечье. Происходит ограничение дефиниции «жестокое обращение с животным», в котором упоминается иное возможное повреждение здоровья животного, предполагающее не только физический вред, но и психическое воздействие. Россия не единственная страна, определяющая способность животными испытывать не только физические страдания. Ряд стран полностью признали на законодательном уровне разумность животных, следовательно, их возможность испытывать моральные страдания, например, Великобритания. Реализация культурно-зрелищных мероприятий на практике показывает реальное отношение человека к животным.

Ключевые слова: объект животного мира, домашние животные, дикие животные, животные в неволе, защита животных, содержание животных, использование животных, культурно-зрелищные цели, гуманность, разумность, жестокое обращение.

LEGAL ASPECT OF THE HOUSING AND USE OF ANIMALS FOR CULTURAL AND ENTERTAINMENT PURPOSES

© The Author(s) 2021

RATNIKOVA Vasilisa Igorevna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil, Business and Transport Law
The Far Eastern State Transport University

(680021, Russia, Khabarovsk, Serysheva street 47, e-mail: vitaflamma@gmail.com)

STRELNIKOVA Natalya Viktorovna, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department Microbiology, Virology and Immunology
The Far Eastern State Medical University

(680000, Russia, Khabarovsk, Muravyov-Amursky street 35, e-mail: jpdom@mail.ru)

STRELNIKOV Igor Anatolevich, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication

The Khabarovsk State University of Economics and Law

(680042, Russia, Khabarovsk, Tikhookeanskaya street 134, e-mail: jpregon@gmail.com)

DEMCHENKO Yulia Evgenievna, graduate student of the Department of Civil, Business and Transport Law
The Far Eastern State Transport University

(680021, Russia, Khabarovsk, Serysheva street 47, e-mail: demchenkooooo@inbox.ru)

Abstract. The article examines some of the problems of housing and using animals in cultural and entertainment purposes in Russia and foreign countries. The mechanism of legal support and implementation of humane relations with animals has been investigated. Animals to the legislation of Russia can be conditionally divided into pets, wild and captive animals. Each category has its own protection mechanisms and options for legal use and content. In recent years, new articles and regulations in the field of animal welfare have begun to appear. However, the disposition of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes the onset of criminal liability only if the goal is to inflict pain / suffering on the animal,

which resulted in its death / injury. There is a limitation of the definition of "cruelty to animals". In the last mentions another possible damage to the animal's health, implying not only physical harm, but also moral harm. Russia is not the only country that allocates the possibility of testing animals not only for physical suffering. A number of countries have fully recognized at the legislative level the rationality of animals, therefore, the possibility of testing moral suffering by them, for example, Great Britain. The implementation of cultural and entertainment events in practice shows the real attitude of man to animals.

Keywords: object of animal world, pets, wild animals, captive animals, animal protection, animal housing, animal welfare, use of animals, cultural and entertainment purposes, humanity, rationality, cruel treatment.

ВВЕДЕНИЕ

Важным фактором социально-экономического развития во многих стран мира стало благополучие диких, находящихся в неволе и домашних животных. Значение слова «господство над животным» стало трактоваться как ответственность за его жизнь и здоровье, включая минимизацию боли, стресса, страданий и лишений при одновременном удовлетворении потребностей [1]. Стали создаваться условия и процедуры управления гуманного обращения с животными, в том числе используемыми в культурно-зрелищных целях. Увеличивается число организаций досуга: на 2019 год 32 зоопарка, в которых содержатся 98258 экземпляра животных, 68 цирков. В 2000 году эти цифры составляли 20 и 39849, 62 цирка [2, с. 168].

Рассматривая вопросы регулирования содержания и использования животных в культурно-зрелищных целях, стоит начать с категориального аппарата. В нормативно-правовых актах России есть термин «объект животного мира», куда включены только дикие животные. Также существует категория изъятых из среды обитания [3], т.е. диких животных в неволе. Закреплено определение «домашние животные», местом содержания которых не являются цирки, зоотеатры, дельфинарии и т. п., при этом допускается их использование в целях осуществления предпринимательской деятельности в области организации досуга и развлечений [4]. Подобное разделение привносит путаницу при рассмотрении вопросов гуманности и возможности привлечения к ответственности лиц, жестоко обращающихся с животными. Наиболее широким определением можно считать закреплённое в Европейской конвенции о защите позвоночных животных от 18.03.1986, в которую входит любое позвоночное живое существо, не имеющее человеческого происхождения [5].

Проблемы правового регулирования содержания и использования животных в культурно-зрелищных целях исследованы недостаточно. Возникшие правовые лакуны могут привести к появлению «мёртвых норм». Теме посвящены работы Рыбиной С. Н., Коротневой Д. А., Померанцева Д. А., Шершнева И. И. и др.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целесообразность разработки темы исследования диктуется необходимостью улучшения качества условий существования животных, используемых в культурно-зрелищных целях. Научная новизна состоит в выявлении и анализе правовых проблем в сфере использования животных, которые требуют существенной доработки, изменения и дополнения действующих актов.

Целью исследования является изучение правовых аспектов содержания и использования животных в культурно-зрелищных целях. Цель достигается путём раскрытия поставленных задач исследования: анализ гражданского и уголовного законодательства России, актов зарубежных стран; выявление актуальных проблем данной сферы; предложение возможных путей решения выявленных проблем.

Методологический базис исследования составили формально-юридический, правового моделирования и прогнозирования, сравнительно-правовой и иные общенаучные и частнонаучные методы. Материалы исследования представлены рядом нормативных и правовых актов, как Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ и Постановление Правительства РФ от 30.12.2019 № 1937, иностранными источниками, например Договор о

функционировании ЕС, Национальный закон по защите животных Колумбии. В российской науке мало работ, посвящённых вопросам содержания и использования животных в культурно-зрелищных целях в правовом аспекте, однако систематическое изучение и контент-анализ источников, в том числе доктринальных, позволили выявить основы и проблемы правового регулирования содержания и использования животных в культурно-зрелищных целях.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В культурно-зрелищных целях животных используют в зоопарках; зоосадах; цирках; зоотеатрах; дельфинариях; океанариумах; выставках животных; спортивных соревнованиях; производстве рекламы; кинематографии; фото- и видеопродукции; телевидении; просветительской деятельности; демонстрации в местах розничной торговли и оказания услуг.

Требования к содержанию животных устанавливаются федеральными законами и подзаконными актами. Так, общими требованиями можно выделить: уход, в том числе повседневное наблюдение, кормление и поение животных; условия содержания помещений; ветеринарная помощь и профилактические мероприятия, включая возможности применения лекарственных препаратов; предотвращение появления нежелательного потомства; государственный надзор; обращение с биологическими отходами; безопасное содержание и использование животных; транспортировка; обеспечение содержания животного при невозможности его использования в культурно-зрелищных целях.

Специальными можно считать правила, установленные для отдельных видов заведений, осуществляющих культурно-зрелищные мероприятия, как зоопарки, цирки, дельфинарии, выставки и т. п. В этих случаях животных можно использовать только в специально предназначенных для этого зданиях, строениях, на разрешённых территориях, а также за их пределами при организации и проведении органами государственной власти и местного самоуправления торжественных мероприятий, в производстве фильмов, при создании продукции СМИ, рекламы, цирковых представлений, спортивных соревнований [6], выставок, мероприятий научной, образовательной и просветительской направленности [7].

Защита животных, используемых в культурно-зрелищных целях, в России была закреплена в 2018 году при принятии федерального закона № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 498-ФЗ) [3]. Был утверждён перечень животных [8], запрещённых к содержанию, куда вошли: пресмыкающиеся, земноводные, паукообразные, млекопитающие, птицы, хрящевые рыбы, костные рыбы, коралловые полипы.

Законодательное регулирование содержания и использования животных варьируется, так как главным целью является не только извлечение прибыли, но и проявление культуры и традиций. Например, родео в странах Северной и Латинской Америки, танцующие медведи в Индии, коррида в Испании [9].

Стоит отметить нормативно-правовые акты Колумбии, в которых прослеживается феномен противоречий, основанных как раз на культурной особенности. Национальным законом по защите животных / NSAP № 84 от 1989 года было установлено, что животные могут чувствовать боль, и целью данного акта является

ся предотвращение последнего [10]. В 2016 году были приняты Положения о защите животных № 1774, в которых предусмотрено, что животные живые существа, не являются вещами. В дальнейшем это было внесено в гражданский и уголовный кодексы Колумбии. Несмотря на легальное признание животных разумными, ст. 7 данного Положения содержит семь видов деятельности с участием животных для развлечения, которые освобождены от обязанности по защите животных: рехонео, колео, корриде, новильядам, корралехас, бецеррадас и тентас [11]. Решением Конституционного суда Колумбии С-0412017 было признано, что власть не обеспечила конституционной защиты животных, и ст. 5 Положения № 1774 от 2016, ссылающаяся на ст. 7, была признана неконституционной. Решение должно вступить в силу по истечению 2 лет, за которые Конгресс должен был разрешить или исключить использование животных подобным образом.

Стоит отметить, что в рамках указанного выше Положения были установлены 5 свобод по защите животных: 1) от голода и жажды; 2) от дискомфорта; 3) от боли, травм или болезней; 4) выражать нормальное поведение; 5) от страха и страданий за счет обеспечения условий и лечения, исключающих душевные страдания. В России установлено 4 принципа обращения с животными: 1) отношение как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания; 2) ответственность за судьбу; 3) воспитание у населения нравственного и гуманного [12] отношения к животным; 4) научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства.

В Индии Закон о предотвращении жестокого обращения с животными № 69 от 1960 года [13] предусматривает частичное признание разумности, а также наличие не только физических, но и психических страданий. Животные, используемые в культурно-зрелищных целях, должны быть зарегистрированы, как и места (зоопарки и т.п.). Посетителям запрещается дразнить, приставать, травмировать или кормить какое-либо животное или причинять беспокойство животным шумом или иным образом [14].

В Японии в 1973 году был принят Закон о благосостоянии и содержании животных, в котором закреплён принцип, что «никто не должен уничтожать, травмировать или подвергать животных жестокому обращению» [15], поскольку они являются живыми существами. Положениями нормативно-правовых актов закрепляются вопросы регистрации животных, находящихся в неволе – в зоопарках, на выставках и т.п. В регистрации может быть отказано, если лица не могут обеспечить здоровье и безопасность животных.

Великобритания была первой страной в мире, принявшей законы о защите животных. Закон датирован 1822 годом, содержал вопросы предотвращения жестокого и ненадлежащего обращения с некоторыми видами домашних животных [16].

На уровне Европейского союза (ЕС), согласно ст. 13 Договора о функционировании ЕС [17], Союз и входящие в его состав государства должны учитывать потребности животных в их благополучии, так как они являются разумными существами, при этом соблюдая обычаи и культурные традиции. В России, согласно ГК РФ, к животным применяются общие правила об имуществе [18].

ЕС постепенно разрабатывал нормативные акты о защите животных. Большая часть законодательства ЕС об охране и благополучии животных относится к сельскохозяйственным, но имеется ряд актов по защите животных, содержащихся в зоопарках и аквариумах.

Остановимся на вопросах о гуманном обращении с животными, непричинении вреда его здоровью в контексте их использования в культурно-развлекательных целях. Принцип гуманного отношения к животным закреплён в статье 137 ГК РФ [19].

Стоит отметить отсутствие легального определения гуманности, а также критерий приемлемости действий / бездействий в отношении животных. Имеющиеся нормы в праве только усложняют возможность их установления. Так, животные являются объектами гражданских прав, и их можно отнести имуществу. В случаях противоречия нормам гуманного обращения, домашних животных можно возмездно изъять у собственника. Дикие животные в неволе подлежат конфискации и, по возможности, возвращаются среду их обитания в соответствии со ст. 22 ФЗ № 498-ФЗ. Однако возникает правовая лакуна – согласно ст. 243 ГК РФ имущество безвозмездно изымается в трёх случаях: 1) в виде санкции за совершение преступления; 2) в виде санкции за совершение правонарушения; 3) в административном порядке.

Первый случай – уголовная ответственность за жестокое обращение с животными. Наступает лишь в случаях, повлекших гибель или увечье животного, несмотря на то, что определение «жестокое обращение с животными» включает иные повреждения здоровья. При проведении аналогии с легальным термином «здоровье» [20], будет включаться физическое и психическое благополучие. Помимо этого, как раз конфискацию применить невозможно из-за отсутствия в ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества» закреплённого случая возмездности этого действия по ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными».

Второй случай – административная ответственность. Действующая редакция КоАП РФ не содержит составов административных правонарушений в сфере обращения с животными [21]. Административная ответственность наступает при уничтожении редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных; нарушении ветеринарно-санитарных правил перевозки / перегона животных; пользовании объектами животного мира без разрешения. А конфискация предусмотрена для орудия совершения или предмета административного правонарушения [22]. Есть исключения – включение в некоторые кодексы об административных правонарушениях субъектов РФ отдельного основания для привлечения к ответственности, например, ст. 5.7 КоАП города Москвы «Совершение жестоких действий в отношении животных», ст. 13 КоАП Хабаровского края «Жестокое обращение с животными». Третий случай связан с конфискацией незаконно добытых объектов животного мира.

Согласно п. 142 Постановления Правительства РФ от 30 декабря 2019 г. № 1937 «Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию» [23] процесс дрессировки не должен причинять вред здоровью и благополучию животного и вызывать у него состояние стресса. Запрещается физическое наказание животных. Дрессировочные методы должны основываться на поведенческих особенностях каждой особи. Однако выработка определённых условных рефлексов уже является выходом за пределы выражения нормального поведения, соответственно вред в любом случае наносится, вне зависимости от методик обучения.

Методы контроля и обучения могут быть основаны на физическом принуждении, что можно идентифицировать как наказание, особенно в случае дрессуры крупных диких животных, как тигры и медведи. Формы обучения животного могут предполагать насильственное воздействие с использованием дополнительных средств, например, электрошоковых устройств [24] и плетей [25]. Также зрелищные мероприятия приносят риск ранения животных, что влияет на его жизнь и здоровье.

Особое внимание уделяется передвижным циркам и зоопаркам, контактными зоопаркам [26]. Анализируя правоприменительную практику можно выявить большое количество дел, основанных на нарушении правил техники безопасности. Что касается передвижной деятельности по демонстрации животных, то стоит отметить два аспекта: нарушение имеющихся правил и отсут-

стве необходимых для благосостояния животных норм. Первый включает в себя нарушение общих и специальных требований к содержанию животных, как уход, транспортировка и т.п. Второе – невозможность обеспечить наилучшим способом ряд установленных в законодательных актах условий, например по безопасной перевозке ряда животных из-за невозможности применить лекарственное средство в силу отсутствия в реестре для ветеринарного применения.

Своеобразным механизмом контроля деятельности по содержанию и использованию животных в зоопарках, зоосадах, цирках, зоотеатрах, дельфинариях, океанариумах стало лицензирование [27]. Услугу по лицензированию предоставляет Россельхознадзор [28].

Решением указанных выше проблем может послужить приведение нормативно-правовых актов к единообразию с внедрением опыта зарубежных стран. Необходимо внести изменения в ряд действующих федеральных законов: в ст. 137 ГК РФ добавить трактовку принципа гуманности, а также исключения по отношению к некоторым мероприятиям, являющимся неотъемлемой частью культуры страны; добавить состав административного правонарушения «Жестокое обращение с животными» в КоАП РФ, а также возможность конфискации животных, содержащихся в неволе, в административном порядке; внести в «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ возможность конфискации по ст. 245 УК РФ.

ВЫВОДЫ

Конституцией РФ закреплена обязанность по сохранению природы и окружающей среде, включающей компоненты природной среды, одним из которых является животный мир. В 2020 году в Конституцию РФ были внесены поправки, в частности в ст. 114 добавлен п. е.5, по которому Правительство РФ осуществляет меры, направленные на формирование в обществе ответственного отношения к животным [29]. Другие страны пошли по пути ограничения деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере использования животных.

Возможно, наилучшим решением будет принятие радикальных мер по запрету использования животных в культурно-зрелищных целях. Для этого необходимо найти альтернативные виды подобных мероприятий, как робототехника и голограммы животных. Однако на 2020 год позиция России была выражена однозначно [30]: «Номера с животными как одна из отличительных особенностей отечественного циркового искусства должны оставаться значимым элементом цирковых программ» [31]. При этом учитываются эгоцентрические или биоцентрические подходы [33], новые формы взаимоотношения человека и животного [32], ведущие к отказу от привлечения животных к ряду типов культурно-зрелищных мероприятий [24]. Предполагается гуманная дрессура и трюки, основанные на игре.

Таким образом, государство признаёт проблемы с благополучием, которые могут возникнуть в результате содержания животных в неволе, однако законодательство не содержит конкретных положений для них. Установленные общие требования к адекватному питанию, местонахождению, перевозке, физическим упражнениям и профилактикой заболеваний являются обязательными, и при этом отсутствует механизм принуждения или поощрения соблюдения подобных норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Szűcs E. *Animal Welfare in Different Human Cultures, Traditions and Religious Faiths* / E. Szűcs, R. Geers, T. Jezierski, E. N. Sossidou, D. M. Broom // *Asian-Australas J Anim Sci*. 2012. Vol. 25 (11). P. 1499-1506.
2. *Россия в цифрах*. 2020: Крат. стат. сб./Росстат. М. 2020. 550 с.
3. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ : в ред. от 11.06.2021 № 170-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).
4. Об утверждении перечня случаев, при которых допускается использование домашних животных в предпринимательской деятельности : Постановление Правительства РФ от 25.07.2019 № 961 //

СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

5. Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях: Заключена в г. Страсбурге 18.03.1986 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

6. Шевченко О. А. К вопросу об использовании животных в спортивных соревнованиях / О. А. Шевченко, П. Е. Морозов // *Публичное право сегодня*. 2021. № 1. С. 52-61.

7. Об утверждении перечня случаев, при которых допускается использование животных в культурно-зрелищных целях вне мест их содержания или за пределами специально предназначенных для этого зданий, сооружений, а также на необословленных территориях: Постановление Правительства РФ от 18.09.2019 № 1212 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

8. Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию : Постановление Правительства РФ от 22.06.2019 № 795 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

9. Module 20 The Welfare of Animals Used in Entertainment. Lecture Notes. URL: https://www.worldanimalprotection.org/sites/default/files/media/M20_LN_Welfare_of_Animals_in_Entertainment.pdf (date of viewing: 11.08.2021).

10. Animal Protection Index. Colombia. URL: <https://api.worldanimalprotection.org/country/colombia> (date of viewing: 11.08.2021).

11. Sentencia C-041, 2017. URL: <https://www.animallaw.info/case/sentencia-c-041-2017> (date of viewing: 11.08.2021).

12. Развитие законодательства Российской Федерации об ответственном обращении с животными / А. А. Алиев, Д. А. Померанцев, И. И. Шершнева и др. // *Вопросы нормативно-правового регулирования в ветеринарии*. 2019. № 4. С. 20-25.

13. The prevention of cruelty to animals act, 1960 URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/11237/1/the_prevention_of_cruelty_to_animals_act%2C_1960.pdf (date of viewing: 11.08.2021).

14. The wild life (protection) act, 1972. URL: https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1972-53_0.pdf (date of viewing: 11.08.2021).

15. Animal protection index. Japan. URL: <https://api.worldanimalprotection.org/country/japan> (date of viewing: 11.08.2021).

16. Animal protection index. United Kingdom. URL: <https://api.worldanimalprotection.org/country/united-kingdom> (date of viewing: 11.08.2021).

17. Consolidated version of the treaty on the functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF> (date of viewing: 11.08.2021).

18. Нетишинская Л. Ф. К вопросу о правовом режиме животных как объекте гражданских прав / Л. Ф. Нетишинская, К. Г. Акулинина // *Юрический вестник ДГУ*. 2021. Т. 37. № 1. С. 71-74.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : в ред. от 28.06.2021 № 225-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

20. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ : в ред. от 02.07.2021 № 358-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

21. Комментарий к Федеральному закону от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / С.А. Боголюбов, Д.Б. Горохов, Н.В. Кичишин и др. ; отв. ред. Д.Б. Горохов. М.: ИЗЫС, КОНТРАКТ, 2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

22. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ : в ред. от 01.07.2021 № 283-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

23. Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию : Постановление Правительства РФ от 30.12.2019 № 1937 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

24. Репникова Е. В. Проблема регламентации условий содержания животных, используемых в культурно-зрелищных целях / Е. В. Репникова // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 4 (32). С. 249-253.

25. Рыбина С. Н. Проблемы правового регулирования ответственного обращения с животными, отвечающие требованиям гуманности / С. Н. Рыбина // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. 2020. № 10. С. 182-186.

26. Коротнева Д. А. Новеллы законодательства по содержанию объектов животного мира, используемых в культурно-зрелищных целях / Д. А. Коротнева, Е. М. Оль // *Роль молодых ученых и исследователей в решении актуальных задач АПК : Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и обучающихся*. 2020. С. 352-355.

27. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ : в ред. от 30.10.2018 № 386 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

28. Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по предоставлению государственной услуги по лицензированию дея-

тельности по содержанию и использованию животных в зоопарках, зоосадах, цирках, зоотеатрах, дельфинариях и океанариумах: Приказ Россельхознадзора от 23.12.2020 № 1384 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

29. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 : в ред. от 14.03.2020 № 1 – ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 27.07.2021).

30. Багаева Н. В. Использование животных в культурно-зрелищных целях / Н. В. Багаева // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : Байкальский студенческий юридический форум-2019. 2019. С. 89-92.

31. О концепции развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 02.04.2012 № 434-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 11.08.2021).

32. Sparks T. Protection of Animals Through Human Rights: The Case-Law of the European Court of Human Rights // Studies in Global Animal Law. 2020. P. 153-171. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-662-60756-5_13 (date of viewing: 11.08.2021).

33. Rights of Nature, Rights of Animals. URL: <https://harvardlawreview.org/2021/03/rights-of-nature-rights-of-animals/> (date of viewing: 11.08.2021).

Статья поступила в редакцию 30.08.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК:347.63

DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0089

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

К ВОПРОСУ ОБ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

© Автор(ы) 2021

SPIN: 4726-1838

AuthorID: 1105288

ORCID: 0000-0003-4057-4239

САДЫКОВА Люция Билусовна, старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Нижнекамский филиал (423570, Россия, Нижнекамск, проспект Шинников, 44 «б»), e-mail: sadykova@nzh.ieml.ru

SPIN: 4308-3635

AuthorID: 397709

ORCID: 0000-0002-2281-6196

НОСАНЕНКО Галина Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин

SPIN: 3836-0293

AuthorID: 790299

ORCID: 0000-0001-9533-0042

ГАВРИЛЮК Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

Аннотация. Цель: проанализировать теоретико-правовые аспекты зарождения и развития понятия «алиментные обязательства». Методы: в процессе исследования были применены общенаучные методы (системный, логический) и специальные юридические методы (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.). Логический метод позволил провести анализ признаков и свойств алиментных обязательств, применить метод правовой абстракции. С помощью специальных юридических методов были проанализированы причины появления алиментных обязательств; определены сильные и слабые стороны их законодательного регулирования. Результаты: анализ научной литературы показал, что основными признаками алиментарной правоспособности с конца XIX века в России стали ее абсолютный и неимущественный характер, непередаваемость и неотчуждаемость, некоторая оборотоспособность, исключение действия давности. Научная новизна: рассмотрен процесс становления института алиментирования; раскрыта его правовая природа и показана необходимость диагностики и правового учета исторических реалий, коренным образом влияющих на развитие данного института. Практическая значимость: показано, что институт алиментирования, является основным институтом семейного права, напрямую связанным с право-обеспечительными отношениями, зависит от политического устройства государства и его социально-экономического развития, в связи с чем, претерпевает постоянные изменения. Вывод: понятия «алименты» и «алиментные обязательства» сложились исторически. Сначала под алиментами понималось натуральное содержание кровных родственников, нуждающихся в помощи (опеке). Постепенно, переходя от натурального содержания к периодическим денежным выплатам, алименты стали приобретать характер обычных имущественных требований, имеющих некоторые особенности, отличающие их от других аналогичных требований, предметом которых являются периодические платежи.

Ключевые слова: протоалименты, алименты, натуральное содержание, предоставление пропитания, денежные выплаты, периодические платежи, родительская власть, внебрачные дети, незаконнорожденные, кровные родственники, нуждающиеся.

TO THE QUESTION OF ALIMEN TARY OBLIGATIONS: A RETROSPECTIVE LOOK

© The Author(s) 2021

SADYKOVA Luciya Bilusovna, Senior Lecturer of the Department of Civil and Business Law

Kazan Innovation University V.G. Timiryasova, Nizhnekamsk branch

(423570, Russia, Nizhnekamsk, Avenue Shinnik, 44 «b»), e-mail: sadykova@nzh.ieml.ru

NOSANENKO Galina Yuryevna, candidate of Political Sciences, associate Professor of Theory of state and law and public law disciplines

GAVRILYUK Ruslan Vladimirovich, candidate of law, associate Professor of the Department of Civil and business law

Abstract. The purpose is to analyse theoretical legislative notions of the origin and development of the term “alimony obligations”. Methods: in the process of the research were used general scientific methods (system approach and logical method) and special legal techniques (historically-legislative, comparative-legislative, formally-juridical etc.). Logical method allowed to conduct analysis of indicia and characteristics of alimony obligations and to use the method of legislative abstraction. By the aid of respective juridical methods, the reasons of the origin of alimony obligations were analysed and the strengths and weaknesses of their legislative control were defined. The results: the analysis of scientific literature gave evidence that the fundamental indicia of alimentary legal capability from the end of the XIX century had become its inconditionate and non-property character, untransferability and inalienability, passable circulability and the exclusion of the limitation period. Academic novelty: the process of the alimony institute’s establishment is considered; its juridical origin is found out and the necessity of the diagnostic of the juristical record of historical means that drastically influence on the development of such an institute is testified. Practical significance: it is testified that the alimony institute is the main institute of the law of domestic relations that directly correlates the relations of the law enforcement and depends on political structure of the state and its socio-economic development: all the factors cause permanent changes. Conclusion: the terms “alimony” and “alimony obligations” came into being historically. At the beginning “alimony” was defined as the genuine support of the natural relatives that stood in need of help (custody). Gradually, passing from the genuine support to the periodical allowance, alimony gains the characteristics of usual property relationships that possess some peculiarities that mark them from other analogous requirements that are defined with periodical allowance as the subject of research.

Keywords: protoalimony, genuine support, livelihood granting, money payments, parental authority, children of unwed parents, adulterates, natural relatives, fall shorts.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация современной российской семьи происходит в унисон с другими общественными изменениями: на фоне общего морального упадка последних десятилетий идет обесценивание брака, популяризация нетрадиционных отношений, снижение рождаемости, неисполнение алиментных обязательств, что отмечается различными исследователями рассматриваемой нами сферы общественных отношений [1, с. 142; 2, с. 373; 3, с. 51; 4, с. 175]. Все это не лучшим образом отражается на положении всех членов семьи. На этом фоне руководством страны реализуются положения принятой в 2014 г. Концепции, посвященной семейной сфере отношений [5], а также поставлена задача повышения эффективности института алиментирования.

Решение поставленных проблем, прежде всего, исполнения алиментных обязательств, предполагает не только применение принудительных мер, касающихся «исполнения исполнительных документов о взыскании алиментов и задолженности по алиментным платежам» [6, с. 29], отмечаемое правоведами, но и повышение, на наш взгляд, правовой культуры населения, о чем, собственно, пишут и иные исследователи [7, с. 86]. Сегодня это возможно сделать через сеть некоммерческих организаций [8], активно развивающихся в нашей стране и более широкого применения наработанных ими практик взаимодействия с властью [9]. Также представляет интерес опыт наших предков, которые, в отдельные исторические периоды, решали вопросы алиментирования без помощи государства, когда поддержка и содержание малолетних детей и немощных стариков входила в обязанности членов семьи, общины или рода. И только со временем эту функцию стало брать на себя государство.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Цель исследования заключается в осуществлении научного анализа теоретико-правовых аспектов исторического развития института алиментных обязательств в гражданско-правовой сфере, путем применения общенаучных и специальных юридических методов, позволивших провести анализ признаков и свойств алиментных выплат, применить метод правовой абстракции, а также систематизировать полученные результаты и определить причины появления рассматриваемого института алиментов, обозначить сильные и слабые стороны его законодательного регулирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исторически термин «алименты», произошедший от латинского слова «alere», был известен со времен Древней Греции и Рима и означал «питать, кормить», т.е. давать содержание в натуре [10]. В этом смысле трактуется он и в Дигестах Юстиниана [11, с. 23]. Причем задолго до этого, еще в период первобытного общества, людям уже были известны первые «протоалиментные» обязанности – предоставление пропитания. Это был период, когда еще не было ни индивидуальной собственности, ни индивидуальной ответственности [12, с. 25]. Все принадлежит роду. И забота о нуждающихся членах общины, об их пропитании, также ложилась на всех членов рода (семьи и двора – к которым со временем переходят обязанности рода). Даже когда родовый быт с его чисто патриархальными отношениями начинает ослабевать, солидарная ответственность членов общины не становится личной. При этом в силу естественного закона, обязанность по содержанию детей в первую очередь возлагалась на родителей и коррелировала праву родительской власти, прежде всего, власти отца семейства, на попечении которого находились все члены семьи. Понятие «содержание» формулировалось, прежде всего, как предоставление жилища, а позже – и сами средства жизни (в этом случае говорилось, что муж должен иметь о жене и детях попечение) [13, с. 113].

Суверенитет отца и мужа долгие годы доходил до права на жизнь и смерть, наказания и распоряжения свободой детей и жены. Например, Л.И. Петражицкому принадлежит следующее понимание семейных отношений: «Семья в то время напоминала маленькое государство со своим

главой и собственной публичной властью в лице мужа и отца» [14, с. 713]. Вопросы брака и семьи регулировались обычаями и традициями и, соответственно, оставались вне законодательной регламентации.

С принятием христианства взаимопомощь в семье и общине начинает восприниматься как деятельное проявление основного христианского принципа – любви. «Помните и милуйте странных, убогих, заключенных в темнице и к своим сиротам будьте милосердны» [15, с. 109], – так обращался к своей пастве один из первых русских проповедников Лука Жидята. Появляются каноны – первые правила, регулирующие взаимоотношения в семье. Как пишет в своей работе Н.Д. Петрова, к нравственным регуляторам семейных отношений добавились религиозные [16, с. 167]. В соответствии с ними, брак рассматривался как установленное Христом Богом таинство, нерасторжимый союз любви и дружества для взаимной помощи, для избежания греха и для рождения и воспитания детей [17], т.е. сама сущность брака подразумевала взаимопомощь супругов. За нарушение общепринятых семейных норм предполагалась ответственность перед богом. И в таком общем виде церковные каноны регулировали данную сферу отношений вплоть до XV века.

К XV веку, под влиянием изменившихся экономических отношений, натуральное содержание постепенно перестает быть единственным способом алиментирования, сохраняясь только в отношениях между близкими родственниками, связанными узами совместной жизни, во всех остальных случаях оно чередуется периодическими денежными выплатами [18]. На первый план выдвигается вопрос о предоставлении содержания не только законным, но и внебрачным детям. Если в первом случае, обособление алиментных обязательств не вызвало никаких разногласий, т.к. кровное родство предполагало содержание, наследование, опеку. То совершенно иначе обстояло дело с детьми, рожденными вне брака. Церковь объявляла всякую внебрачную связь грехом, а данный способ рождения ребенка она признавала преступным [19]. Такое дитя фактически имело только материнское родство и на него распространялись только ее право и влияние. Фамилию отца или матери этот ребенок взять был не вправе и, обычно, ему присуждалась фамилия на основе отчества [20]. Из числа детей, рожденных вне брака, алименты могли получать лишь те немногие, которые были признаны своими отцами. При этом ответственность отцов теоретически базировалась в этом случае на идее деликтной ответственности за преступное дарование жизни ребенку [21, с. 72]. Информация о количестве родившихся, умерших и сочетавшихся браком, в соответствии с Постановлениями Церковного собора 1666–1667 гг., записывалась в специальные метрические книги.

В XVIII в., в период правления Петра I происходит постепенный переход регулирования исследуемых семейных, в том числе, алиментных отношений, от церковных канонов к мирскому праву. Так, если обратиться к Морскому уставу, то в нем можно было обнаружить следующую норму: «Ежели холостой человек пребудет с девкою, и она от него родит, то оный для содержания матери и младенца по состоянию его плату иметь должен и, сверх того, тюрьмою и церковным покаянием иметь быть наказан. Разве что он потом на ней женится и возьмет ее за сущую жену, и в таком случае их не штрафовать» [22]. Аналогичные правила появились и в более поздних нормативно-правовых актах государства «... предусматривалось церковное покаяние и содержание матери и младенца, сообразно с состоянием своим» [23, с. 32].

Интересным было положение женщины, стремившейся решить вопрос об установлении отца ребенка, рожденного вне брака. В данном случае ей необходимо было заявить о состоянии мужчины в незаконных отношениях с нею, что подразумевало уголовное преследование такого субъекта, но, с другой стороны, могло обернуться для таковой заявительницы также негативно в случае установления в ее деянии оговора обвиняемого фигуранта [20]. Уголовное наказание при установлении в судебном процессе сожи-

тельства, запрещенного нормами права, могло быть назначено подсудимому вместе с определением ему алиментных выплат в пользу матери и ребенка. Причем нормы того времени предполагали правовую возможность назначения алиментных обязательств в гражданском процессе самостоятельно, уже после утверждения приговора суда по уголовному делу [20]. То есть, установление судом факта совершения мужчиной преступления, далее, по сути, автоматически предполагало законную возможность присуждения ему алиментных выплат в части возмещения названным деянием вреда и, соответственно, убытков [24, с. 48].

На заре XIX века активное общественное обсуждение проблем, связанных с рождением ребенка вне брака, определило необходимость совершенствования действующего в то время законодательства, результатом которого стало принятие в 1891 г. соответствующего нормативно-правового акта «Узаконение и усыновление детей», разрешившего усыновление отцом своих внебрачных детей, «не будучи женатым на их матери», но с согласия законной жены [25]. В дальнейшем, закон от 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» (далее Правила 1902 г.) упразднил сам термин «незаконнорожденный», заменив его термином «внебрачный» и закрепил правовые основания приобретения ребенком материнской фамилии, если та была не против дать ему ее, при согласии находившегося в живых отца [26, с. 217]. Хотя такого рода законодательные новеллы не вели к полноценному признанию положения ребенка, рожденного вне брака, остальным действующим правом и обществом в целом.

Если глубже проанализировать принятые Правила 1902 г., то в них прослеживается негативный характер по отношению к женщине и ребенку, так как согласно им для отца определялась возможность уплаты алиментов по его средствам и в зависимости от положения женщины в обществе [20]. Таким образом в подтексте закона прямо усматривается факт вменения матери обязанности по содержанию такого внебрачного ребенка. Причем отец с матерью по новым положениям принятого закона должны обеспечить внебрачного ребенка содержанием до некоей черты «когда он уже приготовлен к назначенной ему деятельности» [27], а не до совершеннолетнего возраста. Суть таковой деятельности законодательно не регламентировалась, возможный характер не определялся, что представляло родителям право при выборе ее направленности не учитывать свою родовитость и общественный статус. Такое положение дел давало родителям законное право «избавиться от содержания ребенка, отдавши его в услужение, приучив к самому неквалифицированному труду, т.е. самостоятельно «назначив» ему такого рода деятельность» [20].

ОБСУЖДЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что понятие «алименты» и «алиментные обязательства» сложилось исторически. Сначала под алиментами понималось натуральное содержание кровных родственников, нуждающихся в помощи (опеке). Постепенно, переходя от натурального содержания к периодическим денежным выплатам, алименты стали приобретать характер обычных имущественных требований, имеющих некоторые особенности, отличающие их от других аналогических требований, предметом которых являются периодические платежи. Особенности эти касались, прежде всего, цели алиментарных требований, сводящихся к предоставлению средств к существованию неимущего.

ВЫВОДЫ

С начала XVIII века семейное право выходит за пределы компетенции исключительно церкви и становится также предметом светского законодательства. Вводится уголовная ответственность за отказ содержать своих родителей.

К концу XIX века под алиментами понимали либо натуральное содержание, либо периодические денежные выплаты экономически беспомощным лицам со стороны лиц правообязанных к тому, как в силу родства и брака, так и

вследствие юридической сделки или правонарушения. Основными признаками алиментарной правоспособности стали ее абсолютный и неимущественный характер, непередаваемость и неотчуждаемость, некоторая оборотоспособность, исключение действия давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сагитова И.Ф., Третьякова Ю.С. Алиментные обязательства: от древности до наших дней // *Манускрипт*. 2017. № 12-4(86). С. 142-145.
2. Петрова Н.Д. История алиментных обязательств в советский период: сравнение с нормами современного законодательства // *Образование и право*. 2020. № 3. С. 370-375.
3. Тимофеева Т.Ф., Александрова Н.В. Алиментные обязательства: от древности до наших дней // *OECONOMIA ET IUS*. 2019. № 2. С. 46-52.
4. Пехова М.В. Понятие и признаки алиментов и алиментных обязательств // *Закон. Право. Государство*. 2020. № 3 (27). С. 175-181.
5. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 35. Ст. 4811.
6. Джумамазиева Г.С., Магомедкеримова А.А. История развития отечественного семейного законодательства в области алиментных отношений // *Молодой ученый*. 2020. С. 27-29.
7. Шубенко К.Б. Алименты как последствие расторжения брака // *Закон. Право. Государство*. 2018. № 3 (19). С. 85-88.
8. Захарова Е.Ю. Борьба с коррупцией: потенциал некоммерческих организаций (по материалам эмпирического исследования в г. Нижнекамске) // *Историческая и социальная-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 3-1. С. 111-116.
9. Носаненко Г.Ю. Модели взаимодействия третьего сектора и власти (по материалам эмпирического исследования) // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 259-262.
10. Гендлин В. «... об истории разводов и алиментов» / *Демоскоп Weekly*. 2014. № 623-624. 15-31 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0623/gazeta036.php> (дата обращения: 25.04.2021).
11. Краснов А.В. Проблемы теории государства и права. Учебник. Казань, 2013. 324 с.
12. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. Том II: Семейные права, наследство и опека / С.В. Пахман. – СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1879. 736 с.
13. Правовое регулирование семейных отношений: настоящее и будущее: Материалы межвузовской научно-практической студенческой конференции / Отв. ред. А.А. Елисеева. – М.: Международный юридический институт, 2016. 276 с.
14. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб, 1910. Т. 2. 756 с.
15. Вертеловский А. Очерк истории благотворительности в русской церкви // *Сфинкс* - СПб., 1994. № 1 С. 107-139.
16. Петрова Н.Д. История алиментных обязательств как фактор влияния на формирование правосознания личности и общества в контексте развития отрасли российского семейного права // *Образование и право*. 2020. № 3. С. 164-169.
17. Орлова Н.Х. Таинство брака: догматика и культурная традиция / Н.Х. Орлова // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2009. С. 91-108.
18. Бошко В. Алименты (историко-догматический очерк) // *Вестник Советской юстиции*. 1926. № 22(80). С. 874-878.
19. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. Том II. [Электронный ресурс]. URL: <https://a-k-e-l-a.livejournal.com> (дата обращения: 25.04.2021).
20. Вольфсон Ф.И. Семейное право [Текст] : Учеб. пособие для юрид. институтов / Проф. Ф.И. Вольфсон ; Всесоюз. ин-т юрид. наук. Москва : Юрид. изд-во, 1938. 148 с.
21. Свердлов Г.М. Алиментные права детей / Г.М. Свердлов // *Советское государство и право*. 1940. № 2. С. 72-87.
22. Устав Морской. [Электронный ресурс]. URL: <https://a-k-e-l-a.livejournal.com> (дата обращения: 25.04.2021).
23. Гасман А.Г. Внебрачные дети на западных окраинах и в Империи / А.Г. Гасман // *Петроград: Сенатская типография*, 1914. 199 с.
24. Туманова Л.А. Правовое регулирование положения внебрачных детей и установления отцовства // *Закон и право*. 2004. № 6. С. 48-51.
25. Научные труды. Российская академия юридических наук / Под ред. В.В. Гриб. – Выпуск 15. М.: ООО «Издательство «Юрист», 2015. 1320 с.
26. Куцеев С.Ю. «Амнистия» незаконнорожденности в Российской Империи (к вопросу о роли закона от 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей») / С.Ю. Куцеев // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 11. С. 216-220.
27. Тюрюмов И.М. Отд. III. О детях внебрачных / И.М. Тюрюмов. [Электронный ресурс]. URL: <http://corprf.ru/otd-iii-o-detyah-vnebrachnyih> (дата обращения: 25.04.2021).

Статья поступила в редакцию 26.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 340

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0090

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ЛОКАЛЬНО-ВЕДОМСТВЕННЫХ АКТАХ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 5228-3118

AuthorID: 1107635

ResearcherID:

ORCID: 0000-0001-6971-0017

ТЕМУРЗИЕВ Магомед Назирович, аспирант кафедры теории государства и права
Московский государственный юридический университет (МГЮА) имени О. Е. Кутафина
(123001, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9, e-mail: magomedtemurziev@mail.ru)

Аннотация. В статье разрабатываются теоретические основы противодействия коррупции в деятельности частных предприятий. Автором разрабатывается концепция юридического проектирования в целях её применения при совершенствовании системы средств противодействия коррупции, которая, в свою очередь, закрепляется в локально-ведомственных актах организаций. В исследовании применяется диалектический метод, позволяющий познать социально-правовое явление и проанализировать совокупность его объективных и субъективных факторов. Использование диалектического метода определяют использование в исследовании конкретных методов: сравнительно-правового, герменевтического, формально-юридического. Статья содержит авторский подход к взаимосвязи разных видов деловой коррупции и её причин, автором выявляются негативные последствия как для самой организации, так и для государства. Практическая значимость исследования выражается в разработке задач, которые требуется выполнить при проектировании эффективной антикоррупционной политики. Автором указывается на то, что внедрение антикоррупционных систем в организациях редко связано с твёрдыми этическими соображениями руководителей и собственников компании. Напротив, чаще всего причины носят утилитарно-прагматический характер. Привлечение к ответственности, в т.ч. в рамках экстратерриториального действия иностранного антикоррупционного законодательства, может повлечь за собой большие убытки и иметь значительные репутационные риски, не говоря о реальной возможности привлечения руководства к уголовной ответственности.

Ключевые слова: проектирование правовых средств, юридическое проектирование, коррупция, взяточничество, противодействие коррупции, антикоррупционные меры, комплаенс, антикоррупционный комплаенс, использование служебного (должностного) положения, коммерческий подкуп.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF DESIGNING LEGAL MEANS OF COMBATING CORRUPTION IN CORPORATE ACTS OF PRIVATE ENTERPRISES

© The Author(s) 2021

TEMURZIEV Magomed Nazirovich, post-graduate student of the Department of theory of state and law
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

(123001, Russian Federation, Moscow, ul. Sadovaya-kudrinskaya, d. 9, e-mail: magomedtemurziev@mail.ru)

Abstract. The article develops the theoretical foundations of combating corruption in the activities of private enterprises. The author develops the concept of legal design in order to apply it in improving the system of anti-corruption tools, which, in turn, is fixed in the local departmental acts of organizations. The study uses a dialectical method that allows us to understand the socio-legal phenomenon and analyze the totality of its objective and subjective factors. The use of the dialectical method determines the use of specific methods in the study: comparative-legal, hermeneutical, formal-legal. The article contains the author's approach to the relationship of different types of business corruption and its causes, the author identifies the negative consequences for both the organization and the state. The practical significance of the research is expressed in the development of tasks that need to be performed when designing an effective anti-corruption policy. The author points out that the introduction of anti-corruption systems in organizations is rarely associated with strong ethical considerations of the company's managers and owners. On the contrary, most often the reasons are utilitarian and pragmatic in nature. Bringing to justice, including within the framework of the extraterritorial action of foreign anti-corruption legislation, can entail large losses and have significant reputational risks, not to mention the real possibility of bringing the management to criminal responsibility.

Keywords: design of legal means, legal design, corruption, bribery, anti-corruption, anti-corruption measures, compliance, anti-corruption compliance, use of official position, commercial bribery.

ВВЕДЕНИЕ

Большинство исследователей темы противодействия коррупции направляли свои усилия на разработку методов и совершенствование борьбы с коррупцией среди государственных и муниципальных служащих (например, Газетов А. Н. [1], Севальнев В.В., Черепанова Е. В. [2], Кузнецов В. И. [3], Ломакина Л. А. [4], Паулов П.А. [5], Трунцевский Ю. В. [6]).

Однако, в коррупционных отношениях, где присутствует коммерческий интерес, кроме отдельных чиновников – коррупционеров, всегда есть вторая сторона – коммерческая организация, которая выступает в роли заказчика коррупционных действий. Кроме того, коррупция в частных организациях может существовать в форме коммерческого подкупа любого вида: от подкупа кадрового специалиста при приёме на работу до подкупа на тендерах. В этом случае сами сотрудники выступают в роли исполнителей коррупционной услуги для иных частных лиц.

Многогранность и сложность вопросов, возникающих при регулировании отношений по противодействию коррупции в частных организациях подтверждается исследованиями ряда авторов (например, Габов А. В., Молотников А.Е. [7], Иванов Э.А. [8], Абузярова Н. А. [9], Цирин А.М. [10]). Становится очевидным, что коррупция в частной и публичной сферах тесно связана и отказ от контроля частноправовой сферы делает неэффективной любую антикоррупционную политику государства. Соответственно, требуется продолжать исследование данной темы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью исследования является развитие концепции юридического проектирования для её применения в работе системы средств противодействия коррупции, которая, в свою очередь, должна отражаться в локально-ведомственных актах организаций.

Задачей работы является разработка теоретических основ проектирования правовых средств противо-

действия коррупции в локально-ведомственных актах частных предприятий. Данная задача включает в себя, во-первых, выявление проблем, возникающих при противодействии коррупции в частных организациях, во-вторых, исходя из выявленных проблем, выработку общетеоретических рекомендаций при проектировании и реализации антикоррупционной политики организации.

Для достижения названной цели и выполнения поставленных задач в ходе исследования использовался комплексный подход: были проанализированы и обобщены существующие правовые исследования других авторов, учитывались статистические материалы и обзоры, которые связаны с данной темой.

В исследовании применялся диалектического метод, позволяющий познать социально-правовое явление и проанализировать совокупность его объективных и субъективных факторов. Применение диалектического метода определило использование в исследовании конкретных методов: сравнительно-правового, герменевтического, формально-юридического.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как уже было сказано, коррупция в организациях имеет множество разновидностей и должна рассматриваться с разных сторон:

1) Деловая коррупция во взаимодействии с государством. Речь идёт, во-первых, о подкупе государственных и муниципальных служащих сотрудниками компании или аффилированными с ними лицами, во-вторых, об использовании должностного положения чиновником с целью «протекции» аффилированному с ним предприятию.

2) Деловая коррупция, направленная вовне – это совершённый менеджерами организации или аффилированными с ними лицами подкуп сотрудников другой компании. Чаще всего происходит со стороны продавца товара (услуги, работы, вещи) в отношении снабженцев, тендерных специалистов, кадровиков, а иногда и руководителей компаний. Однако, могут иметь место случаи недобросовестной конкуренции, когда с помощью подкупа достигаются корыстные цели в отношении конкурентов.

2) Деловая коррупция, направленная извне – любой подкуп сотрудника организации другой компанией или лицом. Как уже говорилось, возможен подкуп кадрового специалиста при приёме на работу, подкупа тендерного специалиста на торгах и прочее.

3) Внутренняя деловая коррупция - использование самими сотрудниками организации своего должностного положения в корыстных целях. В том числе, присвоение подотчетного сотруднику имущества (перепродажа горюче-смазочных материалов организации, необоснованное списание товарно-материальных ценностей и последующая их перепродажа), использование полномочий внутри организации для удовлетворения личных и семейных потребностей (получение путёвок за счёт организации, оплата образования своих детей и т.д.).

Причины

В целом, высокий риск нарушений обусловлен сложностью управления рабочими процессами. Однако, можно выделить несколько причин коррупции в организациях с учётом её разновидностей, обозначенных выше.

1. Слабое развитие структуры организации

Недостатки методов внутреннего управления делают организацию уязвимой для деловой коррупции, направленной извне, и для внутренней деловой коррупции. Иными словами, для случаев, когда сама организация напрямую страдает от коррупции, а не пытается использовать коррупционные практики для достижения корыстных интересов. Следует выделить следующие недостатки внутренней организации, способные повысить уровень коррупции:

1) Отсутствие подразделений или должности, отвечающих за финансовый и правовой аудит деятельности организации, исключает возможность выявления фактов

коррупции в организации.

2) Отсутствие бюджетирования коммерческих проектов позволяет существенно завышать затраты в ходе выполнения проекта.

3) Отсутствие разделения ответственности при принятии решений позволяет принимать решение единолично.

4) Отсутствие справедливого вознаграждения при существенном объеме ответственности и полномочий делает коррупцию в глазах сотрудника оправданной.

II. Терпимость руководства организации к коррупции

Лояльное отношение руководства к коррупции в организации всегда имеет место в тех случаях, когда коррупция направлена в отношении другой организации или связана с подкупом государственного служащего. Очевидно, что в таком случае в организации может существовать стройная антикоррупционная система, направленная на борьбу только с внутренней деловой коррупцией и деловой коррупцией, направленной извне. При этом своим собственным «грехам» руководство будет только потворствовать.

Последствия деловой коррупции

1. Финансовые потери организации, которые выражаются в превышение закупочной стоимости товаров, её несоответствии реальной рыночной цене. В некоторых случаях, организация вообще может «получить» несуществующий в реальности товар.

2. Финансовые потери организации из-за штрафных санкций государства.

3. Финансовые потери из-за недостаточно подготовленных кадров, попавших в организацию коррупционным путём.

4. Необоснованное завышение цен на товары (продавец закладывает коррупционный интерес в конечную цену товара), что приводит к завышению цены на всём рынке.

5. Большой объем коррупционных практик требует нигде не отмечаемых наличных денежных средств, получение которых приводит к уклонению от уплаты налогов.

Во избежание названных выше последствий, частные организации начали разрабатывать собственные внутренние системы противодействия коррупции, которые получили название антикоррупционными комплаенс-системами.

Комплаенс – это система, обеспечивающая подчинение работников внутренним и внешним требованиям. Такая система уменьшает вероятность нарушения закона, тем самым снижая издержки на защиту от уголовного преследования, оплату штрафов и репутационные риски. Наряду с антимонопольным, налоговым, банковским и экологическим также выделяют антикоррупционный комплаенс.

Антикоррупционный комплаенс – это система внутриведомственной или корпоративной политики, которая снижает вероятность совершения работниками коррупционных правонарушений. Такая политика направлена на оценку коррупционных рисков, а также создание локальных актов организации, которые содержат меры по профилактике антикоррупционных правонарушений и обеспечению неукоснительного привлечения к ответственности за совершенные правонарушения.

Цели антикоррупционного комплаенса

1. Защита организации от коррупционных посягательств со стороны отдельных коррумпированных чиновников и коррупционной инициативы со стороны собственных работников.

Первый случай – прямой ущерб организации при отсутствии гарантий, что подобное действие не будет иметь постоянный характер. Кроме того, есть высокая вероятность выявления коррупционных отношений правоохранительными органами, а также привлечение виновных лиц к ответственности, что повлечет за собой еще и репутационные риски.

Второй случай – высокий риск привлечения к ответственности при выявлении коррупционных отношений, что повлечёт за собой штрафы на организацию, а также репутационные риски.

2. Защита организации от финансовых потерь из-за внутренней коррупции.

Основной формой внутренней коррупции является коммерческий подкуп. Также возможно использование своего должностного положения для достижения личной выгоды.

Коррупция может наносить ущерб во многих сферах деятельности организации. Во-первых, на закупках, проведенных с коррупционной заинтересованностью, будет выбран контрагент с наименее выгодным предложением, если вообще имеющий возможность осуществить поставку необходимого товара. Во-вторых, нечестный прием на работу, продвижение по службе, премирование, получение иных льгот может повлечь за собой существенные потери из-за ошибок неквалифицированного специалиста, а также с большой вероятностью повлечёт уход более профессиональных работников, нежелающих мириться с несправедливостью. В-третьих, через коррумпированных менеджеров не исключена утечка важной корпоративной и финансовой информации.

Для реализации целей антикоррупционного комплаенса должны быть выполнены следующие задачи, которые являются направляющими при создании и утверждении антикоррупционной политики:

1. Определить высокую роль и неотступность руководства в противодействии коррупции. Личное и действительное участие первых лиц компании в контроле исполнения антикоррупционной политики должно носить обязательный характер, а не превращаться в формальность и декларирование успехов.

Во-первых, невозможны «дозволения» на совершение коррупционных действий в отношениях с государством. Даже если к ним склоняют отдельные продажные государственные и муниципальные чиновники и это единственный способ получения выгоды для организации. Позиция «один в поле – не воин, в коррумпированной системе нельзя остаться чистым, иначе потеряешь бизнес» чаще становится уделом слабых управленцев. Так, например, результаты любых государственных торгов с коррупционной составляющей могут быть оспорены в ФАС России, главное – подать убедительную жалобу. В другой ситуации, когда компании требуется дать взятку для того, чтобы избежать ответственности, руководство редко задумывается о недостатках в собственной работе – ему легче считать, что нарушения были бы «найжены» в любом случае.

Во-вторых, на любое нарушение антикоррупционных норм должно быть реагирование. Если в компании принято решение о том, что в ней не воруют, то оно относится ко всем без исключения работникам. Какой бы высокий и важный менеджер не был пойман на коррупции – ответственность должна быть неотвратима.

2. Установить границы ответственности работников, согласующих решения на предмет соответствия требованиям закона и внутренним локальным нормам.

При выполнении задачи происходит анализ деятельности организации и выявление сфер, которые наиболее уязвимы для коррупционных отношений.

При этом в области противодействия коррупции ответственность за согласование решения распределяется между уполномоченными на то работниками либо «внахлест», то есть с частичной проверкой решения одного лица другим, либо окончательная антикоррупционная проверка осуществляется специально созданной службой, отделом. В небольших организациях решения проверяются главным исполнительным органом, юридическим и финансовым отделом.

3. Создать механизмы мотивации сотрудников и контрагентов, которые работают с организацией, следовать антикоррупционной политике организации.

Требуется разработать алгоритмы поведения работников в случаях возникновения ситуации с коррупционной составляющей (попытка подкупа, вымогательство и т.д.). Далее необходимо проводить обучение сотрудников с целью закрепления в их сознании разработанных правил поведения.

Каждый работник компании должен ясно представлять свои действия, когда его пытаются вовлечь в коррупционную деятельность. По причине сложившегося негативного отношения к информированию о преступлениях, а также реальной опасности для заявителя, требуется обеспечить наличие средств анонимного информирования руководства и службы безопасности организации об имеющейся информации. При этом все конкретные меры противодействия коррупции, в т.ч. технического характера, должны обсуждаться с линейным персоналом организации на предмет пробелов, предложений для их улучшения.

Поддержка рядовых работников также выражается в контроле кадровой службы организации. Коррупция возможна во многих сферах деятельности организаций, в том числе при приеме на работу, продвижении по службе, премировании, получении иных льгот. Работники должны видеть, что в организации существуют прозрачные правила и только высоким профессиональным уровнем, честным трудом возможно получить желаемую должность и достойный заработок.

4. Организовать особый контроль проведения закупочных процедур, основанный на высоком уровне открытости.

Все закупки организации можно разделить на две группы: проводимые неконкурентными способами определения поставщиков (закупки у монополиста, мелкие и оперативные закупки) и проводимые конкурентными механизмами. Закупки из обеих групп должны содержаться в годовом плане закупок, позволяющему руководству сразу же оценить коррупциогенные статьи расходов.

К первой группе требуется пристальное внимание, периодическая точечная оценка цен и сверка объемов закупки с нормативами. Для снижения уровня коррупции во второй группе требуется обеспечить максимальное освещение проводимых торгов – большинство поставщиков должно иметь возможность узнать о торгах. При нормальной работе службы безопасности организации, когда все обращения и жалобы, в т.ч. анонимные, рассматриваются должным образом, это обеспечит защиту от коммерческого подкупа при выборе поставщика.

5. В ходе работы выявлять коррупционные действия со стороны сотрудников и контрагентов, реагируя на них соответствующим утвержденной антикоррупционной политике, независимо от особых условий (высокого статуса работника, ценности поставщика и т.д.);

6. Для противодействия коррупции во взаимоотношениях с государством, установить алгоритмы работы юридического подразделения, которое своевременно и юридически правильно организует взаимодействие с соответствующими государственными органами.

7. Проводить постоянный мониторинг эффективности установленных антикоррупционных мер.

Как уже было сказано выше, названные задачи должны стать направляющими при создании антикоррупционной политики. Последняя может либо быть принята в виде одноименного документа, либо стать частью кодекса деловой этики компании и системы отдельных внутренних актов и положений.

Источники мотивации к достижению названных целей и выполнению соответствующих задач различны. Иногда это твердые этические мотивы руководителей и собственников – противодействие коррупции для таких людей становится одним из главных приоритетов. Однако, чаще всего причины носят утилитарно-прагматический характер.

Привлечение к ответственности, в т.ч. в рамках экстра-территориального действия иностранного антикор-

рупционного законодательства, может повлечь за собой большие убытки и иметь значительные репутационные риски, не говоря о реальной возможности привлечения руководства к уголовной ответственности. Примером такой «мотивации» создания и реализации антикоррупционной политики являются досудебные выплаты ПАО «Вымпелком» (в России бренд – «Билайн») в пользу государственных органов США и Нидерландов общим размером около 795 млн. долларов.

Опираясь на анализ российского законодательства и международных стандартов, можно сделать вывод об установлении обязанности по организации системы антикоррупционного комплаенса для частных организаций. Данный вывод также подтверждается рядом научных публикаций [7] [11].

ОБСУЖДЕНИЕ

Как уже отмечалось ранее, правовая доктрина чаще всего говорит о коррупции как о явлении в публичной сфере, при этом борьба с данным социальным недугом сводится к уголовным и административным наказаниям – упор делается на то, что применение таковых будет выступать сдерживающим фактором для государственного и муниципального служащего. В лучшем случае говорится об антикоррупционном воспитании и пропаганде [12]. Соответственно, коррупционные практики в деятельности коммерческих организаций в большинстве исследований игнорируются. В некоторых исследованиях отрицается наличие коррупции в трудовых отношениях. Указывается, что коррупция присутствует только в государственном секторе [13].

Тем не менее, в научно-правовом сообществе постепенно меняется отношение к деловой коррупции. В ряде международных актов сейчас указывается на однородность коррупционных практик на публичном и частном уровнях [6]. Некоторыми авторами рассматриваются антикоррупционные запреты, ограничения и обязанности, установленные в отношении государственных корпораций (компаний). Признаётся, что на данный момент публично-правовые механизмы не позволяют установить эффективную защиту от коррупционных практик, и только у небольшого числа государственных компаний получается распространять свои антикоррупционные политики на подчиненные им организации [10]. Что касается коррупции при приёме на работу, хотя в России тема коррупции в разрезе трудовых отношений исследована слабо, уже сейчас имеются научные работы, раскрывающие данный вопрос [9].

Ряд авторы дают иную, чем в данном исследовании, классификацию коррупционных практик в бизнесе. В целом, отличие выражается в том, что подкуп чиновников не определяется как составляющая коррупции в бизнесе [7].

ВЫВОДЫ

Коррупция в организациях также многолика, как и в публичной сфере. Её разновидность зависит от причины возникновения. Это может быть воля или молчаливое дозволение руководства компании, и тогда коррупция будет направлена вовне – на контрагентов, на государственных чиновников. Также причиной может служить наличие просчётов в организации управления, и тогда коррупция будет внутренней, пассивной.

В любом случае, частные организации разрабатывают собственные внутренние системы противодействия коррупции, которые стремятся исключить участие сотрудников компании в коррупционных отношениях с государством, а также снизить вероятность их коммерческого подкупа. Опираясь на анализ других исследований, а также на собственный опыт, считаю необходимым в проектировании антикоррупционных средств организациям руководствоваться следующими принципами:

Заповедь №1: руководство должно быть непоколебимо в своём решении противодействовать коррупции.

Заповедь №2: сделать рядовых работников организациями главной опорой руководства в борьбе с коррупцией.

Заповедь № 3: для крупных организаций и групп компаний обязательен высокий уровень открытости их закупочных процедур.

С точки зрения государства, для повышения эффективности антикоррупционной политики нельзя упускать из-под контроля частноправовую сферу. Анализируя научную литературу, можно прийти к выводу о том, что последней в разрезе противодействия коррупции уделено недостаточно внимания. Необходима дальнейшая разработка направлений юридического проектирования, в т.ч. при создании антикоррупционных стандартов для частных предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Газетов А.Н. Вопросы экономического и правового анализа эффективности предотвращения коррупции в государственной контрактной системе // Журнал российского права. 2017. № 7.
2. Севальнев В. В., Черепанова Е. В. Конфликт интересов как правовой феномен в публичной сфере // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 143–151.
3. Кузнецов В.И., Трунцевский Ю.В., Ломакина Л.А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 159-169.
4. Ломакина Л. А. Некоторые проблемы правового регулирования ответственности государственных гражданских служащих за утрату доверия // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 168–173
5. Аракелян А. А., Паулов П. А. Противодействие коррупции в системе государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №12. С. 510-513. Режим доступа: <http://www.bulleten Nauki.com/12-06> (дата обращения 09.02.2021).
6. Трунцевский Ю. В. Дисциплинарная и судебная практика по делам об увольнении за коррупционное правонарушение в связи с утратой доверия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 155-173.
7. Габов А. В., Молотников А. Е. Бизнес и коррупция // Коррупция: природа, проявления, противодействие / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2012. С. 486
8. Eduard Ivanov, Overview of anti-corruption compliance standards and guidelines // International anti-corruption academy. Режим доступа: https://www.iaa.int/media/attachments/2020/01/09/overview_of_compliance_standards_and_guidelines.pdf (дата обращения 20.04.2021).
9. Абузярова Н. А. Противодействие коррупции в трудовых отношениях / Н. А. Абузярова // Журнал российского права. — 2018. — № 6. — С. 147–158.
10. Цирин А.М. Критерии распространения антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей, установленных в отношении государственных корпораций и компаний, на их дочерние организации // Журнал российского права. 2017. № 12.
11. Коновалова Е. М. Сравнительный анализ российского и международного нормативного регулирования системы антикоррупционного комплаенса [Электронный ресурс] / Е. М. Коновалова, Ж.А. Кеворкова // Молодой учёный. – 2017. – № 13. – С. 308–312. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/147/41232> (дата обращения: 11 февраля 2021 года).
12. Павлинов А.В. Антикоррупционное воспитание подрастающего поколения как основное средство профилактики коррупции // Журнал российского права. - №5. – 2018. – С.156-166.
13. Моцная О. В., Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Коррупция и трудовые отношения // Коррупция: природа, проявления, противодействие / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2012. С. 223–234.

Статья поступила в редакцию 04.06.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

УДК 342.7

DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0091

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

© Автор(ы) 2021

SPIN: 3851-6896

AuthorID: 473642

ResearcherID: A-2425-2018

ORCID: 0000-0002-6702-8468.

ЧЕСНОКОВА Юлия Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Юриспруденция»

Московский университет им. С.Ю.Витте, филиал в Пензе

(440011, Россия, Пенза, улица Вяземского, д.25 «Б», e-mail: info@penza.miemp.ru)

Аннотация. Право на жизнь традиционно признаётся естественным и неотъемлемым правом любого человека и гражданина. Оно является не только главной конституционной ценностью, таким правом, которое принадлежит каждому человеку с рождения, а также главным элементом конституционно-правового статуса личности. Цель настоящей статьи заключается в правовом анализе теоретических и практических вопросов реализации и защиты конституционного права на жизнь, а также определение его места в системе всех основных прав и свобод человека и гражданина. В статье сформулировано понятие и раскрыто содержание конституционного права на жизнь, выявлены гарантии реализации и проблемы защиты права на жизнь, а также проанализированы нормативные правовые акты в данной области. На основе полученных результатов сделан вывод о том, что право на жизнь является сложным и многоаспектным вопросом, в рамках которого необходимо решить еще множество проблем. На сегодняшний день в РФ право на жизнь регулируется недостаточно, но, тем не менее, создан необходимый механизм реализации полномочий государственных органов по охране основных прав и свобод личности. Действительно, право на жизнь является важнейшим правом, без обеспечения которого нет смысла говорить о соблюдении остальных прав. Автор также считает необходимым внести изменения в российское законодательство путем закрепления права на жизнь не с момента рождения, а с момента зачатия, что соответствовало бы международным нормам права.

Ключевые слова: права человека, конституционные права, право на жизнь, искусственное прерывание беременности, эвтаназия, смертная казнь.

ENSURING THE REALIZATION AND PROTECTION OF THE RIGHT TO LIFE

© The Author(s) 2021

CHESNOKOVA Yulia Vyacheslavovna, candidate of legal sciences, associate professor of the Department of

“Jurisprudence” of the S. Yu. Witte Moscow University, branch in Penza

S. Yu. Witte Moscow University, Penza branch

(440011, Russia, Penza, Vyazemsky Street, 25 “B”, e-mail: info@penza.miemp.ru)

Abstract. The right to life is traditionally recognized as a natural and inalienable right of any person and citizen. It is not only the main constitutional value, such a right that belongs to every person from birth, but also the main element of the constitutional and legal status of an individual. The purpose of this article is to provide a legal analysis of theoretical and practical issues of the implementation and protection of the constitutional right to life, as well as to determine its place in the system of all fundamental human and civil rights and freedoms. The article formulates the concept and reveals the content of the constitutional right to life, identifies guarantees for the implementation and problems of protecting the right to life, and analyzes regulatory legal acts in this area. Based on the results obtained, it is concluded that the right to life is a complex and multidimensional issue, within which many more problems need to be solved. To date, the right to life is not sufficiently regulated in the Russian Federation, but, nevertheless, the necessary mechanism has been created for the implementation of the powers of state bodies to protect the fundamental rights and freedoms of the individual. Indeed, the right to life is the most important right, without which it makes no sense to talk about the observance of other rights. The author also considers it necessary to amend the Russian legislation by consolidating the right to life not from the moment of birth, but from the moment of conception, which would comply with international legal norms.

Keywords: human rights, constitutional rights, the right to life, artificial termination of pregnancy, euthanasia, the death penalty.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Актуальность исследования заключается в том, что право на жизнь является не только главной конституционной ценностью, таким правом, которое принадлежит каждому человеку с рождения, а также главным элементом конституционно-правового статуса личности.

Главной задачей Российской Федерации в условиях глобализации признается обеспечение прав и свобод человека [1, с. 79]. В структуре статуса личности явный приоритет отнесен к правам и свободам [2, с. 8].

Основной закон нашей страны придает особую значимость праву на жизнь и признает его за каждым человеком. В связи с этим, государство вменяет обязанность не только гарантировать его неприкосновенность, но и в случае нарушения защищать и охранять от всяких посягательств.

Правовое регулирование права на жизнь является предметом регулирования не только национального права, но и международного права.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на ко-

торых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

В настоящее время проблемам реализации и защиты конституционного права на жизнь посвящены многочисленные научные исследования, в том числе О.И.Амельчакова [3], М.В. Баглая М.В. [3], С.А. Авакьяна [4], С.В. Гнатко [6], О.Э.Старовойтовой [7], В.А. Трифонова [8] и других [9-11].

Ряд ученых, анализируя содержание права на жизнь, рассматривают его как единое целое, включающее в себя право на неприкосновенность жизни и право на свободное распоряжение жизнью.

При анализе рассматриваемой нормы права на жизнь с точки зрения конституционного права нашей страны, отметим, что его следует относить к естественным правам. В связи с этим существует необходимость раскрыть общее понятие естественного права.

М.В. Баглай полагает, что: «Естественное право включает совокупность прав и свобод, исторически признанных человечеством как неотъемлемо присущие каждому человеку от рождения. Эти права и свободы не зависят от воли государства и не являются даром с его стороны. Напротив, государство связано этими первич-

ними нравственными и разумными императивами и обя-зано признавать, соблюдать и гарантировать их».

С.А. Авакьян отмечает, «сколько бы мы ни рассу-ждали о естественных и неотъемлемых основных правах и свободах, в каждой стране человек обладает таким их объемом, который закреплен правом. Таким образом, в условиях Российской Федерации рассматриваемый принцип означает принадлежность человеку от рожде-ния и неотчуждаемость таких основных прав и свобод, которые зафиксированы в Конституции РФ, в крайнем случае - в текущем законодательстве».

Несомненно, следует согласиться с данной позицией ученого. Однако, не стоит забывать о том, что все же рас-сматриваемое право очень часто нарушается.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Цель настоящей статьи заключается в правовом ана-лизе теоретических и практических вопросов реализа-ции и защиты конституционного права на жизнь.

Поставленная цель предопределила постановку сле-дующих задач: сформулировать понятие и раскрыть со-держание конституционного права на жизнь, исследо-вать гарантии реализации и проблемы защиты права на жизнь; проанализировать нормативные правовые акты в данной области.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных (анализ, синтез, диалек-тический), а также, частно-научных методов. В рамках исследования предполагается опираться, прежде всего, на диалектические принципы познания: всесторонно-сти, конкретности, полноты и объективности научного исследования, обеспечивающих возможность познания правового регулирования вопросов обеспечения реали-зации права на жизнь. Использование перечисленных методов позволит комплексно и детально раскрыть тему исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с пол-ным обоснованием полученных научных результатов.

Под правами человека необходимо понимать свой-ства личности. Они определены природой человека, ко-торые предполагают стойкие, неизменные черты и свой-ства присущи человеку.

Права человека нельзя передать любому другому субъекту, будь то это физическое или юридическое лицо, либо государство, поскольку они являются естествен-ными правами и их передача или утрата невозможна в обществе. Права у человека появляются с рождением и прекращают свое действие с его смертью. Среди всех прав человека право на жизнь является главенствующим.

Для успешной реализации выявленных проблем в рассматриваемой сфере, необходимо, прежде всего, вы-явить четкое определение самой категории «жизнь». В настоящее время существует множество определений у данного термина. Например, Л.О. Красавчикова считает, что «жизнь – это физиологическое существование чело-века или животного» [12, с. 14].

Конституция РФ закрепляет право на жизнь в значе-нии права на существование человека как биологическо-го существа. Заложенные в Конституции нормы позволя-ют применять их содержание к динамично меняющимся социально-правовым реалиям [13, с.16].

Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об осно-вах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [14] устанавливает, что каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. При сроке беременности до двенадцати недель ей предоставляется возможность прервать беременность. На этом сроке ребенок уже до-статочно хорошо развит: у него начинают регистриро-ваться единичные дыхательные движения, сформирова-ны туловище, глаза, ресницы, головной мозг, плод может сжимать и разжимать пальцы. Сердце начинает биться у

плода уже на 21 день беременности.

Аборт, в своем толковании понимают как прерывание беременности, однако, в своей сущности это прерывание жизни. Возникает вопрос, почему законодательством разрешено лишить маленького ни в чем не повинного человека жизни, а преступник освобожден от смертной казни?!

Конечно, справедливо мнение В.Н. Письменова [15, с. 53], который указывает на то, что право на жизнь подразумевает определенную политику государства, на-правленную на поддержание, сохранение, защиту мира и безопасности граждан. Добиться этого возможно путем эффективной борьбы с преступностью, развитием здра-воохранения, осуществлением контроля за безопасно-стью на производстве.

И это действительно так, ведь для реализации права на жизнь необходимо создание гарантийных условий, которые должны исходить от правового, демократиче-ского государства. Кроме того, важно реализовать закреп-ленные гарантии права на жизнь.

К числу проблемных аспектов реализации закре-пленного и гарантированного основным законом страны права на жизнь, следует также отнести: техногенные и природные катаклизмы, так как они в значительной мере ограничивают право на жизнь.

В современных условиях право человека на благо-приятную окружающую среду ограничивается недобро-совестным отношением к указанной проблеме со сто-роны субъектов, которые обязаны по мере возможности предотвращать такие неблагоприятные последствия, как загрязнение, подтопления, пожары.

Таким образом, проблема реализации основного пра-ва человека и гражданина является очевидной и не вы-зывает сомнения.

Законодательство РФ закрепило право на жизнь в Декларации прав и свобод человека и гражданина [16], также данное право в рассматриваемом аспекте регули-руется Гражданским Кодексом РФ [17], Федеральным законом РФ от 22.12.1992 г. № 4180-I «О транспланта-ции органов и (или) тканей человека» [18] и ряде других нормативных актов.

Важно дать определение жизни с правовых пози-ций. Для начала необходимо определить юридические границы жизни, то есть моменты, с которого она берет начало и когда прекращается. Определяя эти аспекты, следствием возникает и вопрос о том, каким образом за-щищается жизнь человека в современных условиях при высоком уровне развития науки и техники. Может ли человек пользоваться правом на жизнь неограниченно и свободно распоряжаться таким личным неимуществен-ным правом как жизнь.

Так, статья 150 ГК РФ относит право на жизнь к не-материальным благам, но при этом не дает ему никаких комментариев и характеристик, не регламентируя его содержание и правомочия. Такая ситуация присуща не только гражданскому законодательству, но и научной ли-тературе и судебной практике.

В Российской Федерации право на жизнь определя-ется с момента рождения человека, хотя в некоторых зарубежных странах оно имеет правовую защиту уже с момента зачатия и начала жизни эмбриона. Например, в ФРГ правовая защита не родившемуся ребенку гаранти-руется с момента зачатия.

В соответствии с законодательством нашей страны зачатый ребенок является возможным субъектом права, но правоспособность у него возникает с момента рож-дения. Таким образом, закон четко закрепил принцип, в соответствии с которым человеческий эмбрион не обла-дает правом на жизнь.

Полагаем, что такое отношение является не совсем справедливым. Исходя из данной нормы закона, не ро-дившиеся дети, не имеют право на жизнь, а значит, им не представляется защита со стороны государства. Получается, что право на жизнь некоторым образом

ограничено.

Считаем необходимым внести изменения в российское законодательство путем закрепления право на жизнь не с момента рождения, а с момента зачатия, что соответствовало бы международным нормам права.

Что касается прекращения жизни, то определение момента наступления смерти является сложным. Принято различать смерть клиническую и биологическую. Клиническая смерть в отличие от биологической смерти является обратимой.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

На сегодняшний день можно выделить ряд проблем, связанных с государственными гарантиями обеспечения права человека на жизнь. Остается не до конца решенным вопрос о применении смертной казни и о праве на свободное распоряжение своей жизнью.

Статья 20 Конституции РФ закрепляет: «Каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» [19].

Несмотря на ряд международных актов, отменяющих смертную казнь, отношение к ней неоднозначное. В связи с увеличением роста преступности многие страны продолжают применять данный вид наказания как высшую меру за содеянное преступление. Этот факт связан прежде всего с тем, что современное законодательство и действия правоохранительных органов не достигли еще того совершенства, когда с точностью определяется вина человека, поэтому нередко возникают судебные ошибки.

Статья 59 Уголовного кодекса РФ [20] относит смертную казнь к исключительной мере наказания, применимой за особо тяжкие преступления.

В соответствии с Указом Президента РФ от 16.05.1996 № 724 была дана установка к снижению числа назначаемых смертных казней.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П [21], поясняясь, что в соответствии со статьей 20 Конституции нашей страны смертная казнь не может назначаться, пока во всех субъектах Российской Федерации не будут созданы суды присяжных.

Однако, позже, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 № 1344-ОП [22], наложило запрет всем судебным органам использовать смертную казнь как один из самых суровых видов наказания. Тем самым поставило точку в том, что процесс применения смертной казни в нашей стране замедлился, в связи с этим сложился определенный режим, в рамках которого происходит процесс, направленный на полное исключение смертной казни. В настоящее время смертная казнь как мера наказания в России не применяется, однако, она не отменена полностью.

Право на жизнь как распоряжение собственной жизнью раскрывается с нескольких сторон, как право на смерть, изменение пола, применение процедуры эвтаназии и многое другое.

В настоящее время законодательство многих стран относят к преступлению убийство по просьбе потерпевшего. С научной точки зрения это является эвтаназией. Следует выделить две формы эвтаназии:

1. активная форма, предполагает наступление смерти умирающего пациента в тот момент, когда он сам этого пожелает при содействии лечащего врача;
2. пассивная форма, предполагает наступление смерти от естественного стечения обстоятельств с развитием болезни при ограничении или прекращении лечения.

В Российской Федерации эвтаназия запрещена статьей 45 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-

ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Пациент, находящийся на излечении в любой момент по своему желанию может также отказаться от лечения.

В связи с этим, считаем необходимо четко ограничивать эвтаназию от иных действий врача и пациента – отказ от лечения или же выбор иных способов лечения, облегчающих боль. Все эти действия не относятся эвтаназии, поскольку не несут в себе умышленного причинения смерти. Эти действия могут способствовать ухудшению состояния пациента, но не приведут к смерти.

Право на жизнь не является абсолютным. Ведь существуют обстоятельства, при которых лишение жизни считается правомерным, такие как смерть в ходе вооруженного конфликта или смерть, причиненная силами национальной безопасности. Лишение жизни со стороны государства всегда особо тщательно регулируется международными организациями [23].

В статье 2.2 Европейской конвенции о правах человека приведен список обстоятельств, когда гибель людей не считается нарушением права на жизнь. К ним относятся: подавление бунта или мятежа, защита любого лица от насилия, осуществление законного задержания, предотвращение побега лица, заключенного под стражу.

Что касается вооруженных конфликтов, то воюющие стороны должны разграничивать комбатантов и гражданские лица, только комбатанты могут подвергаться нападению. В международных вооруженных конфликтах существуют группы лиц, которые защищены от нападения и бесчеловечного обращения. Это касается раненых и больных, военнопленных, лиц, потерпевших кораблекрушение и гражданских лиц. В международных же вооруженных конфликтах подобного круга лиц нет. Но со всеми, кто не принимает участия в военных действиях, требуется обращаться гуманно, что уже в себе несет уважение и соблюдение их права на жизнь. Особенно остро стоит вопрос о соблюдении прав человека в борьбе с террористическими организациями, которые отрицают общечеловеческие нормы, и могут лишить человека жизни за малейший проступок [24].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Подводя итог настоящего исследования, следует отметить, что на сегодняшний день в РФ право на жизнь регулируется недостаточно, но, тем не менее, создан необходимый механизм реализации полномочий государственных органов по охране основных прав и свобод личности [25]. Действительно, право на жизнь является важнейшим правом, без обеспечения которого нет смысла говорить о соблюдении остальных прав.

Нарушение прав и свобод граждан возможны во всех сферах общественной жизни, где закон предусматривает возможность административного и судебного разрешения. В современном мире наше первоочередное право – право на жизнь все чаще подвергается испытаниям. Тому подтверждением выступает легализация абортов, а также увеличение числа террористических инцидентов по всему миру.

Международные стандарты поведения являются общепризнанными для многих государств, поэтому любой человек, чье право нарушено может рассчитывать на помощь со стороны международных организаций по восстановлению и защите нарушенных прав. Данный аспект также можно рассматривать как дополнительную гарантию личной безопасности каждого человека.

Все вышеизложенное продолжает свидетельствовать о том, что право на жизнь является сложным и многоаспектным вопросом, в рамках которого необходимо решить еще множество проблем.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

В данной статье, автором были рассмотрены лишь некоторые из особенностей защиты права на жизнь. Полагаем, что обозначенная в настоящей статье про-

блематика станет предметом дальнейших исследований. Современное законодательство стремится найти пути решения многих проблем в рассматриваемом вопросе и многое уже нашло отражения в законодательных актах различных стран, созданы международные организации для контроля за соблюдением прав и свобод граждан всех государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Козлов А.В., Досюкова Т.В. Актуальные проблемы квалификации преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье человека // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 3 (21). С. 78-82.
2. Дорохов Н.И. Основы конституционного строя Российской Федерации: теоретико-правовая модель, состояние и проблемы // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 2 (20). С. 7-16.
3. Амельчаков О.И. Право на жизнь в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. №1 (89). С. 37-41.
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. - М.: Норма, 2018. - 767 с.
5. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: в 2 томах. Том 1. - М.: Юрист, 2014. - 863 с.
6. Гнатко С.В. Правовые нормы, направленные на защиту права человека на жизнь // Крымский Академический вестник. 2020. №14. С. 62-69.
7. Старовойтова О.Э. Юридические гарантии обеспечения права человека на жизнь // Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы XII международной научно-практической конференции. Ответственный редактор И.С. Кокорин. - 2018. С. 25-34.
8. Трифонов В.А., Метальников В.С. Право на жизнь: понятие и основные проблемы реализации // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2021. № 1 (2). С. 70-79.
9. Головастикова А. Н. Философское содержание категории «жизнь» и ее реализация в праве // Государство и право. 2005. № 6. С. 30-39.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 349 с.
11. Антонова А.А. Понятие и содержание права на жизнь // Закон. Право. Государство. 2020. № 3(27). С. 115-124.
12. Красавчикова Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М.: Юрид. литер., 1983. 160 с.
13. Куксин И.Н. 25 лет Конституции РФ: социально-правовые реалии // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 1 (19). С. 15-22.
14. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // Российская газета от 23 ноября 2011 г. № 263.
15. Письменов В.Н. Право на жизнь или необъявленная «война всех против всех» в России // Права человека: история, теория и практика. Курск, 2010. С. 52-54.
16. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета от 10 декабря 1998.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. - 05.12.1994. - № 32. - Ст. 3301.
18. Федеральный закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета от 9 января 1993 г. № 4.
19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008, № 7-ФКЗ, от 05.02.2014, № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 16.03.2020. - № 11. - Ст. 1416.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
21. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16.07.1993 «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. - 08.02.1999. - № 6. - Ст. 868.
22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 06.07.1993 «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СПС Гарант.

– URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1693322/#1693322> (дата обращения: 24.07.2021).

23. Письменов В.Н. Право на жизнь или необъявленная «война всех против всех» в России // Права человека: история, теория и практика. Сборник международной научно-практической конференции. Москва: Русское слово, 2010. С. 52-54.

24. Письменов В.Н. Современное международное право и право на жизнь: о проблемах и перспективах в условиях борьбы с терроризмом // Права человека: история, теория, практика. Сборник научных статей пятой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Коровин. Курск: ЮЗГУ, 2015. С. 69-74.

25. Головин Е.А., Коровин В.В. Проблемы соблюдения прав человека (из опыта деятельности уполномоченного по правам человека в Курской области по итогам 2015 года) // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права. Сб. научных статей. Курск: ЮЗГУ, 2016. С. 31-35.

Статья поступила в редакцию 27.07.2021

Статья принята к публикации 27.11.2021

ТРЕБОВАНИЯ (краткие) К ПУБЛИКАЦИЯМ В ЖУРНАЛЕ:

Азимут научных исследований: педагогика и психология (№ 97 в Перечне ВАКа) – ИФ- 1,373Сайт: <https://anipp.ru/>

(научные специальности:

- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки),
- 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки),
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки)

Азимут научных исследований: экономика и управление (№ 98 в Перечне ВАКа) - ИФ- 0,959Сайт: <https://aniue.ru/>

(научные специальности:

- 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки),
- 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
- 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки),
- 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки),
- 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки),
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки),
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
- 23.00.03 – Политическая культура и идеологии (политические науки),
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки),
- 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки)

Балтийский гуманитарный журнал (№ 162 в Перечне ВАКа) – ИФ - 1,500Сайт: <https://bg-mag.ru/>

(научные специальности:

- 10.02.01 – Русский язык (филологические науки),
- 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
- 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки),
- 10.02.04 – Германские языки (филологические науки),
- 10.02.05 – Романские языки (филологические науки),
- 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология (филологические науки),
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки),
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки),
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки),
- 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
- 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),
- 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),
- 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки),
- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Карельский научный журнал (входит в РИНЦ) - ИФ - 1,440Сайт: <https://kn-mag.ru/>

(отрасли науки: педагогические науки; экономические науки; социологические науки)

СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ:*Статьи должны иметь элементы, отвечающие следующим параметрам:*

1. Метаданные статьи на русском и английском языках (научная специальность, УДК, DOI, название статьи, знак копирайта (авторского права), научные индикаторы автора, ФИО автора полностью, должность, организация, адрес организации, личная электронная почта, аннотация и ключевые слова) – не проверяются на антиплагиат.

2. Тело статьи:**ВВЕДЕНИЕ**

- Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами (кратко описывается проблема исследования и значение ее решения)
- Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. (указаны общие тенденции в том, что уже было опубликовано, указано на отдельную проблему или на перспективу развития по данной тематике)
- Обосновывается актуальность исследования. (подтверждена актуальность исследования, указано практическое значение статьи и ее вклад в науку)

МЕТОДОЛОГИЯ

- Формирование целей статьи. (указывается цель статьи)
- Используемые методы, методики и технологии. (а) описание методов, которые вы применяли конкретно для статьи, если теоретическая статья, то выбрать один метод и описать его методологию, теорию, историю, конкретно какие принципы этого метода применяли к данному исследованию, б) описание этапов эксперимента, в) описание участников эксперимента (возраст, пол, вузы и какие площадки были охвачены)

РЕЗУЛЬТАТЫ

- Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. (а) раскрыто новшество статьи, описаны авторские наблюдения и результаты, б) представленные результаты соответствуют заявленным целям и задачам статьи, в) описана идея, концепция, методика, которая нашла применение (конкретика), г) представлены результаты в виде таблиц и рисунков - названия таблиц и рисунков отвечают содержанию таблиц и рисунков)

ОБСУЖДЕНИЕ

- Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. (а) сравнили различные методы, сравнили результаты исследования с аналогичными в других статьях, б) написали о различиях или сходстве (или и о различиях, и о сходстве), в) сделали разбор и разъяснение результатов, г) сделали обобщение и оценку результатов, сделали оценку достоверности полученных результатов, д) определили место полученных в ходе исследования результатов в структуре известных знаний)

ВЫВОДЫ

- Выводы исследования. (подводится итог статьи, указываются результаты, к которым пришли в результате проведенного исследования)
- Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. (указываются направления, по которым необходимо провести дальнейшие исследования)

3. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (не проверяется на антиплагиат).

(в списке литературы 10 источников за последние 5 лет (в 2021 году - это статьи 2016-2020 годов) и в списке литературы 10 иностранных источников)

Технические параметры:

Названия файла:

Фамилия_направление_город (например: Иваненко_право_Киев, Романов_психология_Анадырь и т.д.)

Стандарты: шрифт Times New Roman, кегль – 10, междустрочечный интервал – 1, абзацный отступ – 0,5 см (это сделано для того, чтобы автор точно знал сколько страниц текста у него будут в журнале), все поля – 2 см, литература – В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ (желательно не менее 20 наименований), редактор Word, тип файла – документ Word 97-2003 (обязательно).

Ключевые слова (три строчки) и аннотация (не менее 150-200 слов) на русском и английском.

Неразрывные пробелы между цифрами, инициалами и фамилией.

Не путать тире (–) и дефис (-).

Формулы оформляются через редактор формул «MathType» или «Microsoft Equation», размер символов – 10 (обязательно), длина формул не должна превышать 80 мм (обязательно), латинские символы набираются курсивом, греческие – прямым шрифтом, КИРИЛЛИЦА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ).

Рисунки, выполненные векторной графикой, должны быть помещены одним объектом или сгруппированы.

Сканированные рисунки исполнять с раздельной возможностью не менее 300 dpi.

Справочная информация:

1. Для определения УДК можно использовать следующие ссылки:

А) <http://teacode.com/online/udc/>

Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. Для перевода на английский или другие языки можно использовать следующие ссылки:

А) <http://translate.yandex.ru/> (переводит отчества и ученые степени)

Б) <http://translate.google.com/>

Статью обязательно дать на вычитку соответствующим филологам

3. Для проверки статьи на антиплагиат (проверка обязательна) ссылка:

А) <http://www.antiplagiat.ru/index.aspx> (результаты хранятся у автора и высылаются по запросу редколлегии)

ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ: СМОТРИТЕ ОБРАЗЕЦ!

Материалы подаются в редакцию:

до 1 марта (мартовский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 июня (июньский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 сентября (сентябрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 декабря (декабрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

Статьи в обязательном порядке размещаются в системе РИНЦ - российского индекса научного цитирования (elibrary, ссылка: <http://elibrary.ru/titles.asp>) и на сайте журналов.

Размещение статей в журнале платное (за исключением аспирантов и докторантов очной формы):

А) для тех, кому нужен электронный макет журнала оплата составляет:

- АНИ: педагогика и психология - 5330 рублей за статью;

- АНИ: экономика и управление - 5333 рубля за статью;

- Балтийский гуманитарный журнал – 5335 рублей за статью;

- Карельский научный журнал - 2222 рубля за статью.

Б) для тех, кому нужен печатный вариант журнала: дополнительно 900 рублей за 1 экземпляр журнала (им также высылаются и электронный макет журнала).

Оплата производится после сообщения о приеме статьи к публикации, после чего автором высылаются скриншот или фото оплаты на адрес журнала:

Фамилия_оплата_город (например: Иваненко_оплата_Киев)

Статью высылать по адресу (обязательно указывайте научное направление):

ANI-ped-i-psych@ya.ru (АНИ: педагогика и психология)

ANI-ekonom-i-politika@ya.ru (АНИ: экономика и управление)

BalticGZ@yandex.ru (Балтийский гуманитарный журнал)

KarelianNZ@yandex.ru (Карельский научный журнал)

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ (для российских авторов)

Организация АССОЦИАЦИЯ «ПААС»

ИНН 6324101289

КПП 632001001

ОГРН/ОГРНИП 1196313040000

Расчётный счёт 40703.810.8.54400002573

БИК 043601607

Банк ПОВОЛЖСКИЙ БАНК ПАО СБЕРБАНК

Корр. счёт 30101.810.2.00000000607

ОКПО 00032537

ОКВЭД 58.14, 58.29, 63.11, 63.12, 94.12, 62.01, 72.20, 72.19

В назначении платежа обязательно указывайте: Публикация научной статьи (или оплата за обучение – если в банке в перечне нет такой строки)

Более полную информацию, а также образцы оформления статей можно получить на сайте журнала.